И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

И. С. ТУРГЕНЕВ
НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Л. Н. Назарова
1957 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

И. С. ТУРГЕНЕВ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

Москва — С.-Петербург
Альянс-Архео
2009

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. I / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина. — СПб.: Альянс-Архео, 2009. — 624 с.

ISBN 978-5-98874-036-0

В сборник включены исследования отечественных и зарубежных ученых, освещающие общую проблематику творчества И. С. Тургенева (поэтика усадебного быта и др.), его деятельность как критика и переводчика, его отношения с русскими и зарубежными литераторами — В. Белинским, Ап. Григорьевым, А. Фетом, К. Леонтьевым, А. Доде, В. Рольстоном, а также историю родовой библиотеки Тургеневых-Лутовиновых. Значительное место занимают публикации (воспоминания современников, письма к Тургеневу и другие материалы). В разделе «Из истории отечественного тургеневедения» публикуется глава из не вышедшей в свет книги И. М. Гревса и фрагменты дневника А. И. Батюто. Раздел «Материалы к Тургеневской энциклопедии» знакомит с результатами готовящегося издания, призванного объединить усилия литературоведов, историков, краеведов и музейных работников.

Редакционная коллегия:
Л. А. Балыкова, Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Ответственные редакторы:
Н. П. Генералова, В. А. Лукина

Научно-техническая подготовка тома
С. А. Ипатовой

Рецензенты:
Н. Ю. Грякалова, Т. М. Вахитова

Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 07-04-00231а

© Коллектив авторов, 2009
© Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 2009
© ООО «Альянс-Архео», 2009
© Российская национальная библиотека, 2009 (Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу)
© Архив РАН, 2009 (И. М. Гревс. Графиня Е. Е. Ламберт)

ISBN 978-5-98874-036-0

Светлой памяти
Людмилы Николаевны
НАЗАРОВОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник «И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы» продолжает традицию пятитомной серии «Тургеневских сборников» (1964—1969), сопутствовавших первому Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах, которое было подготовлено и выпущено в свет в 1960—1968 годах. Эта серия сборников, выходивших под руководством главного редактора первого академического издания Тургенева академика М. П. Алексеева, имела говорящий подзаголовок: «Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева». В предисловии к первому сборнику М. П. Алексеев наметил не только состав и направление сборников-спутников издания, но и вкратце обозначил основные направления тургеневедения на несколько десятилетий вперед. Следует признать, что далеко не все проблемы изучения биографии и творчества Тургенева, сформулированные Алексеевым, были решены за истекшие 50 с лишним лет, хотя основные задачи, поставленные ученым, следует признать выполненными. После пяти выпусков «Тургеневских сборников» вышли в свет сборники: «Тургенев и его современники» (Л., 1977), а также два сборника под заголовком «И. С. Тургенев: Вопросы биографии и творчества» (Л., 1982; Л., 1990). В предисловии к первому из них (он же оказался последним, который редактировал М. П. Алексеев) задачи новой серии Тургеневских сборников значительно расширялись за счет включения в них не только новых писем Тургенева, фрагментов его неопубликованных рукописей и других материалов, имеющих непосредственное отношение ко второму академическому изданию Полного собрания сочинений и писем Тургенева в 30 томах, но и за счет материалов собственно исследовательского характера, проясняющих «отдельные узловые и частные моменты писательской деятельности».

Что же изменилось с тех пор, как были сказаны эти слова? Очень многое. Прежде всего изменилась сама ситуация с выходом в свет второго академического издания Тургенева, значительно расширенного за счет включения в него новых рукописей и неизвестных ранее писем. В отличие от первого издания, выпущенного в рекордно короткие сроки, второе растянулось на десятилетия в связи с общим кризисом книгопечатания начала 1990-х годов, когда прежние устоявшиеся связи с издательством «Наука» были нарушены и академическая наука попала в зависимость от нередко случайных и не всегда ответственных решений. В то же время местные начинания, оказавшиеся в более благоприятной ситуации, получили возможность развернуть активную издательскую деятельность. Так, на базе Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева в Орле с 1991 года стали выходить периодические издания «Тургениана (Сборник статей и материалов)», а затем «Тургеневские ежегодники», напоминающие по структуре «Тургеневские сборники», издаваемые Пушкинским Домом. В Москве активно заработала (в том числе и в издательском плане) открывшаяся в 1998 году Библиотека-читальня имени И. С. Тургенева, с 2004 года выпускающая сборники статей «Тургеневские чтения» по материалам конференций, проводимых в Читальне. Наконец, с 1992 года в музее заповеднике Спасское-Лутовиново стал выходить «Спасский вестник». Все эти периодические издания объединяют в своих авторских коллективах как академических ученых, так и представителей университетской науки, и, что особенно ценно, местных краеведов, музейных и библиотечных работников.

Особое место в современном тургеневедении занимают выходящие с 1977 года ежегодные выпуски «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran», редактором которых является выдающийся французский славист А. Я. Звигильский. Эти сборники, помимо исследований ученых разных стран, содержат огромный фактический материал — от дарственных надписей до публикации ранее неизвестных писем и текстов Тургенева, хранящихся в частных и государственных зарубежных коллекциях. В силу того, что архив писателя оказался по большей части за границей, именно там постоянно обнаруживаются все новые и новые материалы, связанные с его многообразной литературной деятельностью. Во многом благодаря нашим зарубежным коллегам, в том числе и тем, которые принимают участие в представляемом сборнике, а именно проф. П. Уоддингтону (Новая Зеландия), автору капитальной монографии «Тургенев и Англия», а также многочисленных публикаций новых тургеневских текстов, проф. Н. Г. Жекулину (Университет Калгари, Канада), создателю наиболее полной тургеневской библиографии и публикатору вновь обнаруженных произведений и писем Тургенева, отечественная наука о Тургеневе смогла сохранить свой статус и международное значение. Если бы не их бескорыстная помощь, второе академическое издание Тургенева оказалось бы значительно обедненным.

Возвращаясь к представляемому ныне сборнику, следует также сказать, что со времени выхода в свет предшествующего — «И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества» (Л., 1990. Ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина) прошло едва ли не два десятилетия. Однако это не означает, что академическое тургеневедение прекратило свое существование. За последние годы Тургеневской группой было предпринято несколько проектов, в числе которых значатся подготовка к печати вновь обретенных рукописей писателя, создание Тургеневской энциклопедии, работа над которой ведется усилиями многих исследователей, публикация семейного архива И. С. Тургенева, в основном находящегося в отечественных хранилищах (это письма отца, матери, дяди и брата И. С. Тургенева). Среди материалов, пока не представленных в сборнике, есть и те, что были обещаны заинтересованному читателю еще в первом «Тургеневском сборнике» 1964 года: сохранившиеся черновые рукописи некоторых рассказов из «Записок охотника» и другие черновые автографы и наброски; переводы произведений русских писателей на французский язык, выполненные Тургеневым, конспекты прослушанных им лекций и мн. др. материалы. Как и в настоящем сборнике, в последующих предполагается продолжить публикацию писем к Тургеневу, неизданных и забытых воспоминаний о нем современников, материалов из истории отечественного тургеневедения.

Посвящая сборник памяти Людмилы Николаевны Назаровой, составители хотели напомнить о выдающейся роли ушедшего от нас в 2005 году ученого не только в разработке отдельных тем и проблем тургеневского творчества, но и о ее роли как организатора науки, возглавлявшего в 1960-е годы Группу по изданию Собрания сочинений и писем И. С. Тургенева вплоть до его окончания. Даже уйдя в 1973 году на заслуженный отдых, Людмила Николаевна до последнего дня принимала самое активное участие в научной жизни Пушкинского Дома. За последние 30 лет ею было написано больше работ, чем за время деятельности в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, в том числе и для тех проектов, о которых шла речь выше. Более 200 статей написала она для Тургеневской энциклопедии. Без ее советов, без материалов, предоставленных для публикации, без неоценимой моральной поддержки этот сборник, вероятно, не состоялся бы.

СТАТЬИ

Л. Н. Назарова

ОЧАГИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В ПАРИЖЕ[1]

Все, что связано с организацией и деятельностью очагов русской культуры в Париже, начиная с 1870-х годов и вплоть до настоящего времени, так или иначе восходит к И. С. Тургеневу. Это будет ясно видно из последующего изложения самых разнообразных свидетельств как современников писателя, так и ряда исследователей нашего времени, основанных на печатных и устных источниках, а также на переписке с нынешними представителями русской культуры, проживающими в Париже.

В 70-х годах XIX века в столице Франции существовала целая колония русских художников, с которыми постоянно общался Тургенев, в это время большей частью живший в Париже и лишь на летние месяцы приезжавший в Россию. Писатель интересовался творчеством земляков, радовался их успехам в художественных кругах Парижа, посещал выставки, откликался на них в печати и в многочисленных письмах. Иногда он даже способствовал получению заказов на их произведения.

Естественно, что когда возник вопрос об организации, призванной объединить русских художников в Париже, то одним из учредителей и наиболее деятельных членов «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников» оказался именно Тургенев. Вместе с ним у истоков Общества стояли А. П. Боголюбов, М. М. Антокольский, Н. Д. Дмитриев-Оренбургский, Г. О. Гинцбург (он явился основным вкладчиком и предоставил Обществу помещение для клуба и мастерской на Rue Tilsitt, 18). Тургенев же стал секретарем Общества и до конца жизни добросовестно выполнял свои обязанности (в частности, принимал большое участие в составлении Устава этой организации). В Общество входили художники А. А. Харламов, И. П. Похито-

[1] Статья была написана Людмилой Николаевной в конце 1990-х гг. для очередного выпуска «Тургеневского сборника», выход в свет которого задержался на длительное время. — *Ред.*

нов, В. В. Матэ, тесные связи поддерживали приезжавшие в Париж И. Е. Репин, В. Д. Поленов, И. Н. Крамской, В. М. Васнецов. Датой учреждения Общества считается 10 декабря 1877 года (по новому стилю), целью его, как следует из названия, было сплочение русских художников в Париже, поддержка тех из них, которые были лишены помощи Академии художеств. Важное место в работе Общества занимала также популяризация произведений русских художников во Франции.[2]

В. В. Матэ, мастер гравюры и офорта, бывал посетителем собраний Общества. Позже он вспоминал: «Много русских талантливых литераторов, музыкантов побывало здесь. Устраивались между собою выставки, давались концерты и вечера, на которых часто читал свои новые произведения Иван Сергеевич Тургенев...».[3]

Сохранилось «Приглашение на новогоднюю елку, устроенную Обществом 12 января 1883 года. Текст подписан председателем А. Боголюбовым и секретарем Иваном Тургеневым.[4]

О двух музыкально-литературных концертах в клубе Общества, состоявшихся ранее (13 января и 4 февраля н. ст. 1882 года) с участием П. Виардо, Н. Г. Рубинштейна и Тургенева,[5] а также об организации выставки произведений членов Общества, открывшейся вскоре в Салоне на Avenue de l'Opéra, сообщал И. Н. Крамскому А. П. Боголюбов 2 (14) февраля 1882 года.[6]

---

[2] См.: *Кузьмина Л. И.* Посол от русской интеллигенции (К организации «Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже») // *Т Сб.* Вып. 4. С. 276.

[3] Цит. по: *Кузьмина Л. И.* Тургенев и В. В. Матэ (1880—1883. По неопубликованным материалам) // *Т Сб.* Вып. 2. С. 320.

[4] Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев / Сост. И. Е. Грудинина, Л. М. Добровольский и др. Под ред. М. П. Алексеева. С. 229 (№ 894).

[5] На первом из этих концертов (программа которого, написанная рукой Тургенева, сохранилась и ныне находится в *РО ИРЛИ*. № 29363) Тургенев читал два стихотворения — «Пророк» Пушкина и «Пророк» Лермонтова, а также свой новый очерк «Отчаянный», об успехе которого писал 13 (25) февраля П. В. Анненкову: «...здешние „иллегальные" обиделись. Повторилась в малом виде история Базарова. Французским lettrés эта вещь понравилась: Тэн даже меня сконфузил своими комплиментами» (см.: *Zviguilsky A.* Taine et Tourguéniev // *Cahiers*. N 17—18 (1993—1994). P. 16—17). П. Виардо спела романс Р. Шумана «Ich grolle nicht...» («Я не сержусь...») и «Нет, только тот, кто знал...» П. И. Чайковского, кроме того, в концерте были задействованы ученицы П. Виардо — М. Л. Василенко и С. Е. Гуревич. По словам А. П. Боголюбова, «вечер удался вполне»: «Конечно, как mme Viardot, так и Ив<ан> Серг<еевич> вызывали долгий и восторженный взрыв рукоплесканий» (цит. по: *Летопись (1876—1883)*. С. 432).

[6] См.: Тургенев в последние годы жизни. Из воспоминаний и писем А. П. Боголюбова, 1873—1883 / Публ. Н. В. Огаревой // *ЛН*. Т. 76. С. 468. «Наша выставка открылась, — писал об этом 11 (23) февраля В. В. Матэ своей невесте И. Р. Мадинг. — Подробно вы прочтете в газете где-нибудь. Но выставка очень хорошая. Французы с большим удовольствием ходят ее смотреть и учиться. При открытии был Тургенев, великий князь (Константин Николаевич. — *Л. Н.*), Орлов и масса аристократии» (цит. по: *Кузьмина Л. И.* Тургенев и В. В. Матэ (1880—1883. По неопубликованным материалам). С. 320).

О деятельности Общества часто упоминается также в письмах М. М. Антокольского.[7]

Несколько раньше, в начале 1875 года, в Париже по инициативе Г. А. Лопатина и при деятельном участии Тургенева была устроена Читальня для русской колонии. Она обслуживала политических эмигрантов и учащуюся молодежь. Г. А. Лопатин вспоминал: «Помню, мы, русские, решили создать библиотеку в Париже, где бы мы могли собираться, читать. Попросили Тургенева устроить в пользу этой библиотеки утро».[8] Первое литературно-музыкальное утро, организованное Тургеневым в пользу библиотеки, состоялось 15 (27) февраля в доме П. Виардо. Кроме того, писатель подарил библиотеке много своих книг, а также содействовал получению книг от ряда писателей и литературных деятелей.[9]

После кончины Тургенева, с 1883 года, библиотека получила его имя и существовала до прихода в Париж оккупационных фашистских войск. Она постоянно пополнялась разного рода изданиями за счет пожертвований отдельных лиц, а также приобретений на деньги, полученные от устройства выставок и литературных вечеров.

В ознаменование 25-летия со дня смерти Л. Н. Толстого в 1935 году в Тургеневской библиотеке была устроена Толстовская выставка. На ней экспонировались скульптура и рисунки с натуры скульптора Н. Л. Аронсона, письма, фотографии, автографы и редкие издания сочинений Л. Н. Толстого из собрания французского переводчика и писателя И. Д. Гальперина-Каминского.[10]

На одном из вечеров, который состоялся 13 марта 1937 года, с чтением своих произведений выступали И. А. Бунин, Б. К. Зайцев, М. А. Осоргин, А. М. Ремизов.[11]

Устраивались также литературно-музыкальные вечера, елки для детей.

В числе самых активных членов правления довоенной Тургеневской библиотеки был М. А. Осоргин (1878—1942) — известный писатель и журналист.[12] Подтверждают это, в частности, многие его выступления в парижской русской прессе, связанные с делами и днями

---

[7] См.: Марк Матвеевич Антокольский, его жизнь, творения, письма и статьи / Под ред. В. В. Стасова. СПб., 1905.

[8] См.: Беседа с Г. А. Лопатиным // И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Сост. и коммент. М. К. Клемана. Ред. и введение Н. К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 130—131.

[9] *ПССиП(1). Письма.* Т. 11. С. 7—8, 20, 436, 445—446. См. также: La bibliothèque Russe Tourguénev // *Cahiers*. № 2 (1978). P. 8—14. Зд. опубликовано недатированное письмо Тургенева с просьбой прислать для Библиотеки несколько книг (P. 14).

[10] Последние новости. Париж, 1935. 30 ноября. № 5364.

[11] Там же. 1937. 11 марта. № 5830.

[12] В 1989 г. издательство «Книга» (Москва) издало его труд «Записки старого книгоеда»; в «Книжном обозрении» напечатан с предисловием О. Г. Ласунского этюд М. А. Осоргина «О библиомании» (1988. 13 мая. № 20. С. 14).

библиотеки, например, очерк «Детище Тургенева» (1935), статьи «Редкости Тургеневской Библиотеки» (1937), «Горе русских в Париже» (1940) и др. Все эти произведения Осоргина перепечатаны в сборнике,[13] который посвящен вопросу возникновения и истории деятельности Библиотеки имени И. С. Тургенева в Париже и состоит из очерков, статей и заметок многих авторов, написанных в разное время (от намерения дать историю Библиотеки в виде одного очерка правление отказалось для того, чтобы работа оказалась отраженной с разных точек зрения).

Сборник составляют следующие разделы: I. Основание Библиотеки и ее работа до юбилея 1925 года; II. Читатели. Книги; III. Подсобная деятельность Библиотеки; IV. Переезд в новое помещение; V. Гибель Библиотеки в 1940 году; VI. Восстановление Библиотеки в 1959 году.

В числе авторов сборника (кроме М. А. Осоргина) писатели: М. А. Алданов («Юбилей Тургеневской Библиотеки», 1925; «Вечер Тургеневской Библиотеки», 1937) и Б. К. Зайцев («Памяти Л. В. Шейнис», 1962); историки: С. Г. Сватиков («Русская общественная Библиотека И. С. Тургенева в Париже», 1926) и Н. Н. Кнорринг («Тургеневская Библиотека», 1930; «Книжные жалобы», 1934; «Что читают в эмиграции», 1933). Приняли участие в сборнике и французские ученые-слависты, известные своими исследованиями о русской литературе — проф. H. Granjard (А. Гранжар) и проф. P. Pascal (П. Паскаль). Редакторы сборника — Т. Л. Гладкова и Т. А. Осоргина.[14]

Если М. А. Осоргин был членом правления довоенной Тургеневской библиотеки, то его жена, Т. А. Осоргина (урожд. Бакунина), являлась одним из самых активных членов правления в послевоенный период, начиная с 1959 года и до самой своей кончины 1 июля 1995 года.[15] Она принимала участие в возрождении Тургеневской библиотеки. Будучи штатным сотрудником Парижской Национальной библиотеки в течение почти тридцати лет, как она сообщала мне 22 февраля 1989 года,[16] Татьяна Алексеевна в Тургеневской библиотеке работала на общественных началах.

Родилась она в семье врачей А. И. и Э. Н. Бакуниных в 1904 году. Училась в Московском университете, где главным своим учителем считала В. И. Пичету, известного специалиста по истории России периода

---

[13] Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева. Сотрудники. — Друзья. — Почитатели. Paris, 1987. 158 с. Сборник издан Институтом славяноведения в Париже в 1987 г. в серии «Bibliothèque russe de l'Institut d'études slaves» (Т. 78).

[14] См.: *Назарова Л. Н.* К истории Тургеневской библиотеки в Париже // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 221—228. О Тургеневской библиотеке см. также: *Кнорринг Н. Н.* Гибель Тургеневской библиотеки в Париже // Простор. Алма-Ата, 1961. № 8. С. 123—126; *Лопатинский И. А.* Прошлое и настоящее Тургеневской библиотеки в Париже // Русские новости. Париж, 1965. 8 окт. № 1060; *Понятовский А. И.* Судьба парижской библиотеки И. С. Тургенева // Подъем. Воронеж, 1981. № 8. С. 128—134; *Сашонко Вл.* Книги с улицы Валь-де-Грас // Нева. 1994. № 10. С. 301—305.

[15] Русская мысль. Париж, 1995. 6—12 июля. № 4085. С. 19.

[16] Письма Т. А. Бакуниной к Л. Н. Назаровой ныне хранятся в *РО ИРЛИ. — Ред.*

феодализма. По совету другого ученого А. А. Кизеветтера, после окончания университета Т. А. Бакунина взялась за разбор архива Куракиных в Историческом музее, чем заложила основу для будущей своей диссертации. В 1926 году семья Бакуниных вынуждена была выехать за границу. 20 декабря 1929 года Татьяна Алексеевна получила диплом доктора в Париже за работу «Саратовская вотчина князей Куракиных». Это серьезное исследование привело ее к изучению масонства в России. В 1934 и в 1935 годах в Париже вышли две ее небольшие работы: «Знаменитые русские масоны» и «Русские вольные каменщики». Они предшествовали появлению большого исторического труда Т. А. Бакуниной «Словарь русских масонов» (первое издание вышло в 1940 году, второе — в 1967).[17]

Помимо изучения истории русского масонства, Т. А. Осоргина много сил и времени потратила на редактирование большого библиографического труда, в котором принимала участие и как один из составителей. Привожу текст моей неопубликованной рецензии на это издание.

Институт славяноведения в Париже в конце 1988 года выпустил весьма ценный и полезный библиографический труд: Русская эмиграция. Журналы и сборники на русском языке 1920—1980. Сводный указатель статей. 663 с.

В предисловии сказано, что работа по составлению указателя продолжалась более десяти лет, причем две трети ее выполнено сотрудниками Русской общественной библиотеки имени И. С. Тургенева в Париже. Ими и другими составителями просмотрены были 1384 единицы периодических изданий и сборников, в результате чего выявлено 25 260 названий. Из них: 23 325 с подписями и 1935 анонимных публикаций, принадлежащих разным авторам (крупным и малоизвестным) трех поколений русской эмиграции. Материал в указателе расположен по алфавиту авторов, а внутри — по алфавиту статей. Рецензии напечатаны после перечня произведений каждого из авторов.

Следует отметить, что в указатель вошли не только статьи в собственном смысле этого слова, но и художественные произведения (проза и стихи), а также мемуары и письма. Так, например, читатель узнает, что «Жизнь Арсеньева» И. А. Бунина первоначально печаталась в ряде номеров «Отечественных записок» в 1928, 1929 и 1933 годах; «Древо жизни» Б. К. Зайцева — в «Новом журнале» в 1952 году (№ 28—30), «Золотой петух» А. И. Куприна — в сборнике «Грани» (1923. № 2) и т. д.

О масштабах указателя и значении его свидетельствуют по необходимости краткие сведения о публикациях ряда писателей. Например, у Г. Адамовича 124 публикации, в том числе его стихотворения, статьи, воспоминания и отзывы о книгах. Только одни эти страницы, посвященные Адамовичу, представляют исключительный интерес для всех изучающих проблемы русской культуры. Среди статей Адамовича имеются посвященные Пушкину, А. Ахматовой, О. Мандельштаму, Чехову, А. Н. Толстому, Бунину, Г. Иванову, И. Одоевцевой, Л. Леонову и др.

Страницы, где зарегистрированы произведения В. Ходасевича, насчитывают 80 номеров, М. Цветаевой — 130, Б. Зайцева — около 100, Вяч. Иванова — около 50, Г. Иванова — около 50, Н. Лосского — около 70, В. Шаламова — около 30, Л. Шестова — около 50, Н. Бердяева — свыше 150, Н. Берберовой — около 80,

---

[17] См.: Послесловие в кн.: *Бакунина Т. А.* Знаменитые русские масоны. Вольные каменщики. М., 1991. С. 123—124.

К. Бальмонта — около 50, Н. Тэффи — свыше 40, М. Цетлина — свыше 100 (в том числе статьи о Пушкине, Б. Зайцеве, Бальмонте, Чехове, Бунине, Г. Чулкове, М. Булгакове, Ю. Тынянове, Д. Мережковском), И. Шмелева — около 40, И. Елагина — свыше 100 публикаций (стихотворения), В. Набокова — 20 (воспоминания, стихотворения) и др.

В указатель также вошли произведения советских авторов, в разные годы печатавшихся в русских зарубежных изданиях.

Отобранные для указателя статьи и заметки напечатаны были с 1920 по 1980 год включительно в Париже, Берлине, Нью-Йорке, Праге, Тель-Авиве и Торонто (большая часть, естественно, в Париже).

Вся работа проведена на основе коллекции Русской общественной библиотеки им. И. С. Тургенева и Библиотеки современной международной документации в Париже.

После Предисловия и Введения приведен список использованных изданий (45 журналов, 16 сборников), а в конце — Указатель имен, упомянутых в названиях. В числе составителей и редакторов — Т. Л. Гладкова и Т. А. Осоргина (урожд. Бакунина) — историк и библиограф, под редакцией которой ранее уже был подготовлен и напечатан ряд библиографий, посвященных русским зарубежным писателям (в частности, Б. К. Зайцеву в 1982 году).

Библиографический указатель «Русская эмиграция» является солидным и серьезным трудом, современным и очень нужным справочником. Он необходим для работы литературоведам. Будем надеяться, что это издание приобретут хотя бы крупнейшие библиотеки страны.

Сама Т. А. Осоргина понимала значение труда, выполненного коллективом сотрудников Тургеневской библиотеки. Об этом она не раз писала мне из Парижа. Так, 30 сентября 1988 года она сообщала: «Каталог, над которым мы в библиотеке очень трудились, наконец, вышел и имеет большой успех <...>. Это сводный каталог всего содержания русских периодических публикаций за рубежом с 1920 по 1980 год. Вышло нечто очень основательное. Конечно, ошибки есть, но как обойтись без них?». Татьяну Алексеевну очень интересовали отзывы русских ученых. Она была рада, что я написала рецензию.

Т. А. Осоргина принимала участие и в составлении продолжения этого капитального труда. «В библиотеке мы постепенно готовим продолжение нашего указателя за 10 последних лет. Не знаю, смогу ли завершить эту работу или оставлю ее на попечение моих молодых сработниц», — писала она мне 21 октября 1989 года.

До последних месяцев своей жизни Татьяна Алексеевна Осоргина не переставала работать. Это была поистине великая труженица... Так, 8 января 1995 года она сообщала мне: «Только что подготовила новое издание библиографии Мих<аила> Андр<еевича>.[18] Когда выйдет, пошлю Вам, если Вам это может быть интересно. А другую работу только начала. Это письма Кропоткина к своей постоянной сотруднице и единомышленнице конца XIX и начала XX века...».

В заключение должна упомянуть о том, что Т. А. Осоргина как сотрудник Парижской национальной библиотеки в годы, когда выходило Полное собрание сочинений и писем И. С. Тургенева (первое издание,

[18] Осоргина. — *Л. Н.*

1960—1968 гг.), постоянно оказывала нам — сотрудникам Тургеневской группы Пушкинского Дома — существенную помощь при комментировании тех или иных произведений и писем.

Что же касается Русской общественной библиотеки имени И. С. Тургенева в Париже, то она, посещаемая, кроме русских читателей, и студентами-французами, действительно стала одним из главных центров всестороннего изучения русской культуры во Франции.

* * *

Выше уже упоминалось о Б. К. Зайцеве — члене правления послевоенной Тургеневской библиотеки, участнике вечеров, которые в ней устраивались, одном из авторов сборника «Русская общественная библиотека имени И. С. Тургенева» (Paris, 1987).

Следует сказать несколько слов и еще об одной стороне общественной деятельности Б. К. Зайцева. Он возглавлял в качестве бессменного председателя Союз русских журналистов и писателей в Париже. В 1960—начале 1970-х годов Союз этот периодически устраивал литературные вечера, посвященные как русским писателям прошлого (Пушкин, Тургенев, Бунин, Блок, Есенин, Л. Андреев), так и современникам (А. Ахматова, А. Солженицын и др.).[19]

Б. К. Зайцев обычно председательствовал на этих вечерах и произносил вступительное слово или делился своими воспоминаниями (о Бунине, Л. Андрееве). И это вполне естественно, так как он — автор художественных биографий Тургенева, Жуковского, Чехова, а также многих статей и воспоминаний о других русских писателях.

* * *

Особое место в культурной жизни Парижа, так или иначе связанной с Россией, занимают русские коллекционеры, создавшие на основе своих коллекций собственные музеи. Среди них почетное место принадлежит Александру Федоровичу Онегину (Отто) (1845—1925) — историку литературы, пушкинисту.[20] Он родился в России, окончил 3-ю Санкт-Петербургскую гимназию, учился в столичном университете. В 1860 году выехал за границу и поселился в Париже. Давая уроки и перебиваясь случайными заработками, А. Ф. Онегин, тем не менее, начал собирать библиотеку русских книг, главным образом, изданий сочинений Пушкина, а также статей и книг о нем. Познакомившись со многими русскими писателями, жившими за границей или приезжавшими туда, Онегин пополнил свое собрание не только книгами, но и ав-

---

[19] См.: Б. К. Зайцев. Письма к Л. Н. Назаровой (1961—1971) / Публ. Л. Н. Назаровой // *РЛ.* 1994. № 4. С. 157, 167; 1995. № 1. С. 231—232, 239, 240, 244, 247, 250.

[20] См.: Неизданный Пушкин. Собрание А. Ф. Онегина. 2-е изд. М.; Пг., 1923. 242 с.; Выставка собраний А. Ф. Онегина. Февр. 1930 г. Л., 1930. 8 с.

тографами. Близко познакомился он с И. С. Тургеневым, одно время был даже его личным секретарем.[21] Письма Тургенева к Онегину свидетельствуют об их дружеских отношениях. Большое значение для создания Пушкинского музея в Париже имели отношения Онегина с его однокашником по гимназии Павлом Васильевичем Жуковским, который передал ему пакет с рукописями Пушкина, принадлежавший его отцу, В. А. Жуковскому. Позднее сын поэта подарил Онегину и бумаги своего отца, которые имели отношение к дуэли и смерти Пушкина, к посмертному изданию его стихотворений и к делам опеки над детьми и имуществом. Эти бумаги явились основой будущего рукописного собрания Онегина, который стремился теперь приобретать не только памятники пушкинской эпохи, но и рукописи более раннего и позднего периодов. Таким образом, купленные у букинистов и на аукционах, а также полученные в качестве подарков, в собрании Онегина оказались письма и автографы И. С. Тургенева, А. К. Толстого, Я. П. Полонского, И. С. Аксакова, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, А. И. Герцена, Е. П. Ростопчиной и других писателей.

Кроме того, в Онегинское собрание вошли: гипсовая маска Пушкина (одна из 10 дошедших до нас), рисунки Ф. А. Бруни и В. А. Жуковского («Пушкин в гробу»), картина масляными красками, изображающая Пушкина в Бахчисарайском дворце, близ фонтана (картон с подписью бр. Чернецовых, 1837), и часть личной библиотеки В. А. Жуковского (400 томов), среди которых много изданий с дарственными надписями авторов.[22]

Весной 1911 года у А. Ф. Онегина побывал литературовед А. Б. Дерман. В своей статье, опубликованной через тридцать лет,[23] он сообщал, что квартира коллекционера состояла из трех небольших комнат и представляла собой собрание музейных предметов. Стены украшены были портретами писателей, артистов, композиторов. По словам Онегина, ему лично в этих трех комнатах принадлежала лишь одна железная кровать, на которой он спал. Все остальное — Пушкину (главным образом) и другим деятелям русской культуры. В Пушкинском музее Онегина, который посещался многими русскими, приезжавшими в Париж, существовала книга, в которой они оставляли свои автографы. Так, однажды с компанией молодых дам и девиц побывал в музее А. П. Чехов, оставивший в книге свой шутливый отзыв. В разные годы

---

[21] Об А. Ф. Онегине см.: *Иванова Л. Н.* Тургенев в переписке А. Ф. Онегина и П. В. Жуковского // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1982. С. 158—160; «Тень Пушкина меня усыновила...». Рукописи, книги, изобразительные материалы, памятные вещи из музея А. Ф. Онегина. Каталог выставки / Вступит. статьи Д. С. Лихачева, Т. И. Краснобородько, А. Б. Дермана. Отв. ред. С. М. Некрасов, С. А. Фомичев. СПб.—Болонья—Кембридж, 1997.

[22] *Модзалевский Б. Л.* Пушкинский Дом и Онегинское собрание // Огонек. 1928. № 16 (264). 15 апреля. С. [12—13].

[23] *Дерман А.* В гостях у А. Ф. Онегина // Огонек. 1941. № 14 (737). 15 мая. С. 14—15.

здесь можно было встретить Вяч. Иванова, М. Горького, М. Волошина, В. Фигнер, И. Бунина, А. Н. Толстого, Н. Рериха, М. Ковалевского, П. Виардо, А. Франса.[24]

Интересен рассказ А. Б. Дермана о том, как Онегин читал ему стихотворение Пушкина «Заклинание»: «...с огромным пафосом, раскачиваясь всем корпусом, не отрывая рук от лица, удивительно разнообразно модулируя своим сильным, хотя уже глуховатым голосом, придавая свой оттенок каждой строке, каждому слову». После чтения «из глаз его катились слезы».[25]

По свидетельству Б. Л. Модзалевского, в 1927 году произошло «оформление передачи в Пушкинский Дом парижского Пушкинского музея А. Ф. Онегина, перешедшего в собственность Академии наук по договорам 1909 и 1922 годов, вместе с имуществом, завещанным Академии наук А. Ф. Онегиным в 1920 году».[26]

* * *

Известный русский театральный деятель, организатор выступлений русских артистов за рубежом (так называемые «Русские сезоны за границей»), первых оперно-балетных выступлений (в 1909 году) и балетной труппы «Русский балет Дягилева» (в 1911 году) в Париже, Сергей Павлович Дягилев (1872—1929) был также коллекционером. Его друг и ученик С. М. Лифарь в своей книге о нем сообщает, что наряду с «балетным делом» в 1927—1929 годах Дягилева увлекла и другая идея: «создание громадного русского книгохранилища в Европе с рукописным отделением, которое отдаленно напоминало бы существующий в России Пушкинский Дом и в котором бы сосредоточивалась вся исследовательская работа за границей по изучению русской культуры. На собирание книг у Дягилева уходила масса времени и любовного труда».[27]

По свидетельству С. М. Лифаря, в собрании Дягилева находилось много редких изданий, уникумов, в том числе три книги первопечатника Ивана Федорова; полно были представлены издания Петровской и, в особенности, Екатерининской эпохи (он собрал два экземпляра сожженного при Екатерине I «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева). Были в собрании Дягилева и редчайшие издания XIX века. В рукописном отделении находились автографы Пушкина, Жуковского, Гоголя, Тургенева, Глинки, Вагнера.[28]

После кончины С. П. Дягилева его коллекцию унаследовал и значительно приумножил С. М. Лифарь. Многое из того, что содержало его собрание, было (при содействии И. С. Зильберштейна) в разное время

---

[24] *Степанов А. Н.* У книг своя судьба. Л., 1974. С. 94.
[25] *Дерман А.* В гостях у А. Ф. Онегина. С. 15.
[26] *Модзалевский Б. Л.* Пушкинский Дом и Онегинское собрание. С. [12].
[27] *Лифарь С.* Дягилев. СПб., 1993. С. 321.
[28] Там же. С. 322.

передано в архивы и музеи СССР. «Никто из русских парижан не дарил своей Родине так много реликвий отечественной культуры, как С. М. Лифарь», — утверждал И. С. Зильберштейн в статье «Культурные ценности возвращаются».[29] Так, до 1975 года Лифарь передал в Пушкинский Дом Академии наук СССР автограф предисловия к неосуществленному поэтом отдельному изданию «Путешествия в Арзрум», а также подорожную, которую Пушкин получил в 1820 году, отправляясь в южную ссылку (на ней подпись поэта). В пушкиниане С. М. Лифаря был также новый беловой автограф стихотворения Пушкина «К морю». Автор статьи о нем, Т. Г. Цявловская, указывает, что этот автограф принадлежал С. П. Дягилеву, а «после его смерти (в 1929 г.) — Сергею Лифарю».[30] Снимки с автографа присланы были в Академию наук из Парижа (очевидно, Лифарем). В Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М. И. Глинки поступил от С. М. Лифаря автограф письма П. И. Чайковского к В. Н. Тенишеву о балете «Щелкунчик». А в музей М. Ю. Лермонтова в Пятигорске он же передал картину работы поэта «Вид Крестовой горы». И. С. Зильберштейн перечисляет в своей статье и многие другие дары С. М. Лифаря (в том числе, например, музею Большого театра).

В заключение отметим, что С. М. Лифарь — издатель писем Пушкина к Н. Н. Гончаровой[31] и статьи «Герой „Евгения Онегина"».[32]

* * *

Тургеневский юбилей 1968 года (150-летие со дня рождения писателя) широко отмечался в СССР и стимулировал рост интереса к И. С. Тургеневу. За рубежом французские ученые А. Гранжар и А. Звигильский в 1972 году издали в Лозанне том писем Тургенева к П. Виардо и членам ее семьи,[33] а в 1971 году и 1972 году в Париже вышли еще два тома неопубликованных писем Тургенева, подготовленные А. Звигильским.[34]

Через пять лет, в 1977 году, по инициативе супругов А. Я. и Т. А. Звигильских, в Париже была основана Ассоциация друзей Ивана Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран. Эта общественная организация ежегодно выпускает научный журнал на французском языке: «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran», кото-

---

[29] Советская культура. 1980. 20 мая. № 41 (5361). С. 6 (первые две части статьи И. С. Зильберштейна см.: Советская культура. 1980. 13 мая. № 39 (5359). С. 6; 16 мая. № 40 (5360). С. 6).

[30] *Цявловская Т. Г.* Автограф стихотворения «К морю» // Пушкин. Исследования и материалы. М.; Л., 1956. Т. 1. С. 187.

[31] *Гофман М. Л., Лифарь С.* Письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой. Юбилейное издание. 1837—1937. Париж, 1936.

[32] В кн.: *Пушкин А. С.* Евгений Онегин. Юбилейное издание. Париж, 1937. С. 293—305.

[33] *Lettres inéd.*

[34] *Nouv. corr. inéd.*

рый содержит статьи о литературе и истории музыки XIX века. Значительное место занимают в нем русская литература и сравнительное литературоведение.

Здесь печатаются неизданные материалы об И. С. Тургеневе и его современниках, этюды о его жизни и творчестве. Часть выпусков посвящена хронике, в которой рассказывается о деятельности Ассоциации (конференции, конгрессы, поездки по тургеневским местам), напечатаны рецензии и библиографии.

В третьем номере за 1979 год, посвященном Ж. Санд, помещены этюды о ее связях с И. С. Тургеневым, Полиной и Луи Виардо, Марией Малибран. Выпуск 5 содержит доклады, прочитанные на международном конгрессе на тему «Тургенев и Франция», проходившем в Буживале 8 и 9 мая 1981 года.

Отдельным изданием вышел сборник материалов международного коллоквиума, который Ассоциация провела в Сорбонне (Париж) в октябре 1979 года на тему «Смертная казнь в литературной и философской мысли» (вокруг «Казни Тропмана» Тургенева). В этот сборник вошло 13 статей, среди них «Смертная казнь» у Достоевского, Л. Толстого, Тургенева, Солженицына, Спинозы, В. Гюго.[35]

Всего вышло 27 выпусков «Cahiers». В журнале «Русская литература» они не раз рецензировались.[36] Отметим лишь, что две конференции (в 1989 и в 1991 годах) частично посвящены были юбилейным датам русских писателей: 100-летию со дня смерти М. Е. Салтыкова-Щедрина и 150-летию со дня кончины М. Ю. Лермонтова. Итоги их см. в «Cahiers» N 13 и 15.

Ассоциация поставила своей целью открыть к 100-летию со дня смерти писателя мемориальный музей в его доме в Буживале, где Тургенев жил в последние годы и где он скончался. Одновременно намечалось организовать в вилле П. Виардо, расположенной близ шале Тургенева, международный центр по изучению культуры и литературы XIX века (что пока осуществить не удалось).

Но мемориальный музей И. С. Тургенева в Буживале был торжественно открыт 3 сентября 1983 года. В тот же день в мэрии Сент-Сен-Клу (соседний с Буживалем город), муниципалитет которого приобрел

---

[35] См.: *Zviguilsky A.* Les publications de l'Association française des Amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran // Записки русской академической группы в США. New York, 1983. T. 16: Tourgenev Commemorative Volume. 1818—1883. P. 337—341, резюме — p. 342.

[36] *Назарова Л. Н.* Новые материалы о И. С. Тургеневе во французском бюллетене // *РЛ.* 1978. № 3. С. 208—211; *Ее же.* Неизвестные автографы И. С. Тургенева // *РЛ.* 1979. № 4. С. 211—213; *Балыкова Л. А.* Новое во французском тургеневедении // *РЛ.* 1982. № 3. С. 215—220; *Генералова Н. П.* Обзор последних выпусков «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran»: 1986—1992 (№ 5—9) // *РЛ.* 1987. № 3. С. 228—237; *Ее же.* Обзор последних выпусков «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran»: 1986–1992 (№ 10—16) // *РЛ.* 1993. № 4. С. 200—218. См. также: *Долотова Л.* Новое о Тургеневе во французском бюллетене // Вопросы литературы. 1981. № 2. С. 305—311.

несколько лет тому назад тургеневские «Ясени» (Les Frênes), была открыта выставка «Тургенев и его время». Она состояла из 250 экспонатов: рукописей, гравюр, фотографий. Большинство из них поступило из России (Орел, Спасское-Лутовиново, Петербург). А. Звигильский рассказывал корреспонденту газеты «Известия» о том, с какими любовью и старанием велись реставрационные работы, в то время еще не завершенные. Навстречу Звигильским шли учебные заведения Парижа, частные лица, проживающие во Франции, узбекские мастера, соткавшие восточный ковер, идентичный тому, который украшал когда-то столовую в доме Тургенева в Буживале. Из России для ремонта усадьбы было доставлено 150 кубометров ценной древесины — сибирской лиственницы. Многое сделали для подготовки музея мэрии Буживаля и Сент-Сен-Клу, посольство СССР во Франции, а также служба охраны исторических памятников Иль-де-Франс (региональный директор по вопросам культуры этой области г-н Жан-Клод Мену).[37] На открытие музея приехало около 1000 человек.

Гостями Буживаля в эти сентябрьские дни 1983 года были ученые из 11 стран мира, музейные работники — все они приняли участие в конгрессе «Тургенев и Европа». Среди выступавших были Б. В. Богданов (в то время — директор музея-усадьбы И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове)[38] и писатели из Москвы.

В дальнейшем судьба мемориального музея И. С. Тургенева в Буживале складывалась по разным причинам драматично... Огромную роль в том, что музей существует до сих пор, сыграли, конечно, супруги Звигильские и их сын. Им пришлось преодолеть за все эти годы, последовавшие за открытием музея, массу препятствий, незаслуженных упреков и обид. Только благодаря их неиссякаемой энергии и энтузиазму[39] мемориальный музей И. С. Тургенева в Буживале — один из самых значительных очагов русской культуры (близ Парижа) — существует, его посещают ежегодно как французы, так и русские и зарубежные туристы. 3 января 1992 года А. Звигильский сообщил мне: «Наш музей стал настоящим литературным музеем, и мы стали на маршруте 10 домов знаменитых писателей (Гюго, Флобер, Корнель, Мишле, Дюма, Золя, Шатобриан и т. д.)».

* * *

В Париже существует, как мне сообщил Н. П. Пузин, старший научный сотрудник музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», Обще-

---

[37] *Кривопалов А.* Вторая молодость «Ясеней»: Музей Тургенева во Франции // Известия. 1983. 4 сентября. № 247. С. 3.

[38] *Чалмаев В.* «Тургеневские дни» в Буживале // Литературная Россия. 1983. 30 сентября. № 40 (1080). С. 22.

[39] Подробнее о создании и последующих «мытарствах» музея рассказано в письме Т. А. Звигильской к Борису Викторовичу Богданову. См.: *Звигильская Т. А.* Письмо из Буживаля в Спасское // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 99—103.

ство друзей Льва Толстого во Франции (с 1978 года, когда всемирно отмечалось 150-летие со дня рождения писателя). Президентом Общества являлся Сергей Михайлович Толстой (1911—1996), внук Л. Н. Толстого. Он постоянно бывал у нас в стране. Врач по специальности, С. М. Толстой — автор двух книг: «Толстой и Толстые. Очерки по истории рода» (М., 1990)[40] и «Дети Толстого».[41] Почетный президент Общества — Валери Жискар д'Эстен, бывший президент Франции. Большой почитатель творчества великого русского писателя, он побывал в Ясной Поляне «в поисках зеленой палочки», которая, как полагали в детстве Толстой и его братья, должна сделать всех людей счастливыми...

Деятельность Общества друзей Л. Н. Толстого во Франции заключается, главным образом, в проведении конференций, симпозиумов, коллоквиумов. Одна из таких конференций была посвящена теме «Лев Толстой и Тургенев» (председательствовали на ней С. М. Толстой и А. Звигильский). Усилиями Общества в Париже установлены две мемориальные доски на домах, в которых останавливался Л. Н. Толстой, когда приезжал в столицу Франции.

В 1994 году в Париже была создана международная Ассоциация друзей И. А. Бунина. Пока эта организация насчитывает около двадцати членов. Ассоциация возникла после того, как филолог Клер Ошар защитила диссертацию о прозе Бунина эмигрантского периода; возглавил Ассоциацию известный ученый-физик из города Бордо Гавриил Симонов.

Уже установлена усилиями Ассоциации мемориальная доска (текст на французском языке) на фасаде дома, в котором Бунин жил с 1920 по 1953 годы (rue J. Offenbach, N 1). Во Франции (в Париже и Грассе) прошли бунинские дни, посвященные 125-летию со дня рождения писателя. На международный коллоквиум, который организовала Ассоциация, приехали известные буниноведы из всех стран Европы, а также из Москвы, Воронежа, Ельца и других городов России. Ассоциация намерена заняться изданием неопубликованных произведений Бунина как в Париже, так и в России.[42]

Разумеется, деятельность друзей русской культуры в Париже не ограничивается теми именами и общественными организациями, о которых я успела рассказать, но важно знать, что многие и многие искренне преданные русской литературе люди создавали и создают неповторимую атмосферу Парижа как центра мировой культуры.

---

[40] См. об этом: *Пузин Н. П.* Дом-музей Л. Н. Толстого. Ясная Поляна. Тула, 1993. С. 55.

[41] *Толстой С. М.* Дети Толстого / Пер. с франц., примеч. и предисл. А. Н. Полосиной. Тула, 1994.

[42] См.: *Коваленко Ю.* Французские «друзья Бунина» подарят России его эротические рассказы // Известия. 1995. 27 сентября. № 182. С. 3.

Л. А. Балыкова

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ МЕМОРИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ И. С. ТУРГЕНЕВА (1754—1825)

В основу этой статьи положены материалы готовящейся к публикации второй книжки Каталога мемориальной библиотеки И. С. Тургенева,[1] которая хранится в Орловском государственном литературном музее И. С. Тургенева (*ОГЛМТ*). Вторая часть Каталога (далее: *Каталог*) представит читателю более полутысячи томов русской периодической печати: газеты, журналы, продолжающиеся издания, выходившие в России с середины XVIII столетия до семидесятых годов XIX века. Подготовленный к печати *Каталог* является результатом работы группы научных сотрудников музея Тургенева (Е. В. Проца, Л. А. Балыковой, С. Л. Жидковой, С. Д. Симеоновой, Г. Н. Павловой, Л. М. Александровой); они составили подробное библиографическое описание периодических изданий мемориальной библиотеки, снабдив его книговедческим и историко-литературным комментарием — последний имеет целью представить тему «Тургенев — читатель периодической печати».

В 2006—2007 годах Тургеневское общество в Орле посвятило ряд своих заседаний обзору периодики из мемориальной библиотеки Тургенева. В своих докладах мы расположили материал в хронологической последовательности; в настоящей статье мы постараемся следовать тому же принципу. Но прежде — несколько предварительных замечаний.

Начнем с того, что так же как и весь корпус книжного собрания Тургенева, отдел периодики многослоен. Он насчитывает более семидесяти наименований периодических изданий, некоторые из них составляют целую подборку: сотни и более томов за несколько десятилетий.

[1] Первая книжка Каталога вышла более десяти лет назад: Библиотека И. С. Тургенева. Каталог / Сост. и автор вступит. ст. Л. А. Балыкова. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на рус. языке. 208 с.

Немало раритетных изданий, выходивших не более года и весьма ограниченным тиражом. Иных было не достать уже в 1-ой половине XIX века. На книгах автографы, маргинальные записи, рисунки Тургенева и его братьев; большое количество изданий имеют тиснение и автографы В. Г. Белинского — как известно, библиотека критика была куплена Тургеневым после его смерти и в конце лета 1854 года ее доставили в Спасское. Целый ряд книжек отмечен автографами неустановленных лиц. Специалисты объясняют их наличие тем, что собиравший коллекцию журналов Белинский приобретал их у букинистов.[2] Уже первые исследователи книжного собрания — М. В. Португалов, А. М. Путинцев, затем Л. Р. Ланский столкнулись с трудностями установления первоначального владельца того или иного издания, что имеет особенное значение для характеристики масштаба библиотеки Тургенева и круга чтения писателя в разные периоды его жизни. Соглашаясь в основном с атрибуциями Л. Р. Ланского, выделившего книги Белинского, в том числе и периодику, из всего массива книжного собрания Тургенева, все же следует отметить, что в некоторых случаях им не было учтено наличие 2-х экземпляров одного и того же номера в таких изданиях, как «Вестник Европы», «Сын отечества», «Московский телеграф» и др. Наличие в некоторых из них маргиналий, сделанных рукой Тургенева, свидетельствует о том, что эти журналы приобретались в свое время как Белинским, так и Тургеневыми. Более подробное изучение владельческих автографов, маргинальных записей дает возможность скорректировать некоторые предложенные ранее атрибуции. Как бы то ни было, Тургенев, без сомнения, знал все периодические издания своей библиотеки, внимательно просматривал доставшиеся ему книги Белинского, хлопотал о доставлении ему Каталога библиотеки критика, особенно ожидал прибытия томов пушкинского «Современника» и «Отечественных записок».

Как известно, библиотека Тургенева весьма пострадала во время пожара 1839 года: главный господский дом в Спасском сгорел дотла, скорее всего тогда погибла большая часть книг, которыми пользовались хозяева. Надо думать, здесь были книжки, читанные будущим писателем в детские и отроческие годы, периодические издания в том числе. Уже в то время Тургенев придавал им большое значение. Так, первое дошедшее до нас его стихотворение — рифмованная загадка — посвящено периодической печати:

Я быстрой молнией лечу,
Пространства много пробегаю,
Однако ж всё бегу, бегу
И никогда мой бег не замедляю.

Газета, журнал.[3]

---

[2] См. описание книг В. Г. Белинского в составе библиотеки И. С. Тургенева: *Ланский Л.* Библиотека Белинского // *ЛН.* Т. 55. С. 431—572.

[3] *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 321.

Урон библиотеке нанесли и последующие события; особенно пострадала она после смерти писателя: «Охранная опись на книги не была составлена и до конца дела о вводе наследников в права наследства (в течение двух лет) библиотека оставалась без всякого присмотра <...>. С горечью пишут посетители Спасского в те годы о заброшенности Спасской усадьбы и расхищении обширной библиотеки», — констатирует Б. В. Богданов, предпринявший в 1950-е годы труд по описанию книжного собрания Тургенева.[4] Надо отдать должное наследникам писателя: в 1885 году был составлен рукописный Каталог библиотеки, часть книг была вывезена из Спасского в орловский дом Галаховых, унаследовавших имение Тургенева. Мало-помалу увозили во Мценск и в Клейменово (родовое имение Галаховых) остававшиеся в усадьбе тома. Разумеется, родственники писателя, приезжавшие в Спасское, брали себе что-нибудь «на память», среди прочего, и книги. С. Л. Лавров, гостивший в имении покойного писателя летом 1900 года и, по-видимому, обсуждавший с «кузинами» (т. е. с О. В. Галаховой и С. П. Лихнякович) возможность устройства музея Тургенева в его доме, описывал в своих письмах к дочери опустевший особняк, «лишившийся портретной галереи, *библиотеки*, хорошей мебели, гардин на окнах».[5] «Из всех разговоров его больше всего занимал разговор о книгах. Он беспокоился, как они разошлись и удастся ли их собрать, если придется восстанавливать Спасское», — вспоминала С. П. Лихнякович.[6] Семь лет спустя дочь С. Л. Лаврова С. С. Матвеева писала, в связи с сообщением о пожаре в имении Тургенева, о невозможности в обозримом будущем осуществить мечту покойного отца и воссоздать сгоревший дом. Среди «немногих мелочей», вывезенных ею из Спасского в Варшаву, она упоминает о книгах и даже называет две из них: «Explication de peinture, sculpture, architecture et 9 gravures des artistes vivants exposés au Musée Napoléon le 1er novembre 1812» (Paris, 1812) и «Le chevalier de la Maison Rouge» par Alexandre Dumas (Paris, 1852).

Очевидно, дольше всех в Спасском оставались именно периодические издания; иные дошли до нас в плохом состоянии: обложки помяты, листы выцвели, порчены жучком, имеют следы сырости, копоти, сильно загрязнены, отделены от блока книги. Рассказывали, что «пришлые люди» (вероятно те, что бежали из Москвы после событий 1905 года) останавливались в необитаемом доме писателя[7] и варварски обращались с остававшимися там книгами: листы шли на растопку пе-

---

[4] См. статью Б. В. Богданова «Родовая библиотека И. С. Тургенева» 1951 г. (Машинопись. *ОГЛМТ*. Инв. 24 нв. С. 3).

[5] *Молева Н. М.* (Лаврова). Лавровы Ливенские // Тургениана. Сб. ст. и материалов / Сост. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрюхина. Орел, 1999. Вып. 2—3. С. 158. Выделено мною. — *Л. Б.*

[6] Там же. С. 161.

[7] Некоторые сведения о «допожарном» Спасском содержатся в неопубликованных воспоминаниях С. А. Тенькова «Семья Галаховых» (конец 1920-х гг.?) (*ОГЛМТ*. Инв. 35179 оф.).

чей и раскуривание «цигарок». Так, тронуты огнем оказались некоторые страницы журнала «Время», который некогда Тургенев выписывал в Спасском. Остается гадать, были ли в доме какие-то книги в январе 1906 года, когда случившийся пожар уничтожил его совершенно. При сверке книг библиотеки с Каталогом 1885 года, осуществленной в 1919 году первым директором музея Тургенева М. В. Португаловым, обнаружилась недостача 800 томов. Правда, тогда же были выявлены издания, в Каталоге не числившиеся.

Говоря о количественном и качественном составе отдела периодики из тургеневского книжного собрания, следует подчеркнуть его богатство и разнообразие, что объясняется характером его собирателей. Интерес к злобе дня, к политическим новостям отличал уже первых владельцев библиотеки — Лутовиновых. Сохранились сведения о журнальных предпочтениях родителей писателя. Ранний интерес к чтению периодики проявляет он сам. Интерес этот, разрастаясь, со временем сделает его страстным и компетентным участником жизни отечественных и зарубежных периодических изданий. Живя дома и за рубежом, он прочитывал десятки изданий: у него были постоянные «спутники» в мире русских журналов, он спешил подписаться на новинки периодики, сколько-нибудь вызывавшие общественный интерес или издававшиеся собратьями по перу, просил друзей добыть необходимый ему номер, обращался непосредственно к редакторам с просьбой о высылке нужных изданий в Спасское или за границу. В какой-то мере здесь сказался обычай, заведенный в семье Тургеневых: брат писателя Николай Сергеевич сохранил до конца дней внимание к политическим новостям и событиям общественной жизни,[8] не раз ссылался в своих суждениях на информацию, полученную из прессы.

Что касается отдела периодики из книжного собрания В. Г. Белинского, то он характеризуется прежде всего тем, что владелец целенаправленно собирал его, желая со временем написать историю русской журналистики. Отсюда — стремление критика заполучить старые издания, журнальные редкости, приобрести недостающие номера. Эту системность и тщательность в подборе периодических изданий с благодарностью отметил П. В. Анненков, пользовавшийся книгами Белинского во время работы над биографией Пушкина: «Теперь я не могу оставить город, в котором все материалы у меня под рукой, начиная с Публичной библиотеки и до Вашей, да вашей, сохраняющейся у Языкова,[9] — писал он Тургеневу 17 (29) мая 1853 года из Петербурга. — Польза, которую Вы мне приносите ею, тогда только может быть оценена, когда узнаем, что русской библиотеки нет нигде, что Публичная не имеет не только собрания журналов и альманахов, но даже изданий 1825 и 30 годов <...>, что для незначительной справки о стихе надо

[8] Об этом свидетельствуют неопубликованные письма Н. С. Тургенева за 1872—1878 гг., хранящиеся в Фундаментальной библиотеке Академии наук Латвии (Рига).

[9] Т. е. библиотеки Белинского, купленной Тургеневым у вдовы критика.

объехать Лонгинова, Гаевского, Плетнева, Срезневского и проч. и проч. Таковы условия труда на Руси».[10]

В качестве небольшого отступления заметим, что и сегодня, несмотря на огромные возможности, предоставляемые средствами коммуникации, нужда в «Собрании журналов и альманахов» былых времен, в серьезном и полном библиографическом издании, посвященном русской периодике, и даже в основательной истории отечественной журналистки сохраняется. Каталог мемориальной библиотеки Тургенева в какой-то мере призван внести лепту в заполнение этой лакуны.

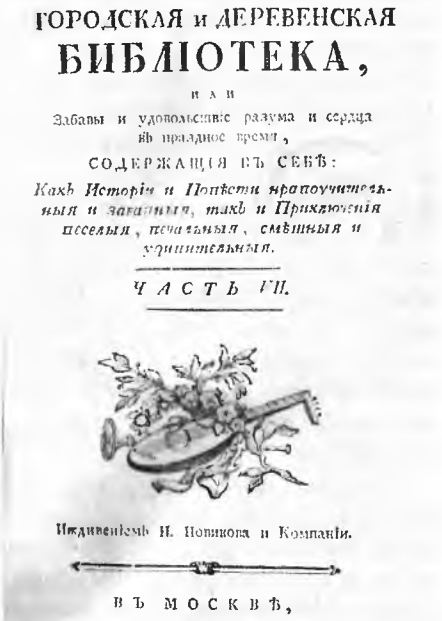
В книжном собрании Тургенева прежде всего обращают на себя внимание издания XVIII века — в переплетах и в обложках, снабженных номерами прежних каталогизаций, с многочисленными автографами прежних владельцев — семнадцать наименований, в которых заключены первые ростки русской журналистики. Самое раннее из них — газета «С.-Петербургские ведомости» за 1754 год и первый литературный журнал России «Собеседник любителей русского слова» (1783—1784), издававшийся Академией наук и ее президентом Е. Р. Дашковой под редакцией О. П. Козодавлева, но руководимый, по сути, самой императрицей Екатериной II. Издание открывается гравированным портретом царицы, изображенной в образе Минервы: в одной руке — щит и копье, в другой — весы, тут же — двуглавый орел, символ российской государственности. В журнале сосредоточились лучшие по тем временам литературные имена: И. Е. Богданович, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, В. В. Капнист, Я. Б. Княжнин, Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков и др. Около половины журнального текста занимали произведения самой государыни. Можно предположить, что журнал изначально находился среди книг братьев А. И. и И. И. Лутовиновых, служивших одно время в Пажеском корпусе и бывавших при дворе. Как видно, все, что имело отношение к той эпохе, представляло большой интерес для обитателей Спасского, которые стремились подражать обиходу «государынина двора», с благо-

УТРЕННІЙ
СВѢТЪ.
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИЗДАНІЕ.
ЧАСТЬ VIII.
Съ Генваря по Май Мѣсяцъ.
ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи
1780 года.

[10] *Анненков.* Письма. Кн. 1. С. 24.

говением относились ко всему, что напоминало о Екатерине II. Присутствие журнала в лутовиновской части коллекции как будто свидетельствует о литературных интересах основателей Спасского.

Прекрасно представлены в библиотеке новиковские издания, журналы масонского, просветительского направления: «Утренний свет», «Вечерняя заря», «Покоящийся трудолюбец». Здесь можно было познакомиться с сочинениями нравственно-морализующего содержания, вроде «Старания детей угождать своим родителям», с затейливыми историями, такими, как «Повесть о девице Буяне», с образчиками различных стихотворных жанров — балладами, притчами, эпиграммами, загадками. Собрание изданий масонского толка, думается, также не случайно оказалось в библиотеке Лутовиновых: один из руководителей московских мартинистов И. В. Лопухин был орловцем, в Орле действовала известная масонская ложа. Лутовиновы — богатые и влиятельные землевладельцы вряд ли прошли мимо этого увлечения орловской дворянской элиты. Очень скоро издательские начинания Новикова будут безжалостно раздавлены. Так, часть тиража «Вечерней зари» конфискуют в Московских лавках в 1787 году. «Утренний свет», издававшийся Н. И. Новиковым в 1777—1779 годах, стал первым русским журналом, который доставлялся в 58 городов России. В нем печатались наиболее талантливые представители русского масонства: М. Н. Муравьев, И. П. Тургенев, М. М. Херасков и др. Он сыграл важную роль в развитии отечественной литературы и вскоре стал популярен среди столичной знати и духовенства, в кругу провинциального дворянства. В числе пренумерантов, чьи имена опубликованы в журнале, обращает на себя внимание фамилия С. А. Неплюева, состоявшего в родстве с Лутовиновыми. Как полагает комментатор *Каталога*, книги могли попасть в родовую лутовиновскую часть библиотеки вместе с «неплюевским наследством».

ГОРОДСКАЯ и ДЕРЕВЕНСКАЯ
БИБЛІОТЕКА,
или
Забавы и удовольствіе разума и сердца
въ праздное время,
СОДЕРЖАЩІЯ ВЪ СЕБѢ:
Какъ Исторіи и Повѣсти нравоучительныя и забавныя, такъ и Приключенія пѣсенныя, печальныя, смѣшныя и увѣщательныя.
ЧАСТЬ VII.
Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.
ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи, у Н. Новикова,
1783 года.

Сохранилось в библиотеке и «Московское ежемесячное издание», продолжившее как религиозно-философское направление «Утреннего света», так и его филантропическую деятельность. Пришедший на смену ему журнал «Вечерняя за-

ря», в свою очередь, уступил место «Покоящемуся трудолюбцу». Последний представлен в нашем собрании лишь частью второй. В 1787 году этот журнал постигла та же участь, что и другие издания Новикова: в книжных лавках Москвы было изъято 314 экземпляров.[11] В библиотеке Тургенева были, по-видимому, и другие номера этого издания — писатель цитирует статьи из части 3-й журнала в 1870 году, в пору работы в Спасском над повестью «Степной король Лир».

Еще одно новиковское издание, сохранившееся в библиотеке, «Городская и деревенская библиотека» (1782—1783) имеет подзаголовок: «Забава, или удовольствие разума и сердца в праздное время, содержащая в себе: как истории и повести нравоучительныя, так и приключения веселыя, печальныя, смешныя и удивительныя». Журнал выходил в качестве Приложения к газете «Московские ведомости». В нашем случае 12-частное издание представлено лишь четырьмя частями (ч. IV—VII) и отмечено инициалами двоюродного деда Тургенева — И. И. Лутовинова. Журнал служил для забавы и «удовольствия разума» не одному поколению семьи писателя. На страницах тома четвертого обнаружен начертанный красным карандашом вензель «ПМК», скрывающий, как полагает комментатор *Каталога* С. Л. Жидкова, начальные буквы имени Петра Михайловича Каменского, которого Варвара Петровна Лутовинова рассматривала одно время в качестве возможного претендента на ее руку. Листы этого издания украшены портретами, рисованными карандашом и пером: дамы, одетой по моде 1810-х годов, мужчины в статском, с книгой в руках (дата под рисунком: «1822»), всадника на лугу с подписью: «1811 года 14 генваря». Не исключено, что перед нами портреты родителей писателя — Варвары Петровны и Сергея Николаевича в годы их молодости.

Автограф двоюродного деда писателя — А. И. Лутовинова находим в издании «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (1791), продолжившем «Покоящегося трудолюбца»» и печатавшем сочинения В. В. Капниста, А. Ф. Мерзлякова, Н. М. Муравьева, Ю. А. Нелединского-Мелецкого, а также переводы из произведений Бернардена да Сен-Пьера, Кампе, Макферсона, Мармонтеля, Мерсье, Флориана. К сожалению, из бывших когда-то в библиотеке одиннадцати книжек «Чтения» до нас дошли лишь три. Отметим здесь наличие еще одного новиковского издания — первого русского журнала для детей «Детское чтение для сердца и разума», которое представлено в переиздании (по-видимому, третьем) 1819 года.

Следует упомянуть в этом обзоре журнал «Приятное и полезное препровождение времени», выходивший в 1794—1798 годах вместо прекратившего свое существование «Чтения для вкуса, разума и чувствований». В нем печатались, помимо уже известных авторов, воспитанники Московского университета, в числе которых были В. А. Жу-

[11] Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725—1800): В 4 т. М., 1966. Т. 4. С. 162.

ковский, Александр и Андрей Тургеневы, В. И. Губарев — люди, близкие семье будущего писателя.

Не забудем также серию знаменитой «Древней российской вивлиофики», составленной Новиковым и содержащей множество сведений о предках Тургенева.

Надо отметить, что «Вивлиофика» сохранилась почти полностью, отсутствует лишь часть XV. По-видимому, издание не раз послужило Тургеневу, знатоку и любителю отечественной истории, к тому же проявлявшему постоянный интерес к жизни своих предков. Он мог гордиться ими: многие из них принимали участие в значительных событиях русской истории; в письмах и сочинениях он не раз обращался к отдельным ее эпизодам, особенно ценил двух своих предков — Петра Никитича Тургенева, обличившего Самозванца в Смутное время, царского шута Якова Тургенева, который в начале нового, XVIII столетия резал бороды боярам и тем самым «по-своему тоже служил делу просвещения».[12] Сознание исторической значимости стоявших за его спиной предков, безусловно, было присуще Тургеневу и так или иначе накладывало отпечаток на его поведение.

Первое в России издание, посвященное европейским событиям, «Политический журнал» (1790—1793) отмечено автографами братьев Лутовиновых. Первая книжка за 1790 год с автографом «A Jean de Loutovinoff» имеет номер «21» — перед нами одна из первых книг лутовиновской части библиотеки. Тома IV и VI надписаны Алексеем Ивановичем Лутовиновым. Кроме того, в томе IV обнаружен, по-видимому, более поздний автограф: «Сергей Петров». Подобные надписи, пометы, рисунки нередки в изданиях библиотеки. В этой связи примечательно наблюдение упомянутого выше С. Л. Лаврова, который говорил «о родственном обычае оставлять повсюду (в книгах. — *Л. Б.*) свои автографы».[13]

Январский номер «Политического журнала» за 1790 год открывается статьей «Историческое и политическое обозрение 1789 года», в которой события минувшего года в Европе именуются «началом новой эпохи человеческого рода». Статья начинает раздел библиотеки, посвященный событиям Великой французской революции, которые волновали несколько поколений владельцев Спасского-Лутовинова, чьи интересы не ограничивались событиями замкнутого провинциального мирка.

Обзор периодических изданий XVIII века из мемориальной библиотеки Тургенева будет неполным без упоминания нескольких журналов, связанных с отдельными именами литераторов-издателей. В 1786 году И. И. Мартынов предпринимает издание литературного журнала «Му-

---

[12] *ПССиП (2). Письма.* Т. 12. С. 231. Материалы о представителях рода Тургенева, помещенные в «Древней российской вивлиофике», подробно анализирует С. Л. Жидкова в статье: «„Древняя Российская вивлиофика" в мемориальной библиотеке И. С. Тургенева» (Тургеневский ежегодник 2000 года. Орел, 2002. С. 72—75).

[13] *Молева Н. М.* Указ. соч. С. 161.

за», в котором печатались, помимо самого издателя, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, Д. И. Хвостов, А. А. Шаховской, публиковались переводы зарубежных авторов древности и нового времени.

Тургеневу были хорошо известны многие писатели, печатавшиеся в журнале. В 1856 году он с интересом прочел биографию его издателя И. И. Мартынова, подготовленную Е. Я. Колбасиным, — «Ив. Ив. Мартынов, переводчик „Греческих классиков"».[14] Серия из 26 томов «Греческие классики в переводе Ивана Мартынова» сохранилась в книжном собрании Тургенева.

Дошли до нас издание П. Богдановича «Курьер из ада с письмами» (сочинение Ф. Эмина), датированное 1788 годом, но вышедшее не позднее 1791 года, и сатирический журнал «Почта духов» И. А. Крылова (1789) в переиздании Ф. Л. Свешникова (1802), претерпевшем некоторые изменения по сравнению с первым выпуском.

Наконец, на книжной полке тургеневской библиотеки внимание привлекает изящно переплетенный томик первого в России литературного альманаха «Аглая», изданного под редакцией Н. М. Карамзина и составленного преимущественно из его произведений. Книга представляет собой конволют из двух книжек (с датами «1794» и «1796»). Тиснение на корешке «А. Р.», возможно, зашифровывает имя прежнего владельца — С. Е. Раича,[15] воспитателя Ф. И. Тютчева. Альманах мог попасть к Тургеневу из библиотеки поэта; впрочем, Л. Р. Ланский настаивает на том, что книга появилась в Спасском с библиотекой Белинского.

Как видим, периодические издания лутовиновской части книжного собрания Тургенева, объединившись с журнальной коллекцией, собранной Белинским, довольно полно представляют картину журнального дела в России на первоначальном этапе его развития.

Белинский, посвятивший немало страниц отечественной периодике XVIII века, в статье «Русская литературная старина» назвал старые журналы «живыми летописями прошедшего, говорящею могилою умерших надежд, интересов, задушевных мнений, мыслей». Вот причина, по которой он, «увидевши где-нибудь разрозненные номера „Покощегося трудолюбца", „Аглаи", „Лицея", „Северного вестника", „Духа журналов", „Благонамеренного" и многих других почивших журналов», читает их «с какою-то жадностию и даже упоением. Не худо иногда напоминать старину в пользу и поучение настоящего времени; не худо, к слову и кстати, воскрешать черты прошедшего, иногда для смеха, а иногда и для дела», — заключает Белинский свои размышления.[16]

---

[14] *Совр.* 1856. № 3—4. Статья дала повод Тургеневу хлопотать перед М. А. Корфом о месте для автора при Императорской публичной библиотеке (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 359).

[15] См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов: В 3 т. Т. 1. М., 1941. Т. 1. С. 33.

[16] *Белинский.* Т. 2. С. 200.

Это мнение вполне разделял Тургенев. В письме к П. В. Анненкову от 25, 27, 28 ноября (7, 9, 10 декабря) 1853 года из Спасского он сообщает: «Я в последнее время много занимался перечитыванием старых русских журналов. Оказалось, что все можно читать и во многом можно еще принимать интерес <...>».[17]

Чем же привлекали писателя старые периодические издания? Что заставляло брать их в руки вновь? Причины разнообразны. Порою они воскрешали в его памяти яркие исторические события: это были документальные свидетельства, позволявшие почувствовать «пульс и давление времени». Так, в письме к П. Виардо от 17 (29) июня 1874 года Тургенев упоминает о впечатлениях Карамзина, попавшего в 1789 году в Париж.[18] Эпизод приведен во второй главе «Писем русского путешественника» и напечатан впервые в упомянутом выше альманахе «Аглая». Возможно, Тургенев перечитывал издание в пору подготовительной работы над очерками «Наши послали!» и «Человек в серых очках», в которых он добивался строгой объективности.

Строка из той же книжки альманаха, из полузабытой «Богатырской сказки» Карамзина «Илья Муромец» вдохновляет писателя на пародию — он шутливо перефразирует в послании к А. В. Дружинину и Д. В. Григоровичу карамзинскую сентенцию о русских людях («Мы не греки и не римляне») в ответ на предложение описать свои летние приключения наподобие В. Ирвинга: «...не примет ли публика все эти разоблачения несколько странно и криво? Пример Ваш не совсем верен — мы не Скотты и не Ирвинги <...>».[19]

Новиковские издания не раз служат Тургеневу справочниками в его работе над статьями. Он обращается к «Древней российской вивлиофике», составляя записку «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» (1842). Он любовно украшает свою рецензию на «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» С. Т. Аксакова (1853) цитатами из третьего тома «Вивлиофики», а именно из знаменитого «Урядника», т. е. «Нового уложения и устроения чина сокольничия пути» царя Алексея Михайловича. Писатель закончил свою статью обращением к охотникам — извлечением из «Урядника»: «„Паче же почитайте сию книгу, красныя и славныя охоты, прилежные и премудрые охотники, да многие вещи добрые и разумные узрите и разумеете. Аще с разумом прочтете, найдете всякого утешного добра..." и еще: „Будете охочи, забавляйтеся, утешайтеся сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие"».[20]

Но чаще старые периодические издания цитируются писателем для характеристики персонажей в его собственных произведениях. История о Дамоне и Пифиасе, упомянутая в альманахе Карамзина «Аглая»

[17] *ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 282.
[18] Там же. Т. 13. С. 115. Подлинник по-франц.
[19] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 42.
[20] Там же. *Соч.* Т. 4. С. 522.

(кн. 2), популярная среди читателей начала XIX века, как бы присутствует в повести «Затишье» (1854) — она характеризует отношения отца и дяди Ипатова: «А эти два дома, столь между собой схожие <...> были построены двумя братьями, отцом моим Николаем и дядей Сергеем; они же и сад развели, друзья были примерные... Дамон и... вот те на! забыл, как другого звали... — Пифион, — заметил Иван Ильич».[21]

Упоминание в повести «Степной король Лир» (1870) новиковского журнала «Покоящийся трудолюбец», «единственной забредшей... в дом книги», позволяет Тургеневу приоткрыть тайну сложной внутренней жизни главного героя Мартына Петровича Харлова. Писатель цитирует отрывки из статей: «Рассуждение о беспорядках, производимых страстями в человеке, и о средствах, которые в таких случаях употреблять должно» (кн. 3) и «Письма с того света в Москву от Мумиага к сыну малыя земли Муравью, живущему в Муравейнике», сочинение мистического содержания (кн. 3). Тургенев завершал работу над повестью в Спасском и, стало быть, пользовался находившимся там изданием «Покоящегося трудолюбца». Часть третья журнала до нас не дошла — повесть Тургенева является свидетельством существования в библиотеке более полного его комплекта. Упомянутые в повести «Степной король Лир» статьи из новиковского журнала позволили писателю создать образ человека XVIII века с его стремлением к вольнодумству и напряженным интересом к тайнам жизни и смерти.

Способствует погружению читателя «в волны давно <...> уже покинутой русской жизни» упоминание о еще одном издании XVIII века — «Зеркале света» Федора Туманского в романе «Новь» (1876). Вставная новелла о «переклитках» Фимушке и Фомушке Субочевых во всех деталях характеризует людей минувшего столетия. Круг чтения героев определяется несколькими знаковыми изданиями, среди которых — «Зеркало света». Это «зеркало» отражает для Фимушки и Фомушки мир таким, каким они хотят его видеть; для них время остановилось: «...никакое „новшество" не проникало за границу их „оазиса"».[22] Чтение поддерживает в героях иллюзию остановившегося времени, уверенность в том, что на дворе все еще пребывает «столетье мудро и безумно». Вместе с книгами и любимыми «вещицами» этот век «живет в тех, чья молодость была осенена им».[23]

«Дней Александровых прекрасное начало» ознаменовалось бурным возобновлением журнальной деятельности, заглохшей было при императоре Павле. Для этого времени характерно обилие новых издательских проектов, возрождение новиковских традиций журнального дела. Несколько изданий первого десятилетия XIX века из библиотеки Тургенева иллюстрируют в какой-то мере этот процесс. На полках турге-

[21] Там же. С. 388.

[22] Там же. Т. 9. С. 237.

[23] *Томан И.* Образы XVIII века в сочинениях Тургенева // Тургеневский сборник. М., 2007. Вып. 4. С. 56.

невского книжного собрания новый век открывается вторым изданием «Московского журнала» Карамзина (1802) с тиснением Белинского. Первое издание вышло еще в 1791—1792 годах — с предуведомлением, что в журнале не будут помещаться «теологические, мистические, ученые, педантичные сухие пьесы». Таким образом редактор пытался уберечь свое издание от возможных репрессий.

Сохранившийся в библиотеке журнал «Северный вестник» (1804—1805), издававшийся И. И. Мартыновым и субсидировавшийся самим Александром I, был связан с реформаторскими начинаниями нового императора. Одна из книжек журнала имеет дарственный автограф — как полагает комментатор *Каталога*, самого издателя Н. И. Фуссу, известному математику, академику, служившему одно время с И. И. Мартыновым. Продолжением «Северного вестника» стал другой журнал Мартынова — «Лицей» (1806), также сохранившийся в библиотеке Тургенева. Издатель намекал на связь его журнала со знаменитым «Лицеем» Лагарпа (французское издание последнего отмечено в книжном собрании автографом В. П. Лутовиновой, будущей матери писателя).

Журнал воспитания «Патриот», издававшийся в 1804 году В. В. Измайловым, по всей вероятности, в свое время пополнил соответствующий отдел Спасской библиотеки: он много читан, в нем можно видеть закрашенные голубой и розовой акварелью «кружочки» лингвистической игры, среди его страниц «затерялись» остатки шерстяных нитей... Некоторые отметки на полях позволяют предположить, что издание служило пособием для воспитания подраставших в семье мальчиков и что пометки принадлежат их матери, Варваре Петровне. В своих «беседах» с родителями и наставниками автор следовал, по сути, методике Ж.-Ж. Руссо, впрочем, не всегда с ним соглашаясь.

Первый русский журнал, посвященный театру, «Драматический вестник», как видно, был приобретен Белинским и хранит его пометки. Журнал издавался по инициативе известного русского комедиографа А. А. Шаховского. Делали журнал А. А. Шаховской, И. А. Крылов, А. А. Писарев. Среди его авторов были также К. Н. Батюшков, А. П. Бунина, Н. И. Гнедич, Г. Р. Державин, Н. Ф. Остолопов, гр. Д. И. Хвостов, А. С. Шишков и др.

От того времени осталась первая часть оригинальных и переводных сочинений забытого теперь автора Василия Дмитриева, вышедшая в 1809 году под заголовком «Ореады».

В те же годы выходят в свет издания Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. Это журнал «Цветник» (1809—1810), редактировавшийся А. Е. Измайловым и А. П. Бенитцким. Кроме того, в нем печатались К. Н. Батюшков, А. П. Бунина, А. Х. Востоков, А. М. Княжевич, В. Л. Пушкин и др. Большинство авторов «Цветника» пользовались псевдонимами, часть из них нам удалось раскрыть. Журнал впервые представлял статьи, написанные А. П. Бенитцким и П. А. Никольским, профессиональными критиками литературных произведений. Другое издание Общества — «Санк-Петербургский

вестник», увидевший свет в 1812 году. На сей раз А. Е. Измайлов делил редакторские заботы с В. Б. Броневским. По-прежнему сотрудничали в нем К. Н. Батюшков, В. Л. Пушкин, А. Х. Востоков, в числе его авторов был П. А. Вяземский. «Санк-Петербургский вестник» явился новым типом журнала — критико-библиографического характера. В библиотеке сохранились части 3-я и 4-я издания. В части 4-й — стихотворение Батюшкова, посвященное Президенту Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Д. В. Дашкову («Д. Д. В.»). Последние строки отчеркнуты на полях (в манере, характерной для Тургенева):

Мой друг! Дотоле будут мне
Все чужды музы и хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине.

Думается, нелишним будет в этом обзоре более подробно остановиться на издании, которому положил начало в 1802 году И. В. Попов. Новый журнал получил название «Вестник Европы»; в библиотеке Тургенева сохранился его комплект (правда, с некоторыми лакунами) за 1802—1830 годы. Издание было ориентировано на европейские ценности. На пост редактора был приглашен Карамзин, который руководил журналом в течение двух лет. В нем публиковались новинки отечественной и зарубежной литературы, политические новости. Белинский отметил, что Карамзин обладал способностью «следить за современными политическими событиями и передавать их увлекательно».[24]

В журнале участвовали в ту пору М. М. Херасков, В. Л. Пушкин, И. И. Дмитриев, В. А. Жуковский.

Немалое место в издании отводилось публикациям на исторические сюжеты. Так, Карамзин поместил здесь свою повесть «Марфа-Посадница». Печаталась «Галерея портретов великих россиянок». В 1807 году в журнале опубликована повесть Жуковского «Вадим Новгородский» с примечанием Карамзина: «Сия трогательная дань горестной дружбы принесена Автором памяти Андрея Ивановича Тургенева», недавно умершего молодого человека, входившего в «Дружеское литературное общество». В январском номере «Вестника Европы» за 1808 год в память об усопшем было опубликовано стихотворение А. Ф. Мерзлякова «К друзьям (На смерть А. И. Тургенева)». Оно отмечено в нашем экземпляре читательской записью на полях: «у могилы», возможно, сделанной кем-то из семьи И. С. Тургенева, быть может, его отцом, поддерживавшим связи со своими дальними родственниками. По мнению современного исследователя, И. С. Тургенев хорошо знал историю внезапной смерти талантливого юноши и вывел некоторые ее черты в истории безвременной кончины Базарова в романе «Отцы и дети».[25]

---

[24] *Белинский.* Т. 7. С. 135.

[25] См.: *Рябов М. Ю.* И. С. Тургенев и «русская» Европа (Н. И. Тургенев и его окружение как источник прототипических реалий творчества И. С. Тургенева) // Тургеневские чтения. М., 2006. Вып. 2. С. 150—151.

В разное время «Вестник Европы» редактировали П. П. Сумароков, М. Т. Каченовский, В. А. Жуковский, В. В. Измайлов. Во многом публикации журнала отражали интересы, идеи и характер издателей. Так, Жуковский отдавал предпочтение поэзии, хотя сам выступал и как переводчик, и как поэт, и как прозаик. Он опубликовал в журнале двадцать своих стихотворений, баллады «Людмила» и «Кассандра», поэму «Громобой», повесть «Марьина роща».

В годы Отечественной войны в разделах «Изящная словесность» и «Политическая история» печатались материалы, связанные с военными событиями, с личностями Наполеона и Кутузова. Хотя после 1810 года Жуковский отошел от издания журнала, он продолжал в нем печататься. В декабрьской книжке «Вестника Европы» впервые была опубликована его поэма «Певец во стане русских воинов», разошедшаяся по всей России в тысячах списков. Автор писал поэму в Орле, куда был откомандирован штабом Кутузова. Тургенев, знавший Жуковского, наслышанный о его дружбе с родителями, о его приездах в Спасское, упоминает знаменитую поэму в «Литературных и житейских воспоминаниях» (1869): «Конечно, в 1834 году в нем (Жуковском. — *Л. Б.*) и следа не оставалось того болезненного юноши, каким представлялся воображению наших отцов „Певец во стане русских воинов" <...>».[26]

В 1814 году в журнале дебютируют поэты нового поколения: А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, И. И. Пущин, А. А. Дельвиг. Именно часть номеров за 1814 год отмечена владельческим автографом будущего писателя: «I. Т.». В части 77-й (№ 18) имеется ряд помет и маргиналий, характерных для читательской манеры Тургенева. По-видимому, он штудировал «Речь, говоренную при торжественном открытии Казанского университета» В. Перевощикова в учебных целях. Маргинальные записи свидетельствуют о патриотическом настрое юного читателя и о его внимании к стилю изложения. Отметим кстати, что наряду с комплектом «Вестника Европы» из собрания Белинского в библиотеке сохранились дублетные экземпляры из существовавшей, возможно, подборки журнала, принадлежавшей родителям Тургенева.

Лучшая пора «Вестника Европы» миновала к 1825 году. Журнал мельчал, «становился всё суше, скучнее и пустее, наконец, сделался просто сборником статей без направления, без мысли», — писал Белинский, резюмируя историю издания,[27] которому, однако, суждено было возродиться в 1866 году под редакцией М. М. Стасюлевича, либерально настроенного профессора истории и публициста. «Вестник Европы» станет одним из лучших периодических журналов, в нем будут опубликованы все значительные произведения Тургенева последнего периода его творческой деятельности. Множество номеров журнала за 60-е—80-е годы будут храниться в парижской квартире писателя.[28] Но

---

[26] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 69.

[27] *Белинский.* Т. 9. С. 683.

[28] См.: Paris—Moscou, un siècle d'échanges (1819—1925). Documents inédits des Archives de Paris et de Moscou (Париж — Москва. Столетие сотрудничества (1819—

это время еще впереди. Пока же, обозревая издания первых десятилетий XIX века из библиотеки Тургенева, мы можем сделать вывод, что старые журналы читались и перечитывались как Белинским, так и Тургеневым уже в силу того, что они явственно ощущали зарождение на страницах этих изданий чего-то небывалого, того, что со временем назовут золотым веком русской литературы.

Отечественная война 1812 года не могла не сказаться на состоянии журнального дела в России. Одни издания прекратили тогда свое существование, другие, напротив, увидели свет «в годину испытаний». Так, участник Вольного общества любителей словесности, наук и художеств Н. И. Греч вспоминал: «„Санкт-Петербургский вестник" прекратился на десятой книжке в октябре 1812 года. Тогда было не до литературы: большая часть членов разбрелась в разные стороны. Общество закрылось».[29] В этот драматический период истории России и в годы, последовавшие за ним, отечественные журналы способствовали воспитанию гражданского чувства поколения, едва вступившего в жизнь.

Война стала причиной прекращения публичных лекций А. Ф. Мерзлякова, который после победы над французами начинает издавать литературно-художественный журнал «Амфион», ставший своего рода критической трибуной поэта. В дошедших до нас трех книжках за 1815 год представлены стихотворения П. А. Вяземского, В. К. Кюхельбекера, самого Мерзлякова, а также переводы из Горация, Вольтера, Лагарпа, Мармонтеля. Однако издание просуществовало недолго: оно прервалось вскоре. В 10-й—11-й книжке «Амфиона» Мерзляков сообщил о намерении прекратить его и возобновить прерванные войной лекции.

В 1812 году начал издаваться журнал политической направленности «Сын отечества», просуществовавший до 1852 года. В книжном собрании Тургенева сохранились неполные комплекты журнала за 1813, 1815—17, 1820—22, 1824—33, 1835 и 1836 годы. В статье «Библиотека В. Г. Белинского» Л. Р. Ланский безоговорочно относит его к книгам критика. Однако при атрибуции томов этого издания приходится учитывать и внешний вид книги, и наличие автографов и маргиналий, а также присутствие дублетных экземпляров. Полагаем, что ряд книжек, скорее всего, изначально принадлежал семье Тургеневых. В какой-то мере подтверждает наше мнение маргинальная запись на странице с публикацией стихотворения М. А. Дмитриева (1822. Ч. 75. № 3. С. 132): на полях карандашом выставлена начальная буква имени и фамилии (последняя почти стерта, сохранились лишь первые буквы: А. Со<?>). Литеры имеют отношение к следующим стихам:

Так, нежный друг мой! Я стыдился
И думать, чтобы мысль порочная была
В душе, которая любить *тебя* могла.

1925). Новые документы из архивов Парижа и Москвы) / Под ред. Ф. Гано и А. Киселева. Paris, 1999. P. 46—47.

[29] Цит. по: История русской журналистики XVIII—XIX веков. М., 1973. С. 113—114.

Читатель подчеркивает слово «тебя», явно ассоциируя «А. Со<?>...» с героиней, а себя — с героем стихотворения. Лирический герой намерен принести «в заочный сердца дар» девушке, чья душа исполнена веры, «не вздохи страстные, не исступленья жар», но дела благотворения и «усердные моления» в храме. Таким образом, благоговейная любовь к юной христианке обращает лирического героя к Богу и храму. Сюжет, в чем-то близкий коллизии романа «Дворянское гнездо». Отметим, что инициалы «А. С.» мы встречаем в титуле стихотворения Тургенева «К А. С.» (1843). Обратим внимание на сходство поэтического высказывания в стихотворении Тургенева «В. Н. Б.» того же времени, где лирический герой обращается к юной девушке:

И только для тебя в душе моей суровой
И нежность и любовь я свято берегу.[30]

В стихотворении Дмитриева лирический герой высказывает схожим образом свои чувства, которые он хранит как святыню:

О ты, к которой я, среди цветущих дней,
Среди столицы развлеченья
И верную любовь и дружбу сохранил.

По предположению Л. В. Ивановой, стихотворение Тургенева «К А. С.» могло быть посвящено Александре Тимофеевне Соколовой, принявшей постриг в начале 1850-х годов и ставшей впоследствии игуменией Орловского Свято-Введенного девичьего монастыря под именем Антонии. О ее знакомстве и, возможно, дружбе с Тургеневым свидетельствуют хранившиеся в ее келии фотография писателя с его автографом и вид Спасского-Лутовинова.[31] Можно думать, что посвящение Тургенева, равно как и инициалы на полях стихотворения Дмитриева скрывают какую-то глубоко личную, не подлежащую огласке историю в жизни писателя.

Отметим также, что среди маргинальных записей, встречающихся на страницах книжек «Сына отечества», можно видеть характерные для Тургенева-читателя филологические наблюдения. Так, в ч. 36 (№ 7) журнала за 1817 год подчеркнуто слово «своенравие» в следующей фразе: «Здесь на каждом шагу встречаются картины своенравия природы». На полях реплика читателя: «неточное выражение». Примеры можно продолжить — они подтверждают мысль о том, что часть журнального комплекта изначально входила в состав библиотеки Тургеневых.

Но вернемся к характеристике сохранившихся выпусков «Сына отечества». С 1812 по 1813 год журнал выходил еженедельно под редакцией Н. И. Греча. В 1813—1816 годах печатались Приложения к изданию, посвященные в основном политическим событиям в Европе. В разное

[30] *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 52.

[31] *Иванова Л. В.* Лиза // Тургеневский ежегодник 2000 года. Орел, 2002. С. 95.

время редакторами журнала, помимо Греча, были А. Ф. Воейков и Ф. В. Булгарин. С годами менялись объем, частота выхода в свет, направление журнала. Издававшийся первоначально как «исторический и политический журнал», «Сын отечества» со временем становится «историческим, политическим и литературным журналом», включая беллетристику как равноправную часть издания в свой репертуар, затем она даже выходит на первое место и «Сын отечества» именуется «журналом литературы, политики и современной истории». Всеобщее тяготение к словесности скажется на распределении материалов и в дальнейшем: на его страницах появятся биографии российских писателей, отрывки из сочинений древних и новых авторов; впоследствии откроется раздел «Современная русская библиография».

В 1829—1835 годах Греч и Булгарин будут выпускать журнал под двойным названием: «Сын отечества и Северный архив».

В первые же годы существования в издании помещались преимущественно материалы, посвященные событиям войны 1812 года. Подробно печатались биографии русских полководцев, Наполеона и его генералов, воспевались в стихах подвиги русской армии. Тогда в журнале принимали участие Ф. Н. Глинка, И. А. Крылов, Д. В. Давыдов, П. А. Вяземский, К. Ф. Рылеев, юный А. С. Пушкин. В № 25—26 «Сына отечества» за 1815 год было напечатано его стихотворение «Наполеон на Эльбе», позднее появятся первый вариант элегии «Погасло дневное светило...», отрывки из поэмы «Руслан и Людмила», столь поразившей в детстве Тургенева, цитировавшего полюбившийся отрывок в письме к дяде Н. Н. Тургеневу. Возможно, мальчик читал журнал подростком или в юношеские годы, когда свежи еще были семейные воспоминания об Отечественной войне. Многочисленные пометы и маргиналии, которые, как мы полагаем, принадлежат будущему писателю, можно видеть в тексте на полях «Сына отечества» за 1816 год (ч. 27, № 4), в статье Ф. Глинки «Рассуждение в необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Судя по отрывку, обратившему на себя внимание читателя, они свидетельствуют о заинтересованном, вдумчивом, «эмоциональном» чтении, говорят о незаурядности самого владельца книги. Так, на странице 145 выделен следующий отрывок, обосновывающий необходимость создания нового труда по истории России: «Мы теперь, например, лучше и обстоятельнее знаем, отколи пришли татары и кто они таковы. Предки наши просто начинали летописи свои о их нашествии: „а и прииде язык некий от стран неведомых"». Отрывок сопровождается иронической репликой на полях, выражающей мысль о сугубой трудности задачи, стоящей перед историком: «...разве перепишет Нестора».

Характерны для настроения читателя статьи следующий ее отрывок и реплика на полях: «Говоря о величии России, иноземец, родившийся в каком-либо из царств Европы, невольно будет прилагать ко всему свой уменьшенный размер». Читатель резюмирует сказанное: «Выражение, достойное истинно русского». В том же духе выдержана марги-

нальная запись к отрывку, воспевающему огромность России: «Ея столицы — суть области; ея области — царства». Реакция читателя: «Никто, кроме прямо русского, не сказал бы сей убедительной истины».

Отмечено репликой на полях — «Сильно и справедливо» следующее утверждение Глинки: «Русский историк, описав как должно <войну> 1812 года, преисполнит чуждые народы благоговейным почтением к великому Отечеству нашему». Далее, на странице 150 выделенный на полях текст: «Кто лучше русского историка изобразит нам, как Россия, посыпанная пеплом истлевших городов, среди разбитых стен и дымящихся развалин восстала в чудесной необоримости своих сил», сопровождается читательским комментарием: «Возродилась из праха как феникс».

Наконец, подчеркнутый в тексте отрывок статьи: «Русский историк не проронит ни одной черты касательно свойств народа и духа времени», комментируется энергичной репликой на полях: «Дух русский всегда был крепок <?> независимо от правления». Статья Ф. Н. Глинки, по-видимому, обратившая на себя внимание, помимо прочего, из-за близости автора отцу будущего писателя, конечно, соответствовала патриотическим настроениям, царившим в семье Тургеневых, да и во всем русском обществе, независимо от табели о рангах, состояний и политических воззрений. Эту атмосферу передает Тургенев на страницах своих произведений, например, в рассказе «Однодворец Овсяников» или в романе «Дворянское гнездо», где война 1812 года примирила отца и сына Лаврецких: «Увидавшись в первый раз после шестилетней разлуки, отец с сыном обнялись и даже словом не помянули о прежних раздорах; не до того было тогда: вся Россия поднималась на врага, и оба они почувствовали, что русская кровь течет в их жилах».[32]

В начале 20-х годов «Сын отечества» будет выходить с Приложениями: «Библиотека для чтения» (1822) и «Новая библиотека для чтения» (1824). Издатели — братья А. М., В. М. и Д. М. Княжевичи составляли журнал из оригинальных и переводных сочинений, ранее появившихся в печати. Среди авторов и переводчиков были Ф. Булгарин, П. Гаевский, В. Панаев, Ф. Глинка. В уцелевшей книжке «Новой библиотеки для чтения» можно видеть отрывки из Талмуда и Конфуция, из сочинений Гердера, Голдсмита, А. Лафонтена, В. Скотта. Для привлечения широкого читателя ведутся рубрики «Разные мысли и изречения», «Анекдоты», печатаются переводы труда г-жи де Кампан «О воспитании».

В моде тогда сочинения романтического направления, способные поразить читателя необычным, мистическим, а то и сказочным сюжетом. Журнал не обойдет вниманием романтическое повествование Г. Клауренса «Арфа» (1822. Ч. I. С. 161—167), близкое по содержанию

---

[32] *ПССиП(2). Соч.* Т. 6. С. 36—37.

поздней повести Тургенева «Клара Милич» (1882): в обоих произведениях речь идет о явлении молодой умершей женщины возлюбленному и последующей его кончине. Только в рассказе «Арфа» эти события связаны с таинственно возникающими звуками арфы.

Можно также указать на некое сюжетное сходство романтической сказки В. Скотта «Мартын Вальдек» (из романа «Антикварий»), опубликованной на страницах «Новой библиотеки для чтения», и «Рассказа отца Алексея» Тургенева (1877). Английский роман повествует о призраках Гарцского леса, собирающихся у костра, о лесном демоне исполинского роста в венке из дубовых листьев, гуляющем по лесу с сосной на плече (Ч. IV. С. 215). Встреча с лесным великаном оказалась роковой в судьбе героя В. Скотта. В рассказе Тургенева все роковые события в жизни сына сельского священника также предопределены его встречей в лесу с карликом «как лист зеленым». В обоих произведениях появление сказочных персонажей знаменует вмешательство в жизнь героев непостижимых сил природы. Оригинальная разработка Тургеневым этого сюжета, возможно, явится частицей того «диалога культур», который русский писатель будет вести на протяжении всей творческой жизни.

После Отечественной войны журналистика как будто переместилась из Москвы в Петербург: из 30 новых журналов, возникших тогда, 21 издавался в северной столице и лишь 8 — в Москве. Все пережитое, осмысленное требовало выхода. Периодические издания обращаются к итогам войны с Наполеоном. На этой волне в 1815 году был создан «Дух журналов, или собрание всего, что есть лучшего и любопытнейшего во всех других журналах, по части истории, политики, государственного хозяйства, литературы, разных искусств, сельского домоводства и проч.» — общественно-политический журнал либерального толка. Его издатель Г. М. Яценков (официальным издателем был В. Ф. Вельяминов-Зернов) отводил значительное место официальным документам, а также оригинальным сочинениям высших чиновников. В журнале была представлена и отечественная словесность — именами В. А. Жуковского, Н. И. Гнедича, Д. И. Хвостова, А. С. Норова. Кончина в 1815 году Г. Р. Державина сказалась публикацией в журнале множества стихотворений, посвященных памяти поэта. Тем не менее главное место в «Духе журналов» принадлежит материалам о событиях во Франции в дни завершения войны с Наполеоном.

Среди статей издания обращают на себя внимание публикации, посвященные положению крестьян в России, которое рисуется в идиллическом свете по сравнению с состоянием рабочих в промышленных центрах Европы. Но даже и в таком виде обсуждение крестьянского вопроса дома показалось нежелательным. В 1820 году издание было закрыто.

Именно последний сюжет — крестьянская тема заинтересовала читателя журнала. В книжке 9-й (Ч. 10. 1816) отмечены отрывки исторического сочинения анонимного автора, который упрекает современных

историков в нежелании отдать должное выдержке и терпению русского народа: «Непростительно представлять народ наш в таком виде, в каком он не бывал и не находится» (С. 188), и далее: «Екатерина была великая монархиня! Она возвысила славу и могущество России! Но что было бы величие Ея без внутреннего спокойствия народа? Она величественна тем, что вникнула и постигла причины зла, и искоренила их. Россия навсегда будет благословлять имя матери Отечества за то, что не казнями истребила злодеяния, но искоренением причин» (С. 20). Несмотря на свойственную автору риторику, статья осторожно призывала к либеральным реформам, к «искоренению причин» бедственного положения народа.

Вполне вероятно, что пометки на страницах «Духа журналов» могли быть сделаны Тургеневым, много размышлявшим на эту тему: в «Записке о крепостном праве» (1857) он прямо писал о том, что нежелание помещиков освободить крестьян может привести к революции в России. Косвенно подтверждает наше мнение относительно принадлежности журнала к библиотеке Тургенева встретившаяся на обложке книжки 11 (Ч. 10) за 1816 год надпись по-французски «Glagoleff» — фамилия знакомого Тургеневу семейства Глаголева, служившего во Введенском храме села Тургенева, родового имения отца писателя.[33]

В библиотеке сохранились номера литературного журнала «Благонамеренный» за 1818, 1820, 1822—24 годы. Издание, о котором Пушкин в свое время иронически заметил в романе «Евгений Онегин»:

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могу ли их себе представить
С «Благонамеренным» в руках!

Журнал явился новым «издательским проектом» Вольного общества любителей словесности, науки и художеств. Редактором его выступил А. Е. Измайлов, бывший тогда председателем Общества. В журнале печатались произведения самого издателя, подписывавшегося криптонимом «И», а также сочинения В. И. Панаева, В. Н. Туманского, Н. М. Княжевича, О. М. Сомова. Части 1—2 «Благонамеренного» за 1818 год имеют автограф В. Г. Белинского. Все же можно предположить, что некоторые тома журнала сохранились в библиотеке еще со времен родителей писателя: на страницах № 15 (Ч. 18) за 1822 год и № 18 (Ч. 23) за 1823 год можно видеть записанные карандашом разгадки шарад и логогрифов — игр, которые любили мальчики Тургеневы.

В № 6 (Ч. 25) за 1825 год отмечены тексты о звезде Сириус, несколько анекдотов, в том числе, история из жизни министра Лувуа, которая сопровождается читательской пометкой: «NB— Списать».

---

[33] *Тишина С. А.* Об истории Введенской церкви села Тургенево Чернского уезда Тульской губернии // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 124.

В журнале за 1823 год (№ 18. Ч. 23) в рубрике «Театр» обращают на себя внимание читательские пометки к статье «Отрывок из письма к N. в Ар.», посвященной игре актрисы А. М. Колосовой в роли Гермионы, где читатель (предположительно В. П. Тургенева) подчеркнул ряд высказываний, относящихся к еще незрелой, по мнению автора, игре актрисы. Среди прочего, на странице 371 в тексте, посвященном «нашей актрисе», подчеркнуто слово «нашей», как будто указывающее на другой, сокровенный смысл этого слова в глазах читателя. На полях надпись, срезанная при переплете: «Зачем тогда в Пар<...>» (по-видимому, «в Париже»). О чем вспомнил читатель, пробегая глазами эти строки? По нашему мнению, реплика на полях и пометки в тексте отсылают нас к недавнему путешествию семейства Тургеневых в Париж (1822—1823), где родители будущего писателя познакомились с юной Александрой Колосовой; Варвара Петровна Тургенева, принимавшая особенное участие в судьбе начинающей актрисы, могла оставить эту заметку как напоминание о чем-то ведомом только ей и ее близким. Как известно, театр занимал большое место в жизни Тургеневых; родители будущего писателя любили посещать спектакли, содержали крепостной театр в Спасском и, по некоторым сведениям, сами принимали участие в представлениях на домашней сцене.[34] Живой отклик находило у них все, касающееся театра, в том числе и театральные рецензии.

В 1815 году, в дни окончания войны с Наполеоном в Москве начинает выходить один из первых русских библиографических журналов — «Современный наблюдатель российской словесности». Его издатель П. М. Строев так определил свою задачу: «Главное мое намерение при начале сего журнала было то, чтобы он по окончании своем предоставлял верную картину успехов словесности во времени <...> В нем, кроме разбора книг, хотел я помещать жизнеописания отличнейших наших писателей по порядку хронологическому, извлечение из лучших иностранных классических сочинений и вообще соединить теорию с практикою» (Т. 2. С. 147—148). Декларация издателя свидетельствует об осознании все большего значения, которое получает отечественная словесность в русском обществе: она уже не просто «забава нескольких просвещенных дворян», но по своему уровню может претендовать на соперничество с европейскими образцами.

Основными отделами журнала были: «Разбор новых книг», «Современная русская библиография», «Взгляд на периодические издания», «Смесь» (с № 17), «Разные известия». В журнале помещались «разборы» произведений Н. М. Карамзина, И. И. Дмитриева, Ф. Н. Глинки, иностранных авторов, публиковались обзоры периодических изданий, таких, как «Вестник Европы», «Амфион», «Российский музеум», «Друг юношества и всяких лет», «Детский вестник», «Русский вестник», «Дух журналов» и проч.

---

[34] *Проц Е. В.* Театральные затеи в Спасском // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. Л., 1990. С. 164—185.

«Современный наблюдатель» публиковал «Письма о русской словесности» П. М. Строева; в одном из них была, между прочим, подвергнута критике поэма Хераскова «Россиада». Автор указывал на грубые ошибки исторического характера, допущенные поэтом, а также на художественные недостатки сочинения. Начало статьи отчеркнуто в нашем экземпляре. На полях грубовато-ироническая оценка: «Мура», сделанная кем-то из читателей журнала. Известно, что в Спасском исповедовался своего рода культ Хераскова и его знаменитой поэмы.[35] Впечатления от ее чтения отразятся в повести Тургенева «Пунин и Бабурин» (1874): «...она-то, эта самая „Россиада", меня в особенности восхитила. Там, между прочим, действует одна мужественная татарка, великанша-героиня; теперь я самое имя ее позабыл, а тогда у меня и руки и ноги холодели, как только оно упоминалось!».[36]

Среди материалов журнала в рубрике «Современная русская библиография» отмечен титул статьи «Летописец Соловецкий, или краткое летописание о начальном житии на Соловецком острове преподобных отцов Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев и о их преставлении...» (Ч. I. № 5. С. 117). Кстати, Тургенев упоминает Савватия, основателя Соловецкой обители, в своей первой печатной работе — рецензии на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (1836). Не исключено, что молодой писатель пользовался статьей из журнала Строева в процессе подготовки своей рецензии. Впрочем, Тургенев мог читать статью и позже, так как интересовался сочинениями, посвященными православным монастырям.

Еженедельный журнал Строева просуществовал недолго: с марта по июль 1815 года вышло всего 18 номеров. В книжном собрании Тургенева сохранились все выпуски этого редкого издания.

Говоря о формировании читательских интересов и литературных вкусах будущего писателя, следует обратиться к томам «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в стихах» (1821—1822), «Собрания образцовых русских сочинений и переводов в прозе» (1822—1824), а также к «Новому собранию образцовых русских сочинений», соответственно — в стихах (1821) и в прозе (1822). Следует отметить, что в библиотеке имеется и «Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах» с тиснением Белинского.

Все трое братьев Тургеневых оставили свои автографы на страницах издания, которое служило им учебной книгой. На форзацах, титульных листах «Собрания» можно видеть многочисленные рисунки, сделанные карандашом. Это по преимуществу иллюстрации к прочитанному: портреты исторических деятелей, рыцари на турнирах, мечеть, турки в чалмах и с ятаганами. Есть здесь и бытовые зарисовки: женская головка в чепце (маменька?), военный в мундире, клоун, фо-

[35] *Чернов Н. М.* Из разысканий о Тургеневе // Тургенев и его современники / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1977. С. 214.

[36] *ПССиП(2). Соч.* Т. 9. С. 18.

кусник. Разрисованы чернилами портреты на фронтисписах: дети «дополнили» изображения деятелей российской словесности Озерова, Хераскова, Княжнина, митрополита Филарета то усами, то бородой, то митрой и панагией. Все это, вероятно, «художества» Вани Тургенева, до конца дней не оставлявшего привычку рисовать где придется — на форзацах книг, на страницах рукописей и писем. Не менее характерной чертой младших Тургеневых, проявившейся на страницах настоящего издания, было регулярное исправление опечаток — по списку погрешностей или замеченных в тексте самими детьми. По-видимому, Иван отличался врожденной грамотностью; свидетельство тому приписка в письме С. Н. Тургенева жене; он озабоченно пишет, что в выполненном им для Варвары Петровны переводе католической молитвы есть, верно, орфографические ошибки, и тут же замечает: «Пусть Ваня поправит», признавая способности сына в орфографии.[37]

На страницах можно видеть многочисленные отметки, сделанные особым образом: то двойным крестиком, то скобкой, то прочерком в кавычках. Многие тексты подчеркнуты. Дети заучивают определения, знакомятся с образцами литературных стилей. Материалы издания преподносятся как образцы для подражания, часто имеют прямо дидактическое назначение. На первом месте — сочинения патриотического содержания. Так, в «Собрании образцовых русских сочинений и переводов в прозе» находим отчеркнутые отрывки в «Справке из Исторического похвального слова Екатерине II», посвященные Польше, фрагменты из «Рассуждения о нравственных причинах неимоверных успехов наших в войне с французами 1812 года», из сочинения митрополита Филарета «О значении святоотеческих традиций для победы в войне с Наполеоном», а также отрывок из статьи С. С. Уварова «Император Всероссийский и Бонапарте». Вот один из характерных образчиков риторики той поры, отчеркнутый в тексте: «...народы узнали свои силы: они вспомнят, что были последним оплотом человечества; они имеют право на благодарность Государей, которых столь храбро защищали» (Ч. 2. С. 208). На странице 229 того же тома отмечен отрывок из «Речи о любви к Отечеству» А. Кайсарова: «Пусть каждый из нас, слушатели, приведет себе в память те исполинские труды и подвиги, какими россияне ознаменовали следы свои на снежных полях отдаленного севера!». Отрывки, предназначенные для заучивания, волей-неволей влияли как на стиль речи, так и на самый склад мышления юных братьев Тургеневых. Впоследствии писатель остро чувствовал пустой дидактизм, дурную риторику в произведениях современников и решительно восставал против них. Он писал в рецензии на роман Е. Тур «Племянница» (1853): «Но неприятно нам было встретить на иных страницах „Племянницы" следы риторики иногда почти школьной, что-то такое, от чего веет „Собранием образцовых сочинений" <...>».[38]

---

[37] *Балыкова Л. А.* Перевод католической молитвы в письме С. Н. Тургенева жене (1830 или 1831) // Тургениана. Сб. ст. и материалов. Орел, 1999. [Вып. 1]. С. 141.

[38] *ПССиП(2). Соч.* Т. 4. С. 489.

Однако в «Собрании» было и немало первоклассной прозы и поэзии, сумевшей привить детям любовь к чтению. Каждый том предварялся эпиграфом: «Прилежное чтение лучших писателей языка своего производит то же действие в слоге нашем, что обхождение учтивейших людей над нравами» (М. Н. Муравьев). В качестве образцов отечественной словесности составители предлагали отрывки из сочинений митрополита Филарета, М. Н. Муравьева, А. С. Шишкова, Д. И. Фонвизина, М. Т. Каченовского, а также писателей «нового направления» — Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского, А. И. Тургенева.

Отечественную поэзию представляли в основном стихотворения духовного содержания — М. В. Ломоносова («Подражание Иову»), Г. Р. Державина («Бог», «Водопад»), В. А. Жуковского («Гимн Богу», «Из Томпсона»), А. Ф. Мерзлякова («На разрушение Вавилона»), М. М. Хераскова («Добродетель»). На полях стихотворений, как и повсюду, отчеркнуты наиболее патетические строки. Так, в части 1-й (С. 10) ногтем отмечен стих из оды И. И. Дмитриева «Освобождение Москвы»:

Восторг, восторг я ощущаю,
Пылаю духом и лечу!
Где лира? Смело начинаю:
Я подвиг предка петь хочу.

Подобным образом отчеркнуты строфа из оды Хераскова «Добродетель», первые три строфы из стихотворения Г. Р. Державина «Водопад», строфа из стихотворения того же автора «Вельможе». В части 6-й отчеркнуты стихи в «Сценах из Дмитрия Донского» В. А. Озерова. Отмечены ногтем отрывки из трагедии Озерова «Эдип в Афинах».[39]

В процесс чтения и заучивания будущий писатель всегда вносит моменты сотворчества. Так, мальчик разгадывает «Загадку» И. И. Дмитриева, дает собственные варианты эпитетов в заинтересовавших его стихотворных текстах. Как видно, собственные варианты представлялись ему более удачными (например, многочисленные исправления в стихотворение М. Е. Лобанова «К российскому воинству»). Но иные стихи кажутся ему безупречными. Именно строфу из оды Державина «Водопад», отчеркнутую в тексте «Собрания», Тургенев цитирует в письме к дяде от 7, 8 (19, 20) апреля 1831 года:

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми.

[39] Об отношении Тургенева к творчеству В. А. Озерова см. статью: *Жидкова С. Л.* В. А. Озеров в восприятии И. С. Тургенева (По материалам мемориальной библиотеки писателя) // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орел, 2006. С. 135—139.

«О красоте их я не смею судить: но они мне кажутся превосходными», — делится своими впечатлениями будущий писатель.[40]

В «Новом собрании образцовых русских сочинений и переводов» представлены оригинальные и переводные произведения М. В. Ломоносова, В. Л. Пушкина, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, А. Ф. Воейкова. И. А. Крылова, П. А. Вяземского, А. С. Пушкина. Рядом — переводы древних и новых западных авторов: Гомер, Софокл, Овидий, Гораций, Расин, Вольтер, Шиллер. Во 2-й части издания помещены стихотворения А. С. Пушкина «Погасло дневное светило...», «Черная шаль», отрывок из поэмы «Руслан и Людмила», стихотворения Баратынского «Уныние», «Воспоминание», «Сельская жизнь», басни Крылова и др.

Просматривая «Новое собрание образцовых сочинений», исследователь вновь погружается в особенный мир детского восприятия книги. Здесь, помимо инициалов братьев Тургеневых, рисунков, можно встретить пометы, свидетельствующие о вдумчивом отношении к слову и образу. К примеру, отмечены такие выражения, как «Прилег и в листьях угнездился» или «С погибельной страницы смысла». Чем-то поразил читателя эпиграф из стихотворения И. И. Дмитриева:

Розы ль дышат над могилой
Иль полынь на ней цветет
Все равно, о друг мой милой!
В прахе чувствия уж нет.

(Ч. I. С. 129)

«Собрание образцовых сочинений» предоставляло богатый материал для воспитания чувства слова, для усвоения литературных стилей и жанров. Оно знакомило детей с образцами отечественной поэзии и прозы, с великими именами западной литературы. Оно давало первые уроки чтения, с той поры укоренившегося в жизни Тургенева, ставшего неотъемлемой и отрадной ее частью.

Упомянем в перечне журналов 1820-х годов мемориальной библиотеки Тургенева «Новости литературы» — прибавление к газете «Русский инвалид» (издатели А. Воейков и И. Козлов). До нас дошли выпуски 1—6 за 1822—1823 годы. Журнал выходил тогда еженедельно и состоял из двух отделов — «Проза» и «Стихотворения». «Новости литературы» для своего времени были одним из лучших русских изданий, печатавших отечественных авторов — Баратынского, Вяземского, Дельвига, Жуковского, Плетнева, В. Л. Пушкина, А. С. Пушкина, Туманского, Языкова. Так, в журнале появляются такие произведения, как «Черкесская песня» из «Кавказского пленника», «Элегия» («Я пережил свои желанья...») А. С. Пушкина, «Думы» Рылеева, «Разуверение» Баратынского. Кроме того, на его страницах публиковались переводы западных, преимущественно французских, авторов: отрывки из

[40] *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 130.

«Воспоминаний о путешествии в Россию» г-жи де Сталь, из «Гения христианства» Шатобриана, биография Гердера, братьев Шлегелей и др. В книжке 2-й (№ 20) за 1823 год был напечатан «Список всех российских писателей от Рюрика до наших дней», а в книжке 4-й — «Краткое известие о всех выходивших в России повременных изданиях и журналах». Таким образом, наряду с публикацией новинок литературы романтического направления, издатели пытались дать представление о состоянии отечественной словесности в ее историческом движении и современном срезе.

В 20-е годы весьма активно действовал как издатель Ф. В. Булгарин. В 1822 году он начал выпускать журнал «Северный архив», анонсировавший себя как «журнал статистики и путешествий» и выходивший дважды в неделю. В нем печатались материалы по истории, географии и этнографии, документы и древние рукописи. В 1825 году репертуар издания расширяется, в нем появляются разделы «Правоведение», «Нравы», «Библиография». На его страницах печатаются произведения О. Соловьева, В. Кюхельбекера, М. Погодина, А. Шаховского. Много публикуется сам Булгарин. В 1825 году он поместил в «Северном архиве» свой самый популярный роман «Иван Выжигин, или русский Жильблаз», произведение, которое Тургенев в «Статье о современной русской литературе» (1845) причислил к «наиболее известным и наиболее достойным образцам исторического и нравоописательного романа той эпохи».[41] Впрочем, год спустя он писал, что «Мертвые души» «заставили преспокойно забыть г-д Выжигиных и комп<анию>».[42]

В библиотеке Тургенева сохранились разрозненные части «Северного архива» за 1822—1824, 1825—1826 и 1828 годы. В 1829 году журнал будет издаваться под «двойным» названием: «Сын отечества и Северный архив» как «журнал литературы, политики и современной истории», под началом Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина.

На полках книжного собрания Тургенева нашлось место четырем частям журнала «Литературные листки» за 1824 год, издававшегося Булгариным (в 1825 году стал выходить как Приложение к «Северному архиву»). В разделах «Проза», «Стихотворения», «Волшебный фонарь» печатались произведения прозаиков и поэтов, в том числе и А. С. Пушкина, который именовался «первым русским поэтом». В рубрике «Прогулки по Невскому проспекту» помещались материалы по истории русского дворянства, «разбор» театральных премьер, велась полемика с ретроградами.

Театральный рецензент «Литературных листков» отметил дебют актрисы А. М. Колосовой на столичной сцене в комедии Мольера «Мизантроп» и в пьесе Э. Скриба «Валерия, или слепая» (Ч. 1. № 1). Ряд текстов в этом номере отмечен неизвестной рукой. Как мы помним, с Колосовой Тургеневы познакомились в Париже зимой 1822—1823 го-

---

[41] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 514. Подлинник по-франц.

[42] Там жс. Т. 1. С. 238.

дов. В доме ее любили. Вероятно, именно к дебюту молодой актрисы В. П. Тургенева «послала ей из деревни своей для сцены платье, вышитое шелками разноцветными дворовыми ее девушками, сделанное наподобие одного из понравившихся ей в Париже на M-lle Mars».[43]

Не забудем упомянуть в этом обзоре «Журнал изящных искусств», задуманный его первым редактором И. Г. Буле и попечителем Московского университета М. Н. Муравьевым еще в 1807 году как искусствоведческое издание. Однако тогда вышло всего 3 книжки журнала. Он был возобновлен лишь в 1823 году под редакцией В. И. Григоровича. В библиотеке Тургенева имеется несколько разрозненных номеров за 1823 и 1825 годы. Издатель ставил своей задачей приобщение молодых художников к сокровищам мирового искусства. Журнал был украшен гравюрами с изображением шедевров живописи, скульптуры и архитектуры. Своего рода загадкой является наличие в библиотеке номера журнала за 1825 год с дарственным автографом неизвестного лица «Его превосходительству Николаю Михайловичу Лонгинову», отцу известного литератора и библиографа М. Н. Лонгинова, бывшего в 1867—1871 годах орловским губернатором. «Журнал изящных искусств» за 1825 год по Каталогу 1885 года не числится. Попал ли он в книжное собрание Тургенева с книгами орловского вице-губернатора Н. П. Галахова, семья которого унаследовала Спасское-Лутовиново после смерти писателя, или же книжка появилась в библиотеке уже после образования музея Тургенева в доме Галаховых, сказать трудно. Как бы то ни было, издание дополняет картину журнальной жизни России в первой половине 1820-х годов. Был некий «пункт», в котором сходились интересы издателя «Журнала изящных искусств» и Тургенева: внимание к молодым художникам. Среди запоминающихся героев повести «Ася» — художник-дилетант Гагин, в романе «Накануне» — начинающий художник Шубин, в очерке «Довольно» — больной художник, преждевременно ушедший из жизни. Не исключено, что журнал способствовал пробуждению внимания молодого Тургенева к этой теме.

Наконец, обратимся к изданию Главного управления училищ — «Периодическому сочинению о успехах народного просвещения», выходившему трижды в год с перерывами под разными титулами с 1803 по 1917 годы. В тургеневском собрании находятся тома за 1805—1806, 1808—1817 годы. Редактировал журнал с начала его издания по 1819 год известный ученый и путешественник Н. Я. Озерецковский. Он не только помещал в издании многочисленные документы по Министерству просвещения, но также регулярно печатал отчеты о важнейших событиях, происходивших в образовательных заведениях России, публиковал труды педагогов и ученых по различным отраслям знаний. Эти публикации представляли читателю довольно подробную летопись школьной жизни на родине.

---

[43] См.: *Каратыгин В. А.* Записки: В 2 т. Л., 1930. Т. 2. С. 157.

Продолжением издания явились «Записки, издаваемые от Департамента народного просвещения» (1825—1829) и «Журнал министерства народного просвещения» (1834—1917). В № 8 журнала за 1836 год будет опубликовано первое печатное произведение Тургенева, рецензия на книгу А. Н. Муравьева «Путешествие по святым местам русским» (С. 391—410). Событие, о котором писатель много лет спустя будет вспоминать в письме в редакцию «Вестника Европы»: «Мне тогда только что минуло семнадцать лет, я был студентом С.-Петербургского университета; родственники мои, ввиду обеспечения моей будущей карьеры, отрекомендовали меня Сербиновичу, тогдашнему издателю „Журнала Министерства просвещения"... Сербинович, которого я видел всего *один* раз, желая, вероятно, испытать мои способности, вручил мне ту книгу Муравьева с тем, чтобы я разобрал ее; я написал нечто по ее поводу — и вот теперь, чуть не через сорок лет, я узнаю, что это „нечто" удостоилось тиснения!».[44]

В Каталоге 1885 года числится 11 книжек журнала. До нас дошло лишь 7. Возможно, среди утраченных томов был тот самый, в котором находилась первая печатная работа Тургенева. Впрочем, тиснение на корешках уцелевших книжек — «В. Ф.» — пока расшифровать не удалось.

---

[44] *ПССиП(1). Соч.* Т. 15. С. 165. Отметим, что в *ПССиП(2)*, где открытые письма помещены в корпус Писем, а не Сочинений, как это было в первом издании, указанное письмо к М. М. Стасюлевичу оказалось пропущенным в 14 томе.

Н. Жекулин

ТУРГЕНЕВ — ПЕРЕВОДЧИК: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

> O Gott! o Gott! — warum will man mich übersetzen! Hab' ich ja den Leuten nichts gethan![1]
>
> ...я совершенно не гожусь в переводчики <...>[2]
>
> Je ne parle pas des contre-sens, des erreurs, dont elle fourmille, une traduction du Russe ne saurait s'en passer[3]
>
> Décidément, être traduit — est une bien vilaine chose .[4]

Еще в 1948 году М. П. Алексеев ввел крылатое выражение «Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе».[5] Не последнюю роль в этом определении играла переводческая деятельность Тургенева. Играть такую роль ему позволило то особое место, которое он занимал среди европейской читающей публики как самый известный русский писатель, но сама его известность была в немалой степени результатом его переводческой деятельности. Однако Тургенев переводил не только с русского языка, но и на русский. И в переводах на русский язык он также играл роль пропагандиста, хотя и в другом смысле.

---

[1] О боже! боже! — Зачем меня хотят переводить! Ведь я людям ничего дурного не сделал! (*нем.*) (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 124).

[2] Там же. Т. 1. С. 133.

[3] Не говорю уже о бессмыслицах и ошибках, которыми он изобилует, перевод с русского без них не обходится (*франц.*) (Там же. Т. 2. С. 293). Вторая часть фразы отсутствует в переводе, который напечатан в *ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 415 на основе публикации, скорее всего в переводе самого Тургенева, в «Санкт-Петербургских ведомостях».

[4] Решительно, быть переводимым — прескверная штука (*франц.*) (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 85, 366).

[5] *Алексеев М. П.* Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 268—307. Статья первоначально вышла в 1948 г. Далее: *Алексеев.*

Если принять во внимание место, которое в его деятельности занимают переводы (а Тургенев занимался ими на протяжении всей своей писательской деятельности[6]), нельзя не удивиться тому, что тема «Тургенев-переводчик» до сих пор не возбудила у тургеневедов внимания, которого она заслуживает.[7]

Правда, большинство сохранившихся переводов на русский язык, сделанных Тургеневым (но не все), теперь включено во второе из двух академических «полных» изданий его произведений, однако гораздо более многочисленные переводы, выполненные Тургеневым с русского на другие языки, за редкими исключениями, никогда не переиздавались. Так как полный список его переводов никогда не составлялся, даже среди специалистов нет ясного представления об их ошеломляющем объеме. Безусловно, составление такого списка сопряжено со значительными трудностями. Большинство переводов (за исключением его переводов на русский язык) писатель предпринимал совместно с другими переводчиками — эти переводы следует считать коллективными.

Не только точный вклад Тургенева часто нельзя определить, но в некоторых случаях затруднительно вообще установить сам факт его участия. Даже когда он принимал самое активное участие в переводах на французский язык, до тех пор пока не стал известен во Франции как писатель, его имя не всегда упоминалось на титульных листах или в предисловиях. С другой стороны, был и такой случай, когда Тургенев в печати был назван переводчиком, а на самом деле перепоручил перевод другим.[8] И наконец есть переводы, которые никогда не появлялись в печати и которые давно утрачены; к таким переводам относятся, например, все его переводы с испанского языка.

Так как обсуждение достоинств Тургенева-переводчика остается затруднительным из-за отсутствия доступных переводов, целью настоящей статьи является попытка определить, преимущественно на основе переписки Тургенева, как он сам представлял свою переводческую деятельность и какое разнообразное участие он в этой деятельности принимал.

---

[6] Он, конечно, делал переводы еще в школьные и студенческие годы. Первые сохранившиеся его опыты относятся приблизительно к 1834 г., когда он поступил в Санкт-Петербургский университет. Эти переводы на немецкий язык из Тацита сделаны для Христофера Фридриха Вальтера, у которого Тургенев брал частные уроки латинского языка. Они не изданы (*РО ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1252. Л. 3—3 об).

[7] Существует ряд исследований, посвященных конкретным переводам, в которых Тургенев участвовал, и конкретным переводчикам, с которыми он сотрудничал, но всесторонние исследования на тему «Тургенев-переводчик», на что сетовал еще М. П. Алексеев (*Алексеев*. С. 273), по-прежнему отсутствуют. Среди редких исключений следует упомянуть недавнюю кандидатскую диссертацию А. С. Климентьевой (*Климентьева А. С.* И. С. Тургенев — переводчик. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Томск, 2007).

[8] Речь идет об издании «Волшебных сказок» Шарля Перро, вышедшем в 1866 г.

1

Русская литература имеет долгую, богатую и разнообразную историю переводов. Каждая эпоха, однако, обязательно оспаривает достижения предыдущей и снова обращается к практическим и теоретическим вопросам, связанным с переводом. Поколение людей 1840-х годов, к которому принадлежит имя Тургенева, не являлось исключением и тоже обсуждало цели, которые должны перед собой ставить переводчики, и каким образом эти цели могут быть достигнуты.[9] Тургенев принимал участие в этом обсуждении, но свои теоретические рассуждения он излагал не в отдельных статьях, а в рецензиях на конкретные переводы.

Так, в 1843 году, когда у него уже был немалый собственный опыт, он высказался по этому поводу в рецензии на перевод пьесы Шиллера «Вильгельм Телль», сделанный Ф. Б. Миллером, следующим образом: «Переводы можно вообще разделить на два разряда: на переводы, поставившие себе целью, как говорится, познакомить читателя с отличным или хорошим произведением иностранной литературы, и на переводы, в которых художник старается воссоздать великое произведение и, смотря по степени собственного творческого таланта, способности проникаться чужими мыслями и чувствами, более или менее приближается к разрешению своей трудной задачи. Дух (личность) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта. От того-то хорошие переводы у нас (да и везде) чрезвычайно редки».[10]

Обширнее всего Тургенев изложил свое представление о переводе в 1844 году в рецензии на перевод «Фауста» Гёте, выполненный М. П. Вронченко. Здесь его особенно интересуют качества, в которых нуждается хороший переводчик: «Их (истинно хороших переводчиков. — *Н. Ж.*) нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым их поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры. <...> всякий хороший перевод проникнут любовью переводчика к своему образцу, понятной, разум-

[9] По утверждению Ю. Д. Левина, в этом (как и во многих других видах деятельности Тургенева) важную роль играл В. Г. Белинский. О развитии взглядов Белинского на перевод см.: *Левин Ю. Д.* В. Г. Белинский — теоретик перевода // Левин Ю. Д. Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. Л., 1985. С. 97—104. Краткий исторический обзор изменяющихся взглядов на принципы перевода дан в книге: *Friedberg Maurice*. Literary translation in Russia: a cultural history. University Park, PA, 1997. P. 9—67. См. также: *Эткинд Е. Г.* Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973; История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век / Отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб., 1995. Т. 1. Проза; СПб., 1996. Т. 2. Драматургия. Поэзия и др.

[10] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 190.

ной любовью, то есть читатель чувствует, что между этими двумя натурами существует действительная, непосредственная связь...».[11]

Недостаточно просто хотеть стать посредником, недостаточно просто восхищаться художником или его произведением. Чтобы хорошо переводить, нужно духовное родство, которое основано как на душевной, так и на эстетической близости к тому, что переводится: «Доселе г. Вронченко переводил сочинения совершенно в другом духе, нежели „Фауст"; <...> по роду и направлению своего таланта мог ли г. Вронченко с полным успехом воспроизвести на русском языке *туманное* создание Гёте?».[12]

Таким образом, Тургенев признает, что Вронченко передал текст довольно точно и что он переводил даже «con amore», но этого все еще недостаточно: «...вся роль самого Фауста переведена вообще довольно неудачно, хотя верно»; «...всё, что мог только сделать добросовестный и трудолюбивый переводчик, не поэт, исполнено г. Вронченко... но это *всё* не удовлетворяет читателя».[13]

Не удовлетворяет, потому что читатель постоянно отдает себе отчет в том, что это перевод. «Чем более перевод нам кажется не переводом, а непосредственным, самобытным произведением, тем он превосходнее; читатель не должен чувствовать ни малейшего следа той ассимиляции, того процесса, которому подвергся подлинник в душе переводчика; хороший перевод есть полное превращение, метаморфоза. <...> Люди, не знающие вовсе подлинника, но одаренные ухом и вкусом, лучшие судьи в этом деле <...>».[14]

Рассуждения Тургенева в 1843—1844 годах касались переводов исключительно на русский язык. Однако его первый, пока еще скромный вклад в переводческую деятельность (при помощи Луи Виардо), в целях ознакомления французской читающей публики с великими произведениями русской литературы тоже относится именно к этому времени. И если никто не сомневался в том, что переводы на русский язык являлись важными и нужными для «молодой» русской литературы, то с переводами на французский язык дело обстояло иначе, поскольку европейская читающая публика была уверена в превосходстве прочно укоренившихся западных культур над «чуждыми» культурами. Переводческая практика Тургенева показывает, насколько хорошо он понимал и принимал во внимание эту разницу в отношении к переводам в России и в Западной Европе, в частности во Франции.

---

[11] Там же. С. 227—228.
[12] Там же. С. 195—196.
[13] Там же. С. 228, 234.
[14] Там же. С. 228—229.

2

Несмотря на участие, которое Тургенев своими рецензиями принимал в современных ему дискуссиях о переводах, сами его переводы на русский язык следует считать «частной» деятельностью. Целью, как правило, не являлось их издание. Еще будучи студентом Санкт-Петербургского университета, в 1837 году он послал свои «первые, слабые опыты на поприще русской поэзии» своему профессору А. В. Никитенко и в письме признавался: «Прошлый год был посвящен переводу — Шекспирова „Отелло" (который я не кончил — только до половины 2-го акта), „Короля Лира" (с большими пропусками) и „Манфреда". Первые два перевода мною истреблены — мне они казались слишком дурны после переводов Вронченки, Панаева... Притом это было ложное направление — я совершенно не гожусь в переводчики».[15]

Правда, в 1844 году его перевод последней сцены первой части «Фауста» Гёте появился в «Отечественных записках», а два года спустя еще два перевода в «Петербургском сборнике» — перевод стихотворения Байрона «Darkness» («Тьма») и перевод двенадцатой элегии из цикла Гёте «Römische Elegien» («Римские элегии»). Но, по всей вероятности, и они первоначально не были предназначены к печати, и вышли только потому, что Тургенев хотел помочь редактору Н. А. Некрасову заполнить свое издание.[16] Эти короткие переводы напоминают те, что приводились в письмах Тургенева или дарились друзьям и знакомым. Так, в письме от 10 сентября н. ст. 1840 года к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову приводится перевод «Clärchen's Lied» («Песня Клерхен») из пьесы Гёте «Эгмонт»;[17] случайно сохранился перевод песни Фортунио из пьесы Альфреда де Мюссе «Le Chandelier» («Подсвечник»), подаренный В. Н. Колонтаевой.[18] Это переводы «по случаю».

Судя по всему, Тургенев много переводил «для себя»; известные нам переводы этого времени следует считать только небольшой, случайно сохранившейся частью всего того, что он перевел. Выбор произведений и их фрагментарность не согласуются с предположением, будто главной целью являлось желание «познакомить читателя с отличным или хорошим произведением иностранной литературы». Эти переводы объединяет то, что в данный момент Тургенев особо увлекался самим произведением или автором произведения.[19] Гёте напи-

---

[15] *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 133.

[16] См.: Там же. *Соч.* Т. 1. С. 22—29, 53—55, 56—57. В альманахе появилась также поэма Тургенева «Помещик». Судя по письму Н. А. Некрасова к А. В. Никитенко от 3 января 1846 г., оба перевода добавлены к содержанию сборника на позднем этапе (*Некрасов.* Т. 14. Кн. 1. С. 57, 259).

[17] См.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 166—167; *Соч.* Т. 1. С. 313.

[18] См.: Там же. *Соч.* Т. 1. С. 323, 541.

[19] Интерес Тургенева к Байрону ограничивался этим периодом, интерес к Шекспиру и Гёте продолжался на протяжении всей его жизни.

сал «Римские элегии» под впечатлением своей знаменитой поездки в Италию (1786—1788). Тургенев их читал в ожидании собственной поездки туда же в 1840 году. Он тогда писал Т. Н. Грановскому: «Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! <...> Эти элегии огнем пролились в мою кровь — как я жажду любви!».[20]

Можно предположить, что для Тургенева было важным попробовать себя в переводе на русский язык произведения (или его части), которое чем-то в конкретный момент его особо заинтересовало. В начале 1870-х годов его привела в восторг поэзия «удивительного» американского поэта Уолта Уитмена: «Ничего более поразительного себе представить нельзя».[21] Он начал его переводить опять без очевидного намерения напечатать свои переводы. Только когда П. В. Анненков уговорил его не продолжать «Записки охотника» и у Тургенева не было чем заменить обещанный Е. И. Рагозину очерк, у него возникла идея выслать редактору перевод из Уитмена. Этому намерению воспрепятствовала, как часто бывало, болезнь Тургенева. До наших дней случайно дошел лишь отрывок черновика с переводом стихотворения «Beat! beat! drums!» («Бейте, бейте, барабаны») из части «Drum Taps» («Барабанный бой»), который Уитмен включил в четвертое издание своего сборника «Leaves of Grass» («Листья травы»).[22]

Исключением из правила, согласно которому Тургенев обращался к произведениям, его особо занимавшим, может показаться перевод на русский язык «Contes des fées» («Волшебные сказки») Шарля Перро. В 1862 году издатель Жюль Этцель предложил Тургеневу перевести этот сборник, который он намерен был издать в России со знаменитыми иллюстрациями Гюстава Доре. Тургенев сначала принял предложение с готовностью: «Спешу сообщить вам, что с большим удовольствием принимаю ваше предложение: переводить Перро — это подлинно счастливый случай <...>».[23]

Однако дальнейшая история этого перевода скорее служит подтверждением основного правила. В данном случае у Тургенева не было непосредственного интереса к произведению, и увлеченность проектом быстро угасла.[24] Он привлек к делу двух молодых своих соотечественников — Н. В. Щербаня и Н. Н. Рашет. Сам он перевел всего две сказки и чрезмерно долго заставил ждать обещанного предисловия, но так как он не сообщил Этцелю об этой подмене, в сборнике переводчиком был

---

[20] *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 144.

[21] Там же. Т. 12. С. 50.

[22] Там же. *Соч.* Т. 12. С. 294—295. См.: Там же. *Письма.* Т. 12. С. 64 и *Чистова И.* Тургенев и Уитмен // *РЛ.* 1966. № 2. С. 196—199.

[23] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 86; 332. Ср. в оригинале: «Je m'empresse de vous répondre que j'accepte avec beaucoup de plaisir votre proposition: traduire Perrault est une véritable bonne fortune <...>».

[24] По утверждению Н. В. Щербаня (который перевел большинство сказок), первоначальный интерес Тургенева объясняется вызовом самому себе — адекватно передать стиль Перро на русском языке (*Щербань Н.* Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875) // *РВ.* 1890. Т. 209 (август). С. 20).

назван только он.[25] «В том-то и дело, что я дал только имя свое выставить на обертке — а в прочем ни телом ни душой не виноват, — т. е. в сущности виноват — зачем дал имя — и теперь должен терпеть укоры», — жаловался Тургенев И. П. Борисову в ответ на замечания А. А. Фета о погрешностях этого перевода.[26]

Помимо непосредственного интереса к произведению, другие личные соображения также могли послужить толчком к тому, чтобы Тургенев взялся за перевод. Интересными с этой точки зрения являются его переводы с испанского языка. Испанский язык являлся общим языком, *lingua franca*, в семье Полины Виардо. Тургенев стал его изучать в 1847 году, упражнялся в устной речи с матерью П. Виардо Хоакиной и с другими членами ее семьи. Важным элементом его «поучения» являлось чтение классиков испанской литературы.[27] В статье «Гамлет и Дон-Кихот» Тургенев жаловался, что на русском языке не было хорошего перевода шедевра Сервантеса.[28] Три раза, и каждый раз после разочарования якобы в связи с творческой неудачей, он объявлял, что намерен сам предпринять такой перевод. После отрицательной оценки первого своего романа «Два поколения» со стороны друзей он написал Анненкову: «...а эту зиму — если я не буду его (роман. — *Н. Ж.*) продолжать, примусь за перевод „Д<он>-Кихота", к которому я давно готовлюсь беспрестанным перечитыванием этого бессмертного романа — Сервантес стал для меня тем, чем, вероятно, для Вас Пушкин».[29]

Четыре года спустя, в 1857 году, он написал другому наперснику — В. П. Боткину: «Третьего дня я не сжег (потому что боялся впасть в подражание Гоголю), но изорвал и бросил в watercloset все мои начинания, планы и т. д. Всё это вздор. <...> Так как я порядочно владею российским языком — то я намерен заняться переводом „Д<он->Кихота", — если буду здоров».[30]

---

[25] Несомненно, в 1862 г. в задержке сыграли роль заботы Тургенева о предстоящей свадьбе его дочери. Однако издание Вольфа появилось лишь в 1866 г. (оно недавно переиздано: М., 1993). Сам Тургенев перевел сказки «Волшебница» и «Синяя борода» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 586).

[26] *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 140.

[27] См., напр., его письмо к П. Виардо от 25 декабря н. ст. 1847 г., в котором он комментирует читаемые им пьесы Кальдерона (Там же. Т. 1. С. 246). Экземпляр тома пьес Кальдерона «Teatro escogido», вышедшего в Париже в 1838 г., в котором фигурирует надпись («Тургенев. Париж 1847»), хранится в Мемориальной библиотеке писателя в Орле. В указателе названия некоторых пьес подчеркнуты, а на полях тома встречается ряд заметок (преимущественно перевод отдельных слов).

[28] *ПССиП (2). Соч.* Т. 5. С. 330. Первым переводом «Дон-Кихота» непосредственно с испанского оригинала является так и не законченный перевод К. Масальского, вышедший в 1838 г. Все предыдущие, начиная с первого (1769) и включая перевод В. А. Жуковского (1804), были сделаны с французских переводов. См.: *Turkevich Ludmilla Buketoff.* Spanish Literature in Russia and in the Soviet Union 1735—1964. Metuchen, NJ, 1967. P. 35—37.

[29] *ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 243.

[30] Там же. Т. 3. С. 195—196.

И наконец в 1877 году, после первых отрицательных отзывов о последнем романе «Новь», он сообщил Я. П. Полонскому, что намерен бросить литературу, но «чтобы не отстать от привычки к перу — я, вероятно, займусь переводами. Думаю о „Дон-Кихоте" <...>».[31]

По всей видимости, Тургенев так и не завершил перевод этого романа, а может быть, даже никогда его всерьез не начинал. Его внимание привлекали и другие испанские произведения. В начале 1866 года Тургенев оказался в долгу одновременно перед двумя редакторами — у него не было ничего подходящего из собственных произведений и он предложил рассчитаться с ними переводами. С. С. Дудышкину он предложил перевод повести «Rinconete y Cortadillo» («Ринконет и Кортадильо») Сервантеса, а М. Н. Каткову — перевод раннего анонимного плутовского романа «Lazarillo de Tormes» («Ласарильо с Тормеса»).[32] Об этих переводах Тургенев писал как о будто бы готовых или почти готовых, но несмотря на заявленный интерес со стороны обоих редакторов, эти переводы никогда не появлялись в печати и не известны даже в рукописи. Хотя Каткову было сообщено, что перевод, предназначенный для его журнала, нуждается только в переписывании, несколько месяцев спустя Тургенев извинялся, что еще не кончил его переписывать, поскольку снова взялся за свой новый роман «Дым». Скорее всего переводы не были на столь продвинутом этапе работы, как Тургенев давал понять. Но если поверить Тургеневу на слово, что он эти переводы хотя бы начал, то и на этот раз переводы изначально предпринимались для себя.[33]

Безусловно, важнейшим стимулом к тому, чтобы взяться за тот или иной перевод, служили личные дружеские отношения Тургенева с автором переводимого произведения. В таких случаях намерение издать перевод могло быть даже основной целью. В конце 1850-х годов он перевел несколько рассказов и роман «Институтка» М. А. Маркович с явной целью издать их в русских журналах и таким образом укрепить ее репутацию среди русских читателей — то есть именно тогда, когда он теснее всего дружил с украинской писательницей.[34]

Еще большую роль играли его близкие дружеские отношения с Полиной Виардо. Он не только перевел ряд немецких текстов для сборников ее романсов, которые издавал в Петербурге А. Ф. Иогансен, но и внимательно редактировал немецкие переводы русских текстов, которые делал Фридрих Боденштедт.[35] Для П. Виардо он даже был готов

---

[31] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 101.

[32] *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 17, 21.

[33] Там же. С. 32, 51. По утверждению А. Звигильского (хотя он не приводит источника для такого утверждения), перевод повести «Ринконет и Кортадильо» на самом деле сделал Н. В. Щербань. См.: *Zviguilsky A.* Tourguénev et l'Espagne // Revue de littérature comparée. Т. 33 (1959). N 1. P. 79.

[34] *Вовчок Марко.* Украинские народные рассказы. СПб. 1859. Роман «Институтка» появился в первом номере за 1860 г. журнала «Отечественные записки». Эти переводы, по-видимому, никогда не переиздавались.

[35] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 298—304 и 643—651. Немало вопросов, связанных с этими переводами, остается, однако, без окончательного решения, и даже в этом издании от-

предпринять переводы с немецкого языка на французский и с французского на немецкий. Правда, подобного рода сотрудничество он оставлял в тайне, так как считал подобные переводы за пределами своих способностей.[36]

Самыми известными русскими переводами Тургенева, без сомнения, являются его переводы из Гюстава Флобера. Они отражают как интерес Тургенева к самому произведению, так и его личную дружбу с автором. В 1874 году Тургенев проводил активную международную кампанию в пользу пьесы Флобера «La tentation de saint Antoine» («Искушение св. Антония»).[37] В частности, он обратился к М. М. Стасюлевичу с просьбой приобрести это произведение для «Вестника Европы». В письме к Стасюлевичу он настаивал: «Пожалуйста, чтобы переводчик был — первый сорт. Слог Флобера как из мрамора вырезан — не ударим же мы, россияне, лицом в грязь!».[38]

Убедившись в том, что пьесу не пропустит русская цензура, Стасюлевич вынужден был отказаться от предложения Тургенева.[39] А через два года Тургенев решил принять еще более активное участие в распространении новой повести Флобера «La légende de saint Julien l'Hospitalier» («Легенда о св. Юлиане Милостивом»). В марте 1876 года он сообщил Стасюлевичу, что намерен сам перевести это произведение с рукописи Флобера, до его появления во Франции, и предлагал издать

сутствуют некоторые переводы, вышедшие без атрибуции, хотя следует признать, что и они принадлежат Тургеневу. Вопрос о том, почему отдельные переводы («На заре», «Разлука», «Разгадка») приписываются в альбомах Иогансена непосредственно Тургеневу, между тем как другие переводы названы просто переводами, пока остается открытым. При этом оригинал текста романса «Разгадка» часто продолжают приписывать Мёрике, хотя его автором является Рихард Поль (см.: *Жекулин Николай Г.* Тургенев и Рихард Поль // Ivan S. Turgenev. Leben, Werk und Wirkung. Beiträge der Internationalen Fachkonferenz Bamberg 1993 / Hrsg. Peter Thiergen. München, 1995. S. 243—271. Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Bd 27).

[36] Хотя перевод оперетты «Последний колдун» с французского оригинала на немецкий язык для представлений в Веймаре выполнил Рихард Поль, Тургенев перевел некоторые арии (см., напр., письмо П. Виардо к Тургеневу от 18 февраля 1869 г.: *Lettres inéd.* P. 326—327). Кроме того, сохранилось (во французской Национальной библиотеке и в Houghton Library Гарвардского университета) несколько черновиков, в которых Тургенев старался «исправить» перевод Поля. А в 1873 г. в Париже под редакцией П. Виардо вышел альбом избранных романсов Фр. Шуберта с французскими текстами (Cinquante mélodies de Franz Schubert. Paris: Gérard). Переводчиком назван друг Виардо и Тургенева — Луи Поме (Pomey), однако из письма Тургенева к Поме от 27 сентября 1865 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 158) можно предположить, что перевод был сделан Тургеневым и П. Виардо и лишь отредактирован Поме (см. также: *Zviguilsky Alexandre.* Lettres inédites de Tourguéniev à Louis Pomey // *Cahiers.* N 7 (1983). P. 159). Не исключено, что Тургенев принимал участие и в других переводах для французских изданий П. Виардо.

[37] См. письма к П. Гейзе и другим немецким и австрийским литераторам (*ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 42—45, 47), а также к Рольстону в Англии (Там же. С. 46).

[38] *ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 12.

[39] См.: Там же. С. 22, 365.

перевод в «Вестнике Европы».[40] Год спустя, когда он завершал этот перевод, Флобер прочитал ему только что дописанную повесть «Hérodias» («Иродиада»), третью и последнюю из серии «Trois contes», и Тургенев сразу же решил перевести и эту повесть.[41] В решении Тургенева несомненно сыграло роль его желание помочь Флоберу материально (он отказался от гонорара переводчика в пользу автора[42]). Тем не менее эти произведения произвели на Тургенева огромное впечатление художественностью своего исполнения; «Иродиаду» он назвал «ослепительной по краскам».[43]

В его высказываниях об этих повестях звучит также и оттенок вызова — вызова самому себе как художнику и вызова русскому языку. Я. П. Полонскому он признавался: «Я постарался, сколько мог, передать краски и тон подлинника»,[44] а Стасюлевичу писал: «...я старался изо всех сил — и, полагаю, как стилист не ударил лицом в грязь».[45] В его письмах проскальзывает редкое для Тургенева чувство гордости. Перевод «Иродиады» «...представил такие трудности, что — без хвастовства скажу — не знаю, кто бы лучше меня это сделал <...>».[46] Не менее редкая нота удовлетворения звучит даже после появления перевода в печати. Когда он получил печатный текст «Католической легенды о св. Юлиане Милостивом» (так называлась повесть в журнальной редакции), он не мог отказаться от дополнительных тонких улучшений: «В другом месте (но уж это моя вина) — стр. 616, строка 7-ая снизу — надо будет поставить вместо „украшенных" „разубранных", потому что в предыдущей строке стоит слово „украшения". А я так

---

[40] См. *ПССиП(1). Письма.* Т. 11. С. 229. Из переписки Тургенева с Флобером и Стасюлевичем ясно, что работа над «Новью» задержала работу над переводом, а также затрудняла вопрос о том, когда должен был появиться перевод в «Вестнике Европы». В связи с этим Тургенев первоначально решил поручить перевод второй повести «Un cœur simple» («Простое сердце») некоей «demoiselle de lettres russe» и даже думал поручить ей еще не дописанную Флобером «Иродиаду» (Там же. Т. 12. Кн. 1. С. 28). Однако впоследствии он решил, что «Простое сердце» не подлежит переводу по цензурным соображением (кроме того, он считал ее самой слабой из трех повестей) (Там же. С. 100).

[41] Там же. С. 83—84.

[42] См.: Там же. С. 106. Флобер находился в затруднительном материальном положении в связи с банкротством мужа своей любимой племянницы Каролины де Комманвиль.

[43] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 131.

[44] Там же. С. 101.

[45] Там же. С. 106.

[46] Там же. С. 128. Черновики переводов, которые хранятся во французской Национальной библиотеке, свидетельствуют о тщательности его работы. На основе анализа рукописи перевода «Иродиады» П. Р. Заборов утверждает: «В свой перевод он вложил замечательное ощущение воскрешенной Флобером эпохи, тончайшее чутье и мастерство стилиста, совершенное знание французского и редкостное владение родным языком, а также глубокое понимание потребностей читателя, которому предназначался — в его интерпретации — флоберовский шедевр» (*Заборов П. Р.* Из творческой лаборатории Тургенева-переводчика // Тургенев и его современники / Под ред. М. П. Алексеева. Л., 1977. С. 135).

старательно отчеканил эту вещь, что не желаю оставить ни одного пятнышка. Могу прибавить, что изо всей моей литературной карьеры я ни на что не гляжу с большей гордостью — как на этот перевод. Это был tour de force — заставить русский язык схватиться с французским — и не остаться побежденным. Что бы ни сказали читатели — я сам собой доволен и глажу себя по головке».[47]

3

Несмотря на важное место, которое занимают переводы из Флобера в творчестве Тургенева (это были единственные переводы, которые он включал в собрание своих сочинений, начиная с салаевского издания 1880 года), переводы на русский язык по своему объему представляют собою лишь незначительную часть всех его переводов. Переводы Тургенева с русского языка являются непосредственной частью его деятельности как «пропагандиста русской литературы». Среди них самое важное место занимают его переводы на французский язык. Хотя он предпринимал переводы произведений главных своих предшественников в русской литературе — Пушкина, Гоголя и Лермонтова, преобладающая часть тех переводов, в которых он принимал участие, состоит из переводов его собственных произведений. Так как роль Тургенева в переводах могла сильно разниться, его переводы с русского языка представляют собой очень сложную картину, тем более что они являются, почти без исключения, «коллективными» — в том смысле, что даже тогда, когда Тургенев был инициатором и играл ведущую роль, он привлекал к делу сотрудников.

М. П. Алексеев полагал, что своими переводами с русского языка Тургенев фактически создал «переводческую школу» (в первую очередь, во Франции, а также и в Англии), отличительной чертой которой являлась «буквальная близость к подлиннику», которая «для него важнее стилистических совершенств перевода, сохранение „духа" оригинала существеннее, чем приверженность к привычным нормам языка, на который делается перевод».[48]

Косвенным свидетельством этого тезиса Алексеев считал следующее утверждение Ж. Санд, принявшей сторону Шарля Роллина в его конфликте с Тургеневым по поводу сделанного Роллина перевода «Двух гусаров» Л. Н. Толстого: «...si ce n'est pas fidélement (*sic*! — *Н. Ж.*) traduit, ce que je ne peux pas savoir, c'est dix fois plus agréable à lire

---

[47] *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 131. А когда рукопись «Иродиады» все еще была в пути, он послал вдогонку письмо к Стасюлевичу, в котором просил сделать еще одно изменение (Там же. С. 132).

[48] «...Тургенев создал школу переводчиков с русского языка во французской литературе, привил здесь свои навыки и воззрения на художественный перевод <...>. Но эту же тургеневскую школу прошли также переводчики и в других странах, например в Англии» (*Алексеев*. С. 290). См. также: Там же. С. 292—293.

comme français que la forme donnée par les traducteurs aux ouvrages de Tourguénef, qu'il faut souvent deviner au lieu de comprendre du premier coup. <...> Ses ouvrages ont l'air d'être traduits par un Russe. Le génie d'une langue ne se traduit dans une autre langue que par *des équivalents* et quand on s'attache à l'exactitude, on ne *rend* pas».[49]

Однако многие исследователи, которые сравнивали переводы, сделанные или проверенные самим Тургеневым, находят, что они изобилуют отклонениями от оригинала, ошибками и пропусками — до такой степени, что приходится сомневаться в частых утверждениях, будто переводы тщательно сличались с оригиналами.[50] М. П. Алексеев даже допускает, что Тургенев настолько тонко понимал читающую публику ряда европейских стран, что часто соглашался, чтобы в перевод вводились изменения, которые бы соответствовали местным вкусам, а некоторые произведения, даже из своих собственных, считал вообще не пригодными для перевода для данной публики.[51]

На самом деле Тургенев активно и широко пропагандировал русскую литературу на Западе, и для него главной целью переводов из русской литературы всегда являлось ознакомление принимающей культуры с произведением, достойным ее внимания. Когда Вильям Рольстон обратился к нему в первый раз с идеей предпринять ряд переводов, Тургенев сразу выслал ему список русских писателей (в который он не

---

[49] «...если это не точно переведено, чего я знать не могу, то это в десять раз приятнее читать, чем ту форму, которую сочинениям Тургенева придают переводчики; часто их надо угадывать вместо того, чтобы понимать с первого раза. <...> Его вещи кажутся переведенными русским. Дух языка передается на другом языке *равнозначащими словами*, а когда придерживаются точности, то именно не *передают* этого духа» (Цит. по: *Алексеев*. С. 292). Письмо к Эдмону Плошу (Plauchut) от 25 февраля 1875 г. (*Sand George*. Correspondance. Ed. G. Lubin. Paris, 1990. T. XXIV. P. 223. Далее: *Sand. Corr.*). Санд рекомендовала Тургеневу Роллина, брата ее близкого друга, в качестве переводчика, который и послал Тургеневу пробный перевод рассказа «Бирюк», оцененный писателем как «très bonne» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 13. С. 52). Тургенев также проверял несколько переводов Роллина из Л. Н. Толстого (см.: Там же. Т. 14. С. 34) и, по утверждению самого Роллина, считал один из них равноценным оригиналу (см.: *Sand. Corr.* T. XXIV P. 350). Однако Тургенев не скрывал того, что перевод Роллина «Двух гусаров» Толстого, который вышел в 1875 г. с предисловием Тургенева (и который Тургенев, по всей вероятности, и отредактировал), его не удовлетворил. В результате Ж. Санд обвинила Тургенева в том, что редакторы больше не захотели принимать переводы Роллина. Подробнее о «деле Роллина» см.: *Waddington Patrick*. Turgenev and George Sand: An improbable entente. Totowa, NJ, 1981. P. 87—89, 92—94.

[50] «К сожалению, перевод этих „драматических поэм" <...> является плоским и неточным, — считает М. Кадо. — <...> Значительные сокращения изменяют сам текст <...> Впечатление, которое на меня произвело краткое ознакомление с переводом „Тараса Бульбы" Гоголя, подтвердилось при чтении „Драматических поэм" Пушкина. Более того: Тургенев не был более внимательным, когда речь шла о его собственных произведениях» (*Cadot Michel*. Le rôle d'I. S. Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France // *Cahiers*. N 5 (1981). P. 54—55). См. также: *Žekulin Nicholas G.* Two unpublished letters of Ivan Turgenev // Slavonic and East European Review. N 53 (Oct. 1975). P. 561.

[51] *Алексеев*. С. 271.

включил себя) и объяснил свой выбор следующим образом: «Sans parler de Gogol, je crois que les ouvrages du comte Léon Tolstoï, d'Ostrofski, de Pissemski, de Gontcharoff pourraient offrir de l'intérêt en présentant une nouvelle manière de comprendre et de rendre l'élément poétique; <…> reste à savoir si ce caractère est assez prononcé pour arrêter l'attention des autres nations».[52]

А задача у переводчика была двойная, до некоторой степени противоречивая. По Тургеневу, переводчик должен был обеспечить «акклиматизацию» перевода в условиях новой культуры, но так, чтобы отличительные свойства — «дух» автора не исчезли. В рецензии на перевод Рольстоном басен Крылова (который, по словам Тургенева, «was as Russian as possible», то есть «был русским настолько, насколько это возможно») Тургенев его хвалил: «Mr. Ralston's translation leaves nothing to desire in the matter of accuracy or colouring <…>. It will not be his fault if Krilof does not prove to be thoroughly „naturalised" in England».[53]

Хороший переводчик должен отличаться чуткостью к языку, на котором готовится перевод, и одновременно глубоко понимать особые свойства переводимого автора и его произведения. Для этого он должен быть не менее художником, чем сам автор. Когда Боденштедт в первый раз послал ему свой перевод (повести «Фауст»), Тургенев перевод одобрил: «Il ne suffit pas de connaître à fond le russe — il faut encore être grand styliste soi-même, pour faire quelque chose d'aussi complètement réussi».[54]

В тех сравнительно редких случаях, когда удается соединить эти качества, перевод заслуживает у Тургенева высшую похвалу, как, например, перевод Боденштедта сонетов Шекспира: «…voici trois jours que je me plonge dans ces flots de poésie qu'on avait oubliée de nos jours et que vous a été donné de révéler de nouveau. <…> Toute espèce d'impression de *traduction* disparaît complètement: vos vers coulent de source avec une

---

[52] *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 68. «Не говоря уже о Гоголе, я полагаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского, Гончарова могут представить интерес, поскольку в них отразилось новое понимание поэтического начала и способов его выражения; <…> остается лишь выяснить, достаточно ли отчетливо выражен этот характер, чтобы привлечь внимание других наций» (Там же. С. 242).

[53] «Перевод г. Рольстона не оставляет желать ничего лучшего в смысле точности и колоритности <…> И не его вина, если Крылов пока еще не „натурализировался" в Англии» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 266, 267; 268, 268—269).

[54] «Недостаточно знать в совершенстве русский язык — надобно еще самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто в столь высокой степени удачное» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 121, 337). В связи с этим интересно мнение Гартмана, которое приводит Х. Раппих, о переводах Боденштедта из Тургенева: «...die Uebertragung Bodenstedts ist, wenn man so sagen darf, zu gut, zu fließend: wir hätten gewünscht, dass es etwas mehr vom russischen Ton und Nationalcharakter hineingebracht hätte, selbst auf die Gefahr hin, deutscher Wendung und Ausdrucksweise einige Gewalt anzuthun» (Freÿa. Illustrierte Blätter für die gebildete Welt. Chronik der Freÿa. 1865. Heft 4. S. 124). «…Перевод Боденштедта слишком хорош, слишком гладок: нам хотелось бы, чтобы он ввел в него более ярко выраженную русскую интонацию и национальный характер, не считаясь при этом с опасностью некоторого нарушения правильности немецких оборотов и способа выражения» (*Раппих Хорст.* Тургенев и Боденштедт // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 344).

facilité merveilleuse — et ce n'est que plus tard qu'on réfléchit avec étonnement au tour de force accompli».[55]

Принципы перевода Боденштедт определял следующим образом: «...ich gewohnt bin, bis in die kleinsten Einzelheiten hinein zu ändern und zu feilen, solange mir Ton und Farbe des Originals noch nicht überall erreicht scheinen».[56]

Тургенев, безусловно, повторил бы эти принципы. Для него самым серьезным недостатком перевода являлась «сухость» или «деревянность», то, что в переводе отсутствует «живость». Такой недостаток не мог возмещаться даже верностью оригиналу. Горькие жалобы на эту тему изобилуют в его переписке, не только когда дело касается переводов его собственных, но и чужих произведений. Перевод «Казаков» Л. Н. Толстого, который сделал Юджин Скайлер, «верен — но сух и „matter of fact", как сам г-н Скайлер <...>».[57] Английский перевод «Евгения Онегина» ему кажется «верности *невероятной, изумительной* — и такой же изумительной дубинности».[58] Немецкий перевод своей повести «История лейтенанта Ергунова» он считает «hölzerne» («деревянным»); перед тем, как он может быть включен в издание Бере, его надо, по мнению Тургенева, послать Л. Пичу для стилистического редактирования. Он «getreu — aber um es offen herauszusagen — etwas schwerfällig und leblos — zu sehr in Geschäftsstyl».[59]

---

[55] «...и вот уже три дня, как я погружен в волны поэзии, которая ныне забыта и которую вам дано было снова открыть. <...> Впечатление, что это *перевод*, совершенно исчезает: ваши стихи льются с изумительною легкостью, и лишь потом начинаешь думать с удивлением о трудностях, которые вы преодолели» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 19, 323).

[56] Письма Фридриха Боденштедта (1861—1866) / Публ. Анри Гранжара // *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 312. Далее ссылки на эту публикацию приводятся сокращенно: *Письма Боденштедта.* Письмо Боденштедта к Тургеневу от 3 ноября 1862 г. «...Я имею обыкновение до тех пор исправлять и шлифовать всё до мельчайших подробностей, пока не почувствую, что тон и колорит оригинала повсюду верно переданы» (Там же. С. 314). Очевидно, Боденштедт всегда ставил «колорит» на первое место. Еще в 1852 г. в предисловии к переводам из Лермонтова он объяснял: «Bekanntlich giebt es zwei anerkannte Uebersetzungsmethoden : die wortgetreue und die frei nachbildende. Auf die nicht umgehende Frage, welcher von diesen beiden Methoden gefolgt sei — muß ich ehrlich antworten : keiner von beiden! Vertrauend auf die hohe Ausbildung, den Reichtum und die Biegsamkeit der deutschen Sprache, steckte ich mir das Ziel, die ganze Farbenfrische des Originals wiederzugeben, ohne in den metrischen Vorbildern das Geringste zu ändern, ohne ein Bild oder einen Gedanken zu verwischen, und vor Allem : ohne das Maß des Schönen zu überschreiten» («Как известно, существует два признанных метода перевода: буквальный и вольный, подражательный. На неизбежный вопрос: какому из этих двух методов я следовал, — я должен честно ответить: ни одному! Полагаясь на высокую степень развития, богатство и гибкость немецкого языка, я поставил перед собой цель передать всю свежесть красок оригинала, не внося при этом ни малейших изменений в метрику, не сглаживая ни единого образа или мысли и прежде всего: не переступая границы прекрасного») (*Bodenstedt Friedrich.* Gesammelte Schriften. Berlin, 1866. Bd 6. S. 22.)

[57] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 383.

[58] Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 149.

[59] «верен — однако, откровенно говоря, немного тяжеловесен и вял, — слишком в деловом стиле» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 121, 285).

Случай с И. Делаво также служит показательным примером. Узнав о публичном протесте Тургенева против перевода «Записок охотника», сделанного Шаррьером, Делаво обратился к Тургеневу за разрешением издать «авторизованный» перевод. Трудно детально восстановить роль Тургенева в этом переводе. Его сотрудничество с Делаво (несмотря на то, что Делаво фактически осуществил свой перевод до обращения к Тургеневу) продолжалось больше года и, судя по всему, не без взаимного раздражения и нервного напряжения. Хотя Тургенев непосредственно участвовал в переводе, результат его не удовлетворил. В письме к Л. Виардо он жаловался: «...ce n'est qu'après m'être embarqué dans cette affaire, que je me suis aperçu de l'insuffisance littéraire de Delaveau».[60] Следствием этих литературных недостатков оказался именно «caractère morne et „procès-verbal"» перевода.[61]

Придание первостепенной важности стилистическому чутью обозначало, что даже знание языка оригинала могло казаться Тургеневу второстепенным. Среди немецких переводчиков, кому он больше всего доверял, был Мориц Гартман.[62] Когда Эрих Бере решил предпринять немецкое собрание сочинений Тургенева, последний посоветовал ему в первую очередь обратиться именно к Гартману. Однако, когда Бере предложил, чтобы Гартман перевел новую повесть Тургенева «Несчастная», Тургенев должен был сознаться: «Hartmann kann meine neueste Novelle nicht *direct* übersetzen, da er des Russischen nicht mächtig ist, er

---

[60] «...только ввязавшись в эту историю, я понял литературные недостатки Делаво» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 280).

[61] «тусклый и „протокольный" характер» (Там же. Т. 10. С. 117, 311). Не один Тургенев был такого мнения о переводе Делаво. Когда В. П. Боткин проверял корректуру, он жаловался Тургеневу: «...странное впечатление оставило во мне это чтение: дух русского языка так несроден французскому, что точный перевод выходит по-французски угловат, сучковат; ни малейшей мелодии не чувствуется во фразе; <...> только с усиленным представлением доходит картина до воображения <...>. Я думаю, что Делаво подлил всю эту сухость и деревянность: увы, поэтического чувства, к сожалению, этот смертный не имеет никакого» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 137). И более поздние переводы Делаво не удовлетворяли Тургенева. Посылая П. Виардо перевод «Аси», сделанный Делаво, Тургенев заметил: «...il faut vous prévenir, que jamais peut-être ce pauvre Delaveau ne m'a abîmé plus complètement» («...должен вас предупредить, что, быть может, никогда еще этот несчастный Делаво не причинял мне такого полного ущерба») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 292, 394).

[62] В ответ на предложение Гартмана предпринять переводы его произведений Тургенев писал: «Dass Sie mich übersetzen — ist mir eine Ehre und eine Freude; und ich muss es mit Dankbarkeit anerkennen, dass Sie Ihre Zeit an meine Sachen verschwenden. Ich erwarte die Uebersetzungen mit grosser Spannung: dass sie ganz vortrefflich sind, weiss ich im Voraus gewiss» («То, что Вы меня переводите, — для меня честь и радость; и я должен отметить с благодарностью, что Вы расточаете свое время на мои произведения. С большим нетерпением ожидаю эти переводы: что они превосходны, я знаю наперед») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 90, 234). Его ожидания оправдались. Когда он получил первую часть напечатанного перевода «Якова Пасынкова», он написал Гартману, что перевод «ist so vortrefflich, wie ich es nur wünschen kann. O hätt' ich immer solche Uebersetzer gehabt!» («так хорош, как только можно пожелать. О если бы я и прежде всегда имел таких переводчиков!») (Там же. С. 105, 236).

übersetzt erst aus dem Französischen. — Wenn Sie aber auf das „Tagebuch eines Jägers" — reflectiren, so bin Ich überzeugt — er würde eine vortreffliche Version liefern — da er dieses Werk aus den Französischen Uebersetzungen gründlich kennt <...>».[63]

4

Несомненно, в реализации пропагандистской задачи сказывалось основательное знание Тургеневым условий издательской практики в Западной Европе. Огромную, иногда даже решающую роль играли юридические обстоятельства, объясняемые тем, что Россия являлась государством, не подписавшим ни одного международного договора об авторских правах, а только несколько отдельных двусторонних договоров. Таким образом, очень часто ни переводчик, ни издатель перевода не нуждались в разрешении автора, и не обязательно надо было платить автору гонорар. Это касалось Тургенева и как автора, и как переводчика. По мере того как он становился более знаменитым и у него завязывались личные связи с издателями и переводчиками, росло и участие Тургенева в переводах собственных произведений. Не удивляет и то, что наблюдается прямое соотношение между его участием в переводе и чувством свободного владения языком. Поэтому наиболее активное участие он с самого начала принимал во французских переводах и меньшее — в немецких. Что касается переводов на английский язык, то он всегда был готов помочь объяснениями, но доверял переводчику, в первую очередь Вильяму Рольстону. В переводах на другие языки он не принимал непосредственного участия.[64]

Следовательно, как роль, так и степень участия Тургенева в различных переводах собственных произведений могли резко различаться в зависимости от обстоятельств. Иногда он узнавал о существовании перевода только после того, как перевод появлялся в печати и кто-то (даже соперничающий переводчик) ему об этом сообщал. В случаях, когда к нему обращались заранее (не обязательно за разрешением), он считал такое обращение со стороны переводчика или издателя вежливостью, за которую всегда был благодарен.[65]

---

[63] «Гартман не может *прямо* с оригинала перевести мою последнюю повесть, так как он не силен в русском; он переводит только с французского. — Но если Вы думаете о „Записках охотника", то я убежден, что он сделал бы превосходный перевод, так как досконально знает это произведение по французским переводам» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 85, 270).

[64] См. письмо к Анненкову от 12 (24) февраля 1877 г.: «Только и было у меня занятий, что корректура немецкого и французского перевода „Нови" (есть и английский, и итальянский, и даже шведский (!) — но этих, к счастью, мне не посылают) <...>» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 95).

[65] В 1874 г. американский издатель Генри Холт удивил Тургенева высылкой гонорара за те его произведения, которые он издал. Тургенев объяснил этот поступок тем, что «America is decidedly the land of eccentricities» («Америка — это решительно страна экс-

Как правило, Тургенев пользовался любым случаем, чтобы принять деятельное участие в переводе, считая это единственным средством влияния на его качество. Узнав о предлагаемом переводе, он старался связаться непосредственно с переводчиком и предлагал свою помощь — или советами, или проверкой перевода. Иногда он участвовал в переводе с самого начала — как в случаях, когда намерение сделать перевод возникало у него самого, так и в случаях, когда перевод предлагал кто-то другой.

Тургенев всегда сознавал, что среди европейской читающей публики интерес к переводам современных иностранных произведений был низким и что поэтому издатели неохотно вкладывали средства в издание переводов (это нередко удивляло русских, которые хотели заработать переводами). Когда в 1868 году к Тургеневу обратились с просьбой убедить Ж. Этцеля, у которого Тургенев тогда издавал французские переводы своих произведений и с которым лично дружил, издать перевод романа А. К. Толстого «Князь Серебряный», он сообщил издателю: «Je crois que cela peut avoir du succès — ce succès de 2000 lecteurs, dont vous me parliez et que ne dépassent guère les ouvrages traduits».[66]

М. В. Авдееву, который с ним советовался, где издать переводы двух своих романов, он объяснял: «Переводы с иностранных языков печатаются в Париже туго и неохотно, потому что плохо идут с рук. Диккенс не нам чета — а ни один из его романов не вышел вторым изданием <...>. Мои книги переводились — но собственно я ни копейки за это не получал никогда, — а переводчику — в виде великой милости — платилось, и то не всегда, франков 300, 400. Афера, как Вы видите, не блестящая. Нечего и говорить, что ни одной моей книги не разошлось и первого издания, т. е. 2400 экз.».[67]

центричностей») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 13, 257). Самому Холту Тургенев написал на своем иногда довольно оригинальном английском языке: «...I can frankly tell you that seldom or never has anything during all my literary career given me so much unmitigated pleasure. The deep sympathy I always felt for America and the Americans has been accrued by it; and the appreciation of your countrymen, testified by your amiable letter, makes me proud and happy» («...могу откровенно сказать вам, что за всю свою литературную жизнь я редко, или даже никогда не испытывал столь безграничного удовольствия. Тем самым глубокая симпатия, которую я всегда питал к Америке и к американцам, еще более возросла, а высокая оценка со стороны ваших соотечественников, засвидетельствованная вашим любезным письмом, вызывает во мне чувства гордости и счастья») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 12, 257). О неоднозначном отношении Тургенева к вопросу об авторских правах см.: *Waddington Patrick.* I. S. Turgenev and the International Literary Congress of 1878 // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 37—70.

[66] «Думаю, что он может иметь успех — тот успех у 2000 читателей, о котором вы мне говорили и дальше которого не идут переводные сочинения» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 189, 263).

[67] Там же. С. 191—192. Такое положение должно было вскоре измениться. В 1868 г. Этцель издал отдельным изданием французский перевод «Дыма», и за один лишь 1868 г. ему пришлось его переиздавать три раза. Всего до 1887 г. роман вышел у Этцеля в десяти изданиях. См.: *Žekulin Nicholas G.* A Bibliography of Books 1843—1982 By and About Ivan Turgenev. Calgary, 1985. P. 113.

Ситуация в Германии была не более благоприятной. В письме от 25 декабря 1861 года Боденштедт жалуется на то, что ему с трудом удалось поместить первые переводы «da sich unsere besten Blätter jetzt entschieden dagegen sträuben, Übersetzungen in ihren Feuilletons aufzunehmen, sie wollen durchaus originell sein».[68] Эти первые переводы («Муму», «Якова Пасынкова» и «Фауста») выполнила жена Боденштедта Матильда с французского издания «Scènes de la vie russe», и сам Боденштедт впоследствии «verglich die Übersetzung damit, hie und da ein kleines Mißverständnis berichtigend und kleine Änderungen vornehmend».[69] Боденштедту удалось найти редактора, который согласился их принять, но только при условии, что имя переводчика появится в форме, допускающей двоякое толкование: «deutsch von Bodenstedt»; редактор не хотел принять перевод, исполненный «неизвестным» переводчиком.

В 1863 году Боденштедт подписал договор с мюнхенским издателем на трехтомное издание повестей и рассказов Тургенева в своем переводе, но после первых двух томов (1864—1865) издатель отказался от продолжения издания из-за малого на него спроса.[70]

Когда Тургеневу как автору предлагали гонорар, он чаще всего отказывался от него в пользу переводчика — или по договору с издателем, или просто лично передавал свой гонорар.[71] Был даже такой случай, когда Тургенев фактически заказал перевод за свой счет. Когда Боденштедт в 1862 году в первый раз обратился к Тургеневу и выслал ему перевод его повести «Фауст», Тургенев решил воспользоваться этим для того, чтобы сделать свое творчество более широко известным в Германии: «Je ne puis m'empêcher de commencer par vous parler de la traduction de ma nouvelle „Faust" <…>. Je viens de la lire et je suis resté *ravi* à la lettre — elle est tout simplement parfaite. <…> Cette bonne fortune m'a fait venir l'eau à la bouche — et voici ce que je me permets de vous proposer. Je serais très heureux de me faire connaître au public allemand par l'entremise

---

[68] «так как лучшие наши газеты решительно возражают против помещения переводных произведений в качестве фельетонов и желают непременно печатать лишь оригинальные сочинения» (*Письма Боденштедта*. С. 307—308).

[69] «сравнил с ним перевод, выправил кое-где мелкие неточности и внес несколько незначительных изменений» (*Письма Боденштедта*. С. 307, 310).

[70] Erzählungen von Iwan Turgénjew / Deutsch von Friedrich Bodenstedt. Autorisirte Ausgabe. München: Rieger'sche Universitäts-Buchhandlung. Bd 1. 1864. Bd 2. 1865. См.: *Раппих Хорст*. Тургенев и Боденштедт. С. 337.

[71] «Vom Honorar für mich persönlich ist gar nicht die Rede; das überlass' ich in der Regel dem Uebersetzer: mir ist an der Befriedigung, vom deutschen Publicum gelesen zu werden — vollkommen genug» («О гонораре лично для меня не может быть и речи; как правило, я оставляю его переводчику. Мне совершенно достаточно удовлетворения, что немецкая публика меня читает») (*ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 105, 279. Письмо от 11 (23) декабря 1868 г. Ю. Роденбергу). См. также его письмо к А. П. Голицыну от 28 июня (10 июля) 1867 г.: «Je n'ai jamais touché de droits d'auteur en France; l'honneur d'y être lu me suffit» («Я никогда не получал авторского гонорара во Франции; мне достаточно чести, что меня там читают») (Там же. Т. 8. С. 16, 216).

d'un introducteur aussi excellent et aussi populaire que vous l'êtes — et si vous vouliez faire un choix de mes nouvelles pour les publier, je serais enchanté de tenir à votre disposition la somme que vous jugeriez suffisante pour vos honoraires — car je sais bien que les éditeurs actuels ne sont guère disposés pour tout ce qui est russe et ne se chargeraient tout au plus que de la publication».[72]

5

Помимо экономических факторов, переводческая практика сталкивалась с культурными барьерами. Бывают культурные явления, свойственные только данной стране, которые остаются для иностранцев просто чуждыми. После смерти Гоголя Тургенев сообщил Полине Виардо: «Les esprits les plus pénétrants parmi les étrangers, un Mérimée p. e. n'ont vu en Gogol qu'un humoriste à la façon anglaise — sa signification historique leur a complètement échappé — je le répète, il faut être Russe pour savoir tout ce que nous avons perdu!».[73]

Известно, что «принимающая культура» не готова принимать все, что ей предлагают. И с этим следует считаться. Поэтому Тургенев часто предоставлял выбор произведений для перевода как раз переводчику или издателю по той причине, что они лучше должны были знать свою публику.[74] Хотя он иногда высмеивал узость культурных взглядов

---

[72] «Не могу прежде всего не поговорить с вами о переводе моей повести „Фауст" <...>. Я только что прочел его и был буквально в *восторге* — он просто прекрасен. <...> Этот счастливый случай разлакомил меня — и вот что я решаюсь предложить вам. Мне было бы весьма приятно познакомить немецкую публику с моими произведениями через столь превосходного и широко известного посредника, каким являетесь вы — и если бы вы согласились выбрать некоторые из моих повестей с тем, чтобы издать их, я был бы очень рад предоставить в ваше распоряжение ту сумму, которую вы сочтете достаточным вознаграждением за ваш труд, ибо я отлично знаю, что современные издатели весьма мало расположены ко всему русскому и самое большое — согласились бы принять на себя лишь типографские расходы» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 121, 336—337).

[73] «Самые проницательные и умные из иностранцев, как, например, Мериме, видели в Гоголе только юмориста на английский лад, его историческое значение совершенно ускользнуло от них. Повторяю, надо быть русским, чтобы понимать, кого мы лишились!» (Там же. Т. 2. С. 122—123, 386).

[74] «Quant au choix que vous me demandez de faire parmi mes productions, je crois que vous seriez beaucoup plus compétent que moi pour juger ce qui peut convenir au public allemand. Cependant je vais vous indiquer quelques titres pour me conformer à votre désir <...>» («Что же касается выбора, который вы просите меня сделать из моих произведений, то я полагаю, что вы лучше меня можете судить о том, что может подойти немецкой публике») (Там же. Т. 5. С. 125, 338. Письмо к Боденштедту от 6 ноября н. ст. 1862 г.); «Le choix que vous avez fait de mes œuvres me paraît excellent — et je le répète, je vous donne carte blanche» («Выбор, сделанный вами из моих произведений, я нахожу превосходным и повторяю еще раз, что предоставляю вам в этом полную свободу»). Несмотря на «полную свободу», Тургенев все-таки позволил себе «d'attirer votre attention sur un petit récit <...>» — «Поездку в Полесье» («обратить ваше внимание на маленький рассказ <...>») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 130, 338. Письмо к Боденштедту от 16 ноября н. ст. 1862 г.). «Ein Ausflug in die Waldregion» появился в первом томе боденштедтовского издания.

(в первую очередь, французов[75]), он отлично понимал, что национальные нормы и вкусы читателей надо принимать во внимание, даже если результатом такого подхода являлось то, что произведение могло квалифицироваться как вообще не пригодное для перевода. Его, например, ничуть не удивило решение редакторов французского журнала «Revue des Deux Mondes», где раньше уже появлялось несколько его произведений, отказаться от повести «Призраки», которую они считали «гилью несуразной», несмотря на то, что перевод был выполнен Проспером Мериме.[76]

Но дело было не только в выборе самих произведений. Тургенев не отрицал права переводчика исключать из перевода какое-либо предложение или часть произведения, которые, по мнению переводчика, не соответствуют принятым нормам. В своей английской заметке об «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина он утверждает, что «a burlesque description of the town of Glupoff, and of the governors who successively ruled over it from 1762 to 1826 — could not well be translated in its entirety, nor do I think that it could be understood or appreciated by a Western public. The „taste of the soil" is too perceptible, and the language too often runs into slang. <...> I repeat that the *History of a Town* could not be translated as it stands, but I think that a selection might be made out of the different forms of its Governors which pass before the reader's eyes, sufficient to give an idea to foreigners of the interest excited in Russia by a strange and striking book — one which, under a form necessarily allegorical, offers a picture of Russian history which is, alas! too true».[77]

Но Тургенев пошел еще дальше; он даже допускал текстовые изъятия по личному вкусу переводчика. Когда Этцель издал перевод повести Марко Вовчок «Maroussia», Тургенев удивился, что издатель не

---

[75] В письме от 3 (15) января 1857 г. к Л. Н. Толстому он замечает: «Всё не ихнее им („французикам". — *Н. Ж.*) кажется дико — и глупо. „Ah, le lecteur français ne saurait admettre cela!"» («Ах, французский читатель не мог бы этого допустить!») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 181, 522). Традиция «вольных переводов», в которых оригинальный текст приспосабливался к доморощенным культурным нормам, была раньше широко распространена, но особо долго сохранялась во Франции. См. об этом, напр.: *Berman Antoine.* The Experience of the Foreign. Culture and Translation in Romantic Germany. / Transl. S. Heyvaert. Albany, 1984. P. 35—37; *Россельс В.* Теория художественного перевода — область литературоведения // Вопросы литературы. 1960. № 5. С. 157.

[76] См.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 164. Повесть все-таки вышла, когда Мериме угрожал порвать свои отношения с журналом (см.: *Mérimée Prosper.* Correspondance générale. Toulouse, 1941—1964. 2e série. Т. 7. P. 127. Далее сокращенно: *Mérimée. Corr.*).

[77] «в форме комического описания города Глупова и начальников, последовательно правивших им с 1762 по 1826 г. Целиком перевести ее невозможно, и западная публика, я думаю, не поняла бы и не оценила бы ее. Местный колорит здесь слишком силен, а язык слишком часто сбивается на жаргон. <...> Повторяю, „Историю одного города" нельзя перевести полностью, но я думаю, что из вереницы городничих, проходящих перед глазами читателя, достаточно было бы отобрать несколько типов, чтобы дать иностранцам представление о том интересе, который возбудила в России эта странная и поразительная книга, представляющая в аллегорической по необходимости форме слишком верную, увы! картину русской истории» (*ПССиП(2). Соч.*. Т. 10. С. 263, 264—265).

исключил некоторые описания, которые ему, Тургеневу, казались излишними.[78]

Самой дурной славой в связи с изменениями, которые Тургенев разрешал вносить в переводы собственных произведений, приспосабливая их к вкусам публики, пользуется французский перевод повести «Первая любовь», выполненный И. Делаво. В этом переводе (а следовательно, и во всех переводах, сделанных с этого перевода) есть эпилог, которого не было в русском оригинале и который никогда не добавлялся к русскому тексту повести. Перевод осуществлялся в 1860 году, но редакторы журнала «Revue des Deux Mondes» от него отказались. Необыкновенно резкая критика Луи Виардо в письме к Тургеневу от 23 ноября н. ст. 1860 года позволяет понять позицию французских редакторов: «Franchement, si j'avais été le directeur de la *Revue des Deux Mondes*, j'aurais aussi refusé ce petit roman, et par le même motif. Je crains bien qu'il n'appartienne à votre insu à ce qu'on nomme justement la littérature mal-saine. Tous les personnages y touchent à l'odieux <…> aucun d'eux n'intéresse ou n'amuse. <…> Et qui est-ce qui raconte cette scandaleuse histoire? Son fils, ô honte ! Son propre fils, qui n'imite pas les enfants de Noé couvrant l'ivresse et la nudité de leur père, mais qui les étale au grand jour. Et ce n'est pas à seize ans qu'il parle, mais à quarante, quand ses cheveux grisonnent; et il ne trouve pas un mot de blâme ou de regret sur la déplorable situation de ses parents. A quoi sert, après cela, le talent dépensé sur un tel sujet?

Vous avez commencé par un livre excellent <…> Et maintenant vous vous laissez emporter à la dérive vers l'égout du roman moderne. Prenez-y garde, et hâtez-vous de remonter sur vos pas».[79]

---

[78] «…je m'étonne surtout que vous n'ayez pas porté vos ciseaux sur certaines banalités de description qui se trouvent dans la première partie» («…меня в особенности удивило то, что вы не прошлись с ножницами по некоторым банальностям в описаниях, содержащихся в первой части») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 14. С. 133, 240. Письмо от 31 августа н. ст. 1875 г.). М. П. Алексеев приводит крайний пример такой вольности, в которой, безусловно, играет первичную роль личное мнение самого Тургенева (*Алексеев*. С. 301—302). Н. А. Островская вспоминала, что Тургенев думал предпринять французский перевод «Войны и мира», из которого бы исключалось всё философствование (или, в случае возражений со стороны Толстого, было бы перенесено в приложения, «потому что я знаю французов, — они за скучным и смешным не увидят хорошего» (*Островская Н. А.* Из воспоминаний о Тургеневе // *Т в восп.* Т. 2. С. 78).

[79] *Nouv. corr. inéd.* Т. 2. P. 115—116. «Откровенно говоря, если бы я был редактором „Revue des Deux Mondes", я тоже отказался бы от этого небольшого романа и по тем же причинам. Боюсь, что его, хотите вы этого или нет, следует отнести в разряд той литературы, которую справедливо именуют нездоровой. Все его персонажи отдают одиозностью <…> никто из них не вызывает интереса, не отличается занимательностью. <…> И кто рассказывает всю эту скандальную историю? Его сын, о стыд! Его собственный сын, который не прикрывает наготы пьяного своего отца, подобно сыновьям Ноя, а выставляет его на божий свет. И ведь не в шестнадцать лет он это делает, а в сорок, когда у него самого уже серебрятся волосы; и он не находит ни единого слова порицания или сожаления по поводу жалкого положения своих родителей. Чему, после всего этого, служит талант, расходующий себя на подобный сюжет? Вы начали с превосходной книги <…>

В 1863 году повесть появилась в сборнике «Nouvelles Scènes de la vie russe», вышедшем у Дантю, с эпилогом, в котором слушатели воспоминаний рассказчика обсуждают рассказанное как явление, свойственное исключительно русским нравам. В 1882 году, когда вышла немецкая статья, в которой такое морализирование рассматривалось как определяющая черта тургеневского искусства, Тургенев жаловался Л. Пичу: «Nun ist die ganze Argumentation des scharf- und tiefsinnigen Kritikers <...> auf etwas basirt, das ich *gar nicht* geschrieben habe. Nämlich — das ganze reflectirende Anhängsel am Ende der Novelle „Die erste Liebe" ist von meinem französischen Uebersetzer (unter uns: von Viardot) aus *moralischen* Rücksichten zugefügt worden... <...> Ich habe dagegen nicht protestirt. Vielleicht hätte ich es thun müssen <...>. Leider ist das Ding — diesmal wider meinen expressen Willen — in die deutsche Version übergegangen. Wie wenig so etwas in meiner Natur liegt — werden Sie wohl wissen... So ein reflectirendes Nachgrübeln und Recensiren ist wie das Gackern der Henne *nach* dem Eilegen... höchst unnütz — und bei dem Menschen jedenfalls verwirrend».[80]

А теперь вы даете унести себя мутному потоку современного романа. Остерегитесь и поспешите вернуться на круги своя» (см.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Переписка И. С. Тургенева с Полиной Виардо и ее семьей / Сост., вступит. ст. и коммент. к разделу «Воспоминания» В. Г. Фридлянд. Сост., перевод, вступит. ст. и коммент. к разделу «Переписка» Н. П. Генераловой. М., 1988. С. 498—499).

[80] «И вот оказывается, что вся аргументация остроумного и глубокомысленного критика <...> основывается на том, чего я *вовсе не* писал. А именно весь привесок с рассуждениями в конце повести „Первая любовь" прибавлен моим французским переводчиком (между нами: Виардо) из соображений *морального* свойства... <...>. Я не протестовал против этого. Может быть, мне и следовало бы это сделать <...> К сожалению, этот привесок — на сей раз уже определенно против моего желания — перешел в немецкий перевод. Как мало свойственно мне такое — Вы, наверное, знаете... Все эти запоздалые умствования и оценки похожи на кудахтанье курицы *после* того, как она снесла яйцо... совершенно бесполезны — и только сбивают с толку» (Письмо от 15 февраля н. ст. 1882 г. *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 196, 369). Речь идет о статье Роберта Бира: *Robert Byr* <Karl Robert von Bayer>. Kleinere Erzählungen von Turgenejew (Маленькие рассказы Тургенева). Она появилась в журнале «Magazin für die Literatur des In- und Auslandes» (номер от 1 января 1882 г.) в качестве рецензии на одиннадцатый том «Ausgewählte Werke», вышедший в издательстве Бере (текст этого места статьи воспроизведен в сборнике *Turgenjew Iwan.* Briefe an Ludwig Pietsch / Hrsg. Christa Schulze. Berlin-Weimar, 1968. S. 255—256). См. также: *Pietsch Ludwig.* Eindrücke und Erlebnisse auf einer Maifahrt nach Belgien und Frankreich (1882) // Ibid. S. 165. Не сохранилось никаких писем Тургенева, в которых он дает особые указания по поводу перевода этой повести на немецкий язык. В письме к Фр. Боденштедту от 13 августа 1863 г. он обещает ему выслать французские переводы, «où se trouvent les petites additions et restitutions du texte que j'ai faites» («где находятся сделанные мною небольшие добавления и восстановления текста») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 201, 355). Перевод, осуществленный Боденштедтом (лишь в 1865 г.), включал концовку французского перевода, но не вызвал особого замечания со стороны Тургенева, считавшего сам перевод превосходным: «die „Erste Liebe" ist geradezu ein capo d'opera» («„Первая любовь" — настоящий шедевр») (Там же. Т. 6. С. 168). Среди сохранившихся писем к Бере есть письмо от 8 апреля (ст. ст.?) 1880 г., в котором Тургенев одобряет выбор произведений для одиннадцатого тома, но без особого указания на вопрос об окончании «Первой любви» (см.: *Rimscha Hans, von.* Die bisher unbekannten Briefe Ivan

Во французской Национальной библиотеке сохранился русский текст этого эпилога, в связи с чем некоторые русские комментаторы приходили к заключению, что Тургенев не устоял перед нажимом со стороны Л. Виардо и все-таки сам написал этот эпилог. Заглавие рукописи «Прибавленный хвост для французского издания в „Первой любви"» на самом деле не позволяет окончательно решить вопрос о роли Тургенева в эпилоге, но подтверждает учет национальных вкусов в его создании.[81]

Бывало, однако, и наоборот, когда Тургенев пользовался переводом, чтобы включить места, которые из оригинала исключала русская цензура. Среди таких примеров можно назвать перевод «Записок охотника», который сделал И. Делаво,[82] и некоторые места в романе «Дым».[83] Были даже случаи, когда Тургенев что-то добавлял в текст перевода, впоследствии включенное и в русский текст. В письме к Луи Виардо от 16 октября н. ст. 1857 года он предлагает добавить («je vous propose d'ajouter») новую концовку в перевод повести «Поездка в Полесье». Перевод появился с этой концовкой (с некоторыми стилистическими изменениями, скорее всего принадлежавшими Виардо), а когда Тургенев готовил очередное русское издание своих сочинений, он включил эту концовку в русский текст повести с некоторыми незначительными дополнительными изменениями.[84] Но если Тургенев с видимым равнодушием относился к пропускам и приспособлениям, вводимым переводчиками, то внесение новых идейных элементов ему явно досаждало;

S. Turgenev an seinen deutschen Verleger Erich Behre in Mitau // Jahrbuch für Geschichte Osteuropas. N. F. Bd 18 (1970). Heft 4. S. 572). Другого письма, в котором Тургенев коснулся бы этого вопроса, нет, хотя из письма к Юлиусу Роденбергу от 12 января н. ст. 1882 г. известно, что Тургенев просматривал корректуру одиннадцатого тома, как и всех предыдущих (*ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 177).

[81] Существует мнение, будто и русские читатели могли считать повесть безнравственной (см., напр.: *Кийко Е. И.* Окончание повести «Первая любовь» (1863) // *ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 59—68; здесь факсимильно приводятся документы, подтверждающие, что окончание повести написано по-русски рукой Тургенева. Не исключено, правда, что оно является переводом, выполненным Тургеневым с чужого французского оригинала).

[82] См.: *Прийма Ф. Я.* Новые данные о «Записках охотника» Тургенева во французской литературе // «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Ст. и материалы / Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1955. С. 344— 345. Хотя Делаво прямо не называет цензуру, он говорит об этом в своем предисловии к изданию: «...il a même consenti à rétablir quelques passages qu'il avait cru devoir prudemment supprimer dans l'œuvre originale et qui, par un cachet particulier de vérité, ajoutent encore à l'effet qu'elle produit dans son ensemble» («...он даже согласился восстановить несколько фрагментов, которые вынужден был осмотрительно исключить из первоначального текста и которые, будучи особо отмеченными достоверностью, усилили общее впечатление» (*Tourguénef Ivan.* Récits d'un chasseur / Trad. par H. Delaveau. Paris: Dentu, 1858. P. viii—ix).

[83] См.: *Горохова Р. М.* «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа // *Т Сб.* Вып. 5. С. 255. Речь идет, в первую очередь, о биографии генерала Ратмирова.

[84] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 262, 563; см.: *Tourguéneff I.* Deux journées dans les Grand-Bois // Tourguéneff I. [Nouvelles] Scènes de la vie russe. Paris: Hachette, 1887. P. 290—291, см. также *ПССиП(1). Соч.* Т. 7. С. 70, 302. Главным прибавлением в русском тексте является фраза в первом абзаце «и поигрывал и перебирал вожжами» (о Кондрате).

против «авторских» комментариев или суждений, которые в его тексте отсутствовали, против так называемой «отсебятины» он с досадой возражал.[85] Получив первую часть перевода «Дыма», сделанного А. П. Голицыным, Тургенев выразил свое разочарование: «Je ne réclame pas contre les suppressions, affaiblissements d'expressions etc. — que vous avez crus nécessaires — mais je ne puis admettre qu'on me fasse dire noir où je dis noir».[86]

Но даже в таких случаях он только жаловался, но не требовал изменения перевода!

6

Хорошо известно, что Тургенев приходил в ужас от даже незначительных опечаток в своих произведениях. В такой же ужас он приходил от грубых ошибок в переводе. Не удивительно, что он был всегда готов помочь любому переводчику, чтобы избежать бессмыслицы, которая могла возникнуть из-за недостаточного знания языка со стороны переводчика. В своих письмах к переводчикам Тургенев всегда обращал особое внимание на такие места и предлагал, чтобы к нему обращались для пояснений или с вопросами. В июле 1864 года, получив от Боденштедта его перевод «Постоялого двора» (который он, как всегда, считал образцовым), он все-таки ему предложил: «Vergessen Sie nicht, dass ich zu Diensten stehe, wegen etwaiger unverständlicher Worte in den „Visionen"».[87] И Боденштедт в своем ответе от 29 июля приложил список выражений, которые ему были «nicht ganz klar».[88] Марии Пецольд, которая в 1869 году послала Тургеневу свой перевод повести «Несчастная», он отвечает: «...muß Ihre Arbeit als gewissenhaft und getreu loben. Nur ist Ihnen der Sinn einiger allzu idiomatischen, russischen Phrasen dunkel geblieben <...>».[89]

Готовность Тургенева помочь переводчику распространялась не только на его собственные произведения. В 1879 году, например, когда зашла речь о переводе «Казаков» Л. Толстого, Тургенев предложил свои услуги Э. Дюрану, который был ответствен за окончательный

---

[85] Об «отсебятине» в связи с переводческой практикой И. И. Введенского см.: *Левин Ю. Д.* Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода. С. 128—131.

[86] «Я не возражаю против изъятий, смягчения выражений и т. д. — которые вы сочли необходимыми — но я не могу допустить, чтобы меня заставили говорить черное, где я говорю <белое>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 20, 217). Доказательством степени смятения Тургенева служит то, что у него слово «noir» повторяется там, где следует «blanc».

[87] «Не забудьте, что я к вашим услугам, если встретятся непонятные слова в „Призраках"» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 39, 193).

[88] «не совсем ясны» (*Письма Боденштедта.* С. 325).

[89] «...должен похвалить Вашу работу за добросовестность и точность. И только смысл некоторых слишком идиоматических русских фраз остался для Вас неясным <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 10. С. 94, 307).

французский текст: «Je me hâte de vous faire savoir que j'accepte votre proposition avec empressement et que je vous renverrai le manuscrit des „Cosaques" aussitôt après l'avoir parcouru et fait les corrections nécessaires, s'il y a lieu d'en faire».[90]

Постоянной характерной чертой участия Тургенева в переводах на французский и немецкий языки было то, что он настаивал, когда мог, чтобы ему высылали корректуру на проверку и правку, особенно в случае, если он не принимал участия в самом переводе. Это являлось фактическим условием его договора с Э. Бере при издании «авторизированного» немецкого собрания его сочинений: «Ueberhaupt Ich möchte, dass in Ihrer Ausgabe nur *solche* Uebersetzungen — Ich meine, sorgfältig von mir revidirte, — Platz fänden, — und Ich würde dann, wenn Sie es wünschen sollten, mich nicht mit einer einfachen Autorisation begnügen, sondern ein Paar Worte als kurze Vorrede vorausschicken».[91]

Однако и здесь Тургенев не нарушал своего понимания прав переводчика. Проверка корректуры — после того, как перевод был уже осуществлен, — опять-таки должна была служить преимущественно для исключения вздора, т. е. исправления мест (слов или фраз), которые переводчик просто не понимал. Получив перевод «Призраков» от Боденштедта (который ему всегда высылал свои переводы до их появления в печати, «damit Sie noch beliebige Änderungen treffen oder vorschlagen können, um das Ganze makellos in die Öffentlichkeit zu bringen»[92]), Тургенев ему сообщил: «Was die Uebersetzung betrifft, so brauch' ich Ihnen nicht zu sagen, dass Sie, wie immer, völlige „carte blanche" haben — und meine Verbesserungen gingen bloss auf den Sinn — nie auf die Form — und lassen Ihnen Ihre Freiheit ganz».[93]

Такой «карт-бланш» предоставлялся не только доверенному переводчику, но даже писателям — носителям языка, которых он просил сделать окончательную стилистическую шлифовку перевода: он хотел добиться того, чтобы перевод читался не как перевод. Даже если допустить, что Тургенев выбирал — сознательно или неосознанно — писателей, чей стиль он ценил, степень доверия иногда поражает, особенно тогда, когда переводчику возвращалась проверенная корректура.

---

[90] «Спешу уведомить вас, что я с готовностью принимаю ваше предложение и пришлю вам рукопись „Казаков" сразу же после того, как просмотрю ее и сделаю необходимые исправления, если таковые потребуются» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 111, 362).

[91] «Вообще мне хотелось бы, чтобы в Вашем издании были помещены только *такие* переводы — т. е. внимательно просмотренные мною — и в таком случае, если бы Вы того пожелали — я не ограничился бы простой авторизацией, но добавил бы пару слов в качестве короткого вступления» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 84, 269).

[92] «так что вы сможете внести или предложить исправления, чтобы выпустить все в свет в безукоризненном виде» (*Письма Боденштедта.* С. 313, 314. Письмо от 3 ноября 1862 г.).

[93] «Что касается перевода, то мне не к чему говорить, что я даю вам всегда совершенную „carte blanche" и что мои поправки касаются смысла — а отнюдь не изложения — и оставляют вам полнейшую свободу» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 54, 196).

Далее Тургенев не собирался снова возвращаться к ней до появления в печати.

Примером такой крайней степени его доверия может служить немецкий перевод «Отцов и детей», который должен был открывать собрание сочинений в издании Бере. Когда рекомендованный самим Тургеневым перевод оказался неудовлетворительным, он в отчаянии обратился к своему близкому другу Людвигу Пичу с просьбой: «...die Uebersetzung (aus dem Französischen natürlich) sehr mangelhaft ist. Ich quäle mich ein Dutzend Capitel hindurch — kann aber nicht weiter fortfahren — kenne auch den deutschen Styl zu wenig. <...> ich bin überzeugt, dass mit der blitzartigen Schnelligkeit der Arbeit, mit der der gütige Himmel Sie gesegnet hat — Sie die Sache in 2 Tagen herumkriegen: es handelt sich nur darum, einen Vergleich mit der französischen (vortrefflichen) Uebersetzung durchzuführen <...>».[94]

Даже если принять во внимание явное преувеличение, вызванное признательностью Тургенева за то, что Пич согласился просмотреть перевод, все равно поручение Тургенева поражает неограниченностью предложенной Пичу свободы: «Was die Uebersetzung betrifft — haben Sie natürlich die vollständigste carte blanche! Sie können, wenn Sie wollen — Bazaroff die Frau Odintsoff heirathen lassen; protestiren werd' ich nicht! Im Gegentheil!».[95]

7

Гораздо более сложным и запутанным является вопрос о том, как Тургенев сверял перевод с оригиналом. Тут свидетельства, по меньшей мере, противоречивые. Когда речь идет о переводах сочинений других авторов, то, естественно, сличение перевода с оригиналом имело место. А. А. Фет вспоминает, что в 1853 году Тургенев сличал каждую строку его переводов из Горация.[96] Рекомендуя М. М. Стасюлевичу перевод поэмы Г. Гейне «Deutschland. Ein Wintermärchen», который сделал В. М. Михайлов, Тургенев уверял редактора: «Я два раза вместе с переводчиком прошел всю поэму от стиха до стиха, сверяя ее с подлинником — и, кажется, результат был достигнут вполне удовлетворительный».[97]

---

[94] «...перевод (с французского, конечно) очень неудовлетворителен. Мучаюсь на протяжении двенадцати глав — но продолжать не могу — к тому же я слишком мало знаком с немецким стилем. <...> я уверен, что при молниеносной быстроте работы, которой Вас наградило благое небо — Вы ее одолеете в 2 дня: всё дело в том, чтобы сличить этот перевод с французским (превосходным) <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 123, 285—286).

[95] «Что касается перевода — то Вам, разумеется, предоставляется полностью carte blanche! Вы можете, если пожелаете, позволить Базарову жениться на г-же Одинцовой: я не стану протестовать! Наоборот!» (Там же. С. 135, 288).

[96] *Фет. МВ.* Ч. 1. С. 36.

[97] *ПССиП(2). Письма.* Т. 12. С. 135.

Когда же речь идет о переводах его собственных произведений, дело осложняется тем, что Тургенев мог подключиться к переводу на разных этапах. Если вначале он сам с листа переводил для переводчика, то, естественно, он это делал на основе оригинала. Но в таких случаях нет доказательств, что он впоследствии еще раз сличал перевод с оригиналом. Но если Тургенев получал уже готовый перевод — или для проверки, или перед тем, как его рекомендовать, можно было бы ожидать, что он его тщательно проверит. На самом же деле вряд ли это было так. Судя по тому, как часто он впоследствии находил серьезнейшие недостатки и ошибки в переводе, который раньше хвалил или даже будто бы проверял, можно заключить, что он нередко читал такие переводы довольно поверхностно. В письме к Э. Бере он весьма точно определяет свою роль в исправлении немецкого перевода романа «Накануне» для издания Бере: «Ich habe alle drei Hefte sorgfältig durchgelesen und habe alle Ungenauigkeiten und Fehler verbessert. Ich will nicht sagen, dass der von mir gewählte Ausdruck überall der rechte war — lasse auch dem Herrn Uebersetzer volle Freiheit — aber der *Sinn des Originals* ist auf das Exacteste widergegeben».[98]

Однако в деле перевода «Отцов и детей» все обстояло по-другому. Оказывается, сам издатель обратил внимание писателя на обширные пропуски в переводе, который Тургенев ему рекомендовал, и Тургенев должен был признаться, что рекомендованный им перевод он лишь бегло просмотрел.[99]

По воспоминаниям Н. В. Щербаня, Тургенев иногда «тяготился» процессом сличения с оригиналом. Во время долгого периода совместной работы с И. Делаво над «Записками охотника», «Тургенев был, разумеется, доволен, что произведения его попали в руки человека, который не примет (как перед тем Шарьер) „арапник" за „арапа"; но слегка тяготился просмотром его рукописей и сличение их с оригиналом подчас доверял Боткину или мне, — быть может, не столько „из лени", сколько из опасения слишком усердным личным участием в переводе как бы изменить чете Виардо».[100]

Судя по всему, дело тут обстояло не в нежелании, лени или даже почтительном отношении к Виардо. Даже тогда, когда имеются точные сведения о сличении, исследователей наших дней нередко поражает вольность результатов. Хорст Раппих цитирует воспоминания Л. Пича

---

[98] «Я тщательно прочел все три тетради и исправил все неточности и ошибки. Не хочу утверждать, что найденные мною выражения всегда хороши — предоставляю господину переводчику полную свободу — но *смысл оригинала* передан самым точным образом» (Там же. Т. 10. С. 165—166, 324).

[99] «blos<s> flüchtig angesehen» (Там же. Т. 9. С. 120. Письмо к Бере от 14 января 1869 г.). В письме к Бере от 19 ноября 1868 г. Тургенев заметил: «…nun Sie mir aber sagen, dass gegen das Ende einiges ausgelassen worden ist <…>» («...а теперь вы мне сообщаете, что в конце кое-что опущено») (Там же. Т. 9. С. 84)

[100] *Щербань Н. В.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе (1861—1875) // *Т в восп.* Т. 2. С. 32.

о том, как проверялся перевод «Призраков», выполненный Боденштедтом: «Nie vergesse ich jenen Augustnachmittag, als Turgenjew in dem kleinen traulichen Salon der Villa Viardot, aus dessen Fenster man die Waldhöhe des Merkur, vom heißen Sonnenlicht vergoldet, drüben jenseits der Stadt aufragen sah, mit der Herrin des Hauses und mir gemeinsam die Prüfung und Feilung jener Uebersetzung vornahm. Er mit dem russischen Original in der Hand, jedes Wort erwägend, das ich aus Bodenstedt's Manuscript verlaß, und unsere Meinung, unsere Vorschläge hörend, bis dann schließlich durch Abstimmung über den bestentsprechenden, die feinen russischen Nuancen am genausten wiedergebenden deutschen Ausdruck entschieden wurde».[101]

Несмотря на это, сравнивая перевод с оригиналом, Раппих пришел к заключению: «...Тургенев, по-видимому, лишь бегло сравнивал перевод с русским текстом, обращая особое внимание на устранение грубых смысловых ошибок».[102]

Цель сличения у Тургенева, очевидно, опять-таки ограничивалась исключением явных ошибок в переводе. Взгляд Тургенева на права переводчика, с одной стороны, и его убеждение, что перевод должен читаться не как перевод, а как самостоятельное произведение на языке перевода, с другой стороны, означали, что соотношение с оригиналом для него занимало второстепенное место.

Сравнение четырех французских переводов окончания рассказа «Бирюк» очень показательно. Оно позволяет установить некоторые важные характерные черты тургеневской практики переводчика (см. *Приложение*). Перевод, выполненный самим Тургеневым, является недавно обнаруженным фрагментом перевода, сделанного для друга семьи Виардо — д-ра Фриссона. Фрагмент хранится в Тургеневском музее в Буживале. Второй перевод сделал Шарль Роллина в 1875 году для Тургенева в качестве «пробы пера»; Тургенев считал этот перевод «très bonne» («очень хорошим»).[103] Третьим является «авторизованный»

---

[101] *Pietsch Ludwig.* Erinnerungen an Iwan Turgenjew. I // Vossische Zeitung. 1883. 12. September. N 425. «Я никогда не забуду тот августовский день, когда в маленькой уютной гостиной виллы Виардо, из окон которой видны были поднимающиеся за городом позолоченные горячими лучами солнца и поросшие лесом холмы, Тургенев вместе с хозяйкой дома и со мной принялся за проверку и шлифовку перевода. С русским оригиналом в руках, взвешивая каждое слово, прочитываемое мной по рукописи Боденштедта, он прислушивался к нашему мнению и нашим предложениям; в заключение мы путем голосования выбирали немецкое выражение, наиболее точно передающее тончайшие оттенки русской речи» (Пер. цит. по: *Раппих Хорст.* Тургенев и Боденштедт. С. 341).

[102] Там же. С. 342. О чтении перевода «Призраков» Тургенев сообщил Боденштедту в письме от 1 августа 1864 г.: «Heute lese ich es noch einmal mit Mme Viardot zusammen und schicke Ihnen morgen oder spätestens übermorgen meine Bemerkungen, die in sehr beschränkter Anzahl sein werden — da die Uebersetzung vortrefflich ist, wie immer» («Сегодня я прочту ее (рукопись. — *Н. Ж.*) еще раз вместе с г-жою Виардо и завтра или, самое позднее, послезавтра отправлю вам мои замечания, которых будет весьма ограниченное количество, ибо перевод, по обыкновению, превосходен») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 44, 195).

[103] *ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 52.

перевод Делаво, в котором Тургенев принимал участие. Последний — печально известный перевод Э. Шарриера, против которого Тургенев был принужден публично протестовать, в частности, из-за «les changements, les interpolations, les additions, qui s'y rencontrent à chaque page. C'est à ne pas s'y reconnaître».[104] В общем, каждый из переводов соответствует репутации переводчика. Самым точным следует считать перевод Делаво, но он на самом деле похож на отчет секретаря суда. Шарьер вставляет в текст свои комментарии («tu m'as étonné *et réjoui*») и прибавляет подробности, которые отсутствуют в оригинале: он упоминает двух детей лесника (которых Тургенев в конце очерка не упоминает) и добавляет звуки удаляющейся лошади и лязг ворот. Роллина соединяет точность с живостью, которая отсутствует у Делаво (напр., его «mais prends garde...»).

Больше всего удивляет перевод самого Тургенева. Хотя в некоторых местах встречаются особо удачные выражения (тургеневское «lança» по сравнению с «pousser/poussa» у французов), по существу Тургенев допустил такие вольности, каких не позволял себе даже Шарьер! Среди них можно указать на прибавления к тексту оригинала (напр., «après s'être recueilli»; «avec un demi-sourire»), на пропуски (не упоминается готовность рассказчика защитить крестьянина: «и уже протянул было руку»), на перефразировки и новую детализацию (многоточие, которое следует за освобождением крестьянина, выражается прямо словами: «Il n'acheva pas sa phrase»; прямая речь рассказчика переходит в повествование: «quand je fus revenu de mon étonnement»). В двух местах можно недвусмысленно говорить об ошибках. Вместо «Через полчаса» читаем «Un *quart* d'heure plus tard» («Через четверть часа»). Более серьезной ошибкой следует считать то, что в русском тексте дождь не прекращается, а во французском прекращается («дождика-то вам *не* переждать» становится «La pluie a cessé» — «Дождь прекратился»). В общем, трудно себе представить, что какое бы то ни было окончательное сличение перевода с оригиналом имело место (хотя еще труднее представить, что автор мог предпринять такой перевод без какого-либо, хотя бы изначального, обращения к оригиналу, переводя просто по памяти). Можно также сказать, что перевод являлся для Тургенева своего рода продолжением творческого процесса работы над текстом.

8

Так как французские переводы произведений Тургенева часто служили для дальнейших переводов на другие языки, не удивительно, что он обращал столько внимания именно на них.[105] Он за ними следил,

---

[104] «всех изменений, вставок, прибавлений, которые встречаются в нем на каждом шагу. Сам себя не узнаешь» (Там же. Т. 2. С. 293, 415).

[105] См., напр., письмо к Бере по поводу «Дворянского гнезда»: «Nun hat grade diese Novelle in sofern wenig Glück gehabt, dass die Französische Uebersetzung grade zu schlecht

предлагал свою помощь переводчикам, сам занимался переводами. Как современники Тургенева, так и сегодняшние исследователи подтверждают, что Тургенев владел французским языком на чрезвычайно высоком уровне.[106] Кажется удивительным, почему же Тургенев систематически привлекал к участию в подготовке переводов даже на этот язык опытного французского писателя, исходило ли предложение перевода от него самого или от кого-либо другого. Такое сотрудничество имело свои цели. Помимо того, что сотрудник должен был обеспечить соответствие перевода принятым литературным стандартам, а также национальным культурным и нравственным нормам, была и сугубо практическая цель. Хотя первый перевод «Записок охотника» поднял довольно много шума, это не означало, что Тургенев сразу стал широко известным и что на дальнейшие его произведения был большой спрос. Сотрудниками Тургенева являлись писатели с прочными связями в мире издателей, которые обеспечивали малознакомому иностранцу вход в этот мир.[107]

Первым французским сотрудником Тургенева был Луи Виардо. Или может быть лучше сказать, что Тургенев был одним из первых сотрудников Луи Виардо. Л. Виардо знали во Франции как писателя широких международных интересов. Он издал несколько серий книг об искусстве и книги об охоте в разных европейских странах; в 1836—1837 годах он выпустил знаменитый перевод «Дон-Кихота» (который переиз-

---

und mangelhaft ist — (es giebt eine Englische, *ganz vorzügliche* unter dem Namen: „*Liza*" von W. Ralston). Somit kann sie dem Uebersetzer nicht dienen» («Именно этой повести не повезло настолько, что и французский ее перевод слишком плох и неудовлетворителен — (есть английский, *совершенно великолепный*, под названием „Лиза", У. Рольстона). Значит, он никак не поможет переводчику») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 10. С. 173, 326).

[106] «On considère à juste titre comme un fait acquis que Tourguéniev avait une excellente connaissance de notre langue: c'était en effet la langue étrangère que ce polyglotte parlait et écrivait le mieux. <...> Ce qu'on observe chez Tourguéniev serait <...> la conviction ancrée d'être excellent juge en matière de langue et style français» («Справедливо считается общепринятым фактом, что Тургенев, — пишет современная французская исследовательница Франсуаза Фламан, — превосходно знал наш язык: в самом деле, на этом языке полиглот Тургенев говорил и писал лучше всех других языков. <...> У Тургенева можно заметить <...> твердую убежденность в том, что он является превосходным судьей в области французского языка и стиля» (*Flamant Françoise.* Tourguéniev et la langue française // *Cahiers.* N 5 (1981). P. 42). О способности Тургенева к немецкому языку писал Л. Пич: «Er sprach das Deutsche nicht nur vollkommen fließend, sondern auch mit einer ganz seltenen Freiheit, Fülle, Originalität und Anschaulichkeit der Ausdrücke» (*Pietsch Ludwig.* Erinnerungen an Iwan Turgenjew. I // Königlich privilegirte Berlinische Zeitung von Staats- und gelehrten Sachen (Vossische Zeitung). N 423 (11. September 1883). «Он не только свободно говорил по-немецки, но и обладал редко встречающейся меткостью, полнотою и ясностью выражений» (Пер. цит. по: *Т в восп.* Т. 2. С. 245).

[107] Н. В. Щербань в своих воспоминаниях не без ехидства замечает: «Без обширных книгопродавческих и газетных связей, которые Виардо пускали в ход, озабочиваясь сбытом *своего* уже товара; без литературных знакомств, которые преимущественно они доставляли Ивану Сергеевичу, — переводы его повестей покупались бы издателями менее охотно, шли бы туго, и „реномэ" Тургенева во Франции медленнее достигло бы приобретенных им размеров» (*Щербань Н. В.* Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. С. 32).

дается во Франции по сей день). Первоначальное предложение принять участие во французских переводах из русской литературы, очевидно, сделал Виардо. Виардо не знал русского языка, но живо интересовался Россией — ее искусством, ее общественным и политическим строем, ее литературой, а также охотой — еще с первой поездки в Россию, когда он сопровождал свою жену во время ее блистательных гастролей в 1843 году. В 1845 году он издал в еженедельнике «L'Illustration» статью под названием «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine, Lermontov, Gogol» («О современной русской литературе. Пушкин, Лермонтов, Гоголь»). Хотя статья появилась без упоминания соавтора, считается, что Виардо ее написал при непосредственном участии Тургенева. По утверждению французского исследователя Мишеля Кадо, статья является своего рода всеобъемлющей программой переводов, которую в течение двадцати лет Виардо осуществлял вместе с Тургеневым.[108]

В предисловии к первому переводу (из Гоголя), который появился в 1845 году, Виардо поясняет, что ему помогало несколько русских — они диктовали ему французские переводы русских оригиналов. Среди помощников был Тургенев, хотя и не названный по имени: «un jeune écrivain déjà renommé comme poète et critique» («молодой писатель, уже известный как поэт и критик»).[109] Тургенев скоро становится единственным «помощником», даже если о его участии и не упоминалось в печати, пока он сам не стал известным во Франции.[110] Решение о выходных данных на титульном листе, очевидно, принимали издатели. По поводу сборника «Scènes de la vie russe» Виардо сообщал Тургеневу в письме от 5 февраля 1859 года: «Je voulais mettre sur le titre: deuxième

---

[108] *Cadot Michel.* Le rôle d'I. S. Tourguéniev et de Louis Viardot dans la diffusion de la littérature russe en France. P. 54. В этой статье Кадо приводит исчерпывающий список произведений Виардо, касающихся России. См. также: *Сережкина Л. Д.* «Охотничьи воспоминания» Луи Виардо и «Записки охотника» И. С. Тургенева // Тургеневские чтения. Вып. 2. М., 2006. С. 257—271 и *Clayton J. Douglas.* «L'Histoire de Dmitri» de Louis Viardot et «l'ami russe» // La Russie et le monde francophone. Ottawa: Groupe de recherche en études slaves de l'Université d'Ottawa, 2007. P. 167—175.

[109] *Cadot.* Op. cit. P. 53. То, что первоначальная идея возникла у Виардо, подтверждается участием именно нескольких помощников, а не одного Тургенева.

[110] Первые два тома переводов (*Gogol N.* Nouvelles russes, 1845 и *Pouchkine A.* La fille du capitaine, 1853) появились только с именем Виардо. Уже в третьем томе (*Pouchkine.* Poëmes dramatiques), вышедшем в 1862 г., переводчиками названы оба: Тургенев и Виардо. За исключением переводов собственных произведений, Пушкин остался в центре внимания Тургенева-переводчика. В 1876 г. он издал перевод четырех стихотворений Пушкина (этот перевод проверял Г. Флобер), и когда в 1880 г. появилась ранее не известная глава повести «Капитанская дочка», он немедленно издал французский перевод этой главы (переводчиками названы снова он и Луи Виардо). См.: *Измайлов Н. В.* И. С. Тургенев — переводчик Пушкина на французский язык // Пушкин. Исследования и материалы. Л., 1974. Т. 7. С. 185—203. Имея в виду тесные связи Л. Виардо с журналом «L'Illustration», не исключено, что анонимный перевод «Героя нашего времени», который появился там в 1846 г. и который упоминается Измайловым (С. 189), тоже был сделан Тургеневым и Виардо.

série, traduite sous la dictée de l'auteur par L. V. Templier a désiré que je misse plutôt: traduite avec la collaboration de l'auteur».[111]

Виардо никогда и в дальнейшем не скрывал, как он осуществлял «свои» переводы с русского языка. В 1859 году он объяснял Этцелю: «J'ai eu soin d'annoncer, à deux reprises, comment mes traductions du russe étaient faites: un ami me dicte le mot à mot, et j'écris le français, voilà tout. Cet ami, Jean Tourguéneff, était à la maison il y a peu de jours».[112]

Эмиль и Алис Дюран, которым принадлежат многие переводы поздних произведений Тургенева, более подробно описывают метод их совместной работы: «Il dictait une traduction aussi littérale que possible de son œuvre à M. Viardot, qui la mettait en français littéraire sous sa direction. Chaque phrase difficile, chaque mot douteux était discuté entre eux, et le résultat finissait par être excellent. C'est ainsi qu'un bon tiers de son œuvre entier a été traduit».[113]

Замечательная способность Тургенева мгновенно переводить устно, причем не только с русского языка, засвидетельствована многими современниками. Известно, как он, окончив писать какое-нибудь произведение, сначала читал его Полине Виардо, с листа переводя с русского на французский.[114] Ги де Мопассан вспоминает «кампанию», предпринятую Тургеневым на «воскресеньях» у Флобера для ознакомления

---

[111] «Я хотел поставить на титуле: вторая серия, переведено Л. В. под диктовку автора. Тамплие пожелал, чтобы значилось: переведено при участии автора» (*Zviguilsky Alexandre.* Introduction // *Nouv. corr. inéd.* T. 2 P. XXXI—XXXII). Возможно, письма Л. Виардо к Тургеневу, которые готовит к изданию А. Звигильский для предстоящего номера *Cahiers*, содержат немало сведений о сотрудничестве Тургенева с Виардо.

[112] «Я дважды объяснял, каким образом осуществлялись мои переводы с русского: один из друзей диктовал мне слово в слово, а я записывал по-французски, вот и все. Этот друг, Иван Тургенев, совсем недавно был у нас». См.: *Parménie A., Bonnier C.* Histoire d'un éditeur et de ses auteurs: P.-J. Hetzel. Paris, 1953. P. 397 (цит. по: *Cadot.* Op. cit. P. 56). Как показывает Кадо (P. 53), Виардо об этом писал уже в предисловии к первому сборнику произведений Гоголя в 1845 г.

[113] «Он диктовал перевод своего произведения настолько дословно, насколько это возможно, господину Виардо, который перелагал его, под руководством Тургенева, на литературный французский язык. Каждое трудное предложение, каждое сомнительное слово ими обсуждалось, и в итоге всегда все получалось превосходно. Таким образом была переведена добрая треть его произведений» (*Durand-Gréville E.* Ivan Tourguénef: Seconde et dernière partie // Bibliothèque universelle et Revue suisse. 3e série. Vol. 48 (Décembre 1890). P. 579). Алис Дюран печаталась под псевдонимом Анри Гревиль (Henri Gréville), а их совместные труды — под именем «Durand-Gréville». Судя по письму к Гартману от 30 апреля 1867 г., Тургенев однажды думал о том, чтобы подобным образом осуществить перевод на немецкий язык: «...vielleicht mach' ich eine Anstrengung — und schicke Ihnen einen sogennaten „monstre" — eine wörtliche Uebertragung in's Deutsche <...>. Allein mach' ich es nicht: find' ich aber einen Helfer, dem ich das Zeug in die Feder dictiren könnte — dann thue ich's» («...быть может сделаю усилие — и пошлю вам так называемую „monstre" — дословный перевод на немецкий язык <...>. Один я с этим не справлюсь, но если найду помощника, которому смогу диктовать эту вещь — тогда я это выполню» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 186, 283).

[114] См. письмо к Анненкову от 19 (31) декабря 1871 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 186).

своих французских коллег с великими именами иностранной литературы, чьи произведения они, как многие французы, мало или вовсе не знали: «Souvent Tourgueniev était chargé de livres étrangers et traduisait couramment des poèmes de Gœthe, de Pouchkine et de Swinburne».[115]

Интереснейший взгляд на сам процесс диктовки предоставляет рукопись, которая хранится в Национальной библиотеке в Париже. Речь идет о французском переводе рассказа из «Записок охотника» — «Малиновая вода», на титульном листе которого стоит «Traduction dictée par Tourguéneff».[116] Это черновая рукопись с многими исправлениями и изменениями, некоторые из которых вписаны рукой Тургенева. В этой рукописи можно найти несколько мест, где во французском тексте находится непереведенное русское слово или фраза, например: «Oh ces maitresses (sic! — *Н. Ж.*), Bon Seigneur, voilà one-то его и разорили»; перевод русской фразы («C'est elles qui l'ont ruiné») потом приводится на полях.[117] Немного дальше, в предложении «C'était une simple jeune fille du десятского, mais une rusée!» сделано два исправления: вычеркнуто слово «jeune», а над строкой вписаны существительное «paysanne» и перевод русского слова «десятский» — «sergeant»; на полях вписан возможный вариант последней фразы: «quelle était méchante!»[118] Русские слова никак не являются трудными для перевода. То, что они фигурируют во французском тексте, показывает, как работал многоязычный мозг Тургенева. Когда эквивалент слова или фразы на желаемом языке не сразу всплывает в памяти, вместо того чтобы остановиться и подумать, он предпочитает продолжать переводить, а потом вернуться к неподатливому слову и в этот момент внести изменения, в том числе стилистические.[119]

У Виардо возникла не только идея предпринять переводы произведений корифеев тогдашней русской литературы, но, очевидно, и произведений самого Тургенева. Еще за шесть лет до появления в печати первого, шарьеровского, французского перевода «Записок охотника» Луи Виардо предложил перевести несколько очерков из этого цикла. Тургенев тогда отказался и объяснил свой отказ Полине Виардо тем,

---

[115] «Часто Тургенев был нагружен иностранными книгами и бегло переводил с листа стихотворения Гёте, Пушкина или Суинберна» (*Maupassant Guy de*. Étude sur Gustave Flaubert (1884) // Œuvres complètes de Guy de Maupassant / Présentés par Gilbert Sigaux. Lausanne, 1962. Vol. 16. P. 486).

[116] Bibliothèque Nationale (*BN*). Slaves 78. F° 106r.

[117] *BN*. Slave 78. F° 115r. «Ох, уж эти матрески, прости господи! Оне-то и его разорили» (*ПССиП(2). Соч.*Т. 3. С. 37).

[118] *BN*. Slave 78. F° 115v. «Девка была простая, ситовского десятского дочь, да такая злющая!» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 3. С. 37).

[119] Это могло бы послужить подтверждением слов П. Виардо, что на смертном одре Тургенев ей диктовал свой последний рассказ «Конец» «смесью франц. языка с немецким и даже итальянским» (письмо П. В. Анненкова к М. М. Стасюлевичу от 8 мая 1885 г. // М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. 3. С. 439). Это явление известно психолингвистам под названием «переключение с одной системы кодов на другую».

что эти очерки «ne méritent pas l'honneur d'une traduction; mais l'offre que me fait el señor Luis est trop flatteuse pour que je ne m'abonne pas dès à present à en profiter plus tard <…>».[120] Первый их совместный перевод («Постоялого двора») осуществился лишь в 1857 году.[121] В дальнейшем предложение предпринять перевод какого-нибудь тургеневского произведения возникало иногда то у одного, то у другого.[122]

Хотя сотрудничество Тургенева с Луи Виардо продолжалось на протяжении почти всей дальнейшей творческой жизни Тургенева, в 1860-х годах у него появился еще один авторитет. Это был Проспер Мериме, которого можно даже считать «высшим» авторитетом для Тургенева. «Соперничество» двух авторитетов не проходило без разногласий. В 1865 году Тургенев и Луи Виардо сделали перевод поэмы Лермонтова «Мцыри». Тургенев послал перевод Мериме для окончательного «encadrement» («окаймления»). Однако, когда перевод появился в журнале «Revue Moderne», переводчиком был назван один Тургенев. Перевод сопровождался предисловием Луи Виардо, в конце которого была фраза, которую вписал Тургенев и в которой высказывалась благодарность Мериме за то, что он «a bien voulu se charger de la révision de notre traduction».[123] То, что Виардо нигде не назван как переводчик этого произведения, вызвало мягкий протест с его стороны — в письме к редактору журнала, где Виардо прощает Тургеневу его «petite galanterie à l'adresse de M. Mérimée».[124]

Мериме, несомненно, пользовался некоторым преимуществом перед Луи Виардо. Он был одним из самых знаменитых писателей того времени; давно интересовался русской историей и литературой (в первую очередь, Пушкиным) — до такой степени, что изучил русский язык и мог сам переводить. Мериме перевел несколько тургеневских произведений, но главная его роль состояла в том, что он исправлял пе-

---

[120] «не достойны чести быть переведенными; но предложение, которое мне делает el señor Luis, слишком лестно, чтоб я не согласился на него теперь же, дабы воспользоваться им позднее <…>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 251, 383).

[121] «L'auberge de grand chemin» напечатан в журнале «L'Illustration» (1857. T. XXX, N. 770—774, Nov. 28 — Déc. 26) и перепечатан в сборнике «Scènes de la vie russe» (2ème série) в 1858 г.

[122] Так, напр., в 1859 г. предложение пришло от Тургенева: «Si Dieu nous prête vie — à Viardot et à moi — et s'il veut bien consentir à se charger d'une besogne aussi ingrate, nous traduirons le „Nid" dans un autre nid <…>» («Если бог продлит наши дни — Виардо и мои — и если Виардо согласится взвалить на себя столь неблагодарный труд, то мы с ним переведем „Гнездо" в другом гнезде <…>») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 15, 406). Этот перевод не осуществился, так как их опередили В. А. Соллогуб и Альфонс де Калонн (см.: *Waddington Patrick, Montreynaud Florence.* A Bibliography of French Translations from the Works of I. S. Turgenev, 1854—1885. Wellington, NZ, 1980) n. pag. (перепечатано из «Slavonic and East European Review» — LVIII. N 1 (1980). P. 76—98, item 7. Далее сокращенно: Waddington / Montreynaud).

[123] «захотел взять на себя труд просмотреть наш перевод» (*Lermontov Mikhaïl.* Le Novice // *Cahiers.* N 15 (1991). P. 5.

[124] «небольшую любезность по адресу г. Мериме». См.: *Zviguilsky Alexandre.* A propos d'une traduction française de «Mtsyri» (Tourguéniev et Lermontov) // Ibid. P. 15—21, 18.

реводы других и являлся автором предисловий к переводам и статьям о Тургеневе, чем сильно помог упрочить репутацию писателя среди образованной французской читающей публики. Кроме того, он не раз служил третейским судьей в вопросах, касающихся пригодности тургеневских произведений с точки зрения общественной «морали». Иногда он сам просто делал изменения в тексте перевода, иногда поддерживал Тургенева, когда редакторы требовали изменений, которые Мериме считал излишними, а однажды посоветовал обратиться к третьему, якобы более авторитетному лицу в вопросах «морали». Тургенев «расплачивался» тем, что служил консультантом Мериме, когда у последнего возникали затруднения в его русских исторических исследованиях.[125]

Тургенев и Мериме встретились в 1857 году, и каждый из них уже знал сочинения другого. Сотрудничать над переводами, однако, они начали не сразу. В декабре 1861 года Тургенев показал Мериме перевод своего рассказа «Жид» с просьбой высказаться, годится ли рассказ к печати. Мериме находил его «jolie, mais sur le point de savoir si elle était ou non morale, je n'ai su que lui dire, n'ayant jamais un grand sentiment sur la matière». В результате он посоветовал Тургеневу обратиться к бывшей своей любовнице Валентине Делессер, которой Тургенев недавно был представлен. Тургенев этому совету последовал.[126] Несколько месяцев спустя Мериме принял более активное участие в судьбе перевода повести «Петушков», который был сделан Делаво, о чем Тургенев сообщал В. П. Боткину: «...ему очень понравился „Петушков", и собирался прочесть его со мной. Ни одной строки он не оставил так, как ее написал Делаво».[127]

Когда появилось отдельное русское издание романа «Отцы и дети», Мериме его прочитал и, очевидно, ожидал, что к нему обратятся для проверки корректуры французского перевода. Однако, возникли проблемы со стороны Бюлоза, редактора журнала «Revue des Deux Mondes», который настаивал на внесении изменений. Тургенев сопротивлялся и обратился к Мериме, который на этот раз полностью под-

---

[125] См.: *Parturier Maurice*. Une amitié littéraire: Prosper Mérimée et Ivan Tourguéniev. Paris, 1952, где в первый раз напечатано большинство сохранившихся писем Мериме к Тургеневу (эпистолярный архив Мериме сгорел при пожаре дома в 1871 г.). См. также: *Thierry Ozwald.* Autour d'une collaboration littéraire: les destins croisés de Mérimée et de Tourguéniev // *Cahiers.* N 15 (1991). P. 79—101 и его же: Mérimée / Tourguéniev: nouvelle frontière // *Cahiers.* N 27 (2003). P. 83—96.

[126] «милым, что же касается вопроса, отвечает он или нет моральным нормам, я не знал, что ему сказать, поскольку тема эта меня никогда не занимала». Обращаясь к В. Делессер, Тургенев писал: «...il y a certaines considérations qui me font hésiter et dont personne mieux que vous, Madame, ne pourrait être juge. Je vous en serais véritablement reconnaissant» («...существуют некоторые соображения, заставляющие меня колебаться, и в этом, милостивая государыня, никто не сможет быть лучшим судьей, чем вы. Я был бы вам за это искренне благодарен»). Письма Мериме к В. Делессер от 22 (*Mérimée. Corr.* T. 10 (2: 4). P. 434) и Тургенева от 25 декабря 1861 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 391, 445). Повесть появилась в печати лишь в 1869 г.

[127] Письмо от 7 апреля 1862 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 46).

держал своего коллегу: «Si je ne connaissais de longue main les niaiseries et les scrupules du conseil suprême de la *Revue des Deux Mondes*, je ne comprendrais rien à sa façon d'agir. Il se peut qu'on lui ait dit, et cela est même probable, qu'en vous traduisant on risquait de perdre deux abonnés à Pétersbourg».

Это мнение, однако, не воспрепятствовало тому, что Мериме ввел в перевод «quelques petits changements dans l'intérêt des mœurs», когда роман появился отдельным изданием у Шарпантье в мае 1863 года с письмом-предисловием от Мериме.[128]

Письмо от Тургенева к Этцелю от 11 июня 1868 года по поводу перевода повести «Бригадир» подтверждает, насколько Тургенев полагался на Мериме в роли редактора французского литературного стиля (и одновременно проливает свет на отношения Тургенева с издателем, которому он доверял): «J'ai envoyé l'original russe à Mérimée; faites-lui parvenir une épreuve pour qu'il y jette un coup d'œil: de votre côté faites les corrections que vous jugeriez nécessaires. — J'ai dicté cette traduction à Viardot qui l'a mise en français: je suis sûr que c'est très exact — et Viardot sait son métier».[129]

Интересно отметить, что это доверие не зависело от тождества эстетических взглядов. Мериме не раз высказывался по поводу того, что прозаический стиль Тургенева ему не совсем по вкусу. В письме к Тургеневу, в котором он обсуждает перевод А. П. Голицыным романа «Дым», он пишет: «Elle est des plus libre, très et *trop* abrégée, même pour moi, qui vous ai souvent reproché l'excès de vos adjectifs et le trop d'idées et d'images dans une seule phrase».[130]

Самое непосредственное участие Мериме принял в сборнике «Nouvelles Moscovites», который вышел у Этцеля в 1869 году. Четыре из семи переводов, включенных в этот сборник, приписываются Мериме, о трех сообщается: «Traduction par l'auteur» («Перевод автора»).[131] Подробности, однако, показательны. Если у Тургенева было чуть ли не

---

[128] «Если бы я давно не был знаком с глупостью и придирчивостью верховного совета „Revue des Deux Mondes", я бы ничего не понял в том, что они делают. Может быть, им сказали, и это вполне вероятно, что переводя вас, они рискуют потерять двух подписчиков в Петербурге»; «несколько небольших изменений в интересах морали» (*Mérimée. Corr.* T. 11 (2: 5). P. 342, 361. См. также p. 302. Письма к Тургеневу от 24 февраля и 18 марта 1863 г.) См. также: *Waddington / Montreynaud.* Item 28.

[129] «Русский оригинал я послал Мериме; перешлите ему также корректуру, чтобы он просмотрел ее; со своей стороны вносите исправления, какие сочтете необходимыми. Я продиктовал этот перевод Виардо, который переложил его на французский: я уверен, что это очень точно — а Виардо знает свое дело» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 206, 270—271).

[130] «Он из наиболее вольных, очень и *слишком* сокращенный, даже на мой вкус, а я часто упрекал вас в избытке прилагательных, идей и образов в каждой фразе» (*Mérimée. Corr.* T. 13 (2: 7). P. 555. Письмо от 20 июля 1867 г.).

[131] См.: *Waddington / Montreynaud.* Item 38 и *ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 207. Подробнее об этом см.: *Горохова Р. М.* К истории издания сборника Тургенева «Nouvelles moscovites» // *Т Сб.* Вып. 1. С. 257—269.

слепое доверие к Мериме в вопросах стилистической правки, он гораздо меньше удовлетворялся его переводами. Он решил не включать перевод повести «Ася», который сделал некий Пагонкин и который Мериме подверг тщательной переработке перед тем, как его объявить «bien traduit» («хорошо сделанным»). Несмотря на то, что его решение привело к необходимости добавочной корректуры, Тургенев этому переводу предпочел другой (скорее всего сделанный Делаво), который он сам основательно переделал.[132] Он также долго колебался, какой из переводов рассказа «Собака» включить в сборник, так как отдавал предпочтение переводу, который выполнил Н. В. Щербань: «...une traduction *excellentissime* du „Chien" <...> qui est bien meilleure que celle de Mérimée. C'est la traduction nouvelle que je prie de faire imprimer — j'espère bien que Mérimée ne s'en fâchera pas; il sait lui-même que la sienne est loin d'être exacte».[133]

Что касается перевода Мериме «Призраков» (который появился на три года раньше в журнале «Revue des Deux Mondes»), то Тургенев сделал в корректуре столько изменений, что пришлось требовать не только повторной корректуры. Он понял, что без ведома Мериме этот перевод не может появиться. Все это не мешало тому, что новую корректуру надо было выслать тому же Мериме: «En même temps vous aurez la bonté d'envoyer un exemplaire de ces épreuves *corrigées* à M. Mérimée; je lui écris de mon côté pour lui expliquer le pourquoi de ces changements et pour le prévenir».[134]

После смерти Мериме в 1870 году Тургенев снова стал сотрудничать преимущественно с Луи Виардо (хотя пару раз он обращался к Г. Флоберу[135]). Однако большинство французских переводов поздних его произведений сделал Эмиль Дюран (некоторые — вместе со своей женой Алис). По собственному их признанию, эти переводы делались «sous la direction de Tourguénef», это означало, что Тургеневу посылалась корректура для внесения предложений и для проверки.[136] Только в самом конце жизни Тургенев счел, что может обойтись

---

[132] Письмо к Тургеневу от 6 июня 1866 г. (*Mérimée, Corr.* T. 13 (2: 7). P. 126; письма Тургенева к Марешалю от 7, 16 и 20 марта 1869 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 162, 173 и 176—177).

[133] «...и *великолепнейший* перевод „Собаки" <...> который гораздо лучше перевода Мериме. Именно этот новый перевод я прошу напечатать — надеюсь, что Мериме не обидится; он и сам знает, что его перевод далеко не точен» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 193, 305. Письмо к Этцелю от 13 апреля 1869 г.). Редакторы решили все-таки напечатать перевод Мериме (см.: Там же. С. 195, 197).

[134] «Одновременно будьте так добры послать экземпляр *выправленной* корректуры г-ну Мериме; со своей стороны я пишу ему, чтобы его предупредить и объяснить причину этих изменений» (письмо к Марешалю от 15 мая 1869 г. *ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 210, 310).

[135] Помимо переводов четырех стихотворений Пушкина, о которых упоминалось выше (подробнее о них см.: *Meynieux André.* Trois stylistes, traducteurs de Pouchkine — Mérimée, Tourguénev, Flaubert. Essai de traduction comparée. Paris, 1962), это касается перевода «Человека в серых очках» (см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 123, 168).

без «авторитета». Вместе с Полиной Виардо он перевел повесть «Песнь торжествующей любви» (которая появилась без упоминания имени переводчика в ноябре 1881 года в журнале «La Nouvelle Revue française»). В декабре 1882 года в журнале «La Revue politique et littéraire» появился перевод тридцати стихотворений в прозе, который приписывался в печати одному Тургеневу, хотя этот перевод тоже, по всей вероятности, был осуществлен совместно с Полиной Виардо.[137] И хотя Полина Виардо, безусловно, могла давать советы и вносить предложения, она не могла играть ту роль видного авторитета, которую в начале тургеневской переводческой деятельности играл ее муж, а затем — Проспер Мериме.

9

Печальная история первого перевода романа «Дым» может служить показательным примером многочисленных видов участия, которое принимал Тургенев в переводах своих произведений. В данном случае он не являлся инициатором перевода, и, несмотря на его попытки принять все необходимые меры предосторожности, результаты оказались в основном неудовлетворительными. Французский перевод предпринял А. П. Голицын, представитель русской католической семьи, который жил постоянно в Париже, где выступал как писатель и переводчик. В конце июня 1867 года Голицын обратился к Тургеневу с просьбой разрешить издание своего перевода «Дыма» в журнале «Le Correspondant».[138] Так как Мериме, очевидно, уже раньше намекнул на свое желание перевести этот роман, Тургенев, в первую очередь, обратился к Ме-

---

[136] «под руководством Тургенева» (*Durand-Gréville E.* Ivan Tourguénef. P. 579). Судя по письму к Дюрану от 22 марта 1877 г., Тургенев проверял корректуру «Нови» вместе с Луи Виардо (которому принадлежит объяснительная сноска в тексте перевода) (см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн 1. С. 119—120).

[137] См.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 126 и *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 2. С. 129. Рукописи этих переводов, которые хранятся во французской Национальной библиотеке (*BN.* Slaves 77. F. 85—191), записаны не его почерком. В письме к Пичу от 25 декабря 1882 г. Тургенев пишет, что эти переводы сделаны «mit Hilfe Frau Viardot's» («с помощью г-жи Виардо») (Там же), а в письме к Рольстону от 27 декабря он утверждает: «...the translation made in French by M-me Viardot was made according to her will, not mine» («...перевод на французский сделала г-жа Виардо по своему, а не по моему желанию») (Там же. С. 133), но такое утверждение следует считать преувеличенным.

[138] В письме к М. Гартману Тургенев назвал ежемесячный журнал Голицына «ultrakatholisch aristokratisch» («ультракатолическим аристократическим») (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 68, 228). Более тонкое определение дал Мериме в письме к Тургеневу от 3 июля 1867 г.: «Je crois que *Le Corresponant* est lu par une foule de gens biens pensants, des dames qui vont régulièr<emen>t à confesse et qui *glubunt magnanimos Franci nepotes*, mais elles sont intelligentes. Elles diront peut-être du mal de vous, mais vous liront avec plaisir, quelques scènes peut-être d'une main seulement» («Я полагаю, что „Le Corresponant" массой благомыслящих людей, дамами, регулярно ходящими на исповедь и *glubunt magnanimos Franci nepotes* (верящих в величие Франции — *лат.*), но они умны. Возможно, они будут

риме, который решил ограничиться проверкой корректуры. На вопрос Мериме: «Voulez-vous que je revoye les épreuves avant, ou après, qu'on vous les expédie?»,[139] Тургенев попросил его осуществлять окончательную стилистическую шлифовку. Голицыну он сообщил, что корректуру надо было сначала выслать ему, Тургеневу, и что, после того как он введет необходимые исправления, она пойдет к Мериме: «Vous comprendrez aisément, Monsieur, qu'on profite d'une pareille bonne fortune <…>. Il va sans dire que j'accepte d'avance toutes ses corrections».[140] Мериме возлагал большие надежды на Голицына. Он писал ему: «Jusqu'à présent M. T. n'a eu pour traducteur que des personnes qui savaient médiocrement le russe et encore plus médiocrement le français».[141] Однако его надежды не оправдались. Получив корректуру первых глав, Мериме предупредил Тургенева: «Je viens de parcourir sa traduction. Elle est des plus libre, très et *trop* abrégée <…> Ce qui m'effraye le plus, c'est qu'il me paraît avoir trop de vertu».[142]

Скоро у Мериме появились и более серьезные опасения: «Je ne sais si vous voyez mes corrections. J'en fais d'énormes et sans scrupules, persuadé que vous revoyez les épreuves en dernier ressort. Le Prince, qui, dites-vous, ne sait pas le russe, ne se doute pas de nos prétérits, il les confond sans cesse avec nos imparfaits».[143]

Самые худшие предчувствия как Тургенева, так и Мериме подтвердились, когда появились первые главы перевода в номере «Le Correspondant» от 25 июля. Скорее всего из-за того, что слишком много времени ушло на пересылку корректуры (она шла из Парижа к Тургеневу в Баден-Баден, а оттуда обратно в Париж, сначала к Мериме, а от него к Голицыну), эти главы появились без какого-либо учета изменений, введенных Тургеневым и Мериме. Письмо Тургенева к Голицыну

говорить о вас дурно, но с удовольствием вас прочитают, несколько сцен, может быть, правда, бегло» (*Mérimée. Corr.* T. 13 (2: 7). P. 538).

[139] «Желаете ли вы, чтобы я посмотрел корректуры до или после того, как их перешлют вам?» (Ibid.).

[140] «Вы, конечно, понимаете, милостивый государь, что подобным счастливым случаем следует воспользоваться <…>. Само собою разумеется, что я заранее принимаю все его поправки» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 15, 216). Подробный анализ изменений, сделанных Тургеневым, частично на основе рукописей во французской Национальной библиотеке, содержится в статье: *Горохова Р. М.* «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа // *Т Сб.* Вып. 5. С. 250—261.

[141] «До сих пор у г. Т. переводчиками были только люди, знающие посредственно русский язык, или еще более посредственно французский» (*Mérimée. Corr.* T. 13 (2:7). P. 546. Письмо к Голицыну от 16 июля 1867 г.).

[142] «Я пробежал перевод. Он из наиболее вольных, очень и *слишком* сокращенный. <…> Более всего меня пугает то, что в нем, похоже слишком много добродетели» (*Mérimée. Corr.* T. 13 (2:7). P. 555—556. Письмо от 20 июля 1867 г.).

[143] «Не знаю, увидите ли вы мои исправления. Я их делаю в огромном количестве и без зазрения совести, будучи убежденным, что вы будете последней инстанцией. Князь, который, по вашим словам, не знает русского языка, не знает и нашего прошедшего завершенного времени, путая его то и дело с незавершенным» (*Mérimée. Corr.* T. 13 (2:7). P. 577. Письмо к Тургеневу от 17 августа 1867 г.).

дышит разочарованием — и раздражением: «...je vous avouerai avec franchise que je n'ai pas pu me défendre d'un sentiment pénible en voyant mon nom mis sous un travail qui fourmille — il faut le dire — de fautes et de contresens. Vous n'avez pas tenu compte des corrections, que je me suis hâté de vous envoyer par l'entremise de Mr Mérimée; il était donc pour le moins inutile de me faire parvenir ces épreuves. <...> Comment voulez-vous que j'accepte des non-sens aussi absolus que ceux-ci — <...> p. 693.l.11. d'en bas — au lieu de dire: „un bon *élève* voit les fautes de son maître — mais garde sur elles un silence respectueux, car ces fautes elles-mêmes renferment un enseignement salutaire" — il y a: „un bon *professeur* voit les fautes de son *élève*" etc. — de façon que c'est la Russie qui est le professeur et l'Europe — l'élève!.. Et cela dans la bouche de Potouguine! <...> Je vous avoue aussi qu'avec les scrupules dont vous me faites part dans votre dernière lettre quant à l'effet que produirait sur des mères de famille certaine page concernant les rapports de Potouguine et d'Irène — je ne comprends pas que vous ayez songé à traduire ma nouvelle: les rapports de Litvinof et d'Irène sont bien autrement explicites — et je ne vois aucun moyen de les gazer, à moins de faire des changements si complets, qu'ils dénatureraient tout le récit».[144]

Тургенев и здесь придерживается своего принципа: переводчик имеет право на стилистические изменения и пропуски. Но он не отказывается и от другого своего принципа — протестовать, если смысл произведения искажается; он также выказывает раздражение по поводу

---

[144] «...и, признаюсь откровенно, что я не мог освободиться от тягостного чувства при виде своего имени, помещенного под работой, кишащей — должен это сказать — ошибками и нелепостями. Вы не учли исправления, которые я поспешил отправить вам через посредство г-на Мериме; так что было по меньшей мере бесполезно посылать мне эти корректуры. <...> Как же я могу согласиться с такой совершенной бессмыслицей, как <...> на с. 693, с<трока> 11 снизу — вместо того, чтобы сказать: „хороший *ученик* видит ошибки своего учителя — но молчит о них почтительно, ибо самые эти ошибки служат ему в пользу" — стоит: „хороший *учитель* видит ошибки своего *ученика*" и т. д. — так что выходит, будто Россия — это учитель, а Европа — ученик!.. И это в устах Потугина! <...> Признаюсь также, что я не понимаю, как вам, при ваших, сообщенных мне в последнем письме, сомнениях относительно того впечатления, которое может произвести на матерей семейств некая страница, касающаяся отношений Ирины и Потугина, — как вам могла придти мысль переводить мою повесть; отношения между Литвиновым и Ириной — совершенно недвусмысленные — и я не вижу никакого способа скрыть их, разве что внести изменения столь значительные, что они исказили бы всё повествование» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 20—21, 217). В письме к г-же де Монтихо от 23 сентября Мериме определил свою задачу: «Le prince Galitzine supprime les passages un peu scabreux et moi je les rétablis. Je ne sais à qui de nous restera la victoire, mais j'espère bien scandaliser les douairières qui lisent le *Correspondant*» («Князь Голицын изъял наиболее неприличные фрагменты, а я их восстанавливаю. Не знаю, за кем из нас останется победа, но очень надеюсь возмутить богатых вдовушек, читающих *Correspondant*») (*Mérimée. Corr.* T. 13 (2: 7). P. 611). В письме к Тургеневу от того же числа Мериме приводит примеры фраз, которые Голицын подверг цензуре на основе «безнравственности». В частности, он жаловался на то, что Голицын заменил фразу: «Два часа спустя, он сидел у себя на диване» на: «Через час он сидел один у себя в номере» (Ibid. См. также p. 618). Мериме восстановил подлинный срок, но в данном случае выиграл Голицын!

излишне, на его взгляд, строгих моральных взглядов переводчика. Но проверяя корректуру, Тургенев не только исправлял перевод Голицына. Одновременно он, как впервые показала Р. М. Горохова, воспользовался случаем, чтобы включить в текст французского перевода некоторые места, которые были изъяты из русского текста, появившегося в «Русском вестнике» Каткова.[145]

Несмотря на такое не обнадеживающее начало Тургеневу все-таки казалось, будто положение улучшилось с последующими частями — он даже объявил, что перевод теперь «ne laisse plus rien à désirer».[146] Но облегчение продолжалось недолго. В своих письмах к Тургеневу Мериме то и дело жаловался на количество изменений, которые он должен был внести в текст (и это в дополнение к тем, которые Тургенев уже ввел в него). Прочитав весь текст полностью, Тургенев в свою очередь жаловался Этцелю (у которого должно было выйти отдельное издание), что «malgré Mérimée, il y est resté pas mal de bévues»,[147] и объявил, что ему нужно будет «*quatre* jours pour corriger les erreurs qui sont restées, pour restituer ommissions etc. — pour effacer, en un mot, les quelques traces des scrupules catholiques de mon traducteur <...>».[148] Он объясняет, что́ именно ему придется сделать: «...j'y mettrai le mot-à-mot sans m'inquiéter du style et je vous donne carte blanche pour tout ce que vous croirez nécessaire de changer au texte...».[149] Однако, начав эту работу, Тургенев вскоре понял, что недооценил полный объем задачи («En comparant avec soin la traduction avec l'original, j'y ai trouvé des fautes par *centaines*»[150]) и разъяснил причины: «Le prince A. a péché de trois manières: 1.) Il ne rendait pas le sens; 2.) Il simplifiait en aplatissant; 3.) Il amplifiait en enjolivant. Les choses importantes étaient régulièrement ratées, comme les notes *sensibles* d'une mélodie, déchiffrée par un écolier. — Enfin le travail est achevé, et vous avez l'exactissime version. Maintenant c'est à vous d'y repasser avec votre plume — et vogue la galère».[151]

---

[145] *Горохова Р. М.* «Дым». Работа Тургенева над французским переводом романа. С. 253—255.

[146] «не оставляет желать ничего лучшего» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 29, 220).

[147] «несмотря на старания Мериме, там осталось немало огрехов» (Там же. С. 58, 226).

[148] «*четыре* дня для исправления оставшихся ошибок, восстановления пропусков и т. д. — одним словом, для того чтобы стереть следы католической щепетильности моего переводчика <...>» (Там же. С. 69, 229).

[149] «...я впишу дословный перевод, не заботясь о стиле, и предоставляю вам полную свободу изменять текст, как вам покажется нужным» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 71).

[150] «Тщательно сверяя перевод с оригиналом, я обнаружил *сотни* ошибок» (Там же. С. 74—75, 232).

[151] «Князь А. грешил тремя способами: 1.) Он не передавал смысла; 2.) Упрощал, сглаживая; 3.) Дополнял, приукрашивая. Важные вещи, как правило, в переводе не удавались, подобно тому, как самые *выразительные* ноты мелодии пропадают в ученическом исполнении. — Но вот наконец работа завершена, и вы имеете наиточнейший перевод.

Изменений, по сравнению с журнальным текстом, накопилось в конечном счете столько, что Голицын потребовал, чтобы его имя изъяли из издания Этцеля.[152] Но, с другой стороны, Тургенев мог теперь написать Анненкову, что получился «весьма хороший перевод».[153]

В ноябре того же 1867 года Тургенев послал Морицу Гартману этцелевское издание романа, вместе с немецким переводом, который сделал Фридрих Чиш (Cziesch). Последний Тургенев считал точным, но сухим.[154] На самом деле у Тургенева были, помимо всего прочего, некоторые сомнения по поводу пригодности этого романа для немецкой публики, в чем он признавался Гартману: «Ich glaube aber nicht, dass „Rauch" sich zum Uebersetzen in's Deutsche eignet; das Zeug ist doch zu russisch. Sie können es natürlich besser beurtheilen: ich zweifle dennoch sehr».[155]

Гартман думал иначе и сделал перевод, который выходил фельетонами в еженедельном «Приложении» к аугсбургской газете «Allgemeine Zeitung». Тургенев приветствовал этот перевод с явным энтузиазмом: «...ich möchte Sie küssen, so leicht und schön und frei ist die Uebersetzung. Das ist ein Meisterwerk! Meine Sache kommt mir selbst 20 Mal besser vor».[156]

К сожалению, история с переводом «Дыма» не завершилась на этой высокой ноте, и в этом сам Тургенев был, пусть частично, но виноват. Так как Тургенев торопился увидеть немецкий перевод, он, не дождавшись решения Гартмана предпринять перевод, разрешил Эриху Бере издать перевод Чиша в качестве «авторизованного».[157]

Теперь вам предстоит пройтись по нему своим пером — и была не была» (Там же. С. 80—81).

[152] Там же. С. 127.

[153] Там же. С. 133.

[154] «genaue aber trockene und prosaische Uebersetzung» (Там же. С. 68, 228). Этот перевод выходил в Риге, в газете «Rigasche Zeitung» и окончательное суждение Тургенева о нем было еще менее положительным: «so etwas hölzernes, miserables ist noch nicht da gewesen» («столь деревянного и жалкого перевода свет еще не видел»); «das ist das Grandioseste von ärgerlich bornirter Schweinerei! Alles Lebendige unbarmherzig herausgemerzt — ein Caput mortuum von Gemeinplätzen» («это грандиознейшее, возмутительное по своей тупости свинство! Всё живое безжалостно вырвано — склеп общих мест») (Там же. С. 202, 267, 203, 268).

[155] «Но я не думаю, что „Дым" подходит для перевода на немецкий язык; вещь всё же слишком русская. Вы, конечно, можете об этом лучше судить: и все-таки я очень сомневаюсь» (Там же. С. 150, 247).

[156] «...и мне хочется расцеловать вас, так легок, прекрасен и свободен перевод. Это шедевр! Мое собственное произведение кажется мне в 20 раз лучше» (Там же. С. 202, 267). Перевод вышел в «Wochenblatt der Allgemeinen Zeitung» (1868. N 15—20. 10 April—10 Juli).

[157] *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 200—201. Письмо к Бере от 27 мая 1868 г. Это был первый перевод Тургенева, который издал Бере (в издательстве «Lucas»), и этот перевод впоследствии вошел в состав двенадцатитомного издания «Ausgewählte Werke», начатого 1869 г. (в качестве седьмого тома — в 1873 г.). В 1868 г. в Берлине вышел и третий немецкий перевод романа под назанием «Dunst» «frei bearbeitet» («вольно обработанный»)

Перевод Голицына послужил также источником для английского перевода. В октябре 1868 года Тургенев получил письмо от своего преданного английского поверенного Рольстона, в котором Рольстон сообщал, что появился английский перевод «Дыма» под названием «Smoke, or Life at Baden». Тургенев ответил, что только что прибыло письмо от некоего «Mr Robert Crawford d'Abinghall près de Gloster», который просил «autorisation de publier une traduction de „Дым"», и спросил, об одном и том же ли переводе идет речь.[158]

Изданный перевод вызвал со стороны Рольстона пространную уничижительную статью, которая появилась анонимно в газете «Pall Mall Gazette» в номере за 27 ноября 1868 года: «The author of this translation must be a very hardy person. He evidently knows nothing about Russia, and he does not even pretend to know Russian, and yet he has undertaken to translate a Russian novel, and one which deals almost exclusively with Russian subjects. <...> In the book now before us there is not only no statement as to the language from which it is rendered, but there is not the slightest indication of its being a translation at all. In reality, it is an exceedingly bad translation of the French version of the Russian original. How bad it is we will now proceed to show».

В конце Рольстон замечает, что основным элементом романа является не любовная интрига, на что ориентирован перевод, а, во-первых, «a number of exceedingly clever and extremely sarcastic descriptions of various types well-known in Russian society» и, во-вторых, речи Потугина, в которых содержатся «various truths about Russia which have proved exceedingly distasteful to those of his countrymen who wish to shut their eyes to the faults and the failings of their nation».[159]

неким Ланкенау (H. von Lankenau). См.: Bibliographie der deutschsprachigen Übersetzungsausgaben der Werke Iwan Turgenejews 1854—1985. Hrsg. K. Dornacher. Magdeburg. 1987. S. 4.

[158] «некий г-н Роберт Кроуфорд из Эбингхолла около Глостера»; «разрешить издание перевода „Дыма"» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 63—64, 262). Перевод, о котором сообщал Рольстон, вышел анонимно, но П. Уоддингтон установил на основе архива издателя, что его сделал Rowland Crawley (см.: *Waddington Patrick.* A Bibliography of Writings by and about Turgenev, Published in Great Britain up to 1900 // Waddington Patrick (ed.). Ivan Turgenev and Britain. Oxford and Providence, RI, 1995. P. 216). Остается открытым вопрос, правильно ли были прочитаны Тургеневым в письме имя и фамилия или мы имеем дело с поразительным до невероятности совпадением.

[159] «Автор этого перевода, должно быть, очень отважный человек. Очевидно, он ничего не знает о России и даже не претендует на знание русского языка, тем не менее, он предпринял перевод русского романа, и именно такого, где речь идет исключительно о русских делах. <...> В лежащей перед нами книге нет не только никакого указания на то, с какого языка он переведен, но вообще ни малейшего упоминания, что это перевод. На самом деле, это чрезвычайно плохой перевод французской версии русского подлинника. Насколько он плох, мы сейчас постараемся показать»; «а большое количество чрезвычайно умных и крайне саркастических описаний разнообразных типов, известных в русском обществе»; «много правды о России, которая пришлась крайне не по вкусу тем из его соотечественников, которые хотели бы закрыть глаза на недостатки и слабости своего народа» (Pall Mall Gazette. 1868. 27 November. P. 10).

Тургенев должен был, безусловно, приветствовать такое понимание своего романа, но Рольстон, назначив себя защитником литературных интересов Тургенева в Англии, не удовлетворился своим вмешательством. Явно под его давлением Тургенев послал письмо-протест в ту же газету. Письмо появилось (на французском языке) 5 декабря, и в нем Тургенев роптал на свою судьбу автора, которого переводили таким образом: «J'avoue qu'il m'est particulièrement pénible de me voir travesti ainsi aux yeux du public anglais, de ce public dont la bonne opinion ne saurait être assez appréciée par tout homme tenant une plume. Mais je n'ai pas de chance <...>».[160]

Последние слова могут показаться уместным итоговым замечанием для хроники переводов этого романа, который за менее чем два года после своего появления в России вышел в переводах на французский, немецкий и английский языки!

Обзор переводческой деятельности Тургенева освещает писателя с новой стороны. Хотя его переводы на русский язык более известны, они составляют менее значительную часть. Они в основном бросают взгляд на частные интересы и личные связи писателя. Несомненно, однако, что для него перевод на русский язык нередко был вызовом, как себе, так и самому русскому языку.

На многочисленные переводы из русской литературы, в которых Тургенев лично принимал то или иное участие, до сих пор обращалось мало внимания, несмотря на то, что преимущественно они определяют его роль как пропагандиста русской литературы в Европе того времени. Это, вероятно, следует объяснить тем, что практически нет таких переводов на другие языки, которые можно атрибутировать одному Тургеневу.

К Тургеневу часто обращались переводчики и редакторы, и он всегда был готов помогать советами и непосредственным участием в проверке корректуры. Чтобы не допускать грубых ошибок, переводчик должен, конечно, хорошо знать язык и быть чутким к культуре и национальному духу оригинала. Но для Тургенева перевод также должен был соответствовать общественно-культурным нормам той страны, для которой он готовился. Хотя Тургенев возражал против заблуждений, добавлений и «отсебятины», по его мнению, переводчик имел право пропускать то, что этим нормам противоречило. Нас иногда прямо удивляет степень мягкости и уступчивости Тургенева по отношению к другим переводчикам. А когда он сам переводил собственное произведение, он не считал себя обязанным строго придерживаться оригинала,

---

[160] «Признаюсь, мне особенно неприятно видеть себя таким переряженным перед английской публикой — публикой, доброе мнение которой не может не цениться особенно высоко всеми пишущими людьми. Но мне не везет <...>» (Pall Mall Gazette. 1868. 5 December. P. 6. Текст полностью приведен в *ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 94—95, 275). Судя по всему, перевод был Тургеневу не известен, когда он писал это письмо.

и иногда относился к своему тексту до того свободно, что можно говорить о продолжении творческого процесса.

Не менее важной, чем соответствие национальным нормам, была для Тургенева стилистическая сторона перевода. Для него первостепенное значение имели живость и жизненность окончательного текста. Отлично зная французский и немецкий языки, он, тем не менее, предпочитал привлекать к сотрудничеству опытных писателей, а для окончательной стилистической проверки своих переводов всегда обращался к «авторитетам». Этим объясняется коллективное начало даже тех переводов, в которых он играл главную роль.

Исследования, касающиеся отношений Тургенева к языковым, стилистическим, культурным и общественным проблемам, связанным с переводами, и проливающие свет на то, как он конкретно решал отдельные проблемы, возникающие при переводе, несомненно, дадут новые знания о Тургеневе-художнике. Без них наше представление о нем следует считать неполным.

Записки охотника
ПССиП(2). Соч. Т. 3. С. 162

Бирюк схватил его за плечо… Я бросился на помощь мужику…

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к черту с своей лошадью! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня…

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец,— удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать дождика-то вам не переждать…

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

— Вишь, поплелся! — пробормотал он, —да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Turgenev
MS Musée Tourguéniev

Biruk se précipita sur lui et le saisit par l'épaule. Je m'élançai au secours du malheureux paysan… «Restez où vous êtes, Monsieur», s'écria le garde. — Je n'aurais pas reculé devant sa menace… mais à mon grand étonnement, Biruk, après s'être recueilli pendant un instant, arracha d'un seul tour de main la ceinture avec laquelle il avait lié le prisonnier, le saisit par le collet, lui enfonça son bonnet jusqu'aux yeux, ouvrit la porte et le lança dehors… «Va-t-en au diable avec ton cheval» lui cria-t-il «et prends garde». Il n'acheva sa phrase et se mit à fouiller dans un coin.

«Tu es un brave garçon, Biruk», lui dis-je, quand je fus revenu de mon étonnement.

«Eh! voyons, Monsieur, me répondit-il avec dépit „avez-vous toujours l'intention de partir? La pluie a cessé. — J'espère que vous ne parlerez pas de ce qui vient de se passer", ajouta-t-il brusquement. — Le bruit de la charrette du paysan qui partait retentit dans la cour. — „Le voilà qui part", marmotta Biruk avec un demi-sourire… Mais qu'il prenne garde une autre fois». Il me regarda fixement en prononçant ces dernières paroles. «Partons, Monsieur».

Un quart d'heure plus tard nous nous séparions sur la lisière de la forêt.

Rollinat
BN. Slaves 68, f. 69v

La main de Biruck s'abbatit sur l'épaule du paysan… je m'élançai à son secours.

— «Touchez pas, maître!» me cria le forestier d'un ton menaçant. Sans m'effrayer de ses menaces, j'allais étendre le bras… quand, à ma grande stupéfaction, je le vis, en un tour de main, enlever la ceinture des bras du prisonnier, le prendre au collet, lui enfoncer son bonnet sur les yeux, ouvrir la porte et le pousser dehors, en lui criant:

— «Va-t-en au diable, toi es [sic] ton cheval!… mais prends garde que je ne t'y rattrape!»

Il rentra dans la chambre et s'enforça dans un coin.

— «Vraiment, Biruck, — lui dis-je enfin, — tu m'as étonné: je vois que tu es un brave garçon!»

— «Hé laissons cela, maître, — fit-il en m'interrompant avec dépit; — mais au moins n'allez pas jaser. Aussi bien, je vais vous reconduire, ajouta-t-il, car vous n'attendrez pas la fin de la pluie.»

Le roulement d'un chariot de paysan se fit entendre dans la cour.

— «Voyez!… le voilà déjà décampé… murmure-t-il, mais il me payera ça!..»

Une demi heure après, il me faisait ses adieux à la lisière du bois.

Delaveau
Éd. de 1859, pp. 67—68

— Birouk le saisit par l'épaule... Je courus au secours du paysan.

— Laissez-le, maître! — me cria le forestier.

— Cette injonction ne m'intimida pas, et je portais déjà les mains en avant; mais à mon grand étonnement, Birouk dénoua subitement le kouchak qui liait les bras du paysan, et saisissant celui-ci par la nuque, ouvrit la porte, et le poussa dehors.

— Va-t-en au diable, avec ton cheval! — lui cria-t-il en le voyant s'éloigner, — et rappelle-toi que si jamais je te reprends...

Cela dit, le forestier rentra tranquillement dans l'isba, ferma la porte, et se mit à remuer je ne sais quoi dans un coin.

— Vraiment, Birouk, — lui dis-je, — tu m'as étonné... Tu es un brave homme, à ce que je vois...

— Allons! Maître, ne parlons pas de cela,— me répondit-il d'un ton d'impatience. — Mais n'allez pas le raconter. Je vais maintenant vous reconduire, car il paraît que la pluie ne cessera pas de sitôt. Ah! le voilà qui détale! — ajouta-t-il à demi voix en entendant le bruit que faisaient les rous d'une téléga qui passait devant les fenêtres de l'isba. — Ah! je le...

— Une demi-heure après je prenais congé de lui sur la lisière du bois.

Charrière
Éd. de 1854, pp. 206—07

Le Bireouk lui posa ses mains sur les épaules avec violence... je me précipitai au secours du malheureux. «Ne bougez pas, vous, bârine!» me cria le forestier. Je me serais moquer de ses menaces, et j'avais déjà les muscles crispés; mais, à mon grand étonnement, en un tour de main, il détordit et retira la ceinture qui serrait les poignets du paysan, lui enfonça le bonnet sur les yeux, tout en ouvrant la porte, et, le prenant par l'épaule, le poussa dehors.

«Va au diable avec ton cheval! Lui cria-t-il; mais une autre fois ne me retombe pas sous la main».

Il revint sur ses pas dans la chambre, et alla regarder les deux enfants.

«Eh bien, Bireouk, finis-je par lui dire, tu m'as étonné et réjoui; je vois que tu es un brave homme.

— Eh! laissez cela, bârine, dit-il d'un ton fort maussade. ... seulement, veuillez n'en rien dire. Ce qu'il y a de mieux à faire pour moi, c'est de vous accompagner, ajouta-t-il; attendre ici la fin de la pluie, vous n'en auriez pas vous-même la patience».

Nous entendîmes le bruit du cheval et des roues du paysan, et celui de la barrière qui retombait. «Le voilà parti, murmura Foma, mais qu'il y revienne!»

Une demi-heure après, le Bireouk me fit ses adieux à la lisière de la forêt.

В. А. Кошелев

ЭФФЕКТ *ОХОТНИКА* В РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В 1869 году в «Литературных и житейских воспоминаниях», в очерке о Белинском, И. С. Тургенев поведал о том, как он двадцать три года назад, будучи молодым автором «стихотворений и поэм», решил, что ему «не предстояло никакой надобности продолжать подобные упражнения» и «*возымел твердое намерение вовсе оставить литературу*». И далее: «...только вследствие просьб И. И. Панаева, не имевшего чем наполнить отдел смеси в 1-м нумере „Современника", я оставил ему очерк, озаглавленный „Хорь и Калиныч". (Слова: „Из записок охотника" были придуманы и прибавлены тем же И. И. Панаевым *с целью расположить читателя к снисхождению*.) Успех этого очерка побудил меня написать другие; *и я возвратился к литературе*».[1]

Показателен «подтекст» тургеневских воспоминаний, относящийся к понятию *охотник*. Для Панаева, которого Тургенев недолюбливал за «фатовские» манеры и стремление к «большему форсу»,[2] это понятие предполагало что-то, отличное от профессионального литературного творчества: не судите строго — это лишь «*записки охотника*». Для самого Тургенева, воспринявшего это понятие на волне того «успеха», который принесло ему его первое зрелое произведение, это понятие означало нечто совсем иное.

В середине XIX столетия в русскую литературу пришла группа «охотников», создавших русскую классику. Ап. Майков свое стихотворение «Рыбная ловля» (1855) снабдил посвящением: «Посвящается С. Т. Аксакову, Н. А. Майкову, А. Н. Островскому, И. А. Гончарову, С. С. Дудышкину, А. И. Халанскому и всем *понимающим дело*».[3] Здесь

---

[1] *ПССиП(1). Соч.* Т. 14. С. 52. Зд. и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, курсив наш. — *В. К.*

[2] Там же. С. 72.

[3] *Майков А. Н.* Избранные произведения / Вступит. ст. Ф. Я. Приймы, сост., подгот. текста и примеч. Л. С. Гейро. Л., 1977. С. 351. (Сер. «Библиотека поэта»).

перечислены русские *писатели*, «понимающие дело» рыбной ловли («уженья»). К этому списку можно прибавить значительное число писателей, «понимающих дело» ружейной охоты; помимо Тургенева, это тот же С. Т. Аксаков, А. С. Хомяков, Н. А. Некрасов, А. К. Толстой, А. А. Фет, Е. Э. Дриянский, Л. Н. Толстой и т. д. Этот список охватывает фактически всю русскую литературу первого ряда (и частично — «второго ряда») середины века.

Кажется довольно странным: писатели предшествующего поколения были как будто далеки от этого увлечения. Нам трудно представить с ружьем за плечами или с удочкой в руках Жуковского или Батюшкова, Пушкина или князя Вяземского, Лермонтова или Гоголя.

Пушкин даже специально отделял собственно *ружейную* охоту от «охоты» *поэтической*. В одной из пропущенных строф «Евгения Онегина» (XXXIV строфа четвертой главы) возникает образ беспечного автора («я»), который, «тоской и рифмами томим», бродит над озером и громко сочиняет «сладкозвучные строфы». Эти «строфы» распугивают «стадо диких уток» — к величайшей досаде ружейного охотника, в тишине подманивавшего это стадо:

Уж их далече взор мой ищет
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянет и свищет,
Спуская бережно курок.

Далее — следует показательное рассуждение о «разных охотах»:

У всякого своя охота,
Своя любимая забота —
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами как я,
Кто бьет хлопушкой мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином —
И благо смешано со злом.[4]

Показательно, что у писателей старшего поколения существовало прежде всего представление о «*разных* охотах». Третья книга «охотничьего» цикла С. Т. Аксакова носила заглавие: «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах» (1855). В обращении к читателям и во вступлении Аксаков попытался определить свое творческое кредо. Он пишет о единственном стремлении художника: «...есть что-то невыразимо утешительное и обольстительное в мысли, что, передавая свои впечатления, возбуждаешь сочувствие к ним в читателях, преимущественно *охотниках до каких-нибудь охот*».[5] Слово *охота* понимается здесь явно шире, чем просто «ловитва», промысел. В. И. Даль в слова-

[4] *Пушкин.* Т. 6. С. 597—598.
[5] *Аксаков.* Т. 4. С. 465.

ре определил слово «*охота*» как «*состоянье человека, который что-либо хочет; хотенье, желанье, наклонность или стремленье, своя воля, добрая воля* <...>». Охота суть воплощенное человеческое желание, овеществленный азарт. В этом смысле охота становится самым естественным человеческим чувством и деянием.

И — самым нерациональным. Вот отправная точка рассуждений Аксакова: «„Ну, это уж его *охота*, уж он *охотник*", — говорят, желая оправдать или объяснить, почему *так неблагоразумно, так странно* поступает такой-то человек в таком-то случае... — и объяснение всем понятно, всех удовлетворяет». А что, собственно, «удовлетворительного» в этом объяснении?

«Как зарождается в человеке любовь к какой-нибудь охоте, — спрашивает Аксаков, — по каким причинам, на каком основании?.. Ничего положительного сказать невозможно». Но далее: «Кто заставляет в осенние дождь и слякоть таскаться с ружьем (иногда очень немолодого человека) по лесным чащам и оврагам, чтоб застрелить какого-нибудь побелевшего зайца? Охота. Кто поднимает с теплого ночлега этого хворого старика и заставляет его на утренней заре, в тумане и сырости, сидеть на мокром берегу реки, чтоб поймать какого-нибудь язя или голавля?.. Охота, без сомнения, одна охота. Вы произносите это волшебное слово — и все становится понятно».[6] Но кому — понятно?

Восприятие охоты как «хотенья» вообще, а охотника как «любителя» вообще определяло и ироническое отношение к этим понятиям, которое видим, например, у Пушкина. «Им овладело беспокойство, / Охота к перемене мест...», «Охоту к славе потеряв, / Никем не знаемый Фарлаф...», «Охотник до журнальной драки...», «Охотники до похорон...», «Охотник до войны...» и т. п. Увлечение охотой — бытовое развлечение русского помещика — Пушкин почитает откровенным «баловством», далеким от поэзии. Если Некрасов, например, связывал с поэтическом занятием охоты свое «заветное» деревенское времяпрепровождение («Опять я в деревне. Хожу на охоту. / Пишу свои вирши. Живется легко...»), то Пушкин, например, не упоминает о деревенской «охоте» Онегина, предпочитая констатировать, что тот «скучал» или целыми днями играл «на бильярде в два шара...».

Пушкинские персонажи (во всяком случае, симпатичные персонажи) охотой не занимаются. *Охота* вообще предполагает иное, не пушкинское, представление о простых вещах, например, о погоде:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкой снег,
Да вой волков; *но то-то счастье*
Охотнику!

---

[6] Там же. С. 466—467.

И далее Пушкин подробно разворачивал картины «счастья» охотника в такую невозможную для всех остальных погоду.[7] Картины эти, в общем, не эстетичны: писателю особенно претит псовая охота — «бешеная забава», «опустошительный набег». От такой охоты «страждут» и растения («озими»), и животные (которых «травят»), и даже близкие охотнику люди. Помещик Берестов, персонаж «Барышни-крестьянки», «был женат на бедной дворянке, которая умерла в родах, в то время, как он находился в отъезжем поле».[8] Не более симпатичными являются и любитель псовой охоты помещик Троекуров, и гоголевский «охотник» Ноздрев.

Старший современник Пушкина С. Т. Аксаков в быту был похож именно на таких литературных персонажей, сгоравших в пылу «охотничьего» азарта. Но с одним отличием, которое попытался наметить в своей очень откровенной характеристике отца его младший сын Иван Сергеевич:

«Сергей Тимофеевич любил жизнь, любил наслаждение, — вспоминал И. С. Аксаков, — он был художник в душе и ко всякому наслаждению относился художественно. *Страстный актер, страстный охотник, страстный игрок в карты*, он был артистом во всех своих увлечениях: и в поле с собакой и ружьем, и за карточным столом. *Он был подвержен всем слабостям страстей человека*, забывал нередко весь мир в припадке своего увлечения; уже женатый, проводил он целые дни за охотой, целые ночи за картами; но, зная за собой это свойство, он *был чужд всякой гордости к ближнему*, напротив, отличался постоянно снисходительностью. Это-то качество и дало ему возможность развить в себе эту теплую объективность, которая составляет такую прелесть „Семейной хроники", которая чуждается всякой экзатерации, резкости, полна любви и благоволения к людям и отводит место каждому явлению, признавая его причинность, доброту и дурное в жизни. Радушный и добрый от природы, он обладал умом чрезвычайно ясным и трезвым. *Эта ясность омрачалась пылкостью и страстностью*, — но когда годы и болезни умерили пыл и обуздали страсти, ум его освободился из-под гнета, достиг той степени спокойного, объективного отношения к жизни, которая так поражает читателя в его сочинениях».[9]

Писатель, родившийся девятью годами раньше и выступивший в литературе через десять лет после смерти Пушкина, был носителем типично славянского — по природе своей анархического — начала *всеприемлемости*, всепонимания, типично русского благодушия, избегающего всего, что нарушает мирный уклад жизни. Не случайно среди приятелей он сразу стал исполнять роль посредника и «примирителя»

---

[7] *Пушкин.* Т. 5. С. 3—4.

[8] Там же. Т. 8. Ч. 1. С. 109.

[9] *Аксаков И. С.* Очерк семейного быта Аксаковых // Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. М., 1888. Т. 1. С. 12.

во всех ссорах. Странным образом это качество совмещалось в нем с «охотничьей» страстностью.

Но, человек поколения Жуковского, он осмелился заговорить о своей «охоте» только в шестидесятилетнем возрасте — на рубеже 1850-х годов. И, в частности, именно поэтому так естественно «вписался» в группу литераторов следующего поколения. В следующем поколении оказался востребован тот образ *охотника*, который Аксаков воссоздал совершенно естественно, исходя из своих неповторимых представлений.

Исходя из этих представлений отвергалась «псовая охота», столь популярная в пушкинские времена. «Все охоты хороши!» — восклицает он в «Записках ружейного охотника...» (1852). И тут же уточняет: «...у всякого свой вкус: я не люблю охоты, где надобно содействие посторонних людей, иногда вовсе не охотников, и должен признаться, что не люблю ни гончих, ни борзых собак и, следовательно, не люблю псовой охоты».[10]

Не случайно английское издание охотничьей трилогии Аксакова вышло под заглавием «*Русский джентльмен*». Охота для писателя начинается тогда, когда возникает прямое *состязание*, изначально заданное противоборство со зверем, рыбою или птицей. Предметы людской «ловитвы» — существа сами по себе весьма ловкие, изобретательные и сильные. А человек (который, конечно, сильнее любого зверя) должен непременно ставить себя в одинаковые условия с тем, кого он собирается перехитрить. Аксаков не признает рыбной ловли неводом (только на удочку!) и отвращается от «псовой охоты», в которой заняты десятки людей и собак, — только простейшее ружье и неизменный английский сеттер. Для него невозможна победа над птицей, которая спит или опьянена любовью — и не подозревает об опасности. «Ловитва» имеет смысл лишь тогда, когда человек должен стать хитрее самой хитрой рыбы, сильнее самого сильного зверя, выносливее и терпеливее того животного, которое собирается убить.

Только в такой, «на равных», охоте человек приобщается к природе, уходит в ее мир. Высшее наслаждение настоящего рыболова-художника заключается в том, чтобы «изучить, отгадать местопребывание, свойство и вкус осторожной, пугливой вольной рыбы, привлечь и обмануть ее искусною насадкой, подстеречь ее прикосновение к крючку». Истинный охотник на этом поприще имеет бесконечные возможности для проявления своей джентльменской сущности: «Я так всегда любил этих крошечных куличков, что мне даже жалко бывало их стрелять. Если мне случалось как-нибудь нечаянно подойти к их станичке близко, так, что они меня не видели и продолжали беззаботно бегать, доставать из грязи корм, а иногда отдыхать, стоя на одном месте, то я подолгу любовался ими, даже не один раз уходил прочь, не выстрелив из ружья... Для горячего охотника это не безделица!».[11]

---

[10] *Аксаков.* Т. 4. С. 164.

[11] Там же. С. 44, 228.

Именно это провозглашенное Аксаковым *джентльменское* основание охотничьего увлечения стало причиной тяготения к нему русской литературы. Обратим внимание: все перечисленные выше «писатели-рыболовы» и «писатели-охотники» преимущественно воссоздавали процессы «уженья на удочку» и «ружейной охоты». Тот же Тургенев, будучи страстным охотником, по-видимому, принимал участие и в «псовых охотах»;[12] он даже описал их (в стихотворениях «Старый помещик» и «Деревня», в рассказах из «Записок охотника» «Малиновая вода» и «Чертопханов и Недопюскин»). Но эти охоты воспринимались непременно как принадлежность старого, ушедшего поместного уклада, не очень уважаемого новым охотником. Тот же Некрасов, который любил похвалиться «охотой» и иногда отправлялся охотиться «целым караваном», нанимая «до 80 человек» мужиков,[13] предпочитал образ «одинокого» охотника с ружьем и собакой (да еще иногда с «другом-приятелем Гаврилой Яковлевичем») — так «литературнее» получалось.

Это литературное ощущение, сформировавшееся к середине XIX столетия, предполагало «суженное» восприятие самого понятия *охотник*. Когда Панаев вставил подзаголовок «*Из записок охотника*» к рассказу «Хорь и Калиныч», он уже освободился от представления о том, что «у каждого своя охота». «Охотник» воспринимался в единственном значении: «*кто стреляет дичь по промыслу или для забавы <...> занимается охотой, стрельбой, любит ее*» (В. И. Даль). Более того, подзаголовок уже ориентировал не на «охотника-профессионала», а именно на «охотника-любителя», для которого сама охота оказывается такой же «забавой», как и представленный в журнале немудрящий очерк.

А это представление, в свою очередь, рождало очень важное литературное ощущение, которое сформулировал в некрологе на смерть С. Т. Аксакова (1859) другой охотник, А. С. Хомяков. Хомяков задает простой вопрос: что заставило московского «хлебосола» Аксакова на шестом десятке лет, больного и почти ослепшего, заняться литературным творчеством?

«*Мысль о художестве была устранена*; он от нее вовсе освободился. Страстный рыболов, лишенный случайностями жизни привычного наслаждения, он захотел вспомнить старые годы, прежние тихие радости, а вследствие в высшей степени общительного нрава он захотел передать их, объяснить их другим, и написалась книга...». Книга «Записки об уженье» вышла свет в 1847 году. «И читатель брал ее так же добродушно, *без ожидания художественного наслаждения*, а просто в надежде узнать кое-что об искусстве ужения <...> и потом, вчитываясь, он с странным удивлением замечал, что ему все занимательнее стано-

---

[12] См.: *Шапочка В. В.* Охотничьи тропы И. С. Тургенева. Орел, 1998.

[13] См.: *Буткевич А. А.* Из воспоминаний // Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 386—389; Н. А. Некрасов в воспоминаниях и документах. Л., 1930. С. 402—422.

вится предмет, заманчивее и красивее прихоти водяных потоков и разливы озер и прудов; милее самые рыбы, от пошлого пескаря до редкого лоха. Нашлись люди, которые догадались, что тут скрывалось искусство, и искусство истинное...»

«Записки об уженье» имели успех: читатель угадывал в них нечто необыденное, нечто выходящее из круга привычных практических «рыбацких» советов. Но что именно?.. «Его слушали, — продолжает Хомяков, — слушали с удовольствием, с увлечением; и сам он дал свободу своим воспоминаниям, сам стал увлекаться ими все более и более, чувствуя, что у него и, так сказать, перед ним — не просто холодные читатели, но, невидимые и незнакомые, но уже сочувствующие друзья. Сравнительно тесный круг воспоминаний рыболова уступил место воспоминаниям охотника...». «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» появились в марте 1852 года и вызвали одобрительные критические отклики Н. Г. Чернышевского (он назвал книгу «классическим сочинением»), Н. А. Некрасова («превосходная книга»), И. С. Тургенева («подобные книги появляются у нас слишком редко!»), Н. Н. Воронцова-Вельяминова («счастливая книга»)...

Суммируя все впечатления, Хомяков так определил значение этих ранних аксаковских созданий: «В них природа русская раскинулась в чудной красоте и русский писаный язык сделал шаг вперед, даже после Пушкина и Гоголя. <...> Это бесконечно важное приобретение было — *свобода от художественной преднамеренности*».[14]

Собственно, устранение «мысли о художестве», отход от желания непременно произвести плод «художественного наслаждения» — были той важнейшей идеей, в русле которой совершались самые значительные художественные открытия русской прозы середины XIX столетия. Эта идея лежала в основе художественных открытий «натуральной школы». Ее же имел в виду Панаев, рассматривавший подзаголовок «Из записок охотника» как «располагающий читателя к снисхождению».

Показательно, что оба произведения, заявившие в литературе «охотничью» тему и определившие дальнейшую творческую судьбу их авторов, — «Записки об уженье» и «Хорь и Калиныч» — создавались и появились в печати одновременно: в начале 1847 года. Это — не просто совпадение. Это — *выражение внутренней потребности времени*, которому на определенном этапе оказался необходим именно *охотник* как некий объединяющий символ. В предисловии к «Запискам об уженье» Аксаков заявил: «Все охоты: с ружьем, с собаками, ястребами, соколами, с тенетами за зверьми, с неводами, сетьми и удочкой за рыбою — *все имеют одно основание*. Все разнородные охотники должны понимать друг друга: ибо охота, *сближая их с природою, должна сближать между собою*».[15]

---

[14] *Хомяков А. С.* О старом и новом. Статьи и очерки. М., 1988. С. 410.

[15] *Аксаков.* Т. 4. С. 10.

Согласно классификации субъектов речи, предложенной Б. О. Корманом, носитель речи в тургеневских «Записках охотника» определяется как *личный повествователь*, — то есть «ограниченно выявленный» субъект повествования, названный в тексте («я») — но и только. «Его личностная определенность при непосредственном восприятии текста почти не бросается в глаза».[16] Мы можем предположить, что это лицо, близкое к автору, — но почти ничего не можем сказать ни о его внешности, ни о внутренних достоинствах.

Суждение как будто верное, если не учитывать общего заглавия цикла. Но перед нами — записки *охотника*. Именно указание на *охотника* становится тем *знаком*, который может, в сущности, заменить детально развернутый характер персонажа: «повествователя», не становящегося «рассказчиком».

«Запискам об уженье» Аксакова был предпослан (во втором издании) эпиграф — отрывок из раннего послания автора к М. А. Дмитриеву:

Есть, однако, примиритель,
Вечно юный и живой,
Чудотворец и целитель,
Ухожу к нему порой.
Ухожу я в мир природы,
В мир спокойствия, свободы,
В царство рыб и куликов,
На свои родные воды,
На простор степных лугов,
В тень прохладную лесов
И — в свои младые годы.

При первом издании цензура решительно воспротивилась «неудачной» рифме: *природа — свобода*. А для автора это было принципиально важно, — ибо где же еще и как еще проявиться человеку, задавленному чуждым ему, насильственным «азартом» русской общественной жизни. «Деревня, мир, тишина, спокойствие! Безыскусственность жизни, простота отношений! Туда бежать от праздности, пустоты и недостатка интересов; туда же *бежать от неугомонной, внешней деятельности*, мелочных своекорыстных хлопот, бесплодных, бесполезных, хотя и добросовестных мыслей, забот и попечений...»

Убежишь — а что там? А ничего: «„светлое зеркало воды", на котором „колеблются или неподвижно лежат поплавки ваши"... И всё: при свободном проявлении, при „охоте", уже не существует ни „мнимых страстей", ни „самолюбивых мечтаний", ни „несбыточных надежд"». Природа благополучно вылечивает от всего этого: «Неприметно, малопомалу рассеется это недовольство собою, эта презрительная недоверчивость к собственным силам, твердости воли и чистоте помышлений — *эта эпидемия нашего века, эта черная немочь души, чуждая*

[16] *Корман Б. О.* Изучение текста художественного произведения. М., 1972. С. 33.

здоровой натуре русского человека, но заглядывающая и к нам за грехи наши...».[17]

В письме к сыну Ивану от 12 октября 1849 года Сергей Тимофеевич высказался об этом еще определеннее: «Скверной действительности не поправишь, думая об ней беспрестанно, а только захвораешь, и я забываюсь, уходя в вечно спокойный мир природы».[18] *Охотник,* по мысли Аксакова, может проявиться только в отстранении от «скверной действительности».

Тургенев представил принципиально иную модель поведения «охотника». Он не собирается «уходить» от «скверной действительности» «в вечно спокойный мир природы», — он просто оценивает эту действительность своим «природоподобным» взглядом. И благодаря этому взгляду становятся гораздо явственнее все гадкие и скверные ее стороны.

Охотник имеет право на такой взгляд — потому что охотник по определению *хороший человек.*

А. С. Хомяков (по воспоминаниям С. М. Соловьева) в феврале 1855 года (когда покойного Николая I сменил на престоле Александр II) поздравлял приятелей с хорошим царем и выводил шутливый закон, согласно которому в России «за хорошим царствованием идет дурное, а за дурным — непременно хорошее». «Притом, — продолжал Хомяков, — наш теперешний государь *страстный охотник, а охотники всегда хорошие люди*...».[19]

В этой характеристике Хомяков словно цитировал «Записки охотника» Тургенева: нечто подобное читаем уже в первом очерке: «...сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, *страстным охотником* и, *следовательно*, *отличным человеком*».[20] Правда, каких-то особенно «отличных» черт личности «мелкого помещика» автор не представляет — напротив, начинает его характеристику с перечисления «некоторых слабостей»...

Потом из содержания очерка, мы узнаем, что этот «отличный человек» ничем особенным не замечателен. Хозяин он неважный: хвалится, например, продажей своего леса купцу Аллилуеву. Помещик — тоже не очень авторитетный: его крепостной Хорь позволяет себе по адресу господина весьма скептические замечания (насчет «сапогов», которые тот не может сшить услужающему ему Калинычу). Да и охотник он, в конечном счете, «аховый»: тот же Калиныч «каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устроивал шалаши, бегал за дрожками; *без него г-н Полутыкин шагу ступить не мог*».[21] Сам Полу-

---

[17] *Аксаков.* Т. 4. С. 11.

[18] *РО ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 3. Ед. хр. 16. Л. 70—70 об.

[19] *Соловьев С. М.* Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С. М. Соч.: В 18 кн. М., 1995. Кн. 18. С. 644.

[20] *ПССиП(1). Соч.* Т. 4. С. 8.

[21] Там же. С. 11.

тыкин признается, что из-за него Калиныч не может содержать свое хозяйство: «я его всё оттягиваю»... Однако как-либо поблагодарить «доброго мужика» не догадывается, разве что «в прошлом году гривенник пожаловал».

Автору гораздо интереснее именно мужики, эти самые крепостные «г-на Полутыкина», которые на поверку и умнее, и сноровистее своего хозяина. У них есть жизненный интерес — и они его, каждый по-своему, реализуют. А охотник задерживается у Хоря на три дня (это пребывание идет как будто под «гостеприимным кровом г-на Полутыкина») — и слушает крестьянские беседы, присматривается к их нравам, которые оказываются для него любопытны и интересны. А под конец оказывается, что этот самый автор — вроде бы такой же «отличный человек», как и «г-н Полутыкин», — все-таки человек «особенный». Вот его последний разговор с Хорем:

«„А что, — спросил он меня в другой раз, — у тебя своя вотчина есть?" — „Есть". — „Далеко отсюда?" — „Верст сто". — „Что же ты, батюшка, живешь в своей вотчине?" — „Живу".— „А больше, чай, ружьем пробавляешься?" — „Признаться, да". — „И хорошо, батюшка, делаешь; стреляй себе на здоровье тетеревов да старосту меняй почаще"».[22] С точки зрения хозяйственной «справности», «личный повествователь» «Записок охотника» — такой же неважный помещик, как и господин Хоря. Но Хорь почему-то относится к нему совсем иначе, чем к Полутыкину. Дело здесь опять-таки в особенной «стихии жизни», которая определяет сущность истинного *охотника*.

Для него, в отличие от «г-на Полутыкина», охота оказывается не какой-то «забавой», а именно *страстью*, которая заставляет человека уходить из «своей вотчины» за сто верст на охоту. Причем не за добычей, — какую же охотничью «добычу» стоит искать так далеко? — а за каким-то странным «вольным хотением». Искатель этого «вольного хотения» выглядит неким «чудаком» в глазах обывателей — и относятся они к нему не как к «барину», а как черт знает к кому. Этот «молодой человек» — дворянин; и уже из первого рассказа понятно, что он и породовитее, и побогаче, и поважнее «г-на Полутыкина» будет! Между тем русские крестьяне относятся к нему как-то неуважительно и покровительственно обращаются к нему на «ты», чего никак не могут позволить с «г-ном Полутыкиным». И ночевать он просится «в сенном сарае», рядом с коровами и лошадьми, чтобы хозяев не стеснять (чего опять-таки не пришло бы в голову «г-ну Полутыкину»!)... Даже нанятый им помощник «бродяга» Ермолай говорит про него без какого-либо почтения: «А пусть дрыхнет, — равнодушно заметил мой верный слуга, — набегался, так и спит».[23]

В рассказе «Ермолай и мельничиха» приводится детальная характеристика этого «бродяги»-охотника Ермолая. По нему можно судить и о

[22] Там же. С. 20.
[23] Там же. С. 28.

том, как воспринимают окружающие самого «личного повествователя». «На чужой стороне» его называют «Ермолкой», а владеющие им помещики «от него отказались, как от человека ни на какую работу не годного — „лядащего", как говорится у нас в Орле». Носит он странное одеяние: «ходил и зиму и лето в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя, но подпоясывался кушаком; носил синие шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, в веселый час, разорившимся помещиком». Свою легавую собаку «по прозванью Валетка» он не кормит, уверенный, что «животное умное, сам найдет себе пропитанье», часто ругается «на всех известных и неизвестных диалектах».

И далее: «Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить, не уживался на месте, на ходу шмыгал ногами и переваливался с боку на бок — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывал верст шестьдесят в сутки. Он подвергался самым разнообразным приключениям: ночевал в болотах, на деревьях, на крышах, под мостами, сиживал не раз взаперти на чердаках, в погребах и сараях, лишался ружья, собаки, самых необходимых одеяний, бывал бит сильно и долго — и всё-таки, через несколько времени, возвращался домой, одетый, с ружьем и с собакой».[24] Мог ни с того ни с сего сорваться за десять верст от дома, в котором «больше дня не оставался». «Зато никто не мог сравниться с Ермолаем в искусстве ловить весной, в полую воду, рыбу, доставать руками раков, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепелов, вынашивать ястребов, добывать соловьев <...>». Мастерство это, правда, оставалось большей частью невостребованным: «Последний дворовый человек чувствовал свое превосходство над этим бродягой — *и, может быть, потому именно и обращался с ним дружелюбно*; а мужики сначала с удовольствием загоняли и ловили его, как зайца в поле, но потом отпускали с богом и, раз узнавши чудака, уже не трогали его, даже давали ему хлеба и вступали с ним в разговоры...».[25]

Вероятно, сам автор-охотник выглядит подобным же образом в глазах представителей своего сословия. «Кочевая» жизнь, которую он постоянно ведет, ночуя то в сенном сарае, то в каком-нибудь овине, а то и вовсе под открытым небом, когда он «всё свое носит с собой», предполагает наличие особенного удобного одеяния, не всегда соответствующего требованиям светского приличия. Спутником его является легавая собака — незаменимый помощник охотнику, вместе с которой он переживает разные неизбежные «приключения», неотделимые от его охотничьих скитаний. Он, как и Ермолай, «живет где хочет и чем хочет» — и тоже подолгу в своей вотчине не засиживается, хозяйственными делами по имению особенно не занимается. Но и вряд ли следует совету Хоря почаще менять старосту: для этого надобно-таки вник-

[24] Там же. С. 23, 22, 24.
[25] Там же. С. 24—25

нуть в хозяйство, а ему, который «больше ружьем пробавляется», все как-то не до того.

Поначалу все «соседи» относятся к нему настороженно; да что соседи — даже и мельник на двор переночевать не пускает: боится — спалит! Но со временем проникаются к нему какой-то особенной доверенностью: и «сосед Радилов», и «однодворец Овсяников», и прочие. Часто здесь играет свою роль тот «эффект попутчика», который автор намечает в рассказе «Уездный лекарь»: «Странные дела случаются на свете: с иным человеком и долго живешь вместе и в дружественных отношениях находишься, а ни разу не заговоришь с ним откровенно, от души; с другим же едва познакомиться успеешь — глядь, либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал».[26] Встреча со «случайным», незаинтересованным человеком, с бескорыстным собеседником освобождает от условностей, оглядок, от боязни показаться смешным — и часто перед «попутчиком», которого видишь, во всяком случае, нечасто, хочется облегчить душу. А слушать охотник умеет...

Особую доверительность окружающих в отношениях с охотником Ю. В. Лебедев объяснил так: «Нельзя не заметить, что люди, с которыми встречается в своих охотничьих странствиях рассказчик, щедро с ним откровенны. Они доверчиво сообщают ему свои тайны, обнажают перед ним интимные уголки своих душ. Русский охотник — ведь это странник, бродяга, отрешившийся от тех ложных ценностей жизни, которые в мире социального неравенства разобщают людей <...>. К такому собеседнику, у которого вместо крыши вольное небо над головой, тянутся охотно и простые, и чиновные люди».[27]

Но дело не только в «вольном небе над головой». Ведь такого рода «чудачество» — это прежде всего отражение самой «философии» охоты. Охотничья страсть возникает в человеке вместе с особенным чувством, которое, например, С. Т. Аксаков испытал еще в шестилетнем возрасте, когда он на рыбалке поймал на уду первую плотичку: «Я, — отмечает он в „Детских годах Багрова-внука", — весь дрожал, как в лихорадке, и совершенно не помнил себя от радости <...>. Уженье просто свело меня с ума! я ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить, так что мать сердилась и сказала, что не будет меня пускать, потому что я от такого волнения могу захворать; но отец уверял ее, что это случилось только в первый раз и что горячность моя пройдет; я же был уверен, что никогда не пройдет...».[28]

В своей уверенности он оказался прав: увлеченная горячность и страстность восторженного рыболова (а потом — охотника, грибника, картежника, чтеца, литератора и т. д.) — не прошли у него никогда. Ко всем своим увлечениям он привык относиться с художественным азар-

---

[26] Там же. С. 43.

[27] *Лебедев Ю. В.* «Записки охотника» И. С. Тургенева. М., 1977. С. 17.

[28] *Аксаков.* Т. 1. С. 309—310.

том. Он, к примеру, очень рано понял, что настоящая охота не имеет ничего общего с промыслом, и никогда не стремился только к добыче. Когда ему довелось удить на озере, где «было полно всякой рыбы», так полно, что «около берегов и трав рябила вода от рыбьих стай, которые теснились на мель и даже выскакивали на береговую траву», — ему вдруг стало неинтересно: «множество и легкость добычи <...> охладили горячность мою»... В любом деле он привык ценить не результат, а азарт деяния. Если он приводил к какому-то результату — хорошо. Если нет — огорчительно, но терпимо. Точно так же и тургеневский охотник готов отдать убитую птицу хозяину того заброшенного сада, где он подстрелил ее.[29]

Результат особенно ценился, если он нетрадиционный. В 1839 году, выйдя в отставку, Аксаков уехал на несколько месяцев в Оренбургскую губернию, откуда сообщал старшему сыну: «Уженье вовсе не завидно, и мое, хотя кратковременное, ибо я удил в Аксакове 3 утра да у Варшавки 4, — но зато успешное!». Тут же разъясняется суть успеха: «Видел я, наконец, знаменитого рыбака Наумова; во всех отношениях презамечательное и приятное лицо. Тех людей, которые в вашем поколении, уже нельзя будет найти!». Тут же — об охоте: «Я недавно видел странного русака; но травить не удалось: пропал неизвестно куда. Русак огромной величины, с темной шеею, притом весь лохматый. Никто из охотников такого не видел. Досадно, что не удалось затравить».[30]

Обратите внимание: то, что «не удалось затравить» — конечно, «досадно». Но не это главное; главное то, что *видел*! Увидеть, ощутить, почувствовать другое существо — вот смысл удачной охоты. Это страстное желание *общения* рождает у собеседника столь же страстное желание *раскрыться* перед охотником. И он раскрывается перед ним как ни перед кем иным.

Эффект *охотника* определяет еще одно существенное обстоятельство.

Отдельное издание «Записок охотника» Тургенева вышло из печати в 1852 году — опять же *одновременно* со второй частью трилогии Аксакова «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». К этому времени два литературных «охотника» познакомились и сблизились, несмотря на то, что были в разных общественных «лагерях». Сблизились именно как *охотники* — два «отличных человека». 29 декабря 1850 года С. Т. Аксаков писал сыну Ивану: «На днях я познакомился с Тургеневым, и он мне очень понравился; может быть, его убеждения ложны или, по крайней мере, противны моим, но натура его добрая, простая».[31] «Натура» — *охотника*!

Тургенев написал о новой книге Аксакова восторженную рецензию, в которой высказал важнейшую для «охотничьей философии» идею о

---

[29] *ПССиП(1). Соч.* Т. 4. С. 53.

[30] *РО ИРЛИ.* Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 16. Л. 1—1 об.

[31] *Р Мысль.* 1915. № 8. С. 125.

том, что охота — свободное хотение человека — аналогична доброй воле природы (которая тоже подвластна необъяснимым «хотениям»). Человек — часть природы. Очень переплетенная, совмещенная с нею часть. «Если б тетерев мог рассказать о себе, — заметил Тургенев, — он бы, я в том уверен, ни слова не прибавил к тому, что о нем поведал нам г. А—в».[32] Становясь как бы на место каждого тетерева, сумев поглядеть на мир глазами каждой Божьей твари, писатель обретает право становиться полномочным представителем Божьего мира вообще.

Но если сопоставить авторов и тех и других «Записок...» как *охотников*, то мы вынуждены будем признать неизмеримо превосходящий «профессионализм» Аксакова. Ведь «ружейный охотник» Тургенев только мимоходом, в коротеньких эпизодах (вроде описания «тяги» в «Ермолае и мельничихе»), рассказывает собственно об *охоте*. Основное его повествование — серия неких эпизодов, «баек», не идущих к «охотничьему» делу и, казалось бы, не вполне соответствующих задачам книги.

Кроме того, авторы обеих книг отличались по уровню использования художественного воображения. Размышляя над особенностями своего таланта, Аксаков специально указывал, что ему не хватает духа «изобретения», что он может писать только «на почве действительности», что он может быть только «передатчиком» жизненного материала: «Заменить <...> действительность вымыслом я не в состоянии... Я ничего не могу выдумывать: к выдуманному у меня не лежит душа <...> я уверен, что выдуманная мною повесть будет пошлее, чем у наших повествователей. Это моя особенность...».[33] Даже элементарная словесная изобразительность оказывалась Аксакову вроде бы «не по плечу»: он прямо декларировал отказ от нее. Осенью 1852 года он заметил в письме к молодому своему приятелю художнику Константину Трутовскому: «Я ненавижу холод и потому не люблю осенние морозы. Все красивые выражения насчет полей, *посеребренных морозной пылью*, для меня не имеют смысла. Я вижу тут смерть, белый саван и более ничего».[34]

Напротив, Тургенев не страдал отсутствием «дара вымысла» — в своих «Записках охотника» он представал прямым «фантазером», выдумщиком — и при гиперболизации некоторых сюжетов, и в своих словесных описаниях. А склонность выдумывать и «прилыгать» считал для охотника «безвредным, иногда даже забавным недостатком».[35] «Почва действительности» для него — вовсе не окончательный предмет словесного моделирования (как для Аксакова). Он постоянно сопоставляет в своих конструкциях ту «природную основу», которую выделил в результате своей «охотничьей» деятельности, — с «миром социума», который постоянно вторгается и разрушает эту «основу».

---

[32] *ПССиП(1). Соч.* Т. 5. С. 416.

[33] *Аксаков.* Т. 1. С. 414.

[34] Русский художественный архив. 1892. № 2. С. 53.

[35] *ПССиП(1). Соч.* Т. 14. С. 265.

Вот он описывает (в рассказе «Ермолай и мельничиха») историю «мельничихи» Арины, которая крепостной девочкой была взята в барский дом на завидную службу горничной помещичьей жены. История эта представлена «с противной стороны» — устами типичнейшего носителя идеалов «социума» помещика Зверкова: «Он занимал довольно важное место, слыл человеком знающим и дельным». Зверков рассказывает эту историю в качестве назидательного примера, вполне уверенный в собственной нравственной высоте и правоте. Взяли из деревни неграмотную девочку, выучили грамоте. Жена взяла ее сразу же «в горничные к своей особе». Горничная оказалась образцовая: «услужлива, скромна, послушна — просто всё, что требуется». А через десять лет такой «отличной службы» — запросилась замуж! Хотя отлично знает, что ее хозяйка «положила себе за правило: замужних горничных не держать». Зверков, расценив это желание горничной как «зло, черную неблагодарность в человеке», — не позволил ей этот «беспорядок». Тогда она попросту «загуляла» с лакеем Петрушкой. Зверков, естественно, «тотчас же приказал ее остричь, одеть в затрапез и сослать в деревню».[36]

Помещик смотрит на эту историю с позиций «социума»: и здесь он, без сомнения, глубоко прав! И даже логичен по-своему. Вот горничная бросается к нему в ноги — его реакция: «Я этого, скажу вам откровенно, терпеть не могу. Человек никогда не должен забывать свое достоинство, не правда ли?».[37] Суждение вполне «нравственное», — но оно в глазах Зверкова применимо не к любому *человеку*, а только к человеку определенного круга — тех людей из высшего общества, которые поступают по отношению к другим как «благодетели»: они и «жалуют» своих дворовых, и «балуют», «одевают отлично», «кормят с господского стола». А те, которых «облагодетельствовали» — и которые при этом «забыли свое достоинство», — вроде бы и «не люди».

В конфликте жены Зверкова, лишившейся «отличной горничной», и Арины нравственная правда, по его разумению, может быть только на стороне жены! И даже не потому, что эта самая жена — «ангел во плоти, доброта неизъяснимая» (а, по наблюдению его собеседника, женщина «пухлая, чувствительная, слезливая и злая — дюжинное и тяжелое созданье»). В данном конфликте абсолютно неважен нрав жены — важно, что она, заведя себе «правило» «замужних горничных не держать», усвоила взгляд на «горничных» как на «ненастоящих» людей. Помещица из рассказа «Льгов» не позволяла дворовым жениться потому, что сама живет «в девках»,[38] — это еще можно как-то понять. Но в данном случае хозяйка отвергает право ее прислуги жить «по-людски», так же, как живет сама, только потому, что почитает эту самую прислугу способной лишь на то, чтобы исполнять обязанности ее горнич-

[36] Там же. Т. 4. С. 29—31.
[37] Там же. С. 30.
[38] Там же. С. 287.

ной, — и ни на что иное. Ей не дается «природоподобный» взгляд на другого человека.

Помещица понять не может, что ее горничной хочется любить — и иметь семью: точно так же, как и ей самой. Мардарий Аполлонович из рассказа «Два помещика» тоже не может понять, что дворовому, которого, по его приказанию, секут на конюшне, так же больно, как было бы больно ему самому. И забавляется этой поркой «с добрейшей улыбкой» («Что я, злодей, что ли, что вы на меня так уставились?»[39]). Самое страшное в крепостном праве — это сознание *обыденного* права устанавливать подобные социальные отношения.

Для *охотника*, по природе своей страсти научившегося видеть бытие «тетерева» глазами самого «тетерева», просто не существует возможности какого-то иного отношения к окружающим его существам — животным, а тем более людям. Поэтому, например, охотник Ермолай, неравнодушный к мельничихе, увидев, что та серьезно больна, первым делом считает нужным предупредить: «Ты к лекарю не ходи, Арина: *хуже будет*».[40] Мир социума не может привнести в природный мир ни радости, ни облегчения — может только преумножить страдания.

Натуральная школа открыла для русской литературы *человека* в людях «простого звания»: «разве мужик — не человек?». Тургенев в «Записках охотника» сделал следующий шаг: он представил внутренний мир этого «лядащего», презираемого (а чаще — просто не замечаемого) мужика. И этот внутренний мир оказался более интересен, чем мир представителя так называемого «образованного сословия». Одним из первых на появление «Хоря и Калиныча» откликнулся «охотник» К. С. Аксаков, с восторгом увидевший в рассказе то, что автор «прикоснулся к народу с участием и сочувствием». Раньше, — указал критик, — Тургенев «силился уверить других и себя *в отвлеченных и потому небывалых состояниях души*». Теперь это стремление к отражению «состояния души» сказалось в поисках «души» другого, не похожего на него человека.[41]

А это открытие было невозможно сделать — *не охотнику*. Только осознав себя частью природы, только войдя в ее жизненный круговорот, можно увидеть некое общее жизненное движение. Природа, как отметил Тургенев в отзыве о книге Аксакова, — это прежде всего «проявление жизни всеобщей, среди которой сам человек стоит, как звено живое, высшее, но тесно связанное с другими звеньями <...>».[42] В другом месте этого отзыва мысль об «основном направлении природы» развивается более детально:

«Бесспорно, вся она составляет одно великое, стройное целое — каждая точка в ней соединена со всеми другими, — но стремление ее в то

---

[39] Там же. С. 184.

[40] Там же. С. 28.

[41] *Аксаков К. С.* Три критические статьи г-на Имрек (примечание) // Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С.146—147.

[42] *ПССиП(1). Соч.* Т. 5. С. 397.

же время идет к тому, чтобы каждая именно точка, каждая отдельная единица в ней существовала исключительно для себя, почитала бы себя средоточием вселенной <...>. Для комара, который сосет вашу кровь, — вы пища, и он так же спокойно и беззазорно пользуется вами, как паук, которому он попался в сети, им самим, как корень, роющийся во тьме, земляною влагой. <...> Как из этого разъединения и раздробления, в котором, кажется, всё живет только для себя, — как выходит именно та общая, бесконечная гармония, в которой, напротив, всё, что существует, — существует для другого, в другом только достигает своего примирения или разрешения — и все жизни сливаются в одну мировую жизнь, — это одна из тех „открытых" тайн, которые мы все и видим и не видим».[43]

«Тайна природы» потому и «открытая», что она очень простая. Но *не охотнику* увидеть ее не суждено: удаленный от природы человек поневоле движется в том социуме, который закрывает от него естественные данности. Тургенев, приняв обличье «чудака»-охотника, отделенного от закрытых в своем социуме обывателей мира, сумел, подобно Ермолаю или Касьяну с Красивой Мечи, понять эту «тайну», которая и не «тайна» вовсе. И только поняв ее, сумел увидеть нечто сокровенное в простых людях: «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил».[44]

Поэтому когда русская литература встала перед необходимостью создания новой системы нравственных установлений и новых психологических способов словесного изображения жизни, — особенно востребованным оказался образ *охотника*. Противоречивая фигура этого «чудака», выламывавшегося из обыденной жизни, позволила установить новый взгляд на мир, «выстроить» новую философию этого мира. Поэтому наряду с писателями-«охотниками» в литературе появляется немало типов персонажей-«охотников». Все они — необычные, обладающие множеством недостатков и странностей. И все — «отличные люди»: дядя Ерошка из толстовских «Казаков», дядюшка и доезжачий Данило из «Войны и мира», некрасовские «охотники», начиная со «старого Мазая» и т. д. Даже если они предстают эпизодическими лицами, они непременно оказываются носителями очень значимых авторских идей...

---

[43] Там же. С. 415—416.

[44] *Белинский*. Т. 10. С. 346.

О. Б. Кафанова

ПОЭЗИЯ И ФИЛОСОФИЯ САДА В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ТУРГЕНЕВА

В русской литературе конца XVIII—XIX веков сад в качестве элемента усадьбы является неотъемлемой частью структуры художественного текста. Вначале сад использовался в рамках одической традиции для прославления простоты и удобства деревенской жизни. Например, Г. Р. Державин в стихотворении «Евгению. Жизнь Званская» вводил описание отдельных элементов сада в своем имении с целью философски обосновать новую, более гармоничную форму существования на лоне сельской природы в противовес дисгармонии урбанистической цивилизации:

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.
<...>
Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.[1]

Сад как элемент видоизмененного присутствует и в стихотворении А. С. Пушкина «Деревня» (1819), сохранившем память одического жанра:

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
<...>
Я твой — люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами <...>[2]

---

[1] *Державин Г. Р.* Стихотворения. 2-е изд. / Вступит. ст., подготовка и общ. ред. Д. Д. Благого, примеч. В. А. Западова. Л., 1957. С. 326—327 (Сер. «Библиотека поэта»).

[2] *Пушкин*. Т. 2. Кн. 1. С. 89.

Другая тенденция включения сада в элегическое повествование развивается в литературе сентиментализма и предромантизма. Образ дома и сада становится важнейшим элементом поэтического языка, организуя поэтику воспоминаний. Андрей Тургенев эстетизирует образы ветхого дома и заброшенного сада, прибежище друзей и утраченный земной рай:

Сей ветхий дом, сей сад глухой, —
Убежище друзей, соединенных Фебом,
Где в радости сердец клялися перед небом...[3]

Истоки усадебной поэтичности следует искать в просветительском взгляде на природу, человека и его жилище, а также в романтическом переосмыслении культуры прошлого.[4] Н. М. Карамзин и его последователи используют сад как структурообразующий элемент идиллии. В ранней повести Карамзина «Евгений и Юлия» (1789) этот аспект сада сразу заявлен в экспозиции: «Госпожа Л*, проведшая все время своей молодости в Москве, удалилась наконец в деревню и жила там почти в совершенном уединении, утешаясь своею воспитанницей <...>. Подобно тихой прозрачной реке текла мирная жизнь их, струившаяся невинными удовольствиями и чистыми радостями. <...> Обнявшись, выходили они из дому, дожидались солнца, сидя на высоком холме, и встречали его с благословением. Наслаждясь сим великолепным зрелищем природы, возвращались они домой с чувством веселия, ходили по саду, осматривали цветы, любовались их освеженною красотою и питались их амброзическими испарениями. Госпожа Л*, посмотрев на пышную розу, часто с улыбкою обращала взор свой на Юлию, находя между ими великое сходство. Но Юлия любила более всех цветов фиялку».[5]

Таким образом, на рубеже XVIII—XIX веков сад вместе с домом входит в русской литературе в тему приютственного уголка, и уже до И. С. Тургенева складываются метатекст усадьбы и структурные элементы усадебного сюжета. Так, в приведенной выше повести Карамзина можно увидеть приметы усадебного сюжета: сын хозяйки имения, Евгений, возвращается из-за границы. В усадьбе, на лоне сельской природы, происходит быстрое сближение молодых людей, любовь которых подкрепляется сочувствием матери:

«Хозяйки водили Евгения по всем лучшим местам в окрестности своей деревни и показывая ему прекрасные виды, открывающиеся с вершины зеленых холмов. <...> Гуляя при свете луны, рассматривали звездное небо и дивились величию божию; внимая шуму водопада,

---

[3] Цит. по: *Топоров В. Н.* Ветхий дом и дикий сад: образ утраченного счастья (страничка из истории русской поэзии) // Облик слова. Сб. ст. памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М., 1997. С. 290—318.

[4] См.: *Щукин В. Г.* Поэзия усадьбы и проза трущобы // Из истории русской культуры. М., 1996. Т. 5 (XIX век). С. 574—588.

[5] См.: Русская сентиментальная повесть. М., 1979. С. 89.

рассуждали о бессмертии. Сколько высоких, нежных мыслей сообщали они друг другу, быв оживляемы духом натуры!».[6]

Усадебный сюжет входит и в роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: в имении Лариных, и более точно в саду, происходит встреча главного героя с Татьяной, сближение и объяснение героев. В еще более развернутом виде усадебный сюжет разворачивается в повести Пушкина «Дубровский», которая, как отмечал Б. В. Томашевский, создавалась под влиянием романа Жорж Санд «Valentine» («Валентина»), появившегося в 1832 году. В произведении французской писательницы впервые были представлены все основные структурные элементы усадебного сюжета, но фактом русской культуры он стал только в 1871 году, когда вышел его перевод.

И. С. Тургенев стал первым русским писателем, который закрепил усадебный сюжет в жанре драмы, романа и повести, создав, таким образом, целостные формы усадебной драмы и усадебного романа. Во многих его произведениях присутствует метатекст усадьбы, в основных своих чертах уже сложившийся в предшествующей литературе, и усадебный сюжет, который до Тургенева существовал лишь фрагментарно или в иной национальной литературе.

Метатекст усадьбы имеет свою структуру; в нее входят *ландшафты* (природа, топосы и их функции) и *сады* с присущими им разными стилями и локусами, которые можно прочитать как книгу. Чаще всего Тургенев описывает романтический сад, наиболее ориентированный на интимное пространство. В отличие от классицистического сада, замкнутого своей внутренней логической организацией, романтический сад разомкнут, открыт новым прочтениям, движению и переменам, разным настроениям.[7] Внутренний конфликт в художественных текстах может, таким образом, предопределяться стилем сада, в котором происходит развитие действия.

Своеобразным центром метатекста усадьбы является *дом* с его архитектурой, стилем, деталями, цветом и символикой. Дом имеет свои разновидности: это может быть *родовой замок, загородный дом* в одической традиции, для строительства которых приглашались знаменитые столичные архитекторы. В литературе сентиментализма и романтизма появляется *усадебный дом,* часто *обветшалый,* построенный уже неизвестным местным архитектором, но не потерявший в связи с этим значения *родового гнезда*. К *господскому дому* примыкают флигеля, часто предназначенные для приезжих гостей, а также хозяйственные постройки.

Эти основные структурные элементы метатекста усадьбы используются и Тургеневым, вместе с тем писатель привносит и выявляет новые его составляющие. По принципу сужения пространства после дома

---

[6] Там же. С. 91.

[7] *Лихачев Д. С.* Поэзия садов. К семантике садово-парковых стилей. Сад как текст. М., 1998. С. 255—356.

следующей составляющей становятся *интерьеры*: гостиная, столовая, портретная галерея, зал для музицирования и танцев, комната героини, балкон, веранда и т. д. Наконец, очень важное место, особенно в романах Тургенева отводится *портретной галерее,* в которой помещены *портреты* прежних владельцев усадьбы, позволяющие автору рассказать предысторию и генеалогию рода, раскрыть своеобразие того или иного родового поместья, вписать дворянский род в историю России.

Если в структуру метатекста усадьбы Тургенев привнес лишь отдельные изменения, то в разработке усадебного сюжета, направленного на создание законченного текста, он выступает как первооткрыватель. В усадебном сюжете действие начинается и завершается в усадьбе. При этом осуществляется постоянное взаимодействие элементов усадебного сюжета и метатекста усадьбы. Самым емким и разветвленным элементом усадебного сюжета является сад с присущими ему разнообразными функциями. Прежде всего, можно назвать его *культурно-историческую* функцию: сад организует культурное пространство и обозначает культурную эпоху (век, конкретный исторический период или культурно-историческую традицию). Этой функции соответствуют подбор деревьев, цветов (в соответствии с модой времени), внутренняя планировка сада. *Культурно-историческая* функция органично взаимодействует с *эстетической* функцией: сад, с одной стороны, преломляет и воплощает эстетические вкусы его владельца, а, с другой, вызывает высокие эстетические переживания у его посетителей. В свою очередь, эстетическая функция сада неотделима от *психологической*: персонажи вступают в интимные отношения с садом, их переживания совпадают или контрастируют с его настроением, а символика цветов и деревьев выполняет функцию их опосредованной характеристики.

Эстетическая и психологическая функции сада могут плавно перетекать в *философско-онтологическую*. В саду не только ведутся философские разговоры, но возникают ситуации, располагающие к раздумьям, воспоминаниям. Созерцание звездного неба обращает героев к размышлениям о текучести, ускользающем характере времени, конечности человеческого существования и вечности природы. Сад Тургенева способен порождать и философско-идеологический бунт, связанный с идеями Паскаля о ничтожности и величии человека. Он может заставить задуматься и о неразрешимой шеллингианской загадке о душе и разумности природы.

Все эти функции сада проявляются в организации усадебного сюжета, причем каждый элемент сада может быть рассмотрен на уровне сюжета, характерологии, символа и метафоры.

Усадебный сюжет имеет свою структуру.

1. Экспозиция обычно обрисовывает особенности места и природы, где протекает действие. Предпочтительным сезоном является весна или лето, когда человек и все явления природы пробуждаются. Следует заметить, что в произведениях Тургенева появляется обычный, средне-

русский пейзаж, который достаточно быстро и полностью вытесняет из литературы экзотический романтический пейзаж.

2. Интрига начинается с приезда героя, который нарушает ритм пульсации времени в замкнутом пространстве усадьбы и расширяет, открывает его с помощью включения в него сада, парка. Тургеневские герои приезжают в усадьбу, где они встречают девушку, героиню любовной истории, из Петербурга или даже из-за границы.

3. Следующим этапом композиции является описание встреч, взаимного сближения героя и героини. Но процесс сближения может осуществиться только в пространстве сада, парка во время прогулок, бесед, в моменты созерцания и восприятия окружающей природы. Присутствие павильона, беседки или башенки играет при этом исключительную роль интимного микропространства.

4. Наконец, развязка, как правило, драматична или трагична. Идея усадьбы, дворянского имения коррелируется в символическом плане с понятиями гармонии и универсального, вселенского покоя. Мятежный герой стремится нарушить этот мир, но в своем конфликте с окружающим терпит крах. Как правило, появляется знак, предвестник несчастья или даже смерти. Действие обычно заканчивается осенью или зимой, когда природа и сад увядают. Интимность как свойство сада возникает, в основном, только весной или летом. Эта особенность обусловлена климатом центральной России: зимой природа замерзает, все покрыто снегом, трудно совершить прогулку по саду. А лирический сюжет невозможен в закрытом пространстве.[8]

Прежде всего, структуру усадебного сюжета Тургенев опробовал в своей драме «Месяц в деревне» (1850). Эта пьеса интересна как экспериментальное произведение, в котором писатель разработал сюжетную схему своих будущих романов и повестей. При публикации в журнале «Современник» (1855) он сделал авторское примечание: «Комедия эта <...> никогда не назначалась для сцены. Это собственно не комедия, — а повесть в драматической форме».[9]

Уже характер названия определяет пространство и время, те параметры, которые оказываются важными для развития всего сюжета. Главным фабульным героем пьесы является студент Алексей Беляев, учитель на летние месяцы десятилетнего Коли. Именно он является в имении помещика Ислаева, где и происходит действие, временным человеком. Все прочие персонажи — «здешние», усадебные обитатели: Наталья Петровна, жена Ислаева, ее семнадцатилетняя воспитанница Вера, «друг дома» Ракитин, на протяжении долгого времени влюбленный в Наталью Петровну.

Важен состав усадьбы, заявленный в экспозиции: Тургенев, стремящийся к бытовой достоверности, изображает дом, сад с огромным ма-

---

[8] *Доманский В. А.* Литература и культура. Культурологический подход к изучению словесности в школе. Учебное пособие. М., 2002. С. 213—217 (Типы усадеб в романе А. С. Пушкина «Дубровский»).

[9] См.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 3. С. 333.

линником и службы. Каждый из этих элементов имеет свою семантику, и через соприкосновение с тем или иным из них персонажи получают индивидуальную характеристику. Так, хозяин усадьбы Ислаев имеет дело в основном с хозяйственными постройками: он человека практический, без «поэзии», и поэтому при всей своей положительности скучноват для своей молодой жены. В саду Ислаев почти не бывает, а появляется в нем только один раз, во время драматической сцены, связанной со смятением чувств, охвативших Наталью Петровну. Проходя с ней через сад, он как бы снова (ненадолго) возвращается ко времени их ушедших чувств.

Юный Беляев, приехавший из Москвы, играет в произведении роль «нарушителя спокойствия», размеренного, привычного течения жизни в усадьбе. Для него этот «месяц в деревне» является временем самоопределения, самоутверждения по отношению к чужой культуре. Он сразу изображается «на воле» — в саду и за его пределами, на лугу. Беляев ведет молодежь запускать воздушного змея, он углубляется подальше в сад к пруду петь, таким образом обозначается невозможность для него ограничиться границами усадебного мирка. Именно в саду происходит выяснение отношений героя с тремя влюбленными в него женщинами. Наталья Петровна показана вначале дома, где ей не по себе, она нервничает из-за неясных для нее самой желаний, потому что дом определяет человека в его жизненном укладе, семейном порядке. Из сада в гостиную врываются разгоряченные, румяные Коля и Верочка, рассказывая, что они играли, бегали в саду вместе с «учителем», который придумывал разные проделки. И Наталье Петровне тоже очень захотелось в сад: «Откройте окно, Michel. Как хорошо в саду! (*Ракитин встает и открывает окно.*) Здравствуй, ветер. (*Смеется.*) Он словно ждал случая ворваться… (*Оглядываясь.*) Как он завладел всей комнатой… Теперь его не выгонишь…».[10]

В саду происходит ее самораскрытие в плане душевной жизни. Эта героиня живет по канону сентиментально-романтической культуры, который уже не удовлетворяет автора. Она вроде бы хочет свободы и полноты проявления чувств, но на деле боится этой свободы. Для Натальи Петровны важен мотив возраста: она часто говорит о своей старости, несмотря на то, что ей всего двадцать девять лет. По-видимому, для Тургенева важен не столько чисто возрастной, человеческий аспект, а символическое старение той культуры, к которой относятся Наталья Петровна и Ракитин. Важен эпизод в саду, когда они разговаривают о красоте природы: она высмеивает его риторическое описание как устаревшее, то есть проявляет способность и к самоиронии, так как Ракитин пользуется штампами той культуры, к которой она сама тяготеет. В отличие от Беляева, он «стар» душой; сама его фамилия значима, так как «ракита» — плакучее, «бессильное» дерево:

[10] *ПССиП(2). Соч.* Т. 2. С. 301.

«Ракитин. Посмотрите, <...> как хорош этот темно-зеленый дуб на темно-синем небе. Он весь затоплен лучами солнца, и что за могучие краски... Сколько в нем несокрушимой жизни и силы, особенно когда вы его сравните с той молоденькой березой... Она словно вся готова исчезнуть в сиянии; ее мелкие листочки блестят каким-то жидким блеском, как будто тают, а между тем и она хороша...

Наталья Петровна. <...> Вы очень тонко чувствуете так называемые красоты природы и очень изящно, очень умно говорите об них... так изящно, так умно, что, я воображаю, природа должна быть вам несказанно благодарна за ваши изысканно-счастливые выражения; вы волочитесь за ней, как раздушенный маркиз на красных каблучках за хорошенькой крестьянкой... Только вот в чем беда <...> природа гораздо проще, даже грубее, чем вы предполагаете, потому что она, славу богу, здорова... Березы не тают и не падают в обморок, как нервические дамы».[11]

В реплике Натальи Петровны присутствует знаменательное отождествление березы с «дамой». В целом сравнение дуба и березы, сделанное Ракитиным, приобретает в контексте фабульного действия символическое значение: два эти дерева в метафорическом смысле репрезентируют оппозицию двух женских образов: Натальи Петровны, женщины в расцвете красоты, ума и сил, и молоденькой, тоненькой и слабой на вид березы, Верочки. Тургенев дает в этой пьесе две модели женского характера, которые будут типичны и для его романного творчества.

Тургеневские девушки являются одновременно натурами свободными, сильными и поэтичными, как и природа, с которой они спонтанно соприкасаются; их предназначение состоит в том, чтобы предложить великодушную, спасительную любовь мужчине, который часто эту любовь отвергает из равнодушия или из-за нерешительности. Верочка — еще довольно бледный набросок этой модели, получившей свое развитие в будущем. Наталья Петровна — первая в ряду поработительниц, повелительниц. Она царит в своем домашнем кругу, отличается умом, тонкостью суждений, но и деспотическим характером. Тургенев изображает ее охваченной возвышенной страстью к молодому и доброму юноше, на какое-то время она вновь превращается в веселого ребенка, бегающего по саду и лугу вместе со своим сыном, Верочкой и Беляевым. Именно выход из дома в пространство сада, природы выявляет в Наталье Петровне неистраченный потенциал чувств, это триумф молодости над старением, жизни над смертью. Но отъезд Беляева неизбежен. Порыв к высокому, романтический подъем страсти затухают в банальной повседневности.

Драматический жанр с присущим ему ограничением в описаниях не позволял раскрыть в полной мере метатекст усадьбы, но главные структурные элементы усадебного сюжета были заявлены в этой пьесе уже достаточно определенно. У Тургенева есть и повести, в которых

[11] Там же. С. 318.

значительное место отводилось хронотопу усадьбы: «Первая любовь», «Затишье», «Фауст» и др. Но в силу своей композиционной сжатости жанр повести не позволял в полном объеме развернуть метатекст усадьбы, репрезентировать все компоненты усадебного сюжета. Только эпическое пространство романа могло реализовать эти задачи. Четыре из шести романов Тургенева можно назвать «усадебными» по их жанровым свойствам. В каждом из них будет изображаться особый сад, который можно представить как микротекст со свойственными ему средствами создания интимной атмосферы, в которой поэтическая и философская доминанты будут находиться примерно в равных соотношениях.

В экспозиции, как правило, будут неторопливо разворачиваться картины, изображающие место и время действия. Это обусловлено тем, что Тургенев постепенно подготавливает читателя к погружению в хронотоп усадьбы. Вначале описывается въезд в имение, а затем дается описание парка, сада или прудов, которые находятся перед усадебным домом, а также самого дома. Само по себе замкнутое пространство усадьбы внутренне бесконфликтно, жизнь в нем больше напоминает своеобразный ритуал, обитатели усадьбы словно вписаны в ее интерьер. Они, кажется, участвуют в неком спектакле, где декорации уже предопределяют сюжет повторяющегося действия, поэтому нужен герой из другой среды, чтобы разомкнулся заданный круг.[12]

Завязка в усадебной повести чаще всего начинается в гостиной. Сначала автор дает описание этой гостиной, ее мебели, интерьера, а затем погружает в атмосферу жизни обитателей. Это может быть картина семейного обеда, ужина, визита гостей и даже вечера, чем-то напоминающего салоны. Вот как, например, репрезентирован Тургеневым *салон* в его первом романе «Рудин» (1856): «*Салон* уже начался. На широкой кушетке, подобрав под себя ноги и вертя в руках новую французскую брошюру, расположилась хозяйка; у окна за пяльцами сидели: с одной стороны дочь Дарьи Михайловны, а с другой m-lle Boncourt — гувернантка, старая и сухая дева лет шестидесяти, с накладкой черных волос под разноцветным чепцом и хлопчатой бумагой в ушах; в углу, возле двери, поместился Басистов и читал газету, подле него Петя и Ваня играли в шашки, а прислонясь к печке и заложив руки за спину, стоял господин небольшого роста, взъерошенный и седой, с смуглым лицом и беглыми черными глазками — некто Африкан Семеныч Пигасов».[13]

Следует заметить, что русская усадьба в своем архитектурном облике, устройстве садов, образе жизни ее обитателей «определенно выше провинции».[14] Здесь ведутся те же разговоры и споры, как и в столицах. Хозяева усадеб нередко знакомы с элитой российского общества, часть

---

[12] См.: *Доманский В. А.* Сюжет и метасюжет усадебных романов И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2007. Вып. 14. С. 20—31.

[13] *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 209.

[14] *Евангулова О. С.* Художественная «вселенная» русской усадьбы. М., 2003. С. 17.

своей жизни, обычно осень и зиму, проводят в одной из российских столиц или в Европе. Процесс сближения Натальи и Дмитрия начинается именно в салоне, в который через открытое окно проникает сад с его звуками и запахами. После исполнения «лесного царя» Шуберта Рудин вдохновляется как музыкой, так и ночным садом:

«Рудин ничего не сказал и подошел к раскрытому окну. Душистая мгла лежала мягкой пеленою над садом; дремотной свежестью дышали близкие деревья. Звезды тихо теплились. Летняя ночь и нежилась и нежила. Рудин поглядел в темный сад — и обернулся.

— Эта музыка и эта ночь, — заговорил он, — напомнили мне мое студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады… <…>

Стоя у окна, не глядя ни на кого в особенности, он говорил, — и, вдохновенный общим сочувствием и вниманием, близостью молодых женщин, красотою ночи, увлеченный потоком собственных ощущений, он возвысился до красноречия, до поэзии… Самый звук его голоса, сосредоточенный и тихий, увеличивал обаяние; казалось, его устами говорило что-то высшее, для него самого неожиданное… Рудин говорил о том, что придает вечное значение временной жизни человека».[15]

Сюжет усадебных романов всегда заключает в себе музыкальную тему, которая имеет свое развитие и эмоционально окрашивает не только отдельные эпизоды действия, но и определяет композицию в целом. Как правило, в ее основе лежит трехчастный сонатный принцип организации. Музыкальный лейтмотив в романе составляет мелодия любви. Ее звучание является кульминационным пиком движения сюжета. Эта музыка любви зарождается с помощью разных средств: посредством романтического пейзажа, чаще всего ночного; с помощью музыки, вокала, пения соловья; наконец, через искусство красноречия, поэзии. Ее может вызывать патриотическое или гражданское горение, мужественность и страстность натуры главного героя. Природа сама по себе у Тургенева равнодушна к человеку, поэтому она должна оживляться извне живыми эмоциями, эстетическими переживаниями, чтобы затем стать средством передачи самых трепетных и сокровенных переживаний героев. Так начинается тайна зарождения чувства любви.

В романе «Рудин» сад образует топос, где роль катализатора, если можно так выразиться, играет слово, словесное искусство. Дмитрий Рудин смущает душу Натальи Ласунской своими страстными речами о возрождении России. Время появления романа было богато историческими и политическими событиями: война в Крыму показала слабость страны, но смерть царя Николая оживила надежды русского общества. Действие произведения происходит в 1840-х годах, то есть в период бурного развития радикальных идей в России. Поэтому герои много спорят об экономических, социальных и политических вопросах.

Наталья влюбляется в Дмитрия внезапно, спонтанно, пораженная его вдохновенными идеями, энергией его речи. Своеобразие движения

[15] *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 228—230.

любовного сюжета заключается в том, что он прочитывается не только на уровне событий, диалогов и монологов героев. В его действие включаются все культурные знаки усадьбы, все ее топосы. В пространстве сада развивается роман главных героев. Рудин сам заводит разговор о понятии «поэзия», существенно раздвигая его семантику: «Поэзия — язык богов. Я сам люблю стихи. Но не в одних стихах поэзия: она разлита везде, она вокруг нас… Взгляните на эти деревья, на это небо — отовсюду веет красотою и жизнью; а где красота и жизнь, там и поэзия».[16]

Сад и парк словно аккумулируют поэзию надежд, влюбленности и окружающей красоты. Грозовое небо, разразившийся внезапно ливень, трепет листьев на деревьях передают волнение, которое охватило девушку накануне ее объяснения с Дмитрием Рудиным. Орошенный грозой сад создает особую атмосферу интимности. «От него веяло свежестью и тишиной, той кроткой и счастливой тишиной, на которую сердце человека отзывается сладким томлением тайного сочувствия и неопределенных желаний…».[17] Вся природа: пруд, аллея серебристых тополей, сильные запахи трав и цветов после дождя, щебетанье птиц становятся важными локусами любовного сюжета, говорят о красоте и возможности счастья. Сиреневая беседка способствует созданию атмосферы особой интимности и доверительности. Герой характеризуется через символику деревьев. Сломанная под тяжестью собственных плодов яблоня становится символом судьбы Рудина («точная эмблема гения»). Дуб предстает сильным деревом, мертвые листья которого опадают, только когда другие деревья распускаются. Этот знак освещает два свидания Наталья и Рудина, олицетворяя человека, пытающегося возродиться к любви.

Рудин умеет страстно философствовать о любви. Но в действительности это человек горячей головы и холодного сердца. Тургенев разоблачает этого героя с помощью всех признаков интимного пространства сада. Развязка любовной истории героев романа происходит в заброшенном пустынном саду, около запущенного в течение тридцати лет Авдюхина пруда. Символический пейзаж — две огромные сосны мрачного цвета, скудная зелень, засохший и погибший дубовый лес — предвещает несчастье, предсказывает крах любви. Огромное, естественное и одинокое пространство, спонтанность заброшенного сада угнетают, подавляют героя. Дикая природа, словно состоящая из случайностей, является для него темной, необъяснимой: Рудин смущен, потому что он привык ориентироваться с помощью культурных знаков. И именно дикий сад помогает девушке понять его фразерство.

В романе «Дворянское гнездо» (1859) понятие интимности приобретает дополнительные значения. Для Федора Лаврецкого, приехавшего из-за границы, из Франции, простой пейзаж воплощает родину, Рос-

[16] Там же. С. 241.
[17] Там же. С. 263.

сию. «...Лаврецкий глядел на пробегавшие веером загоны полей, на медленно мелькавшие ракиты, на глупых ворон и грачей, с тупой подозрительностью взиравших боком на проезжавший экипаж, на длинные межи, заросшие чернобыльником, полынью и полевой рябиной; он глядел... и эта свежая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги с приземистыми дубовыми кустами, серые деревеньки, жидкие березы — вся эта, давно им невиданная, русская картина навевала на его душу сладкие и в то же время почти скорбные чувства, давила грудь его каким-то приятным давлением».[18]

Но главным средством создания атмосферы интимности в этом романе становится музыка. Владимир Паншин, приехавший из Петербурга и обладавший романтической внешностью, не может выдержать испытания искусством и любовью. Лиза Калитина, дочь владелицы имения, в котором развивается любовный сюжет, серьезная музыкантша и по музыкальным пристрастиям Паншина она распознает в нем легкомысленного человека.

Понимание музыки дано только избранным, возвышенным натурам, деликатным душам. Именно Федор Лаврецкий, который может глубоко понимать музыку, способен любить и сам достоин любви прекрасной чистой девушки.

Дом Калитиных, как и домик Лаврецкого, становится продолжением сада благодаря открытым окнам и дверям. Модные романсы и дуэты, кантаты и сонаты, мазурки Шопена наполняют салон и создают звуковой фон событий. Обширное пространство сада, который с одной стороны выходит в луга и поля, заполнено словесными и невербальными звуками. В «Дворянском гнезде» изменяется психологический тип героя и, соответственно, способ его взаимоотношения с окружающим пространством. Рудин, рационалист и красноречивый оратор, и свидания в саду с юной девушкой использует как сцену для философского дискурса. Федор Лаврецкий, подобно Лизе Калитиной, представляет собой интуитивный эмоциональный тип личности, для которой главным способом познания мира и реакцией на него становится невербальная коммуникация.

Главным средством постижения сущности жизни в романе Тургенева является музыка. Его проза никогда еще не была такой музыкальной, такой богатой звуковыми и ритмическими эффектами. Сад полон музыки, и сам, в свою очередь, может рождать музыку как отражение жизни. Это происходит с Леммом, который, вдохновившись зарождающейся на его глазах любовью молодых людей, так же как и красотой сада в лунную ночь, смог написать свою гениальную музыку. Лаврецкому вдруг «почудилось, что в воздухе над его головою разлились какие-то дивные, торжествующие звуки; он остановился: звуки загремели еще великолепней; певучим, сильным потоком струились они, — и в них, казалось, говорило и пело всё его счастье».[19]

---

[18] Там же. Т. 6. С. 59.

[19] Там же. С. 106.

Тургеневу удалось в этом романе передать то ощущение, которое впоследствии Анри Бергсон назовет «la durée» («длительность»). Пение соловья воскрешает в Лаврецком чувства, пережитые накануне, связывает в его восприятии по законам бессознательной памяти настоящее и прошедшее и воссоздает состояние души вне времени и пространства: «В саду пел соловей свою последнюю, передрассветную песнь. Лаврецкий вспомнил, что и у Калитиных в саду пел соловей; он вспомнил также тихое движение Лизиных глаз, когда, при первых его звуках, они обратились к темному окну. Он стал думать о ней, и сердце в нем утихло».[20] Описывая сад, Тургенев дает чудесные вариации на тему русской природы, увиденной днем и ночью, наблюдаемой героем или смешанной с состоянием его души, раскрытой с помощью зрения, слуха, обоняния, осязания.

Действие в усадебном романе разворачивается на двух уровнях: сюжетно-событийном и знаково-символическом, при этом один уровень дополняет другой. Все это требует от читателя особой культуры: умения расшифровывать смысл как отдельных локусов усадьбы, так и названия цветов, деревьев, кустарников, всего разнообразия мира флоры и фауны, а также способности устанавливать значение литературных реминисценций и образов культуры. Некоторые из них могут прочитываться как ключевые. Так, в «Дворянском гнезде» — это коренастый лопух, неистовство, буйство трав и деревьев в имении Лаврецкого, которые становятся символом возрождения опустошенной души героя.

В романе «Накануне» (1860) Тургенев помещает сад около дачи в окрестностях Москвы. Писатель меняет ракурс изображения: обычно сад выходит в лес или в поле; здесь в сад входят из дикой природы. Действие начинается на берегу Москва-реки с сокровенного разговора двух друзей: историка Берсенева и скульптора Шубина. Шубин утверждает, что природа «будит в нас в потребность любви и не в силах удовлетворить ее». Берсенев возражает: «…не всегда природа намекает нам на… любовь. <…> Она также грозит нам; она напоминает о страшных… да, о недоступных тайнах. Не она ли должна поглотить нас, не беспрестанно ли она поглощает нас? В ней и жизнь и смерть; и смерть в ней так же громко говорит, как и жизнь. — И в любви жизнь и смерть, — перебил Шубин».[21] Философская дискуссия о жизни и смерти, как бы соответствующая необъятному пространству естественной природы, сужается до проблемы философии любви, которая осмысляется в интимном пространстве сада. Экспозиция очень интересна: в ней спор о метафизических проблемах внезапно переходит к разговору о любви к женщине:

«А потом, — продолжал Берсенев, — когда я, например, стою весной в лесу, в зеленой чаще, когда мне чудятся романтические звуки Оберонова рога <…> разве и это…

[20] Там же. С. 70.
[21] Там же. С. 166.

— Жажда любви, жажда счастия, больше ничего! — подхватил Шубин. — Знаю и я эти звуки, знаю и я то умиление и ожидание, которые находят на душу под сенью леса, в его недрах, или вечером, в открытых полях, когда заходит солнце и река дымится за кустами. Но и от леса, и от реки, и от земли, и от неба, от всякого облачка, от всякой травки я жду, я хочу счастия, я во всем чую его приближение, слышу его призыв!».[22]

Таким образом, в романе «Накануне» сад выполняет функцию композиционного центра: прекрасная девушка живет в замкнутом пространстве сада, который становится отражением ее души. Сюда ради завоевания ее сердца устремляются из «большого» мира по узкой тропинке четыре претендента, каждый из которых проходит через испытание. Именно девушка, делающая выбор между четырьмя мужскими персонажами, становится центральной фигурой романа, что позволило французскому переводчику романа И. Делаво в 1863 году назвать роман ее именем в сборнике, озаглавленном «Новые сцены из русской жизни».[23]

Дача и сад являются для героини Тургенева единым целым. Пытаясь проанализировать собственное состояние, она разговаривает с садом, небом, луной, звездами; и сад предвещает ей любовь. Окно, раскрытое в сад, — повторяющийся лейтмотив; все серьезные разговоры, касающиеся цели существования, жизни и смерти, счастья, происходят перед ним. «Между тем Елена вернулась в свою комнату, села перед раскрытым окном и оперлась головой на руки. Проводить каждый вечер около четверти часа у окна свой комнаты вошло у ней в привычку. Она беседовала сама с собою в это время, отдавала себе отчет в протекшем дне. <...>

В день, с которого начался наш рассказ, Елена дольше обыкновенного не отходила от окна. <...> Она принялась глядеть „в ночь" через открытое окно. Долго глядела она на темное, низко нависшее небо; потом она встала, движением головы откинула от лица волосы и, сама не зная зачем, протянула к нему, к этому небу, свои обнаженные, похолодевшие руки; потом она их уронила, стала на колени перед своею постелью, прижалась лицом к подушке и <...> заплакала какими-то странными, недоумевающими, но жгучими слезами».[24]

Летняя ночь, врывающаяся из сада в открытое окно комнаты, создает атмосферу особой доверительности и исповедальности, в которой вечно насмешливый и артистичный Шубин приоткрывает свое искреннее страдание. Он признается, что от ревности, досады и отчаяния готов «удавиться». Но благоухающая красота ночного сада останавливает его: «— Ну, удавиться ты не удавишься, — заметил Берсенев.

---

[22] Там же. С. 166—167.

[23] Nouvelles scènes de la vie russe. Eléna. Un premier amour / Par Ivan Tourguénef. Traduction de H. Delaveau. Paris, 1863.

[24] *ПССиП(2). Соч.* Т. 6. С. 182, 186.

— В такую ночь, конечно, нет; но дай нам только дожить до осени. В такую ночь люди умирают тоже, только от счастья. Ах, счастье! Каждая вытянутая через дорогу тень от дерева так, кажется, и шепчет теперь: „Знаю я, где счастье… Хочешь, скажу?" Я бы позвал тебя гулять, да ты теперь под влиянием прозы».[25]

Таким образом, сад выступает своеобразным зеркалом, в котором отражается тот или иной герой, и у каждого из них есть свой сад, своя интимность. В романе «Накануне» наиболее восприимчивым из мужских персонажей к изменчивой эстетике сада оказывается художник по своей природе Шубин. Казалось бы, Елена, эмоциональный психологический тип личности, должна полюбить его. Но она выбирает Инсарова, который не вступает с садом ни в какие отношения, он его как бы не замечает. С одной стороны, это происходит потому, что он болгарин, для него поэзия русской усадьбы непонятна, чужда. С другой стороны, его мелодия любви иная, чем, например, у Лаврецкого: в ней преобладает не музыка, а гражданский романтический пафос.

Есть в романе интересная сцена, которая происходит в парке Царицына, куда вся компания оправилась полюбоваться прудами. Тургенев описывает солнечный день: «Погода была чудесная. Всё кругом цвело, жужжало и пело; вдали сияли воды прудов; праздничное, светлое чувство охватывало душу».[26]

Особенно красивый вид открывался на пруды парка: «Они тянулись один за другим на несколько верст; сплошные леса темнели за ними. Мурава, покрывавшая весь скат холма до главного пруда, придавала самой воде необыкновенно яркий, изумрудный цвет. Нигде, даже у берега, не вспухала волна, не белела пена; даже ряби не пробегало по ровной глади. Казалось, застывшая масса стекла тяжело и светло улеглась в огромной купели, и небо ушло к ней на дно, и кудрявые деревья неподвижно гляделись в ее прозрачное лоно. Все долго и молча любовались видом <…>».[27] Любование красотами пейзажа, оттенками и красками природы, описанное автором, словно объединяет восприятие всех молодых людей, отправившихся на прогулку. Казалось бы, ситуация единения вкусов, эстетических пристрастий сделала всех духовно близкими и родными. И кульминационным выражением этого родства, гармонии человека и природы стало желание спеть вместе русскую народную песню «Вниз по матушке…». Но гармонического единства в музыке не получилось, вышла «разноголосица». Оказалось, что Инсаров совсем «не умел петь», но он единственный из мужчин «умел грести» и без лишних слов защитил девушек от приставаний пьяных гуляющих. Мужественность Инсарова, поэзия его гражданских идеалов, сдержанная страстность его натуры и определили выбор Елены. В этом герое сконцентрировано единство эмоционально-образного и логиче-

[25] Там же. С. 208.
[26] Там же. С. 216.
[27] Там же. С. 217.

ского начал. Именно ему дано привести в движение, пробудить к жизни «спящую царевну», которая, только полюбив, пробуждается от ожидания, раздумий, медитаций.

Елена первая признается в любви к Инсарову. Прежде чем решиться на этот шаг, она идет спросить совета у сада, который является для нее своего рода живым существом:

«Она пошла в сад; но в саду так было тихо, и зелено, и свежо, так доверчиво чирикали птицы, так радостно выглядывали цветы, что ей жутко стало. „О! — подумала она, — если это правда, нет ни одной травки счастливее меня, да правда ли это?"».[28] Объяснение в любви между Еленой и Дмитрием происходит сразу после грозы в заброшенной часовенке, аналоге паркового павильона, где возлюбленные чувствовали себя одними во всем мире, удаленными от всех во времени и пространстве.

Название этого романа символично. Тургенев не интересовался стабильными, неизменными состояниями, наоборот, его внимание привлекали переходные периоды. И главная героиня в метафорическом смысле сама нарушает гармонию интимности, покидая родительский дом, свою родину, чтобы последовать за своим избранником за границу. Вопреки традициям усадебного романа, в котором героиня стремится создать идиллию внутри сада, создать закрытое пространство, ее защищающее, Елена разрушает гармонию своей замкнутой жизни. Поэтому неизбежна трагическая развязка, а понятие интимности расширяется до масштабов пространства жизни.

В романе «Отцы и дети» (1862) метатекст усадьбы представлен наиболее полно и разнообразно, поскольку Тургенев репрезентирует три имения, в двух из которых развивается усадебный сюжет. Категория интимности обусловлена тремя типами сада, соответствующими их хозяину, обладателю. Именно в этом произведении особенно ощутимо выписана сюжетно-композиционная, характерологическая и метафорическая роль сада.

Здесь есть совсем простой сад, принадлежащий родителям главного героя, Евгения Базарова. Это сад *буколический*, патриархальный, в котором живут своего рода Филемон и Бавкида. Автор не описывает этот маленький скромный сад; герой замечает, приближаясь к родительскому дому «молодую березовую рощицу», которая «славно вытянулась». Но его отец, «оживившись», предлагает ему осмотреть сад: «Сам каждое деревцо сажал. И фрукты есть, и ягоды, и всякие медицинские травы».[29] Он ведет сына в сад «полюбоваться вечером» и указывает ему скамейку со словами: «На сем месте я люблю философствовать, глядя на захождение солнца: оно приличествует пустыннику. А там, подальше, я посадил несколько деревьев, любимых Горацием».[30] (Он имел в виду акации.)

---

[28] Там же. С. 231.
[29] Там же. Т. 7. С. 110—111.
[30] Там же. С. 112.

Отец Базарова — человек, исповедующий одновременно философию Вольтера и Руссо. Он убежден, что нужно возделывать свой сад, потому что «каждый должен собственными руками пропитание себе доставать, на других нечего надеяться: надо трудиться самому. И выходит, что Жан-Жак Руссо прав». Поэтому он сам «усердно рылся в огороде».[31]

Базаров-сын, скучающий подле своих старых родителей, пренебрегает их садом, не находит времени, чтобы его осмотреть и «зевает» при упоминании об акациях. Таким образом, этот сад служит для удовлетворения простых потребностей стариков, и светлые, почти белые стволы берез, окаймляющих сад, символизируют красоту, прямоту и чистоту души немного архаичных персонажей, которые удовлетворяются малым, честно выполняют свое маленькое дело и трогательно любят единственного сына.

Другой тип интимности задается *неоромантическим* садом в имении Николая Петровича Кирсанова, Марьино. Ему присущи все романтические атрибуты: беседка, розы, так же как и элементы, свойственные для прагматической, буржуазной эпохи, — ферма. Эта диалектичность сада хорошо соответствует характеру его хозяина, который стремится соединить реальность и идеал. Николай Кирсанов думает и мечтает о своей покойной жене (что объясняет название имения), но это отнюдь не мешает ему любить другую женщину, мать его незаконнорожденного ребенка. Николай Петрович живет в имении посреди сада со времени своего первого брака, а имя его сына — Аркадий — характеризует состояние его души в то время, когда он наслаждался вместе со своей женой сентиментальной жизнью: «Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не расставались, читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты; она сажала цветы и наблюдала за птичным двором, он изредка ездил на охоту и занимался хозяйством».[32]

Но новый период практического предпринимательства потребовал от русских помещиков реформ в устройстве их усадеб: Николай Петрович «построил дом, службы и ферму, разбил сад, выкопал пруд и два колодца», но потерпел крах во всех начинаниях: «молодые деревца плохо принимались, в пруде воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатого вкуса»; прижились только самые романтические элементы сада, что вполне соответствовало главным чертам характера его хозяина: «Одна только беседка из сиреней и акаций порядочно разрослась; в ней иногда пили чай и обедали».[33]

Сирень является цветком «старинных дворянских гнезд, провозвестницей весны».[34] Восхитительный запах сирени и акаций, так же, как и спасительная тень во время летней жары сделали беседку излюблен-

---

[31] Там же. С. 114—115.

[32] Там же. С. 8—10.

[33] Там же. С. 21.

[34] *Золотницкий Н. Ф.* Цветы в легендах и преданиях. Київ, 1994. С. 247—254.

ным местом молодой женщины, которую автор изображает похожей на розу: «Фенечка хорошела с каждым днем. Бывает эпоха в жизни молодых женщин, когда они вдруг начинают расцветать и распускаться, как летние розы; такая эпоха наступила для Фенечки».[35]

Несмотря на свой возраст и новые времена, Николай Петрович продолжал оставаться романтиком: «он любил помечтать; деревенская жизнь развила в нем эту способность».[36] Его имение было в прошлом топосом любовной идиллии. Но в настоящем для действия романа времени в *Марьино* не могла получить развитие любовная линия усадебного романа, потому что единственная молодая и красивая женщина не была свободной и не принадлежала к категории тургеневских героинь. Базаров как мужчина, приехавший извне, пытается, однако, нарушить ее покой. Эпизод так называемого соблазнения протекает все в той же романтической «давно отцветшей, но еще густой и зеленой сиреневой беседке».[37] И эта женщина-роза, с белым платком на голове и «целым пуком еще мокрых от росы красных и белых роз» подле нее не может не привлечь внимание молодого человека. Тургенев воссоздает атмосферу утонченной чувственности, которое это интимное место распространяет. Но этот эпизод в контексте последовавшей за ним дуэли Базарова с Павлом Петровичем (комического рыцарского турнира) может восприниматься больше как пародия на усадебный роман.

Есть в этом романе и типично *классический* сад, принадлежащий Анне Сергеевне Одинцовой, молодой красивой вдове. Дом, организующий пространство сада, был выстроен ее мужем «в том стиле, который известен у нас под именем Александровского; дом этот был также выкрашен желтою краской, и крышу имел зеленую, и белые колонны, и фронтон с гербом. <...> К дому с обеих сторон прилегали темные деревья старинного сада, аллея стриженых елок вела к подъезду». Покойный Одинцов не терпел «никаких пустых и самопроизвольных, как он выражался, нововведений».[38]

Этот сад, как и порядок жизни его хозяйки, соответствует эстетике классицизма с присущим ей подчинением страсти разуму. Но именно в этом саду развиваются две любовные истории в соответствии с логикой усадебного романа. Кульминационной сценой является ночное свидание Базарова и Одинцовой, женщины очень рациональной и «непогрешительно правильной». Поэзия ночного сада, проникающая в дом через раскрытое окно, создает особую чувственную атмосферу: «Темная мягкая ночь глянула в комнату с своим почти черным небом, слабо шумевшими деревьями и свежим запахом вольного, чистого воздуха».[39] Не случайно возможность сближения Одинцовой и Базарова возникает благодаря проникновению в комнату звуков и запахов ночного

---

[35] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 135.
[36] Там же. С. 55.
[37] Там же. С. 136.
[38] Там же. С. 75—76.
[39] Там же. С. 91.

сада; в темноте стираются его строгие геометрические очертания, все делается зыбким, неясным, иррациональным: «...сквозь изредка колыхавшуюся стору вливалась раздражительная свежесть ночи, слышалось ее таинственное шептание. Одинцова не шевелилась ни одним членом, но тайное волнение охватывало ее понемногу... Оно сообщилось Базарову. Он вдруг почувствовал себя наедине с молодою, прекрасною женщиной...».[40] Базаров, постоянно сопротивляющийся всем расслабляющим романтическим влияниям, усилием воли подавляет порыв страсти. По-видимому, для своего успокоения он убежал в лес, откуда вернулся спустя два часа «с мокрыми от росы сапогами, взъерошенный и угрюмый». Он, как правило, постоянно уходил из регулярного парка, в котором чувствовал себя не очень уютно, «в лес и ходил по нем большими шагами, ломая попадавшиеся ветки <...>».[41] На следующий день, при свете дня, «порядок» в душе Анны Сергеевны восстановился, в соответствии со всем устройством ее сада, дома и жизни.

Ее младшая сестра, Катя, натура более эмоциональная, отыскивает в классическом парке уголки, соответствующие ее романтическим вкусам. Ее сближение с Аркадием Кирсановым произошло в тени большого ясеня, дерева, имеющего символический смысл в фабуле романа. «Не находите ли вы, — начал Аркадий, — что *ясень* по-русски очень хорошо назван: ни одно дерево так легко и *ясно* не сквозит на воздухе, как он».[42] Название дерева *ясень* действительно происходит от прилагательного *ясный*, означающего *светлый*, *прозрачный*. Эта семантика как нельзя лучше соответствовала доверительным и искренним отношениям, установившимся между молодыми людьми: «Они молчали оба; но именно в том, как они молчали, как они сидели рядом, сказывалось доверчивое сближение <...>».[43] Окончательное объяснение между Аркадием и Катей происходит в заброшенном уголке сада, возле «строения вроде греческого портика из русского кирпича», которое покойный Одинцов не успел завершить. Возникли вполне естественные руины: «Передняя сторона портика давно заросла густым кустарником: одни капители колонн виднелись над сплошною зеленью».[44] Любопытно, что Анна Сергеевна не любила этого дикого места, потому что однажды увидела там ужа; она предпочитала прогуливаться по прямым вычищенным аллеям. Катя, напротив, часто приходила сюда «садиться на большую каменную скамью, устроенную под одною из ниш. Окруженная свежестью и тенью, она читала, работала или предавалась <...> ощущению полной тишины <...>».[45]

Каждый сад создает свою собственную интимность, играющую социопоэтическую и психологическую роль и мотивирующую поведение

---

[40] Там же. С. 92.
[41] Там же. С. 87.
[42] Там же. С. 155.
[43] Там же.
[44] Там же. С. 163, 164.
[45] Там же. С. 164.

персонажей и главного героя, нигилиста, материалиста и позитивиста. Тургенев делает сад своего рода участником философской дискуссии между «отцами» и «детьми». Красота вечернего сада, увиденная Николаем Петровичем из его «любимой беседки», словно опровергает идеи Базарова, отрицающего поэзию, искусство, любовь: «Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую в полверсте от сада: тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля. <...> Солнечные лучи с своей стороны забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; ветер совсем замер; запоздалые пчелы лениво и сонливо жужжали в цветах сирени; мошки толклись столбом над одинокою, далеко протянутою веткою. „Как хорошо, боже мой!" — подумал Николай Петрович, и любимые стихи пришли было ему на уста <...>».[46]

Сад выполняет, таким образом, множество функций в романах Тургенева. Он является составной частью лирического сюжета и сам определяет сюжет; он создает интимное пространство, образует усадебный хронотоп; он является метафорой женского элемента, может олицетворять родину и даже всю жизнь.

В своем пятом романе «Дым» (1867) Тургенев показал мир русских эмигрантов, людей без корней, чья жизнь и любовь выражены через метафору названия произведения. Но у главного героя остается возможность возвращения на родину, в имение, сад, — что его и спасает. Наконец, в последнем романе «Новь» (1876), посвященном народникам, Тургенев представляет новое поколение русских интеллигентов, которые, подобно Инсарову, не соприкасаются с садом интимно. Но в отличие от романа «Накануне», социальными проблемами поглощены здесь не только герои мужчины, но и девушки. Поэтому сад перестает быть зеркалом их души, исчезает его роль в сюжетостроении, характерологии, создании подтекста произведения. Через это психологическое несоответствие своих персонажей эстетически оформленной природе, красоте Тургенев изобразил русскую молодежь 1860-х годов, которая во многом осталась для него непонятной и чуждой.

Не случайно Тургенева называют певцом дворянских гнезд: именно он первым в русской литературе изобразил расцвет русских усадеб с присущей им поэзией и философией сада, а затем с большой горечью запечатлел начало упадка этих центров национальной культуры. Можно сказать, что понятия сада и интимности послужили писателю своего рода зеркалом, позволившим представить эстетику и психологию русского культурного сознания в середине XIX века.

---

[46] Там же. С. 54—55.

Л. В. Миндыбаева

ИЗОБРАЖЕНИЕ УСАДЕБНОГО ДОМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА

Детали дворянского усадебного дома составляют одну из сторон предметного мира произведений И. С. Тургенева. Г. Н. Поспелов отмечал: «Складывающийся из действия и отношений персонажей сюжет произведения представляет собой изменчивость их бытия — его „динамику". Но большое значение в эпических произведениях часто получают и такие подробности бытия персонажей, которые менее изменчивы и представляют собой его „статику". Таковы детали наружности персонажей (их „портреты"), детали бытового уклада их жизни, а также видов природы („пейзажей"), среди которых протекает их жизнь, развертываются их действия и отношения».[1]

Отбор деталей предметной изобразительности у Тургенева тесно связан с особенностями психологизма его произведений. Исследователи обратили внимание на то, что писателю была присуща сдержанность в изображении персонажей.[2] Тургенев прослеживал развитие внутренней жизни своих героев в соответствии со своим стремлением к ясности и четкости линий, чувством меры и гармонии. Поэтому для его произведений в значительной степени характерно равномерное распределение различных форм психологического анализа. Наряду с прямым раскрытием психологического процесса, писатель передавал самые разнообразные оттенки переживаний через детали внешнего, предметного мира, приобретающие вследствие этого психологическое звучание. В этом заключается причина подробнейшей детализации в пейзажных и портретных зарисовках, описаниях бытовой обстановки, окружающей героев.

---

[1] *Поспелов Г. Н.* Теория литературы. М., 1978. С. 100.

[2] См.: *Бялый Г. А.* Тургенев и русский реализм. М.; Л., 1962; *Батюто А. И.* Тургенев — романист. Л., 1972; *Курляндская Г. Б.* Художественный метод Тургенева-романиста. Тула, 1972; *Пустовойт П. Г.* И. С. Тургенев — художник слова. М., 1987.

Проблемы художественного мастерства Тургенева в создании пейзажа и портрета ставили в своих исследованиях многие тургеневеды. Гораздо в меньшей степени изучалось изображение усадебной обстановки в романах и повестях писателя. Рассматривая тему «дворянских гнезд» в широком историко-литературном контексте, Л. Н. Назарова еще в 1979 году указала на богатую традицию изображения усадьбы у русских писателей, в том числе у Тургенева.[3] Несмотря на то, что важные акценты в разработке темы «дворянских гнезд» уже поставлены, совершенно очевидна необходимость специального изучения предметного мира русской усадьбы у Тургенева как одного из наиболее репрезентативных писателей этой темы. За рамками нашей работы остается изображение усадебного сада у Тургенева, поскольку оно связано с философскими воззрениями писателя на природу и требует отдельного исследования.

Тургенев хорошо знал русскую усадьбу XIX века. Самые первые и яркие впечатления от усадебной жизни он получил в Спасском-Лутовинове, где провел в общей сложности около 17 лет. Это годы детства, позднее — частые приезды на родину в летнее время. Усадьба в Спасском хранила следы жизни ушедших поколений, и Тургенев-художник это очень остро чувствовал. Усадебный дом с фамильными портретами, обширной библиотекой воплощал родовую память, само понятие «дворянского гнезда». Безмолвие и зеленый полумрак Спасского сада давали Тургеневу возможность созерцания природы, постижения ее безмерности и безграничности. Впечатления от жизни в усадьбе, многочисленные реалии Спасского писатель запечатлел в ранних стихотворениях и поэмах, отрывке «Собственная господская контора», повестях «Дневник лишнего человека», «Фауст», «Призраки», «Пунин и Бабурин», романах «Дворянское гнездо», «Новь» и некоторых других произведениях.

По соседству со Спасским в Орловской и Тульской губерниях находилось множество усадеб, в которых жили соседи и знакомые Тургенева. Приезжая в Спасское, писатель почти всегда посещал село Тургенево, родовое имение отца в Чернском уезде Тульской губернии, перешедшее к старшему брату Николаю Сергеевичу. В селе Тургенево находились Введенская церковь, усадебный дом, выстроенный братом, многочисленные хозяйские постройки, фруктовый сад, пересеченный липовыми и сосновыми аллеями. Из Спасского Тургенев ездил к Беерам в Шашкино, располагавшееся на крутом берегу реки Зуши и окруженное со всех сторон густым лесом. В усадьбе стоял господский дом, рядом с ним находились два фруктовых сада. По течению реки Снежедь также располагались несколько усадеб, знакомых Тургеневу. В Покровском жила Мария Николаевна Толстая, в Хитрово — Александр Антонович Дельвиг, в Лобаново — Василий Владимирович Каратеев. Тургенев бывал в Прямухино у Бакуниных, в Абрамцево у Ак-

[3] *Назарова Л. Н.* Тургенев и русская литература конца XIX—начала XX в. Л., 1979.

саковых, в Ясной Поляне у Толстых, в Степановке у Фета. Трудно перечислить все усадьбы, где побывал писатель и воспоминания о которых навсегда сохранил в своей памяти.

Еще при жизни Тургенева начался процесс угасания «дворянских гнезд». Этот процесс углублялся, поэтому в начале века любители усадебной старины начали собирать материалы для исторического и художественного описания русских усадеб. Так, владельцам усадеб рассылалась анкета следующего содержания: «Любители поместной старины задались целью собирать материалы для исторического и художественного описания русских усадеб. Таких трудов в настоящее время весьма мало, хотя многие усадьбы, и не только одне большие, часто хранят много драгоценных памятников художественных и исторических; исполнены нередко преданиями семейными и бытовыми; любопытны и когда служили местом жительства лиц исторических; иногда самим расположением своим составляют произведение искусства; весьма интересны и в отношении их современного состояния. А между тем время стирает следы прошлого и грозит лишить нас и будущие поколения достояния поколений минувших...».[4]

Тревога любителей поместной старины имела основания. Время, действительно, стерло с лица земли многие русские усадьбы, унесло описания хранившихся в них богатств. Именно поэтому особую ценность приобретают предметы усадебной жизни, воспроизведенные рукой такого мастера, как Тургенев. Созданные им замечательные по разнообразию и точности деталей описания «дворянских гнезд» можно без преувеличения назвать запечатленными в слове памятниками русской усадебной культуры.

Довольно распространены у Тургенева объективные описания «дворянских гнезд», охватывающие мельчайшие детали внешнего вида усадебного дома, его внутренних интерьеров, усадебных построек и т. д. Подобные описания встречаются уже в «Записках охотника»: усадьба Радилова («Мой сосед Радилов»), усадьба Мардария Аполлоныча («Два помещика»), усадьба Софьи («Гамлет Щигровского уезда»), жилище Чертопханова («Чертопханов и Недопюскин»).

Самостоятельное значение приобретает воспроизведение типичной дворянской усадьбы в повести «Бригадир». Начинается повесть с вопроса: «Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять — тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украйна?».[5] Следующее за этим подробное описание усадьбы, связанное с основной темой «Бригадира», сохраняет за собой до известной степени автономное место в повести.

Среди усадебных реалий Тургенев упоминает проточный пруд, сад с липовыми аллеями и зарослями смородины, малины, крыжовника, амбар, оранжерею, огород, плодовый сад, клумбы с цветами. Подробно

---

[4] *РГАДА*. Ф. 1280. Оп. 1. Ед. хр. 375.

[5] *ПССиП(2). Соч.* Т. 8. С. 39.

описывается и сам усадебный дом: «...господский дом, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с зеленоватыми стеклами в узких рамах, с покатой, некогда крашеной крышей, с балкончиком, из которого повыпадали кувшинообразные перила, с кривым мезонином, с безголосой старой собакой в яме под крыльцом <...>. В самом доме всё немножко набок, немножко расшаталось — а ничего! Стоит крепко и держит тепло: печи что твои слоны, мебель сбродная, домодельщина; беловатые протоптанные дорожки бегут от дверей по крашеным полам; в передней чижи и жаворонки в крошечных клетках; в углу столовой громадные английские часы в виде башни, с надписью: „Strike — silent" <...>».[6]

Описание, открывающее повесть «Бригадир», может быть отнесено как к конкретной усадьбе, в которую приехал рассказчик, так и к любой дворянской усадьбе «великорусской Украйны» 30-х—начала 40-х годов XIX века. Чрезвычайно важны для Тургенева указания на время и место действия. Прибегая к подобным соотнесениям, писатель донес до потомков представление о реалиях русского усадебного быта, многое из которого безвозвратно утрачено.

Подобная детализация не превращает объективные описания в фотографию с действительности или в сухой перечень предметов конкретной усадьбы, который можно встретить в архивных бумагах. Дворянские усадьбы у Тургенева хранят человеческое тепло, даже если изображаются автором с известной долей отстраненности. Протоптанные по полам дорожки, птицы в клетках, портреты хозяев в повести «Бригадир» — все это следы жизни обитателей усадьбы. Тесная связь усадьбы и человека дает писателю возможность через предметные детали акцентировать те или иные стороны характеров персонажей и создавать определенный эмоциональный настрой.

В романе «Дворянское гнездо» Тургенев мастерски использует детали быта для выявления существенных черт жизни персонажей. Повествование об Андрее и Петре Лаврецких, не принадлежавших к числу просвещенных дворян, сопровождается изображением глухого, темного патриархального быта, мрачных преданий. Под стать «простому степному барину», «хлебосолу и псовому охотнику» Петру Андреевичу Лаврецкому, — пишет Тургенев, — были его «обширные, теплые и неопрятные хоромы».[7]

Этот затхлый патриархальный быт становится чуждым сыну Петра Андреевича Ивану Лаврецкому, воспитывавшемуся у княжны Кубенской в обстановке, ориентированной на Францию. Конфликт Ивана Лаврецкого с отцом, имеющий глубокие психологические основания, писатель раскрывает в основном в бытовой сфере: «Грязно, бедно, дрянно показалось ему (Ивану. — *Л. М.*) его родимое гнездо; глушь и копоть степного житья-бытья на каждом шагу его оскорбляли <...>.

[6] Там же. С. 39—40.
[7] Там же. Т. 6. С. 29.

Отцу не нравились его столичные привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, в которой недаром чуялась ему гадливость; он то и дело жаловался и ворчал на сына. „Всё здесь не по нем, — говаривал он, — за столом привередничает, не ест, людского запаху, духоты переносить не может, вид пьяных его расстраивает, драться при нем тоже не смей, служить не хочет <...>"».[8]

У княжны Кубенской Ивану Лаврецкому была привита тяга к чужеземной культуре при неглубоком ее освоении. Поэтому, возвратившись из-за границы в Россию англоманом, он изгнал из патриархальной усадьбы все, что было характерно для XVIII века, и завел новые порядки, сообразуясь со своими вкусами и привычками: «В доме точно произошли некоторые перемены: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанию; в числе их пострадали две старухи, одна — слепая, другая — разбитая параличом, да еще дряхлый майор очаковских времен <...>. Также вышел приказ не принимать прежних гостей: всех их заменил дальний сосед, какой-то белокурый золотушный барон, очень хорошо воспитанный и очень глупый человек. Появились новые мебели из Москвы; завелись плевательницы, колокольчики, умывальные столики; завтрак стал иначе подаваться; иностранные вина изгнали водки и наливки; людям пошили новые ливреи; к фамильному гербу прибавилась подпись „In recto virtus..."».[9]

Широко изобразив предметно-бытовую среду, в которой живут представители рода Лаврецких, писатель показал два различных отношения к усадебной культуре. Если в одних случаях (Андрей и Петр Лаврецкие) речь идет о темном, чуждом просвещения патриархальном быте, то в других (Иван Лаврецкий) — о поверхностном усвоении чужой культуры и полной оторванности от русской национальной почвы. Не случайно поэтому описания быта Лаврецких окрашиваются в иронические тона. Соединить на бытовом уровне русское национальное начало и элементы западноевропейской цивилизации сумеет представитель иного поколения Лаврецких — Федор Иванович Лаврецкий. Об этом речь пойдет дальше.

Иногда Тургенев показывает своеобразные «островки» какой-либо эпохи в совершенно чуждом этой эпохе временном пространстве. Алексей Сергеевич и Маланья Павловна Телегины (рассказ «Старые портреты»), живущие в XIX веке, по складу характера остались людьми XVIII столетия.

Повествование об Алексее Сергеевиче и Маланье Павловне начинается с изображения бытовой обстановки. У Телегиных был старинный дворянский дом: «Одноэтажный, с громадным мезонином, построенный в начале нынешнего столетия из удивительно толстых сосновых бревен — такие бревна привозились тогда из-за жиздринских боров, их теперь и в помине нет! — он был очень обширен и вмещал множество

[8] Там же. С. 30.

[9] Там же. С. 38—39. «В законности — добродетель...» (*лат.*).

комнат, довольно, правда, низких и темных; окна в стенах были прорублены маленькие, теплоты ради».[10] Господский дом окружали дворовые избы, службы. Примыкал к дому «небольшой, но с хорошими фруктовыми деревьями, наливными яблоками и бессемянными грушами» сад.[11]

Дом был наполнен «заурядною, нехитрою мебелью», на окне залы стоял верстовой столбик с надписями: «Если ты 68 раз пройдешь вокруг сей залы — то сделаешь версту; если ты 87 раз пройдешь от крайнего угла гостиной до правого угла биллиарда — то сделаешь версту» и т. п.[12] По стенам висело множество картин «большей частью работы так называемых итальянских мастеров: всё какие-то старинные пейзажи да мифологические и религиозные сюжеты». В гостиной почетное место занимал «портрет императрицы Екатерины II во весь рост, копия с известного портрета Лампи», а в кабинете Алексея Сергеевича висело «родословное дерево Телегиных, очень ветвистое, со множеством кружков в виде яблоков, в золотой раме».[13]

Дом Телегиных по своей архитектуре и внутреннему наполнению, безусловно, принадлежит XVIII столетию, хотя и был выстроен в начале XIX века. Своеобразной «доминантой» среди вещей дома можно назвать портрет Екатерины II, «предмет особого поклонения, можно сказать, обожания хозяина».[14] Телегины сохранили сознательную приверженность екатерининским временам. Это находит отражение не только в деталях усадебного быта, но также в привычках и вкусах хозяев, делающих их странными в глазах окружающих.

В бытовом смысле Телегины живут во времени, которое давно прошло. Тонкий юмор, которым проникнуто повествование, подчеркивает чудаковатость героев, но не снижает их. Телегиным присуще глубокое внутреннее добросердечие, проявляющееся в отношении друг к другу, дворовым, крепостным, приживальщикам, нищим, больным, карлику Янусу, сумасшедшему князю Л. В общечеловеческом смысле Телегины совсем не отстали от времени, поскольку являются носителями непреходящих духовных ценностей: любви, доброты, сострадания к людям. Именно поэтому сами герои и окружающая их обстановка, которые могут показаться современнику рассказчика странными, даются писателем в утверждающем освещении.

Таким образом, объективные описания усадеб в произведениях Тургенева характеризуют среду, в которой живут и действуют персонажи, воспроизводят ту или иную эпоху в ее предметных проявлениях. Мир человека и мир вещей в таких описаниях, сохраняя автономность, вступают в косвенное взаимодействие между собой. Внешняя действитель-

---

[10] Там же. Т. 10. С. 7—8.
[11] Там же. С. 8.
[12] Там же.
[13] Там же. С. 11.
[14] Там же. С. 8.

ность, воздействуя на человека, его мысли, чувства, сама нередко «очеловечивается».

Описание усадьбы в повести «Фауст» в этом смысле особенно показательно. Оно дается через призму восприятия героя: «Вот я опять в своем старом гнезде, в котором не был — страшно вымолвить — целых девять лет. <...> Право, как подумаешь, я точно другой человек стал. Да и в самом деле другой: помнишь ты в гостиной маленькое, темненькое зеркальце моей прабабушки, с такими странными завитушками по углам, — ты всё, бывало, раздумывал о том, что оно видело сто лет тому назад, — я, как только приехал, подошел к нему и невольно смутился. Я вдруг увидел, как я постарел и переменился в последнее время. Впрочем, не я один постарел. Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю».[15]

Предметы усадьбы хранят память не только о материальной, но и о духовной жизни ушедших поколений, немыми свидетелями которой они были. Это книги из родовой библиотеки, зеркальце прабабушки, в которое смотрелись жившие когда-то предки героя, женский портрет, названный портретом Манон Леско: «Он немного потемнел в эти девять лет; но глаза глядят так же задумчиво, лукаво и нежно, губы так же легкомысленно и грустно смеются, и полуощипанная роза так же тихо валится из тонких пальцев».[16]

Встреча с родным гнездом после долгого отсутствия окрашивает настроение героя в ностальгические тона. Покривившийся и вросший в землю домишко, состарившиеся слуги со всей остротой заставляют его ощутить быстротечность времени. Запах старого дома, знакомые с детства вещи вызывают воспоминания прожитых лет, погружают героя в состояние душевной тишины и сладкой грусти, из которого он не хочет выходить. Внутреннее состояние героя повести настолько органически сливается с окружающим его миром вещей, что человек и дом становятся как бы двумя зеркалами, отражающимися одно в другом.

В романе «Дворянское гнездо» писатель сумел достичь необыкновенно высокого мастерства в раскрытии душевной жизни персонажей посредством предметных деталей усадебного дома. Для духовно богатых персонажей характерно «слияние» с окружающим предметным миром, который они творят по своему образу и подобию, поэтому на самые обыденные вещи ложится отблеск их духовности. Интересно складываются «взаимоотношения» героев с незнакомой или давно покинутой усадьбой, связанной с фамильными преданиями, родовой памятью. Такая усадьба не может оставить человека эмоционально равнодушным, вызывает в нем самые разнообразные ощущения и переживания. В результате душевной работы, духовного напряжения герой постепенно достигает гармонии с окружающей его средой.

---

[15] Там же. Т. 5. С. 90.

[16] Там же. С. 92.

Приехав в Васильевское после пережитой личной драмы, Лаврецкий подумал: «Вот я и дома, вот я и вернулся».[17]

Вместе с тем он некоторое время ощущает себя гостем в этом далеко не чужом ему доме. Писатель передает состояние героя через выразительную художественную деталь. Лаврецкий пьет чай из чашки с изображением игорных карт, которую помнил еще с детства: «…из нее пили только гости, — и он пил из нее, словно гость».[18]

В пространном описании усадебного дома авторский взгляд совпадает с видением героя, которое носит пока еще отстраненный характер: «Лаврецкий обошел все комнаты и, к великому беспокойству старых, вялых мух с белой пылью на спине, неподвижно сидевших под притолоками, велел всюду открыть окна: с самой смерти Глафиры Петровны никто не отпирал их. Всё в доме осталось, как было: тонконогие белые диванчики в гостиной, обитые глянцевитым серым штофом, протертые и продавленные, живо напоминали екатерининские времена; в гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, с высокой и прямой спинкой, к которой она и в старости не прислонялась. На главной стене висел старинный портрет Федорова прадеда, Андрея Лаврецкого; темное, желчное лицо едва отделялось от почерневшего и покоробленного фона; небольшие злые глаза угрюмо глядели из-под нависших, словно опухших век; черные волосы без пудры щеткой вздымались над тяжелым, изрытым лбом. На угле портрета висел венок из запыленных иммортелей».[19]

Федор Лаврецкий никак не может привыкнуть к глухому усадебному быту, к тому, что после смерти Глафиры Петровны время в доме будто остановилось. Герой начинает прислушиваться к тихой деревенской жизни, которая «текла неслышно, как вода по болотным травам».[20] Созерцание окружающей жизни, погружение в нее, слияние с ее ритмом рождают в душе героя «чувство родины». Горестные переживания уходят в прошлое, появляются силы жить дальше.

После происшедшего духовного перелома Лаврецкий производит в Васильевском перемены, чтобы приостановить умирание усадьбы, вдохнуть в нее жизнь. Как человек, впитавший европейскую культуру, он стремится сделать жизнь более удобной и цивилизованной. «В течение двух недель Федор Иваныч привел домик Глафиры Петровны в порядок, расчистил двор, сад; из Лавриков привезли ему удобную мебель, из города вино, книги, журналы; на конюшне появились лошади; словом, Федор Иваныч обзавелся всем нужным и начал жить — не то помещиком, не то отшельником».[21] Для приглашенного в Васильевское Лемма было привезено фортепьяно.

Вместе с тем новые порядки Федор Лаврецкий заводит не так, как это делал некогда его отец-англоман в дедовской усадьбе. Он сохраняет

---

[17] Там же. Т. 6. С. 61.
[18] Там же. С. 63.
[19] Там же. С. 61—62.
[20] Там же. С. 65.
[21] Там же.

все, что связано с жизнью предков, что в нем самом будит воспоминания о прошлом. Перебирая скарб Глафиры Петровны, герой среди прочих вещей находит «таинственную книгу» Максимовича-Амбодика «Символы и эмблемы», которую любил рассматривать в детстве, а также портреты отца и матери. «В пакете лежали лицом к лицу пастелевый портрет его отца в молодости, с мягкими кудрями, рассыпанными по лбу, с длинными томными глазами и полураскрытым ртом, и почти стертый портрет бледной женщины в белом платье, с белым розаном в руке, — его матери».[22] Старые слуги не изгоняются Лаврецким, остаются в доме. Герой с удовольствием слушает рассказы Антона о «стародавних временах», о Глафире Петровне, Андрее и Петре Лаврецких.

Федор Иванович избегает тех крайностей, которые были присущи бытовому укладу предков. Для него в равной степени неприемлемы как своеобразная законсервированность, застойность патриархального быта, так и бездумное введение в русскую усадебную жизнь чужеродных элементов. Герой обновляет Васильевское, не прерывая связь времен.

Раскрывая значение изображаемых Тургеневым «дворянских гнезд» как своеобразных очагов культуры, Л. Н. Назарова обратила внимание на наиболее часто повторяющиеся детали усадебного дома: фамильные портреты, фортепьяно, книги из фамильных библиотек.[23] Перечисленные детали являются проводниками духовного опыта прошлого, оказывающими воздействие на развитие интеллектуальной и эмоциональной сфер человеческой личности.

По силе воздействия на человека портрет занимает особое место среди предметов усадебного дома. В произведениях Тургенева портреты оживают, становясь своего рода персонажами повествования. В повести «Фауст» несколько раз упоминается портрет матери Веры Николаевны Ельцовой. Первые впечатления героя повести от портрета передаются следующим способом: «В гостиной, над диваном, висит портрет этой странной женщины, поразительно схожий. Он мне бросился в глаза, как только я вошел. Казалось, она строго и внимательно смотрела на меня. Мы уселись, вспомнили про старину и понемногу разговорились. Я поневоле то и дело взглядывал на сумрачный портрет Ельцовой».[24]

Спустя некоторое время между Ельцовой, не позволявшей дочери читать произведения изящной словесности, и Павлом Александровичем, познакомившим Веру Николаевну с «Фаустом», происходит своего рода поединок: «На другое утро я раньше всех сошел в гостиную и остановился перед портретом Ельцовой. „Что, взяла, — подумал я с тайным чувством насмешливого торжества, — ведь вот же прочел твоей дочери запрещенную книгу!" Вдруг мне почудилось… ты, вероятно, заметил, что глаза en face всегда кажутся устремленными прямо на зрителя… но на этот раз мне, право, почудилось, что старуха с укоризной

---

[22] Там же. С. 66.

[23] *Назарова Л. Н.* Тургенев и русская литература конца XIX—начала XX в. С. 91—130.

[24] *ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 101.

обратила их на меня».[25] Портрет создает полное ощущение присутствия в повести еще одного персонажа — матери Веры Николаевны, оказавшей глубокое влияние на свою дочь и в чем-то предопределившей ее судьбу.

Не меньшее значение имеет изображение портретов в повести «Три портрета». Рассказчик «оживляет» полотна, за которыми встают судьбы Ольги Ивановны, Василия Ивановича Лучинова и Павла Афанасьевича Рогачева. Происходит настолько тесное «сращение» портрета и человека, что портрет становится своеобразным двойником персонажа. Убив Рогачева, Лучинов «вынул шпагу и проколол, на месте сердца, портрет Павла Афанасьевича».[26] Наиболее глубокие переживания героев бывают связаны с фамильными портретами, воплощающими родовую память. Фамильные портреты воскрешают семейные предания, доносят до потомков черты не только внешнего облика, но и духовного склада запечатленных на них людей.

Музыка становится душевной потребностью многих героев Тургенева, сопровождая их в самые напряженные моменты жизни: незнакомка («Три встречи»), Марья Павловна («Затишье»), Марья Александровна («Переписка»), Пасынков («Яков Пасынков»), Наталья («Рудин»), Лиза («Дворянское гнездо»), Марианна («Новь») и др. Не случайно поэтому среди вещей усадебного дома почти всегда упоминается фортепьяно. Вот, например, как описывает Тургенев состояние Натальи Ласунской перед ее встречей и объяснением с Рудиным в саду. «На другой день было воскресенье, и Наталья поздно встала. Накануне она была очень молчалива до самого вечера, втайне стыдилась слез своих и очень дурно спала. Сидя, полуодетая, перед своим маленьким фортепьяно, она то брала аккорды, едва слышные <...> то приникала лбом к холодным клавишам и долго оставалась неподвижной».[27]

На страницах тургеневских произведений рассыпаны описания старинных книг и журналов в кожаных переплетах, хранившихся в фамильных библиотеках дворянских усадеб. Среди них — рукописный «Кандид», «Торжествующий хамелеон», «Символы и эмблемы», «Фауст» Гёте, календари, сонники и т. д. Фамильные библиотеки превращали «дворянские гнезда» в средоточия духовности и культуры. В героях Тургенева книги вызывали богатые реминисценции из собственной жизни и жизни предков, теснее сближая их с родовым гнездом. Герой повести «Фауст», например, пишет своему другу: «Попались мне детские книжки, и мои собственные, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себе, моей прабабки: на одной ветхой-ветхой французской грамматике, в пестром переплете, написано крупными буквами: Ce livre appartient à m-lle Eudoxie de Lavrine и выставлен год — 1741».[28]

Несмотря на приверженность родовым связям, культуре прошлого, человек в произведениях Тургенева остается открытым миру. Эту от-

---

[25] Там же. С. 109.

[26] Там же. Т. 4. С. 107.

[27] Там же. Т. 5. С. 262.

[28] Там же. С. 93. „Эта книга принадлежит девице Евдокии Лавриной" (*франц.*).

крытость писатель показывает через исчезновение границ между домом и садом. Окно и терраса, так часто упоминаемые Тургеневым, разрушают границу между миром вещей и миром природы.

Окно притягивает к себе умирающего Авенира; с террасы дома Софьи смотрит в сад Василий Васильевич, погружаясь в сладкие мечтания; у раскрытого окна дома Ласунской Рудин наблюдает ночь, которая «и нежилась и нежила»;[29] из окна дома Сипягиных видит Нежданов раскинувшийся перед ним «черноземный сад».[30] Иногда точка наблюдения меняется, и герои из сада видят происходящее в доме или догадываются о том, что там происходит («Три встречи», «Фауст», «Дворянское гнездо»).

Дом и сад по-разному воздействуют на человека, создают разное настроение, порождают разные психические реакции. Если восприятие дома связано с воспоминаниями о жизни прошлой, уходящей, то вечно обновляющаяся природа вселяет в человека мысли о настоящем и будущем. Гармония духовно развитых персонажей с окружающей их предметной средой и миром, сопричастность жизни прошлой и настоящей дают им новые жизненные силы.

Повесть «Затишье» построена на взаимопроникновении мира усадебного дома и мира природы. Через окно писатель показывает совершающиеся в саду таинственные события. Дом, сад и небо собираются как бы в один фокус: «Марья Павловна села за стол разливать чай, а Надежда Алексеевна подошла к двери террасы и стала глядеть в сад. После светлого летнего дня наступил ясный и тихий вечер: заря пылала; до половины облитый ее багрянцем, широкий пруд стоял неподвижным зеркалом, величаво отражая в серебристой мгле своего глубокого лона и всю воздушную бездну неба, и опрокинутые, как бы почерневшие деревья, и дом. Всё замолкло кругом. Шума уже не было нигде.

— Посмотрите, как хорошо, — сказала Надежда Алексеевна подошедшему к ней Владимиру Сергеичу, — вон там, внизу, в пруде звезда зажглась подле огонька в доме; он красный, она золотая».[31] Звезда и дом, отраженные в пруду, становятся двумя частицами в безграничном космосе.

Таким образом, предметно-бытовая среда изображаемого Тургеневым усадебного дома характеризует как уклад жизни персонажей, так и выполняет психологическую функцию, углубляя портретную достоверность образа. В более широком смысле она воплощает родовую память, культурные истоки, открывает человеку перспективы в природный мир.

---

[29] Там же. С. 228.
[30] Там же. Т. 9. С. 171.
[31] Там же. Т. 4. С. 400.

С. В. Добряков

ТУРГЕНЕВ И АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ В ТВОРЧЕСКОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Рассматриваемый в данной работе период биографии К. Н. Леонтьева (1831—1891) относится к началу 1850-х годов. В то время будущий писатель и религиозный мыслитель изучал медицину в Московском университете и работал над своими первыми художественными произведениями. В 1851 году Леонтьев познакомился с И. С. Тургеневым, пользовался его советами и поддержкой. Эти события отражены в автобиографическом очерке Леонтьева «Мои дела с Тургеневым и т. д. (1851—1861 г.)» (1874, 1886—1887, частично опубликован в 1888 году под заглавием «Тургенев в Москве. 1851—1861 гг.»; полностью — в 1913). Там же Леонтьев описал, как формировались его собственные взгляды на литературу. Речь идет о процессе, отмеченном неоднородными влияниями.

В период с середины апреля по май 1851 года Леонтьев показал Тургеневу рукопись своей комедии «Женитьба по любви» (текст утрачен).[1] В связанных с этим событиях важную роль играл друг Леонтьева Алексей Иванович Георгиевский. (Его фамилия в тексте очерка «Мои дела с Тургеневым и т. д.» зачастую приводится сокращенно: «Г—ий».) По воспоминаниям Леонтьева, он «был тоже студент, двумя годами старше <…>; сын очень бедного и многосемейного чиновника из <…> Боровска <…> Калужской губернии». «Он был для меня тем, — писал Леонтьев, — чем был Мефистофель для Фауста. Но у него ирония и отрицание происходили не от недостатка поэзии, или идеализма, а скорее от злобы на жизнь, которая не давала ему ничего. Большинство товарищей не обращали на него внимания, считали его просто чудаком; но те немногие, поумнее и поразвитее, с которыми он сближался, подчинялись немедленно его уму, или лучше сказать смело — его гению».[2] От-

[1] См.: *Летопись (1818—1858)*. С. 185.

[2] *Леонтьев К.* Собр. соч.: В 9 т. СПб., [Б. г.]. Т. 9. С. 71. Далее: *Леонтьев. Соч. (9)*, с указанием тома и страницы.

метим, что Георгиевский был на два года моложе Леонтьева. Годы его жизни: 1833—1865 или 1866.[3]

В первом варианте «Моих дел с Тургеневым и т. д.», озаглавленном «Моя литературная судьба», мемуарист высказался о Георгиевском сложнее: «...он был для меня тем, чем был Мерк для Гёте, Мефистофель для Фауста».[4] Это заставляет внимательно присмотреться к интересам двух друзей и к характеру их общения. По признанию Леонтьева, он не видел около себя, кроме Георгиевского, «ни одного человека, с которым бы <...> мог так много, так свободно и так „современно", как говорится, рассуждать о Пушкине и Гомере, о Гоголе и Белинском, о любви и дружбе, о вере и безверии, об общих началах науки и поэзии».[5]

Особенно серьезным предметом их бесед была русская литература и ее герои. Леонтьев и здесь считал, что без Георгиевского ему «не с кем будет говорить, о том, например, какая разница в характерах у Онегина, Печорина и Бельтова („Кто виноват?") и *на которого из них лучше быть самому похожим* в жизни и т. д.». «Пока я боялся, — продолжал Леонтьев, — что некем будет с этой стороны заменить его — я терпел (манеру общения Георгиевского. — *С. Д.*)».[6] Помимо этого, Леонтьев указал, что Георгиевский своими советами и мнениями имел большое влияние на его литературные занятия: «...„Женитьба по любви" без него не написалась бы».[7] До того, как Леонтьев показал эту пьесу Тургеневу, Георгиевский выслушал два ее действия в авторском чтении и одобрил их.[8]

Георгиевский советовал другу «найти покровителя» в литературных кругах. Но он предупредил Леонтьева: «Ты смотри однако — всем этим известностям не слишком уж верь. Они тоже ошибаться могут. Не верь им во всем. Верь себе больше, — своему чувству; у тебя талант может выработаться большой. Скажут тебе — это дурно, это хорошо; а ты не слишком верь. Вот хоть бы этот Тургенев, — сам ведь он талант не первоклассный: описания его уж становятся скучны; у гениального писателя картина, заметь, никогда не похожа вполне на жизнь; она или лучше, или хуже жизни. У Гоголя она преднамеренно хуже; а у Тургенева эти „Записки охотника" так мелочны! Они производят точь-в-точь то впечатление, как сама жизнь. Не поддавайся поэтому вполне никому и иди своей дорогой. Ты можешь много сделать».[9]

В этом монологе выделяется суждение, что «у гениального писателя картина <...> никогда не похожа вполне на жизнь; она или лучше, или хуже жизни». Возможно, его истоки — в статье Гёте «Введение в „Пропилеи"» (1798): «Подлинный художник, диктующий законы искусству,

---

[3] См.: *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 2. С. 278.
[4] Там же. Т. 6. Кн. 1. С. 29.
[5] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 92.
[6] Там же. С. 92—93.
[7] Там же. С. 71.
[8] Там же. С. 75.
[9] Там же. С. 76.

стремится к художественной правде, тот же, который не подозревает об этих законах и следует только слепому влечению, стремится к натуральности; первый возносит искусство на его вершину; второй — низводит на самую низкую ступень».[10] Сходное замечание присутствует в диалоге Гёте «О правде и правдоподобии в искусстве» (1798): «...правдивое в искусстве и правдивое в природе не одно и то же и <...> художник ни в коем случае не должен, не вправе даже стремиться к тому, чтобы его произведение казалось новым произведением природы <...>».[11] В связи с подобными идеями ясно, почему Георгиевский, найдя, что «Записки охотника» «производят точь-в-точь то впечатление, как сама жизнь», счел это промахом Тургенева, а не его творческой удачей.

Обе приведенные мысли Гёте доводил до сведения русских читателей С. П. Шевырев, разработавший «свое понимание искусства в его „самостоятельной истине"». В связи с этим В. М. Жирмунский заметил: «...излагая Шеллинга и Гёте, любомудр Шевырев в первый раз на основе немецкого философского и поэтического идеализма формулирует доктрину „искусства для искусства" <...>».[12] Георгиевский, похоже, был знаком с этой точкой зрения и старался привить ее Леонтьеву, начинающему автору. В дальнейшем, когда Леонтьев вошел в московские литературные круги начала 1850-х годов, он выделил суждения М. Н. Каткова и Е. М. Феоктистова о творчестве Тургенева, которые по существу совпали с оценками Георгиевского.[13]

В русло описанного восприятия искусства также укладывается совет И.-Г. Мерка, адресованный Гёте: «Твое стремление <...> твоя заветная цель — воссоздавать действительность в поэтическом образе, они же, напротив, хотят претворить в действительность то, что им представляется поэтичным, то есть плод воображения, а из этого ничего, кроме чепухи, не получается». Это замечание Гёте привел в книге «Из моей жизни. Поэзия и правда» (Ч. 4. Кн. 18).[14] Оно и могло навести Леонтьева на сопоставление Георгиевского с Мерком, а не просто с Мефистофелем, чьим прообразом Мерк послужил.[15]

И все же, познакомившись с Тургеневым, Леонтьев «задумал впервые и решил прервать, наконец, все сношения с Алексеем Георгиевским».[16] Он пояснил причину разрыва следующим образом: «...как только Тургенев признал во мне талант, я понял, что *теперь* я в силах буду найти себе и помимо Г—го собеседников „наивысшего порядка" и что мой самодовольно-ядовитый и без достаточной причины придирчивый товарищ мне уж не так необходим для умственной жизни, как я

---

[10] *Гете.* Т. 10. С. 41 (Пер. С. Герье).

[11] Там же. С. 61 (Пер. Н. Манн).

[12] *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Изд. 2-е. Л., 1982. С. 145,129—130.

[13] См.: *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 76—77; *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 35.

[14] *Гете.* Т. 3. С. 610 (Пер. Н. Манн).

[15] Отметим, что Тургенев также одобрил данную мысль Мерка в письме к В. П. Боткину от 25 ноября (7 декабря) 1856 г. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 153).

[16] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 90.

с полгода тому назад воображал».[17] По поводу этого решения Ю. П. Иваск отметил: «Молодой Леонтьев легко поддавался влияниям <...>».[18]

Но Леонтьев не подчинился влиянию Тургенева безоговорочно. Герои писателя и даже его личность были подвергнуты той *«эстетической* придирчивости», которую Леонтьев предъявлял, по его выражению, «к другим».[19] Поздней осенью 1851 года[20] он признался Тургеневу: «Не знаю, что это на меня действует: медицинские ли занятия развивают во мне потребность какого-то сильного физиологического идеала или этого требуют мои художественные наклонности (я ведь и рисую самоучкой, кажется, недурно), только я ужасно люблю смотреть на людей сильных, здоровых, красивых; я когда шел к вам в первый раз, ужасно боялся, что найду вас похожим или на вашего чахоточного „Лишнего человека", или, еще хуже, на „Щигровского Гамлета". Лишний человек хоть на дуэли с князем Н. дрался и даже ранил его; а Гамлет ваш только табак нюхает! Это ужасно! И когда я увидал, что вы такой большой и здоровый — я очень обрадовался. Особенно не люблю, когда литераторы с виду плохи, — так мне это тяжело и грустно...».[21]

Тургенев своим видом дал понять Леонтьеву, что подобный разговор неуместен. «Но побуждение его, — отметил Леонтьев, — осталось для меня и теперь загадкой».[22] Чуть раньше мемуарист даже связал реакцию Тургенева с плохим состоянием его здоровья. При этом Леонтьев допустил и ложную скромность собеседника: «...или, напротив того, речь моя ему так сильно понравилась, что он нашел нужным скрыть от меня свое удовольствие...».[23]

У этой «речи» есть предыстория. Еще до знакомства с Тургеневым Леонтьев остро отреагировал на «Дневник лишнего человека». Ему

---

[17] Там же. С. 92.

[18] *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831—1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г. Антология: В 2 кн. СПб., 1995. Кн. 2. С. 267. Далее сокращенно: *Иваск*, с указанием страницы.

[19] *Леонтьев. Соч. (9).* Там же. С. 102. Об отношениях Леонтьева и Тургенева как об одной из тем истории русской литературы второй половины XIX в. см.: *Коноплянцев А.* Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборник. СПб., 1911. С. 19—27, 43, 99; *Иваск.* С. 275—276, 280—282, 291, 302—304; *Рабкина Н. А.* Литературные уроки (Тургенев и Константин Леонтьев — история взаимоотношений) // Вопросы литературы. 1991. № 4. С. 124—132; *Жидкова С. Л.* Тургенев и К. Леонтьев // Тургениана. Сб. ст. и материалов. Орел, 1999. Вып. 2—3. С. 118—128; *Кузнецова И. Д.* «Знакомый вам провинциал» // Тургеневский сборник. М., 2004. Вып. 2. С. 52—66; *Добряков С. В.* Ранние сочинения К. Н Леонтьева в оценках И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орел, 2006. С. 116—132; *Его же.* Константин Леонтьев как прототип героев И. С. Тургенева // Тургеневский сборник. Вып. 3. М., 2006. С. 366—377.

[20] Возможно, в период с середины октября до начала ноября. См.: *Летопись (1818—1858).* С. 187—188.

[21] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 106.

[22] Там же. С. 107.

[23] Там же. С. 106.

«показалось», что Тургенев «угадал *меня*, не видавши меня никогда. <...> Я закрывался книгой в углу и плакал».[24]

«Речь» Леонтьева близка к оценке «Дневника лишнего человека», прозвучавшей в обзоре «Отечественные Записки в 1850 году» журнала «Москвитянин» (1851. № 1. Кн. 1. [Без подп.]). Вот некоторые фрагменты обзора: «Г. Тургенев поместил <...> „Дневник лишнего человека". <...> лицо, выводимое автором <...> не новость <...>. Мы уже познакомились с этим типом в „Гамлете Щигровского уезда" <...> полнее и короче. — И там нас остановило стремление г. Тургенева представить в одном лице современное болезненное развитие в крайней степени <...>; но там некоторая уродливость героя спасалась <...> комическим направлением рассказа; здесь же, когда автор очевидно старается возбудить участие к своему герою, как-то тяжело и неприятно видеть, вместо живого лица, крайнее олицетворение современного недостатка, встречаемого во многих людях. — Все, что мы сказали до сих пор, относится <...> вообще к не совсем художественному направлению — представлять в одном лице <...> черту, развитую до последней крайности. Обыкновенно при этом жертвуется целостью лица ради вмещения в него <...> подмеченных в самом себе и в других черт. В отношении наблюдательности г. Тургенев явился таким же художником в „Дневнике лишнего человека", как и в своих прежних произведениях. Есть черты, <...> до того глубоко выхваченные из души, что вдруг припоминаешь нечто подобное и в своей собственной душе, и во множестве других людей. Нещадным анализом автор преследует часто какое-нибудь душевное движение до последней глубины и мелочности, поражая вас своим знанием человека. Только когда уже прочтете весь „Дневник", заметите, что из всех черт <...> не слагается одного живого образа, и произведению недостает той оконченности и замкнутости, которая есть главное достоинство произведений вполне художественных».[25] Как и Леонтьев, анонимный автор обзора сопоставил «Дневник лишнего человека» с «Гамлетом Щигровского уезда». Их герои восприняты сходно, хотя Леонтьев видел в Чулкатурине и положительные черты.[26]

Разница состоит в том, что автор обзора говорит о «болезненном развитии» тургеневских персонажей как о морально–психологическом факторе («олицетворение современного недостатка, встречаемого во многих людях»). А молодой Леонтьев смешал физическое нездоровье с моральным. Впоследствии такой подход развился у него в тенденцию.

Чьему же перу мог принадлежать обзор? Произведения Тургенева в 1851 году часто разбирались на страницах «Москвитянина». Известно,

---

[24] Там же. С. 72. Здесь повесть ошибочно названа «Записки лишнего человека»; видимо, речь идет о первой публикации в *ОЗ* (1850. № 4). Эта реакция присутствует в ретроспективе жесткого суждения о фигуре Чулкатурина, высказанного Тургеневу напрямую.

[25] *Москв.* 1851. № 1. Кн. 1. С. 136—137.

[26] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 106.

что ведущим критиком этого журнала был А. А. Григорьев. Нет оснований игнорировать вопрос о его возможном авторстве.

Аполлон Григорьев присутствует в леонтьевской мемуаристике наряду с Тургеневым. Недаром первый мемуарный (и в то же время автобиографический) очерк Леонтьева, дошедший до нас, озаглавлен: «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» (1869, опубликован в 1915). В нем автор с первых же строк отметил: «...в первой моей молодости я читал его (Григорьева. — *С. Д.*) статьи в „Москвитянине" и сам тогда не знал, верить ли ему или нет? Слог его я находил смутным и странным; требования его казались мне слишком велики. — По критической незрелости моей я тогда был поклонником „Записок охотника" и мне казалась возмутительной строгость, с которой Григорьев относился к 1-м произведениям Тургенева».[27] В комментарии указано: «Речь идет о статьях „Русская литература в 1849 году" (*ОЗ.* 1850. № 1), „Русские журналы в текущем году" (*М.* 1851. № 5) и отзывах на рассказы из „Записок охотника" (*М.* 1852. № 2 и др.)».[28] Возможно, есть основания добавить к этим статьям обзор «Отечественные Записки в 1850 году».

Согласно библиографическим сведениям, собранным Б. Ф. Егоровым, в 1850 году Григорьев сотрудничал в «Москвитянине» эпизодически и анонимно. В 1851 году он напечатал там тридцать пять статей и рецензий, преимущественно под криптонимом «Г.».[29] Сопоставим названный выше анонимный обзор со статьями, уже атрибутированными А. Григорьеву.

В обзоре «Современник в 1850 году» Григорьев писал: «Ведь у г. Тургенева видно, что этот болезненный юмор взят не напрокат, куплен не дешево — он добросовестен, часто этот юмор доходит до горькой иронии над самим собою, и в этом отношении мы уважаем даже такие произведения г. Тургенева, которые с художественной стороны осудить можно, как, например: „Гамлет Щигровского уезда"».[30] Можно заметить, что приведенное суждение о рассказе близко его оценке в обзоре «Отечественные Записки в 1850 году» по нескольким пунктам. Во-первых, выделено сочетание «болезненности» и комических начал; во-вторых, причиной художественной неудачи Тургенева названо его чрезмерное внимание к несущественным чертам: «многому в сущности неважному или случайному придано значение типического под влиянием известного настройства души, известного направления мышления».[31] В то же время в обоих откликах присутствует высокая оценка тургеневского психологизма.

---

[27] *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 7.

[28] Там же. Т. 6. Кн. 2. С. 264.

[29] См.: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. Приложения. 1. Библиография критики и художественной прозы Ап. Григорьева // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 229—230.

[30] *Москв.* 1851. № 3. Кн. 1. С. 386.

В статье «Отечественные Записки в 1850 году» говорится, что «Дневнику лишнего человека» не хватает «оконченности». Григорьев использовал этот термин еще в статье «Русская литература в 1849 году». Разбирая тогда ранние пьесы Тургенева, критик находил, что в «Холостяке» «нет той оконченности и того тонкого очертания характеров», которые присущи «Где тонко, там и рвется».[32]

Теперь эта претензия выдвинута снова: «За исключением весьма немногих из „Записок охотника", мы знаем у г. Тургенева только одно сочинение, которое отличается оконченностью. Это — небольшая комедия „Где тонко, там и рвется"».[33]

Очевидно, во всех трех случаях речь идет об эстетической завершенности характеров. Таким образом, в приведенных трех откликах несомненно присутствие сквозных мотивов и определений.

Григорьев осудил и рассказ «Свидание»: «Вольно же автору <...> принимать частное и случайное за что-то типическое!.. Болезненный юмор уместен в изображении Гамлета Щигровского уезда, но крайне неуместен здесь. Это тем более достойно сожаления, что в других случаях г. Тургеневу удавалось же стряхивать с себя гнет болезненного взгляда и являлись же у него лица вроде Овсяникова, Хоря и Калиныча, Сучка, Чертопханова, цыганки Маши».[34] Данная оценка заметно перекликается с прежними наблюдениями критика над комической природой «Гамлета Щигровского уезда».[35]

Приведенные параллели можно счесть косвенными доказательствами принадлежности Григорьеву обзора «Отечественные Записки в 1850 году». Не выяснено, знал ли Леонтьев, кому принадлежал этот обзор, а равно статьи и рецензии в «Москвитянине» за 1851 год. Но, видимо, одна из упомянутых публикаций привлекла внимание небольшого леонтьевского круга.

В обзоре «Современник. 1851 г. № 2-й. Февраль» Григорьев порицал рассказ «Бежин луг»: «...эта живопись, не давая на себе сосредоточиться взгляду, не предоставляя ему, так сказать, никаких точек отдохновения, разливаясь в утонченных чертах — утомляет вас. <...> „круглые высокие облака, золотисто-серые с нежными — белыми краями", — которые „подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко-прозрачными рукавами ровной синевы, не трогаются с места" <...> несмотря на всю свою верность природе, живопись поражает вас довольно неприятною изысканностью, отсутствием того непосредственного наития, которое одним взмахом кисти творит целый, полный образ. <...> черты самые верные становятся <...> иногда изысканными <...> сравнения самые

[31] Там же. С. 387.

[32] См.: *ОЗ*. 1850. Т. 68. № 1—2. Отд.V. С. 18. О принадлежности статьи Григорьеву см.: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. С. 221.

[33] *Москв*. 1851. № 3. Кн. 1. С. 387.

[34] Там же. С. 390.

[35] Там же. № 1. Кн. 1. С. 136—137; № 3. Кн. 1. С. [386].

меткие кажутся вычурными».[36] В очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.» содержится эпизод, который впрямую напоминает об этих замечаниях.

В сентябре 1851 года А. И. Георгиевский говорил Леонтьеву: «вот, например, этот „Бежин луг". К чему эти подробные описания всех этих облаков утром... Помнишь?.. *уж больно густо*!». Затем он перешел на иронические реплики по адресу Тургенева.[37] Леонтьев остановил своего друга, после чего тот отозвался о повестях В. А. Соллогуба: «...и простота, и художественность настоящая... <...> А у Тургенева все какие-то штучки, вроде комизма или юмора — как будто что-то и гоголевское... Да куда! <...> Я думаю, он никогда не будет даже в силах написать длинную и серьезную вещь. Вот Писемский — хоть твоей, так сказать, женственности, „Тюфяк" его и противен <...> скорее Тургенева создаст объективное и сложное произведение...».[38]

Григорьев и Георгиевский едва ли случайно сошлись во взглядах на «Бежин луг». Но Георгиевский мог ориентироваться не только на мысли критика «Москвитянина». Его оценка творчества Соллогуба могла быть навеяна статьей В. Г. Белинского «Русская литература в 1842 году» (1843): «Простота и верное чувство действительности составляют неотъемлемую принадлежность повестей графа Соллогуба. В этом отношении теперь, после Гоголя, он первый писатель в современной русской литературе».[39]

Для Георгиевского Соллогуб и Гоголь в 1851 году определяли некий уровень творческих достижений, до которого тогда, как он считал, не мог подняться Тургенев. Зато на серьезные удачи был способен А. Ф. Писемский. Георгиевский говорил и Леонтьеву: «Даже *вы*, молодой автор, *вы*, я полагаю, скорее Тургенева способны сочинить сложный план большого романа... Конечно, надо стараться...».[40] Но он посоветовал мемуаристу избавиться от эгоцентризма и процитировал свою эпиграмму «на другого нашего товарища, лирического стихотворца».

Леонтьев привел текст эпиграммы:

Ты многого не понимаешь,
И многого, быть может, не поймешь!

---

[36] Там же. № 6. Кн. 2. С. 279.

[37] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 93.

[38] Там же. С. 93—94.

[39] *Белинский.* Т. 6. С. 536. В этой же статье Белинский так характеризовал особенности прозы Соллогуба: «Отличительный характер повестей графа Соллогуба состоит в чувстве достоверности, которое охватывает всего читателя, к какому бы кругу общества ни принадлежал он, если только у него есть хоть немного ума и эстетического чувства; читая повесть графа Соллогуба, каждый глубоко чувствует, что изображаемые в ней характеры и события возможны и действительны, что они — верная картина действительности, как она есть, а не мечты о жизни, как она не бывает и быть не может» (Там же. С. 535). Похвалы Георгиевского по адресу Соллогуба отчасти связаны с повестью «Аптекарша» (см.: *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 93—94).

[40] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 94.

Ты только то порядочно поешь,
Что сам в себе лишь замечаешь.[41]

Беседа кончилась тем, что Леонтьев, возмущенный отзывами Георгиевского о Тургеневе, как уже упоминалось, порвал с ним отношения. Но, видимо, до Леонтьева в разное время доходили сведения о судьбе его бывшего товарища. Этим объясняется упоминание о самоубийстве Георгиевского, впервые попавшее в 1870-е годы в текст «Моей литературной судьбы»: «Он *отравился* в 65 или 66 году».[42] Впоследствии эта дата была конкретизирована. В «Моих делах с Тургеневым и т. д.» Леонтьев указал, что Георгиевский погиб в 1866 году.[43]

Если от подобных биографических фактов вернуться к идеям Георгиевского, то его точка зрения на возможности Писемского заставляет вспомнить уже статью Григорьева «Русская литература в 1851 году» (1852). «Г. Писемскому дана новая манера в изображении действительности, но не дано сказать о ней никакого нового слова. <…> Автор „Тюфяка" глубоко всматривался в действительность, но, отдаваясь ей вполне <…>, он, может быть, сам не видит того, что находится под ее гнетом <…>. В г. Писемском дорожим мы его непосредственным отношением к действительности, и это отношение, в соединении, конечно, с его яркою манерою, ставит его в глазах наших выше всех других современных деятелей литературных; но не от него ждем мы этого нового, сильного слова… От кого именно ждем мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: „Бедная невеста" предстоит суду публики…».[44]

А. Н. Островский и его комедия «Бедная невеста» (1851, опубликована в 1852) олицетворяют для Григорьева ту же степень мастерства, что Соллогуб или Гоголь для Георгиевского. Притом Григорьев и Георгиевский ставят Писемского выше других авторов, но находят, что эта высота условна. Таким образом, Георгиевский частично предвосхитил мнения Григорьева за несколько месяцев до публикации статьи, где они отражены, что свидетельствует, несомненно, в пользу приятеля Леонтьева.

В очерке «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» Леонтьев описал свои впечатления от статьи «Русская литера-

---

[41] Там же. Имя «лирического стихотворца» — Яков Данилев. В альбоме Леонтьева (*РГАЛИ*) содержатся образцы его творчества, в том числе и стихотворение, обращенное к владельцу альбома. «В этот же альбом Л<еонтьев> переписал и стихотворение А. Георгиевского „Тихая лагуна", датированное 3 ноября 1850 г.» (См.: *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 2. С. 577). Факты выступлений Георгиевского в печати под своим именем не установлены. Среди литераторов, работавших под псевдонимами, Алексей Иванович Георгиевский также не фигурирует (см.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей: В 4 т. М., 1960. Т. 4. С. 124, 556).

[42] *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 29.

[43] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 71. Проблема отношений Георгиевского с Леонтьевым анализировалась Ю. П. Иваском (см.: *Иваск.* С. 266—268). Биография Георгиевского в целом, видимо, заслуживает отдельного исследования.

[44] *Григорьев А.* Соч. / Изд. Н. Н. Страхова. СПб., 1876. Т. 1. С. 43—44.

тура в 1851 году»: «Я не понимал, напр<имер>, тогда ясно — почему Григорьев, отдавая справедливость дарованию Писемского, столь сильно предпочитает ему Островского. — И в том, и в другом я видел лишь комизм. — Я не умел тогда понять, что Островский более *положительный* писатель, чем Писемский, что положительность его особенно дорога своим реализмом <...>».[45] Впоследствии Леонтьев согласился с оценками Григорьева, в которых он не сразу разобрался.

Со временем Леонтьев переоценил и «жестокий критический поход на Тургенева», предпринятый Георгиевским в сентябре 1851 года. В очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.» автор признался: «Каково было мое удивление, когда *лет через десять, если не более*, я начал вдруг находить, что этот сын бедного боровского „приказного", ничего кроме калужской гимназии прежде не видавший, незнакомый вовсе с иностранными языками, *несравненно* менее меня с ранних лет начитанный <...>, был, если не во всем и не совсем, то *почти* все-таки прав в своей строгой художественной оценке!».[46]

Леонтьев воспроизвел суждения Григорьева и Георгиевского без поправок на значимость одного и безвестность другого. Напомним, что он аналогично сблизил взгляды Георгиевского, Каткова и Феоктистова в «Моей литературной судьбе», затем в «Моих делах с Тургеневым и т. д.».[47] Так постепенно раскрывается панорама мнений, среди которых Леонтьев ориентировался. Важную часть ее составляют оценки литературного процесса, принадлежащие Тургеневу.

Тургенев советовал Леонтьеву читать и изучать Пушкина и Гоголя, из прозаиков же 1840-х годов позднее рекомендовал ему И. А. Гончарова. Он «очень хвалил» повесть Евг. Тур «Ошибка», неоднократно порицал по разным причинам Д. В. Григоровича, А. В. Дружинина, Ф. М. Достоевского.[48] Тургенев критически отзывался и о себе.[49] Все эти наставления приведены в «Моих делах с Тургеневым и т. д.». Судя по контексту, они относятся к поздней осени 1851 года. Леонтьев писал и о своей реакции на них.

«Мне именно около того времени Лермонтов, более резкий, более страстный и мрачный, стал больше нравиться, чем светлый и примиряющий Пушкин. *Все, что я встречал у Пушкина, мне в то время стало казаться слишком легким, как будто поверхностным и чересчур уже известным и простым.* Это случается, впрочем, со многими другими неопытными и сильно все чувствующими молодыми людьми. Их

---

[45] *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 7; Кн. 2. Коммент. С. 264.

[46] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 94—95.

[47] В «Моих делах с Тургеневым и т. д.» Леонтьев, несмотря на некоторую иронию, прибегнул к столь же характерной параллели: «...сколько бы ни восхваляли „Мертвые души" и Тургенев, и Белинский, и *сам* Георгиевский...» (*Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 112). До этого он указал, что его верному пониманию «Мертвых душ» способствовали «Белинский своими статьями и Георгиевский своей изустной критикой» (Там же. С. 108).

[48] См.: *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 107, 111—114.

[49] Там же. С. 107, 112.

потребности сильного, *раздирающего душу* впечатления от поэзии не скоро удовлетворишь».[50] Далее Леонтьев признался: «Авторитет Тургенева, не обративши меня сразу, конечно, заставил меня, однако, опять задумываться над этим Пушкиным, который не более как года за два до этого царил еще над всеми поэтами в отроческом сердце моем. Неиспорченное еще, полудетское чувство было вернее всех изысканных утонченностей позднейшего моего вкуса, который и после еще долго не мог возвратиться на правильный путь».[51]

«Светлый и примиряющий Пушкин» видится основной опорой, на которую Тургенев указывал Леонтьеву. Возможно, он стремился увести дебютанта от «мрачной» односторонности, заведомо способной усилиться под влиянием Лермонтова. В этой связи стоит учесть, что Григорьев еще в 1840-е годы сопоставил Тургенева с Пушкиным и Лермонтовым.

Пример такого сравнения встречается в рецензии на «Петербургский сборник» «Вторая пиеса „Сборника", — отметил Григорьев, — „Помещик", рассказ в стихах Ив. Тургенева — игривый, живой, блещущий злым остроумием, прямо взятый с почвы действительности. Но местами мелькают в нем задушевные вдохновения автора, его любимые мысли, те же, которые впервые так свежо и благоуханно выразились в его „Параше". Вообще, должно заметить, что г. Тургенев у нас еще мало оценен; еще не признана самобытность, особенность его направления, чему виною, впрочем, несамобытность его формы, всегда носящей клеймо Пушкина или Лермонтова; с первым роднит его *помещичий* элемент, с другим современные вопросы. Советуем прочесть в особенности его прозаический рассказ в „Сборнике": „Три портрета". Рассказ совершенно простой, но в высокой степени художественный, в котором, без всякой претензии, выступает впервые в нашей литературе одно из тех чудных лиц XVIII века, из тех *героев своего времени*, которые носили в душе семена такого же пресыщения жизнью, как и наши, с тем только различием, что они были ослепительнее, величавее наших».[52]

Эти мысли Григорьев почти дословно воспроизвел в другой рецензии на «Петербургский сборник», напечатанной в «Финском вестнике» В ней Тургенев оценен как «поэт школы Лермонтова», в котором, однако, «слишком много самобытности».[53] Здесь же Григорьев писал: «Литература наша выражала и выражает, собственно говоря, два направления, которые в наше время ярким образом высказались в *Лермонтове* и *Гоголе* <...> фатализм: вот слово Лермонтова и его школы, и крайнею гранью этой школы будет сознание всесильной воли рока, простирающейся до сознания даже бесплодности и невозможности борьбы.

---

[50] Там же. С. 107.

[51] Там же.

[52] Ведомости Санкт-Петербургской городской полиции. 1846. № 33. 9 февраля. Рубрика «Фельетон полицейской газеты 9-го февраля. Новые книги». [Без подп.]. С. 1.

[53] Финский Вестник. 1846. Т. 9. [Отд.] V. «Библиографическая хроника». [Без подп.]. С. 31.

С другой стороны, взгляните на основные стихии натуры Гоголя: юмор, желчный до болезненности, юмор презренного (но не презренного) народного пласта; неверие в борьбу, непосредственное, чисто славянское; разоблачение всех явлений и созерцание их в одной только их мелочности, и с другой стороны, жажда новых небывалых размеров бытия <...> Пушкин, гениальный Протей, <...> полный, художественный результат прежней, еще не достигшей самобытности литературы, и в нем не отдельно только, а слитно, совокупно, найдете вы следы двух направлений».[54]

Григорьев не просто высоко оценил Тургенева, но увидел в нем преемника наиболее значимых русских писателей.[55] Впоследствии Тургенев указал Леонтьеву среди них на Пушкина, а не на Лермонтова. Отношение к Гоголю заслуживает в этом контексте особого внимания.

Леонтьев «знал, что он (Гоголь. — *С. Д.*) в Москве, но не имел ни малейшего даже желания видеть его или быть ему представленным, потому что за многое питал к нему почти личное нерасположение. Между прочим и за „Мертвые души", или, вернее сказать, за подавляющее, безнадежно прозаическое впечатление, которое производила на меня эта „поэма"».[56] Указав на это, мемуарист тут же разъяснил логику своего понимания «Мертвых душ»: «Положим, что безукоризненную и вескую художественность этого произведения я уже начинал сознавать; Белинский своими статьями и Георгиевский своей изустной критикой утвердили меня в этом последнем понимании; но что ж мне было делать, если во мне неискоренимо было то живое эстетическое чувство, которое больше дорожит *поэзией действительной жизни, чем художественным совершенством ее литературных отражений*!».[57]

Последняя антитеза, как ни странно, перекликается с формулами диссертации Н. Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855): «...действительная жизнь часто бывает <...> слишком поэтична для поэзии <...> прекрасное — есть жизнь. <...> создания искусства ниже прекрасного <...> в действительности и с эстетической точки зрения».[58] Трудно сказать, насколько осознанно

---

[54] Там же. С. 24—26. См. атрибуцию обеих рецензий Григорьева на «Петербургский сборник»: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. С. 218.

[55] Год спустя в статье «Гоголь и его последняя книга» (Ч. 3) Тургенев был охарактеризован Григорьевым как «весьма замечательный поэт» школы Лермонтова (Московский городской листок. 1847. № 63. 18 марта. С. 254 паг. Без подп.). См. атрибуцию: *Егоров Б. Ф.* Аполлон Григорьев — критик. Ст. 1. С. 219). В. Д. Глебов, анализируя литературную критику Григорьева конца 1840-х—начала 1850-х гг., выделил у него оценки Тургенева как представителя «трагического», или «лермонтовского» направления в русской литературе, предпринявшего вместе с тем попытки развенчать лермонтовский тип героя. См: *Глебов В. Д.* Аполлон Григорьев. Концепция историко-литературного процесса 1830-х—1860-х годов. М., 1996. С. 69—70, 100—102.

[56] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 107.

[57] Там же. С. 107—108.

[58] *Чернышевский.* Т. 2. С. 68, 90, 91. Чернышевский развил этот мотив в авторецензии на свою диссертацию (впервые: *Совр.* 1855. № 6): «...действительность по красоте своей

ввел Леонтьев «тезис» Чернышевского в свои воспоминания, но во взгляде на творчество Гоголя его позиция была противоположна позиции автора «Очерков гоголевского периода русской литературы».

Леонтьев рассматривал «Мертвые души» как удачную карикатуру на «действительную жизнь». Он заметил: «Ни карикатуры слишком жесткой, ни сатиры, ни комизма с ядовитым оттенком я никогда особенно не любил, а тогда, весь за себя и за других исстрадавшийся, я даже ненавидел все это, — и Тургеневу пришлось напоминать мне о „Тарасе Бульбе", об очерке „Рим", о могучей поэзии повести „Вий", чтобы помирить меня с гением, которого последние и самые зрелые, но злые все-таки и сухие творения („Ревизор", „Игроки", „Мертвые души") почти заслонили от меня все эти другие восхитительные его повести; восхитительные не только по форме, но *и по содержанию*, по выбору авторского мировоззрения».[59]

В конце 1851 года литературные противники Гоголя получили некий аргумент, на который Леонтьев вполне мог опереться в данных суждениях. Речь идет о статье П. Мериме «Николай Гоголь. „Русские повести". — „Мертвые души". — „Ревизор"» (впервые: «Revue des Deux Mondes». 1851. T. 12. Кн. 4. 15 ноября). В ней Мериме высказался о Гоголе следующим образом: «Его шутки порой приближаются к фарсу, а веселость совершенно незаразительна. Если ему иногда и удается рассмешить читателя, то все же в глубине души последнего остается чувство горечи и негодования. Это объясняется тем, что гоголевская сатира не исправила общества, а только вызвала в нем гнев». В целом, Мериме признавал за Гоголем большой талант, но приравнивал его к «юмористам английского типа».[60]

выше созданий фантазии, осуществляемых искусством» (С. 106). Заметим, что, сравнивая Георгиевского в «Моей литературной судьбе» одновременно с Мерком и Мефистофелем, Леонтьев мог отреагировать на следующую мысль из «Эстетических отношений искусства к действительности»: «...поэт в отношении к своим лицам почти всегда только историк или автор мемуаров. Само собою разумеется, что всем этим не хотим мы сказать, будто бы каждое слово, произносимое Маргаритою или Мефистофелем, было буквально слышано Гёте от Гретхен и Мерка» (Там же. С. 67).

[59] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 108.

[60] Цит. по: *Мериме П.* Статьи о русской литературе / Изд. подготовил А. Д. Михайлов. Пер. А. К. Виноградова. М., 2003. С. 11. В «Северной пчеле», где была напечатана рецензия на статью Мериме Ф. Булгарина, этот фрагмент был переведен следующим образом: «...его веселость вовсе не сообщительна. Если иногда он заставляет смеяться своего читателя, то всегда, однако ж, оставляет в душе его горечь и негодование, потому что его сатиры не отомстили за общество, а только раздражили его» (Сев. Пчела. 1851. № 277. Среда, 12-го декабря. С. 627. <С. 1105 паг.>). Этот и другие фрагменты статьи Мериме приведены Ф. В. Булгариным в материале «Пчелка. Заметки, выписки и корреспонденция» за подписью «Ф. Б.». Применялся следующий способ цитирования: после перепечатки того или иного фрагмента во французском подлиннике, с указанием номеров страниц «Revue des Deux Mondes», внутри газетного текста давался русский перевод. Такой же способ, чередующийся с пересказом, использован при дальнейшем изложении текста Мериме (см.: Пчелка. Заметки, выписки и корреспонденция. Подпись: «Ф. Б.» // Сев. Пчела. 1851. № 283. Среда, 19-го дек. [С. 1129—1130 паг.]). Булгарин откликнулся на выход в свет статьи Мериме двумя заметками.

Как известно, в письме к П. Виардо от 21 февраля (4 марта) 1852 года Тургенев оспаривал статью Мериме, указывая на историческое значение творчества Гоголя для русской литературы («он нам открыл нас самих», «он во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого»).[61]

Неясно, до какой степени точка зрения Тургенева фигурировала в его беседах с Леонтьевым начала 1850-х годов. Но как раз в это время Тургенев вел переписку с начинающим писателем и «напоминал» Леонтьеву о таких произведениях Гоголя, как «Тарас Бульба», «Рим» и «Вий». Мериме же счел «Тараса Бульбу» неправдоподобной вещью, а по поводу «Вия» иронизировал: «Теперь, когда фантастика немецкая немного поизносилась, фантастика казацкая будет прельщать своею новостью, которой главное достоинство состоит в том, что она ни на что не походит».[62] Тургенев мог говорить Леонтьеву о «могучей поэзии» «Вия», учитывая это мнение.

По существу, Тургенев вел собеседника к идее двойственности (или переменчивости) таланта Гоголя, которую ранее выдвинул Григорьев: «...хамелеонический гений чародея-поэта то леденит сердце странным, беспощадным анализом природы бедного Акакия Акакиевича, то изумляет дивным, антично-чистым, кистью великих мастеров Италии набросанным, образом Аннунциаты».[63] Эту мысль Григорьев также развил, выступая против суждений Мериме о Гоголе: «Если бы он (Мериме. — *С. Д.*) почувствовал эти слезы, то не назвал бы, конечно, сатириком — того, кто везде и повсюду является истинным и всесторонним поэтом, равно изображающим и горе Акакия Акакиевича, и красоту Аннунциаты».[64] Далее критик возмутился: «Кто бы мог подумать <...> чтобы автор хроники времен Карла IX, так просто и художественно воспроизводящий эпоху, не понял и не оценил „Тараса Бульбы"? <...> Гораздо снисходительнее Мериме к повести „Вий", но от подробного разбора ее он уклоняется с истинно французскою легкостью».[65]

Григорьев опирался приблизительно на тот же круг произведений Гоголя, что очертил Тургенев перед Леонтьевым. В последнем случае статья Мериме могла оспариваться Тургеневым прямо или косвенно. Возможно, этим также обусловлен дальнейший интерес Леонтьева к имени и взглядам французского писателя.[66]

---

[61] *ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 122—123. Подлинник по-франц. Как верно отмечено в комментариях к письму, «поверхностную и неверную оценку Гоголя с радостью подхватил Ф. В. Булгарин, развив ее в двух статьях „Северной пчелы" <...>, а также в статье, посвященной выходу „Московского сборника", где была помещена статья И. С. Аксакова, посвященная памяти Гоголя <...>» (С. 462).

[62] Цит. по: Сев. Пчела. 1851. № 283. [С. 1129 паг.].

[63] Финский Вестник. 1846. Т. 9. [Отд.] V. С. 26.

[64] *Г<ригорьев Ап.>*. Статья Проспера Мериме о Гоголе, в «Revue des Deux Mondes» // *Москв.* 1851. № 24. Кн. 2. С. 608.

[65] Там же. С. 611, 612.

[66] О значимости авторитета Мериме для Леонтьева говорит то, что весной 1867 г. уже сложившийся писатель вступил с Мериме в переписку, надеясь заинтересовать его своей

В перспективе Леонтьев, определяя свое отношение к Гоголю, своеобразно использовал идею двойственности его дара.

Как отметил Ю. П. Иваск, в конце 1850-х годов «Леонтьеву нравился Гоголь — романтический сказочник, а не Гоголь — „родоначальник натуральной школы"».[67] Создавая же мемуарный очерк «Моя литературная судьба. 1874—1875 года», Леонтьев осудил «всех наших писателей» за «их ложный, отрицательный взгляд на жизнь, их противные реалистические подробности», что он связывал с влиянием Гоголя.[68] В «Анне Карениной» Л. Н. Толстого автор усмотрел «вовсе ненужные и противные выходки, от которых никто из наших писателей со времен Гоголя избавиться вполне не мог. <...> их можно простить за дивную художественность и поэзию всего остального. Но чтобы вполне понять, о чем я говорю, стоит только перечесть эти прославленные „Записки охотника" и для контраста отрывки из писателей, не испорченных Гоголем. — Хотя бы „Капитанская дочь" Пушкина <...>».[69]

Итак, поздний Леонтьев осудил даже «Записки охотника», из-за которых он некогда рассорился с Георгиевским и заниженную оценку которых не принял у Григорьева. Леонтьев противопоставил Гоголю и Тургеневу «Капитанскую дочку» Пушкина, «Страдания юного Вертера» Гёте, «Историю кавалера де Грие и Манон Леско» А.-Ф. Прево д'Экзиля, «Рене» Ф.-Р. Шатобриана и французский «*прозаический* перевод „Чайлд-Гарольда"», выполненный А. Пишо. Из русских писателей в этом ряду упомянуты также ранняя Марко Вовчок и Н. Кохановская. Последнюю Леонтьев ценил за «*содержание* в высшей степени *положительное* и *выражение* пылкое, патетическое, восторженное (у Гоголя есть это в „Риме" и в „Тарасе Бульбе")».[70]

Но беседы о Гоголе, описанные в очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.», были посвящены не только эстетическим проблемам. По свидетельству Леонтьева, «Тургенев повторил также одобрительно мнение Герцена о том, что „Гоголь бессознательный революционер", потому что он изображает русскую жизнь с самой пошлой, возмутительной точки зрения... Одобрял впрочем он Герцена <...> не в смысле *политическом*, не в смысле какого-нибудь прямого сочувствия или коренным реформам, или народным восстаниям, а только в том смысле, что Герцен верно понял *тот род влияния*, который <...> могут иметь сочинения Гоголя, независимо от собственной воли автора и неожиданно для его сознания. Эта мысль, совершенно для меня новая, изумила меня, но *как-то неубедительно* <...>».[71]

прозой. См.: *Леонтьев К.* Избранные письма. 1854—1891 / Публ., предисл. и коммент. Д. А. Соловьева. СПб., 1993. С. 47—50; *Леонтьев.* Т. 2. Коммент. С. 452.

[67] *Иваск.* С. 285. В повести Леонтьева «Второй брак» (1860) главный герой, композитор Герсфельд, использует сюжет «Тараса Бульбы» для своей оперы (*Леонтьев.* Т. 1. С. 285—286).

[68] *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 126, 127.

[69] Там же. С. 127.

[70] Там же. С. 127—128.

[71] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 108.

Леонтьев не принял подобные интерпретации в силу своих взглядов на общественную жизнь. По его словам, «слишком многое мне в этой окружающей меня русской жизни нравилось, чтобы я мог желать в то время каких-нибудь коренных перемен; я хотел только, чтобы помещики и чиновники были к простолюдинам как можно добрее и больше ничего; о *государственных* же *собственно* вопросах я и не размышлял в эти года; я даже вовсе тогда не понимал их и не искал понимать, сводя все на вопросы или личного счастья, или личного достоинства, или на поэзию встреч, борьбы, приключений и т. д.».[72] «В этом смысле, — продолжал Леонтьев, — я и на революции в чужих странах смотрел не как на *перестройку* обществ, а только <...> со стороны их *драматизма*, поэтому я и поэзию находил, где придется, и *в той*, и *в другой партии*, смотря по человеку и по обстоятельствам».[73] Конечно, такая позиция в начале 1850-х годов способствовала политическому самоопределению будущего дипломата и консервативного публициста.[74]

И все же, до начала Крымской войны, куда Леонтьев направился добровольно, его интересы были связаны прежде всего с чисто литературным творчеством, а не с общественными проблемами.

В 3-й главе очерка «Мои дела с Тургеневым и т. д.» Леонтьев описал свой первый духовный кризис. О его причинах мемуарист высказался четко: «Я думаю, что в развитии каждого художника бывают попеременные искажения и возрождения. После 52-го года именно, я думаю, на меня нашел период искажения. Меня ничто не удовлетворяло в моем творчестве. Раз излив свои страдания и свои мечты об успокоении, я уже не знал, что бы мне выдумать *поглубже*, позамысловатее. Вероятно, и влияние реальной науки было здесь очень сильно. Я искал — то каких-то необычайно тонких и глубоких открытий в искусстве, какой-то микроскопической и философской бездонности; то гнался за слишком уже яркой образностью и картинностью. Вкус теоретический у меня развивался; я много читал хорошего тогда в свободные минуты; но творчество положительно дремало».[75]

За пределами самовыражения молодой Леонтьев склонен был трактовать творчество как изощренный вымысел, которому подчинена даже «реальная наука». Тогда мемуарист на время оставил литературу и начал «больше заниматься медициной». Тургенев же старался навести Леонтьева на путь осторожного, поступательного развития. И с этой

---

[72] Там же. С. 108—109.

[73] Там же. С. 109.

[74] С точки зрения Ю. П. Иваска, Леонтьев «даже не вполне уяснил» смысл оценки Гоголя как «бессознательного революционера». «Не понимал он (Леонтьев. — *С. Д.*) и крипторевolюционных призывов Белинского, которыми тогда очень увлекался. Но, видно, как и очень многих, его подавляла скука последних лет николаевского царствования» (*Иваск.* С. 276). Впрочем, эволюция политических взглядов Леонтьева в сторону консерватизма к началу 1860-х гг. и его связи с кругом Достоевского свидетельствуют об обратном.

[75] *Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 124.

целью будил в нем самокритичность, сурово отзываясь и о себе как о писателе.

Вновь обратимся к изложению Леонтьева: «Тургенев, который видался со мной раза два в год до самой Крымской войны, часто повторял мне, чтобы я не *спешил печатать*, что он за счастье счел бы уничтожить некоторые прежние свои повести и стихи. Что прежде тридцати лет редкий писатель произвел истинно хорошие вещи. Он говорил еще, что надо метить как можно выше, что хотя никто из нас не может знать — выйдет ли из него Гёте или Шекспир, но надо стараться, надо претендовать и потому надо быть и строгим к себе, и смелым».[76]

Известно, что в 1852 году Тургенев работал над предисловием к отдельному изданию «Записок охотника», где полемика с Григорьевым должна была занять существенное место. Текст предисловия утрачен. Ближайшим поводом к его созданию был отрицательный отзыв Григорьева на рассказ Тургенева «Три встречи» (*Москв.* 1852. № 5. Кн. 1. Отд. V).[77] Характерно, что этот рассказ не вошел в «Записки охотника». По разным причинам предисловие не было напечатано. Может быть, здесь сыграл роль Е. М. Феоктистов, который в письме к Тургеневу от 24 марта (5 апреля) 1852 года заметил: «Не Вам вступать в полемику с полоумным Григорьевым за его нелепые и глупейшие критики. Ведь нападение его на Вас по поводу „Трех встреч" только глупо и едва ли оскорбительно».[78] Все сказанное подтверждает, что Тургенев в первой половине 1850-х годов вырабатывал позицию относительно «критик» Григорьева. Свидетельства о ней содержатся в леонтьевской мемуарной прозе.

В очерке «Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве» Леонтьев писал о Тургеневе: «Строгость его к другим выкупалась <...> строгостью его отзывов и о собственных произведениях <...>».[79] Ссылаясь на П. Н. Кудрявцева, Леонтьев привел высказывание Тургенева о Григорьеве как об «огромном складе сведений и мыслей, без всякого регулятора». Следом воспроизведена реплика Тургенева: «Я ужасно люблю тех, которые меня бранят; — Ап. Григорьев только исключение; — он меня бранит — и я его ненавижу...». Комментарий Леонтьева таков: «Боюсь, что в этом причудливом отзыве баловня судьбы и общественного вкуса крылось тайное сознание того, что из немногих порицателей его только один Григорьев был прав».[80]

---

[76] Там же. С. 124—125.

[77] См.: *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.; Л., 1958. С. 165—166.

[78] Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Часть I. (21 февраля 1851—29 марта 1852) / Публ. Э. Р. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 211. На взгляд публикатора, «полемику Тургенева вызвала прежде всего вся совокупность выступлений А. Григорьева о „Записках охотника" на страницах „Москвитянина"» (Там же. С. 212).

[79] *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 1. С. 8—9.

[80] Там же. С. 9.

Проблема вновь была освещена в очерке «Мои дела с Тургеневым и т. д.». Там Леонтьев проследил судьбу значимого термина из статьи Григорьева «Русская литература в 1851 году». Речь идет о термине «новое слово». Мемуарист связал его с замечанием Тургенева: «Этот бедный Аполлон Григорьев все ищет *нового слова*. Он мне ужасно нравится за то, что он меня терпеть не может и бранит мои вещи за многое очень основательно. Ни от меня, ни от Писемского, ни от Гончарова он *нового слова* не дождется. Его могут сказать только двое молодых людей, от которых можно многого ожидать... Лев Толстой и вот этот...». При последних словах Тургенев указал на Леонтьева.[81]

Тургенев мог таким образом отозваться на стихотворный памфлет Григорьева «Искусство и правда» (впервые: *Москв.* 1854. № 2). В нем Григорьев высоко судил об Островском: «И новое сказал он слово, // Хоть правде старой послужил».[82] При этом Тургенев отметил сквозной характер термина «новое слово» («все ищет»).

Таким образом, у молодого К. Леонтьева были все основания описать себя в качестве перспективного дебютанта. Он заслужил внимание крупнейшего русского прозаика и соответствовал, по его собственному убеждению, надеждам критика, противостоявшего Тургеневу как последователю Гоголя. Это лишний раз убеждает, насколько непростым было переплетение тем, затронутых Леонтьевым-мемуаристом.

В своих воспоминаниях, носивших ярко выраженный автобиографический характер, Леонтьев воссоздавал как свои личные стремления, так и сюжеты литературной жизни 1840-х—50-х годов. Эти сюжеты были связаны со сложными, не всегда очевидными идейными эволюциями. Благодаря последним общество вырабатывало понятия о взглядах и манере писателей, о достоинствах и недостатках произведений, наконец, о том, какой должна быть полноценная литература.

Мемуарная проза Леонтьева знает известных (Тургенев, Григорьев, Боткин и др.) и рядовых (Георгиевский) носителей подобных понятий. Степень влияния каждой из этих фигур на автора была, впрочем, неоднородной, хотя путь Леонтьева в целом отмечен сильными воздействиями извне. Но Леонтьев никогда не удовлетворялся ролью слушателя. «Попеременные искажения и возрождения» привели его к неожиданным поворотам судьбы и, как следствие этого, к своеобразной роли в истории русской литературы и общественной мысли.

---

[81] *Леонтьев. Соч. (9).* С. 133—134.

[82] *Григорьев А.* Стихотворения. Поэмы. Драмы / Вступит. ст., сост., подг. текста и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб, 2001. С. 113. См. также примеч. на с. 702—705. Указанное допущение позволяет датировать описанную Леонтьевым сцену и его встречу с Тургеневым в Москве маем 1854 г. (см.: *Летопись (1818—1858).* С. 264). Однако в «Моих делах с Тургеневым и т. д.» (*Леонтьев. Соч. (9).* Т. 9. С. 133—134) сам Леонтьев связывает ту же сцену с пребыванием Тургенева в Москве зимой 1853 гг., когда Тургеневу «позволено было возвратиться в столицу» из ссылки. Возможно, мемуарист подразумевал встречу между 3 (15) и 9 (21) декабря 1853 г., не отмеченную в *Летописи (1818—1858).* См.: *Леонтьев.* Т. 6. Кн. 2. Коммент. С. 286—287.

Л. И. Черемисинова

ИЗ ИСТОРИИ НЕРЕАЛИЗОВАННОГО ЗАМЫСЛА КНИГИ ФЕТА «ЗАПИСКИ СУДЬИ»: ФЕТ И ТУРГЕНЕВ

В ноябре 1867 года Фет вступил в должность мирового судьи 3-го участка Мценского уезда. Его избрание происходило на Мценском земском собрании в июне—июле того же года.[1] Впоследствии, подробно изложив события тех дней в книге «Мои воспоминания», Фет назвал свое избрание «эпохой, отделяющей предыдущий период жизни и в нравственном, и в материальном отношении от последующего».[2]

Институт мировых судей только начинал формироваться в России: первые суды открылись в Москве и Петербурге в мае 1866 года, чуть позже они стали появляться в провинции. «Мировой суд, согласно Судебным уставам 20 ноября 1864 г., был самой низшей судебной инстанцией. Здесь разбирались мелкие гражданские дела и уголовные преступления. Но именно мировой суд называли „самой первой и самой важной ступенью школы гражданского воспитания", поскольку он вносил право в повседневную жизнь русского общества и потому находился в самом близком соприкосновении с самыми разными слоями населения».[3]

Должность мирового судьи, помимо почета и значимости, которую она имела в условиях реформировавшейся России, давала материальную независимость. Участковый мировой судья получал жалованье от 1500 до 2200 рублей в год. Кроме того, ему полагались определенные средства на содержание, разъезды, письмоводителя, рассыльного, канцелярские расходы и пр. нужды. В том случае если участковый отказы-

---

[1] *Блок Г. П.* Летопись жизни А. А. Фета / Публ. Б. Я. Бухштаба // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С. 167. Далее ссылки на это издание даются сокращенно: *Летопись*, с указанием страницы.

[2] *Фет. МВ.* Ч. 2. С. 122. Далее в тексте: *МВ.*

[3] *Комарова И. В.* Мировой суд в провинции: взгляд Афанасия Фета // А. А. Фет и русская литература. Материалы Всероссийской научной конференции «XV Фетовские чтения» / Под ред. В. А. Кошелева, Г. Д. Аслановой. Курск, 2000. С. 132.

вался от следовавшего ему по должности содержания, он получал название почетного мирового судьи.

Согласно судебному установлению «О мировых судьях и их съездах», участковый судья избирался на уездных земских собраниях сроком на три года. В его полномочия входило определение «постоянного места пребывания в своем участке, для разбирательства подведомых ему дел; но просьбы он должен принимать везде и во всякое время, а в необходимых случаях и разбирать дела на местах, где оные возникли. Должность участкового мирового судьи, как требующая постоянных занятий и безотлучного пребывания в участке, не может быть соединяема с другой должностью по государственной или общественной службе, за исключением только почетных должностей в местных богоугодных и учебных заведениях».[4]

Кандидатом на должность участкового мирового судьи мог стать далеко не каждый, так как к нему предъявлялись особые требования: во-первых, существовал возрастной ценз — «не менее 25 лет от роду»; во-вторых, образовательный: претенденты должны были получить образование в высших учебных заведениях или выдержать «соответствующее сему испытание», либо выдержать «не менее трех лет в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел»; в-третьих, имущественный — «если при том они сами, или их родители, или жены, владеют, хотя бы и в разных местах: или пространством земли вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания <...>, или другим недвижимым имуществом ценою не ниже 15 000 руб. сер., а в городах недвижимою собственностью, оцененною, для взимания налога: в столицах не менее 6000, в прочих же городах не менее 3000 руб.».[5]

Фет, удовлетворявший всем трем требованиям, имел полное право баллотироваться на должность участкового судьи. Мысль о карьере юриста была подсказана ему Мценским уездным предводителем дворянства В. А. Шеншиным, который, по словам Фета, «и лично, и через Александра Никитича, и даже через Борисова, советовал <...> попытать счастья в выборе на должность мирового судьи в южном участке уезда <...>» (*МВ*. Ч. 2. С. 122). Победив довольно сильного конкурента Ал. Н. М—ова (бывшего мирового посредника, за плечами которого был большой опыт судейской практики), Фет был избран подавляющим большинством голосов и, как сказано в воспоминаниях, «вскорости после выборов <...> уехал в Москву заказать мундир и купить необходимые для судебной практики книги и бланки» (Там же. С. 124).

Тургенев приветствовал новый вид деятельности поэта. «Я очень рад избранию Фета, — писал он Борисову 30 июля (11 августа) 1867 го-

[4] Судебные уставы 20 ноября 1864 года // Современная летопись. 1864. № 42. Декабрь. Статьи 23, 24, 41, 42.

[5] Там же. Статья 19.

да, — и уверен, что из него выйдет отличный судья».[6] В. П. Боткин в письме от 23 сентября того же года поздравлял Фета «с лестною должностью мирового судьи»: «И я не ожидал этого так же, как и ты, ибо шансы М—ва были гораздо сильнее твоих. Но, должно быть, здравомыслие у избирателей превозмогло. Что ты будешь хорошим мировым судьею, — в этом я совершенно уверен» (*МВ*. Ч. 2. С. 166). Боткин предложил Фету использовать его пристройку к степановскому дому как комнату для секретаря.

Фет собирался приступить к новым обязанностям с января следующего года, о чем писал Полонскому 22 сентября 1867: «С января я, вероятно, вступаю в должность мирового судьи — это своя литература».[7] Однако решение о назначении пришло несколько раньше планируемого срока. В. А. Шеншин в официальном письме от 9 ноября 1867 года уведомил Фета: «Милостивый государь Афанасий Афанасьевич! Имею честь известить Вас, что указом Правительствующего Сената от 1-го текущего ноября, Вы утверждены участковым мировым судьей по Мценскому уезду. Примите уверение, милостивый государь, в совершенном моем к Вам уважении и преданности».[8]

Так начался новый этап в жизни Фета, открывший ему неведомые ранее грани русской действительности, значительно обогативший его жизненный опыт, расширивший знания о народе. Судейская деятельность, по собственному признанию поэта, имела для него «воспитательное <…> значение» (*МВ*. Ч. 2. С. 125). Десять с половиной лет судебной практики «спускался» он с «идеальных высот <…> упований до самого низменного и безотрадного уровня действительности. Как ни тяжко было иное разочарование человека, до той поры совершенно незнакомого с народными массами и их мировоззрением, — писал Фет в воспоминаниях, — я все-таки с благодарностью озираюсь на время моего постепенного отрезвления, так как правда в жизни дороже всякой высокопарной лжи» (Там же. С. 124).

Цель предстоявшей ему судебной деятельности Фет впоследствии выразил следующим образом: «…дать народу вместо канцелярских волокит — суд скорый, милостивый к пострадавшему, а потому самому и правый» (*МВ*. Ч. 2. С. 125). Идеальные устремления новоизбранного судьи находились в противоречии с реальностью жизни. Первые трудности ждали Фета уже на этапе избрания на должность, которое сопровождалось некоторой интригой. Борисов, «стараясь охладить <…> либеральный пыл» своего друга и предостеречь от разочарования в случае провала, уверял его в том, что никаких выборов в действительности не будет, что «все заранее прилажено и приказано крестьянам мировыми посредниками, и таким образом, при такой решающей массе шаров, свободная борьба невозможна» (Там же. С. 123).

---

[6] *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 25.

[7] *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. / Подг. текста, сост. и коммент. А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 2. С. 332—333.

[8] *ОР РГБ.* Ф. 315. Оп. 2. Картон 12. Ед. хр. 53. Л. 1.

Возмущенный несправедливостью, Фет в ответ «написал самую жесткую филиппику против недобросовестного давления на общественное мнение», и решил прочесть свою статью на земском собрании перед самыми выборами. Ему предоставили слово, однако речь оратора не имела видимого успеха у избирателей, вследствие чего он принужден был ее значительно сократить.

Написанная статья (вероятно, именно ее Фет пытался озвучить на собрании) появилась в январском номере журнала «Литературная библиотека» за 1868 год под названием «Заметка о выборе мировых судей».[9] О том, что предвыборная речь на земском собрании и статья в «Литературной библиотеке» — один и тот же текст, свидетельствует ответ В. П. Боткина на не дошедшее до нас послание Фета: «Из письма твоего я не мог понять, в чем состояла сущность твоей речи, сказанной на предварительном собрании, и весьма был бы рад прочесть ее в печати» (*МВ*. Ч. 2. С. 166).

«Избрание мировых судей у нас настолько же дело важное, как и новое, — провозглашал Фет в этой статье. — <...> Всем нам надо помнить, что посредники ставились правительством, а судей мы избираем сами, и что, вступая в избирательное собрание, мы должны иметь в виду только общее дело и его пользу, оставляя за порогом даже *отцов и матерей*, как бы нежно мы ни были привязаны к последним. <...> в данный момент мы обязаны иметь в виду только цель законодателя, т. е. наилучший, беспристрастнейший выбор судей, а едва ли при подобной обстановке эта цель будет вполне достигнута».[10]

Заботясь о честности выборов, Фет предлагал свою методику подсчета голосов, дабы добиться чаемой всеми участниками земского собрания цели — «совокупными силами всех сословий наилучшим образом совершить великое дело избрания судей».[11] Автор статьи всецело уповал на идеальное решение вопроса, выражая уверенность в том, что избрание достойных претендентов выгодно всем сословиям без исключения. «Мы никогда не слыхали, чтобы хозяину-крестьянину нравилось, что в его околотке завелись конокрады, что по загуменью шныряют бродяги-поджигатели или что работник, вымолив да выкланяв у него на нуждишку вперед денег, — оставил его в самую горячую пору. Поэтому мы никогда не поверим, чтобы кому-либо из земских представителей было все равно: изберут ли они в судьи людей, способных постоять за правду во что бы то ни стало, или людей, ищущих только мест во что бы то ни стало».[12]

Таким образом, избрание в мировые судьи, как прежде начало фермерской деятельности, сопровождалось для Фета творческим взлетом, «не поэтическим», но озаренным светом идеала. Недаром он употре-

---

[9] *Фет А.* Заметка о выборе мировых судей // Литературная библиотека. 1868. № 1 (Январь). С. 167—174.

[10] Там же. С. 167, 170, 171.

[11] Там же. С. 173.

[12] Там же. С. 168.

бил приведенное уже выражение «это своя литература» к судейству. Судейская практика была тоже творчеством, требовавшим самоотдачи, полного погружения в дела, осмысления их хода и результатов.

Рефлектирующая натура Фета проявилась сразу же, уже в написании статьи «Заметка о выборе мировых судей» (1867). Ему была свойственна непрекращающаяся работа над собой и одновременно потребность участвовать в решении насущных проблем жизни не только делом, но еще и *словом*. Будучи фермером, кирасиром или мировым судьей, Фет всегда оставался писателем, ощущавшим острую необходимость словесного самовыражения и общения с публикой.

Юридическая практика поглотила Фета, как когда-то его поглощала преобразовательская деятельность в Степановке.[13] Об этом, в частности, свидетельствуют письма И. П. Борисова к М. П. Фет. Так, вскоре после избрания Фета на должность Борисов писал его жене: «Вы, пожалуйста, секунды не помышляйте, что Афоня может теперь скучать — некогда ему — в свободное от суда время изучает законы и *вслух* рассудительствует. Вообще на первое время, пока оглядится и свыкнется, то работа ему есть, а Вы уже его знаете, что ему *главная смерть*, когда нечего делать. По вечерам будет литературить. У него есть и по этой части работа».[14]

3 января 1868 года Борисов извещал Марью Петровну: «Дела судейские у него идут так, что, верно, ни один столичный судья не управляется со своими так успешно и безупречно, как он — до 2-го янв<аря> с 15 дек<абря> у него было уже 228 №!!! Словом: чудо!».[15] На следующий день Борисов опять вернулся к описанию успехов Фета: «С судейскими делами справляется отлично и, разумеется, с каждым днем дело это будет для него легче. При мне проверял было кассу и что-то ру<б>лей 30 оказались были неведомо откуда в находке, и уже я советовал ему отправить к Вам в подкрепление, но увы: нашел, что это были мнимые найденыши».[16]

В письме от 9 (21) сентября 1868 года Борисов сообщал: «Сегодня Афоня ночевал у Богатырева, пишет, что до 12 час<ов> продолжалось вчера собрание, а сегодня в 10 утром опять сбираются, и он нынче же намерен в Москву. У меня был Н. В. Калачев, третьего дня он с Афоней ездил на съезд и там поддерживал Вашего мужа по судейским вопросам, находя во всем требования Афони справедливейшими».[17]

Все эти факты достаточно красноречиво говорят о судейских качествах Фета: ответственности, честности, самоотдаче, пунктуальности, неутомимости и пр. По словам Тургенева, фетовская судейская дея-

---

[13] «Не заработывайтесь своим судейством, — писал Л. Н. Толстой Фету 20 февраля 1872 г. — Вы мне это проповедываете, а вам едва ли не нужнее, я уже лет 9 не помню вас хоть на денек спокойным и свободным» (*МВ*. Ч. 2. С. 247).

[14] *РО ИРЛИ*. 20308. Л. 8 об. Письмо от 22 декабря 1867 г.

[15] Там же. Л. 11—11 об.

[16] Там же. Л. 14.

[17] Там же. Л. 17.

тельность была пронизана «ясным и честным здравым смыслом и положительной законностью».[18] Служебный график Фета был напряженным, требующим максимальной концентрации душевных и физических сил, а ощущения от исполнения обязанностей, надо полагать, были далеко не однозначными. «Я судья, — писал Фет И. П. Новосильцеву. — Это видно из того, что сегодня в 10 утра сел, а в 7 $^1/_2$ вечера встал. Это весело — до пляски с<вято>го Вита».[19]

«Несколько лет он был мировым судьей в Мценском уезде и, насколько мне известно, справедливым судьею, — вспоминал о Фете недолюбливавший его С. Л. Толстой, — но он судил не столько по закону, сколько по здравому смыслу. Когда ему во время судебного заседания не удавалось примирить тяжущихся или когда он сердился на них, он прерывал заседание, снимал с себя цепь, призывал тяжущихся к заднему крыльцу, усовещевал и ругал их; даже, как говорили злые языки, случалось, „давал им в морду", чему я, однако, не верю».[20]

С энтузиазмом приступив к выполнению полномочий мирового судьи, Фет отмечал восприимчивость народа к новым формам организации юридических отношений. В предпоследнем очерке своих писем «Из деревни» (1868) он писал: «Если можно чему-либо удивляться в характере нашего народа, то это не воображаемой косности, а действительной, несомненной способности сживаться с новыми, небывалыми формами и условиями жизни. <...> Возьмем мировые учреждения, считающие свое существование в нашей стороне даже не месяцами, а только днями.[21] Что же мы видим? В стороне от всякого правильного почтового сообщения конверты и повестки летают по всем направлениям, без нового обременения для обывателей. Вызываемые, большею частию безграмотные, являются, говоря вообще, весьма исправно. Прошения и жалобы поступают в новые учреждения со всех сторон, и явно не поступили бы никуда, не появись эти учреждения. Этого мало:

---

[18] Цит. по: *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 409. О результатах своей судейской деятельности Фет писал в статье «Отголосок сельского судьи»: «... из обычного годового количества, от 300 до 320 дел, поступило жалоб в съезд (имеется в виду собрание мировых судей — апелляционная инстанция. — *Л. Ч.)* в 1869 году 15, а в 1870 — 71 годах по 13, а в 1872 — 4 и в 1873 — 3, а сколько дел было кончено просто на словах?» (*Фет А.* Отголосок сельского судьи // *РВ*. 1874. Т. 113. № 9. С. 389).

[19] *ОР РГБ*. Ф. 315. Оп. 2. Картон 4. Ед. хр. 7. Л. 1 об. Письма не датированы. Судя по процитированному фрагменту, данное письмо относится к началу юридической практики Фета, т. е. к 1867 г.

[20] *Фет А. А.* Стихотворения, поэмы. Современники о Фете / Вступит. ст. А. Е. Тархова; сост. и примеч. Г. Д. Аслановой и А. Е. Тархова. М., 1988. С. 408.

[21] Данное указание Фета может быть основанием для уточнения времени написания этого очерка — 1867 г. О привыкании народа к новым судебным органам писал А. Кузмин: «Как ни мало прошло времени с тех пор, как начали действовать мировые суды, а сомневающихся в пользе нового суда уже трудно найти. Не только общество, но и те из мировых судей, которые сами не доверяли своим способностям, с удивлением увидели несомненно полезные результаты свой деятельности» (*Кузмин А.* Деревенские заметки // Современная летопись. 1867. № 40. 5 ноября. С. 9).

многие уже успели ознакомиться с правами, предоставленными им новыми законоположениями. Спрашивается: это ли косность?».[22]

В статье «Отголосок сельского судьи» (1874), подводя итоги семилетнего существования мировых судов, Фет подчеркивал их роль в подъеме уровня правовой грамотности населения. Если в 1861 году большинство крестьян противились юридическому оформлению условий найма на работу, то в начале 1870-х годов работники уже не могли обходиться без составления трудового договора; «в важных случаях рядчик, каменщик или плотник еще прибежит к судье показать: так ли написано условие и можно ли по нем работать».[23]

Деятельность Фета-судьи оказалась напрямую связана с литературным творчеством. По роду службы ему приходилось вести подробные записи дел. В *ОР РГБ* хранится 57 папок архивных материалов, состоящих из судебных дел, гражданских и уголовных, разбиравшихся Фетом, а также из дел Мирового съезда, разбиравшихся по апелляциям обвиняемых, недовольных приговором мирового судьи.[24] Опись дел поражает количеством и разнообразием тем.

Вот некоторые примеры: «О взыскании помещиком Алексеем Крюковским 10 р. с крестьянина села Домнино Алексея Воронцова за уход до окончания срока найма», «О невыполнении полевых работ по условию 11 крестьянами 3-го Фроловского общества малоархангельскому мещанину Петру Беляеву», «О взыскании крестьянином 2-го Сорокинского общества Григорием Афанасьевым за оскорбление его действием 15 р. с орловского мещанина Ивана Голованова», «О взыскании крестьянином деревни Нижней Мельницы Никифором Мельниковым 39 руб. с приказчика помещицы Телепневой Ивана Егорова за покос», «По обвинению конторщика имения г-жи Протасовой Тихона Словянского в том, что приехал к мировому судье на сопатой лошади», «По обвинению содержателя питейного дома в с. Золотарево, еврея Янкеля Иванова, в оскорблении словами бессрочного отпускного рядового Максима Левова» и т. д.

Среди разбиравшихся Фетом дел были: о притеснении подрядчиком, о самовольном добывании камня, о самовольном заборе разного рода продуктов, о нанесении оскорбления, о невыполнении условий относительно поставки конных подвод, об оскорблении священника, о краже лошадей, леса, о срубе яблонь, лип, о разорвании собаками барана и трех свиней, о неотдаче шубы отставному унтер-офицеру, об изнасиловании и снятии платья, о нанесении побоев, о самоубийстве, о взысканиях, о вводе во владение, о потраве гусями, скотом, лошадьми, свиньями и т. д.

---

[22] *Фет А. А.* Соч. и письма: В 20 т. Т. 4: Очерки: Из-за границы. Из деревни. СПб., 2007. С. 324. Далее ссылки на это издание даются в тексте: *Фет. СиП*, с указанием номера тома и страницы.

[23] *Фет А.* Отголосок сельского судьи. С. 392.

[24] См.: *ОР РГБ*. Ф. 315. Оп. 1.

Судейская практика была уникальной школой жизни Фета. Помимо знаний и опыта, она давала массу готовых литературных «сюжетов». Показательно, что Фет не спешил обрабатывать их и претворять в художественные произведения. Они были интересны ему сами по себе, как достоверные жизненные факты, как документы эпохи. Поэтому фрагменты «судебных протоколов» стали включаться им в статьи и письма.

Так, последний очерк цикла «Из деревни» (1871) содержит ряд «протокольных» записей, каждая из которых представляет собой небольшой законченный сюжет. В частности: «Еще в 3 часу утра табун мимо наших окон пробежал в поле. Семь часов. Надо бы узнать, в каком положении собственные работы. Но об этом и думать нечего. Вот-вот нагрянут. Действительно, по двору раздается конский топот и в окне мелькает белая лошадь, вслед за ней несется гнедая, за гнедой рыжая. Через минуту на каменном крыльце раздаются отрывистые удары, напоминающие пистолетные выстрелы. Так и есть. Выстрелоподобные звуки производит мешковский безногий хохол на деревяшке. На гнедой приехал хрящевский приказчик, воспитанник Горыгорецкого института, а на рыжей молодцеватый и рыжий бурмистр мецневской экономии. Дверь приотворяется, но безногий хохол останавливается за порогом. „С жалобой?" — „Точно так". — „Войдите в камеру". — „Не приказано входить. Деревяшка у меня гвоздем подбита, так я полы ковыряю". — „Ничего, войдите. Нельзя через порог разбирать жалобу. Ну что? Степановские не выходят на работу?" — „Точно так. Рожь сыпется, другой день езжу, только пять дворов выехало. Деньги забрали еще до Рождества, а теперь никак не вызовешь. Сделайте милость, помогите". — „Вот вам повестка к сельскому старосте, чтобы сейчас выгонял на работу или явился ко мне с тремя выборными на разбирательство. Отдайте повестку, и если тотчас не пойдут на работу, явитесь сюда. Явятся или не явятся ответчики на суд, тотчас разрешу производить уборку на их счет". — „Помилуйте! кого ж мы найдем? Теперь и за 6 рублей никто не пойдет". — „Наймите за 7 рублей". — „А с кого ж нам просить эти деньги?" — „С ответчиков". — „Да что с них взять-то?" — „Ну, батюшко, об этом будет время думать, а теперь надо вылезать из беды. Может, дело и мирно обойдется. Время горячее. Поскорей везите повестку". — „Счастливо оставаться. Мигом сомчу". По двору раздается топот ускакавшего хохла. Хохол прав. С неисправного плательщика-некрестьянина суд возьмет все: землю, строения, рабочий скот и инструменты, словом, что под руку истца попадет. А с крестьянина? Ничего. Продать у него всего сказанного нельзя. Юридически это было бы справедливо, но в действительности оказалось бы полным извращением настоящего порядка вещей, одинаково гибельным для всех членов народного хозяйства, начиная с истцов. <...> Вот почему судьи, к помощи которых прибегают в критическую минуту, так боятся этого рода дел, ясных с юридической и безвыходных с практической стороны» (*Фет. СиП.* Т. 4. С. 355—356).

Четвертая главка, фрагмент из которой приведен выше, не без иронии названа цитатой из Грибоедова «Деревня летом — рай». Ее содержание далеко не «райское». В ней Фет приводит ряд судебных разбирательств. По ходу повествования он все более сокращает описания, создавая «протокольный стиль», усиливая документальную основу очерка: «*Судья*. Миронычев! Вы не выставили двух подвод? *Миронычев*. Точно. Не выставили. *Судья*. Здесь сказано, неустойки по 1 рублю с подводы. *Миронычев*. Точно, батюшка. *Судья*. Не желаете ли расчесться? *Миронычев*. Где ж, батюшка! расчесться? Отработаем.

Луч радости загорается в глазах истца. *Судья*. Не сойдетесь ли миром? *Все крестьяне*. Что ж, мы с великим удовольствием. *Истец*. Господин судья, позвольте нам удалиться для совещания. Через $^1/_4$ часа стороны заявляют об окончании дела миром» (*Фет. СиП*. Т. 4. С. 368).

Подобные «протокольные» фрагменты дел вошли в некоторые письма Фета к И. С. Тургеневу. Среди прочих было и письмо от 5 марта 1873 года, которое начиналось с рисунка и комментария к нему: «Рисунок добросовестно снят с такого же в протоколе мирового судьи от 4 марта, т. е. со вчерашнего, и изображает явственные следы веревки петлей на правом стегне обвинительницы Серегиной в самоуправстве над нею купеческого сына Евсеева при помощи двух его артельщиков — Минаева и неизвестного, скрывшегося. *Сергеева*. Зазвала меня их кухарка Алексеева в кухню пить чай. После 3 чашки вошел Евсеев и ударил меня по щеке, а затем при помощи 2 артельщиков повалил на пол, причем Минаев сел мне на голову и зажал рот, а другой бил по обнаженному телу веревкой, как собаку. Вошел брат Евсеева и словами „что вы делаете" — разогнал их. Я вырвалась и убежала. *Обвиняемые*. Мы ее не видали и не знаем, но можем представить доказательства и свидетелей, что ее 19 февраля бил муж до того, что мать ее бегала за помощью к сельскому старосте, а она говорит, что мы били 18 февр. *Свидетельница Алексеева* кричит и прославляет свою непорочность: Могу сейчас присягу принять — не звала и не видала Серегиной. Я всем известна. *Судья*. Оставьте Ваши добродетели и не кричите, иначе штраф, а при неимении денег арест. Вы ничего не видали?»[25] и т. д.

Неизвестно, сколько подобных историй слышал Тургенев от Фета, сколько прочитал записанных «поэтической» рукой судебных сценок. С момента вступления в должность мирового судьи в 1867 году поэт «коллекционировал» разбиравшиеся дела, и Тургенев был осведомлен о них.[26] Литераторы периодически встречались. Так, летом 1868 года Тургенев добродушно передавал свои впечатления от общения с Фетом Полине Виардо: «...он очень растолстел, облысел, отпустил огромнейшую бороду. Чтобы рассмешить меня, он облачился в судейский мундир — он в нем и правда очень забавен»;[27] через два года, летом 1870

[25] *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 204—205.

[26] По мнению А. Е. Тархова, именно служба в качестве мирового судьи обострила идеологические разногласия между этими двумя писателями и окончательно развела их. См.: *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 408—409.

[27] *ПССиП(2). Письма*. Т. 9. С. 11, 235. Подлинник по-франц.

года, Тургенев рассказывал Полонскому об очередной встрече с Фетом: «Я вчера вернулся от Фета, который живет отсюда в 70 верстах в степной местности, плоской, как блин. Сам он толст, лыс, бородаст — и в белом балахоне с цепью мирового судьи на шее представляет зрелище почтенное».[28]

Очевидно, с одобрением относясь к судебным рассказам Фета, Тургенев однажды (в письме от 13 (25) января 1869 г.) посоветовал ему: «Вам непременно надо написать свои мемуары и записки, как судьи. <...> И когда я приеду весной в деревню — в Степановку, — Вы должны уже мне прочесть несколько отрывков. Славно будет!».[29] Фет откликнулся на пожелание и начал вести «записки судьи». Уже в ноябре 1869 года Тургенев имел возможность отозваться о нескольких прочитанных очерках: «Кстати о Вашей мировой деятельности. Я очень смеялся Вашим двум, трем очеркам — особенно приказчику с переменным баритоном и фальцетом. Вам бы собрать все эти сценки да в книгу — вышло бы прелесть! Но только поменьше умозрений — ибо Вы — философ sans le savoir (бессознательный, не осознавая того — *франц.*) и даже нападая на философию!».[30]

Как известно, Тургенев высоко оценивал деревенские очерки Фета и считал, что его судейские записки, основанные на документальном автобиографическом материале, окажутся не менее содержательными и интересными. «...Пусть он соберет свои судейские воспоминания, — писал Тургенев Борисову 5 (17) декабря 1869 года, — и сделает из них книжку: по двум-трем сообщенным им мне анекдотам я вижу, что это может выйти прелестно и препоучительно, вроде — помните — его хозяйственных писем. Только чтобы философствовал он поменьше! Ибо, хотя он на философию и нападает — а сам до мозгу костей ею проникнут и заражен».[31]

Таким образом, Тургенев подстегнул Фета к созданию книги очеркового типа с условным названием «Записки судьи». Вероятно, после тургеневского совета в январе 1869 года поэт и приступил к осуществлению замысла. Сюжеты для такого рода произведения накапливались по ходу судебной практики. Очерковый материал частично дошел до нас, став основой V главы второго тома «Моих воспоминаний». В более полном объеме он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве.

Поддержка и одобрение Тургенева — первоклассного мастера прозы — были толчком для литературного оформления судейских материалов. Что собой представляла эта книга и собрал ли ее Фет, неизвестно. Напечатана она, скорее всего, не была. Но подготовленные для нее очерки Фет периодически посылал Тургеневу на прочтение, вплоть до конца 1874 года, когда их отношения прекратились.[32]

---

[28] Там же. Т. 10. С. 206.

[29] Там же. Т. 9. С. 133.

[30] Там же. Т. 10. С. 93.

[31] Там же. С. 98.

[32] В письме к Фету от 28 ноября (10 декабря) 1874 г. Тургенев писал: «Признаюсь, я не вижу, что может быть общего между мною и *мировым судьею*, который серьезно упрека-

Яркий юмористический талант Фета-рассказчика, который отмечали в нем многие близко знавшие его люди, временами стал проявляться и в литературном творчестве, о чем свидетельствовал и тургеневский отклик. Сюжет о «приказчике с переменным баритоном и фальцетом», так рассмешивший писателя, позднее был включен Фетом в книгу мемуаров. «Из воспоминания моего совершенно было исчезла сценка, когда-то насмешившая моего письмоводителя. Но просматривая письма Тургенева, я нашел в одном из них напоминание об этой сцене, над которой он в свою очередь когда-то смеялся, — так предваряет свой рассказ Фет. — Передо мною лохматый, черномазый и неповоротливый ответчик мужик и небольшого роста рыжеватый и юркий соседний приказчик, в поношенном коричневом сюртуке. Лицо его, слегка испещренное веснушками, обладает довольно своеобразным носом, точно срезанным вдоль и представляющим затем плоскую дорожку ото лба и до широких ноздрей. Дорожка эта, приближаясь к концу, образует как бы ухаб или впадину, постоянно покрытую мелкой росою.

— Помилуйте, г. судья, — говорит приказчик, — я вот их самих не обвиняю; но от их ребят на огороде у нас житья нет. Какой ход им на наш огород, а как ни посмотришь, — они тут как тут. Известно, на огороде колодезь с журавлем. Так как вам доложить! Даже ужас берет: один засядет на ведро, а другой с другого конца на пень, и держась за веревку, сидя на пне верхом, носятся по воздуху, точно нехристь какая! Ну помилуйте, порвись или поломайся журавль, того гляди — полетят в колодезь или убьются до смерти. Кто же должен идти к уголовному ответу? Ведь если бы (сильно разводя руками) они попросили моркови, луку, огурцов или редьки, я бы сказал: „кушайте, кушайте, милые дети!" А то глянул вчера под лопухи с краю огорода, а там навалено невидимо этого добра и уже завяло. Разве так возможно, г. судья? А вот они самые их отец и есть.

Растерявшийся ответчик:

— Да разве я их этому учил, али рад тому?

— А вы бы (баритоном и подымая правую руку) Божией милостью и родительской властью (фальцетом и быстро крутя рукой) за вихор, за вихор, за вихор.

Я оштрафовал мужика на рубль серебром в пользу приказчика» (*МВ*. Ч. 2. С. 141).

В оригинальной сюжетной зарисовке анекдотического плана действуют персонажи, отмеченные ярким своеобразием. Наблюдательность Фета и умение рассказывать сценки, свидетелем которых он был, удачно облекаются в сказовую форму повествования. Характерологический язык произведения становится средством создания образа, рождает юмористический эффект. Такие сценки лишены «философии» и «умо-

---

ет *здоровенных* мужиков, зачем они *не отбили концом дуги печенок у пойманного вора* — и даже хвастается этим, словно не понимая безобразия своих слов» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 229).

зрений», снижающих, по мнению Тургенева, достоинство прозаических сочинений Фета. Однако вне какого-либо «умозрения» эти сценки обречены на фрагментарность, их трудно объединить в целое произведение, избежав простого «нанизывания». Возможно, когда Тургенев советовал Фету собрать «записки судьи» в книгу, он имел в виду создание мемуарного повествования о судейской практике с вкраплением в него отдельных сценок, сюжетных зарисовок, описаний, «протокольных» вставок.

К сожалению, пока трудно установить, в каком виде очерк о приказчике «с переменным баритоном и фальцетом» существовал в 1869 году, когда его прочел Тургенев. Вполне может статься, в том самом, в каком он представлен в воспоминаниях Фета. Не исключено, что, работая над книгой мемуаров, поэт просто отобрал отдельные сюжеты из уже готовых судейских записок и поместил их в одну главу. «Если бы я имел возможность представить на суд читателя хотя не все, а наиболее интересные судебные случаи в хронологическом порядке моей 10-ти летней практики, — поясняет Фет свою избирательность, предваряя «судейскую» главу, — то не сделал бы этого по следующим причинам: такое продолжительное испещрение воспоминаний судебными разбирательствами, не связанное единством мысли, надоело бы читателю и только мешало бы ему составить себе ясное понятие о моей судебной деятельности. <...> Вставляя здесь свою судебную деятельность отдельным эпизодом, я даю читателю возможность пропустить весь этот эпизод, невзирая на его воспитательное по отношению ко мне значение» (*МВ*. Ч. 2. С. 125).

Итак, Фет писал воспоминания, имея готовые материалы — «записки судьи», созданные в годы исполнения должности мирового судьи (1867—1877). Часть из них вошла в мемуары писателя и составила содержание V главы второго тома. Судьба другой части неизвестна. Фет не реализовал подсказанного Тургеневым замысла книги «Записки судьи» из-за отсутствия в ней, с его точки зрения, «единства мысли», вследствие чего текст распадался на не связанные друг с другом фрагменты.

Судя по рассказам, вошедшим в состав «Моих воспоминаний», фетовские «записки» были в прямом смысле слова документальны, лишены вымысла, литературной оформленности, каких-либо внешних художественных украшений и имели четкую мемуарную установку. Часть таких историй из судебной практики начинается сразу с изложения сути, без каких-либо вступлений: «Первое уголовное дело поступило по жалобе молодого иностранца А. И. Ост<а> на кражу бревен со двора его доверителя соседним крестьянином, у которого означенные бревна были разысканы на дворе» (*МВ*. Ч. 2. С. 126); «Помню худощавого, черноволосого и высокого крестьянина соседнего Степановского хутора, просившего рассудить его с сыном, которому общество разрешило брать при разделе с отцом то, что последний считал несправедливым» (Там же. С. 127); «Помню случай, когда племянник крестьянин разыскал у родного дяди свою, украденную последним, лошадь» (Там же);

«Соседний приказчик, отставной унтер-офицер, заявил мне жалобу на воровство из экономического одонка примерно полкопны гречихи» (Там же. С. 133); «Крестьянка принесла жалобу на истязание зятем ее своей жены, а ее дочери» (Там же. С. 140) и пр.

Другая часть судейских очерков начинается с обобщающей мысли автора, за которой следует рассказ, иллюстрирующий ее. Например: «Вера во всемогущество судьи проникала тогда все сословия, и потому являлись самые курьезные прошения. Так, из усадьбы соседки нашей О—вой явился старый кучер с просьбою, чтобы я развел его дочь с ее молодым мужем, наносящим ей истязания» (*МВ*. Ч. 2. С. 129); «Случалось мне расспрашивать мнения выборных; но только в совещательном, а не в решающем смысле. Однажды старшина заявил жалобу на крестьянина, не исполняющего законных требований его, старшины, и сельского старосты» (Там же. С. 130); «По справедливости нельзя не сказать, что курьезы встречались не в одном только низшем сословии, а, хотя сравнительно весьма редко, и между интеллигенцией. Помню дело вдовы помещицы, искавшей с сына дохода с своей седьмой части» (Там же. С. 135) и т. д.

Двадцать две «записки» составляют содержание V главы второй части мемуаров. Они повествуют о том, как судье удавалось примирять тяжущихся. «Привыкший некогда, в должности полкового адъютанта, сразу определять по окладу лица, цвету волос и росту, в какой эскадрон должен поступить вновь прибывший рекрут, я и будучи судьей, до известной степени судил о нравственности обвиняемого по его наружности», — писал Фет (*МВ*. Ч. 2. С. 157).

Среди судейских заметок выделяется развернутое повествование о генеральше Горчан и ее больном сыне — объемом, относительной развитостью сюжетной линии, описательным тоном, обрисовкой образов (*МВ*. Ч. 2. С. 152—160). Оно могло бы стать самостоятельным очерком. «Выпадают» из общего ряда и истории, имеющие анекдотический или «каламбурный» характер (Там же. С. 127, 128—129, 140, 144—145).

В очерках Фета изображены различные случаи и типы людей, однако есть и общее, объединяющее все судейские истории свойство: они представляют собой «картинки с натуры», документальные свидетельства ушедшей эпохи. Фет воспользовался своими судейскими записями и «вмонтировал» их в общую повествовательную канву мемуаров, частично восстановив таким образом свой нереализованный замысел.

С юридической практикой было связано появление ряда публицистических статей Фета в 1870-е годы: «По поводу статьи г. Безобразова „Наши охранители и наши публицисты"» (1871), «Отголосок сельского судьи» (1874), «По вопросу о личном найме» (1876). К анализу законотворческих актов правительства и собственной судебной практики писатель неоднократно возвращался и в 80-е годы — в статьях «Наши корни» (1882), «На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя» (1884), «По поводу отзывов земств о преобразовании местных учреждений» (1888) и др.

Е. В. Проц

ТЕАТРАЛЬНАЯ ОСЕНЬ ИВАНА ТУРГЕНЕВА
(Тургенев и М. Г. Савина в 1879 году)

Будущая знаменитая актриса Мария Гавриловна Савина соприкоснулась с творчеством Тургенева уже в Смоленске, когда ей было 12 лет. В своих мемуарах она писала: «...я достала Тургенева, и оторвать меня от книги было невозможно».[1]

Тургенев же впервые увидел Савину в одном из ее дебютных спектаклей на сцене Александринского театра в Петербурге весной 1874 года. И впечатление его от встречи с актрисой было не столь восторженное, как у Савиной. Он писал П. Виардо: «Вечером, после довольно скверного обеда в гостинице, русский театр <...> — три пьесы, две отвратительные, одна плохая. В плохой старый московский актер, Шумский, весьма второразрядный, напоминающий мне Боткина, и новая актриса, м-ль Савина, не без таланта, лицо красивое и умное, но очень злое; голос ужасный, сильно отдающий русской горничной».[2] Позднее, летом 1874 года, в Карлсбаде Тургенев вновь вспоминал в кругу знакомых о знакомстве с игрой Савиной: «Бывши теперь проездом в Петербурге, <...> ходил я смотреть на тамошнюю знаменитость Савину. Ну... недурно, пожалуй... местами даже настоящее чувство есть... только все это недоделано, неотесано... И потом, что у нее ужасно, это голос! Как она заговорит, так и вспомнишь старую помещичью девичью, грязные стены, лубочные картинки на стенах и за картинками клопы».[3] Скорее всего, как считает биограф Савиной, «интонации, покоробившие Тургенева, остались от жизни (актрисы. — *Е. П.*) в южных и

---

[1] *Савина М. Г.* Горести и скитания (Записки 1854—1877). Письма. Воспоминания / Вступит. ст. и примеч. И. И. Шнейдермана. 2-е изд., доп. Л., 1983. С. 35. Далее ссылки на это издания: *Савина*, с указанием страницы.

[2] *ПССиП(2). Письма.* Т. 13. С. 74—75, 279. Подлинник по-франц.

[3] «Воспоминания о Тургеневе» Н. А. Островской (Неизвестные страницы) / Публ. В. А. Громова // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1977. С. 208.

юго-западных областях России».[4] Позднее, как свидетельствуют современники, Савина избавилась от этого недостатка.

В 1879 году пути Тургенева и Савиной вновь пересеклись. К этому времени Тургенев, пожалуй, окончательно разуверился в возможности возрождения своей драматургии на отечественной сцене. Постепенно ушли из жизни актеры, которые силой своего таланта опровергали установившееся мнение о несценичности драматургии Тургенева, незначительности его героев. В 1860 году скончался «гениальный Мартынов», как писал о нем Тургенев,[5] а через три года ушел из жизни М. С. Щепкин, для которого были написаны «Холостяк», «Нахлебник», отдана для представления в его бенефис «Провинциалка». «Я не могу ни в чем отказать этому прекрасному и достойному человеку», — писал Тургенев Полине Виардо 17 (29) января 1851 года.[6]

М. С. Щепкин на протяжении более чем десятилетия необычайно интересно и талантливо представлял тургеневских героев на театральных подмостках. С уходом Щепкина и А. Е. Мартынова, чрезвычайно тонко и своеобразно воссоздававших духовный мир тургеневской драмы, по-своему участвовавших в режиссуре спектаклей, пьесы писателя почти затерялись на российском театральном пространстве. Попытки возобновления их на сцене (а их было крайне мало за прошедшее с начала 1860-х годов время), как правило, не приводили к успеху. Особенно болезненно Тургенев воспринял фиаско Е. Н. Васильевой в «Месяце в деревне» на сцене Малого театра в 1872 году. И вот всего лишь через семь лет к нему обратилась молодая актриса М. Г. Савина с просьбой разрешить постановку той же пьесы, но уже на сцене Александринского театра. Савина в свои неполные 25 лет прошла нелегкую школу провинциального театра. В ее жизни был родной для писателя Орел, который она вынуждена была покинуть из-за житейских неурядиц и театральных интриг и который она называла «проклятым». Однако к 1879 году она уже заняла ведущее положение на сцене Александринского театра.

Савина обладала особым даром — открывать забытые, казалось бы, уже принадлежащие только истории драматургические произведения, умела идти вопреки создавшемуся предубеждению и всегда одерживала победы. По-видимому, она не придала особого значения телеграмме Тургенева с ответом на ее просьбу разрешить постановку пьесы: «Согласен, но сожалею, так как пьеса писана не для сцены и не достойна вашего таланта».[7] Позднее Тургенев писал А. В. Топорову о тех чувствах, которые пробудила в нем просьба Савиной: «Вчера вечером пришла ко мне телеграмма от Савиной (актрисы), в которой она меня просит разрешить ей необходимые урезы из моей комедии „Месяц в деревне", которую она взяла для своего бенефиса на 17/29-е янв<аря>.

---

[4] *Шнейдерман И. И.* М. Г. Савина в письмах И. С. Тургенева // *Савина.* С.184.

[5] *ПССиП(2). Соч.* Т. 2. С. 481.

[6] Там же. *Письма.* Т. 2. С. 85, 379. Подлинник по-франц.

[7] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 14.

Не понимаю я, с какой стати ей пришла в голову мысль взять эту невозможную в театральном смысле пиэсу! Одна московская актриса, Васильева, попробовала это несколько лет тому назад, несмотря на мои повторенные предостережения, и получила торжественное фиаско. То же самое ожидает и г-жу Савину».[8]

Савина поручила сделать «урезы» в комедии Тургенева В. А. Крылову, который свел пьесу к 4-м актам. Хранящийся в Санкт-Петербургской Театральной библиотеке (созданной при Александринском театре) суфлерский экземпляр пьесы позволяет предположить, что сокращения коснулись прежде всего роли Натальи Петровны, благодаря чему блистательно игравшая роль Верочки Савина вышла на первый план. Это объясняет отклик Тургенева на спектакль, увиденный им 15 (27) марта 1879 года, который приводит Савина в своих воспоминаниях: «Верочка... Неужели эту Верочку я написал?!.. Я даже не обращал на нее внимания, когда писал... Все дело в Наталье Петровне... Вы живая Верочка... Какой у Вас большой талант!».[9] Спектакль 1879 года действительно был спектаклем о Верочке, драма которой обрела в игре Савиной необычайную жизненную правду.

Весенние дни в России в 1879 году стали для Тургенева временем подлинного триумфа. Произошел, как почувствовал писатель, возврат к нему молодого поколения, который и порадовал, и вдохновил его.[10] На этом фоне встреча с Савиной, которая возродила казалось бы из небытия его пьесу на театральных подмостках, тоже была для него очень важна. «Иван Сергеевич все всматривался в меня с любопытством, — вспоминала впоследствии Савина о визите к ней писателя, состоявшемся на следующий день после спектакля, — расспрашивал о моем поступлении на сцену, о моих взглядах на искусство, о моем семейном положении <...>. Видно было, что он рассматривает меня, как диковинную „обезьянку"».[11]

Если судить по воспоминаниям Савиной, встреча ее с Тургеневым после спектакля была уже третьей, первая же состоялась в один из дней между 9 (21) и 15 (27) марта 1879 года в «Европейской гостинице» в Петербурге.[12] Она-то и стала началом дружеских отношений актрисы и писателя, которые продолжались до конца дней Тургенева.

Письмами М. Г. Савиной к Тургеневу мы не располагаем, поэтому история их взаимоотношений открывается нам только в письмах писателя к актрисе. Известны 77 писем (одно из них — от 19 (31) мая 1880 года — в копии, которую с разрешения Савиной снял А. Ф. Кони; ори-

---

[8] Там же. С. 14—15.

[9] *Савина.* С. 141.

[10] См. об этом: *Громов В. А.* Месяц в столицах. Документальный рассказ о национальном чествовании Ивана Сергеевича Тургенева в 1879 году. Орел, 1995.

[11] *Савина.* С. 141.

[12] В письме к Клоди Виардо от 9 (21) марта Тургенев упоминает о том, что в 9 часов ему предстоит репетиция «с очень красивой актрисой по имени Мария Савина» (см.: *Lettres inéd.* P. 279).

гинал был уничтожен) и 4 телеграммы. Кроме того, мы располагаем многообразными сведениями, рассыпанными в посланиях Тургенева к различным корреспондентам, в воспоминаниях актрисы, в ее письмах более позднего времени к друзьям — В. И. Базилевскому, А. Ф. Кони, к мужу — А. Е. Молчанову, в беседах Савиной с театральным критиком и драматургом Ю. Д. Беляевым.

Отношение Тургенева к Савиной претерпело со временем сложные изменения: от строго критического до глубокого восхищения творческим даром актрисы и галантного поклонения перед ее женственностью. За три года (с 1879 по 1881, когда Тургенев ежегодно приезжал в Россию) во многом благодаря Савиной он становился частым гостем театральных кресел. Пожалуй, писатель посмотрел в эти приезды столько спектаклей русского театра, сколько не видел за предшествующее десятилетие. Конечно, прежде всего он увидел почти все роли Савиной. Это — Варя в комедии А. Н. Островского и Н. Л. Соловьева «Дикарка»,[13] Феня в драме «Майорша» И. В. Шпажинского,[14] Маргарита Готье в «Даме с камелиями» А. Дюма-сына, в которой писателя поразила тема благородного самопожертвования лишенной шика парижской куртизанки, и многие другие образы, созданные актрисой на сцене. Для Тургенева Савина, без всякого сомнения, замечательный талант. «...На нее бегал бы весь Париж, если бы она могла там выступать», — завершает он разговор об актрисе в одном из писем к Полине Виардо.[15]

Это время можно было бы назвать второй театральной молодостью Тургенева — он даже подумывал о том, чтобы написать комедию для Савиной, но это намерение не осуществилось — писатель лишь подарил актрисе рукописную копию неопубликованной пьесы «Вечер в Сорренте», написанной им почти 30 лет назад, в 1852 году, в период его театральной славы. Позднее, после смерти Тургенева, Савина уступила рукопись в собственность Дирекции императорских театров за вознаграждение в 300 рублей, а полученные деньги были переданы ею, как желал Тургенев, на воспитание приемной дочери А. В. Топорова.[16]

Почувствовав вновь вкус к театру, Тургенев проявил интерес и к московским спектаклям. В 1880 году он в письме к Савиной писал о постановке Малым театром «Лакомого кусочка», переделке В. А. Крыловым французской комедии «Nos alliées», в которой участвовали Г. Н. Федотова и М. В. Ильинская: «...я сейчас из театра, где давали

---

[13] «Она проявила в ней (пьесе. — *Е. П.*) большой талант; она обрисовала (или создала) целый тип, выказав с начала и до конца подлинное мастерство. <...> У нее есть и темперамент, и пыл <...>», — отмечал писатель (*Lettres inéd.* P. 220). Возможно, Варя Савиной чем-то напоминала Тургеневу Асю.

[14] «Она действительно там играет чудесно, одновременно вульгарно и обольстительно — это совершенно в ее роде», — заключал Тургенев (*Lettres inéd.* P. 222).

[15] Ibid.

[16] См.: Тургенев в письмах М. Г. Савиной к А. В. Топорову / Публ. Г. В. Степановой // *Т Сб.* Вып. 5. С. 518—532.

„Лакомый кусочек". Ильинская, которая играла роль de l'ingénue, подражает Вам — и есть в ней небольшая искорка... но не более. Федотова положительно невыносима; кривляется и жеманится так, так фальшивит и с таким противным заигрыванием и апломбом, что я бы ее живую своими руками в землю зарыл <...> Сама пиэса из рук вон плоха: кусочки французской тафтицы, сшитые суровыми российскими нитками».[17] Этот отзыв писателя написан, надо полагать, не для того чтобы польстить Савиной и унизить ее соперницу Федотову. Он во многом совпадает с общим мнением театральных критиков, отмечавших в исполнении Федотовой много напряжения, внешней игры и чрезмерной мимики. В 1881 году Федотова попыталась соперничать с Савиной в комедии «Месяц в деревне», сыграв Наталью Петровну, но провалилась. Несомненно, она была более актрисой «театра Островского».

Позднее, узнав о намерении Дирекции императорских театров перевести М. В. Ильинскую в Петербург, чтобы передать ей какие-то роли Савиной, Тургенев с возмущением писал актрисе: «Говорят, Ильинская имела очень большой успех в Петербурге. Сколько я ее помню — она ни в каком случае Вам не соперница».[18] И он оказался совершенно прав, так как Ильинская была не более чем скромной инженю.

Тургенев внимательно и доброжелательно следил за работой М. Г. Савиной в театре, находясь и в России, и во Франции. Вместе с ней он занимался устройством артистической судьбы начинающей певицы М. Л. Василенко, бывшей ученицы П. Виардо. «Дело идет об одной из самых любимых учениц г-жи Виардо — некоей д-це Василенко, — писал Тургенев Савиной 28 августа (9 сентября) 1882 года. — Она теперь находится в Киеве и желала бы поступить на театр. Она уже виделась с г-м Сетовым (сцен. псевд. И. Я. Сетгофера-Сетгофа; в это время антрепренер Киевской оперы. — *Е. П.*) — и он обещал ей дебют через 10 дней. <...> но Вы знаете, что — особенно в театральных делах — значит рекомендательное слово, и особенно от такого лица, как Вы. Притом же мне известна Ваша дружеская связь с г. Сетовым и всем его семейством».[19] Савина выполнила просьбу Тургенева: Василенко получила дебют и была принята в труппу Киевского оперного театра.

Писатель и в дальнейшем, хотя и издалека, следил за артистической карьерой М. Л. Василенко. Узнав о работе певицы над партитурой Людмилы в опере М. И. Глинки «Руслан и Людмила», Тургенев писал ей: «...В этой чудесной партии Вы найдете всё. Здесь и великолепная техника, столь желанная для многих певиц, жаждущих показать свою виртуозность и тем заслужить признание. Здесь и благодарный материал для подлинной актрисы. Обратите особое внимание на последнее и избегайте быть оперным истуканом. По мере своих сил старайтесь оживить этот прелестный образ артистическим вдохновением, сцени-

[17] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 241.
[18] Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 104.
[19] Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 19.

ческой игрой. Я напишу Савиной, чтобы она руководила Вашими опытами. Моя болезнь не позволяет мне подробнее изложить мою точку зрения на игру оперного артиста, искусственно отдаленного от драматического только своими виртуозными эффектами. А я не вижу никакой разницы между теми и другими и считаю, что в опере нужна Савина с ее чудесной душой».[20] К сожалению, смертельная болезнь писателя прервала творческий диалог между ним и начинающей певицей, но и в этом фрагменте письма к М. Л. Василенко выказано глубокое и тонкое понимание Тургеневым сценического воплощения образа на оперной сцене.

Успех Савиной в «Месяце в деревне» доказал на практике сценичность драматургии писателя, ее необычайно высокую духовность, что во многом обусловило возвращение комедий Тургенева в репертуар русского театра. Процесс этот не был безболезненным, о чем свидетельствовал провал Г. Н. Федотовой в роли Натальи Петровны в «Месяце в деревне» в 1881 году. Но уже через год на сцену Александринского театра триумфально возвращается «Холостяк», выпавший из репертуара на долгие годы после смерти А. Е. Мартынова.

Именно Савина настояла на постановке комедии Тургенева, данной 24 января (5 февраля) 1882 года на сцене театра в пользу Литературного фонда. Мошкин был сыгран В. Н. Давыдовым и заслужил благожелательный отклик Тургенева, который писал ему: «Так же как Мартынов, Вы сумели создать живое и целостное лицо из незначительных данных, представленных Вам автором. От всей души желаю Вам дальнейших успехов и не сомневаюсь, что Вы их достигнете. Надеюсь, что, по прибытии в Петербург, я узнаю Вас, как человека и как актера, а пока прошу принять от меня вместе с возобновлением моих поздравлений и уверение в искреннем сочувствии и уважении <...>».[21] Тургенев писал актеру, узнав о его успехе из откликов прессы, которая превозносила работу В. Н. Давыдова как «глубоко трогательную картину нечеловеческого страдания крошечного, незаметного и незатейливого по натуре человека».[22] Наверное поэтому в его письмах появляется имя А. Е. Мартынова, первого исполнителя этой роли на Александринской сцене. К сожалению, намерениям Тургенева не суждено было сбыться: он умер, так и не увидев актерскую работу В. Н. Давыдова, не сблизившись с ним. Позднее Давыдов с поразительным совершенством выступил в роли Лаврецкого в инсценировке «Дворянского гнезда», сыграл Кузовкина в «Нахлебнике».

М. Г. Савина в спектакле «Холостяк» сыграла роль Белоноговой. Тургенев, сокрушаясь о незначительности доставшейся ей роли, писал Д. В. Григоровичу о благородстве актрисы, давшей возможность исполнителю главной роли заявить о себе. В то же время он отмечал и ее

---

[20] Там же. С. 173—174.

[21] Там же. Т. 13. Кн. 1. С. 193.

[22] См.: *Брянский А. М.* Владимир Николаевич Давыдов. 1849—1925. Жизнь и творчество. Л.; М., 1939. С. 103.

успех: «...(Савина. — *Е. П.*), настояв на том, чтобы дали „Холостяка", в котором ей собственно нечего делать и весь успех должен был выпасть на долю товарища, показала себя в очень пленительном свете. Это добрая и широкая душа».[23]

К этому времени относится обращение к Тургеневу Модеста Ивановича Писарева и Василия Николаевича Андреева-Бурлака, актеров Русского драматического театра в Москве (театр Ф. А. Корша) с просьбой разрешить инсценировку повести писателя «Степной король Лир», подготовленную актером театра Н. В. Кислинским. Более всех в этой постановке был заинтересован Писарев, которого привлекла мощная трагическая фигура Харлова.

Имя актера было хорошо известно Тургеневу. Его знакомство с М. И. Писаревым состоялось еще в 1867 году, не позднее середины марта, в Москве, где актер оказался частицей того «калейдоскопа», который, как выразился писатель в письме к М. В. Авдееву, вертелся у него перед глазами во время пребывания в Петербурге и Москве.[24] Неизвестно, при каких обстоятельствах произошло это знакомство. Но очевидно, Писарев заинтересовал Тургенева: он даже подарил актеру свою фотографию с дарственной надписью: «Моему молодому другу Модесту Ивановичу Писареву на память. Ив. Тургенев. Март 15 1867 г.».[25]

Позднее о Писареве ему вновь напомнил А. Ф. Писемский в письме от 12—15 октября ст. ст. 1876 года: «...в театральном мире то же, кроме разве что в Артистический кружок приглашен провинциальный драматический актер Писарев, молодой еще человек, обладающий прекрасною наружностью и довольно сильным внутренним огнем».[26] Тургенев, очевидно, встречался с Писаревым в доме Писемского в Москве в конце апреля 1880 года.

В мае 1881 года писатель видел актера на сцене театра А. Бренко в роли Несчастливцева в пьесе А. Н. Островского «Лес». Писарев писал П. А. Стрепетовой 28 мая ст. ст. 1881 года: «...на днях у нас в театре был И. С. Тургенев, смотрел „Лес". Остался очень доволен».[27] Вероятно, Тургеневу особенно импонировало в исполнении Несчастливцева-Писарева высокое донкихотское начало, присущее таланту актера.

Познакомившись со сценическим вариантом «Степного короля Лира», Тургенев писал актерам 13 (25) октября 1882 года: «Г-н Кислинский исполнил свою работу весьма добросовестно — и, сколько я могу

---

[23] *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 193.

[24] *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 167.

[25] Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев / Сост. И. Е. Грудинина, Л. М. Добровольский и др. Под ред. М. П. Алексеева. С. 66 (№ 461).

[26] *Писемский А. Ф.* Письма / Подготовка текста и коммент. М. К. Клемана, А. П. Могилянского. М.; Л., 1936. С. 336.

[27] Санкт-Петербургский государственный музей театрального и музыкального искусства. № 3628/29.

судить, весьма удачно в сценическом отношении. Охотно даю свое согласие на представление этой пиэсы — и надеюсь, что успех оправдает ваши ожидания. Я был бы очень рад присутствовать при этом — но болезнь моя всё еще держит меня в неизвестности насчет времени моей поездки в Россию».[28] Решение писателя вряд ли было вызвано добросовестностью работы автора пьесы, скорее верой в актерский талант Писарева и возможностью дать новую, уже сценическую жизнь повести. Премьера спектакля «Степной король Лир» состоялась в театре Ф. А. Корша 15 (27) ноября 1882 года. Роль Харлова исполнил М. И. Писарев. Его биограф писал: «...даровитый исполнитель силой своего могучего таланта вполне сгладил некоторые ошибки неопытного драматурга и во всем колоссальном величии создал громадный художественный тип, задуманный гениальным автором рассказа. Начиная с 2-й картины первого действия, восторг публики шел все возрастая, а два последних действия были истинным триумфом г. Писарева».[29]

Это было первое, достаточно интересное обращение театра к прозе Тургенева. Оно стало важным этапом для последующих инсценировок произведений писателя на русской сцене.

Так начиналось возвращение драматургии Тургенева в репертуар отечественного театра. На протяжении многих лет М. Г. Савина силой и магией своего таланта вновь и вновь утверждала на сцене Александринского театра пьесы писателя, став непревзойденной актрисой «театра Тургенева».

Уже после смерти писателя Савина создала две прелестные сценические фантазии — Марию Петровну в «Вечере в Сорренте» (1885) и Дарью Ивановну в «Провинциалке» (1888). С ролью главной героини «Провинциалки» она соприкоснулась еще 16 (28) марта 1879 года, исполнив отрывок из комедии вместе с Тургеневым — он читал за графа Любина — на благотворительном вечере в Благородном собрании в Петербурге, Марию Петровну в «Вечере в Сорренте» она сыграла впервые.

Тургенев, как вспоминала Савина, представлял ее «в Лизе, Елене („Накануне") и в Асе в особенности».[30] Последних двух Савиной не довелось сыграть, а вот героиню «Дворянского гнезда», полную света и чистоты, Савина воплотила на сцене в 1894 году в инсценировке П. И. Вейнберга. Она писала В. И. Базилевскому: «...я сама сознаю, — может быть, в первый раз в жизни, — что выполнила безукоризненно свою задачу...».[31]

Вершиной сценической савинской тургенианы стала Наталья Петровна в «Месяце в деревне» (1903).

---

[28] *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 2. С. 66.

[29] *Карнеев М. В.* Модест Иванович Писарев. Артист императорских с.-петербургских театров. Биографический очерк (По поводу 25-летнего юбилея). СПб., 1893. С. 59.

[30] См.: Тургенев и Савина. Письма И. С. Тургенева к М. Г. Савиной. Воспоминания М. Г. Савиной об И.С.Тургеневе / Предисл. и ред. А. Ф. Кони. Пг., 1918. С. 95.

[31] Там же. С. 97.

Тургенев ценил в Савиной не только актерский дар, но и талант рассказчицы. Она хорошо узнала и прочувствовала провинциальную Россию во время своих актерских скитаний, и писатель с интересом слушал ее рассказы, уговаривал Савину писать и даже подарил ей тетрадь в синем переплете для записок.

Позднее актриса, как бы в исполнение наказа Тургенева, взялась за перо, подтвердив в полной мере ощущение писателя, что и в этом роде деятельности она, несомненно, «одарена творчеством». Так родились воспоминания о Тургеневе, автобиографическое повествование, фрагменты воспоминаний о литераторах, заметки о мастерстве актера.

М. Г. Савина до конца дней оставалась ревнительницей памяти И. С. Тургенева. Современник вспоминал, что в ее присутствии прекращались слишком вольные суждения о писателе, столь строго относилась актриса к памяти художника, с которым свела ее судьба.

Не столь давно были напечатаны письма Савиной к М. А. Стаховичу, связанные с ее возвращением через много лет в Орел, где она участвовала в вечере памяти Тургенева, посвященном 20-летию со дня смерти писателя.[32] Литературно-музейный вечер, состоявшийся 26 августа 1903 года в зале Дворянского собрания в Орле, стал данью ее преклонения перед человеческим и творческим талантом Тургенева. Помимо самой М. Г. Савиной, в нем участвовали А. И. Южин, М. М. Москвин и Н. И. Сперанский. Савина читала сцены из «Месяца в деревни», а также вместе с А. И. Южиным сцены из «Провинциалки». Средства сбора пошли в фонд создания памятника Тургеневу в Орле.

Долгое прощание М. Г. Савиной с Тургеневым — человеком и писателем — длилось до конца дней актрисы.

---

[32] См.: *Молозева А. Т.* Голоса из прошлого. Часть вторая: Письма М. Г. Савиной М. А. Стаховичу // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 107—110.

А. В. Успенская

ТУРГЕНЕВ И ФЕТ: К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ОТЦОВ И ДЕТЕЙ»

Прототипам тургеневских героев посвящена довольно обширная литература — достаточно вспомнить работы А. И. Батюто, Л. М. Лотман, Г. Б. Курляндской, Н. П. Генераловой, Г. Н. Антоновой и др.[1] Интерес исследователей понятен — И. С. Тургенев, по известному его признанию, никогда не мог творить «из головы»; для создания персонажей ему всегда была нужна «встреча с живым человеком, непосредственное знакомство с каким-нибудь жизненным фактом».[2] Неудивительно, что в его творчестве конца 1850-х—начала 1860-х годов отразились дружеские взаимоотношения с таким ярким и неординарным человеком, каким был Афанасий Фет.

Фет был в эти годы одним из самых близких друзей Тургенева. Обоих объединяли и литературные и жизненные интересы: Тургенев способствовал возвращению Фета в литературу в 1853 году, ввел его в кружок «Современника», отредактировал сборник стихов 1856 года, выверил по латинскому оригиналу фетовский полный перевод од Горация. Наконец, родительское имение Фета — Новоселки — было недалеко от Спасского, писатели гостили друг у друга и вместе охотились.

При этом дружба не была безоблачной, часто возникали жаркие споры. Один из них произошел во Франции, в Куртавнеле, в доме супругов Виардо, куда Фет приехал погостить на несколько дней к Турге-

---

[1] См., например: *Батюто А. И.* К вопросу о замысле «Отцов и детей» // И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Статьи и материалы. Орел, 1960. С. 77—95; *Манн Ю.* Базаров и другие // Новый мир. 1968. № 10. С. 236—255; *Антонова Г. Н.* «Дворянское гнездо»: О реальных истоках образа Михалевича // *Т сб.* Вып. 5. С. 228—234; *Лотман Л. М.* Тургенев и Фет // Тургенев и его современники / Отв. ред. М. П. Алексеев. Л., 1977. С. 25—49; *Курляндская Г. Б.* Тургенев и Фет // А. А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Курск, 1985. С 46—62; *Генералова Н. П.* А. А. Фет и И. С. Тургенев: Незавершенный спор // А. А. Фет. Проблемы изучения жизни и творчества. Сб. науч. тр. Курск, 1994. С. 23—43 и т. д.

[2] *Ковалевский М. М.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *Т в восп.* Т. 2. С. 143.

неву. Как убедительно доказала Н. П. Генералова, этот спор отразился в романе «Дворянское гнездо»: мечтатель и романтик Михалевич называет Лаврецкого «байбаком», обвиняет его в лени, нравственной дряблости, забвении дворянского долга, убеждает его, что дворянину есть чем заняться в России. Возможно, в этом же убеждал Тургенева и Фет с присущими ему страстью и энтузиазмом.[3] Вероятно, Тургенев встречал эти рассуждения с известной иронией: он был столбовым дворянином, помещиком, а Фет — почти бездомным скитальцем, не имевшим ни земли, ни крестьян, ни даже потомственного дворянства, и к его мечтам о работе на земле Тургенев относился снисходительно.

Итак, если в «Дворянском гнезде» мысль о долге дворянства перед народом связана с Михалевичем-Фетом, то в романе «Отцы и дети» деревенская тема также многими деталями обязана постоянному общению Тургенева и Фета. Но в «Отцах и детях» отразился другой Фет, уже не просто парадоксалист и спорщик, оторванный от жизни. Черты Фета, детали его биографии воплотились в образе Николая Петровича Кирсанова, в котором соседствуют романтик — и фермер, поэтическая натура — и трезвый практик.

В отношении прототипов в «Отцах и детях» больше всего повезло, разумеется, Базарову — они, в основном, выявлены. Что касается братьев Кирсановых, то исследователи, как правило, удовлетворяются известными указаниями самого Тургенева. В письме к Фету от 6 (18) апреля 1862 года он пишет о Павле Петровиче: «...я в нем просто хотел представить тип Столыпиных, Россетов и других русских ех-львов».[4] В письме к К. К. Случевскому от 14 (26) апреля того же года: «...Н<иколай> П<етрович> — это я, Огарев и тысячи других <...>».[5] В опубликованных в 1984 году П. Уоддингтоном подготовительных материалах к роману Тургенев в качестве прототипов Николая Петровича называет нескольких людей «кротких, мягких, мечтательных», например, поэта и переводчика Н. П. Грекова, а также приятеля Л. Толстого — М. А. Рябинина, «милейшего седовласого юношу».[6] Но никто из них не был связан с землей, не был фермером, как не был фермером и сам Тургенев. Зато к лету 1860 году фермером стал Фет.

Деревенская тема, связанная с образом Николая Петровича, очень важна в романе: российская деревня, вступающая в полосу реформ, — это постоянный тревожный фон, на котором развертываются события. Но важна эта тема не только в романе, но и в судьбе самого Тургенева. Как бы иронично ни относился он к пламенным призывам Фета вспомнить о своем дворянском долге, сам он остро чувствовал разлуку с родиной. В 1856 году, через месяц после отъезда Фета из Куртавнеля, он пишет Л. Толстому: «Я уже слишком стар, чтобы не иметь гнезда <...>. Весной я непременно вернусь в Россию, хотя вместе с отъездом отсю-

---

[3] *Генералова Н. П.* Указ. соч. С. 24—26.

[4] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 371.

[5] Там же. С. 380.

[6] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 564—565, 721—722.

да — я должен буду проститься с последней мечтой о так называемом счастье <...>».[7] Подобно своему герою Лаврецкому, Тургенев собирается в Россию «землю пахать» — устроиться в Спасском, наладить хозяйство, размежеваться с крестьянами, завести ферму и зажить если не счастливо, то спокойно, устроив маленький Золотой век в духе Горация. Об этом же мечтает и Фет, он пишет Тургеневу 18 (30) января 1858 года: «Вы милейший и драгоценный для меня поэт. <...> надеюсь на совершенное исцеление Ваше на родной почве».[8] Может быть, именно на это письмо Тургенев отвечает Фету: «...я либо в начале, либо в конце мая, если только буду жив и здоров, буду в Спасском — и тогда-то, богу изволящу, начнется та жизнь, о которой мы так часто толковали и мечтали... если крестьянский вопрос не помешает».[9]

Возвращение Тургенева на родину затянулось. В Спасское он приехал только на лето 1858 года — и прекрасно провел его, охотясь с Толстым и Фетом. Но идея осесть в деревне, похоже, уже не так привлекает Тургенева. Во всяком случае, решение Толстого обосноваться в Ясной Поляне и заняться хозяйством Тургенев воспринимает болезненно, в каком-то смысле как измену литературе: «Он весь теперь погрузился в агрономию, таскает сам снопы на спине, влюбился в крестьянку — и слышать не хочет о литературе».[10]

К 1860 году, времени начала работы над романом, Тургенев почти постоянно живет за границей. Он все острее ощущает: «Нет счастья вне семьи — и вне родины; каждый сиди на своем гнезде и пускай корни в родную землю...».[11] Им владеет «страстное, непреодолимое желание своего гнезда»,[12] но он понимает и полную невозможность осуществления своей мечты, и в этом ему видится какая-то грустная закономерность — не только он, дворянин, землевладелец, не способен работать на земле, но и все дворянство обречено уйти с исторической сцены.

Первое упоминание о романе «Отцы и дети» относится к августу 1860 года. Именно в это же время, 13 августа, Фет, так много говоривший о дворянском долге, от слов начинает переходить к делу. Он покупает Степановку, хутор в голой, безлесной степи и 200 десятин земли и становится фермером. Интересно, что воспринимает Фет свою новую жизнь одновременно и прозаически и возвышенно: скрупулезные подсчеты будущих доходов соседствуют с мечтами об уединенном сельском счастье в духе Горация: «...отдохнуть среди своих полей, где, как говорит Гораций, „Вокруг тебя с ревом пасутся коровы..."».[13]

---

[7] *ПССиП(1). Письма.* Т. 3. С. 54—55.

[8] *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 201.

[9] *ПССиП(1). Письма.* Т. 3. С. 198.

[10] Там же. С. 234.

[11] Там же. С. 320. Письмо к М. А. Маркович от 10 (22) июля 1859 г.

[12] Там же. С. 385. Письмо к Е. Е. Ламберт от 12 (24) декабря 1859 г.

[13] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство / Вступит. ст., составление и подготовка текста В. А. Кошелева. Коммент. В. А. Кошелева, С. В. Смирнова. М., 2001. С. 60.

О своих деревенских трудах он непрерывно пишет друзьям, прежде всего — Тургеневу и другу детства И. П. Борисову. Письма эти не сохранились, но мы можем довольно точно представить себе их содержание: позднее на их основе были написаны очерки «Записки о вольнонаемном труде» и «Из деревни». Подробно описывает Фет жизнь Степановки и в книге «Мои воспоминания». О фетовских новостях мы можем судить также по сохранившимся ответным письмам Тургенева и Борисова. Так, Борисов пишет Тургеневу 8 октября 1860 года: «Переписка у нас ведется почти ежедневная, и он описывает свою жизнь так ярко, что как будто видим всю его обычную суету. Тут все кувыркается — и стройка, и охота на вальдшнепов, и копанье прудов <...>, и вольнонаемные работники — народ хитростный, забирающий вперед денежки <...>».[14] В письме от 25 декабря 1861 года читаем: «...нельзя Вам заранее не поведать о восхитительной статье Фета: „Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство". Ничего не выдумано, все истинная правда. <...> Я был в восторге, слушая его. Вы же из его писем уже знаете, в каком оно духе. Скоро весь плач Иеремии прольется на страницы „Р<усского> в<естника>"».[15]

Таким образом, на протяжении всей работы над романом Тургенев имел постоянный источник свежих деревенских новостей, а в конце мая 1861 года, когда работа над романом еще активно продолжалась, он и сам посетил Степановку — и все это нашло явственное отражение в романе.

На то, что Марьино — имение братьев Кирсановых — и фетовская Степановка имеют определенное сходство, уже обратил когда-то внимание А. И. Батюто.[16] Он, впрочем, не столько стремился выявить сходство «фермеров» Николая Кирсанова и Фета, сколько искал параллели между Базаровым и Л. Толстым. По мнению исследователя, даже дуэль Базарова и Павла Петровича возникла в романе под влиянием поездки Тургенева к Фету в Степановку (там произошла известная ссора Тургенева и Толстого, едва не кончившаяся дуэлью).

В статье А. И. Батюто отмечены несколько моментов сходства Степановки и Марьина: оба находятся среди плоской безлесной степи, оба выстроены на новом месте и видны издали, оба страдают от отсутствия тени, т. к. сад еще не вырос: «Когда Николай Петрович размежевался с своими крестьянами, ему пришлось отвести под новую усадьбу десятины четыре совершенно ровного и голого поля. Он построил дом, службы и ферму, разбил сад, выкопал пруд и два колодца; но молодые деревца плохо принимались, в пруде воды набралось очень мало, и колодцы оказались солонковатого вкуса».[17] «Тени нет у вас, вот что горе», — замечает Аркадий.[18] Сходным образом описывает Тургенев и фетовскую

---

[14] *Т Сб.* Вып. 3. С. 338.
[15] Там же. С. 354.
[16] *Батюто А. И.* Указ. соч. С. 84—87.
[17] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 21.
[18] Там же. С. 13.

Степановку в письме к П. В. Анненкову от 7 (19) июня 1861 года: «Я видел Фета и даже был у него. Он приобрел себе за фабулозную сумму в 70 верстах отсюда 200 десятин голой, безлесной, безводной земли с небольшим домом, который виднеется кругом на 5 верст и возле которого он вырыл пруд, который ушел, и посадил березки, которые не принялись...».[19]

Сходство Марьина и Степановки и шире — деятельности Фета и Николая Кирсанова — еще раз привлекли внимание исследователей. Н. С. Никитина в статье 1997 года «А. А. Фет и роман Тургенева „Отцы и дети"» пишет: «...тема Фета — его убеждения, деятельность, самый его образ — тема отнюдь не периферийная в „Отцах и детях"».[20] Однако статья А. И. Батюто почему-то выпала из поля зрения исследовательницы, и ей представляется, что и очевидные и глубинные аспекты этой темы в тургеневедении обойдены. Что касается доказательств, то они все-таки не вполне убеждают. Думается, вряд ли Марьино названо так по ассоциации с именем жены Фета — Марьи Петровны. Видимо, и имя Фенечки из «Отцов и детей», названной Базаровым Феклой, едва ли содержит прозрачный намек «на шиллеровскую Теклу».[21]

Между тем текст «Отцов и детей» и фетовские деревенские очерки (бывшие в целом известными Тургеневу по письмам и рассказам Фета) действительно имеют множество перекличек — и весьма знаменательных.

Даже сам внешний вид имения Кирсановых напоминает дом в Степановке: это новый деревянный дом с высокой железной крышей, недавно выкрашенной, только в Марьине — красной,[22] а в Степановке — зеленой краской. Марьино видно издали, за четыре версты, а дом в Степановке «виднеется кругом на пять верст».[23]

Есть и другие моменты сходства, еще не отмеченные исследователями. Фермерские хлопоты Николая Петровича, упомянутые в гл. V, VIII и особенно подробно описанные в гл. XXII, очень напоминают реальные деревенские мытарства Фета. В Марьине наемные рабочие трудятся неважно: «...настоящего старания всё еще нету. Сбрую портят»,[24] «скот плохой, и лошади разбитые», «работники смотрят отъявленными ленивцами».[25] И далее, в гл. XXII: в разгар страды рабочие «требовали расчета или прибавки, другие уходили, забравши задаток; лошади заболевали; сбруя горела как на огне; работы исполнялись небрежно; выписанная из Москвы молотильная машина оказалась негодною по своей тяжести; другую с первого разу испортили <...>. Управляющий вдруг обленился и даже начал толстеть <...> почти каждую ночь сторожа ло-

[19] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 255.
[20] Спасский вестник. 1997. Вып. 4. С. 87.
[21] Там же. С. 91, 90.
[22] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 17.
[23] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 255.
[24] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 13.
[25] Там же. С. 43.

вили, а иногда с бою забирали крестьянских лошадей на лугах „фермы". <...> Не хватало рук для жатвы: соседний однодворец, с самым благообразным лицом, порядился доставить жнецов по два рубля с десятины и надул самым бессовестным образом; свои бабы заламывали цены неслыханные, а хлеб между тем осыпался, а тут с косьбой не совладели <...>».[26]

По сути, все это — краткий конспект фетовских «Записок о вольнонаемном труде». Купив в июле 1860 года Степановку, Фет с головой бросился в хозяйственный омут. Но есть существенное различие между Николаем Петровичем, который от всех этих деревенских неурядиц «частенько вздыхал и задумывался»,[27] а то и просто приходил в отчаяние, — и Фетом, который прежде всего пытался понять — в чем причина неудач и трудностей. Один из главных выводов, сделанных Фетом: при вольнонаемном, а не крепостном труде во многих областях России в настоящее время заниматься земледелием невыгодно, т. к. рабочие руки дороги, а на хлеб цены невысоки, «руки не ищут работы».[28] Нужны машины, нужна иная культура труда.

В «Записках» Фет рассказывает, как рабочие в первый же день потребовали прибавки или расчета,[29] как работник Алексей сначала повредил глаз и его пришлось лечить, а затем отказался работать,[30] Иван не доработал срока и ушел, нарушив договор, хорошего работника Карпа снял до срока с работы его дядя, плутоватый Гаврила,[31] Филипп оказался вором,[32] Тит — ушел, взяв 15 рублей задатка, так что пришлось прибегнуть к помощи исправника.[33]

Примечательно, что мысль обратиться к становому мелькает и у Николая Петровича, но поступить так ему не позволяют либеральные принципы. Фет же считает, что именно принципы либерализма и равенства всех перед законом заставляют его как нанимателя бороться за соблюдение этих законов. Без барского окрика и страха расправы многие работают небрежно, бросают лошадей нераспряженными в поле как, например, Андрон,[34] плохо кормят их, сбруя горит — т. е. не хотят и не умеют еще работать честно. «Долго еще неуклонному закону придется бдительно стоять на страже, пока русский человек не забудет своего наивного произвола и наследственной лжи», — делает вывод Фет.[35]

---

[26] Там же. С. 130—131.

[27] Там же. С. 35.

[28] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 120. См. также С. 158—162.

[29] Там же. С. 65—66.

[30] Там же. С. 72.

[31] Там же. С. 75.

[32] Там же. С. 104.

[33] Там же. С. 105.

[34] Там же. С. 71.

[35] Там же. С. 83.

У Николая Петровича управляющий — «либо дурак, либо плут», как аттестует его Базаров.[36] У Фета первый приказчик Глеб, «более похожий на седого сыча, чем на человека»,[37] оказался неспособен к делу и его пришлось заменить. Следующий был либо туп, либо мошенник, на все указания отвечал однообразно: «слухаю, батюшка».[38] Еще один — вроде бы старательный и неглупый молодой человек, чуть не оставил Фета без лошадей, т. к., несмотря на строжайший запрет, несколько дней продержал в общей конюшне больную лошадь.[39]

Николай Петрович страдает от потрав. Фет подробно описывает, как его земли топчут свиньи, лошади, гуси. Объясняет он и причину. Потрава — не случайность или недосмотр, это — единственный для крестьянина способ содержать скотину, т. к. земли у крестьян мало, а скота довольно много.[40]

У Николая Петровича болеют лошади. У Фета рыжий конь заболевает сапом и это не случайно: крестьяне к чужой собственности относятся безответственно — заставляют работать самого смирного и послушного коня сверх всякой меры.[41]

И владелец Марьина, и Фет стремятся к прогрессивным методам в сельских работах, но это не всегда им удается. Так, Николай Петрович хочет удобрять поля «по Либиху». На взгляд же Базарова, к которому тот обращается за консультациями, это преждевременно: «...куда нам до Либиха! Сперва надо азбуке выучиться и потом уже взяться за книгу, а мы еще аза в глаза не видали»,[42] — и, в сущности, у Тургенева получается, что он прав. Кирсанов не справляется пока и с более насущными задачами. Для Фета же это вопрос принципиальный. Понимая, что без удобрений земля, даже чернозем, неизбежно оскудеет, он вводит вместо обычной трехпольной — четырехпольную систему, заботится о навозе для полей.[43]

Николай Петрович выписал молотилки, но первая оказалась слишком тяжелой, а вторая сразу же сломалась. У Фета в «Записках» есть целая глава — «Философия и история одной молотильной машины»: сначала оказывается, что молотилка тяжела для двух лошадей, затем она непрерывно ломается.[44] В главе 9 очерков «Из деревни» эта история продолжается — и Фет не только не побежден — он проявляет чудеса настойчивости и изобретательности, применяя вместо хрупких чугунных деталей легко заменяемые деревянные.

---

[36] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 43.
[37] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 64.
[38] Там же. С. 81.
[39] Там же. С. 86—87.
[40] Там же. С. 68, 102—104, 106, 110—113.
[41] Там же. С. 86—87.
[42] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 28.
[43] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 67.
[44] Там же. С. 107—110.

Конечно, было бы неверным утверждать, что единственным или главным прототипом Николая Петровича был Фет. Как известно, много в нем и от самого Тургенева. Так, в начале романа Аркадий спрашивает отца, доволен ли тот своими работниками. «Да, — процедил сквозь зубы Николай Петрович. — Подбивают их, вот что беда; ну, и настоящего старания всё еще нету. Сбрую портят. Пахали, впрочем, ничего. Перемелется — мука будет».[45] Последнюю фразу Тургенев повторял не раз, напишет он ее и в письме к Е. Е. Ламберт от 19 (13) мая 1861 года,[46] повторит ее позже и в письме Фету. Но в то же время соответствует ли эта отрывистая, решительная и сосредоточенная речь «сквозь зубы» характеру Николая Петровича, как его изначально понимал Тургенев? В «Подготовительных материалах к роману» о Николае Петровиче сказано: «...мягкий, черты маленькие, приятные, несколько грустные <...>. Ленив — а читает много. — Натура впечатлительно-созерцательная. Трусоват — но честен».[47] Тургеневу уже по первым известиям из Степановки становилось ясно, что тончайший лирик Фет становится жестким и решительным хозяином, и, быть может, под влиянием этого открытия он делает несколько более жестким и своего героя.

В романе «Отцы и дети» отразились и другие впечатления Тургенева от фетовской жизни в Степановке. Так, А. И. Батюто обратил внимание на упомянутого Фетом в мемуарах «вольного мужика Федота», жившего недалеко от Степановки, у которого берут лошадей на подставу — он трижды упомянут в романе Тургенева (гл. XIX, XXI, XXII).[48]

Однако более интересными представляются другие случаи, когда одни и те же впечатления оцениваются Тургеневым и Фетом по-разному. Это, конечно, неудивительно. В начале реформы Тургенев видит в ней перспективное дело, которое «растет, ширится, движется во весь простор российской жизни», хотя и принимает «формы большей частью безобразные».[49] Некоторое время писателя не покидает уверенность в том, что «...*дело все-таки пойдет*, потому что если камень раз покатился с горы, то уже добежит до долины».[50] Но личный опыт общения с крестьянами являет, по большей части, картины темные и тяжелые. В конце концов, насмотревшись на реформы в деревне и, в частности, в Спасском, где дела шли «скрыпя и треща, как немазаная телега»,[51] Тургенев окончательно отказывается участвовать во всем этом, распрощавшись заодно со многими иллюзиями по поводу народа: «Вообще, мое божество произвело на меня действие странное: я вижу, что теперь колесо покатилось благополучно вперед — но присутствовать при том, как оно будет то прыгать через камни, то тонуть в

---

[45] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 13.
[46] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 236.
[47] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 564.
[48] *Батюто А. И.* Указ. соч. С. 93—94.
[49] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 269.
[50] Там же. С. 244.
[51] Там же. Т. 5. С. 25.

грязи — не желаю; довольно с меня знать, что оно пошло».[52] Еще более определенно высказывается он в письме от 20 сентября (8 октября) 1862 года к А. И. Герцену: «...народ <...> носит в себе зародыши такой буржуазии в дубленом тулупе, теплой и грязной избе, с вечно набитым до изжоги брюхом и отвращением ко всякой гражданской ответственности и самодеятельности — что далеко оставит за собою все метко верные черты, которыми ты изобразил западную буржуазию в своих письмах».[53]

Фет же по-прежнему полон энтузиазма, и это совершенно разное отношение к происходящему явственно проступает в схожих эпизодах тургеневского романа и фетовских «Записок о вольнонаемном труде». В главе III «Отцов и детей» Николай Петрович видит вереницу телег, запряженных «разнузданными лошадьми», с крестьянами в тулупах нараспашку — они бойко катят в кабак.[54] Фет в главе 4 «Записок» с удовольствием рисует совсем другую вереницу телег: они едут на барщину. «Нельзя себе представить более стройную картину сельского труда. Лошади у всех мужиков исправные, а у многих превосходной породы, от господских лошадей. <...> Кто не понимает наслаждения стройностью, в чем бы она ни проявлялась, в движениях хорошо выдержанного и обученного войска, в совокупных ли усилиях бурлаков, тянущих бечеву под рассчитанно-однообразные звуки „ивушки", тот не поймет и значения Амфиона, создавшего Фивы звуками лиры».[55] Фет прибавляет, что он не крепостник, не консерватор, но как не похвалить это стройное движение — было и в старых порядках что-то хорошее. «Это заведенный порядок, старинный порядок, которому надо подражать, несмотря на изменившиеся условия. <...> каждому легко убедиться, что со вступлением России в новый период деятельности заветные слова *авось,* да *небось,* да *как-нибудь* должны совершенно выйти из употребления <...>».[56] При вольном труде, считает Фет, порядок и стройность пока еще впереди.

Но новые порядки приносят не только неразбериху. Фет с восторгом описывает труд мужиков, копающих пруд, — они работают по-новому, сдельно — и проявляют чудеса трудолюбия.[57] Как радуется Фет, когда «среди тупого непонимания и нежелания понимать» он встречает у копача Михайлы «самостоятельную усердную догадку».[58] Ростки новой жизни в деревне — вот главное, и неважно, что пруд поначалу оказался сухим!

У Тургенева же эти «ростки» вызывают скептическую усмешку, и в этом, он, похоже, согласен с нигилистом Базаровым. Заговорив однаж-

---

[52] Там же. С. 23. Письмо к М. А. Маркович от 10 (22) июля 1862 г.
[53] Там же. С. 52.
[54] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 13.
[55] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 75—76.
[56] Там же. С. 76.
[57] Там же. С. 74.
[58] Там же. С. 96.

ды о прогрессе, отец Базарова «надеялся возбудить сочувствие своего сына». Базаров в ответ рассказывает, как крестьянские мальчики, вместо какой-нибудь старой песни, горланят: «*Время верное приходит, се́рдца чувствуит любовь...*» — т. е. поют городской романс, перевирая и коверкая слова, так как не понимают их смысла. «Вот тебе и прогресс», — иронически замечает Базаров.[59] У Фета в «Записках» целая глава (9) называется «Песня». Вспоминая «очаровательный рассказ Тургенева» («Певцы» из «Записок охотника»), Фет, однако, прибавляет, что никогда не встречал ничего подобного. Крестьянская песня часто срывается на вой или визг, и слушать ее безрадостно. Но вот деревенский парень запевает городской романс «Отгадай, моя родная, отчего я так грустна...». Он поет, не слишком понимая смысл, также перевирая слова, — но в этом полубессознательном стремлении к новой для крестьянина городской культуре и есть зачатки истинного прогресса. Потребность крестьян в новой культуре, в новых песнях «сделает им трубы, вычистит избу, даст человеческие постели, облагородит семейные отношения, облегчит горькую судьбу бабы <...> явятся новые потребности, явится и возможность удовлетворить их», — считает Фет.[60]

Когда Тургенев начинал роман, он собирался показать несостоятельность дворянства как сословия. Братья Кирсановы — лучшие из дворян, но «если сливки плохи, что же молоко?».[61] Базаров же — энергичен и деятелен, он с насмешкой наблюдает за тщетной суетой Николая Петровича и даже снисходительно дает ему агрономические советы: «Надо серебристых тополей побольше здесь сажать, да елок, да, пожалуй, липок, подбавивши черноземy».[62] Но Тургенев обладал достаточной духовной свободой, чтобы уважать правду жизни и не подчинять ее жестким схемам. Его увлекла история Фета — поэта и мечтателя, ставшего фермером, решившего «хотя на малом пространстве, сделать что-либо действительно дельное»,[63] — и он заставляет помещика, «старенького романтика» Николая Петровича тоже стать фермером, а дворянскую усадьбу Марьино делает похожей на Степановку и даже называет «фермой».

При этом в тексте видны некоторые несообразности. Только влиянием Степановки можно объяснить, почему Николай Петрович так странно и невыгодно размежевался с крестьянами — бросил старую усадьбу, где был счастлив с женой, где она сажала в саду цветы, где вырос Аркадий, то есть оставил эти земли крестьянам, — и выстроил новую в голой степи. И это произошло «три года назад», то есть в 1856 году, когда о грядущих реформах еще не было объявлено. Заметим, что сам Тургенев, считавший, что его уступки крестьянам часто чрезмер-

---

[59] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 172.

[60] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 97—98.

[61] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 380.

[62] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 41.

[63] *Фет А.* Жизнь Степановки или Лирическое хозяйство. С. 60.

ны, «доходят почти до подлости»,[64] при размежевании добился переселения части крестьян,[65] но ему, разумеется, не пришло в голову бросить Спасское и самому переселиться в голую степь.

На первых страницах романа рассказывается, что Николай Петрович после смерти жены собрался за границу, но грянул 1848 год и он поневоле вернулся в деревню, т. е. в старую усадьбу, затем три зимы жил в Петербурге вместе с Аркадием и только в последнюю не смог уехать из деревни, и то, вероятно, из-за Фенечки. Непонятно, когда же он строил новую усадьбу и занимался хозяйством. О Павле Петровиче говорится, что он еще при покойной жене брата соскучился в Марьине — так называлась старая усадьба, названная в честь здравствующей жены Николая Петровича, а с 1849 года, поселившись однажды в деревне, уже не покидал ее.[66] О переезде и строительстве опять ни слова. Наконец, Аркадий думает: «Сладко засыпать в родимом доме <...>»,[67] хотя новый дом ему вряд ли показался бы родным.

Итак, в истории дворянского гнезда Кирсановых отразилась история Степановки и ее обитателя — Фета. Очевидно, что на протяжении романа Тургенев относится к Николаю Петровичу и его деятельности иронично, как и к деятельности Фета, — он не верит ни в хозяйственные способности Фета, ни в преобразующую роль дворянства. Но Фет, вопреки ожиданиям друзей, оказался отличным хозяином — пруды наполнились, вырос сад, дом стал уютным, заработали молотилка и зерносушилка собственной конструкции, собирались отличные урожаи хлеба, появился конный завод. Верный жизненной правде, Тургенев отразил это в главе XXVIII романа: хозяйство Николая Петровича окрепло, ферма дает значительный доход, а сам он выбран мировым посредником (тут Тургенев как будто предугадал будущее Фета — тот прослужил десять лет мировым судьей). Однако об успехах Николая Петровича Тургенев пишет довольно насмешливо, и это понятно: успехи Фета в определенном смысле задевали самолюбие Тургенева, служили ему косвенным упреком. Крупный землевладелец, столбовой дворянин — тяготился своим долгом, не умел его выполнить, а Фет, к которому Тургенев относился несколько снисходительно, считая его «милым малым», «превосходным, забавным, по-своему весьма умным», в выполнении этого долга преуспел. История Фета, обретшего семейное гнездо в Степановке, возможно, служила Тургеневу мучительным напоминанием о том, что сам он навсегда распрощался с идеей тихого горацианского счастья на родине, в Спасском.

---

[64] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 254—255.

[65] Там же. Т. 3. С. 357. Письмо к И. С. Аксакову от 22 октября (3 ноября) 1859 г.

[66] *ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 33.

[67] Там же. С. 20.

В. А. Лукина

ТУРГЕНЕВ И ФЕТ В РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДАМИ ИЗ ГАФИЗА[1]
(Несколько добавлений к академическому изданию И. С. Тургенева)

В середине сентября 1859 года вернувшийся из-за границы И. С. Тургенев привез А. А. Фету,[2] по его настоятельной просьбе, содержавшейся, по всей видимости, в не дошедшем до нас письме,[3] собрание стихотворений Гафиза в переводе известного немецкого поэта и философа Георга Фридриха Даумера.[4] Очевидно, речь шла о книге

---

[1] Впервые вопрос об участии Тургенева в переводах Фета из Гафиза был поднят Н. П. Генераловой в докладе «Тургенев — редактор фетовских переводов „из Гафиза"» на международной научной конференции «И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев в контексте мировой культуры», состоявшейся в Орле в сентябре 2003 г. (тезисы доклада см.: И. С. Тургенев и Ф. И. Тютчев в контексте мировой культуры (К 185-летию И. С. Тургенева и 200-летию Ф. И. Тютчева). Материалы международной научной конференции. 23—26 сент. Орел, 2003. С. 34—36). См. также: *Klenin E.* Turgenev's gift, or How Fet read Daumer and translated Hafiz // Стих, язык, поэзия: Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. М., 2006. С. 255—262.

[2] Тургенев приехал в Спасское вечером 18 (30) сентября, а уже 19 или 20 сентября ст. ст. он пригласил к себе в усадьбу Фета, намереваясь поохотиться. «Фет — в Спасском, — писал Тургенев Полине Виардо 20 сентября (2 октября), — и завтра мы попытаем счастья; кажется в верстах десяти отсюда есть куропатки <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 85, 418. Подлинник по-франц.). В «Моих воспоминаниях» Фет приводит интересные сведения о своем пребывании в Спасском и, в частности, об этой совместной «с грехом пополам» охоте на куропаток и вальдшнепов (см.: *Фет. МВ.* Ч. 1. С. 308—309). Очевидно, именно тогда писатель и передал Фету привезенный им томик Даумера.

[3] «Это мне Тургенев привез из-за границы по моей просьбе», — писал Фет А. В. Дружинину, с увлечением работая над переводом из Гафиза (см.: Письма к А. В. Дружинину (1850—1863) / Ред. и коммент. П. С. Попова (Летописи Государственного литературного музея. Кн. 9). М., 1948. С. 340). Ср. также обещание Тургенева в письме к Фету от 22 июля (3 августа) 1859 г.: «Привезу Вам Даумера непременно» (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 71).

[4] По предположению, высказанному Н. П. Генераловой, Фет мог слышать о новом переводе «из Гафиза» или даже познакомиться с ним еще в 1856 г. во время его пребывания за границей, однако «желание перевести псевдо-Гафиза могло возникнуть у него позднее». Исследовательница не исключает также, что «именно Тургенев еще во Франции,

Даумера «Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte. Nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern», первое издание которой появилось в Гамбурге в 1846 году, второе — десять лет спустя, в 1856.[5] Судя по всему, Тургенев приобрел для Фета именно второе издание. В пользу этого предположения говорит ряд фактов и, прежде всего, то обстоятельство, что издания 1846 и 1856 годов существенно различаются между собой.[6]

Как известно, книга Даумера делилась на два основных раздела: первую и наиболее обширную часть тома составил раздел, озаглавленный «Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte» («Гафиз. Собрание персидских стихотворений»). В издании 1846 года в него вошло 216 стихотворений. После переводов из Гафиза следовал раздел «Poetische Zugaben aus verschiedenen Ländern und Völkern» («Поэтические добавления из различных стран и народов»), представленный одиннадцатью подборками, гораздо более скромными по объему, среди которых были «Турецкие» стихотворения, «Арабские», «Еврейские», «Индийские», «Цыганские», «Новогреческие» и др.

Оба вышеназванных раздела сохранились и в издании 1856 года. Отметим, однако, что в издании 1846 года существовал еще один, завершавший всю книгу раздел, который при повторном издании был упразднен. Это небольшая подборка из 33-х стихотворений под заглавием «Nachträglich zu Hafis» («Добавление к Гафизу»).[7] Впоследствии все они влились в общий корпус, при этом изменились нумерация и перво-

---

где они с Фетом не раз виделись, посоветовал ему заняться этими переводами» (см. преамбулу к разделу «Гафиз»: *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2004. Т. 2: Переводы. 1839—1863 / Подг. текстов и коммент. А. В. Ачкасова, Н. П. Генераловой и др. С. 605; далее ссылки на это издание: *Фет*, с указанием тома и страницы).

[5] В комментарии к письму Тургенева в первом академическом издании А. И. Батюто справедливо замечает, что речь идет о книге «Hafis. Eine Sammlung persischer Gedichte. Nebst poetischen Zugaben aus verschiedenen Völkern und Ländern. Von G. Fr. Daumer. Hamburg. Bei Hoffmann und Campe. 1856» (далее ссылки на это издание: *Daumer1856*, с указанием страницы), однако ошибочно указывает, что «первое издание было в 1852 г.» (см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 3. С. 616). Эта досадная ошибка была повторена и во втором академическом издании, (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 488); она присутствует также в собрании стихотворений А. А. Фета, изданном в 1937 г. Б. Я. Бухштабом (см.: *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., ред. и прим. Б. Я. Бухштаба. Л., 1937 (Сер. «Библиотека поэта»). С. 754; далее ссылки на это издание: *Фет. ПССт1937*, с указанием страницы); впервые исправлено в издании 1959 г. (см.: *Фет А. А.* Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подг. текста и прим. Б. Я. Бухштаба. Л., 1959 (Сер. «Библиотека поэта»). С. 826; далее ссылки на это издание: *Фет. ПССт1959*, с указанием страницы). Первое издание стихотворений Гафиза вышло не в 1852, а в 1846 г. В 1852 г. вышла книга Даумера: *Hafis.* Neue Sammlung. Nürnberg, 1852; 2-е изд. в 1868.

[6] Впервые предположение о том, что Фет пользовался именно вторым изданием было высказано Б. Я. Бухштабом (см. его преамбулу к разделу «Из Гафиза»: *Фет. ПССт1937.* С. 754). Следует отметить небольшую неточность, вкравшуюся в оба издания при указании названия книги Даумера: poëtischen вместо poetischen.

[7] Среди стихотворений, помещенных в этом разделе, в частности, под номером XIX было и одно переведенное Фетом «Wenn auf ein Haupt im Staube…» («Падет ли взор твой гордый…»).

начальный порядок следования стихотворений. Кроме того, во втором издании к уже опубликованным 249-ти переводам Даумер прибавил 5 новых стихотворений: среди них оказалось и одно, впоследствии переведенное Фетом, — «Finstere Schatten der Nacht...» («Грозные тени ночей...»). Таким образом, можно, кажется, с большой степенью уверенности считать установленным, что Фет держал в руках издание именно 1856 года.

Получив книгу, Фет в скором времени принялся за перевод. «Дело в том, что я в настоящее время *Гафиз*, — писал он А. В. Дружинину 4 октября ст. ст. 1859 года, — т. е. читаю и перевожу эту прелестную розу Ирана. Сколько силы, мудрости, нежности. Какая прелесть газелей».[8] Менее чем за месяц, как следует из того же письма к Дружинину, Фет перевел 18 стихотворений, из которых нам достоверно известны названия только 3-х: это стихотворение «Звезда полуно́чи дугой золотою скатилась...», посланное «для образчика» Дружинину, а также «В доброй вести, нежный друг, не откажи...» и «Ежели осень наносит...». Последние два перевода Фет отправил в начале октября Тургеневу (письмо не сохранилось), который оценил их очень высоко: «А кстати я Вам подарил Гафиза. Добрый гений мне это подшепнул. Переводы Ваши хороши <...>», — и добавлял далее: «...сколько я мог заметить — в тон Гафиза Вы попали. Продолжайте не *спеша*, и может выйти прелестная книжечка».[9] Вместе с тем Тургенев высказал ряд стилистических замечаний, в частности в отношении стихотворения «В доброй вести, нежный друг, не откажи...», некоторые из них были впоследствии учтены Фетом.[10] Перевод же «второй песни» был признан Тургеневым безукоризненным.

Можно также предположить, что, помимо 3-х названных переводов, в состав вышеозначенных стихотворений, переведенных Фетом к 4 октября ст. ст. 1859 года, входили «Десять языков лилеи...», «Ты в мозгу моем убогом....», «Ах, как сладко, сладко дышит...» и «Гиацинт твоих кудрей...». По всей видимости, именно их имел в виду Фет, упомянув в письме к Дружинину о том, что среди переведенных им 18-ти стихотворений «четыре *четверостишия*», поскольку других четверостиший среди известных переводов из Гафиза не обнаружено.

Тем временем, не собираясь ограничиваться 18-тью переводами, в течение октября—ноября 1859 года Фет продолжает интенсивно работать, намереваясь в скором времени связать «восточный букет» от 20-ти до 30-ти стихотворений и поместить их с небольшим предисловием в «Библиотеке для чтения» или в другом журнале.[11] Как видно,

---

[8] Письма к А. В. Дружинину. С. 340.

[9] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 92. Ср. в письме Фета к Дружинину от 19 октября ст. ст.: «Тургенев работает сильно в деревне, и я получил своему Гафизу одобрение от него» (Письма к А. В. Дружинину. С. 342).

[10] См. об этом: *Фет.* Т. 2. С. 612.

[11] «Отдельно, отрывочно я их печатать не стану, не желая ослабить впечатления, — писал Фет Дружинину в упоминавшемся уже письме от 4 октября ст. ст. 1859 г. — Если это не понравится публике, то пусть она розенгеймствует и некрасовствует на здоровье.

большую часть стихотворений Фет перевел в довольно быстрые сроки, хотя перевод давался ему не всегда легко (прежде всего потому что многие стихотворения оказались, по собственному признанию поэта, «нецензурны» или «неудобно уломаемы»[12]). Однако уже 19 октября ст. ст. Фет сообщал Дружинину, что у него «набралось» 30 стихотворений. В этом же письме поэт выражал твердое намерение не печатать Гафиза «до пересмотра с Тургеневым»: «Итак, вот в чем дело: Гафиз будет напечатан, только с одобрения Тургенева. <...> Повторяю, если Тургенев скажет, что весь перевод или частию неудовлетворителен, я его ни за что печатать не стану».[13] Как правило, Фет очень доверял художественному чутью Тургенева, особенно когда речь шла о переводах. Известно, как тщательно просматривал Тургенев, например, переводы из Горация, вышедшие в 1856 году отдельным изданием. Сказанное относится и к другим переводам Фета. Все эти сведения собраны и проанализированы во 2-м томе ныне выходящего Собрания сочинений и писем Фета.[14]

Как явствует из сохранившейся переписки с Тургеневым за 1859 год, Фет неизменно посылал ему на рецензию новые переводы из Гафиза. Так, в письме от 13 (25) ноября Тургенев дает отзыв о стихотворениях «Предав себя судьбам на произвол...» и «Если вдруг, без видимых причин...».[15] Возможно также, что какие-то переводы стали известны Тургеневу непосредственно от Фета во время их встречи в Москве, состоявшейся 23 ноября (5 декабря).[16]

К этому времени «букет» из 35-ти стихотворений был окончательно готов. Стихотворную подборку предваряло небольшое предисловие, написанное Фетом специально для публикации. «Представляя на суд истинных любителей поэзии небольшой букет, связанный в моем переводе из стихотворных цветов персидского поэта, — писал в нем Фет, — считаю нелишним сказать несколько слов, могущих споспешествовать верному воззрению на предполагаемые пиесы».[17] Как справедливо отметил Б. Я. Бухштаб, 4-й и 5-й абзацы предисловия Фета явились сокращенным переводом предисловия Даумера.[18] Можно добавить, что Фет, по-видимому, использовал и примечания Даумера к отдельным стихотворениям, содержащиеся в конце книги. Так, объяснение всех

Уведомляю же я Вас потому, что, может быть, Вы возьмете этот восточный букет» (Письма к А. В. Дружинину. С. 340).

[12] Письма к А. В. Дружинину. С. 342.

[13] Там же.

[14] См. об этом, напр.: *Генералова Н. П.* О Фете-переводчике // *Фет.* Т. 2. С. 533—534; *Успенская А. В.* <Преамбула к разделу «Гораций»> // Там же. С. 555 и др.

[15] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 111.

[16] Об этой встрече свидетельствует письмо Тургенева к Фету от 23 ноября (5 декабря) 1859 г. (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 112).

[17] *Фет.* Т. 2. С. 143. Впервые в печати предисловие появилось в «Русском слове» (1860. № 2 (Февраль). Отд. I. С. 25—26); см. также: *Фет.* Т. 2. С. 143—144.

[18] См.: *Фет. ПССт1959.* С. 826—827; ср.: Vorrende zur ersten Aufgabe // *Daumer 1856.* S. XI—XXI.

слов, которые дает Фет (Зельзебил, Каба, Юзуф, Туба), обнаруживается и у Даумера.[19] Очевидно, именно об этом предисловии идет речь в сообщении о чтении, состоявшемся 29 октября ст. ст. 1859 года в Обществе любителей российской словесности при Московском университете, на котором Фет читал «четыре пьесы из Гафиза: „Звезда", „Птичка", „Свеча" и „Возрождение", *со своим предисловием*».[20]

По всей видимости, во время встречи 23 ноября (5 декабря) 1859 года в Москве Фет передал Тургеневу на рецензию тетрадь, содержавшую перевод 35-ти стихотворений со сквозной нумерацией и предисловие, для последующего обсуждения в Петербурге с А. В. Дружининым на предмет помещения в «Библиотеке для чтения». Это явствует из письма Фета к Дружинину от 27 ноября ст. ст.: «Журналисты! Гафиз! что ж! не держите! решайтесь! и рукопись мне для поправок, согласно тургеневским отметкам. — *Померанец* — исправлен!».[21]

27 же ноября ст. ст. на квартире у Тургенева в Петербурге состоялось знаменитое чтение фетовского «перевода из Гафиза — перед Дружининым и Анненковым», о котором Тургенев сообщил Фету на следующий день. Результатом этого чтения стало разделение всех присланных стихотворений «на три разряда: *первый* — безукоризненные; *второй* — стихотворения, в которых потребны поправки; *третий* — стихотворения отвергаемые».[22] Таким образом, из 35-ти стихотворений Фету предлагалось опубликовать в первоначальном виде только 13, 9 — «выправить», а оставшиеся 13 «как незначительные и могущие только охладить на первых порах публику к Гафизу, которого она не знает и которого надобно ей представить так, чтоб он ее завоевал, чтобы она его учуяла», — временно не публиковать (а напечатать

---

[19] Ср., напр., примечания к стихотворению «Ob feindselige Winde…» у Даумера: «*Kaba*, der heilige Tempel in Mekka, der Punkt, wohin sich alle Moslemen bei Verrichtung ihres Gebetes zu wenden haben»; «*Jussuf*, der biblische Joseph» (*Daumer1856*. S. 348), — и у Фета: «*Каба* или *Кааба* — мечеть с гробом Магомета»; «*Юсуф* — Иосиф» (*Фет*. Т. 2. С. 153). Как установлено Б. Я. Бухштабом, эпиграфом ко всему циклу, впервые опубликованному в «Русском слове», Фет взял эпиграф к разделу «Книга Гафиза» («Buch Hafis») сборника Гёте «Западно-восточный диван» (см.: *Фет. ПССт1959*. С. 829). Примечательно, что в книге Даумера раздел переводов из Гафиза завершается подборкой из трех стихотворений, озаглавленной «Schluß. West-östlich», открывают которую те же строки Гёте (*Daumer 1856*. S. 175).

[20] См.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911. М., 1911. С. 295 (выделено мною. — *В. Л.*). Очевидно, под этими условными заглавиями скрываются стихотворения «Звезда полуно́чи дугой золотою скатилась…», «Веселись, о сердце-птичка…», «О, как подобен я — смотри…» и «Предав себя судьбам на произвол…» (установлено Б. Я. Бухштабом, см.: *Фет. ПССт1959*. С. 827). Об этом чтении Фет сообщал 1 ноября ст. ст. в письме к Л. Н. Толстому (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. / Сост., вступит. ст. и примеч. С. А. Розановой. Изд. 2-е, доп. М., 1978. Т. 1. С. 333).

[21] Письма к А. В. Дружинину. С. 345.

[22] *ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 114 (письмо от 28, 29 ноября (10, 11 декабря) 1859).

позднее «в виде дополненья»), пока же «заменить хотя *шестью*, но выбранными из числа *философских*».[23]

Из переписки Фета с Тургеневым и Дружининым становится ясно, как нелегко поэту было согласиться с этим решением. «При всем уважении к чутью и вкусу Вашему, Тургенева и Анненкова, — писал он 5 декабря ст. ст. Дружинину, — я не могу против своего убеждения выбрасывать то, что считаю красотами».[24] Более резко он высказался, очевидно, в письме к Тургеневу (не сохранилось), упрекнув своих критиков в излишней «*угодливости*» перед публикой, неготовой, по мнению Фета, к восприятию ничего смелого и ей непонятного.[25] Тем не менее в итоге Фет согласился выполнить требования «ареопага» и вскоре к 22-м оставшимся добавил, по крайней мере, два новых перевода: «Не будь, о богослов, так строг!..» и «Мы, Шемзеддин со чадами своими...».[26] Выбор для перевода именно этих («философских») стихотворений, скорее всего, был обусловлен упреком, высказанным в том же письме Тургеневым: «Замечу, кстати, что выбор, сделанный Вами, не совсем удовлетворителен: Вы, налегая на эротические стихотворения,

---

[23] Там же. С. 115.

[24] Письма к А. В. Дружинину. С. 346.

[25] См.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 128—129. Вероятно, в конце декабря 1859 г. Фет сам приезжал в Петербург для обсуждения с Тургеневым и Дружининым судьбы своих переводов из Гафиза. «Был недавно Фет со своим Гафизом, — писал 31 декабря ст. ст. в письме к Л. Н. Толстому А. В. Дружинин, — из которого стихотворений десять превосходны, но остальное ерунда самая бессмысленная» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 294). Именно во время этого приезда, как следует из того же письма Дружинина, Фет, по всей видимости, окончательно договорился о помещении всей подборки в «Русском слове»: «Тургенев тут не виноват, и он, и я, мы отговаривали Фета от Гафиза, бранили его за сношения с „Русским словом", но он сказал: „Если бы портной Кундель издавал журнал, под названием <...> и давал мне деньги за мои стихи, я, при моей бедности, стал бы работать для Кунделя"» (Там же).

[26] К этому времени относится, очевидно, и работа над текстом перевода «О помыслах Гафиза...». Черновой автограф этого стихотворения, как удалось установить Н. П. Генераловой, был записан Фетом на обороте печатной повестки ОЛРС, извещавшей членов Общества об экстренном заседании, которое должно было состояться 28 ноября ст. ст. 1859 г. (*Фет.* Т. 2. С. 613). Таким образом, стихотворение следует датировать, по всей видимости, концом ноября 1859 г. Желание перевести его могло возникнуть у поэта после того, как им было получено письмо Тургенева, содержавшее результаты совместного обсуждения с Дружининым и Анненковым. На обороте этой же повестки находится черновой автограф еще одного перевода из Гафиза — «Так уж меня с моею ивой...» (при жизни Фета не публиковавшегося; см.: Там же. С. 647), который также, по-видимому, не входил в первоначальный цикл из 35-ти стихотворений, а был выполнен позже. Не исключено, что и другие дошедшие до нас тексты переводов из Гафиза, сохранившиеся в черновых автографах на отдельных листах в Отделе рукописей *РГБ*, — «Ежели порой посмотришь ты...» и «Нет, мой друг...» — были созданы взамен «отвергнутых», но по какой-то причине не удовлетворили автора. По наблюдению Н. П. Генераловой, причины, по которым ряд переводов не был включен Фетом ни в «Русское слово», ни в сборник «Стихотворений» 1863 г., не ясны. Возможно, «часть из них была оставлена самим Фетом», а стихотворение «Нет, мой друг...» «не пропущено цензурой» (*Фет.* Т. 2. С. 646). С другой стороны, они могли, как предположил Б. Я. Бухштаб, входить в число 13-ти «отвергнутых» Тургеневым стихотворений (*Фет. ПССт1959.* С. 829).

пропустили много хороших».[27] В качестве примера заслуживающих перевода «философских» стихотворений Тургенев привел два: «Ich habe alles hinweggeworfen! — или Und dies ist doch fürwahr kein Fehl».[28] В академическом издании Тургенева оба эти названия никак не прокомментированы,[29] между тем, как следует из следующего письма писателя к Фету (7—25 декабря ст. ст. 1859), поэт перевел, по крайней мере, одно из рекомендованных ему стихотворений. «Теперь о Гафизе, — писал Тургенев, откликаясь на не дошедшее до нас письмо Фета. — Прежде всего спешу сказать, что перевод: Und dieses ist ja wohl kein Fehl — прелестен — за исключением темного стиха:

В газелях нежным нам успех, —

который, я полагаю, весьма легко переменить».[30] В комментарии к этому фрагменту указано, что «среди фетовских переводов из Гафиза, напечатанных в „Русском слове" (1860, № 2), этого стихотворения нет».[31] Обнаружить «затерявшийся» перевод позволило обращение к сборнику Даумера: им оказалось стихотворение «Не будь, о богослов, так строг!..»,[32] которое было впервые опубликовано во второй части сборника «Стихотворений» Фета, изданного в 1863 году.[33] Как видно, Фет учел замечание Тургенева, коснувшееся перевода ст. 25—26:

Wir preisen unser süßes Herz
Vierzeilig oder im Gasel, —

и в окончательном варианте стихи звучат следующим образом:[34]

Мы славим милую в стихах,
И нас, быть может, ждет успех.

Затруднение в идентификации этого стихотворения было, по всей видимости, вызвано тем, что в письме к Фету Тургенев назвал его не по первой строке, а по рефрену (в переводе Фета — «А это уж никак не грех!»):

Nicht düstre, Theosoph, so tief!
Nicht blicke, Moralist, so scheel!
Wir möchten gerne selig sein,
Und dieses ist ja wohl kein Fehl.

---

[27] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 114.
[28] Там же. С. 115.
[29] Там же. С. 509—510.
[30] Там же. С. 129.
[31] Там же. С. 521.
[32] У Даумера: «Nicht düstre, Theosoph, so tief!..», помещено под номером CCXXV (см.: *Daumer1856.* S. 145—146).
[33] *Фет А. А.* Стихотворения: В 2 ч. М.: Изд. К. Солдатенкова, 1863. Ч. 2. С. 223—224.
[34] В издании 1863 г. — ст. 21—22, поскольку стихотворение было опубликовано без 3-й строфы, изъятой, очевидно, по цензурным соображениям (см. об этом: *Фет.* Т. 2. С. 613—614).

Hinschmachtend in der Wüste Sand,
Gleich wie die Kinder Israel,
Schrei'n wir zu Gott um Labungen,
Und dieses ist ja wohl kein Fehl и т. д.[35]

Очевидно, о переводе этого стихотворения идет речь и в письме Фета к Дружинину от 5 декабря ст. ст.: «Философских стихотворений я обегал, потому что их никакая цензура не пропустит. Прислал еще одно Тургеневу — взгляните <...>».[36] К этому времени был готов перевод еще одного стихотворения из числа «философских» — «Мы, Шемзеддин со чадами своими...», который Фет выслал для ознакомления в том же письме к Дружинину: «Вот та пьеса, которую я обещал; надеюсь, что перевод Вам понравится, потому что он буквален и дагерротипичен».[37] Очевидно, и выбор «пьесы» для перевода, и сам перевод на этот раз вполне удовлетворили требовательного редактора, поскольку стихотворение было впоследствии опубликовано Фетом.

Удалось установить и второе из рекомендованных Фету Тургеневым для перевода стихотворений, которому он дал условное название — «Ich habe alles hinweggeworfen!». В издании Даумера 1856 года оно опубликовано под номером CCXXIV и предшествует первому из обозначенных Тургеневым стихотворений («Nicht düstre, Theosoph, so tief!..»).[38] Нет никаких сведений относительно того, приступал ли Фет к работе над переводом этого стихотворения, поэтому приведем его текст целиком.

Wir haben allen Glanz der Heiligkeit
Hinweggeworfen;
Wir haben jegliche Verstellung weit
Hinweggeworfen.

Der hohen Schule Porticus und Saal
Und Quästionen,
Wir haben all gelehrten Zank und Streit
Hinweggeworfen.

Den guten Namen von so manchem Jahr,
Den schwer errungnen,
Wir haben ihn, wie eine Kleinigkeit,
Hinweggeworfen.

Wir haben unser altes, ernstes Haupt,
Es vor die Füße
Dir rollend in den Staub der Niedrigkeit
Hinweggeworfen.

---

[35] *Daumer1856.* S. 145 (выделено мною. — *В. Л.*).

[36] Письма к А. В. Дружинину. С. 345. Из этого следует, что Фет отослал Тургеневу письмо со стихотворением «Не будь, о богослов, так строг!..» до 5 декабря ст. ст.

[37] Письма к А. В. Дружинину. С. 346.

[38] См.: *Daumer1856.* S. 143—144.

Wir haben Alles, was da löblich ist,
Wir haben Glauben,
Schaam, Sitte, Tugend und Bescheidenheit
Hinweggeworfen.

Wir haben, der Narzisse deines Augs
Die Seel' empfehlend,
All andrer Hoffnung, Trost und Süßigkeit
Hinweggeworfen.

Таким образом, к 5 декабря ст. ст. число стихотворений, которые Фет предполагал опубликовать в «Библиотеке для чтения», достигло 24-х.[39] Как известно, несмотря на все старания Фета, цикл переводов из Гафиза, за который он просил у А. В. Дружинина 300 рублей, в журнале «библиотека для чтения» не появился. Впервые перевод 24-х стихотворений[40] был напечатан в февральской книжке «Русского слова» за 1860 год, при этом еще 2 стихотворения, очевидно выброшенные цензурой, были заменены точками (под номерами XV и XXIV).

Поэт продолжал переводить Гафиза и после выхода в свет публикации в «Русском слове». «Переводы Ваши из Гафиза — на сей раз очень хороши, — откликался Тургенев 22, 29 февраля (5, 12 марта) 1860 года на присланные Фетом новые стихотворения (письмо Фета не сохранилось). — Я бы посоветовал Вам переменить только этот стих:

„Вот, человек, неблагородней быть тебе..."

Неясно и неловко. Вкомкайте в стих следующую фразу: „Ужели, человек, захочешь ты быть неблагородней — чем" и т. д.».[41] Как удалось установить А. И. Батюто, Тургенев здесь предлагал переделать ст. 7 стихотворения «Терзают грудь земли, и, посмотри, она...», которое, несмотря на положительную оценку писателя, впоследствии почему-то не было включено Фетом в сборник 1863 года и при жизни поэта ни разу не публиковалось.[42] Письмо Тургенева позволяет несколько уточнить датировку этого стихотворения, предложенную в выходящем

[39] «В первом письме моем о Гафизе, я писал Вам, что пьес будет от 20 до 25-ти. Их оставлено Вами 13 и 9, да я прислал одно и пришлю одно — итого их будет 24», — писал Фет Дружинину (Письма к А. В. Дружинину. С. 345).

[40] Следует оговорить, что состав этих стихотворений, как будет видно из дальнейшего изложения, не совпадал с обозначенным ранее в письме к Дружинину.

[41] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 166.

[42] Впервые опубликовано: *Фет.* Т. 2. С. 256. Фет учел правку Тургенева и в окончательной редакции исправил ст. 7—8 на: «Ты ль, человек, неблагодарней хочешь быть / Земли, деревьев, даже раковин самих». Отметим, однако, что прочтение «неблагодарней» вызывает некоторые сомнения, поскольку оно расходится и с вариантом, предложенным Тургеневым в указанном письме, и с немецким подлинником, где этот стих звучит следующим образом: «Was willst du, Mensch, unedler als der Erde Bauch, / Unedler, als der Baum und als die Muschel sein?» (*Daumer1856.* S. 42).

в настоящее время 20-титомном Собрании сочинений и писем Фета, и перенести ее с ноября 1859 года[43] на январь — февраль 1860.[44]

Из письма Тургенева выясняется название только одного из присланных Фетом новых переводов, однако не вызывает сомнения, что их было несколько — по крайней мере, два или больше. О каких еще стихотворениях могла идти речь?

В связи с этим вопросом обращают на себя внимание небольшие изменения, коснувшиеся состава переводов из Гафиза в издании 1863 года, а именно: добавление Фетом к 24-м опубликованным в «Русском слове» 3-х новых стихотворений, среди которых одно уже упоминавшееся — «Не будь, о богослов, так строг!..» (под номером XXVI), переведенное в ноябре 1859 года по совету Тургенева, и два неизвестных — «Уж если всё от века решено...» (XXV) и «Гафиз убит. А что его убило...» (XXVI). Логично предположить, что именно они были посланы Тургеневу и получили благожелательный отзыв. Косвенным подтверждением в пользу этого предположения является то обстоятельство, что автографы всех трех указанных переводов, а также упомянутое Тургеневым, но не вошедшее в сборник 1863 года стихотворение «Терзают грудь земли, и, посмотри, она...», находятся в одной тетради, хранящейся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.[45]

Возможно, какие-то из этих переводов были в числе «двух новых стихотворений, переведенных из Гафиза», с чтением которых Фет выступал в Обществе любителей российской словесности 23 февраля ст. ст. 1860 года, «при этом Общество постановило: одно из них прочесть в публичном собрании, что и было исполнено переводчиком 6 марта 1860 г.».[46]

Возвращаясь к первой публикации в «Русском слове», следует отметить, что в журнале стихотворения были опубликованы Фетом с новой

---

[43] См.: *Фет.* Т. 2. С. 647.

[44] По всей видимости, Фет завершил работу над новыми переводами и отослал их Тургеневу уже после отъезда последнего из Москвы, куда он приезжал для чтения корректуры романа «Накануне». Во время непродолжительного пребывания Тургенева в Москве — с 15 (27) января по 8 (20) февраля 1860 г. — он неоднократно виделся с Фетом. Одна из этих встреч, на которой Фет в присутствии Тургенева, А. Н. Майкова и Островского читал свой перевод из Горация, состоялась, как следует из письма Фета к Дружинину, 15 января ст. ст. (см.: Письма к А. В. Дружинину. С. 349), еще одна — 16 января ст. ст. на заседании ОЛРС, где Фет выступил с чтением своего стихотворения «Весенняя песня» (см.: Словарь членов ОЛРС. С. 290, 295). Очевидно, Фет присутствовал и на чтении в пользу Литературного фонда, состоявшемся 25 января ст. ст., на котором Тургенев выступил с речью «Гамлет и Дон-Кихот». Встречались они и после, как видно из письма Тургенева к Е. Е. Ламберт от 5 (17) февраля: «Сижу я здесь, никуда не выхожу, приходят ко мне разные приятели, курят, толкуют, спорят, я им рад, а в душе тайное желание уехать от них. Впрочем, тут есть два, три человека прелестных (Фет, Борисов, гр. Н. Н. Толстой и мой хозяин Маслов)» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 149).

[45] Здесь необходимо отметить, что рядом с перечисленными стихотворениями находятся автографы еще двух, не публиковавшихся при жизни поэта: «Помнишь ли ты, нежный друг мой, как светло...» и «Как бы эфира сотрясенье слышу...» (см.: *Фет.* Т. 2. С. 647—648).

[46] Словарь членов ОЛРС. С. 259.

сквозной нумерацией, которая радикально отличалась от нумерации, установленной поэтом в цикле из 35-ти стихотворений. Утрата таких важных источников, как рукописная тетрадь (содержавшая тексты самих переводов вместе с редакторскими поправками Тургенева), а также ответные письма Фета к Тургеневу, существенно усложняет реконструкцию первоначального замысла поэта. В свою очередь разрозненные сведения, сохранившиеся в письмах Тургенева, позволяют лишь частично восстановить изначальный состав и последовательность 35-ти «песен» из «светлого, прелестно-изнеженного Гафиза» в переводе Фета. Некоторые из переведенных поэтом стихотворений остаются до настоящего времени неизвестными.

Основная трудность при реконструкции первоначального цикла обусловлена тем обстоятельством, что, сообщив Фету о результатах чтения Гафиза в письме от 28, 29 ноября (10, 11 декабря) 1859 года, Тургенев обозначил все 35 стихотворений только по номерам. В ответном письме Фет, у которого не было под рукой нумерованного списка переводов, по всей видимости, просил прислать ему начальные строки указанных стихотворений, в первую очередь из числа «одобренных», чтобы соотнести их с номерами. Тургенев выполнил эту просьбу в своем следующем письме,[47] но не полностью, что значительно затрудняет идентификацию известных нам переводов по разрядам. Так, только для 11-ти из 13-ти стихотворений, выделенных Тургеневым в первый разряд, была дана первая строчка. Таким образом, в число «безукоризненных» стихотворений входили:

1-й разряд	Первоначальная нумерация	*РСл1860*	*Сб1863*
1. «Звезда полуно́чи дугой золотою скатилась…»	I	I	I
2. «О! если бы озером был я ночным…»	V	II	II
3. «Твой вечно, неизменно…»	VII	XXIII	XXII
4. «О! как подобен я — смотри!..»	VIII	VI	VI
5. «Грозные тени ночей…»	XI	XVIII	XVII
6. «Дано тебе и мне…»	XII	VII	VII
7. «Ветер нежный, окрыленный…»	XX	IX	IX
8. «Ежели осень наносит…»	XXII	X	X
9. «Падет ли взор твой гордый…»	XXIII	XII	XII
10. «Ты в мозгу моем убогом…»	XXVII	XXI	XX
11. ?	XXVIII		
12. ?	XXXIII		
13. «Сошло дыханье свыше…»	XXXV	XXVI	XXIV

Как видно, названия двух стихотворений (под номерами XXVIII и XXXIII) были по какой-то причине пропущены Тургеневым. Если исходить из предположения, что скрывавшиеся под этими номерами переводы вошли впоследствии в состав 26-ти переданных Фетом в ре-

[47] См.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 129.

дакцию «Русского слова», то недостающие стихотворения следует, в первую очередь, искать среди четверостиший — «Десять языков лилеи...» (№ VIII в *РСл*), «Ах, как сладко, сладко дышит...» (№ XIX) и «Гиацинт своих кудрей...» (№ XXII). Известно, что они были переведены Фетом одними из самых первых (до 4 октября ст. ст.), а текст последнего был отправлен Л. Н. Толстому в ответ на просьбу: «Пришлите мне одно самое здоровое, переведенное вами стихотворение Гафиза me faire venir l'eau à la bouche (чтобы полакомиться (*франц.*). — *В. Л.*) <...>».[48] Есть еще одно стихотворение, которое могло входить в число «безукоризненных», — «Книгу мудрую берешь ты...» (№ XI), но никаких данных о времени его написания, которые могли бы укрепить или, наоборот, опровергнуть это предположение, обнаружить не удалось.

Наибольший интерес представляет состав второго из названных Тургеневым разрядов, так как именно о нем сохранилось значительное количество сведений, по которым можно восстановить кропотливый процесс работы Фета над переводами и их шлифовкой, а также степень участия и роль Тургенева в их редактировании. Сохранившиеся письма Тургенева к Фету, в которых содержится редакторская правка переводов из Гафиза, позволяют также установить названия и фрагменты нескольких стихотворений, тексты которых остались нам неизвестными.

Во 2-й разряд, или 2-ю категорию переводов вошли 9 стихотворений, в которых, по замечанию Тургенева, были «потребны поправки». Это единственная группа, полный состав которой нам удалось целиком реконструировать по сохранившимся письмам Тургенева к Фету, поэтому целесообразно привести фрагмент письма целиком:

«Во *втором* разряде:

II-й, где нужно переменить: *властелинка* над долиной.
IV-й, где нужно переменить: *дышать взлетает радостно юна.*
VI — которое следует переделать *radicalement.*
XVI — где очень нехорошо: *там я кружился* — до я *до лазури шел.* Это превосходное стихотворение вообще передано слабо.
XVIII — где надо непременно выкурить: „*карамели*" — и „*кофе*".
XXIV — где дурны: *чин* и *помин.*
XXVI-й — где неизящно очень:

Этих сладких вод... солнце вскипятя.

XXX-й — где неясно и неприятно:

безумство... не так встречает *как ты.*

XXXII-й — где темно:

Чтоб не скоро от моих костей
Лишь зола была видна — приди.

Всех *девять* стихотворений».[49]

---

[48] Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 332. Вместе с этим четверостишием Фет выслал также стихотворения «В царство розы и вина — приди...», «Предав себя судьбам на произвол...» и «Взгляни! Ты, дышащий хулой...» (Там же. С. 334—335).

[49] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 114—115.

Задача облегчалась тем, что, помимо номеров, Тургенев здесь указывает конкретные (неудовлетворительные) строчки или слова, подлежащие исправлению. Ряд приведенных Тургеневым фрагментов в большинстве случаев легко соотносится со стихотворениями, из которых они были взяты. Так, например, по строчке «дышать взлетает радостно юна» восстанавливается, что в первоначальной нумерации номеру IV соответствовало стихотворение «Предав себя судьбам на произвол…». Таким образом комментатору писем Тургенева к Фету в академическом издании Тургенева А. И. Батюто удалось идентифицировать 5 из 9-ти стихотворений.

Затруднения возникли с четырьмя переводами — под номерами VI, XVI, XXIV и XXX.

Высказав отдельные замечания к 8-ми стихотворениям, номер VI Тургенев потребовал «переделать *radicalement*», что Фет и попытался сделать, как явствует, из последующего письма Тургенева. Однако попытка была признана неудачной. «Это стихотворение решительно погибло, — писал Тургенев, — от первой *версии* — на *анцу* с судорожным хохотом валялись Дружинин и Анненков на диване — от версии на *ину* — пришлось бы им заплакать. Это просто *ужасно*: Поет бюлбень[50] тоски *своей причину*. И тут же цветок — *сиротина!!* Поэт — и Вы решаетесь на такое варварство!».[51] Знакомство со сборником Даумера показало, что речь идет о стихотворении «Das Aethermeer, das nächtige…» («Море эфира ночное…»), опубликованном под номером XXII,[52] в частности Тургенев критикует перевод второй строфы:

> Es streuet ihm die Lilie
> Weihrauch empor; es hängt an ihm bezaubert
> Bülbül, die tonkunstmächtige,
> Und grüßet ihn mit ihrer süßen Stanze.[53]

Очевидно, это же стихотворение имел в виду Фет, сообщая Дружинину, что «*Померанец* — исправлен!», — поскольку в первой строфе луна уподобляется померанцу.[54] Отсюда восстанавливаются две версии, названные Тургеневым: на *анцу* — <подобно> померанцу и на *ину* — <подобно> апельсину. Перевод этого стихотворения остается неизвестным.

Еще одну загадку скрывает стихотворение под номером XVI, в котором нарекания редактора вызвали стихи «*там я кружился* — до я *до лазури шел*». «Это превосходное стихотворение вообще передано слабо», — заключает дальше Тургенев. В комментарии к этому фрагменту

---

[50] Необходимо отметить неточность, вкравшуюся в текст письма: следует читать не «бюлбень», а «бюлбюль» (см. рис. 1; автограф: *РО ИРЛИ*. № 20293. Л. 4), ср. объяснение этого слова у Даумера: Bülbül — «die persische Nachtigall» («персидский соловей»), характерное для восточной поэзии (*Daumer 1856*. S. 349).

[51] *ПССиП(2). Письма*. Т. 4.

[52] *Daumer1856*. S. 11.

[53] Цветок курит ей (луне. — *В. Л.*) фимиам, / Влюбленный и околдованный ею / Соловей, искусный певец, / Приветствует ее своей сладкой песней.

[54] У Даумера: Schon blicket er (der Mond. — *В. Л.*), der prächtige, / Durch's dunkle Laub als *goldne Pomeranze* (выделено мною. — *В. Л.*).

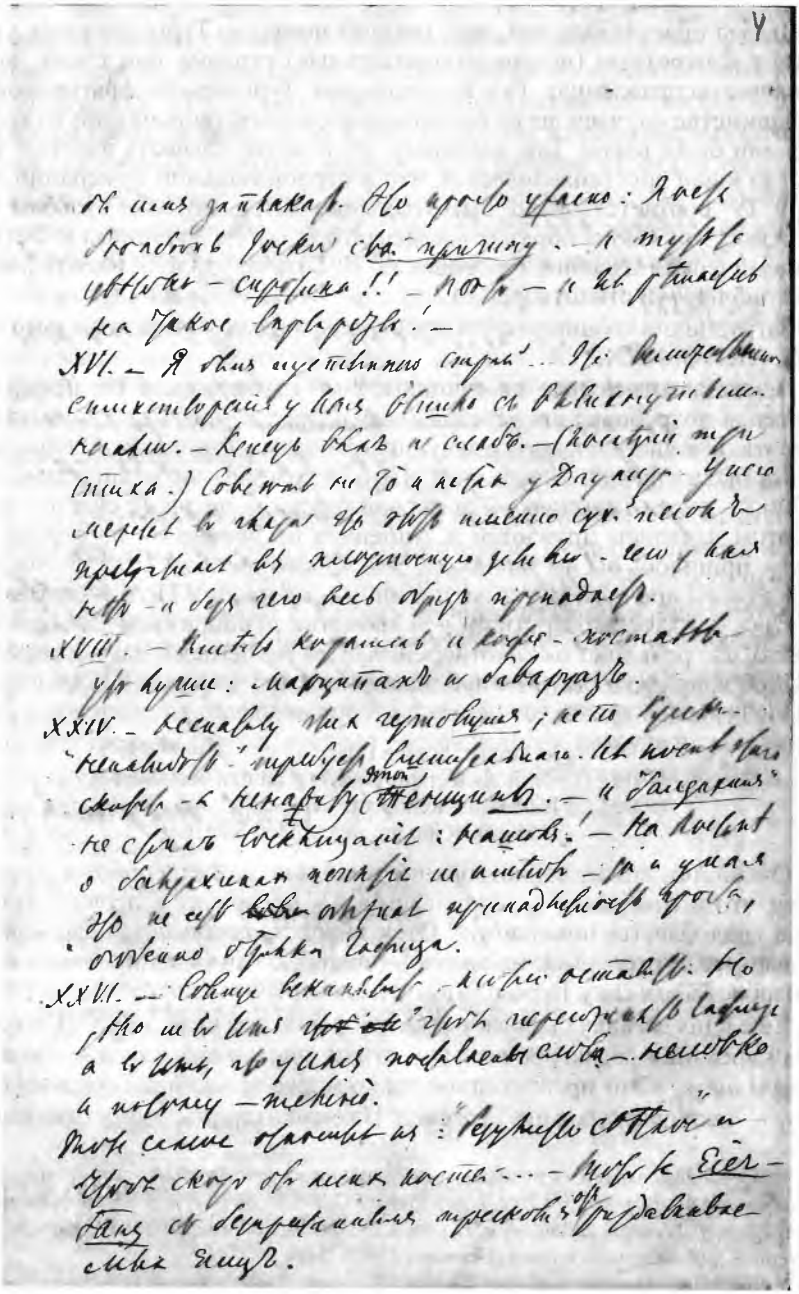

Рис. 1. Письмо И. С. Тургенева к А. А. Фету от 5—7 декабря ст. ст. 1859 г. Вторая страница

письма А. И. Батюто замечает, «о каком именно стихотворении идет речь, определить невозможно, так как, по-видимому, оно не было напечатано или в печати было коренным образом переработано».[55] Между тем установить, какое именно стихотворение скрывается за номером XVI, снова помогает немецкий оригинал «Неизвестным» оказывается вполне известный перевод «Zur Wüste grimmig ausgebrannt…» («Я был пустынною страной…»). В частности, Тургенев говорит о ст. 5—7, которые в первоначальной редакции звучали приблизительно следующим образом:

<Там я кружился и пылил,
И, ветром уносимый,
Я до лазури шел>.[56]

Подтверждение этому предположению мы находим в следующем письме Тургенева, который на этот раз подверг суровой критике ст. 12—14: «Это величественное стихотворение у Вас вышло с вывихнутыми ногами. Конец вял и слаб. (Последние три стиха). Совсем не то и не так у Даумера. У него мечется в глаза, что этот именно сухой песок превратился в плодоносную землю, — чего у Вас нет — и без чего весь образ пропадает».[57] Некоторое недоумение вызывает то обстоятельство, что во втором письме, как оно опубликовано в первом и втором академических изданиях, Тургенев ставит против этого стихотворения номер XV (а не XVI, как следовало бы). Сверка с оригиналом позволила установить, однако, что в издание вкралась ошибка, поскольку в автографе отчетливо читается цифра «XVI» (см. рис. 1).[58]

Что касается стихотворения под номером XXIV, «где дурны: *чин* и *помин*», то здесь, без сомнения, имеется в виду одна из ранних редакций стихотворения «Если вдруг, без видимых причин….», что подтверждает обращение к немецкому оригиналу, а также последующее письмо Тургенева, оставшегося недовольным переделками и подвергшего критике на этот раз стих «Ненавижу этих чертов*щин*».[59]

Примечательна судьба стихотворения под номером XXX, где, по замечанию Тургенева, «неясно и неприятно: безумство… не так встречает *как ты*». Это стихотворение не было опубликовано при жизни Фета и сохранилось только в письме к Л. Н. Толстому от 1 ноября 1859 года.[60] Установить это помогает следующее письмо Тургенева, в котором он, будучи неудовлетворен поправками к ряду стихотворений, замечает:

---

[55] *ПССиП(1). Письма.* Т. 4. С. 633; повторено: *ПССиП (2). Письма.* Т. 4. С. 509.

[56] Ср. в окончательной редакции: «Я там взвивался и пылил / И, ветром уносимый, / Я в небеса ушел» (см.: *Фет.* Т. 2. С. 146).

[57] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 129—130.

[58] См.: *РО ИРЛИ.* № 20293. Л. 4.

[59] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 130.

[60] Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Т. 1. С. 335. Впервые в собрание сочинений Фета оно было включено в 2004 г. (см.: *Фет.* Т. 2. С. 257). Необходимо, однако, исправить небольшую неточность, вкравшуюся в комментарии (с. 648), где сказано, что это стихотворение изначально предназначалось Фетом для сборника 1863 г., в то время как Фет планировал опубликовать его уже в «Русском слове».

«Но дело не в том, чтобы пересочинять Гафиза, а в том, что у Вас поставлены слова — неловко и потому — темно.

То же самое относится к: «безумство светлое» <…>. Тот же *Eiertanz* с беспрестанным треском от раздавливаемых яиц».[61] Напомним первые строки стихотворения:

Взгляни! Ты, дышащий хулой
И ограниченный народ!
Безумство светлое со мной
Не так встречается, как ты, <….>.

Рискнем предположить, что именно это стихотворение оказалось одним из двух переводов, которые были отвергнуты цензурой при публикации в «Русском слове» и заменены на строку точек. Вторым стихотворением, которое постигла та же судьба, стало, по всей видимости, «Не будь, о богослов, так строг!..»,[62] перевод которого, как уже упоминалось, Тургенев нашел «прелестным». Вероятно, о нем идет речь в письме Тургенева к Фету от 15 (27) февраля 1860 года: «Из Гафиза выкинули едва ли не лучшее стихотворение — это очень жаль. Цензурные здесь дела нехороши: ветер опять задул с севера».[63]

Итак, только 7 из 9-ти стихотворений, причисленных Тургеневым ко 2-му разряду, были действительно опубликованы в «Русском слове», а впоследствии вошли в сборник «Стихотворений» 1863 года. Таким образом, состав 2-й группы стихотворений был следующим:

2-й разряд	Первоначальная нумерация	*РСл1860*	*Сб1863*
1. «Веселись, — о сердце-птичка!..»	II	XVI	XV
2. «Предав себя судьбам на произвол…»	IV	XVII	XVI
3. «Das Aethermeer, das nächtige…»	VI	*перевод неизвестен*	
4. «Я был пустынною страной…»	XVI	V	V
5. «В доброй вести, нежный друг, не откажи…»	XVIII	XX	XIX
6. «Если вдруг, без видимых причин…»	XXIV	IV	IV
7. «Пусть, насколько хватит сил…»	XXVI	XIII	XIII
8. «Взгляни! Ты дышащий хулой…»	XXX	*не было опубликовано*	
9. «В царство розы и вина приди…»	XXXII	XIV	XIV

Что касается третьей группы, в которую вошли 13 «отвергнутых» стихотворений, то о ее составе остается только догадываться. Можно, вслед за Б. Я. Бухштабом, предположить, что в нее входили какие-то из ненапечатанных при жизни Фета переводов, сохранившиеся в автографах.[64] Однако даже если это и так, все равно приходится признать, что бóльшая часть из них утрачена или же остается невыявленной.

---

[61] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 130.

[62] Впоследствии это стихотворение было включено Фетом в сборник 1863 г.

[63] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 160.

[64] См.: *Фет. ПССт1959.* С. 829. Эти стихотворения были опубликованы в разделе «Приложения» 2-го тома выходящего в настоящее время Собрания сочинений и писем Фета (см.: *Фет.* Т. 2. С. 254—257).

А. Фифис

АЛЬФОНС ДОДЕ — СОТРУДНИК ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГАЗЕТЫ «НОВОЕ ВРЕМЯ»*

Деятельность Тургенева как популяризатора художественных произведений и статей современных французских писателей была, как известно, весьма значительной. С одной стороны, он представлял русской публике своих друзей писателей, в большинстве своем уже снискавших во Франции определенную известность, с другой — предоставлял в равной степени возможность молодым литераторам, оказавшимся в затруднительном положении, приобрести имя посредством литературного сотрудничества в России.

Так, если вспомнить только участников «Обедов пяти»,[1] Тургенев осуществлял эту задачу весьма энергично: он способствовал публикации романов Флобера, сам предпринял перевод двух из «Трех повестей»,[2] способствовал распространению некоторых романов Эдмона де Гонкура,[3] познакомил Золя с редакцией журнала «Вестник Европы», где с 1875 по 1880 год публиковались его хроники,[4] и рекомендовал Доде в качестве сотрудника газеты «Новое время» в 1878 и 1879 годах.

Но если обильная переписка Золя и в особенности его письма к Тургеневу и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу раскрывают нам зарождение и развитие этого сотрудничества,[5] обстоятельства,

---

* Публикуемая статья была впервые напечатана в: *Cahiers*. N 14 (1990). P. 73—81.

[1] Имеются в виду встречи Тургенева, Флобера, Э. де Гонкура, Золя и Доде, получившие название «Обедов Пяти», «Флоберовских обедов» или «Обедов освистанных авторов», начало которым было положено 14 апреля 1874 г. в кафе Риш в Париже после неудачной премьеры пьесы Флобера «Кандидат» в театре «Водевиль». Некоторое время встречи были регулярными, впоследствии, после смерти Флобера, окончательно прекратились (*Примеч. переводчика*).

[2] Речь идет о повестях Флобера «Иродиада» и «Легенда о святом Юлиане Милостивом», переведенных Тургеневым и опубликованных в «Вестнике Европы» в 1877 г. (№ 4—5) с предисловием переводчика (*Примеч. переводчика*).

[3] При посредничестве Тургенева в «Вестнике Европы» и «Отечественных записках» были опубликованы переводы двух романов Э. де Гонкура: «Жермини Ласерте» и «Рене Мопрен», а также написанная по совету Тургенева статья Э. Золя о романах братьев Гонкуров (*Примеч. переводчика*).

[4] За этот период в «Вестнике Европы» было напечатано 64 корреспонденции Золя из Парижа (*Примеч. переводчика*).

[5] См.: *Zola E.* Correspondance / Editée sous la direction de B. H. Bakker. Paris. Ed. de C. N. R. S., les Presses de l'Université de Montréal. 1978—1989. V. 1—7.

при которых завязалось знакомство Альфонса Доде с «Новым временем», напротив, остаются весьма не проясненными. Переписка Доде и Тургенева почти не сохранилась,[6] и хотя тургеневедческие исследования указывают на существование двадцати семи статей Доде, посланных в «Новое время», до последнего времени мы не имели возможности ознакомиться с их содержанием.[7]

Известно, что дружеские отношения, связывавшие пятерых членов «Флоберовских обедов», были весьма неоднородными, поскольку и сами участники, и их художественные устремления немало разнились между собой. Если с Флобером Тургенева объединяли глубокие дружеские связи, то с остальными тремя членами группы эти связи были, кажется, более поверхностными. Так, для Золя Тургенев был доброжелательным сотрудником, с которым он поддерживал добрые отношения, не высказывая, однако, суждений о его творчестве. Что касается Эдмона де Гонкура, то он, кажется, был более поражен тургеневским талантом рассказчика и необычностью его произношения, чем его писательским даром.[8]

В отношениях Тургенева и Доде, имевших печальное продолжение после смерти Тургенева,[9] напротив, существовали реальные черты близости, как литературной, так и личной. В этой связи опубликованная Доде в 1880 году статья в нью-йоркской газете «Century Magazine» под заглавием «Тургенев» дает нам довольно точное представление о том, что могло объединять обоих писателей.[10]

Доде вспоминает свою встречу с Тургеневым у Гюстава Флобера на улице Мурильо, произошедшую «лет десять — двенадцать тому назад». К тому времени, по его утверждению, он «основательно знал творчество» русского писателя, который, как писал Доде, «уже давно восседал в кресле из слоновой кости на моем Олимпе, наряду с другими моими богами». С «большим волнением» прочитал Доде «Записки охотника». Не будем останавливаться на очевидном сходстве «Писем с

---

[6] 5 писем Альфонса Доде к Тургеневу и 2 письма Тургенева к Доде были впервые опубликованы А. Звигильским в *Cahiers*. N 1 (1972) и N 14 (1990) (*Примеч. переводчика*).

[7] Приношу свою глубокую благодарность А. Звигильскому за возможность ознакомиться с копиями этих драгоценных материалов.

[8] *Goncourt Ed. et Jules*. Journal. Memoires de la vie littéraire. Texte intégral établi et annoté par Robert Ricatte, préface et chronologie de Robert Kopp, introduction de Robert Ricatte. 3 vol. Paris, 1989. См. также записи Э. де Гонкура в его Дневнике: *Гонкур Эдмон и Жюль, де*. Дневник. Записки о литературной жизни. Избранные страницы: В 2 т. / Пер. с французского. Сост. и коммент. С. Лейбович. М., 1964. Т. 2 (по указателю).

[9] В 1887 г. И. Павловский опубликовал книгу «Souvenirs sur Tourguéneff», где воспроизвел резкие отзывы, якобы сделанные Тургеневым о Доде и Гонкурах, которых сам Павловский ненавидел.

[10] В 1883 г., после смерти Тургенева, эта статья была опубликована в русском переводе в «Новом времени». Наконец в 1888 г. она вошла в сборник Доде «Тридцать лет в Париже», однако здесь, возмущенный «откровениями» Павловского, писатель прибавил постскриптум, в котором отразилось его изменившееся отношение к личности Тургенева.

моей мельницы» и «Записок охотника», уже отмеченном А. Звигильским.[11] Достаточно послушать самого Доде: «Мы были связаны с ним еще до знакомства нашей общей любовью к полям, перелескам, к природе, одинаковым пониманием ее превращений».[12] Если безграничное восхищение и может показаться кому-то несколько преувеличенным, то оно подтверждается другими высказываниями Доде.[13] Прочитав в 1873 году «Вешние воды», Доде напишет Тургеневу: «Никогда еще Вы не писали ничего более изысканного, более прозрачного. Здесь воспроизведено впечатление ночи и воды поистине удивительно. Вдыхаешь аромат полевых цветов, не видя их. До встречи, волшебник».[14]

Общим для обоих писателей было до предела обостренное восприятие, чувствительность ко всем явлениям природы, на лоне которой они выросли. В той же статье Доде читаем: «Двери между его чувствами открыты. Он воспринимает деревенские запахи, глубину неба, журчание вод, прозрачности небес и без предвзятости сторонника того или иного литературного направления отдается многообразной музыке своих ощущений».[15] Действительно, сходные произведения у обоих писателей, хотя и были связаны множеством нитей с литературными школами и движениями, сумели, однако, остаться восхитительно своеобразными и всегда избегали формализма какой-либо системы.

Для изучения отношений двух писателей нам не хватает одного ценного источника: их переписки. За исключением нескольких записок, опубликованных исследователями,[16] и одного письма Тургенева к Доде от 12 (24) декабря 1877 года, в котором речь идет о романе «Набоб»,[17] у нас нет ни одного значительного письма, мы даже не располагаем сведениями о том, что между писателями существовал предполагаемый эпистолярный диалог.

Из переписки Тургенева известно, что он знакомил своих русских друзей с романами Доде. Например, роман «Фромон младший и Рислер старший» был послан Ю. Шмидту,[18] а роман «Короли в изгнании»

---

[11] См.: *Zviguilsky A.* Les écrivains français d'après leur correspondance inédite avec Ivan Tourguéniev // *Cahiers*. N 1 (1977). P. 18—19.

[12] Цит. по: *Доде А.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1965. Т. 7. С. 426—437. Пер. О. Моисеенко.

[13] См.: *Daudet A.* Notes sur la vie // Daudet A. Œuvres complètes. 1929—1931. Librairie de France. T. XVI. P. 20.

[14] Это письмо впервые опубликовано А. Звигильским в указанной статье: *Zviguilsky A.* Les écrivains français d'après leur correspondance inédite avec Ivan Tourguéniev. P. 19.

[15] *Доде А.* Собр. соч. Т. 7. С. 427.

[16] Помимо упомянутой записки Доде к Тургеневу, опубликованной Звигильским и датируемой им предположительно январем 1878 г., еще одна записка, написанная между 2 и 9 января 1879 г., была опубликована Т. П. Ден в сборнике «Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX веков из ленинградских рукописных собраний» / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1960. С. 246 (перепечатано в подготовленном А. Звигильским издании: Gustave Flaubert / Ivan Tourguéniev. Corresppondance. Paris, 1989. P. 243).

[17] См.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 249.

[18] Там же. Т. 10. С. 327.

П. В. Анненкову,[19] и если Тургенев не слишком восхищается этими произведениями, можно, тем не менее, утверждать — вопреки «откровениям» Павловского — что он испытывал уважение не только к компаньону по «Флоберовским обедам», но также и к писателю Альфонсу Доде. Разумеется, в его суждениях есть нюансы, и Флобера он явно предпочитает остальным со всех точек зрения. Очень показательно в этой связи письмо к Флоберу от 12 (24) января 1880 года. Разослав нескольким французским литераторам перевод романа Л. Н. Толстого «Война и мир», Тургенев с нетерпением ожидает ответа от Флобера. Когда Флобер сообщает ему о своем восхищении от чтения романа Толстого, Тургенев пишет ему: «Не знаю, что скажут господа критики (я также послал „Войну и мир" Доде и Золя) — но для меня главное решено: Floberus dixit (Флобер сказал. — *лат.*). Остальное не имеет значения».[20]

И все же Тургенев уважал автора «Набоба» и, безусловно, не мешал своего друга Доде с грязью, как это хотел представить в своей книге «Воспоминания о Тургеневе» Исаак Павловский в 1887 году.[21] В намерение этой темной личности, еврея по происхождению, русского эмигранта и парижского корреспондента «Нового времени», входило отомстить Доде, которого он обвинял в антисемитизме.[22] Несмотря на опровержение, последовавшее со стороны соотечественников Тургенева, знавших о низости намерения Павловского, вопреки призывам к благоразумию со стороны Анатоля Франса и Золя, — Доде, уязвленный этими злобными пересудами, принял на веру свидетельства Павловского и с тех пор, подобно Эдмону де Гонкуру, стал считать своего старого друга коварным и лицемерным славянином.[23] Этот инцидент был причиной постскриптума к статье Доде 1880 года, включенной в сборник «Тридцать лет в Париже», который был опубликован в 1888 году. Здесь Доде желчно высказался относительно того, что он упрямо продолжал считать предательством Тургенева. И все же, несмотря на разочарование, Доде, в противоположность Эдмону де Гонкуру, не изменил своего отношения к творчеству русского писателя. Свидетельством тому является статья Жюля Юре, появившаяся 5 ноября 1893 года в газете «Le Figaro». Согласно ей, Доде сказал, что «Записки охотника» и роман «Отцы и дети» являются восхитительными произведениями и добавил: «Много лет книги Тургенева были для меня настольными, из тех чудных книг, которые читаешь и перечитываешь без конца; потом другие заступили их место, но мое мнение о первых осталось прежним...».

---

[19] Там же. Т. 12. Кн. 2. С. 161.

[20] Там же. С. 206.

[21] *Pavlovsky I.* Souvenirs sur Tourguéneff. P. 73.

[22] См.: *Blanc Camille.* L'incident Daudet / Tourguéneff, tous documents réunis, ou le juif Pavlovsky exploitant un mort. Paris, 1888.

[23] См.: *Goncourt Ed. et Jules.* Journal. T. 3 (Записи от 10 и 11 октября 1887 г. и 5 ноября 1893 г.); *Daudet A.* Ultima. Pour les amis d'E. de Goncourt, son dernier séjour à Champrosay, jour de l'inhumation, 5 août 1896 // Daudet A. Œuvres complètes. T. XVI. P. 97—122.

И все же посмертная легенда, автором которой был Павловский, нанесла большой ущерб репутации Тургенева во Франции.

Как бы то ни было, Тургенев, как это уже было с Золя, Сеаром и Валлесом, вел переговоры с русской газетой по поводу литературного сотрудничества в ней своего друга Альфонса Доде. Именно благодаря Тургеневу Доде опубликовал с 1878 по 1879 год в санкт-петербургской газете «Новое время» двадцать семь статей, роман в фельетонах «Королева Фредерика» и в 1883 году некрологическую статью «Тургенев в Париже».

Это сотрудничество состояло по большей части из статей на литературные темы, они посвящены какому-либо писателю, театральной пьесе или роману, но также из хроник из парижской жизни, которые можно отнести к области «картинок нравов», и из переводов собственных произведений.

Из двадцати семи существующих статей, внесенных в библиографические работы, посвященные творчеству А. Доде,[24] мы не смогли познакомиться с двумя.[25]

Отметим сразу, что Доде не писал или писал совсем немного текстов, предназначенных исключительно для русской ежедневной газеты. В самом деле, на страницах «Нового времени» можно найти статьи, уже опубликованные ранее во французских газетах под слегка измененными заголовками, или немало уже готовых хроник, которые позднее будут собраны воедино и напечатаны в сборниках. Так, Доде дал для перевода на русский язык большинство статей, из которых потом составится сборник «Тридцать лет в Париже» (1888). Таким образом, с августа по декабрь 1878 года русская публика могла прочитать следующие хроники, печатавшиеся под рубрикой «Записки литератора»:[26]

---

[24] Alphonse Daudet. A critical bibliography / Geoffrey E. Hare. Grant & Cutler Ltd. 1978. Research bibliographies and checklists. I, II. 1979.

[25] Речь идет о статье «Первая пьеса», опубликованной в № 976 от 15 (27) ноября 1878 г., и о статье «Актеры и актрисы», напечатанной в № 990 от 29 ноября (11 декабря) 1878 г. Не видя русского текста, мы не имели возможности отметить изменения, которые могли быть внесены в русский текст по сравнению с французским оригиналом. Что касается статьи «Актеры и актрисы», выскажем гипотезу, что ею является статья «Etude de comédien», напечатанная в «Le Bien Public» 11 марта 1873 г. и включенная затем в сборник «Robert Helmont». Отметим также, что Доде напечатал резюме статьи Ф. Сарсе, озаглавленной «Комедианты и комедиантки» («Comédiens et comédiennes»), в номере «Journal Officiel de la République Française» от 13 января 1879 г. Более поздняя дата этой статьи (1879), по сравнению с той, что была напечатана в «Новом времени», склоняет нас к первой гипотезе; этот тип статьи вполне соотносится с теми текстами, которые Доде посылал в «Новое время».

[26] Статьи, вошедшие в сборник «Trente ans de Paris»: «Приезд» (№ 857 от 19 (31) июля); «Первый фрак» (№ 871 от 2 (14) августа); «Анри Монье» (№ 885 от 16 (28) августа); «Цыгане» (№ 899 от 30 августа (11 сентября)); «Литературные салоны» (№ 913 от 13 (25) сентября); «Вильмессан и Фигаро» (№ 927 от 27 сентября (9 октября)); «Памфлетист» (№ 942 от 12 (24) октября); «Первая пьеса» (№ 976 от 15 (27) ноября); «История одного провала» (№ 1004 от 13 (25) декабря), напечатанная в рубрике «Письмо из Парижа». Заметим также, что появившаяся тогда же в рубрике «Записки литератора» статья «Ле-

«Приезд», «Первый фрак», «Анри Монье», «Конец шута и богемы Мюрже» (под заголовком «Цыгане»), «Литературные салоны», «Вильмессан», «Анри Рошфор» (под заголовком «Памфлетист»), «Первая пьеса» и, наконец, «Тамбуринщик» (под заголовком «История одного провала»). В действительности Доде опубликовал в русском переводе все пьесы из сборника «Тридцать лет в Париже», за исключением одной — «Воробьиный остров (Встреча на берегу Сены)». Очерк «Первый фрак» был опубликован на страницах французской печати еще в 1859 и затем в 1862 годах, а спустя немного времени после публикации в «Новом времени» Доде еще раз напечатал эту статью на страницах газеты «Le Temps». Статья «Анри Рошфор» также была ранее напечатана во Франции. Тем не менее следует отметить, что некоторые статьи были либо напечатаны одновременно во Франции и в России (как, например, «Приезд» в августе 1878 и «Тургенев» — в ноябре 1883), либо, и это относится ко всем остальным статьям, они сначала печатались по-русски и французскому читателю стали известны лишь по сборникам. Заметим, что между французскими и русскими вариантами существуют небольшие отличия, если речь не идет о пояснениях, необходимых для русскоязычной публики.

За этот период Доде напечатал в России четыре статьи, не опубликованные во Франции и вошедшие в 1888 году в сборник «Souvenirs d'un homme de lettres» («Воспоминания литерâтора»). Речь идет о статьях 1878 года «Эмиль Оливье»[27] и «Леон Гамбетта» и о статьях «Чтение у Эдмона Гонкура» и «Нуну» — 1879 года. В текстах 1888 года встречается немало расхождений с русскими публикациями 1879 года, особенно это касается двух последних статей, напечатанных в рубрике «Парижские письма». Они снабжены предисловиями и добавлениями, призванными уточнить некоторые детали, которые могли быть неизвестны русскому читателю.

Альфонс Доде был также сотрудником газеты «Journal Officiel de la République Française», где он по понедельникам вел «Драматическое обозрение». Отсюда он в конце апреля 1878 года позаимствовал для русской газеты статью «„Семья Фуршамбо" Э. Ожье» (она была напечатана в «Journal Officiel de la République Française» 15 апреля 1878 г.), в начале февраля 1879 года речь Викторьена Сарду при приеме его во Французскую Академию (в «Journal Officiel de la République Française» опубликована 3 июня 1878 г.), а некоторое время спустя, в начале февраля 1879 года, статью о постановке «Западни» Э. Золя в театре

он Гамбетта» (№ 962 от 1 (13) ноября) вошла не в сборник «Тридцать лет в Париже», а в другой сборник Доде: «Воспоминания литератора» («Souvenirs d'un homme de lettres»).

[27] На самом деле, Доде объединил два текста: «Анри Монье», который позднее будет включен в сборник 1888 г. «Тридцать лет в Париже», и «Эмиль Оливье», который войдет в сборник «Воспоминания литератора» того же года. Французский оригинал статьи, посланной в «Новое время», назывался «Два силуэта» («Deux silhouettes») и был напечатан 21 ноября 1878 г. в газете «Le Temps».

Амбигю[28] (Journal Officiel de la République Française. 27 января 1879 г.). Эти статьи, опубликованные почти одновременно во Франции и в России, очень сильно отличаются друг от друга многочисленными пояснениями, внесенными в русский перевод. Отметим, что в 1923 году они вошли в сборник А. Доде «Неизданные страницы драматической критики» («Pages inédites de critique dramatique»). Статья, посвященная Виктору Гюго, первоначально была опубликована в России в газете «Новое время», и Доде использовал ее содержание в статье, подписанной 1 марта 1880 года и посвященной пятидесятилетию постановки драмы Гюго «Эрнани».[29]

Читатели «Нового времени» открыли Доде-писателя благодаря публикации двух его повестей, позаимствованных из сборника «Робер Эльмон» (1874): «Звезды» и «Парижские нравы: обезьяна».[30] В анонимной заметке подчеркивалось, что имя писателя уже упоминалось в русской периодике, в то время как во Франции он едва был известен. При этом отдавалось должное стилистическим достоинствам повестей этого сборника, которые были названы «маленькими стихотворениями в прозе», и в особенности подчеркивались богатство и отточенность языка, лаконизм и взвешенность каждого слова. Русский читатель мог также познакомиться и с фрагментом романа «Малыш».[31] Наконец, роман Доде «Короли в изгнании» был напечатан одновременно во Франции (в газете «Le Temps» с июля по октябрь 1879 г.) и в России (под заглавием «Королева Фредерика») в «Новом времени», с августа по октябрь 1878 года.[32] Переход от публикаций хроник к большим прозаическим произведениям предвещал провансальскому поэту весьма благоприятный прием в России. Тем не менее сотрудничество Доде не стало длительным, оно закончилось в конце 1879 года при столь же невыясненных обстоятельствах, как и его начало. И все же последняя статья Доде появилась в том же «Новом времени» четыре года спустя: это был некролог Тургенева, написанный в 1883 году, который является единственным скромным свидетельством тройственных связей между Доде, Тургеневым и «Новым временем».

Но если мы почти ничего не знаем о роли, которую сыграл в этом сотрудничестве Тургенев, то, напротив, очевидно, что в этой истории Доде помог один французский литератор: речь идет о Поле Арене. Желая положить конец полемике по поводу того, кого называли «негром Доде», Мюрре Сакс напечатал неизданные письма Доде к Полю Аре-

---

[28] «Семья Фуршамбо» опубликована в «Новом времени» в рубрике «Письмо из Парижа» 12 (24) апреля 1878 г. (№ 762), «Прием во Французскую Академию» — там же, № 802 от 24 мая (5 июня) 1878 г., «Первое представление драмы „Западня"» — там же, № 1051 от 31 января (12 февраля) 1879 г.

[29] Статья «Виктор Гюго» была напечатана в «Новом времени» в № 1125 от 18 (30) апреля 1879 г. в рубрике «Письмо из Парижа».

[30] Они появились в «Новом времени» 23 марта (4 апреля) 1878 г. (№ 742).

[31] В № 967 от 6 (18) ноября 1878 г. была напечатана первая глава романа.

[32] № 1219—1299 от 22 июля (3 августа) по 10 (22) августа 1879 г.

ну.[33] Эти документы позволили М. Саксу определить, каким образом осуществлялось сотрудничество этих людей; Доде находил сюжет и писал статью, в то время как Поль Арен осуществлял редактуру вплоть до последней стадии.

Помимо того, что эти письма являются ценным материалом для изучения сотрудничества Доде и Арена, они интересуют нас постольку, поскольку одно из них достоверно свидетельствует о том, что статья «Леон Гамбетта» сначала готовилась Доде и Ареном для «Нового времени» и была опубликована во Франции лишь в 1888 году.

Среди текстов, появившихся в русской газете, некоторые — в частности, те, что не вошли в два упомянутых выше сборника, — особенно привлекли наше внимание: это три статьи, посвященные творчеству Эмиля Золя: статья «Эмиль Золя и его новый роман» (в которой шла речь о романе «Страница любви» (1878)), напечатанная в начале мая 1878 года; статья «Первое представление драмы „Западня"», появившаяся в январе 1879 года, и статья «По поводу Эмиля Золя», вышедшая в мае 1879 года. Отметим, что лишь одна из них — посвященная драме «Западня» — является переводом статьи, появившейся одновременно в «Journal Officiel» 27 января 1879 года; две другие остаются не опубликованными на французском языке.[34]

Первая статья, посвященная Золя, представляет нам встречу Доде — журналиста и друга автора «Ругон-Маккаров» — с Золя у издателя Шарпантье, занятым в это время надписыванием посвящений на своих книгах. Через несколько мгновений Золя начинает мечтательно вспоминать свой путь от скромного служащего книжной лавки до ставшего известным писателя. Исполненный благожелательности Доде продолжает биографическое повествование своего друга вплоть до появления только что вышедшего в свет романа «Страница любви», где «все сурово и потрясающе драматично», и, со своей стороны, с восхищением созерцает выкованный трудом Золя «плод его невероятной дерзости и воли».

Статья, озаглавленная «По поводу Эмиля Золя», посвящена по меньшей мере шумным журналистским выступлениям писателя и откликам, которые они породили в политическом мире и в прессе. В это время три статьи Золя в самом деле возбудили страсти: «Современные романисты»,[35] «Республика и литература»[36] и «Натурализм в театре».[37]

---

[33] *Sachs Murrey.* Alphonse Daudet and Paul Arène: some unpublished letters // Romantic Review. 1964. Lv. 1. Février. P. 30—37.

[34] Статья «Эмиль Золя и его новый роман „Страница любви"» была напечатана в № 774 от 26 апреля (8 мая) 1878 г. в разделе «Письмо из Парижа», «Первое представление драмы „Западня"» — в № 1051 от 31 января (12 февраля) 1879 г. в том же разделе, статья «По поводу Эмиля Золя» — в № 1139 от 2 (14) мая 1879 г., также в разделе «Письмо из Парижа».

[35] Статья «Современные романисты» появилась в сентябре 1878 г. в журнале «Вестник Европы». Французская печать набросилась на Золя после того, как «La Bibliothèque universelle et Revue Suisse» опубликовала краткое содержание статьи, в которой мощной атаке было подвергнуто творчество таких современных романистов, как Ж. Кларти, Ульбах, Терье, Шербюльез, Перре, Э. Абу. Чтобы ответить на критическую статью «Figaro»

Одна из самых жестоких атак против Золя была вызвана присуждением награды, которую должен был вручить ему тогдашний министр народного образования Аженор Барду. Доде воспользовался случаем, чтобы восстановить справедливость по отношению к задетому Золя, тем более что он сам был причастен к ходатайству перед министром Барду. Следует заметить, что в обеих статьях, в целом весьма благожелательных для Золя, сквозит и некоторое раздражение Доде, когда он касается отношения Золя к деньгам и его репутации «скандального писателя». Надо сказать, что к 1879 году личные отношения Золя и Доде охладели, в это время Доде все более и более сближается с Эдмоном де Гонкуром. Последний не отказывает себе в удовольствии подтрунить, задеть в своем «Дневнике» Золя, упрекая его в грубости и нытье. Доде подзадоривала и критика, противопоставлявшая поистине пантагрюэлевскую плодовитость Золя его собственным мукам творчества. И все же печатно оба писателя продолжали поддерживать друг друга, откликаться на произведения другого и плечом к плечу обороняться от критиков. На самом же деле Доде, как и Тургенев, более оказывал дружескую услугу, чем искренне восхищался писателем Золя. Отметим также, что и Золя опубликовал две статьи, посвященные творчеству Доде: одну в марте 1876 года, другую в марте 1878 года — в «Вестнике Европы». Кроме того, Доде была известна огромная популярность Золя у русской публики, и не только как автора романов, но и как хроникера «Вестника Европы», где он сотрудничал — при посредничестве и при помощи Тургенева — с 1875 года. Серьезным этапом в ухудшении отношений между Доде и Золя была публикация в 1879 году романа «Короли в изгнании» с посвящением Эдмону де Гонкуру, что ознаменовало все более и более явное сближение между обоими писателями. При появлении романа, 2 октября 1879 года, Поль Алексис обратился к Золя, спрашивая его, стоит ли откликнуться на этот роман в газете «La Réforme». Ответ Золя наглядно демонстрирует состояние его отношений с Доде: «Будьте очень любезны по отношению к Доде».[38] Открытой ссоры с Доде Золя не желал.

Наконец, отметим, что помимо двух не опубликованных на французском языке статей Доде о Золя, о которых речь шла выше, в «Новом времени» были напечатаны еще шесть текстов, остающиеся до сих пор не известными французскому читателю.[39]

от 15 декабря 1878 г., Золя напечатал полностью свою статью в номере той же газеты от 22 декабря. См. об этом примеч. к письму Тургенева к Флоберу от 7 января 1878 г. в кн.: Gustave Flaubert / Ivan Tourguéniev. Corresppondance. P. 242—243.

[36] Статья появилась в апрельском номере журнала «Вестник Европы» за 1879 г. и в «Revue Bleue», в номере от 25 апреля того же года.

[37] Статья «Натурализм в театре» была опубликована в январском выпуске «Вестника Европы» за 1879 г. и в «Le Voltaire» 29 апреля 1879 г.

[38] *Zola E.* Correspondance. T. 3. P. 400. Письмо от 6 ноября 1879 г.

[39] К ним относятся: «Эмиль Золя и его новый роман „Страница любви"», «По поводу Эмиля Золя», «Путешествие и приключения Секрестана» (*Н Вр.* 1878. 16 (28) мая.

Сотрудничество Доде в «Новом времени» интересно еще и с другой точки зрения — если сравнить его с сотрудничеством Золя в «Вестнике Европы». Оба писателя печатались в русской периодике практически одновременно: Золя — с 1875 по 1880 год, Доде — с 1878 по 1879. Оба вошли в сношения с редакторами периодических изданий при посредничестве Тургенева, хорошо знавшего о пристрастии русской публики к французской беллетристике. В то же время Тургенев позаботился о выборе подходящего органа, на который он ориентировал своих друзей. «Вестник Европы», возглавляемый М. М. Стасюлевичем, был либеральным журналом, ценившим идеи Золя. Сотрудничество же Доде Тургенев устроил в другом печатном органе, тоже петербургском, но принадлежавшем скорее к консервативному направлению. Что касается типа статей, которые оба писателя посылали в русские периодические издания, то их характер тоже весьма различен. Если большинство хроник, написанных Доде, шли под рубриками «Записки литератора» или «Парижские письма», что давало возможность их автору как бы путешествовать по Парижу, описывая свои встречи, рисуя парижские нравы в духе анекдота, то Золя предлагал литературные эссе, портреты современных французских писателей, где касался более общих тем, дававших ему возможность формулировать свою концепцию так называемого натурализма. Доде предстает как рассказчик, дающий картины, полные тонких наблюдений, превосходно описывающий особенности своих героев, посредством напевного ритма своего повествования оживляющий все, к чему он ни прикасается. Для Золя, напротив, данное ему за границей слово является лишь случаем, чтобы напечатать там статьи, которые на родине были бы подвергнуты осуждению, как, например, статья о Викторе Гюго, или опубликовать свои программные манифесты, возвещавшие о новой литературной школе.

Доде не создавал специальной корреспонденции для русской прессы, он не справлялся у Тургенева, — во всяком случае мы не располагаем подобными свидетельствами, — о том, что может понравиться русской публике,[40] но он предложил родине Тургенева хроники в духе своего собственного творчества.

№ 794), «Столетие Вольтера» (Там же. 1878. 14 (26) июня. № 822), «Празднество в Париже» (Там же. 1878. 28 июня (10 июля). № 836), «Актеры и актрисы» (Там же. 1878. 29 ноября (11 декабря). № 990), «В лоне правосудия» (1879. 3 (15) января. № 1023), «Светские люди» (Там же. 1879. 28 февраля (12 марта). № 1078). Все они опубликованы в рубрике «Письмо из Парижа». Статья «В лоне правосудия» не является точным переводом статьи «Dans les couloirs d'un juge d'instruction», опубликованной 22 июля 1872 г. в «l'Evénement» и включенной в сборник «Робер Эльмон» в 1874 г. Тем не менее Доде, похоже, взял ее за образец при написании новой.

[40] Известно, что Золя действовал именно таким образом: Тургенев подсказывал ему сюжеты корреспонденций. См.: *Montreynaud Florence.* Les relations de Zola avec Tourguéniev, documents inédits // Les Cahiers Naturalistes. N 52 (1978). P. 206—209.

П. Уоддингтон

СКРОМНЫЙ БАНКЕТ В КЛУБЕ ИСКУССТВ, или Как Вильям Рольстон Шедден-Рольстон дал большой обед для 16-ти литераторов в Лондоне 22 октября 1881 года в честь Ивана Сергеевича Тургенева*

Часть I

1881 год был в жизни писателя И. С. Тургенева годом «климатерическим». Он совпал с каким-то нелепым нумерологическим предсказанием его покойной матери, которой задолго до этого приснилось, что год его рождения 1818 роковым образом складывается в 1881. Тургенев не только неоднократно заявлял, что умрет в этот год, но даже заключил пари на 1 октября как точную дату своей смерти.[1] Не ясно, имел ли

---

* Настоящая работа является переводом части статьи П. Уоддингтона «A Modest Little Banquet at the Arts Club or, How William Ralston Shedden-Ralston Gave a Grand Dinner Party for Sixteen Literary Men in London on 22 October 1881 to Honour Ivan Sergeyevich Turgenev», опубликованной в 2001 г. (Pinehaven, New Zealand). — *Примеч. переводчика.*

[1] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 167, 323; Т. 13. Кн. 1. С. 125, 179; *ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 95; *Nouv. corr. inéd.* Т. 1. P. 307. О более раннем «климатерическом» периоде в жизни Тургенева, в 1867 г., см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 158, 161, а также ср.: Там же. *Соч.* Т. 8. С. 232. Здесь необходимо отметить, что в настоящем исследовании собраны, с исправлениями и дополнениями, материалы, ранее опубликованные мною в следующих работах (указаны в хронологическом порядке): Turgenev and Trollope: Brief Crossings of Paths // AUMLA: Journal of Australasian Universities Language and Literature Association. 1974. November. N 42. P. 199—201; Turgenev and England. London, 1980. P. 280—281, 285—288 и примеч.: P. 306—307; Some Salient Phases of Turgenev's Critical Reception in Britain. Part II: 1870—1883 // New Zealand Slavonic Journal. 1981. N 1. P. 36—39 и примеч.: P. 51; раздел «More Echoes of Turgenev's Last Visit to England (1881)» в ст.: Some Gleanings on Turgenev and his International Connections, with Notes on Pauline Viardot and her Family // New Zealand Slavonic Journal. 1983. P. 203—205; Browning and Russia.

он в виду русский (юлианский) или западный (грегорианский) календарь, но в действительности он пережил обе даты. А ночью 14 октября н. ст. совершил переправу через пролив, отправившись из Франции в путешествие, которому суждено было стать его последним приездом в Англию. Правда, страшный, разрушительный шторм разразился тогда в Ла-Манше перед его приездом, и он, возможно, чувствовал занесенный над его головой Дамоклов меч вплоть до дня своего рождения 9 ноября н. ст.[2] Конечно, подавленное настроение Тургенева, вызванное суеверием, не могла рассеять ни одна из целей визита, ради которых он переправлялся в Англию, а именно — посетить собратьев по перу в столице и пострелять куропаток в имении Six Mile Bottom в Кембриджшире вместе с хозяином имения Вильямом Генри Холлом (ранее Баллок; 1837—1904): за городом он стрелял «как сукин сын», а его пребывание в Лондоне было несколько омрачено грустной и одинокой фигурой его переводчика Вильяма Рольстона Шедден-Рольстона (1828—1889).[3]

Тургенев до этого неоднократно приезжал в Англию, где его в целом хорошо принимали в лондонском обществе и в других местах. Среди его наиболее знаменитых литературных знакомых были Карлейль, Теккерей, Джордж Элиот, Теннисон, Браунинг и Д.-Г. Россетти. Тем не менее в течение нескольких предшествовавших лет отношения Тургенева с британскими писателями главным образом поддерживались, а в некоторых случаях даже инспирировались усилиями критика, фольклориста и слависта Вильяма Рольстона.

Рольстон был довольно эксцентричным, но добрым и скромным человеком, чьи личные неурядицы и разочарования часто давали о себе знать. Он всячески старался не допускать их проникновения в свою работу, и, несмотря на некоторые затруднения преимущественно бюро-

---

Waco (Texas), 1985. P. 50—51; раздел «Wilkie Collins on Turgenev» в ст.: More Turgenev Gleanings // New Zealand Slavonic Journal. 1988. Part II. P. 104—105; Ivan Turgenev and Britain. London, 1995. P. 42—45 и примеч.: P. 257.

[2] О датировке путешествия Тургенева в Англию, а также о том, чем он мог заниматься во время своего пребывания там, см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 131—134, 139; *Waddington P.* Turgenev and England. P. 280—285; Illustrated London News. 1881. October 22. P. 406—407. Как это часто случалось, Тургенев сообщил одному корреспонденту, что его пребывание в Англии длилось две недели, а другому — только одну неделю. Что касается времени приезда, то известно, что он не мог состояться ранее пятницы 14 октября, когда Тургенев отправил письмо из Буживаля. Поскольку шторм, который Тургеневу, по его собственным словам, едва удалось избежать («как раз проскочил через море после ужасной бури»), буйствовал преимущественно в четверг ночью 13 октября и стих в продолжение пятницы, вероятно, писатель покинул Францию в тот же вечер, в пятницу.

[3] *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 139, 141. О жизни и деятельности Рольстона см., напр.: *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994 (далее — *Алексеев, Левин*, с указанием страницы); *Waddington Patrick.* A Bibliography of the Writings of W. R. S. Ralston (1828—1889) // New Zealand Slavonic Journal. 1980. N 1. P. 1—15, а также положившую начало изучению этой темы докторскую диссертацию Вернера Лаутера: *Lauter Werner.* Die Bedeutung von W. R. S. Ralston als Vermittler russischer Literatur nach England. Marburg, 1962.

кратического характера, его служба в качестве библиотекаря Британского музея с 1853 по 1875 годы протекала довольно гладко и позволила ему преуспеть как литератору. Он много путешествовал по России, хорошо изучил русский язык, встречался и переписывался с ведущими русскими специалистами по фольклору и филологии, а также написал много тонких статей о русской жизни и русской цивилизации для «Athenaeum», «Nineteenth Century», «Saturday Review», «Macmillan's Magazine», «Spectator» and «Pall Mall Gazette». Эти статьи, вместе с несколькими его авторитетными книгами о России — «Krilof and his Fables» («Крылов и его басни», 1869), «The Songs of the Russian People» («Песни русского народа», 1872), «Russian Folk-Tales» («Русские народные сказки», 1873) и «Early Russian History» («Древняя русская история», 1874), — принесли ему славу самого выдающегося и разностороннего из современных британских славистов.

Вильям Рольстон очень много сделал для популяризации творчества Тургенева в Британии, прежде всего своим замечательным переводом «Дворянского гнезда» (1859; в переводе Рольстона «Liza», 1869), а также своими хвалебными статьями о писателе.[4] Вероятно, он сыграл также определенную роль в присуждении Тургеневу почетной степени «доктора гражданского права» (*honoris causa*), состоявшегося в Оксфордском университете в 1879 году.[5] Но его дружба с русским писателем, которая завязалась в 1866 году и находила теплый ответный отклик в самых разных проявлениях, включая приглашение в имение Тургенева Спасское летом 1870 года, граничила с поклонением и иногда воспринималась как небескорыстная. Казалось, он играет роль верного пса, исполняющего мелкие поручения, приносящего трость и газеты и облаивающего недругов хозяина. Это никогда не сказывалось на точности и проникновенности его работ о Тургеневе, но означало, что время от времени он переступал границы хорошего тона.

Когда осенью 1881 года Тургенев посетил Рольстона в его холостяцкой квартире на Элфрид Плейс, 8, недалеко от Британского музея, он нашел своего защитника настроенным как никогда решительно, чтобы представить писателя в литературном сообществе и приумножить его славу. Тургенев скорее всего весьма неохотно согласился появиться на обеде в Клубе искусств, который должен был состояться в субботу 22 октября, после его возвращения из Кембриджшира, и в результате был вынужден отказаться от встречи со своим давним другом Генри Джеймсом, с которым в противном случае, как он полагал, он мог бы пообедать в тот вечер. (На самом деле Тургенев, по-видимому, неправильно истолковал дату, о которой шла речь в письме Джеймса, поскольку Джеймс покинул Англию уже 20 октября и уехал в Америку до

---

[4] Среди них: Smoke // Spectator. 1868. March 28. P. 379—381; Russian Literature — Turguenief's Novels // North British Review. 1869. March. Vol. 11 (50). P. 22—64; Terres vierges // Spectator. 1877. June 2. P. 696—697.

[5] См.: *Waddington P.* Turgenev and England. P. 252—254.

того, как Тургенев вернулся в Лондон.)[6] Тургенев нанес визит художнику Форду Мэдоксу Брауну (1821—1893), но не застал романистку Анну Изабеллу Теккерей Ритчи (1837—1919); так же безуспешно он пытался встретиться с тяжело больным Россетти, припомнив «не без волнения» один вечер, проведенный в его доме на Чейни Уок в 1871 году.[7]

* * *

Об обеде, который должен был состояться 22 октября, Рольстон заранее известил в двух разных статьях, вышедших тем же утром. В обширной заметке, опубликованной в «Saturday Review», он сообщал о том, что Тургенев находится в Англии, и назвал его «не только крупнейшим писателем из когда-либо появлявшихся в России, но также одним из величайших ныне живущих европейских романистов». Его произведения, хотя и не получившие столь широкого распространения в Англии, как в Америке, находили высокую оценку и признание везде, где было место подлинной культуре. Его герои жили, двигались и дышали. «В этом отношении, — отмечал Рольстон, — г. Тургенев стоит намного выше некоторых старательных психоаналитиков, которые самым похвальным образом все препарируют, везде суют свой нос и все оценивают. Результаты их работы заслуживают уважения, но это уважение сродни тому, которое мы оказываем трупу». Определяя сильные стороны творчества Тургенева, он особо подчеркнул гармоническое сочетание утонченности и силы. Смерть Базарова (в «Отцах и детях», 1862) и уход Лизы Калитиной в монастырь (в «Дворянском гнезде») служили тому наглядными примерами. Тургенева, конечно же, не раз упрекали в излишней меланхоличности, но в целом эта черта была признана возвышенной. Он никогда не тревожил чувства своих читателей всуе. В «Записках охотника» (1852) он воздержался от изображения темницы или кнута, этих неотъемлемых спутников менее талантливых драматургов. Он был также мастером слова, ему достаточно было лишь нескольких штрихов, чтобы описать человека, дом или русскую степь. В заключение Рольстон обрушился на неудовлетворительные переводы произведений Тургенева на английский язык, которые не давали читателям возможности по достоинству оценить «совершенное владение даром слова». Он особо выделил мгновенно получивший дурную славу перевод романа «Дым» Роланда Кроули (1867; в английской версии «Smoke; or, Life at Baden»), вышедший в 1868, а также появившийся в 1871 году перевод «Накануне» (1860) Чарльза Эдварда Тернера, приба-

---

[6] *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 132; *James Henry.* Letters: in 4 vols / Ed. Leon Edel. Cambridge (Mass.); London, 1974—1984. Vol. 2. P. 359—360.

[7] *Lady Ritchie.* Blackstick Papers. London, 1908. P. 237—238; *Waddington P.* Turgenev and England. P. 282—285; *Fredeman William E.* A Shadow of Dante: Rossetti in his Final Years // Victorian Poetry. 1982. Vol. 20. N 3—4 (Autumn—winter). P. 235; *Waddington Patrick.* Russian Interests of the Rossetti Family... Pinehaven, 1998. P. 16—17.

вив, что перевод Кроули был, по крайней мере, убит с первого выстрела, прозвучавшего из другой газеты. Он не упомянул, правда, что этот удар, нанесенный из «Pall Mall Gazette», был выпущен анонимно из-под его собственного пера, равно как и следующий из «Athenaeum»'а, метивший в другую из названных пародий на перевод. Далее он выражал надежду, что новый переводчик, которому Тургенев доверил «несколько своих самых утонченных повестей», среди них «Фауст» (1856) и «Муму» (1854), вскоре завершит свою работу и восстановит справедливость. Вероятно, здесь Рольстон, не называя имени, снова подразумевал самого себя, если только он не имел в виду молодого Сиднея Дугласа Джеррольда (1857—после 1927), барристера, аудитора и литератора, намерение которого перевести несколько его произведений поддержал сам Тургенев. Впоследствии Джеррольд осуществил перевод повестей «Первая любовь» (1860) и «Пунин и Бабурин» (1874), которые вышли в Лондоне в 1874 году (в английском переводе соответственно: «First Love» и «Púnin and Babúrin»). В любом случае, на этот раз ни перевод «Муму», ни перевод «Фауста» в Англии так и не появились.[8]

Гораздо более короткая заметка Рольстона, опубликованная в «Athenaeum»'е 22 октября 1881 года, начиналась нарочито непринужденно: «Английские почитатели г. Тургенева будут рады узнать, что знаменитый русский романист сейчас находится с визитом в нашей стране. В течение последних нескольких дней он имел возможность пополнить запас материалов для нового издания своих восхитительных „Записок охотника", охотясь на куропаток в знаменитых охотничьих угодьях г. Холла в Кембриджшире. Сегодня вечером (в субботу) он встретится с несколькими представителями английской литературы во время обеда, который, возможно, станет лишь скромной репетицией будущего банкета в его честь».[9] Тем не менее, далее Рольстон заговорил о «значительном прогрессе» в работе над «будущим романом», над которым Тургенев трудился летом в Спасском, факт, о котором он лишь вскользь упомянул в «Saturday Review».

> Он будет посвящен, как и «Новь», тревожным — можно даже сказать, взрывоопасным — явлениям, которые оказывают такое сильное воздействие

---

[8] Ivan Turguenief // Saturday Review. 1881. October 22. P. 509—510. Авторство Рольстона, очевидное из содержания статьи, подтверждается также его письмом к Теннисону от 24 октября (см. ниже). См. также: Pall Mall Gazette. 1868. November 27. P. 10; Ibid. 1868. December 5. P. 6; Athenaeum. 1871. February 4. P. 135—136; *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 337; Там же. Т. 13. Кн. 2. С. 107; *Waddington P.* Turgenev and England. P. 246—247.

[9] Athenaeum. 1881. October 22. P. 529, без подписи. Авторство анонимных заметок, помещенных в «Athenaeum»'е, легко устанавливается, как в данном случае, на основе пометок, сохранившихся в редакторских экземплярах газеты. Благодаря любезности Мэрион Флейшер (Marion Fleisher) мне удалось получить доступ к ним в редакции журнала «New Statesman» в Лондоне; впоследствии они были переданы в библиотеку Городского университета (City University) Лондона.

на русскую мысль и действительность. Но в одном он будет отличаться от других произведений, в которых г. Тургенев поднимал проблемы, ставившие в тупик Европу на протяжении последних двадцати лет. Смысл романа заключается в том, чтобы показать, как резко обозначена граница, как глубока пропасть, разделяющая русский социализм от западноевропейского. Со всей свойственной ему замечательной силой живого изображения г. Тургенев представит перед глазами читателей тех храбрых мужчин и прекрасных женщин, которые искренне посвятили себя делу улучшения тяжелой участи простых людей путем революции, и с присущей одному ему утонченностью раскроет тайные пружины их нравственного и умственного склада. Он покажет, насколько тщетны усилия русских приверженцев социализма объединиться — даже найти отклик — у революционеров Франции и остальной части Западной Европы, на которых он смотрит как на братьев и сестер по общей борьбе, но от которых его отделяют силы, о существовании которых он едва догадывается и с которыми тщетно сражается.

Выдержки из двух статей Рольстона, которые были доставлены в газеты заблаговременно, появились тем же утром в «The Times» и «Manchester Guardian», а также вечером в «Pall Mall Gazette».[10] Трудно представить, чтобы хоть одна из этих публикаций не попалась на глаза Тургеневу до того как он сел за стол, даже если не принимать во внимание, что единственная вырезка, которую Рольстон доподлинно передал Тургеневу, — статья из «Saturday Review» — была преподнесена ему прямо на обеде.[11] Будучи человеком скромным и непритязательным, в особенности за границей, Тургенев вряд ли остался доволен как фактом подобной огласки, так и ее подробностями. Он опасался, что ему нелегко будет пережить и сам «скромный» обед, не говоря уже о перспективе «банкета» в неопределенном будущем. Более того, сведения по поводу дальнейших творческих планов могли его серьезно скомпрометировать. Прежде всего, он не испытывал никакого желания расширять будущие «Записки охотника» плачевными результатами охоты в поместье Six Mile Bottom. Во-вторых, известие о том, что он собирается писать новый роман, должно было непременно дойти до его русского издателя М. М. Стасюлевича и, возможно, принудить его к тому, что он предпочел бы на тот момент сохранить в тайне.

Важно, однако, отметить, что Тургенев, по-видимому, придавал большое значение этому замыслу. Все, что о нем сообщает Рольстон, звучит очень убедительно. Из более поздней статьи Рольстона нам известно, что он рассчитывал провести весну и лето 1882 года в Спасском вместе с Тургеневым, наслаждаясь уникальной возможностью переводить новое произведение на английский язык по мере того, как оно создавалось писателем.[12] Во время пребывания в Лондоне в октябре 1881 года Тургенев, по всей видимости, довольно полно обрисовал свои планы относительно будущей работы, даже если на

[10] См. выпуски газет за 22 октября 1881 г.: The Times. P. 4; Manchester Guardian. P. 9; Pall Mall Gazette. P. 7 (vol. p. 1583).

[11] Письмо Рольстона к Теннисону от 24 октября 1881 г. (см. ниже).

[12] Ivan Serguéyevitch Tourguénief // Athenaeum. 1883. September 15. P. 338.

этом этапе сюжетная канва романа еще не была разработана им окончательно. Заявление Рольстона о продвижении в работе над романом свидетельствует о том, что Тургенев, по крайней мере, уже трудился (как он обычно это делал) над предварительными набросками — составлением плана романа, предполагаемым списком действующих лиц и диалогами и т. д. Но привлекать к этому общее внимание было еще преждевременно.

Наконец, Тургеневу не могли понравиться язвительные замечания Рольстона в «Saturday Review» по поводу «психоаналитиков». Хотя и не вполне явно в данном контексте, они имели несомненную антифранцузскую направленность и могли быть истолкованы как выпад против покойного соратника и близкого друга Тургенева Гюстава Флобера. К этому времени Рольстону, вероятно, уже было известно о том, что Тургенев сам недавно завершил работу над произведением, посвященным памяти Флобера, «таинственной повестью» «Песнь торжествующей любви» (1881) и — с помощью своего многолетнего друга Полины Виардо — перевел эту повесть на французский язык, намереваясь поместить ее в ноябрьском номере «La Nouvelle revue française» за 1881 год, одновременно с ее появлением по-русски в «Вестнике Европы» Стасюлевича.[13]

* * *

Клуб искусств, в котором состоялся организованный Рольстоном обед, располагался в то время в элегантном грегорианском особняке на Ганновер Сквер 17, в районе Мэйфейр, недалеко от Риджент Стрит. Он был основан в 1863 году «с целью способствовать общению тех, кто — в силу профессии или личной склонности — связан с искусством, литературой или наукой».[14] Появившись сравнительно недавно среди лондонских джентльменских обществ, этот клуб отличался тем, что вступительный и членский взносы в нем были ниже, чем в большинстве старейших клубов, а роскошное архитектурное убранство делало его привлекательным для людей скромного достатка. Наряду с такими художниками, как Фредерик Лейтон, Валентин Принсеп и Рудольф Леман, полотна которых украшали стены клуба, среди его членов были такие музыканты и музыкальные критики, как сэр Юлиус Бенедикт и Генри Фозерджил Чорли, а также множество второстепенных писателей и беллетристов. После Чарльза Диккенса в числе облюбовавших его посетителей, пользовавшихся особо дурной репутацией, был поэт

---

[13] См.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 126, 471; *Nouv. corr. inéd.* T. 1. P. 306—307.

[14] О Клубе искусств см.: *Walford Edward.* Old and New London: A Narrative of its History, its People, and its Places. London, 1875. Vol. 4: Westminster and the Western Suburbs. P. 316; Dicken's Dictionary of London. London, 1888. P. 25; *Hudson Derek.* Munby, Man of Two Worlds: The Life and Diaries of Arthur J. Munby, 1828—1910. London, 1972. P. 148 и др.; *Rogers G. A. F.* The Arts Club and its Members. London, 1920, passim.

Алджернон Суинберн, который был вынужден выйти из клуба в 1870 году из-за своих буйных выходок, как, например, танец на цилиндрах членов комиссии (по словам одного недоброжелателя), сопровождавшийся «извержением ругательств и непристойностей».[15]

Будучи членом Клуба искусств с 1865 года, Вильям Рольстон часто обедал там, иногда вместе со своим другом, поэтом и адвокатом Артуром Джозефом Манби (1828—1910), и регулярно засиживался до полуночи.[16] Именно Рольстон хлопотал о принятии Тургенева в почетные члены клуба во время его длительного пребывания в Лондоне в период франко-прусской войны 1870—1871 годов. Принимая тогда в члены этого, как было сказано, «романиста и т. д.» (как и «Шарля Гуно из Блэкхета»), комиссия, казалось, была более озабочена поступившими в нее жалобами, вроде: «портер плох», «медок скверный, разбавленный и дорогой», «половина порций супа слишком мала», «чай скверно заварен» и «почему не стильтон?».[17] Вернувшегося спустя десятилетие Тургенева встретил, по всей видимости, секретарь клуба капитан Дж.-Т. Олдфилд, в 7.15 вечера, в ту «ужасно дождливую» субботу 22 октября 1881 года.[18]

По собственному признанию, Рольстон организовывал все «в большой спешке». Это частично объясняет то обстоятельство, почему многие из приглашенных на обед в итоге не смогли на нем присутствовать. Как бы то ни было, едва ли он мог действовать иначе, поскольку частые болезни Тургенева и свойственные ему перемены в планах означали, что Рольстон не мог себе позволить беспокоить большое количество важных персон до того момента, пока его друг фактически не приехал в страну и не пообещал твердо быть на обеде. Следует признать большой заслугой Рольстона уже то, что стол был накрыт на 16 персон.[19] Среди тех, с кем Тургенев был знаком и кого, по всей видимости, не пригласили, были больной Россетти и изгнанный из клуба Суинберн. Сложно сказать, обращался ли Рольстон к Джорджу Гиссингу или Фрэнку Харрису. Среди тех, кто прислал свои извинения заранее, были А.-Д. Манби, Ричард Холт Хаттон (соиздатель «Spectator»), Вильям Хардман (из-

---

[15] См.: *Hudson D.* Op. cit. P. 233—234, 270, 289—290; *Waddington Patrick.* From «The Russian Fugitive» to «The Ballad of Bulgarie»: Episodes in English Literary Attitudes to Russia from Wordsworth to Swinburne. Oxford; Providence, 1994. P. 175.

[16] *Hudson D.* Op. cit. P. 296 и др.; *Алексеев, Левин.* С. 226—227.

[17] Архивы Клуба искусств: книга кандидатов за 1866—1870 гг. (F. 198, 200) и за 1871—1874 гг. (F. 12); книга с повестками заседаний комиссии за 22 ноября 1870 г. и 23 мая 1871 г. Приношу глубокую благодарность Эндрю Фикиту (Andrew Fekete) за возможность ознакомиться с этими сведениями, которую он предоставил мне в 1976 г. в современном помещении клуба на Дувр-Стрит, 40. Я также признателен нынешнему архивисту, Энн Кодисек (Ann Kodicek), за ее любезную помощь и советы.

[18] Описание погоды принадлежит У.-Ю. Гладстону, см.: The Gladstone Diaries / Ed. H. C. G. Matthew. London, 1990. Vol. 10. P. 150.

[19] Athenaeum. 1883. September 15. P. 338; *Алексеев, Левин.* С. 188. Как будет показано ниже, можно предположить, что в указанное Рольстоном количество присутствовавших на обеде: «всего 16», вошли Тургенев и он сам.

датель «Morning Post»), Джон Морли (издатель «Pall Mall Gazette» и «Fortnightly Review»), Томас Харди, Уилки Коллинз и Альфред Теннисон (телеграммой). По крайней мере, два письма из перечисленных сохранились.

Только ли в данном случае или это относится и ко всем остальным, но Рольстон обратился к романисту и поэту Томасу Харди (1840—1928) всего за четыре дня до обеда.[20] Это письмо заслуживает того, чтобы привести его здесь целиком в качестве примера заботы и усилий, которые Рольстон вложил в это событие, а также той почти лихорадочной спешки, которую оно обнаруживает. Необычное (по диагонали) расположение текста на листе бумаги, возможно, явилось следствием хронической и изнуряющей болезни, которую Рольстон называл диспепсия, но оно могло быть также признаком психической неуравновешенности, склонность к которой в последние годы жизни привела его к самоубийству. Упоминаемый в письме Норман Макколл был издателем «Athenaeum»'а.

8 Alfred Place.
Bedford Square.
Oct. 18 1881.

Dear Mr Hardy

Tourguèneff, the Russian novelist, is in Town, or rather will be next Saturday (Oct. 22) when he will dine with me at the Arts Club, 17 Hanover Square, at 7.15, without ceremony and in *Morning* Dress.

I want much to get together a few novelists to do him honour. I had counted on you till I heard from N. MacColl that you are in the Country. If chance brings you to Town, however, on Saturday, I hope you will give me the great pleasure of your presence at this little attempt to do honour to a great foreign writer.

If that is impossible, perhaps you will word your reply so as to give pleasure to Tourguèneff, to whom I will give it. I take it for granted you know his works — my translation of one, for instance, under the name of «Liza».

In greatest haste

Yours very truly
W. R. S. Ralston.

Перевод:

Элфрид Плейс, 8.
Бедфорд Сквер.
18 окт<ября> 1881.

Дорогой г. Харди,

Тургенев, русский писатель, в Лондоне или, вернее, будет здесь в следующую субботу (22 окт<ября>) и тогда же будет обедать со мной в Клубе искусств, Ганновер Сквер, 17, в 7.15, без церемоний и в *визитке*.

Я бы очень хотел собрать нескольких литераторов, чтобы почтить его. Я рассчитывал на вас, пока не узнал от Н. Макколла, что вы за городом. Тем не менее, ес-

[20] Письмо хранится в музее графства Дорстер в Дорчестере. Приношу благодарность мистеру Р.-Н.-Р. Пирсу, хранителю и секретарю Дорстерского Общества естественной истории и археологии, любезно предоставившему в мое распоряжение копию этого письма.

ли вы вдруг окажетесь в субботу в Лондоне, надеюсь, вы доставите мне величайшее удовольствие своим присутствием на этой скромной попытке воздать честь великому иностранному писателю.

Если же это не в ваших силах, возможно, вы пришлете свой ответ, чтобы доставить удовольствие Тургеневу, которому я его передам. Само собой разумеется, вы знакомы с его произведениями, — например моим переводом одного из них — под заглавием «Лиза».

В огромной спешке

преданный вам
В.-Р.-Ш. Рольстон.

Получив подобное приглашение, Харди ответил самым любезным образом:[21]

The Avenue.
Wimborne, Dorset.
Oct. 20. 1881.

Dear Mr Ralston,

I much regret that a hundred miles & more lie between us, which with other circumstances will prevent my accepting your kind invitation. M. Tourguèneff is a writer whose courage in the choice of subject I admire no less than his power in the treatment of it — & to know him in person would have been a real pleasure. His minor touches of personal description are what particularly charm me, & render his works so interesting when dipped into at random. In the commonest incident he records there is always sure to be something mentioned which one has never thought of before — & which one never afterwards forgets when such an incident practically occurs.

Your excellent translation of «*Liza*» I know — or rather the translation of the «*Дворянское гнездо*» under that name — & it is that I have chiefly in my mind.

Please convey to M. Tourguèneff my best regards & respect; & believe me

Very truly yours
Thomas Hardy.

Перевод:

Авеню.
Уимборн, Дорсет.
20 окт<ября> 1881.

Дорогой г. Рольстон,

Я очень сожалею, что разделяющие нас сотни миль и более, наряду с другими обстоятельствами, не позволят мне принять ваше любезное приглашение. Г. Тургенев является писателем, чьим мужеством в выборе предмета изображения я восхищаюсь не меньше, чем мастерством его воплощения — и познакомиться с ним лично было бы для меня подлинным удовольствием. Меня особенно пленяют тончайшие мазки присущей только ему манеры письма, которые делают его произведения столь увлекательными, когда вы наугад погружаетесь в них. Даже в самом обыденном событии, за которое он берется, всегда встречается нечто, что вам никогда не приходило в голову — и вы уже никогда не забудете этого, когда подобное произойдет с вами.

---

[21] The Collected Letters of Thomas Hardy / Ed. Richard Little Purdy and Michael Millgate. Oxford, 1978. Vol. 1. P. 94.

Я знаком с вашим превосходным переводом «*Лизы*» — или вернее переводом «*Дворянского гнезда*» под этим заглавием — и именно его я прежде всего имею в виду.

Прошу вас передать г. Тургеневу мои наилучшие пожелания и поклон. Остаюсь

искренне преданный вам

Томас Харди.

Очевидно, что содержание и тон этого письма, хотя и рассчитанные на то, чтобы «доставить удовольствие», носят искренний характер и имеют непосредственное отношение к любопытному вопросу о том, мог ли Тургенев повлиять на творчество Харди. Эдмунд Госс и Хейвлок Эллис были одними из многих комментаторов, которые обратили внимание на сходство творческих принципов обоих писателей.[22] Оба обращаются к теме незначительности нашего существования во вселенной, которая, казалось бы, существует только для нас одних. Оба смотрят на сельскую жизнь объективно и с сочувствием. Семейное предопределение и судьба лежат в основе их сюжетов, а образы запертых в клетку птиц, цапель, пеликанов и муравьев используются обоими писателями в качестве символов. Природа представляется обоим прекрасной, но жестокой.

По-видимому, Харди мог познакомиться с творчеством Тургенева уже к 1874 году, когда он упрочил свою собственную славу романом «Вдали от обезумевшей толпы». «Лиза» Рольстона была опубликована в Лондоне в 1869 и переиздана в Нью-Йорке в 1872 году Генри Голтом. Обращаясь к Харди в июле 1873 года по поводу книги писателя, которую он намерен был поместить в серии «Час досуга» («Leisure Hour»), Голт перечислил названия нескольких других книг из этой серии, среди которых рекомендовал и произведения Тургенева. «Убежден, — писал он, — что <...> доставлю вам этим настоящее удовольствие».[23] Помимо «Дворянского гнезда», в «Часе досуга» к тому времени вышли «Отцы и дети» в переводе Юджина Скайлера («Fathers and Sons», 1867, 1872), «Дым» в переводе Вильяма Веста («Smoke», 1872), «Рудин» (1856) в переводе неизвестного автора («Dimitri Roudine», 1873), а также переиздание романа «Накануне» в переводе Тернера («On the Eve», 1873). В течение нескольких последующих лет Голт добавил к ним переводы «Вешних вод» (1872) Софии Мичелл Баттс («Spring Floods», 1874), «Степного короля Лира» (1870) В.-Г. Броуна («A King Lear of the Steppe», 1874) и «Нови» Т.-С. Пери («Virgin Soil», 1877). Рекомендация, данная Голтом романам писателя в письме к Харди, согласуется с тем, что Рольстон впоследствии написал об американском издателе в связи с самим Тургеневым: «Несколько лет назад г. Генри Голт из Нью-Йорка прислал ему чек, прося принять это как слабый знак признательности и

---

[22] См.: Thomas Hardy: The Critical Heritage / Ed. R. G. Cox. London, 1970. P. XXXIV, 121, 170, 274.

[23] Цит. по: *Weber Carl J.* Hardy in America: A Study of Thomas Hardy and his American Readers. New York, 1966. P. 17.

прибавляя, что никогда ни одно из издаваемых им сочинений не доставляло ему такого наслаждения, как переводы романов Тургенева. Тургенев был искренне восхищен этим неожиданным признанием его таланта за океаном, как будто бы он был почти неизвестным писателем, а не романистом, произведения которого были переведены, по меньшей мере, на все ведущие языки Европы».[24]

Очевидно, именно «Час досуга» Голта имел в виду Рольстон, когда говорил в 1881 году о широкой известности Тургенева в Америке. Нет никаких свидетельств относительно других романов Тургенева — помимо «Лизы», — которые мог читать Харди, но из его письма к Рольстону явствует, что с какими-то из них он был знаком. Некоторые из перечисленных Голтом произведений были, однако, переведены плохо, и Харди мог получить о них неверное представление. Нельзя сказать также, что он последовательно знакомился с творчеством Тургенева на протяжении длительного времени, поскольку в 1898 году он писал другу: «Тургенев, несомненно, настоящий художник, хотя прошло уже несколько лет с тех пор, как я читал кое-какие его произведения».[25] В сохранившихся описях книг, которые когда-то находились в библиотеке Харди,[26] не удалось найти никаких следов произведений Тургенева — даже «Лизы». И все же несомненный интерес Харди к Тургеневу, возможно, предопределил его увлечение (о котором сохранилось больше свидетельств) другим русским писателем, еще более поглощенным проблемой человеческой судьбы, а именно Л. Н. Толстым.[27]

Еще один известный нам существенный отклик, который Рольстон смог зачитать своим гостям, принадлежал Уильяму Уилки Коллинзу (1824—1889), автору «Женщины в белом» (1860) и «Лунного камня» (1868). Коллинз был очень популярен в России, и считается, что Тургенев прочел оба этих романа. Однако он раскритиковал их (как и некоторые произведения любимого им Диккенса) как «дюмасовщину». Этим он, очевидно, хотел сказать, справедливо или нет, что находит в них бьющую на эффект мелодраматичность и пренебрежение исторической действительностью, что в их принадлежности к так называемой «сенсационной литературе» много общего с романами Александра Дюма-отца.[28] Мы не располагаем сведениями о том, что Тургенев размышлял об очевидных достоинствах романов Коллинза,

---

[24] Athenaeum. 1883. September 15. P. 337.

[25] The Collected Letters of Thomas Hardy. Vol. 2. P. 198; ранее: One rare Fair Woman: Thomas Hardy's Letters to Florence Henniker, 1893—1922 / Ed. Evelyn Hardy and F. B. Pinion. London, 1972. P. 68.

[26] Сведения были предоставлены мне профессором Майклом Милгейтом в письме от 18 сентября 1978 г.

[27] См.: *Clifford Emma.* «War and Peace» and «The Dynasts» // Modern Philology. 1956. Vol. 54. August. P. 33—34; *Захаров В. В.* Л. Н. Толстой и Томас Гарди: Русские сцены в «Династах» // Русско-европейские литературные связи. Сб. ст. к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л., 1966. С. 197—205; а также главу 12 «Hardy and Tolstoy» в кн.: *White R. J.* Thomas Hardy and History. London, 1974.

особенно о свойственных им напряжении, тонком чувстве персонажа и среды, завуалированных оценок общественной жизни и зачастую причудливом юморе. Коллинзу, как и Харди, не суждено было лично встретиться с Тургеневым (хотя его брат, художник Чарльз Коллинз встречался с ним во время приема в Лондоне в 1871 году).[29] Маловероятно, что русская литература оказала большое влияние на его собственное крайне оригинальное творчество, но из публикуемого ниже письма становится очевидным, что он, так же как и Харди, был знаком с некоторыми произведениями Тургенева, начиная с «Лизы» в переводе Рольстона.[30]

[ornate embossed initials
WC, with transverse quill]

[printed address:]
90, Gloucester Place,
Portman Square, W.
20th October 1881.

Dear Mr Ralston,

I don't remember whether Dante's Hell includes among its tortures Gout in the Eyes. If the Divine Poet has not anticipated me, I may claim without presumption to have invented an infernal circle of my own, and to have suffered in it lately for more than three months. My sight is saved — and I am steadily on the way to recovery. But to my sincere regret, I am not yet quite strong enough to take my place at your table on Saturday next. It is really a disappointment to me to miss the opportunity of meeting Mr Tourgèneff, and of thanking him for the happy hours that I owe to his masterly and delightful pen. Do you remember kindly giving to me your translation of one of his most subtly and delicately treated stories? Incautiously opening the book, with a hard day's work before me, I scattered «the materials of our craft» to the winds, and spent the day with «Lisa».

Be my good friend still — and accept my thanks and my excuses.

Ever yours

Wilkie Collins.

W.-R.-S. Ralston Esq.

Перевод:

[тисненные инициалы WC
с завитками и пересекающим их пером]

[штамп с адресом:]
Глостер Плейс, 90,
Портман Сквер, W.
20-е октября 1881.

Дорогой г. Рольстон,

Не помню, включает ли Ад у Данте среди мучений подагру глаз. Если Божественный Поэт меня не опередил, то я могу без лишней скромности заявить, что изобрел свой адский круг, в котором промучился уже более трех месяцев. Мое зрение

---

[28] *Щербань Н. В.* Тридцать два письма И. С. Тургенева и воспоминания о нем (1861—1875) // *РВ*. 1890. № 8 (Август). С. 15; *ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 255.

[29] См.: *Waddington P.* Turgenev and England. P. 177

[30] Письмо хранится в библиотеке (Armstrong Browning Library) университета Бэйлора в г. Уэйко (Техас). Хочу сердечно поблагодарить бывшего библиотекаря этого университета госпожу Бетти А. Коули (впоследствии Фридман) за предоставленное мне позволение опубликовать это письмо, а также за ее любезную помощь и поддержку на протяжении многих лет. Возможно, что обнаружатся и другие письма Коллинза к Рольстону, см.: *Алексеев, Левин.* С. 257.

спасено — и я на верном пути к выздоровлению. Но, к своему искреннему сожалению, я еще недостаточно окреп, чтобы присутствовать за вашим столом в следующую субботу. Я очень огорчен тем, что упускаю возможность познакомиться с г. Тургеневым и поблагодарить его за те счастливые часы, которыми я обязан его мастерскому и восхитительному перу. Помните ли вы, как любезно послали мне свой перевод одного из его самых тонко и искусно написанных произведений? Неосторожно открыв книгу, в то время как мне еще предстоял полный трудов день, я распрощался с «принадлежностями нашего ремесла» и провел день с «Лизой».

Оставайтесь и впредь моим верным другом — и примите выражение моей благодарности и мои извинения.

Весь ваш

Уилки Коллинз.

В.-Р.- Ш. Рольстону, эск<вайру>.

По крайней мере еще один английский писатель принес свои извинения Рольстону в том, что не сможет присутствовать на обеде, хотя скорее по прошествии, а не накануне самого обеда. Это был поэт Роберт Браунинг (1812—1889). Хотя его, несомненно, также попросили «доставить удовольствие» Тургеневу, вряд ли он чувствовал себя обязанным сделать это, и все же его письмо из Albergo dell'Universo исполнено теплоты:[31]

Venice, Oct. 24, '81.

Dear Mr Ralston,

I have only just received your letter — you will readily have guessed that my delay in replying to it could only be caused by my absence from London. How much I should have enjoyed an opportunity of again seeing Mr. Tourgueneff — anybody who ever *did* see him will easily imagine: and I am grateful indeed for your invitation to share in the privilege, though prevented from profiting by it: — and profiting also by your own «Reading» next Saturday, as I would gladly do were I able to return so soon: I hope to find myself back again at the beginning of November, however. And, abroad or at home, pray

believe me ever, Dear Mr Ralston,

Yours very truly

Robert Browning.

---

[31] Письмо хранится в библиотеке (Armstrong Browning Library) университета Бэйлора в г. Уэйко (Техас). И снова я хочу поблагодарить бывшего библиотекаря этого университета госпожу Бетти А. Коули за предоставленное мне позволение опубликовать это письмо. См. также: *Waddington P.* Browning and Russia. P. 50—51; *Kelley Philip, Hudson Roland.* The Brownings' Correspondence: a checklist. New York, 1978. P. 418. Прочтение: «Tourgueneff» вызывает некоторые сомнения; возможно, Браунинг написал: «Tourqueneff».

Перевод:

Венеция, 24 окт<ября> 81.

Дорогой г. Рольстон,

Я только что получил ваше письмо — как вы без труда догадались, промедление с ответом могло быть вызвано лишь моим отсутствием в Лондоне. Каждый, кто хоть однажды *встречался* с г. Тургеневым, легко себе может представить, насколько я был бы рад случаю вновь видеть его: и я очень благодарен за ваше приглашение разделить эту честь, хотя и лишен возможности воспользоваться ею, — равно как и получить удовольствие от вашего «Чтения» в следующую субботу. Я бы охотно исполнил это, если бы был в состоянии вернуться так скоро: я рассчитываю, однако, возвратиться в начале ноября. Дорогой г. Рольстон, остаюсь

искренне преданный вам

Роберт Браунинг.

То, что Браунинг пропустил обед, вряд ли сильно расстроило Тургенева. Если судить по тому, что он однажды сказал Томасу Карлейлю, он был невысокого мнения о сочинениях поэта.[32] Его личные отношения с Браунингом также не сложились. Они встречались во время субботних приемов в доме Полины Виардо в Лондоне зимой 1870—1871 года, а затем позднее в Питлокри. В раскаленной атмосфере франко-прусской войны у них не было точек соприкосновения и в отношении политики: в то время как симпатии Тургенева были на стороне растоптанных французов, Браунинг находил утешение в том, что немцы нанесли им окончательное поражение.[33] Очень может быть, что не существует достоверного подтверждения тому, что Тургенев находил рукопожатие Браунинга сродни электрическому удару,[34] но со временем он стал считать поэта «слишком тщеславным», «не слишком приятным» и даже просто «скучным».[35] Причины не вполне ясны, и с литературно-исторической точки зрения в каком-то смысле обидно, что Браунингу так и не представился случай раскрыть перед Тургеневым свой истинный характер.

С Рольстоном все обстояло иначе. Как и с некоторыми другими писателями, которые были приглашены на этот обед, Рольстон поддерживал дружескую переписку с Браунингом на протяжении ряда лет. Его внешне нарочитое, но на деле подлинное самоуничижение перед подобными людьми заметно в письмах, которыми они обменялись в 1874 году, когда Рольстон извинился, а его корреспондент простил его за «навязывание своего малозначительного труда» своему вниманию.[36] «Чтение», о котором одобрительно упомянул Браунинг, было одним из примеров знаменитого «рассказывания историй», которые Рольстон

---

[32] New Letters of Thomas Carlyle: in 2 vols / Ed. Alexander Carlyle. London; New York, 1904. Vol. 2. P. 272, письмо Карлейля к своему брату Джону от 26 ноября 1870 г.

[33] Dearest Isa: Robert Browning's Letters to Isabella Blagden / Ed. Edward C. McAleer. Austin; Edinburgh, 1951. P. 360.

[34] См., напр.: *Henderson Philip.* Swinburne: The Portrait of a Poet. London, 1974. P. 148—149.

[35] *ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 118—119.

[36] *Kelley Ph., Hudson R.* Op. cit. P. 417—418.

практиковал в просветительских и благотворительных целях, в данном случае в школе для работниц на Фицрой Стрит. Темой чтения должна была стать смелая поэма М. Ю. Лермонтова в народном духе «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», перевод которой Рольстона будет опубликован 8 лет спустя под заглавием «The Song of Ivan Vasilyevich. A Russian Metrical Romance».[37]

Из трех известных нам ведущих издателей, которые отказались или по какой-то причине не присутствовали на обеде Рольстона, самым известным и влиятельным был, несомненно, Джон Морли (впоследствии виконт; 1838—1923). Одновременно руководя «Pall Mall Gazette» и «Fortnightly Review», он был также адвокатом, а впоследствии известным либеральным политическим деятелем. В качестве автора книг о французских писателях и недавно опубликованной «Жизни Ричарда Кобдена» он имел литературные притязания не только журналистского порядка. Как и Тургенев, он был сторонником постепенного развития в истории и политике. Однако он никогда не проявлял живого интереса к русской культуре, а в настоящее время его внимание целиком поглощали ирландские дела. В обширных «Воспоминаниях» Морли нет упоминания ни о Рольстоне, ни о Тургеневе.[38]

Принимая во внимания частоту выхода в свет «Pall Mall Gazette», а также то обстоятельство, что она уже возбудила аппетит читателей в самый день обеда, несколько удивительным кажется молчание газеты Морли относительно того, как прошел вечер, хотя впоследствии там был помещен замечательный некролог Тургенева. Вряд ли он принадлежал перу самого Морли — скорее это была работа человека, который знал Тургенева лучше него, — но он совпадает с теми впечатлениями, которые могли получить присутствовавшие на обеде. Говоря об «импозантной фигуре» и «внушительной наружности» Тургенева, автор особо подчеркнул «обаяние его безупречных манер, редкое и пленявшее обращение, которое соединяло в себе исключительно изысканную учтивость и искреннюю простоту. Он был необыкновенно милым человеком, и лишь немногим удалось устоять перед его обаянием».[39] Что касается «Fortnightly Review», то это издание вовсе не отозвалось о Тургеневе, ни после обеда, данного Рольстоном, ни после смерти писателя, но в 1888 году в нем было напечатано замечательное исследование о Тургеневе Джорджа Мура,[40] а в 1894 году вышли переводы повести «Фауст» и статьи «Гамлет и Дон Кихот», выполненные Леной Милман.[41]

---

[37] *Алексеев, Левин.* С. 188—189; Universal Review. 1889. March 15. Vol. 3. P. 388—404.

[38] *Morley John Viscount.* Recollections: in 2 vols. London, 1917.

[39] Ivan Turgenieff // Pall Mall Gazette. 1883. September 6. Vol. 38. P. 1—2.

[40] Turgueneff // Fortnightly Review. 1888. February. Vol. 43. P. 237—251.

[41] Faust: A Story in Nine Letters // Fortnightly Review. 1894. July 1. Vol. 62. P. 132—160; Hamlet and Don Quixote // Ibid. 1894. August 1. P. 191—205.

Никакого отношения ни к Рольстону, ни к русской литературе не имел впоследствии журналист Вильям Хардман (затем сэр Вильям), издававший с 1872 года до своей смерти газету «Morning Post».[42] У меня не было возможности обследовать выпуски этой официальной газеты, выходившие в течение последовавшей за обедом недели (поскольку экземпляры ее крайне редки), но, по-видимому, осенью 1883 года она полностью проигнорировала смерть Тургенева. Необходимо отметить, однако, что «Morning Post», как и газету «Morning Advertiser», которая также не известила о кончине Тургенева, отличали агрессивная антирусская направленность и одновременно слабый интерес к искусству. Более огорчительно отсутствие какой-либо ответной реакции со стороны математика и унитария Р.-Х. Хаттона (1826—1897), автора работ по теологии, литературе и экономике, а также соиздателя журнала «Spectator». Этот орган, при содействии самого ли Хаттона или кого-то другого, одним из первых в Британии стал публиковать рецензии на произведения Тургенева и поместил две значительные статьи о нем Вильяма Рольстона.[43] Однако он обошел полным молчанием обед в Клубе искусств и позднее опубликовал довольно двусмысленный некролог Тургенева, принадлежавший молодому ирландцу Фрэнку Харрису (1856—1931), которому русский писатель оказал доброжелательный прием в Буживале в 1880 году.[44]

(*Окончание следует*)

---

[42] К сожалению, изданные письма и воспоминания Хардмана (A Mid-Victorian Pepys: The Letters and Memoirs of Sir William Hardman / Ed. S. M. Ellis. London, 1923) доходят только до 1863 г.

[43] См. рецензии на «Записки охотника» («Russian Life in the Interior»), французское («Une nichée de gentilshommes») и английское («Liza») издания «Дворянского гнезда», соответственно: 1855. January 6. P. 27; 1861. October 19. P. 1151—1152 и 1869. October 23. P. 1242—1243; *Ralston W. R. S.* Smoke // Spectator. 1868. March 28. P. 379—381 (авторство подтверждается самим Тургеневым, см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 167); *Ralston W. R. S.* Tertes vierges // Spectator. 1877. June 2. P. 696—697 (авторство устанавливается на основе архива журнала «Spectator»).

[44] См.: *Harris Frank.* Ivan Tourgénief // Spectator. 1883. September 8. P. 1150—1152 (авторство устанавливается на основе архива журнала «Spectator»); *Harris Frank.* Ivan Turgénief: A Snapshot // Contemporary Portraits. 4th series. London, 1924. N 3. P. 49—53; *Waddington Patrick.* (ed.) Ivan Turgenev and Britain. P. 139—141, 270—271.

А. Звигильский

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТУРГЕНЕВ
(По материалам новых приобретений Музея Ивана Тургенева в Буживале)*

Общество друзей Ивана Тургенева во Франции с 1977 года выпускает ежегодные «Тетради», посвященные Ивану Тургеневу, Полине Виардо и Марии Малибран («Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran»). В его ведении находится вот уже 25 лет Музей Тургенева в Буживале, который пополняется благодаря дарениям и приобретениям музейных и рукописных материалов.

В августе 2006 года коллекция музея пополнилась картиной, которую я бы назвал знаменитой, поскольку на ней изображен Тургенев в костюме охотника. Художник Николай Дмитриевич Дмитриев-Оренбургский изобразил охоту на фазанов, организованную Урием де Гинцбургом для великого князя Николая Николаевича в начале декабря 1879 года в замке Шамбодуэ, в окрестностях Питивье, в 80 километрах от Парижа. Картина представляет собой большое полотно (164 × 103 см), выполненное маслом. Она была приобретена для Романовской художественной галереи в Зимнем дворце в начале XX века. После революции 1917 года она считалась утраченной. Ее исчезновение до сих пор не было объяснено ни историками искусства, ни тургеневедами.

В первое десятилетие своего существования Советский Союз, как известно, испытывал потребность в западной валюте. Ввиду этого часть картин из больших музеев была продана за границу. Именно таким образом картина Дмитриева-Оренбургского, изображавшая Тургенева с поднятым ружьем в центре охотничьей группы человек в тридцать, из которых все были русскими, была предложена для продажи членам дипломатического корпуса в 1928 году. Ее приобрел представитель Министерства иностранных дел Берлина при германском посольстве в Москве г. Лане, преподававший русский язык немецкому послу. Для того чтобы приспособить ее к интересам покупателя, картина получила название «Дипломатическая охота».

Сын г-на Лане Александр, умерший в 1995 году, уверял, что на картине изображен германский посол в Париже Хлодвиг Гогенлое-Шиллингсфюрст, что весьма сомнительно, если добавить, что Александр Лане добавлял в эту компанию также представителей французского

---

* Доклад, прочитанный на юбилейной конференции, посвященной 190-летию со дня рождения И. С. Тургенева в Москве 24 сентября 2008 г.

реализма и натурализма: Гюстава Флобера, Эдмона де Гонкура, Виктора Гюго, Эмиля Золя, Ги де Мопассана и Альфонса Доде. Настало время попытаться определить каждого из персонажей... более тщательным образом, чем это было сделано Людмилой Кузьминой.[1]

Картина была обнаружена в окрестностях Мюнхена профессором русской литературы университета в Бале Андреасом Гуски, который сумел убедить ее владелицу госпожу Юлиану Лане передать полотно в музей Буживаля, где оно было помещено в холле, уже украшенном витражами, представляющими сцены из «Записок охотника». Эта симпатичная история, позволившая теперь любоваться в доступном для всех пространстве картиной, которая считалась утраченной, рассказана Андреасом Гуски в одном из последних номеров «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran».[2]

К сказанному следует добавить, что Николай Дмитриев-Оренбургский был членом Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, устав которого, составленный Тургеневым, был недавно обнаружен мною. Основанное в 1877 году писателем-меценатом, это Общество по структуре и статусу походило на те будущие французские Общества, которые были учреждены по закону от 1 июля 1901 года. Речь идет о совершенной независимости от политической и верховной власти. Благодаря этой независимости наше «Общество друзей Ивана Тургенева» смогло выйти из всех перипетий, которые случались с ним за 25 лет существования. Публикация этого устава будет осуществлена при помощи одного искусствоведа, автора солидного каталога, посвященного Алексею Харламову (1840—1925).

В течение долгого времени Россия не знает аукционов. Во Франции они проходят во многих городах. Именно таким образом мне удалось приобрести в одном провинциальном городе, в Анжере, книгу Проспера Мериме с дарственной надписью И. С. Тургеневу.

Рукопись «Пожара на море» (16 страниц) была приобретена на аукционе в Отеле Друо после объявления, сделанного в аукционном каталоге 7 марта 2007 года, где была указана начальная стоимость в 2000 евро. Я знал, что найдется немало желающих ее купить и что цена ее вырастет. А поскольку Общество друзей Тургенева располагает ограниченными возможностями, я заручился финансовой поддержкой одного из членов Общества на сумму, не превышающую 11 000 евро. Торги шли стремительно, наконец, цена поднялась именно до указанной суммы. Я в последний раз поднял руку, чтобы показать, что все еще участвую в торгах, и сказал своему соседу: «Дальше я не пойду!». Ка-

---

[1] *Кузьмина Л. И.* Тургенев и художник Н. Д. Дмитриев-Оренбургский // *Т Сб.* Вып. 3. С. 264—271. На вклейке после с. 264 здесь воспроизведен этюд Дмитриева-Оренбургского к картине «Охота, устроенная бароном Гинцбургом вел. кн. Николаю Николаевичу близ Парижа», хранящийся в Литературном музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

[2] *Guski Andreas, Seljak Anton.* Essai sur un tableau disparu // *Cahiers.* N 25 (2001). P. 193—201. Здесь же между с. 198 и 199 воспроизведено само полотно.

ково же было мое удивление, когда мой яростный конкурент тут же произнес: «Я отступаюсь».

Таким образом, этот драгоценный документ вернулся именно туда, где он был записан Полиной Виардо у постели больного Тургенева, продиктовавшего его по-французски. Он будет помещен в специальной стеклянной закрытой витрине, чтобы посетители могли его видеть.

Разумеется, рукопись «Пожара на море» будет опубликована в одном из номеров «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran», так же, как и несколько других документов, которыми я располагаю, к сожалению, в виде фотокопий. Эти публикации обогатят наши представления о творчестве Тургеневе, как это сделала несколько лет назад публикация расширенной редакции рукописи «Семейство Аксаковых и славянофилы», подготовленная Н. Генераловой и В. Кошелевым при моем участии.[3] Ограничусь тем, что просто перечислю то, что предстоит опубликовать:

«Отцы и дети» (список опечаток, рукопись, 7 страниц, из которых 4 страницы текста);

«Дым» (список действующих лиц нового романа. Париж. 1863, 3 страницы: Литвинов и Ворошилов);

«Рассказ отца Алексея» (2 редакции; 1-я редакция — 7 страниц, 2-я — 11);

«Экспромт заезжего капитана, записанный в 1790 году, в шестой день мая» («Новь», глава XIX), «Никогда я не забуду…», 12 стихов вместо 10, как в окончательном тексте романа, и с другой датой: «Холодово, 5 августа 1813»;

«Воспоминания о Шевченке» (4 страницы);

«Мирович», 8 страниц (начало и действие IV, на немецком языке).

Я располагаю также фотокопиями текстов, не принадлежащих Тургеневу. И хочу порадовать Наталью Ивановну Михайлову, назвав 8 страниц рукописи, представляющей оперный сценарий Владимира Никитича Кашперова на тему «Капитанской дочки» Пушкина (8 страниц), который сохранил Тургенев, а потом семья Виардо.

Среди рукописей, которые имеются в моем распоряжении, есть два письма Белинского к Тургеневу, частично воспроизведенные писателем в «Воспоминаниях о Белинском». Одно из них написано в Петербурге 19 февраля (3 марта) 1847 года, другое, тоже из Петербурга, — 1 (13) марта 1847 года. Эти письма находились в конверте, на котором Тургенев написал: «Письма Белинского (и Станкевича) (к И. С. Тургеневу)». К сожалению, писем Станкевича в этом конверте не оказалось.

Есть также письмо Полины Виардо к Михаилу Виельгорскому (3 страницы на французском языке) от 15 (27) апреля 1844 года.

Наконец скажу о, возможно, самой важной рукописи (поскольку она полная) — «После смерти, повесть Ив. Тургенева», которая была «на-

---

[3] *Тургенев И. С.* <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // *РЛ*. 1995. № 4. С. 146—156.

чата в Буживале, в понедельник, 21/9 августа 1882, завершена в Буживале, в пятницу, 1-го сентября/20 августа 1882», с подробностями о каждом дне работы.

Эта последняя рукопись Тургенева была написана за бюро в рабочем кабинете его шале в Буживале. Среди его большой библиотеки, находившейся позади рабочего стола, были и книги Альфреда де Мюссе. Он вдохновлялся его «Декабрьской ночью», когда писал свое стихотворение в прозе «Когда я один... (Двойник)» в ноябре 1879 года. Он, должно быть, читал в «Литературной и критической смеси», появившейся в издательстве Лемерра в 1876 году, хвалебную статью Мюссе «Концерт мадемуазель Гарсиа» и поэму «О дебютах мадемуазель Рашель и Полины Гарсиа». Поэт был влюблен в обеих женщин. Ему удалось быстро соблазнить первую, но во второй он натолкнулся на равнодушие. Он отомстил Полине серией карикатур на ее свадьбу с Луи Виардо, устроенную Жорж Санд. В этих карикатурах он выступает как предшественник комиксов. В повести «После смерти (Клара Милич)» имя героини ассоциируется с именами Рашель и Полины Виардо: «Мы еще не знаем хорошенько: Рашель она или Виардо?.. потому что она и поет превосходно, и декламирует, и играет... Талант <...> первоклассный!». А весельчак Купфер восклицает: «Рашель! Виардо!» (глава III).

Первостепенный для изучения истоков повести документ завершает чтение Мюссе. Речь идет об автографе письма на трех страницах Полины Виардо к Мюссе, которое не датировано. Оно было приобретено нашим Обществом в Париже. Почерк его «крупный и неправильный», и в нем, как и в письме Клары к Аратову, отсутствует подпись (глава VI). Но есть кое-что более интересное: свидание, которое Полина назначает Альфреду де Мюссе, удивительно похоже на встречу Клары и Аратова на Тверском бульваре (глава VI). Бессвязные речи Аратова на тротуаре приводят в отчаянье влюбленную девушку, которая ожидала совершенно другого. Он не понял, что она любила его. Тогда она становится «злой и дерзкой» (глава VII), как умела это делать, а вернее великолепно играть Полина Виардо. Эта актриса умела изобразить такую смелость, в которой психоаналитики усмотрели бы знаки сексуальной привлекательности: «У меня свело руку из-за того, что я держу ее протянутой, с раскрытой ладонью, в ожидании вас», и следом призыв: «Приходите завтра <...> моя рука в том же положении».

Письмо Полины Виардо было опубликовано в последнем номере «Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran» вместе со статьей Мирей Доттен-Орсини о свадьбе Полины и Луи Виардо.[4]

В этом же номере читатель найдет статью судебно медицинского эксперта Софии Мартен-Дюпон, автора диссертации о «спондилартропатии у народов прошлого». Статья называется «Иной взгляд на болез-

[4] См.: *Dottin-Orsini Mireille.* Le Marriage de Pauline Garcia avec Louis Viardot: une bande dessinée d'Alfred de Musset // *Cahiers.* N 25 (2001). P. 3—24; *Zviguilsky Alexandre.* Une letter inédite de Pauline Viardot à Alfred de Musset // Ibid. P. 27—31.

ни и смерть Тургенева» и переворачивает все наши представления, существовавшие до сегодняшнего дня.[5] Оказывается, Тургенев умер не от рака спинного мозга, а от костномозгового сжатия, вызванного воспалением над тремя позвонками грудной клетки и одновременно воспалением верхней доли правого легкого. С другой стороны, у Тургенева никогда не было подагры ввиду отсутствия отложений кальция и натрия на краю ушной раковины! Мне бы очень хотелось, чтобы предположения, высказанные Софией Мартен-Дюпон, были рассмотрены русскими медиками.

Тургенев доверял французской медицине. В 1882 году, когда писатель уже был тяжело болен, он решил познакомить своего буживальского врача Манена с парижским семейным доктором Полем Сегоном. В этом убеждают письма Тургенева к последнему, но теперь и приобретенное для музея письмо к Манену свидетельствует о том же. Это письмо от 24 июня 1882 года является еще одним свидетельством присущей писателю доброжелательности, а также его верности своему ремеслу. Эмиль Дюран-Гревиль, переводчик произведений Тургенева, имел основание писать: «Никогда его страдания не вырывали из его груди жалобы, никогда не возмущался он ужасной несправедливостью, превратившей существование этого человека добра в адские муки <...>. Он собирался извлечь из своих страданий психологический этюд, записав испытываемые им ощущения и подчас безумные мысли, которые приходили ему в голову во время этих нечеловеческих мучений». Не высказаны ли эти «безумные мысли» несколько недель спустя в повести «После смерти»?

Поскольку мы упомянули имя Эмиля Дюран-Гревиля, следует сказать, что в том же номере опубликована статья Пьера Дюверже об одной неизвестной стороне деятельности этого переводчика Тургенева, много лет прожившего в России и к тому же ставшего изобретателем метеорологии! Желанием Пьера Дюверже было выяснить, имел ли отношение этот сотрудник петербургской газеты «Journal de Saint-Pétersbourg» отношение к становлению метеорологии в русской столице между 1866 и 1872 годом.[6]

Многим исследователям предстоят еще работы о Тургеневе-человеке и Тургеневе-художнике. Прекрасная программа этих дней приоткроет нам завесу над тем, что представляет сегодня Тургенев в культурном пространстве человечества. Это именно то, что мы пытаемся показать в нашем Музее, куда я вас сердечно приглашаю, всех тургеневедов, пушкинистов и гоголеведов, поскольку 1 апреля 2009 года мы организуем в Буживале международный коллоквиум на тему «Смех Гоголя и смех Тургенева».

---

[5] *Martin-Dupont Sophie.* Un autre regard sur les maladies et la mort d'Ivan Tourguéniev // Ibid. P. 129—136.

[6] *Duvergé Pierre.* Emile Durand-Gréville (1838—1914), un traducteur de Tourguéniev aux talents éclectiques // Ibid. P. 145—151.

Н. П. Генералова

ЕЩЕ РАЗ БЕЛИНСКИЙ
(О литературно-эстетических взглядах И. С. Тургенева)

Литературно-критическая деятельность И. С. Тургенева не раз становилась предметом специального рассмотрения. Достаточно сказать, что в 2-томной «Истории русской критики», изданной в 1958 году совместно Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) и Институтом мировой литературы им. Горького РАН, Тургеневу посвящена отдельная глава.[1] И это более чем справедливо, поскольку наследие Тургенева-критика столь широко и многообразно, а влияние его на современный литературный процесс столь значительно, что игнорирование этой части наследия писателя привело бы к неизбежному искажению общей картины как его собственного творчества, так и в целом истории русской критики XIX века.

Однако собственно монографическое исследование на эту тему появилось лишь однажды, еще в 1957 году.[2] В рецензии на него Л. Н. Назарова писала: «Нельзя не приветствовать появление книги, посвященной вопросу о Тургеневе — литературном критике. Эта тема по-настоящему еще не разработана нашим литературоведением».[3] Интересно отметить, что слова эти были сказаны автором обстоятельной статьи о Тургеневе в упомянутой «Истории русской критики», которая к моменту выхода рецензии на монографию Чмшкян как раз находилась в печати.

Следует упомянуть, что уже после выхода в свет «Истории русской критики» другой известный тургеневед — М. О. Габель, в свою очередь откликаясь на исследования К. С. Чмшкян и Л. Н. Назаровой, кон-

---

[1] *Назарова Л. Н.* Тургенев-критик // История русской критики: В 2 т. / Ред. коллегия: Б. П. Городецкий (отв. редактор), А. Лаврецкий, Б. С. Мейлах. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 509—530.

[2] *Чмшкян К. С.* И. С. Тургенев — литературный критик. Ереван, 1957. 146 с.

[3] *Назарова Л.* Тургенев-критик // Вопросы литературы. 1958. № 4. С. 228.

статировала, что по сути дела тезис, выдвинутый еще Н. Л. Бродским, о близости эстетических воззрений Тургенева и Белинского[4] и «вопрос о Тургеневе — критике школы Белинского ждет <...> разрешения».[5]

Подобный вопрос не возник в тщательно подготовленной и прокомментированной современной антологии, где собраны наиболее репрезентативные статьи ведущих критиков эпохи: К. С. Аксакова, С. П. Шевырева, В. Н. Майкова, А. А. Григорьева, А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина, В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Б. Н. Алмазова, Е. Н. Эдельсона, И. С. Аксакова, Н. Г. Чернышевского, П. В. Анненкова, М. Н. Каткова, А. В. Дружинина и В. П. Боткина.[6] В этом контексте особенно бросается в глаза отсутствие имен, без которых критико-эстетическая мысль 40-х—50-х годов выглядит более чем обедненной. Назовем имена Гоголя, Тургенева, Некрасова, Фета и других писателей и поэтов, непосредственно участвовавших в эстетических баталиях того времени. Ведь немаловажным и не вполне осмысленным до сих пор фактором литературного процесса 40-х—50-х годов является именно то, что многие из критиков были одновременно писателями и поэтами и vice versa (Тургенев, Григорьев, Фет, Аксаков, Герцен, Дружинин и др.).

Писатели и поэты не просто выступали на страницах периодических изданий наряду с «профессиональными» критиками. Они подчас формировали эстетический вкус читающей публики в качестве редакторов ведущих журналов, как, например, Некрасов, возглавивший с 1847 года обновленный «Современник», а затем «Отечественные записки», А. Григорьев, ставший в начале 50-х годов главой молодой редакции «Москвитянина», а в конце 50-х попытавшийся обосноваться в журнале «Русское слово», Герцен — основатель периодической нелегальной русской печати за границей. Примеры можно продолжить.

Выступления Тургенева в качестве критика далеко не ограничивались большим числом литературных статей и откликов по тому или иному поводу. Писатель принимал самое непосредственное участие в формировании политики обновленного «Современника», не говоря уже о деятельном в нем участии и в качестве писателя, и в качестве по-

---

[4] *Бродский Н. Л.* Белинский и Тургенев // Белинский — историк и теоретик литературы. М.; Л., 1949. С. 327.

[5] *Габель М. О.* Вопросы изучения творчества И. С. Тургенева. Харьков, 1959. С. 28. Следует отметить, что, несмотря на присущую эпохе терминологию и некоторый налет социологизма (вызванный отчасти задачей исследователя опровергнуть устоявшиеся вульгарно социологические подходы к изучению творчества писателя), эта работа М. О. Габель выделяется широкой постановкой проблем и в некоторых своих положениях сохраняет актуальность. Большинство из обозначенных исследовательницей тем были впоследствии разработаны в отечественном тургеневедении, однако некоторые все еще остаются в числе малоисследованных. Сказанное относится к проблеме всестороннего изучения раннего творчества Тургенева.

[6] Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века / Подгот. текста, сост., вступит. ст. и примеч. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М., 1982 (Сер. «История эстетики в памятниках и документах»).

эта, и в качестве критика. Позднее он будет рекомендовать определенных авторов издателю «Отечественных записок» А. А. Краевскому, издателю «Колокола» и «Полярной звезды» А. И. Герцену, давать советы редактору обновленной «Библиотеки для чтения» А. В. Дружинину и редактору «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу. Эта сторона деятельности Тургенева, хотя частично и изучена, еще ждет обобщающего исследования. Она, без сомнения, имеет прямое отношение к выявлению литературно-эстетической позиции писателя.

Начавший свой литературный путь как поэт, Тургенев вскоре обращает на себя внимание как прозаик, а потом и как критик. В дальнейшем его перу будут принадлежать многочисленные статьи и рецензии, некрологи и предисловия, речи и воспоминания. В конце концов он станет одним из тех, к чьему мнению прислушивались и молодые, и маститые писатели и поэты. Его советами дорожили редакторы толстых журналов и газет, а суждения подхватывались и обсуждались читающей публикой. Забегая вперед, можно сказать, что уже к середине 50-х годов Тургенев отчетливо занял центральное место в литературно-журнальной среде, в какой-то степени заменив на этом посту ушедшего «вовремя», как раз накануне решительного наступления реакции после революции 1848 года в Европе, В. Г. Белинского.

Интересные сведения о положении Тургенева среди литераторов содержатся в воспоминаниях и письмах Е. М. Феоктистова, ставшего впоследствии заметной фигурой в Министерстве народного просвещения. В последний год жизни Тургенева Феоктистов был назначен начальником Главного управления по делам печати, на что писатель успел откликнуться язвительным замечанием. В 50-е годы, правда, Феоктистов еще и не мечтал о подобной карьере, общаясь с довольно представительным кругом литераторов, посещавших салон графини Салиас. Именно в эти годы он интенсивно переписывался с Тургеневым, сообщая ему все литературные новости. Прав современный публикатор писем Феоктистова к Тургеневу, называя их «своего рода хроникой творческой жизни Тургенева пятидесятых годов».[7] В свое время Л. Н. Назарова изучила ранние письма Феоктистова на предмет отражения в них литературно-критической деятельности Тургенева и оценки ее современниками и пришла к убедительному выводу: «Приведенные отрывки из писем Феоктистова к Тургеневу за 1851—1853 годы

[7] Письма Е. М. Феоктистова к И. С. Тургеневу (1851—1861). Ч. I / Публ. Э. Г. Гайнцевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 138. То же: Ч. II // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 73—161. Тщательно откомментированные, эти письма значительно дополняют наши представления о литературно-общественной ситуации 1850-х гг. и, без сомнения, будут служить ценным источником для дальнейших исследований. В частности, очень интересны письма Феоктистова за 1858 г., свидетельствующие о том, что редактор «Русского вестника» М. Н. Катков буквально отслеживал все сообщения о новых работах Тургенева (в том числе и литературно-критических), стремясь заполучить их в свой журнал.

свидетельствуют не только о высокой оценке литературно-критической деятельности писателя его современниками. Они показывают, кроме того, что в первые годы после смерти Белинского московские представители прогрессивного западничества (А. Д. Галахов, П. Н. Кудрявцев, Н. Х. Кетчер и др. — *Н. Г.*) возлагали на Тургенева большие надежды, стремились убедить его в том, что он должен быть не только писателем, но и литературным критиком».[8]

Говоря о начальном этапе литературно-критической деятельности Тургенева, все исследователи сходятся в том, что важнейшую роль в его формировании как критика сыграл В. Г. Белинский. Этой теме посвящено немало исследований, из которых, помимо уже названных, следует отметить работы А. Г. Островского, А. Лаврецкого, Н. В. Богословского, Н. Л. Бродского, Е. И. Кийко, В. А. Громова, Т. А. Никоновой (Лапицкой), С. Е. Шаталова, А. И. Батюто, Ю. В. Манна, Н. С. Никитиной, В. А. Мыслякова и многих других ученых.[9] В сущности, ни один из исследователей, пытающихся определить истоки литературно-эстетических взглядов писателя, не может обойти тему «Тургенев и Белинский», заявленную и самим Тургеневым в его «Литературных воспоминаниях».

Правда, в последние два десятилетия эта тема и само наследие В. Г. Белинского привлекают, по вполне понятным причинам, все меньше и меньше внимания. В 30-е годы прошлого века имя Белинского служило «во славу» Тургенева, приближая его к так называемому прогрессивному лагерю (в принадлежности к коему Белинскому, в отличие

---

[8] *Назарова Л. Н.* К вопросу об оценке литературно-критической деятельности И. С. Тургенева его современниками (1851—1853 годы) // Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков / Отв. ред. Б. П. Городецкий. М.; Л., 1958. С. 167.

[9] *Островский А.* Литературно-эстетические взгляды Тургенева // Литературная учеба. 1936. № 10. С. 25—47; *Лаврецкий А.* <*Френкель И. М.*>Литературно-эстетические взгляды Тургенева // Литературный критик. 1938. № 11. С. 66—100; *Богословский Н.* Литературные взгляды Тургенева // Красная новь. 1938. № 11. С. 249—268; *Бродский Н. Л.* Белинский и Тургенев // Белинский — историк и теоретик литературы. М.; Л., 1949. С. 323—342; *Кийко Е. И.* Белинский и «Записки охотника» // «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852—1952). Сб. ст. и материалов // Под ред. М. П. Алексеева. Орел, 1955. С. 136—150; *Ее же.* Комментарии к «Воспоминаниям о Белинском» и очерку «Встреча моя с Белинским» // *ПССиП(1). Соч.* Т. 14; *ПССиП(2). Соч.* Т. 11; *Никонова Т. А.* «Воспоминания о Белинском». Из истории полемики вокруг очерка Тургенева // *Т Сб.* Вып. 3. С. 125—134; *Шаталов С. Е.* Литературно-критические произведения И. С. Тургенева // *Тургенев И. С.* Статьи и воспоминания / Сост. А. Д. Шакута, вступит. ст. и примеч. С. Е. Шаталова. М., 1981; *Батюто А. И.* Тургенев и Белинский (К вопросу идейно-творческих связей) // *РЛ.* 1984. № 2. С. 50—73; *Его же*: Герцен, Белинский и идейная концепция романа Тургенева «Дым» (ст. первая и вторая) // *РЛ.* 1987. № 3. С. 84—104; № 4. С. 52—76; *Громов В.* Писатель и критика. Тула, 1986; *Манн Ю. В.* Тургенев — критик и литературовед // *Манн Ю. В.* Тургенев и другие. М., 2008. С. 105—136; *Никитина Н. С.* Белинский и Тургенев. У истоков литературных отношений // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990. С. 3—15; *Мысляков В. А.* Белинский и Тургенев (Об антропонимике романа «Рудин») // Там же. С. 15—32.

от Тургенева, не отказывали никогда). Вот почему даже само обращение в те времена к названной теме объективно противостояло вульгарно-социологическим штудиям, согласно которым даже в «Записках охотника» Тургенев выступал защитником крепостничества. Еще в 1959 году М. О. Габель приходилось ставить вопрос следующим образом: «Сейчас уже никто не сомневается, что Тургенев — писатель мирового значения, но на вопрос, в какой степени, в каких формах отражено им освободительное движение в России, до сих пор еще нет определенного и ясного ответа».[10] Ныне, когда наследие революционных демократов подверглось тотальной ревизии, а точнее, почти «сброшено с парохода современности», отношения великого писателя и великого критика практически выпадают из поля зрения исследователей.

Между тем возвращение к этой теме, как и ко многим другим, очевидным образом «запрограммировано» самим ходом вещей. Будучи одним из зачинателей русской эстетики и оказав мощнейшее влияние на современный литературный процесс, Белинский, наряду с Чернышевским, Добролюбовым и Писаревым, как при жизни, так и после своей кончины вызывал самые противоположные реакции. Нет необходимости доказывать, что начиная со второй половины 1850-х годов и почти до самого конца XX столетия имя его связывалось с передовыми идеями. Цензурная оттепель, последовавшая после смерти Николая I, позволила не только упоминать запрещенное ранее имя Белинского, но и серьезно изучать его наследие. Свидетельством тому могут служить издание его сочинений под редакцией Н. Х. Кетчера,[11] появление ряда воспоминаний, исследование А. Н. Пыпина,[12] наконец, даже само намерение Тургенева посвятить Белинскому роман «Отцы и дети».

В свое время Тургенев был чрезвычайно тронут восстановлением в правах имени Белинского в «Очерках гоголевского периода русской литературы» Н. Г. Чернышевского (Современник. 1856) и даже назвал их автора «лучшим нашим критиком»,[13] «забыв» о своем жестком неприятии известной диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности» (1855). Появление этого сочинения было заклеймлено им в письме к Анненкову как «мерзость и наглость неслыханная», а ее автора должно было «публично заклеймить позором».[14] Некрасову и Боткину Тургенев прямо сформулировал причины резкого неприятия книги Чернышевского: «...в его глазах искусство есть, как он сам выражается, только суррогат действительности, жизни — и в сущности годится только для людей незрелых. <...> В действительности нет шек-

---

[10] *Габель М. О.* Вопросы изучения творчества И. С. Тургенева. С. 7.

[11] *Белинский В. Г.* Соч.: В 12 ч. М., 1859—1862.

[12] *Пыпин А. Н.* Белинский, его жизнь и переписка. СПб., 1876. О том, что Пыпин внимательно следил за всеми материалами, посвященными Белинскому, свидетельствуют, в частности, его возражения на воспоминания о Белинском Тургенева, прозвучавшие в его книге.

[13] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 131.

спировского Гамлета — или, пожалуй, он есть, — да Шекспир открыл его — и сделал достоянием общим».[15]

Прошло время и, в свою очередь, имена многих современников Белинского попали под запрет. Их следовало упоминать только в отрицательном контексте, с непременным эпитетом «реакционный» или, по крайней мере «либеральный», что означало в период вульгарного социологизма едва ли не одно и то же. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть в любой литературный или общий словарь энциклопедического типа, вышедший до 1980 года. Наметившаяся еще в 60-е—70-е годы прошлого века тенденция к углубленному изучению наследия В. П. Боткина, В. Н. Майкова, А. В. Дружинина, П. В. Анненкова, А. А. Григорьева, М. Н. Каткова, О. И. Сенковского, Н. Н. Страхова и других критиков[16] не только расширила наши представления о сложных перипетиях развития русской критико-эстетической мысли, но и выявила насущную потребность в научном воссоздании *истории русской критики* XIX столетия. Давно назрела необходимость в научно подготовленных собраниях сочинений ведущих критиков эпохи. Столь же актуальной является потребность в более свободной от идеологических схем, более объективной оценке литературно-критического наследия В. Г. Белинского.

Поставим еще раз вопрос: действительно ли Тургенев находился под несомненным влиянием Белинского и даже был его верным учеником и соратником, как это утверждает большинство исследователей? Или, как осторожно говорит Л. Н. Назарова, «следует не забывать и обратный процесс. Европейски образованный, талантливый молодой писатель несомненно в свою очередь влиял на Белинского».[17] И здесь

---

[14] Там же. С. 38. В. П. Боткину 9 (21) июля 1855 г. Тургенев писал: «Какую мерзость сочинил „пахнущий клопами"! Теперь я иначе называть его не стану (Там же. С. 40). А Дружинину и Д. В. Григоровичу 10 (22) июля он обещал: «Я имел неоднократно несчастье вступаться перед Вами за *пахнущего клопами* <...> примите мое раскаяние — и клятву — отныне преследовать, презирать и уничтожать его всеми дозволенными и в особенности недозволенными средствами!.. Я прочел его отвратительную книгу, эту поганую мертвечину...» (Там же. С. 43).

[15] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 49.

[16] *Григорьев А.* Литературная критика / Сост., вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1967; *Аксаков К. С., Аксаков И. С.* Литературная критика / Сост., вступит. ст. и коммент. А. С. Курилова. М., 1981; *Дружинин А. В.* Литературная критика / Сост., подгот. текста и вступит. ст. Н. Н. Скатова, примеч. В. А. Котельникова. М., 1983; *Боткин В. П.* Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., подготовка текста, вступит. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. М., 1984; *Страхов Н. Н.* Литературная критика / Сост. и вступит. ст. Н. Н. Скатова, коммент. Н. Н. Скатова и В. А. Котельникова М., 1984; *Киреевский И. В.* Избранные статьи / Сост., вступит. ст. и коммент. В. Котельникова. М., 1984; *Майков В. Н.* Литературная критика. Статьи. Рецензии / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. Ю. С. Сорокина. Л., 1985; *Анненков П. В.* Критические очерки / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. И. Н. Сухих и др.

[17] *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева // Социально-философские концепции русских писателей-классиков и литературный процесс. Меж-

придется признать, что серьезных попыток специально исследовать вопрос о влиянии Тургенева на Белинского так и не было сделано, а вследствие этого литературно-эстетические взгляды писателя в целом остаются «в тени» великого критика. Не выпадают из указанной тенденции и чрезвычайно насыщенная документальными свидетельствами книга В. А. Громова «Писатель и критика», и обстоятельная монография А. И. Батюто «Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени», большая часть которой посвящена именно рассмотрению творческих связей Тургенева и Белинского. Так, во введении А. И. Батюто заявляет о том, что «общеэстетические замечания, вводящие в сферу критико-эстетических и иных влияний на Тургенева, сочетаются в нем (исследовании. — *Н. Г.*) с некоторыми доселе неизвестными указаниями на аналогичные встречные влияния Тургенева, по крайней мере на Белинского».[18] Однако подавляющая часть наблюдений ученого касается выявления следов воздействия идей Белинского не только на критико-эстетическую часть наследия Тургенева, но и на все его художественное творчество. «Есть основания <...> полагать: формирующее влияние Белинского в конце концов достаточно конкретно сказывается по существу на всей литературной деятельности писателя — от поэмы „Параша" до таинственной повести „Клара Милич"».[19] Такое заключение явно отдает излишней генерализацией, хотя нельзя не согласиться с Батюто, когда он пишет: «Как и всякая крайность, гиперболические представления о роли Белинского в литературном развитии Тургенева подлежат соответствующей корректировке».[20]

По существу, А. И. Батюто первым указал на очень существенный момент: в пылу полемики со славянофилами Белинский «высказывал поспешные, чрезмерно суровые суждения о народе».[21] Появление уже

вуз. сб. Ставрополь, 1988. С. 113. На это, как справедливо отмечает исследовательница, указывал еще Н. Л. Бродский.

[18] *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. Л., 1990. С. 3.

[19] Там же. С. 5. Заметим, что ссылка А. И. Батюто на Дневник В. С. Аксаковой, содержащий фразу «Белинский и его письмо — это вся его религия», якобы сказанную Тургеневым К. С. Аксакову, как на безусловное свидетельство самого Тургенева не вполне корректна. В контексте фрагмента Дневника (запись от 25 января 1855 г.), посвященного описанию визита Тургенева к Аксаковым, где Вера Сергеевна высказывает свое крайне неблагоприятное впечатление о писателе («Это человек, кроме того что не имеющий понятия ни о какой вере, кроме того что проводил всю жизнь безнравственно и которого понятия загрязнились от такой жизни, это — человек, способный только испытывать физические ощущения <...>» и т. д.), слова, сказанные Тургеневым Аксакову на прощание, могли быть существенно искажены (См.: *Аксакова В. С.* Дневник. 1854—1855 гг. / Предисл. А. А. Молчанова. М., 2004. С. 50—52).

[20] *Батюто А. И.* Творчество И. С. Тургенева и критико-эстетическая мысль его времени. С. 14. В качестве развития темы, намеченной Батюто, укажем на содержательную статью В. А. Лукиной «„Записки охотника": О завершении цикла (Тургенев и Белинский) // Тургеневские чтения. М., 2006. Вып. 2. С. 228—256.

[21] Там же. С. 9.

первого рассказа из будущего цикла «Записки охотника» побудило его признать, что Тургенев «зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил».[22] Тем не менее один важный вывод из своих собственных наблюдений исследователь все же не решился сделать. Справедливо заметив во многих героях Тургенева черты Белинского (Андрей Колосов, Рудин, Инсаров, Базаров и др.), А. И. Батюто не сказал, что Тургенев, будучи художником по преимуществу, и в Белинском прежде всего увидел *образ* нового человека, *отрицателя*, который, как бы он ни заблуждался, как бы ни противоречил самому себе, оставался тем не менее «центральной натурой», представлявшей характерное начало целой эпохи. Именно это, а не отдельные переклички с теми или иными высказываниями критика, делало воспоминания о Белинском одними из самых дорогих для Тургенева, а саму личность критика глубоко ему симпатичной.

О том, что ответ на вопрос о степени влияния Тургенева на Белинского далеко не однозначен, свидетельствует, например, статья А. Дуккон с говорящим названием «Дважды два — четыре или пять?», опубликованная в 1994 году в Будапеште.[23] Справедливо заметив, что одним «из центральных, почти во всех литературных кружках поднимающихся вопросов» был вопрос об отношениях действительности и искусства,[24] А. Дуккон обращает внимание на письмо Белинского к Боткину от 31 марта—3 апреля 1843 года, в котором содержится признание, что Тургенев убедил его отказаться от прекраснодушной формулы 2 × 2=5 в пользу более реальной — 2 × 2=4.

«...Т<у>рг<е>не<в> поразил меня нечаянно, — писал Белинский — сказавши к слову, что Гегель где-то выразился, что дельный человек тот, кто коли видит, что 2 × 2=4, так и ставит 4, а пустой (прекрасная душа) тот, кто хоть и видит, что 2 × 2=4, а все норовит, как <бы> поставить 5 или 10. До сих пор вся жизнь моя протекала в том, что я видел и понимал, что 2 × 2=4, а ставил 5. Теперь уж не могу быть так глупо малодушным, но от этого мне не легче — в этом мой смертный приговор: ждать уже нечего, и в душе распространяется холод, сырость и смрад могилы. Я держался глупостью — подпора упала — и я падаю с нею».[25] «На данной стадии психического развития, — пишет А. Дук-

---

[22] *Белинский.* Т. 10. С. 346.

[23] *Дуккон А.* Дважды два — четыре или пять? Проблемы «романтизма» и «реализма» в понимании молодого Тургенева и Белинского // И. С. Тургенев: Жизнь, творчество, традиции. Доклады международной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения И. С. Тургенева, 26—28 августа 1993 г. Будапешт / Ред. Ж. Зёльдхейи-Деак, А.Холлош. Будапешт, 1994. С. 60—68.

[24] Следует, правда, заметить, что А. Дуккон ошибочно считает, что слово «действительность» отсутствует в словаре Даля (Указ. соч. С. 60). Очевидно, исследователь не знал, что слово это писалось через «ять». На самом деле, Даль дает следующее толкование этого понятия: «...состоянье действительного во всех знач. все то, что есть, существует, состоит на деле, не вымышлено» (*Даль.* Т. 1. С. 510).

[25] *Белинский.* Т. 12. С. 151—152.

кон, — ни Белинский, ни Тургенев не допускают, что человек может быть то дельным, то прекрасной душой, что мечтательность и реализм могут чередоваться в жизни одного и того же человека, и не нужно ликвидировать парадоксы души».[26] Правда, А. Дуккон нигде не упоминает, что в письме Белинского речь шла о его любовных волнениях и сомнениях, а Тургенев, недавно переживший «философический» роман с Т. А. Бакуниной, был настроен «реалистически», к чему, вероятно, склонял и Белинского. Смысл процитированного отрывка отлично понял В. П. Боткин, откликнувшийся сочувственным письмом, которое, к сожалению, не сохранилось, но в письме от 17 апреля Белинский, отвечая другу, поясняет свои обновленные воззрения на «два рода любви».

«То, что мы называем любовью романтическою, мистическою, фантастическою, — это цвет юности и болезнь натур внутренних: в этой любви любишь не предмет любви, а свою любовь, с мистикою ее ощущений. Эта любовь прекрасна и благоуханна, как цветок весенний, и, подобно ему, скоро вянет. Отличительный характер любви действительной (в которой мы чувствуем потребность, когда уже жизнь порядочно поистреплет нас) состоит в том, что любишь предмет любви, а не любовь свою». В основе первого рода любви лежит «капризный поэтический эгоизм», который осуждается Белинским.[27] И все же, несмотря на внесенное пояснение, суть разговора в диалоге Белинского и Боткина сводится к антитезе «романтического» и «действительного» мироощущений. Для нас особенно важно, что именно Тургенев оказывается носителем второго, а не первого. Недаром в первом из цитированных писем Белинский говорит о Тургеневе как о «враге всего неопределенного»: «У Т<ургенева> много юмору. <...> раз, в споре против меня за немцев, он сказал мне: да что ваш русский человек, который не только шапку, да и мозг-то свой носит набекрень! Вообще Русь он понимает. Во всех его суждениях виден характер и действительность. Он враг всего неопределенного, к чему я, по слабости характера и неопределенности натуры и дурного развития, довольно падок».[28]

Согласимся, что приведенное высказывание мало согласуется с положением ученика и учителя, которое традиционно приписывают Тургеневу и Белинскому. В доказательство своих слов Белинский приводит остроумное высказывание своего нового приятеля по поводу висящего на стене комнаты портрета, понравившегося критику выражением «неопределенной задумчивости» на лице женщины, которой Тургенев тут же дал прозвище «какого-то субстанционального пирога».[29] Придется согласиться с венгерской исследовательницей в том, что значительная часть бесед Тургенева с Белинским запечатлелась в поэме Тургенева «Разговор» (1844), высоко оцененной критиком, хотя, как

[26] *Дуккон А.* Указ. соч. С. 61—62.
[27] *Белинский.* Т. 12. С. 155—156.
[28] Там же. С. 154.
[29] Там же.

справедливо пишет А. Дуккон, «было бы грубой ошибкой отождествлять <...> слова Белинского и поэму Тургенева».[30] Следовало бы также подчеркнуть, что суть позиций героев поэмы Тургенева излагается в форме диалога, столь присущей в целом поэтической мысли Тургенева.

Напомним, что поэма «Разговор» была помечена августом 1844 года и завершена в Парголово, где именно в этом году Тургенев и Белинский интенсивно общались все лето, живя неподалеку друг от друга.[31] Белинский не только рекомендовал поэму к печати, но и принимал участие в ее редактировании и прохождении через цензуру.[32]

Вернемся, однако, к письму Белинского. «...Ждать уже нечего, и в душе распространяется холод, сырость и смрад могилы», — пишет Белинский после того, как Тургенев «развенчал» его идеал (неважно, что речь шла о любви, ведь и в поэме «Разговор» эта тема тоже занимает немалое место). «А жить... нет! жить еще страшней / В такой невыносимой мгле — / И места нет душе моей / Ни в небесах, ни на земле!»[33] — восклицает Старик, не выдержав критического натиска Молодого человека, обвинившего все предшествующее поколение и своих современников в смирении перед существующим злом.

Оказался обойденным исследователями и комментаторами поэмы еще один вопрос, поднятый в «Разговоре». Это вопрос о возможной эмиграции Молодого человека за границу, который, похоже, очень волновал в это время и автора поэмы.[34] Отвечая на упреки Старика в том, что тот, «больной, бессильный человек», «погубил — и навсегда» все его надежды и мечты о «новых, сильных племенах» и разрушил его веру в Творца, герой поэмы заявляет, что он, разочаровавшись в возможности понимания «гнева и тоски», которыми томится его душа, не найдя в себе дара «живых — властительных речей», намерен покинуть родину. «...Клянусь я небом и землей, / Клянусь позором слез моих — / Я не снесу моих цепей, / Родимый край, тебя, друзей, / Без сожаленья, навсегда / Покину... и пойду тогда, / И безнадежен и суров, / Искать неведомых богов, / Скитаться с жадностью немой / Среди чужих, в земле чужой, / Где никому не дорог я, / Но где вольна душа моя, / Где я бестрепетно могу / Ответить вызовом врагу — / И, наконец, назло судьбе, / Погибнуть в радостной борьбе!».[35] Вряд ли можно считать простым совпадением то, что именно поэму «Разговор» Тургенев 9 (21) января 1845 года послал брату М. А. Бакунина Алексею вместе с сообщением о том, что месяца через два оставляет Россию, «может быть — надол-

---

[30] *Дуккон А.* Указ. соч. С. 63.

[31] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 468 (коммент.).

[32] Там же. С. 469. По предположению исследователей, поэма должна была иметь посвящение Белинскому, замененное впоследствии «К ***».

[33] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 113.

[34] См. об этом: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. СПб., 2003. С. 77—80.

[35] *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 112—114.

го».[36] В этом же письме есть слова, которые прямо указывают на истинные причины отъезда Тургенева. Прощаясь («может быть — надолго»), он желает приятелю «пробиться мужественно вперед — не для того, чтобы достигнуть каких-нибудь благ — истины или знания, — но для того, чтобы сохранить до конца энергическое чувство человеческого достоинства, без которого жить — очень гадко и неприятно».[37]

Насколько близок приведенный фрагмент из поэмы «Разговор» признаниям, которые содержатся в позднейших высказываниях Тургенева, можно судить по вступлению к «Литературным и житейским воспоминаниям», написанным 24 года спустя: «Я не мог дышать одним воздухом, оставаться рядом с тем, что возненавидел; для этого у меня, вероятно, недоставало надлежащей выдержки, твердости характера. Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решил бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить. И я не думаю, чтобы мое западничество лишило меня всякого сочувствия к русской жизни, всякого понимания ее особенностей и нужд. „Записки охотника", эти, в свое время новые <...> этюды, были написаны мною за границей; некоторые из них в тяжелые минуты раздумья о том: вернуться ли мне на родину, или нет? <...> я, конечно, не написал бы „Записок охотника", если б остался в России».[38]

О том, что Тургенев был совершенно искренен, когда произносил свое объяснение с русской публикой, свидетельствуют и воспоминания П. В. Анненкова, утверждавшего, что вся литературная деятельность Тургенева «ничего иного никогда и не высказывала, кроме постоянной пламенной думы о своем отечестве».[39] «Особенно важно отметить, — писал Анненков, — что и в то время (40-е годы. — *Н. Г.*) и позднее никакого разрыва с отечеством не могло существовать у Тургенева уже и потому, что он всегда оставлял там часть своего существования, куда

---

[36] Там же. *Письма.* Т. 1. С. 206. Одним из существенных аргументов в пользу предположения, что Тургенев собирался уехать за границу навсегда и обсуждал этот вопрос с семьей Виардо, является письмо Луи Виардо к Тургеневу, написанное в конце февраля — начале марта 1845 г. во время пребывания в Петербурге. В нем Виардо советовал своему молодому русскому другу прочитать номер газеты «La Réforme» от 27 января 1845 г., где содержалось открытое письмо М. А. Бакунина к редактору газеты Луи Блану с объяснением причин своей эмиграции из России. См. об этом: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С. 76—78.

[37] *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 206.

[38] Там же. *Соч.* Т. 11. С. 9.

[39] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания / Вступит. ст. В. И. Кулешова, коммент. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. Б. Павловой. М., 1983. С. 331.

бы ни уходил, предмет страсти, так сказать, русскую литературу, — понимая под этим словом художническую, критическую и публицистическую деятельность».[40]

Говоря о дружбе Тургенева и Белинского, нельзя забывать, что к 1843 году, когда они сошлись в Петербурге, оба успели пройти достаточно сложный путь философских и литературно-эстетических исканий.[41] Представлять себе Тургенева неофитом в сравнении с Белинским на период их личного знакомства нет никаких оснований. «Образованием Тургенев несомненно превышал всех своих сверстников-литераторов, — писал в своих воспоминаниях видный критик того времени А. Д. Галахов. — Окончив курс в Петербургском университете, он за границей слушал лекции немецких профессоров из школы Шеллинга и Гегеля. Литературы французская и немецкая были капитально ему знакомы. С даром творчества соединялся у него и талант критический, что доказывается суждениями о важнейших поэтических творениях. Мнения его были оригинальны, соединяя серьезность немецкой эстетики с ясностью изложения французских критиков».[42] Объективно оценил Галахов и деятельность Тургенева за границей: «Заметим, однако ж, что Тургенев и за границей оказал несомненную услугу нашей поэзии, познакомив с нею французов и раскрыв им существенное ее свойство, состоящее в том, что она имеет своим предметом и целью — правду жизни».[43] Тем более любопытно, что именно Галахов откликнулся на воспоминания Тургенева о Белинском и побудил писателя в следующем издании дать выдержку из его письма в Приложении.

Вот что писал Галахов Тургеневу по поводу «Воспоминаний о Белинском»: «Вы говорите, что Белинский, ценя искусство как особую, совершенно естественную и законную сферу духовной деятельности человека, не был поклонником теории искусства для искусства <...>. Мне кажется, это не совсем так, по крайней мере в хронологическом отношении».[44] Галахов ссылался на статьи, написанные до 1843 года, когда Белинский «признавал справедливость знаменитой формулы:

---

[40] Там же. С. 331—332.

[41] Этот период жизни Тургенева изучен менее всего. Одним из немногих сохраняющих до сих пор научную ценность исследований является книга В. Н. Горбачевой «Молодые годы Тургенева (По неизданным материалам)» (Издание Тургеневской комиссии Общества любителей российской словесности. Казань, 1926). Основанная на изучении неизданных по сей день конспектов лекций Тургенева в Берлинском университете и пометах на книгах его личной библиотеки, книга Горбачевой служит пока единственным достоверным источником, из которого черпают сведения другие исследователи.

[42] *Галахов А. Д.* Записки человека / Вступит. ст., сост., подготовка текста и коммент. В. М. Боковой. М., 1999. С. 223 (Сер. «Россия в мемуарах»). Заметим, что обозначение на обороте шмуцтитула имени только В. М. Боковой не вполне корректно, поскольку из ее же комментариев следует, что ею «частично использованы (а в некоторых случаях дословно сохранены) примечания Н. О. Лернера к несостоявшемуся изданию» (С. 342), подготовленному ученым в 1930 г. для издательства «Academia». История этого несостоявшегося издания подробно изложена в комментариях В. М. Боковой.

[43] Там же. С. 230.

[44] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 55.

цель искусства — само искусство», например, в статье о Менцеле. В подтверждение своих слов он приводил также тот факт, что у Белинского висели портреты Гегеля и Гёте, которых он характеризовал как «высших представителей чистой мысли и чистого искусства».[45] В свое оправдание Тургенев сделал оговорку, признав, что описывал взгляды критика на момент своего с ним знакомства и что Белинский изменил свои мнения незадолго до 1843 года. «Политическая струя, — писал Тургенев, — в нем снова забила сильнее».[46]

В нашей литературе почти не обращалось внимания на то, что в воспоминаниях Тургенева о Белинском содержится прямое указание на состояние, в котором молодой философ и поэт (назовем так Тургенева, еще недавно мечтавшего о кафедре философии и печатавшего свои стихи в журналах) застал уже успевшего сотрясти литературный Олимп своими резкими и неординарными высказываниями Белинского.

«Вскоре после моего знакомства с ним его снова начали тревожить те вопросы, которые, не получив разрешения или получив разрешение одностороннее, не дают покоя человеку, особенно в молодости: философические вопросы о значении жизни, об отношениях людей друг к другу и к божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т. д.».[47] Жажда общения, которую нашел молодой Тургенев в Белинском, объяснялась им, с одной стороны, «алчной жадностью, стремительным домогательством истины»,[48] а с другой — довольно прозаически: незнанием ни одного иностранного языка и невозможностью найти в русских книгах ответы на мучившие его вопросы. Белинский действительно многие свои познания черпал из общения с друзьями: Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским, М. А. Бакуниным, В. П. Боткиным и другими (они, кстати, все были знакомыми и Тургенева).[49] Эту картину можно отчасти представить по сохранившимся его письмам к друзьям. Правда, как вспоминал Тургенев, «дело не обходилось, конечно, без недоразумений, иногда даже комических: друзья-наставники Белинского, передававшие ему всю суть и весь сок западной науки, часто сами плохо и поверхностно ее понимали <...>».[50] Очевидно, молодой Тургенев, только что вернувшийся из Германии и блиставший феноменальными познаниями в области философии и европейских литератур, представлял для Белинского, тяжело переживавшего отрыв от московских кружков, благодатную почву для оттачивания своих новых

---

[45] Там же. С. 55—56.

[46] Там же. С. 56.

[47] Там же. С. 25.

[48] Там же. С. 170.

[49] Об этом вспоминал и близкий Белинскому А. Д. Галахов: «...по незнанию иностранных языков, своим знакомством с немецкой эстетикой и с немецкой поэзией, преимущественно с Шиллером, <Белинский> много обязан Станкевичу <...>» (*Галахов А. Д.* Записки человека. С. 212).

[50] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 26.

убеждений. Недаром, вспоминая то время, Тургенев привел известное высказывание Гёте, процитировав по памяти Пролог на небесах из «Фауста»: «Ein gutter Mann in seinem dunkeln Drange / Ist sich des rechten Weges wohl bewusst» («Добрый человек и в неясном своем стремлении всегда имеет сознание прямого пути»).[51] «Итак, — заключает Тургенев, — когда я познакомился с Белинским, его мучили сомнения».[52] Какого же рода были эти сомнения?

Отчасти на этот вопрос отвечает сам мемуарист, хотя и в ироническом форме. Передавая один из обычных разговоров с Белинским, переходивших, как правило, в жаркие дискуссии, Тургенев прежде всего описывает необыкновенное возбуждение своего нового приятеля. «Искренность его действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала; но, поговорив часа два, три, я ослабевал, легкомыслие молодости брало свое, мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде <...>».[53] Именно во время одного из таких разговоров Белинский и произнес ставшую впоследствии знаменитой фразу, которую приводит в своих воспоминаниях Тургенев: «Мы не решили еще вопроса о существовании Бога, — сказал он мне однажды с горьким упреком, — а вы хотите есть!..».[54] В очерке «Встреча моя с Белинским» Тургенев тоже упомянул о том, что волновало критика: «В первые дни своего пребывания на даче Лесного института его занимал один очень важный религиозный вопрос <...>».[55] Мемуарист не формулирует этот вопрос прямо, ввиду возможных цензурных затруднений, однако, кажется, его можно условно обозначить как вопрос о существовании Бога. Судя по ироническому, хотя и смягченному сентиментальным оттенком воспоминаний тону, которым Тургенев передает этот знаменательный эпизод, он смотрел на смятение Белинского несколько свысока, как человек, уже решивший для себя эту проблему.

Обратимся к уже цитированной поэме «Разговор», где также обозначена указанная тема. Защищая свои верования и надежды, Старик (первоначально Монах) призывает «Господа отцов моих», чтобы просветить «Детей забывчивых твоих». В ответ Молодой человек восклицает: «Не поминай его, старик... / Он так далек... Он так велик — / А мы так малы... Да притом / Он нас забыл давно... О нем / Твердили миру чудеса — / Теперь безмолвны небеса...».[56] Возможно, что именно Тургенев оказался в вопросе о существовании Бога более «компетентным» собеседником, чем сомневающийся Белинский. В то время, когда Тургенев воодушевлялся в Берлине лекциями профессора Вердера, утверждавшего, что философия призвана «сделать нас преданными богу», в немецкой философии «наметился раскол гегелевской школы на

---

[51] Там же. Русский перевод сделан самим Тургеневым в примечании.
[52] Там же.
[53] Там же. С. 27.
[54] Там же.
[55] Там же. С. 172.
[56] Там же. Т. 1. С. 110.

правое и левое гегельянство».[57] Яблоком же раздора, как утверждает В. Н. Горбачева, был вопрос, «мучивший позднее и русских гегельянцев: „Можно ли молиться богу Гегеля? Можно ли отождествлять его абсолют с живым христианским богом?"».[58] Возможно, именно эти «самые свежие, последние выводы» гегелевской философии в интерпретации Вердера передал Белинскому Тургенев, недавно вернувшийся из Берлина.[59] Правда, спустя несколько десятилетий он смотрел на происходившее уже с иных позиций: «Мы еще верили тогда в действительность и важность философических и метафизических выводов, хотя ни он, ни я, мы нисколько не были философами и не обладали способностью мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер…».[60] «Впрочем, — заключает Тургенев, — мы тогда в философии искали всего на свете, кроме чистого мышления».[61]

Вообще в «Воспоминаниях о Белинском» (как и в написанном гораздо раньше очерке «Встреча моя с Белинским»), несмотря на чрезвычайно высокую оценку роли критика в развитии русского общества и необыкновенно яркий портрет его как личности, со всеми ее слабостями и индивидуальными чертами, не наблюдается ничего, что бы напоминало взгляд ученика на учителя. Совершенно очевидно, что по уровню знаний, по философской подготовке и, наконец, по способности воспроизводить действительность в образах Тургенев стоял неизмеримо выше своего ушедшего друга и хорошо осознавал это. Недаром, отмечая, что «сведения Белинского были не обширны», что «он знал мало», что даже по-французски он «читал с великим трудом» и не был знаком «ни с одним из иностранных языков», что он потому «постоянно и всюду ратовал за просвещение», что испытал на деле «горечь невежества», что ирония его была «неповоротлива», что «исторические сведения Белинского были слишком слабы», что он вообще не имел «никакого „творческого таланта"» (примеры можно продолжить), Тургенев прибегает к парадоксальному сравнению познаний Белинского с ученостью О. Сенковского, причем в пользу последнего.[62] Более того, называя Белинского заслуживающим «до некоторой степени» названия русского Лессинга, Тургенев утверждает, что он «мог сделаться тем, чем он был, и без большого запаса научных познаний».[63]

Критика Белинского, писал Тургенев в очерке «Встреча моя с Белинским», «не имела тогда (да и после) никакой заранее определенной системы: собственно теория критики, рассуждения о разных ее родах и т. д. его мало занимали; он и в этом был прямо русский, не отвлеченный

---

[57] *Горбачева В. Н.* Молодые годы Тургенева. С. 9.
[58] Там же.
[59] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 27.
[60] Там же.
[61] Там же.
[62] Там же. С. 28.
[63] Там же. С. 29.

человек».[64] И в то же время Тургенев называет критика «одним из первых людей своего времени», «центральной натурой», чувствовавшей «русскую суть, как никто». Как объяснить подобные парадоксы? Может быть, другим парадоксом, который присутствует в речи Тургенева о Пушкине, когда он не решается назвать его «национально-всемирным поэтом» на том основании, что Россия еще не завоевала во всемирно-историческом процессе своего определенного места.[65] «Но только тогда, когда творческой силою избранников народ достигает сознательно-полного, своеобразного выражения своего искусства, своей поэзии — он тем самым заявляет свое окончательное право на собственный голос — он вступает в братство с другими, признавшими его народами», — говорил Тургенев в Пушкинской речи.[66]

В этой оговорке Тургенева как раз слышится голос Белинского, который не раз ставил о вопрос о том, является Пушкин только национальным или мировым поэтом.[67] Еще в статье «Русская литература в 1841 году» (*ОЗ*. 1842. Т. 20. № 1) он ставил вопрос о сравнении Пушкина с европейскими поэтами и отвечал на него так: «Он относится к ним, как Россия к Европе, а европейские поэты к нему — как Европа к России. Пушкин обладал мировою творческою силою; по форме, он — соперник всякому поэту в мире; но по содержанию, разумеется, не сравнится ни с одним из мировых поэтов, выразивших собою момент всемирно-исторического развития человечества».[68] Практически повторив эту мысль Белинского в Пушкинской речи, Тургенев, чувствуя ее недостаточность, сделал существенную оговорку. Мечтая о появлении «нового, еще неведомого избранника, который превзойдет своего учителя и заслужит вполне название национально-всемирного поэта, которое мы не решаемся дать Пушкину», Тургенев произнес: «хотя и не дерзаем его отнять у него».[69]

Конечно, за прошедшие почти сорок лет между статьей Белинского и речью Тургенева много что изменилось. Изменилось прежде всего положение русской литературы на европейской литературной арене. И изменения произошли во многом благодаря усилиям И. С. Тургенева.[70] Главной заслугой Белинского было, по мнению Тургенева, обозначение магистрального направления русской литературы.[71] Еще в лекции о Пушкине 1859 года, которая была частично воспроизведена в

---

[64] Там же. С. 170.

[65] См. об этом: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С. 457—461.

[66] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 341.

[67] См.: *Мордовченко Н.* В. Белинский и русская литература его времени. М.; Л., 1950. С. 211—212.

[68] *Белинский.* Т. 7. С. 558.

[69] *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 349.

[70] См.: *Алексеев. М. П.* Тургенев — пропагандист русской литературы на Западе // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 268—307.

[71] Не менее высокая оценка заслуг Белинского содержится и в мемуарах А. Д. Галахова: «Петербургские журналы „Отечественные записки" и „Современник", органы евро-

«Воспоминаниях о Белинском», Тургенев говорил о характере литературы 30-х—40-х годов и называл «гоголевскую сатиру», «лермонтовский протест» и критику Белинского, усилиями которых «рухнула не только та литературная школа, которую мы назвали ложновеличавою, но и многое другое, устарелое и недостойное, обратилось в развалины».[72] Тот же ряд имен — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский — возникнет и в итоговой Пушкинской речи Тургенева, подтвердив еще раз верность писателя идеям 40-х годов. Но впервые основные положения тургеневской концепции развития русской литературы были объявлены гораздо раньше — еще в 1845 году. Правда, сделано это было на французском языке и опубликовано за границей.

В то же время в «Воспоминаниях о Белинском» Тургенев, как уже говорилось, цитировал лекцию о Пушкине 1859 года, где явственно прозвучал упрек по поводу трактовки Белинским творчества Пушкина и его предшественников. Назвав Белинского «идеалистом в лучшем смысле этого слова», носителем «преданий того московского кружка, который существовал в начале тридцатых годов» и находился «под сильным влиянием германской философской мысли», Тургенев утверждал, что именно во имя этого идеала Белинский указывал на недостаток в Пушкине «гражданских начал», приветствовал «лермонтовский протест» и «гоголевскую сатиру», «сокрушал старые авторитеты <...>, на которые он не имел ни возможности, ни охоты взглянуть с исторической точки зрения...».[73] Серьезный упрек со стороны «ученика», прозвучавший в лекции о Пушкине еще в 1859 году, позволяет ретроспективно взглянуть и на статью «О современной русской литературе» 1845 года, где как раз, отчасти в противовес Белинскому, прозвучала тонкая и взвешенная оценка «наших так называемых слав» — Карамзина, Жуковского и особенно Державина и Крылова. Речь идет о статье «De la littérature russe contemporaine» («О современной русской литературе»), напечатанной анонимно в парижской газете «Illustration» в 1845 году. Здесь читатели могли встретить такую фразу: «Один критик справедливо заметил, что Гоголь убил стихотворцев», которая прямо отсылала к Белинскому.[74]

Тургенев, кажется, был первым, кто ввел имя Белинского (хотя и завуалировано) в европейскую литературу.[75] Впервые на русском языке

пеизма, открыли новую эру периодической прессы, равно как главный сотрудник их Белинский своими статьями открыл новую эру высшей литературной критики» (*Галахов А. Д.* Записки человека. С. 215).

[72] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 34, 36.

[73] Там же. С. 37.

[74] Первый публикатор статьи Л. Р. Ланский убедительно доказал, что этим критиком мог быть только Белинский.

[75] В небольшой, но содержательной статье «Белинский во французской литературе (Критические заметки)» Ф. Я. Прийма утверждал, что первым пропагандистом личности и взглядов Белинского следует считать Герцена (В кн.: Белинский. Статьи и материалы. Л., 1949. С. 247). Относя к пропагандистам личности и взглядов Белинского также и Тургенева, исследователь ссылался на «Дневник» братьев Гонкуров (запись 1863 г.), книгу

статья была опубликована Л. Р. Ланским в 1964 году,[76] а предположение об авторстве Тургенева было высказано еще в 1930 известным французским исследователем А. Монго в статье «Гоголь и Мериме». Впоследствии ряд современных французских и отечественных исследователей поддержал и расширил атрибуцию Монго/Ланского.[77] Л. Р. Ланский в первую очередь обратил внимание на близость многих положений этой статьи, напечатанной, без всякого сомнения, с помощью Луи Виардо (постоянного сотрудника «Illustration»), со многими положениями Белинского. Но главное, что в этой статье не только были обозначены основные вехи развития русской литературы во главе с Пушкиным и Гоголем, но и по существу изложена программа переводческой деятельности Тургенева на многие десятилетия вперед. Именно он, сначала с помощью Луи Виардо, а потом и других французских литераторов, сам перевел и повести Гоголя, и «Мцыри» Лермонтова, и многие произведения Пушкина, в том числе (прозой) роман «Евгений Онегин».[78]

Должен ли был Белинский поддержать такую программу? Безусловно. «Пушкин и Гоголь, — <...> вот истинное, капитальное сокровище нашей литературы... Если Пушкин найдет достойных переводчиков, то не может не обратить на себя изумленного внимания Европы; но все-таки он и не может быть там оценен по достоинству: этому всегда помешает объем и глубина содержания его поэзии, далеко не могущие состязаться с объемом и глубиною содержания, каким проникнута поэзия великих представителей европейского искусства...», — писал Белинский в статье «Русская литература в 1841 году».[79] Поскольку эта статья

М. де Вогюэ «Le roman russe» (1886) и др. источники, в частности, на неизвестную русскому читателю статью А. Франса «Иван Тургенев» 1877 г. (не переведенную на русский язык до сих пор). Все эти упоминания имени Белинского были инспирированы Тургеневым.

[76] *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 271—274.

[77] Revue de la littérature comparée. 1930. N 10. P. 701. В 1952 г. это предположение было подтверждено Л. Р. Ланским (*ЛН*. Т. 58. М., 1952. С. 672). Атрибуцию Ланского поддержали видные французские слависты М. Кадо и А. Звигильский, а также Л. Н. Назарова (См.: *Назарова Л. Н.* О литературно-критической деятельности Тургенева. С. 116—120). См. также: *Генералова Н. П.* И. С. Тургенев: Россия и Европа. Из истории русско-европейских литературных и общественных отношений. С. 89—92. Помещенная в разделе «Dubia» в *ПССиП(2). Соч.* Т. 12, эта статья по-прежнему мало привлекает внимание тургеневедов.

[78] Еще до выхода в свет отдельного издания повестей Гоголя в 1845 г., в «Illustration» были напечатаны две его повести — «Старосветские помещики» и «Записки сумасшедшего». Объявления об этих публикациях и вступительные заметки (написанные, как справедливо предположил Ланский, скорее всего Луи Виардо) очень отличаются по стилю и содержанию от статьи «О современной русской литературе». Именно поэтому одна из русских читательниц газеты (М. Г. Карташевская) сразу обратила на нее внимание и написала В. С. Аксаковой о том, что француз не мог быть ее автором. Любопытно и другое: племянница С. Т. Аксакова, соглашаясь с основными тезисами статьи, приняла и оценку Гоголя, и оценку Пушкина, в ней прозвучавшие (См.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 271).

[79] *Белинский*. Т. 7. С. 569.

вышла в свет за год до знакомства критика с Тургеневым, можно представить себе, насколько он был обрадован возможностью «командировать» в Европу такого подходящего переводчика и критика, каким представлялся ему образованный и разделявший его основные позиции Тургенев. В 1845 году Белинский, конечно, еще не мог угадать в Тургеневе будущего автора «Записок охотника», «Дворянского гнезда» и «Отцов и детей». Недаром писатель вспоминал позднее, что, охладев после первых восторженных откликов на его поэмы, Белинский «стал считать меня способным на одну лишь критическую и этнографическую деятельность».[80] Правда, Белинский оценил как «чрезвычайно замечательный по прекрасной мысли» рассказ «Андрей Колосов», отметив в авторе «много ума и таланта», хотя и упрекнул его в том, что «он не хотел сделать и половины того, что бы мог сделать; оттого и вышел хорошенький рассказ там, где бы следовало выйти прекрасной повести».[81]

Скорее всего, Белинский читал статью Тургенева о современной русской литературе еще в рукописи и смог оценить ее по достоинству. Судя по всему, она была написана либо летом 1844 года, во время интенсивного общения с Белинским в Лесном и Парголово, либо осенью. Передать же ее Луи Виардо, который сопровождал жену на гастролях в Петербурге и Москве с октября 1844 по апрель 1845 года, не представляло затруднений. Надо заметить, что несмотря на близость идеям Белинского, статья написана гораздо более емко и взвешенно. Недаром Тургенев отмечал в натуре Белинского «склонность к преувеличению». Даже по его почерку можно было судить, «что это писал человек, который не взвешивал и не рассчитывал свои выраженья». «Оттого он часто увлекался и впадал в противоречия с самим собою <…> оттого он в течение года внезапно начал наполнять свои статьи школьными выражениями немецкой философии <…>».[82]

Именно взаимное понимание общих целей и насущных задач должно было в первую очередь побудить Белинского признать в Тургеневе равную себе силу, но в другом роде. Возвращаясь к поэме «Разговор» и затронутой в ней теме бегства в «чужие края», обратим еще раз внимание на отсутствие всякого раздражения Белинского относительно отъезда Тургенева в 1845, а затем в 1847 году за границу. Не приходится сомневаться, что Тургенев отправлялся туда с одобрения Белинского и поддержанный своими новыми друзьями Луи и Полиной Виардо. Задача Тургенева состояла, по-видимому, в том, чтобы познакомить Европу с современной русской литературой, прежде всего с Пушкиным, Лермонтовым и Гоголем. Еще в 1954 году М. П. Алексеев, говоря о нашумевшем (особенно в России) сборнике переводов из Гоголя 1845 года, вышедшем в Париже с указанием на обложке имени Луи Виардо как

---

[80] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 169.
[81] *Белинский.* Т. 8. С. 483.
[82] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 171.

переводчика, писал: «Белинский не мог не знать об этом замысле еще до его осуществления и был, несомненно, вполне посвящен в историю создания этой знаменитой книги».[83]

Итак, приходится признать, что, несмотря на ряд исследований, появившихся в последние десятилетия, полной ясности в отношении литературно-критических и эстетических взглядов Тургенева так и не было достигнуто. Возможно, одной из причин такого положения дел является отсутствие ясно выраженных эстетических деклараций среди обширного критико-эстетического наследия Тургенева. Близкий друг и ближайший единомышленник писателя на протяжении многих лет, которого менее кого бы то ни было можно обвинить в недоброжелательном отношении к Тургеневу, П. В. Анненков едва ли не с досадой писал: «...эстетические и полемические заметки Тургенева носили всегда какой-то характер *междуделья*, отличались умом, но никогда не обладали той полнотой содержания, которая необходима для того, чтобы сказанное слово осталось в памяти людей».[84] В то же время Анненков с полным знанием дела заявлял: «Очень скоро Тургенев сделался на целый литературный период излюбленным человеком этого многосложного русского мира, который признал в нем свое доверенное лицо и поручил ему ходатайство по всем своим делам».[85] Признавая главную заслугу Тургенева-художника в том, что он «сделался в России летописцем и историком умственных и душевных томлений всего своего времени по разрешению настоятельных запросов пробужденной мысли, очнувшегося ума и сердца»,[86] Анненков гораздо строже относился к критической и публицистической стороне творчества Тургенева. Термин «междуделье» он применял и к позднейшим тургеневским «объяснениям с критиками и недоброжелателями, к его исповедям своих мнений (professions de foi), поправкам и дополнениям его созерцаний и проч.». «Они, — утверждал критик, — не удовлетворяли ни тех, к кому относились, ни публику, которая следила за его мнениями».[87]

Нет ли противоречия в приведенных высказываниях? Ведь если публика следила за мнениями Тургенева, то это значит, что они производили на нее сильное впечатление, если «многосложный русский мир» признал в Тургеневе «свое доверенное лицо и поручил ему ходатайство по всем своим делам», то почему его критические высказывания не удовлетворяли публику? Думается, Анненков здесь несколько

---

[83] *Алексеев. М. П.* Мировое значение Гоголя // Алексеев М. П. Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989. С. 181. См. также: *Генералова Н. П.* О первых переводах произведений Н. В. Гоголя во Франции // Н. В. Гоголь: Загадка третьего тысячелетия. Первые Гоголевские чтения. Сб. докладов / Под общей ред. В. П. Викуловой. Науч. ред. Е. М. Огнянова. М., 2002. С. 149—165.

[84] *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 333.

[85] Там же. С. 328.

[86] Там же. С. 328—329.

[87] Там же. С. 333.

сгустил краски. Некоторые свидетельства современников говорят об обратном.

Слишком многое объединяло двух незаурядных литераторов. Помимо страсти к русской литературе и близости политических симпатий и антипатий, у них был общий враг — «ложновеличавая школа» (термин Тургенева), представленная творениями Н. Кукольника, Бенедиктова, Марлинского и других. Еще одним общим врагом было славянофильство, против которого сражались, каждый в меру своих сил, Тургенев и Белинский, опираясь на принятое с молодых лет воззрение на смысл Петровских реформ и исторического пути России. И здесь нужно было сильное оружие, которым Тургенев, с присущим ему слишком взвешенным чувством меры, владел не вполне. Здесь нужно было горячее, взволнованное, разящее наповал слово Белинского. Недаром в своих воспоминаниях Тургенев называет Белинского «одним из красноречивейших русских людей, если принимать слово „красноречие" в смысле силы убеждения, той силы, которую, например, афиняне признавали в Перикле, говоря, что каждая речь его оставляла жало в душе каждого слушателя».[88]

Подводя итог предпринятому исследованию, которое, разумеется, является далеко не полным и лишь намечает некоторые темы, скажем, что в условиях жесткой общественно-литературной борьбы, на протяжении которой имя Тургенева заносилось то в списки одной партии, то поневоле оказывалось в рядах противоборствующей, писателю удалось и в своих литературно-критических выступлениях, и в воспоминаниях придерживаться той меры, которая позволяла ему сохранять высокие требования к художественной стороне любого рассматриваемого произведения и не позволяла, игнорируя эстетическую сущность искусства, переходить в стан публицистов. Недаром еще в 1855 году он писал А. В. Дружинину о так называемых «пушкинском» и «гоголевском» направлениях: «Но *оба* влияния, по-моему, необходимы в нашей литературе — пушкинское отступило было на второй план — пусть оно опять выступит вперед — но не с тем, чтобы *сменить* гоголевское. Гоголевское влияние и в жизни, и в литературе нам еще крайне нужно».[89] Однако для того, чтобы полно представить литературно-эстетические взгляды Тургенева, необходимо изучить не только его отношения с Белинским, но и более глубоко рассмотреть его общение со сторонниками теории так называемого «чистого искусства» — Боткиным, Дружининым, Фетом и, конечно, П. В. Анненковым, знакомство с которым произошло в том же году, что и с Белинским и чьи недавно изданные письма к Тургеневу[90] дают богатый материал для дальнейших исследований в этом направлении.

---

[88] *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 41.
[89] Там же. *Письма.* Т. 3. С. 55.
[90] См.: *Анненков. Письма.*

СООБЩЕНИЯ

Л. В. Миндыбаева

ПРЕДОК И. С. ТУРГЕНЕВА — ГЕРОЙ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА П. Н. ПОЛЕВОГО

В 1873 году будущий известный критик, беллетрист и историк литературы Петр Николаевич Полевой (1839—1902) был занят подготовкой второго издания «Истории русской литературы в очерках и биографиях» (первое вышло в 1872 г.). По его просьбе И. С. Тургенев написал биографический очерк, который был отправлен Полевому 17 (29) октября 1873 года. Посланное Тургеневым представляло собой вырезку из журнала «Нива» (1872. № 9. 28 февраля. С. 136—137), содержавшую начало очерка «Иван Сергеевич Тургенев», куда писатель внес дополнения. Одно из существенных дополнений касалось двух его предков по линии отца. Об этом И. С. Тургенев писал П. Н. Полевому: «Из исторических лиц, принадлежащих к его фамилии, Т<ургенев> дорожит особенно двумя: тем Петром Т<ургеневым>, который *обличил* Лжедмитрия и за это *обличение* был в тот же день казнен на лобном месте в Москве — и тем шутом Петра Великого, Яковом Т<ургеневым>, которому пришлось в новый 1700-й год обрезывать ножницами бороды бояр; он по-своему тоже служил делу просвещения».[1]

Второе издание «Истории русской литературы в очерках и биографиях» П. Н. Полевого вышло в свет в Санкт-Петербурге в 1874 году. В этой книге были помещены биография и портрет Тургенева с фотографии Бергамаско. Писатель остался доволен точностью приведенных биографических данных, о чем узнаем из его письма к А. С. Суворину от 14 (26) марта, 1 (13) апреля 1875 года: «Что касается до биографических подробностей обо мне — то все данные у Полевого верны — и других, кажется, собирать не стоит».[2]

Судьба упоминаемого в письме к Полевому Петра Тургенева была известна не только в тесном семейном кругу, но и во всей России по

[1] *ПССиП(2). Письма.* Т. 12. С. 230—231.
[2] Там же. Т. 14. С. 61.

трудам историков. Об этом свидетельствует тон самого письма, в котором Петр Тургенев причисляется к кругу «исторических лиц». Поскольку речь в данной работе пойдет именно о Петре Тургеневе, уместно привести свидетельства о нем из самых разных источников.

Одно из свидетельств исходит из семьи Тургеневых и содержится в документах, представленных в Тульское дворянское депутатское собрание в 1810 году дедом писателя Н. А. Тургеневым: «...Петр Никитин сын в царствующем граде Москве был первострадалец, обличил вораеретика и расстригу Гришку Атрепьева, за что от него и мучим разными пытками и казнен смертию, о чем свидетельствует соборная апостольская церковь».[3]

Первым русским летописцем, написавшем о Петре Тургеневе и Федоре Калачнике, стал келарь Троице-Сергиевского монастыря Авраамий Палицын. В его «Сказании» читаем: «Мученицы же нови явльшеся тогда: дворянин Петр Тургенев да Федор Калачник без боязни того обличаху. Им же по многих муках главы отсекоша среди царствующаго града Москвы. Той же Федор, ведом к посечению, вопиаше всему народу: „Се приали есте образ антихристов и поклонистеся посланному от сатаны; и тогда разумеете, егда вси от него погибнете". Москвичи же ругахуся ему и по делом суд тому быти глаголюще. Тако же и Петрову казнь ни во что же вменишя».[4]

Русские историки, жившие в более позднее время, во многом повторили свидетельства Авраамия Палицына и сделали ссылки на него в своих трудах, но в то же время добавили новые детали. Они разошлись в отражении последовательности двух событий: осуждения Василия Шуйского (был помилован на плахе) и казни Петра Тургенева и Федора Калачника.

Как единственный представитель дворянства, казненный публично Лжедмитрием, упоминается Петр Тургенев в «Истории российской от древнейших времен», сочиненной князем М. М. Щербатовым: «Слухи сии не могли до *Лжедмитрия* не доходить, как через его подзирателей, так и через самые доносы. Не могши уверить ласкою, старался он страхом мучения прекратить такие разглагольствия. Многие монахи были взяты, мучимы, иные умерщвлены, а другие в дальние места в заточение посланы; но многие из сих показывали толикую твердость мучений, что и при предстоящей им смерти не устрашились его в самозванстве изобличать, гонение сие поразившее всех страхом распростерлось и на многих дворян, которые подобную же судьбу претерпели, и между прочими единый Петр Тургенев был на площади казнен».[5]

---

[3] См.: *Жидкова С. В.* Тургеневы в Петровское время (Комментарий к одному письму Тургенева) // Тургениана. Сб. ст. и материалов / Сост. Л. А. Балыкова и Л. В. Дмитрюхина. Орел, 1999. Вып. 2—3. С. 81, 100.

[4] Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 111.

[5] *Щербатов Михаил.* История российская от древнейших времен. СПб., 1791. Т. 7. Ч. 2. С. 22.

Н. М. Карамзин в «Истории государства Российского» остановился на эпизоде казни Петра Тургенева и «мещанина Федора» (Федора Калачника). Рядом с ними упоминается Василий Шуйский, который тоже свидетельствовал о самозванстве нового царя, но не публично, а тайно. Он побывал на плахе и был помилован Лжедмитрием в последний момент, за что народ излил на царя свою благодарность. Когда же появились новые обличители, они натолкнулись на глухую стену непонимания и враждебности со стороны толпы. Из изложения событий Н. М. Карамзиным следует, что близость по времени этих событий, а именно действий против самозванца Василия Шуйского и Петра Тургенева с Федором Калачником, вызвала такую разную реакцию толпы и обернулась против последних. Причем помилование Шуйского предшествует казни Тургенева и Калачника. В «Истории государства Российского читаем»: «Схватили еще дворянина Петра Тургенева и мещанина Федора, которые явно возмущали народ против лжецаря. Самозванец велел казнить обоих торжественно и с удовольствием видел, что народ, благодарный ему за помилование Шуйского, не изъявил чувствительности к великодушию сих двух страдальцев; оба шли на смерть без ужаса и раскаяния, громогласно именуя Лжедмитрия Антихристом и любимцем Сатаны, жалея о России и предсказывая ей бедствие: чернь ругалась над ними, восклицая: „умираете за дело!"».[6]

Совсем иная хронология событий приводится в труде Н. И. Костомарова «Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613»: «Русские летописцы (Авраамий Палицын, Никоновская летопись) говорят, что прежде, чем Шуйский стал возмущать народ, были казнены за непризнание Дмитрия царевичем Петр Тургенев и Федор Калачник. Когда их вели на смерть, последний кричал, что русские приняли антихристова слугу; народ не сочувствовал обоим и кричал: „Поделом вас осудили, умирайте!" Так как между воцарением Дмитрия и арестом Шуйских прошло всего три или четыре дня, а помилование Шуйского объявлено с заявлением, что царь не хочет проливать крови, то, вероятно, казнь этих двух лиц случилась до пришествия Димитрия, и осудили их бояре, может быть, с одобрением Димитрия, но тайным; иначе выдумали бы иной повод для царского милосердия Шуйскому. Не мог бы решиться объявлять народу новый царь, что он не хочет проливать крови, когда кровь была уже им пролита...».[7]

Описание шествия на казнь Петра Тургенева и Федора Калачника находим у С. М. Соловьева: «Один из современников, смотревший на Лжедмитрия как на еретика, приписывавший ему много дурных дел, должен был, однако, признаться, что большинство было за него, что он пользовался сильною народною привязанностию. Это особенно обнаружилось, когда явились новые обличители: дворянин Петр Тургенев и

---

[6] *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. Тула, 1990. Т. 9—12. С. 275.

[7] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. М., 1994. С. 171.

мещанин Федор Калачник, последний, когда вели его на казнь, вопил всему народу: „Приняли вы вместо Христа антихриста и поклоняетесь посланному от сатаны, тогда опомнитесь, когда все погибнете". Но народ ругался над ним, кричал: „Поделом тебе смерть"».[8]

С трудами историков, в которых упоминался предок писателя Петр Тургенев, могли быть знакомы и сам И. С. Тургенев, и П. Н. Полевой. В мемориальной библиотеке И. С. Тургенева сохранились труды М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева.[9] П. Н. Полевой наверняка сохранил в памяти подробности знакомства и переписки с И. С. Тургеневым, в том числе сообщенные писателем биографические сведения. Поэтому не случайным представляется тот факт, что П. Н. Полевой написал исторический роман «Корень зла» об эпохе Бориса Годунова и Лжедмитрия, одним из главных персонажей которого является предок писателя Петр Тургенев. Роман был впервые напечатан в журнале «Нива» в 1891 году.

Роман охватывает период времени от января 1599 года до весны 1606 года. В центре повествования — реальные события, описанные историками: царствование Бориса Годунова, опала и ссылка бояр Романовых, неурожай и голод 1601—1602 годов, приезд в Москву и смерть датского царевича, жениха царевны Ксении, распространение по стране прелестных писем Лжедмитрия, измена Басманова и воевод и переход их на сторону самозванца, чтение в Москве на Лобном месте грамоты Лжедмитрия его послами Плещеевым и Пушкиным, смерть царя Бориса Годунова, убийство царицы Марьи и царя Федора, въезд в Москву Лжедмитрия, возвращение из ссылки двух из пятерых братьев Романовых — Федора Никитича (Филарета) и Ивана Никитича, а также множество других событий той бурной эпохи.

Автор романа остается верен историческим свидетельствам в описании характеров персонажей, а зачастую и в портретных деталях. Царю Борису Годунову свойственны неуверенность в своих правах на царство, недоверчивость, насаждение доносов и клеветы, мстительность, преследования родовитых бояр, в которых он видит соперников. Достойною дочерью своего отца Малюты Скуратова предстает в романе царица Марья, подозрительная, вспыльчивая и жестокая. Федору Никитичу Романову (Филарету), отцу будущего царя Михаила, присущи природный ум, твердость характера, стойкость. Лжедмитрия автор романа наделяет чертами, отмеченными ранее историками, — храбростью, живостью ума, пылкостью темперамента, красноречием.

Среди персонажей романа нас, безусловно, более всех интересует Петр Михайлович Тургенев.[10] По своей роли в исторических событиях

---

[8] *Соловьев С. М.* Соч.: В 18 кн. М., 1989. Кн. 4: История России с древнейших времен. Т. 7—8. С. 421.

[9] См.: Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог / Сост. и автор вступит. ст. Л. А. Балыкова. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на русском языке. С. 104—107, 169, 201—202.

[10] Имена персонажей не всегда полностью совпадают с историческими прототипами. Имя предка писателя — Петр Никитич Тургенев.

он не может быть поставлен рядом с Борисом Годуновым, Романовыми, Лжедмитрием. Вместе с тем писатель смог определить его место таким образом, что он является одной из ключевых фигур в сюжете романа. Петр Тургенев всегда появляется в самые напряженные моменты, когда решаются не только судьбы отдельных людей, но и страны в целом. Несомненно, он положительный герой, носитель лучших человеческих качеств: верности, смелости, умения преданно любить.

Впервые читатели романа встречают Петра Тургенева на Романовском подворье в Москве, куда он приехал по делам из своего поместья. Тургенев — дальний свойственник Федора Никитича Романова по его жене. В Москве он встречает своего друга Федора Калашника «из углицких купеческих детей».[11]

Во время обедни в Чудовом монастыре начинается своеобразный «поединок» между Петром Тургеневым и иноком Григорием (впоследствии Лжедмитрием), который будет продолжаться до конца романа. Петр Тургенев и инок Григорий влюблены в царевну Ксению, которая приходит к обедне. Любовь Григория к Ксении автор изображает как чувство страстное, тяжелое. Он пишет, что «Григорий не спускал с нее своих больших темных глаз, горевших ярким пламенем».[12]

Чувство Петра Тургенева к царевне, напротив, светлое, возвышенное, жертвенное, проникнутое готовностью в любую минуту отдать свою жизнь за любимого человека. Это заметил находившийся у обедни Федор Калашник: «Переводя по временам взоры на своего друга, Тургенева, Федор видел в нем живую противоположность иноку Григорию. Петр Михайлович, как опустился на одно колено за столпом, как оперся на другое колено рукою, — так и замер в этой молитвенной позе, замер немой и неподвижный. Глаза его были пристально вперены в ту сторону, где, облитая бледным светом зимних лучей солнца, молилась царевна Ксения...».[13]

В сюжете романа судьба Петра Тургенева тесно связана с судьбой бояр Романовых. Ради Алеши Шестова, брата Ксении Ивановны Романовой, жены Федора Никитича, Петр Тургенев увозит из Кадашевской слободы его невесту Иринью Луньеву. Она была сенной барышней царевны Ксении. Царица Марья воспрепятствовала женитьбе Алеши Шестова на Иринье и сослала ее в Кадашевскую слободу. Петр Тургенев увез оттуда Иринью с помощью скоморохов и только потому избежал наказания и ссылки, что был в ту пору далеко от Москвы.

Дважды в романе Петр Тургенев выступает в качестве вестника. В первый раз, при жизни Бориса Годунова, Тургенев был послан воеводами и привез в Москву весть о победе царских войск над самозванцем под Добрыничами. Обрадованный этой вестью, царь приказал Петру

---

[11] *Полевой П. Н.* Корень зла. Историческая повесть, переделанная для русского юношества. 2-е изд. СПб., 1899. С. 9.

[12] Там же. С. 14.

[13] Там же.

Тургеневу и Михаилу Шеину возить по Москве отбитые знамена и пленников.

Вторую решающую для государства и страшную для царского двора весть Петр Тургенев привез уже после смерти Бориса Годунова его сыну царю Федору: «Царь Федор тотчас узнал в гонце Тургенева и выступил ему навстречу на середину комнаты. Но первый взгляд на лицо Тургенева объяснил ему весь ужас вести, которую тот привез из стана. Платье на Тургеневе было грязно, запылено, изорвано… Страшное утомление, тревога и напряжение выражались на бледном лице, изнуренном бессонными ночами и дальним, тяжелым путем. Едва переступив порог, Тургенев пал на колени и воскликнул громко: — Великий государь! Не вели казнить… за вести злые!.. Измена! Измена! Все войско, все воеводы — и Басманов тоже!— вслед за предателями Михайлой Салтыковым да за Василием Голицыным — предались на сторону разстриги!..».[14]

Таким образом, в сюжете романа Петр Тургенев играет ключевую роль. Эту свою роль осознает и сам герой, поэтому в разговоре с царевной Ксенией напоминает приведенные выше два эпизода, участником которых он был.

Одни из лучших страниц романа посвящены торжественному въезду Лжедмитрия в Москву. В своем описании П. Н. Полевой следует историческим свидетельствам: «Целый народ, умиленный, потрясенный трагическою судьбою юного царя, возвращенного царству после стольких бед и напастей — от всего сердца приветствовал его и был в глубине души проникнут высоким настроением торжественной минуты».[15] Петр Тургенев и Федор Калашник тоже невольно поддались общему настроению толпы. Но когда Лжедмитрий остановил коня в нескольких шагах от них, когда снял шапку и начал отвешивать поклоны, друзья узнали в нем инока из Чудова монастыря, которого видели во время обедни.

В бурных и трагических событиях, произошедших в стране, Тургенева более всего волнует судьба царевны Ксении, которую после смерти ее родных он называет «бедною сиротой, бедною беззащитной девушкой». Тургенев опасается, что ей не даром сохранили жизнь, что хотят отдать ее на посмеяние и потеху новому царю.

С помощью своего друга Федора Калашника Петр Тургенев пытается спасти Ксению. Сначала он хочет убить Лжедмитрия, целых пять дней поджидает его, но когда встречается лицом к лицу, то рука его не поднимается на злое дело. Затем Тургенев заводит знакомство в доме, где живет Ксения, подкупает кое-кого из слуг и вместе с Калашником пробирается к царевне. Ксении, увлеченной Лжедмитрием, поверившей его обещанию жениться на ней, Тургенев открывает, в какую пропасть она идет и предлагает побег. Говорит, что помнит Лжедмитрия

[14] Там же. С. 168.
[15] Там же. С. 185.

иноком Чудовой обители: «Мы знаем, что он обманщик, а не прямой наш царь. Я это прямо говорю, я и креста ему не целовал, и целовать не стану! И если я увижу, что он тебя не пощадит и замысел свой исполнит — вот разрази меня Господь (и тут Тургенев поднял вверх руку с крестным знамением), если я не выйду на площадь и не объявлю его обмана перед всем народом!».[16]

Недоверие Ксении к его словам заставляет Петра Тургенева решиться на последний шаг — обличение самозванца. Вместе с ним идет на верную смерть Федор Калашник: «И вдруг, из среды этой самой ликующей и радостно восклицавшей толпы, на самом пути царя, выступили Тургенев и Федор Калашник и, не ломая шапок перед царем, крикнули во всеуслышание, обращаясь к толпе: — Кому вы кланяетесь, православные! Он не царь! Он разстрига окаянный! Не царское он рожденье, а антихристово отродье! Будь он проклят в сем веке и в будущем!».[17] Реакция толпы на арест Тургенева и Калашника соответствует описанию в трудах историков. Площадная чернь осыпает обличителей злобными насмешками, требует выдать их и грозит расправой.

Последний эпизод романа, в котором Петр Тургенев предстает перед читателями, — шествие на казнь вместе с Федором Калашником. Начинается он с чудесного описания ясного октябрьского утра, когда царевна Ксения вышла на прогулку в сад и увидела, как по улице ведут на казнь приговоренных: «Оба медленно и спокойно выступали, позвякивая на ходу тяжелыми ножными цепями, и пели погребальные песни, отпевая себя заживо, готовясь сойти в отверстую перед ними могилу. Их свежие, звучные, ровные голоса доносились до слуха царевны, которая могла даже разобрать отдельные слова <…> Она видела, с каким твердым и спокойным мужеством они шли на смерть — и ей вспоминались последние слова Тургенева: „Не умела ты, государыня, оценить своего верного слуги!..”».[18]

Царевна Ксения горько сожалеет, что не поверила словам Петра Тургенева о ждущих ее обмане и предательстве со стороны Лжедмитрия. Она заказывает по убиенным Тургеневе и Калашнике сорокоуст и панихиду.

Написанный более ста лет назад роман П. Н. Полевого «Корень зла» заслуживает внимания не только как самостоятельное художественное произведение, но и в связи с литературой об И. С. Тургеневе, где непременно должен быть упомянут. Среди достоинств этого произведения следует отметить выразительный, яркий, но не перегруженный архаизмами язык, превосходные описания реалий эпохи Годунова и Лжедмитрия, мастерство в обрисовке характеров некоторых персонажей, колоритные пейзажные зарисовки и описания старой Москвы.

[16] Там же. С. 212.
[17] Там же. С. 223.
[18] Там же. С. 227.

Хотя в изложении исторических событий автор опирался на труды русских историков, в романе присутствует и художественный вымысел, и субъективное авторское отношение к событиям и персонажам. Петра Тургенева писатель поместил в любовный треугольник: Тургенев — Ксения — Лжедмитрий. Если чувство Петра Тургенева к Ксении — чистый вымысел автора, то отношение к ней Лжедмитрия имеет историческую подоплеку, о чем писали многие историки. У Н. И. Костомарова читаем: «Отношения Димитрия и Ксении остаются тайною. Русские и некоторые иноземные источники говорят, что он действительно имел с ней связь. Из письма Мнишка мы можем заключить несомненно то, что тогда ходили слухи о близких отношениях Димитрия и Ксении. Известно только одно, что бедную сироту постригли под именем Ольги и отвезли во Владимир. Память о ее трогательной судьбе осталась в произведениях народной поэзии».[19]

И хотя в финале романа Петр казнен, а Лжедмитрий торжествует, моральную победу одерживает все-таки Тургенев. Торжество же Лжедмитрия — это начало его конца.

Несмотря на то, что в исторической литературе встречаются упоминания о Петре Тургеневе в связи с обличением Лжедмитрия, все-таки в той бурной эпохе, насыщенной событиями со множеством участников, он останется эпизодическим лицом. В романе же Полевого он выступает как один из главных персонажей и изображается как положительный герой. Многие сюжетные узлы романа держатся именно на Петре Тургеневе. Можно предположить, что личное знакомство автора романа с И. С. Тургеневым, их переписка, упоминание в ней о Петре Тургеневе остались в памяти П. Н. Полевого и побудили его при создании романа из эпохи Смутного времени выдвинуть фигуру Петра Тургенева на передний план.

---

[19] *Костомаров Н. И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. 1604—1613. С. 171.

Е. М. Варенцова

К.-С. АХОНИУС — ПЕРЕВОДЧИК И. С. ТУРГЕНЕВА[1]

В письме к шведскому журналисту Э.-В. Паландеру от 20 марта н. ст. 1882 года Тургенев дал некоему г-ну Ахониусу «полнейшую авторизацию» на перевод своих произведений на финский язык.[2] В комментарии к этому письму, опубликованному по хранящемуся в *РГАЛИ* факсимиле, Р. Ю. Данилевский предположил, что речь шла о повести «Ася», в качестве переводчика которой мог выступить начинавший тогда писатель Юхани Ахо «или другой литератор из этого же круга».[3] Новые материалы, обнаруженные недавно в рукописном отделе *ГЛМ*, позволили установить личность переводчика: им оказался учитель русского языка в Шведском лицее Гельсингфорса — С. Ахониус, как следует из пояснительной записки, направленной им в 1928 году известному фольклористу и этнографу Б. М. Соколову (1889—1930).[4]

Приводим ее текст полностью:

Окончив лицейский курс, я заинтересовался русскою литературой и задался мыслью перевести из нее что-нибудь на финский язык. Бывший мой учитель русского языка, Э.-В. Паландер, посоветовал мне начать с рассказа Тургенева «Ася»; он тогда же написал Тургеневу (по-немецки), прося его разрешения. Это было осенью 1881-ого года. Ответ Тургенева на это письмо последовал в марте месяце следующего года. Приложенный к этому лист составляет факсимиле письма Тургенева (приложенное мною к пере-

---

[1] Результаты изысканий частично были изложены нами в 2005 г. на конференции в Спасском-Лутовинове. См.: *Варенцова Е. М.* Новый комментарий к письму И. С. Тургенева Э. В. Паландеру (О первых переводах произведений писателя на финский язык) // Спасский вестник. 2006. Вып. 13. С. 182—185; там же впервые опубликован текст пояснительной записки С. Ахониуса (С. 183—184).

[2] *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. 215. Подлинник по-немецки.

[3] Там же. С. 519.

[4] *ГЛМ.* ФА. Инв. 50. Ед. хр. 586. К записке было приложено факсимиле письма Тургенева к Паландеру, ныне хранящееся в фонде Тургенева в *РГАЛИ* (Ф. 509. Оп. 1. № 73).

50 RUE DE DOUAI
PARIS

d. 20 März 82.

Verehrter Herr,

Entschuldigen Sie mein langes Stillschweigen. Ich hatte diese ganze Zeit viel Sorgen und war selbst unwohl. – Natürlich habe ich H-n Thorins meine vollständigste Autorisation – und fühle mich sehr geschmeichelt, dass man es wünscht, meine Sachen der finnischen Literatur einzureihen, der ich von ganzem Herzen das schönste Gedeihen wünsche.

Empfangen Sie die Versicherung meiner Hochachtung.

Ergebenst

Jw. Turgènjew

Herrn E.W. Palander.

Письмо И. С. Тургенева к Э.-В. Паландеру от 8 (20) марта 1882 г.

AATTONA.

KIRJOITTANUT

IWAN TURGENJEW.

TEKIJÄN LUVALLA WENÄJÄNKIELESTÄ SUOMENSI

AURAMO.

HELSINGISSÄ,
K. E. HOLM'IN KUSTANTAMA.

Титульный лист финского издания романа И. С. Тургенева «Накануне» в переводе К.-С. Ахониуса (Хельсинки, 1883)

оду романа «Накануне»). Подлинник сохраняется у меня. В 1882—84 го-ах были мною переведены на финский язык «Ася», «Три встречи», «Пер-ая любовь» и «Накануне», которые тогда же были изданы из печати. [перевел также большую часть романа «Отцы и дети», но не имел тогда озможности докончить его. Если исключить некоторые рассказы из «За-исок охотника», это были тогда первые переводы на финский язык из со-инений Тургенева. В настоящее же время все его главные сочинения пе-еведены на этот язык.

Гельсингфорс, 1-ого сентября 1928 г.

С. Ахониус.
Учитель русского языка
в Шведском лицее в Гельсингфорсе,
бывший директор лицея.

Таким образом, в письме Тургенева к Э.-В. Паландеру действитель-ю речь шла о переводе повести «Ася», но опубликован он был не журнале «Valvoja» (1882. Ноябрь. № 22), как указано в комментариях *ПССиП (1)*, а отдельным изданием (Тампере, 1882).[5] Однако первым ереводчиком этого произведения на финский язык был не писатель Охани Ахо, как предполагалось ранее, а С. Ахониус. Он же, как указы-ается в приведенной записке, в период с 1882 по 1884 год впервые пе-евел на финский язык повесть «Первая любовь», рассказ «Три встре-и» и роман «Накануне».

К.-С. Ахониус

Кто же такой этот С. Ахониус, получивший через посредство Э.-В. Паландера разрешение Тургенева на перевод его произведений?

Карл Северин Ахониус родился 2 сентября 1860 года в городе Обу (шведское название г. Турку) в семье священника из местечка Акас — Карла Юхана Ахониуса и Юханны Софии Хаартман.[6] К.-С. Ахониус получил солидное филологическое образование: окончив Финский нормальный лицей в городе Тавастехус (шведское название г. Хяменлинна), в 1885—1887 и 1887—1890 годах он продолжил свое образование в Московском университете, где изучал русский язык и литературу, древнерусский и древнеболгарский языки, санскрит, а также зани-

[5] В журнале «Valvoja» была напечатана рецензия на этот перевод. За поправки прино-у благодарность Бену Хеллману. См.: *Hellman B.* A Visitor and a Letter: Ivan Turgenev's innish Contacts // Slavica Helsingiensia. N 35. С любовью к слову. Festschrift in Honour of rof. Arto Mustajoki on the Occasion of his 60th Birthsday. Helsinki, 2008. P. 64—68.

[6] Svenska reallyceum. 1872—1922. 1922. С. 186.

мался сравнительной лингвистикой; с 1890 года — магистр филологии. С 1892 года Ахониус преподавал русский язык в Шведском реальном лицее Гельсингфорса и в финских школах города, служил переводчиком в Сенате и вел курсы русского языка для его служащих (1890—1896). В 1902 году К. С. Ахониус был назначен проректором Шведского реального лицея, в 1908 году (по 1916) избран его ректором (директором), затем продолжал работать преподавателем русского языка и библиотекарем лицея. В 1913—1914 годах слушал лекции по преподаванию современных языков в Швеции, Германии и России. Ахониус был членом Финского литературного общества и Общества народного просвещения, принимал участие в работе над финско-русским словарем. Умер К.-С. Ахониус в 1937 году.

Однако самым важным для нас является то, что К.-С. Ахониус был одним из первых переводчиков произведений И. С. Тургенева на финский язык. Свои работы он подписывал псевдонимом «Auramo». Так же подписан и перевод романа «Накануне», изданный в 1883 году. В этой книге Ахониус опубликовал и хранившееся у него письмо Тургенева к Э.-В. Паландеру. По факсимиле, помещенному на развороте рядом с титульным листом, тургеневское письмо и стало известно исследователям. Местонахождение оригинала пока установить не удалось.

Ю. И. Зуев

К ИСТОКАМ СПАССКОЙ УСАДЬБЫ

При изучении плана генерального межевания земель села Спасского-Лутовинова 1778 года было замечено несоответствие между размерами участка земли, принадлежавшего Лутовиновым по правую сторону речки Варнавицы (Спасская гора), и территорией современной усадьбы, расположенной (по историческим свидетельствам[1]) на этой земле. Так, учитывая масштаб плана: в 1 английском дюйме (2,54 см) — 100 саженей (213,4 м) и точность плана в соответствии с масштабной линейкой: 0,01 дюйма — 2 м на местности, расстояние от Большого Спасского пруда до границ земель церковно- и священнослужителей церкви Спаса Преображения на плане составляет 150—320 м. Фактическая протяженность усадьбы от Большого пруда до южной границы современной усадьбы 530—600 м. Таким образом, добрая половина усадьбы, построенной И. И. Лутовиновым в начале XIX века, расположена на землях, принадлежавших в 1778 году церковно- и священнослужителям церкви Спаса Преображения (рис. 1).

Ошибка на плане исключена, так как в этом же 1778 году было проведено межевание и вышеуказанных церковных земель. Существующий план (рис. 2) выполнен в том же масштабе и с точностью совмещается с планом земель, принадлежавших Ивану Андреевичу и Мавре Ивановне Лутовиновым.

Переведя размеры границ современной усадьбы в масштаб плана 1778 года и совместив их с не изменившимися во времени точками (плотина Большого пруда, русло речки Варнавицы), можно получить неожиданные результаты (рис. 3). Так, деревянная церковь, указанная на плане 1778 года, находится не на месте каменной часовни-Мавзолея, как указывал И. Ф. Рында,[2] а на расстоянии 350—450 м от него. Посе-

---

[1] См.: *Чернов Н. М.* Спасское-Лутовиново и его обитатели в XVIII веке // Спасский вестник. Тула, 1992. Вып. 1. С. 49.

[2] *Рында И. Ф.* Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903. С. 17.

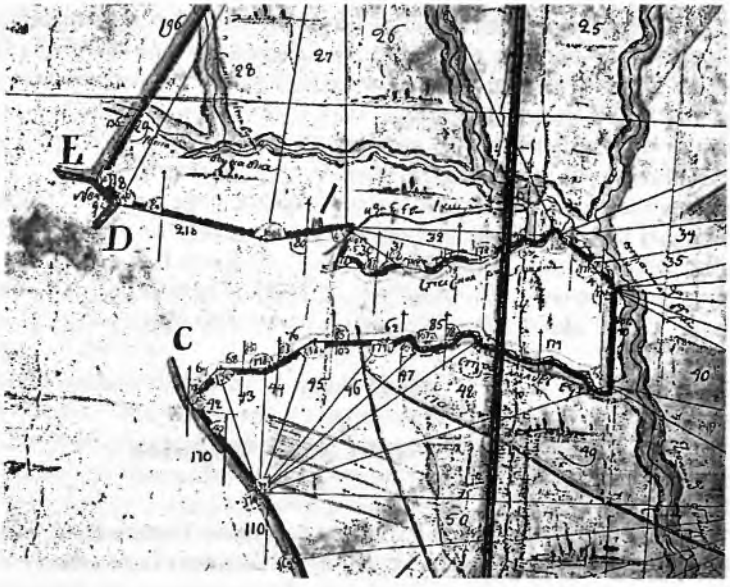

Рис. 1. План генерального межевания земель, принадлежавших И. А. и М. И. Лутовиновым. 1778 г.[3]

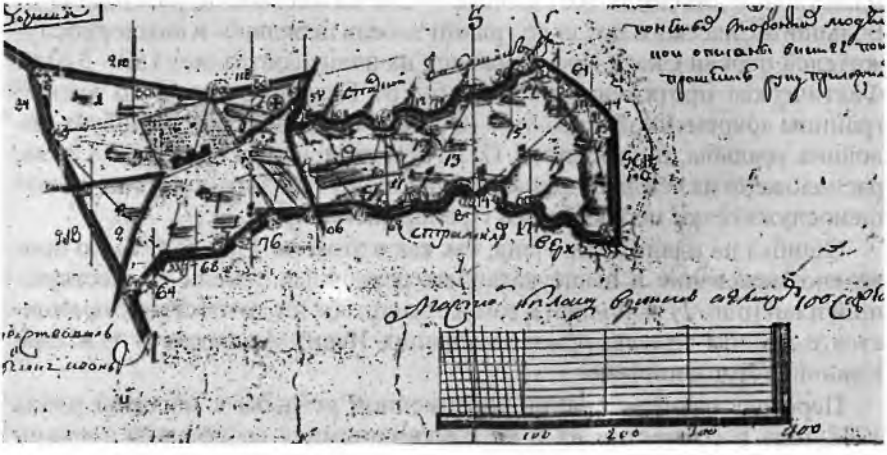

Рис. 2. План генерального межевания земель церковно- и священнослужителей. 1778 г.[4]

[3] *РГАДА*. Д. 1354. Ч. 1. Мценский уезд. Ед. хр. 69. Картон. 273.
[4] Там же.

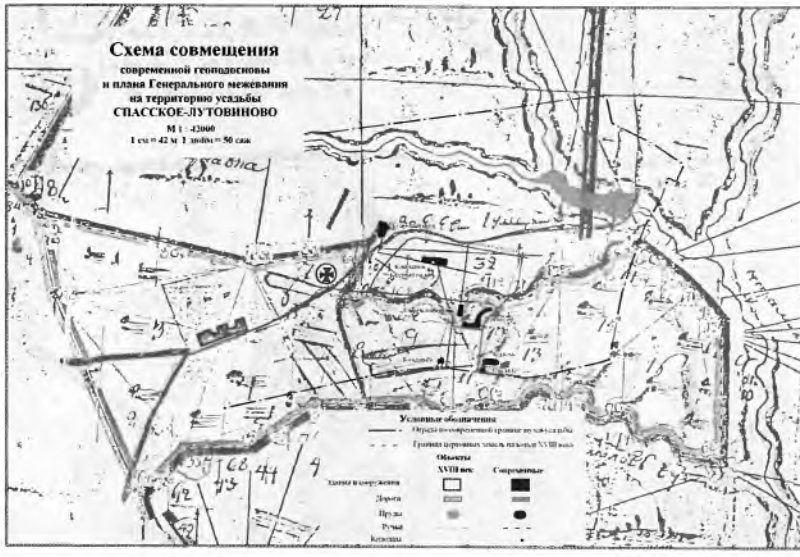

Рис. 3. Совмещенные планы межевания земель Лутовиновых и земель церковно- и священнослужителей 1778 г. с границами современной усадьбы

ление церковно- и священнослужителей также находилось в ином месте, чем современное поселение, именуемое Поповка. Вслед за И. Ф. Рындой данное утверждение перекочевало во многие научные работы, буклеты, путеводители, экскурсии.

Существует еще один план — это план размежевания земель между Иваном, Петром и Алексеем Лутовиновыми после 1785 года (рис. 4). Хотя он во многом схематичен, церковь находится на том же месте, что и на плане 1778 года.

Этот план ставит под сомнение утверждение исследователей лутовиновской старины о том, что усадьбу И. И. Лутовинов построил на *новом месте* в березовой роще. На плане видна усадьба с господским домом и поселениями крестьян (отмечена топографическими знаками). Ее расположение соответствует сохранившимся на местности фундаментам, канавам и пограничным валам, которыми было обозначено место усадьбы. Тщательность в составлении раздельного соглашения между братьями, где указываются самые незначительные детали,[5] позволяет говорить о большой заинтересованности Алексея в вопросе раздела земель. Место усадьбы Алексея соответствует участку вековых елей и, судя по их возрасту (230—250 лет), они могли быть посажены Алексеем в период устройства усадьбы на Спасской горе.

Оценивая вышеизложенные факты, можно предположить, что:

1) одним из условий обмена церковной земли с участка, указанного на плане генерального межевания земель 1778 года (рис. 2), на земли,

[5] *Новикова Е. Б.* О наследстве Лутовиновых // Спасский вестник. Тула, 2007. Вып. 14. С. 280—285.

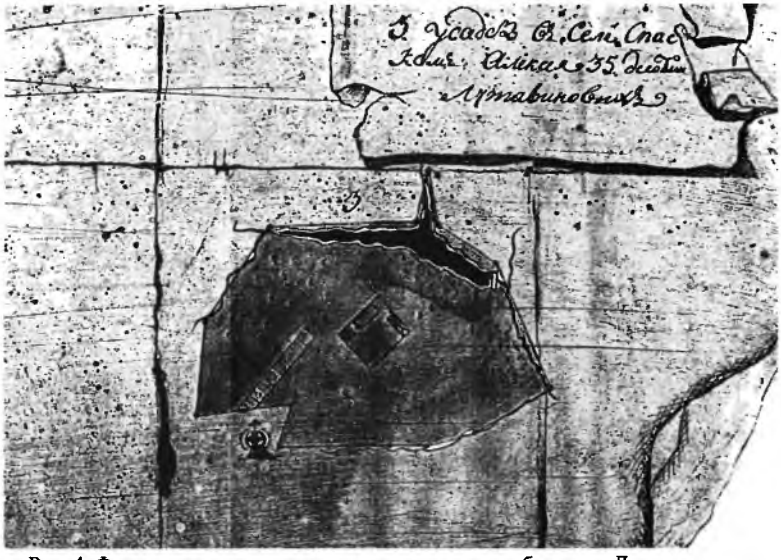

Рис. 4. Фрагмент плана размежевания земель между братьями Лутовиновыми (земли, выделенные Алексею на Спасской горе). После 1785 г.

находящиеся сейчас под поселением Поповка,[6] могло быть строительство Иваном Ивановичем новой каменной церкви взамен деревянной старой;

2) проведенный обмен землями мог способствовать установлению добрых отношений между И. И. Лутовиновым и Федором Ивановичем Гедеоновским — приходским священником Спасской церкви.[7]

Изучение планов межевания земель позволяет определить на местности границы усадьбы Алексея Ивановича Лутовинова, описание которых изложено в раздельном соглашении,[3] а также проследить историческую трансформацию границ усадьбы с 1785 по 1940 годы. Неожиданным подтверждением изложенной гипотезы явился язык церковного колокола, найденный автором сообщения при проведении планировочных работ в 2007 году на месте предполагаемого расположения церкви Спаса Преображения (рис. 5).

Рис. 5. Язык колокола, найденный на месте предполагаемого расположения церкви Спаса Преображения

[6] «С правой стороны дороги, напротив двух усадеб дворовых, дворового сада богадельни, раскинулась слободка, называемая крестьянами „Поповка": здесь стоя усадьбы священнослужителей Спасской церкви и далее против училища небольшс кладбище, упраздненное в 1870 году, посредине которого высится полуразрушенный Ма золей...» (*Щепкин М. А.* Воспоминания об И. С. Тургеневе и селе Спасском // *ИВ*. 1898. № (Сентябрь). С. 308).

[7] *Власов В. А.* П. И., А. И. и И. И. Лутовиновы, их племянник А. Т. Сергеев // Спасски вестник. Тула, 2007. Вып. 14. С. 233.

А. И. СТРОНИН
ИЗ «ДНЕВНИКА»

Подготовка текста и послесловие Н. П. Вишнякова

Публикуемый фрагмент из дневника А. И. Стронина, подготовленный к печати еще в середине 1930-х годов Н. П. Вишняковым (1871—1937), не увидел света по двум причинам: во-первых, Тургеневский сборник, куда публикация была предназначена, не состоялся и, во-вторых, автор публикации 11 декабря 1937 года был приговорен, как и многие его современники, по ст. 58-6-8-14 УК РСФСР к высшей мере наказания. Об авторе публикации известно немного. Как сообщает «Ленинградский мартиролог 1937—1938 гг.» (СПб., 1999. Т. 4. 1937. С. 90. Сост. А. Я. Розанов), Н. П. Вишняков родился в г. Дмитриеве Курской губ., был беспартийным, из военного сословия (бывший генерал-майор). Позднее работал в Академии наук, проживал в Ленинграде по адресу: ул. Халтурина, д. 12, кв. 15. На момент ареста находился на пенсии. Приговор был приведен в исполнение 20 декабря 1937 года.

Машинопись публикуемого текста была передана М. П. Алексеевым Л. Н. Назаровой для очередного Тургеневского сборника (по-видимому, для выпуска 4, увидевшего свет в 1968 году), однако со временем решение М. П. Алексеева изменилось, о чем свидетельствует надпись на отдельном листке рукой Л. Н. Назаровой: «Не надо (по указаниям М. П. Алексеева). Л. Н. 26/VI 67 г.». В свою очередь Л. Н. Назарова, предоставив настоящую рукопись в распоряжение составителей настоящего сборника, настойчиво рекомендовала ее к печати. Мы воспроизводим публикацию в том виде, в каком она дошла до наших дней.

Ред.

1879, марта 13 дня, девять часов вечера. Вышедши на минуту из домашней жизни в общественную, я испытал такое впечатление, какого я никогда не забуду. Сегодня, в 5 $^1/_2$ часов, в ресторане Бореля давался, вероятно, в подражание Москве, обед возвратившемуся из-за границы Тургеневу. На обеде присутствовали исключительно литераторы, ученые и художники. Не знаю, почему Спасович счел нужным указать Гайдебурову пригласить и меня: вероятно, ради вящего количества, ради большего числа и большей торжественности оваций. Я не отказался, а принял приглашение охотно. Я отнесся тем более сочувственно к этой затее, что мне симпатична, и может быть, даже родственна участь бедного Тургенева, которого невежественная либеральная челядь за одно

слово «нигилисты» заподозрила во вражде к молодому поколению, вражде к лучшим идеалам общества, и вследствие того — затоптала в грязь. Оскорбленный этим гнусным подозрением, он бежал из России, скитался по разным углам Европы и кончил, наконец, публичным обещанием никогда больше не писать.

Словом, я готов был не только быть на таком обеде, но сказать даже, если будет кстати, речь. И вот я пришел. Прежде всего меня поразила неумелость распорядителей обеда. Вместо того чтобы уставить столы кругом или в виде буквы П, распорядились вытянуть весь стол в одну узкую и бесконечно длинную линию, так что от одного конца до другого невозможно докричаться обыкновенною глоткою. Во-вторых, вместо того чтобы сделать более или менее тщательный выбор, накликали человек сто, если не больше, [лишь бы только бы была зна<чительность?>] вероятно для вящей торжественности. Условия, одно — физическое, другое — нравственное, которые очень плохо содействовали действительности торжества. Но вот, наконец, появился Тургенев со свитою, и публика, закусившая слегка, уселась за бесконечный, похожий на глиста стол. Сначала обед шел довольно чинно. После супу раздался звон ножа об ложки и об стаканы: — это был знак, что кто-то хочет говорить. Встал Спасович.

Во время речи все сидели на местах и слушали довольно чинно и в молчании: единственный оратор, на долю которого выпало такое счастье. Но зато как же он воспользовался этим удобством и чего наговорил он там!.. Я слышал его не раз; слыхал и в суде, и в обществе, и в комиссиях, и в застольных речах, и никогда не слыхал, чтобы он был до такой степени ниже себя. Во-первых, у него всегда есть логичность и последовательность; — здесь не было никакой нити, которая бы явно соединяла всю его речь. Во-вторых, у него всегда являются образы, тропы, фигуры, но обыкновенно они являются изредка, от времени до времени, и оттого кажутся естественными и за волосы не притянутыми; теперь же не было строчки без фигуры, не было фразы без словесного украшения, так что это превосходило всякую естественность и натуральность речи. Эта речь его не была похожа на естественность и натуральность речи. Эта речь его похожа была на дом Мурузи, где нет ни одного места на стенах без орнаментов, где пальцем негде ткнуть, чтоб не попасть в метафору, и где [только крайне грубый вкус] может найти себе удовлетворение только вкус крайне грубый. Наконец, в довершение всего, говоря обыкновенно с трудом, с остановками и медленно, на этот раз он мчался на курьерских, спешил изо всех сил, точь-в-точь как дьячок, которому во что бы то ни стало надо поскорее окончить. Я голову даю на отрез, что он наперед написал и заучил все свои фразы. Все это вместе производило впечатление неискренности, чувства подогретого, речи на заказ. Не говорю уже о содержании, об этом громождении лести на лесть, об этой подлейшей и неумереннейшей льстивости [в глаза и] прямо в глаза и без всякой пощады для скромности и достоинства того, к кому обращаются. Как бы то ни было, но

А. И. Стронин. 1876 г.

[орнаменты] риторика сделала свое дело: многие отдельные орнаменты [из них] ее, равно как и некоторые либеральные намеки (например, на ночь, среди которой мы сидим), произвели свое действие и вызвали аплодисменты. Так или иначе, но до сих пор соблюдены были по крайней мере чинность и приличие обстановки. Но вот после другого блюда подымается другой оратор. После другого блюда некоторые выпили уже достаточно и начали церемониться меньше. Благо, нашелся предлог, что говорит человек недостойный — Панаев. И так, чтоб показать, что он недостойный, оказалось нужным и себя вести недостойно. Вследствие этого на обоих концах стола [громко разговаривают] стоит громкий гул от говора. Оратор, сколько ни кричит, но его не слышно; не знаю, слыхал ли его Тургенев, но я не мог расслышать ни одного слова. Напрасно я обращался к соседям моим; напрасно силился внушить, [что тут дело не в Панаеве, но в Тургеневе] что кто бы и как бы ни говорил, но невозможно же, по крайней мере для интеллигенции, уважать в человеке не человека, а [один] только авторитет; напрасно силился доказать, что это взгляд чиновничества, а не интеллигенции и что, наконец, тут речь идет не о Панаеве, а о Тургеневе и об нас самих, — ничто не находило отклика, и сам даже Корш, этот гуманнейший Корш, и тот [отвечал мне] извинял публику тем, что в ней много жидов и семинаристов, да тем еще, что Панаев требовал к себе дочь [от жены] через

Третье Отделение [да тем еще, что тут много жидов и семинаристов]. Но зачем же его позвали сюда? Что-нибудь одно из двух: или не зови, или позвавши — терпи. Наконец, можно было даже и протестовать достойнее: безмолвием и тишиною, а не шумом и гамом.

За третьим, за четвертым блюдом, за третьим и четвертым спичем не нужно было уже и предлога. Говорили авторитеты, говорил Костомаров, профессор Градовский, профессор Таганцев, но половина гостей и знать не хотела, что там говорится: шум и гам стоял над толпою непрерывно. К счастию, Костомаров был очень краток, пожелав Тургеневу только вечной славы, а сочинениям его вечного бессмертия. От Градовского я только и видел, что он рубил правою рукою воздух изо всех своих сил. Таганцев играл на теме, что Тургенев наш учитель. Однажды только послышалось нечто живое, когда заговорил Григорович, заговорил о Тургеневе как человеке, а не писателе. Но и тут те, кто хотели слушать, должны были бросить места свои, — столпиться к центру стола, между тем как остальные, то сидя, то прогуливаясь близ своих мест, продолжали разговаривать полным голосом. Говорили еще человек десять, но кто это были, кроме Кавелина, и что они говорили я уже решительно не знаю, хотя и сидел молча, а иногда даже и вставал, и на цыпочках подходил к тому месту, где говорилось.

Но вот, кроме бесчинства, начинается теперь прямой балаган: собирается говорить скоморох Горбунов и для того взлезает на стул, чтоб было виднее его. Но так как и это не помогает и гам стоит неумолкаемый, то он кричит во всю глотку: «Тише! Прошу молчать!». [Выходки эти производят взрыв] То же повторяет он несколько раз и среди своей речи. Выходки эти производят каждый раз взрыв хохота. Слышно, что хохочет и сам Спасович. У меня сердце сжимается, и я думаю: бедный Тургенев! не хотел бы я быть на его месте. Лучше провалиться сквозь землю, чем испытать такое торжественное чествование. Но вот, наконец, чтоб покончить чем-нибудь, он встает и начинает говорить сам. [Все столпились вокру<г>] Повыскакав со своих мест, большинство столпилось вокруг него, [потому что иначе] и что же? Невозможно слышать и его. Я сам набросился на двух разговаривавших и думал призвать их к молчанию словами: «Господа! Тургенев говорит!». Но ничуть не бывало: они продолжали очень живо разговаривать. [Тургенев] Не могу уже дать себе отчета, как и когда обед кончился. Но когда я осмотрелся, — Тургенева уже не было, он куда-то скрылся; половина гостей еще сидела за столом и доканчивала обедать; другие [уже] прохаживались и курили. Увидев, что торжеству конец, я схватил поскорее шапку и выбежал вон.

Добавляю теперь ту мысль, которую я думал провести в моей речи. После Спасовича я еще не терял надежды; мало того, я еще ободрился, вполне уверенный, что скажу не хуже; и ждал только, пока выговорятся авторитеты. Но еще прежде, чем они выговорились, я уже увидел, что для меня это решительно невозможно. Мне казалось чем-то позорным затесаться [в подобную ораторскую компанию] в ораторы при подоб-

ной обстановке. А с другой стороны, слыша вокруг себя подобный шум, я непременно сел бы не окончивши: я не так мало щекотлив, как Горбунов. А потому я махнул рукою и отказался от всяких притязаний. Имел же я сказать приблизительно следующее:

«Милостивые государи! Мы говорили до сих пор о нем; позвольте сказать несколько слов о нас. Не впервые уже приходится замечать, что над нашей литературой и ее избранниками царит какой-то гневный фатум. Одни из них гибнут под пулей или ножом, как Пушкин, Лермонтов, Грибоедов; другие сгорают от собственного их огня, которому некуда деться, как Белинский или Добролюбов; третьи переживают себя, как Гоголь; четвертые экспатрируются или бывают экспатрируемы. Но в настоящую минуту меня занимает не общее явление, а один из частных его случаев. Есть у меня в виду случай, где не было ни пули, ни смертельной болезни, ни переживания себя, ни даже, по-видимому, принужденного экспатрирования; а между тем все-таки было сказано: „Довольно! Я кладу перо мое!" и между тем все-таки человек бежал из любезного отечества, и если по временам наведывался в него, то [разве] только затем, чтобы снова бежать [и бежать] от него. Что же за причина тому?.. Не верится, чтобы, знача что-нибудь в стране своей, можно было избегать ее как отравы. Не верится, чтобы, чувствуя в себе силу, можно было добровольно заграждать уста ей. Итак, что же, какая же темная сила гонит его: „судьбы ли решение, зависть ли тайная, злоба ль открытая, или на нем тяготит преступление или друзей клевета ядовитая?.." Но ничего этого нет: нет ни той темной силы, которая гналась за Овидием, ни той, которая гнала Байрона… Что же, наконец, это за сила?

Бывают, мм. гг., в жизни друзей и вообще любящих друг друга людей (и чем ревнивее любят они, тем чаще), бывают минуты, когда одному из них пригрезится в другом то, [чему] чего тому и на мысль не вспадало. [Ревнивое до щеко<тливости>] Оскорбленное подозрением чувство не допустит в первую минуту даже объяснений такого недоразумения. Но стоит только пройти первой минуте щекотливости, чтобы ложь обнаружилась сама собою и чтобы люди, с словом „прости" на устах, бросились друг другу в объятия. То же, как мне кажется, может случиться между публикой и ее любимым автором, между печатью и любимым предметом ее критики.

Мне припоминается по этому поводу сказка, которая казалась мне крайне фантастичною, когда я читал ее, а теперь кажется чуть не былью. Некто был восхи́щен от земли кем-то, имевшим, по-видимому, образ женщины. Ни очертаний, ни форм ее не было видно, но чувствовалось, что существо [ее] это было женственное. Она жалась к своему восхи́щенному, ласкала его, ластилась к нему, лобзала его; и в то же время с страшной стремительностью то уносила его вверх, то опускала вниз, так что дух у него захватывало. А он, в свою очередь? ему было и страшно, и в то же время любо; он одинаково боялся и летать вместе, и остаться одному. Он также не знал, любит ли она его или же ненавидит.

Господа! мне кажется, что я знаю [имя] их, знаю имя и ей, и ему. Мне кажется, что знаю я и ту темную силу, которая носила их в безвестном пространстве: это — сила ревнивого и оскорбительного недоразумения, пока нет слова „прости!".

Но если так, то у сказки недостает естественного конца ее. Чтобы кончить ее, надо, чтобы эта безымянная „она" опустила его, наконец, на землю и, пожалуй, поставила его среди нас. Надо, чтоб она сказала ему: прости меня! Возврати себе родину и родине возврати себя! Сними с твоих уст обет молчания и расскажи, напротив, все, что за это время ты передумал и перечувствовал обо мне.

По крайней мере, за такой конец сказки я подымаю теперь бокал мой!».

Вышеприведенные страницы взяты из до сих пор не опубликованного обширного (8 больших томов, около 2000 страниц) «Дневника А. И. Стронина», хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Ф. 752. № 8. Л. 600 об. — 605 об. VI тома), который он начал вести в 1848 г.

Автор «Дневника», Александр Иванович Стронин (20 февраля 1826 — 29 января 1889), является ныне мало известным, но в свое время довольно видным общественным деятелем и литератором.

Сын крепостного, отпущенный на волю в 1837 году своим барином, кн. Б. Н. Юсуповым, уроженец украинской части старой Курской губ. (слобода Ракитная), он окончил 2-ю киевскую гимназию (1844) и словесный факультет Киевского университета со степенью кандидата (1848). Около полутора десятков лет своей жизни он посвящает педагогической работе в качестве учителя русского языка и истории в разных уездных училищах и гимназиях Украины (Каменец-Подольск, Немиров, Константиноград, Новгород-Северск, Полтава). Время его пребывания в Полтаве (1855—1862) совпало с эпохой подъема русского общества после мертвенных годов царствования Николая I, и Стронин с жаром стремился проводить в жизнь новые идеи: участвовал в устройстве воскресных школ, в организации в Полтаве женской гимназии и во всякой просветительской работе (публичные лекции, чтения для народа и т. д.); побывал он за эти годы и за границей, познакомился в Лондоне с Герценом. В 1862 году эта кипучая освободительно-просветительская деятельность была насильственно прервана, сперва увольнением от службы «по воле начальства» (24 июня), а потом — обыском и арестом (3 сентября), после чего он был увезен в Петербург, посажен в Петропавловскую крепость (в Алексеевский равелин), привлечен к делу «о распространении малороссийской пропаганды» и выслан в Архангельскую губернию (январь 1863 г.) на неопределенный срок, с отдачей там под строгий полицейский надзор.

Ввиду отсутствия в отдаленных местностях в то время образованных людей, он скоро был допущен к исполнению обязанностей дворянского заседателя, судебного следователя и уездного судьи в Мезени, Пинеге, Архангельске, Шенкурске. К этому периоду относится его сближение с известным этнографом и статистиком, тоже административно-высланным, П. П. Чубинским (1839—1885). В 1869 году (май) он был освобожден от ссылки и надзора, уехал в Петербург, где сперва служил в Государственном контроле, потом был присяжным поверенным (1871—1873), служил по министерству юстиции в северо-западном крае (1873—1877), а затем — в министерстве путей сообщения (1877—1887), где был юрисконсультом министерства и членом совета министра, дослужившись до чина действит. статского советника. «Генеральства» и «степеней известных» Стронин добился без всяких протекций и связей, исключительно благодаря своему уму, работоспособности и энергии,

но, конечно, путем отказа от «политики», оставшись, впрочем, до конца дней убежденным «либералом» и «человеком 60-х годов». В октябре 1887 года Стронин по тяжелой болезни (туберкулез легких) должен был оставить службу, поселился в Ялте, где через два года и умер.

Литературная деятельность Стронина значительна по объему и разнообразию. Главным его интересом была социология, которою он занимался всю жизнь и которой он посвятил три больших труда: «История и метод» (СПб., 1869. 446 с.), «Политика как наука» (СПб., 1872. 530 с.) и «История общественности» (СПб., 1885. 767 с.). Сторонник органической теории строения общества, пришедший к ней вполне самостоятельно (труды Г. Спенсера появились в свет одновременно с первыми работами Стронина), и применения в социологии метода аналогий, он вызвал своими взглядами, проводившимися им с крайней последовательностью и энергией — без боязни сделать все логические выводы из своей доктрины, рассматривающей общество как организм, — ряд резких отзывов Н. К. Михайловского, Е. де-Роберти, В. Д. Спасовича, Н. И. Кареева и др. Немало работал Стронин и как публицист, издавая отдельные брошюры (Франция или Германия. СПб., 1870; Мир или война? СПб., 1879; Анекдотическая история текущей войны. СПб., 1877) и сотрудничая во многих газетах («Санкт-Петербургские ведомости» Корша, «Новое время» (1876—1877), «Биржевые ведомости» и «Молва» Полетики (1877—1879), «Русская правда» Гирса (1879—1880) и мн. др.), причем всегда был выразителем прогрессивных тенденций и ревностным проповедником своих научных взглядов.

Другая область литературы, которою с любовью занимался Стронин, — это поэзия. Он сам много писал, преимущественно лирических вещей, но из скромности ничего не печатал. После него остался в рукописи, кроме того «Дневника», о котором было сказано, еще «Дневник в стихах» (97 с.). Очень любил он Байрона, много читал его в подлиннике и даже в 1885 году издал свои переводы некоторых пьес великого английского поэта, но опять-таки из скромности под псевдонимом: «Байрон в переводах Алеко» (СПб., 1886. 99 с.), где, кроме 54 переводов стихотворений (Еврейские мелодии, стихотворения, посвященные Наполеону и др.), напечатал и интересную свою статью «Байронизм как форма» (С. 83—99). Вот как отзывалась об этих переводах современная критика: «Одно можно сделать замечание переводам Алеко — это то, что стих у него не везде выдержан, и в метрическом отношении переводам этим можно пожелать большей стройности и мелодичности. Но эти внешние недостатки выкупаются необыкновенной добросовестностью и точностью передачи мысли и образности, а равно и поразительной сжатостью стиха: мелодию стиха г. Алеко подчиняет дословности перевода» (*Мордовцев Д. <Л.>* // Новости. 1886. № 91). Эти переводы из Байрона, по-видимому, остались неизвестны С. А. Венгерову: в изданном под его редакцией трехтомном Байроне («Библиотека великих писателей»), несмотря на стремление дать полную библиографию переводов Байрона на русский язык, о книге Стронина и его переводах не упоминается.

Другой поэтической симпатией Стронина был Некрасов. Он его любовно изучал и напечатал о нем (под псевдонимом «Читатель») большую статью: «Некрасов и его критики» в «Северном вестнике».

Наконец Стронин выступал и как талантливый популяризатор, издав ряд книжек для массового читателя (под псевдонимом «А. Иванов»), выдержавших по нескольку изданий: по естествознанию — «Рассказы о земле и небе» (1-е изд. в 1873 г., 7-е в 1902 г.), «Рассказы о силах земных» (1873), «Рассказы о жизни земной» (1873), «Рассказы о человеческой жизни» (1873); по экономии и праву — «Рассказы о царстве Бовы Королевича» (1873 и 1902).

Не будет излишним добавить, что после Стронина остались еще в рукописях (также хранятся в Российской национальной библиотеке) его переводы «Божественной Комедии» Данте («Чистилище» и «Рай»), отрывки из переведенных им «Дон-Жуана» и «Бронзового века» Байрона, оригинальная поэма «Камень Ала-

тырь» («Богатырская сказка в 12 былинах») и два рассказа в прозе: «Уездный импровизатор» и «Поэт поневоле».

«Дневник» А. И. Стронина, из которого взяты записи о Тургеневском обеде, представляет собой крайне любопытный человеческий документ. Взяв к своему «Дневнику» эпиграф из Лермонтова: «История души человеческой, хотя бы и самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, когда писана без тщеславного желания возбудить участие и удивление. Исповедь Руссо имеет уже тот недостаток, что он читал ее своим друзьям» («Герой нашего времени. Журнал Печорина. Предисловие»), Стронин очень искренно и без всякой пощады к самому себе подробно излагает все, даже самые интимные события своей жизни и свои чувства и настроения. Это дает богатый материал для психолога и художника. Но страниц, имеющих исторический интерес, в обширном «Дневнике» очень немного. Кроме вышеприведенных записей, большой интерес имеют его записи об аресте, следствии, суде и ссылке, несколько страничек о событиях 1882 года и о его борьбе с цензурой (о Феоктистове в 1885 г.). Но такого рода записи составляют едва ли одну двадцатую часть всего большого дневника; это отчасти объясняет, почему этот дневник до сих пор не издан. Несколько страниц были вырезаны из дневника самим автором и им уничтожены.

До конца своих дней, несмотря на сложные перипетии своей жизни, он все же в общем остается убежденным приверженцем материалистически-атеистического миросозерцания. Очень характерна последняя перед смертью его запись в «Дневнике в стихах» (28 июля 1888 г.):

Если б был я, как мне ты сулишь, бесконечным,
То уж кстати б и безначальным я был.
Если б мог сознавать я себя после смерти,
Почему до рожденья сознать бы не мог?
Если б был я без плоти все тот же, что с нею,
Без духа я был бы все тот же, что с ним.

Основные данные о Стронине и более или менее полные библиографические указания о нем можно найти в «Отчете Имп. публ. библиотеки за 1891 г.» (С. 59—62); в «Русском биографическом словаре», том «Смеловский-Суворина» (СПб., 1909. С. 542—546) и в био-библиографическом словаре «Деятели русского революционного движения» (1928. Т. 1. Ч. 2. С. 394—395). Портреты Стронина имеются в его рукописном наследстве, в Российской национальной библиотеке.

Обед 13 марта 1879 года, о котором рассказывается Строниным, был одним из звеньев длинной цепи оваций Тургеневу во время приезда его в Россию в феврале и марте этого года. М. К. Клеман уже вполне правильно указал, что все московские и петербургские чествования Тургенева, и, в частности, обед 13 марта, был двухсторонней демонстраций либералов — по адресу и правительства, и революционеров. Обоим этим противникам либералы старались показать свою силу в тогдашний момент, «запугать» их, привлечь к себе симпатии всей интеллигенции, знавшей и любившей Тургенева как писателя-художника.[1] Это мнение вполне подтверждается при детальном ознакомлении с составом участников обеда 13 марта, речами их и теми инцидентами, которые на нем разыгрались. Участниками обеда были до ста человек петербургской «либеральной» интеллигенции. Среди них можно различить несколько группировок.[2]

---

[1] *Тургенев И. С.* Соч.: В 12 т. Л.; М., 1933. Т. 12. С. 549 (примеч.).

[2] Во всем последующем изложении использованы отчеты и заметки об обеде 13 марта всех петербургских и московских газет и журналов (*СПб Вед.* № 74, 77; *Н Вр.* № 1092, 1094, 1096, 1098; Голос. № 74; Молва. № 72, 74, 75; Новости. № 67, 70; Современность.

Во-первых, небольшое число сверстников и приятелей Тургенева, «людей сороковых годов» — Д. В. Григорович, К. Д. Кавелин, Ф. М. Достоевский, Н. И. Костомаров, А. Н. Майков, А. А. Потехин. Далее идут представители официальной науки — ректор университета А. Н. Бекетов, проф. Н. С. Таганцев, проф. Н. П. Вагнер, академики Я. К. Грот, М. И. Сухомлинов, П. Л. Чебышев, А. Н. Савич, В. П. Безбородов; потом — художники, музыканты, артисты — также в небольшом количестве: А. И. Куинджи, В. Е. Маковский, Н. Н. Каразин, В. В. Самойлов, Н. Ф. Сазонов, И. Ф. Горбунов, М. Г. Савина,[3] И. А. Мельников, Г. Г. Коросов-Геринг, Г. А. Лишин (композитор и поэт, псевдонимы — Г. Навлянский, Литан). Вся остальная масса чествователей (кроме А. С. Суворина — уже изменившего в то время либерализму Незнакомца, Э. И. Пильца — редактора в то время варшавской газеты «Nowiny», бесцветного В. Р. Зотова) состояла из видных петербургских либералов чистой воды, возглавляясь В. Д. Спасовичем, А. Д. Градовским, В. Ф. Коршем, Л. А. Полонским, Г. К. Градовским («Гаммой»), В. А. Полетикой, П. А. Гайдебуровым, Л. Е. Оболенским.

Организаторами и распорядителями обеда, равно как и составителями списка приглашенных, были Спасович и Гайдебуров; члены этой же группы говорили длинные речи (Спасович, Градовский, Л. Полонский, Гайдебуров, Оболенский, читавший стихи, и др.). Одним словом, «либералы» явно преобладали, задавали тон и руководили всем чествованием. Хотя газеты того времени уверяли, что «вся» петербургская журналистика имела своих представителей на торжестве, но это совершенно неверно: представителей «радикалов» — крайней левой печати — не было. «Отечественные записки» (М. Е. Салтыков, Г. З. Елисеев, Н. К. Михайловский и остальные постоянные сотрудники), по ядовитому замечанию суворинского «Нового времени», «блистали своим отсутствием». Не было никого и от редакции «Дела» (Г. Е. Благосветлова, Н. В. Шелгунова и П. Н. Ткачева) и «Слова» (М. А. Антоновича). Точно так же не был представлен и правый фланг печати (напр., «Русская речь» Н. А. Навроцкого). Цель, сущность и характер организованной петербургскими либералами демонстрации в виде обеда 13 марта довольно ясно видны из речи Спасовича, полностью напечатанной в «Вестнике Европы» (1879. № 4); речи других либеральных ораторов отмечены в тогдашней прессе лишь в самых общих выражениях.[4]

Беспорядочный характер обеда, мало культурное поведение многих участников, о чем с таким негодованием говорит в своем дневнике Стронин, не только не отмечены ни в одном современном газетном отчете, но, наоборот, все время говорится о «прекрасном» характере обеда (*BE*), о необыкновенном единодушии («Современность») и т. п. Такого рода подкрашивание действительности диктовалось, очевидно, стремлениями придать больший удельный вес вселиберальной демонстрации.

Немалый интерес представляет отмеченный в «Дневнике» Стронина инцидент с Панаевым. Стронин не говорит, о каком Панаеве идет речь, но некоторые газеты

№ 32; Петербургская газета. № 73, 74, 76; Русские ведомости. № 68, 76; Развлечение. № 14; Стрекоза. № 14; *BE*. № 4. С. 821—828; *ОЗ*. № 4. С. 219—231).

[3] Как удостоверяет А. Ф. Кони в книге «Тургенев и Савина» (1918. С. XXXI), неправильно относя обед к апрелю 1879 г.

[4] «Отечественные записки» нашли нужным объяснить отсутствие своих членов редакции и сотрудников на обеде тем, что редакция не была уведомлена об обеде «в честь И. С. Тургенева», на котором она непременно присутствовала бы, но так как в официальном приглашении было лишь указано, что состоится обычный ежемесячный литературный обед «с участием Т—ва», то редакция, дескать, не знала ничего о предполагавшемся чествовании приезжего гостя. Объяснение, явно шитое белыми нитками.

(«Петербургская газета» и «Молва») определенно указывают, что оратором, речь которого вызвала скандал, был Валериан Александрович Панаев.[5]

В. А. Панаев (1824—1899), инженер путей сообщения, строитель Грушевской (в Донбассе) и Курско-Киевской железных дорог, Панаевского театра в Петербурге (на наб. около Адмиралтейства, сгорел до революции), много писал по политическим и экономическим вопросам (Emancipation des serfs en Rusie, 1858; Восточный вопрос. СПб., 1877; Финансовые и экономические вопросы. СПб., 1878; Бумажные деньги — товар // Русское обозрение. 1895. № 3—5 и др.), деятельно сотрудничал в газетах (*СПб Вед.*), издавал вместе с известным французским публицистом-историком и политическим деятелем Луи Бланом (1811—1882) в Париже журнал «L'homme libre» (1877), оставил интересные «Воспоминания», к сожалению, не напечатанные полностью.

Речь В. А. Панаева напечатана довольно полно в «С.-Петербургских ведомостях» (1879. № 74).[6] Приведем из нее главные места: «По всей вероятности, все здесь присутствующие прочли уже те теплые слова нашего гостя (Тургенева), с которыми он несколько дней тому назад обратился к молодому поколению в Москве. Поблагодарив молодое поколение за то, что оно протянуло руку старикам, он сказал: „Да, есть чему поучиться у старших". По поводу этого правдивого слова я ставлю вопрос: чему же это именно можно поучиться у людей, если можно так выразиться, сороковых годов? Позволю себе высказать по этому вопросу мой взгляд в самых коротких словах. Говоря о стариках, И. С. Тургенев упомянул несколько имен и в том числе всем нам дорогое имя Белинского. Я останавливаюсь на этом имени... Но в чем заключается громадное влияние этого человека? Я позволю себе иметь некоторое право высказать по этому предмету мое мнение, ибо мне случилось прожить с Белинским 6 месяцев в одной комнате. Мне было тогда 16 лет... Белинский был человек без средств, без связей и без имени... имя автора было известно лишь в очень ограниченном кружке... Сила Белинского была в его прямом, искреннем, непосредственном, горячем и бескорыстном отношении к делу. Побочные, посторонние соображения или расчеты не могли изменить его взглядов, Сила влияния Белинского, независимо от его таланта, заключалась в его нравственных качествах. Но в своем влиянии Белинский обязан не одному себе. Никогда он не приобрел бы того громадного значения, какое имел, если бы он не был окружен людьми с тем тонким чутьем, которым отличались люди 40-х гг. Они оценили Белинского, они поддерживали его дух. Люди эти иногда нуждались целые месяцы для того, чтобы переводить книги с иностранных языков не для печати, а для того только, чтобы познакомить Белинского, не знавшего иностранных языков, с тем или иным предметом. Ради чего же трудились эти люди? Конечно, не в расчете того, чтобы через сорок лет услыхать сочувственный этому бескорыстному и благо-

---

[5] Кроме В. А. Панаева, в литературных кругах Петербурга были известны его родные братья: Ипполит Александрович (1822—1901) и Аркадий Александрович (1821—1889), с которым Валериана Александровича смешивали подчас даже современники (см., напр., книгу В. О. Михневича («Коломенского Кандида») «Наши знакомые. Фельетонный словарь современников» (СПб., 1884. С. 167). Так как об И. А. и А. А. Панаевых в энциклопедических словарях ничего не говорится, то не излишне сказать здесь несколько слов. И. А. Панаев, инженер путей сообщения, управлял хозяйственной частью «Современника» (с 11 августа 1856 до 28 мая 1866 гг.), был близко знаком с Некрасовым, составил 9 философских книг, изданных в 1878—1893 гг. под общим заголовком: «К рациональному мировоззрению» (в духе якобинианства и фихтенианства). А. А. Панаев был адъютантом главнокомандующего во время Крымской войны, автор книги «Кн. А. Д. Меньшиков» (СПб., 1878) и ряда трудов по иппологии. Все три брата были двоюродными братьями известного Ив. Ив. Панаева.

[6] Из речей участников обеда, кроме речи Спасовича, в полном виде приведены в печати еще речи Григоровича (*Н Вр.* 1879. № 1092) и К. Д. Кавелина (*ВЕ.* 1879. № 4).

родному труду отзыв. Одним из самых деятельных переводчиков для Белинского был и наш достославный гость. Если бы кто-нибудь усумнился в правдивости моих слов, то я в состоянии рассеять его сомнения, показав огромные рукописи, сейчас у меня хранящиеся. Итак, господа, то, чему можно научиться у людей сороковых годов, это — чистому, бескорыстному служению делу. Сила их заключалась в их нравственных качествах».[7]

Почему же эта речь, как будто вполне безобидная, вызвала шумные протесты и даже вмешательство распорядителя Гайдебурова, подошедшего к оратору и потребовавшего прекращения ее? У Стронина указано, что во время речи Панаева раздались голоса, будто «он человек недостойный», а В. Ф. Корш сказал автору «Дневника», что «Панаев требовал к себе дочь через Третье Отделение» (т. е. через жандармские власти). С точки зрения строгой морали можно, конечно, судить Панаева как «недостойного»: он был инженер-путеец, крупный подрядчик и строитель, участник концессионных грабежей своего времени, «на законном основании» наживший крупное состояние, но, во-первых, нет фактов, чтобы он был хуже других деятелей этого рода, напр., хуже владельца-плутократа такого же типа В. А. Полетики (издатель «Молвы»), речь которого на обеде не вызвала никакого волнения, а во-вторых, мы имеем даже прямые указания, что при железнодорожном строительстве Панаев вел дело вполне «честно».[8]

Причина недовольства речью Панаева либерального большинства на тургеневском обеде ясно видна из статьи «Молвы» (№ 74). «В речи своей Панаев указал на отличительную черту деятелей сороковых годов: „чистоту намерений и вплоть до самоотвержения доходящее бескорыстное служение делу"... Все эти похвалы... делаются... для того только, чтобы под видом похвал прошлому воткнуть шпильку в своих теперешних противников. Тон и слова речи Панаева явились не похвалою людям сороковых годов, а только бранью тем из сидевших с ним за одним столом людям настоящего, которые не удивляются туманным теориям г. Панаева и не признают его творческой политики...». Иначе говоря, в речи Панаева либералы усмотрели намеки на их неискренность и двуличность, на то, что они, явно выдвигая чествования Тургенева как великого писателя, в то же время хотели дать понять urbi et orbi — и правительству, и революционерам, — что они крупная сила и с ними в тесном единении сам Тургенев, не только художник, но и политический деятель. К тому же речь Панаева была речью постоянного сотрудника в то время уже консервативных «Петербургских ведомостей», бывших в 1879 году в руках известного В. В. Комарова, ставшего несколько позже явно ретроградным деятелем. Таким образом, эпизод с речью Панаева должен быть поставлен в тесную и неразрывную связь с тем общим характером обеда 13 марта как политической демонстрации, который указан выше.

На этом обеде выступал с знаменитой речью генерала Дитятина И. Ф. Горбунов.[9] Стронин в «Дневнике» презрительно называет Горбунова «скоморохом». Это находит объяснение в том, что по общему складу своего ума и по строгой серьезности своего характера Стронин не любил шутки и не понимал ее. К тому же, как совершенно ясно из «Дневника», автор его совсем не слышал дитятинского тоста.

Еще два замечания по поводу «Дневника». Дом Мурузи (в мавританском стиле. — *Ред.*), с которым Стронин сравнивает речь В. Д. Спасовича, и поныне нахо-

---

[7] Об этом же В. А. Панаев подробно рассказывает в своих «Воспоминаниях», гл. VI и XXIII (*РСт*. 1893. № 9 и 1901. № 9).

[8] См.: *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни. Воспоминания. 1820—1870 / Ред. и вступит. ст. С. Я. Штрайха, предисл. Д. О. Заславского. М.; Л., 1930. С. 214—220.

[9] Полный текст ее приведен в т. 2, ч. 1 Полного собрания сочинений И. Ф. Горбунова. СПб., 1904. С. 9—11 и в издании Маркса 1904 г. (С. 304—305). Но и тут и там неверно указан год произнесения речи: в первом — 1878 г., во втором редактор — А. Ф. Кони — относит эту речь к 1880 г. (С. 60—61).

дится в Петербурге, на углу Литейного проспекта и улицы Пестеля (б. Пантелеймоновской), являясь в архитектурном отношении одним из интересных домов старого Петербурга.

Непроизнесенная речь Стронина любопытна как показатель воззрений массового интеллигента того времени на Тургенева и на склонность объяснять его литературную судьбу от 60-х до 80-х годов простым «недоразумением».

Остается сказать несколько слов еще об одном эпизоде, имевшем место на обеде 13 марта, о котором, к сожалению, ни одним словом не упоминает Стронин. В конце обеда случилось столкновение И. С. Тургенева с Ф. М. Достоевским, подробности которого до сих пор еще не выяснены. В периодической печати 1879 года мы имеем три рассказа об этом инциденте, и все они плохо увязываются между собой.

Когда Тургенев прочитал свою ответную речь (текст ее имеется во всех «Полных собраниях сочинений Тургенева»), по рассказу внутреннего обозревателя «Вестника Европы» (К. К. Арсентьва), один оратор (Достоевский) так «заключил свое обращение к нему: „Скажите же теперь, какой же ваш идеал? говорите!" — и, не дождавшись ответа, отвернулся и пошел прочь… И. С. Тургенев успел дать ответ, но этот ответ мог быть только видим находившимся вблизи, так как он ответил без слов: Тургенев опустил низко голову и развел руками. Правда, тут ничего и не оставалось, как развести руками; но общество было менее терпеливо, и со всех сторон раздались восклицания, обращенные к Тургеневу: „Не говорите! Знаем!" Чей-то голос попытался было взять сторону того оратора: „Нет, вы не знаете!" — но был заглушен новыми восклицаниями. Тем и кончился этот характерный эпизод».[10]

Затем фельетонист «Новостей», «коломенский Кандид» (В. О. Михневич) передает этот эпизод так: «Среди общего одушевления к И. С. Тургеневу подошел Ф. М. Достоевский и со строгим, почти негодующим лицом, поставил ему вопросный пункт: „что такое и в чем заключается провозглашенный им идеал?" Г. Достоевский настойчиво требовал сейчас же дать ему на сей пункт обстоятельное „показание", но эта странная и неуместная выходка была встречена всеобщим протестом» (Новости. 1879. № 70).

И, наконец, в «Новом времени» (1879. № 1099) читаем такой рассказ: «Один известный писатель, совсем не западник, подошел к Тургеневу и прямо спросил его: неужели он воображает, что западные идеалы могут примирить всех и соединить? Если он это воображает, то должен допустить, что в видные политические деятели немедленно попадут гг. Поляковы и Варшавские как крепкие устои для западных условий».

Наконец, имеется рассказ и еще одного свидетеля — Г. К. Градовского, который в своей книге воспоминаний «Итоги» пишет:

«…Тургенев вынул из кармана четвертушку бумаги и прочел коротенькую речь… Взрыв рукоплесканий покрыл слова писателя, но громче их раздался шипящий злобный возглас Ф. М. Достоевского. Он подскочил к Тургеневу и с трудом передаваемою раздражительностью и злобою закричал: „Повторите, повторите, что вы хотели сказать, разъясните прямо, чего вы добиваетесь, что хотите навязать России!" <…> Тургенев отшатнулся, выпрямился во весь свой рост, подавлявший небольшого и тщедушного Достоевского, и развел руками, тем жестом, которым выражается глубочайшее недоумение и негодование. „Что я хотел сказать, то сказал… Надеюсь, все меня поняли… А на ваш допрос, хотя бы и с пристрастием, отвечать не обязан!" Таков был ответ Тургенева. „Поняли, поняли", — раздались голоса».[11]

---

[10] *ВЕ*. 1879. № 4. С. 822.

[11] *Градовский Г. К.* Итоги. Киев, 1908. С. 360—361. В своих воспоминаниях Градовский ошибочно относит обед литераторов и эпизод с Достоевским к осени 1880 г.

Из эпистолярной литературы известно письмо П. В. Анненкова М. М. Стасюлевичу от 16 апреля 1879 года: «Хорош Достоевский! Не распознал у Тургенева — идеалов и пожелал на обеде его — выставить его пунцовым драконом, каковые китайцы пишут на своих знаменах. Смелая мысль, не уступающая другой таковой же Салтыкова, который назвал „Новь" водевилем с переодеваниями».[12] Но Анненков не присутствовал на обеде 13 марта, и его письмо только отклик на «Внутреннее обозрение» 4-й книги «Вестника Европы», о котором только что говорилось. Но странно, что об этом инциденте ничего не говорится в большом письме А. Н. Майкова к Достоевскому, писаном вечером 13 марта 1879 года, после самого обеда. Об обеде там говорится только вот что: «Вернулся я с Тургеневского обеда измятый, встревоженный, несчастный, одинокий. Фальшь и ложь, эмераз и глупость, одна и та же тема, словом, весь сумасшедший дом петербургской печати со Спасовичем во главе. Но это все ничего, все это так и должно быть, иначе быть не может, и меня бы это не помяло, не сделало бы несчастным. Заключительные слова Тургенева поразили и испугали меня: он говорил громко, как авторитет, повторяя то же, что и в Москве — такое нечто, что по-моему есть начало конца».[13] Далее в письме идут упреки Достоевскому за его «отречение» от Каткова, и о каком-либо разговоре с Тургеневым нет и слова.

У исследователей взаимоотношений Тургенева и Достоевского эпизод на обеде 13 марта совсем не упоминается.

---

[12] М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 367.

[13] См.: Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. П.; Л., 1925. С. 364—365.

В. И. БЫВАЛЬКЕВИЧ
ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ В 1876 ГОДУ

Выступление на Высших педагогических женских курсах в С.-Петербурге 5 ноября 1876 года Его речь и чтение 3-й главы романа «Новь»

(Третья глава из воспоминаний курсистки семидесятых годов Высших педагогических курсов)

Публикация Л. Н. Назаровой и Н. П. Генераловой

Варвара Ивановна Бывалькевич (урожд. Бородаевская; 1858—1941) принадлежала к поколению, на долю которого выпало первому в России прокладывать дорогу движению женской эмансипации. В сентябре 1876 года она стала слушательницей математического отделения Высших педагогических женских курсов в Петербурге. В своих воспоминаниях она подробно рассказала о событиях того времени, в том числе о выступлении перед курсистками Ивана Сергеевича Тургенева.

Воспоминания Бывалькевич были написаны ею, очевидно, по просьбе В. А. Мануйлова (1903—1987). Л. Н. Назарова вспоминала: «В 1930-х годах, когда я была помощником В. А. Мануйлова в Ленинградском Пушкинском обществе, среди членов этой организации было много пожилых людей. К ним всегда с особенным уважением относился Виктор Андроникович. Одной из них была Варвара Ивановна Бывалькевич. Она всегда желала, чтобы ее после собрания провожал домой сам Мануйлов. Я не знаю, рассказывала ли Варвара Ивановна ему тогда о своей прошлой жизни, но, во всяком случае, свой интересный архив она завещала позже именно Виктору Андрониковичу. Сохранилось в этом архиве и несколько писем Варвары Ивановны к Мануйлову». Эти письма, как и всю небольшую папку с документами Бывалькевич, Л. Н. Назарова передала в Тургеневскую группу Института русской литературы с целью опубликовать их в настоящем сборнике.[1]

Помимо воспоминаний Варвара Ивановна писала в молодости стихи, правда, они не отличались особым поэтическим мастерством. Судя по письмам к Мануйлову, он тоже не советовал ей заниматься этого рода творчеством. В 1912 году в Вильне вышел в свет небольшим отдельным изданием ее труд «В школе и дома. Вопросы обыденной гигиены и их практическое разрешение» (в 2 кн.). На экземпляре второй книжки, сохранившейся в архиве Мануйлова, указано, что в 1913 году в

[1] О В. А. Мануйлове см.: *Назарова Л. Н.* В. А. Мануйлов // Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. С. 24—61.

Вильне вышло 2-е издание книги этого же автора «Письмо в школе и дома и его гигиеническая постановка». Судя по сохранившимся машинописным текстам, В. И. Бывалькевич стала педагогом и выступала с лекциями. В ее архиве сохранились тексты двух выступлений на тему: «Пушкин как педагог» и «И. С. Тургенев в вопросе эмансипации женщин».

Публикуемые воспоминания Бывалькевич, сохранившиеся в машинописной копии, были написаны ею много лет спустя после описываемых событий. Не все пока в этих воспоминаниях поддается точной проверке, некоторые даты вызывают сомнения. Так, в речи Тургенева упоминается, что первая часть «Нови» к моменту его выступления была уже опубликована. Это произошло в январе 1877 года. Значит, встреча с курсистками могла состояться не ранее января — февраля 1877 года. В это время, однако, Тургенев был в Париже. С другой стороны, указанная Бывалькевич деталь — третья часть «Нови» — тоже вызывает сомнения, ведь вторая часть «Нови» была напечатана в «Вестнике Европы», хотя и с большими цензурными препонами, уже в феврале того же 1877 года. Что касается третьей части, то ее просто не существовало. Очевидно, мы имеем дело с аберрацией памяти мемуаристки. Тургенев читал страницы нового романа после выхода его в свет. Нет сомнений, что мемуаристка имела в виду музыкально-литературный вечер, состоявшийся 15 (27) марта 1879 года. Во время приезда в Россию Тургенев неоднократно выступал перед различными аудиториями.

В то же время мемуарный рассказ В. И. Бывалькевич интересен во многих отношениях и, без сомнения, по существу достоверен. Описывая происходящее, Варвара Ивановна передала не только свое приподнятое состояние от встречи с любимым писателем, но и попыталась объяснить, почему Тургенев решил выступить именно на Высших педагогических женских курсах. Несмотря на то, что она относила себя к прогрессивной части тогдашней молодежи, многое в мыслях и поступках ее сверстниц ей было не по душе. Юные нигилистки, стриженые «под скобку», неопрятность в быту, пренебрежительное отношение к семье и браку — все это вызывало протест. Вот почему выступление Тургенева, его призыв противостоять нигилизму, его поддержка молодых женщин в их стремлении к подлинной независимости, были столь восторженно встречены слушательницами Высших педагогических курсов. Интересно, что Бывалькевич вспоминает о спорах вокруг романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?», о том, что курсистки, в отличие от «бестужевок» (Бестужевские курсы открылись в сентябре 1876 года), были на стороне Тургенева, за что были прозваны «бестужевками» «кисейными барышнями». Не случайно она делает вывод о том, что желание выступить на Педагогических курсах было со стороны Тургенева своеобразным «протестом по адресу соблазнителей молодежи». Этот вывод был, очевидно, верным. Но особенно важным в воспоминаниях Бывалькевич и, в частности, в ее докладе «Иван Сергеевич Тургенев в вопросе эмансипации женщин» является сообщение о том, что Тургенева связывали с Высшими педагогическими курсами особые отношения. Оказывается, он стоял у истоков идеи преобразования бывших двухгодичных Педагогических курсов в Высшие четырехгодичные, заботясь о том, чтобы новая программа была приравнена к университетской. По-видимому, дальнейшие исследования выявят новые свидетельства в пользу сообщенных Бывалькевич сведений.

В приложении к воспоминаниям В. И. Бывалькевич мы публикуем также ее письма к В. А. Мануйлову 1930-х годов.

В ноябре 1876 года Иван Сергеевич Тургенев жил в С.-Петербурге. В эту пору он писал свою «Новь». «Новь» печаталась в журнале «Вестник Европы». Студенты и курсистки всех лагерей читали своего любимого писателя и с восторженной торопливостью ждали следующей главы.

В один из ноябрьских дней 1876 года дежурная надзирательница на курсах сообщила нам, что директор просил нас собраться после лекций в актовом зале. Мы дружно исполнили его предложение. Директор взошел на кафедру и торжественно объявил:

«Завтра после лекций, в 6 часов, к нам на Курсы приедет Иван Сергеевич Тургенев. Он желает побеседовать с вами по вопросам современной литературы и прочесть вам очередную главу своей „Нови". Прошу вас всех встретить и проводить нашего дорогого гостя с подобающим моменту настроением».

Мы с восторгом встретили столь дорогую весть, засыпали директора вопросами: как, почему такая радость выпадает на нашу долю? Иван Федорович — так звали директора — ответил, что инициатива в этом деле принадлежит самому Ивану Сергеевичу.

С нетерпением мы ждали завтрашнего дня. Я лично прямо-таки счастлива была увидеть самого автора «Нови» и услышать из его уст страничку романа. Еще так недавно я переводила на французский язык на приемных экзаменах на курсы «Бежин луг».

Ночь я спала неспокойно, раньше обычного проснулась, раньше обычного прибежала на курсы... За лекциями время быстро пронеслось. Вот и 6 часов вечера. Профессора окончили лекции на 5 минут раньше.

Быстро весь факультет пробежал лестницу и занял место у самых входных дверей парадного подъезда. Сквозь стеклянные двери подъезда видна была улица. За нами бежали курсистки других факультетов. К 6-ти часам все факультеты, профессора и директор были у дверей парадного подъезда в вестибюле. Взоры всех были устремлены на улицу.

Ровно в 6 часов у подъезда остановилась маленькая однолошадная карета. Из нее вышел красивый, величавый человек, закрыв за собой дверцу кареты. Швейцар открыл дверь подъезда, и элегантный гость вошел в нашу обитель. Вид его был великолепен, рост выше среднего, волосы полуседые, осанка молодого человека (ему было тогда 58 лет), выражение лица торжественное. Мы, конечно, аплодировали вовсю. Сдав тут же пальто и шляпу швейцару, сняв перчатки и поправив волосы перед зеркалом, наш гость произнес: «Тургенев». Подав руку директору и профессорам, он рядом с директором и окруженный профессорами и курсистками под шум аплодисментов проследовал в актовый зал. Тесня друг дружку, мы шли сзади.

Иван Сергеевич, войдя в зал, занял место на кафедре. Профессора и директор стали вокруг. Выражение лица Ивана Сергеевича было немного тревожное. В глазах светился огонек любви к собравшимся. Мы все знали уже, что Тургенев любит молодежь и сейчас, в эту минуту счастливого свидания мы отвечали ему той же любовью.

Пока Иван Сергеевич стоял на кафедре, и все стояли. Это было чудное мгновенье. «Прошу садиться», — сказал директор. Все сели, сел и Иван Сергеевич.

Затем Иван Сергеевич сказал приблизительно следующее: «Благодарю вас всех за столь трогательную встречу. Я счастлив, что могу лично выразить вам мое сочувствие вашему стремлению к высшему образованию. Вы, конечно, знали уже, что в этом вопросе я весь с вами, весь за вас. Будьте стойки в вашем деле. Не робейте перед трудностями начатой работы. Ваши курсы являются пионером на пути к высшему женскому образованию. На вас смотрит вся молодая Россия. Ваша роль в жизни России огромная. Будьте же на высоте вашей задачи и докажите, что женщины способны к усвоению всех проблем науки и искусства. Сочувствие и помощь в вашем деле вы найдете и в литературе, и в общественном мнении. В этом я ручаюсь вам, верьте мне. Итак, — продолжал Иван Сергеевич, — вперед без страха и сомнения, за науку, за светлое будущее. А теперь считаю долгом предостеречь вас от увлечения нигилизмом. Мрачная туча этого направления в современной литературе, в лице некоторых ее представителей, является угрожающей силой вашему надлежащему развитию. Рекомендую отнестись к этому вопросу серьезно, чтобы не впасть в ошибку… А теперь, — заключил Иван Сергеевич, — прочтем очередную главу моей „Нови", она уже готова к печати».

Вынув тетрадь из портфеля, Иван Сергеевич сказал: «Я думаю, не без основания, что первые главы моей „Нови" вы уже прочли, прочтем совместно продолжение».

Читал Иван Сергеевич вдохновенно, громко и отчетливо. Во время пауз он поглядывал на аудиторию. Мы слушали, затаив дыхание. Каждая мысль, каждое слово были так ценны для нас… Ведь это же он, сам Иван Сергеевич, читает. Никогда, никогда не изгладится из памяти это чтение, эта прочувствованная передача нашего величайшего художника. В глазах нашего оратора светилась искра радости.

Я захватила местечко в первом ряду стульев и не отводила глаз от оратора. Все, все я идеализировала в нем: его речь, взгляды и чарующий облик его лица, красивый лоб, окаймленный полуседыми волосами, и маленькие уши. Не ускользнули от моего внимания и его стройная осанка, и белые тонкие руки.

Окончив чтение, Иван Сергеевич довольно долго молчал, затем он встал, сделал легкий поклон по адресу всех слушателей и тихо, тихо произнес: «Мое чтение окончено, благодарю за внимание».

Когда Иван Сергеевич умолк, нам стало как-то грустно и еще хотелось слушать музыку его речи.

«До свидания, — сказал он, — до следующей главы». Мы аплодировали без конца. «До свидания, до свидания», — еще прозвучал нежный, искренний голос нашего дорогого гостя. Всем стоящим вблизи Иван Сергеевич подал руку. Когда он вышел из зала, курсистки бережно взяли его на руки и донесли до вестибюля. В вестибюле Иван Сергеевич надел пальто и шляпу и направился к карете. Мы гурьбой теснились за ним и долго еще аплодировали.

Наш директор, Иван Федорович Рашевский, благодарил нас всех за внимание к нашему дорогому гостю. Проводив Ивана Сергеевича, мы, курсистки, направились в столовую училища глухонемых, рядом с помещением наших курсов, где заботами нашего уважаемого директора был сервирован для нас роскошный ужин. Мы полакомились пирогом, гусем, тортами и фруктами. Сам Иван Федорович, профессора и надзирательницы разделяли с нами вкусную трапезу. Все были в торжественном настроении. Темой бесед был, конечно, Иван Сергеевич Тургенев. Разошлись в 12 часов ночи. Сам виновник торжества от ужина отказался, ссылаясь на то, что он устал уже и что у него имеется на сегодня срочная работа.

Полная восторга и очарования, я бежала домой. В комнатке моей было тепло и уютно. Радость и счастье наполняли душу мою. Сон убежал далеко, далеко и не скоро я могла его поймать... И пригрезилась мне моя убогая Украйна, моя родина... Отец, с неизменным топором в руках — он спешит в дровяной сарай, чтоб нарубить дров... и мама — всегда угрюмая, всегда озабоченная семьей, хозяйством, — только не собой. *Себя* нет у наших деревенских женщин. И никогда, никогда они не мыслят ни о нигилизме, ни о Тургеневе, ни о курсах... И откуда черпают свои силы эти незримые никем богатыри долга и неутомимого труда?.. Невольно вспомнился мне родной поэт Некрасов: «Ты и богатая, ты и убогая, ты и могучая, матушка-Русь...». На другой день в два часа дня я бодро бежала на курсы...

В заключение воспоминаний о Тургеневе я хочу сказать несколько слов по поводу его посещения Высших педагогических курсов. Инициатива этого посещения принадлежала всецело ему. Почему и для чего Иван Сергеевич решил сделать этот богатый последствиями шаг? Решать этот вопрос я не буду. Выскажу лишь свое личное мнение как непосредственная участница праздника.

На горизонте русской действительности выявился во всей своей реальной непринужденности нигилизм, нигилизм под девизом: полное упрощение всех условий жизни человека, как внешних, так и внутренних, упрощение, во многих случаях граничащее с цинизмом. Зачем опрятность? Зачем гигиена? когда можно и без этого великолепно обойтись. Длинные волосы у девушки, вьющийся локон — долой их, это лишняя обуза, долой ее. Девушки стригут волосы под скобку. У девушки приличная, умеренной длины юбка — долой ее. Начали укорачивать юбку почти до колен. У девушки хорошенькая ножка и модные туфли — «это барство»... Смазные сапоги надевайте все — и дешево и сердито, они не требуют ухода, крепки, в них можно ходить без галош, а если ноги зябнут — портянки к услугам... Для чего девушке блузка, да еще модная? То ли дело мужская рубаха темного цвета — ее можно не стирать по месяцам. И женщины-нигилистки поголовно напяливали на себя красные мужские рубахи. Помню, как на студенческих балах нигилистки рисовались в танцах своим причудливым «модным» туалетом.

В домашнем быту неопрятность была доведена до крайности. Я имела возможность наблюдать жизнь нигилистки, моей коллеги по факультету. Ее комната была рядом с моей, и я часто к ней заходила: мы совместно читали Маркса. Мне нравился Маркс как философ.

«Почему ты не убираешь комнату», — спрашивала я свою коллегу, когда входила в ее берлогу. Она отвечала: «А зачем это делать, когда и без этого можно обойтись. Это все барские выдумки. Народ наш спит без кроватей, а мы заняты какой-то обстановкой, туалетом, уборкой своих жилищ» и т. д.

Я не оспаривала свою соседку. Все же нигилизм приучал критически относиться к старому некультурному быту, заставлял задумываться над теми вопросами, которые раньше не возбуждали общественного внимания. В этом заключается заслуга нигилизма перед революцией.

Возьмем внутреннюю сторону нигилизма — Бога нет, брак — это ерунда. Разлюбил я жену свою, что за беда, найду другую, вот у товарища женушка получше, что ж, поухаживаю за ней — женщины любят разнообразие. Раз-два и дело в шляпе. А развод? Развод — тоже чепуха. А дети? Для воспитания их ведь нужен семейный очаг. И это — чепуха. Довольно того, что мы рожаем детей, а воспитывать их обязано государство и т. д. В этом роде тенденции пронизывали весь и внешний, и внутренний организм нигилизма.

И. С. Тургенев знал, в какую бездну влечет юную молодежь нигилизм, знал он и о тюрьмах, и о том, что ждет молодежь за дверью тюрьмы. Иван Сергеевич всей полнотой души своей был против нигилизма в той части его, которая граничит с цинизмом, с поруганием лучших чувств в области брака и семьи вообще.

И. С. Тургенев порвал с «Современником». Дело в том, что «Современник» в 60-х годах взял определенную линию в сторону нигилизма. Издатель этого журнала, поэт Некрасов, хотя сам и не был нигилистом, но сотрудничество нигилистов допускал в журнале. В журнале сотрудничал И. С. Тургенев. Когда же направление журнала стало противоречить взглядам Ивана Сергеевича, он порвал с «Современником». Его художественная натура не могла мириться с нигилизмом.

Представителями нигилизма в «Современнике» являлись Чернышевский и Добролюбов. Первый выступил в своем романе «Что делать?» с определенной тенденцией за нигилизм.

Роман «Что делать?» вскружил головы юной неопределившейся молодежи. Поднялся шум в литературном лагере С.-Петербурга. Добролюбов умело помалкивал.

Вдруг, как снег на голову, появилась в отдельном издании маленькая брошюра под заглавием «Что делали в романе Чернышевского „Что делать?"». Автор брошюры сенатор Цитович разгромил роман Чернышевского во всех деталях. Нигилизм в брошюре был разбит наголову и осмеян. Автор брошюры не пожалел ярких красок для оценки идеи. Брошюра раздавалась в учебных заведениях бесплатно, читалась поголовно. Шум в литературном лагере продолжался долго и затих сам собой.

Открывшиеся Бестужевские курсы (в сентябре 1876 года) неопределенно держали себя в отношении романа Чернышевского. Мы же, студентки Высших педагогических курсов, были на стороне И. С. Тургенева, за что бестужевки называли нас кисейными барышнями.

И. С. Тургенев тяжело переживал разлад со своими коллегами по литературе. В таком настроении Иван Сергеевич искал выхода своему чувству. Он любил молодежь, служил ей всем разумением своим. И как протест по адресу соблазненной молодежи явилось для Ивана Сергеевича его выступление на Высших педагогических курсах.

Так я понимала и нигилизм, и Тургенева в целом.

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ В ВОПРОСЕ ЭМАНСИПАЦИИ ЖЕНЩИН (1850—1883)

Я не буду останавливаться на вопросе эмансипации женщин во всей ширине и глубине его, а подойду лишь к моменту развития данного вопроса в последний период жизни и творчества И. С. Тургенева.

Необходимо заметить, что русское общество в период первой половины XIX столетия не выявляло должного стремления к разрешению женского вопроса. Постепенно перешедшая в нас культура и цивилизация Запада выдвинула и разрешение так называемого женского вопроса. В литературе первой половины XIX века у нас еще не было писателей, глубоко и принципиально интересовавшихся этим вопросом. Так шло время. И вот в 50-х годах в неведомых уголках человеческой природы заискрился вопрос о женщине, о ее судьбе, о ее бесправии, с ее бесчисленными обязанностями, как созданными природой, так и предъявляемыми ей в то время властелином по отношению к ней — мужчиной.

Еще в начале 50-х годов начал проявляться ярко выраженный протест женщин по адресу мужчин-деспотов, протест девушек против деспотизма отцов. Женщины и девушки в больших городах стали собираться в небольшие кружки, целью которых стала борьба за раскрепощение женщин. Вскоре в эти кружки проникли наиболее передовые мужчины.

И. С. Тургеневу в ту пору было около 40 лет. Понятно и естественно, что И. С. Тургенев как человек поистине передовой не мог пройти мимо этой разгоравшейся искорки. Он стал посещать занятия в кружках, и его мнение по женскому вопросу стало высоко авторитетным. В шестидесятых годах женский вопрос настолько вырос, что идеи освобождения женщины проникли уже и в жизнь семьи.

В 1859 году в Петербурге открываются Педагогические двухгодичные курсы для девушек, окончивших Петербургские женские гимназии. Во время приема проводились испытания по русскому языку (сочинение), математике и французскому языку (перевод с русского на французский язык). На курсах было организовано два факультета: ма-

тематический и историко-филологический. Лекции и занятия производили профессора, приближаясь к университетской программе. Тогда же были допущены к приему на курсы и окончившие провинциальные гимназии.

Кружки по вопросам эмансипации женщин продолжали свою работу. В шестидесятых годах их работа становится напряженнее и увлекает все слои передового русского общества.

И. С. Тургенев, по свидетельству современников, стал определенным поборником женского раскрепощения и высказывался за развитие курсов, вплоть до расширения их программ до размеров университетских.

Отмена крепостного права и созданное земское самоуправление сыграли большую роль в развитии женского вопроса. В 1876 году Педагогические курсы преобразованы в Высшие Педагогические курсы и программа их уравнена с университетской программой. Курсы стали четырехгодичными.

И. С. Тургенев усердно следит за развитием этих курсов. Когда наступило время колебания университетской молодежи в поисках идеалов, Иван Сергеевич решительно выступил в своей речи (посвященной Высшим женским педагогическим курсам, в ноябре 1876 года) в защиту женских прав на высшее образование и за все права женщин, как в науке, искусстве, так и в бытовой жизни.

В заключение своего взгляда на вопрос высшего женского образования в нашей стране позволю себе сказать несколько слов о значении как моральном, так и общественном, какое получилось в результате посещения Ив. Сергеевичем Тургеневым Высших женских педагогических курсов в ноябре 1876 года.

«В вашем деле я весь с вами и весь за вас, верьте мне», — так заключил Иван Сергеевич свою речь, обращенную к слушательницам Высших женских педагогических курсов. Эти драгоценные слова, произнесенные нашим обожаемым поэтом-художником, глубоко запали в душу слушательниц и увлекли их в область мысли и искания истины. Мы как бы вдруг почувствовали, что мы выросли в собственных глазах, что мы частичка того огромного целого, которое именуется Россией — родиной нашей. И мы, маленькие сошки, как бы призываемся к работе во славу отечества. Это ли не счастье? Это ли не радость? И наше юное сердце затрепетало жаждой труда во имя науки. Окрылились наши мысли, и мы полетели в ту далекую высь, где царит разум человеческий. Никакой труд нам уже не был страшен. Вера в себя стала нашей движущей силой. И я, еще вчера скромная провинциальная гимназисточка, еще вчера — деревенская барышня, намеченная отцом моим в жены сельскому фельдшеру, сегодня мечтаю о том, что и я могу быть и буду профессором, таким же математиком, как наш профессор Вулих.[2]

[2] Речь идет о Захаре Борисовиче Вулихе (1844—1897), профессоре Петербургского университета.

И все мы, курсистки, стали как бы друг другу родными. Весело стало на душе у нас. Весело бежали мы на курсы, весело съедали в курсовой столовой скромный обед. Упорно выполняли серьезные курсовые задания и гордились и нашим дорогим учителем, нашим поэтом-художником, и тем, что мы его как бы ученицы… Так дорогой порыв нашего великого писателя, золотые слова его речи, воплотились в жизнь женщин-курсисток и их поколений.

Честь и слава тебе, дорогой наш учитель Иван Сергеевич Тургенев! Пройдут многие столетия, и человечество, в особенности его женская половина, не перестанет чтить твою память. Плоды твоих трудов незримо войдут в жизнь народов и будут вечным тебе памятником.

ПИСЬМА В. И. БЫВАЛЬКЕВИЧ К В. А. МАНУЙЛОВУ

1

28.II.38.

Если материалы по идее приемлемы, то необходимо несколько развить вопрос о борьбе с совестью.

Жду ответа. В. Б.

2

Дорогой Виктор Андроникович!

Уступая Вашему утверждению, я обыскала все свои кулуары и не нашла копии моих «воспоминаний» (1-я глава). Я отдала эту копию Вам еще в нашем Литерат<урном> кружке… Помню это и утверждаю. Любя Вас, я не буду Вас утруждать поисками столь ничтожного труда, но прошу Вас временно дать мне мои «воспоминания» (обе главы). Я сниму искомую копию и буду продолжать работу 3 главы.

2. Если можно, черкните — когда будет обсуждение «учебника» р<усской> л<итературы>.[3] Меня как педагога это дело оч<ень> интересует.

3. Как Вы думаете по следующему вопросу?

А. М. Гордин[4] предложил мне разработать <нрзб.> тему: «Воспитательное значение произведений А. С. Пушкина». Взяться мне за этот труд?

---

[3] Очевидно, речь идет о подготовленном В. А. Мануйловым учебнике «История литературы народов СССР», который так и не вышел в свет в связи с начавшейся в 1941 г. Великой Отечественной войной. Идея создания этого учебника принадлежала председателю Пушкинского Общества А. Н. Толстому. См. об этом: *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека. Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / Под ред. Н. Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 326—327.

[4] Гордин Аркадий Моисеевич (1913—1997), пушкинист, один из организаторов Пушкинского заповедника в Михайловском, член Пушкинского общества в Ленинграде, с

4. Снимите с меня личину мучительной застенчивости. На всяком нашем собрании я имею в уме и вопросы и замечания, но не могу решиться открыть рот.

5. А 5-е Вы знаете, что семья моя в полном составе шлет Вам привет.

Искренне предан<ная> В. Б. Зрение гибнет!!

P. S.

3.XII в 6 ч<асов> в<ечера> нам почта доставила бюллетень занятий в П<ушкинском> О<бществе>. В нем значится: «3-го. XII в 3 ч. дня собрание кружка в театре А. С. Пушкина…». Конечно, никто из нас не мог пойти, хотя следовало бы и даже *очень*. И в прошлом месяце было такое же опоздание почты. Досадно. Извините за беспокойство.

3

29.IX.38.

Дорогой Виктор Андроникович,

Вам пишет человек, искренно Вам преданный и любящий Вас чисто по-матерински. Поэтому, если я напишу что-либо и невпопад, то да будет прощено мне.

27.IX на собрании я сказала, что доклад надо будет обсуждать спустя некоторое время, ибо не все способны мыслить «быстропалительно». Разрешите поэтому хотя частично высказаться.

Первая часть Вашего доклада прекрасна, о второй же части его надо сказать: «се дило требо разжуваты». По-моему, изложение темы слишком проблематично, даже как будто несколько хаотично, неясно. По-моему, вопрос о происхождении таланта вообще — дело скорее физиолога врача или же психиатра, а не литератора. Дело о воспитании таланта — это уже скорее <дело> литератора. За это в данном случае говорит сопоставление. Об окружении поэта сказано мало и неясно, по крайней мере, для меня. Впечатление от второй ч<асти> доклада: как будто среди какого-то бурьяна, крапивы, волчки и разных сорных трав вырос и расцвел роскошный благоухающий цветок. Но как попал зародыш этого цветка? Откуда? И как он — цветок не зачах в траве — это не ясно… Вот как я мыслю сегодня. Если еще до чего домыслю — сообщу…

Мой Борис и Шура хотели пойти на Ваш доклад, но Борис ошибочно пошел в Д<ом> учителя. Шура пришла с конференции в 10 ч. в. О Борисе скажу: у него большая голова, мыслит он — как рожденный

1937 по 1946 гг. редактор Ленинградского отделения издательства «Учпедгиз». О Пушкинском обществе см.: *Назарова Л. Н.* Из воспоминаний о Пушкинском обществе в Ленинграде 1930-х годов // Назарова Л. Н. Воспоминания о Пушкинском Доме. С. 6—34. См. также: *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека. С. 338.

математик и б<ывший?> философ. Он мог сказать хорошо о Вашем докладе. Б<ыть> м<ожет>, Вы дадите ему прочесть доклад?.. И высказаться… Вообще очень бы хотелось видеть Вас в тот день, когда мы все дома. Сообщите, в какой день вечером Вы свободны. Шура, Борис и Галя очень кланяются и выражают желание видеть Вас. Сообщите Ваши свободные вечера вскоре после обеда <?>. Не надо откладывать надолго…

Пришлю найденное у меня в бумагах письмо к Вам. Помнится, это не копия, а подлинник, поэтому посылаю. Умоляю, простите за беспокойство…

Искр<енне> пред<аннная> В. Б.

P. S. Не встречали ли Вы А. М. Гордина? Напечатана ли была моя рецензия о Вашей книге «Литературные игры»?

В заключение примите <?> еще «одно, последнее сказанье» — стихи. Больше, даю слово, писать стихов не буду.

Мою статью «Пушкин как педагог» *уничтожьте*.

Очень прошу: найдите *второй* экземпляр моих «воспоминаний». У меня его нет, Вы не отдали его. Жду ответа.

В. Б.

ФРАНЦУЗ-СЛАВЯНОФИЛ У ПАМЯТНИКА ПУШКИНА В МОСКВЕ

Страничка из истории франко-русских культурных связей

Публикация Н. П. Генераловой

Известный французский славист Луи Леже не был в числе близких знакомых И. С. Тургенева, однако его имя оказалось на виду, когда в 1880 году Тургенев обратился к ряду деятелей зарубежной культуры с предложением принять участие в открытии памятника Пушкину в Москве. Не стоит говорить, до какой степени писатель был заинтересован в наиболее широком представительстве со стороны западных писателей, критиков, издателей. Он, конечно, был уверен в том, что многие из них согласятся приехать в Россию, ведь они были его друзьями. Но приехал один Луи Леже, человек еще молодой и полный энтузиазма. И он был вознагражден за свои усилия, не только знаками отличия и хорошим приемом, но и благодарностью одного из наиболее активных участников торжеств — И. С. Тургенева.

Луи Леже (1843—1923)

Публикуемая заметка была напечатана в не известном нам пока органе французской русскоязычной прессы. Несколько пожелтевших газетных листков аккуратно наклеены на тетрадные листы в клеточку. Они сохранились среди бумаг Л. Н. Назаровой, которая принимала самое активное участие в собирании материалов для нашего сборника и даже специально для этого перебирала свой архив. Именно такие вырезки присылала ей Т. А. Осоргина (урожд. Бакунина) — жена известного писателя русского зарубежья и одновременно потомок М. А. Бакунина, друга юности Тургенева. К памяти своего предка Т. А. Осоргина относилась с большим пиететом и очень обижалась, по словам Л. Н. Назаровой, если кто-то критиковал его идеи. Одновременно она работала в Национальной библиотеке Парижа и была одним из ведущих специалистов в области библиографии. Именно Осоргина-Бакунина регулярно присылала Л. Н. Назаровой вырезки из французской русскоязычной прессы, касающиеся И. С. Тургенева.

Публикуемая заметка выдает в анонимном ее авторе знатока вопроса. Он, без сомнения, был знаком с самим Луи Леже и с его многообразной деятельностью на поприще славистики. Возможно, он был знаком и с его бумагами, поскольку в статье приводятся некоторые документы, которые могли оказаться только в архиве самого Леже. Для нас воспроизводимая заметка интересна во многих отношениях. Во-первых, здесь впервые приводится факсимиле письма Тургенева к Леже из Чешского архива в Праге. Эта публикация оказалась неучтенной в нашем академическом издании Тургенева, хотя воспроизводилась по тому же автографу. Кроме то-

го, в тургеневедении не был зафиксирован факт вторичного возложения венков к памятнику Пушкина, организованного Леже. Помимо этого, в заметке содержится немало примет времени, которые будут небезынтересны современному читателю.

Не так давно почивший знаменитый французский славист Луи Леже хорошо знал и любил Россию. Он не только был знатоком русского языка и литературы, он неоднократно бывал в России, хорошо знал и ценил ее обычаи, создал себе многочисленные и крепкие русские связи в научных и литературных русских кругах. Любопытно, что для русских своих друзей он «Павел Павлович». Его очень раздосадовало, когда его в России превратили по имени его и его отца в «Людвига Генриховича». Это звучало слишком по-немецки! Знаменитый языковед Срезневский дознался, что одним из его имен значилось имя Павел и что это же имя было присвоено его отцу. Недолго думая, он перекрестил Леже в «Павла Павловича», и так за ним и осталось это имя. В своих мемуарах Леже просил не удивляться тех людей, которые, разбирая его архив, найдут там многочисленные русские письма, начинающиеся приветствием: «дорогой Павел Павлович»...

Леже два раза довелось чествовать память Пушкина в России: один раз в качестве официального представителя Французской республики, другой раз в порядке самочинно им организованной манифестации.

***

Первое его участие в русском чествовании Пушкина знаменательно еще и тем, что вызвано оно было личным вмешательством И. С. Тургенева.

В мае 1880 года Леже получил следующее письмо от Тургенева:[1]

Москва, 29 апреля (11 мая) 1880 г.

Дорогой г. Лежэ,

Мне поручено Обществом любителей русской словесности пригласить Вас на торжество открытия памятника Пушкина, которое состоится 26 мая (7 июня) в Москве. Ваши известные симпатии к России позволяют нам надеяться, что Вы не отступите перед утомлением этого путешествия — и Вы не можете сомневаться в том горячем приеме, которым Вас встретит вся русская литература, объединенная в этот день вокруг этой великой личности, в том городе, где родился наш поэт. Будьте так любезны ответить без промедления по адресу председателя общества, г. Сергея Юрьева.

Примите уверения в моих лучших чувствах

Иван Тургенев.

P. S. Накануне 26-го в университете будет подготовительное заседание, на котором Вы, быть может, захотите присутствовать.

Адрес г. Юрьева: на углу Садовой и Мещанской, дом Пятницкой.

---

[1] Автограф этого письма И. С. Тургенева находится в библиотеке Чешского национального музея в Праге. Фотографическое воспроизведение этого документа любезно доставлено нам проф. В. А. Францевым. Подлинник по-французски.

Отношения между Францией и Россией были в этот момент как раз очень натянуты, ввиду отказа французского правительства в выдаче России «нигилиста» Гартмана. Это обстоятельство делало поездку Леже в Россию политически значительной. Что же касается самого приглашения, то для Леже как для поклонника Пушкина оно имело особую привлекательность. Леже мгновенно получил необходимое одобрение французского министерства народного просвещения и выехал в Россию. Надо было торопиться: от момента приглашения до чествования было всего пять-шесть дней. Прибыв за границу, Леже, однако, узнал, что спешка его была ни к чему. Смерть супруги Александра II, императрицы Марии Александровны, вызвала отсрочку чествования на неопределенное время. Особенно жалеть об этом Леже, однако, не приходилось. В Москве ему отвели помещение, как почетному гостю, в Лоскутной гостинице. Он оказался в ближайшем соседстве с Тургеневым и в самом центре литературного мира. По вечерам у Тургенева собирались для обсуждения предстоящих торжеств…

Наконец, к концу июня пришло разрешение открыть памятник. Состоялся прием у принца Ольденбургского, на котором Леже сказал по-французски маленькую приветственную речь, а затем и торжественное собрание Общества любителей русской словесности, где Леже произнес свое слово уже по-русски. Вот его текст:

«Посылая делегата на настоящее литературное торжество, министерство народного просвещения Французской республики хотело этим выразить и свою симпатию умственному движению России, и свое удивление вашему великому поэту. Имя Пушкина так же хорошо известно во Франции, как имена Байрона, Гёте, Манцони. Мы смотрим на Пушкина как на величайшего представителя русского народного гения и с гордостью можем припомнить имя одного из наших знаменитых писателей, Мериме, который наиболее содействовал распространению славы Пушкина в нашем отечестве. Мы чувствуем себя счастливыми, что настоящее торжество, к сожалению омраченное недавней вашей утратой,[2] нашедшей живой отголосок и во Франции, дает нам новый случай выразить то горячее неизменное сочувствие, с которым мы следим за судьбами России. В настоящее время во Франции существует целая группа людей, которая изучает произведения русских писателей с таким же живым интересом, с каким прежде изучались памятники литератур классических. Мм. гг.! От имени этой группы я обращаю к вам мое слово и смею вас уверить, что честь представлять французский народ в эту торжественную минуту останется одним из лучших воспоминаний моей жизни. Не нам, иностранцам, говорить в настоящем собрании о Пушкине: мы здесь затем, чтобы слушать вас, поучаться у вас, благодарить вас за радушный, искренно братский прием, который мы находим в России».

Одно сомнение было у Леже: можно ли в России, стране самодержавия, афишировать то обстоятельство, что он является представителем французской «республики». Некоторые излишне пугливые друзья Ле-

же предостерегали его от этого. Леже, конечно, их не послушался и, конечно, никаких трудностей его приветственное слово не вызвало. Речь его была покрыта громом аплодисментов и криками «спасибо». И было за что поблагодарить его: Леже был единственным иностранцем, откликнувшимся на русские приглашения! На следующий день состоялось открытие памятника при необыкновенном энтузиазме публики. Вечером был банкет, на котором опять выступал Леже. Любопытно, что одна из речей, произнесенная каким-то большим русским барином, отличалась таким акцентом, что некоторые из публики именно ее приняли за выступление представителя Франции! Сам Леже, по-видимому, в то время уже очень хорошо владел русской речью.

Желая укрепить первые ростки русско-французских связей, Леже запросил Париж о том, не следовало ли бы наградить некоторых представителей литературного и артистического мира академическими лаврами. Немедленно он получил ответ, уполномочивавший его наградить трех лиц по его выбору «palmes d'officier d'instruction publique». Кого было выбрать? Леже остановился на профессоре Тихонравове как представителе науки, на Юрьеве, редакторе «Русской мысли», как представителе печати и на Николае Рубинштейне как представителе артистического мира. Тургенев вполне одобрил этот выбор. Но возникла одна трудность. Как перевести замысловатое французское наименование? По совету Тургенева, было решено применить такую формулу: «Министр народного просвещения Французской Республики удостоил награждения знаками золотых лавров господина такого-то».

Уже по приезде во Францию через того же Тургенева Леже получил сообщение о награждении его орденом св. Анны. Русское правительство расквиталось с французским.

* * *

Второй эпизод, связанный с именем Луи Леже и относящийся опять-таки к чествованию Пушкина, является в некоторых отношениях еще более интересным. В нем показательно то, что здесь уже не было ничего официального. Взаимные симпатии России и Франции проявились тут с необыкновенной яркостью.

В августе 1897 года Луи Оливье, редактор журнала «La Revue Générale des Sciences», организовал экспедицию в прибалтийские страны и в Россию на специальном пароходе с образовательной целью. Эта экспедиция совпадала с посещением России президентом Феликсом Фором, с его ответным визитом государю, и члены ее должны были участвовать в петербургских празднествах, посвященных этому событию. Сам Леже был приглашен Оливье для того, чтобы прочесть несколько лекций на борту парохода.

---

[2] Смерть императрицы Марии Александровны.

Программа путешествия полностью не состоялась, ввиду запоздания в прибытии парохода в Петербург, но, по счастливой мысли Леже, группа французских экскурсантов, так сказать, отыгралась в Москве, которая, кстати сказать, оказалась вне торжеств, связанных с посещением Феликса Фора России и где могла встретить особое сочувствие всякая манифестация русско-французских симпатий.

Леже предложил своим коллегам торжественно возложить к подножию памятника Пушкина венок со следующей надписью «Les Français à Pouchkine,[3] 1897».

Мысль Леже вызвала общее согласие. Он тотчас отправился к обер-полицмейстеру для совершения необходимых формальностей. Там его встретили не только с готовностью (empressement), но и с благодарностью (reconnaissance). Леже получил от канцелярии следующий официальный документ, помеченный датой: «Августа, 18 дня» за № 31332.

«Канцелярия обер-полицмейстера имеет честь известить г-на профессора Леже, что, согласно его ходатайству, его Императорское Высочество Московский генерал-губернатор изволил разрешить ему, г. Леже, совместно с находящимися в Москве французами-туристами возложить завтра, 19 августа, в 10 часов утра, к подножию памятника поэта Пушкина венок и затем, в 3 часа дня, перевезти (в экипаже) этот венок в помещение Исторического музея.

Помощник управляющего канцелярией К. Рейтер».

На следующий день, в 10 ч. утра группа русско-французских экскурсантов, во главе с Леже, явилась к памятнику. Леже произнес речь на русском и французском языках и возложил венок на ступени памятника. Отряд пешей и конной полиции оцепил группу, чтобы охранить ее от окружавшей толпы. Леже обратился с просьбой к полицейскому офицеру допустить публику непосредственно к памятнику и, когда это было сделано, обратился к толпе с речью, объяснявшей смысл их визита в Россию и характер происходящей манифестации. Толпу обуял неистовый восторг. «Ce fût un délire», — пишет Леже в своих воспоминаниях. С криками «ура», «спасибо», «да здравствует Франция» русская толпа окружила французов. Пошли объятия, рукопожатия, поцелуи.

До 3 часов пополудни венок продолжал лежать у подножия памятника. В 3 часа французская делегация явилась вновь для перевезения его в Исторический музей. Когда она прибыла туда, ее ждала неожиданная торжественная встреча. На улице стояли войска с музыкой и приветствовали французов исполнением Марсельезы. Администрация музея в полном составе, в парадной форме встречала гостей. Начались горячие речи на русском и французском языках, и затем венок был помещен в музей на вечное хранение.

Так в те далекие дни утверждалась и крепла франко-русская дружба.

X. Y. Z.

---

[3] Пушкину от французов (*франц.*).

Н. М. МИНСКИЙ
<ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ>

Публикация С. А. Ипатовой

В библиографии мемуарной литературы о Тургеневе не зафиксирована небольшая по объему, но интересная по содержанию статья эпизодического знакомца писателя Н. М. Минского, включающая фрагменты воспоминаний. Наряду с уже опубликованными двумя отличающимися друг от друга вариантами воспоминаний Минского о Тургеневе,[1] она представляет собой прежде всего сопоставительный анализ творчества И. С. Тургенева и его великих современников — Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского и содержит немало тонких наблюдений. В то же время присутствующие в ней фрагменты мемуаров дают возможность сопоставить их с уже упомянутыми мемуарными очерками гораздо более позднего происхождения.

Обнаруженная в Рукописном отделе Института русской литературы в архиве З. А. Венгеровой и Н. М. Минского (Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 46) статья, а вероятнее всего текст выступления или лекции Минского представляет собой 6 машинописных страниц без заглавия и даты. При обработке архива статья получила условное заглавие «О Тургеневе, Толстом и Достоевском», что соответствует содержанию статьи лишь отчасти. Речь в статье идет прежде всего о Тургеневе и, как можно судить по некоторым деталям, она была написана в связи с каким-то юбилеем писателя.

---

[1] Первый — «Три часа у И. С. Тургенева» был напечатан автором в 1921 г. в парижской газете «Последние новости» (№ 215 от 2 января) и не так давно републикован в России (Литературное обозрение. 1993. № 11. С. 11—13 / Публ. и коммент. В. А. Александрова). Второй — неизвестный ранее мемуарный очерк Минского «Встреча с Тургеневым (Страница воспоминаний)» — был написан им в Лондоне в декабре 1931 г. для большевистского альманаха «Звенья», но по неизвестной причине не был напечатан. По предположению первого публикатора очерка С. В. Сапожкова, «формальной причиной отказа, вероятно, стала отрицательная рецензия Н. Анциферова, уличившего Минского в некоторых фактических ошибках <...> и оставшегося недовольным общим „впечатлением недостойных сплетен", которое якобы, по его мнению, производят „многие сообщения Минского"» (Штрихи к портрету «странного Тургенева»: Неопубликованный мемуарный очерк Н. М. Минского / Вступит. заметка, публ. и коммент. С. Сапожкова // Новое литературное обозрение. 2005. № 72. С. 11). С. Сапожков сообщает также еще об одной статье Минского о Тургеневе, переведенной Марией Бессмертных на немецкий язык и напечатанной за рубежом, но считает ее «сокращенным и несколько видоизмененным» вариантом опубликованного им очерка (Там же). Газетная вырезка этого перевода хранится в *РГАЛИ* (См.: Штрихи к портрету... С. 11).

Прежде чем поставить вопрос о датировке публикуемой рукописи, необходимо напомнить некоторые факты биографии ее автора.

Николай Максимович Минский (Виленкин; 1856—1937) — довольно заметная фигура в литературной жизни последней трети XIX столетия.[2] Поэт, чьи первые опыты заслужили одобрение таких писателей, как И. А. Гончаров и И. С. Тургенев, оригинальный философ и создатель теории «меонизма» — разновидности религиозного обновленчества, драматург, публицист, переводчик, Н. Минский считается одним из зачинателей русского символизма. Выходец из бедной еврейской семьи, в 1875 году он окончил минскую гимназию, а с 1875 по 1879 год учился на юридическом факультете Петербургского университета (получив степень кандидата права). Быстро освоившись в литературных кругах Петербурга, Минский стал постоянным посетителем многочисленных литературных собраний и салонов, привлекая внимание как несомненным дарованием, так и нередко весьма эксцентрическим поведением. Творческий путь Минского был неровным: от народнических идеалов он отказывался в пользу «эстетизма», от эстетизма столь же резко поворачивал чуть не к марксизму и т. д. Оказавшись надолго в эмиграции из-за публикации в социал-демократической газете «Новая жизнь» знаменитого «Гимна рабочих» («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»; 1905), он в 1914 году ненадолго вернулся на родину, но вскоре вновь оказался за границей и окончил свои дни в Париже забытым и выключенным из русской литературно-общественной жизни.

Литературная деятельность Минского началась в 1876 году. Историю его первой публикации излагает Ф. Ф. Фидлер в своих дневниковых записях. Согласно Фидлеру, ввел Минского в литературу С. А. Венгеров, работавший тогда в газете «Новое время». Начинающий поэт передал ему свое стихотворение «Сон славянина», которое появилось в печати «по настоянию Венгерова».[3] На раннюю поэзию Минского оказали влияние народнические идеи и, как полагал он сам, традиции гражданской лирики Н. А. Некрасова и А. Н. Плещеева.[4] Дебют молодого поэта в солидном «Вестнике Европы» (1877. № 1) состоялся при участии того же Венгерова, передавшего поэму «На родине» Е. И. Утину, а тот, в свою очередь, И. А. Гончарову, который оценил ее очень высоко и рекомендовал издателю журнала М. М. Стасюлевичу.[5]

В 1883 году дебютный сборник «Стихотворений» Минского подвергся жесткой цензурной расправе — весь отпечатанный тираж книги полностью был сожжен, против автора возбудили политическое дело, однако в связи с выходом манифеста по случаю коронации Александра III дело было закрыто. Из заключения министра внутренних дел графа Д. А. Толстого: «Таким образом, в форме как бы и общей поэзии, довольно умело и талантливо отделанной, — автор избрал однако особое содержание для нее, именно: проповедь революционных идей и прославление анархистов, подвергшихся уголовной каре за свои тяжкие преступления, причем краски народного угнетения и горя столь тенденциозно подобраны, что в общем производят удручающее впечатление на читателя, возбуждая в нем болезненно-безотрадные думы о родине <...>».[6]

---

[2] См.: *Чанцев А. В.* Минский Н. М. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 2000. Т. 4. С. 79—84.

[3] См.: *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеры и суждения / Изд. подготовил К. Азадовский. М., 2008. С. 466 (Сер. «Россия в мемуарах»).

[4] *Чанцев А. В.* Минский Н. М. С. 79.

[5] См.: *Венгеров С. А.* Русская литература XX века (1890—1910): В 3 т. М., 1914. Т. 1. С. 358; *Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 466—467.

[6] Зд. и далее цит. по: *Минский Н., Добролюбов А.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подготовка текста и примеч. С. В. Сапожкова (*Н. Минский*) и А. А. Кобринского (*А. Добролюбов*). СПб., 2005. С. 328 (Сер. «Новая библиотека поэта»). Далее сокращенно:

В первом номере нелегальной газеты «Народная воля» (1879. 1 октября. № 1) Минский анонимно опубликовал поэму «Последняя исповедь. Посвящается казненным», сюжет которой вдохновил И. Е. Репина на картину «Отказ от исповеди» (1879—1885). Как полагает И. С. Зильберштейн, знакомство Минского и Репина состоялось в конце 1885 года. Репин узнал, что «так сильно взволновавшее» его произведение принадлежит Минскому, подарил картину поэту, у которого в 1892 году, по настоянию В. В. Стасова, она была приобретена П. М. Третьяковым. Во второй половине 1880-х годов Минский регулярно посещал репинские «четверги». Репину принадлежит карандашный портрет поэта, выполненный в 1888 году. «Холсты его, — писал Минский в статье, посвященной выставке работ Репина и его учеников, — представляют из себя страницы нашей истории, не менее живые и талантливые, чем роман Тургенева».[7]

Таким образом, в начале своей литературной деятельности Минский заводит контакты не только с либерально-демократической прессой, к примеру, с «Вестником Европы», с которым будет сотрудничать на протяжении пятнадцати лет в качестве «штатного» поэта, но и с изданиями народовольцев. Подобные опыты «идейного самоопределения между леворадикальной и умеренной общественно-политическими группами русской интеллигенции», по мнению исследователя, «весьма показательны для мировоззренческой платформы раннего Минского. <...> народническим идеалам он пытается найти „либеральное" истолкование, придать народолюбию русской интеллигенции не экономический, а глубоко духовный смысл».[8]

1884 годом датируется переход Минского на позиции «чистого искусства», после чего он начал позиционировать себя одним из зачинателей «нового искусства». Позже Минский становится известен как автор нашумевшего трактата «При свете совести: Мысли и мечты о смысле жизни» (СПб., 1890) — его основного философского произведения. С 1895 года становится ближайшим сотрудником «Северного вестника» (а одно время — секретарем редакции) — первого органа русских декадентов.

В декабре 1889 года Л. Н. Толстой в письме к В. Г. Черткову так оценивал философское и поэтическое творчество Минского: «Нынче я кончил читать книгу Минского „При свете совести". Это замечательная книга. Первая часть необыкновенно сильна, и там есть много мест поразительных по силе, искренности и красоте выражения. Я чувствую кроме того родственность взглядов с собою. — Но конец о меонах это что-то ужасное по нелепости. Хорошо бы познакомиться с Минским, если он в Петербурге, вам и Ив<ану> Ив<ановичу>. Он известный и прекрасный поэт. Его есть чудесные вещи. Мне кажется, что ему можно бы помочь. Разумеется, для этого первое и главное уважение и любовь к нему, к<оторые> он заслуживает не только как всякий человек, но как человек с горячим сердцем и глубоким умом. — Он должно быть страшно самолюбив. <...> А человек это необычайной силы. <...> Напишите мне все, что узнаете о Минском».[9]

В ответном письме от 7 января 1890 года Чертков писал Толстому: «Минского книгу я читаю. Когда кончу ее, то навещу Минского, которого я знаю. Я даже несколько лет тому назад <...> очень горячо спорил с ним о нашем понимании жизни. Он <...> действительно самолюбив до противности. С тех пор как мне говорили, он очень внимательно слушал чтение вашей книги „О жизни", под влиянием кото-

---

Минский. История цензурного провала сборника подробно изложена в комментариях к указанному изданию (С. 326—329).

[7] Подробнее об этом см.: *Зильберштейн И.* История одного шедевра // Новый мир. 1950. № 9. С. 213—215.

[8] *Сапожков С.* Поэзия и судьба Николая Минского // *Минский.* С. 9.

[9] *Толстой.* Т. 86. С. 284.

рой он, по-видимому, и начал эту свою книгу. Изложение, действительно, великолепное, и мысли часто меткие».[10]

Любопытно сравнить отзыв Толстого с более поздними скептическими высказываниями о ранней поэзии Минского, принадлежащими В. Я. Брюсову, Д. В. Философову, А. Блоку, критику П. Пильскому. Брюсов в рецензии на 4 издание Полного собрания стихотворений Минского в 4 томах (СПб., 1907) писал: Минский — ученик С. Надсона, а у него и «его учеников размер стихов не имел никакого отношения к их содержанию; рифмы брались первые попавшиеся». Их язык «невыработанный» и «пестрый», а характерными чертами такой «отжившей» поэзии, в отличие от «близких нам» стихов А. Фета и Пушкина, являются «шаблонные эпитеты, скудный выбор образов, вялость и растянутость речи». Минский «в свое время, очень точно усвоил себе все недостатки надсоновской манеры, усугубив их еще <...> плохим знанием русского языка. Пересказывать в рифмованных строчках банальные общие места — вот что Минский в течение десяти лет считал делом поэта, и это дело выполнял он с истинным рвением».[11]

По мнению Блока, «много в языке Минского уловимо и неуловимо нерусских выражений».[12] Более категорически высказывался П. Пильский: «Минский не поэт, никогда им не был и, конечно, теперь уже (1909 год. — *С. И.*) никогда им не будет. <...> Минский не владеет стихом. <...> Слово ускользало у него из-под пера, а его лексикон был всегда бедным и ординарным».[13]

В 1910 году между Философовым и Минским завязалась полемика на страницах газеты «Русское слово». Анализируя пьесу Минского «Малый соблазн», Философов высказал мнение, что автор, живший долго за границей,[14] «совершенно разучился писать по-русски» и пренебрегает простейшими правилами грамотного использования глагольных форм».[15] В ответном письме в редакцию «В защиту русского языка» Минский упрекал рецензента за излишне прямолинейное восприятие произведения, в котором он пытался достичь особой языковой выразительности. В том же номере газеты эту статью сопровождал ответ Философова: «...по совести говоря, Минский не опроверг, а подтвердил предъявленное ему обвинение».[16]

Наряду с Д. С. Мережковским, Ф. Сологубом, З. Гиппиус и К. Бальмонтом в 1890-х годах Минский воспринимался как сторонник «новой поэзии» и проповедник «новой морали». В 1905 году он сблизился с большевиками (социал-демократами). По совету М. Горького, осенью этого года предоставил большевикам имеющееся у него право на издание газеты.[17] С 27 октября начала выходить первая легальная газета большевиков «Новая жизнь», редактором-издателем которой чис-

---

[10] Там же. С. 287—288.

[11] *Брюсов В. Я.* Н. Минский: Опыт характеристики // Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1975. Т. 6. С. 235—236. Интересен тот факт, что примеры неудачных поэтических образов, приведенные Брюсовым, были отмечены и Тургеневым в письме к М. М. Стасюлевичу от 5 (17) ноября 1879 г. См. сноски 29,33, 36.

[12] *Блок А. А.* Письма о поэзии. 1. «Холодные слова» (1908) // Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 281.

[13] *Пильский П.* Критические статьи. СПб., 1910. Т. 1. С. 62—65.

[14] Минский эмигрировал в декабре 1905, а вернулся в марте 1914 г. Полемика с Философовым велась им из-за границы.

[15] Русское слово. 1910. 2 июля. № 150. С. 3.

[16] Там же. 23 июля. № 168. С. 4.

[17] По свидетельству Ф. Ф. Фидлера, Минский, «получив официальное разрешение на издание газеты (она вышла под названием «Новая Жизнь»), хотел продать его партии социалистов-революционеров, но уступил все же партии социал-демократов, потому что те предложили ему на полторы тысячи больше» (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов. С. 420—421).

лился Минский. Именно здесь он опубликовал получившее огромную популярность в тогдашнем Петербурге стихотворение «Гимн рабочих»:

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Наша сила, наша воля, наша власть.
В бой последний, как на праздник, снаряжайтесь.
Кто не с нами, тот наш враг, тот должен пасть. <...>
Мир возникнет из развалин, из пожарищ,
Нашей кровью искупленный новый мир.
Кто работник, к нам за стол! Сюда, товарищ!
Кто хозяин, с места прочь! Оставь наш пир! <...>

В статьях, помещенных в первых номерах «Новой жизни», Минский пытался синтезировать социал-демократизм и мистицизм. В ноябре 1905 года Ленин на совещании большевистской части редакции газеты потребовал, по свидетельству присутствовавшего там В. А. Десницкого, «ликвидации поэта Минского как члена редакции».[18]

В заметках о Петербурге 1904—1905 годов З. Гиппиус скептически вспоминала о политической деятельности Минского в этот период: «И многих удивила поспешность, с какой Н. Минский, довольно известный в свое время „поэт", кинулся прямо к социал-демократам (большевикам), стал даже подписывать газету Ленина. Но этот умный, — более умный, нежели талантливый, — стихотворец-философ <...> страдал всю жизнь каким-то странным беспокойством, где ни почуется ему „последний крик времени", туда, не разбирая, он и кинется. „Гражданский" поэт 70-х годов — в конце века он уже старается „декаденить"; в Рел<игиозных> собраниях защищает „мистическую розу на груди церкви"; соблазнился, было, эллинизмом и хороводами в кружке Вяч. Иванова; но вот — социал-демократы; он „вполне сошелся с ними", — им нужна философская „надстройка"; эту надстройку, „мэоническую", он и будет производить в газете. Однако после двух социал-мэонических фельетонов, Минский в газете перестал появляться; кружку Ленина довольно было надстроек. Не помогали и постоянные выступления Минского, на всех эстрадах, с новым стихотворением, которое так и начиналось:

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!.."

Кончилось же это совсем плохо: едва пошли разгромы — новые друзья „поэта" скрылись, а он, „редактор", к ужасу своему, попал в крепость. Выпущенный под залог, усердием друзей старых, — убежал за границу и превратился — нежданно-негаданно, безвинно и бессмысленно, в вечного эмигранта».[19]

В том же регистре рассуждал об эмигрантском периоде жизни Минского Д. В. Философов в статье «История одного легкомыслия»: «Человек, поставивший на карту все свое духовное состояние для того, чтобы приобрести аудиторию и войти в общественность, проиграл все и ввергся в полное и безнадежное одиночество, обрек себя на бездомное скитание на чужбине, не вознаграждаемое даже сочувствием солидарных с ним людей».[20] Андрей Белый в своих воспоминаниях с иронией

---

[18] *Десницкий В.* В. И. Ленин и М. Горький // Десницкий В. М. Горький: Очерки жизни и творчества. Л., 1935. С. 58.

[19] *Гиппиус З.* Слова и люди (Заметки о Петербурге в 1904—1905 гг.) // Гиппиус З. Н. Арифметика любви: Неизвестная проза 1931—1939 годов. СПб., 2003. С. 422. «Впоследствии, — пишет Гиппиус в сноске, — сам автор не спорил, что стихотворение это как стихотворение — помимо всего прочего, — ужасно. Но признавался, что в те времена на все был готов, „хоть плясать" перед аудиторией» (Там же).

[20] *Философов Д. В.* История одного легкомыслия // Наша жизнь. 1906. 30 марта. № 407. С. 2.

откомментировал этот эпизод биографии поэта, считавшего себя родоначальником русского символизма:[21] «Минский, считавший отцом символизма себя, мне годился в отцы; он себя объявил социал-демократом; газету „Начало", где Ленин писал, редактировал несколько дней». И далее Белый описал Минского, жившего в эмиграции в Париже: «...не пристало отцу декадентов, входившему в возрасты „деда", вникать в непотребства; разврат смаковал, точно книгу о нем он писал; с потиранье-ем ладошек».[22]

Особое отношение Минского к И. С. Тургеневу было вызвано тем, что известный писатель очень рано обратил внимание на стихи начинающего поэта и даже высказал несколько замечаний. Постоянный автор и читатель «Вестника Европы», состоявший в дружеской переписке с его издателем, Тургенев принял участие в судьбе Минского и впоследствии даже познакомился с ним лично. В февральской книжке «Вестника Европы» за 1877 год (С. 678—683) был опубликован цикл стихотворений Минского, побудивший И. С. Тургенева в письме Стасюлевичу из Парижа от 6 (18) февраля 1877 года тепло отозваться о таланте поэта и высказать некоторые замечания по поводу стихотворений «Корабль» и «Минул тяжелый день...»: «У г. Минского (настоящее имя?) есть несомненные искры таланта — но надо ему еще потрудиться над формой. Что такое: „*мелкое* ярмо"?[23] И как могут в *корабле* „кипеть гордые думы"?[24] Но в каждом стихотворении есть *зерно*; это главное... И есть общая звучность, хотя еще нет отдельных красивых звуков — нет истинно поэтических эпитетов. Но всё это может прийти».[25] Судя по всему, начинающий поэт прислушался к голосу маститого писателя. Во всяком случае, он не включил ни одно, ни другое стихотворение в последующие сборники.

Поэма Минского «Белые ночи», опубликованная два года спустя (*ВЕ*. 1879. № 11), снова обратила на себя внимание Тургенева, который дал развернутый отзыв о новой публикации, что уже само по себе свидетельствовало в пользу молодого дарования. Минский и на этот раз прислушался к голосу своего неожиданного критика. В первом своем поэтическом сборнике 1883 года он во многом учел замечания писателя. В письме к Стасюлевичу от 5 (17) ноября 1879 года Тургенев писал из Буживаля: «Ноябрьский № „Вестника Европы" пришел сегодня утром — и я первым делом прочел „Белые ночи". Нет никакого сомнения, что Минский настоящий, своеобразный талант: насколько в нем разовьется его сила, это покажет будущее. Как старый словесник, позволяю себе сделать следующие замечания. (Некоторые могут показаться мелочными — но в деле поэзии надо, чтобы, как говорится, не было ни сучка ни задоринки.)

В „*1-й ночи*" (которая вообще прелестна) не понравился мне 13-й стих: коли лучи „*мерцают*", то как же они могут „*играть прихотливо*". Неточно.[26]

Во „*2-й ночи*" <...> „от черты твоей всякой" — очень прозаично.[27] <...> „*высокая* жертва *ничтожного* века"... выражение фёльетонное: фразисто и опять неточ-

---

[21] См.: *Минц З. Г.* Статья Н. Минского «Старинный спор» и ее место в становлении русского символизма // Биография и творчество в русской культуре начала XX века. Блоковский сборник IX. Памяти Д. Е. Максимова. Тарту, 1989. С. 44—57.

[22] *Белый А.* Между двух революций / Подготовка текста и коммент. А. В. Лаврова. М., 1990. С. 145, 158.

[23] У Минского: «Минул тяжелый день — и ночь сошла с небес. / Прочь, мелкое ярмо заботы и страданий!» (*Минский*. С. 289).

[24] У Минского: «В нем думы гордые кипели» (*ВЕ*. 1877. № 2 (Февраль). С. 678).

[25] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 1. С. 89; см. также с. 544.

[26] У Минского осталось без изменений: «Нет блеска в цветах. Все слились переливы. / Лучи не мерцают игрой прихотливой <...>» (*Минский*. С. 110).

[27] У Минского осталось без изменений: «Чем-то веяло детским и строго стыдливым / От черты твоей всякой: ты искренен был» (Там же. С. 112).

но.[28] В конце „2-й ночи": „*преддверьи*" и „*потери*" — хромая рифма.[29] У Пушкина таких не найдешь. Также и в „3-й ночи": „*бледная*" и „*беззаветная*".[30]

В „4-й ночи" — не лезет мне в горло дождь, „*мощный, как судьба*" (Да еще „*серый*, как могила". Что за *серая* могила? — *Примеч. Тургенева*).[31] В 3-й строфе — „*вéртятся*" вм.: „*вертя́тся*".[32] В последней строфе опять хромая рифма: „*пищей*" и „*жилища*" — и что такое: *пища* грома?[33]

В „5-й ночи" <…> — „гнездо" является „*нарушенным*". Очень что-то странно.[34] Также <…>: „богиня страдает *обильно*" (?).[35]

Но всё же — „ubi plura nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis" — и я от души приветствую этот новый симпатический талант — и желаю ему всяческого преуспеяния».[36]

Сочувственный отклик Тургенева на поэму был подготовлен отзывом из письма Стасюлевича, в ответ на которое Тургенев писал: «С нетерпением ожидаю прибытия ноябрьского № „Вестника Европы": отличные стихи в наше время — да это именно то, что французы называют un merle blanc!».[37]

Согласно комментарию к письму, критические замечания, высказанные Тургеневым по поводу «Белых ночей», Стасюлевич, по всей вероятности, сообщил Минскому: характерная авторская правка, которой подверглась поэма при переиздании,

---

[28] В *ВЕ* было: «И ты умер, товарищ, любя человека, / Пал высокою жертвой ничтожного века» (1879. № 11. С. 275). В сборнике 1887 г. Минский доработал указанный стих: «Пал незлобивой жертвою злобного века» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 18).

[29] В *ВЕ* было: «Пойдешь вправо — жди совести тяжкой потери, / Пойдешь прямо — съедят тебя лютые звери, / А налево пойдешь — станешь зверем ты сам… / — И заснуть о, друзья, предпочел я в преддверьи…» (1879. № 11. С. 276). Минский оставил это замечание без внимания.

[30] В сб. 1883 г. Минский внес поправку: «Кто она? Чья она? Добрая, бледная, / С ласковой скорбью на тонких устах, / Светит-лучится любовь *всепобедная* / В девственно-скромных глазах» (*Минский*. С. 113. Выделено мною. — *С. И.*).

[31] В *ВЕ* было: «Льется, льется дождик медленно и ровно, / <…> Серый, как могила, мощный, как судьба» (1879. № 11. С. 277). В сб. 1883 г. Минский внес исправление в ст. 3: «Тихий, как могила, мощный, как судьба» (*Минский.* С. 114). Впоследствии он еще раз вернулся к этому стиху: в издании 1887 г. читаем: «Долгий, как изгнанье, мощный, как судьба» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 84).

[32] В исправленном Минским тексте сб. 1883 г.: «Праздные вопросы *тянутся* лениво» (*Минский.* С. 114. Выделено мною. — *С. И.*).

[33] У Минского было: «Знаю, гром ударит и в людей жилища, / Может, сам я первый стану грома пищей…» (*ВЕ*. 1879. № 11. С. 278). В сборнике 1883 г. Минский полностью исключил последний катрен, но в следующем сборнике 1887 г. восстановил в исправленном виде: «Знаю: гром ударит и в мое жилище, / Может быть, я первый стану грома пищей…» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 85. См. также: *Минский*. С. 335).

[34] В *ВЕ* было: «Над каждым, чуть нарушенным гнездом?» (1879. № 11. С. 278). В сб. 1883 г. Минский исправил: «Над каждым чуть *порушенным* гнездом?» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1883. С. 65. — Выделено мною. — *С. И.*). В исправленном тексте сборника 1887 г.: «Над каждым чуть затронутым гнездом?» (*Минский Н. М.* Стихотворения. СПб., 1887. С. 86. См.: *Минский.* С. 336).

[35] Это замечание не было учтено: «Да, кротостью в те дни любовь моя была. / Богиней ласковой и страждущей обильно <…>» (*Минский.* С. 116).

[36] *ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 170—171. В публикации допущена ошибка в прочтении: вместо «жилище» следует читать «жилища». «Когда в общем стихотворение прекрасно, я прощаю кое-какие недостатки» — *лат.*

[37] Там же. С. 158, 493. Коммент. А. И. Батюто. Буквально: «белый скворец»; здесь: «диковинка» — *франц.*

свидетельствует о знакомстве поэта с тонкими, дельными замечаниями писателя. В целом, о том, насколько внимательно отнесся Минский к правке Тургенева, свидетельствует тот факт, что уже в сборнике 1883 года поэт учел 7 из 12 замечаниям. Более того, в следующем сборнике (1887 года) он вновь вернулся к тургеневским поправкам.[38]

В архиве М. М. Стасюлевича сохранились неопубликованные письма Минского к издателю «Вестника Европы», в которых он благодарит Стасюлевича за какие-то высказанные замечания и в свое оправдание приводит веские аргументы: «Весьма благодарен Вам за замечания. С самого детства, благодаря некоторым польским наставникам и знакомым, я несколько слов употребляю неправильно до сих пор, несмотря на то, что неоднократно был поправляем. Таким образом, в одно из прошлогодних моих стихотворений слово „вспоминать" попало вместо слова „напоминать", о чем вскоре мне напомнили в какой-то газете».[39] «Весьма благодарен Вам за то, что Вы дали мне возможность поправить некоторые неточности в стих<отворении> „Статуя". Если Вы намерены поместить вместе с ним еще некоторые стихотворения <...> может быть, и в них придется сделать кой-какие поправки».[40]

Любопытно, что в очерке «Встреча с Тургеневым» Минский приводит самокритичное высказывание Тургенева о своем знании русского языка, якобы произнесенное им в беседе с ним: «Теории русского языка я не знаю, — продолжал распространяться Тургенев на эту свою любимую тему. — Я, кажется, пишу не дурно по-русски, а до сих пор (кокетничал он) не отличаю там наречий от причастия».[41] Возможно, тема беседы была продолжением суждений Тургенева по поводу стиля своего собеседника, и в связи с этим писатель сделал подобное признание, чтобы как-то смягчить свои замечания.

Согласно протоколу заседания Главного управления по делам печати от 30 октября 1879 года, за публикацию поэмы «Белые ночи» «Вестнику Европы» было вынесено частное определение: журнал «печатает иногда такие статьи, которые в настоящее время могут быть толкуемы в дурном смысле»; заключительные строки «ночи пятой», «в которых обрисовывается картина народного восстания, могут на-

---

[38] Там же. С. 500—501. Как установил С. В. Сапожков, Батюто «в своих выводах опирался только на текст поэмы в редакции» 1896 г., «почему-то оставив без внимания более ранние редакции», в то время как согласно редакции 1883 г. «из всех замечаний Тургенева Минский учел только ту часть, которая касалась „Ночи четвертой" <...> а также исключение последнего катрена, в котором Тургеневу не понравилась строчка „...я первый стану грома пищей". <...> К остальным советам Тургенева («неточные» и «прозаичные» фразы, «хромые» рифмы и т. п.) Минский не прислушался» (*Минский*. С. 337). Стоит отметить, что обращение комментатора письма Тургенева к более позднему сборнику могло быть обусловлено желанием подвести итог процессу доработки Минским «Белых ночей» по замечаниям Тургенева, поскольку поэт возвращался к этим замечаниям и позднее. Кстати, С. Сапожковым в его текстологическом комментарии не отмечена правка в ст. 147—148 «Ночи третьей», на что было указано А. И. Батюто (рифма «бледная» / «всепобедная» вместо «бледная» / «беззаветная»). Эта правка была также сделана по замечаниям Тургенева. Не учел исследователь и правку в «Ночи пятой»:: «нарушенным» / «порушенным». Вряд ли также можно согласиться с утверждением С. В. Сапожкова, что «пропуск строк 12—13» в «Ночи первой» объясняется, «вероятно, ошибкой наборщика» (*Минский*. С. 335). Гораздо более вероятно, что эти стихи были исключены по замечаниям Тургенева, подвергшего критике ст. 13 (см. выше). Важно и то, что Минский помнил о словах Тургенева и в следующих сборниках продолжил дорабатывать стихи.

[39] *РО ИРЛИ*. Ф. 293. Оп. 1. Ед. хр. 331. Л. 2. Письмо от 6 марта 1878 г.

[40] Там же. Л. 1. Письмо от 13 января 1877 г.

[41] *Минский Н.* Встреча с Тургеневым. С. 23.

вести читателя на мысль, что современное наше положение способно привести к подобному результату».[42]

Во всех трех очерках Минского говорится о посещении им Тургенева в Буживале и Париже, однако датируется этот визит автором разноречиво: «летом 1881 года» («Три часа у Тургенева». С. 11), «летом 1880 года» («Встреча с Тургеневым». С. 19), «незадолго до смерти Тургенева» (публикуемая статья). Известно, что Минский принял участие в одном из литературно-музыкальных вечеров Общества взаимного вспоможения и благотворительности русских художников в Париже, на котором присутствовал приглашенный Тургеневым знаменитый эмигрант П. Л. Лавров и где сам писатель должен был прочесть отрывок из нового произведения И. Я. Павловского, участника процесса 193-х, автора очерка «В одиночном заключении: Впечатления нигилиста», незадолго до этого вечера опубликованного на французском языке (в пер. А. Н. Луканиной) с предисловием и послесловием Тургенева.[43] На этом вечере Минский прочел два своих гражданских стихотворения.

Тургенев, секретарь Общества, был инициатором этого заседания, состоявшегося 2 (14) февраля 1881 года, но по причине болезни присутствовать не смог. Накануне утром он сообщил о своей болезни в письме к помощнику секретаря Общества художнику Н. Э. Саксу. В самом начале вечера Сакс зачитал перед публикой извинительное письмо Тургенева. На этот вечер был приглашен и Минский. Сохранилась визитная карточка Минского, адресованная Саксу, в которой он просит провести на вечер своих знакомых.[44]

Таким образом, посещение Минским Тургенева должно было, судя по всему, произойти накануне этого литературно-музыкального вечера. Факт их едва ли близкого знакомства подтверждается сведениями о том, что при посещении писателя Минский представил ему рекомендательное письмо от Стасюлевича.

Сохранилось несколько воспоминаний об этом скандальном вечере. После выступлений скрипача А. Д. Бродского, учениц Полины Виардо, чтения самого И. Я. Павловского вышел Минский и начал со стихотворения «Две ступени» (в сборнике 1883 озаглавленного «Казнь жирондиста», с подзаголовком «К картине К. Мюллера в Люксембургском музее»), в котором повествовалось о казни революционера. Публика пришла в замешательство, но аплодировала. Демонстративно встал и покинул зал барон Л. А. Фредерикс, русский военный агент. Чтение Минским «Казни жирондиста», по воспоминаниям писательницы А. Н. Луканиной, произвело скандальное впечатление.[45] Далее Минский прочел второе стихотворение, по выражению П. А. Сергеенко, еще более «жупельного» содержания. Фешенебельная публика спешно покидала зал.[46]

Председатель Общества художник-маринист А. П. Боголюбов оставил воспоминания о так называемой «лавровской истории» и об участии в ней Минского:

---

[42] Цит. по: *Минский*. С. 336.

[43] См. *Драффен К. К.* Скандал, который удалось замять // Панорама искусств. М., 1980. Вып. 3. С. 311. По воспоминаниям А. П. Боголюбова, Тургенев собирался читать свой новый рассказ (*Боголюбов А. П.* Из «Записок моряка-художника» // Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 344).

[44] Российский фонд культуры (Москва). Альбом «Оригинальные рисунки различных художников. Автографы» (Ед. хр. 8866). Благодарю В. А. Клейста, предоставившего мне эти сведения.

[45] *А. Л. <Луканина А. Н.>* Мое знакомство с Тургеневым // Северный вестник. 1887. № 3. С. 78.

[46] См. *Драффен К. К.* Скандал, который удалось замять. С. 313. См также: *Хин Р. М.* Глава из неизданных записок // Под знаменем науки: Юбилейный сб. в честь Н. И. Стороженка. М., 1902. С. 378—383; *Гитлиц Е. А.* Тургенев и «лавровская история» // *Т Сб.* Вып. 4. С. 272.

«Ну, вот началось чтение. Вышел поэт, еврей-прохвост, и заместо стихотворения о луне и ночной росе прочел, как Каракозова вели на виселицу и его думы. Я ахнул! Подхожу к нему и говорю: „Вы поступили против программы. Это очень может дурно отразиться на Обществе нашем, цель которого мир, но не революция". Он побледнел, взял шляпу и ушел сейчас же, сказав что-то Лаврову, который, в свою очередь, встал и гордо вышел».[47] По воспоминаниям свидетеля этой сцены П. А. Сергеенко, Боголюбов походил на «разгневанного Юпитера.

— Как попал к нам этот стихотворец?! Кто мог порекомендовать его в члены нашего общества?!». Оказалось, что Минский был рекомендован казначеем общества банкиром бароном Г. О. Гинцбургом,[48] с которым Минский в этот период проживал в Париже в качестве учителя его детей. Тургеневу «хотя и с трудом, удалось отстоять существование клуба».[49]

Некоторые биографические факты из жизни Тургенева, описанные Минским в очерках 1921 и 1931 годов, вполне достоверны и подтверждаются другими свидетельствами, включаясь, таким образом, в ряд имевших место событий, а не вымыслов. Однако есть в воспоминаниях Минского эпизоды, которые, вероятно, следует квалифицировать как устойчивые мифологические сюжеты, то есть биографические анекдоты, сопутствующие большинству известных писателей, то, что подпадало в разряд, по определению Анциферова, «недостойных сплетен». И Тургенев не стал исключением в этой сложившейся традиции. По мнению исследователя биографии и творчества Минского С. В. Сапожкова, Тургенев испытывал «пристрастие» к рассказыванию литературных анекдотов о жизни известных отечественных и зарубежных литераторов, суждения о которых «черпал» из массовой рецепции. Минский, полагает исследователь, «добросовестно» фиксирует во «Встрече с Тургеневым» такого рода анекдоты, отмечая эту склонность как черту «творческой психологии Тургенева», подтверждаемую свидетельствами других мемуаристов. Однако приведенное исследователем единственное высказывание П. В. Анненкова о «наклонности» писателя к «поэтической лжи» нельзя расценивать как многочисленные свидетельства мемуаристов, к тому же едва ли под поэтической ложью Анненков имел в виду сплетни и слухи. Так называемые мемуарные очерки Минского о Тургеневе и 1921 года, и 1931 года полны неувязок, логических и фактических несообразностей. Требуется тщательный научный комментарий, если есть желание объективировать воспроизводимые пикантные эпизоды.

Так, наряду с известными фактами творческой биографии Тургенева, заслуживает внимания свидетельство о неосуществленном замысле Тургенева романа «Самист», приведенное во всех трех очерках Минского. В то же время Минский настойчиво повествует о факте своего знакомства с Достоевским, не зафиксированном, однако, ни одним из имеющихся биографических источников. В обоих текстах опубликованных воспоминаний Минский пишет, что был представлен Достоевскому именно Тургеневым на обеде в Петербурге, устроенном «с целью примирения» обоих писателей. Вот как выглядит этот эпизод в очерке 1921 года: «…в антракте <…> оба великих писателя отошли в сторону и, усевшись в коридоре на подоконнике, мирно беседовали между собою. Я случайно прошел мимо. Тургенев подозвал меня и представил Достоевскому, который сказал мне несколько обычных в таких случаях одобрительных слов. Тогда эти слова прозвучали для меня, как будто их произнес голос с неба».

Через десять лет в передаче Минского эта же сцена обросла новыми беллетристическими подробностями: «…на знаменитом обеде, который был устроен Тургеневу с целью примирения с Достоевским. За закусочным столом они стояли рядом.

---

[47] *Боголюбов А. П.* Из «Записок моряка-художника». С. 345.

[48] *<Сергеенко П. А>*. Из прошлого. Литературный вечер в Париже // Русское слово. 1908. № 16. 19 янв. (1 февр.). С. 2 (Подп.: Старый литератор).

[49] Штрихи к портрету… С. 23.

Тургенев не прикасался к закускам. Достоевский же, к общему удивлению, налил в стаканчик чистого абсента и одним духом выпил. После обеда Тургенев и Достоевский ушли вдвоем в коридор, где сели на подоконник и беседовали. Я случайно прошел мимо. Тургенев подозвал меня и представил Достоевскому как молодого поэта. Достоевский пожал мне руку и пробормотал: „Хорошо. Хорошо. Пишите. Работайте"».[50] Как справедливо отмечено С. В. Сапожковым, Минский ошибся в дате этой встречи, указав «осень 1880 года». Речь шла, скорее всего, об обеде, состоявшемся 16 марта ст. ст. 1879 на квартире у редактора-издателя «Недели» П. А. Гайдебурова после литературно-музыкального вечера в пользу Литературного фонда, который состоялся в зале Благородного собрания. На вечере выступали оба писателя. Впечатления от этого вечера, прошедшего в атмосфере редкого единства, сохранились в письме Н. А. Соловьева-Несмелова к И. З. Сурикову от 21 марта 1879: «В заключение вызвали вместе И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и они на эстраде крепко пожали друг другу руки».[51] Хотя присутствие Минского на этом вечере и последовавшем за ним обеде документальными источниками пока не подтверждается, полностью отрицать факт его встречи с обоими писателями в тот день исключать нельзя.

В обоих опубликованных мемуарных очерках, разделенных по времени десятилетием, Минский свидетельствует также об эпизоде скандальной исповеди Достоевского перед Тургеневым в так называемом «ставрогинском грехе», факте, якобы поведанном Минскому самим Тургеневым. Рассказ об этой «исповеди» Достоевского устойчиво циркулировал в различных устных и печатных версиях в мемуарной литературе о писателе. В разное время о ней писали П. А. Висковатый, И. И. Ясинский, Д. В. Григорович, К. В. Назарьева, А. И. Фаресов. Говорится об этом и в известном письме Н. Н. Страхова к Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 года.

Исследователь творчества Достоевского В. Н. Захаров, специально изучавший эту биографическую легенду, опроверг ее как факт, имевший место в биографии Достоевского. Не было ни встречи писателей, ни «исповеди» Достоевского и прежде всего потому, что все версии противоречат имеющимся биографическим данным писателей, а также специфике их личностного общения. Исследователь пришел к заключению, что «исповедь» всецело была выдумана Тургеневым как основа подготавливаемого им ответного хода на образ Кармазинова. Ясинский, как предположил Захаров, мог узнать этот «анекдот» от кого-то из окружения М. М. Стасюлевича, сотрудничавшего в «Вестнике Европы».[52]

Из очерка 1921 года становится очевидным, что именно Минский, по его собственному признанию, был тем «посредником», от которого И. Ясинский получил сведения об «исповеди» Достоевского и обнародовал их дважды — в рассказе «Исповедь» (1888) и в мемуарном «Романе моей жизни» (1926), оговариваясь, правда, что едва ли Достоевский «убивал старух, чтобы описать преступление Раскольникова, или, в самом деле, насиловал крохотных девочек, чтобы вывороти наизнанку душу Ставрогина или Свидригайлова». Ясинский полагал, что «сам Достоевский был причиною того, что до сих пор пишут целые книги об его сластобесии». Собственный же беллетризованный рассказ об этом («Исповедь»), где Достоевский и Тургенев выведены под вымышленными, но достаточно прозрачными именами (Херувимский и Карагин), он расценивал как «чистейший вымысел».

В гостиницу к Тургеневу, — пишет Ясинский в мемуарах, — внезапно пришел Достоевский, когда тот «лежал в лонгшезе», укутанный теплым пледом, и «ел по-

---

[50] *Минский Н.* Три часа у Тургенева. С. 13. Ср.: *Минский Н.* Встреча с Тургеневым. С. 23.

[51] *ЛН.* Т. 86. С. 477.

[52] См.: *Захаров В. Н.* Проблемы изучения поэтики Достоевского: Учебное пособие по спецкурсу. Петрозаводск, 1978. С. 75—109.

жарскую котлетку», запивая красным вином. «Не хотите ли позавтракать», — спросил Тургенев. «Нет, мерси боку, Иван Сергеевич, душа моя вопит и даже как бы смердит», — игриво отвечает Достоевский. Все последующее описание «исповеди» Достоевского, оскорбившей благородного Тургенева «возмутительнейшими подробностями» об «истинном рае», проведенном с гувернанткой-француженкой и ее тринадцатилетней воспитанницей, сильно отличается от обоих повествований Минского, который, если верить ему, первым поведал Ясинскому об этой встрече Тургенева с Достоевским. Уходя, Достоевский «посмотрел на Тургенева» каким-то блаженным взглядом: «А ведь это я все изобрел-с, Иван Сергеевич, единственно из любви к вам и для вашего развлечения».

Существенные расхождения обнаруживаются не только в сюжетике имеющихся текстов (Минского и Ясинского), расходятся авторы и в том, кто выдумал эту историю. Минский (а вслед за ним Захаров) полагает, что сочинил ее Тургенев; по версии Ясинского, сцена свидания двух писателей имела место, но события этой «исповеди» были придуманы Достоевским: «Рассказывая об этом свидании, Тургенев заключал всегда (!) с уверенностью, что, конечно, „старый сатир" и ханжа все это, действительно, выдумал <...>. Загадочная душа была у Достоевского», — подводит итог Ясинский.[53] Любопытно, что подобного «заключения» нет ни в одном из мемуарных очерков Минского. При этом «достоверность» всех мемуаристов основывается прежде всего на том, что Тургенев и Достоевский действительно встречались. Но и только.

Стилистика повествования словно травестирует романы самого Достоевского, который окарикатурен в этой сцене до неузнаваемости и, бесспорно, уподоблен юродствующему Федору Павловичу Карамазову. Тургенев же удивительным образом напоминает Кармазинова во время визита к нему Петруши Верховенского («Бесы»): «он кушал утреннюю свою котлетку с полстаканом красного вина», на «коленях его был развернут до полу шерстяной клетчатый плед». «Не желаете ли завтракать?» — спросил хозяин.[54] Нет сомнений, что конструируя «биографический» эпизод из жизни Достоевского, Ясинский использовал его творчество, причем из его повествования становится «очевидным», что он *не раз* слышал от самого Тургенева историю «исповеди».

Эпизод, дважды описанный Минским, имеет существенные сюжетные различия, причем более поздняя версия (1931 года) обогатилась новыми живописными подробностями и психологическими деталями. В отличие от раннего очерка, целью которого было, как пишет автор, «восстановить истинный <...> облик» Тургенева и Достоевского,[55] позиция позднего Минского в отношении подлинности этого эпизода существенно меняется и он как мемуарист сознательно дистанцируется от объекта своего повествования: «Я должен сознаться, что когда Тургенев рассказывал мне об этом инциденте, мне казалось, что он не столько вспоминает, сколько сочиняет. Слишком рассказ был литературно отшлифован, для того чтобы быть верной передачей подлинного события».[56]

Литератор А. И. Фаресов, входивший в окружение Минского и Ясинского, со слов детской писательницы и корреспондентки Достоевского К. В. Назарьевой, которая, однако, никогда не встречалась с ним, передавал М. Слониму, будто сам Достоевский рассказывал ей о соблазненных им девочке и гувернантке.[57]

Не вдаваясь в причины возникновения этой биографической легенды и ее устойчивой циркуляции, а также в существо фабульных различий между ее вариантами, отмечу, что не представляется убедительной мысль, высказанная С. В. Сапож-

---

[53] *Ясинский Иер.* Роман моей жизни: Книга воспоминаний. М.; Л., 1926. С. 168—169.

[54] *Достоевский.* Т. 10. С. 285.

[55] *Минский Н.* Три часа у Тургенева. С. 11.

[56] *Минский Н.* Встреча с Тургеневым. С. 22.

[57] *Слоним М.* Три любви Достоевского. М., 1991. С. 189.

ковым в преамбуле к публикации воспоминаний Минского 1931 года, о том, что все редакции этого анекдота (Минский, Ясинский, Григорович) отнюдь не взаимоотрицают друг друга и не «аннигилируются», как полагает В. Н. Захаров, а наоборот проявляют в качестве своего общегенетического ядра концепцию «русского де Сада», оформившуюся в сознании Тургенева в последние годы его жизни. Эта точка зрения явным образом примыкает к версии Минского. При этом, как ни странно, даже не ставится под сомнение подлинность поведения Тургенева, который едва ли мог так «разоткровенничаться» с почти незнакомым ему молодым человеком. Если же сопоставить «подлинность» этого эпизода с очевидной нелепостью других, присутствующих в воспоминаниях Минского, то несомненным станет его явное несоответствие действительности.

Согласно еще одной точке зрения, сформулированной С. Н. Булгаковым, «исповедь» Достоевского могла быть «„надрывом" самоуничижения, — при болезненной сложности характера Достоевского возможна и прямая клевета на себя».[58]

Цель своей вступительной заметки публикатор очерка Минского 1931 года видит в том, чтобы «не обвинить или оправдать двух писателей, а прокомментировать документальное свидетельство, которое, с учетом принципиального антагонизма мировоззрений Тургенева и Достоевского, поможет в какой-то мере понять логику их драматических взаимоотношений, давно ставших общепризнанным фактом русской культуры». Исследователь не исключает, однако, что воспоминания Минского «не свободны от ошибок», но с точки зрения «их достоверности, вполне отвечают добротному среднему уровню „забытых" и „второстепенных" мемуарных источников биографии Тургенева».[59] Если вчитаться в комментарии С. В. Сапожкова, то станет очевидным, что никаких «документальных свидетельств» в пользу достоверности изложенных Минским «пикантных» эпизодов он не привел, ограничиваясь общеизвестными фактами.

По возвращении из Буживаля в Петербург, согласно Минскому, он рассказывает этот сюжет Ясинскому как услышанный от Тургенева. Факт литературной вражды и личностной неприязни двух писателей был общеизвестен, поэтому особых беллетристических усилий не требовалось, чтобы вписать в эту биографическую фактуру повсеместно циркулирующий анекдот, придав собственной личности историческую значимость конфидента самого Тургенева. Возможно, именно этими мотивами объясняется тот факт, что позже и Ясинский утверждал, будто «исповедь» Достоевского стала ему известна «со слов Тургенева».[60] Назарьевой же об этом «лично» рассказывал Достоевский. Пугает не столько количество конфидентов, сколько степень достоверности их свидетельств.

В отличие от вышеприведенных воспоминаний Минского о встречах с Тургеневым, публикуемый очерк начисто лишен всех атрибутов желтой прессы. Единственное упоминание о встрече с Тургеневым, касающееся нереализованного замысла писателя (несомненно, подлинное), в окончательном варианте даже завуалировано: Минский зачеркивает повествование от первого лица и вносит вариант «рассказа» от лица своего знакомого литератора. В своей юбилейной статье, посвященной писателю, Минский пытается понять, почему лучи тургеневской славы потускнели в период первой русской революции, в отличие от возросшей популярности Толстого и Достоевского, и приходит к выводу, что Тургенев является художником Ренессанса, а не Реформации, и потому в «период борьбы, исканий и разрушений» тихое, гармоничное «обаяние тургеневского слова» не будет иметь могущества до тех пор, пока не наступит фазис созидания и Ренессанса.

---

[58] *Булгаков С. Н.* Русская трагедия: О «Бесах» Ф. М. Достоевского // Русская мысль. 1914. № 4. С. 25.

[59] Штрихи к портрету... С. 17.

[60] *Ясинский И. И.* О Достоевском // Петербургская газета. 1908. 10 июня. № 157. С. 2.

В свое время В. В. Розанов жестко констатировал эту не только читательскую, но и научную интенцию, квалифицировав ее как «безмолвие исторического почитания» Тургенева; он, так же как и Минский, не почувствовал всей многомерности такого имплицитного восприятия: «Имя Тургенева без вражды, без полемики, без ясных причин тихо замерло в сознании живущего сейчас поколения. Мало кого называли так редко, как его, в литературе, в беседах истекших двух десятилетий. Конечно, печаталась всякая записочка, подписанная его именем; никакое воспоминание о нем не получало отказа в печатном станке. Но это все знаки академического почтения. Тургенев вошел в то безмолвие исторического почитания, где так тихо, как в могильном склепе. Его статуя поставлена в пантеон русской славы, поставлена видно и вечно; ее созерцают, но с нею не переговариваются ни о чем живом живые люди».[61]

Что касается литературоведения конца XIX — начала XX веков, «умалчивающего» Тургенева, в первую очередь символистского, одной из основных причин, вероятно, было его противостояние позитивистской науке о литературе, видевшей в творчестве писателя «прогрессистские» аспекты.

Эстонская исследовательница Л. Пильд, тщательно проанализировав в своей монографии рецепцию Тургенева культурным и художественным сознанием Серебряного века, приходит к любопытному выводу, что интерпретация «тургеневской» темы «у символистов отличается, например, от рецепции творчества Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского тем, что перечисленные имена присутствуют в большинстве символистских теоретических деклараций и занимают там центральное место». Тургенев осваивался символистами в иной интерпретационной многомерности, локализуясь в другой жанровой плоскости — эпистолярии, дневниках, записных книжках. «На уровне имплицитной поэтики обращение к Тургеневу проявляется как медленное, поэтапное освоение новых форм в искусстве, а на уровне эксплицитных высказываний — как „отгораживание" и „забывание"».[62] Это наблюдение подтверждается, например, следующим фактом. Л. Андреев, нередко открыто открещивавшийся от «влияния» Тургенева, в последнем «Дневнике» записал: «…надо бы у старой туфли Тургенева позаимствовать умения описывать женщин <…>».[63] И далее: «За это время прочел с удовольствием и злостью почти всего Тургенева, сейчас читаю Гончарова».[64]

Очевидно, что публикуемая рукопись Минского является хронологически самой ранней (предположительно, август — октябрь 1908 г.) из тех, что были упомянуты, а, стало быть, по времени наиболее приближенной к реальным событиям встречи Тургенева с автором. Датировка рукописи может быть определена лишь условно. Нам не удалось выявить факт выступления Н. Минского на одном из юбилейных вечеров, не зафиксировано это выступление и в просмотренных мемуарных источниках. Основанием для установления даты публикуемой рукописи послужили несколько маркеров, содержащихся в самом тексте.

Это прежде всего упоминание о романе М. П. Арцыбашева «Санин», отдельное издание которого появилось в 1908 году, и указание на то, что со смерти Тургенева прошло два десятилетия. Разумеется, для того, чтобы быть точным, следует сказать, что два десятилетия со дня смерти Тургенева прошло не в 1908, а в 1903 году, но в то время упомянутого романа Арцыбашева еще не было в печати. Следующей

---

[61] *Розанов В. В.* Ив. С. Тургенев (К 20-летию его смерти) // Розанов В. В. О писательстве и писателях. Собр. соч. / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 1995. С. 138.

[62] *Пильд Л.* Тургенев в восприятии русских символистов (1890—1900-е годы). Тарту, 1999. С. 14, 114, 117.

[63] *Андреев Л.* S. O. S. Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918—1919) / Под ред. и со вступит. ст. Р. Девиса и Б. Хелмана. М.; СПб., 1994. С. 153. Запись от 21 октября 1918 г.

[64] Там же. С. 158. Запись от 11 ноября 1918 г.

возможной юбилейной датой следует назвать 1913 год, что тоже возможно, однако в этот год исполнилось бы не 20, а 30 лет со дня смерти писателя.

Скрытый выпад против Горького («болезненное явление русской жизни, от босяков до Саниных») вряд ли позволил бы отнести публикуемый очерк к юбилейному 1903 году, поскольку многое в этом очерке определяется именно размышлениями автора после, а не до революции 1905 года. «Если умственная и общественная жизнь за последние два десятилетия прошла над нами в смутных очертаниях, без ярких центральных образов, если русская революция до сих пор не имеет своей эпопеи, — размышляет Минский, — то это произошло, быть может, потому, что среди нас нет Тургенева, что мы сошлись сегодня как потомки, празднующие годовщину его смерти, а не как современники, празднующие годовщину его рождения».

В 1908 году Минский находился в Париже, куда после Бельгии эмигрировал в январе 1906 года, спасаясь от суда и тюрьмы за участие в большевистской газете «Новая жизнь».[65] Здесь он попадает в культурный и идеологический вакуум, лишившись какой бы то ни было возможности публиковаться. И только с 1909 года Минский начнет поставлять свои корреспонденции в московскую газету «Утро России» как ее парижский представитель.

Вероятнее всего, обнаруженная машинописная статья была прочитана Минским в Париже в качестве юбилейного выступления. Схожим образом его статья «Леонид Андреев и Мережковский» (хранящаяся в этом же фонде: Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 113) первоначально прозвучала в качестве доклада на секционном заседании Парижской эмигрантской кассы 6 марта 1908 года.[66] Впоследствии этот текст выступления о Тургеневе как базовый был, безусловно, использован Минским при написании мемуарных очерков 1921 и 1931 годов.

Следует добавить, что в этом же фонде хранятся обширные, но фрагментарные неопубликованные наброски Минского к статье (или лекции) о Толстом и Достоевском (Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 45), отдельные высказывания из которой о Тургеневе приводятся в комментариях к публикуемому ниже тексту.

Машинопись содержит рукописную правку, которая воспроизводится в настоящей публикации (зачеркнутые слова даются в квадратных скобках, в ломаных раскрываются сокращенные слова). В основном сохраняются грамматические и синтаксические особенности текста, однако в отдельных случаях он приводится в соответствие в современными нормами.

В ярком и славном созвездии, образуемом творцами русского романа, ярче и славнее всех прочих горят три светила первой величины, три всемирно признанных гения: трепещущий [желтыми] багровыми лучами тревожный болезненный гений Достоевского, пылающий белым светом проникновенный гений Толстого и теплящийся голубым сиянием отрадный гений Тургенева.

Судьба и творчество этих трех корифеев русского романа так тесно связаны между собой, что трудно говорить об одном, не упоминая о других, и невольно возникает вопрос об их сравнительной величине и яркости. Во имя истины надо сознаться, что в последние годы лучи тургеневской славы если и не потускнели, то, во всяком случае, не уси-

---

[65] См.: *Минский Н.* История моего редакторства // Новая жизнь. 1906. 13 марта. № 55. С. 2—34; см. также: *Мейлах Б.* Символисты в 1905 году // *ЛН*. Т. 27—28. С. 168—179.

[66] См.: *Сапожков С.* Поэзия и судьба Николая Минского. С. 66.

лились в блеске, между тем как свет, излучаемый словом Достоевского и Толстого, с течением времени становится как бы все напряженнее и ближе к нам. В атмосфере русского сознания как будто произошло нечто такое, что делает ее лучшим проводником для слов тревожных и испытующих, нежели для слов гармонически созерцательных. Но если так, то нельзя ли предполагать, что некоторое умаление тургеневской славы объясняется причинами временными и внешними и что наступит день, когда она вспыхнет с прежнею или еще с большею силой?

Если сравнить между собой творчество наших трех великих прозаиков, то увидим, что главной отличительной чертой Достоевского и Толстого является их страстная субъективность, между тем как творчество Тургенева проникнуто насквозь бесстрастной, созерцательной объективностью. Достоевский и Толстой — апостолы своей правды и мученики своего апостольства. Тургенев не апостол, а художник слова, не пророк будущей правды, а внимательный наблюдатель [текущей] свершившегося мига. Толстой и Достоевский влюблены в открывшуюся внутри их правду Божию, Тургенев влюблен в раскрывающийся вне его Божий мир. Толстой и Достоевский любят Россию и русский народ, потому что видят в народной жизни наиболее полное воплощение своего вселенского идеала.[1] Тургенев любит русский народ ради него самого, видит в нем ближайшую, родную, наиболее понятную сферу художественных созерцаний. Толстой и Достоевский великие христиане, и о них можно сказать, что в последнем счете они любят Бога, а не мир, который кажется им несовершенным, нуждающимся в ломке и преобразовании.[2] В особенности это применимо к Толстому, который настолько больше дорожит идеалом, чем действительностью, что если бы [он был бы в силах] на то была его воля, он, кажется, по выражению Ибсена, бросил бы этот неудавшийся мир в плавильную ложку, чтобы отлить новую, более праведную, более толстовскую вселенную.[3] Тургенев великий язычник, потому что он любит мир как неиссякаемый родник всякой красоты, как воплощение [вечного] всякого разума. [Если Тургенев не ищет Бога в мире, то потому, что для него сам мир есть божество].[4]

Роман Достоевского и Толстого — это творчество в бурю и грозу. Слово их требовательное, будящее совесть, побуждающее волю, бьющее о сознание читателя, как разъяренные волны о берег. Каждый роман Достоевского или Толстого написан с этической целью, что-то доказывает, чему-то поучает. «Преступление и наказание» доказывает бессилие возмущенной личности перед законом милосердия. «Анна Каренина» доказывает бессилие любящей личности перед законом семейного долга.

Субъективность творчества ведет к тому, что у Достоевского и Толстого почти нет типов, а есть герои, устами которых художник провозглашает свою правду. Этой же субъективностью объясняется и то, что Достоевский и Толстой брали героев своих из определенной симпатичной им среды. В герои к Толстому мог попасть лишь князь или мужик, к толпе же разночинцев-интеллигентов он относился с презрительным равнодушием, не замечал их [исканий и борьбы] духовной жизни, и если

иногда выводил интеллигента, то единственно с целью вышутить представителей ненавистной ему культуры — суда, администрации, медицины. Достоевский же относился к русской интеллигенции уже с явной злобой, смотрел на нее, как на болото, откуда он вылавливал своих «бесов».

Объективное творчество Тургенева обвеяно тишиной и гармонией. Та общественность, которую он отражал в своих произведениях, была сама по себе полна движения и страсти, но [гений] дух художника, отражавший эту взволнованную общественность, оставался прозрачно-бесстрастным [вернее], подобно водной поверхности в великий штиль [недвижно зеркал] недвижной, [и] вследствие недвижности зеркальной и вследствие зеркальности — отчетливо отражающей каждую ветку на берегу, каждую тучку в небе. Оттого образы, созданные Тургеневым, так разнообразны, так внешне автономны, так типичны. По этой же причине Тургенев брал своих героев отовсюду — из народа, из дворянства, из интеллигенции, особенно из интеллигенции, не вследствие [особенных] исключительных симпатий к ней, а потому что жизнь Рудиных, Базаровых, Неждановых[5] была разнообразнее, изменчивее, [полнее впечатлений] обильнее событиями и красками, нежели жизнь крестьян и помещиков. Хотя Тургенев закреплял в своих романах типы и явления, уже возникшие в действительности, однако по своей необычайной чуткости он может быть назван в некотором роде пророком действительности, ибо умел предугадывать, улавливать [закреплять] в художественные образы черты, еще никому не видимые, как бы еще не существовавшие.

[Никогда не забуду я, как незадолго до своей смерти Тургенев, рассказывая мне]

Незадолго до своей смерти Тургенев, рассказывая одному приезжему литератору о задуманных им работах, между прочим, довольно подробно излагал содержание романа, который по психологии его [центрального] героя должен был называться «Самист».[6] Собеседник Тургенева в то время слушал его рассказ с некоторым удивлением, так как психология Самиста казалась ему небывалой и слегка придуманной. Но впоследствии, присматриваясь к русской действительности, к легиону возникших у нас мегаломанов и хвастливых сверхчеловеков, он часто вспоминал о ненаписанном романе Тургенева и удивлялся прозорливости этого гения, провидевшего все это болезненное явление русской жизни, от босяков до Саниных,[7] в то время когда сами творцы этих типов еще не имели о них никакого представления. Если умственная и общественная жизнь за последние два десятилетия прошла над нами в смутных очертаниях, без ярких центральных образов, если русская революция до сих пор не имеет своей эпопеи, то это произошло, быть может, потому, что среди нас нет Тургенева, что мы сошлись сегодня как потомки, празднующие годовщину его смерти, а не как современники, празднующие годовщину его рождения.

Хочу указать в двух словах еще на одно — последнее — коренное различие между этими тремя художниками. Толстой и Достоевский как искатели Бога и вечной правды все свое внимание устремляли на чело-

веческую душу в ее тайных переживаниях, Тургенев же, не искавший Бога, потому что [сам] весь мир был для него божеством, созерцал не только переживания русского человека, но с тою же любовью [воссоздал] закрепил в слове, возвел в перл создания и русскую природу. У Достоевского, как известно, пейзаж почти отсутствует. Толстой лишь редко и скупо, и то лишь в связи со своей нравственной проповедью, могучими и страстными мазками набрасывает [иногда] картину русского сенокоса или русской метели. Но во всем своем беспредельном разнообразии, со всеми оттенками своих стыдливых весен и суровых зим, во всей правдивости своих грустных равнин и нахмуренных лесов русская природа [закреплена] живет и дышит только в произведениях Тургенева. На страницах его рассказов шумят деревья и звучат ключи так родственно и так радостно, как будто мы им [именно] внимали в первом детстве. И то же самое, что о русской природе, следует сказать о русском языке. Толстой и Достоевский, предпочитая правду красоте, [форму] содержание форме, должны были [высказать] обнаружить это предпочтение и в своем стиле. В их произведениях слова, фразы [являются] служат лишь могучим орудием, молотом и наковальней для выковки мыслей и чувств. Тургенев и тут является художником гармонии, и для него слово не средство, а цель. Его фразы — самоцельные ценности, отшлифованные многогранные алмазы созерцания, — и не удивительно, что последняя мечта, последняя молитва Тургенева была о великом, прекрасном русском языке.

Теперь, мне кажется, станет понятным, почему слава Тургенева в последние годы как будто умалилась в сравнении со славой Достоевского и Толстого. В эпоху, пережитую нами, в эпоху борьбы и революции творчество страстной субъективности должно было больше задевать душу читателя, нежели творчество гармонии и созерцания. [Толстой и Достоевский] Пророки реформации, какими [были Толстой[8]] следует считать Толстого и Достоевского, больше волновали нашу совесть, нежели художник Ренессанса, каким был Тургенев. Но ведь период борьбы, исканий и разрушения будет длиться не вечно, и русская революция вступит в фазис созидания и ренессанса. В это, будем надеяться, недалекое время обаяние тургеневского слова достигнет нового могущества, и голубое задумчиво-грустное сияние его гения разгорится над русской литературой с новой силой.

Тургеневу [может быть] принадлежит будущее.

[1] Схожая мысль высказывалась Минским и ранее, ср.: «Только с того момента, когда русский народ в лице Достоевского и Толстого возвысился до изображения не случайных, а вечных сторон своего духа, наша литература вошла в состав европейской и наши писатели сделались всемирными учителями» (*Минский Н.* Генрик Ибсен, его жизнь и литературная деятельность. СПб., 1897 [На обл.: 1896]. С. 5).

[2] В недатированных обширных набросках Минского к статье (или лекции) о Толстом и Достоевском (*РО ИРЛИ*. Ф. 39. Оп. 1. Ед. хр. 45) содержатся схожие высказывания: «Два больших течения русской литературы: религиозное (Гоголь — Толстой — Достоевский — Лесков) и политическое (Герцен, Некрасов, Щедрин, Гл. Успенский — почти все

критики и публицисты). Общие им цели — народность и служение правде, а не красоте (художеств<енная> правда — невольный результат правды нравственной). Посреди их небольшое место занимают эстетики (Тургенев и несколько поэтов). <...> Т<олстой> и Д<остоевский> служат народу не обличением зла, а раскрытием таящейся в русской натуре душевной красоты. И воспроизведение этой внутренней правды сделано в литературе простотой, искренностью, реализмом, коих греки создавали образцы великой красоты и героизма. Святость народной души в реальности художественного воспроизведения. <...> Т<олстой> — художник русской искренности, Д<остоевский> — русской святости. Различие и в содержании идеала (у Т<олстого> — любовь к людям, у Д<остоевского> — любовь к Богу), и в темпераменте» (Л. 3—5). См. также примеч. 8.

[3] У Ибсена Пуговичный мастер обращается к Перу Гюнту:

Видишь ложку?
Пора тебе в нее. <...>
Могила вырыта, и гроб заказан.
Червям богатый пир готовит тело,
А мне Хозяин поручил взять душу. <...>
Надобно тебя расплавить.
И перелить.<...>
Обычай этот так же древен, как
Происхожденье змия, и рассчитан
На то, чтоб матерьял не пропадал.
Ты смыслишь в нашем ремесле и знаешь,
Что иногда литье не удается,
И пуговица выйдет без ушка <...>
Пуговицей вылит
Ты для жилета мирового был,
Но вот ушко сломалось, отскочило,
И предстоит тебе быть сданным в лом,
Чтоб вместе с прочими быть перелитым.

На что Пер Гюнт спрашивает, пытаясь уйти от Пуговичника:

Меня расплавить вместе с первым встречным
И вылить нечто вновь из общей массы?.. <...>
Войти частичкой,
Ничтожным атомом в чужое тело,
Утратить «я» свое, свой гюнтский облик,
И перестать «самим собою» быть?!.

(*Ибсен Г.* Пер Гюнт // Ибсен Г. Полн. собр. соч.: В 8 т. СПб., 1909. Т. 1. С. 378—381 (пер. А. и П. Ганзенов). Минский использует этот образ и в своей книге об Ибсене: любовь Сольвейг «каким-то чудом спасла Пер Гинта от заслуженной им кары — попасть в плавильную ложку и быть отлитым в новый образ, так как в нынешнем виде он не стал самим собою, не возвысился до индивидуальности ни в добре, ни во зле» (см.: *Минский Н.* Генрик Ибсен, его жизнь и литературная деятельность. С. 37).

[4] Схожая мысль содержится в статье Минского «Генрих Ибсен и его пьесы из современной жизни»: «Но как решить, кто из этих двух писателей (Толстой и Тургенев. — *С. И.*) истинный пессимист: не верующий в вечное счастье и столь чувствительный к земной красоте язычник-Тургенев, или аскет Толстой, отрицающий красоту и любовь земли во имя вечного блага?» (Северный вестник. 1892. № 9. С. 76).

[5] Главные герои романов Тургенева «Рудин», «Отцы и дети», «Новь».

[6] «Самист» — неосуществленный Тургеневым замысел романа. См. о нем: Орловский вестник. 1882. 10 (22) января. № 7; Одесский листок. 1881. 20 декабря (1 января 1882). № 221. См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 796. Об этом неосуществленном замысле Тургенева говорится и в воспоминаниях Минского «Три часа у И. С. Тургенева».

Ср.: «Вот и теперь я занят этой работой. Задумываю новый роман, который будет называться „Самист". Вас удивляет это слово? Самист — это значит человек, который признает в мире только себя самого, свои собственные желания, страсти. Это новая последняя разновидность нигилиста». И далее: «Тургенев задолго предвидел „Санина" Арцыбашева и в лице Самиста предугадал тип русского интеллигентного хулигана, сыгравшего такую печальную роль в нашей революции» (*Минский Н.* Три часа у И. С. Тургенева. С. 12—13).

В очерке Минского «Встреча с Тургеневым» сведения об этом замысле также не расходятся с имеющимися: «Пишу я теперь роман под заглавием „Самист". И, видя мое недоумение, стал объяснять.

— „Самист" — это новый тип человека, который признал только себя и сам себя считает мерилом вещей. <...> Насколько могу судить по отрывочным словам Тургенева, он имел в виду тип, который потом был изображен Арцыбашевым в „Санине"» (*Минский Н.* Встреча с Тургеневым. С. 23).

[7] Роман Михаила Петровича Арцыбашева (1878—1927) «Санин» (Современный мир. 1907. № 1—5, 9; отд. изд. — СПб., 1908) вызвал шумную дискуссию в печати, в основном, о главном герое, отрицающем нравственные нормы, и приобрел феноменальную популярность и скандальную известность благодаря проповеди вседозволенности и безудержной чувственности, что повлекло запрещение издания. Против автора было возбуждено судебное преследование по статье о порнографии, однако суд не состоялся. Л. Н. Толстому роман не понравился, но он признавал, что у Арцыбашева есть «художественная способность» (*Толстой.* Т. 78. С. 59. См. также с. 60). М. Горький обвинял автора в пошлости и апологии животного начала в человеке: «Санин» является «не первой попыткой мещанской идеологии указать тропу ко спасению неуклонно разрушающейся личности, — и до книги Арцыбашева не однажды было рекомендовано человеку внутренно упростить себя путем превращения в животное» (*Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1953. Т. 24. С. 47). В статье «Идейная порнография» (1908) К. И. Чуковский отмечал, что сексуальное раскрепощение преподнесено в романе в виде некоего «учения», наравне с народничеством или марксизмом (Речь. 1908. 11 декабря. С. 2). А. Блок охарактеризовал «Санина» как «самое замечательное произведение» Арцыбашева, а главного героя — как «настоящего человека с непреклонной волей» (Золотое руно. 1907. № 11—12. С. 97). Публикация романа «совпала с началом эпохи реакции, и объективно его герой выглядел рупором обозначившегося пересмотра идеалов и принципов шедшей на спад Революции 1905—07» (*Лепехин М. П., Чанцев А. В.* Арцыбашев М. П. // Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 114; см. также: *Данилин Я.* «Санин» в свете русской критики. М., 1908). Арцыбашев намеренно использовал имя героя повести Тургенева «Вешние воды». См. также: *Орловский П. <Воровский В. В.>* Базаров и Санин: Два нигилизма // Литературный распад: Критический сб. СПб., 1909. Кн. 2. С. 144—164.

[8] Это определение дословно повторяет заглавие статьи Минского «Толстой и реформация», написанной чуть позже воспоминаний и впервые опубликованной в кн.: *Минский Н.* На общественные темы. СПб., 1909. С. 246—255. Называя Толстого «новым Лютером» и «первым провозвестником новой реформации», он обосновывает свое утверждение тем, что Толстой, «в противоположность поклонникам абсурда, устранил из религии <...> неразумное. Религия Толстого, это — религия мистического разума, — религия без веры в чудеса. Явившись в век сомнения и безверия, Толстой показал, что истинная религия не боится безверия. В этом новизна и могущество возвещенной Толстым религиозной реформации» (*Минский Н.* I. Толстой и реформация. II. Идеи «Саломеи». М., 1910. С. 19—20, 23). Любопытно, что в этой статье, написанной через год после публикуемой, и в отличие от нее, Достоевскому уже совершенно не отводилась (наряду с Толстым) роль «пророка реформации»; более того, под упоминаемыми тут противоположными Толстому «поклонниками абсурда» Минский имел в виду именно Достоевского, который, «утверждая, что если бы ему предстояло сделать выбор между истиной и Богом, он предпочел возвысить божественное над человеческим, а на самом деле охулил то и другое. <...> Таким образом, ищущие Бога в отрицании истины и разума обретают отрицательное божество (абсурдная религиозность Достоевского, имея в виду слова Тертуллиана: credo quia absurdum)» (Там же. С. 12—13).

С. Д. КАРПОВ — ОРЛОВСКИЙ ЗНАКОМЫЙ ТУРГЕНЕВА
(Неопубликованное письмо С. Д. Карпова к Тургеневу)

Публикация Е. Г. Мельник

В собрании Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева хранится старинный альбом XIX века. В альбоме представлена целая серия рисунков, которая относится к жизни орловского общества времен правления губернатора В. И. Сафоновича (1854—1861). Это 12 рисунков: эпизоды из жизни орловского дворянства, можно сказать, губернского высшего света.

На одном из листов представлена зарисовка бала, вероятно, в Дворянском собрании. Веселье в самом разгаре. Один из кавалеров так увлечен танцами или своими мыслями, что уносится в обнимку с платьем партнерши (рис. 2). Автор рисунка обозначил имя танцующего — С. Д. Карпов. Шаржированный портрет Карпова повторяется и на другом рисунке: он аллегорически представлен в виде ладьи на шахматной доске.[1] Возможно, это единственное, дошедшее до нас изображение Карпова, орловского знакомого Тургенева (рис. 1, 3).

Орловские связи издавна привлекали внимание исследователей. Карповы принадлежали к числу близких друзей семьи Тургенева.[2]

Мария Михайловна Карпова (урожд. Жданова. — Указано Л. В. Ивановой) — была задушевной подругой В. П. Тургеневой. Усадебный дом Карповых находился в сельце Вязовое Болховского уезда Орловской губернии. В Вязовом Мария Михайловна со своим мужем Д. И. Карповым вели веселую разгульную жизнь: «...балы сменялись праздниками, гости-соседи заживались по неделям, было людно шумно и весело; а дородная Марья Михайловна походя наставляла супругу рога, и имение таяло с необыкновенной быстротой».[3] В 1834 году супруги разъехались.

В. П. Тургенева писала в 1838 году сыну Ивану за границу: «Вот болховские новости: Карпов посылал за женою, она приехала, он бросился ее целовать; но! как увидел, что она стала стара и дурна, то прогнал ее».[4] Известно, что у Карповых был дом в городе Болхове. В мае 1845 года Варвара Петровна, собираясь на лето в деревню, сообщала М. М. Карповой, что хотела бы какое-то время пожить в Болхове но желала она поселиться непременно по соседству с подругой.[5]

Имя М. М. Карповой довольно часто встречается в письмах Варвары Петровны. Так, в письме от 30 апреля 1845 года, адресованном ей из Москвы, Варвара

---

[1] См.: *Мельник Е. Г.* Загадка одного вензеля // Тургеневский ежегодник 2004 года Орел, 2006. С. 156—157.

[2] О Карповых см.: *Чернов Н. М.* Провинциальные нигилисты // Чернов Н. М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 182—191, 338.

[3] *Гершензон М. О.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 260. О муже М. М. Карповой Гершезон пишет: «...Дмитрий Иванович Карпов был несчастлив в супружестве, но, будучи вместе с тем ума самодовольно-ограниченного, долго не замечал своего несчастия».

[4] Цит. по: *Чернов Н. М.* Провинциальные нигилисты. С. 183.

[5] См.: *Чернов Н. М.* Спасско-Лутовиновская хроника (1813—1883): Документальные страницы литературной и житейской летописи. Тула, 1999. С. 97.

Рис. 1

Петровна сообщала: «Твой Сережа весь праздник был у меня и вел себя как красная девушка. Я его возила с собою в концерты Виардо, в ложу 1-го ярусу или бельэтаж. Наряды дам, пение Виардо — всё его приводило в восхищенье».[6]

В то время младшему сыну М. М. Карповой Сергею было 15 лет. В 1850 году он служил писцом в канцелярии, затем поступил в военную службу. Дослужился до чина полковника, был командиром батальона в годы русско-турецкой войны на Балканах, принимал участие в сражении под Плевной под началом М. Д. Скобелева. Карпов слыл человеком образованным. Он известен как издатель Записок И. С. Жиркевича, составитель начального курса географии. В конце жизни Сергей Дмитриевич страдал душевным расстройством, впоследствии был помещен в психиатрическую больницу, где умер.[7]

Существует письмо Владимира Николаевича Апухтина (брата поэта А. Н. Апухтина), в котором он рассказывает о странностях в поведении командира их батальона Карпова: «Интересно было бы описать личность нашего командира батальона Карпова и его, между прочим, проделку со Скобелевым и Радецким, когда он после сражения под Шейново явился непрошенный на военный совет и преподнес Скобелеву меду, Радецкому „фиги" — финики, взятые в Турецком лагере. Да и вообще все командование батальоном Карповым был целый ряд юмористических выходок. Карпов был личностью образованной, но немного помешанной. Он бедный и кончил свою жизнь в Николаевской больнице умалишенных. Его прошлое во время польского восстания не лишено исторического значения. Ведь он был послан со знаменами к Императору Александру II, и тогда он отличился тем, что рассказал Государю целый ряд военных похождений, но когда Государь заставил повторить этот рассказ Государыне, он все переврал, хотя тут же получил золотое оружие, но тут же потерял флигель-адъютантство, которое, наверное, получил бы, если бы сумел рассказать более правдоподобно. К нам он поступил прямо под Плевной, после 15 лет отставки <...>. Перед поездкой в действующую армию Карпов заехал к Алексею Николаевичу <...>, уселся у него на кровати, крутил на нем себе папиросы, осыпая Алексея Николаевича табаком, и все рассказывал о своем сыне, то он у него был Митя, то Коля и т. д.».[8]

Тургенев хорошо знал братьев С. Д. Карпова — Николая и Аркадия. Репутация их в свете носила несколько скандальный характер. Их имена фигурировали в докладе «О распространении нигилизма между молодежью и дамами в Орловской губернии», поступившем в III Отделение Петербурга. В нем сообщалось, что «Н. Д. Карпов первым провел в городе идею о нигилизме». «Братья Карповы в своем кругу считались „союзниками Чернышевского". Они рьяно распространяли в своей округе „прогрессивные", как они их понимали, идеи. И столь же быстро от них отказались, превратившись в горячих критиков нигилизма».[9]

---

[6] См.: *РО ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 15. Л. 34. Ср.: *Чернов Н. М.* Спасско-Лутовиновская хроника. С. 97.

[7] См.: *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. С. 185.

[8] *Подлесских-Жиркевич Н. Г., Маричева Л. М.* Новые материалы об А. Н. Апухтине // Вопросы литературы. 1999. № 3. С. 159—160.

[9] См.: *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. С. 185—186. Об А. Д. Карпове см. также: *Громов В. А.* Корреспонденты Тургенева 1858—1861 гг. в перлюстрациях III Отделения // *Т Сб.* Вып. 4. С. 237—239.

Рис. 2

В противовес братьям карьера С. Д. Карпова складывалась более успешно, и репутация его была весьма благополучной. Не случайно в «Орловском альбоме» портрет Сергея Дмитриевича представляет собой ладью на шахматной доске. Можно предположить, что он был весьма заметной фигурой в окружении орловского губернатора.

О том, что писатель поддерживал отношения с С. Д. Карповым, свидетельствует тот факт, что на запрос Г. К. Репинского — составителя «Летописи Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым» — о местонахождении С. Д. Карпова Тургенев написал 7 (19) мая 1868 года: «...имею честь отвечать следующее: Сергей Дмитриевич Карпов был два года тому назад полковником в стрелковом баталионе е. и. в. Если он не вышел в отставку, то адресс его легко узнать. Имение его находится в Болховском уезде Орловской губернии».[10] Еще одним доказательством общения Тургенева с одним из членов многочисленного семейства Карповых служит ниже публикуемое письмо, которое хранится в Рукописном отделе *ИРЛИ*.[11]

С. Д. Карпов — И. С. Тургеневу

6 (18) апреля 1875 года. Дисна

6/18 апреля 1875 г.
Вилинской губ., г. Дисна.

Многоуважаемый и дорогой Иван Сергеевич,

После разных скитаний по Германии мы только что вчера очутились в своем гнезде, и первым долгом счел душевно благодарить Вас за оказанную мне помощь и выслать следуемые Вам деньги. Пожалуйста, не

[10] *ПССиП(2). Письма*. Т. 8. С. 198—199. С. Д. Карпову принадлежало село Богородицкое и сельцо Вязовое, в котором и находился усадебный дом.

[11] *РО ИРЛИ*. № 5839.

Рис. 3

сетуйте на меня, дорогой Иван Сергеевич, что я посылаю Вам русскими деньгами, а не франками и тем самым затрудняю Вас и доставляю хлопоты, но ей богу решительно нигде не достал французских денег и волей-неволей высылаю нашими.

За день до моего отъезда, а именно 5-го апреля я менял у Ленца, rue Scribe 4, и курс стоял 3 фр. 44 сант., и поэтому, принимая его в основании, посылаю Вам денег 73 р. по следующему расчету:

50 р. = 172 фр.

20 р. = 68 – 80 сант.

3 р. = 10 – 32

73 р. = 251 фр. 12 сант.

В случае же если курс еще упал, а равно, что Вы доплатите за доставку денег, так как у нас оплачивается только до границы, будьте так добры сказать Маргарите[12] при свидании в Франсисбаде, и она с благодарностью Вам возвратит. Если будет у Вас свободная минутка в Карлсбаде, не забудьте ее, навестите, чем доставите ей несказанное удовольствие. Она едет туда в половине июня м<еся>ца и, по всей вероятности, пробудет около 6-и недель.

Еще раз благодарю Вас, дорогой мой, за Вашу доброту и расположение ко мне, истинно ценю его. Жму крепко Вашу руку, и верьте в искренность чувств уважения и признательности.

С. Карпов.

Маргарита посылает Вам свой поклон и говорит «до свидания». Какие здесь еще снега и морозы, если бы Вы знали — просто ни на что не похоже! А что самое отвратительное это то, что каждый день валит хлопьями снег.

---

[12] Лицо неустановленное.

ТРИ ПИСЬМА М. А. МИЛЮТИНОЙ К И. С. ТУРГЕНЕВУ

Публикация Е. В. Векуа

Мария Аггеевна Милютина (урожд. Абаза, во втором браке Стиль; 1834—1903), жена видного государственного деятеля Н. А. Милютина, сестра блестящего политика А. А. Абазы, по словам современников, отличалась красотой, умом и была весьма образованна. Более четверти века (начиная с 1850-х годов) продолжалось ее знакомство с писателем. Отношения Тургенева с Милютиной вписываются в историю отношений Ивана Сергеевича с женщинами-писательницами его времени.[1]

Мария Аггеевна была автором ряда литературно-художественных работ, большая часть которых так и не была опубликована. В архиве Милютиных (*РГИА*) до сих пор хранятся черновик ее комедии «Старая церковь», рукопись литературно-биографического произведения «Чаннинг, его жизнь и труды» (наброски), перевод статьи «Письмо из Манчестера» о кризисе хлопчатобумажной промышленности в Англии, дневники, рукопись «Записок» о Н. А. Милютине.[2] Некоторые из этих работ были представлены на суд писателя, и Тургенев в основном оценил их положительно. После прочтения ее «Записок» о Н. А. Милютине он с огромным удовлетворением отмечал: «Не могу не сказать, что давно не был так заинтересован чтением, как в этот раз. Не говорю уже о важности содержания; но самое изложение, исключительно Вам принадлежащее — столь же отличается ясностью и живостью красок, сколь теплотою и искренностью чувств».[3] Возвращая рукопись пьесы «Старая церковь», Тургенев сообщал Милютиной: «Я уже в самом пакете начертал несколько слов карандашом — а из Берлина написал Вам подробнее и обстоятельнее, что именно я думаю о Вашей комедии».[4] К сожалению, это письмо Тургенева с отзывом о пьесе Марии Аггеевны неизвестно, но в самой рукописи, возможно, имеются пометы писателя. В следующем своем послании к Милютиной Тургенев советовал ей быть решительнее и серьезнее подойти к сочинительской деятельно-

---

[1] О М. А. Милютиной см.: *Векуа Е. В.* И. С. Тургенев и М. А. Милютина (Женский портрет на фоне пейзажа) // Тургеневские чтения / Сост. и ред. Е. Г. Петраш. М., 2006. Вып. 2. С. 357—365.

[2] См.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 352.

[3] Там же. С. 171. «Записки» охватывают период с 1850 по 1866 гг. Они были частично опубликованы ее сыном Ю. Н. Милютиным лишь в 1899 г.: Из записок Марии Аггеевны Милютиной // *РСт.* 1899. Т. 93—94. № 1—4 (Январь—апрель).

[4] *ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 74.

сти: «...не бросившись в воду, не выучишься плавать. И я Вам советую это сделать: потонуть — Вы все-таки не потонете».[5]

Однако, как видно, Милютина не решилась броситься «в пучину» литературной деятельности. Может быть, одной из причин того, что Мария Аггеевна не состоялась как писательница, стало скептическое отношение к ее литературным занятиям мужа, Николая Алексеевича, не разделявшего желания супруги заниматься писательской деятельностью. Вероятно, по этой же причине Мария Аггеевна тайно, с большим волнением писала первое из публикуемых писем к Тургеневу. И также тайно, через адрес третьего лица, она просила писателя сообщить свое мнение о прилагаемом к письму ее первом литературном опыте. Много позже Милютина открыла Тургеневу истинное отношение мужа к ее попыткам проявить себя на литературном поприще. Иван Сергеевич утешал ее: «Я вполне могу оценить то, что Вы мне говорите об отношениях Ник<олая> Алексеевича к Вашей, не скажу — пока — литературной, но письменной деятельности; и в то же время я вполне уверен, что никто более его не радовался бы, если бы Вы получили несомненный успех».[6] Дружеский совет писателя, его поддержка были дороги для Марии Аггеевны.

В свою очередь и Тургенев дорожил мнением М. А. Милютиной о своих произведениях и подчеркивал, что «оно всегда искренно и нелицеприятно».[7] Так, он интересовался впечатлением Марии Аггеевны о повести «Степной король Лир», о рассказе «Конец Чертопханова», очерке «Наши послали!». Нередко она оказывалась непосредственной слушательницей произведений Тургенева, которые он читал вслух «при собрании небольшого круга друзей»[8] в московском доме Милютиных и на их даче в Баден-Бадене — это рассказ «Бригадир», повесть «Несчастная» и др.[9] После прочтения писатель внимательно прислушивался к замечаниям Марии Аггеевны. В одном из писем к Н. А. Милютину Тургенев подчеркивал: «В „Русском вестнике" помещена моя „Несчастная"; и если Вы дали себе труд прочесть ее, — то Вы могли убедиться, что я послушался советов Марии Аггеевны и Кавелина, — и вообще много переделал и прибавил».[10]

М. А. Милютина, по-видимому, оставила след и в художественном творчестве писателя. В подготовительных материалах к роману «Новь» на отдельном листке среди других записей есть следующая: «Ложь <?> и сочинительство М. А. Милютиной».[11] По предположению автора комментариев к роману Н. Ф. Будановой, «приведенная запись первоначально имела отношение к образу Сипягиной».[12] Создавая образ «русской позерки», Тургенев указал на внешнее сходство ее со своей знакомой М. Н. Зубовой,[13] однако какие-то черты М. А. Милютиной могли быть использованы писателем при создании обобщающего образа. Интересный портрет М. А. Милютиной содержится в воспоминаниях Е. М. Феоктистова. «Это была женщина умная, образованная и — как говорят — в молодости отличавшаяся даже красотой, но злобная и недоброжелательная. <...> Марью Аггеевну заедало ненасытное честолюбие; она все желала играть видную роль, ее не удовлетворяло быть женой замечательного человека, она стремилась, помимо его, сосредоточить на себе общее внимание, но это ей никак не удавалось; завидовала она кому угодно, за-

---

[5] Там же. С. 80.

[6] Там же.

[7] Там же. Т. 10. С. 278.

[8] *Стиль-Милютина М. А.* Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным. 1867—1875 гг. // *РСт.* 1884. Т. 41. № 1 (Январь). С. 187.

[9] См.: Там же. С. 175, 187, а также: *Летопись(1867—1870).* С. 30, 91; *Летопись (1871—1875).* С. 25.

[10] *ПССиП(2). Письма.* Т. 9. С. 168.

[11] Там же. *Соч.* Т. 9. С. 422.

[12] Там же. С. 572.

[13] Там же. С. 404.

видовала даже самым искренним друзьям своего мужа и всячески старалась ссорить его с ними; привычка лгать была развита в ней в высшей степени».[14]

Однако это не мешало писателю испытывать к Марии Аггеевне «искренне дружелюбные чувства»[15] и на протяжении целого десятилетия (1867—1877) вести с ней оживленную переписку, хотя прежде всего их отношения, несомненно, определялись глубоким уважением и сочувствием к ее мужу. Известно 36 писем и записок Тургенева к М. А. Милютиной. Он часто виделся с ней и ее семьей в Москве, Петербурге, Париже, Баден-Бадене. Особенно сблизился Тургенев с Милютиными в Баден-Бадене, где Николай Алексеевич проходил курс лечения в 1867—1869 годы.[16] Иван Сергеевич почти ежедневно навещал на баденской даче своего давнего друга и единомышленника по крестьянской реформе. Здесь же писатель имел возможность ближе познакомиться и с детьми М. А. и Н. А. Милютиных — дочерьми Прасковьей, Еленой, Марией и сыном Юрием. В письмах к Милютиным Иван Сергеевич ласково называл девочек своими «маленькими приятельницами», а Юрия «юным мудрецом» и неустанно интересовался их увлечениями, занятиями и успехами в учебе.

Дружеские, теплые отношения Тургенева и семейства Милютиных продолжались и после смерти Н. А. Милютина, последовавшей в 1872 году. Об этом свидетельствуют публикуемые ниже второе и третье письма Марии Аггеевны к Тургеневу. Письма также свидетельствуют о том, что Милютина была любящей, внимательной, заботливой матерью и женой. Вероятно, это еще одна из причин, по которой она не состоялась как писательница.

Письма публикуются по автографам (*РО ИРЛИ*. № 5842), с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации.

1

Январь — апрель 1857 года (?). Петербург (?)

Может, вам это пригодится?[1] Скучно, — вы ничего не пишете и, говорят, не хотите даже писать более. Грешно вам. Зачем же было баловать нас.

Если не годится, — бросьте в печь, — туда и дорога. Если что годится, возьмите как свое. Простите эту дерзость ради многого, а между прочим и ради того, что

Соотечественница.

P. S. Хотела запечатать — опять остановилась. Страшно. Что если не сочувственным звуком повеет вам от родины? Не желала бы оказать эту медвежью услугу своей сестре — русской женщине… Я в состоянии просить вас ответить мне словечко, — чувствую, что буду мучить-

---

[14] *Феоктистов Е.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Воспоминания. М., 1991. С. 317. [Текст и предисл. печ. по изд. 1929 г., под редакцией и с примечаниями Ю. Г. Оксмана].

[15] *ПССиП(2). Письма*. Т. 11. С. 80.

[16] По свидетельству самой М. А. Милютиной, «весной 1867 года Николай Алексеевич Милютин с семейством выехал за границу и водворился на шесть месяцев в Баден-Бадене. Пребывание там Ив<ана> Сер<геевича> Тургенева много содействовало этому выбору» (*Стиль-Милютина М. А.* Иван Сергеевич Тургенев в записках и письмах к М. А. и Н. А. Милютиным. С. 175).

ся, как только это отправлю — а отправить — так вот и тянет. Не осуждайте ради глубокого уважения, благо<го>вения и *доверия* к вашей личности; а если сжалитесь и напишите (успокойтесь, — автографов не собираю, — куда нам, мы люди маленькие!), в самом деле осчастливите; хотелось бы *знать* ваш почерк; карточка есть, и люблю ее. В литературных упражнениях доселе замешана не была и плохо даже владею русским языком, — будьте же снисходительны. Если б вы знали, как воспитываются русские женщины![2] Адрес третьего лица, которое могло бы передать мне (если *будет милость* что сообщить, хотя бы *ту брань*, которую заслуживают эти торопливые плохие страницы, при сем прилагаемые), есть следующий:

Ее высокородию
Софье Львовне Чичаговой.[3]
На Фонтанке, в доме Шишмарева.

Да пошлет вам Бог всего лучшего.

Установить приблизительное время написания этого письма удается по следующим соображениям. Прежде всего разочарование Тургенева в литературной деятельности и намерение оставить ее, о которых упоминается в письме, относятся к началу 1857 г. Так, в письме к В. П. Боткину от 17 февраля (1 марта) 1857 г. писатель сообщал: «Что касается до меня — <…> ни одной *моей* строки никогда напечатано (да и написано) не будет до окончания века. Третьего дня я <…> изорвал и бросил в watercloset все мои начинания, планы и т. д.» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 3. С. 195). Во-вторых, Милютина пишет о том, что ей хотелось бы узнать почерк Тургенева. Первый известный нам автограф писателя, который получила от него Мария Аггеевна, датируется 19 февраля 1863 г. (имеется в виду речь, произнесенная Тургеневым на обеде у Н. А. Милютина 19 февраля 1863 г., русский текст которой хранился в семье Милютиных (ныне: *РО ИРЛИ*. № 4977. См.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 664). В-третьих, в конце письма Милютина указывает петербургский адрес третьего лица, которое могло бы передать ей ответ Тургенева. Следовательно, ее послание писателю было отправлено из Петербурга, где Мария Аггеевна поселилась вместе с мужем во второй половине 1850-х гг.

[1] По всей видимости, речь идет о неизвестном нам первом литературном опыте М. А. Милютиной, который она решила представить на суд писателя.

[2] В «Записках» о Н. А. Милютине, как и в письме к Тургеневу, Милютина неоднократно сетовала на недостаточность своего воспитания: «Выросшая в одиночестве, без матери, без покровителей, вдалеке от большого света, я думала всегда остаться от него в стороне» (Из записок Марии Аггеевны Милютиной // *РСт*. 1899. Т. 97. № 1 (Январь). С. 54).

[3] Лицо неустановленное.

2

26 марта (7 апреля) 1873 года. Москва

Москва.
Б<ольшая> Никитская,
д. Викулиной.
26 марта 73.

Милый и дорогой Иван Сергеевич! Не знаю, как благодарить вас за добрые строки[1] и за обещание приехать в Райки.[2] Вы не знаете, *что* вы

для меня этим сделаете и уже сделали. С самого получения вашего письма думаю о том, как вам буду показывать эти заветные места, где Николай Алексеевич жил, думал, отдыхал и работал, как покажу его комнаты, почитаю его письма, кой-какие собранные отметки, и воображение мое, которое часто меня увлекает, расходится до того, что я уже вижу вас самих пишущих в этих Райках — статью или «Воспоминания» о Николае Алексеевиче, я уже читаю их с восхищением на страницах «Вестника <Европы>»![3]

Конечно, если вы захотите, это и в самом деле так будет… — Вообще ваше письмо меня глубоко тронуло, и я искренно, от души благодарю вас. Если не пускаюсь опять в излияния, то, право, лишь оттого, что не хочу всякий раз вдаваться в те же doléance'ы,[a] но поверьте, жить все так же тяжело, печально, одиноко.[4] Увижу, что мне принесет весна, — а теперь очень скверно, да еще и здоровье порядком меня мучит. Почти без перерывов болит бок. Недавно проводила за границу двоюродного брата мужа Николая *Киселева*,[5] он в злейшей чахотке, вероятно, и не воротится более. Я люблю его как родного брата — сколько с ним связано воспоминаний, — и этот отъезд очень меня расстроил. Теперь уже не осталось у меня в Москве ни *одного родного*,[6] и в большие праздники, где всякий надеется остаться в семье, — мы чувствуем с детьми ужасное одиночество и какой-то разрыв с целым светом. Это еще раз ожидает нас в Светлое Христово Воскресенье. Думала к этому времени съездить с двумя старшими в Петербург, — да младших двух стало жалко;[7] к тому же там теперь Нева начнет[b] проходить, стало быть, наступит самое нездоровое время, я и отложила намерение. Между тем из П<етер>б<урга> получила следующее известие — что Дм<итрий> Алекс<еевич> подал в отставку (только еще не знают, *принял* ли ее Государь, но полагают, что примет).[8] И второе — о ужас! что одна из фрейлин Императрицы похищена разбойниками (между Соррентой и Амальфи), но неизвестно, кто из двух: Лиза ли Милютина или m-lle Pillar![9] — Это пахнет средневековыми временами.

Мои все благоденствуют, но недавно. Две недели тому назад они все переболели *angine*'ой, так что приходилось переходить от одной кровати к другой, но, слава Богу, всё на этот раз обошлось.

Юрий продолжает меня утешать. Послезавтра ему стукнет 17 лет! Вот бежит время. Я дарю ему верховую лошадь, которую советую ему назвать «*Малекадель*»[10] и на которой, надеюсь, что он перед вами будет в Райках гарцевать.

У нас было уже две недели очень теплой погоды в первой половине марта, и весь снег сошел. А вчера опять выпал снег и замерзло. Ев<гений> Ев<геньевич> Бачинский[11] просил меня напомнить вам о нем. Те-

---

[a] жалобы, сетования (*франц.*).

[b] *Далее зачеркнуто:* расход<иться?>.

перь сидит у меня Петр Федоров<ич> Самарин[12] и, узнав, что пишу вам, просил очень кланяться.

Крепко, от души жму вам руку.

М. Милютина.

[1] Это письмо Тургенева неизвестно.

[2] *Райки* (Райково) — усадьба под Москвой, расположенная на р. Клязьма и принадлежавшая отцу М. А. Милютиной — Аггею Васильевичу Абазе (1782—1852), а впоследствии ее брату — Александру Аггевичу Абазе (1821—1895). По-видимому, М. А. и Н. А. Милютины часто бывали в Райках и даже останавливались там на длительное время. Так, например, в 1858 г., когда государственная служба Н. А. Милютина едва не закончилась отставкой, они собирались обосноваться в Райках. М. А. Милютина в своих «Записках» отмечала: «...если придется выйти в отставку, снова попросим гостеприимства у брата в деревне, поедем в „Райки", поселимся там на зиму и лето, и оттуда Николай Алексеевич будет присылать статьи серьезного содержания в какой-нибудь журнал» (см.: *РСт*. 1899. Т. 93. № 1 (Январь). С. 49—50). Сведений о том, что Тургенев побывал в Райках, не сохранилось.

[3] В 1877 г. Тургенев согласился написать предисловие к готовившемуся М. А. Милютиной французскому изданию писем Н. А. Милютина: «...я с величайшим удовольствием <...> посвящу всё мое время на исполнение задачи, которую Вы мне препоручаете — и которую я считаю высокой честью для себя» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 140). Однако замысел этот не был осуществлен, лишь в 1899 г. в журнале «Русская старина» (№ 1—4) частично были опубликованы «Записки» М. А. Милютиной о Н. А. Милютине. См. также: *ПССиП(1). Письма*. Т. 12. Кн. 1. С. 571. Дальнейшая судьба предпринимавшегося Милютиной издания неизвестна. Вероятно, упоминаемые письма вошли в биографию Н. А. Милютина, написанную А. Леруа-Болье на основании его переписки (*Leroy-Beaulieu A.* Un home d'état Russe (Nicolas Milutine), d'après sa correspondance inédite. Etude sur la Russie et la Pologne pendant la règne d'Alexandre II (1855—1872). Paris, 1884). Не исключено, что это издание было осуществлено по совету и с помощью Тургенева.

[4] Тяжелое душевное состояние Милютиной связано со смертью мужа, которая последовала 26 января ст. ст. 1872 г.

[5] *Киселев Николай Сергеевич* (1832—1873) — двоюродный брат Н. А. Милютина по линии матери — Елизаветы Дмитриевны (урожд. Киселевой), сын С. Д. Киселева и его жены Елизаветы Николаевны (урожд. Ушаковой), собиратель и издатель материалов по истории XVIII — начала XIX вв.

[6] Все близкие и родные М. А. Милютиной жили в Петербурге: ее родной брат А. А. Абаза и сестра В. А. Абаза, двоюродный брат Н. С. Абаза, деверь Д. А. Милютин, семейство родной тетки Прасковьи Васильевны Львовой.

[7] Речь идет о детях М. А. Милютиной: «двое старших» — дочь Прасковья и сын Юрий, «двое младших» — дочери Елена и Мария.

[8] *Милютин Дмитрий Алексеевич* (1816—1912) —государственный деятель, военный министр (1861—1881), брат Н. А. Милютина. Предположение о том, что Александр II примет отставку Д. А. Милютина, не подтвердилось.

[9] Обстоятельства этого происшествия неизвестны. *Милютина Елизавета Дмитриевна* (в зам. Шаховская; 1844—1939) — старшая дочь Д. А. Милютина, фрейлина императрицы Марии Александровны, знакомая Тургенева. *M-lle Pillar* — Пиллар фон Пильхау Анна Карловна (1832—1885) — баронесса, фрейлина императрицы Марии Александровны. Е. Д. Милютина и А. К. Пиллар фон Пихлау сопровождали императрицу Марию Александровну и ее дочь великую княжну Марию Александровну во время их заграничной поездки, продолжавшейся с марта по июль 1873 г.

[10] Имя лошади главного героя в рассказе Тургенева «Конец Чертопханова» (1872). Этот рассказ читался в кругу семьи Милютиных вскоре после выхода его в свет.

[11] *Бачинский Евгений Евгеньевич* — воспитатель Юрия Милютина.

[12] *Самарин Петр Федорович* (1832—1901) — тульский губернский предводитель дворянства, брат Д. Ф. и Ю. Ф. Самариных, участник подготовки и проведения крестьянской реформы, знакомый Тургенева.

3

4 (16) июля 1873 года. Мон-Дор

Любезнейший Иван Сергеевич,

Надеюсь, что эти строки застанут вас еще в Карлсбаде,[1] — хотя я и запоздала ответом. Это случилось потому, что письмо ваше[2] пришло в Москву уже после моего отъезда оттуда и было мне переслано сыном[3] за границу. Как видите, наш *rendez-vous* в Райках[4] ни в каком случае нынче не мог удаться. Я решилась ехать лечиться в Mont-Dore,[5] особенно лечить старшую дочь, Пашу,[6] которая вот уже второй год стала хворать разными нервными болями и спазмодическим кашлем. Грудь, слава Богу, в порядке, но запускать болезнь все-таки нельзя. Очень мне не хотелось оставлять опять Россию, но благоразумие того требовало. По дороге в Mont-Dore мы провели несколько дней в Париже, где видели Ханыкова.[7] Я при нем получила ваше московское письмо и, узнав, что вы в Карлсбаде очень скучаете, он взялся писать вам. Надеюсь, что он исполнит это доброе намерение.

В первых числах *нашего* июля должны были прибыть в Карлсбад Ал<ександра> Пав<ловна> и Петр Фед<орович> Самарины.[8] Для обеих сторон желала бы, чтобы вы там встретились. Они так вас любят.

Что касается до нас — дочь, кажется, скучает, ибо у нас тут почти ни души знакомых; мне же здесь очень нравится: тихо, покойно, природа великолепная, прогулки восхитительные. Как пеший конному не товарищ, так и нашему брату в 40 почти лет трудно жить одною жизнию с 16-летнею девицей! Зато лечение ей, кажется, приносит пользу. Она берет des bains de vapeurs[a] или *aspirations*.[b] На днях ждем сюда Юрия p<ou>r ses 6 semains de vacances,[c] тогда будут вместе ездить верхом, и, верно, повеселеет.[9] Я же не дождусь моего милого мальчугана. Очень мне грустно и тяжело без него. Что за прелесть этот юноша и до чего я люблю его, — словами выразить не могу. Ни о чем другом говорить не имею и стараюсь вся на том сосредоточиться. Есть еще уголок сердца — куда заглядывать боюсь и избегаю. Если бы наступил другой фазис — вы *первый* то узнаете. Неужели правда, что вы хотите зимовать в России? В самом ли деле вы на это решились?[10] Как бы сказали вам спасибо ваши русские друзья, которым вы так долго изменяли! Но для вашего здоровья хорошо ли будет?

Пока скажите, где и когда можно будет с вами встретиться? Мы пробудем здесь и в St. Nectaire еще 5 недель, а потом я сама еще не знаю,

[a] паровые ванны (*франц.*).

[b] ингаляции (*франц.*).

[c] на свои 6 недель каникул (*франц.*).

куда поедем; верно только, что до конца октября пробудем за границею, чтоб сократить зиму в России. Пожалуйста, напишите, где вы будете и что здоровье.

Паша и Лена вам кланяются. Маша осталась в деревне у моей старшей сестры.[11]

Крепко-крепко жму вашу руку.

Преданная М. М.

Mont-Dore par Clermont F.
Villa Bastide.
4/16 июля 1873.

[1] В Карлсбаде Тургенев пробыл с 8 (20) июня по 12 (24) июля 1873 г.

[2] Это письмо Тургенева неизвестно.

[3] *Милютин Юрий Николаевич* (1856—1912) — юрист, публицист, редактор газеты «Кавказ» (с 1892 г.) и др. изданий.

[4] См. письмо 2, прим. 2.

[5] *Мон-Дор* (Мондор) — бальнеологический курорт во Франции на склонах массива Мон-Дор, в верховьях р. Дордонь. Щелочно-соленые источники этого курорта рекомендовались для лечения болезней дыхательных органов, ревматики и нервнобольных; для первых ингаляции водяных паров. М. А. Милютина выехала за границу 15 мая ст. ст.

[6] *Милютина Прасковья Николаевна* (1857—?) — дочь Н. А. и М. А. Милютиных.

[7] *Ханыков Николай Владимирович* (1822—1878) — географ, востоковед и этнограф. С 1860 г. длительное время жил в Париже, где и сблизился с Тургеневым.

[8] *Самарина Александра Павловна* (урожд. Евреинова; ум. 1905) — жена Петра Федоровича Самарина. А. П. и П. Ф. Самарины входили в круг московских знакомых Тургенева или, как отмечал сам Иван Сергеевич, в число «невраждебных москвичей» по отношению к нему и его творчеству. Сведений о том, встречался ли Тургенев с Самариными в Карлсбаде летом 1873 г., не сохранилось, однако известно, что летом 1874 г. Тургенев виделся в Карлсбаде с А. П. Самариной. По воспоминаниям Н. А. Островской, вечером 2 (14) августа в гостинице «König von England» в присутствии А. П. Самариной, П. М. Грибовского и его жены Тургенев прочел свой новый рассказ «Стучит!» (см.: *Островская Н. А.* Воспоминания о Тургеневе / С прим. М. А. Островской // Тургеневский сборник / Под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 61—63. Отд. оттиск; *ПССиП(1). Письма.* Т. 10. С. 274).

[9] В это время Ю. Н. Милютин учился в «Лицее в память цесаревича Николая» и показывал отличные способности в учебе, чем смог завоевать особое к себе внимание Тургенева.

[10] О намерении провести в России, по крайней мере, часть зимы 1873/1874 г. (с ноября по февраль) Тургенев сообщал также П. В. Шумахеру (1 (13) июля 1873 г.), А. А. Фету (20 июля (1 августа) 1873 г.), Н. А. Кишинскому (22 августа (3 сентября) 1873 г.), Н. С. Тургеневу (26 сентября (8 октября) 1873 г.) и др., однако приехать в Россию Тургенев смог лишь в мае 1874 г.

[11] *Абаза Вера Аггеевна* (1828—1903) — сестра М. А. Милютиной, знакомая Тургенева.

ЗАБЫТЫЕ... «НЕЗАБВЕННЫЕ ОБРАЗЫ!» (Два письма из альбома Галаховых)

Публикация Г. Н. Павловой

В июне 1991 года в фонды Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева поступил фотоальбом, в котором были помещены копии двадцати фотографий и двух писем из архива семьи Галаховых. Содержание и авторство этих писем весьма заинтересовали сотрудников музея.

Напомним, что после смерти И. С. Тургенева одной из его наследниц в России стала его дальняя родственница, племянница поэта А. А. Фета — Ольга Васильевна Галахова (урожд. Шеншина; 1858—1947). В 1906 году унаследованный ею дом И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове сгорел. К счастью, семейная библиотека, рукописи, личные вещи писателя и мебель, вывезенные ранее из Спасского в Орел и имение Галаховых Клейменово, не пострадали.

Осенью 1918 года решением музейной коллегии Наркомпроса дом Галаховых в Орле, по улице Садовой, 10, был «со всеми тургеневскими вещами <...> назначен под музей И. С. Тургенева».[1] И 24 ноября к 100-летию со дня рождения великого русского писателя в Орле был открыт музей-читальня имени И. С. Тургенева. К сожалению, другого жилья взамен назначенного под музей дворянского особняка Галаховым предоставлено не было.

В состав их семьи в это время входило семь человек: Ольга Васильевна, ее муж Николай Павлович, незамужняя дочь Кира Николаевна и младшая дочь Ольга Николаевна с тремя детьми от ее второго брака. Оставшись без жилья и средств к существованию, они очень бедствовали. Ольга Николаевна скончалась в 1920-е годы от тифа в имении своих друзей в селе Сергиевском под Орлом. Ее родители, сестра и осиротевшие дети после долгих мытарств в 1924 году навсегда покинули Россию.

Остаток жизни О. В. и Н. П. Галаховы провели в «старческом доме» в парижском предместье Сент-Женевьев де Буа. Их дочь, Кира Николаевна Галахова (1886—1967), живя в Париже, зарабатывала на жизнь, учительствуя в школе госпожи Мещерской для обеспеченных детей. Внуки, получив хорошее образование, создав свои семьи, обосновались в разных странах Европы и США и лишь в конце 1970-х—начале 1980-х годов смогли приехать в Россию, посетить Орел, Спасское-Лутовиново, Клейменово.

С этого времени между потомками Галаховых и музеем И. С. Тургенева в Орле установились добрые дружеские отношения, их приезды в Россию стали более час-

[1] *Кончин Е. В.* Время собирать камни. Орел, 2001. С. 35.

тыми, фонды музея пополнялись материалами по истории этой семьи, связанной своей родословной с крупнейшими представителями русской культуры.

В 1990-е годы в России после долгого запрета вновь стали действующими многие церкви. Открыла свои двери и церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, построенная в 1890 году О. В. и Н. П. Галаховыми на средства прихожан и пожертвователей в селе Клейменово (ныне Орловский район Орловской области). Находящаяся при ней усыпальница с могилами А. А. Фета и его супруги была приведена в надлежащий порядок. В Клейменово потянулся поток туристов — почитателей творчества замечательного поэта.

В июне 1991 года многочисленные потомки Галаховых присутствовали на церковной службе в клейменовской церкви, обретшей новую жизнь. Была среди них и дочь О. Н. Галаховой от первого брака Ольга Георгиевна Трубникова (в замужестве — баронесса фон Ден; 1910—1995), проживавшая в США. Это был ее первый и последний приезд в Россию после долгой разлуки. Во время этого приезда в подарок музею И. С. Тургенева Ольга Георгиевна передала копию семейного альбома, в котором, как уже было сказано, находились два письма, перепечатанных на машинке. Оба письма подписаны фамилией «Пороховщиков». Одно из них — от 22 июня 1945 года, адресовано, очевидно, в Нью-Йорк непосредственно О. Г. фон Ден, второе — от 28 января 1948 года, было направлено во Францию К. Н. Галаховой с выражением соболезнования по случаю смерти ее матери. Письма содержат тонкие, лиричные характеристики О. В. и Н. П. Галаховых и их близких, оригинальный отзыв о творчестве И. С. Тургенева и ностальгические воспоминания об Орле.

Долгое время не представлялось возможным установить имя и род занятий автора этих писем — Пороховщикова. За помощью сотрудники музея даже обращались к известному в России представителю рода Пороховщиковых — актеру и режиссеру А. Ш. Пороховщикову. Были собраны обширные материалы о представителях этой фамилии, начало которой в России положил магометанин Али (турок или албанец), прибывший в Россию берейтором с турецким послом в начале XIX века. Али оставил свою семью, перешел на службу к русскому царю, принял христианство, получив при крещении имя Александр, вступил во второй брак с русской женщиной, от которой имел детей и, скончавшись при дворе императора Николая I в 1827 году в Москве, был погребен на кладбище Донского монастыря. «Иван Александрович был передан в Петербургский императорский театр. У него открылись таланты, и он 18 лет был выпущен на сцену. Актер, музыкант-танцмейстер, он в то же время записан был в кавалерийский полк, и бывши при театре, получил чин военный».[2]

Среди потомков Али — прадед актера, выпускник орловского Бахтина кадетского корпуса Александр Александрович Пороховщиков (1834—1918), гвардейский офицер, отставной капитан лейб-гвардии Семеновского полка, издатель, публицист. Он также «известен был в Москве как строитель, выработавший особый архитектурный Пороховщиковский стиль»,[3] ярким образцом которого стал построенный им в 1870-е годы в Москве гостиничный комплекс «Славянский базар».

Его сын, Александр Александрович Пороховщиков (1892—1943), дед актера, талантливый конструктор, создатель первого в мире танка, первых понтонных мостов, еще до революции на собственном колесном заводе наладил первое в России серийное производство военных самолетов и сам принимал участие в их испытании. После революции Александр Александрович возглавлял работу одного из конструкторских бюро. Во время Великой Отечественной войны он был репрессирован и расстрелян.

---

[2] *Нилус С. А.* Святыня под спудом. М.; СПб., 2000. С. 73.

[3] *Кулябка К. Ф.* Воспоминания старого орловца // *РСт.* 1908. Август. С. 379.

О судьбе деда, о судьбе своей семьи А. Ш. Пороховщиков рассказал в фильме «Цензуру к памяти не допускаю», получившем в 1992 году на кинофестивале «Кинотавр» в городе Сочи главный приз прокатчиков кино и приз зрительского жюри «За исповедальность». После показа этого фильма на Первом фестивале русского кино в Сан-Рафаэле (Франция) Александр Шалвович окончательно убедился в том, что «Пороховщиковы живут по всему миру». Растерявшие друг друга за годы революции, войн и репрессий, они звонили и писали автору фильма со всех концов земного шара в надежде собрать воедино веточки своего родословного древа.

Буквально по крупицам нам удалось собрать материалы к биографии двоюродного брата деда актера — прокурора Орловского окружного суда Петра Сергеевича Пороховщикова, жившего в Орле в интересующие нас 1900-е годы. Есть основания именно его считать автором ниже публикуемых писем: он, как и автор писем, в течение двух лет (1901—1902) жил в Орле, по долгу службы был, очевидно, знаком с Н. П. Галаховым, который длительное время, включая эти годы, избирался почетным мировым судьей по Мценскому участку Орловского окружного суда. К тому же, как удалось установить по материалам Госархива Орловской области, а также по «Памятным книжкам Российской империи», других Пороховщиковых в 1900-е годы в Орле не было.

Петр Сергеевич Пороховщиков родился в 1867 году в Санкт-Петербурге. Его отец, Сергей Александрович Пороховщиков (ум. в 1888), был директором Сибирского кадетского корпуса в Омске. Его мать, Надежда Петровна, урожденная Чайковская (род. после 1841), приходилась двоюродной сестрой П. И. Чайковскому. Имя Петр в семье Чайковских переходило из поколения в поколение. Как известно, после смерти в 1854 году матери композитора, его отец Илья Петрович и дядя Петр Петрович Чайковские жили общим домом в Петербурге, вместе воспитывали своих детей. В одном из писем летом 1856 года юный ученик Императорского училища правоведения Петр Чайковский сообщал: «Теперь мы живем с нашим дядей, старшим братом отца, мои кузины восхитительные существа».[4] Совместная жизнь с семьей дяди положила начало дружбе П. И. Чайковского с двоюродными сестрами: Анной Петровной (в замужестве Мерклинг), Лидией Петровной (в замужестве Генке) и Надеждой Петровной — женой генерала С. А. Пороховщикова. В январе 1876 года композитор прожил около двух недель в Петербурге в ожидании премьеры своей Третьей симфонии и, описывая брату свое времяпрепровождение, в частности, сообщал, что субботний вечер он провел у А. Н. Апухтина, а в воскресенье днем навестил Н. П. и С. А. Пороховщиковых.[5] Так что одиннадцатилетний племянник-тезка вполне мог запомнить эту встречу родственников.

Учился Петр Сергеевич в Лицее цесаревича Николая, после чего поступил на юридический факультет Московского университета. «С декабря 1889 года в течение года служил по ведомству Министерства юстиции кандидатом на судебные должности, а потом был определен на место „и. д. помощника секретаря при прокуроре Московской судебной палаты". Несколько лет Пороховщиков состоял на различных канцелярских должностях — старшего помощника делопроизводителя государственной канцелярии, младшего делопроизводителя, члена хозяйственного комитета канцелярии. Первый самостоятельный пост П. С. Пороховщиков получил в августе 1894 года, когда его назначили товарищем прокурора Смоленского окружного суда. Через год способного и хорошо проявившего себя на службе П. С. Пороховщикова перевели товарищем прокурора Московского окружного су-

[4] *Чайковский П. И.* Полн. собр. соч. Литературные произведения и переписка. М., 1959. Т. 5. С. 59. Там же в письме от 7 мая 1874 г. к А. П. Мерклинг П. И. Чайковский пишет: «Поцелуй от меня Лиду и Надю, их детей и супругов» (С. 353).

[5] *Чайковский П. И.* Письма к близким. Избранное. М., 1955. С. 103.

да».[6] В Орел прокурор Пороховщиков был переведен из Кашинского окружного суда, а через два года продолжил службу в той же должности в Харькове.

Самым громким судебным процессом, проведенным Пороховщиковым в Орле, было «Дело о поджоге с целью получения страхового вознаграждения». По нему обвинялись трое соучастников: калужский дворянин В. Дурново и орловцы, жители улицы Новосильской Н. Сарычев и И. Лобанов, в ходе расследования было опрошено более 60 свидетелей, приняты во внимание мнения трех адвокатов, трех врачей-психиатров (в том числе — известного П. И. Якоби). Следствие длилось почти полгода, дело слушалось несколько дней и привлекло внимание огромной части населения города и местной печати: газета «Орловский вестник» опубликовала обширную информацию об этой ловкой афере в четырех апрельских номерах за 1902 год.

Суть происшествия заключалась в следующем: изгнанный отцом из дома за любовь к актрисе орловского театра, без средств к существованию, В. Дурново по наущению и при содействии конторщика трамвайного депо Ивана Лобанова решил разбогатеть, придав огню застрахованное имущество. Так как своего имущества у него не было, он вместе с Иваном Лобановым в течение нескольких дней перенес в свою квартиру взятые напрокат в орловских магазинах и временно у жены Лобанова мебель, пианино, лисий салоп и прочие дорогие вещи, вызвал страхового агента для оформления страховки, а затем вернул вещи и, договорившись с хозяином квартиры Николаем Сарычевым, старый дом которого уже был застрахован на приличную сумму, сжег и дом, и «имущество».

Произнося обвинительную речь, прокурор П. С. Пороховщиков говорил, что «он редко чувствовал себя в более затруднительном положении, чем в настоящем деле, где ему приходится идти ощупью без уверенности дойти до конца». Для Петра Сергеевича важно было выиграть этот процесс, так как он справедливо полагал, что «если Сарычев и Лобанов выйдут из зала суда „честными и почетными гражданами", то года через два мы опять, наверное, будем судить их за поджог», а «гореть в наши дни станет самое выгодное и прелюбезное дело».[7] К сожалению, следственные документы и приговор в архиве не сохранились, а из публикаций «Орловского вестника» известно, что основная тяжесть обвинения легла на автора идеи, запасного унтер-офицера Ивана Лобанова, который, как выяснилось во время следствия, ранее уже дважды использовал такой способ обогащения.

Это событие, возможно, было бы малоинтересно в историко-краеведческом плане, если бы оно не способствовало правильному пониманию обстановки 1900-х годов, сложившейся в Орле. Думается, что всеобщей подозрительностью, возникшей после этого нашумевшего в городе скандала, в некоторой степени можно объяснить те упреки и обвинения, которые обрушились в первую очередь на Н. П. Галахова после пожара, случившегося в Спасском в ночь с 19 на 20 января 1906 года и уничтожившего дом И. С. Тургенева. Орловские газеты и позже писали, что новые владельцы Спасского сознательно подожгли дом, застрахованный на приличную сумму. Одна из публикаций 1928 года, обвинявшая Галахова, так и называлась — «Орловский Герострат».[8] Она носила еще более обидный характер в силу того, что О. В. и Н. П. Галаховы в 1928 году не могли высказаться в свое оправдание ни устно, ни в печати, не могли напомнить своим обвинителям о хлопотах по сохранению и передаче тургеневских и фетовских реликвий советскому государству.

В историю юриспруденции П. С. Пороховщиков вошел как выдающийся теоретик судебного красноречия и один из самых просвещенных юристов своего време-

---

[6] *Черкашина Е.* Предисловие // *Сергеич П. <Пороховщиков П. С.>* Искусство речи на суде. М., 1988. С. 6.

[7] Орловский вестник. 1902. № 112, 113, 115, 116. Апрель—май.

[8] *Лебедев И.* Орловский Герострат // Орловская правда. 1928. 20 сентября. № 219. (*ОГЛМТ.* 4953 нф.).

ни. Он стал автором многочисленных статей, большинство из которых публиковалось в специальном издании «Право» в 1900-е годы. Свои печатные работы Пороховщиков часто подписывал псевдонимом «П. Сергеич». В 1908 году в Санкт-Петербурге вышла его первая книга «Уголовная защита», содержащая ряд важных советов начинающим адвокатам о том, как овладеть навыками полемики и произнести убедительную речь на суде. Вслед за ней в 1910 году П. С. Пороховщиков издает объемный труд «Искусство речи на суде», цель которого научить строить свою речь логично, ярко и убедительно. Несмотря на то, что книга была предназначена прежде всего прокурорам и адвокатам, она вызвала интерес читающей публики.

Высокую оценку книге дал выдающийся русский судебный деятель, яркий оратор А. Ф. Кони (1844—1927). В своей статье, также названной «Искусство речи на суде», он писал: «Книга П. С. Пороховщикова — полное, подробное и богатое эрудицией и примерами исследование о существе и проявлениях искусства речи на суде. В авторе попеременно сменяют друг друга восприимчивый и чуткий наблюдатель, тонкий психолог, просвещенный юрист, а по временам и поэт, благодаря чему эта серьезная книга изобилует живыми бытовыми сценами и лирическими местами, вплетенными в строго научную канву».[9]

В 1913 году Российская Академия наук присудила П. С. Пороховщикову половинную Пушкинскую премию (500 рублей) за книгу «Искусство речи на суде» (СПб., 1910), вторая половина премии досталась П. Е. Щеголеву за книгу «Пушкин. Очерки» (СПб., 1912). Много лет спустя, в начале нового, XXI века, подобную награду — Пушкинскую медаль российской словесности, присуждаемую среди русской эмиграции, получил двоюродный внук Пороховщикова, профессор, доктор философии, французский писатель Владимир Волкофф, произведения которого почти неизвестны в России.

Книга П. С. Пороховщикова, состоящая из 9 глав, богата цитатами из произведений русских и зарубежных классиков, древних философов, историков и политических деятелей. В ней неоднократно приводятся примеры из судебных речей знаменитых русских юристов С. А. Андреевского и А. Ф. Кони. Поистине современно звучат слова Пороховщикова, призывающего своих читателей «уметь говорить»: «...мы не умеем и не учимся, а разучиваемся; в школьные годы мы говорим и пишем правильнее, чем в зрелом возрасте. Доказательства этого изобилуют в любом из видов современной русской речи: в обыкновенном разговоре, в изящной словесности, в печати, в политических речах. Наши отцы и деды говорили чистым русским языком, без грубостей и без ненужной изысканности <...>». Автор с горечью замечает, что «в наше время, в так называемом обществе, среди людей, получивших высшее образование, точнее сказать, высший диплом, читающих толстые журналы, знакомых с <...> языками» можно услышать массу неблагозвучных слов и неграмотных выражений.[10]

Говоря о богатстве русского языка, Пороховщиков неоднократно обращается к творчеству и имени Пушкина: «У нас многие не прочь похвалиться тем, что не любят стихов. Если бы спросить, много ли стихов они читали, то окажется, что они не равнодушны к поэзии, а просто не знакомы с нею. <...> Откройте наудачу Пушкина и прочтите вслух первый попавшийся стих в кружке знакомых: немногие узнают и скажут все стихотворение. Мы, однако, обязаны знать Пушкина наизусть; любим мы поэзию или нет; это все равно; обязаны для того, чтобы знать родной язык во всем его изобилии».[11]

Пороховщиков пишет, что произносимая в суде речь должна быть не только грамотной, логичной, пристойной, не засоренной иностранными словами, но и благозвучной: «Красота звука отдельных слов и выражений имеет, конечно, второ-

---

[9] *Кони А. Ф.* Искусство речи на суде // *Сергеич П.* Искусство речи на суде. С. 338.

[10] *Сергеич П.* Искусство речи на суде. С. 14.

[11] Там же. С. 25—26.

степенное значение в живой, нервной судебной речи. Но из этого не следует, что ею должно пренебрегать. <...> а чтобы судить, как значительны для слуха могут быть даже отдельные слова, вспомним одну строфу из Фета:

Пусть головы моей рука твоя коснется
И ты сотрешь меня из списка бытия,
Но пред моим судом, покуда сердце бьется,
Мы силы равные, и торжествую я.

Нельзя не видеть, как много выигрывает мысль не только от смысла, но и от звучания глагола „сотрешь". Скажите „снесешь" и сила теряется».[12]

Предпоследняя, восьмая глава книги называется «О пафосе». В ней Петр Сергеевич говорит о праве произносящего судебную речь воздействовать на естественные чувства судей и присяжных и называет основные условия истинного пафоса: искренность и простота. «Искреннее волнение естественно передается простыми словами. <...> возьмите Тургенева и перечтите последнюю сцену на могиле Базарова»,[13] — советует автор, отсылая своих читателей к роману «Отцы и дети».

Несмотря на множество писательских имен и цитат, использованных в работе, ощущается особый интерес П. С. Пороховщикова к творчеству Шекспира. Он обращается к таким произведениям, как «Гамлет», «Ромео и Джульетта», «Генрих IV», «Юлий Цезарь» и др. Эпиграфом к книге также являются слова одного из персонажей трагедии «Гамлет» — Полония, обращенные к его сыну Лаэрту:

Но главное: будь верен сам себе;
Тогда как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим.[14]

Мы приводим эти слова в переводе М. Лозинского, тогда как Пороховщиков дает их на английском языке. Петр Сергеевич свободно владел английским. Знал он и другие языки. В 1906—1908 годах его переводы с немецкого диалогов Шопенгауэра «О религии» вызвали недовольство властей, но были горячо одобрены Л. Н. Толстым, которому Пороховщиков послал в Ясную Поляну экземпляр отпечатанной, но запрещенной к продаже книги. Судьба распорядилась так, что после 1917 года английский язык стал для него необходимым.

К сожалению, мы мало знаем о жизни и деятельности П. С. Пороховщикова в эмиграции. Известно, что он жил в США.[15] Его имя упоминается в списке русских ученых, преподававших в американских ВУЗах в 1920-х — 1930-х годах: «В США, по опубликованным данным, в начале 30-х годов насчитывалось до 200 русских ученых. После Октябрьской революции в Америке оказались: М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, Л. И. Страховский, П. С. Пороховщиков, Н. Н. Мартинович, А. И. Назаров, Д. Н. Федотов-Уайт, А. Л. Фовицкий, Г. В. Лантцев, С. Г. Елисеев, А. Г. Мазур, С. А. Корф, М. З. Винокуров, Р. Н. Родионов и др.».[16] П. С. Пороховщиков преподавал историю в Огельторпском университете (г. Атланта, штат Джорджия), в 1928—1929 годах он был также «выездным лектором» Института междуна-

---

[12] Там же. С. 41. Автор цитирует четверостишие из элегии А. А. Фета «Смерти» («Я в жизни обмирал и чувство это знаю...») (1884).

[13] Там же. С. 277.

[14] Там же. С. 13, 353.

[15] Огромную помощь музею в собирании материалов о жизни П. С. Пороховщикова в США оказал проживающий в г. Нью-Фэрфильде, штат Коннектикут, Константин Владимирович Гальской, сын поэта-орловца В. Л. Гальского (1908—1961).

[16] *Петров Е. В.* Научно-педагогическая деятельность русских историков-эмигрантов в США в первой половине XX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. СПб., 2002. С. 34.

родного образования в Нью-Йорке. Именно в этот период у Петра Сергеевича появилась возможность заняться изучением биографии и творчества самого великого и загадочного английского писателя XVI века — Уильяма Шекспира. Пороховщиков был одним из тех, кто вот уже более 200 лет пытается ответить на так называемый «шекспировский вопрос»: существовал ли Шекспир и кто это такой. Как известно, на этот вопрос существует более 50 версий ответа. Книга Пороховщикова, которая так и называется «Шекспир без маски», поддерживает версию о том, что произведения Шекспира были созданы пятым графом Ретлендом Роджером Мэннерсом. Она вышла в свет на английском языке в 1940 году в одном из зарубежных издательств, а в 1955 году была переиздана в Лондоне. В России о ней знает лишь узкий круг шекспироведов.

«Искусству речи на суде» повезло больше. Книга переиздавалась в России в 1960, 1988, 1998 и 2000 годах и всегда с неизменным успехом. Умер П. С. Пороховщиков, предположительно, в 1950-е годы, в Сан-Франциско, откуда, очевидно, и были написаны публикуемые письма, которые позволяют нам не только почувствовать атмосферу старого Орла, но и открыть для себя интересную страницу русской культуры, воссоздать «незабвенные образы» и самого автора, и супругов Галаховых, которые поистине были «вместе воплощение родового благородства <...> и духовного изящества».

Начало письма Пороховщикова к О. Г. фон Ден свидетельствует о том, что в условиях эмиграции Петр Сергеевич по-прежнему обращал внимание на чистоту русского языка. Он был в числе тех, кто заботился об образовании русской молодежи, оказавшейся вне России. Первые строчки этого письма как бы являются продолжением мыслей, высказанных им в разделе «Чистота слога» книги «Искусство речи на суде»: «Во многих случаях для известного понятия у нас вместо одного иностранного есть несколько русских слов, и тем не менее все они вытесняются из употребления неуклюжими галлицизмами».[17] Общность стилистики текстов писем и книги служит дополнительным аргументом в пользу нашего предположения, что автором публикуемых писем действительно является Петр Сергеевич Пороховщиков.

Оба письма отпечатаны на машинке по старой орфографии. При публикации использованы современная орфография и пунктуация. Публикуя эти письма, мы не ставим точку в изучении судеб упомянутых нами людей и надеемся на продолжение разговора о дружеских и родственных связях представителей замечательных русских родов — Галаховых, Пороховщиковых и других.

1

П. С. Пороховщиков — О. Г. фон Ден[1]

22 июня <19>45.

Дорогая моя Олечка!

Как мне иначе называть Вас, когда я матушку Вашу иначе как Олечкой[2] никогда не называл?

Прежде всего, Вы отлично пишете по-русски. И притом чистым русским языком. А наши зарубежники пишут просто помоями из галлицизмов. Сколь было Вам лет, когда уехали из России?[3]

Сообщите адрес тетушки Киры Николаевны.

---

[17] *Сергеич П.* Искусство речи на суде. С. 19.

Обрадовали меня, сообщив, что и бабушка Ваша здравствует, слава Богу.

Стишонки, Вам мною посланные, написаны не дяденькой Вашим, а собственно мною. В. П. Мятлев,[4] на свадьбе Олечки, Вашей матушки, написал — он сидел за обедом рядом с Кирой Галаховой и Кирой Блохиной:[5]

Когда сижу я рядом с Кирой,
И Киру вижу пред собой…

Дальше не помню. А вот что помню, и что написано действительно Мятлевым:

Из Орла вечерней мглою
Ваш отец вернулся в дом
С черным греком Магулою,
Хорошо, что не с жидом.

Под бровями нос картошкой
И бородка, как игла,
Ростом мал, на тонких ножках,
Вот художник Магула.

Карандашик держит в ручках,
Мажет, мажет без конца,
Но выходит месяц в тучках
Вместо вашего лица.

Повидавшись с Магулою,
Вы свели его с ума.
С ним пойдете к аналою,
Если так велит Мама.

Но еще до этой свадьбы,
Если б дали мне метлу,
Я бы выгнал из усадьбы
Господина Магулу.

Чья же Вы дочь? Свойство Ваше с Мятлевым мне ясно.[6] В Париже, во время гражданской войны, я виделся с Вырубовым,[7] в Орле на свадьбе помню Юрия Александровича Трубникова и Олечку[8] под венцом с ним. Имени и отчества второго мужа Вашей матушки не помню.

Очень понимаю Ваше отчуждение или отчужденность с американцами. Хорошо, очень много и щедро помогают и нашим русским повсюду во всякой беде. У меня здесь много истинных друзей между ними, но мы и они так глубоко различны, что остаемся чужими, даже при искренней дружбе.

Я живу у моей племянницы и воспитанницы Натальи Алексеевны Дэвисон.[9] Ее муж, врач, служил два года в американском Красном Кресте в Сибири, где они и повенчались. В Орле Наташе было 5—6 лет. Она чуть помнит и Киру Николаевну и Олечку.

Скажите про Вашего мужа.[10] Понимаю, что у Вас нет детей?

Не думаю, что приеду в Н. Йорк в скором времени, хотя у меня там много близких друзей. Дорого, не по средствам.

Передайте мой поклон Вашему мужу. Целую Ваши ручки.

Преданный Вам

Пороховщиков.

[1] *ОГЛМТ.* 31308 оф. Автор публикации выражает благодарность заведующей музеем писателей-орловцев Л. М. Маричевой и историку-краеведу Е. Н. Ашихминой за помощь в подготовке этих писем к печати.

[2] *Галахова Ольга Николаевна* (28.07.1888—11.06.1921), в первом браке — Трубникова (имела двоих детей: Александра и Ольгу), во втором браке — Вырубова (имела троих детей: Ирину, Василия и Николая).

[3] В 1911 г. первый брак О. Н. Галаховой с Г. А. Трубниковым распался. Дети, родившиеся в этом браке, Александр и Ольга Трубниковы, остались в семье отца и были вывезены родственниками за границу до 1914 г.

[4] *Мятлев Владимир Петрович* (1868—1946), поэт, автор нескольких книг стихотворений. В орловской областной библиотеке им. И. А. Бунина сохранились две его книги: «Кошмары» (Т. 6. Орел, 1910) и «Портрет маркизы» (Поэма в лицах и стихах, посвященная графине О. В. Беннигсен ... Орел, 1910). Подборка его стихов опубликована также в Литературном сборнике под ред. П. Михеева «Орловцы жертвам войны», изданном в орловской типографии губернского правления в 1915 г. «На усиление средств Дамского комитета» (С. 70—78). Умер Мятлев во Франции, предположительно в Каннах. Относительно года его смерти имеются разночтения. В некоторых источниках указано: умер после 1933 г., так как в 1933 г. был издан последний сборник его стихотворений.

[5] Лицо неустановленное. Возможно, родственница С. А. Блохина — секретаря земской управы, редактора «Трудов Орловской ученой архивной комиссии».

[6] Поэт В. П. Мятлев, внук поэта И. П. Мятлева (1796—1844), автора широко известного стихотворения «Как хороши, как свежи были розы». Родство Галаховых и Мятлевых имеет более глубокие корни, так как родная сестра И. П. Мятлева Софья Петровна (в замужестве Галахова) была родной бабушкой Н. П. Галахова. Имение В. П. и Н. С. Мятлевых находилось в селе Старое Горохово Орловского уезда Орловской губернии, в местах, где родился Н. С. Лесков. Господский деревянный двухэтажный дом в Старом Горохове, занятый после революции под волисполком, сгорел в 1922 г. (См.: *ГАОО.* Р-476. Оп. 1. Ед. хр. 250. Переписка с землемерами Орловского уезда о национализированных садах и огородах. 1922 г.).

[7] *Вырубов Василий Васильевич* (1879—1963), второй муж О. Н. Галаховой. Во время Первой Мировой войны в 1914—1915 гг. воевал на Западном фронте, в 1917 г. вступил во Временное правительство, был товарищем министра внутренних дел Г. Е. Львова. С 1918 г. жил в Париже, был активным деятелем Земгора.

[8] *Трубников Георгий* (Юрий) *Александрович* (18.08.1884—1924), первый муж «Олечки» — О. Н. Галаховой, сын орловского губернатора 1894—1901 гг. А. Н. Трубникова.

[9] *Наталья Алексеевна Дэвисон* (урожд. Беклемишева), очевидно, дочь двоюродной сестры П. С. Пороховщикова — Веры Александровны Беклемишевой (урожд. Пороховщиковой). На попечении В. А. Беклемишевой в 1890-е гг. некоторое время находились дети ее сестры Ольги Александровны Симанской (1857—1920), в их числе был и Сергей Владимирович Симанский (1877—1970), будущий патриарх Московский и всея Руси Алексий I (1945—1970). О дальнейшей судьбе В. А. Беклемишевой пока ничего неизвестно. В своем письме в музей от 29 мая 2008 г. К. В. Гальской сообщал: «Наталья Алексеевна Дэвисон жила в 1962 году в городе Атланта, штат Джорджия (адрес: 4047 Tuxedo Road, Atlanta, Georgia). Ее сын Алексей (родился в 1931 г.) был врачом и с мая 1961 г. по май 1963 г. в чине капитана военно-воздушных сил США занимал должность помощника военно-воздушного атташе в посольстве США в Москве и был врачом для всех по-

сольских нужд. В 1962 он обследовал Марину Освальд в связи с ее эмиграцией совместно с Ли Харви Освальдом из СССР в США. Во время обследования он дал адрес матери Освальдам и сказал, что если они по пути в Даллас, штат Техас, будут проездом через Атланту, то всегда найдут радушный прием у его матери. Освальды, судя по всей доступной информации, не воспользовались этим предложением, согласно данным Комиссии Варрена, расследовавшей позже убийство Кеннеди и нашедшей этот адрес в записной книжке Освальда. Сам Алексей Дэвисон должен был покинуть СССР в мае 1963 г., после того как был объявлен persona non grata (в декабре 1962 г.) в связи с шпионским делом полковника Олега Пеньковского. Все исследования сходятся к тому, что тогдашний резидент ЦРУ в Москве использовал Дэвисона как своего рода связного между Пеньковским и ЦРУ. Все исследователи склоняются к тому, что Дэвисон не был полноценным сотрудником ЦРУ, а что ЦРУ использовало его одноразово...

В университете Эмори, в Атланте, хранится архив мужа Наталии Алексеевны, врача Гал МакКлуней Дэвисона (Hal McCluney Davison). Архив содержит материалы с 1911 по 1958 гг. (год смерти Гала Дэвисона). В Интернете есть опись архива; особого внимания заслуживает пометка „Паспорт дяди Пети в рамке" (Uncle Peter's framed passport). У меня очень сильное подозрение, что „дядя Петя" никто другой, как Пороховщиков (никто из американцев своего паспорта в рамку не вставляет; это должен был быть какой-то особый паспорт — может, это даже и не паспорт, а диплом из Училища Правоведения; я такие дипломы видел, и они действительно просятся в рамку). Есть несколько папок с материалами и фотографиями, связанными с работой Г. Дэвисона в Томске и Сибири, вначале как американского военного врача с 17-ым Эвакуационным полевым госпиталем, а затем как врача с международным отделом американского Красного Креста. Вернувшись в Штаты, Дэвисон занимал довольно крупное положение в медицинских кругах Атланты — преподавал в трех или более университетах, состоял врачом-консультантом в пяти госпиталях Атланты».

[10] Сведениями о супруге О. Г. Трубниковой бароне фон Дене музей не располагает. Возможно, он является родственником капитана (с 1916 г.) военного крейсера «Варяг» Карла Иоакима фон Дена, выходца из прибалтийских немцев, жившего после революции в эмиграции. Известно, что об отречении русского царя от престола команда «Варяга» узнала в Ливерпуле, после чего половина ее вернулась в Россию, а оставшиеся были приглашены в Америку для строительства новых судов.

2

П. С. Пороховщиков — К. Н. Галаховой

28 января <19>48.

Дорогой друг Кира Николаевна.

Олечка фон Ден сообщила мне о кончине Ольги Васильевны.[1] Примите мое почтительное глубокое сочувствие. Сколько нежных восхитительных воспоминаний связано с ее именем! Как и с именем очаровательного Николая Павловича.[2] Ведь они были вместе воплощение родового благородства и светского и духовного изящества — той исключительной среды, в которой выросли Вы и покойная столь же прелестная наша Олечка, Ваша сестра. Как легко и просто проявлялась эта изысканная обаятельность! Они были такими, какими родились и воспитались. А тетушка Ваша Мария Павловна![3] Она была больше богиня, чем женщина.

Мне ясно помнится Ваш рассказ о ее смерти в тюрьме. Была царица и встретила смерть в царском величии. Да, у таких людей можно было

учиться, как надо жить и как должно умереть. И это учение шло от них само собой. Они не думали о нем и наверное не сознавали всей своей красоты и своего влияния на других. Недаром Орел был в самом сердце России.

Воспоминания об Орле переносят меня в особый мир, исключительный и несравненный. Время, там прожитое, — одно из лучших в целой моей жизни.

И знаете, что удивительно и замечательно? Тургенев был орловский помещик, полжизни прожил в своей родной губернии, имел самый тонкий талант писателя художника. И напрасно стали бы мы искать в его страницах верного изображения того исключительного, изысканного общества, к которому он принадлежал и мог наблюдать в течение всей своей жизни.

Он был поколением старше, может быть, двумя поколениями. В умственном брожении, в отражении общественных перемен и настроений должна была быть и была действительная разница между ними и теми, которые были за ними. Но в настоящей воспитанности, в той тонкой изысканности, между старшими и младшими резкой грани между ними не было. А как бледны, бесцветны люди в его книгах по сравнению с Вашим отцом, Вашей матушкой, их друзьями! Я не говорю о повести «Отцы и дети». Это почти гениальное произведение. Но помимо этой повести, я отдал бы все им написанное за правдивую картинку той жизни, что я видел и в которой имел счастье прожить два года и... немножко, а может быть совсем не немножко влюбиться в Вас.

Милое, милое, родное время, очаровательные, незабвенные образы!

Крепко обнимаю Вас и целую Ваши ручки.

Моя племянница Наташа просит Вас принять ее горячее, сердечное сочувствие Вашему горю.

Всею душою преданный Вам

Пороховщиков.

[1] Речь идет о кончине О. В. Галаховой в «старческом доме» в Сент-Женевьев де Буа.

[2] *Галахов Николай Павлович* (1855—1936), из дворян Новгородской губернии, действительный статский советник, камергер. Службу начал в 1874 г. рядовым Семеновского полка. В 1877—1878 гг. подпоручиком участвовал в русско-турецкой военной кампании на Балканах. За «отличие в делах против турок» был награжден орденами Св. Анны 4-й и 3-й степеней и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и др. В 1882 г. женился на О. В. Шеншиной. В 1884 г. вышел в отставку в чине поручика, переехал с семьей на постоянное место жительства в Орловскую губернию. Был активным общественным и земским деятелем. С сентября 1884 г. в течение многих лет избирался почетным мировым судьей по Мценскому участку Орловского окружного суда, был гласным уездного земства, уездным предводителем дворянства. С 1908 по 1915 гг. — орловский вице-губернатор, в 1915 г. был назначен губернатором Витебской губернии (*ГАОО*. Ф. 35. Оп. 2. Ед. хр. 31. 1892 г.).

[3] *Галахова Мария Павловна* (в замужестве — Шениг), сестра Н. П. Галахова, жена орловского губернского предводителя дворянства 1887—1895 гг. С. Н. Шенига. Как явствует из этого письма, была расстреляна в 1920-е гг.

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

«АВТОБИОГРАФИЯ». Черн. автограф хранится в *Bibl Nat* (*Slave* 86); описание: *Mazon.* P. 83; фотокопия: *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 249; бел. автограф — *ИРЛИ.* Ф. 293. Оп. 1. № 1751. В собр. соч. вперв.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 12. С. 5–6.

Написана Т. по просьбе *М. М. Стасюлевича* для т. 6 сер. «*Русская библиотека*», посв. Т. (п. Т. к *Стасюлевичу* от 13 (25) июля 1875) и передана ему в нач. сент. 1875 (п. от 2 (14) сент. 1875). Эта «А.» явилась наиболее полным к тому времени сводом биогр. сведений о писателе (ср. «*Иван Сергеевич Тургенев*»). Она содержала ряд новых сведений: о хар-ре дворянской помещичьей жизни в *Спасском*, о педагогах *Моск.* и *Пб. ун-тов*, о занятиях в *Берлинском ун-те* и его знаменитостях, о службе под началом *В. И. Даля*. Как свидет-ют первонач. варианты черн. и белов. рукописей, Т. уточнял геогр. названия мест своего пребывания, даты осн. событий жизни, а также хар-ки профессоров *Моск. и Пб. ун-тов М. Г. Павлова, П. В. Победоносцева, П. А. Плетнева* и своего учителя *И. П. Клюшникова.* Описывая занятия в *Берлине*, он в черновике назвал своими товарищами по *Берлинскому ун-ту* близких кружку *Станкевича Я. М. Неверова* и *Н. Г. Фролова.* В белов. автографе *Стасюлевич* отредактировал текст, отчасти сократив его, отчасти дополнив фразами, вводящими отрывки из «*Литературных и житейских воспоминаний*». С эт. исправлениями «А.» напечатана в «*Русской библиотеке*» (СПб., 1876. Вып. 6: И. С. Тургенев. С. IX–XVI).

Лит.: Битюгова И. А. Коммент. // *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 476–477.

Д. М. Климова.

АГИН Александр Алексеевич (1817–1875), худ.-рисовальщик. Учился с 1834 в Академии худ-в, с 1836 — у *К. П. Брюллова*. В 1839 получил звание учителя рисования. Вошел в историю как мастер «портретной иллюстрации». В сравнении с популярными в 40-х иллюстрациями В. Ф. Тимма, Р. К. Жуковского и др., его творч-во явило собой новый шаг книжн. графики на пути реалистического иск-ва и оказало воздействие, в частн., на *П. А. Федотова*, пользовавшегося советами А.

А. — автор рисунков рельефов на сюжеты басен *И. А. Крылова* для пьедестала памятника баснописцу работы *П. К. Клодта*, «Ста рисунков из сочинения Н. В. Гоголя „Мертвые души"» и др., получивших всеобщее признание, перв. иллюстратор Т. В краткой информации о «*Петербургском сборнике*» *Белинский* писал, что «*Помещик*» Т. проиллюстрирован «русскими» рисунками г. Агина. В ст. о том же изд. критик высказался более подробно: «К „Помещику" приложены прекрасные картинки, рисованные г. Агиным. Мы очень рады случаю отдать должную справедливость таланту этого молодого художника. Г-н Тимм — бесспорно лучший рисовальщик в России, но в его карандаше ничего нет русского. Смотря на картинки г. Агина, невольно вспомнишь стих Пушкина: „Здесь русский дух, здесь Русью пахнет". Его картинки к „Помещику" — загляденье! — за исключением, впрочем, четырех, которые не удались, как 16-я, 17-я и 19-я, или мало удались, как 11-я» (*Белинский.* Т. 9. С. 476, 572). В «*Современных заметках*» (янв. книжка обновленного *Совр* за 1847, без подписи) Т., говоря о предпринятом А. иллюстрировании «Мертвых душ» *Гоголя*, заявил, что «браться за типы, созданные этим великим мастером, страшно» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 284) и что они худ-ку «не вполне дались» (Там же). Главный упрек Т. состоял в том, что А. создал недостоверные портреты провинциальных помещиков. «Мы не знаем, — писал Т., — покидал ли г. Агин когда-нибудь Петербург, но все его лица — чисто петербургские и вовсе не провинциальные. Манилов смотрит юным здешним чиновником, охотником до бильярдной игры и литературных занятий; мужики являются петербургскими дворниками, содержателями постоялых дворов <...> Но главный промах — фигура Чичикова. Это толстое, коротконогое созданьице, вечно одетое в черный фрак, с крошечными глазками, пухлым лицом и курносым носом, — Чичиков? да помилуйте, Гоголь же сам нам говорит, что Чичиков был ни тонок, ни толст, ни безобразен, ни красив. Чичиков весьма благовиден и благонамерен <...> Уловить такой замечательно оригинальный тип, при отсутствии всякой внешней оригинальности, может только весьма большой талант» (Там же. С. 284–285). Иное дело рисунки того же худка к «*Помещику*»: «Типы те приходились его таланту по плечу, — и нельзя было не радоваться его работе». Внебрачный сын помещика А. П. Елагина, худ. сумел придать тургеневскому персонажу выразительные и характерные черты мелкопоместн. дворянина той эпохи. По словам искусствоведа Л. Р. Варшавского, если бы эта одна из лучших иллюстраций своего времени «была перенесена на холст, мы бы имели блестящий жанровый портрет, который вошел бы в историю русской реалистической живописи XIX века, портрет, в котором ясно, глубоко и верно очерчена индивидуальность <...>. Агин заглядывает в самые сокровенные и самые потаенные уголки жизни модели».

Замечания, высказанные Т. в «*Современных заметках*», перекликались с мыслями, высказанными *В. Н. Майковым* в развернутой рец. на перв. выпуски «Ста рисунков...», где было указано на слишком боль-

шое различие портретов Агина «из „Мертвых душ"» от «оригиналов», столь ярко выписанных Гоголем, в слишком подчеркнутом окарикатуривании персонажей романа. Особенно неудачным был признан портрет Чичикова (см.: *ОЗ.* 1847. Т. 50. № 2. Отд. VI. С. 71–88; то же: *Майков В. Н.* Литературная критика. Л., 1985. С. 300–324).

Лит.: *Кашин Н. П.* Альманахи 20–40-х годов // Русская книга XIX в. М., 1925. С. 132–133; *Сидоров А. А.* Искусство русской книги XIX–XX веков // Там же. С. 314; *Варшавский Л. Р.* Русская карикатура 40–50-х годов XIX в. М.; Л., 1937. С. 39–40.

Л. И. Кузьмина, В. А. Громов.

АКСАКОВ Иван Сергеевич (1823–1886), поэт, публицист, журналист-издатель, обществ. деятель. Сын *С. Т. Аксакова*, брат *К. С.* и *В. С. Аксаковых*. Т. познакомился с А. позже, чем с др. членами этой семьи: А., начиная с 1838, жил отдельно от остальных, был воспитанником закрытого Уч-ща правоведения в *Пб.* (1838–1842), з-м ок. 10 лет служил чиновником в провинции (в Астраханской, Калужской губ., в Бессарабии и Ярославле). Первонач. представления А. о Т. были ярко негативными: Т. воспринимался как лидер «*молодого поколения*, сочувствующего не России, а целому миру и человечеству» (*Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988. С. 236. П. от 15 дек. 1845). А. возмущался пассажами Т. против его брата Константина в поэме «*Помещик*» и в «*Записках охотника*» (см.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1849–1856. М., 1994. С. 191. П. от 7 янв. 1851, а также: *РГБ.* ГАИС/III. К. III. Ед. хр. 16. Л. 14. П. *К. С. Аксакова* к А.). Он негативно отнесся к драмам Т. (см.: Письма к родным. 1988. С. 463. П. от 4 февр. 1849) и позже, собирая материал для альманахов, указывал: «...комедии Тургенева и т. п. нами положительно не принимаются» (*РНБ.* Ф. 236. Ед. хр. 18. Л. 1 об. Письмо к Г. П. Данилевскому (1852)).

В конце 1850 А., живший в Ярославле, узнал о сближении отца и старшего брата с Т. «На днях я познакомился с Тургеневым, — писал отец, — и он мне очень понравился; может быть, его убежденья ложны или, по крайней мере, противны моим, но натура его добрая, простая и суеверно доступная впечатлениям темного загадочного мира души человеческой» (*РМ.* 1915. № 8. С. 125. П. от 29 дек. 1850). *К. С. Аксаков* сообщал брату о Т.: «Стал он гораздо серьезнее, прост, и самолюбия в нем не видно. Разговор с ним всегда интересен; видно, что просто и искренно он хочет истины и потому внимательно выслушивает чужое мнение; он прямо, в первом разговоре, коснулся главных пунктов спора, и я заметил, что он стал гораздо ближе, чем прежде, к истине» (*РГБ.* ГАИС/III. К. III. Ед. хр. 16. Л. 14). 25 янв. 1851 *С. Т. Аксаков* прочел Т. только что полученное им стих. А. «После 1848 года» («Пережита тяжелая година...»). «Едва ли есть человек, который мог бы почувствовать их глубже во всех отношениях: это собственный вопль его души, выраженный только другим» (*РМ.* 1915. № 8. С. 128).

Личное знакомство Т. и А. произошло, по всей видимости, весной 1851. При этом Т. отмечал, что обоих братьев Аксаковых он любит «различной любовью». И далее: «С моим полным соименником я, кажется, мог бы легко весьма тесно сблизиться» (п. к *С. Т. Аксакову* от 2 февр. 1852). В письме к Т. от 26 нояб. 1851 А. просил его об участии в редактируемом им «*Моск. сб-ке*» (для этого приглашения А. пришлось преодолевать сопротивление брата, см.: *РО*. 1894. № 8. С. 458). Т. «с охотой» откликнулся на эту просьбу и подготовил для печати «Просьбы Оленина» (семейные документы конца XVIII в.), которые, однако, в «*Моск. сб-ке*» не появились: раздел «Смесь», куда они были предназначены, не был разрешен. Т., вероятно, с полной серьезностью относился к славянофильскому изд.: «…я слишком уважаю их издание, чтобы дать им, напр., такую пустую вещицу, как ту, которая появится во 2-м № „Современника"» (п. к *С. Т. Аксакову* от 2 февр. 1852; речь идет о повести «*Три встречи*»). Для второго тома «*Моск. сб-ка*» Т. послал А. повесть «*Муму*», но изд. было запрещено, А. лишен права редактировать какие-либо изд. и вместе с др. участниками не имел права ничего печатать без разрешения Главн. управления по делам цензуры (что фактически означало запрещение печататься вообще). На этом попытки участия Т. в славянофильских изд. закончились.

С 1852 между Т. и А. («двумя полными соименниками») возникает личная и идеологич. близость. После смерти *Гоголя* они обмениваются письмами (*РО*. 1894. № 8. С. 464–465; *ПССиП(1). Письма*. Т. 2. С. 49–50 — п. Т. было перлюстрировано III Отд.), в к-рых высказывают сходные идеи литераторов «послегоголевского» поколения. В марте 1852 в двух моск. изд-ях («*Моск. сб-к*» и газета *Моск Вед*) одновр. появляются два нашумевших *некролога Гоголю*, написанные Т. и А.; оба некролога оказываются поводом для организации полиц. и ценз. преследований их авторов. Т., оказавшийся в ссылке, восторженно воспринял стих. А.: «Ваши стихи имеют все качества поэзии, кроме того тонкого, неуловимого — того *запаха*, которым дышит, играя, счастливая и свободная жизнь. Но откуда взять этого счастья в наше сухое, трудное и горькое время?» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 2. С. 59). Т. потряс финал стих. А. «Усталых сил я долго не жалел…» (1850): «Когда же власть, скажи, твоя пройдет, / О молодость, о тягостное бремя?..» — это двустишие он многократно приводил в своих письмах (*ПССиП(1). Письма*. Т. 2. С. 357; Т. 10. С. 117; Т. 11. С. 50 и др.).

Однако рядом с этой близостью росло и некоторое расхождение. В марте 1853 А. прочитал (в рук.) пов. Т. «*Постоялый двор*» и, вместе с др. славянофилами, посчитал, что Т., наконец, приходит к «истинной» и «народной» лит-ре. «Вы шибко идете вперед», — писал он Т. 11 марта 1853, выделив в его повести апофеоз русского человека и связанное с ним обвинение обществу (*РО*. 1894. № 9. С. 27). Подобной интерпретацией повести Т. был явно смущен: «Это меня конфузит не менее боткинского упрека…» (*ПССиП(1). Письма*. Т. 2. С. 142). Т. отнюдь не со-

бирался пользоваться славянофильскими «рецептами» нар. лит-ры — и предпочел искать свой путь.

С конца 1853 началась новая полоса странствований А.: по поручению Рус. Геогр. об-ва он отправился на Украину. По дороге он навестил Т. в *Спасском-Лутовинове*: 18 нояб. 1853 провел у него целый день. «Это посещение было для меня истинным праздником», — констатировал Т. в п. к Аксакову-отцу. И чуть ниже: «...обидно видеть такой запас сил, которые никуда не идут» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 2. С. 210). В п. к *П. В. Анненкову*, более объективному корреспонденту, Т. так охарактеризовал А.: «Он очень благородный малый — в нем столько же рыцарского, сколько русского — и ума в нем много — а тяжеленько ему жить. Кровь в нем не довольно легка — как он сам признается. Нашему брату, свистуну, жить легче» (Там же. С. 207). После этого посещения личное общение А. и Т. на неск. лет прервалось, но они активно интересуются делами друг друга. Т. постоянно спрашивает о жизни А. на Украине (1853–1854), з-м в ополчении (1855–1856), затем в комиссии кн. *В. И. Васильчикова* по расследованию интендантских преступлений во время *Крымской войны* (1856–1857). А. в письмах к родным интересуется работой Т. над романом «*Два поколения*», его предполагавшейся женитьбой на *О. А. Тургеневой*, слухами о назначении Т. цензором и т. д. (см.: Письма к родным. 1994. С. 265, 271, 299–300, 343, 418).

Личные отношения возобновились в июне 1858, когда Т. навещал *Аксаковых* в *Абрамцеве* и спорил с А. и *Хомяковым* о картине покойного *А. А. Иванова* «Явление Христа народу» (*Летопись* (1818—1856). С. 425–426). В это же время Т. вновь пробует завязать отношения со славянофильскими изд. Он с уважением относился к ж-лу *Рус Беседа* (ср. отзыв *П. В. Анненкова* в п. к Т. от 1 (13) июня 1856: «„Русская беседа" доставляет мне наслаждение. Только в молодых литературах могут быть такие оригинальные, превосходные, дикие и дельные вместе книги» (*Письма Анненкова*. Кн. 1. С. 47), но относился отрицательно к редакторам (*А. И. Кошелеву* и *Т. И. Филиппову*). Узнав, что в 1858 редакцию журн. негласно принял А., Т. в письме к кн. *В. А. Черкасскому* выразил желание участвовать в нем: «Обязательное соглашение с „Современником" расторгнуто, и я с радостью готов участвовать в „Русской беседе" Ив. Аксакова» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 3. С. 231). Письмо датировано 30 июля 1858, временем особенно активн. работы Т. над ром. «*Дворянское гнездо*», в к-ром проявились неожиданные славянофильские симпатии автора.

В 1859 А. начал издавать еженед. газ. «*Парус*». Билет на ее получение был послан Т. «Я прочел первую статью, — писал Т., — и вложил в уста перст изумленья. Это удивительная вещь. Что-то будет?» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 3. С. 262). Газ. была запрещена на втором номере: потрясшая Т. передовая ст. (напис. А.), носила программный славянофильский хар-р и содержала требования гласности, освобождения народа, правит. реформ — к такого рода передовым декларациям власти еще не привыкли.

Славянофильские симпатии Т. были, однако, недолгими. В п. к А. от 22 окт. 1859 он аккуратно, но бескомпромиссно поведав о нововведениях, проведенных им в *Спасском*, подверг сомнению главн. идею славянофильского учения — идею крепости крест. общины (*ПССиП(1). Письма.* Т. 3. С. 358), а в п. от 13 нояб. 1859 столь же твердо заявил о неприятии им идей «русского Тоггенбурга» *К. С. Аксакова* («Героическая натура, — но с *самоделанным* содержанием»; Там же. С. 368). А., в свою очередь, вовсе не отрицал правомерности наблюдений Т.: начав осенью 1861 издавать еженед. газ. «День», он неоднократно просил Т. написать ст. «Четыре месяца в деревне», к-рая должна была «подпустить живую струю свежего воздуха, которая только и может веять оттуда — снизу» (*РО.* 1894. № 12. С. 599. П. от 4 сент. 1861). Но несмотря на усиленные просьбы А. и обещания Т., ст. так и не была написана.

В 1863 в отношениях между Т. и А. произошел неприятный инцидент. А., вступивший в активное обсуждение «польского вопроса», поместил в газ. «День» (1863. № 22) сообщение, будто бы Т. собирался рассказать анекдот о «казачьем полковнике», к-рый хотел есть «жареных польских детей с французской, а не с английской горчицей». *Герцен* в «Колоколе» откликнулся заметкой «Не верим!» (*Герцен.* Т. 17. С. 214); Т. обиделся («Меня глубоко оскорбляет эта грязь, которой брызнули в мою уединенную, почти под землей сокрытую жизнь»; *ПССиП(1). Письма.* Т. 5. С. 146) и написал письмо редактору «Дня», полностью напечатанное в газете с редакционным «извинением» А. (День. 1863. № 29; *ПССиП(1). Соч.* Т. 15. С. 144). С эт. времени дружеские отношения Т. и А. угасают (хотя Т. продолжает считать А. «благороднейшим человеком»; *ПССиП(1). Письма.* Т. 5. С. 137); сохраняется разве что деловое общение (см. рекомендат. письма Т., адресованные А.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 5. С. 420; Т. 6. С. 298).

В янв. 1866 А. женился на *А. Ф. Тютчевой*, дочери поэта, бывшей фрейлине императрицы, к «православным» и панславистским убеждениям к-рой Т. относился иронически. Это отношение перекинулось и на А., имя к-рого в сознании Т. оказалось прочно связано со «старым славянофильством». В п. к *Герцену* от 10 (22) мая 1867 Т. упрекнул приятеля в том, что тот в своем «Ответе И. С. Аксакову» (Колокол. 1867. 1 мая; *Герцен.* Т. 19. С. 242–255) сделал слишком много «поклонов славянофилам»: «Мне кажется, что если бы ты понюхал то постное масло, которым они все отдают, особенно с тех пор, как Иван Сергеич женился на первой всероссийской лампадке, — ты бы несколько попридержал свое умиление». А. ощущал эту иронию и относился к ней болезненно: узнав о том, что в 1874 Т. собрался издать мемуарный очерк «Семейство Аксаковых и славянофилы», он «вскипел негодованием против нашего знаменитого романиста» (свидет-во П. Матвеева: *РСт.* 1904. № 4. С. 183) и сделал все возможное, чтобы помешать его публикации (см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 10. С. 250).

Эти «отдаленные» отношения, вызванные идеологическими расхождениями, продолжились и в 70-е, и в 80-е. А. в восприятии Т. — «по-

следний славянофил». Т. в восприятии А. — «особенный тип», порожденный «идеализмом сороковых годов, несомненно возвышенным и гуманным, но более или менее неопределенным, малосодержательным, почти беспочвенным, более эстетическим, чем нравственно-доблестным, почти систематически чуждавшимся русского народного и исторического духа <...>» (Русь. 1883. 1 сент.).

Показательно, что ко всем свершениям А. последних лет (как на лит., так и на обществ. поприще) Т. отнесся двойственно. Вот его восприятие книги А. «Федор Иванович Тютчев. Биографический очерк» (М., 1874): «Первая половина очень хороша — а там уж пошла славянофильская политика и особенно религия — чушь сугубая» (п. к *П. В. Анненкову* от 17 (29) окт. 1874). В этом суждении сказался и некий элемент «соперничества» (Т. был редактором сб-ка стих-ий *Тютчева* 1854; А. — сб-ка 1868), и феномен «разницы восприятий»: Т. воспринимал *Тютчева* как «чистого» худ-ка, А. из первых рук знал об обществ. симпатиях поэта, не чуждого славянофильских воззрений. В оценке книги А., высказанной в п. к *И. И. Маслову* от 17 (29) нояб. 1874, ощущается некое сомнение: «...она прекрасна, особенно первая часть. С его воззрением на спасение Европы, якобы зависящее от принятия ею нашей православной веры, я еще вполне свыкнуться не могу — и нахожу его даже несколько странным. А впрочем — чего не бывает!».

Столь же двойственным было отношение Т. и к деятельности А. в Моск. славянском комитете во время Балканского кризиса 1876–1878: «Преклоняюсь перед самоотвержением И. С. Аксакова — но не вижу причин самому воспламеняться» (п. к *Е. А. Черкасской* от 9 (21) нояб. 1876). Словесная и действенная пропаганда А. против турецких зверств в Сербии и Болгарии вызвала широкий общественный резонанс (и в дальнейшем привела к русско-турецкой войне). Она оказалась чужда Т., ибо покоилась не на «гуманном», а на «исключительно религиозном» чувстве (шла под флагом помощи «православным братьям»): «Зарезанные болгарские жены и дети были бы не христианской веры и не нашей крови — мое негодование против турок не было бы нисколько меньше» (Там же).

На Пушкинском празднике 7–8 июня 1880 А., выступавший после речей Т. и *Ф. М. Достоевского*, публично декларировал победу последнего, выступавшего не от лица «либералов» (как Т.), а от лица русской «почвы»: «С Достоевским согласны обе стороны: и представители так называемых славянофилов, как я, например, и представители западничества, как Тургенев» (Голос. 1880. 9 июня). Однако Т. и здесь остался верен себе, заметив, что речь *Достоевского* «очень умная, блестящая и хитроискусная, при всей страстности, речь, всецело покоится на фальши, но фальши крайне приятной для русского самолюбия» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 12. Кн. 2. С. 272).

Скептически отнесся Т. и к последнему предприятию А. — газ. «Русь». 5 (17) дек. 1880 *П. В. Анненков* писал ему: «Думал ли я, что через 30 лет опять услышу те же самые слова, которые сопровождали

мою молодость. Этот сюрприз доставляет мне „Русь" Аксакова. Боже — да как же скучно!» (*Письма Анненкова*. Кн. 2. С. 125). Т. отвечал: «Да, в Москве совершаются глупости. Одна безвредная и только скучная: аксаковская „Русь"...» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 20). Возможно, с этим неожиданным напоминанием «молодости» связан и вновь возникший интерес Т. к оставленному было очерку «*Семейство Аксаковых и славянофилы*», к-рый он дополнял и переделывал уже на смертном одре (см.: *ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 320; Т. 13. Кн. 2. С. 177).

После смерти Т. в аксаковской «Руси» появились две заметки редактора. В первой из них А., сочувственно охарактеризовавший Т. (и особо выделивший в его творч-ве период 1850-х), призвал почтить память писателя «не как мыслителя и гражданина, а как великого русского художника, одного из двигателей нашего общественного самосознания, как великого мастера русского слова...» (Русь. 1883. 1 сент.). Во второй заметке, пересказав эпизод общения Т. с молодыми поэтами, не читавшими *Пушкина*, А. еще раз заявил об особенном месте писателя в сознании россиян: «К чести нашего знаменитого писателя можно сказать, что тенденциозность его была чрезвычайно бледна, почему именно и не вредила высшим условиям искусства. Что касается до героев, то никто, конечно, лучше его не воспроизвел, в ярких образах, всю духовную бескостность и дряблость или озлобленную несостоятельность российского культурного беспочвенного человека...» (Русь. 1883. 1 окт.).

Соч.: *Аксаков И. С.* Письма к родным. 1844–1849. М., 1988; То же. 1849–1856. М., 1994; Письма С. Т., К. С. и И. С.Аксаковых к И. С. Тургеневу // *РО*. 1894. № 8–12.

Лит.: *Матвеев П.* Тургенев и славянофилы // *РСт*. 1904. № 4. С. 181–192; *Кулешов В. И.* Славянофилы и русская литература. М., 1976. С. 223–226; *Цимбаев Н. И.* И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978.

В. А. Кошелев.

БАКАРЕВ Владимир Алексеевич (1800–1870), архитектор, ученик Моск. дворцового училища, принимал участие в постройке Большого дворца в Кремле, служил в кач. архитектора в им. кн. *Куракиных*. Автор неопубл. «Записок», выдержки из к-рых — «Рассказ о Петре Ивановиче Лутовинове» — были предоставлены Л. В. Крестовой проф. А. А. Захаровым и опубл. ею в 1923 в сб. *Т и его время* (С. 315–316). Материал для «Записок», где содержались, в частн., ценные свед-я для хар-ки нравов *Лутовиновых*, был почерпнут Б., очевидно, из личн. восп. и рассказов совр., поскольку в нем содерж. противоречия, замеченные публикатором: *П. И. Лутовинов*, отец *В. П. Тургеневой*, был назван холостяком; год его смерти (1787) не совпадал с указан. годом восшествия на престол *Павла I* (1796). Это дало основания отнести рас. к *Алексею И. Лутовинову*, брату Петра И., что было оспорено Б. В. Богдановым (*Т Сб(5)*. С. 348), указавшем на близость имения *Топки* к имению *Куракиных*, у к-рых служил Б. и к *Ливнам*, о к-рых идет речь в восп. Возможно, в восп. Б. присутствует контаминация сюжетов из

жизни обоих братьев. Рассказанная мемуаристом история жестокой расправы с однодворцами и попытки сварить заживо пойманного молодца, к-рого Лутовинов застал у своей сестры, побудила Крестову связать эти эпизоды с «духовной атмосферой, в которой разыгрывалась драма „Трех портретов"» и действие рас. *«Однодворец Овсяников»*.

Соч.: *<Бакарев В. А.>* Рассказ о Петре Ивановиче Лутовинове / Публ. и послесл. Л. Крестовой // *Т и его время*. С. 315–316.

Лит.: *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *Т Сб(5)*. С. 348–349.

Н. П. Генералова.

БЕРГ Николай Васильевич (1823–1884), поэт и переводчик, журналист, историк лит-ры, автор «Воспоминаний об И. С. Тургеневе». Препровождая их *С. Н. Шубинскому*, Б. писал 1 окт. 1883: «В моих воспоминаниях сохранилось несколько фактов из жизни Ив. Серг. Тургенева, которые покамест не отмечены еще печатью. Я решился записать все это и посылаю Вам, если угодно, для „Исторического вестника". О таких выдающихся людях следует рассказывать все, что кому-либо известно. Таково мое убеждение. Рассказанное мною вполне аутентично. Сомнительного и фантастического нет ничего <…>. О жизни Тургенева в замке у Виардо, на границе Франции и Италии — знаю от самого Тургенева, с которым я был хорошо знаком и даже отчасти в переписке. Все прочее видел лично или почти видел» (*РНБ*. Ф. 874. Оп. 1. № 24. Л. 12). В п. от 7 окт. Б. просил «*корректур* со статьею о Тургеневе», поскольку это «такое лицо, что об нем не хотелось бы соврать даже случайно». С этой целью он читал о нем все, что появлялось тогда в печати: «Совокупление всех этих сведений до ноября может иное в моей статье несколько изменить, иначе направить, осветить. Ведь достаточно *одного слова*, чтоб исправить иную существенную ошибку или недосмотр» (Там же. Л. 14 об.). Знакомство Т. с Б. состоялось в 1850-е у гр. *Ростопчиной*, где Т., в частности, небрежно отозвался о своих стихах как о «собрании» жучков, букашек и таракашек: это «я от него слышал при разговоре о том же предмете» (Там же). Не лучшего мнения был Т. и о поэме Б. «Деревня» (*Москв*. 1848. Ч. 2. Отд. I. С. 161–212), написанной под влиянием «*Помещика*» Т. и перв. рас-в из «*Записок охотника*», на к-рые, по свид-ву Б., «публика обратила свое внимание». Одобрив появление «Песен разных народов» в пер. Б. (М., 1854), Т. признавался: «Было время, что я с ума сходил от народных песен <…> это предприятие Берга очень полезно и хорошо, вот где бьют родники истинной поэзии» (п. к *Н. А. Некрасову* от 15 (27) окт. 1854). Однако, ознакомившись с содержанием «Песен», Т. в п. к *Некрасову* от 22 окт. (3 нояб.) 1854 отметил, что «выбор пиэс сделан очень дурно — и перевод большею частью вял и плох — и даже, где я могу судить — неверен». Ему показалось, что «Берг более желал пощеголять знанием всяких языков. Но мысль хороша и дельна и заслуживала лучшего исполнения». 4 известных п. Т. к Б. и одно ответное п. относятся к 1879–1882.

Лит.: *Берг Н.* Воспоминания об И. С. Тургеневе // *ИВ.* 1883. № 11. С. 366–377. Автограф восп. Б., наборная рукопись с авторской правкой // *ИРЛИ.* Ф. 93. Оп. 3. № 102.

В. А. Громов.

БОРИСОВА Надежда Афанасьевна (р. Шеншина; 1832–1869), любимая сестра *А. А. Фета*, жена *И. П. Борисова*, мать *П. И. Борисова*. По хар-ке *Фета*, Б. была «пылкой», «любознательной», исполненной «живого сочувствия к произведениям искусства» натурой, по «наружности весьма интересной» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 2, 164). Знакомство Т. с Б. сост. во втор. пол. мая (до 29 мая ст. ст.) 1853 в с. Ближнее Волково Мценск. у. *Орл. губ.* у общих знакомых *Шеншиных*. Т. заинтересовался стихами *Фета* и передал через Б. желание познакомиться с поэтом: «ваш брат — энтузиаст, а я жажду знакомства с подобными людьми» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 4). Сближение Т. с *Фетом*, а позднее и с его другом *И. П. Борисовым* сделало знакомство Т. с Б. весьма близким: драматич. судьба Б. вызывала глубокое сочувствие у писателя, не забывавшего посылать ей поклоны в письмах к ее брату и мужу. В свою очередь Б. внимательно следила за творч-вом Т.: по свидет-ву *Фета*, из ром. Т. она выделяла «*Накануне*» как наиболее соотв. ее «стремлению к идеальному миру».

Конец 50-х — время наиболее частых встреч Т. с Б., как в России, так и за границей, где она поправляла здоровье с 1855 по 1857. «Услышав о том, что сестра моя в Париже, он не раз приходил к ней в Hôtel Taitbout и расхваливал наши действительно хорошие обеды» (Там же. С. 167). Летом 1858 Т. неоднократно навещал Б. в ее родовом имении *Новоселки*, где встречался с *Фетом*, *Л. Н.* и *Н. Н. Толстыми*, зд. завязалась тесная дружба с *И. П. Борисовым*, от к-рого Т. узнал о семейной драме — длившейся десятилетие наследств. психич. болезни Б., окончившей свои дни в псих. больнице в *Пб.* В п. к *И. П. Борисову* от 1 (13) апр. 1870 Т. писал: «Смерть любимого существа есть также отчасти и собственная смерть. Радуюсь за Вас — печальной, правда, радостью, что последнее впечатление, произведенное на Вас чертами Надежды Аф., было тихое и доброе».

Существ. легенда, по к-рой Б. была безнадежно влюблена в Т. Со слов бывш. дворовых из *Новоселок* ее зафиксировали *И. Ф. Рында* (*Рында.* С. 31–32) и *Ю. А. Бахрушин* в кн. «Воспоминания» (М., 1994. С. 386–387).

Л. М. Лотман предположила, что к «числу лиц, так или иначе оказавших влияние на творческий замысел» пов. Т. «*Ася*» (1858), относились *Фет* и Б., к-рые путешествовали за границей осенью 1856–в нач. 1857 (*ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 457).

Л. М. Маричева.

ВИДЕРТ Август Федорович (Фридрихович) (1823–1888), критик и переводчик; немец по происхожд. В 1840–1860-х жил то в России, то за границей. Перв. выступления его в печати относятся к нач. 1850-х. Был

хорошо знаком со мн. из рус. писателей (*Тургеневым*, *Некрасовым*, *Гончаровым*, *Григоровичем*, *Полонским*, *Фетом*, *Дружининым* и др.) и немецких (*Б. Ауэрбахом*, *Т. Штормом*, *К. Гуцковым*, *Фарнгагеном фон Энзе* и др.). В. был перв. переводчиком на нем. яз. «Ревизора» *Гоголя*, стих-й *А. В. Кольцова* и отд. рассказов «*Записок охотника*» (его переводы печатались в нем. периодич. изд-ях). Т. поддерживал дружеские отношения с В., они встречались в России и за границей. В частности, В. присутствовал при беседе Т. с *Фарнгагеном фон Энзе* в *Берлине* 26 июля (6 авг.) 1856 (*Летопись (1818–1856)*. С. 340). Сохранилась переписка Т. с В. (1854–1856, 1874), опубл. в Новой Зеландии (18 писем). Еще до отдельного изд. «*Записок охотника*» в России в 1852, В. переводил некрые из оч. и рас. на нем. яз. по журн. текстам: «*Малиновая вода*», «*Уездный лекарь*», «*Бирюк*», «*Лебедянь*», «*Татьяна Борисовна и ее племянник*», «*Смерть*», «*Хорь и Калиныч*», «*Петр Петрович Каратаев*» и начал переводить «*Бурмистра*» (*T und Deutschland.* S. 166–168). Пер. рас. «*Петр Петрович Каратаев*» 21 нояб. (3 дек.) 1852 был напечатан в N 49 лейпцигской «*Novellenzeitung*». В след. году В. напечатал в той же газ. (1853. N 14 и 18) свои пер. еще двух рас. из «*Записок охотника*»: «*Смерть*» и «*Ермолай и мельничиха*». З-м в нем. ж. «*Домашнее чтение*» («*Deutsche Familien-Blätter*») опубликован был его пер. «*Лебедяни*» (под заглавием «„Конная ярмарка" в Лебедяни»), а в нем. «Санкт-Петербургской газете» — пер. рас. «*Татьяна Борисовна и ее племянник*» (*Алексеев*. С. 50).

В 1854 первая ч. «*Записок охотника*» в пер. В. вышла в *Берлине* под загл. «Aus dem Tagebuch eines Jägers, von J. Turghenev. Deutsch von A. Viedert». Сочувственное упоминание об эт. переводе появилось в ст. *М. Л. Михайлова*. Были рец. и в нем. печати. Однако вторая ч. кн. Т. была напечатана в пер. др. лица — *А. Больтца*, что весьма огорчило В. Тем не менее он продолжал работу над пер. рас. из «*Записок охотника*», отправив два из них («*Певцы*» и «*Малиновая вода*») Т. В ответном п. от 20 сент. (11 нояб.) 1855 Т. подчеркивал: «Присланный Вами перевод превосходен <...>» (*New Z Sl J.* P. 41; *Летопись (1818—1856)*. С. 308).

Переписка между Т. и В. продолжилась и в 1856. Т. сообщал В. о своих нов. произв. (*«Дворянское гнездо»*), о пов. и рас. в 3-х т., а в 1874 — об изд. в Риге на нем. яз. избр. произв. (*Ausgewählte Werke*).

Соч.: Корр. о появлении в Париже франц. перевода «Записок охотника», выполненного Э. Шарьером // *Моск Вед.* 1854. 20 июля (1 авг.). № 86.

Лит.: Михайлов М. Л. О новых переводах с русского на немецкий // *ОЗ.* 1854. Март. Отд. V. С. 14; *Алексеев М. П.* Первый немецкий перевод «Ревизора» // Гоголь. Статьи и материалы. 1954. С. 223–224; *Его же.* Мировое значение «Записок охотника» И. С. Тургенева (1852–1952) // *Орл Сб. 1955.* С. 48–55 (то же в кн.: Творчество И. С. Тургенева. Сб. статей. М., 1959. С. 69–140); *Levin Ju. D., Nazarova L. N.* Briefe A. Viederts über die erste deutsche Ausgabe der «Aufzeichnungen eines Jägers» (1852–1854) // *T und Deutschland.* S. 165–181; *Никитина Н.* Тургенев и Германия // *РЛ.* 1965. № 4. С. 194–195 (рец. на сб.: *T und Deutschland*); *Ее же.* <Рец. на сб. *T. und Deutschland*> // *Zeitschrift für Slavistik.* Berlin, 1965. Bd XI. Heft 2. S. 281–282; *Ионас*

Гизела. «Записки охотника» в оценке Пауля Гейзе // *Т Сб(2).* С. 112–113; *Viedert Vladimir* with *Zekulin Nicholas G.* The Viedert-Turgenev correspondence // *New Z Sl J.* 1991. P. 1–16; *Видерт Владимир.* «Очень благодарен вам, любезный Видерт…». Переписка Тургенева с А. Видертом / Публ. и примеч. Н. Жекулина и В. Видерта // Бежин луг. 1997. № 4. С. 138–144.

Л. Н. Назарова.

ГАЛАХОВА (р. Шеншина) Ольга Васильевна (1858–1947), жена орл. вице-губ. *Н. П. Галахова*, племянница и наследница *А. А. Фета* и Т. (ее бабка *Прасковья Алексеевна Мансурова* — троюродн. сестра матери Т., отец — *Василий Афанасьевич Шеншин* — родн. брат *Фета*). Родители Г. (*В. А. Шеншин* и *Е. Д. Шеншина*, р. Марсурова) присутствовали на свадьбе *Фета* в *Париже* в авг. 1857, где Т. был шафером. После смерти родителей (1858) воспитывалась сначала в *Москве* в евангелич. пансионе сестер Эвениус, з-м в семье *Фета* (он взял над нею опекунство в 1871), к-рый был поражен пробелами в ее познаниях и взялся сам за ее образование. О своих педагогич. успехах он сообщал Т., к-рый 31 дек. н. ст. 1873 писал ему: «Я всегда был убежден, что в Вас таится отличный педагог — и потому поздравляю Вашу 14-летнюю, но еще малообразованную племянницу с поступлением в Ваше ведение».

В 1877 Г. вернулась в *Москву* к своей прежней наставнице, в 1882 вышла замуж и обосновалась в родовом имении *Клейменово Орл. губ.* (здесь ею была выстроена церковь, где в 1892 был похоронен *А. А. Фет*, а з-м его жена). После смерти Т. Фет подсказал Г. ее наследственные права: «Чтобы спасти для России хотя клочок значительного достояния Тургенева, ушедшего за границу, я не преминул объяснить моей племяннице Г<алахово>й ее наследственных прав на Спасское» (*Фет. МВ.* Ч. 2. С. 397). 10 янв. 1885, по постановл. орл. окружного суда, Г. и ее тетка *К. Д. Сухотина*, выплатив значительную сумму единств. наследнице Т. — *П. Виардо*, стали равными наследницами *Спасского-Лутовинова*. Впосл. Г. выкупила часть Сухотиной и осталась единственной и последней владелицей родовой усадьбы Т.

С 1908 по 1918 жила в *Орле*, занимаясь благотворительностью, пользуясь уважением и успехом в об-ве. По восп. современника, Г. отличалась «не только своими средствами, но и умением обращаться с людьми разного звания <…> была недурна собой, всегда весела, любезна со всеми и из себя гостеприимна <…> ей нравилось играть первую роль в обществе» (Из неопубл. восп. С. А. Тинькова. *ОГЛМТ*).

После революции 1917 Г. передала *Спасское-Лутовиново* и часть принадлежавшего ей имущества в ведение новой власти, в 1924 эмигрировала с семьей во *Францию*, нуждалась, умерла в доме престарелых в Сент-Женевьев де Буа под *Парижем*, где и похоронена на рус. кладбище. По завещанию Г., виды *Спасского*, хранившиеся у нее, были переданы в *парижскую Тургеневскую библиотеку.* В наст. время в бывш. доме *Галаховых* в *Орле* находится Музей писателей-орловцев.

Л. М. Маричева.

ГИТЛИЦ Елизавета Абрамовна (1915–1997), рус. ученый, исследователь творч-ва Т., сотр. *ТЭ*. Закончив в 1936–1941 рус. отд. филолог. фак-та ЛГУ, Г. оставалась в осажденном Ленинграде до лета 1942, перенеся все трудности блокады. После эвакуации, в апр. 1944 вернулась в Ленинград, где тогда на Ленингр. фронте воевал ее муж Г. А. Суслов. Осенью 1944 поступила в аспирантуру ЛГУ и в 1948 защитила дис. на соиск. уч. степени к. ф. н. «Повести И. С. Тургенева 1850-х гг.» (рук.: *Г. А. Бялый*). С 1948 по 1951 Г. работала в Псковск. пед. ин-те, читая лекции по рус. лит-ре XIX в. и печатая свои перв. лит. статьи в «Псковской правде». Будучи с 1962 по 1965 учителем в одной из ленингр. школ рабочей молодежи, Г. одновременно, не являясь сотрудником института, активно участвовала в издававшемся в 1960-е в *ИРЛИ ПССиП(1)*. С 1965 по 1970 преподавала рус. лит-ру в Чарджоу (Туркм.) В центре научн. интересов Г. постоянно находился Т., но это не исключало ее разысканий и о ряде др. современников писателя. К работам более широкой тематики относятся ст., проясняющие некот. актуальные для того времени положения критики *Чернышевского* и *Добролюбова*. Принципиальное значение имеет ст. Г. «Чернышевский о поэтическом направлении и психологическом методе в литературе послегоголевского периода» (Уч. зап. Туркм. гос. пед. ин-та. Сер. общ. наук. Ашхабад, 1970. Вып. 35. С. 267–291). От эт. ст. тянутся нити к последующим оригинальным исследованиям Г. вопросов формир-я и эволюции худ. метода Т., роли романт. и реалист. традиций в его творч-ве. Обобщенное и в то же время лапидарное выражение это нашло в последних ст. Г., предназначенных для *ТЭ*: «*Старая манера*», «*Новая манера*» и «*Поэтическое направление*». Необходимо отметить коммент. Г. к включенным в *ПССиП(1)* и *ПССиП(2)* «*Эпиграммам*» Т., а также подготовку текстов и сост. примеч. к 70 письмам Т. Из этих примеч. порой вырастали отд. самостоятельные публ., как, напр., выяснение из переписки Т. с *А. П. Боголюбовым* роли Т. в составлении письма-«ультиматума» о необходимости создания муз. *А. Н. Радищева* в Саратове или в «истории» с приглашением *П. Л. Лаврова* на заседание *Клуба художников* в *Париже*. Наряду с образцами тонкого анализа новеллистики Т. (напр., его рас. «*Жид*») для работ Г. характерны выходы к теоретич. обобщениям, определению движения прозы Т. в русле совр. ему рус. лит-ры. Исследовательница ушла из жизни почти буквально «с пером в руках», делая наброски к своей большой итоговой статье о Т.

Лит.: Страничка прошлого (Из истории революционного движения семидесятников) // Новгородская правда. 1959. 8 марта; Адрес Н. А. Некрасову революционного студенчества в 1877 году // Некрасовский сб. М.; Л., 1960. Вып. 3. С. 286–289; Необоснованное решение // *Вопр Лит*. 1961. № 11; Тургенев и А. П. Боголюбов (К организации «Радищевского музея» в Саратове) // *Т Сб(3)*. С. 56–72; участие в подготовке текстов и комментировании писем Тургенева: *ПССиП(1). Письма*. Т. 10, 11, 12 (кн. 1), 12 (кн. 2), 13 (кн. 1) (то же в *ПССиП(2)*); участие в подготовке текстов и комментировании эпиграмм Тургенева: *ПССиП(1). Соч*. Т. 15. (то же: *ПССиП(2)*. Т. 12); Тургенев и «лавровская история» // *Т Сб(4)*. С. 270–275; К вопросу о формировании «новой манеры» Тургенева (анализ повестей 50-х гг.) // *Изв. АН СССР*.

Сер. лит. и яз. М., 1968. Вып. 6. С. 489–501; Традиции романтизма в лирической повести Тургенева (Формирование жанра) // Проблемы лит. жанров. Томск, 1972. С. 21–22; Чернышевский о «прозаике», «поэте» и «третьем» (К вопросу об основных проблемах послегоголевского развития литературы) // Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы. Саратов, 1975. С. 39–48; Традиции романтизма в лирической повести Тургенева (Тургенев и П. Н. Кудрявцев) // Научн. труды Курского гос. пед. ин-та. 1977. Т. 177 (7-й межвуз. тург. сб.). С. 3–24; Структура и смысл рассказа Тургенева «Жид» // *Т Сб.* 1990. С. 57–67.

И. А. Битюгова.

ГОЛСУОРСИ (Galsworthy) Джон (1867–1933), англ. романист, драматург, новеллист, критик. Наиб. значит. произв. — трилогии «Сага о Форсайтах» (1906–1921) и «Современная комедия» (1924–1928), к-рые составляют т. наз. «форсайтовский цикл» и повествуют о судьбе неск. поколений одной семьи. События 6 ром. и 4 интерлюдий разворачиваются на фоне жизни *Англии* кон. XIX–нач. XX в. В худож. творч-ве и в критике Г. отстаивал принципы реалист. иск-ва, не раз вступая в полемику, считая принципиально важным этич. содержание иск-ва, что не мешало ему рассматривать красоту и нравственность как категории нерасторжимые, «полное слияние духа и формы». Формулируя эстет. кредо, Г. опирался на традиц. зап. и рус. прозы XIX в., в частности, Т. В предисл. к ром. *Диккенса* «Холодный дом» (1912) Г. заметил, что Т. «поразил его ум и душу», когда ему было лет тридцать. Под влиянием Т. написаны ранние ром. «Вилла Рубейн» (1900) и «Остров фарисеев» (1904). Г. считал, что не столько Запад оказал влияние на Т., сколько он на Запад. Глубокое понимание чел. природы, дар «живописателя жизни», окрашенный глубок. нравств. чувством, ненависть к фальши, поэтичность, мастерство в создании жив. хар-ов, талант стилиста неизменно привлекали Г. На примере рас. из «*Записок охотника*», ром. «*Отцы и дети*», «*Дым*» и др. произв-ий Т. писатель размышлял о творч. методе, о нац. особенностях рус. и англ. лит-р, о нравств. содержании иск-ва и т. п. в ст. «Почему нам не нравятся вещи как они есть» (1905–1912), «Туманные мысли об искусстве» (1911), «О законченности и определенности» (1912), «Искусство и война» (1915), «Русский и англичанин» (1916), «Вера романиста» (1926) и др. Т. посвящен раздел ст. «Силуэты шести писателей» (1924). Г. советовал молодым авторам учиться у Т. мастерству, интересовался монографией *Эдв. Гарнета* «Тургенев» (п. к Э. Гарнету от 12 окт. 1907, 24 апр. 1910, 19 июля и 11 авг. 1917), следил за выходившими на Западе исследованиями, посв. творч-ву Т. (*Э. Омана*, *М. Беринга* и др.).

Соч.: *Galsworthy John.* Candelabra. Selected Essays and Addresses. N. Y., 1933; Letters from John Galsworthy. 1900–1932 (Ed. by Edw. Garnett). N. Y., 1934; *Голсуорси Джон.* Собр. соч.: В 16 т. М., 1962. Т. 16 (по указ.).

Лит.: *Gettman A. R.* Turgenev in England and America. Urbana, 1941; *Phelps G.* The Russian Novel in English Fiction. L., 1956; *Алексеев М. П.* Русские классики в литературе англо-романского мира // Звезда. 1944. № 5–6; *Его же.* Мировое значение «Записок охотника» // Русская литература и ее мировое значение. Л., 1989; *Ахме-*

чет Л. Е. Голсуорси и Тургенев // О традициях и новаторстве в литературе и устном народном творчестве. Уфа, 1972. Вып. 2; *Воропанова М. И.* Голсуорси и русская литература. Автореф. канд. дис. М., 1952; *Ее же.* Голсуорси о русской литературе // Уч. зап. МГПИ. 1958. Т. 130. Вып. 3; *Ее же.* Романы Д. Голсуорси о «высшем обществе» и тургеневская традиция // Проблемы типологических и контактных связей в русской и зарубежной литературах. Красноярск, 1983; *Ее же.* Роман Тургенева «Дым» в критической оценке и творческом восприятии Голсуорси // Типологические схождения и взаимосвязи в русской и зарубежной литературах XIX–XX вв. Красноярск, 1987; *Елистратова А. А.* Русские классики в Англии // Интернациональная литература. 1942. № 11; *Жантиева Д. Г.* Английское литературоведение 50-х–60-х годов о Тургеневе, Толстом и Достоевском // Русская литература и зарубежн. критики. М., 1974; *Разумовская Т. Ф.* «Вилла Рубейн» Голсуорси и тургеневская традиция // Уч. зап. Горьк. пед. ин-та. Горький, 1970. Вып. 120.

Т. М. Кривина.

ГРИН (Green) Роберт (1560?–1590), англ. поэт, драматург и памфлетист, предшественник *Шекспира.* Сочинял новеллы, одна из к-рых, «Пандосто», послужила впосл. источником «Зимней сказки» *Шекспира.* В посл. годы жизни писал для театра: «Иаков IV», «Монах Бэкон», «Векфильдский полевой сторож». Возраставшая популярность *Шекспира*, начавшего свое поприще с переделки пьес предшественников, вызвала враждебное отношение к нему со стороны Г. Сочиняя нравоуч. произ-я, исполн. возвышенного лиризма стих-я, выводя в своих драмах идеал. женск. хар-ры, Г. вел бурную жизнь представителя богемы и погиб на 33-м году жизни.

По свид. *В. Рольстона*, Т. «глубоко изучил многих старых английских авторов» и показывал ему в *Спасском* летом 1870 тома соч. стар. англ. драматургов (*Рольстон В.* Из «Воспоминаний» // *Т в восп совр (2).* Т. 2. С. 307). Вероятно, это было собр. старых англ. пьес Додсли в 12-ти т. (*Dodsley.* A selected collection of old plays. In twelve volumes. A new edition: with additional notes and corrections, by the late Isaak Reed, Octavius Gilchrist, and the editor. London: Septimus Prowett, 1825–1827). В собр. Додсли среди произ-ий др. авторов были напеч. пьесы Г. Разнообраз. свед-я о Г. могла дать также 3-хтомная «История английской драматической поэзии» *Кольера*, хранивш. в *Б-ке Т.* (The history of English Dramatic Poetry to the time of Shakespeare and Annals of the Stage to the Restoration. 1831). Оба назв. изд. находятся в наст. время в *ОГЛМТ.*

В ром. «*Дым*» Ворошилов, бессистемно перечисляя имена деятелей науки, иск-ва и лит-ры, упом. Г. вместе с др. предшественниками *Шекспира — Т. Нашем* и *Г. Пилем*: «...Ворошилова вдруг прорвало: единым духом, чуть не захлебываясь, он назвал Дрепера, Фирхова, г-на Шелгунова, Биша, Гельмгольца, Стара, Стура, Реймонта, Иоганна Миллера физиолога, Иоганна Миллера историка, очевидно смешивая их, Тэна, Ренана, г-на Щапова, а потом Томаса Наша, Пиля, Грина <...> „Это что за птицы?" — с изумлением пробормотал Бамбаев. „Предшественники Шекспира, относящиеся к нему, как отроги Альп к Монблану!" — хлестко

отвечал Ворошилов и также коснулся будущности России» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 266–267).

Лит.: *Waddington.* P. 165.

Л. В. Миндыбаева.

«ИОРДАН», гостиница (Острикова; «Европейская»; Красовского; Коломниных) на Болховской ул., назв. по имени жены орл. купца Конст. Мих. Иордана — Евы Карловны. Угловой 2-хэтажный дом из кирпича с арочными окнами, пилястрами, ажурной решеткой балкона (сохранился не полностью) построен по проекту городового архитект. Д. В. Орехова. В нижнем этаже помещались торговые лавки, службы, жилые помещения, в верхнем — гостиница. Упомин. в объявлении и док-тах до 1870, з-м назв. меняется по имени владельца. Газ. *Орл Вестн* сообщ. 25 авг. 1877 (№ 63): «С 28 августа открывается вновь отделанная Европейская гостиница с кафе и рестораном; общий стол и по карте; номера от 1 до 5 рублей. Ванна, водопровод, воздушные звонки и т. д. Болховская ул. д. Красовского». В кон. 1880-х гостиницу И. называют бывш. Красовского. Адрес-календарь за 1888 дает справку о гостинице Коломнина, дом Харьковского земельного банка, при нем сад «Эрмитаж». С 1880 зд. был нотно-муз. магазин В. Д. Кашкина, публ. б-ка, газ. *Орл Вестн.*

Назв. гостиницы И. встречается в п. Т. к *И. В. Павлову* от 27 марта (8 апр.) 1859, где он назначает встречу со своим корреспондентом и вспоминает в этой связи «фантастическую ночь» с «отгадыванием карты» и операцией, к-рую ему сделал *Павлов* (удаление карбункула на затылке) в кон. окт. ст. ст. 1858 (см. также п. к *М. Н. Толстой* от 24 окт. (5 нояб.) 1858 и к *И. П. Борисову* от 25 окт. (6 нояб.) 1858). «Я все это не забыл, — писал Т. *Павлову*, — и в особенности не забыл Вашей доброты». Можно предположить, что и операция была сделана в номере гост. И. Не исключено, что зд. останавливался писатель в июне 1858, когда ездил в *Орел* на выборы (см. п. к *А. А. Фету* от 16–21 июня ст. ст. 1858). Предполагаемая поездка в *Орел* и встреча с *Павловым* в гост. И. в марте 1859 не сост. из-за распутицы (п. Т. к. *Павлову* от 13 (25) апр. 1859).

В наст. время предполагается установить на доме мемор. доску в память о пребывании зд. Т.

Лит.: *Иванова Л.* Гостиница Иордан // *Орл Правда.* 1990. 12 апр.; *Чернов Н.* Орел в биографической хронике Тургенева // Там же. 1992. 23 мая.

К. А. Седойкина.

КАРЖА (Carjat) Этьен (1828–1906), франц. литератор и фотограф, участник Парижской Коммуны. Принадлежал к «левому крылу» парнасской школы; автор сатиры «Версальцы», направленной против версальской реакции.

Т. посетил фотосалон К. в *Париже* в 1863. Сделанные тогда фотографии были посланы в 1863–1865 *П. А. Плетневу, М. Гартману, Е. К. Альбрехту* (*ЛН.* Т. 73. Кн. 1. С. 319) и др. Фотографию, отправлен-

ную 8 (20) апр. 1864 *П. А. Плетневу*, Т. сопроводил след. надписью: «Любезнейший Петр Александрович, посылаю Вам мою карточку с желанием, чтобы она хоть изредка Вам напоминала человека, Вас искренне любящего». Фотография была воспроизведена ксилографически, с нем. факсимиле Т., в штутгартском журн. «Freya. Illustrierte Blätter für die gebildete Welt» (Vierter Jahrg. 1864. S. 85) при переводе рас. «*Муму*», сделанном *М. Гартманом*. Т. вновь посетил салон К. в 1868, о чем 14 (26) марта сообщил *П. Виардо*: «Каржа сегодня утром фотографировал меня». Однако этот снимок неизв.

Л. А. Балыкова.

КУДРЯШОВ Порфирий Тимофеевич (1813–1880), дворовый из с. *Сычева* Мценск. у. Крепостным *Тургеневых* стал в 1823, перейдя по наследству к матери писателя от ее тетки *Е. И. Аргамаковой* (р. Лутовиновой). В 1838 был отправлен вместе с Т. в *Германию* в качестве «дядьки», но стал не столько слугой, сколько другом будущего писателя. В *Берлине* К. прослушал курс лекций по медицине и по возвращении в Россию был «зачислен в штат» *В. П. Тургеневой* врачом. Отпущен на волю в 1850. Остался в *Спасском* в качестве врача. Летом 1861 вместе с семьей выехал из *Спасского* в Воронеж. Вскоре расстался с женой и вернулся в *Спасское*. С помощью Т. получил место помощника акцизного чиновника в Тул. губ. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 95, 97, 98, 202). С 1870 по 1877, имея диплом дантиста, служил земским врачом в Мценск. у. Последние годы жил в *Спасском*, где у него был дом и 15 дес. земли, подаренной ему Т.

К. был знаком с друзьями Т. из лит. среды: *Н. А. Некрасовым*, *Л. Н. Толстым*, *А. А. Фетом* и др. Его имя упомянуто в «*Мемориале*» Т., а также в дневниках *А. В. Дружинина* и *Л. Н. Толстого*. К. послужил прообразом «домашнего лекаря» в пов. Т. «*Муму*» и фельдшера Павла Андреевича в рас. «*Контора*» из «*Записок охотника*».

Лит.: *Гутьяр Н. М.* И. С. Тургенев и его нелитературные друзья // *РСт.* 1904. № 3. С. 651–655; *Житова В. Н.* Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961. С. 63–66, 147–148; *Красин А. А.* Земский врач-самоучка // *Орл Вестн.* 1889. 26, 28 окт.; *Рында И. Ф.* Черты из жизни И. С. Тургенева // *ИВ.* 1894. Февр. С. 421–422; *Чернов Н. М.* Летопись жизни: Поиски новых материалов для биографии И. С. Тургенева // *Лит Россия.* 1970. № 34. С. 21; *Щепкина С. Г.* И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // *Красн Арх.* 1940. № 3. С. 221–227.

Л. А. Митракова.

КУДРЯШОВА Елена Матфеевна, жена *П. Т. Кудряшова*. Дочь бывшего управителя (*ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 304, 312–313). Возможно, была дочерью «живущего в Спасском вольноотпущенного Матфея Матфеева Соломатина». Занималась живописью, писала портреты. Выехав из *Спасского* в Воронеж, куда ее сманили братья, рассталась с *П. Т. Кудряшовым*. Дальнейшая судьба ее не известна.

Лит.: *Рында И. Ф.* Черты из жизни И. С. Тургенева // *ИВ.* 1894. Февр. С. 421; *Щепкина С. Г.* И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове // *Красн Арх.* 1940. № 3. С. 221.

Л. А. Митракова.

«ЛИТЕРАТУРНЫЕ И ЖИТЕЙСКИЕ ВОСПОМИНАНИЯ». Возможно, что внешним поводом к составлению восп., послужило требование издателя *Ф. И. Салаева* о включении в новое собр. соч. неизд. вещей. Начало работы, по-видимому, относится к осени 1868.

Первоначально Т. задумал лишь «лит. воспоминания», набросав на л. 1 черн. автографа очерк «*Вместо вступления*» (1868) план:

Вступление	Белинский
Плетнев	Славянофилы
Гоголь	Последние времена

Работа шла оч. медленно, о чем свид-ет ряд писем Т. 1868 к *А. М. Жемчужникову*, *П. Виардо*, *М. В. Авдееву* и к *И. П. Борисову.* Жалобы продолжались и в нач. 1869. Тем не менее к концу нояб. 1869 в 1-й части *Соч.1869* были опубл. 3 очерка из цикла: «*Вместо вступления*», «*Гоголь*», и «*По поводу „Отцов и детей"*». Они заслужили одобрительный отзыв *Я. П. Полонского* (см.: *ЛН.* Т. 73. Кн. 2. С. 224). Очевидно, положит. оценку лит. восп. Т. дал и брат писателя *Н. С. Тургенев*, о чем можно судить на основании ответного п. Т. от 9 (21) февр. 1870.

Начиная с издания *Соч. 1874*, лит. восп. с прибавлением к ним еще 2-х очерков биограф. хар-ра («*Поездка в Альбано и Фраскати*» и «*Наши послали!*») стали называться «ЛиЖВ» В предисл. к изд. 1874 Т. предупреждал читателей, что «Обещанная статья „Семейство Аксаковых и славянофилы" по некоторым соображениям <...> заменяется неизданным отрывком из „Записок охотника"» (последнее, однако, выполнено не было и очерк «*О соловьях*» вошел лишь в *Соч. 1880*).

19 сент. (1 окт.) 1879 Т., посылая своему издателю *В. В. Думнову* список статей, долженствующих составить 1-й том *Соч. 1880*, подчеркивал, что «из них две „Человек в серых очках" и „Семейство Аксаковых" — до сих пор нигде не были напечатаны». В том же письме сообщалось, что «статьи печатные» им «тщательно» исправлены и к двум из них (в том числе к «*Воспоминаниям о Белинском*») «сделаны небольшие прибавления». Речь шла о помещении в конце текста «Втором прибавлении», датированном сент. 1879.

Перечень очерков, к-рые должны были войти по первонач. плану в состав «Л. и. ж. в.», до нас не дошел. В список, посланный *В. В. Думнову* 19 сент. (1 окт.) 1879, Т. вскоре внес существенные изменения, о чем сообщил адресату 1 (13) окт. того же года: «...Вы не найдете двух обещанных статей: „Москва и Берлин" и „Семейство Аксаковых" — они обе заменены прилагаемой большой статьей „Человек в серых очках". Статья „Москва и Берлин" могла бы встретить цензурные затруднения — а статья „Семейство Аксаковых" представляла другие неудобст-

ва» (о них см. в публ. *Генераловой, Звигильского, Кошелева.* С. 147–148).

В перв. томе *Соч. 1880* в состав «Л. и. ж. в.» были включены, помимо тех, что содержались в *Соч. 1874*, еще 4 очерка: впервые опубл. на рус. яз. «*Человек в серых очках*», «*Казнь Тропмана*», «*О соловьях*» и «*Пэгаз*», о чем писатель извещал в предисл.

В 1882, озабоченный подготовкой изд., к-рое оказалось последним прижизненным, Т. неоднократно писал *А. В. Топорову* о том, что собирается поместить в т. 1 в составе «ЛиЖВ» очерки «*Семейство Аксаковых и славянофилы*» и «*Пожар на море*» (Т. называл его также «*Пожар*» и «*Пожар „Николая I"*»).

8 (20) июня 1883 Т. наконец сообщил *Топорову*: «„Пожар на море" я кое-как одолел, остается одна статья об Аксаковых, авось и с ней я справлюсь до конца года». В вышедшем в 1883 1-м томе соч., корректуру к-рого Т. из-за болезни уже не смог держать, оба очерка отсутствовали.

Соч.: И. С. Тургенев. <Семейство Аксаковых и славянофилы> / Публ. Н. П. Генераловой, А. Я. Звигильского, В. А. Кошелева // *РЛ.* 1995. № 4. С. 146–156.

Лит.: Бескина А., Цырлин И. Л. Тургенев-мемуарист // *Тургенев И.* Литературные и житейские воспоминания / Ред., комм. и ст. А. Островского. Вступ. ст. А. Бескиной, И. Л. Цырлина. Л., [1934]. С. 5–34; *Островский А.* «Воспоминания» Тургенева в полемике шестидесятых годов // Там же. С. 35–52; *ПССиП(1). Соч.* Т. 14. С. 410–421; *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 321–325.

Л. Н. Назарова.

МАЙКОВ Василий Иванович (1728?1730?–1778), поэт, драматург, автор пользовавшихся большим успехом иронических поэм «Игрок ломбера» (1763) и «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771), печатался в ж. «Полезное увеселение» (1763), «Свободные часы» (1763), «Трутень» (1769–1770) и др. Был дружен с *Н. И. Новиковым*, к-рый причислял М. «к числу лучших наших стихотворцев» (*Новиков.* Опыт словаря (1772). С. 134); близок к лит. кружкам *М. М. Хераскова* и *Сумарокова*. В 1775 М. посвятил последнему программное ст-ние «Ода о суете мира, писанная Александру Петровичу Сумарокову». Неточную цитату из нее Т., характеризуя политич. падение *Гамбетты* привел в п. к *П. В. Анненкову* от 8 (20) янв. 1882: «...Гамбетта, еще за два месяца популярнейший человек во Франции и в Палате, кверху тормашками полетел в грязь. Поучительный казус! „Так на свете все превратно"». Та же цитата фигурирует в комедии «*Холостяк*» (1849): «*Шпундик.* Да, брат, да; недаром говорится в стихах: „Так на свете все превратно"» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 2. С. 227. В коммент. не отмечено). В *Б-ке Т.* находятся ж. *Новикова* «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785), где было помещено указ. ст-ние под назв. «Ода. Время» («Всё на свете сим превратно...») и «Утренний свет» (1779–1780), где также публиковался М.

С. Л. Жидкова.

МАРТЕН (Martin) Бон Луи Анри (Ганри) (1810–1883), франц. полит. деятель, историк, литератор, автор 25-томн. «Истории Франции» (2-е изд., выпущенное в 1870-е, довело события до 1875), к-рая стала перв. подробн. и научно разработанной общей историей. Автор мн. публицист. ст. и книг по истории, в т. ч. «Польша и Московия» («Pologne et Moscovie», 1863), «Россия и Европа» («La Russie et l'Europe», 1866), ст. о *Д. Манине* и др. В 1848 читал курс лекций по нов. истории в *Сорбонне*, но через неск. месяцев вынужден был оставить кафедру по причине либерального направления его мыслей. В 1870 снова включился в обществ. жизнь, избран мэром XVI округа *Парижа*, в 1871 — член Нац. собрания, где примкнул к группе лев. республиканцев, с 1876 — сенатор. Друг семьи *Виардо*, знакомый *А. И. Герцена*.

Т. познакомился с М. в конце 1840-х в доме *Виардо* в *Куртавнеле* (*Viardot Paul.* Souvenirs de l'artiste. P. 5). В п. к *П. Виардо* от 4 июля н. ст. 1849 он упоминает, что в его присутствии М. или *Д. Низар* хвалили перевод «Георгик» *Вергилия*, выполненный *Делилем*. Сохр. письмо М. к *П. Виардо* по поводу болезни *Д. Манина* от 14 окт. н. ст. 1857, к-рое свид-ет о близкой дружбе, связывавшей изв. итал. революционера с *Виардо* и М. Упоминания о М. содержатся в переписке Т. и *Герцена* 1860-х. В одной из ст., посв. *Герцену*, М. упомянул о Т. как «превосходном художнике нравов» (*Martin A.* La Russie et l'Europe. P. 382).

Возможно, по совету *Л.* и *П. Виардо* 1 (13) 1865 Т. обратился к М. с просьбой поставить свою подпись под «нотариальным свидетельством», удостоверяющим возраст и гражд. состояние дочери Т. *Полинетты*. Эт. док-т понадобился Т. для оформления брака дочери с *Г. Брюэром*. «Наши старинные и добрые отношения и ваша неиссякаемая доброта, — писал Т., — придают мне смелости обратиться к вам с этой просьбой...». Среди подписавших «акт об установлении личности» *П. Тургеневой* 27 янв. (8 февр.) 1865 в мир. суде г. Пасси есть и подпись М. (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 281). Сохр. еще одно письмо Т. от 25 янв. (6 февр.) 1865, к-рое предположительно адресовано М. В нем уточняется время и место подписания акта в Пасси.

После возвращения Т. и *Виардо* в 1871 во *Францию* М. стал частым посетителем вечеров в доме *Виардо*. По свид-ву *Е. И. Бларамберг* (псевд. Е. Ардов), М. был членом интимного кружка, собиравшегося по воскресеньям у *Виардо* (*Т в восп. совр.* Т. 2. С. 182). Из письма к *Ж. Этцелю* от 25 февр. (8 марта) 1868 узнаем, что М. должен был быть послан экземпляр франц. пер. ром. «*Дым*», а в связи с избранием М. в чл. Франц. академии 13 июня н. ст. 1878 Т. писал 11 (23) июня *Флоберу*: «Конечно, А. Мартен не великий писатель — но согласитесь, что Тэн в кресле Тьера — это уж совсем чудовищно! Лично мне Мартен очень нравится, и я рад его успеху». Отношения с М. продолжались у Т. до конца жизни. Как свид-ет *Дневник*, М. навещал тяжело больного Т. в янв. 1883 (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 210) и присутствовал на *проводах тела Т.* на вокзале Gare du Nord в Россию.

Н. П. Генералова.

МАТИЛЬДА (Mathilde), принцесса, Бонапарт (Bonaparte) Матильда Летиция Вильгельмина (1820–1904), дочь Жерома Бонапарта, младш. брата *Наполеона I*, сестра *Жерома Бонапарта*. В 1840 вышла замуж за кн. *А. Н. Демидова (Сан-Донато)*, с к-рым развелась в 1845. После прихода к власти ее двоюр. брата *Наполеона III* получила титул принцессы. Ее дом был одним из лит. центров *Парижа*, куда нередко приходили *бр. Гонкур*, *П. Мериме*, *Г. Флобер* и др. известн. писатели и художники. Обладавшая тонким худож. вкусом, М. увлекалась живописью и лит-рой и поддерживала дружеские отношения и переписку с *Сент-Бевом*, *Т. Готье*, *Флобером*, *Э. Ренаном* и др.

Знакомство Т. с принц. М. состоялось, очевидно, в конце 1860-х. В письме к М. от 23 нояб. н. ст. 1868 *Флобер* описывал ей пребывание Т. у себя *Круассе* (*Flaubert. Corr. Suppl. 2.* P. 421–422). Рекомендуя М. своего друга Т., *Флобер* писал ей 2 дек. 1868: «Я знаю мало людей, способных вести столь изысканную беседу, как он <…> Я уверен, его общество вам бесконечно понравится» (*Flaubert.* T. XIV. P. 457). Перв. упоминание о посещении Т. салона принц. М. содержится в письме Т. к *Флоберу*, датируемом сер. февр.—9 (21) марта 1872, в к-ром Т. предупреждает друга, чтобы он не проговорился *Л. Виардо* о том, что он посетил салон М.: «…я позабыл предупредить вас вчера, чтобы вы не проговорились Виардо или в его присутствии о том, что я обедал у принцессы; он питает сильнейшую ненависть к Империи (я вам как-то говорил почему) и был бы огорчен, узнав, что я посещаю его *врагов*». При этом Т. сообщал, что *П. Виардо* знает, где он был (*ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 223 и 371). По всей видимости, Т. был постоянным посетителем салона М., где он мог встретить своих друзей, хотя старался делать это тайком от *Виардо*: очевидно, по его просьбе, *Флобер* старался не называть имени М., говоря о своих визитах к ней и упоминал лишь назв. ее имения.

Салон принц. М. упоминается в ром. «*Дым*» (гл. I) при характеристике князя Коко, «который в Париже, в салоне принцессы Матильды, в присутствии императора, так хорошо сказал: „Madame, le principe de la propriété est profondément ébranlé en Russie"» («Сударыня, принцип собственности глубоко потрясен в России») (*ПССиП(2). Соч.* Т. 7. С. 250).

Изв. 2 записки Т. к М., датир. 14 марта 1877 и 1878 (предположительно), в к-рых он сообщает о том, что не может посетить ее по болезни (*Cahiers.* N 13 (1989). P. 118–120). Остальные письма Т. к М. остаются не опубл. (*Zviguilsky.* P. 79). Письма М. к Т. неизвестны.

Лит.: *Zviguilsky A.* Deux billets inédits de Tourguéniev à la princesse Mathilde // *Cahiers.* N 13 (1989). P. 118–120; *Flaubert / T. Corr.* P. 108–109.

Н. П. Генералова.

ПИНТО (Pinto) Микельанджело (1818–ум. после 1887), итал. писатель, ученый, обществ. деятель. Участник рев. движения в *Италии*

1848–1849. В период Римской республики (февр.–июль 1849) был избр. чл. Учредит. собр. и назначен чрезвычайным послом при Сардинском королевстве, находившемся в Турине. Был вынужден эмигрировать после поражения революции. Т. познакомился с П. осенью 1856; всегда с большим интересом относившийся к деятелям рев. движения, Т. сообщал о встрече с П. *А. И. Герцену* в п. от 29 окт. (10 нояб.) 1856 из *Парижа*: «Я вчера обедал с Пинто у Мельгунова; мне он очень понравился — но что за борода в виде каскада! <...> он мне кажется тонкой, изящной и чистой натурой». Писатель принимал живое участие в судьбе П., хлопотал о его устройстве в России. В отзывах Т. о П. неизменно содержится высокая оценка его нравственных и прогрес. качеств. Так, *О. С. Одоевской* Т. рекомендовал П. как «римского либерала», «отличнейшего и честнейшего человека», на к-рого «можно положиться, как на каменную гору» (п. от 16 (28) дек. 1859). В п. к баронессе *Э. Ф. Раден* от 9 (21) марта 1860 Т., рекомендуя П. в качестве учителя итал. яз. для вел. князей, говорил о П. как о своем «большом друге»: «...очень любезный человек, ученый, он в совершенстве владеет родным языком и хорошо говорит по-французски: он был адвокатом, главным редактором, дипломатическим агентом <...>». Он представил П. др. своим светским знакомым и друзьям в России — князю и княгине *Черкасским*, гр. *Е. Е. Ламберт* и др. В янв. 1860 Т. хлопотал за П. перед ректором *Пб. ун-та П. А. Плетневым*, убеждая его, что «Университету не нажить такого другого лектора италиянского языка: он принесет ему и честь и пользу» (п. от 12 (24) янв. 1860). В сер. февр. 1860 П., по рекомендации Т., был зачислен на должность лектора итал. яз. и лит-ры *Пб. ун-та*. Курс лекций, прочитанных П. в *Пб. ун-те*, лег в основу кн. «Исторические очерки итальянской литературы, извлеченные из лекций, читанных в Императорском Санктпетербургском университете. Данте, его поэма и его век» (СПб., 1866). Кн. сохр. в мемориальной *Б-ке Т.* В п. от 6 (18) мая 1867, отвечая на запрос управляющего имениями *Н. А. Кишинского* о соч. П. (вероятно, присланном самим автором в *Спасское-Лутовиново*), Т. распорядился оставить кн. при б-ке. После переезда в Россию Т. и в дальнейшем покровительствовал П., в частности, помогал в поисках дополнительного заработка, интересовался его судьбой, что видно, напр., из его письма к *П. В. Анненкову* от 28, 29 нояб. (10, 11 дек.) 1865.

Лит.: *Алексеев М. П.* Микеланджело Пинто. Несколько данных к его характеристике по русским источникам // Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 396–413.

Л. А. Балыкова.

«ПОВЕСТИ, СКАЗКИ И РАССКАЗЫ КАЗАКА ЛУГАНСКОГО». Санкт-Пб. В Гуттенберговой тип. 1846. Четыре части. В 12-ю долю л. В I-й ч. 474, во II-й 477, в III-й 488, в IV — 529 с. Рец. Впервые:

ОЗ. 1847. Т. 1. № 1. Отд. VI. С. 1–3. Автограф неизвестен. Датируется 1846.

Казак Луганский — псевдоним *В. И. Даля*. Интерес к соч. *Даля* вызван тем, что в это время Т. работал над «*Записками охотника*». Рец. и рас. «*Хорь и Калиныч*» вышли одновременно в *ОЗ* и *Совр.* Т. оценил очерки *Даля* с т. зр. задач, к-рые ставил перед собой как автор очерков из крест. жизни. Определяя «составные элементы» таланта *Даля*, Т. особо выделил ум писателя и доскональное знание быта рус. народа: «Русскому человеку больно от него досталось — и русский человек его любит, потому что и Даль любит русского человека <...>» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 278). Однако *Далю* хорошо известны и др. народы, населяющие Россию: «Молдаване, жиды, цыгане, болгары, киргизы — это всё ему знакомый народ. Быт их, обычаи, города и селения, разнообразную природу нашей Руси рисует он мастерски, немногими, но меткими чертами» (Там же. С. 279).

Заканчивая рец., Т. отметил успех *Даля* как автора «Колбасников и бородачей» и оч. «Дворник», «Денщик», «Мужик» и пожелал, чтобы он подарил рус. публике еще много произ-й, подобных этим.

Рец. была написана не без влияния идей *Белинского*, в особенности в общей оценке таланта *Даля*. Ср. ст. *Белинского* «Русская литература в 1845 году» (*Белинский.* Т. 9. С. 298–399).

Е. И. Кийко.

РОЗЕН Дмитрий Григорьевич (1815–после 1885), барон, офицер л.-гв. гусарск. полка, впосл. адъютант моск. ген.-губ., сын участника Отеч. войны 1812 г. Г. В. Розена, выехал с Т. на пароходе «Николай I», з-м путешествовал с Т. и *А. Г. Демидовым* по *Германии*. В *Эмсе* Т. познакомил Р. с *Я. М. Неверовым*, к-рый писал *Грановскому* 2 июля н. ст. 1838 о Р.: «... с ним мы часто видимся, простой, но очень добрый малый» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 351–352). Имя Р. встречается в «*Мемориале*» в записи за 1838 (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 198).

Сохр. 1 п. Р. к Т. от 8 (20) нояб. 1838 (*РНБ*), в к-ром он с удовольствием вспоминает о совм. пребывании в *Эмсе* и *Мюнхене* (Посев. Лит.-критический и научно-худож. альманах. Одесса, 1921. С. 88–89).

Н. П. Генералова.

РОССЕТ Климентий Осипович (1811–1866), брат *А. О. Смирновой*. В 1828 закончил Пажеский корпус, служил в л.-гв. Финляндском полку, з-м в Бутырском пехотн. полку, стоявшем в *Мценске Орл. губ.*, в 1832 был прикомандирован к Генер. штабу с назначением в Отдельный кавказский корпус, с 1835 в *Пб.* — в распоряж. воен. министра, с 1836 в 1-ом отд-и деп-та Генер. штаба, впосл. майор, титул. сов., был известен в петерб. свете, знаком с *Пушкиным* и писателями его круга.

1 дек. 1835 *П. А. Вяземский* писал *А. О. Смирновой* о Р.: «Один Климентий владеет тайною рассмешить меня иной раз, в особенности, ко-

гда я бываю в мрачном настроении: в такие минуты вспыхивает и разливается с наибольшею силою и свежестью вся самобытность, всё россетство ума его» (*РА*. 1888. № 7. С. 295). 21 февр. 1846 *А. О. Смирнова* сообщала *Н. В. Гоголю*: «Брат мой Климентий отправился в Петербург, он очень переменился в свою пользу, всё так же жив, умен и забавен, но более сердечен и духовен» (Переписка Н. В. Гоголя: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 183). По мнению исследователей, именно Р. имел в виду Т., когда в подготовит. материалах к ром. «*Отцы и дети*» (1860) писал о Павле Петровиче Кирсанове: «Умен, насмешлив — немного по идеям должен à la Rossett <...> (страстная, энергическая, красивая и мизантропическая натура — с особенно французско-русским складом)» (*ПССиП(2)*. *Соч.* Т. 12. С. 565). «П<авел> уезжает за границу — и живет в Дрездене — Россетом» (Там же. С. 575). Позднее, в письме к *А. А. Фету* от 6 (18) апр. 1862 Т., разъясняя образ Павла Петровича, писал, что «хотел представить тип Столыпиных, Россетов и других русских ех-львов».

С. Л. Жидкова.

СВЕРБЕЕВ Дмитрий Николаевич (1799–1874), отставной дипломат, литератор, мемуарист, автор восп. о *П. Я. Чаадаеве*, письма по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» *Гоголя*.

Будучи чиновником рус. посольства в *Берне*, С. в 1822–1823 виделся там с семейством Т., о чем упом. в своих «Записках...»: «Начну с Тургеневых и первой встречи с лучшим нашим из настоящих писателей И. С. Тургеневым. Родители его, очень богатые орловские помещики, путешествовали с двумя мальчиками, а матушка их, урожденная Лутовинова, считаясь родственницей Марьи Васильевны Обресковой (моей тетушки), вытребовала меня к себе, и мне было очень приятно с этой семьей познакомиться» (*Записки*. С. 234).

В 40-х Т. мог бывать в моск. салоне С., где сходились западники и славянофилы, встречался с ним и позднее, как свид. те же «Записки»: «В начале эмансипации писатель Тургенев сказал однажды при мне, что очень желал бы продать свой серебряный вызолоченный сервиз, которым матушка его хвасталась передо мною в Берне и что-то из него показывала, объявляя, что она заплатила за него в Париже 20 000 фр.; с тех-то пор хранился он почти 40 лет в семье и ни разу не был в употреблении. В продолжении 40 лет выросло бы 80 000 сер.; когда я указал на такой расчет поэту, он наморщился» (Там же), а также дневник *Ф. Н. Тургеневой*, где отмечены встречи Т. с С. в парижском доме Тургеневых 15 и 16 янв. 1870 и приводится высказывание Т., по-видимому, относящееся к С.: «...г. Свербеев говорит непрестанно: это — болтун худшего сорта, болтун медлительный; когда вы в его обществе, вам точно дождь льет в голову» (*ЛН*. Т. 76. С. 374).

Соч.: Свербеев Д. Н. Записки (1799–1826): В 2 ч. М., 1899. Ч. 2. С. 234.

С. Л. Жидкова.

СКАБИЧЕВСКИЙ Александр Михайлович (1838–1911), критик, публицист, историк лит-ры, педагог. Похоронен на Литераторских мостках *Волкова кладбища* в *Пб.* Из обрусевшего польск. рода Скабицких. Еще в гимназии начал писать стихи на ветхозаветные темы, затем прозу в духе натуральной школы. Поступил на ист.-филол. ф-т *Пб. ун-та* в 1856, на перв. курсе переживает религ. кризис, смотрит на «Выбранные места из переписки с друзьями» *Н. В. Гоголя* как на Евангелие, однако скоро под влиянием обществ. движения преодолевает религ. настроения. В студенч. годы примыкал к кружку *Л. Н. Майкова*, куда входил и *Д. И. Писарев*, вслед за к-рым С. начал сотрудничать с 1859 в ж. «для девиц» «Рассвет». Под влиянием *А. В. Топорова* (позднее, в 1890 С. женился на его вдове, *А. И. Топоровой*) стал приверженцем идей *Совр* и «из сухого гелертера превратился в живого человека, горячо сочувствовавшего всему, чему сочувствовали лучшие люди того времени» (*ИВ.* 1910. № 1. С. 43). В 1866 был приглашен *Н. А. Некрасовым* в *Совр*, однако успел опубликовать до закрытия ж. лишь одну рец. Сотрудничал в «Невском сборнике» *Курочкиных*, в «*Неделе*», «*Искре*», в газ. *Бирж Вед*, в *ОЗ*, где он работал с перв. до последнего номера и где была напечатана большая часть его критич. статей. После закрытия *ОЗ* С. сотрудничал во мн. газ. и журналах («Сев. вестник», «Рус. мысль», «Новое слово» и др.), издал неск. сб. своих ст., кн. «Граф Лев Толстой как художник и мыслитель» (1887), «Беллетристы-народники» (1888), редактировал собр. соч. *А. С. Пушкина* (в 8-ми и в 10-ти т.), *М. Ю. Лермонтова*. Им написано пять биографий в серии *ЖЗЛ*: *Пушкина*, *Лермонтова*, *Грибоедова*, *А. Ф. Писемского*, *Н. А. Добролюбова*; вступ. ст. к соч. *Гаршина*, *В. Гюго*, *Добролюбова*, *Белинского* и др.

К творч-ву Т. С. обращался неоднократно. Еще в ж. «Рассвет» в Библиограф. отд. появилась **рец. С. на «*Записки охотника*» Т.** (1860. № 7). Начальный период творч-ва Т. С. оценивал как не имеющий «никакого определенного направления»: «Произведения его были полны неподдельной, искренней, свежей поэзии <…> Некоторые из них написаны под направлением натуральной школы, другие проникнуты байронизмом, третьи — своею реальною объективностью, грациозной образностью напоминают поэзию Пушкина» (С. 3). По мнению С., лишь в «*Записках охотника*» Т. впервые предстал как самостоятельный писатель, сумевший из «отдельных, бессвязных очерков» создать «стройную, громадную картину» провинциального общества. Кроме познавательного значения С. отмечал, что читатель, ищущий эст. наслаждения, найдет в кн. Т. «море поэзии». Высокую оценку получил в **рец. С. ром. Т. «*Накануне*»** (Рассвет. 1860. № 3), где критик отметил, что Т. прежде «высказывал свое мнение без всякого намерения поучать <…> между тем как теперь <…> представляет вместе с тем и те идеалы, к которым, по его мнению, должны стремиться люди» (С. 44).

Перейдя к сер. 1860-х на радикальные позиции, С., как и *А. В. Топоров*, негативно воспринял ром. Т. «*Отцы и дети*» (1862), усмотрев в нем, подобно многим рев. демократам, сатиру на молодое поколение.

Если ром. *Чернышевского* «Что делать?», как вспоминал позднее С., молодежь читала «чуть не преклоненно», то Тургенев «сразу потерял популярность в прогрессивном лагере», потому что сыграл «в руку московских ханжей и начинавших поднимать головы реакционеров» (*ИВ.* 1910. № 1. С. 44–45). В ст. **«О воспитательном значении произведений гг. Тургенева и Гончарова»** (Невский сборник. 1867. № 1. Подпись: А. Алкандров) С. попытался опровергнуть тезис, выдвинутый им в заглавие ст., доказывая, что Т. «не сохранил и следов натуральной школы», что литература не пошла за «*Записками охотника*», и в произв. Т. и *Гончарова* «снова является перед нами выглаженною, умытою, припомаженною; мужики в лаптях и сермягах изгоняются из нее; из углов отчаянья, нищеты и разврата действие переносится в тенистые сады усадеб, в комфортабельные гостиные <...>» (С. 722). Т. отнесся скептически к эт. выступлению. 11 (23) мая 1867 он просит *П. В. Анненкова* прислать ему «Невский сборник» *В. Курочкина*: «Судя по оглавлению, он напичкан всяким вздором, но в нем помещается самоновейшее молодое поколение, и мне это непременно нужно к сведению <...>», а ознакомившись с ним, пишет 12 (24) июня: «„Невский сборник" я получил: бездарность всех этих так называемых „молодых сил" привела меня в уныние. Экая нищета!», имея в виду, очевидно, и ст. С. Не менее раздраженно воспринял Т. и след. ст. С., посвященную «*Дыму*»: **«Новое время и старые боги»** (*ОЗ.* 1868. № 1). Зд. критик бичует несостоятельность тург. героев, начиная с «пустых и тщеславных филистеров, убивающих время в Баден-Бадене», губаревского кружка и кончая «типом российского Гамлета» Потугиным и Литвиновым, к-рый «не выдерживает самой снисходительной критики». Пафос ст. С. сравним с изв. вопросом *Д. И. Писарева*: «Иван Сергеевич, куда вы девали Базарова?» (*Писарев.* Т. 4. С. 424), а, возможно, навеян им (*Писарев* должен был писать ст. о «*Дыме*» в *ОЗ*, однако *Некрасов* отверг его авторство по полит. мотивам). Упрекая Т. в том, что он не нашел настоящего героя в жизни, С. видел причину этого в отрыве писателя от родины, в незнании того, что «пережило общество наше в последние 10 лет», когда совершились «такие три реформы, как освобождение крестьян, открытие гласных судов и учреждение земства». «В „О<течественных> з<аписках>" меня ругают наповал — но это ничего не значит», — писал Т. 13 (25) апр. 1868 *Н. Н. Рашет*.

Критика «*Отцов и детей*» прозвучала в след. ст. С. **«Русское недомыслие»** (*ОЗ.* 1868. № 9), посвящ. разбору так наз. «антинигилистических романов» *Писемского, Клюшникова, Лескова* и др., в к-рых проявился «крайне извращенный взгляд <...> на умственное движение последнего десятилетия». Упрекая в нигилизме самих авторов романов, С. иронизировал: «Очень может быть, что Тургенев в лице своих молодых героев представил вовсе не людей нового миросозерцания, а тех недоучившихся баричей, которые слышали только, что в каком-то приходе звонят, но не знают где». Еще более резкую оценку творч-ва Т. дал С. в ст. **«Мысли и впечатления, навеваемые текущею литерату-**

рою» (*ОЗ.* 1874. № 5–6, 7, 8), подписанной псевд. Парголовский мизантроп. Полемизируя с критиком *РВ* относительно рас. Т. «*Пунин и Бабурин*», С. спрашивал: «Одна ли только последняя повесть г. Тургенева за последние годы страдает одним и тем же недостатком: не один Бабурин является выдуманною личностью, и Литвинов, и Потугин, и Губарев, отчасти и Базаров — все это типы, взятые не из жизни, а очевидно сочиненные» (С. 44–45), усматривая причину «искусственности типов последних повестей» Т. в «оскудении фантазии» писателя в связи с долгим пребыванием его за границей.

В то же время С., в отличие от др. критиков, не видел в «объевропеиваньи» таланта Т. «особенной беды», даже замечая в эт. некот. прогресс, что сказалось, напр., в рас. «*Часы*», на к-рый критик откликнулся в *Бирж Вед* (1876. 25 янв.). Содержание пов., с т. зр. С., «заключается в борьбе молодых сил, ищущих простора жизни и широкой, вековечной правды против стесняющих тисков узенькой, условной, буржуазной морали». Отметив, что «идейное содержание <…> расширилось и просветлело», С. писал: «Последние повести г. Тургенева представляют <…> переходное состояние от г. Тургенева русско-национального писателя к общеевропейскому».

Два фельетона посвятил С. ром. Т. «*Новь*». В *Бирж Вед* от 12 янв. 1877 критик, наряду с перв. впечатлением от начала романа, отзывается о рас. «*Сон*» как о «чудовищной фантасмагории», советуя писателю отказаться от дальнейших перепечаток рассказа. Много случайностей и неестественностей видит он и в нов. ром., объясняющихся все той же отдаленностью Т. от русской и петерб. жизни «даже в ее мелочах». В номере от 4 февр. 1877 С. более детально останавливается на анализе романа. Отмечая высокую художественность произв-я Т., рецензент решительно не соглашается с тем, что в эт. ром. затронуты «новые струны современной жизни». Напротив, он считает, что его «по всей справедливости смело можно было бы назвать „Старь"». Зд., как и во мн. др. соч. писателя, читатель вновь встречается все с тем же бесхарактерным, надломленным героем (Нежданов) и страстной, энергической героиней (Марианна), перед к-рой он терпит фиаско. Нередко появляется и третий герой, представляющий «черноземную силу» (Соломин), к-рый «отбивает ее от неудачного любовника и утешает ее». Современная молодежь, пишет С., «занимается не одним только проглатываньем страшных писем, мытьем грязных горшков с целью „опрощения" и бессмысленным врываньем в толпу работающих мужиков <…> а коечем и другим…», и если бы писатель пригляделся к этой среде, у него отпало бы желание представлять эту молодежь в «одних пошло-карикатурных сценах игры в революцию».

Более объективный подход к тург. творч-ву стал звучать в ст. С. после смерти писателя, когда утихли полемич. страсти и настало время для историч. оценки места Т. в общ.-лит. процессе. Так, в ст. **«Наши молодые беллетристические силы»** (Новости. 1885. 21 февр.) С. призывает молодежь учиться и приводит в пример Т., к-рый «является пе-

ред нами образованнейшим человеком не только в русском смысле, но и западноевропейском». В ст. с характерным подзаг. **«Наше неумение чтить память великих людей и быстрое забвение их...»** С. сетует, что до сих пор не сделана историч. оценка великого творца «*Рудина*» и «*Дворянского гнезда*», признавая, что в полемическом запале нередко относился к Т. «и односторонне, и с излишнею резкостью» и что ныне он намерен объективно высказаться о Т. как о главе школы беллетристов 40-х гг. С т. зр. С., эта школа, унаследовав от *Гоголя* критич. отношение к действ-ти, унаследовала и его неспособность изображать положительные идеалы. Так, *Гоголь* «выдумал грека Костанжогло, Тургенев — болгарина Инсарова, Гончаров — немца Штольца...». Возвращаясь к спорам о Базарове, С. особенно подчеркивает причины обиды на него молодого поколения, готового жизнью пожертвовать за народ, в то время как тург. герой произносил от лица молодежи свое знаменитое: «Что мне за дело до мужика...». Осн. чертой таланта Т. С. считает стремление «наблюдать жизнь в одних ее мрачных сторонах, изображать на первом плане недостатки и уродства всякого рода, не щадя в этом отношении ни чужих, ни своих». Некот. созвучие тург. миросозерцанию С. наблюдает в эпоху сер. 80-х гг. Этим, в частн., С. объясняет возвращение к Т. «прежней любви и поклонения» в конце жизни.

Оч. высоко оценил С. изд. «*Стихотворений И. С. Тургенева*» *1885*. Считая поэзию Т. «мостиком от романтико-байроновского отчаяния Лермонтова к реально-гражданской скорби Некрасова», критик утверждал, что в стих-ях намечаются основы тург. прозы, усматриваются главн. мотивы его творч-ва.

Впоследствии С. не раз выступал в защиту творч. наследия писателя. Так, он спорит с *А. И. Незеленовым*, автором кн. «Тургенев в его произведениях» (1885), поправляет *Н. Н. Страхова* в его кн. «Критические статьи об И. С. Тургеневе и Л. Н. Толстом» (1885), одобряет перв. изд. кн. *И. И. Иванова* «Иван Сергеевич Тургенев» (1896). В сер. статей **«Очерки русского воспитания в XIX столетии по беллетристам»** первую же ст. С. посвящает Т. (Педагогич. листок. 1895. № 2), в своей **«Истории новейшей русской литературы»** в разд. «Школа беллетристов сороковых годов» он посвящает Т. целую главу и ставит писателя во главе этой школы.

Сведений о личн. знакомстве и существовании переписки Т. со С. не сохр.

Ю. Г. Еремин.

ТЕТЕРА Анна Ивановна (р. Фролова, 1805–1895), дальн. родственница *В. П. Тургеневой* (ее belle-cousine) по линии ее отчима *С. Сомова*. Матерью ее была «урожденная Чичерина — сестра Сомовой Мценского уезда» (*ОГЛМТ*. Ф. 1. Ед. хр. 32301 оф. Л. 1об.) Раскрашенное фото с ее портрета хранится в *ОГЛМТ*, а портрет, выполн. карандашом и подцвеченный акварелью, неизв. англ. худ-ка в 1950 был передан внучкой Тет. в *ГЛМ*.

Сведений о знакомстве Т. с его родств. Тет. не имеется. Похоронена Тет. в семейном склепе при с. Чичерино Кромского у. *Орл. губ.*

Г. Н. Павлова.

ТЕТЕРА Николай Григорьевич (1828–1904), сын *А. И. Тетеры*, дальн. родственницы *В. П. Тургеневой*. Окончил юрид. ф-т *Моск. ун-та*, в 1873 поступил на службу в Орл. коллегию адвокатов; до 1904 — предс. съезда коллегии адвокатов Харьк. судебной палаты, в к-рую входил Орл. судебный округ. Член Орл. ученой архивной комиссии при губ. музее. В 1875 жил с семьей в *Орле* на Верхне-Дворянской ул. в д. Тинькова (Адрес-календарь Орл. губ. на 1875. С. 5). Зд., приезжая в *Орел*, часто гостил *А. Ф. Кони*, дружбой с к-рым Тет. оч. дорожил. Тет. не был знаком с Т., но был дружен в семьей *О. В. Галаховой*, поэтому после смерти писателя принял участие в ведении дела о передаче наследства «землевладельца» Т., «состоящего в недвижимом имуществе во Мценском уезде при селе Спасском — Лутовиново тож», выступив в качестве «поверенного жен гвардии поручиков: Клеопатры Дмитриевны Сухотиной и Ольги Васильевны Галаховой» (*ОГЛМТ.* Ф. 1. Д. 287 оф. 1883–1885) и способствовал решению дела в пользу законных наследниц Т. по материнской линии.

Похоронен на Троицком кладбище в *Орле.*

Жена Тет. — Анастасия Сергеевна (р. Киселева), дочь друзей *А. С. Пушкина С. Д.* и *Е. Н. Киселевых.* С родн. братьями А. С. Тет. — гр. *П. Д.* и *Н. Д. Киселевыми* Т. был знаком (с *П. Д. Киселевым*, очевидно, познакомился в *Париже* в 1857). Сведений о знакомстве с А. С. Тет. не имеется.

Лит.: Дело о переходе наследства по смерти землевладельца И. С. Тургенева 1883–1885 // *ОГЛМТ.* Ф. 1. Д. 287 оф; Письмо А. Н. Тетеры к В. Д. Бонч-Бруевичу от 11 февр. 1949 // *ОГЛМТ.* Ф. 1. 32301 оф.

Г. Н. Павлова.

ТОЛСТОЙ Алексей Константинович, гр. (1817–1875), поэт, прозаик, драматург, один из авторов «сочинений» *Козьмы Пруткова.* Т. познакомился с ним в 1852. Располагая связями при дворе, Толстой (возможно, по просьбе *С. А. Миллер*) способствовал облегчению и прекращению спасской *ссылки* Т. 16 (28) апр. или 21 апр. (3 мая) 1852 Толстой посетил Т. на Съезжей в *Пб.*, где писатель находился под арестом, принес ему книги и начал хлопотать о смягчении его участи перед вел. кн. Александром Николаевичем (будущим *Александром II*). Т. письменно поблагодарил Толстого (п. не сохр.). *С. А. Миллер*, будущей жене графа, Т. 19 (31) мая 1853 писал: «Вы мне говорите о графе Т<олстом>. Это человек сердечный, который возбудил во мне большое чувство уважения и благодарности. Он едва знал меня, когда случился со мной мой неприятный случай, и, несмотря на это, никто мне не выказал столько сочувствия, как он, и сегодня еще он, может быть, единственный человек в Петербурге, который меня не забыл, единственный, по крайней

мере, который это доказывает. Какой-то жалкий субъект выдумал говорить, что благодарность — тяжелая ноша; для меня же — я счастлив, что я благодарен Т<олстому> — и всю жизнь сохраню к нему это чувство».

После смерти Толстого к Т. обратился *М. М. Стасюлевич* с просьбой написать некролог, на что писатель согласился, хотя эстетич. взгляды и худ. творч-во Толстого не были ему близки: «Толстого мне очень жаль: славный был человек <…> но вообще — поэзия Толстого мне довольно чужда <…>. Несмотря на это, я в „Вестнике Европы" помещаю маленькую статейку о нем <...>» (п. к *Я. П. Полонскому* от 13 (25) окт. 1875). Некролог Толстого был напеч. в форме п. к ред. *ВЕ*: «*Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого*» (*ВЕ*. 1875. № 11. С. 373–375).

В некрологе Т. писал: «…Толстой обладал в значительной степени тем, что́ одно дает жизнь и смысл художественным произведениям, а именно: собственной, оригинальной и в то же время очень разнообразной физиономией; он свободно, мастерской рукою распоряжался родным языком, лишь изредка поддаваясь то искушениям виртуозности — желанию пощеголять архаическими, правда, иногда весьма счастливыми оборотами, то другим, мгновенным соображениям, в сущности чуждым, как вообще всё политическое, его сердцу и уму. Он оставил в наследство своим соотечественникам прекрасные образцы драм, романов, лирических стихотворений <…> он был создателем нового у нас литературного рода — исторической баллады, легенды; на этом поприще он не имеет соперников <...>» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 184–185). Особенно выделил Т. личные кач-ва Толстого: «…душа, честная, правдивая, доступная всяким добрым чувствам, готовая на жертвы <...>. „Рыцарская натура" <...>». Не забыл писатель поблагодарить Толстого за то, что он сделал для него лично: «...граф А. К. Толстой был одним из главных лиц, способствовавших прекращению изгнания, на которое я был осужден в самом начале пятидесятых годов» (Там же. С. 186). Впоследствии, в 1863 Толстой вступился за Т., привлеченного по *делу о лицах, обвиняемых в сношениях с «лондонскими пропагандистами»* (*Герценом* и *Огаревым*) (п. к *М. М. Стасюлевичу* от 22 янв. (3 февр.) 1877).

Т. нередко встречался с Толстым в *Пб.* и за границей. Особенно часто они виделись в 1870-х в *Париже* и *Карлсбаде*. Нередко писатели посвящали др. друга в творч. замыслы. Так, в мае 1861 Толстой читал в *Париже* Т. свою драматич. поэму «Дон Жуан» (п. Толстого к *Б. М. Маркевичу* от 11 июня 1861 // *Толстой.* Т. 4. С. 137, 139). Летом 1870 Т. читал у Толстого пов. «*Степной король Лир*» (п. к А. М. Жемчужникову от 5 (17) июня 1870), а ок. 2 (14) июня 1875 в *Карлсбаде* сообщил ему «сюжет» рассказа «*Часы*» (*Толстой.* Т. 4. С. 448). В п. к *Я. П. Полонскому* от 22 марта (3 апр.) 1873 Т. сообщал, что читал «Канута» Толстого и нашел, что это «действительно красивая вещь». Еще в 1868 Т. рекомендовал ром. «Князь Серебряный» для пер. на фр. яз. (п. к *Ж. Этцелю* от 13 (25) апр. 1868; пер. был осуществлен *А. П. Голицыным*) и писал:

«Это — исторический роман в духе Вальтера Скотта, читается с большим интересом, увлекателен, хорошо построен и хорошо написан». Правда, через год Т. гораздо более критически оценил драму «Царь Борис» (п. к *И. П. Борисову* от 30 июля (11 авг.) 1869). Очевидно, Т. казалось неуместным браться за эту тему после *А. С. Пушкина*.

1 (13) июля 1875 в *Карлсбаде* сост. лит.-муз. вечер в пользу моршанских погорельцев, организованный Т. и Толстым, где последний прочитал поэму «Грешница» и баллады «Змей Тугарин» и «Алеша Попович». Одно из эт. произв-й (неизвестно какое) оч. понравилось Т. (*Толстой*. Т. 4. С. 451), но в целом отношение его к творч-ву Толстого было весьма сдержанным («Литератор он был посредственный — а человек отличный», как Т. писал *Ю. П. Вревской* 5 (17) окт. 1875).

Отношение Толстого к творч-ву Т. также не было однозначным. В отличие от своей жены *С. А. Миллер* (м. б., отчасти именно поэтому), постоянно интересовавшейся кажд. нов. произв-ем Т., в письмах Толстого содержится немало критич. замечаний, напр., о пов. «*Фауст*» (*Толстой*. Т. 4. С. 86), о начале ром. «*Дворянское гнездо*» (Там же. С. 111), о рас. «*Часы*» (Там же. С. 448) и др. Оч. высоко ценил Толстой «*Записки охотника*», о к-рых писал *С. А. Миллер* 6 окт. 1852: «Я прочел моей матери весь второй том „Записок охотника", которые она прослушала с большим удовольствием. В самом деле, очень хорошо, без окончательной формы <…> оно как-то переходит из одного в другое и принимает всевозможные формы, зависящие от настроения духа, в котором находишься <…>. Мне напоминает это какую-то сонату Бетховена» (Там же. С. 59). Одобрения заслужили «*Воспоминания о Белинском*» (Там же. С. 277, 278), а также ром. «*Отцы и дети*», к-рый Толстой читал в нем. пер.: «Если бы я встретился с Базаровым, уверен, что мы бы стали друзьями, несмотря на то, что мы продолжали бы спорить» (Там же. С. 388).

Известно 1 п. Т. к Толстому (1855) и 6 п. Толстого к Т. (1852–1862).

Соч.: *Тургенев И. С.* Письмо к редактору по поводу смерти гр. А. К. Толстого // *ПССиП(2)*. Т. 11. С. 184–186; *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1961. Т. 4: Дневник. Письма (по указат.).

Лит.: *Матвеева Е. В.* <*княжна Е. М. Львова*>. Несколько воспоминаний о графе А. К. Толстом и его жене // *ИВ*. 1916. № 1. С. 162–178. *Ямпольский И. Г.* А. К. Толстой // *Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1963. Т. 1. С. 9, 10, 12.

Л. Н. Назарова.

ТОПОРОВ Александр Васильевич (1831–1887), в молодости служил при дворе, затем сдал экзамен на зубного врача и занял место дантиста при дворцовом врачебном дежурстве, в 50–60-е увлекался идеями *Герцена*, *Чернышевского*, был близок к *В. А. Слепцову*. По восп. *А. М. Скабичевского*, Топоров «весь проникся прогрессивными идеями и сделался рьяным пропагандистом их среди молодежи. В конце же

50-х и начале 60-х годов он успел перезнакомиться со всеми сотрудниками „современника" <...>» (*ИВ.* 1910. № 1. С. 41).

С Т. познакомился в 1874 через *Я. П. Полонского* и стал близким приятелем Т. в последние годы его жизни. Человек исключительно преданный Т. (В. О. Михневич назвал Топорова «верным Патроклом» Т.), он выполнял многочисл. и разнообразные поручения писателя. Через Топорова поддерживалась постоянная связь Т. с Россией: он выписывал для него газ. и ж-лы, пересылал вновь выходившие рус. книги, сообщал о событиях обществ.-полит. и лит. жизни 1870-х. Многочисл. и всегда доброжелат. упоминания его имени содержатся в письмах Т. к разным лицам (*Ю. П. Вревской*, *М. М. Стасюлевичу*, *Д. В. Григоровичу* и др.).

Нередко писатель откровенно беседовал с Топоровым на различн. темы, связанные с лит-рой, иск-вом и политикой, сообщал о собств. творч. работе («*Новь*», «*Стучит!*», «*Крóкет в Виндзоре*», «*Песнь торжествующей любви*», «*Старые портреты*» и др.).

Т. высказывал Топорову также свои впечатления о новинках рус. лит-ры, о совр. рус. музыке («Евгений Онегин» *Чайковского*, «Демон» *А. Г. Рубинштейна*). Упоминаются в письмах имена худ. *Харламова*, скульпторов *Антокольского* и *Забелло*, знаменит. оперн. певца *О. А. Петрова*, артисток *М. Г. Савиной* (с к-рой Топоров поддерживал дружеские отношения) и *А. И. Абариновой* (исполнительниц ролей Верочки и Наталии Петровны в «*Месяце в деревне*»). Интересуют Т. и совр. ему ист.-лит. работы (*П. Н. Полевого*, *С. А. Венгерова*, *А. Н. Пыпина*).

Со страниц писем Т. к Топорову встает образ Т.-патриота, с глубоким волнением следящего за освобождением *Болгарии* рус. войсками от османского ига. Из писем к Топорову узнаем о Т. — обществ. деятеле, человеке, скорбящем по поводу смертей *А. К. Толстого*, *Н. А. Некрасова*, *Ф. М. Достоевского*, *Г. Флобера*, *Гамбетты*.

Начиная с 1879, Т. постоянно давал Топорову поручения, связанные с изданием своих соч. В 1882, будучи уже больным, писатель поручает ему вести от своего имени сложные переговоры, касающиеся продажи собр. соч. 1882 (изд. *И. И. Глазунова*).

В музее *ИРЛИ* сохр. фотограф. карточка Т., подаренная Топорову с надписью: «Александру Васильевичу Топорову в память старинной дружбы от Ив. Тургенева» с датой: март 1879.

Незадолго до смерти Т. вызвал Топорова в *Париж* и тот был одним и перв. и немногих читателей послед. рас. Т. «*Une fin*» («*Конец*»), продиктованного писателем по-франц. *П. Виардо*. Сохр. п. Топорова к *В. П. Гаевскому* от 26 июля (7 авг.) 1883 из *Буживаля*, где содержится сообщение о состоянии здоровья Т. (*РНБ.* Ф. 171. № 289. Л. 1; сообщ. Ю. Г. Еремин).

Топорову же Т. поручил отвезти после смерти свой прах в Россию. После кончины Т. Топоров принимал участие в мероприятиях по увековечению памяти писателя: в установке памятника Т. на *Волковом клад-*

бище в *Пб.*, в изд. его «Стихотворений» 1885 (право издания было передано Т. свояченице Топорова *Е. И. Кузьминой*, а часть вырученных денег предназначалась на бюст Т. работы *Ж. А. Полонской* (см.: *ИРЛИ*. Ф. 283. Оп. 2. № 225. Л. 1. Сообщ. Ю. Г. Ереминым) и др.

В *ИРЛИ* хранятся 179 п. Т. к Топорову за 1874—1883. 7 п. Топорова к Т. (черновики) за 1877 хранятся там же. Ф. 283. Оп. 2. № 213; частично опубл.: *Лит Арх. (4)*.

Лит.: *Михневич В. О.* Наши знакомые. Фельетонный словарь современников. СПб., 1884. С. 223; *Стечькин Н. Я.* Из воспом. об И. С. Тургеневе. СПб, 1903. С. 20; *Садовников Д. Н.* Встречи с И. С. Тургеневым // Русское прошлое. Сб. Пг.; М., 1923. Вып. 1; *Назарова Л. Н.* А. В. Топоров // *Лит Арх (4)*. С. 196–200.

Л. Н. Назарова.

ТРОПМАН (Troppmann) Жан-Батист (1849–1870), франц. машинист, совершивший в сент. 1869 зверское убийство семейства Кинк (отца, его жены, бывшей на 7-м мес. беременности и шестерых детей от 2-х до 16-ти лет). «Дело Тропмана» всколыхнуло всю *Францию*, о нем писали *М. Дюкан*, *Ш. Гюго*, *Ж. Санд*, *Г. Флобер* (Actes du colloque sur la Peine de Mort…). Последний увидел в этом преступлении предвестие того «эпилептического припадка», каковым позднее представлялась ему Парижская Коммуна (Ibid. P. 36). Газ. «Le Petit Journal», освещавшая процесс «пантенского убийцы», становится в эти дни перв. массовой газ. и выходит огромным тиражом. На ее стр. «дело Тропмана» рассматривается как нац. катастрофа.

На суде над Тропманом, открывшемся в *Париже* 27 дек. 1869, всех поразил контраст внешнего облика убийцы, юноши, почти мальчика с манерами хорошо воспитанного человека, и чудовищными подробностями его преступления (Ibid. P. 32). Историки «дела Тропмана» отмечают поспешность, с к-рой было проведено дознание и указывают на нек-рые вопросы, так и оставшиеся непроясненными в этом деле. Сам подсудимый, не раз менявший свои показания, до конца настаивал на существовании сообщников. 31 дек. 1869 Тропман был приговорен к смертной казни. Его прошение о помиловании было отклонено, и 19 янв. 1870 он был гильотинирован в парижской тюрьме Рокет.

Т. был в курсе обстоятельств громкого дела. По-видимому, вслед за перв. сообщениями о нем прессы он сделал рис. мужской головы в профиль и подпись под ним с датой 8 окт. 1869: «Это Тропман в 15 лет!» среди пр. зарисовок «*игры в портреты*» (*ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 538).

19 янв. 1870 Т. по приглашению *М. Дюкана* присутствовал, вместе с др. журналистами, при обряде подготовки приговоренного к казни и при его гильотинировании. *Н. А. Тучкова* так предает впечатления Т. от казни, на к-рую он, по его словам, пошел смотреть «только потому, что не сумел отказаться»: «После казни Тургенев пришел к нам нервный, почти больной; он провел несколько дней без сна и пищи. Он вспоминает с содроганием о виденном» (*Т в восп совр*. Т. 1. С. 219).

П. В. Анненкову 10 (22) янв. 1870 из *Баден-Бадена* Т. писал о «страшной ночи», в течение к-рой он получил окончательное омерзение к смертной казни вообще и к тому, как она совершается во Франции в особенности». О своих тяжелых впечатлениях от той ночи он писал брату *Н. С. Тургеневу* и *Ю. Роденбергу* (*ПССиП(1). Письма.* Т. 8. С. 191, 224).

Уже в п. к *Анненкову* Т. выражает желание написать что-то вроде отчета о столь поразившем его событии для возможной публ. его в *СПб Вед*, подробно освещавших «дело Тропмана». Однако он приступает к работе лишь 12 (24) апр. 1870, когда замысел очерка «*Казнь Тропмана*» окончательно созрел. Очерк был закончен вчерне 18 (30) апр. того же года в *Веймаре*, однако писатель продолжал работу над текстом вплоть до 17 (29) мая. Очерк был напечатан в *ВЕ* (1870. № 6. С. 872–890) и вызвал разноречивые отклики. По словам *В. П. Буренина*, Т. «душевно сокрушался в своей роли зрителя кровавого спектакля» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 400). Признавая бессмысленность истребления целого семейства, Т. вместе с тем видит в нем приметы нравств. уродства не столь редкого в совр. об-ве. В глазах Т. вовлеченными в убийство являются и те, кто пришел присутствовать на казни убийцы. Ему чудится бездна порока в вожделении толпы к кровавому зрелищу; после казни «будничная жизнь принимала опять всех этих людей в свои недра — и для чего, для каких ощущений они на несколько часов выходили из ее колеи? Страшно подумать о том, что тут гнездится» (Там же. С. 150). В физическом облике Т. писатель подчеркивает его хрупкость, трогательную нежность его почти детских черт и вместе с тем не может скрыть своего изумления пред мужеством приговоренного. Самая смерть преступника на гильотине предстает как мрачное убийство, ничего общего не имеющее с актом обществ. правосудия.

Очерк Т. стал вкладом писателя в движение протеста против смертной казни наряду с брошюрой *Ж. Симона* «Смертная казнь», ст. *М. Дюкана* «Рокетская площадь» и др.

Лит.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 538; *Т в восп совр*. Т. 1. С. 219; Actes du colloque sur la Peine de Mort dans la pensée philosophique et littéraire (Autour de l'Execution de Troppmann, d'Ivan Tourguéniev) / Textes réunies et publiés par Alexandre Zviguilsky. Introduction de Jacques Léauté. Paris, 1980.

Л. А. Балыкова.

«ФИЛИППО СТРОДЗИ», поэма Т. Автограф неизвестен. Впервые: XXV лет. 1859–1884. Сб., изданный комитетом Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. СПб., 1884. С. 212–215. Подпись: И. Тургенев. Время написания датируется приблизительно нач. 1847, до отъезда за границу в сер. янв. и не позднее окт. 1847 (см. п. *Некрасова* к *А. В. Никитенко* от 11 (23) окт. 1847 // *Некрасов*. Т. 15 (1). С. 204).

Единств. из поэм Т., к-рая м. б. названа исторической. Герой поэмы — Филиппо Джамбатиста *Стродзи*, вернее, Строцци (Strozzi, 1488–1538) — ит. полит. деятель, вел продолжит. борьбу против семейства *Медичи* (Медичисов), одному из к-рых (Алессандро) помог захватить власть и стать герцогом Флорентийским, но з-м вновь возобновил борьбу с деспотизмом. Несомненно, Т. была известна драма *А. де Мюссе* «Лорензаччо» (1834), в к-рой дейст. лицами являются не только Алессандро Медичи и Лоренцино, но и Филипо Строцци. Возможно, Т. знал о флорент. хронике «Storia florentina» (написана в 1547, изд. во Флоренции в 1721, франц. перевод — в 1754) Бенедетто Варки, сторонника Строцци и врага Медичи, послужившей источником для *Мюссе*.

Т. пытается преодолеть романтическую трактовку образа героя, который лишается таинственности (см.: *Габель*. С. 49). Т. стремится к ист. точности, к созданию портрета ист. лица, что было связано с осн. пафосом его лит.-критич. статей, написанных в 1846, о пьесах «Смерть Ляпунова» *С. А. Гедеонова* и «Генерал-поручик Паткуль» *Н. В. Кукольника*. Даже после смерти Т., в 1884, цензор Воронич, напуганный событием 1 марта 1881, оказался в затруднении, но мнение ценз. комитета не совпало с заявлением цензора и поэма был опубликована (см.: *Николаев*. С. 104–105).

Лит.: *Николаев А.* Цензурная история поэмы Тургенева «Филиппо Стродзи» // *Центрархив. Документы*. С. 104–105; *Алексеев М. П.* Письма к А. В. Никитенко // *Лит Арх(4)*. С. 176; *Назарова Л. Н.* Коммент. // *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 617–620; *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 553–556; *Петров С. М.* И. С. Тургенев. Творческий путь. М., 1961. С. 65; *Габель М. О.* «Филиппо Стродзи» И. С. Тургенева (К вопросу об идейных позициях писателя в 1847 г.) // Вопросы рус. лит. Львов, 1967. Вып. 2 (5). С. 49; *Павлов Л. В.* Молодой Тургенев и М. Ю. Лермонтов // Вопросы реализма. Петрозаводск, 1968. С. 86–88.

Л. Н. Назарова.

ШУБЕРТ (р. Куликова, во втор. браке Яновская) Александра Ивановна (1827–1909), актриса, сестра драматурга-водевилиста Н. И. Куликова и артистки *Малого театра П. И. Орловой*, автор восп. Окончила Петерб. театр. уч-ще. В 1842 дебют. на сцене *Александринского театра* в *Пб*. Любимая ученица *М. С. Щепкина*. Много выступала в провинции.

С Т. познакомилась, очевидно, в 1854, благодаря *М. С. Щепкину*, к-рый привел Т., *А. В. Дружинина* и *Д. В. Григоровича* к Ш., жившей вместе со своей сестрой *П. И. Орловой*. «Тургенев оказался слабым после болезни, тем не менее он поехал <...> на обещанный вечер. Нас встретили как нельзя милее и ласковее <...> а разговор все более шел „об искусстве"» (*Дружинин. Дневник*. С. 282. Запись от 5 марта 1854). Сама Ш. вспом. об эт. визите так: «Сестра просила их бывать. В следующую субботу приехал Тургенев с Григоровичем. Я по своей глупости сказала Тургеневу, что мне не нравится, зачем он в своих сочинениях вдается в описание природы: это очень скучно читать и я всегда

пропускаю. Наше знакомство не упрочилось. Тургенев вскоре уехал за границу» (*Шуберт*. С. 342).

Ш. обладала больш. педагогич. даром: ее учениками были *В. Н. Давыдов* и *М. Г. Савина*. Школу Ш. называли в шутку «консерваторией». «Большую пользу принесла мне эта консерватория, и я не раз потом вспоминал милую, умную и добрую Александру Ивановну. На Савину она имела огромное влияние» (*Давыдов В. Н.* Рассказ о прошлом. Л.; М., 1962. С. 101–102). Позднее ученики «консерватории» Ш. блистательно воплотили мн. тург. образы на сценических подмостках.

Соч.: *Шуберт А. И.* Моя жизнь. Л., 1929. С. 159–160.

Е. В. Проц.

ЮРАСОВ Иван Федорович (1803–после 1861), орл. помещик, отставной подпоручик, член Южного об-ва декабристов, знакомый Т. (в *ПССиП(1)* и *ПССиП(2)* значится лишь «орл. помещиком»). Род. в Карачевском у. *Орл. губ.* в семье мелкопоместн. дворянина. У него было два брата (один из них — Петр — знакомый Т.) и пять сестер, одна из к-рых — Екатерина — была соседкой по имению *В. П. Тургеневой*.

Ю. служил колонновожатым Генерального штаба 2-й армии, принимал участие в топограф. съемке Бессарабск. губ. В дек. 1825 принят поручиком Н. А. Крюковым в Южное об-во. В 1826 уволен по болезни от службы с обязательством проживания в своем имении Давыдово *Орл. губ.*, где за ним был установлен секретн. надзор (снят по амнистии декабристам в 1856). К следствию по делу декабристов не привлекался, ввиду незначительности участия в об-ве. Остаток жизни провел в хоз. заботах в Давыдове, упорно добиваясь перевода своих крестьян в вольные поселяне (договор с крестьянами утвержден *Александром II* 18 окт. 1857). Дата смерти неизв. Последн. упоминание в делах *ГАОО* относится к 26 нояб. 1861, в связи с обвинением дворового человека в Давыдове крестьянина В. Н. Крылова в «превратном» объяснении закона об освобождении крестьян.

В конце апр.–нач. мая 1853 Т. охотился с Ю. в севских и трубчевских болотистых местах, принадлежавших губ. предводит. дворянства В. В. Апраксину, о чем Т. подробно писал 12, 16 (24, 28) мая 1853 *С. Т. Аксакову* и 25 мая (6 июня) 1853 *Л. Н. Вакселю*. Маловероятно, однако, что Т. связывали с Ю. лишь охотничьи интересы. Попытки Ю. облегчить участь своих крепостных должны были привлечь внимание автора «*Записок охотника*».

Лит.: *Власов В.* Заступники свободы (Декабристы-орловцы). Тула. 1991. С. 69–76.

В. А. Власов.

И. М. ГРЕВС

ГРАФИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ЕГОРОВНА ЛАМБЕРТ
(Чистая дружба)

Публикация В. А. Лукиной

> Один именно доброжелательный рецензент <...> выразил сожаление, что пишу я на старый лад. Трудно старому помолодеть, особенно когда в своей старине он находил превосходные образцы, на которых долго учился (конечно, не возьмусь судить о качестве достигнутого результата). Но нынче русский язык пребывает в состоянии еще хаотического брожения к неизвестному новому; переучиваться пока не у кого, а подражать еще бесформенному вышло бы неестественно и бесцельно. Пусть уж будет мне позволено писать, как умею: надеюсь, что понять меня, во всяком случае, не трудно всякому, кто пожелает.
>
> И. М. Гревс

Известный медиевист и историк культуры Иван Михайлович Гревс[1] (1860—1941) значительную часть своей жизни посвятил изучению биографии и творчест-

[1] И. М. Гревс является автором «Очерков из истории римского землевладения» (1899), ряда работ по истории средневековой культуры и быта («Очерки флорентийской культуры», 1903—1905, очерки о Данте, 1913 и 1923, и др.), научно-популярной книги «Тацит» (1946, опубликована посмертно), однако большая часть его исследований осталась неопубликованной. По воспоминаниям Н. П. Анциферова, «Иван Михайлович совершенно не заботился о печатании своих трудов. Ящики его большого стола были полны рукописями» (см.: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания / Вступит. ст., сост., примеч. и указатель А. И. Добкина. М., 1992. С. 177). Большую часть жизни И. М. Гревс посвятил педагогической деятельности: почти полвека он занимал кафедру истории Средних веков Петербургского (с 1924 Ленинградского) университета (1899—1941), преподавал также на Высших женских (Бестужевских) курсах в Петербурге (1892—1918), фактически став основоположником семинарской системы и экскурсионного метода в русском университетском образовании. Среди учеников И. М. Гревса в разное время были Н. А. Сергиевская, Н. П. Анциферов, О. А. Добиаш-Рождественская, Н. П. Оттокар, Н. С. Врасская, Л. П. Карсавин, Т. Б. Лозинская, Т. П. Ден и многие другие. Об И. М. Гревсе см. воспоминания Н. П. Анциферова: *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 164—178, 399—407 и по указателю, а также: *Вахромеева О. Б.* Духовное единение: К изучению творческой биографии И. М. Гревса / Под ред. Г. Е. Лебедевой.

ва И. С. Тургенева. «Тургенев — один из самых моих любимых среди родных писателей, — признавался он в оставшемся незавершенным очерке „О влиянии Тургенева на меня и о соприкосновении с ним", — с самого отдаленного моего детства, через отрочество и юношество, во всю мою жизнь до старости. Я люблю его, восхищаюсь им, наслаждаюсь его словом, образами и мыслями, почитаю его, как дорогого учителя правды и красоты, испытываю на себе многообразные силы его влияния, ощущая множество нитей духовных, связывающих меня с ним. Главная тайна этой связи, думаю, кроется в том, что обозначается словом, которое мы часто повторяем, но которое полногласно звучит в очень немногих, — словом *человечность*, *humanitas*. Это свойство проникает великого писателя как очень немногих, это глубочайшее понимание всей полноты человеческой природы и уменье „вибрировать" духом на все благородные стихии ее, тем самым сливаясь с человечеством и очищая дефекты собственной личности и очищая других».[2]

Публикуемая работа И. М. Гревса «Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба)» является частью неопубликованной книги «Женские образы в жизни Тургенева», которая, как и большая часть разысканий в области тургеневедения,[3] сохранилась в архиве ученого в рукописном виде.[4] Среди них — «Спасское и Рос-

---

СПб., 2005. 166 с.; *Ее же.* Человек с открытым сердцем. Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941). СПб., 2004. 372 с.; *Каганович Б. С.* И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура: средневековье и начало нового времени. Л., 1986; *Его же.* Люди и судьбы: Д. И. Шаховской, С. Ф. Ольденбург, В. И. Вернадский, И. М. Гревс по их переписке 1920—1930-х гг. // Звезда. 1992. № 5—6 (Май—июнь). С. 160—170; *Скржинская Е. Ч.* Иван Михайлович Гревс // *Гревс И. М.* Тацит. М.; Л., 1946. С. 223—248 и др.

[2] *ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 267. Л. 1. По свидетельству Н. П. Анциферова, «Тургенев был особенно близок Ивану Михайловичу. Его труд „Любовь Тургенева" выдержал два издания и, как мне говорили, был включен в число книг, рекомендуемых Лигой наций» (*Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. С. 403). Еще в гимназические годы И. М. Гревс несколько раз имел возможность видеть Тургенева, выступавшего с чтением своих произведений в Петербурге (в частности, во время приезда писателя в Россию в 1879 г.). Воспоминаниями об этих «встречах» с писателем Гревс очень дорожил. Н. П. Анциферов вспоминал, как «Иван Михайлович читал нам те страницы „Дворянского гнезда", которые он сам слышал в исполнении самого Тургенева. Иван Михайлович при этом живо подражал манере читать писателя, его интонациям и жестам» (Там же. С. 404).

[3] В 1922 г. вышла статья Гревса «Образы Италии в творчестве И. С. Тургенева» (Начала. Пб., 1922. № 2. С. 64—105), впоследствии выросшая в небольшую книгу «Тургенев и Италия (Культурно-исторический этюд)» с приложением литературной справки «Тургенев и Петербург» (Л., 1925. 126 с.), в 1925 г. увидели свет его статьи «М. П. Драгоманов о Тургеневе (Из вновь найденных материалов)» (Былое. Л., 1925. № 3. С. 113—130), «И. С. Тургенев в письмах к Полонскому» (в кн.: *Кони А. Ф.* Юбилейный сборник. Л., 1925. С. 136—161), а в 1927 г. — «История одной любви: И. С. Тургенев и Полина Виардо» (М., 1927. 262 с.), в скором времени раскупленная и потребовавшая второго издания, которое появилось в существенно расширенном и переработанном виде в следующем году (М., 1928. 369 с.). В 1993 г. книга была переиздана (в редакции 1927 г.), см.: *Гревс И. М.* История одной любви: И. С. Тургенев и Полина Виардо / Предисл. Н. В. Головко. Минск, 1993. 176 с.

[4] *ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 249. 466 л. После смерти Гревса, последовавшей в 1941 г., заботу о его архиве принял на себя близкий друг Ивана Михайловича — академик Владимир Иванович Вернадский, передавший материалы в Архив Академии наук СССР. Ныне материалы архива И. М. Гревса составляют фонд 726 в Петербургском филиале Архива РАН (*ПФА РАН*).

сия в творчестве Тургенева (Очерки по истории его миросозерцания)»,[5] «Религиозная драма Тургенева (Опыт истории души)», «И. С. Тургенев в 1840-м году (неизданные письма)», «Социальные перспективы в мысли Тургенева последних лет („Новь")» и др.

Полное название рукописи, часть которой представлена в настоящем издании: «Женские образы в жизни Тургенева (Библиогр<афические>, историко-культурные и психологические очерки)». Помимо главы о графине Ламберт, в книгу должны были войти отдельные этюды о Т. А. Бакуниной, О. А. Тургеневой, М. Н. Толстой, М. А. Маркович (Марко Вовчок), Ю. П. Вревской, Е. С. Волконской, С. К. Кавелиной, М. Г. Савиной и др.

Созданию обобщающего труда предшествовали подготовительные исследования, посвященные каждой из героинь И. М. Гревса: некоторые из них были практически полностью завершены, другие же так и остались в черновых набросках. Поскольку публикация книги затягивалась, Гревс, по всей видимости, предпринимал шаги к напечатанию некоторых ее частей в виде журнальных статей.[6] Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что, помимо общей рукописи «Женские образы в жизни Тургенева», в архиве сохранились отдельные «этюды», которые носят следы подготовки к печати, — «Графиня Мария Николаевна Толстая»,[7] «Ольга Александровна Тургенева (Мысли о браке)»,[8] «Легкая дружба. Мария Александровна Маркович (Марко Вовчок)»,[9] «Тургенев — Вревская»,[10] «Мария Гавриловна Савина (Последняя дружба-любовь)»[11] и др.

---

[5] *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 236. 322 л. (черновой и беловой автографы). Предисловие к этой незавершенной работе было опубликовано В. А. Громовым, см.: «Спасское и Россия в творчестве Тургенева» — неизданная работа историка и литературоведа И. М. Гревса // Спасский вестник. 1992. Вып. 1. С. 73—79.

[6] Так, идея опубликовать отдельно (до окончания работы над книгой) главу о М. Н. Толстой, ценные материалы для которой, включая письма Марии Николаевны к Тургеневу, Гревсу неожиданно удалось обнаружить при содействии К. С. Срезневского, была подсказана ему Д. И. Шаховским в письме от 12 января 1931 г.: «Дело в том, что вся твоя книга, чрезвычайно ценная и нужная, увидит, однако, свет не так скоро. „Сентименты" теперь не в моде и трудно пробивать себе путь, как ни явна их значимость в жизни людей и, следовательно, их законнейшее право не только на жизнь (жизнь — ни в каком *праве* не нуждается), но на изучение. Но тема, освещающая Тургенева и толстовскую семью, да еще разработанная на основании *новых* материалов, проскочит всякие рогатки и послужит великолепным преддверием ко всей книге, а книга очень выиграет в глубине и полноте от твоей максимально углубленной, сосредоточенной работы на одном сюжете и отсрочки выпуска ее в свет. Наверное, органически созреет и заключительная глава» (*ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 2. № 334. Л. 437 об.). Близкий друг И. М. Гревса князь Дмитрий Иванович Шаховской (1861—1939), видный общественный и государственный деятель, один из создателей и руководителей «Союза освобождения» и конституционно-демократической партии России, крупный исследователь русской философской и общественной мысли, в том числе наследия своего родственника П. Я. Чаадаева, вместе с И. М. Гревсом, В. И. Вернадским, Ф. Ф. и С. Ф. Ольденбургами, А. А. Корниловым и др. входил в «Приютинское братство». О Д. И. Шаховском см.: *Шаховской Д. И.* Письма о Братстве / Публ. и коммент. Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского и М. Ю. Сорокиной // Звенья. М., 1992. Т. 2. С. 174—318; *Его же.* Избранные статьи и письма. 1881—1895 / Сост., вступит. ст. А. В. Лубкова. М., 2002. 320 с.; *Его же.* Статьи и наброски / Публ. А. А. Златопольской // История идей в России. Исследования и материалы. СПб., 2004. С. 111—145.

[7] *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 244. 144 л. (черновой и беловой автографы).

[8] Там же. № 247. 30 л. (черновой и беловой автографы).

[9] Там же. № 241. 49 л. (черновой автограф).

[10] Там же. № 242. 127 л. (черновой и беловой автографы).

[11] Там же. № 248. 54 л. (набросок).

К числу завершенных, очевидно, следует отнести первый вариант работы о графине Ламберт, который представлял собой небольшой очерк под заглавием «Дружба в письмах И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт (Набросок)» и который был окончен в марте 1928 года.[12]

История знакомства Тургенева и графини Елизаветы Егоровны Ламберт (1821—1883) остается одной из самых малоизученных и загадочных страниц в биографии писателя. Во многом это обусловлено тем, что, помимо известной исследователям переписки (сохранившейся далеко не в полном виде), сведения об их отношениях и о самой графине крайне скудны. Весьма незначительно количество упоминаний имени Е. Е. Ламберт в переписке писателя с другими корреспондентами, а также в мемуарной литературе, посвященной Тургеневу.[13] В этом отношении публикуемая работа, несмотря на длительный отрезок времени, прошедший с момента ее написания, представляет несомненный интерес и сохраняет научную ценность.

Как свидетельствуют материалы архива И. М. Гревса, тема «Тургенев и графиня Ламберт» долгое время (со второй половины 1920-х и до второй половины 1930-х годов) находилась в центре интересов ученого, занимавшегося ею в самых разных аспектах. Намерение посвятить отношениям писателя с этой незаурядной женщиной отдельное исследование возникло у Гревса, по-видимому, еще в ходе работы над «историей любви» Тургенева и Полины Виардо, в которой уже был намечен ряд положений, получивших дальнейшее развитие в публикуемом исследовании. В предисловии к первому изданию книги, заранее предвосхищая возможные упреки в несвоевременности затронутой проблемы, Гревс писал: «„История любви" — тема старомодная и будто бы устарелая для нашего отнюдь не сентиментального времени. Теперь свысока относятся к нежным чувствам. За „модой" я не гонюсь, и притом моды возвращаются, — подождем <...>».[14]

Во вступлении к первому варианту очерка о Е. Е. Ламберт слышатся отголоски общего настроя и положений, на которых будет строиться в дальнейшем книга Гревса. «Графиня Елизавета Егоровна Ламберт, — писал Иван Михайлович, — принадлежала к той группе выдающихся по душевным качествам, избранных женщин, которые играли в различные периоды жизни И. С. Тургенева искреннюю роль близких друзей и „поверенных души". Неоднократное возвращение таких, можно назвать, „amitiées amoureuses" было характерною особенностью его сердца, его ярко выраженного тяготения к „вечно женственному". <...> В ряду таких „дружб" отношения к гр. Ламберт раскрывают одну из самых хороших, чистых страниц в „сентиментальной" (лучше — эмоциональной) биографии Тургенева». Не случайно в качестве эпиграфа Гревс выбрал строки Шиллера:

---

[12] См.: Там же. № 239. 119 л. (черновой и беловой автографы). Первоначальный вариант заглавия: «Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт» с подзаголовком «Набросок характеристики» (Л. 18). Окончание черновой рукописи можно датировать на основании пометы Гревса 17 января 1928 г.; в конце беловой проставлена дата 1 марта 1928 г. Сохранившиеся на рукописи пометы говорят о том, что в 1928 г. Гревс предпринимал шаги к опубликованию очерка в сборнике, посвященном памяти Тургенева, однако осуществить это намерение ему не удалось.

[13] «Литературные сведения» об отношениях Тургенева и гр. Ламберт исчерпываются несколькими упоминаниями в «Литературных воспоминаниях» П. В. Анненкова. Как справедливо отметил Г. П. Георгиевский, «за отсутствием других и более точных и подробных сведений, в биографии Тургенева совсем не отведено ей то обширное и важное место, какое принадлежит ей в действительности и по праву» (Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт / Предисл. и примеч. Г. П. Георгиевского. М., 1915. С. VI. Далее в ссылках: *Георгиевский*, с указанием страниц).

[14] *Гревс И. М.* История одной любви. М., 1927. С. 5.

И. М. Гревс

O, du, die alle Wunden heilest,
Der Freundschaft zarte, liebe Hand!

Ты лечишь нежно сердца раны,
Ты — дружбы милая рука!

(перевод И. М. Гревса).

Эти слова проходят лейтмотивом через весь очерк, и впоследствии ими же будет открываться глава о графине Ламберт.

Сохранившийся в архиве Гревса первый вариант очерка о Е. Е. Ламберт был основан преимущественно на письмах к ней Тургенева, которые стали известны исследователям благодаря публикации Г. П. Георгиевского, осуществленной сначала частично в октябрьской книжке журнала «Голос минувшего» за 1914 год,[15] а в следующем, 1915 году, полностью отдельным изданием.[16] Согласно описанию Г. П. Георгиевского, вся коллекция, хранившаяся в Румянцевском музее (ныне Российской государственной библиотеке), насчитывала 115 писем и небольших записок.[17]

Появление в печати обширного корпуса писем Тургенева к графине Ламберт вызвало заметный интерес в читающей публике. «Обнародованная Румянцевским музеем целая книга писем Тургенева, остававшихся до сих пор под спудом, — писал один из рецензентов, — является своего рода литературным событием».[18] Однако публикация Георгиевского стала лишь первым шагом на пути к осмыслению и изучению открывшегося перед исследователями материала. Проливая свет на некоторые ключевые моменты, она в то же время ставила новые вопросы.

По-прежнему загадочной оставалась фигура адресатки Тургенева. Во многом этому способствовал затворнический характер жизни Елизаветы Егоровны, особенно в последние годы жизни. Кроме того (и это, по-видимому, сильно интриговало читателя), не было известно ни одного ее ответного письма к Тургеневу.

Письма Тургенева из коллекции Румянцевского музея охватывали период в 11 лет (с 1856 по 1867 год). Изучение их позволило Г. П. Георгиевскому с большой

---

[15] См.: И. С. Тургенев в переписке с графиней Е. Е. Ламберт // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 186—231.

[16] В виде оттисков из «Отчета Императорского Московского Румянцевского Музея за 1914 год» (см.: *Георгиевский*).

[17] Перед смертью гр. Ламберт передала письма Тургенева к ней Александру Дмитриевичу Свербееву (1835—1917), действительному статскому советнику, занимавшему в то время пост самарского губернатора. Через несколько лет после смерти Елизаветы Егоровны, 7 сентября 1889 г. Свербеев принес их в дар Румянцевскому музею в Москве. Письма были переданы Музею в запечатанном пакете с условием, чтобы они хранились в этом виде 20 лет и были напечатаны не ранее 7 сентября 1909 г. По истечении 20 лет срок был продлен еще на пять лет, так что возможность обнародовать письма впервые появилась лишь в сентябре 1914 г., что и было вскоре осуществлено хранителем рукописного отделения Румянцевского музея Г. П. Георгиевским (см.: *Георгиевский.* С. X).

[18] *Александров А.* О письмах И. С. Тургенева к графине Е. С. Ламберт (так!). Сергиев Посад, 1916. С. 1.

долей уверенности утверждать, что начало длительному «диалогу двух друзей»[19] положило письмо Тургенева от 9 (21) мая 1856 года.[20] В то же время содержание последнего из известных писем Тургенева, датированного 29 апреля (11 мая) 1867 года, не объясняло причины, по которой после 1867 года переписка странным образом обрывалась. Настораживало также отсутствие каких-либо упоминаний о Елизавете Егоровне в письмах Тургенева к другим корреспондентам (например, П. В. Анненкову).[21] Между тем графиня Ламберт скончалась в один год с Тургеневым, в июле 1883 года. Возникал правомерный вопрос: общались ли они последующие 16 лет? На этот счет возникали самые разнообразные предположения.

Уже в очерке 1928 года Гревс назвал письма Тургенева к графине «одним из лучших „собирательных произведений" его и одним из важнейших документов для истории его души». Собственно новых фактических данных о взаимоотношениях Тургенева и графини Ламберт в этой ранней работе было немного, поскольку, как уже говорилось, в большей своей части она основывалась на письмах, опубликованных Георгиевским. Считая, что письма Тургенева к Е. Е. Ламберт являются, наряду с письмами к Полине Виардо, «самой замечательной серией в его корреспонденции» и именно в этом качестве остаются непонятыми или превратно истолкованными,[22] Гревс попытался восполнить этот пробел в предпочтительном для себя жанре Seelengeschichte («опыт истории души»).[23]

Особое внимание ученого привлек вопрос о причинах прекращения переписки между Тургеневым и Ламберт. На момент создания очерка ему, по-видимому, были неизвестны письма Елизаветы Егоровны к Тургеневу. Тем не менее он обозначил несколько наиболее вероятных объяснений «исчезновения» графини из круга общения писателя после 1867 года:

— во-первых, прекращение переписки могло быть постепенным, логическим следствием духовного кризиса графини Ламберт, когда под влиянием перенесенных ударов — смерти брата В. Е. Канкрина, а затем и единственного сына Я. И. Ламберта, последовавших в один год, — она, возможно, замкнулась в скорбном одиночестве, окрашенном религиозным настроем. Это объяснение Гревс считал наиболее вероятным.

— во-вторых, причина произошедшего могла крыться в каком-нибудь идейном расхождении, активно выразившемся со стороны Ламберт протестом, действительным разрывом (здесь можно вспомнить свидетельство самого Тургенева о резко отрицательном отзыве графини по поводу романа «Дым», вышедшего как раз в 1867 году).

---

[19] См.: *Granjard H.* Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs». Paris, 1960. P. 7. Далее в ссылках: *Granjard*, с указанием страниц.

[20] *Георгиевский.* С. X; ср. также: *Granjard.* P. 9.

[21] Сравнительно недавно выяснилось, что последнее по времени упоминание о Е. Е. Ламберт содержится в письме Тургенева к Полине Виардо и относится к марту 1871 г., когда писатель, по-видимому, встречался с графиней во время своего непродолжительного пребывания в Москве (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 11. С. 50).

[22] Достаточно указать в качестве примера на статью В. Розанова «Отцы-воспитатели русского общества» (*Н Вр.* 1916. 4 июля).

[23] «В настоящем словоупотреблении, — писал Гревс в предисловии к другой своей работе „Религиозная драма Тургенева (Опыт истории души)", — термин Seelengeschichte установился давно; никто его не оспаривает; у нас же он не завоевал прочного права гражданства; к нему прибегают случайно, — а при нынешних умонастроениях, утверждающихся в послереволюционной России, ему даже, думается, грозит осуждение и изгнание; между тем он очень выразительно воплощает суть дела при построении жизни личности» (*ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 237. Л. 3).

— наконец, третье предположение о том, что чувство графини Ламберт к Тургеневу могло развиться в таком направлении и характере, который заставил бы ее в силу нравственных понятий и убеждений отойти от него, представлялось Гревсу самым невероятным.

Несмотря на безуспешные попытки опубликовать очерк в 1928 году, Гревс активно продолжил свои разыскания в области «ламбертоведения». Особый импульс они получили после того, как из описания Андре Мазона стало известно, что в архиве семьи Виардо сохранились ответные письма графини Ламберт к Тургеневу.[24] Предположительно уже в 1931 году Гревс завершил новый, полностью переработанный вариант очерка (главы), в несколько раз превышающий первоначальный. Он получил заглавие: «Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба)».[25] Проставленная в черновой рукописи цифра «IV» свидетельствует со всей очевидностью о том, что очерк должен был стать частью общего исследования «Женские образы в жизни Тургенева».

Помимо черновой и беловой рукописей, в архиве сохранились обширные подготовительные материалы, которые не только позволяют восстановить ход работы Гревса и очертить круг использованных им источников, но и выявить сведения, не нашедшие отражения в окончательном варианте текста.

Работа по собиранию материала велась Гревсом в нескольких направлениях. Прежде всего он занялся изучением мемуарной литературы, собирая по крупицам данные для воссоздания портрета графини Ламберт.[26] Собиранию «сведений о родителях, о традициях и настроениях семей, откуда выходили тургеневские женщины-друзья», Гревс придавал первостепенное значение. Он полагал, «что это много может объяснить в их личных свойствах, как в силу наследственных задатков, образующих фамильные черты, так и благодаря прижизненным влияниям, исходящим из отчего дома, круга родных и общества друзей». И здесь настоящим открытием стала книга, изданная в 1902 году в Берлине племянницей графини Ламберт Еленой фон Таубе: «Graf Alexander Keyserling; ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern». Этот важнейший источник остался неизвестен тургеневедам.

Происходивший из русско-балтийских немцев, граф Александр Андреевич Кейзерлинг (1815—1891) — выдающийся ученый-геолог, палеонтолог, путешественник и общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1858), ее почетный член (1887), был женат на старшей сестре Елизаветы Егоровны — Зинаиде (свадьба состоялась в 1844 году) и хорошо знал саму графиню Ламберт. Письма и воспоминания А. А. Кейзерлинга, собранные и опубликованные его дочерью, содержат много любопытных деталей о семейном быте Канкриных, Ламбертов и их родственников. В частности, они воссоздают историю замужества

---

[24] См.: *Mazon*. P. 108, где под номером 109. M. 38 значатся 52 письма графини Ламберт к Тургеневу, относящиеся, согласно помете А. Мазона, преимущественно к началу 1860-х гг. Очевидно, следует считать опечаткой вторую крайнюю дату, которую называет Мазон: «Большинство из этих 52 писем относятся к началу шестидесятых годов (1860—1882)». По-видимому, вместо «1882» следует читать: «1862». Отчасти это предположение находит подтверждение в публикации самих писем, осуществленной Анри Гранжаром через 30 лет после выхода описания Мазона, когда письма гр. Ламберт были переданы в Bibliothèque Nationale (Париж). Опубликованные А. Гранжаром 50 писем Елизаветы Егоровны к Тургеневу охватывают период с 1859 по 1862 гг. Еще три письма, относящиеся к 1856—1863 гг., хранятся в *ИРЛИ* (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу / Публ. В. А. Лукиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год / Отв. ред. Т. Г. Иванова. СПб., 2006. С. 145—157).

[25] *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 240. 153 л. (черновой и беловой автографы).

[26] Сохранившиеся в архиве подготовительные заметки И. М. Гревса к очерку о графине Ламберт содержат обширнейшую библиографию о ней и ее семье.

Елизаветы Егоровны, проясняют причины охлаждения в отношениях с мужем И. К. Ламбертом, а также проливают свет на трагические обстоятельства ее смерти.

Помимо собирания биографических данных о самой графине Ламберт, Гревс вел неотступные поиски остававшейся неизвестной части переписки. Следует отметить, что его интересовали как письма самой графини Ламберт, так и письма Ивана Сергеевича, поскольку он предполагал, что не все тургеневские письма были переданы А. Д. Свербеевым в Румянцевский музей или же не все из переданных были напечатаны.

Первым шагом в поисках заветных писем стало обращение Гревса к потомкам А. Д. Свербеева с просьбой прояснить историю передачи ему графиней Ламберт писем Тургенева. Действенную помощь в этом Гревсу оказал его близкий друг — Дмитрий Иванович Шаховской, бывший к тому же товарищем по I курсу историко-филологического факультета Московского университета сына А. Д. Свербеева — Дмитрия. Из сохранившейся переписки Гревса с Д. И. Шаховским, относящейся к весне 1931 года, следует, что письма, переданные графиней Ламберт А. Д. Свербееву, проходили через руки Николая Владимировича Голицына (1874—1942), филолога, историка-архивиста, женатого на племяннице Свербеева — Марии Дмитриевне Свербеевой. Н. В. Голицын длительное время работал с бумагами из архива А. Д. Свербеева.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранятся материалы к сборнику, посвященному памяти А. Д. Свербеева, который был подготовлен Голицыным к печати для книгоиздательства «Огни» в 1918 году.[27] Ему же А. Д. Свербеев хотел поручить опубликование писем Тургенева к Е. Е. Ламберт.[28] Однако, по словам Шаховского, Г. П. Георгиевский «упредил» Голицына в этом намерении.[29] Тем не менее очевидно, что содержание писем Тургенева было известно Голицыну до того, как они появились в печати. Более того, из письма Шаховского следует, что помимо писем Тургенева к Ламберт в бумагах Свербеева были и копии *ее* писем к нему.[30]

В распоряжении Н. В. Голицына оказались также два фотопортрета графини Ламберт, один из которых он передал в Румянцевский музей, другой же оставался у него.[31] По всей видимости, именно Голицын подтвердил предположение Гревса о том, что не все письма Тургенева к Ламберт были переданы в Румянцевский музей. Однако дальнейшие поиски их ни к чему не привели. Как бы то ни было, можно с уверенностью предположить, что к Гревсу машинописная копия писем Е. Е. Ламберт к Тургеневу, хранившихся в архиве Виардо, попала через А. Мазона.[32]

---

[27] См.: *РО ИРЛИ.* Ф. 598. Оп. 1. № 891. Сборник включает обширную переписку с братьями А. И. и Н. И. Тургеневыми, П. А. Вяземским, Ю. Ф. Самариным, И. С. Аксаковым и многими другими.

[28] Упоминание о существовании письма с выражением этого пожелания сохранилось в архиве Гревса, само же письмо, по-видимому, утрачено (см.: *ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 240. Л. 131).

[29] Там же.

[30] Происхождение и судьба этих копий не вполне ясны. Напрашивающееся предположение о том, что здесь могли подразумеваться копии писем из парижского архива Тургенева, представляется весьма маловероятным. Возможно, речь шла о «недостающих» в парижском собрании письмах, часть из которых была, как известно, возвращена графине (опасавшейся разглашения их содержания) самим писателем.

[31] Очевидно, именно эта фотография хранится ныне в Литературном музее *ИРЛИ.* Копия ее была послана А. Гранжару Л. Н. Назаровой и опубликована в его книге.

[32] Это предположение подтверждается тем, что при сличении текста хранящихся в архиве Гревса машинописных копий с публикацией А. Гранжара выяснилось, что они полностью совпадают. С Андре Мазоном Гревс был знаком и встречался с ним в Петербурге. «Ты все копишь знания, не ходя в *настоящие* поиски. Ты еще не изыскатель, только случайно выходишь из своей скорлупы — то в Пушкинский Дом, то в архив Мазо-

После того как появилось описание парижского архива Тургенева, Гревс приложил немало усилий к тому, чтобы весь архив и в том числе письма графини Ламберт были приобретены у наследников и переданы в Россию. Для этого он даже пытался обратиться через Л. Б. Каменева к В. Д. Бонч-Бруевичу, но усилия его не увенчались успехом.[33] Ознакомившись с текстами писем в копиях, Гревс не нашел прямого ответа на столь волновавший его вопрос о причине прекращения переписки между графиней Ламберт и Тургеневым. Содержание этих писем, по его наблюдению, в целом подтверждало ту картину дружбы, которая складывалась из писем Тургенева, и свидетельствовало скорее в пользу первого предположения, высказанного им еще в 1928 году.

Среди поступивших в распоряжение Гревса писем Е. Е. Ламберт оказалось одно письмо, помеченное 1876 годом, которое сводило на нет все его предшествовавшие построения. Не имея возможности привести текст самого письма, судя по всему, по просьбе владельца, Гревс дал только его описание: «...указанное единичное письмо, написанное графинею Ламберт *девять лет* после самых поздних напечатанных и датированных писем к ней, <...> письмо — не носит характера крупного акта *возобновления* надолго прерванных отношений, а звучит просто, как одно из очередных экземпляров переписки, и одушевлено оно таким же дружеским тоном, как и все письма Тургенева». Действительно, среди копий писем Ламберт к Тургеневу в архиве Гревса есть письмо, датированное 17 октября 1876 года. Однако радость открытия продолжения переписки Тургенева с гр. Ламберт оказалась преждевременной. Несмотря на то, что в копии письма отсутствуют конец и подпись, по адресу и другим данным, можно точно установить, что оно принадлежит не графине Ламберт, а баронессе Юлии Петровне Вревской.[34] Таким образом, тайна, рас-

---

на...», — писал Д. И. Шаховской Гревсу 20 января 1931 г. (*ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 2. № 334. Л. 447). Копии писем гр. Ламберт к Тургеневу хранятся в архиве Гревса вместе с рукописью очерка о ней 1928 г.: Там же. Оп. 1. № 239. Л. 31а—119.

[33] Об этом красноречиво свидетельствует письмо Д. И. Шаховского к Гревсу от 14 октября 1929 г.: «Очень досадна история с письмами Ламберт. Конечно, с точки зрения общей и литературной этики, они должны были бы поступить в твое распоряжение и этим бы обеспечивалось должное их использование. Но что же делать? Нет у нас атмосферы, обеспечивающей господство добрых нравов. С этим приходится мириться: надеюсь, что ты все-таки воспользуешься возможностью познакомиться с письмами хотя бы для собственного своего осведомления» (Там же. Л. 299 об.—300).

[34] Письмо Ю. П. Вревской, датированное 17 (29) октября 1876 г., ныне хранится в Bibliothèque Nationale (Париж), копия его была предоставлена А. Гранжаром Л. Н. Назаровой. Выдержку из письма см.: *ПССиП(1). Письма*. Т. 11. С. 649; *Летопись* (*1875—1883*). С. 66. Приведем сохранившийся в архиве Гревса фрагмент письма, ранее известного лишь в небольших выдержках:

Литейная № 26.
17 октября 76.

Дорогой и милый Иван Сергеевич,

Я недоумевала, как исполнить Ваше поручение относительно Топорова (не знала его имени ни адреса), как он вдруг предстал передо мной и тем вывел меня из затруднения; теперь Вы, вероятно, давно уже знаете, что он жив и здоров, об служебных его желаниях также сообщено кому следует.

Я мало надеюсь на прибытие Ваше в январе, ce qui est remis est perdu! (что отложено — то пропало! — *франц.*) —

Одно утешение — это прибытие Вашего детища — дай Бог ему удачи счастья на родине. —

Вы говорите, нежности мало; если под этим подразумеваете — любви мало, то действительно его жалко, тепло и свет вернее всего проникают в сердца людей этим путем —

крыть которую так стремился И. М. Гревс, так и остается неразгаданной, а в истории дружбы И. С. Тургенева и Е. Е. Ламберт по-прежнему не поставлена последняя точка.

Настоящая работа публикуется впервые по автографу, хранящемуся в *ПФА РАН*. Ф. 726. Оп. 1. № 240. Л. 1—75.

Все цитаты из писем Тургенева приводятся в соответствии с тем, как они опубликованы в *ПССиП(2)*. Неточности, ошибки и пропуски, допущенные И. М. Гревсом в цитируемых текстах, исправляются без оговорок. В автографе даты писем Тургенева приводятся Гревсом как по старому, так и по новому стилю, в зависимости от того, как они были воспроизведены в публикации Г. П. Георгиевского. Для удобства в тех случаях, когда письмо поддается датировке, в настоящей публикации приводятся обе даты. Библиографические ссылки приведены в соответствие с современными нормами. Сокращения имен, а также названий месяцев раскрываются без оговорок. Все остальные редакционные дополнения и исправления приводятся в угловых скобках.

Очерк публикуется с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, однако некоторые характерные особенности авторского написания сохранены. Курсивом выделяются слова, подчеркнутые И. М. Гревсом.

1

Тургенев ехал за границу летом 1856 года с большим волнением: что-то будет? Шесть лет не виделся он с Полиною Виардо; любовь его выдержала разлуку, преодолела время и забвение, оказалась сильнее других чувств, вспыхивавших в его сердце, как мимолетные огни, и да-

---

женское неразумное, может быть, суждение, но никогда я не чувствовала этого глубже, как в эту минуту. Так или иначе верно одно: все, что от Вас может быть, только на благо всякому алчущему или жаждущему *даже нежности*. — Сегодня выпал первый снег, до сих пор было сухо и почти тепло. — Воинственные слухи долетают до нас все явственнее и ближе; решительная минута наступила. Я ужасно верю в живучесть Славянского вопроса, — все предтечи, кончая Самариным, миновали — когда же явится великий Свершитель? Не Черняеву же входить в Св. Софию — для этого нужны чистые и не мелко честолюбивые души. — Жалко мне бедного Раевского, я видала его часто в Крыму, он был оригинальный и странный человек, и многие потянулись его добром. <...>

Необходимо отметить, что, помимо письма Ю. П. Вревской, среди копий 52 писем, попавших в руки Гревса, имеется и копия рекомендательного письма А. П. Бородина к Тургеневу от 16 (28) октября 1877 г. для А. Н. Луканиной (опубликовано по машинописной копии, хранящейся в *ИРЛИ*, Е. М. Хмелевской: Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения / Под ред. М. П. Алексеева. М.; Л., 1953. Вып. 4. С. 392—396). Совпадение количества писем в описании А. Мазона и архиве Гревса (52) служит еще одним доводом в пользу того, что копии были получены через французского слависта. О том, что в парижском архиве изначально хранилось лишь 50 писем Е. Е. Ламберт к Тургеневу свидетельствует и публикация А. Гранжара. В небольшом очерке «Ivan Tourguénev et madame Lambert», предваряющем публикацию переписки, Гранжар дал довольно подробное описание писем гр. Ламберт, какими он их нашел в Славянском фонде Национальной библиотеки в Париже (Dossier 81. F. 137—249): «По результатам ознакомления, единица содержит *пятьдесят* писем или записок, которые охватывают время от начала 1859 до 16/28 октября 1862» (*Granjard.* P. 9. Выделено мною. — *В. Л.*). Никаких пояснений по поводу «недостающих» двух писем, по сравнению с описанием Мазона, в книге Гранжара нет.

же более сильные привязанности. Но как встретит его она? Захочет ли принять вновь его любовь, чем ответит ему на нее? Его — западника — влекли в европейские страны и другие интересы, призывала самая культура, к которой он пристрастился в сороковые годы; но он и сам не обманывал себя, и мы не будем скрывать, что образ Полины был главным магнитом, неудержимо притягивавшим его в Париж и «милый Куртавнель», замок Виардо, где он провел в первые годы их сближения столько блаженных часов и дней, полных очарования.

Он не мог ясно предвидеть, какие трудные годы ему предстоят, какие большие страдания готовит ему роковое чувство, какой жестокий перелом душевного мира выпадет ему на долю совершить и пережить:* но, выезжая из России, он увозил в своем сердце образ нового друга, который будет ему крепким утешением в хождении души по мытарствам не только в горе любви, но и в развивающемся пессимизме, и в столкновениях с родиной,[1] и <в> мировой тоске. Он уже предчувствовал, какое встретит участие в своих сердечных нуждах в выдающейся женщине, счастливо встретившейся ему тогда в России на жизненном пути. То была графиня *Елизавета Егоровна Ламберт*.

Иван Сергеевич познакомился с нею зимою 1855—1856 года в Петербурге,[2] где он проводил зимние месяцы с тех пор, как освободился от принудительного житья в Спасском (т. е. с 1853—1854 года).** В эту зиму он усиленно хлопотал о разрешении ему выехать за границу; разрешение было получено летом 1856 года, и гр. Е. Е. Ламберт своими связями оказала содействие благополучному исходу ходатайства: новое царствование и окончание Крымской войны облегчили выезды русских на Запад.

В первом письме к ней, 9/21 мая 1856 года из Спасского в Ревель,[3] около которого она проводила лето, Иван Сергеевич пишет ей: «Прежде всего мне хочется поблагодарить Вас от души за участие, которое Вы мне оказывали. <...> я умею и люблю быть благодарным».[4] Все письмо тоном и содержанием показывает, что они быстро сблизились и, вероятно, часто виделись в Петербурге эту зиму. Оно носит дружелюбный и непринужденный характер. Тургенев прямо говорит: «Мне очень жалко, что я так поздно с Вами познакомился»*** несмотря на различие наших мнений, между нами есть, если не ошибаюсь — симпатия чувств и ощущений — а эта связь прочнее связи, основанной на тождестве мнений. Но прошедшего не переделаешь — остается, насколько хватает умения, пользоваться настоящим».[5] Здесь дается оценка слагающихся отношений: симпатия при разногласиях и убеждение,

---

* См. в книге моей: История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо. М., 1928. Изд. 2-е, переработ. и дополн. 369 с., главы 6-ю и 7-ю. — Здесь и далее все ссылки даются по этому изданию (*Примеч. ред.*).

** См.: *Гутьяр Н. М.* Хронологическая канва для биографии И. С. Тургенева // Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1910. Т. 87. № 2. С. 23.

*** Ему шел тридцать восьмой год.

что так гораздо важнее для дружбы, и сожаление, что они не узнали друг друга раньше. Стало быть, не мало было уже переговорено, и создалась объединяющая их эмоциональная атмосфера.

Он хочет описать новой приятельнице свою обстановку: «Спасским называется моя деревня. Она находится в Орловской губернии, в 9 верстах от города Мценска. Она не очень красива, — но в ней есть сад, в котором я провел большую часть своего детства. <...> Здесь живет мой дядя, добрый и простой человек, который управляет моим имением. У него жена — и сестра жены живет вместе с ними. Люди тихие и незатейливые, с ними легко, и я все-таки не совершенно один».[6] Как будто он уже мечтает пригласить графиню навестить его, только не решается.

Ему известен ее образ жизни. «Вы мне говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина в течение лета — я тоже буду его читать, и мы можем говорить о нем». Рекомендует своего любимого поэта, желает создать хороший элемент заочного общения между ними обоими. «Извините, я Вас еще мало знаю, — но мне кажется, что Вы с намерением, может быть из христианского смирения — стараетесь себя суживать».[7] И религиозные ее настроения с оттенком аскетического самоограничения ему известны.

Они уже условились, что будут переписываться и без хитрости делиться приходящими мыслями. «Это письмо идет скачками — à bâtons rompus,[a] как говорят французы, но Вы сами этого требовали, то есть Вы требовали — чтобы я писал Вам, что мне придет в голову <...>. С нетерпением буду ожидать Вашего ответа... Кстати, какие у Вас добрые и милые глаза! Это „*кстати*", может быть, очень не кстати. Вы извините меня, если я в этом случае не должен был написать то, что я подумал».[8]

Но интереснее всего вот какие строки этого же первого письма. «С тех пор как я здесь, мной овладела внутренняя тревога... Знаю я это чувство! Ах, графиня, какая глупая вещь — потребность счастья — когда уже веры в счастье нет! Однако я надеюсь, всё это угомонится — и я снова, хотя не вполне, приобрету то особенного рода спокойствие, исполненное внутреннего внимания и тихого движения, которое необходимо писателю — вообще художнику».[9] Вот что замечательно: при первом же знакомстве сердце открылось у Тургенева перед гр. Ламберт. Между ними, очевидно, были разговоры, зачем он стремится за границу, и он сообщил ей, хоть намеком, о своей любви к П. Виардо; теперь же говорит о своей тревоге перед свиданием после долгой разлуки и о печальном взгляде своем на возможность для него счастья. Он почти никогда не говорил о своих отношениях к Виардо, особенно с русскими друзьями и знакомыми.

Первое письмо свидетельствует о быстро и дружно образовавшихся отношениях, которые лились друг к другу, как два душевных потока, побежавшие навстречу с обеих сторон.

---

[a] урывками (*франц.*).

Кто такая была графиня Елизавета Егоровна Ламберт? Она была дочерью графа Егора Францевича *Канкрина*, известного государственного деятеля во времена Николая I, одного из самых умных и дельных, добросовестных и прогрессивных министров тяжелого царствования, который управлял финансами долгий ряд лет (1823—1844). Канкрин был немец, родом из Ганау (в Гессене); он учился в гессенском и марбургском университетах. Он приехал в Россию, где уж подвизался на службе его отец, в 1797 году двадцатитрехлетним человеком искать карьеры, которая и сложилась блестяще. В России протекла вся остальная его жизнь до отставки, вслед за которой скоро последовала смерть (1845). Он был не только крупным государственным деятелем, но и ученым-экономистом, и человеком серьезным и принципиальным, конечно, не без предрассудков, связанных с его временем и сословными взглядами и привычками.

Женат был гр. Канкрин на Екатерине Захариевне *Муравьевой*, приходившейся троюродною сестрою декабристам Сергею (казненному) и Матвею (сосланному в каторгу).* Родной брат ее Артамон Захариевич также был причастен к заговору 14 декабря. Семья Елизаветы Егоровны была богатая и многочисленная: у нее было четыре брата и сестра Зинаида.

Трудно сказать конкретно и в подробностях, какими влияниями окружена была с детства молодая графиня. Отец, перегруженный ответственной работой член правительства по важной отрасли высшего управления, должно быть, мало участвовал в воспитании детей, но, в силу самого склада его характера, в доме должны были царить при комфортабельной обстановке, соответствующей состоянию и сану, спокойные нравы, сдержанный строй и порядок, благоприличная скромность и благочестивая религиозность. Мать Елизаветы Егоровны была, как кажется, женщина веселая и добрая, по-видимому, чуждая чопорности.

Конечно, многое в направлении жизни семьи определялось придворными отношениями и аристократическими связями. Дом Канкриных стоял довольно близко ко двору наследника престола, Александра Николаевича,** и к великой княгине Елене Павловне, самой выдающейся по уму и образованию и по прогрессивному направлению личности среди особ царской фамилии. Насколько захвачена была сама графиня Екатерина Захариевна «декабристским духом», который воодушевлял многих из семьи Муравьевых, мы не знаем, но можно предполагать, что в доме Канкриных господствовало скорее либеральное, гуманное настроение.[10]

---

* См. генеалогическую таблицу Муравьевых у *А. А. Корнилова*: Молодые годы Михаила Бакунина. Из истории русского романтизма. М., 1915. С. 686 (Приложение I).

** Е. Ф. Канкрин входил в состав преподавателей, обучавших его в юности. Гораздо позже (в 1880 году) был напечатан курс его лекций — «Краткое обозрение российских финансов. 1838 г.» (СПб., 1880. 161 с.).

Е. Е. Ламберт. 1880-е гг.

Когда родилась Елизавета Егоровна, точных данных мне найти не удалось, но, по всей вероятности, время ее рождения падало на один из первых годов после 1820-го, так что она не на много лет была моложе Тургенева (года на три-четыре).*, [11] Какова была ее духовная фигура, выяснится из самого характера их отношений.

В январе 1843 года она вышла замуж — может быть, «была выдана» по обычаям того времени и у крестьян, и у купцов, и у аристократии, — но без сопротивления с ее стороны, за графа Иосифа Карловича Ламберта. Он принадлежал к роду французских выходцев. «Ламберы» упоминаются в летописях среди рыцарских фамилий Франции уже в XIII веке; монархия пожаловала им высокие титулы, революция вытеснила их из старой родины («la douce France»[a]). Граф-маркиз Joseph Henri Lambert бежал в Россию и поступил на русскую военную[13] службу. Он умер в 1808 году. Сын его, именовавшийся уже по-русски «Карлом Осиповичем» (1773—1843), участвовал в войнах России против Наполеона, он дослужился до высших генеральских чинов и был назначен сенатором.

У него было два сына — *Карл* и *Иосиф*. Они пошли, как и отец, по военной карьере и тоже выслужились до высших чинов. Карл в 1861 году был назначен наместником Царства Польского, но там в очень опасный момент брожения не сумел справиться с трудными обязанностями, должен был покинуть пост и вообще выйти в отставку. Он умер в 1865 году. Иосиф, окончивший курс Ришельевского Лицея в Одессе,[14] участвовал, уже женатый на молодой графине Канкриной, в Венгерской кампании 1848 года,[15] откуда вернулся полковником. Он продолжал службу

---

* Тургенев в одном письме прямо заявляет: «...Вы моложе меня» (*Георгиевский.* С. 36. Письмо 16).[12]

[a] «милой Франции» (*франц.*).

в Петербурге в придворно-военных званиях, закончил ее генерал-адъютантом. После его смерти (1879) род его пресекся.

Сведения о родителях, о традициях и настроениях семей, откуда выходили тургеневские женщины-друзья, я стараюсь собрать, где и когда возможно, потому что это много может объяснить в их личных свойствах, как в силу наследственных задатков, образующих фамильные черты, так и благодаря прижизненным влияниям, исходящим из отчего дома, круга родных и общества друзей.[16] Сам Тургенев придавал большое значение такому воздействию крови и преданий на сложение индивидуальности и потому в своих произведениях любил говорить о предках героев и героинь: особенно это заметно в начертанной им подробной родословной Федора Лаврецкого в «Дворянском гнезде». Критика считала такие повторяющиеся ретроспективные биографии поколений композиционным недостатком автора (почти рутинным приемом); на деле же то было воплощение его психологических взглядов, в которых было, возможно, нечто преувеличенное, но было и верное, и важное; это открывает природу персонажей Тургенева, объясняет и его душу.*

Свадьба «графинюшки» Елизаветы Егоровны была отпразднована в Петербурге 28 января 1843 года. Тихо, в кругу семьи — таков был обычай в доме Канкриных, — по православному и по католическому обряду; после венца молодые поселились в своем доме, красиво отделанном по заботе ее матери.** Зажили они сначала, как кажется, счастливо, вращаясь в том же высшем столичном обществе, но без показного блеска. Летом она часто ездила на морские купанья в Ревель или Гапсаль,[19] либо в деревню, в Малороссию, где у Ламбертов были большие именья, часто бывала за границей. С Тургеневым Елизавета Егоровна познакомилась уже больше десяти лет после замужества, когда ей было немного за тридцать и она была матерью единственного сына, к которому была горячо привязана, особенно после потери младшего, умершего в младенчестве.

Зять ее, граф Кейзерлинг, женатый на ее сестре, был с нею в тесной,[20] как он говорит, братской дружбе; он постоянно отзывается с искреннею похвалою об ее живом уме, возвышенных понятиях и превосходных качествах сердца; несколько раз подчеркивает, какое большое наслаждение и благо почерпал он в общении с нею — «meine theuerste

---

* Смысл этой генеалогии прекрасно раскрыт в блестящей речи *В. О. Ключевского* «Евгений Онегин и его предки» — помещено сначала в «Русской мысли» (1887. Кн. 2. С. 291—292, 301—306), потом в сборнике: *Ключевский В. О.* Очерки и речи. Второй сборник статей. М., 1913. С. 67—89.[17] Ср. интересный этюд *Иванова-Разумника* в 3 томе «Сочинений Пушкина» (изд. Брокгауз-Ефрон).[18]

** О семейном быте Канкриных, Ламбертов и их родичей много сообщает в своих письмах и воспоминаниях гр. *Александр Кейзерлинг*, ученый геолог, служивший в ведомстве народного просвещения, происходивший из русско-балтийских немцев, который женился на сестре Е. Е. Ламберт в 1844 году. См. книгу, составленную его дочерью *Helene v. Taube*: Graf Alexander Keyserling; ein Lebensbild aus seinen Briefen und Tagebüchern. 2 Bde. Berlin: G. Reimer, 1902. — Далее ссылки на это издание: *Taube*, с указанием номера тома и страницы (*Примеч. ред.*).

Schwägerin, Lise Lambert».[a] Указываю на это в подтверждение другими устами того, чем будут полны письма Тургенева к ней.*

Перед своею смертью она передала письма Тургенева, тщательно ею сохраненные, Александру Дмитриевичу Свербееву, а последний пожертвовал подлинники в запечатанном пакете в 1889 году в Московский Румянцевский музей[21] с условием, чтобы они оставались неприкосновенны двадцать лет. Впоследствии срок был продлен еще на пять лет, и лишь в сентябре 1914 года получилось право их напечатать. Они изданы были Музеем в Москве в 1915 году под заглавием «*Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт*», с предисловием и примечаниями *Г. П. Георгиевского*. Вся коллекция состоит из 115 писем и записок; те из них, какие датированы, располагаются между 9/21 мая 1856 и 29 апреля / 11 мая 1867 года. Вся серия представляет изумительный коллективный документ огромного биографического значения и высокой психологической и художественной ценности. Они до сих пор использованы тургеневедами далеко не достаточно ни для восстановления хронологической канвы жизни Тургенева, ни для уразумения ее содержания, ни для истории его творчества и даже стиля, развития его души и миросозерцания. Для некоторых сторон биографии Ивана Сергеевича письма его к гр. Ламберт являются даже почти единственным источником.

В частности, при разрешении задачи предпринятого здесь труда они являют собою незаменимый материал; они изумительным образом не только знакомят с ним самим в перипетиях и переливах его душевных состояний, в эволюции его существования, но и льют богатый и разносторонний свет на духовное лицо той, к кому обращены эти богатые мыслью и красками послания: в них многоразлично отражаются образы двух людей. Остается пробел, понятно какой: не хватает писем самой корреспондентки Ивана Сергеевича. Если бы в наших руках находились и они, перед нами лежал бы великолепный диалог двух, хотя и несогласных в верованиях и многих взглядах, но внутренно созвучных в тайных интуициях духа и горячо любящих друг друга лиц. Это было бы просто чудесно, а теперь — горько и досадно: требуемые письма существуют, но находятся вне досягаемости: они составляют часть обширного парижско-буживальского архива Ивана Сергеевича и являются собственностью потомков Полины Виардо. Мы знаем это из описи архива, напечатанной профессором *А. А. Мазоном*.** В отделе этой

---

[a] моя дорогая невестка, Лиза Ламберт» (*нем.*).

* Дочь Кейзерлинга выражается о ней также с большою симпатиею. Когда Кейзерлинги проводили в 1859 году лето в Гапсале, напротив них жили Ламберты, т. е. Елизавета Егоровна с детьми, и она говорит, что они, Кейзерлинги, «все более горячо привязывались к талантливой и доброй тете Лизе Ламберт». Она же сообщает про Е. Е. Ламберт, что та была превосходною рассказчицей. «Она как бы живописала словами яркие картины, казалось, что она прямо видит перед глазами и переживает всё, о чем рассказывает, и мы слушали ее, задерживая дыхание» (см. ее биографию отца: *Taube*. Bd 1. S. 410).

** *Mazon A.* Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits (в серии «Bibliothèque de l'Institut Français de Léningrad», t. 9). Paris, 1930. P. 108. Теперь (1931) книга вышла в русском переводе (изд. «Academia»).[22]

книги, содержащем перечисление имеющейся там тургеневской переписки, читаем: «Письма графини Ламберт; 52 письма и записки на бумаге различного формата». Мы должны их получить, или французы сами обязаны опубликовать их; нельзя держать под спудом такой материал скоро уже 50 лет! Это или равнодушие, или корысть, выжидание высоких цен за обнародование лакомых новинок. Но как было бы прекрасно, если бы переписка «Тургенев — Ламберт» появилась в полном виде, двусторонне у нас здесь без замедления. Взываем к «собственникам» (!) и к А. А. Мазону! Пока должны воспользоваться письмами Тургенева: главное, без сомнения, покоится в них, но нет того синтеза, который давался бы даже менее внутренно значительными ее ответами.

Письма Тургенева — превосходный specimen[a] эпистолярного жанра. Это — неповторимый образец самопроизвольно вылившейся красоты при полной непосредственности отношения писавшего к их тексту, без заранее обдуманной обработки и украшения, с неподдельной искренностью и тем не менее с покоряющею выразительностью. Если *письма к Полине Виардо* по особым причинам занимают *первое* место в ряду многочисленных серий писем Тургенева,* то *письмам к гр. Ламберт* принадлежит, бесспорно, *второе* в ряду таких замечательных собраний, как те, которые адресованы *Герцену*, *Анненкову*, *Аксаковым*, *Полонскому*, баронессе *Вревской*, *Савиной* и еще другим.

В письмах к Е. Е. Ламберт развертывается весь ход жизни Тургенева за указанные одиннадцать лет (1856—1867), раскрывается все содержание его духовной личности.** Это убедительно сказывается в богатстве и полноте затрогиваемых вопросов и предметов, обнимающих и освещающих все стороны его существа и существования, великие и малые события, чрезвычайные, крупные и мелкие факты, исключительные случаи и повседневность. Это чувствуется в редкой для Тургенева откровенности и привлекательной свободе, которыми они блещут. Здесь чистосердечная летопись его переживаний, «исповедь» сомнений и горестей, признание ошибок и слабостей, дурных поступков, жалобы на гнет тоски, неудержимо потребное для него разделение с нею и пробуждавшихся надежд. Свойственная автору правдивость*** светится неподражаемой искренностью в обращении к сердцу, его полюбившему, мудрому и нежному, которому он открыл свое с непреложным доверием, так же входя в ее духовные интересы сорадованием и

---

[a] образец (*англ.*).

* Несмотря на то, что мы не знаем их в полноте, целости и неизменности, они все же отражают всю жизнь писавшего богаче, сильнее и глубже всех остальных.

** Говорю это уже в своей книге «История одной любви» (С. 280); здесь необходимо это снова сказать и развить.

*** Он сам с известною гордостью пишет Дружинину (30 октября / 11 ноября 1856): «Стремление к беспристрастию и к Истине всецелой есть одно из немногих добрых качеств, за которые я благодарен природе, давшей мне их».[23] Это природное свойство без особого труда победило прорывавшуюся в юности склонность к фразе.

состраданием, как он вводил ее в свои скорби и редкие радости. Он ей, одной из немногих, поведал тайну своей любви, поверял приливы и отливы своей сердечной драмы. Вчитываясь в эти письма, будто слушаешь звуки прекрасной музыки гармонически настроенных душ. Между ними, выше замечено, проявлялись разноречия, увидим, даже крупные, но они покрывались мягкою терпимостью и почитанием — ею его авторитета великого писателя, им — ее чуткого женского сознания, с ее стороны — настойчивыми усилиями привести его к своей правде, с его стороны — всегдашним желанием проверить себя ее совестью, внимать ее, хотя бы укоряющему, голосу. Над перепискою веет нравственною чистотою, она дышит ароматом вольного единения и многостороннего взаимодействия дружеской четы.

Полный анализ писем Тургенева к гр. Ламберт, чтобы восстановить в конечном счете синтетический образ их дружбы, их душевного мира, обращенного друг к другу, их двойной личности и тех психических и культурных сил, которые в ней сочетались, — составил бы предмет особого большого этюда. В многоликом комплексе индивидуальностей, которые окружают Тургенева в моем построении, образуя человеческую среду, в которой двигалась его жизнь, могу достигнуть только некоторого приближения. И вот, говоря об И. С. Тургеневе и Е. Е. Ламберт, хочу главным образом показать, какие его свойства особенно выяснены в нем дружбою с нею и как дух его воспринимает ее одушевление: они ведь рисуются нам в зеркале его понимания, выражаемого его словом, обращенным к ней.

2

Очень жаль, что у нас в руках как материал для изучения дружбы Е. Е. Ламберт и И. С. Тургенева имеются только его письма к ней и почти не имеется наблюдений со стороны: Кейзерлинг только кратко замечает, что она «была в дружбе с Тургеневым и переписывалась с ним».

Первое письмо, о котором шла речь выше, не было единичным выражением благодарности за участие; оно было началом долгого и редкого по характеру общения. За ним последовало в то же лето второе и третье; из них видно, что от нее получались ответы, располагавшие к дальнейшему обмену письмами. «...Чувствую, что не заслуживаю всех тех милых вещей, которыми оно (Ваше письмо. — *И. Г.*) исполнено, и знаю <...> — что человеческое сердце уж так устроено, что и незаслуженные похвалы доставляют ему тайную сладость — или по крайней мере удовольствие смирения... Это — всё опасные чувства, и лучше даже не говорить о них» (из того же Спасского, 10/22 июня 1856).[24]

Из этого же письма выясняется самый характер чувства, зарождавшегося уже тогда как орган возникающего союза двух душ: «...будем, хотя изредка, меняться мыслями и ощущениями; <...> придет время, мы, бог даст, увидимся снова — и — смею надеяться — окончательно

станем друзьями. В жизни мужчины наступает — как и в жизни женщины — пора, когда более всего дорожишь отношениями тихими и прочными. Светлые осенние дни — самые прекрасные дни в году. Я надеюсь, что тогда мне удастся убедить Вас не бояться чтения Пушкина и других. Или вы еще страшитесь „тревоги"? Я не рассчитываю более на счастье для себя, т. е на счастье в том опять-таки *тревожном* смысле, в котором оно принимается молодыми сердцами; нечего думать о цветах, когда пора цветения прошла. Дай бог, чтобы плод по крайней мере был какой-нибудь — а эти напрасные порывания назад могут только помешать его созреванию. Должно учиться у природы ее правильному и спокойному ходу, ее смирению...».[25]

Это — основоположные слова для начинающихся отношений. Тут залагается их фундамент, слышится прелюд, раздается Leitmotiv.[a] Ему будут верны оба в открывающемся дружеском действе; они согласно будут ковать в сердцах золотую цепь, которая свободно соединит их, а не будет принудительно связывать: она куется их собственными руками. Тургенев уехал за границу, вероятно, в августе того же года;* уезжая, он не скрыл от нового друга своей «тревоги ожидания», — ожидания скорее мрачного, чем светлой надежды на то, что произойдет там, в мире его любви. Может быть, оттого цеплялся он за вновь рождающуюся симпатию, в которой уже чуял опору.

Если наметить «динамику» содержания писем Тургенева к Е. Е. Ламберт, то можно сказать, что они, рассматриваемые в хронологическом порядке, свидетельствуют о постоянном нарастании чувства вширь и вглубь по напряженности и качественному богатству и по видимой прочности; мы присутствуем при творчестве новой дружбы, не такой, которая ярко распускается и часто быстро блекнет в ранней юности, а какая сплачивает души людей, уже испытанных жизнью, но имеющих впереди еще длинный путь, на котором потребуется взаимная помощь. Когда читаешь эти письма, кажется, что в них осуществляется идеалистическая мысль *Шиллера* —

O, du, die alle Wunden heilest,
Der Freundschaft zarte, liebe Hand.

(Все раны сердца нежно лечишь,
Ты, дружбы милая рука!).[27]

Они писали друг другу много, не всегда равномерно, иногда с перерывами, но потом переписка возобновлялась в том же духе, без «надрыва». Крепость связи питалась этой перепиской: бывает, что сама переписка зарождает и насаждает сильные чувства;** но у них она

---

[a] лейтмотив (*нем.*).

* См. примечание Г. П. Георгиевского к 3-му письму Тургенева (*Георгиевский.* С. 198—199).[26]

** Тургенев пожелал показать это в одном из своих произведений, которое так и называется — «Переписка».

поддерживалась и частыми свиданиями. Тургенев, приезжая в Россию, прежде всего останавливался в Петербурге — и там всегда по несколько раз виделся с Е. Е. Ламберт; возвращался он из Спасского также через Петербург, и они тогда тоже часто встречались; виделись они и за границей, куда часто ездили Ламберты, — в каком-нибудь лечебном месте западной Германии — Эмсе, Содене, также в Париже.

Когда им удавалось быть вместе, они вели долгие интимные беседы, в которых отражалась и вновь перерабатывалась вся внутренняя жизнь обоих. Главным местом их единения был небольшой деревянный особняк Ламбертов на Фурштатской,[28] должно быть, в дальних частях ее близ Таврического сада, и в нем уютный маленький зеленый кабинет Елизаветы Егоровны наверху. Он часто фигурирует в письмах Ивана Сергеевича. «Я мало знаю мест на свете, где бы мне было так хорошо, как в вашей комнатке — с мыслью о ней связано много воспоминаний о тихих вечерах и хороших разговорах, а помните, как Вы плакали однажды? Я напоминаю это Вам вовсе не для того, чтобы потрунить над Вами, что ли, — нет, сохрани бог; не слезы Ваши меня трогали, а то, что Вы могли и не стыдились плакать» (30 апреля / 12 мая 1859).[29] Он признается, что вечера, проведенные в этой комнате, оставили «лучшие воспоминания, вынесенные из петербургской жизни».[30] Он даже говорит: «...у меня только одно место здесь в Петербурге — Ваша комнатка <...>» (1860).[31] Они оба там «помогали своим недугам» (23 июля / 4 августа 1859).[32] Ему хочется «как можно скорей очутиться на Фурштатской, сидеть на кресле возле ее (у Тургенева: Вашего. — *В. Л.*) дивана» (1/13 февраля 1860),[33] «тепло и уютно», разумеется, не только в физическом смысле. Он «кланяется домику»,[34] очень огорчен, когда узнал, что по каким-то семейным соображениям его пришлось продать; ему тяжело, потому что «он не может связать теперь с мыслью о ней никакого гнезда» (6/18 июля 1863).[35] Все эти слова дают конкретную картину их частых и продолжительных tête à tête,[a] в которых развивалась их дружба.

В постоянном общении с гр. Ламберт в такой благоприятной, свободной обстановке — муж ее, видимо, не стеснял их, очевидно, доверяя безопасности их отношений для его светской репутации; сердечно они, кажется, мало затрогивали его, и, может быть, ему даже льстила приятельская близость его жены с знаменитым писателем, — Иван Сергеевич отлично узнал ее в ее духовной природе. Красками Тургенева можно составить целую характеристику ее личности.

Это была, несомненно, выдающаяся женщина в ряду представительниц светского общества, к которому она принадлежала, и неудивительно, что такой знаток людей, как Тургенев, сумел ее разгадать, оценить и полюбить. Он ей самой говорит о ее свойствах, объясняя такую вольность тем, что ее нравственная строгость прежде всего к самой себе позволяет говорить о ней все прямо ей в глаза, не боясь ни вызвать

---

[a] свиданий (*франц.*).

тщеславия, ни быть заподозренным в лести, ни причинить ей неловкости.

Из слов его ясно, что она была умна и добра, глубоко религиозна, обладала изящным образованием, большою твердостью в нравственных понятиях; она отличалась ригористическою строгостью и благородством и вместе с тем была свободна духом и любвеобильна сердцем, полна человеколюбия и живого сострадания к бедствиям ближних и дальних. Тургенев характеризует эти качества в горячо прочувствованных выражениях. «...Вы впечатлительны и молоды. Но <...> в то же время очень умны и проницательны <...>» (17/29 декабря 1860),[36] «...какое Вы еще молодое и неопытное существо! И за это я люблю Вас, за наивность сердца, так много страдавшего — и ума, так искушенного!» (28 ноября / 10 декабря 1860).[37] Здесь чутко подмечено индивидуальное своеобразие духовного типа: сохранение доверчивости, присущей молодости, вопреки опыту жизни, притом тяжелому. «...Я узнал <...> Вашу добрую душу и нежный и тонкий ум» (17/29 января 1863).[38] Он подчеркивает: «...я очень верю в Ваш критический и художественный инстинкт» (16/28 февраля 1860),[39] «...вкус Ваш почти безошибочен» (31 октября / 12 ноября 1860).[40] Особенно часто и любовно выдвигает он ее *доброту*. «Вы очень, очень добры (без шуток и без преувеличенья)» (11/23 мая 1860);[41] оттого он прибегает к сравнению: «источник ключевой воды тем и дорог, что к нему каждый идет напиться» (29 апреля / 11 мая 1860).[42] Он указывает на свойственную ей деятельную благость: «Изо всех дверей, в которые я — плохой христианин, но следуя евангельскому правилу, толкался, Ваши двери отворялись легче и чаще всех других. <...> Женский ум изобретателен в деле милосердия — а Ваш — подавно» (29 апреля / 11 мая 1867).[43] Известно, что Тургенев сам был добр и (может быть, того не сознавая) он выше всего ценил в человеке эту принадлежность: «Будь только человек добр, — говорит он в виде авторской декларации в „Дворянском гнезде", — его никто отразить не может».[44] В одном из писем Тургенев хочет в двух словах обобщить свое понятие о личности Елизаветы Егоровны. Он говорит: «Ваша душа правильная, но не спокойная» (1859). Это значит: существует гармония в ее сознании, потому что есть твердые духовные устои — оттого *правильная*;*,[45] но жизнь не остановилась, полное равновесие не достигнуто, потому что душа все еще волнуется, рвется вперед к лучшему бытию — «zum höchsten Dasein», как говорит Гёте,[46] — оттого *неспокойная*. Это, должно быть, замечательно верно схваченный общий образ: он легко рисуется конкретно в воображении. Елизавета Егоровна и наружностью в юности была привлекательна. Кейзерлинг говорит, что некоторые неровности в чертах ее лица скрашивались прекрасными,

---

* Это находит отражение и в ее почерке, который Тургенев также находит «правильным».

глубокими, темными глазами. Она была высокого роста и обладала стройным, вполне развитым станом.

Естественно, что такая симпатичная индивидуальность должна была скоро притянуть сердце Тургенева, которому так потребна была доверенная женская душа. Все письма его дышат сочувствием, потом дружбою, наконец, братскою любовью: это чувствуется в самом их тоне, это постоянно находит и открытое выражение в теплых и трогательных, горячих и умиленных словах.

Интересно в этом смысле пересмотреть подписи ко всем его письмам: он не может сдержать своего нежного чувства, прощаясь с нею в их заключении. В конце концов он говорит: «...благодарю Вас еще раз за Ваши добрые слова — и жму Вам руку с чувством, близким к умилению» (17/29 января 1863).[47] Письма полны и активных разнообразных изъявлений любви. Они льются, как обильный, благодатный дождь.

Одно, относящееся к 1859 году, констатирует природу сложившегося чувства: «Мы хотя недавно знакомы, но уже много перечувствовали и передумали вместе и — я смею думать — привязались друг к другу не в силу наших надежд, а в силу воспоминаний и общих жизненных опытов; следовательно, нам можно отложить в сторону всякую суету и быть друг с другом такими, какими нас бог создал».[48] Т. е. можно отказаться от предрассудков большого света и не страшиться того, что в них вспыхнет специфическое, в одном мужское, в другом женское чувство — «влюбление»: у одного сердце занято «великою любовью», другая — верна семейной привязанности; они друг другу как брат и сестра. В таком смысле он и говорит (5/17 февраля 1860): «...я Вас люблю — и с этими тремя словами — я не боюсь никого, ни собственных наблюдений, ни чужих недоразумений, ни себя, ни Вас».[49]

Нет надобности приводить все подобные места; но самое сильное указать необходимо, и оно относится уже к 1859 году (3/15 октября): «...я только два существа на свете люблю больше Вас: одно, потому что она моя дочь, — другое, потому... Вы знаете, почему».[50] Вторая была, конечно, Полина Виардо: с любовью Ивана Сергеевича к ней ничто не шло в сравнение. Он тут же иронизирует: «Вы скажете: вот вздумал удивить — третьим местом!».[51] Но дочь свою он, по собственному признанию, любил больше из чувства долга. Так, Елизавете Егоровне принадлежало, собственно, первое место — первое среди друзей.*

Дружбу И. С. Тургенева и Е. Е. Ламберт можно твердо назвать *взаимною*. Уже в 1857 году (22 декабря / 3 января 1858) он пишет ей из Рима: «...не последним счастьем моей жизни считаю я расположение Ваше ко мне. Мне приятно думать, что и Вы убеждены в этом и что Вы сами знаете, как дороги и близки Вы мне стали. <...> Я чувствую Ваше

---

* В другом письме он и говорит прямо: «Я чувствую, что я более и более привязываюсь ко всему, что я полюбил в жизни — а ведь Вы у меня на первом плане» (9/21 июня 1862).[52]

участие в моей судьбе и в моей будущности — и я горжусь, и счастлив, и тронут этим участьем».[53] Иван Сергеевич покоен в своих отношениях с Е. Е. Ламберт, потому что верит в идущий от нее созвучный ответный ток: «...Вы сами назвали себя моим *другом* и <...> я Вас *люблю*»[54] (5/17 февраля 1860).*

Одним из имеющихся в наших руках указаний на такое ответное чувство с ее стороны является постоянно выражаемое им удовлетворение ее письмами: такие квалификации, как «милые», даже «слишком милые», «прелестные», «удивительные», «чудные», — повторяются беспрестанно. Раз даже Иван Сергеевич счастливо поражен, что получил от нее два письма, помеченные одним и тем же днем.[56] Это его тронуло: значит, ее влечет к нему, он ей душевно нужен. Об одном из ее писем он высказывается так (23 июля / 4 августа 1859): «Как можно говорить человеку такие лестные вещи, и говорить их так умно и красиво — что он, хотя краснел от незаслуженных похвал, не может не любоваться их выражением? Пожалуйста, не балуйте меня слишком, а то вы будете виноваты, если я стану тщеславным; кроме того, уверяю Вас, самые тонкие похвалы все-таки не стоят в моих глазах Вашей доброй дружбы и расположения, которыми я дорожу больше всего на свете и за которые я с нежной благодарностью сто раз сразу целую Ваши прекрасные руки».[57] Е. Е. Ламберт, видимо, скучала без Ивана Сергеевича. В одном письме (17/29 декабря 1860) есть такие строки: «Вы, должно быть, сильно рассчитываете на мою скромность — когда писали следующие слова: „Мне казалось, что труднее будет прожить без Вас — слава богу, человек заменим!". Еще бы! — Не только человек — но даже солнце, я полагаю, заменимо; даже без любви можно обойтись.** Но я очень польщен уже тем, что Вам подобное сомнение могло войти в голову».[58] Конечно, ее слова обнаруживают, как недоставал ей Тургенев: она только придумала перевернутую форму признания, чтобы не открыть себя вполне и чтобы он не возгордился. Она иногда стеснялась, если писала ему, по ее привычным понятиям, слишком часто. Он огорчается этими колебаниями: «Зачем это Вы делаете себе упреки, что слишком часто мне пишете — неужели Вы не довольно меня знаете? Всякое Ваше письмо доставляет мне истинное наслаждение и перечитывается неоднократно» (22 июня, 8 июля / 4, 20 июля 1861).[59]

Тургенев верит в неизменность своей дружбы и постоянно исповедует ее. «...Я искренно и навсегда Вам привязан <...>» (6/18 августа 1861).[60] Он утверждает даже: «...никто Вас не любит более, чем (у Тургенева — преданный Вам Ив. Тургенев. — *В. Л.*) я» (17/29 сентября 1861).[61] Он убежден в прочности их союза с обеих сторон: «Я знаю, что и в прошедшем, и в настоящем, и в будущем — Ваша дружба, и это ме-

---

* За несколько дней до этого (18 января, 1 февраля / 30 января, 13 февраля) он заканчивает письмо так: «Вы никогда не подписывались: Ваш друг; это слово меня очень обрадовало. А я подписываюсь: преданный Вам друг Ваш».[55]

** Характерное допущение в устах Тургенева, так «любившего любовь». Но сам он обойтись без нее не мог.

ня глубоко радует» (19/31 мая 1861).[62] Незыблемая надежда на дление этой дружбы в такой силе и напряжении до конца дней — почти обычный финальный аккорд в его письмах. Опора ее дружбы была для него элементом твердости на волнах моря житейского. Жизнь во многом обманула, и остается, — «отыскав товарища дорогого и милого как Вы, товарища по чувствам, по мыслям — и главное — по *положению* (мы оба с Вами уже немного ждем для себя), крепко держать его руку — и плыть вместе, пока...»,[63] т. е. пока не придет к кому-нибудь смерть (лето 1859).

Последние слова особенно знаменательны: Е. Е. Ламберт, по-видимому, не была счастлива в своей жизни, и это сближало их еще лишнею связью. Иван Сергеевич еще раз повторяет (21 сентября / 3 октября 1860): «...мы одного поля ягоды»[64] — «больше не ждем для себя ничего особенно радостного и жить нам нелегко».[65] И они деятельно поддерживали друг друга «в минуты жизни трудные».[66] «Жизнь — не что иное, как болезнь, которая то усиливается, то ослабевает: надобно уметь переносить ее припадки — и Вы в этом деле мастерица. Разница этой болезни от других состоит в том, что лучший для нее врач — другой больной, т. е. другой живущий, в особенности друг <...>». Тут он и прибавляет: «...мы часто в Вашей комнатке на Фурштатской помогали своим недугам»[67] (23 июля / 4 августа 1859).*

Дружба, которую мы изучаем, — настоящая дружба, именно *чистая*, без эгоизма, и без эротизма, основанная на особом *сродстве душ*, трудно измеримом и определяемом, но реально выражавшемся в сложном сочетании многообразных психических тяготений, синхронизирующих друг другу основных потоков души.**

3

А. Из такого глубокого характера крепко выросшего союза их душ вытекала замечательная содержательность их общения и серьезное, принципиальное (не только горячо прочувствованное) отношение друг к другу.

Елизавете Егоровне должна была импонировать самая личность Тургенева: сила таланта великого писателя производила неодолимое обаяние и замечательный ум действовал, как авторитет. Но у нее не было к нему слепого поклонения и пассивного следования за его словами и мнениями. Она твердо отстаивала свои взгляды, что в нем только увеличивало почитание ее, несмотря на разногласия.

Прежде всего, сильно разделяли их вопросы религии. Она была горячо верующим человеком и не по типу светской обрядовой официаль-

---

* Он и еще высказывает ту же мысль в другом месте (31 октября / 12 ноября 1860): «Кажется, каким образом может помочь больной больному? А выходит на деле, что его помощь и ближе и вернее».[68]

** Тургенев любит это повторять: «Несмотря на всякие разноречия, мы близко стоим друг к другу» (22 августа / 3 сентября 1864).[69]

ной традиционности, а из внутренней потребности отыскания и нахождения смысла жизни. Если не полное неверие, то религиозный агностицизм друга — должен был волновать ее, и она, наверное, делала усилия «обратить его к Богу», на что надеялась у Тургенева в «Дворянском гнезде» Лиза Калитина по отношению к Лаврецкому.

Но она и в нравственной области находила в нем дефекты и тоже не молчала о них, не поддавалась застенчивости, естественной в женщине перед мужчиною с таким весом, как он. Она высказывалась, спорила, даже упрекала, боролась с тем, что видела в нем, по ее мнению, худого. Об этом часто идет речь в письмах.

Главный упрек, который гр. Ламберт выставляет против Тургенева, — это его будто бы чрезмерное пристрастие к земным благам — роскошной жизни, всякого рода наслаждениям, барство, сибаритство. «...Прочтя Ваше письмо, я и порадовался и опечалился, — пишет он 2/14 марта 1862 года, — и — грешный человек! — подумал: увы! для чего я не такой, каким меня воображает графиня — для чего я не человек, „преисполненный земной жизнью" и преданный ей! Это сожаление и грешно и странно — но я не могу от него избавиться — и если я еще не успел приникнуть мыслью к неземному, то земное *всё* давно ушло от меня — и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой — и уже нисколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п.».[70] И он сообщает ей, как прозвала его Полина Виардо: «le plus triste des hommes» — самый печальный из людей. Но в том же письме он прибавляет: «...осуждение от Вас мне дороже, чем похвала от другого — потому что оно поучительно — и потому что я Вас люблю».[71]

Это не единичный случай, что гр. Ламберт предъявляет Тургеневу такое обвинение и огорчается его «эпикурейством»: она высказывает предположение, что и жизнь за границей привлекает его удобствами и развлечениями, она иногда будто готова сказать — праздною роскошью всемирной столицы или баденской виллы.* Это было в ней вроде больного места. Кейзерлинг рассказывает,** что она одно время, после замужества, сама увлекалась честолюбием и страстью к блеску, но скоро от этого освободилась, в ней победили высшие стремления. Оттого, может быть, она с болезненною подозрительностью ощущала в своем друге наклонность к той же слабости и горела желанием видеть его избавившимся от беды.

Тургенев, привыкший к хорошо обеспеченной жизни, сам склонен был осуждать себя за это. Он пишет ей же в 1859 году: «...человек вообще слишком склонен разжалобливаться на собственный счет. Я сижу с наполненным желудком в теплой и накуренной комнате и хнычу... а сколько бедных... Мне стыдно даже договорить...».[73] Он борется с собой, считает, что должно принимать против себя меры обуздания:

---

* См., например, письмо от 27 апреля / 9 мая 1863; к нему еще придется вернуться. Ср. еще от 22 августа / 3 сентября 1864.[72]

** *Taube*. Bd 2. P. 343.

«Я убедился, что всякий человек должен обращаться сам с собою строго и даже грубо, недоверчиво; трудно укротить зверя в себе» (27 марта / 8 апреля 1859).[74] Он и мог с собою справиться, в юности ему приходилось терпеть и нужду, благодаря своевольным капризам матери, которая за разногласия не раз лишала его средств существования (couper les vivres![a]), когда он не мог еще достаточно зарабатывать литературным трудом. Тургенев всегда высоко ставил труд и считал его всеобщим долгом: «...все, даже артисты, даже богатые, должны жить в поте лица... а у кого лицо не потеет, тем хуже для него: у него сердце либо болит, либо засыхает» (27 марта / 8 апреля 1859).[75]

Е. Е. Ламберт еще в одном подозревала его: представляла, что он победитель женских сердец (вероятно, когда наблюдала успех, доставшийся ему у дам высшего света); она думала, что это ему нравится; в письмах она корила его, называла «селадоном», «тигром», «сиреной», звала к «исправлению» (см., например, письма 16-е и 37-е).[76] Он мягко защищался. Но это вызывалось желанием видеть его совершенным в нравственной области, как высоким считала его в умственной. Так было почти с самого начала их знакомства: «...я часто вспоминал о Вас, о посещениях моих и о разговорах наших в Вашей маленькой комнатке наверху, когда Вы наставляли меня уму-разуму и поясняли мне все недостатки моего воспитания <...> Но у нас в России обыкновенно думают, что люди, попавшие за границу и особенно в Париж, живут в каком-то чаду, кружатся в каком-то вихре — и что всё прошедшее, всё русское выскакивает у них из головы, которая так и вертится от избытка удовольствий и ощущений» (13/25 марта 1857).[77] Она нападает на него, часто осыпает упреками, но ему с нею хорошо, он чувствует только любовь и благодарность.

Гр. Ламберт была очень откровенна с Тургеневым; он с нею, может быть, еще больше. Он поведал ей сокровеннейшие тайны своей души. Ни с кем из русских (кроме одного-двух) он никогда не говорил о своей любви к П. Виардо. Ей он исповедался в первую же зиму их знакомства, в один из первых вечеров в комнате на Фурштатской, которой хозяйка умела придать такой уют. Потом он сообщает ей намеками о всех колебаниях в их отношениях с знаменитой артисткой. Такие признания, мы видели, начинаются с первого же письма.

В 1856 году (10/22 июня) он говорит: «Лучше было бы для меня не ехать» за границу, но «на словах-то мы все мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробежи мимо — так и бросишься за нею в погоню».[78] Он ничего не пишет прямо о трудных годах кризиса любви в 1856 и 57-м;* но из Рима (3/15 ноября 1857) кратко сообщает: «была также и причина, почему я так скоро согласился» ехать в Италию с Боткиным: он искал утешения, уединения; он характеризует свое душев-

---

[a] лишить куска хлеба! (*франц.*).

* Впрочем, летом 1857 говорит: «Да, графиня, я решился воротиться — и воротиться надолго; довольно я скитался и вел цыганскую жизнь».[79] Она, конечно, поняла, что это означало, — что он страдает в своем самом сильном чувстве.

ное состояние: «В человеческой жизни есть мгновенья перелома, мгновенья, в которых прошедшее умирает и зарождается нечто новое; горе тому, кто не умеет их чувствовать, — и либо упорно придерживается мертвого прошедшего, либо до времени хочет вызывать к жизни то, что еще не созрело. Часто я погрешал то нетерпением, то упрямством; хотелось бы мне теперь быть поумнее. Мне скоро сорок лет; не только первая и вторая, третья молодость прошла — и пора мне сделаться если не дельным человеком, то по крайней мере человеком, знающим, куда он идет и чего хочет достигнуть».[80]

Конечно, главная причина этого перелома — именно пережитый кризис любви. Он в нем признается лишь в следующем письме из Рима (22 декабря 1857 / 3 января 1858): «Я знал перед моей поездкой за границей, перед этой поездкой, которая так была для меня несчастлива — что мне было бы лучше оставаться дома… и я все-таки поехал. Дело в том, что судьба нас всегда наказывает и так, и немножко не так, как мы ожидали, и это „немножко" нам служит настоящим уроком. — Отдохнув в Риме, я вернусь в Россию сильно потрясенный и побитый, но надеюсь, по крайней мере, что на этот раз урок не пропадет даром».[81]

Е. Е. Ламберт отлично понимает эти намеки по предшествующим откровениям Тургенева. Но у него живет потребность поверять ей все до конца. «На бумаге всё это трудно изложить, но я предчувствую, что когда-нибудь, нынешней зимой, у нас будет с Вами большой разговор, в котором я Вам многое выскажу и расскажу». Иван Сергеевич продолжает: «Вы, я наперед уверен, будете мне, как говорится, читать мораль; но из Ваших уст мораль эта слушается с удовольствием и пользой, потому что в ней чувствуется живая и, при всей строгости правил, свободная душа».[82]

Последнее качество (внутренняя свобода) особенно характерно для Е. Е. Ламберт. Она вряд ли сочувствовала любви Ивана Сергеевича к Полине Виардо; но она любила его, и в ее сердце горело сострадание. Предполагавшийся разговор, наверное, состоялся в зеленом кабинете на Фурштатской. Она, вероятно, одобряла его положить предел прошлому, которое не обещало будущего; но не легко было расстаться с «женщиной небывалой». Да еще и ставился вопрос: необходимо ли это?

В 1859 году Тургенев пишет ей из замка Виардо Courtavenel в 50 километрах от Парижа:* «Я недавно возвратился из Виши, где с большим успехом пил воды. Здоровье мое хорошо; но душа моя грустна. Кругом меня правильная семейная жизнь… для чего я тут, и зачем, уже отходя прочь от всего мне дорогого, — зачем обращать взоры назад? Вы поймете легко, и что я хочу сказать, и мое положение.** Впрочем, тревоги во мне нет; говорят: человек несколько раз умирает перед своей смер-

---

* Это — важное место в биографии Тургенева — и в истории его любви, и в истории его творчества: здесь написаны были многие из отрывков «Записок охотника» и некоторые комедии.

** Этот большой разговор состоялся, наверное <?>. — Сноска не окончена (*Примеч. ред.*).

тью… Я знаю, что во мне умерло; для чего же стоять и глядеть на закрытый гроб? Не чувство во мне умерло; нет… но возможность его осуществления. Я гляжу на *свое* счастье — как я гляжу на *свою* молодость, на молодость и счастье другого; я здесь — а всё это там; и между этим *здесь* и этим *там* — бездна, которую не наполнит ничто и никогда в целую вечность. Остается одно: держаться пока на волнах жизни и думать о пристани <…>».[83]

Но отказаться от самой дорогой мечты он не может: «…я чувствую теперь: страстное, непреодолимое желание своего гнезда, своего *home'a* — вместе с сознанием невозможности осуществления моей мечты — и в то же время — присутствие постоянной мысли о тщете всего земного, о близости *чего-то*, что я назвать не умею. Слово: смерть — одно не выражает вполне этого *чего-то* <…> должно быть, лампа вспыхивает в последний раз перед концом. Туда ей и дорога!».[84]

«…Над другими, Вам известными отношениями лег какой-то печальный туман. Впрочем, нечего жаловаться и хныкать: жизнь в *свое* удовольствие давно кончилась для меня — и надо теперь приучаться к *настоящему* жертвованию собою — не к тому, о котором мы так много говорим в молодости и которое представляется нам в образе любви, то есть все-таки наслаждения — а к тому, которое ничего не дает личности, кроме разве чувства исполненного долга, и заметьте — чувства чужого и холодного, безо всякой примеси восторженности и увлечения».

К этим словам прибавлено (применительно к самой гр. Ламберт): «Вам всё это знакомо: мы одного поля ягоды — и я Вам это говорю для подкрепления себя и Вас в этих мыслях» (21 сентября / 3 октября 1860).[85] Стало быть, в ее интимной жизни происходило тоже нечто подобное, и это облегчало ему говорить с нею о своем горе любви.

«…На днях — мое сердце умерло, — пишет Иван Сергеевич 28 ноября / 10 декабря 1860 года. — Сообщаю Вам этот факт — как назвать его, не знаю. Вы понимаете, что я хочу сказать. Прошедшее отделилось от меня окончательно, но расставшись с ним, я увидал, что у меня ничего не осталось, что вся моя жизнь отделилась вместе с ним. — Тяжело мне было — но я скоро окаменел; и я чувствую теперь, что так жить еще можно. Вот если бы снова возродилась малейшая надежда возврата — она потрясла бы меня до основания. Я уже прежде испытал этот лед бесчувствия, под которым таится немое горе… дайте окрепнуть этой коре — и горе под ней исчезнет».[86]

Елизавета Егоровна всем сердцем жалела Тургенева, в этом нельзя сомневаться; но она, наверное, считала, что другого конца и не могло быть, и одобряла решимость покончить. Тургенев еще раз из Парижа (28 октября / 9 ноября 1862) вспоминает прошлое: «Почти вся жизнь уже позади — и я не могу сказать, с каким собственно ощущением я гляжу в прошедшее. Мне не то что жаль его, не то что досадно, не думаю я, что я бы мог лучше прожить, если б!.. Не страшно мне смотреть вперед — только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глухих и немых, законов над собою <…>».[87]

Тургенев отказался от своих надежд, но не от своей любви и не от общения с любимою женщиною. Произошло переселение Полины Виардо вместе с ее семьею в Баден-Баден; Иван Сергеевич поселился там же около нее, даже дом себе построил, значит, предполагал, что это будет на всю жизнь или надолго. Стало быть, произошло внутреннее примирение духа, Данте бы сказал: «trasfigurazione dell'amore»,[a, 88] очищение любви от эгоизма, принятие как блага того лучшего, что она могла дать самим фактом своего существования и тою дружбою, какую он получал за нее в ответ.*

Верный своей полной откровенности в общении с Е. Е. Ламберт, Иван Сергеевич сообщает ей 26 марта / 7 апреля 1864 года из Парижа: «Я приехал сюда через Баден, где я провел дней десять самым приятным образом. Оттого ли, что мои требования стали меньше, оттого ли, что там мое настоящее гнездо, — только я замечаю, что с некоторого времени счастье дается мне гораздо легче, несмотря на общее потускнение колорита (моей жизни. — *И. Г.*) <...>. Хорошо мне там живется!».[89]

Этими словами как бы констатируется, как решает он свою судьбу на дальнейшие годы: он останется с семьею Виардо как самый близкий ее друг, храня в душе своей неизменное чувство, больше ничего не требуя и не ожидая для себя. Нечто подобное уже ощущалось им давно: «Прежние мои отношения немного огрубели — но зато и закрепли, как кора на стареющем дереве: кажется, теперь ничего их не изменит» (10/22 декабря 1861).[90] *Огрубели* — вряд ли, но кристаллизовались, притом в прекрасные формы самоотверженной любви.

Из одного сопоставления собранных выдержек может быть построена история основной любви Тургенева к Полине Виардо за это десятилетие (1855—1865): такова была полнота доверия его к дружбе гр. Ламберт и потребность его раскрывать ей всю свою душу. Он, может быть, и ее заставлял страдать за него, но таково последствие дружеской солидарности, и она принимала ее на себя.

Б. Ни с кем из своих корреспондентов Тургенев не говорит так много о *религиозных вопросах*, как именно с гр. Ламберт.[91] Тургенева привыкли считать неверующим, некоторые исследователи даже прямо называют его *атеистом*.[92] И он сам несколько раз будто дает основание для такого суждения. Раз (это было уже в последний период его жизни) М. А. Милютина спрашивала о его миросозерцании. Тургенев ответил (22 февраля / 6 марта 1875): «...скажу вкратце, что я преимущественно реалист — и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты не верю, люблю больше всего свободу — и, сколько могу судить, доступен поэзии. Всё человеческое мне дорого. Славянофиль-

---

[a] «преображение любви» — *ит.*

* В своей книге «История одной любви» (см. главу 18-ю 2-го издания) я пытаюсь объяснить совершившееся в душе превращение.

ство чуждо — так же как и всякая ортодоксия».[93] В своих «*Литературных и житейских воспоминаниях*»[94] и в одном письме к *Ю. П. Вревской* (8/20 апреля 1876)[95] он повторяет такую же квалификацию себя как человека, лишенного веры.

В одном из писем к *Герцену* Иван Сергеевич высказывается сдержаннее (10/22 апреля 1862): «В мистицизм я не ударился и не ударюсь; — в отношении к богу я придерживаюсь мнения *Фауста*:

Wer darf ihn nennen,
Und wer bekennen:
Ich glaub' ihn!
Wer empfinden
Und sich unterwinden
Zu sagen: Ich glaub' ihn nicht!*

Впрочем — это чувство во мне никогда не было тайной для тебя».[96] Здесь уже не прямое неверие, а *агностицизм*: не знаю. Тургенев стремился базироваться на достоверной, научно-познанной истине. Он будто хочет сказать: показания науки признаю обязательными, относительно потустороннего, сверхчувственного мира воздерживаюсь.**

Всё это — формулы простые, но можно ли в них заключить весь сложный вопрос? Он не верит, но равнодушен ли он к религии и как оценивает ее значение в прошлом и настоящем? Он отрицается от мистики, но своими произведениями (и не только в последние годы) обнаруживает наличие в себе сильной способности к мистическому восприятию. Выразить в кратких словах собственное миросозерцание очень трудно, особенно если не принадлежишь к какой-нибудь «ортодоксии», т. е. положительному вероисповеданию; а последнее можно определенно утверждать о Тургеневе. Не удается этого достигнуть и ему в приведенных строках. В таком смысле интересно, что в письмах к Ламберт он несколько раз возвращается к религии. Интересно и другое, что он так привязался к женщине глубоко религиозной, притом приверженной именно к православию.

Характернее всего одно место из письма 15/27 ноября 1861 года: «Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды».[97] Это — тоже краткое изречение, но оно очень содержательно и гораздо конкретнее, реалистичнее, чем выше приведенные.

Эти слова, начертанные самим Тургеневым в зените его духовной жизни, раскрывают, думается, существо его религиозной природы. Ве-

---

* Кто исповедать может дерзновенно —
Я верую в него?
Кто с полным чувством убежденья
Не побоится утвержденья:
Не верую в него?
Часть первая, сцена 16-я (по переводу *Холодковского*. Т. 1. С. 131).

** Такая позиция подтверждается многими другими письмами к Герцену.

ра, он понимает и признает, дает всё, т. е. то, что необходимо для уразумения высшего смысла жизни. Без нее (он хочет сказать) человек нищ и беспомощен, он прикован к своей ограниченности. Таково общее теоретическое положение, выставляемое Тургеневым по вопросу о значении религии. Лично (практически) он не обладает этим благом, стало быть, лишен нужного света и ходит во мраке. У него нет того спокойствия и утешения, которое найдет в своем горе* его верующий друг. Но он не отчаивается, — значит, ищет веры. В этих словах нечто вроде ключа для понимания, какое место занимала религиозная проблема в душе Тургенева. Из них можно вывести, что она была для него коренным вопросом духовного бытия. Это была — религиозная (т. е. жаждущая религии) душа, не находящая веры и этим мучащаяся. Стало быть, пока проблема эта стояла перед ним, работа над нею совершалась в нем как драма.

Не ставлю здесь задачи исследовать вопрос о внутренней борьбе Тургенева за религиозное миросозерцание, но констатирую ее наличие, — и это проливает свет на рост его дружбы с Е. Е. Ламберт: он мог искать в ней помощи и на этом пути. Оттого он многократно обращается в переписке с нею к религиозным темам, притом не всегда только в виде вопроса, но иногда и с высказыванием собственных мыслей.

Уже во втором письме (10/22 июня 1856) он рассуждает: «У нас нет идеала — <...> а идеал дается только сильным гражданским бытом, искусством (или наукою) и религией. Но не всякий родится афинянином или англичанином, художником или ученым — и религия не всякому дается — тотчас. Будем ждать и верить <...>».[98] Идеал для него необходимый признак если не совершенной, то полной жизни, и религия ставится рядом с высоким развитием гражданственности, науки и искусства — на равных правах, как высшая сила, дающая идеал.

Смерть всегда была предметом особого ужаса для Тургенева; он оставил столько ее образов в своих произведениях. В одном письме (14/26 октября 1859) он доказывает, что «в судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, — только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни». Тут же он прибавляет: «И притом мы все осуждены на смерть... Какого еще хотеть трагического?».[99] Такое чувство обращало его мысль к религии, что подтверждается его перепиской с Е. Е. Ламберт. Выразительно здесь письмо 81-е (10/22 декабря 1861): «Естественность смерти гораздо страшнее ее внезапности или необычайности. Одна религия может победить этот страх... Но сама религия должна стать естественной потребностью в человеке, — а у кого ее нет — тому остается только с легкомыслием или с стоицизмом (в сущности это всё равно) отворачивать глаза».[100]

Вместе со *смертью* тесно связывается вопрос о *бессмертии*. Он тоже волновал Тургенева. В том же письме он рассказывает: «На днях

---

* Письмо написано после того, когда Тургенев узнал о постигшей Е. Е. Ламберт тяжелой утрате.

здесь умерла Мансурова <...> одна моя знакомая, у которой она умерла на руках, была поражена легкостью, с которой человек умирает: — открытая дверь заперлась — и только... Но неужели тут и конец! Неужели смерть есть не что иное, как последнее отправление жизни? — Я решительно не знаю, что думать — и только повторяю: „счастливы те, которые верят!"».[101]

Он сам рвался к вере, искал аргументов, которые могли бы убедить ум и тем облегчить веру. Еще раньше читаем у него такую оценку пережитого им совсем особенного самоощущения (8/20 января 1861): «Я чувствую себя как бы давно умершим, как бы принадлежащим к давно минувшему, — существом — но существом, сохранившим живую любовь к Добру и Красоте. Только в этой любви уже нет ничего личного <...>. Возможность пережить в самом себе смерть самого себя — есть, может быть, одно из самых несомненных доказательств бессмертия души. Вот — я умер — и все-таки жив — и даже, быть может, лучше стал и чище. Чего же еще?».[102]

Из произведений последнего времени (особенно из повести «Клара Милич») видно, что он приближался к такой вере в потустороннее существование. Он раньше говорил той же Елизавете Егоровне: «...если я не христианин — это мое личное дело — пожалуй, мое личное несчастье».[103] К концу жизни он понял христианство как религию любви, а любовь и именно такая, когда человек душу свою полагает за друзей своих, была близка к его духу. Так думала и гр. Ламберт, и она утешалась тем, что такая любовь осуществит его надежду на приобретение внутреннего мира и даст веру.

В. Выше говорено, что вся жизнь Тургенева за одиннадцатилетие, когда продолжалась его переписка с гр. Ламберт, — отражалась на его письмах, от крупных событий, мыслей и переживаний до повседневных мелочей. Естественно должны были занимать в ней большое место *сочинения Ивана Сергеевича*.

Известно, как мнительно он относился к каждому вновь готовому к печати, а потом появляющемуся своему произведению, мучительно ощущал и преувеличивал их недостатки. Ему нужны были замечания друзей, и они приводили его к значительным переработкам первоначального текста. Были лица, которые являлись даже непременными критиками всех его вещей еще в рукописном виде. Таких было двое — Полина Виардо и П. В. Анненков. Первая судила по непосредственному впечатлению, обладая острым и быстро восприимчивым вкусом, открыто хвалила или порицала по своему чувству и свободно отдавалась настроению, в каком заставал ее предъявлявшийся ей manuscrit.[a] Анненков добросовестно вчитывался в каждое произведение; исходил он из презумпции, что Тургенев не может написать что-нибудь слабое, но потому он особенно тщательно отмечал усмотренные дефекты, желая помочь автору достигнуть совершенства.

---

[a] рукопись (*франц.*).

Третьим лицом, которому он стремился показать свои детища еще до напечатания и выслушать его суд, — была Е. Е. Ламберт. Не всегда это удавалось, но он очень дорожил ее вкусом и мнением. Она была судьею строгим, многое не одобряла, даже иногда советовала не печатать. Происходило это, без сомнения, от высокой оценки таланта автора, ее друга, но угодить ей было нелегко — она требовала безукоризненности.

«Я не велел доставить Вам экземпляр недавно собранных моих повестей — потому что знаю, что Вы этими пустячками не занимаетесь. А грешный я человек! Каюсь, желал бы я знать Ваше мнение насчет моего писания; с Вашим здравым и свободным умом, с Вашим тонким и верным вкусом Вы бы мне много сказали полезного».[104] Это было в начале их знакомства (13/25 марта 1857). Гр. Ламберт сочувственно отнеслась к сборнику, и он был очень рад: «Хотя я почти перестал чувствовать себя сочинителем, однако я весьма порадовался Вашему одобрению — и не могу не сожалеть о письме, которое было мне назначено — и которое погибло» (26 июля / 7 августа).[105]

Когда была отправлена в «Современник» рукопись «*Аси*», Тургенев просит Елизавету Егоровну, чтобы она спросила ее у Анненкова и прочитала ее.[106] Из Рима же он сообщает ей о замысле «*Дворянского гнезда*», подчеркивая, что в центре романа будет поставлена религиозная девушка (22 декабря 1857 / 3 января 1858).[107] Когда роман вышел и вызвал единодушное одобрение критики и читателей, автор пишет ей же (27 марта / 8 апреля 1859): «Я очень рад, что я не поддался желанию пользоваться успехом моего романа и не выезжал направо и налево: кроме усталости, да, может быть, грешного удовлетворения мелкого и дрянного чувства тщеславия — ничего бы мне это не дало».[108]

С третьим романом Ивана Сергеевича «*Накануне*», в связи с отношением к нему Е. Е. Ламберт, чуть не произошла катастрофа. Тургенев сообщает ей, прежде всего, о самом плане новой вещи: «…это работа довольно утомительная — тем более, что она никаких *видимых* следов не оставляет: лежишь себе на диване или ходишь по комнате — да переворачиваешь в голове какой-нибудь характер или положение — смотришь: часа три, четыре прошло — а кажется, немного вперед подвинулся» (27 марта / 8 апреля 1859). Вскоре потом он извещает еще: «Я теперь занят большою повестью, в которую намерен положить всё, что у меня еще осталось в душе… Бог знает, удастся ли? Я беспрестанно вожусь с моими лицами — даже во сне их вижу. Если я буду доволен своей работой — посвящу ее Вам».[109] Сам он пока судить о ней не может: «…находясь в дыму сражения, не знаешь, победил ли ты или разбит».[110] Начав «Накануне» в Спасском, он продолжает писать во Франции. Он гостит у княгини Трубецкой в Бельфонтене, живет в отдельном флигельке и много работает над новым романом.[111] Он обещает лично ей прочесть его, когда труд будет готов (23 июля / 4 августа).[112] И дальше можно проследить по письмам к ней почти всю биографию «Накануне».

Когда роман был окончен, Тургенев, приехав в Петербург, по болезни не мог прочитать его сам гр. Ламберт, но он отправил к ней рукопись: «Прошу Вас делать на полях критические замечанья карандашом. Вы знаете, что моя повесть Вам посвящена — но я не хотел написать это посвящение, пока Вы ее сами не прочтете — особенно 28-ую главу».*, [113] Через несколько дней она сообщила, что приедет к нему и выскажет свое мнение. Немедленно после ее посещения П. В. Анненков получил от Тургенева такое письмо:

«Любезнейший П<авел> В<асильевич>. Со мной сейчас случилось преоригинальное обстоятельство. У меня сейчас была графиня Ламберт с мужем, и она (прочитавши мой роман) так неопровержимо доказала мне, что он никуда не годится, фальшив и ложен от A до Z, — что я серьезно думаю — не бросить ли его в огонь? Не смейтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мне часа в три — и я Вам покажу ее написанные замечания, а также передам ее доводы. Она, без всякого преувеличения, поселила во мне отвращение к моему продукту — и я, без всяких шуток, только из уважения к Вам и веря в Ваш вкус — не тот же час уничтожил мою работу. Приходите-ка, мы потолкуем, — и может быть, и вы убедитесь в справедливости ее слов. Лучше теперь уничтожить, чем впоследствии бранить себя. — Я всё это пишу не без досады, но безо всякой жёлчи, ей-богу. Жду Вас и буду держать огонь в камине».[114]

Анненков приехал, и огонь в камине оказался излишен. Через полчаса размышления сообща автор убедился, что критика строгого друга неосновательна. «Графиня <...> как большинство развитых русских женщин, не любила, чтобы искусство искало помощи и содействия политики, философии, чего-либо постороннего, хотя бы даже науки вообще. «Накануне» было, таким образом, спасено <...>».**, [115]

Анненкову показалось, что сам Тургенев не хотел уничтожения рукописи; но авторитетность для него суждения Е. Е. Ламберт была так сильна, что он готов был подчиниться такому требованию, пойти на частичное самоубийство в творчестве.[116] Но посвятить «Накануне» приговорившей роман к сожжению было уже невозможно. Решительность ее критики вызывалась соображениями общественными и нравственными, и она хотела избавить автора от нападок; да, может быть, Тургенев преувеличил отрицание гр. Ламберт. Во всяком случае, это интересный факт, рисующий разногласие в понятиях и вкусах любивших друг друга мужчины и женщины, хотя оба ставили друг друга

---

* Это там, где изображается свидание Елены с Инсаровым в его комнате после его болезни: его тревожат, очевидно, самые последние <строки>, из которых можно подумать, что она тут же отдалась Инсарову, — и он хочет узнать, как оценит весь эпизод строгий нравственный вкус Е. Е. Ламберт.

** *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. СПб., 1909. С. 514. Она, между прочим, напирала на то, будто невозможно допустить увлечения болгарской идеей на Руси, особенно в женском сердце.

очень высоко: она незыблемо признавала в нем великий талант, он в ней — тонкое чувство изящного.*

Когда Иван Сергеевич начал работать над «*Отцами и детьми*», он не отчаялся в Елизавете Егоровне как критике, а тотчас же сообщил ей, что задумал новую большую вещь — «что-то выйдет?».[119] Он надеется написать ее в течение зимы 1860—1861 гг. в Париже. «Задачу я себе задал трудную — и более обширную, чем бы следовало по моим силам, которые не созданы на большие дела. Буду стараться елико возможно» (31 октября / 12 ноября 1860).[120] Он обещает, что Анненков прочтет ей новое произведение, как только оно будет готово.[121] В назначенный срок роман не был окончен, автор продолжал его летом в Спасском.

«Я поеду через Петербург в самом начале сентября или даже в конце августа; увижу Вас непременно и, вероятно, прочту Вам или дам прочесть мое новое произведение, которое приближается к концу. Теперь я сам никакого суждения о нем не могу иметь: я знаю, что я хочу сказать — но я решительно не знаю, сколько мне удалось высказать... Автор никогда не знает — в то время, как он показывает свои китайские тени — горит ли, погасла ли свечка в его фонаре. Сам-то он видит свои фигуры — а другим, может быть, представляется одна черная стена» (15/27 июня 1861).[122]

В следующих нескольких письмах он указывает, что роман будет скоро готов. «Вы как-то изъявили желание знать, что делается с моим романом.** Он приближается к концу — главные все узлы уже распутаны — и я надеюсь, недели через две, вкусить единственную отраду литературной жизни — т. е. написать последнюю строчку. — Не могу Вам, при всем желании, сказать, какое мое собственное мнение о нем; знаю только, что он мне стоил больше труда, чем всё, что я написал доселе. — Но ведь это не ручательство в том, удался ли он мне. Это только доказательство, что я взялся за трудную задачу. В Петербурге я Вам дам рукопись прочесть и буду ждать Вашего суда, который до сих пор редко ошибался» (Спасское, 19/31 июля 1861).[123]

«Отцы и дети» были окончены в это лето даже раньше, чем он думал; роман был прочитан графине Ламберт в рукописи и, как вспоминает Тургенев, «мало понравился ей» (Париж, 2/14 марта 1862).[124] Он тут же прибавляет: «...пробегите мою повесть <...>. — Я сделал в ней много сокращений и изменений, хотя, разумеется, основная мысль и вся физиономия исполнения — остались те же. Я решился было бросить эту повесть в огонь — но <...> Катков поднял крик и в письмах своих наговорил мне всяких неприятностей».[125]

О тяжело пережитых нападках из различных групп читателей и критиков «Отцов и детей» Тургенев упоминает Е. Е. Ламберт только один

---

* После выхода спорного произведения Тургенев еще писал ей: «...кстати, Ваши предсказания оправдались — и мое „Накануне" почти никому не нравится».[117] По словам Анненкова, это опять было преувеличение; но роман послужил поводом для разрыва автора с «Современником».[118]

** Она тоже внимательно следила за ходом его писательства.

раз (9/21 июня 1862): должно быть, не хочет тревожить ее рассказами о всяких гадостях, какие сыпались на него тогда. «За работу я пока не принимался — и если напишу что-нибудь — то это будет в роде сказки: приниматься за вещь вроде „Отцов и детей" — нет во мне никакой охоты. Господи! что я вынес толков и споров! Это лестно — но под конец утомительно — и, главное, бесплодно. Теперь я в таком расположении, о котором говорится: день мой — век мой».[126]

Из баденского периода Тургенев мимоходом сообщает о «Призраках» (6/18 июля 1863): «Я кончил недавно небольшую вещь — и представьте — фантастическую! — скорее описательную. Она была назначена для журнала „Время", но этот журнал запретили — за статью <...> о Польше, — и я остался с своим детищем на руках».*, [127]

Наконец, последнее произведение, затрогиваемое в письмах к гр. Ламберт, — это «*Дым*» (13/25 февраля 1867): «...подагра по крайней мере ту имела пользу, что я — после четырехлетнего бездействия — окончил и переписал роман, который я везу с собою для напечатания в „Русском вестнике". Удался ли он мне, или нет — это неизвестно <...>».[128] В следующем письме (29 апреля / 11 мая) он с некоторою грустью пишет: «Не спрашиваю у Вас мнения о моем романе: Вы его, вероятно, не прочли — а если и прочли, то он Вам не понравился — это я знаю».[129]

Можно с уверенностью сказать, что произведения Ивана Сергеевича нравились Е. Е. Ламберт, но она усвоила манеру строгой критики, стремясь (можно не сомневаться) к охране его писательской славы; — и тут она придиралась к мелочам и тем доставляла, возможно, иногда ему огорчение, так как он очень ценил ее отзывы, и отрицательные суждения влияли на него сильнее, чем положительные.**

Так, в письмах Тургенева к гр. Ламберт заключается значительный материал для истории творчества его, внешней и внутренней. Это — характерно: он не очень многих лиц посвящал в эту важнейшую сторону своей деятельности. Много говорит он о своем писательстве только

---

* Как известно, роман (так! — *В. Л.*) был напечатан потом в другом журнале братьев Достоевских — «Эпоха».

** Интересно отметить, что говорится в одном из писем (Париж 16, 18 февраля / 28 февраля, 2 марта 1861) о «*Первой любви*». Она кому-то давала прочесть эту повесть и сообщила ему свое мнение, которое, очевидно, было неблагоприятное. Тургенев отвечает: «Возвращаю Вам письмо г-на Г. Должно быть, он прав (мой приятель Виардо точно такого же мнения о «Первой любви») — и мне не служит извинением то, что я нисколько не воображал выбранный мною сюжет безнравственным. Это скорее — une circonstance aggravante (отягчающее обстоятельство (*франц.*). — *Ред.*). Против одного я, однако, позволю себе протестовать: а именно — я писал вовсе не с желанием бить, как говорится, на эффект; я не придумывал этой повести; она дана мне была целиком самой жизнью. Спешу прибавить, что это меня не оправдывает; я, вероятно, не должен был касаться всего этого. Говорю: вероятно — потому что не хочу лгать. Если бы кто-нибудь меня спросил, согласился ли бы я на уничтожение этой повести, так, что и следа бы от нее не осталось... я бы покачал отрицательно головой. Но я с охотой соглашаюсь никогда не говорить и не вспоминать больше о ней» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 296). Отзыв, значит, опять был суровый и отрицательный и прислан был для назидания.

Анненкову, главному своему судии и верному другу и поклоннику его таланта. Постоянно идет речь об этом в переписке с *Стасюлевичем*, но там затрогивается больше всего сторона издательская. Есть данные о том же в письмах к *Полонскому*, а в корреспонденции с другими встречаются лишь отдельные, случайные упоминания. Письма к графине Ламберт представляют особый тип: автор прямо влечется рассказывать ей, что он пишет и как пишется, не страшась ее строгостей, а она видит свой долг верного друга в том, чтобы этих строгостей не ослаблять и особенно высоко держать моральный критерий.

Г. Еще одна тема часто затрогивается в письмах Ивана Сергеевича к гр. Ламберт — *крестьянский вопрос*. Это не удивительно. Тургенев мыслил об освобождении крестьян с юности, и он ставил борьбу за него одною из важнейших задач своей литературной деятельности. Но вопрос это особый, и о нем существует специальная литература. Сводную характеристику отношения Тургенева к крестьянскому вопросу дает *Н. М. Гутьяр* в своей ценной биографической книге об Иване Сергеевиче.* Можно было бы не касаться его в настоящей книге, но в последние годы стали высказываться, по моему мнению, неосновательные возражения против того, что по данному существенному явлению в русской жизни заявляет о себе сам Тургенев. Он прямо сообщает в своих «Литературных и житейских воспоминаниях», что крепостное право было исконным врагом его духа и «Записки охотника» возникли в его замыслах как посильное ему, писателю, средство борьбы против него.[130] Целый ряд тургеневедов склонны теперь это отрицать, называя то, что Тургенев именует (повторяя Герцена) своею «аннибаловою клятвою» — служить уничтожению крестьянского рабства, — позднее сложившеюся легендою, в которую уверовал сам Тургенев. Они утверждают, что «Записки охотника» вызваны были к жизни исключительно литературными мотивами и об уничтожении крепостного права при создании их автор не думал как об определенной и для него общественной задаче.**

Ввиду этого не хочется обходить вопрос и здесь. Подчеркнуть лишний раз постоянный интерес его к крестьянской реформе представляется желательным еще потому, что среди орловских краеведов мне пришлось подметить тенденцию представить Тургенева не только не сторонником освобождения, но настоящим «барином», готовы даже приложить к нему кличку «крепостника».*** Конечно, такое «открытие» не может быть ни на чем обосновано, но самое дерзновение такого

---

* См. в его работе — «Иван Сергеевич Тургенев» (Юрьев, 1907) главу VII-ю: «И. С. Тургенев и крестьянский вопрос» (С. 160—205).

** Последним в таком смысле высказывается *Л. П. Гроссман* во 2-м выпуске сборника «Свиток» (М., 1922) и потом в III-м томике собрания своих статей. Он приводит и литературу.[131]

*** Могу указать статейку *И. И. Лебедева* «Тургенев и крепостное крестьянство» в орловском журнальчике «Новый путь» (1925. № 1. Май).

рода по отношению к писателю, сыгравшему в деле крупную прогрессивную роль, возмущает чувство справедливости.

Кроме того, когда писалась книга Н. М. Гутьяра, письма к Е. Е. Ламберт были еще неизвестны, и следует обратить на них внимание и с этой стороны. То, что Тургенев склонен говорить с нею о своей работе по подготовке освобождения и устроению крестьян наилучшим возможным способом после реформы, — свидетельствует, что и она стояла на одной с ним точке зрения, т. е. принадлежала в своих идеях к передовому меньшинству в русском дворянстве.*

Уже из Рима 3/15 ноября 1857 года Тургенев пишет с чувством возбужденного интереса: «А что делается у нас в России? Здесь ходят разные противоречащие слухи. Если б не литература, я бы давно вернулся в Россию; теперь каждому надобно быть на своем гнезде. В мае месяце я надеюсь прибыть в деревню — и не выеду оттуда, пока не устрою моих отношений к крестьянам. Будущей зимой, если бог даст, я буду землевладельцем, но уже не помещиком и не барином».[133]

Вскоре затем (22 декабря 1857 / 3 января 1858) из Рима же Елизавета Егоровна получила от него письмо однородного настроения[134]: «Я здесь в Риме всё это время много и часто думаю о России. Что в ней делается теперь; двинется ли этот Левиафан (подобно английскому) — и войдет ли в волны или застрянет на полпути? До сих пор слухи приходят все довольно благоприятные; но затруднений бездна — а охоты, в сущности, мало. Ленив и неповоротлив русский человек — и не привык ни самостоятельно мыслить, ни последовательно действовать. Но нужда — великое слово! — поднимет и этого медведя из берлоги».[135]

В это время в Риме находилась великая княгиня Елена Павловна, самая активная сторонница крестьянской реформы в царской фамилии, и она была окружена группою русских лиц, деятельно сочувствовавших назревшему делу обновления России. Тургенев с ними постоянно виделся, от них получал самые свежие вести из России,** и им в Риме была составлена «Записка» о предлагавшемся им журнале, который под скромным названием «Хозяйственный указатель» должен был разрабатывать крестьянский вопрос в полноте.***, [136]

Анненков, С. Т. Аксаков постоянно писали Тургеневу о русских делах; он сообщал Герцену новые материалы, полученные из России, для «Колокола», очевидно, много сообщала ему и Е. Е. Ламберт, — и она, должно быть, звала его из Италии. Ему хорошо было в Риме, но становилось тревожно и тянуло домой: «Не дождусь я мая… в мае я вернусь

---

* Конечно, в настоящей книге я могу коснуться вопроса только с одной этой стороны; но в другой подготовляемой мною работе он будет рассмотрен обстоятельно и в других отношениях.[132]

** См. о них в переписке Тургенева с Анненковым (в его «Литературных воспоминаниях», с. 502 и далее) и письма его к Герцену и письмо к Л. Н. Толстому от 17/29 января 1858.

*** Она была впоследствии напечатана в «*Русской старине*» (1883. № 9 (Сентябрь). Приложения. С. 7—16).

к себе в деревню».[137] Разволнованное его настроение в Риме хорошо выражено *Фетом* в присланном Тургеневу стихотворном послании:

...молчалива
Перед тобой стоит олива,
Иль зонтик пинны молодой;
Но вечно радужные грезы
Тебя несут под тень березы,
К ручьям земли твоей родной.[138]

В письме 27 марта / 8 апреля 1859 года уже из Спасского Иван Сергеевич сообщает Елизавете Егоровне, что едет в Орел на заседание губернского комитета по крестьянским делам.[139] Следующее письмо, касающееся вопроса, написано 16, 18 февраля / 28 февраля, 2 марта 1861 года, т. е. накануне подписания акта об отмене крепостного права. Тургенев находился тогда в Париже.

«...Мы все, находящиеся здесь русские, с волнением ожидаем вестей об окончательном объявлении эманципации. Говорят, что указ выйдет 19-го февр. ст. ст., то есть через три дня... Как мне жаль, что я теперь не в Петербурге! Продолжаю письмо 18-го февр. / 2 марта. — Сегодня, 6 лет (уже 6 лет!) тому назад, умер Николай Павлович... Стало быть завтра — великий день. Между тем в „Galignani" стоит депеша, будто бы с.-петербургский генерал-губернатор объявил, что 19-го февр. никакой публикации не будет;* в Париже распространился слух, будто в Варшаве вспыхнул бунт. Сохрани нас бог от эдакой беды! — Бунт в Царстве может только жестоко повредить и Польше и России, как всякий бунт и всякий заговор.** Не такими путями должны мы идти вперед. Надеюсь, что этот слух окажется ложным. — А в странное и смутное время мы живем. Приглядитесь к тому, что везде делается... Никогда разложение старого не происходило так быстро. А будет ли лучше новое — бог весть!»[140]

Анненков как верный друг почти ежедневно сообщал Тургеневу все крупные новости. Писала и Е. Е. Ламберт. Он раз огорчается, что «она замолкла».[141] Вероятно, что-нибудь неприятное, темное шло наперекор ожиданиям. В начале мая он приехал в Петербург и, прощаясь с нею перед отъездом в Спасское, обещал сообщать оттуда о своих действиях с крестьянами. Далее идет ряд писем, в которых с огорчением рассказывается о трудностях, против которых приходится бороться при переходе крестьян с барщины на оброк, как неохотно они соглашаются на выкуп.

Не приходится приводить и объяснять все подробности — дело это знакомое. Важно только представить себе, как должна была интересоваться всем этим гр. Ламберт: она тоже была помещицей и тоже хотела,

---

* Известно, что обнародование манифеста, подписанного 19 февраля, состоялось только 5 марта.

** Это основное его недоверие к насильственным актам и переворотам; здесь оно усугублялось опасением, что затормозится падение крепостного права.

как Тургенев, хорошо поступить со своими крестьянами. Но один большой отрывок из письма того же лета выписать надо: он хорошо показывает, какие затруднения[142] связывались с попытками сделать всё осуществимое в пользу крестьян при проведении реформы, какие препятствия чинились властями, реакционным дворянством или вытекали из[143] недоверия крестьян и их неудовлетворенных ожиданий.

«До Вас уже, вероятно, дошли слухи о *нежелании* народа переходить с *барщины на оброк*. Этот знаменательный — и, признаюсь, никем не предвиденный факт — доказывает, что наш народ готов отказаться от явной выгоды (барщинные дни оцениваются по крайней мере в 80 р. сер. — а самый высокий оброк не достигает 30 р.) в надежде, что вот — авось выйдет еще указ — и нам земли отдадут даром — или царь ее нам подарит через 2 года — а оброчные уже *обвязались*, т. е. вступили в известные определенные условия. Иные оброчные мужики при мне жаловались, что вот мол барщинным мужичкам вышла льгота — три дня вместо шести, — а нашему брату ничего. Это доказывает, между прочим, как хорошо исполнялись законы, уже с Петра Великого подтверждавшие, что больше трех дней не брать. Правительство наше действовало, отправляясь от того предположенья, что законы имеют свою силу, исполняются — и мудрено было правительству иначе действовать — и вышло, что оно как будто сделало несправедливость: одних наградило, других оставило в прежнем положении… Об участии в выкупе со стороны крестьян и думать нечего; не только через 36 или 40 лет, — но если сказать нашему крестьянину, что он, платя лишний рубль в течение 5 только лет, приобретет себе землю для своего же сына, — он не согласится: во-первых — он заботится только о сегодняшнем дне, — а во-вторых — он лишен доверия в начальство: буду платить 5 лет, думает он — а там выдет повеление: плати еще 5. И в этом он не совсем не прав. Мы пожинаем теперь горькие плоды прошедших 30 или 40 лет. — <…> Вот тут и толкуй о законности, ответственности, разделении властей, и т. д., и т. д. К счастью, я еще в прошлом году успел перевести хотя часть крестьян на оброк».*, [144] Здесь хорошо выясняется, как добрые пожелания и старания могли разбиваться о запутанность социальных отношений — тяжелое наследство многовекового зла.

В том же письме на сведения, сообщавшиеся самою Е. Е. Ламберт из Петербурга, Иван Сергеевич высказывает печальные размышления о положении родной страны. «Вы рисуете довольно мрачную картину современного быта России и русского характера вообще: к сожаленью — добросовестный человек обязан подписаться почти под каждой из Ваших фраз. — История ли сделала нас такими, в самой ли нашей натуре находятся залоги всего того, что мы видим вокруг себя — толь-

---

* О том же Иван Сергеевич говорит в письмах к П. Виардо (см. в моей книге: История одной любви. С. 162 и далее). Он желает поставить своих крестьян в лучшие условия и обеспечить их от безграничного фактического произвола помещичьей власти известными договорными началами, свое же хозяйство вести не крепостным трудом.

ко мы, действительно, продолжаем сидеть — в виду неба и со стремлением к нему — по уши в грязи. Говорят иные астрономы — что кометы становятся планетами, переходя из газообразного состояния в твердое; всеобщая *газообразность* России меня смущает — и заставляет меня думать, что мы еще далеки от *планетарного* состояния. Нигде ничего крепкого, твердого — нигде никакого зерна; не говорю уже о сословиях — в самом народе этого нет».[145]

Еще в следующем письме (15/27 июня 1861) Тургенев жалуется на тяжелые стороны, открывающиеся в самой природе и нравах крестьян. Очевидно, между ними шел спор о свойствах и предстоящих судьбах крестьянства. Он спрашивает: «...неужели Вы воображаете, что я не вижу насквозь русского мужичка? Народ без образования (я употребляю это слово в смысле *гражданском* — не в ученом или литературном смысле) всегда будет плох, несмотря на всю свою хитрость и тонкость. Надо, с одной стороны, вооружиться терпением — а с другой — стараться *учить* их... а наше дальновидное правительство налагает 50 руб. сер. пошлины на студентов и на посетителей университетов!!».[146] Здесь повторяется любимая мысль Тургенева о просвещении народа как необходимом пути для его свободы и благосостояния.

В последний раз крестьянский вопрос затрогивается Тургеневым в письменной беседе с гр. Ламберт в 1862 году. Это был бурный год для России в политическом отношении: во многих местностях происходили крестьянские волнения,[147] университетские беспорядки в Петербурге, знаменитые пожары, приписывавшиеся революционерам со стороны полиции и реакционных кругов. Тургенев приехал из-за границы в самый день известных пожаров Апраксинского двора, и первый знакомый, попавшийся ему на Невском, встретил его восклицанием: «Посмотрите, что *ваши* нигилисты делают! жгут Петербург!».[148] Все это сильно расстраивало его, всегда опасавшегося насилий и сверху, и снизу.

Он уехал в Спасское и оттуда писал Е. Е. Ламберт 9/21 июня: «Признаюсь, мысли мои постоянно заняты Петербургом; из газет узнаешь очень немного — да они же приходят поздно... Что делается там теперь? Нашлись ли поджигатели — и с кем и с чем они находятся в связи? Я бы очень Вам был благодарен за самые краткие сведения; но Вам, вероятно, не до того».[149] Положение вещей в деревне несколько успокаивает его: «Здесь я еще не успел оглянуться, но, сколько я могу судить, дела вообще не в дурном положении — а, напротив, всё как будто собирается прийти в порядок. Тихо и смирно везде».[150]

Тургенев не отважился при введении в действие у себя положения о крестьянах пойти на решение вопроса в радикальных формах; но он сделал максимум того, что на почве сложившихся условий наилучшим образом, по возможности, устраивало его крестьян. Он пошел на многие жертвы своих интересов, какие допускались его крупным, но запущенным состоянием, но не мог не видеть, что реформа страдает существенными изъянами, которые будут требовать исправления, для

немедленного осуществления которых в своем индивидуальном случае у него не хватило смелости. Он готов был в дальнейшем идти навстречу нуждам местного населения постоянными льготами и активною помощью, что и доказал на деле в следующие годы. Тревога не покидала его: установится ли ко благу новый строй, будут ли развиваться дальше его основы в хозяйственной, политической и умственной областях? Но он утешает себя добрыми надеждами.

Вернувшись в Баден, он пишет оттуда: «Я приехал сюда прямо из деревни, где я провел около трех месяцев. Там всё шло хорошо — и я уверен, с каждым годом будет идти лучше. Вы, может быть, помните, что в деле освобождения крестьян я всегда был оптимистом <...>».[151] Он преувеличивает, как бы и себя хочет обмануть предвидением лучшего. Еще раньше (в конце 1859 года) Тургенев пишет гр. Ламберт, советуя ей писать письма по-русски, а не по-французски, размышляет: «...Вы увидите, что хотя он (русский язык. — *И. Г.*) не имеет *бескостной* гибкости французского языка — для выражения многих и лучших мыслей — он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе. Странное дело! Этих четырех качеств — честности, простоты, свободы и силы нет в народе — а в языке они есть... Значит, будут и в народе».[152] Сентиментальной идеализации народа, как у славянофилов и многих народников, — у Тургенева не было, но любовь к нему и вера в его будущее жили в его душе.

Так, Тургенев радуется вестям о предстоящем преобразовании суда, и мысль его захватывается завершением начатых реформ — политической свободой и представительными учреждениями. Гр. Е. Е. Ламберт, — это ясно чувствуется, — находится в постоянном душевном контакте с ним и в созвучии мыслей и настроений в связи с общественным движением в России.

4

То, что нам удалось собрать на предшествующих страницах, не исчерпывает всего содержания писем Тургенева к Е. Е. Ламберт, но, думается, определяет характер их дружбы: это было полное взаимное понимание, несмотря на различие их природ и разногласие мыслей, глубокое единение (остерегаюсь сказать — слияние) двух душ в редко осуществляющейся полноте духовного союза.

Особенно ясно видим это в чрезвычайных случаях, больше всего в моменты тяжелых испытаний судьбы. В конце 1861 года Елизавета Егоровна потеряла единственного оставшегося своего сына-юношу.[153] Иван Сергеевич немедленно пишет ей письмо, полное горестного сочувствия (15/27 ноября 1861): «...я бы долго не решился писать к Вам, не зная, что Вам сказать, не зная, будете ли Вы в состоянии слушать даже самый дружеский голос — если б я не получил, наконец, Вашей записки, которая в одно и то же время и усилила мою печаль, и несколько

меня успокоила. Я не мог себе представить состояние Вашей души; меня утешает мысль, что Вы перенесли поразивший Вас удар с христианским смирением и твердою верою в бога, который всё ведет к лучшему. Да поддержит и вперед Вас эта вера!

Что я могу сказать Вам — матери, потерявшей единственного сына! Если бы я был в Петербурге — я бы плакал с Вами; — а теперь я только протягиваю Вам обе руки и крепко и молча жму Ваши. — Жестокий этот год, в течение которого Вы испытали столько горя, послужил и для меня доказательством тщеты всего житейского: да, земное всё прах и тлен — и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру — имеет всё и ничего потерять не может; а кто ее не имеет — тот ничего не имеет, — и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды.

Да, я буду часто писать к Вам. Я радуюсь тому, что в Вас еще есть потребность дружбы и участия и обмена чувств. Когда падают такие удары — остающиеся на земле должны крепче и теснее прижиматься друг к другу».[154]

Горе Е. Е. Ламберт было двойное: незадолго перед тем умер еще ее любимый брат:[155] «Я видел здесь вдову Вашего покойного брата, — писал Иван Сергеевич, — и полюбил ее за искренность и простоту ее горя <...>. Ее здоровье очень потрясено — и я боюсь за нее. Она возобновит Ваше горе своим появлением — но в то же время, я уверен, она принесет Вам утешение — хотя бы тем, что Вы послужите ей опорой: помогать другим — лучшее средство утешиться в собственном несчастье. <...> дай бог Вам всю нужную силу!».*, [156]

В следующих письмах Иван Сергеевич невольно возвращается к тому же. «Милая графиня, я несколько раз прочел Ваше трогательное письмо — и почувствовал несомненное убеждение, что бог поможет Вам перенести великое горе, которое на Вас обрушилось. Отнимая всякую прелесть от жизни, горе лишает ее также всей ее лжи и тревоги — и в этом-то и состоит ее настоящее несчастье. <...> Горе очищает, а потому и успокаивает; но не всякий может вынести такого рода спокойствие; — повторяю, я надеюсь, что бог Вам поможет» (10/22 декабря 1861).[158] Он радуется (2/14 марта 1862), что у нее достало духу встретить жизнь «лицом к лицу».** Он просит: «...пишите без утайки всё, что Вам придет на душу, и знайте, что каждое Ваше слово вызовет во мне глубокий отголосок... Не говоря уже о дружбе, которую я к Вам питаю и которая никогда не изменится».[160]

Тургенев неразрывно любил свое единственное родное гнездо — *Спасское*, которое вскормило и вспоило его детство, спаяло его с родною природою, всегда знакомило его с русскою жизнью. Он невольно стремился и друзьям вложить любовь к дорогому ему месту. В письмах

---

* Тургенев писал Анненкову: «Вы знаете, бедная гр. Ламберт потеряла своего единственного сына... Она не переживет этого удара».[157]

** Это, очевидно, выражение из ее письма.[159]

к Е. Е. Ламберт он много раз описывает свою усадьбу. Я уже приводил отрывок из самого первого письма, — и в дальнейшем он часто к этому возвращается; больше всего восхваляет он свой «сад и пруд» и особенно во время весны, когда прольются дождики, все зазеленеет, зацветет, когда проходят «освежительные грозы»... Так и чувствуется: он хочет, чтобы Елизавета Егоровна навестила его в Спасском.

Это желание прорвалось в письме к ней 19 (31) мая 1861 года: «Вы не можете себе представить, как я сожалел о том, что видел Вас только раз в Петербурге. Меня завертели мои литературные и другие приятели — и именно в тот вечер, который я надеялся провести с Вами — Вас не было в Петербурге. Дружеский упрек в Вашем письме только растравил мою рану... Но вот мне пришла в голову светлая мысль: Вы, говорят, едете на лето в Малороссию; ведь Вам придется проезжать в 9 верстах от меня! Если бы Вы заехали в Спасское — это было бы истинным праздником для меня — но я на это не смею надеяться; по крайней мере — известите меня, когда Вы поедете: я бы выехал к Вам навстречу в Мценск, в Тулу, — куда угодно. <...> Но в самом деле, отчего бы Вам не погостить в Спасском? У меня тут старик дядя, женатый — стало быть Вы не у меня — холостяка бы гостили. Подумайте об этом».[161]

В следующем письме Иван Сергеевич повторяет свое приглашение: «Посещение Ваше моего скромного Спасского было бы для меня праздником. Но уж это, быть может, слишком много, и я не смею надеяться. — Хорошего здесь только один сад — особенно теперь, когда всё зелено, свежо и пышно».[162] И еще в следующем (7/19 июня): «Когда Вы едете в деревню? И остановитесь ли Вы в Туле? А в Спасское завернете? Или Вы переменили свои намерения и не покинете Петербурга? Мне бы очень хотелось знать не только Ваши намерения, — но и числа их, т. е. leur date. (А плох и неловок еще русский язык.)».[163]

Она... не приехала: «Жаль, жаль, что Вы не заедете в Спасское... но если Вам хорошо в маленьком в Вашем доме — оставайтесь там» (15/27 июня).[164] Она переменила план лета; но отчего бы ей просто нарочно не приехать навестить в его родном углу того, кого она называла своим другом? Может быть, остановили соображения светских приличий, которые тогда сильно тяготели на дамах из grand monde;[а] она подчинялась им не для себя, а для близких; но, может быть, и сама не могла отделаться от привычек, привитых аристократическим бытом. Тургенев, наверное, был очень огорчен.*

Надо вчитаться в подробности всех писем Тургенева и Е. Е. Ламберт и только тогда впитаешь в себя весь аромат, дышащий от этой изумительной картины прекрасной дружбы, я бы сказал, идеальной близости мужчины и женщины, гораздо более родных друг другу духом, чем обычно бывают брат и сестра. Насколько эта картина выиграла бы и

[а] высшего света (*франц.*).

* Когда им была устроена вилла в Бадене, Тургенев приглашал гр. Ламберт и туда (16/28 сентября 1864).[165]

обогатилась жизненной реальностью, если бы нам открылась возможность читать попеременно с тургеневскими и письма гр. Ламберт! Тургенева мы знаем по многим другим материалам, и нам хорошо понятен сердечный процесс, который соединил его с нею чистою ровною любовию; но ее облик предстал бы нам в гораздо большей живости и полноте, если бы она показалась нам не только отраженною в душе Тургенева, но и выразившею себя собственным искренним словом в посланиях к другу.

Во всяком случае, он, сам о том не думая, много сделал своими письмами, чтобы дать нам понятие о ней. Он ее идеализировал, но сквозь любовное преувеличение живо сквозит, наверное, похожий портрет, начертанный обладателем неподражаемого художественного мастерства.

Тургенев пишет Е. Е. Ламберт 28 октября (9 ноября) 1862 года (в день исполнившегося его сорокачетырехлетия): «...мы с Вами — давно узнали и, смею прибавить, полюбили друг друга. Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету — но попали в одно время — и не выпустим друг друга из вида: помощь всякому нужна и от всякого — и с первого до последнего дня жизни».[166] Это письмо написано уже после того, как она испытала большое горе — потерю сына. В том же письме он еще говорит ей следующее: «То, что Вы мне говорите о Вас самих, меня и трогает и радует: я вижу, что Вы дошли до того спокойствия самоотрицания, которое столь же благодатно и благотворно — сколь спокойствие эгоизма — бесплодно и сухо. Ничего не хотеть и не ждать для себя — и глубоко сочувствовать другому — это и есть настоящая святость. Не хочу сказать, что Вы ее достигли; — но Вы на дороге — это уже великое дело. Вы, надеюсь, поймете меня, что, говоря: ничего не хотеть для себя — я не думаю отрицать забот Ваших о своей душе: любить свою душу — и любить себя — две вещи разные».[167] И все письма кончаются заверениями в верной и неизменной дружбе.

Он очень огорчается, если она выражает сомнение в силе и прочности его чувства к ней. «Вы пишете, что мое письмо Вам показалось холодным, и называете меня балованным ребенком. Увы! Я просто и не в шутку, кажется, старик с недугами — но никогда не соглашусь в том, чтобы что-нибудь от меня к Вам могло быть холодным. <...> Я знаю, очень твердо знаю, что я люблю Вас крепко и неизменно — и Вы сами меня не собьете с этого убежденья» (14/26 февраля 1860).[168]

А через год с лишком (19/31 мая 1861) Иван Сергеевич заверяет: «Милая графиня, я получил Ваше небольшое, печальное, но все-таки дорогое письмецо — и пишу Вам ответ в той же самой комнате и на том же столе (в Спасском. — *И. Г.*), где, лет шесть или семь тому назад — я Вам написал первое мое письмо, вследствие которого и завязалась между нами корреспонденция. Многое с тех пор переменилось — но чувство мое к Вам осталось то же — или нет, оно выросло и окрепло, поту-

скнев немного — но это было неизбежно: кора на 6-летнем дереве грубее, чем на молодом отпрыске — но зато оно прочнее».[169]

5

И вдруг… переписка прекратилась: последнее датированное письмо его помечено Баден-Баденом 29 апреля (11 мая) 1867 года. Продолжались ли отношения — не знаем. Сам Иван Сергеевич в позднейших письмах к другим не упоминает об Е. Е. Ламберт.[170] Сколько мне известно, не говорится о ней и в воспоминаниях, посвященных Тургеневу дальнейших лет. Между тем она скончалась, как и он, только через шестнадцать лет. Что произошло между ними? Может быть, знает кто-нибудь из лиц, связанных с ее семьею в следующих поколениях, услышав об этом от старших родных? Может быть, вопрос выяснят еще не разысканные биографические материалы, например, ключ скрыт в хранящихся в Париже ее письмах к нему. Возможно, что и она почему-нибудь не отдала для печати всех писем Тургенева к ней и именно самых последних.

Остается печальное недоумение. Строить догадки — трудно. Обращу внимание, что и раньше бывали перерывы в переписке между Тургеневым и гр. Ламберт. Так было в конце 1862 года, и как будто причина (хотя неизвестная) шла от нее. «Я получил Ваше последнее письмо в Спасском, — пишет он из Бадена 7/19 октября,* — Вы меня извещали в нем о Вашем отъезде из Петербурга, но не говорили мне, куда именно Вы ехали, так что я не знал, куда писать Вам. В Петербурге, где я пробыл всего один день <…>, мне сказали, что Вы в Париже — но по собранным справкам Вас там не оказалось. Я всё это говорю Вам для того, чтобы объяснить и извинить мое молчание (я всё еще ласкаю себя надеждою, что Вы его замечаете); но теперь я предполагаю, что Вы уже наверное возвратились в Петербург — и посылаю мое письмо в знакомый домик на Фурштатской. Мне было бы очень горестно, если б между нами прекратились те живые сообщения, к которым я привык и которыми так дорожу; а потому Вы бы меня очень обрадовали, если б ответили мне, хотя в двух словах <…>».[172]

Напомню, что это происходило год после смерти сына Елизаветы Егоровны, и ее могли охватывать полосы горя, когда не хватало духа писать. Но здесь она скоро отозвалась, и Тургенев радуется (28 октября / 9 ноября): «Милая графиня, спешу благодарить Вас за Ваше письмо — и без дальнейших объяснений и оправданий — возобновить нашу переписку».[173] Дальше письмо носит обычный дружески-доверчивый характер. Общение возобновилось в прежнем духе.

Затем в 1864 году переписка опять приостановилась на несколько месяцев, но в промежутке они виделись, хоть и не очень удачно. «…Хотите Вы возобновить со мною переписку? Я бы очень этому был рад — и вообще не вижу причины, почему бы ей прекратиться. Я не очень

---

* Тургенев выехал из Спасского за границу через Петербург в начале августа.[171]

часто видел Вас во время моего пребывания в Петербурге, но, я надеюсь, Вы могли убедиться, что чувства мои к Вам остались те же — и если они Вам показались как бы охладевшими, то это просто происходило оттого, что вся жизнь моя, всё мое существо потускнели. Я вообще до сих пор не изменял старинным своим связям, давней дружбе; было бы грешно — да и невозможно — начать с Вас. А потому, без дальнейших околичностей — приступаю».[174] Дальше письмо заканчивается в старом, установившемся тоне.*

Наблюдающиеся перерывы свидетельствуют о нарушении в гр. Ламберт устойчивого настроения. «Я очень обрадовался Вашему письму, милая графиня: я уже начинал терять надежду на возобновление наших сношений. Я должен предполагать, что Вы не получили моего письма, отправленного к Вам нынешним летом в Вену;** потеря этого письма мне только потому неприятна, что она могла внушить Вам несправедливое мнение о моей забывчивости. Как бы то ни было, но сношения наши восстановлены: будем стараться, чтобы они не прерывались. Эти перерывы уже тем досадны, что необходимо нужно всякий раз излагать нечто вроде краткого отчета собственного душевного состояния, <...> а это не всегда удобно сделать — особенно в нескольких строках <...>» (13/25 декабря 1864).[176] Далее, как бы продолжая прерванную нить, Тургенев сообщает о помолвке своей дочери.***

Наконец еще перебой наблюдается в 1866 году. «Давно я к Вам не писал <...> но меня всё останавливала мысль, желаете ли Вы возобновления — хотя медленного и отдаленного — нашей переписки? Не хотите ли Вы — особенно после последних поразивших Вас утрат — вообще покончить с прошедшим, из глубины которого к Вам приходят одни горестные воспоминания? В таком случае Вы мне не ответите — и я пойму Вас. Во всяком случае — знайте, что то, что я Вам предлагаю, — очень скромно и не тревожит и не поднимает ничего *со дна*: это — простой обмен дружеского привета, сообщение немногочисленных жизненных фактов; такого рода скромность или смирение приличествует годам, которых мы достигли» (Баден-Баден, 10/22 марта 1866).****,[177]

---

* Это письмо 92-е, 26 марта (7 апреля) 1864. Еще в предшествующем году Тургенев просит у нее прощения за молчание; но она опять виновата — не сообщила, где она. Он пишет на имя ее мужа в Царское Село. Он интересуется, совершила ли она желанную поездку в Троицу?[175] Выходит, что тут произошло обычное у русских людей затягивание писем в силу каких-нибудь случайностей.

** Отметим, что она в эти годы много ездила по России и за границей.

*** Е. Е. Ламберт всегда обнаруживала интерес к судьбе дочери Тургенева. Она познакомилась с нею в Париже и даже переписывалась с нею. Тургенева она упрекала за недостаточную привязанность к дочери.

**** В том же (1866-м) году Тургенев пишет В. П. Боткину (12/24 декабря) с просьбой узнать, где гр. Ламберт, узнать и сообщить ему ее адрес.[178] Значит, на некоторое время он как бы потерял ее след, очевидно, она давно не писала. Боткин ответил (23 декабря ст. ст.), что она в Петербурге и живет на углу Воскресенского и Фурштатской, в доме Кокошкина.[179]

Не указывают ли последние слова путь для объяснения не разрыва, а перемены, ослабления общения, которое — если так — шло от нее в силу переворота в ее внутреннем мире, который по-новому окрасил ее жизнь? Под влиянием перенесенных ударов гр. Елизавета Егоровна, возможно, замкнулась в мистическом одиночестве. Такое «обращение» могло соответствовать характеру ее религиозности. Оно могло подорвать сложившиеся отношения — переписка становилась редкою и самая дружба постепенно глохла.

Такое построение можно признать вероятным. Позволительно ли другое предположение? Не могло ли чувство ее к Тургеневу принять такой характер, который заставил бы ее в силу нравственных мотивов отойти от него, замкнуться в себе и подавить любовь, которая должна была представиться ей морально недопустимою вследствие несвободы обоих?

Теоретически здесь нет ничего невозможного. Тургенев намекает, что она была несчастлива в семейной жизни. В сообщениях дочери Кейзерлинга есть также указания, что она разочаровалась в своем муже, когда узнала, что брак с нею явился предметом каких-то имущественных махинаций по инициативе брата ее мужа, гр. Карла Ламберта. Предпринималось будто бы объединить в руках братьев путем воздействия через нее (Елизавету Егоровну) на завещание богатейшего их дяди, который относился к ней с большой симпатией; так им мечталось сплотить в одно целое огромное состояние рода Ламбертов с крупным приданым и наследством Канкриных.* Она, видимо, отказалась содействовать спекуляции ухаживаньем за дядюшкой. Здесь могло произойти в ней охлаждение к мужу и возникнуть новое увлечение другом. Думаю только, что подобное подозрение следует отклонить: десятилетняя открытая, чистая дружба, развившаяся между Елизаветою Егоровной и Иваном Сергеевичем, должна была устранить для ее сердца опасность другой любви, даже если она могла грозить в первые годы знакомства. Она сумела бы ее победить. Загореться же в конце их десятилетия такое чувство вряд ли могло в ее душе после долгого опыта дружеского единения.

Наконец, вероятнее ли будет искать причину происшедшего в каком-нибудь коренном принципиальном расхождении, активно выразившемся с ее стороны протестом и в конце концов разрывом? Между ними всегда были разногласия во взглядах, может быть, и в нравственных убеждениях. Возможно ли, что в конце концов они так обострились, что она уже не смогла их дальше выносить, сохраняя дружбу?

Один старый друг мой, человек глубоко и тонко мыслящий, постоянно работающий над историею новой русской культуры, с которым мы много беседуем и часто о Тургеневе, приписывает именно ему вину

---

* *Taube*. Bd 2. S. 343—345.

разрыва с гр. Ламберт.[180] В письме ко мне (12 января 1928 года) он определенно высказывает и аргументирует свое мнение.*

Совсем недаром прекратила с ним переписку гр. Ламберт. *Он обманул ее ожидания. Он изменил себе* и потерял для нее высший интерес. *Устройство замка в Бадене знаменует падение.* Для Пича** это было понятно и похвально, и потому он остается дорогим корреспондентом Тургенева, но для его соотечественников это было *непостижимо* и по справедливости, а не по невежеству... Е. Е. Ламберт — человек декабристского умонастроения или, лучше сказать, душевного склада. Из писем Тургенева ясно, что она все время любовалась сильными сторонами писателя и чуткого человека и негодовала на его недостатки и мелочные черты. Она к самой его личности и ко всем сторонам души и деятельности никогда не относилась безразлично или поверхностно. Она страстно и *требовательно* любила хорошее и ненавидела худое со страстным стремлением уничтожить последние, искажающие любимый образ человека отрицательные черты. Она вела упорную борьбу, и борьба эта была ей люба и важна до тех пор, пока она надеялась на успешный исход. Она чрезвычайно *смело* вела эту борьбу. Это удивительно обаятельная особенность их отношений. Но когда она убедилась, что борьба безнадежна, она, может быть, сделав над собою огромное усилие, отвернулась от Тургенева. Поддерживать с ним светские отношения, *обмен впечатлениями* она не была способна. Она слишком *высоко* его ставила для того, чтобы опуститься до таких мелких отношений. И отец ее, и мать, да, кажется, и муж были люди высокого стиля. И сама она была крупною личностью. С точки зрения ее, поддерживать банальные отношения с тем, кто мог бы быть властителем дум дорогого ей народа (может быть, она надеялась лучше понять этот народ через Тургенева, во многом он и давал ей такое лучшее понимание, потому она так и ценила общение с ним), а между тем забавлялся переложением глупых немецких сказок для царственных посетителей своих друзей, — так поддерживать с Тургеневым отношения было для нее невозможно, — и, прибавлю, она была права.[181]

В приведенных словах немало верных догадок о самой Е. Е. Ламберт и ее глубоких, серьезных и справедливых отношениях к Тургеневу. Она очень его любила и, может быть, потому должна была чувствовать его слабости и огорчаться ими.*** Но могло ли это привести к разрыву? Я уже говорил: они во многом расходились, многое в личности и действиях своего друга <она> переживала с болью. Много, вероятно, и высказывала она ему упреков и горьких слов.****

О разногласиях много и показательно говорится в его письме от 22 августа (3 сентября) 1864 года. «Я Вам очень благодарен за Ваше

---

* С его согласия я уже приводил его строки в моей книге «История одной любви»: они особенно важны мне здесь для выяснения разбираемого вопроса.

** *Лудвиг Пич* — немецкий писатель, бывший с Тургеневым в близких приятельских отношениях.

*** Хотя не всегда ухватывала она их верно и измеряла правильно.

**** В одном из писем последнего периода читаем такие его слова (6/18 июля 1863): «Я сперва очень удивился, когда узнал из Вашего письма, что Вы боялись, как бы я не оскорбился прежним Вашим письмом; да, я сперва удивился — а потом опечалился при мысли, что увы! ничего в мире не может более оскорбить меня».[182] Значит, она сама признает, что бывала к нему несправедлива. Но это случается в самых дружеских отношениях. Лишь бы только друзья умели понимать, в чем они неправы, и прощать несправедливые упреки. А здесь так и было.

письмо, хотя Вы и браните меня и прощаетесь со мною...* Я вижу из него, что Вы еще помните меня и даже чувствуете ко мне некоторую дружбу... В Вас, к счастью для меня, никогда не было той, хотя добродетельной, но высокомерной неспособности понять — а иногда и простить — чужие недостатки, которую я замечал во многих христианах <...>. Вы меня упрекаете, правда; но, во-первых, в упреках Ваших слышится благосклонность, а, во-вторых, они мне дают возможность попытаться оправдать себя».[183]

Упреки Е. Е. Ламберт касались действительно важных вопросов. «С Вашей точки зрения, за мною две большие вины: первая — отсутствие... ортодоксии; вторая — удаление из родины, происходящее от желания эпикурейской жизни — от эгоизма одним словом».[184] Он отвечает на обвинения. Споры о религии, наверное, часто происходили между ними, и тут им трудно было прийти к соглашению: «О первом пункте я не буду распространяться: я не христианин в Вашем смысле, да, пожалуй, и ни в каком — и потому оставим это в стороне: это может повести только к тяжелым недоразумениям».[185]

Но о другом обвинении говорится подробно: «Что касается до второго пункта, то позвольте прежде всего протестовать против слова: презрение, которое Вы мне приписываете: презирают только молодые, горячие люди — а за мной и в молодости этого греха не водилось. Вы говорите: должно служить отечеству — прекрасно; но Вы согласитесь, что я не могу служить ему ни как военный, ни как чиновник, ни как агроном или фабрикант; посильную пользу приносить могу я только как писатель, как артист. Я бы мог заметить тут кстати, что для всякого артиста наступает время и даже право покоя; я хочу только обратить Ваше внимание на тот факт, что нет никакой необходимости писателю непременно жить в своей родине и стараться улавливать видоизменения ее жизни — во всяком случае нет необходимости делать это постоянно; я довольно потрудился на этом поприще — и теперь, почему Вы знаете? может, я намерен приступить к сочинению, которое не будет иметь значения специально русского — а поставит себе цель более обширную? Вы мне ответите, что я хочу только придумать благовидный предлог для моей лени... Но Вы не будете совершенно правы».[186]

Между Иваном Сергеевичем и Е. Е. Ламберт остро стал вопрос о его переселении за границу, и она боролась против этого, разделяя чувство других его русских друзей, видела в этом уклонение от долга. Она только напрасно напирала на то, что Тургенев в своей отповеди называет «эпикурейством», и в чем обвинение оскорбляло его. Приводимые оправдания не очень удовлетворительны: он затушевывает то, что и для него было трагедией — конфликт с родиной; тоже, вероятно, обиженный ее толкованиями (лень, склонность к приятной жизни, эгоизм); но нельзя себе вообразить, чтобы она не понимала рокового момента в

---

* *Прощание* — не скрывает здесь ничего трагического: оно относится к ее отъезду из-за границы, где они виделись. Тургенев только сожалеет об этом.

судьбе друга, не оценила насилие, какое ему приходилось делать над собою, отрываясь от России, — хотя бы это происходило от недостатка стойкости и мужества.

Разногласие в этом коренном вопросе могло причинить Е. Е. Ламберт горькое страдание, но привести к отрицанию друга и разрушить дружбу оно не могло. Она знала все о Тургеневе и была неспособна свести весь его духовный образ к отданию себя в рабство любви и забвению всего остального. Наоборот, ей из его же признаний было известно, какие сложные мотивы заставили его разлучиться с Россиею. Опять же она не могла представлять себе жизнь Тургенева в Бадене как купание в легкомысленных наслаждениях в годы, полные трагического смысла для родины (да и для Европы).* Рассматривать последние 20 лет жизни Тургенева как падение — значит не объяснить тяжелого перелома в его биографии и, в частности, оставить в темноте факт ухода от него гр. Ламберт. Это значит — не расследовать этот факт для освещения решающего момента в существовании Тургенева, но приложить к нему уже составленный односторонний критерий о его личности. Тургенев не выдержал напора давивших на него событий; он отступил, но не пал, — напротив, искал спасения, поддержки, передышки, духовного отдыха, — пусть даже назовем взятый им путь неверным и пагубным.

Много болела душой Е. Е. Ламберт за Тургенева, но бросить его за его недостатки ее бескорыстная дружба не могла. Слишком давние были отношения, слишком упрочилась привязанность: любишь не за одни достоинства, но и несмотря на недостатки, последние не могли уничтожить уважения, покоившегося на твердом фундаменте долгой душевной близости. Если бы она отвернулась от Тургенева по таким побуждениям, она, конечно, была бы не права. В баденские (инкриминируемые) годы переписка продолжалась в тех же тонах. Она признавала большое значение, какое имел Тургенев в ее жизни.** Тургенев прямо объявляет: «Несмотря на всякие разноречия, мы близко стоим друг к другу».[188] Он по-прежнему откровенно делился с нею всеми переживаниями; она (это видно) отвечала ему, как друг. «Двери ее души отворялись ему», как и раньше.***, [189]

На такой точке зрения я стоял, когда перерабатывал для второго издания свою «Историю одной любви».**** Я признавал тогда, что тайна разлуки остается неразгаданною, но считал наиболее вероятным пер-

---

* Под «эпикурейством» Е. Е. Ламберт, возможно, при своем нравственном ригоризме подразумевала любовь к замужней женщине, не могущую окончиться браком.

** См. письмо <от> 28 октября / 9 ноября 1862 г.: «Вы упоминаете о „благодеянии", которое я Вам некогда оказал: уж коли я был такой великий человек, то позвольте мне потребовать себе награду: а именно — Вы никогда не должны допускать даже мысль о забывчивости, когда говорите о моих чувствах к Вам».[187]

*** Письмо <от> 29 апреля / 11 мая 1867 г.

**** На предшествовавших страницах я использовал то, что говорил там (С. 281 и далее) по вопросу для той книги второстепенному, но главному для настоящей и потому подлежащему повторению.

вое из предложенных возможных объяснений. Только в самые последние годы узнал я, что в письмах и воспоминаниях *Александра Кейзерлинга*, изданных его дочерью, заключается конкретный материал о гр. Ламберт, с которою они были в близких отношениях. Ознакомившись с тем, что он рассказывает про нее, я убедился, что предположение оправдывается передаваемыми им фактами о последних годах ее жизни.

Он рассказывает, что она сначала боролась всеми силами с своим горем — после смерти сына, стараясь забыться, то занимаясь управлением своими имениями на юге России и устройством быта крестьян, то отдаваясь напряженной работе для бедных, участвуя в благотворительных учреждениях, — но это не насытило ее энергии и не укрепило душу. Она металась; то оставалась в Петербурге, но, по-видимому, смерть сына уничтожила последнюю связь, остававшуюся между нею и мужем; она ездила за границу, собиралась переехать в Москву, поселялась одна в каком-нибудь провинциальном городе, выбранном наудачу (то в Смоленске, то в Харькове); она заботилась о своих братьях, одному из них подарила свое именье Сокульчу около Киева. Это были только внешние отвлечения, не дававшие мира и покоя, а еще больше возбуждавшие ее.

Сильная натура искала духовного выхода из тяжелых мучений. Ум, чувство и воля обращались к религии; но и здесь она, по-видимому, не нашла спасения для своего духа, потерявшего равновесие. Она впала в мрачный мистицизм, погруженный в жестокое и безысходное ощущение своей греховности. Она выражала исступленную радость, что сыновья ее умерли в юности, потому что иначе они только прибавили бы сумму грехов, тяготеющих на человечестве. Сама она считала себя безусловно погибшею грешницею и страшилась не столько смерти, сколько грозного воздаяния, которое ожидает ее за гробом.

Советником и утешителем ее в последние годы был *архиепископ Серафим*, назначенный в Самарскую епархию.* Она переселилась в Самару, чтобы находиться вблизи от него и пользоваться его назиданиями. Она прожила в Самаре самые последние годы жизни и закончила ее в жестоких страданиях: умерла от рака груди 16 июня 1883 года, т. е. только за один месяц до Тургенева.

Такова картина последних лет Е. Е. Ламберт, какую рисует Кейзерлинг. Если она верна целиком, то получается случай долговременно развивавшегося мрачного религиозного психоза, с которым не справилось здоровое сознание, в который погрузилась душа. Сам Кейзерлинг так и рассматривает душевный недуг несчастной женщины.

Только правильно ли истолковывает он все? Ведь со времени смерти сына до ее смерти прошло двадцать два года. Нельзя себе представить,

---

* В миру Семен Иванович Протопопов (род. 1818 г.), учился в Московской духовной академии, занимал Самарскую кафедру с 1877 по 1891 гг. Образованный богослов, не печатавший сочинений, но знающий и твердый в своих убеждениях, талантливый проповедник и непреклонный характер.

чтобы они все проведены были Е. Е. Ламберт в таком ужасающем состоянии беспросветных мучений.

Прежде всего, заметим, что переписка с Тургеневым продолжалась около шести лет после смерти сына; письма пишутся с обеих сторон реже, но не чувствуется разрушительных душевных конфликтов и ненормального состояния. Она обращается к старому другу с теми же интересами, какие преобладали и раньше в их общении; — она ищет созвучия у него в переживаемом горе.

Е. Е. Ламберт долго крепилась, старалась победить себя, и, может быть, отношения с И. С. Тургеневым замирали потому, что далекий друг оказался не в состоянии ей помочь. Возможно, что ей нужна была религиозная помощь, которой он не мог ей дать, как и другие окружавшие близкие, и она искала такой помощи у представителя церкви. Нашла ли она ее, мы не знаем, но, может быть, Кейзерлинг, в своей спокойной протестантской ортодоксальности, не уразумел характера охватившего ее болезненного религиозного кризиса.

Итак, причина, разъединившая Тургенева и гр. Ламберт, остается не разъясненною до конца. Во всяком случае, отчуждение от Тургенева было последствием общего отчуждения Е. Е. Ламберт от людей, а не результатом разрыва, разочарования или чего-нибудь подобного. Ей не за что было отталкивать Ивана Сергеевича от себя. Может быть, разрешение вопроса кроется в неизвестных нам письмах гр. Ламберт к Тургеневу.

Совсем недавно — скажу в заключение — передо мною явился факт, опять спутывающий только что построенные соображения. Благодаря совсем неожиданной случайности мне на глаза попали копии с группы именно этих неизвестных нам писем гр. Ламберт Тургеневу. Большая часть их относится к 1860-му году (времени расцвета их дружбы); два-три принадлежат к 1861-му и 62-му. Они подтверждают ту картину этой дружбы, какая выносится из писем Тургенева. Но *одно* — помечено *1876-ым годом*. Я не имею пока права и возможности пользоваться этим, быть может, решающим для данного вопроса материалом; но могу сказать, что только что указанное единичное письмо, написанное графинею Ламберт *девять лет* после самых поздних напечатанных и датированных писем к ней, письмо — не носит характера крупного акта *возобновления* надолго прерывавшихся отношений, а звучит просто, как одно из очередных экземпляров переписки, и одушевлено оно таким же дружеским тоном, как и все письма Тургенева.

Значит, не было разрыва, может быть, и большого перерыва в переписке не происходило? Куда же исчезли последующие письма Тургенева от конца шестидесятых и от семидесятых годов? Каково было их содержание, также как и содержание писем гр. Ламберт вообще? Необходимо, чтобы вся их серия была напечатана их владельцами в Париже или — еще лучше — вручена русским исследователям. Нужно постараться отыскать исчезнувшие поздние письма Тургенева, или убедиться, может быть, коллекция, переданная А. Д. Свербеевым в б<ывший> Румянцевский музей, опубликована была не вся.

Еще один нелепый вопрос: почему Тургенев безусловно молчит о гр. Ламберт в последующие годы? Я писал в «Истории одной любви»: ему тяжело было самому потерять общение с нею в дружбе. Может быть, оттого он упорно молчал об их разлуке. Видеть самого Тургенева инициатором ее нет основания. Это отдаление, наверное, было одним из фактов, смущавших его душу в пору лишь относительного успокоения.

Так говорилось в предположении, что произошел по невыясненной причине разрыв или прекращение отношений. Но если никакого разрыва на самом деле не было, а отношения сохранились — и Тургенев продолжал видеться с гр. Ламберт, писать ей письма и получать их от нее? Что же верно? Это важный вопрос для биографии Тургенева и интересная психологическая загадка.

История дружбы И. С. Тургенева и Е. Е. Ламберт остается без конца. Это очень грустно; но и без конца эта полоса в жизни обоих открывается нам в свете привлекательного общения между двумя выдающимися человеческими одушевлениями, которые поняли и полюбили друг друга и много принесли друг другу духовного блага. Только неожиданное и непонятное закрытие прекрасного дружеского диалога, из которого нам пока известен лишь один голос и только отголоски другого, печалит почитателя Тургенева и его биографа.

Дружба эта была крупным фактом во внутренней жизни Тургенева. Помимо того, что она помогала ему жить в трудные времена, в особо острые минуты горя и сомнений, — она была активным органом его творчества. Каким образом? Очень различно. Уже указано, как глубоко (именно глубоко!) переживала она его произведения, часто еще до рождения их в печати. Она была строга, только самая эта строгость действовала как сила, поднимающая и строгость работы над создающимся произведением.* Здесь влияли не только ее слово, впечатления и вкусы. Она сама вся являлась субъектом-сотрудником творчества в беседах, когда Тургенев делился с нею замышлявшимися сюжетами, рисовал вырастающие образы. Она же, помимо своей воли, часто и бессознательно для Тургенева служила ему объектом созидания: через нее он еще глубже узнал женскую природу в ее лучших качествах. Не удивительно, что и богатая ее духовная жизнь, и постоянная внутренняя работа ее над познанием и самопознанием открывала ему в их разнообразном и углубленном общении, важные перспективы при построении взглядов на мир и человека и судьбы их в единстве и вечности. Потерять дружбу Е. Е. Ламберт было для И. С. Тургенева (если она была утрачена в форме разлада, приведшего к разрыву), явилось ему большою бедою, новым горем, которое легло на его испытанную страданиями жизнь. Если же (как я все более склоняюсь думать) ему просто

---

* Кроме одного только случая, когда ее преувеличенный ригоризм чуть-чуть не привел к уничтожению рукописи «Накануне». Но, может быть, и тут, в решительный момент, если бы автор поддался ее внушению, она остановила бы сжигающую руку.

пришлось покориться духовному перелому, в ней совершившемуся, — ее образ остался, наверное, до конца действенною силою в его душе.

[1] и в столкновениях с родиной — *вписано сверху карандашом.*

[2] Точное время знакомства Тургенева с Е. Е. Ламберт не установлено и относится исследователями приблизительно к первой половине 1856 г. Г. П. Георгиевский предположил, что «самое знакомство с графиней состоялось лишь в конце его (Тургенева. — *В. Л.*) пребывания в Петербурге, незадолго до отъезда в Спасское» (*Георгиевский.* С. X), состоявшегося 3 (15) мая. Косвенное предположение Георгиевского подтверждается свидетельством самой гр. Ламберт, вскользь упомянувшей в первом письме к Тургеневу от 24 мая (5 июня) 1856 г. о том, что они виделись за все время непродолжительного знакомства «не более пяти раз» (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 149).

[3] *Ревель* (с 1917 г. Таллин) — в XIX в. губернский город Эстляндской губернии, военный и торговый порт. Семья Ламбертов неоднократно отдыхала в Ревеле, где у них был свой дом.

[4] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 92.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 92—93.

[7] Там же. С. 93. В ответном письме от 24 мая (5 июня) 1856 г. гр. Ламберт писала: «Я бы приняла Ваш совет заняться Пушкиным хоть бы для того, чтоб иметь с Вами что-нибудь общее — но Бог знает, что мне ничего не следует читать, кроме Акафиста. В душе моей часто бывает темно. Мне нужен свет — его найду я в песнях, сложенных простыми умами, но вдохновенным сердцем или самим Богом. Пушкин — человек, он пробуждает лишь одни страсти — не потому ль его любят женщины и поэты? — В нем есть жизнь, любовь, *тревоги,* воспоминания. Я боюсь огня» (Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 150—151).

[8] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 93.

[9] Там же.

[10] *Рядом карандашом приписано*: м<ожет> б<ыть>, дополнить.

[11] Гр. Ламберт родилась в 1821 г.

[12] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 64.

[13] военную — *вписано карандашом.*

[14] Основанный в 1817 г. по указу императора Александра I, *Ришельевский лицей* был назван в честь генерала-губернатора Одессы и Новороссийского края (1803—1814) герцога Армана Эммануэля Дюплесси де Ришелье (1766—1822), инициативе которого обязан своим существованием, и стал первым высшим учебным заведением в Одессе (в 1862 г. преобразован в Новороссийский университет). По свидетельству Н. Н. Мурзакевича, после открытия Лицея в 1818 г. «дети петербургских влиятельных фамилий, богатых русских помещиков, родовитых поляков с разных сторон явились в Одессу» (см.: Записки Н. Н. Мурзакевича // *РСт.* 1887. Т. 53. № 2 (Февраль). С. 290). Среди первых воспитанников Ришельевского лицея был и граф И. К. Ламберт, вместе с ним учились князья Дмитрий и Григорий Волконские (сыновья Петра Михайловича), «графы Э. и А. *Сен-При*, графы *Бутурлины*, гр. *Долан*, гр. *Девиер*, гр. *Латур*, гр. *Рошфор*, сыновья генерала *Рудзевича*, князья *Четвертинские*, короче — все, что могло платить до 2000 асс<игнациями> в год за воспитание каждого сына (таких набралось до 129 мальчиков) <...>» (Там же). После окончания Ришельевского лицея в 1823 г. И. К. Ламберт был перевезен из Одессы в Санкт-Петербург и определен в Лицейский благородный пансион, размещенный в Царском Селе, который закончил в 1828 г. (X выпуск).

[15] *Венгерская кампания* — интервенция Австрии и России против революционной Венгрии в 1848—1849 гг., в период революционного подъема в Европе.

[16] *Сверху карандашом вписано*: а также сословно-классовых отношен<ий>.

[17] Речь была прочитана В. О. Ключевским с сокращениями на публичном заседании Общества любителей российской словесности 1 февр. 1887 г. Впоследствии переиздана:

Ключеский В. О. Сочинения: В 8 т. М., 1956. Т. 7: Исследования, рецензии, речи (1866—1890). С. 403—422.

[18] Имеется в виду статья: *Иванов-Разумник <Иванов Р. В.>*. «Евгений Онегин» // *Пушкин А. С.* Соч. СПб., 1909. Т. 3. С. 205—234.

[19] *Гапсаль* (с 1917 г. Хаапсалу) — в XIX в. уездный город Эстляндской губернии, славившийся своими морскими купаниями и грязями; расположен на побережье Балтийского моря, в северо-западной части современной Эстонии.

[20] в тесной — *вписано чернилами.*

[21] Образованный на основе коллекций и библиотеки, собранных гр. Н. П. Румянцевым, *Румянцевский музей* с 1862 по 1925 гг. существовал в Москве, куда был перевезен в 1861 г. из Петербурга. Состоял из трех отделов: в первом были собраны произведения русской и западноевропейской живописи, во втором — русские и западноевропейские гравюры; в третьем (этнографический, т. н. Дашковский музей) — коллекции русских путешественников И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского, а также частные коллекции, подаренные Румянцевскому музею. После ликвидации музея письма И. С. Тургенева к Е. Е. Ламберт попали в Отдел рукописей Библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ныне *РГБ*).

[22] Речь идет о кн.: *Мазон А.* Парижские рукописи И. С. Тургенева / Пер. с франц. Ю. Ган. Под ред. Б. Томашевского. М.; Л., 1931. 259 с.

[23] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 138.

[24] Там же. С. 105.

[25] Там же. С. 106—107.

[26] Тургенев выехал за границу 21 июля (2 авг.) 1856 г. (см.: *Летопись (1818—1856).* С. 339).

[27] Строки из стихотворения Ф. Шиллера «Die Ideale» («Идеалы», 1795). Перевод принадлежит И. М. Гревсу. Ср. перевод Жуковского («Мечты»): Ты, Дружба, сердца исцелитель, / Мой добрый гений с юных лет (*Шиллер Ф.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1955. Т. 1. С. 185).

[28] В собственном деревянном особняке на Фурштатской Е. Е. и И. К. Ламберт поселились в 1849 г. и прожили там до 1863 г. Дом не сохранился, на его месте архитектором К. К. Циглер фон Шафгаузеном вскоре был построен большой доходный дом (современный адрес — ул. Фурштатская, № 27/17/26). О приблизительном местоположении деревянного особняка Ламбертов см.: *Дубин А.* Фурштатская улица. М.; СПб., 2005. С. 106.

[29] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 43.

[30] Очевидно, имеются в виду следующие строки из письма Тургенева от 27 марта (8 апр.) 1859 г.: «Все эти дни я часто вспоминал о маленькой комнате в Фурштатской улице и о вечерах, мною проведенных там… Оказывается, что эти воспоминания — лучшее, что я вынес из петербургской жизни» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 28).

[31] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 160 (письмо от 16 (28) февр. 1860 г.).

[32] Там же. С. 73.

[33] Там же. С. 146.

[34] Там же. С. 122 (письмо от 9 (21) дек. 1859 г.).

[35] Гревс перефразирует следующие слова Тургенева из письма от 6 (18) июля 1863 г.: «Продажа Вашего дома, которую я вполне понимаю, смутила меня в том отношении, что **я не могу связать теперь с мыслью об Вас никакого „гнезда"** <…>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 194; выделено мною. — *В. Л.*).

[36] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 271.

[37] Там же. С. 268.

[38] Там же. Т. 5. С. 143.

[39] Там же. Т. 4. С. 161.

[40] Там же. С. 254.

[41] Там же. С. 192.

[42] Там же. С. 187.

[43] Там же. Т. 7. С. 193, 194.

[44] Заключительные слова из XXV главы романа, см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 6. С. 79.

[45] Имеются в виду следующие строки из письма Тургенева от 31 окт. (12 нояб.) 1860 г.: «Мне непременно нужно хотя два раза в месяц увидать Ваш симпатический, правильный почерк (заметьте, я говорю: правильный, а не спокойный — и у Вас душа правильная — но не спокойная)» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 255).

[46] Усеченная цитата из второй части «Фауста» Гёте: «Zum höchsten Dasein immerfort zu streben» — «Безостановочно к бытию высочайшему стремиться» (ст. 4685, сцена «Красивая местность»). Ср. в переводе Н. А. Холодковского: «И к жизни высшей бодрое стремленье» (сцена «Живописная местность»).

[47] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 143.

[48] Там же. Т. 4. С. 63—64. Письмо датируется серединой июля ст. ст.

[49] Там же. С. 150.

[50] Там же. С. 88—89.

[51] Там же. С. 89.

[52] Там же. Т. 5. С. 77.

[53] Там же. Т. 3. С. 282—283.

[54] Там же. Т. 4. С. 150.

[55] Там же. С. 146.

[56] Речь идет о следующем фрагменте из письма Тургенева от 28 нояб. (10 дек.) 1860 г.: «Прежде чем отвечать на ваши два большие и прелестные письма, милая графиня, позвольте попенять Вам (хотя это слово отзывается неблагодарностью) за следующую фразу в Вашем письме <…>. Как будто Вы не знаете, что я был бы счастлив, получая от Вас по два письма в день — и что мое предложение было единственно внушено желанием быть скромным и не утруждать Вас слишком!» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 267). Письма гр. Ламберт, которые упоминает Тургенев, не сохранились.

[57] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 72.

[58] Там же. С. 272.

[59] Там же. С. 349.

[60] Там же. С. 360.

[61] Там же. С. 366.

[62] Там же. С. 325.

[63] Там же. С. 64.

[64] Там же. С. 241. Письмо от 21 сент. / 3 окт. 1860 г.

[65] Здесь контаминированная цитата из нескольких писем Тургенева; первая часть: «мы оба с Вами уже немногого ждем для себя (середина июля ст. ст. 1859; Там же. Т. 4. С. 64), вторая: «Нам обоим не совсем легко жить на свете <…> (31 окт. /12 нояб. 1860. Там же. С. 254).

[66] Видоизмененная цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» (1839): «В минуту жизни трудную, / Теснится ль в сердце грусть…».

[67] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 73.

[68] Там же. С. 254.

[69] Там же. Т. 6. С. 46.

[70] Там же. Т. 5. С. 27—28. Тургенев откликается здесь на исполненное горечи письмо графини Ламберт от 21 февр. (5 марта) 1862 г., в котором она признавалась: «...я заметила какое-то разъединение меж нами, точно мое горе (смерть единственного сына. — *В. Л.*) стало между нами стеной, точно Вы со мной уже обращаться не умеете. — Вы перестали писать — я на Вас не сердилась и даже не сомневалась в теплом участии Вашем ко мне, но я поняла, что на Вас — человека, преисполненного жизнью земной, — смерть, гроб, ладан, черные покровы наводят такое тяжелое впечатление, что Вы чувствуете одну потребность невольно удалиться от печального зрелища после нескольких слов сожаления и участия» (Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 154).

[71] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 29.

[72] Речь идет о следующем фрагменте из письма Тургенева: «С Вашей точки зрения, за мною две большие вины: первая — отсутствие… ортодоксии; вторая — удаление из

родины, происходящее от желания эпикурейской жизни — от эгоизма одним словом» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 6. С. 45—46).

[73] Там же. Т. 4. С. 123. Письмо от 12 (24) дек. 1859 г.

[74] Там же. С. 28—29.

[75] Там же. С. 29.

[76] Имеются в виду следующие фрагменты из писем Тургенева: «Вот Вам исповедь человека, который не „сирена" увы!... не „тигр" и не „белый медведь", а просто старик <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 64; ср.: *Георгиевский.* С. 37. Письмо 16), а также: «Это мне напоминает те вечера, когда Вы то *тигром* меня считали, то селадоном, и всё за слова» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 184; ср.: *Георгиевский.* С. 68. Письмо 37).

[77] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 213.

[78] Здесь контаминированная цитата из следующих двух фрагментов письма Тургенева от 10 (22) июня 1856 г.: «Позволение ехать за границу меня радует... и в то же время я не могу не сознаться, что **лучше было бы для меня не ехать**» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 106; выделено мною. — *В. Л.*) — и ниже: «Впрочем, на словах-то мы все мудрецы: а первая попавшаяся глупость пробежи мимо — так и бросишься за нею в погоню» (Там же. С. 107).

[79] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 245.

[80] Там же. С. 269.

[81] Там же. С. 283.

[82] Там же.

[83] Там же. Т. 4. С. 64.

[84] Там же. Т. 5. С. 123.

[85] Там же. Т. 4. С. 241.

[86] Там же. С. 268.

[87] Там же. Т. 5. С. 128—129.

[88] Источник цитаты не установлен.

[89] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 296.

[90] Там же. Т. 4. С. 388.

[91] Рассмотрению вопроса о месте религии в жизни Тургенева посвящено отдельное исследование Гревса «Религиозная драма Тургенева (Опыт истории души)». «Предметом настоящей работы, — писал он во введении, — я избираю *религиозное начало* в личности Тургенева. Предуказуя форму, в которую выливалось это начало в истории его души, я называю свою книгу *религиозною драмою* в жизни Тургенева. Вся его жизнь слагалась из длительного переплетения сурово-драматических процессов — *трагедии любви*, *трагедии родины*, *трагедии творчества* и *трагедии веры*. <...> С первого взгляда кажется, что Тургенев как раз неподходящий объект для постановки по отношению к нему религиозной проблемы, по крайней мере, в положительном смысле. Все привыкли считать его человеком *безрелигиозным*. При этом устанавливаемые формулы разнообразились. Одни признавали его научным *позитивистом*, равнодушным к религии, относящимся к ней лишь как к предмету изучения, а не задаче жизни, — или считающим, что наука разрешит силою разума и то, что до сих пор считалось подведомственным только вере. Другие характеризовали его как *агностика*, спокойно отвечающего на вопрос об абсолюте: не знаю, и не ищущего такого знания, и к вере не стремящегося. Третьи доходили даже до определения его как *атеиста*. Но этот общераспространенный взгляд на великого писателя ошибочен: Тургенев, наоборот, представляется замечательно интересным сюжетом для выяснения *индивидуальной религиозности*» (*ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 237. Л. 6—7).

[92] Среди ранних работ, затрагивающих проблему религиозности Тургенева, которые привлекли внимание И. М. Гревса, можно назвать: *Аммон Н. И.* «Неведомое» в поэзии Тургенева // Журнал министерства народного просвещения. 1904. № 4 (Апрель). С. 240—294; *Андреева А.* «Призраки» как исповедь И. С. Тургенева // *ВЕ.* 1904. № 9 (Сентябрь). С. 5—22; *Орловский С. <Шиль С. Н.>* О религиозных исканиях Тургенева // *Р Мысль.* 1911. № 9 (Сентябрь). С. 82—105; *Степанов М.* Религия русских писателей.

Саратов, 1913. Вып. 3: И. С. Тургенев. 18 с. Как отмечал сам ученый, «чаще стали затрогиваться эти темы в последние годы, специально в изданиях, вышедших в связи с столетием со дня рождения Ив<ана> С<ергееви>ча» (*ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 237. Л. 10), среди них: *Петровский М. А.* Таинственное у Тургенева // Творчество Тургенева. Сб. ст. / Под ред. И. Н. Розанова, Ю. М. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 70—97; *Локс Р. Г.* Вера и сомнения Тургенева // Там же. С. 93—114; *Габель М. О.* «Песнь торжествующей любви» (Опыт анализа) // Творческий путь Тургенева. Сб. ст. / Под ред. Н. Л. Бродского. Пг. 1923. С. 202—225; *Лаврецкий А.* Тургенев и Тютчев // Там же. С. 244—276; *Фишер Вл.* Таинственное у Тургенева // Венок Тургеневу. 1818—1918. Сб. ст. Одесса, 1918. С. 91—104 и др.

[93] *ПССиП(1). Письма.* Т. 10. С. 31—32.

[94] По всей видимости, имеется в виду фрагмент из «Воспоминаний о Белинском» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 26—27).

[95] Имеются в виду следующие строки: «Вы напрасно думаете, что я не откликнусь; я хоть и неверующий, а похристосоваться с Вами очень рад: самая мысль об этом мне приятна» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 11. С. 248).

[96] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 51; выделено Гревсом — *Ред.* У Гревса изначально в тексте письма Тургенева вместо немецкого оригинала дан русский перевод (Н. А. Холодковского) из «Фауста».

[97] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 382.

[98] Там же. Т. 3. С. 107.

[99] Там же. Т. 4. С. 98.

[100] Там же. С. 387. Ср.: *Георгиевский.* С. 141.

[101] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 387.

[102] Там же. С. 282.

[103] Там же. Т. 5. С. 129.

[104] Там же. Т. 3. С. 214. Речь идет об издании «Повестей и рассказов» Тургенева в трех частях, которое вышло в свет 3 (15) нояб. 1856 г. и было, очевидно, передано графине Ламберт по поручению писателя.

[105] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 245.

[106] Повесть «Ася» была вчерне окончена 15 (27) нояб. 1857 г., а уже в конце ноября Тургенев отправил рукопись в «Современник». В письме от 22 дек. 1857 г. (3 янв. 1858 г.) писатель просил Е. Е. Ламберт ознакомиться с текстом «Аси» в рукописи, которую ей должен был доставить П. В. Анненков, и «сказать свое мнение» об «этой небольшой повести» до ее опубликования в журнале, однако, по всей видимости, графиня не успела ознакомиться с рукописью.

[107] Имеются в виду следующие строки из письма Тургенева: «Я теперь занят другою, большою повестью, главное лицо которой — девушка, существо религиозное; я был приведен к этому лицу наблюдениями над русской жизнью; не скрываю себе трудности моей задачи, но не могу отклонить ее от себя» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 283).

[108] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 28.

[109] Там же. С. 28, 65. О том же Тургенев писал гр. Ламберт 9 (21) окт. 1859 г.: «Я теперь работаю весьма прилежно над моей новой повестью, которая, если Вы найдете ее хорошей, разумеется, будет посвящена Вам».

[110] Там же. С. 91.

[111] *Трубецкая Анна Андреевна* (урожд. гр. Гудович; 1819—1882), княгиня, жена Н. И. Трубецкого. Тургенев гостил у нее в Бельфонтене 21—25 июля (2—6 авг.) 1859 г.: «...теперь я нахожусь в гостях у княгини Трубецкой (матери княгини Орловой) — очень доброй и милой, хотя несколько эксцентрической женщины. У меня отдельная комнатка в отдельном флигеле, и я много работаю над новым моим романом» (Там же. Т. 4. С. 72). О том же он сообщал в письме к А. Фету от 22 июля (3 авг.): «...а теперь я живу у кн<язя> Трубецкого, в доме, окруженном прекрасным садом и великолепным Фонтенеблонским лесом» (Там же. С. 70).

[112] Имеются в виду следующие строки из письма Тургенева: «Если у меня не будет опять болеть горло, как в прошлом году, я вам прежде всех других прочту мой роман в Петербурге» (Там же. С. 73).

[113] Тургенев отправил рукопись романа графине 30 нояб. (12 дек.) 1859 г. (Там же. С. 116).

[114] Там же. С. 118—119 (письмо от 3 (15) дек. 1859 г.).

[115] См. также: *Анненков П. В.* Шесть лет переписки с И. С. Тургеневым. 1856—1862 // Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 434.

[116] «В течение недолгого нашего разговора с автором, — вспоминал впоследствии П. В. Анненков, — мне все казалось, что уничтожения романа не желал и он сам (Тургенев. — *В. Л.*), что он обратился к постороннему человеку с целию иметь третье, не заинтересованное в деле лицо, на которое можно бы было при случае сослаться» (*Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 434).

[117] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 161.

[118] По мнению П. В. Анненкова, «с появлением „Накануне" начались для Тургенева серьезные неприятности и прежде всего формальный разрыв с издателями „Современника"», вызванный в первую очередь не «разностью мнений», а отказом «Тургенева отдать в журнал новую свою повесть» и намерением «прекратить вообще свои вклады в него» (см.: *Анненков П. В.* Литературные воспоминания. С. 434—436).

[119] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 227.

[120] Там же. С. 254.

[121] Речь идет о следующих строках из письма Тургенева от 28 нояб. (10 дек.) 1860 г.: «...я много работаю — и написал уже около трети большой повести, которую Анненков вам прочтет в рукописи, как только она будет готова <...>» (Там же. С. 268).

[122] Там же. С. 346.

[123] Там же. С. 355.

[124] Гревс здесь перефразирует следующие строки из письма Тургенева: «...если Вам попадется февральский номер „Русского вестника", пробегите мою повесть, которая, помнится, так мало Вам понравилась в рукописи» (Там же. Т. 5. С. 28). Рукопись романа Тургенев давал графине Ламберт 1 (13) сент. 1861 г., но, судя по воспоминаниям М. А. Паткуль, сам прочитал им роман вслух (см.: Воспоминания Марии Александровны Паткуль, рожденной маркизы де Траверсе, за три четверти XIX века. СПб., 1903. С. 156).

[125] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 28—29.

[126] Там же. С. 76—77.

[127] Там же. С. 195.

[128] Там же. Т. 7. С. 112.

[129] Там же. С. 194.

[130] Имеется в виду следующее признание Тургенева из очерка «Вместо вступления», открывающего собою цикл «Литературных и житейских воспоминаний»: «Мне необходимо нужно было удалиться от моего врага затем, чтобы из самой моей дали сильнее напасть на него. В моих глазах враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил всё, против чего я решился бороться до конца, с чем я поклялся никогда не примиряться... Это была моя аннибаловская клятва; и не я один дал ее себе тогда. Я и на Запад ушел для того, чтобы лучше ее исполнить» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 9).

[131] Речь идет о статье Л. П. Гроссмана «Ранний жанр Тургенева: Приемы композиции „Записок охотника"», впервые опубликованной в составе 2-го номера альманаха «Свиток» литературного общества «Никитинские субботники» (М., 1922. С. 99—114). В библиотеке Н. К. Пиксанова, хранящейся в *ИРЛИ*, находится отдельный оттиск этой статьи с дарственной надписью автора: «Дорогому Николаю Кириаковичу Пиксанову. Л. Гроссман. 28. VIII. <1>922» (№ 5248). Впоследствии статья в доработанном виде и без подзаголовка вошла в собрание сочинений Гроссмана: *Гроссман Л.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1928. Т. 3: Тургенев. Этюды о Тургеневе — Театр Тургенева. С. 38—63. В этой работе Гроссман отстаивал «глубоко *литературный* характер истории зарождения и написания „За-

писок охотника", чтоб навсегда распрощаться с господствовавшей долгое время легендой о их главной задаче — борьбе с крепостным правом» (С. 42). По его мнению, «факты решительно опровергают» свидетельство самого писателя об аннибаловой клятве, поскольку «в конце 40-х годов Тургенев уехал за границу по целому ряду многообразных и сложных причин: и любовь к Европе, и желание учиться, и вечно присущая ему потребность умственной и культурной жизни, и, наконец, личные причины — увлечение его Виардо — вот что преимущественно влекло его на запад» (С. 43). В своей статье Гроссман неоднократно подчеркивает, что, работая над «Записками охотника», писатель был «всецело поглощен разрешением поставленных литературных проблем и, по обыкновению, совершенно свободен от публицистики», а потому эти рассказы, как и прочие создания Тургенева «создавались органически, неизбежно и просто, „как растет трава"» (С. 44).

[132] По всей видимости, речь идет о книге Гревса «Спасское и Россия в творчестве Тургенева (Очерки по истории его миросозерцания)».

[133] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 270.

[134] *Было*: содержания.

[135] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 283—284.

[136] В *РСт* Записка была опубликована под заглавием «Иван Сергеевич Тургенев в эпоху трудов по крестьянскому вопросу, 1858 г.». См. также: *ПССиП(2). Соч.* Т. 12. С. 351—358; 688—690. Сам Тургенев впоследствии в письме к А. В. Головнину (от 19 (31) янв. 1881 г.) так вспоминал об обстоятельствах ее написания: «...Вы возобновили в моей памяти ту зиму, которую я прожил в Риме с 1857-го на 1858-й г. вместе с князем Львовым, с кн. Черкасским, В. П. Боткиным, гр. Н. Ростовцевым и другими соотечественниками... Первые вести о намерении правительства освободить крестьян застали нас в Риме — и мы, под влиянием этих вестей, устроили сходки, на которых обсуждались все стороны этого жизненного вопроса, произносились речи <...>, наконец, возникла мысль основать тот журнал, о котором я говорю в моей записке. Помнится, я прочел ее на одной из наших сходок; ее одобрили — но кому я ее передал — не знаю; не знаю также, как она попала в Ваши руки. Если я не ошибаюсь, кн. Черкасский взял ее с собою с намерением представить ее на рассмотрение предержащих властей; но всё это было найдено „рановременным", как выражались в ту эпоху; да и впоследствии программа предполагаемого журнала не была вполне осуществлена» (*ПССиП(1). Письма.* Т. 13. Кн. 1. С. 43—44).

[137] *ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 284.

[138] Из стихотворения А. А. Фета «Тургеневу» («Прошла зима, затихла вьюга...»), впервые опубликованного в *БдЧ* (1859. Т. 153. № 1. С. 51); см.: *Фет А. А.* Собр. соч. и писем: В 20 т. СПб., 2002. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 1839—1863. С. 305. Писатель откликнулся на присланное ему стихотворение в письме от 26 февр. (10 марта) 1858 г.: «Присланные Вами стихи очень лестны и очень милы» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 303).

[139] В этом письме Тургенев сообщал: «Я на днях еду в Орел — присутствовать, если возможно, на заседаниях комитета <...>» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 28. Имеется в виду образованный летом 1858 г. Орловский губернский комитет для составления проекта положения об улучшении и устройстве быта помещичьих крестьян, в который Тургенев не вошел. О результатах выборов и своих впечатлениях от них он сообщил, в частности, в письме к кн. В. А. Черкасскому от 9 (21) июля 1858 г.: «На другой же день после моего приезда я поскакал в Орел в надежде застать там комитетские выборы; но они уже были кончены — весьма скверно, как оно и следовало ожидать: благородное дворянство выбрало людей самых озлобленно-отсталых — и едва ли не единственным представителем прогресса в орловском комитете — как и в других комитетах — будет лицо, назначенное правительством — а именно Ржевский. В странное время мы живем!» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 3. С. 328).

[140] Там же. Т. 4. С. 295—296.

[141] Гревс перефразирует следующие слова из письма Тургенева от 1 (13) апр. 1861 г.: «Милая графиня. Вы совсем замолкли — а я ожидал, что именно теперь-то Вы и будете писать мне» (Там же. С. 314).

[142] *Далее было*: были.
[143] *Было*: связывались с.
[144] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 326—327. Письмо от 21 мая (2 июня) 1861 г.
[145] Там же. С. 326.
[146] Там же. С. 345.
[147] *Было*: беспорядки.
[148] См.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 87.
[149] Там же. *Письма.* Т. 5. С. 76.
[150] Там же.
[151] Там же. С. 118. Письмо от 7 (19) окт. 1862 г.
[152] Там же. Т. 4. С. 125. Письмо от 12 (24) дек. 1859 г.
[153] *Яков Иосифович Ламберт* скончался 3 (15) нояб. 1861 г. в возрасте 17 лет. В своей записке к Тургеневу графиня писала: «Иван Сергеич! Я потеряла дорогого единственного сына — и я радуюсь тому, что его кончина была тихая и светлая — он отлетел в лучший мир, оставив по себе именно — вечную память» (*Granjard.* P. 160). По свидетельству К. Ф. Головина, близко знавшего Я. И. Ламберта и его мать, «это был необыкновенно отзывчивый, милый и остроумный юноша». Головин познакомился и «по-настоящему подружился» с ним в 1859 г., когда Я. И. Ламберт (вместе с гр. Н. А. Адлербергом и гр. С. Д. Шереметевым) входил в число ближайших товарищей великого князя Николая Александровича (см.: *Головин К. Ф.* Мои воспоминания: В 2 т. СПб., 1908. Т. 1. С. 36). «Более способного юноши, — писал о Я. И. Ламберте Головин, — я не видал, до того быстро и легко он схватывал любой предмет, усваивал себе любую мысль. Это была необыкновенная смесь остроумия и доброты. Следующую зиму я часто с ним видался, и вечера, когда я к нему ездил — Ламберты жили тогда на Фурштадтской улице, в просторном деревянном доме, которого давно уже нет и следа — были самыми веселыми моими вечерами. В этом доме материнская власть чувствовалась вполне. Граф, отец Яшин, был очень любезным, но и очень бесцветным кавалерийским генералом. Зато мать его была женщина замечательного ума, твердого и тонкого в то же время; на свою наружность она не обращала никакого внимания; оттого и гостиная ее, и наружность оставляли желать многого. Зато это была вполне выдающая гостиная, в которой рядом с хозяйкой можно было часто встретить двух других женщин выдающегося ума — княгиню Н. А. Багратион и С. Я. Веригину. Первая была живым контрастом графини, столь же худощавая, как та была полна. Современный Петербург не представляет ничего подобного утонченной культуре этих трех женщин, не пропускавших ничего из новых веяний в мире искусства и прекрасно знакомых со всей историй искусства прошлого» (Там же. С. 38—39). Я. И. Ламберт был похоронен в Петербурге на кладбище Новодевичьего монастыря. Присутствовавший на отпевании Головин вспоминал: «...Яши Ламберта не стало. Что его так рано свело в могилу, теперь не помню, — крепким здоровьем он вообще не отличался. Живо помню, как плакала вся церковь, когда кончалось отпевание, и тогдашний наш парижский священник — о. Иосиф Васильев, приехавший на время в Петербург, произнес надгробное слово, в котором горячо и правдиво обрисовал нравственный облик милого нам всем молодого покойника. Не плакала одна его мать. На то она была слишком убита горем» (Там же. С. 71).
[154] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 382.
[155] Как следует из переписки с гр. Ламберт, Тургенев неоднократно встречался в Париже с ее братом — графом *Валерианом Егоровичем Канкриным* (1820—1861). В. Е. Канкрин воспитывался в Пажеском корпусе, начал службу в 1838 г. прапорщиком л.-гв. Измайловского полка. В 1840 г. принимал участие в военных действиях на Кавказе (за отличие в деле при Валерике получил орден св. Анны 4 ст.), участвовал в Венгерской кампании 1849 г., а также в Восточной войне, во время которой за отличие в деле у Селен-Сак в 1855 г. награжден золотой саблей с надписью «за храбрость». С 1856 г. генерал-майор, в апр. 1859 г. назначен исправляющим должность генерал-криге-комиссара Военного министерства (см.: *Половцов А. А.* Русский биографический словарь: В 25 т. Т. 11. С. 447). Вспоминая о последнем назначении В. Е. Канкрина, Д. А. Милютин писал: «Затем во

главе хозяйственных департаментов — Комиссариатского и Провиантского состояли: генерал-майор свиты граф Валериан Егорович Канкрин и статс-секретарь тайный советник Петр Александрович Булгаков. Первый был сын знаменитого нашего министра финансов времен Императора Николая I-го, этим только и можно объяснить выбор его на должность „генерал-кригс-комиссара". Он отличался чрезвычайною тучностию, славился как bon vivant и ничем не проявлял своих административных способностей. Комиссариатский департамент был самый расстроенный во всем министерстве и более всех других озабочивал генерала Сухозанета, который журил и пилил графа Канкрина; но совершенно вотще, так как ни граф Канкрин, ни сам генерал Сухозанет не были в силах привести в порядок запутанные дела обширной комиссариатской части» (*Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860—1862 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 1999. С. 26). В. Е. Канкрин скончался в Париже 29 окт. (10 нояб.) 1861 г. после тяжелой болезни, похоронен на Смоленском евангелическом кладбище в Петербурге. Жена В. Е. Канкрина — Ольга Александровна, баронесса Сталь фон Гольштейн (1837—1889).

[156] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 382. В ответном письме к Тургеневу от 23 нояб. 1861 Е. Е. Ламберт сообщала подробности прощания с братом В. Е. Канкриным: «Похоронили мы сегодня жалкого брата, много говорили мне об его страданиях — никогда бы не могла представить себе, в какой степени они были невыносимы, если б Ольга (жена В. Е. Канкрина. — *В. Л.*) не прислала фотографию, снятую с покойника. Какое выражение грусти беспредельной и страданья — на этом изнуренном лице: эти волосы, эта борода и усы, как бы поблекшие от смерти, падающие на сжатые губы, эти впалые щеки и виски, этот тонкий нос, как бы заостренный ножом — навзрыд заревела я как бык перед этим зрелищем, который растерзал всю мою душу. — Предстал он перед Богом — лежит под его сильною десницей это колоссальное — ныне бренное тело. — Тем был хорош и достоин прощенья брат Валериан, что не было в нем гордости — ни земной, ни духовной. <...> Мне очень нравится реформатская церковь, простая, чистая, скромная. Пастор говорил очень хорошо, вовсе не о достоинствах покойника (что меня обыкновенно возмущает), а просто о смерти, о Боге, о наших загробных отчетах перед Правосудием — о надежде на милость перед вечной милостью. Именно добрый человек — душа-человек был Валериан, несмотря на все его недостатки; как много народа толпилось на его похоронах — иного важного сановника, министра, могущего многим сделать добра и зла, так не провожают к последнему жилищу» (*Granjard.* P. 163).

[157] *ПССиП(2). Письма.* Т. 4. С. 383.

[158] Там же. С. 387.

[159] В письме гр. Ламберт от 21 февр. (5 марта) 1862 г., на которое отвечает Тургенев, этого выражения нет (см.: Три письма графини Е. Е. Ламберт к И. С. Тургеневу. С. 154—155). Очевидно, писатель здесь перефразирует стих Лермонтова из «Мцыри»: «Он встретил смерть лицом к лицу» (см.: *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 416. Коммент. Е. М. Хмелевской и Н. А. Хмелевской).

[160] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 28.

[161] Там же. Т. 4. С. 324.

[162] Там же. С. 327.

[163] Там же. С. 342.

[164] Там же. С. 346.

[165] Там же. Т. 6. С. 48.

[166] Там же. Т. 5. С. 128.

[167] Там же. С. 129.

[168] Там же. Т. 4. С. 158.

[169] Там же. С. 324.

[170] И. М. Гревсу осталось неизвестным упоминание о гр. Ламберт в письме Тургенева к Полине Виардо 1871 г. (см. преамбулу к наст. публикации, примеч. 21),

[171] Тургенев выехал из Спасского 31 июля (12 авг.) 1862 г., провел несколько дней в Москве, после чего направился в Петербург, а уже 4 (16) авг. выехал в Баден-Баден.

[172] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 118.

[173] Там же. С. 128.

[174] Там же. С. 296.

[175] Речь идет о письме от 6 (18) июля 1863 г., в котором Тургенев писал: «И сказать нельзя, милая графиня, как же давно я собираюсь к Вам писать — так давно, что, пожалуй, мое письмо Вас уже не найдет более в Петербурге. Так и быть, всё же лучше поздно, чем никогда — хотя Вы мне не сообщаете Вашего нового адресса; но я пишу на имя Вашего мужа в Царское Село. Я даже не могу себе представить, где Вы теперь? Совершили ли желанную Вами поездку к Троице?» (Там же. Т. 5. С. 194).

[176] Там же. Т. 6. С. 72.

[177] Там же. Т. 7. С. 25. Выделено Гревсом. — *В. Л.*

[178] Там же. С. 80.

[179] См.: В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка. 1851—1869. М.; Л., 1930. С. 251—252.

[180] Имеется в виду *Дмитрий Иванович Шаховской*, с которым И. М. Гревс вел оживленную переписку и обсуждал практически все свои замыслы.

[181] Здесь И. М. Гревс объединил фрагменты из двух писем Д. И. Шаховского: от 12 янв. и от 22 янв. 1928 г. (упоминание об этом сохранилось в первоначальном варианте очерка, датируемого 1928 г.; см.: *ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 1. № 239). В письме к Гревсу от 12 янв. Шаховской, откликаясь на известие о грядущем переиздании книги «История одной любви. И. С. Тургенев и Полина Виардо», писал: «Но я скажу тебе, что второе издание Виардо требует и более радикальной переделки. Можно в нем отбросить много полемики и поглубже и не столь хвалебно заглянуть в душу Тургенева и в историческую обстановку. Совсем недаром прекратила переписку с ним гр. Ламберт. *Он обманул ее ожидания. Он изменил себе.* И потерял для нее высший интерес. И эту страшную истину ты должен иметь смелость осознать. Потому что устройство замка в Баден-Бадене, право же, знаменует падение. Оно было подвигом для Пича, для него это было понятно и похвально, поэтому он и оставался дорогим корреспондентом Тургенева, но для соотечественников Тургенева это было *непостижимо* — и по справедливости, а не по их невежеству. Тебе предстоит это объяснить, но ты ничего никому не объяснишь, если будешь стремиться *во что бы то ни стало* оправдать.

Как же ты не понимаешь параллели —

Вяземский — Жорж

Тургенев — Виардо?

Параллель полнейшая! Тургенев был выше Вяземского, поэтому ему реализм в жизни француженки не помешал любить ее строгость в жизни, но он был и ниже Вяземского, подчинившись всецело этому чуждому своей душе элементу из-за того, что в нем было много истинно прекрасного и высокого.

А Жорж Санд независимо от связей с Виардо — она, кстати, способствовала их браку и ценила *его* не только как мужа своей приятельницы — чрезвычайно интересна для исследователя Тургенева по очень многому другому. В ее жизни и натуре есть многое сродни русскому помещичьему быту и с переживаниями р<у>с<ски>х помещичьих душ на переломе к новым условиям. И, может быть, потому они с такой силой в свое время на эти души влияли. А Варв<ара> Дм<итриевна> (Комарова (псевд. Вл. Каренин). — *В. Л.*) такой умный и чуткий человек, что я завидую тебе, думая о предстоящих тебе по этому поводу беседах» (*ПФА РАН.* Ф. 726. Оп. 2. № 334. Л. 143—144).

В следующем «обстоятельном» письме к Гревсу от 22 янв. Шаховской более подробно обозначил свою точку зрения на Тургенева и его отношения с гр. Ламберт: «Тут моя позиция особенная. Я сам р<у>с<с>к<ий> интеллигент — и всю свою жизнь только и делал, что думал и работал над судьбой — своей и того слоя, к к<ото>рому я принадлежал. Поэтому у меня здесь убеждения крепкие и обоснованные. Для меня это такая же специальность, как для тебя средние века, но еще + вся прожитая мною личная жизнь. И я с этой точки зрения смотрю и на Тургенева.

Ты удивляешься, как это я ранее говорил о параллели с Онегиным, а теперь — о параллели с Вяземским. Но ведь я не о равенстве и совпадении говорю, а о параллели. Параллелей может быть бесконечное множество, и каждая имеет свою поучительность сугубую. Потому что он, лично мне, как личность очень несимпатичный, все же один из интереснейших людей 20—50 годов, и обрисованные им впечатления от встречи с Жорж картинно передают многие впечатления, к<ото>рые переживает Тургенев. Но это мелочь. Гораздо существеннее история с Ламберт. Ламберт человек решительно декабристского умонастроения, или, лучше сказать, душевного склада. И из писем Тург<енева> совершенно ясно, что она все время любовалась сильными сторонами писателя и чуткого человека и негодовала на его недостатки и мелочные черты. И она и к самой личности и ко всем сторонам его души и его деятельности никогда не относилась безразлично или поверхностно. Она страстно и *требовательно* любила хорошее и ненавидела, со страстным стремлением их уничтожить, искажающие любимый образ человека отрицательные черты Тургенева. Она вела упорную борьбу… и борьба эта была ей люба и важна, пока она надеялась на успешный исход. Она чрезвычайно *смело* вела эту борьбу. Это удивительно обаятельная особенность их отношений. Но когда она убедилась, что борьба безнадежна, она, может быть, сделав над собой огромное усилие, отвернулась от Тургенева. Поддерживать с ним светские отношения, *обмен впечатлениями* — она не была способна. Она слишком *высоко* его ставила для того, чтобы опуститься до таких мелких отношений. И отец ее, и мать, да, кажется, и муж были люди высокого стиля. И сама она была крупной личностью. И с точки зрения ее — поддерживать банальные отношения с тем, кто мог бы быть властителем дум дорогого ей народа (может быть, и даже наверное, она далеко не достаточно этот народ понимала — может быть, она даже надеялась лучше понять его через Тургенева — и во многом он и давал ей такое лучшее понимание, потому она так и ценила общение с ним), а между тем забавлял переложением довольно глупых немецких сказок царственных посетителей своих друзей — так поддерживать с Тургеневым такие отношения было для нее невозможно. И, прибавлю, она была права.

Конечно, ты, может быть, найдешь письма (гр. Ламберт к Тургеневу. — *В. Л.*) и меня победоносно опровергнешь, но, пока в нашем распоряжении только напечатанные тексты, едва ли ты найдешь достаточно убедительные доводы против моей точки зрения. На этом **пока** *этот* спор можно закончить» (Там же. Л. 154—155 об.). Работая над первым вариантом очерка о Тургеневе и гр. Ламберт, Гревс уже 30 янв. 1928 г. обратился к Шаховскому с просьбой разрешить воспроизвести в нем содержание его писем, на которую 5 февр. Шаховской ответил: «Конечно, согласен на всяческое использование тобой моих мыслей о Тургеневе и Ламберт — с именем или без имени, в подлиннике или пересказе — даже с преувеличением — если без имени, как литературно выйдет лучше» (Там же. Л. 166).

[182] *ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 195.

[183] Там же. Т. 6. С. 45.

[184] Там же.

[185] Там же. С. 46.

[186] Там же.

[187] Там же. Т. 5. С. 129.

[188] Там же. Т. 6. С. 46.

[189] Гревс здесь перефразирует следующие слова из письма Тургенева: «Изо всех дверей, в которые я — плохой христианин, но следуя евангельскому правилу, толкался, Ваши двери отворялись легче и чаще всех других» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 7. С. 193).

А. И. БАТЮТО

ИЗ «ДНЕВНИКА» 1949—1952

Публикация С. А. Батюто

Дневник — с этим понятием мы всегда связываем что-то интимно-личное, не предназначенное для чужих глаз. Всякому, кто занимался публикацией подобных материалов, знакомы возникающие в связи с этим этические проблемы. Когда имеешь дело с интересным литературным материалом, написанным художественно одаренным (да еще и близким тебе) человеком, приходится принимать нелегкое для себя решение: публиковать, делая необходимые купюры. Читатель обратит внимание на это обстоятельство и смеем надеяться, поймет нас правильно.

В силу своей специфичности записи, носящие личный характер, делаются по «горячим следам» или вскоре после какого-нибудь события, что выгодно отличает их от привычных нам мемуаров: последние, наоборот, характеризует длительный временной интервал между их написанием и имевшим место фактом. Мемуары подчас грешат неточностями, в них нередки искажения.

Кажется, именно прошлый XX век с его катаклизмами наименее располагал в нашей стране к спокойным, вдумчиво-прихотливым записям личного характера: в приснопамятные 30—50-е годы это могло оказаться небезопасным. Большое значение имеет также, кто является автором дневника.

Вот почему дневниковые записи талантливого ученого, известного историка литературы XIX века Анатолия Ивановича Батюто (1920—1991) не могут не вызывать повышенного интереса: они отражают становление самобытной личности в страшное, жестокое время господствовавшего культа личности. Это становление, возможно, происходило не так быстро и гладко, как хотелось бы автору, но то, что оно состоялось, теперь уже ни у кого не вызывает сомнений. На протяжении почти сорока лет после защиты кандидатской диссертации по Тургеневу Батюто изучал творчество как этого писателя, так и многих других писателей и критиков 1840—1900-х годов: Н. С. Лескова, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. И. Герцена, А. П. Чехова, В. Г. Белинского, П. В. Анненкова и др.[1]

Дневник отражает мучительные переживания человека, поверяющего свои мысли доверительному другу и собеседнику — дневнику. С некоторыми оценками и суждениями можно и должно не соглашаться. Так, спорны ранние суждения, на-

[1] Подробнее о творческом пути А. И. Батюто см. в обширной статье И. А. Битюговой: *Битюгова И. А.* О жизни в науке А. И. Батюто (1920—1991) // *Батюто А. И.* Избранные труды. СПб., 2004. С. 7—33. Там же см.: Хронологический список трудов Анатолия Ивановича Батюто (С. 942—948).

пример, о Гоголе, Щедрине и Достоевском. Не будем, однако, забывать, что в процессе изучения «золотого века» русской литературы А. И. Батюто в корне пересмотрел свое отношение к тому же Достоевскому; деятельное участие в группе по изданию Полного собрания сочинений и писем писателя явно способствовало этому; из проспекта третьей, ненаписанной монографии следует, что ученый намеревался одну из глав посвятить Щедрину и Тургеневу.[2] Мы узнаем, что мечта Анатолия Ивановича — стать писателем-прозаиком — отчасти осуществилась: не состоявшись в жанре романа, она нашла свое воплощение в сугубо научном творчестве. Написанные Батюто статьи и книги — весомое тому подтверждение. И этому абсолютно не противоречит желание автора дневника овладеть на первых порах поэтическим искусством: найденные и уже опубликованные нами не столь многочисленные стихи также свидетельствуют в пользу их создателя.[3]

Нельзя не сказать несколько слов о достоинствах дневника. В нем нашло отражение постепенное формирование личности конкретного человека, что уже само по себе интересно. Это своего рода часть, несколько глав истории одной жизни, написанные самим героем. Нас не должно смущать, что иногда, под влиянием настроения, дневнику и самому себе дается уничижительная оценка. Пожалуй, мы не найдем ни одного места, где бы автор попытался выставить себя с наиболее выгодной стороны. И это не может не подкупать. Со страниц дневника смотрят, как живые, многие ушедшие от нас люди. Они, эти люди, обрисованы скупо, но необыкновенно достоверно. И не имеет большого значения, друзья ли это детства, руководители литературного кружка или профессора университета, студенты-однокурсники или аспиранты. С большой теплотой пишет автор о своем научном руководителе — профессоре Ленинградского университета (самом молодом докторе наук, как о нем говорилось в Пушкинском Доме) Григории Абрамовиче Бялом, сумевшем разглядеть уже в студенте будущего ученого-исследователя.

Дневник сохранился за 1936—1939, 1942—1944, 1947—1952 годы. Писался он не всегда регулярно. Иногда записи велись ежедневно, а иногда между ними виден значительный — в несколько месяцев или даже лет — перерыв. Под влиянием настроения что-то было уничтожено самим автором (так случилось с дневником за 1935 г.), что-то, увы, не сохранило время: такая судьба постигла дневник за 1940 год. География, затронутая в дневнике, достаточно широка: Ленинград предвоенный, Унеча — родина автора, Ленинградский фронт (южный берег Финского залива, район Лебяжьего, Борок, Ораниенбаума), госпиталь — Ленинград и Вологодская обл., Печаткино, Средняя Азия — Узбекистан (Ташкент), Киргизия (Джалал-Абад, Ош), Ростов-на-Дону и снова Ленинград, уже послевоенный. Но и в таком неполном виде он представляет собой прежде всего литературно-художественный материал, отражающий личные впечатления автора от прочитанных книг, встреченных людей, переживаемых им и страной событий, размышления о литературном процессе. В этом последнем смысле он превращается в достоверный человеческий и исторический документ с необходимыми авторскими комментариями.

Мне хочется выразить искреннюю благодарность первым читателям и доброжелательным, но строгим критикам, ознакомившимся с рукописью дневника: друзьям и коллегам автора по Институту русской литературы (Пушкинскому Дому) РАН: кандидатам филологических наук *И. А. Битюговой*, оказавшей неоценимую помощь при подготовке рукописи к изданию, и *Л. И. Кузьминой*; *М. Д. Кондратьеву*; докторам филологических наук *Н. П. Генераловой* и *А. А. Горелову*. Особую благодарность публикатор выражает доктору филологических наук *Б. Ф. Егорову* (Санкт-Петербургский институт истории РАН).

[2] См.: Там же. С. 931—935. Приложение I.

[3] См.: Там же. С. 936—941. Приложение II.

Для настоящей публикации выбраны заключительные записи. Их автор, закончив Ленинградский университет, стал аспирантом Пушкинского Дома (1949—1951) и успешно защитил кандидатскую диссертацию (1952).

Итак, предоставим слово автору дневника.

1949

15/VI—49.

Еще раз решил возобновить дневник. Для сей цели специально купил общую тетрадь с толстыми листами в узкую линейку. Не писал я ни много ни мало — почти полгода. Все это время прошло в однообразной и изнуряющей борьбе за пребывание в аспирантуре. Подведу краткий итог.

В октябре прошлого года последний вступительный экзамен по франц<узскому> языку провалил с треском. Документы в Москву, однако, были посланы, и нас (провалившихся было двое) в институте все время обнадеживали. В конце концов кончилось тем, что разрешили переэкзаменовку и я сдал. Утвердили с 20-го янв<аря>; утверждение пришло в конце февраля; с 1-го марта приступил к занятиям. После нескольких дней покоя в институте началась революция. Принялись громить так наз<ываемых> космополитов, формалистов, компаративистов и прочих извергов человечества. Сначала это произошло в ун<иверсите>те. Нет нужды подробно на этом останавливаться, скажу только, что, как это ни странно, коснулось и моей персоны. Мой прошлогодний оппонент, в прошлом же году испеченный кандидат, некто Б<ердников>,[1] ставший ныне деканом филфака и его духовным вождем на стезе идеологической, в своем программном выступлении упомянул мою дипломную, назвав ее «путаной, насквозь формалистической и идеологически вредной». Мне сразу же стало ясно: это начало новой полосы злоключений. Вскоре в нашем институте уволили 4-х профессоров (все евреи) и в том числе самого директора, который мне, благодаря Б<яло>му,[2] симпатизировал. Приехал новый дирек-

А. И. Батюто. 1948 г.

[1] Речь идет о *Бердникове Георгии Петровиче* (1915—1996), будущем докторе филологических наук и чл.-корр. РАН (1991), специалисте по творчеству Чехова.

[2] Имеется в виду *Бялый Григорий Абрамович* (1905—1987) — доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ. В ИРЛИ работал стар-

тор из Москвы,[3] существо многим не понравившееся, и принялся трясти институт сверху донизу. На произв<одственном> совещании аспирантов у меня с ним произошла словесная перепалка. Затем стали ходить слухи о недовольстве верхов (новых верхов, т<ак> сказать, новой знати) аспирантами вообще и сугубом их недовольстве аспирантами нового набора в особенности. Были названы фамилии висящих на волоске, в том числе и моя. Нужно признаться, я основательно трусил и вообще производил жалкое впечатление. Пребывание в аспирантуре я с некоторых пор почему-то стал считать манной небесной; кроме того, в случае изгнания у меня не хватило бы настойчивости искать какого-нибудь занятия. Перед глазами у меня маячило неутешительное видение последних предвоенных лет, когда оконч<ательно> опуститься мне помешала, сама того не желая, армия. Нужно было и заниматься и постоянно думать о том, что с минуту на минуту могут выставить за дверь, как школьника. Все это время отношение к нам было вежливо-издевательское и пренебрежительное. То как будто совсем забудут о нашем существовании, то вдруг начинают преследовать очень грубо. Было много несправедливостей, но дошло до того, что я решил терпеть все, лишь бы не вылететь. В общем, было много жалких печалей и досадных унижений. Вчера произошло последнее тайное заседание верхов, посвященное обсуждению наших дел. Исключили одну девицу, поступавшую со мною, а меня и еще одного парня оставили в покое, даже не позвав (вызывали поодиночке), но выдержав несколько часов в коридоре. Вышел новый заместитель директора, ласково потрепал по плечу приятеля (приятель — сын предс<едателя> Лен<инградского> отд<еления> союза писателей[4]), благосклонно кивнул мне и произнес отеческое напутствие: «Идите домой». Все кончилось.

В тот же день я сдавал первый экзамен по канд<идатскому> минимуму. Отвечал очень плохо. В числе экзаменаторов был один молодой профессор,[5] которому я три года назад состряпал очень плохую семинарскую работу. Он относится ко мне, однако же, хорошо, благодаря все тому же Б<яло>му. Правда, в его ласковом обращении я не раз замечал что-то небрежное и снисходительное. Я чувствовал, что он не забыл моих былых художеств, и на этом экзамене хотел реабилитироваться. Но не удалось. Отвечал я мерзко, и если бы экзаменаторы предварительно не были подготовлены Б<ялы>м, являющимся в какой-то степени другом для них, по крайней мере для младшего, поставили бы мне двойку. А так ответ мой оценили на четыре. Таким образом, хо-

---

шим научным сотрудником. Специалист по творчеству В. М. Гаршина, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, А. П. Чехова, Н. К. Михайловского.

[3] Имеется в виду *Бельчиков Николай Федорович* (1890—1979), чл.-корр. АН СССР (1953), в 1949—1955 гг. — директор ИРЛИ.

[4] Точнее, первого секретаря Правления ленинградской писательской организации А. А. Прокофьева (1900—1971).

[5] Речь, вероятно, идет о Николае Ивановиче Мордовченко.

тя «покоя сердце и просит», но оного нет и нет. Мне редко везет на экзаменах.

23-го мне предстоит сдавать минимум по франц<узскому>. Преподавательница говорит, что я сделал большие успехи, что у меня способности, интуиция, верное чувство языка и т. д. и т. п., но, наученный горьким опытом, розовыми надеждами себя не тешу. Все может быть. Нужно сдать на пятерку, дотянуть до первого, а там забыть институт до сентября, отдохнуть как следует.

Все это время при каждом посещении института я ожидал неприятных сюрпризов. Теперь к этим неприятностям прибавляется стыд. В сюрпризе я мог обвинять кого угодно, а вот в результатах последнего экзамена обвинять некого.

Часто приходит в голову мысль: аспирантура — дело не мое. Но что еще делать я могу? Школы не хочется, особых талантов в какой-нибудь другой области я упорно не обнаруживаю, и в итоге остается один выход: потрудившись три года, стать добросовестным и, по-видимому, сероватым все-таки, средненьким научным работником. Это как раз то, о чем свидетельствовали и свидетельствуют факты — упрямая вещь, как говорят. По-видимому, в этой тетради мне мало придется писать о своих «ученых» занятиях. Посмотрим, придется ли писать о чем-либо более интересном.

24 июня.

Вчера сдавал кандидатский по франц<узскому> яз<ыку>, получил пятерку. Самое любопытное в этом экзамене было то, что письменная работа (перевод) и устная — чтение и перевод без словаря прошли без единой ошибки.

Я давно мечтал совершенствоваться во франц<узском> яз<ыке>. Теперь к этому прибавляется еще и английский. Что может быть приятнее и конкретнее знания одного-двух языков? Конечно, я не рассчитываю изучить их в совершенстве, но читать и переводить свободно, без словаря — этого можно добиться.

Вчера же в кино встретил приятеля почти десятилетней давности, с которым вместе служил в Кронштадте. Койки наши стояли рядом. Тогда он был полуребенком… Теперь работает на заводе механиком по связи́, как он говорит, делая значительное ударение на последнем слоге. Такая же судьба, если не хуже, ожидала и меня, и я давно уже думаю, что ампутация ноги, компенсированная, однако же, университетом и всем отсюда вытекающим, — великий дар, неожиданно свалившийся с небес на мою голову.

В институт езжу только к случаю. До отпуска осталось шесть дней, а через десять дней я должен уехать почти на месяц в дом отдыха на Сиверской. Жалко, погода стоит мерзкая, настолько мерзкая, что нос высунуть на улицу страшно: холод и дождь, солнца совсем нет. <…>

1/VII—49.

Каждое посещение института совершаю с замиранием сердца: вдруг сообщат об изгнании? Когда там бываю, всегда мне «кажется» что-нибудь неприятное. Сегодня ездил получать отпускные. Говорят, не будет до 7-го, а мне четвертого уезжать. Но дело не в этом, — дело в том, что, следовательно, еще полмесяца у меня душа не будет спокойной. Деньги придется получать (или не получать) Д., потом она должна будет еще раскачаться на письмо или телеграмму, потом это письмо или телеграмма будут раскачиваться в багажном вагоне и т. д. и т. п.

Вот образчик нравов институтского начальства. Нору[6] исключили из числа аспирантов, мотивируя сей акт отсутствием у нее способностей официально и тайно, не выражая же ни единым намеком, — ибо в нашей стране даже мысли не может возникнуть об антисемитизме, — еврейским происхождением. Она решила ехать в Москву. Те, с кем она советовалась, в том числе и профессора из порядочных, говорили ей, что поездка в Москву — бесполезное дело, что теперь уже все равно ничего хорошего не выйдет. Она, однако же, поехала и, пробыв там две недели, вернувшись, рассказала вот что.[7]

14 июля. <Сиверская>

Уже прожил одну смену в доме отдыха на Сиверской. В общем, этот полурастительный образ жизни мне еще не надоел. Правда, бывают такие дни, как сегодня, полные грусти и неотвязных дум о смерти, о неизбежном конце. Откуда это берется? Приходит оно по вечерам, по-летнему темноватым и теплым. Речка в отвесных берегах мерцает темновато и ровно, как зеркало, мошки вьются столбом в последних лучах закатного солнца, где-нибудь на той стороне надоедливо и упорно блеют козы, негромкими голосами переговариваются люди. Сидишь на берегу, смотришь, слушаешь и чувствуешь себя одиноким, как никогда. Лень сковывает тело, не хочется шевелиться ни одним членом, а в мозгу одна мысль, в сердце одно чувство, знакомые и привычные, как биение пульса: это было, это будет, а тебя скоро не будет; ты, как мошка в редком свете закатного солнца, отживешь только свой краткий миг, уступая дорогу другим, неизвестным людям, которые так легко без тебя обойдутся. Природа — мать, но мать жестокая. Мы — ее дети, нас очень много, мы каждый день умираем тысячами, а ей и горя мало… <…>

Сегодня целый день ждал приезда Д. Звонил сегодня утром на работу к ней, сказали, что она поехала ко мне утром. Однако она не приехала ни утром, ни вечером, а я вконец изломал свою больную ногу, выходя довольно далеко навстречу.

Поступает она со мной нехорошо. До сих пор ничего не сообщила о моих институтских делах. Сегодня отъездно-приездный день. Кончилась одна смена, начинается другая. Вновь приехавшие ходят по бере-

---

[6] Имеется в виду Л. А. Гессен.

[7] Далее в тексте дневника изъяты две страницы.

гу, задрав голову. Гости на первых порах все одинаковы в смысле поведения. Я ходил и смотрел точно так же.

18 июля.

Вторая смена в д<оме> о<тдыха> проходит совсем скучно. На веранде, где я сплю, четырнадцать коек. Заняты они сопящими полустаричками, солидными, флегматичными и нудными собственниками. Последним хочется дать в морду, настолько отвратительный и мелочный характер являет в них принцип собственности. Почти все друг друга боятся: а вдруг сосед по койке вор и не дай боже украдет зубную щетку? В первой смене народ был веселый, общительный, невинно-похабный, а эти спят, жрут и ни в чем не теряют тупой солидности до предела ограниченных людей, даже в разговорах о женщинах. Последние также не блещут, и вообще все с каждым днем настолько утрачивает всякое даже подобие блеска, что хочется домой. А дома? С сентября опять мечтать о летнем отпуске? Пятнадцатого приезжала Д. Показалась красивой. Приятно провели вместе полдня. Мечтали следующим летом поехать на юг. Мне в первый раз хотелось от нее ребенка. Но не рано ли и не обольщаюсь ли я на ее счет? Вчера уехала в Ростов — в отпуск.

Дела с институтом до осени можно считать благополучными. С осени хочу как следует приняться за работу. Не флегматик ли я? В моем положении писать не о чем или мне в любом положении писать не о чем? Вопрос для «автора» остается неясным.

До осени куча свободного времени, но зато деньги́ очень мало; следственно, из развлечений останется только одно — читать книги.

<…> Прогремит, проскачет тройка вороных — и только ленивые завитки пыли на дороге да легкий ароматец сена в воздухе…

Я — как старик: люблю потравить душу воспоминаниями. Один неуместный вопрос: что такое советский народ? По-моему, семьдесят процентов — обыватель. Но не больше ли? В доме отдыха много грубых девиц, почти подростков, и жадных, внешне безобразных мужчин и женщин. Женщины особенно безобразны.

Маленькое, но прочное счастье — иметь собственный угол, куда в любую минуту можно удалиться, чтобы утишить там потревоженное чувство гадливости и скуку. Временами я становлюсь ипохондриком. Средство одно — выжидательно помалкивать.

А все-таки насколько иногда женщина чище и человечнее мужчины! Сегодня к одному типу пришла жена из другого павильона. Пришла она с чистеньким бидончиком молока — для мужа. Муж — в очках, жердеобразный и сутулый, выразил неудовольствие: как? Ему, такому большому и важному, приносят молоко; приносит его некрасивая жена, да еще при свидетелях, которые могут заметить ее некрасивость! Муж начал недвусмысленно и настойчиво держать путь в лес, подальше от греха, а жена, пожилая блондинка с узкой спиной и покрасневшими от смущения кончиками ушей, покорно проследовала за

ним, домовито позвякивая бидончиком и робко (звук ее голоса мужу, наверное, казался слишком громким) называя его по имени: Вова. Вова для нее всю жизнь будет Вовой, но интересно, как он ее называет?

24/VII—49.

Домой! Домой! Это главное, о чем думаю. Кое-что прочел. Оторванность от общекультурных интересов начинает меня пугать. Так можно докатиться до того, что забудешь не только о том, что и как написали Тургенев и Толстой, но и — в каком городе живешь. Как-то я лежал на пляже и тренировался в припоминании лиц и имен нашей институтской профессуры. Результат оказался смехотворно-неутешительным. Т. е. меня прочно притягивает к себе наклонная, на нижнем конце которой покоится страна под названием забвение.

Каждая новая книга меня сильно возбуждает, но вслед за этим наступает глухая депрессия, и когда на смену первой книге появляется вторая, я могу забыть, что было в первой. Это очень плохо и часто пугает. Прочел же очень мало. Всю первую смену мусолил незнакомый том Салтыкова-Щедрина и насилу домусолил. Потом принялся за «Домби и сына». Эта книга многими страницами доставила много удовольствия, я ее почел за самое сильное у Диккенса. Но впечатление от нее какое-то объективистское, недостаточно терпкое. Потом — Вилис Лацис — «Сын рыбака». В общем понравилась и задела. Талантливая книжка обычно приносит успокоение и желание жить. Эта книжка — одна из тех, которые хороши тем, что открывают неограниченный простор дополнений и произвольных вариаций. Неглубокая, но заставляющая шевелиться. Между прочим, интимная жизнь двух главных героев пробудила во мне ревнивца. Опять этот до последнего винтика банальный и пошлый, а все же поистине мучительный вопрос: изменяет мне жена или нет? На помощь обычно приходит логика и, конечно, помогает разрешить вопрос, но не помогает мне. Д., наверное, считает меня человеком недалеким и слабым, с которым ничего особенного и не случится, если ему изменять по временам. <...>

Иногда к отдыхающим приезжают мужья, жены. Видел на пляже, как вела себя одна такая пара, и позавидовал бесплодной завистью. Почему у других это получается как-то не так, как у нас? Неужели мы такие уроды? Или это только впечатление, порожденное все той же завистью и не совсем чистым воображением человека с большим досугом, который некуда ухлопать?

А жизнь идет. Скоро уже тридцать. Мне в жизни нужно что-нибудь подстегивающее, нужен азарт, цель. Иначе я тряпка. <...> Главное, чего я сейчас хочу, — женская любовь, но ведь эта любовь бывает и скотской. Чего-то большего хочется, красивого. С каждым годом становлюсь угловатее, неповоротливее, старее. Многое покрылось ржавчиной, многое покрывается. Нужен ремонт, чистка. Но, как известно, некоторые люди не оправдывают издержек на их чистку, и таких людей обычно оставляют в покое, пока время не сделает их настоящими жи-

вотными во всех отношениях. Во всяком случае знаю одно: помочь себе я должен сам. Если человек не проявляет в этом отношении способности, никто ему не поможет.

31/VIII—49.

Прочел несколько книг, почти все хорошие. «Корол<евская> кровь» Синклера Л<ьюиса> и «Каждый умирает в одиночку» Фаллады. Обе очень талантливо написаны, вторая в особенности. Автор первой — писатель-борец по преимуществу, в Фалладе же проглядывает из каждой строчки искренний и большой художник. Синклер Л<ьюис> тенденциозным не показался, есть только небольшой налет сухости. Разумеется, положение негров не может не трогать человека, умеющего с такой силой таланта писать о нем, но у него сама проблема довлеет над изображением человека. Синклер подошел умом к своем материалу, Фаллада — сердцем. У него — крик сердца, крик исстрадавшихся нервов и личный опыт. У первого много динамики, у второго к этому прибавляется еще один симпатичный плюс — психологизм, создающий ту замедленность картины, которая так необходима большому произведению. Роман Синклера развертывается очень быстро, в героев, не успевших влюбиться, да, пожалуй, в них и невозможно влюбиться, потому что, как я уже сказал, не они занимают главное место, проблема обрабатывается только умом.

Десятка два рассказов Д. Конрада («Фрейя семи островов» и еще один небольшой сборник). Есть Грин, есть Д. Лондон. Чтобы стать вровень с Грином, Конраду не хватает красоты фантазии (я говорю о фантазии, потому что какой-то налет фантазии и экзотики, очень незначительный, неакцентированный, в Конраде чувствуется), полета, а чтобы сравняться с Лондоном — не хватает сочности любви к жизни.

Т. Гарди — «Тэсс из рода д'Эрбервилль». В предисловии приводится фраза из письма Гарди: «Писатель, в большинстве случаев, достигает высот вдохновения, изображая странствование и пробуждение душ, не примиренных с жизнью, тогда как правительство стремится внушить довольство жизнью — такою, какова она есть». Какой из наших теперешних литературных китов способен на такую искренность и способны ли наши вообще на искренность до конца? Я люблю художников XIX века за их последовательную глубокую объективность. Если они заблуждались — заблуждались искренно. Жизнь для них была глубочайшим, часто таинственным источником, из которого они щедро черпали, никогда его не истощая. Чем богаче жизнь и разнообразнее, тем большее удовольствие они получали, знакомясь с нею.

Гарди очень нравится. Трагичность, пессимизм его миросозерцания, о котором пишет автор предисловия, меня не пугает. У него нет надломленности и извращений. Просто — люди, здоровые, живые, безыскусственные, существование которых складывается неудачно. Читатель фиксирует свое внимание не на результате, а на всем потоке изображаемого.

«Буря» Вилиса Лациса. Раньше я читал его же «Сын рыбака», и она мне больше понравилась; там больше правды и нет тенденциозности и льстивых дифирамбов по адресу всего советского, дифирамбов, часто носящих декларативный характер. Вообще все повествование, особенно начало и конец, часто сбивается на декларацию, картина уступает место подозрительно-усердным авторским высказываниям. Много «глубоких и разнообразных» идей и рассуждений, делаемых всегда с оглядкой, с оглядкой, например, на «Краткий курс».

Латвийская интеллигенция превратилась у него в компанию бледных болтливых дурачков, и эта бледность, отсутствие глубины и серьезности свидетельствуют или о торопливости и плохом знакомстве с материалом (недостаточно добросовестном), или о соответствующих качествах самого автора. Но скорее всего это все тот же пуризм и ограниченность, вызванные на свет божий слишком рьяной тенденциозностью. Скажут: писатель-борец, человек партийный, представитель социалистического реализма. Так-то оно так, но Горький, например, и Островский тоже были борцами и представителями социалистического реализма, но они почему-то не вызывают раздражения, совсем наоборот. Горький и Островский жили тем, что писали, чего не скажешь о Лацисе. И человека у Лациса нет, не говоря уже о характерах. Нет архитектурной сложности в изображении. Одни прямые, подчас угнетающе-холодные линии. И эта «Буря» будет иметь продолжение. Я прочел толстый томище, а выйдут, по крайней мере, еще два-три таких же по объему продолжения.

Завтра приступаю к продолжению своей аспирантской карьеры. Отдохнул хорошо. Хочется заниматься. Только опять начинаю побаиваться. И мучит меня пренебрежительное отношение кое-кого из профессоров.

3/IX—49.

Недавно вышла документальная картина «Последний путь», в которой показаны похороны Димитрова. Картина произвела на меня очень сильное впечатление. Доходчиво почувствовал старость и увядание. Страшно и жалко было смотреть на Сталина. Когда он стоял в почетном карауле у гроба, казалось, достаточно малейшего толчка и он не рассыплется, а развеется легкой пылью, уходящей в небо. Полная фигура казалась невесомой и неуверенно-бесплотной, взгляд, стеклянно-прозрачный, как осенний пруд в безветрие, устало отдыхал, уставясь в одну точку. Что он должен был думать, глядя на мертвого человека с черными усами, придающими лицу какую-то старомодную прелесть, не лишенную мужества и изящества, соединенных вместе? Наверно, думал такое, о чем человеку, занимающему главный пост в гос<ударственном> механизме, нельзя говорить никому. Из всего партийного руководства только Сталин кажется по-настоящему самостоятельным, ни от кого не зависящим. Я его считаю крупным, но благородным человеком; остальные ни в коей мере не могут идти с ним в сравнение.

В похоронах, в том, как хоронят, я всегда замечал что-нибудь оскорбительное для умершего. Часто сквозь формальность обряда, сквозь похоронный этикет, совершаемый большими массами людей, проглядывают равнодушие, любопытство праздное, торопливое желание все кончить.

По пути следования состава с телом комиссия по организ<ации> похорон во главе с Ворошиловым заученно и однообразно выходила на перрон, пожимала руки пришедшим проститься. Хмурые массы народа стояли вдоль ж/д полотна, на перронах, на крышах домов, гроздьями висели на телеграфных столбах. И все молчали. Смерть любого человека, даже незнакомого, никому неизвестного, вызывает задумчивость, печальное уважение и жалость — к умершему и почти всегда к себе, ко всем людям. В этой жалости нет ничего эгоистического, в ней видно трагическое чувство, чувство космоса, обернувшегося к людям своей зияюще-страшной стороной. Такое чувство не может быть продолжительным, не теряя своей искренности, ибо слишком непосильно своей интенсивностью.

У Ворошилова подагрическая походка и отекшее лицо пьяницы. Он шел вдоль рядов людей и пожимал руки. Один раз не выдержал и поцеловал торопливо ручки ребенка, сидевшего на руках у плачущей женщины. Много было старушек, молчаливых, напоминающих своими согбенными, печальными позами и чернотою одежд больных галок. Ворошилов заскорузлым, резким движением плохо слушающихся рук брал, как чурки, их головы и куда попало и часто целовал — в затылок, щеки, платки, уши…

Встреча в Болгарии была действительно скорбной. А Россия, раздетая, притихшая, опаленная июльским зноем, усеянная толпами хмурых, усталых людей? Все та же Россия — мало изменившаяся за тридцать лет. Перемены нужно проверять по людям. Живут, борются, устают, доживают — такова судьба многих людей; таким мне показался Ворошилов.

24/IX—49.

Сейчас выполняю очередную аспирантскую повинность — готовлю минимум по Чернышевскому — эстетику и литературную критику. За день успеваю так мало, что уже сейчас, задолго до сдачи, начинаю тревожиться; но зато почти каждая статья прочитывается с большим удовольствием. Я вижу в Чернышевском очень умного человека, но о любви к нему говорить затрудняюсь. Впрочем, нельзя сказать, чтобы я не испытывал к нему любви потому, например, что люблю Тургенева, человека враждебного ему по убеждениям. Чернышевский восхищает умом и энергией, но вызывает также почти тоскливое чувство, потому что, как никто другой, позволяет заглянуть за кулисы литературы, особыми прелестями не отличающиеся.

Большинство идей, которыми мы сейчас питаемся (в литературе), высказано Белинским, Чернышевским и Добролюбовым. Если к зна-

нию их критики, того, что они критикуют, прибавить еще кое-какой entourage, то можно чувствовать себя в науке как рыба в воде. Будучи студентом, я часто завидовал уму профессоров, слушая их лекции, а теперь вижу, что их ум — занятой ум, все взято у других. При нормальном образе жизни, достаточном трудолюбии и осторожности можно стать таким же. Может быть, у меня выработался холодный взгляд на вещи и тогда моя литературоведческая «деятельность» станет очень спокойным ремеслом, на фоне которого вырастут другие, более живые интересы. Самое милое дело — не копаться в прошлом, а жить непосредственной жизнью, настоящим. Но — «не так живи, как хочется». Люди живут плохо, скудно. Неужели во всем мире так? Живем в страшное время. Перевелись люди, умеющие говорить что думают. Все запуганы, ждут, терпят, существуют.

6 октября.

Читаю дневник Чернышевского. Почему-то возникает аналогия с Гоголем, и довольно неприятная. Гоголя, как человека, я считаю личностью довольно темной и, во всяком случае, нездоровой. Гоголь и Достоевский кажутся людьми грязноватыми, порочными. Трусость, извращенность чувств, истеричность, заносчиво-жалкие и мелочные мыслишки о собственном величии, постоянное стремление видеть во всех прочих людях болезненные страсти и дурные наклонности. Тягучие проспекты о добре и зле, слащавость, какая-то золотушность в картинах — вот что мне представляется, когда читаю Гоголя и Достоевского, и приблизительно такое же впечатление от дневника Чернышевского. По уму, конечно, они не маленькие люди, но что толку? С такими людьми общаться было бы противно. Такие люди много умеют и любят говорить, но мужества в действии проявляют мало, и, во всяком случае, мужество достается им нелегко. Пушкин был широкой натурой, человеком со светлым взглядом на жизнь, а у Достоевских и Чернышевских — хрустальные дворцы на подтаявшем сахарном фундаменте, суетливое сюсюканье.

Пушкин играл азартно в карты, а у этих пороху не хватило бы. Может быть, это смешной и неудачный пример, но мне он кажется очень характерным. Пушкин — свет и здоровье, Лермонтов и Лондон — сила, а здесь черт знает что.

Я не умею дневник наполнять мелочами дня. Но хочу попробовать. Мне нужна какая-то отдушина, какое-то постороннее утешение, потому что деловая моя жизнь, если ее так можно назвать, складывается неудачно. Попробую вести дневник день за днем, ничего не выдумывая, не надуваясь высосанными из пальца мыслями. Буду говорить об институтских делах (скорее всего это будут только впечатления, но черт с ними, пусть хоть так) и всех прочих не от случая к случаю, а непосредственно, по живому следу.

Вчера было заседание нашего сектора. Слушались отчеты сотрудников и аспирантов (письменные). На официальные сборища в инсти-

тут я хожу с тяжелым сердцем и всегда неловко себя чувствую. Неловко потому, что не люблю встречаться теми, кто был свидетелем моего позора на прошлом экзамене. Я подозреваю, что некоторые люди считают меня случайным гостем в институте, человеком, занимающим не свое место, чем-то вроде бездарного маменькиного сынка, за маменьку у которого — проф. Бялый.

Я держусь особняком и здороваюсь со многими только тогда, когда не поздороваться никак нельзя. Я считаю так: друзей и приятелей у меня там нет, а раскланиваться с людьми только потому, что они доктора или кандидаты, а я — аспирант, — незачем. Они меня не знают, я их не знаю — чего же еще? Раскланиваться с человеком незнакомым или по крайней мере с тем, кому официально не представлен, по-моему, это похоже на заискивание. Но не знакомы не все, а я часто и с этими не раскланиваюсь. Это уж потому, что они знают о моем провале, и встречаться с ними мне неловко. Почти всюду, даже в культурной среде, над слабым и неумелым смеются. Вчера посмеялись над одним аспирантом-второкурсником. Парень недалек и толстокож, а смеялись над ним только некоторые, нехорошие из них, которым важно обрести прочное положение. Они и обретают, как им кажется, за счет чужой слабости. Парень мне не нравится; знаний мало, как и у большинства, но кроме того, совершенно лишен мысли, безыдеен, как говорят, и пришел он сюда в поисках теплого будущего. До сих пор у него не выбрана тема диссертации, а времени до оконч<ания> осталось только полтора года. Руководитель у него Десницкий,[8] старый и жесткий сухарь, пропитанный, однако ж, ехидством. Это человек старого закала, и все новое ему не нравится; советскую лит<ерату>ру (по-моему, справедливо) считает не заслуживающей особого уважения. Говорят, однажды в ун<иверси-те>те на каком-то заседании, где много говорилось похвального о сов<етской> литературе, он сказал что-то в этом роде: «А это всеобщее бла-го-лепие в сов<етской> лит<ерату>ре — это тоже хорошо, по-вашему?». Говорилось это два—два с половиной года тому назад, когда еще не было особых строгостей. Так вот, у этого человека в отношении к аспирантам есть принцип один, жестковатый, но не лишенный, по-моему, логики. Он предоставляет аспиранта собственным силам: пусть карабкается сам, а я посмотрю; выкарабкается — хорошо, а нет — туда и дорога. Когда этот его принцип весело комментировался, сам старик заглянул в дверь и скрылся. За ним побежал этот парень и привел. Старик сел, не снимая шляпы, даже мальчишески озорным жестом надвинул ее поглубже на лоб:

— Ну-те-с, ну-те-с, что еще…

— Вас<илий> Алексеич, вот мы узнали, вы — руководитель т. Е.

---

[8] *Десницкий Василий Алексеевич* (1878—1958) — доктор филологических наук, профессор, с 1918 по 1951 гг. преподавал в ЛГУ, зав. каф. истории русской литературы, в ИРЛИ — с 1935 г. на разных должностях.

— М-да… Я, знаете, очень загружен. Избавьте, отказываюсь. Ваше решение для меня — фьють! — Он щелкнул пальцами и поднялся.

Б<орис> И<ванович> Б<урсов>[9] заторопился, почти отчаянным голосом возопив:

— Но, Вас<илий> Ал<ексеевич>, это не наше решение, это решение подписано дирекцией!

Старик весь превратился в лукавство и ехидство; стал говорить медленно, небрежно роняя слова:

— Подписано? Решено? Ну, что ж, еще подпишут, еще решат. Бумага, братцы, терпит… Ну, я ухожу, — и засеменил к двери, придерживая шляпу, как от ветра.

Б<орис> И<ванович> опять взмолился, совершенно растерявшись:

— Вас<илий> Ал<ексеевич>, так Вы… уходите? Совсем?

— Да… Ухожу. Совсем. — И ушел.

Это было оч<ень> забавно. Добродушно посмеялись. Вообще у нас на секторе это добродушие процветает.

Были предложены письменные отчеты всех аспирантов, кроме моего. Я о том, что нужно подавать письменный отчет (в начале сентября был устный), услышал в первый раз и был удивлен. Секретарь, натянуто улыбаясь, пояснил: «Анатолий Иванович так редко бывает в институте, что я не имел возможности предупредить его». Тут за меня вступились; он вяло извинился. Положительно, он считает, что я где-то работаю на стороне, а в институт приезжаю только за стипендией.

После сектора с Григ<орием> Абр<амовичем> уточняли тему. Он сказал, что и он и зав. сектором на следующем Ученом совете будут отстаивать тему (по Тургеневу). Против темы высказался Пиксанов — член-корреспондент, и директор (Н. Ф. Бельчиков. — *С. Б.*), и высказались они против темы именно в такой формулировке, на которой сейчас настаивается. Мне это показалось странным, потому что формулировку мы сами подгоняли под согласие (возможное) этих китов, а тут неожиданное возвращение. Спорить не стал. Да и разговор этот носил характер торопливый, Григ<орий> Абр<амович> даже похлопал фамильярно по плечу, что мне уж совсем не понравилось. Потом мы вместе подошли к завед<ующему> сектором, и, когда подходили, тот понимающе улыбнулся (дескать, вот, маменька ведет сынка к сильному мира сего. Маменька — ладно, маменька хороша, а сынок — не совсем). Проконсультировались насчет темы для семинарского доклада. В декабре будет доклад — «Тургенев в оценке Чернышевского».

Возвращался домой один. Обычно я еду остановку на троллейбусе. Так как на остановке стоял почти весь сектор (без аспирантов), я прошел мимо. Кто-то из них крякнул, может быть, по моему адресу.

Вечером дома произошел скандал с сестрой, оба осверепели до отвращения. Я паясничал и задел ее решетом (можно ли решетом причи-

---

[9] *Бурсов Борис Иванович* (1905—1997) — доктор филологических наук (1951), в 1949—1954 гг. — и. о. зав. Сектором новой русской литературы.

нить боль?). Она ударила довольно сильно по голове доской, на которой режут мясо. Все-таки — доска. Но меня оскорбила не доска, а злость и грубость, совершенно неоправданные. Поругались. В таких ссорах противники сгоряча часто высказывают именно то, что думают, не обязательно в связи с обстоятельствами дела. <...> Дескать, ты, братец, на поводу у жены и потому ты дрянь. Дрянная, по-моему, логика. После таких ссор я надолго перестаю уважать противника и себя заодно.

Сегодня на англ<ийском> я захотел пересесть от девиц к мужчинам. Пересел. Тот, с которым сел рядом, возмутился:

— Не буду с вами сидеть. От вас очень сильно пахнет табаком, а я табака не переношу.

Смутились все. Я почти не потерялся, но неприятно все-таки было.

Холодно. Сегодня не занимался. После англ<ийского> был подряд на 2-х кинокартинах. Одна ничего, вторая — я ее смотрел во вторую очередь — противна. В кино я хожу, как мещанин — для развлечения. Развлечение мне нужно, чтобы не думать о своих неважных делах.

Дома тоже холодно. Дрожал под одеялом часа три, потом почитал немного Чернышевского. Сейчас уже ночь. Видимо, не стоило так писать о Чернышевском. Но одно остается достоверным в моем впечатлении: как люди Гоголь, Достоевский и Чернышевский не нравятся. Хуже всего то, что проходит жизнь. Счастье — принимать непосредственное участие в жизни. Этого счастья у меня нет. Мой удел — «изучать» прошлое, не живя настоящим, и это печально. Замороченное существование. Мне бы хотелось в далекие страны, к пальмам, горячему песку, сизо-голубому морю, к людям и отношениям, не стесненным ни одеждой, ни климатом, ни этой слишком длинной цепью условностей и обязанностей, по которой до участия в жизни никогда и не добираются.

Общество и наше и зарубежное не выдерживают критики в том отнош<ении>, что люди, их составляющие, не живут по желанию, а живут по обязанности, делают не то, что хотят, а то, что нужно. Но в большинстве случаев получается так, что дела, о которых официально афишируется как о делах, благодетельных для всего общества, не удовлетворяют отдельного человека. У нас жизнь делается по долгу, а не по желанию. Потому люди бесцветны, скучны, совершенно лишены непосредственности чувства и мысли.

<Без даты>

Числа в начале записи не ставлю, потому что не знаю, какое сегодня число; дома только я один, спросить не у кого.

За это время в институте было 2 семинара, следовательно, прошло две недели. Т<аким> обр<азом>, мое желание писать дневник ежедневно не сбывается.

На семинаре у нас сейчас идут доклады, построенные на материале диссертации (будущей, конечно). Я оба раза выступал и оба раза успешно, в особенности в последний раз. Там присутствовал самый

большой в наст<оящее> вр<емя> некрасовед, массивный старичина с седыми усами и бородой, и он меня похвалил, и не только похвалил, но и согласился со мной.[10] Это меня несколько приободрило. Во всяком случае, я себя почувствовал сильнее большинства аспирантов если не по количеству знаний, то по способности правильно разбирать литературные вопросы, не плетясь на поводу у людей авторитетных.

Подготовка очередного минимума идет туговато. Много времени у меня уходит на разъезды, которые ломают день. Только вторник могу целиком посвящать занятиям дома. Все остальные дни езжу, и очень далеко: три дня в институт, и эти поездки не имеют прямого отнош<ения> к минимуму, и два раза на англ<ийский> яз<ык> — совсем далеко. Несмотря на недостаток времени, поигрываю все-таки в шахматы.

С сегодняшнего дня начал давать уроки по русскому языку мальчику-пятикласснику. Три раза в неделю. Правила знаю немногим лучше его, так что придется заглядывать в учебник. Уроки — это лишние деньги, что не так уж плохо.

На улице мокро, холодно, уныло и т. д. Зима и осень в Ленинграде для ленинградца памятны, мне кажется, тем, что в это время он ожидает весны, живет, так сказать, для будущего. Так как я ленинградец с незапамятных времен, то и т. д. и т. п.

24/X—49.

Позавчера мы с Д. должны были идти в театр. Идти мы должны были не заезжая домой, она — с работы, я — из института. Я освободился очень рано. У меня оставалось несколько часов свободных. Сходил в кино; около восьми стал у главного входа в театр, высматривая Д. Надо сказать, я редко бываю вечерами в центре города в местах, где развлекаются. Когда бываешь по делам, в людях меньше замечаешь праздничное, потому, наверное, что голова непраздничным занята. Здесь же передо мною сплошным потоком шли веселые, принаряженные люди, и много среди них было молодых и хорошеньких девушек. Глядя на них, я почувствовал себя безнадежно старым и ненужным, как высосанный лимон. Мне было бы неудобно и, конечно, далеко не весело затесаться в эту молодую компанию. Мне стало грустно и с этим чувством я уехал домой, с своеобразным благоразумием рассудив, что мне там не место.

Д. потом ругалась и не поняла меня. Впрочем, для нее выдумал другие причины: нога, небрит, нежелание общаться с ее скучными приятельницами и т. д.

---

[10] *Евгеньев-Максимов* (псевд; наст. фамилия — Максимов) *Владислав Евгеньевич* (1883—1955) — профессор ЛГУ, ст. ученый специалист Отдела новой русской литературы (1936—1937), ученый хранитель музея-квартиры Н. А. Некрасова, инициатор создания ленинградского и карабихинского музеев.

У меня ухудшается память. Англичанка сегодня принесла на урок мой пересказ из Д. Лондона и сказала: «Раз ваша память не удерживает форм неправильных глаголов, нужно смотреть в таблицу».

Из Чернышевского постепенно образуется каша. Развитие Черн<ышевского> представляю только в самых общих чертах. Логическая связь между отдельными произведениями не всегда мною улавливается. Знание отдельных фактов утешить не может. Плохо еще то, что в философии я очень и очень слаб.

26/X—49.

Сегодня мне сказала одна аспирантка, что ходит слух, будто бы я и еще один аспирант отбываем некий испытательный срок в аспирантуре, что, следовательно, наше положение непрочно. Этот слух, соответствует он действительности или нет, унижает меня до слез. В глубине души я всегда считал себя человеком способным и очень неглупым, и такое несоответствие между собственным моим мнением о себе и мнением обо мне других, да еще облеченным в эту ненужно унизительную форму, пугает, унижает и, что самое страшное, растлевает. Настроение сверхневажное. Неужели я в самом деле нуль, бесцветная личность настолько, что впору думать только о кормушке?

4/XI—49.

День прошел бурно и невесело. В 10 утра поехал на семинар. Еще позавчера из разговора с аспиранткой, очередь которой делать доклад, понял, что семинар вряд ли состоится. Он и не состоялся, но только в том смысле, что не было доклада. Директор и зам<еститель>[11] и Ник<олай> Ив<анович>[12] пришли; были все мы. Первые двое из старших, особенно второй, в отношении неявившейся докладчицы заняли мстительную позицию, если можно так выразиться, как будто не знали, почему она не пришла. Настоящие невинные агнцы. Эта девушка, не очень умная красавица (но, однако ж, не дура), имела несчастье носить немецкое отчество. Вследствие этого на нее были посланы документы для отчисления. Началась нудная волокита. Как это теперь принято, девице не говорили настоящей причины ее неугодности, а виляли вежли-

---

[11] *Городецкий Борис Павлович* (1896—1974) — доктор филологических наук (1951), специалист по творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, М. Горького; с 15 апреля 1949 г. по октябрь 1950 г. заместитель директора ИРЛИ; с 1954 г. в течение ряда лет с перерывами заведовал Сектором новой русской литературы.

[12] *Мордовченко Николай Иванович* (1904—1951) — с 1934 г. — научный сотрудник ИРЛИ, с середины 30-х гг. преподавал литературу в Институте философии, истории, лингвистики и литературы, в 1949—1951 гг. — заведующий кафедрой истории русской литературы ЛГУ. Докторская диссертация посвящена русской критике (1948). В центре его научных интересов — русская литература первой половины XIX в.: творчество А. С. Пушкина, декабристов, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя и особенно становление русской критики и творчество В. Г. Белинского. Итоговая работа — «Белинский и русская литература его времени» (1950).

во и деликатно хвостом, не забывая гнуть в раз принятом направлении. Она послала контрдокументы, доказывающие, что она — чистокровная русская. Прошло несколько месяцев. Ее лишили стипендии. Наконец, она узнает: документы ее положены под сукно; узнала об этом позавчера, причем к этому знанию, очевидно, вызванному чем-нибудь заслуживающим доверия, прибавилась уверенность, что на этот раз, за неимением Боженьки, надеяться не на что.

Вот почему она не пришла. Зам это, конечно, знал. Но, свирепо шевеля усами и поглядывая искоса и неодобрительно по сторонам, ворчал плотоядно: мы этого так не оставим; это оскорбление и нам и семинару.

Затем начали разделывать под орех аспирантов. Выступал директор. Говорил много неутешительного двум диссертантам, затем перешел к младшим и здесь говорил почти обо мне одном. Вспоминал сдачу минимума по Пушкину и многое другое. Минимум сдан плохо, — чего же можно ожидать от человека, когда плохо сдан минимум? (Нора (Л. А. Гессен. — *С. Б.*) сдала минимум отлично, но она тоже неугодна, и о ней говорят: минимум сдан отлично, но минимум — чепуха, поэтому вы тоже неугодны.) Говорил о моем равнодушии к институту, науке и всему на свете. Говорил, что, несмотря на то (это сопровождалось нехорошим смехом — смесь самодовольства и грубости), что руководитель меня защищает всячески, объективная истина рано или поздно восторжествует, и тогда посмотрим. Кончил тем, что мое выступление на первом семинаре характеризовал как детский лепет. Я сначала растерялся, но потом начал защищаться, очень спокойно и без оправданий. Часто бывает так, что возрастающее волнение, запальчивость, настроение тягостное вдруг сменяются спокойствием поразительным, получаешь возможность посмотреть на себя со стороны, как на посторонний предмет; поползновения к защите исчезают. Так случилось и со мной.

Я спросил его:

— Вы называете мое выступление детским лепетом. Не можете ли вы указать причины, почему вы так думаете?

Он развел издевательски руками:

— Ну, знаете, дорогой мой, у меня очень много дел, я не могу помнить, о чем вы тогда говорили.

— Но если вы не помните, — сказал я, — то вряд ли вы имеете право говорить так; это не совсем удобно.

Он смутился; я добавил, что такая манера налетать с ходу на человека — излюбленная его манера, «ваш стиль, Ник<олай> Фед<орович>».

Тут он стал восторгаться неожиданно. Вот это ему нравится, что такие ничтожества начинают его критиковать. Так де и надо и я де, я, директор, вовсе не хотел вас обидеть и т. д. Но я и не обижался. Потом я сказал, что в январе будет мой доклад, что мне не может импонировать роль униженного дурачка; что всему есть предел и т. д. Я сказал:

— На докладе будут присутствовать люди ученые. Если окажется из их отзывов, что доклад неудачен, я не буду ждать, когда меня вышвыр-

нут из института, и уйду сам. Но пока я не уверен в своей несостоятельности.

На том порешили. В янв<аре> мой доклад. Я сам поставил себе условия, при которых отступить невозможно. Черт с ними.

Я люблю литературу, талантливую и прекрасную литературу, люблю искренно, но здесь что-то не так. У нас в институте, по моему впечатлению, собралось много таких людей, у которых давно атрофировалось непосредственное восприятие живых явлений литературы. Все это заменилось ремесленническим деланием, подгонкой во что бы то ни стало под определенную идейность. На литературе спекулируют, в душе не веря в нее. Но все-таки там можно что-то делать, чем-то жить, на что-то надеяться. Все-таки институт в сравнении с треклятой школой — манна небесная. Можно встречать интересных людей, интересные мысли. Мало того и другого, но все же есть. За пределами института, если иметь в виду литературные занятия,— тьма кромешная, беспросветная.

Хотелось бы плюнуть на все и уехать куда-нибудь к людям простым и человечным, работать в меру сил, быть самостоятельным. Но ни уехать, ни уйти — некуда. Николай Ив<анович> — как-то так повелось — всегда присутствует там, где меня позорят. Сам он лично меня три раза опозорил, но опозорил по закону. Этого человека уважаю, и тем неприятнее видеть его свидетелем позора. Городецкий, когда все кончилось, криво улыбаясь, сказал: «Ну и теперь пока, всего хорошего; вечером встретимся» (единая, дружеская и т. д. институтская семья).

В восемь часов вечера у нас должен был быть банкет по случаю праздника. Собирали деньги в двадцатых числах, почти в директивном порядке собирали. Я сначала не хотел, но в бухгалтерии такие рожи скривили, что пришлось тоже покривиться и подписаться. Я этих сборищ не люблю; чувствую себя не на месте. Сразу после семинара сходил заказать в библ<иотеку> Ак<адемии> наук книги, думая на праздники обложиться ими. Решил на банкет все-таки плюнуть. Но потом раздумал, рассчитывая встретить там Бялого, поговорить о сегодняшнем заседании и о докладе. Я решил идти также потому, чтобы случайно у кого-нибудь не создалось впечатления, что именно под влиянием «событий» последнего семинара я не пришел.

В начале девятого приехал к институту и наткнулся на запертую дверь. Дверь застекленная, сквозь нее был виден вестибюль — темный и без единой души. Сверху на лестницу падал свет, но тоже — ни звуков, ни мелькания теней человеческих хотя бы. Меня это заинтриговало. Я отошел от дверей, посмотрел на весь фасад. В актовом зале — свет, в кабинете директора и в бухгалтерии — свет, но всюду свет безжизненный, какой-то настороженный, однако же, и присутствие людей вовсе не заметно. Тут подошла старенькая служительница и сообщила, что в 3 ч. дня (видимо, минут через 20 по оконч<ании> семинара) пришел приказ (откуда?) банкета не устраивать. Приказ, конечно, послушно исполнили. Почему запретили, мне не интересно. Ушел домой без

разочарования, только сожалел немного, что пришлось проехаться. Эх, проехаться бы куда-нибудь подальше от помойки нашей жизни! Понимаю Гринов, понимаю Олдингтонов и Хемингуэев и всех тоскующих, усталых, вздыхающих. Страшное время.

20/XII—49.

Сегодня вторник. В пятницу будет слушаться мой доклад. Я на него возлагаю большие надежды, мечтаю о похвалах — единственном средстве, которое может упрочить мое положение в аспирантуре. Но, видимо, нужно ожидать только плохого. Отдавая доклад на просмотр своему руководителю, получил оч<ень> сдержанный отзыв. Доклад он оценил как реферат, не больше, и сделал много удивительных по своей странности замечаний. Некоторые слова, выражения и мыслишки, придававшие докладу оттенок непосредственности и живости, забраковал как ненужную фривольность. Вообще страшно боится... не за меня, конечно. В пятницу директор будет отсутствовать, поэтому Г<ригорий> А<брамович> настаивает на том, чтобы доклад делать. Но если доклад плохой, почему не обождать, не подработать? Нужно рисковать.

Сие мне очень подозрительно. Начинаю думать, что он хочет от меня отделаться, предав на растерзание. Вообще, его сегодняшнее поведение показалось мне двуличным. Он не хвалит и не ругает, держится срединки, и в этом, как я думаю, есть свой резон! Чернышевского он знает плохо и боится попасть впросак на семинаре. Напр<имер>, он меня разругает сейчас. А что будет, если на семинаре вдруг похвалят?

Посмотрим, что будет в пятницу. Если выгонят, куда денусь? Единственное спасение — в аспирантуре. Иначе, с моей волей, характером и убеждениями, счетоводческая жизнь в перспективе, не больше. Сейчас сижу над тезисами. Никак не могу составить. Завтра их нужно подать, и у меня останется только $1^1/_2$ дня на доработку доклада. Гр<игорий> Абр<амович> в высшей степени равнодушный человек. На него в трудных обстоятельствах рассчитывать нельзя.

30/XII—49.

Доклад прошел благополучно. Б<орис> И<ванович> Б<урсов>, забраковавший до этого один доклад и заваливший двух аспирантов на экзамене вопросами о Чернышевском, мой доклад оценил как удовлетворительный, смягчив эту неприятно-выразительную оценку ссылкой на то, что по теме нет ни одной работы и мне не на что было опереться. С его возражениями можно было не соглашаться, и я не соглашался. Гр<игорий> Абр<амович> после прений сказал мне, что защищался я хорошо. Б<орис> И<ванович> Б<урсов> закончил или почти закончил докторскую диссертацию по Чернышевскому, в этом вся суть. Он сейчас находится в таком состоянии, что все неподходящее под его концепцию неизбежно воспринимается им как неправильное. Он, что называется, еще не остыл.

Григорий Абр<амович> отделался несколькими словами. Видимо, он руководствовался точкой зр<ения> Б<ориса> И<вановича>. Согласиться с нею в открытую значило способствовать моему потоплению. Не согласиться тоже нельзя было, потому что он говорил до того с Б<орисом> И<вановичем>. Он довольно остроумно сумел ничего не сказать, но сделано это было так, что выступление его все-таки состоялось и было зафиксировано. Как руководитель он не считает себя способным дать объективную оценку — раз; прения выяснили многое, поэтому он не считает нужным повторяться — два. В итоге он может сказать только одно: докладчик умеет самостоятельно мыслить.

Нужно сказать, что ссылка на прения оказалась верхом изворотливости; сославшись на прения, он все-таки ничего не сказал, потому что мнения аспирантов сразу же разделились: одни говорили за, другие против, спорили между собой и ни до чего не доспорились. На другой день Нора завалила минимум по Чернышевскому. Спрашивал, главным образом, Б<орис> И<ванович>. Так что можно считать, что мне повезло. Тем более, что Норин доклад (у меня «Чернышевский и Тургенев», у нее «Чернышевский и Толстой») не был даже допущен к чтению.

Бельчиков в момент экзамена Норы был в Москве. Она рассчитывала сдать в его отсутствие, считая его самым опасным противником. Проскользнуть не удалось. Ей двойки не поставили, предложив сдавать еще раз через месяц. Бельчиков потом рвал и метал: почему не поставили двойки? Отсрочку сократил вдвое. В середине января она будет сдавать. Шансов на благополучный исход очень мало. Впрочем, особа эта работоспособная, настойчивая и упорная. Может быть, и удастся. Я также буду пытаться в январе.

Позавчера говорил с Г<ригорием> А<брамовичем> о докладе и о споре, имевшем место между Б<орисом> И<вановичем> и мною. Г<ригорий> А<брамович> развел руками: после драки кулаками не машут. Так-то так, но ведь минимум-то придется сдавать. Я до сих пор не знаю, чего держаться: Б<орис> И<ванович> не согласился с моей концепцией, но и своей не выставил. Всю литературу о Чернышевском он считает неудовлетворительной. Почему — можно узнать только у него, но обратиться к нему, будущему экзаменатору, неудобно. Нужно во что бы то ни стало удержаться в аспирантуре. Исследователем я быть не собираюсь. Моя мечта — получить кандидатскую степень и уехать вузовским преподавателем куда-нибудь на юг. Преподаватель из меня должен получиться. Безбедное существование, теплый климат и чтение книг по собственному выбору — вот все, что мне нужно. Это главное.

1950

22 февр<аля> 1950.

Сдавал Чернышевского 4-го числа. Получил 4. Писать об этом подробно не хочется. Помню, чувствовал себя так, как будто гора свалилась с плеч. Но теперь все идет по-старому. Работа эта, надо признать-

ся, меня не радует и кажется ненужной. У меня нет времени читать нечитаную литературу, следовательно, некуда спрятаться от самого себя и от «жизни». Невозможность читать художественное в свое удовольствие сказывается на языке. Сегодня просмотрел дневник за 42 г., и мне показалось, что тогда я и чувствовал свежее и писал лучше. Сейчас у меня на очереди Горький. Читаю его литературно-критич<еские> статьи. Меня поражает то обстоятельство, что Горький, неоднократно писавший о неудовлетворительности продукции начинающих, упускал из виду главную причину низкого качества их произведений. Только тогда можно верно написать что-либо путное, когда материал пропущен через личный опыт. Писатель должен на собственной шкуре испытать то, о чем он пишет, и всегда исходит из личного опыта. Недавно ругали Катаева за его книжку «За власть Советов». О критике я только слышал, самое книжку полностью не читал (слушал несколько передач по радио), но знаю: в значит<ельной> степени она надумана.

Когда Катаев писал «Белеет парус...», он располагал непосредственно пережитым материалом — своим детством, и книжка получилась хорошая. Задумав дать ее продолжение, он проделал механическую работу, в которой нет души. Этого и следовало ожидать, так как здесь ему личный опыт помочь не мог. Писатель должен уметь чувствовать и не насиловать своих чувств, он не должен выходить за пределы своих чувств и впечатлений. Если же он хочет дать художественную иллюстрацию какой-нибудь идеи или теории, воспринятой извне, — все равно: сначала переживи ее, прочувствуй на личном опыте, иначе шиш получится.

28/III—1950.

Горький с презрением и гадливостью говорит о людях, боящихся смерти. По его терминологии, это мещане и индивидуалисты, мысли которых никогда не выходят за пределы своего «я». Они рассуждают обнаженно-цинично: после меня хоть потоп, но пока я живу, нужно урвать все, что можно, даже если это сопряжено с риском паразитизма.

Я не думаю, как эти люди, но смерти я боюсь. Правда, боязнь у меня иная. Я боюсь смерти, потому что хочу жить с себе подобными, с людьми. Я не могу сказать, как индивидуалисты: после меня хоть потоп. Все хорошее в жизни меня привлекает, при встрече с хорошим у меня никогда не возникало садистического желания оплевать его или уничтожить только потому, что оно лучше меня. Короче говоря, я не боялся бы смерти, если бы жизнь не привлекала меня. И я не индивидуалист, меня тянет на широкий простор, и вся скука и тоска, посещающие меня нередко, порождены невозможностью жить полно, весело, содержательно.

На заседаниях сектора профессора часто читают работы о маленьких писателях прошлого. Обсуждаются работы солидно, серьезно и подробно, иногда с остервенением и запальчивостью. Под всякую мелочь подводят базу эпохи и социальной борьбы. Это уж так повелось: образную мысль писателя вводить в какое-нибудь прокрустово ложе.

Сидишь, слушаешь, смотришь в окошко в серое северное небо и думаешь о бесполезной трате времени. Слишком много возни с маленькими, скучными мертвецами. Это время можно было бы употребить с большею пользой и талантом. Но люди дорожат крохами механического знания сомнительного достоинства и значения. Собрано оно с трудом, и поэтому пренебречь им трудно; кроме того, это их хлеб и жизнь. Что они станут делать, отказавшись от него? Я почти уверен: все они, покидая заседания, переключаются в другую сферу мыслей и чувств, более живую; деловая, ученая жизнь для них — ширма, средство, помогающее отгородиться от миллионов неустроенных людей. Они, конечно, понимают, что время для хорошей жизни для всех еще не наступило, но что для личного благополучия данными овладеть можно, и овладевают. Не они ли индивидуалисты и мещане? В лучшем случае — люди слабые, про себя понимающие свою беспомощность и живущие как можется, по своеобразной правде, но все-таки по линии наименьшего сопротивления. У них есть багаж культуры, несколько более весомый, чем у остальной массы смертных. Тщеславие часто прорывается наружу, и тогда они дают едко понять, что они люди интеллигентные, люди со знаниями и вкусом, не терпящим ничего вульгарного.

На последнем заседании я часто поглядывал в окно, по обыкновению. Тучи, ветер, солнца нет. По горбатому мосту, как-то съеживаясь, прижимаясь к настилу, неслышно, воровато бегут трамваи, троллейбусы, исчезая затем между двумя рядами серых и высоких домов с облупленной штукатуркой. Ряды домов сжимают узкую улицу; невольно думается о холоде и тьме.

Люди в комнате говорят по формуле «от сих до сих», трамваи и троллейбусы, так быстро бегущие, не убегут далеко: у них свое «от сих и до сих». Часы, дни идут, слагаются в годы, человек стареет, но с ученым видом знатока продолжает копаться в архивной пыли. Неужели ему никогда не приходит в голову мысль, что он занимается делом неблагодарным и вряд ли нужным? Наверняка приходит; все-таки он человек...

Видеть каждый день одни и те же вещи, одних и тех же людей тяжело и утомительно. Не потому, что и те и другие противны, а потому, что этого недостаточно. Земля велика и прекрасна, великие художники и мыслители нередко говорили о том, что земля для человека, а не человек для земли, но человек в массе пока еще — и, вероятно, надолго — прикован к одному месту, как каторжник к своей тачке.

Смотришь в окно с запоздалой мечтой о далеких странах, незнакомых людях, которых так-таки и не увидишь. И вот тут-то и приходят мысли о смерти, сопровождаемые в большей степени чувством обиды, нежели страха, но все-таки и страх есть... Говорят, сильные люди не боятся, боятся только слабые. Не думаю. Слабые боятся чаще, у них меньше возможностей для удовлетворения своих потребностей, но, так как у сильного почти всегда потребности обширнее, страх знаком и ему. Большому кораблю большое плавание, но, как известно, большому

кораблю уготованы и бури соответствующие, и не всегда он эти бури побеждает. Сильному тоже знаком страх.

Горький много говорил о радости жизни, борьбы, деяния. Я думаю, что его произведения на эту тему — только попытка дать картину, но еще не сама картина. Горький открыл (вместе со многими другими, напр<имер>, с Дж. Лондоном) дверь в новый мир. Свет, хлынувший в эту дверь, ослепил его и не дал возможности заглянуть поглубже. Горький и другие сыграли только увертюру, они чувствовали впереди непочатый край звуков и красок, но овладеть ими не смогли. Будущее у литературы — огромное. Девушка и смерть, Буревестник, Сокол — гениальные эскизы, и Горький понимал, что это именно так: эскизы. Недаром же он впоследствии писал о Самгиных — существах серых, мешающих жизни стать яркой, красивой. Сначала Горький дал эскизы прекрасного будущего, но потом всю жизнь занимался уничтожением мусора, мешающего всем людям, по крайней мере, огромному, здоровому их большинству, увидеть и почувствовать жизнь в формах радости, здоровья, труда и любви.

Горький мыслил крупно и благородно. Он по-настоящему великий человек и, как существо удивительно благородное, немножко наивен. Я временами недолюбливаю Гоголя и Чернышевского, о Достоевском же прямо скажу: всегда неприятен. Мои мысли о Гоголе и Чернышевском до некоторой степени совпали с горьковскими. В особенности это касается Чернышевского. Горький говорит о том, что Чернышевский мыслил о народе догматически, что народ для него был материалом для построения теорий и только с этой точки зрения интересовал его. Верно это или нет — не берусь судить, но мне думается, что Чернышевский неспособен был любить людей, а если и любил, то книжно, формулами и теориями; к образному мышлению был почти неспособен. Недаром Тургенев называл его работы «мертвечиной».

Я думаю, что и для Сталина народ — только строительный материал. По Сталину, такой образ мыслей диктуется необходимостью и знанием, чего у Чернышевского не хватало. Если человек жертвует миллионами для правильно понятого прекрасного будущего и если этой жертвы не избежать — вины здесь нет, по-моему. Сталин мало и просто говорит. Понимает, что в наше время дифирамбы и словесная пышность неуместны.

30/III—50.

Один из любезнейших сердцу вопросов — вопрос женский. <...> Только что в заспанном и растрепанном виде выходил на звонок. Приходила подруга сестры, с которой я когда-то вместе учился в школе. Женщина цветущая, красивый рот и зубы (сплошные и выпуклые), умеренно пышные формы, возбуждающие своей законченностью. Признаюсь: красивую, даже просто привлекательную женщину всегда раздеть хочется. Здесь несомненна значительная примесь животного, но к этому нужно добавить желание видеть красивое, жадное стремление к

непознанному. Смешно было бы отрицать в женщине «человека», но стремление видеть в женщине исключительно «человека» пресно, не совсем искренно и недостаточно. Я могу увидеть везде: в ребенке, мужчине, старухе, старике, женщине всякой — красивой и некрасивой, но только в красивой и неглупой женщине увидишь тот необходимый дополнительный элемент, без которого содержание понятия «человек» тускло и незаконченно.

Возможно, — от неумения выразить свою мысль, — я говорю пошлости, но факт остается фактом: для меня женщина очень много значит. Чаще всего женщина воодушевляет (я говорю об отдельном бытовом человеке) на дерзкие и благородные чувства, она стимулирует действенное отношение к жизни и делает глаз изощренно-зорким не только на хорошее, но и на создание хорошего. Почему многие люди, пожив значительный срок с женой, превращаются в существа более или менее серые, бесцветные, скучно и сыто уравновешенные? Я думаю, причина не только в возрасте, семья накладывает отпечаток. Теоретически семья уже не оправдывает себя, но по рутине и в силу сложившихся обстоятельств социального порядка продолжает существовать и поддерживаться законом в теперешних формах. Животные, запертые в железную клетку, постепенно теряют свою первобытную, свободную красоту и силу, — последним негде проявиться. Так и человек в семье. Семья должна быть большой, общей, такой, какой ее мыслил Чернышевский (в принципе) в своем романе. Семья дружная, здоровая, не исключающая обязанностей друг к другу отдельных ее членов, но, тем не менее, не насилующая индивидуальной свободы и склонностей. Человечество до такой семьи явно не доросло, что доказывается примером хотя бы тех людей, которые не удовлетворяются одной женщиной. Любовь ко многим у них превращается в голый разврат, приобретает чаще всего скотские формы.

Главная причина неустроенности мира мне хорошо известна. В конце концов все малые и большие неполадки в жизни современного человека объясняются этими причинами, и я знаю, что такой жизнь будет еще долго, хотя — неизбежно — и изменится к лучшему. Но ждать не хочется. Я мог бы жить иначе. Многие люди в наше время уже созрели для будущего, сознают это, но разве одного сознания достаточно? Эти люди очень часто должны испытывать чувства, горечь которых незнакома большинству. Большинство нужно перевоспитывать и толкать на борьбу со старым миром. Трагедия этой борьбы заключается в том, что, сцепив зубы, нужно стойко переносить временные потери даже того недостаточного багажа в камере человеческого счастья, который уже удалось скопить и сохранить. К будущему ведет, к сожалению, тяжелый и трудный путь. Стыдно отказываться от этого пути, но я думаю: это очень естественно и не должно возбуждать ненависти и гонений со стороны пастырей ведомого стада, когда некоторые из этого стада, менее других приспособленные к кочевой жизни и уже достаточно развившиеся до того, чтобы питать отвращение к драке с себе подобными,

сдают, не выдерживают, раскисают. Я не оправдываю ренегатства; знаю, что во всемирной свалке нет места сентиментальности и заботам о душевном уюте человека, взятого отдельно. Но такого человека нужно все-таки поддержать, ибо его раскисание закономерно и оправдано обстоятельствами, против которых он не всегда с успехом может бороться.

Дело писателя заглянуть поглубже в человека, чутко отнестись к этому неизбежному разладу в душе его. Это не помешает теперешнему стремлению писателей показать советского человека с большой буквы, как героя и строителя нового мира. Наоборот. Я согласен с Горьким, т. е. считаю, что только человек нашей страны способен создать прекрасное будущее. Какими бы недостатками этот человек ни обладал, все-таки он на верном пути и, пусть по кривой, идет неуклонно к своей цели. По природе своей он не способен к ренегатству и отступничеству. Но если он не ренегат, так это еще не значит, что он мыслит и действует прямолинейно, схематично, сухо, как геометрия. Он не камень и не кусок дерева, а существо с тонкой нервной организацией, которая не может не остаться невосприимчивой в массе самых разнообразных явлений жизни. Развитие идет по кривой. Духовно богаче и заслуживает большего уважения тот, кто сделал свой путь по кривой, а не по прямой. Да прямой в развитии, впрочем, и нет. Она выдумана для наглядности и легкости изучения всякого развития. «Мелочи» и «второстепенное», имеющие для писателя огромное значение как рядовой, но необходимейший материал образной системы, отбрасываются в сторону только при окончательной отшлифовке формул той или иной теории. Без мелочей и второстепенного нет убедительной картины процесса. Мелочь и второстепенное — это тот же факт, без которого невозможна формула, кирпич, без которого не построишь дома, и т. д. Та мелочь, о которой я сейчас говорю, на мой взгляд, очень важна для писателя.

Нового человека нужно изобразить не только для поддержания веры в себя нового общества, не только для творческой зарядки его, но и в назидание и поучение потомству. Это потомство, духовная жизнь которого будет неизмеримо богаче и разнообразнее нашей, может отнестись с недостаточным уважением к конкретному человеку, когда увидит, что он толстокож, громкоголос и однообразен и обладает мало восприимчивой и негибкой психикой. Когда оно будет читать книжки наших дней, у него наверняка создастся такое впечатление, не очень выгодное и правдоподобное, но закономерное.

Делать из человека схему, ходячую идею, способную мыслить и чувствовать только в заученных формах, — это, мягко выражаясь, похоже на издевательство, на спекуляции. Арифметика — только стадия математики и, как известно, начальная ее стадия.

Кроме всего прочего, человек будущего, изучая нашу литературу, не увидит в ней полной картины богатого и разнообразного процесса в психике человека нашего времени. И о жизни нашей он получит представление скудное и неполное. В теории он будет благодарить нас за

наследство, но чувством глубокой духовной связи времен и людей может и не понять. И получится у него митинговое только, показное уважение и любовь к рядовому деятелю нашего времени. Для приличия поговорив о нем на официальных сборищах, в личной практике забудет о том, что когда-то существовал человек, потом и кровью которого выстроено здание, в коем он живет, здравствует и процветает.

Литература должна давать человека во всей его сложности и колебаниях. Стремление к творчеству новых форм жизни и строительство этих форм нужно изображать как сознательное, активное стремление, которое человек выдвигает из себя. Колебания порождаются чаще всего внешними, не главными причинами. Они неизбежны, они как бы навязываются человеку помимо его воли и внешними обстоятельствами и некоторыми несовершенствами его «я». И они должны быть также изображены. Героизм и красота — в преодолении. Когда же человек, строя новый мир, преодолевает в себе попутно темное и слабое, но не прячет его ханжески, стыдливо в себе — такой человек — настоящий человек, он красив и стоит того, чтобы о нем знали и уважали его. Это важно не только для объективной оценки нашего времени человеком будущего. На мой взгляд, это имеет огромное практическое значение в нашей повседневной жизни.

Человек, читая настоящие художественные произведения, увидит, что о нем говорят правду, увидит, что его жизнь полна великого значения и героизма, и героизм этот не затушевывается изображением отдельных срывов, слабостей, колебаний, неуверенности, а только приобретает более рельефные и весомые формы на этом фоне. Он узнает себя и подлинную правду о себе, поняв, как, в сущности, несмотря ни на что, правда эта прекрасна. Но не только это он узнает. Такое — настоящее — художественное произведение покажет ему человека и рядом с ним стоящего, работающего с ним вместе, оно научит гуманизму, чуткости, бодрости, вере в происходящее, дает зарядку к активному действию, раскроет полнее смысл и перспективы происходящего, научит не скрываться, не прятаться, не стыдиться, а уважать и себя и товарища, видя в нем прежде всего человека и друга до конца. Правда — самый лучший воспитатель и сильнейший возбудитель так называемых добрых чувств. Фальшь морально коверкает человека, культивирует в нем скептицизм, недоверие и тенденцию к исповедованию подловатого кредо: моя хата с краю, ничего не знаю.

Не всякий — особенно в последние годы — чувствует себя в своей стране как дома. Многие начинают считать себя временными постояльцами, которых терпят только потому, что они хорошо платят за квартиру. Литература могла бы заняться устранением этого недоразумения. Но пока она не справляется с этим, а очень часто бьет мимо цели.

Я считаю, что в двадцатые—тридцатые годы человек нашей страны в гораздо большей степени чувствовал себя хозяином и строителем собственного бытия, чем, например, сейчас. Сейчас многие считают

себя жертвами, париями, а не хозяевами своей судьбы. Таковыми людьми себя считают, главным образом, рабочие.

1/IV—50.

Прочел последнюю запись. Не понравилось. Написано, как показания обвиняемого, стремящегося оправдаться в тяжелых грехах.

Сегодня в институте встретился с девицей, отношения с которой, мне почему-то кажется, могут привести к постели. Были в кино, назначили rendez-vous на понедельник. Осенью она мне почти нравилась, сейчас не очень, и это почти все, что могу сказать на этот счет. Поживем — увидим. До сих пор то ли по разборчивости, то ли из лени — скорее второе — отказывался от любви второго сорта. Теперь же хочу развлечься, если выйдет. К тому же весна и лето на носу — время чрезвычайно благоприятное для волокитства. Почему-то мне кажется, что она с давних пор не склонна в чем бы то ни было мне отказывать. Показания наблюдательных способностей следует проверить на практике.

11/IV—50.

Несмотря на то, что читаю и перечитываю Горького, находя в нем много поучительного для себя лично, живу в замедленном темпе. На стороне прочных интересов нет, дома — скучно. Почти все домашнее время провожу на диване. Жить хочется, но явно не можется. Горький суров к людям моего типа (мысли его о мещанском индивидуализме считаю камнем в мой огород). Я думаю, суровость уместна к большим группам, прослойкам людей, что же касается отдельного человека, то его судить и осуждать нужно с большой осмотрительностью. Конечно, я не хочу этим сказать, что требую к себе внимания (его, кстати, и требовать не от кого); говорю так потому, что убежден в этом. В умирающих классах, например, были люди большой духовной ценности. Горький не отрицает этого, и много несчастных и жалких — не от бессилия и безволия, а от условий.

В обществе меня считают человеком резковатым. В разговорах с людьми не замечаю за собою той кислятины, которая мной овладевает, когда остаюсь один. Это потому, что есть у меня две жизни. В институте я живу деловой жизнью, литературные вопросы там меня занимают с точки зрения практической: думаешь о минимуме, диссертации, обсуждаешь, запоминаешь сказанное тем или иным писателем. Дома не то. И думаю о другом. Часто о смерти, о приближающейся старости, о времени, бессмысленно убиваемом на разные мелочи. Жизнь уходит неуклонно, и остановившийся ее кусок весь наполнен одной мыслью, даже не мыслью, а желанием — пожить не так, как живу. Хотелось бы попутешествовать, хоть немного, отряхнуться от будней, встретиться с новыми людьми. Часто тоскую о работе, заполняющей все время, об удовольствии, получаемом от работы. Может быть, лучше для меня было бы, если бы у меня была не такая профессия, а что-нибудь непосредственное, полнокровное, лишенное рефлексии, часто бесплодной.

Одно время до войны я мечтал о жизни моряка. Неплохо было бы стать садоводом, геологом. Жажду перемены мест, жизни под открытым небом, труда, результат которого сразу же виден. Труда хочется не механического и не одинако<во>го.

У Горького очень хорошо сказано об индивидуалисте-интеллигенте, вообще индивидуалисте. Ненормальным в его жизни Горький, напр<имер>, считал то обстоятельство, что ему, индивидуалисту, значительную часть своих сил приходилось тратить на самозащиту, а не на развитие своих творческих способностей. Вместо того, чтобы двигаться вперед, способствовать прогрессу в жизни людей, он защищал свое маленькое настоящее, чувствуя ложность и трагичность своего положения и недостаток сил, чтобы выйти из него. Сейчас весь мир в таком положении.

Сестра кончает педиатрич<еский> ин<ститу>т в этом году. Много было толков перед распределением: какое место выбрать для работы. Я ей такими красками расписал Узбекистан, что, когда ей предложили Казахскую <ССР>, она совсем пала духом. В значит<ельной >степени благодаря моим подстегиваниям и коварным рассказам о красотах азиатской весны, об одежде и обычаях узбеков она набралась упрямства и настояла на Узбекистане. Несколько дней я жил ее интересами. В мыслях я уже давно побывал у нее в отпуске и насладился среднеазиатской экзотикой. У меня часты моменты, когда, замечтавшись о чем-нибудь, могу часами сидеть сложа руки. Своей жизни явно не хватает.

Я люблю литературу; может быть, поэтому не следовало ее выбирать для профессии. Я ее люблю по-своему, не «научно». Постепенно завожу библиотеку.

Кошка родила котят. Дело не обошлось без моего участия чуть ли не в роли акушера. Животных я люблю, и они понимают это. Кошка как бы напроказила, не боится, если застаю ее на месте преступления. Первый котенок, родившись, умер, три других здравствуют, беспрерывно сося и вслепую воюя друг с другом. Самый воинственный из них — серая кошечка, органически не переносящая покоя. У двух других шкурки как черный бархат с темно-оранжевыми пятнышками и двумя продольными полосами такого же цвета на спине. Коты. Один из них — явный индивидуалист и сибарит. Пока та пара пищит, обрабатывая друг друга лапами, — очень похоже на торопливые пощечины, — лежит «вдалеке» от них, уютно расположившись под задней лапой мамаши и молча, солидно сосет, надуваясь, как пузырь. Д. злится на меня, грозя утопить всех котят (не занимаешься из-за них и т. д.), но когда выхожу из комнаты, где они лежат в корзине, сама к ним лезет с ласками. Один раз я застал ее за этим занятием, и мне стало смешно. На лице ее удовольствие смешивалось с легким недоумением: чего он в них нашел? Однако же, видимо, что-то и в самом деле интересного в них есть…

P. S. На rendez-vous не пошел. Успеется.

22/IV—50.

Сегодняшний день был для меня сплошным самомучительством. Появился в институте как ленивый забулдыга — опоздал на час. В перерыве, слоняясь по коридору, слышал, как Ник<олай> Ив<анович>[13] спрашивал, обращаясь к людям и стенам: «Где Григорий Абрамович?».[14] На душе у меня было мутно, тем не менее, с веселым выражением на лице и, как мне кажется, с пошлой фамильярностью, подошел к Ник<олаю> Ив<ановичу>, сказав ему, что Григ<орий> Абр<амович> болен и сегодня не придет. Можно было ограничиться этим, но я почему-то добавил явно невпопад: у Григ<ория> Абр<амовича> появился пес; Г<ригорий> А<брамович> собирается назвать его Шуриком. На это сообщение последовало вежливое и несколько недоуменное: «Гм... гм...». После чего я почувствовал себя лакеем, в котором лакея разгадали. Расхлябанной походкой, вспотев от муки и от вдруг нахлынувшей усталости, отошел и столкнулся с Пиксановым. Не поздоровался и заставил его уступить дорогу. Старик этот самолюбив и болезненно-тонко замечает грубость и невоспитанность, когда они проявляются не у него. Но я не мог поздороваться по другой причине: руки у меня к этому времени стали по-лягушечьи холодны и липки. То же самое вчера произошло у Григ<ория> Абр<амовича> на консультации. Когда чувствую себя несвободно, не на своем месте, усталость появляется незамедлительно, и вслед за этим тело покрывается отвратительной испариной. Встреча с Григ<орием> Абр<амовичем> носила не настолько приятельский и задушевный характер, чтобы можно было на другой день комментировать ее с плебейской фамильярностью. Григ<орий> Абр<амович> был действительно немного болен и консультацию давал лежа на диване, забравшись на него в уютных домашних шлепанцах. Я отметил эти шлепанцы и то, что квартира пропитана запахом кошки и собаки — запахом чуть ли не более острым, чем у меня дома. Григ<орий> Абр<амович> всегда вежлив и доброжелателен. Аспиранты сии его качества сразу замечают и на этом их наблюдательность ограничивается. Что касается меня, я иду в этом отнош<ении> гораздо дальше. От меня не скрывается и другая особенность maître'a — его равнодушие, снисходительная покладистость учителя, который чувствует себя богаче ученика во всех смыслах, но не находит нужным этими богатствами поделиться — ни сейчас, ни потом. Говорили мы о критике и публицистике Горького. Конечно, мною сразу же было замечено: о многих статьях он не может иметь суждения, потому что не читал их, о некоторых знакомых статьях — потому, что это или не его «эпоха», или потому, что не хочется возвращаться к скучному, давно изжитому прошлому.

---

[13] Н. И. Мордовченко.

[14] Г. А. Бялый.

Деловые встречи у нас бывают редко, но, так как они необходимы и к тому же в официальном порядке учитываются дирекцией, он интересуется ими… с точки зр<ения> их документального оформления.

Обычно он только слушает. Меня больше устраивала бы беседа. Говорили мы часа полтора. Я видел, что он ждет конца — не потому, что болен; я, кстати, еще при входе к нему предложил перенести консультацию на другой день — и скучает. Это вязало мне язык, оскорбительная ненужность происходящего утомляла меня. Все эти «псевдоученые» галопы по верхам часто кажутся совершенно бессмысленными, наука о литературе — безвкусицей, выдуманной для того, чтобы дать возможность занимающимся ею людям добывать деньги на жизнь. Есть литература, есть образ и мысль того или иного писателя — почти всегда интересные, поучительные, полезные, окрыляющие, т. е. что-то несомненно весомое, нужное, честное. Науку же о литературе я воспринимаю только как паразитивный комментарий, в оч<ень> редких случаях полезный и будящий мысль. Сейчас, когда этот комментарий все больше и больше превращается в циркачески изощренное искусство приспособления и перекрашивания фасада литературного здания в pendant к тому или иному политическому поветрию, как известно, очень часто, а подчас и резко меняющему направление, его несамостоятельность и куцая схоластичность особенно резко бросается в глаза. Я цепляюсь за аспирантуру только потому, что она дает возможность все время находиться в кругу литературных интересов, избавляя при этом от необх<одимости> думать о куске хлеба. Литературой я интересовался бы и не будучи в аспирантуре, тогда не удалось бы уделять ей все время. Так удобнее. Но все-таки мое положение кажется мне ложным, и только невозможность безболезненно изменить его удерживает меня в нем. Я хочу знать литературу, но посвящать свою жизнь работе не в литературе, а сомнительных пристроечках к ней, которые мне почти всегда кажутся инородным телом, не хочется. Нашу науку я понимаю только так (примитивно?): накапливать и систематизировать непосредственные знания о писателях и на работе с тем, чтобы в сжатом виде реализовать их на лекциях, которые должны строиться как изложение фактов. Наша работа, по-моему, должна сводиться только к обработке и передаче фактов; концепции и гипотезы должны строить только самостоятельные науки.

Для меня важно наложение знаний и чувств, на основе которых вырабатывается гибкость мысли. То и другое я, таким образом, получал и получаю у писателя-художника — человека, которому всегда верю. Живое не врет, а хороший писатель — наиболее живой человек. Но читать художественную литературу в «охотку» не удается. Приходится читать литературу о литературе. Сие сушит и, как я уже говорил, угнетает потому, что не веришь в нужность литературы о литературе. По крайней мере — там много лишнего.

Художественная литература всегда поддерживала во мне силы, внушала бодрость и давала смысл личной жизни. С помощью художест-

венной литературы я чувствую себя частицей мира, чувствую, что живу в нем и что жизнь эта — хороша все-таки.

Труд художника считаю самым благородным и красивым. Этот труд раскрепощает душу, внушая чувственную любовь к миру и человеку, любовь, лишенную даже намека на пошлость.

Теперешнее мое положение меня оскорбляет. Я не на своем месте. Если человек, принимаясь за работу, уже мечтает об отдыхе как язычник, это не работник. Я в таком положении и вижу всю его анормальность. Я хочу жить, работать, с этого начинать, а уж потом, если это будет необходимо и полезно, — исследовать. Волею судеб приходится начинать с последнего. Бросать аспирантуру самовольно, однако, нельзя. Потому что работа школьным учителем окончательно убьет меня. <...>

Снятся плохие сны. В разговоре с двумя аспирантами «нечаянно» назвал директора дураком, а потом заговорил о летнем отдыхе. Когда один из них отошел, другой сказал мне: «Напрасно ты мечтаешь об отдыхе, теперь тебя исключат. Этот тип пошел к директору». Вышел ночью за ворота, на проспект. Тьма кромешная. Издалека доносится натужное гудение самолетов и хлопки зениток. Понимаю, что это война. Покойное колыхание мягко вздыбленного воздуха, все медленно поднимается вверх. Уши перестают слышать, глаза — видеть, губы твердеют и постепенно теряют чувствительность, словно в них ввели замораживающее средство. Чувствительность теряется быстро, но при этом думаю: какая умиротворяющая, медлительная постепенность! Не жалко жизни. Смерть проста, покойна, как сон. Стоило ли столько лет бояться ее, изворачиваться в мелочной борьбе с людьми и тяжелыми обстоятельствами? С тихими слезами отбываю в вечность. Законченный образчик декаданса, не правда ли?

Установилась ранняя теплая весна. Сбросил пальто. В трамваях открыты окна. Ехал сегодня, читал книжку. У Казанского трамвай долго стоял. Было утро. Теплый, ласковый воздух и в нем — осторожно-мягкие, мелодичные голоса женщин. Словно эти женщины говорят где-то далеко-далеко, но воздух настолько чист и прозрачен, что эти голоса, смягченные расстоянием, окутанные дымкой невыразимой прелести, слушаешь без всякого напряжения барабанных перепонок. А в институте толстая женщина ватным, пресным голосом читала доклад — «Ленин и фольклор».

12/V—50 г.

В институте была переаттестация аспирантов и докторантов. Григорий Абрамович при мне на одном из заседаний написал мне хорошую характеристику и дал мне ее прочесть. Мне было неудобно брать ее, но он, очевидно, заметил, что мое смущение и щепетильность несколько преувеличенны и манерны. Кажется, прошло все благополучно, если только дирекция не подложила свинью тайком. Последнее же слово все-таки за ней.

Несколько дней с утра до вечера занимался в институтской читальне. Наши аспиранты только что не спят там (педагогические в особенности[15]). Все они обходятся друг с другом запросто, на ты, и только один я в их кругу испытываю и вызываю неловкость. Что-то есть в моих манерах отпугивающее. Мне хотелось бы простоты и сердечности в общении с людьми, но не получается. Досадно.

Смотрел салют (первый раз в жизни) в день победы. Когда прогремел первый залп, распашистый, наполненный сурово догоняющими и усиливающими друг друга звуками, подумал: «Вот! Что бы ни случилось в мире, как бы он ни изменялся, а факт остается фактом: Россия не разучилась ценить и вспоминать свое недавнее горькое и прекрасное — победное! Россия много сделала и продолжает, несмотря на трудности, идти своей героической дорогой. Именно — героической». Стало хорошо на душе, радостно за всех — мертвых и живых. Живых было очень много. На просторных лестницах биржи, даже на крыше ее, на трамвайных путях, на мостах, впритирку друг к другу стояли люди. Ходили не многие, разговаривали только единицы, и это как-то поднимало настроение.

Трамваи и автобусы совсем остановились в этой тесноте и некоторое время даже после салюта не могли двигаться. От биржи до Исаакия прошел пешком, вслушиваясь в разговоры гуляющих. Странно: никто не говорил о салюте, войне, ни одной серьезной мысли, относящейся хотя бы даже к не злобе дня. На грузовике медленно проехали красноармейцы с гармошкой. Ее поганые звуки напомнили о том, что существует крестьянин — человек, все еще очень далекий от того, чтобы понимать красивое и думать о чем-нибудь, кроме своей деревни. Два красноармейца, видимо, земляки и сослуживцы, подошли к бродячему буфету. Один купил пирожки и понес их, бережливо и скупо прикрывая огромными ладонями и, кажется, ничего, кроме них, не видя. Другой испытывал явно гамлетовское чувство: пирожка хотелось, но денег мало. Он нерешительно последовал за первым, о чем-то его спрашивая, но глядя не на человека, а на пирожки в его руках. Наконец тот ответил твердо и скупо: «Семьдесят копеек», — и неловко и поспешно протолкался со своими пирожками в сквер. Где-нибудь с торопливой жадностью съест их, чавкая и давясь.

У Исаакия встретил моряков из училища. Их было много. Тихими голосами переговаривались. От них веяло чем-то особенным. Чувствовалось, что это прежде всего товарищи, друзья, веселые и верные, не дающие в обиду друг друга и уж, наверное, неспособные к таким примитивным проявлениям животного, как у этих двух красноармейцев, обладателей больших рук и удивительно маленьких головенок. Потом моряки выстроились и пошли, без команды, но дружно, красиво, слит-

[15] Речь идет о педагогической аспирантуре, длившейся четыре года. Окончившие ее должны были вернуться в те места, откуда были направлены; это было своего рода «распределение». Благодарю за уточнение И. А. Битюгову.

но и уверенно, спокойно покачиваясь на крепких ногах, мерцая во тьме ослепительно белыми бескозырками и бледно-голубыми гюйсами, при виде которых я всегда вспоминаю море и слышу его прохладный соленый запах. Вслед за моряками пошел взвод красноармейцев. Но тут было все не так. Эти шли нехотя, с напряжением. Чувствовалось, что они, особенно их краснолицый сержант, ненужно громко и строго командующий, хотят отличиться перед публикой и показать себя также и перед моряками, которым они всегда завидуют какой-то мелкой, нехорошей завистью. Моряки были уже далеко. Все так же мерно и неторопливо покачиваясь, они шли, нисколько не напрягаясь и, казалось, ничего вокруг себя не замечая, во всяком случае, мало придавая ему значения. Изящные и беззаботные щеголи.

Аспирантка, о которой я уже писал, явно ищет моего общества. Поссорившись с одним из моих приятелей (заодно очень крупно и с его женою), она старается как можно меньше бывать в нашем институте, чтобы с ним не встретиться. Но все-таки пришла. Были в кино, много гуляли после. Предлагал в один из теплых дней съездить за город, говорил о том, что от лесных запахов сейчас можно одуреть и совсем потерять голову. Она не замедлила мысли моей придать двусмысленный, почти сальный характер: «О, потерять голову — это опасно!». Я «не расслышал» этих слов. Смотрели мы «Лесную быль», хорошую картину. Тоже не обошлось без сальностей.

2 мая приходил отец безбожно пьяный. Стал совсем маленький и старый. В глаза страшно смотреть: выцвели, помутнели и дрожат. Ему пятьдесят семь лет. Протягивая над столом грязные заскорузлые руки, покрытые ссадинами, нищенски жаловался: много работает. Что я могу для него сделать сейчас? Мама с ним вместе жить не захочет. Кроме того, у него две семьи (я знаю об одной) и маленькие дети. Жена воровата, как все бедные люди, не желающие и не умеющие работать. Мелкие собственники из неудачников. Если меня куда-нибудь направят после окончания, возьму его с собой. Самое главное — мама. О ней я, конечно, позабочусь в первую очередь. Ей уже сейчас не следовало бы работать. Очень больна.

Между прочим, эта аспирантка считает меня совершенно неискушенным в вопросах флирта. Считает, что я совершено не понимаю намеков и т. д. А мне кажется, что она упорно и далеко неискусно лезет под меня. Но не могу же я говорить ей, что понимаю и должным образом ценю это. Приглашала к ней. Я схожу, конечно. Хочется до конца понаблюдать за тем, «как это делается». У нее, мне кажется, было уже довольно много любовников. У девушек, которые много работают с книгой и мало с мужчинами, нет этого грязноватого, беспокойного выражения на лице. Может быть, я ошибаюсь. Но как бы я ни ошибался, она не может мне нравиться — ни как человек, ни как женщина. Только на время может понравиться как женщина, еще не старая и не безобразная. Объективно: она недурна, но и только. Чуточку поменьше — и такие женщины совсем неинтересны. Мне сейчас почему-то грустно

вспоминать о Вере Илларионовне, нашей англичанке, которая мне очень нравилась. Нам разрешили бросить один язык, и я, так много мечтавший о знании двух языков, неоднократно говоривший о том, что второй язык — вещь приятная и полезная, бросил его. Нет времени. Как-то в апреле, в начале, Вера Илл<арионовна> говорила мне о распускающихся подснежниках, о том, что хорошо бы погулять. Я соглашался с нею. Неожиданно аспирант, шедший рядом с нами, спросил у меня: «А ваша жена курит?». Вера Илл<арионовна> мельком взглянула на меня, как-то со стороны, и я понял: она думала, что я неженат.

22/V—50.

В посл<еднее> время оч<ень> мало занимаюсь. Последний минимум давно надо было сдать.

Позавчера в институте был людный день. Документы по переаттестации аспирантов пошли в Москву. Городецкий неоднократно заговорщическим и, однако ж, довольно кислым тоном говорил аспирантам утешительные вещи относительно переаттестации, но этой темной личности не верю, как и его непосредственному начальству. Типы неприятные, способные на мелкую подлость.

Н. ходит с мучнисто-бледным лицом от страха. Лицо ее в таком виде кажется чужим на мощном и полнокровном торсе. Ее настроение передалось мне. Множество незаметных признаков мне, человеку уже изощренному, кажутся явно угрожающими.

Пробовал говорить с Гр<игорием> Абр<амовичем>. Этот, как птенец в детской ладони, сразу как-то съежился и нахохлился, скорее всего чувствуя себя шокированным моими вопросами, в которых сквозила недоверчивость, несм<отря> на то, что он, как он говорит, ничего угрожающего не заметил. Степень мне нужна обязательно. И работа — обязательно в провинции. Претензий в смысле научном у меня нет. Я чувствую себя более сильным, чем мои коллеги, но мне нужна не карьера, не лишний кусок хлеба, а содержательная жизнь, не это стоячее болото, где ни наукой, ни человечностью в отношениях даже и не пахнет. Сотр<удники> института — из занимающих видное положение — делятся на уловляющих и уловляемых. Первые значит<ельные> силы посвящают на подсиживание, подленькие колкости, иногда даже на клевету. Это называется воспитанием, выпрямлением линии, борьбой за советскую науку и т. д. На русском яз<ыке> это называется очень «смелой» охотой на зверя, у которого с изумительным по изобретательности искусством устранены все средства к самозащите.

31/V—50.

Сдача минимума затягивается. Говорил с Гр<игорием> Абр<амовичем>, говорил в канцелярии, и после этих разговоров мне кажется, люди думают: «Зачем торопишься? И вообще — зачем сдавать, все равно тебя исключат», — но сказать это прямо почему-то не желают.

Страшно унизительно. Но что делать? Я не хуже других, в этом я уверен, но от этого не легче.

Ни одной путной консультации не состоялось. До сих пор не знаю, в каком направлении и объеме будут спрашивать. Гр<игорий> Абр<амович> мямлит и ссылается на занятость, профессор-горьковед, с которым я начал было беседовать по интересующим меня вопросам, был срочно вызван на заседание.

Институт покидать не хочется. Все ж таки, как-никак, я получил там много. В сравнении со студенческими годами вырос в понимании и знании литературы. Накопил не только факты — усвоил много хороших идей, главным образом, благодаря Горькому. Если сейчас вдруг придется идти в школу — как это будет бессмысленно и жестоко! Я способен на большее, чем школа. Пробивать дорогу стороной, бороться, изворачиваться — не хватит сил и воли. В теперешнем моем положении грязная сторона борьбы за будущее исключена, вот почему не хочется расставаться с ним.[16]

<Без даты>

<...> Вокруг меня люди трезвые, материальные, каждый знает, что ему надо, а я живу литературой только, плаваю в розовом тумане, следоват<ельно>, «отстал» от жизни.

Мне кажется, что мой руководитель ни во что не верит. Но достаточно умен, умеет работать, квалификация высокая, денег много. Все, вместе взятое, позволяет ему жить как хочется.

Литература наша сейчас занята выдумыванием советского человека. Занятие скучное, но прибыльное для тех, кто им занимается. По-моему, есть не советские люди, а какие-то другие, они населяют огромную страну, серую, нудноватую, постоянно платящую огромную дань времени за отсталость, дикость, невежество.

Когда я занимался Чеховым, мне казалось, что критическому реализму рано петь отходную, Чехова я воспринимал как современника и всех, в сущности, русских и западных классиков XIX в. тоже.

На последнем экзамене (позавчера) пришлось доказывать правомерность горьковской идеи слияния романтизма с реализмом. Я понимал, чем вызвана эта идея, ценю и люблю Горького за это, но в душе с ним не соглашался. Преждевременно это. Правда понятнее, ближе, нужнее самого красивого романтизма; долговечность пафоса и героики несвойственна нормальному человеку. Пафос проявляется в минутных вспышках, остальное — ровное, нормальное течение жизни. Ровность не исключает, конечно, неудовлетворенности, но только правда утешительна, и только она помогает жить. Я говорил на экзамене не то, что думал, а то, что, мне казалось, следует думать на экзамене в нашем институте. Со мною не согласились. Социалистич<еский> реализм, сказали мне, по идее самого Горького, романтизм исключает. Это меня по-

[16] Далее изъяты две страницы.

радовало и огорчило. Горький окончательной формулы не дал, но дело в том, что в советские годы в его худож<ественном> творчестве романтизма не найдешь. Теоретические взгляды на практике ему реализовать не удалось. В советские годы он высказывался (в публицистике и критике только, я не говорю о худож<ественных> произведениях) резко, от него попахивало догмой, против которой он сам с такой непримиримостью всегда выступал. Так вот, меня порадовало отрицание романтизма, как его понимал Горький. Романтизм Горького догматичен. Я не отрицал романтизма непосредственного, льющегося из души, свободного, ничем не связанного. Огорчило меня то, что я не посмел об этом заявить, побоялся. И еще одно обстоятельство огорчило. Выводы по высказываниям Горького делают у нас не на основе изучения суммы и процесса его высказываний, а выхватывают что-нибудь одно, такое, что согласуется с формулами классиков марксизма-ленинизма. Против этого ничего не попишешь. Отправляются обычно от этих классиков, оценка писателю, последнее слово о писателе произносятся всегда с оглядкой на марксизм-ленинизм. Увлекательная работа превращается в механическую подгонку и подчистку тулова писателя для помещения его в заранее приготовленное прокрустово ложе. Пропаганда, агитация, тенденция перед наукой занимают предпочтительную позицию. То же можно сказать и об искусстве. Многие понимают, что это несправедливо и вредно, но — время такое: время бедное, жестокое и грубое. Нещедрое время. Человеку, усталому от работы и от всяческих житейских невзгод, свойственно любить выдумку, похожую на правду, и даже такую выдумку, — эту в особенности, — которая не похожа на ту правду, которой он живет. Этот человек сейчас массами кидается на картину «Граф Монте-Кристо», он отдыхает на этом, с позволения сказать, искусстве и смакует его, потому что оно освежает его, уводя на несколько минут от его настоящей жизни. Настоящее его утомляет и утомляет в том смысле, что он не смеет заявить об этом. Истошный шум о советской демократии рядовому человеку приелся, но покритиковать его невозможно без страха тяжелого возмездия, наносимого от лица якобы все того же рядового «простого человека».

Мне почему-то романтиками кажутся Мопассан и Толстой — в таких вещах, напр<имер>, как «Казаки» и «Хаджи-Мурат». Я люблю таких писателей, у которых много солнца, свободы, сочности в языке и картинах. Таких писателей называю романтиками. Романтизм для меня — понятие, не уводящее от действительности, а как раз наоборот, заставляющее любить жизнь. Горькому, по-моему, очень удались «Сказки об Италии». Называю романтизмом все то, в чем угадываю красоту жизни, догадываюсь о ней. Догадка всегда очень радует. Пассивные описания, самые красивые, скучны. Люблю быстроту действия, лаконичность — Лондон, например, но и неторопливость, пухлую, громоздкую, но насквозь пропитанную жизнью — суровой, мрачной, убедительной: Драйзер, Голсуорси, Толстой. Люблю почти всех крупных писателей, поэтому их трудно перечислить и лучше сказать, кого не люблю: Гоголя,

Достоевского, Чернышевского, Салтыкова, отчасти Диккенса. Из советских писателей не люблю Фадеева за «Молодую гвардию»: сухо, риторично, написано от ума. Люблю Ал. Толстого и Шолохова. В отнош<ении> остальных сов<етских> писателей можно говорить только по отдельным произведениям, а не по всему творч<ест>ву.

18 октября 1950.

Уже, наверное, около месяца каждый день с наступлением вечера я кляну себя за то, что ничего не пишу в дневник. По ночам, после дня, заполненного работой или — это чаще — угнетающими мыслями о ней, выключаюсь совершенно из «деловой среды» и перехожу в свой личный мир. По вечерам и ночью я ничего не могу записать,— под боком жена, и я не хочу, чтобы она знала или читала то, о чем я думаю. Утрами же у меня большей частью кислое настроение. Если не еду в институт заниматься, то и дома почти не занимаюсь. Обычно попытки в этом роде кончаются тем, что заваливаюсь на диван, погружаясь на несколько часов в нездоровое забытье. Потом кто-нибудь является или наступает вечер, и жизнь вступает в свою колею, т. е. идет время — и только. Часто скука выгоняет из дома или даже из института. Тогда отправляюсь к приятелю играть в шахматы и сколько бы ни играл — все мало. Шахматы удобны тем, что во время игры думаешь только о шахматах, а время при этом летит быстро, легко, незаметно.

Начну с институтских дел. После отпуска приступил к работе над диссертацией. Работа увлекательная, но двигается черепашьим шагом. Я не вышел из той «стадии развития», когда хаотическое нагромождение противоречивых фактов держит человека в плену, и нельзя сказать, чтобы плен этот не был сладок. Выводы делать не торопишься или делаешь поспешные выводы, тут же сознавая, что концепционной силы они еще не имеют; но самый процесс этого прыгающего в разные стороны анализа очень нравится. В конце-то концов еще не погрязшая в рутине природа права, когда не хочет многообразную душу писателя вкладывать целиком в какую-то одну формулу и, пока есть время, всячески оттягивает наступление скучного мига, когда придется этим все-таки заняться. Мне нужно доказать, что «Отцы и дети» — реальное, правдивое воспроизведение действительности, что это не клевета на так называемое молодое поколение, в какой-то степени наоборот и т. д. и т. д. Главная трудность заключается в том, чтобы не сказать ничего плохого о революционной демократии — Чернышевском, Добролюбове и других. Эти личности считаются непогрешимыми, поэтому задача усложняется. Роман Тургенева мне представляется умной критикой человека, который многое видел и понимал, но об этом нужно уметь говорить осторожно, нужно уметь, как выражается мой руководитель, «изловчиться».

Главное в работе уметь быть хозяином предмета, которым занимаешься. Нужно не забывать о второй жизни, и тогда будет все в порядке. Я мечтаю стать в какой-то степени профессионалом своего дела на за-

ранее облюбованном небольшом участке и жить при этом, как мне хочется: читать книги, немножко путешествовать, любить женщин и писать что-нибудь для себя. Жизнь только тогда интересна, когда о ней, сев за стол, можешь написать что-нибудь — хорошим языком похожее на правду, такое, в чем люди узнали бы себя, индивидуально, не массово узнавали.

Человек со своей маленькой, крошечной жизнью в этом мире очень увлекателен и интересен. Тот, кто в череде повседневных дел и забот улучает минуту и, выключаясь из общей спешки, пробует задуматься над своим положением, приходит постепенно к сознанию трагизма этого положения. «Человек рожден для счастья, как птица для полета». О счастье мы отвыкли думать, эпоха приучила нас соединять вместе два понятия: счастье и пошлость. Трудно думать о счастье или делать его, не впадая в пошлость. Но ведь должно же оно быть где-нибудь? Человек очень быстро стареет и сходит со сцены никому не нужный. Самое страшное в том, что жизнь человеческая не повторяется, каждый отдельный человек, умирая, лишается света, солнца, всего зеленого — навсегда. Над этим стоит задуматься. Трагедия человечества в том заключается, что оно в своей деятельности все больше и больше усугубляет эту мысль в сознании своих отдельных членов. Но есть в этом и утешение, хотя и слабое: чем острее сознание неминуемой смерти, тем больше любишь жизнь; чем больше любишь жизнь, тем пристальнее, настойчивее в нее всматриваешься и находишь разнообразие и богатство там, где существо тупое и «здоровое» ничего интересного не замечает. Сознание неотвратимости смерти наделяет способностью во всяком незнакомом человеческом лице видеть что-то родное, близкое. Думаешь: и ты и я умрем когда-нибудь, перейдем порознь в мир, где нет никаких возможностей, где, кроме тьмы и холода,— да и тех почувствовать не сможешь, — ничего нет. Почему же мы сейчас, живые, разумные, плохо пользуемся тем, что нам дано? Каждый человек — отдельный, сложный мир; сто человек — сто миров. Неужели в этом нет ничего заслуживающего внимания? Узнавай, пока можешь узнавать, живи, пока живется, но не надо киснуть, отказываться от людей и их жизни, пока еще не поздно.

Очень много думаю о смерти. Хочется многое успеть. Недавно смотрел картину «Паяцы». Впечатление произвели виды Италии: щедрое солнце, роскошная зелень. Хотя бы одним глазом посмотреть. В тот же день читал письма Тургенева, где он говорит об итальянских впечатлениях, о том, что только там, на развалинах античной культуры, под южным солнцем и благоуханным ветром, плавающим над погибшей древностью, он по-настоящему почувствовал пушкинский стих: «печаль моя светла...». Не хочется умереть прикованным к своему затхлому углу.

В это лето много раз был в пригородах. Самое хорошее время для подобных путешествий — июнь, когда вся природа в зеленом сочном цвету, листья еще не жестки и влажно-пахучи. В ораниенбаумском парке и Китайском дворце, как это ни странно, был в первый раз в жизни.

В Китайском дворце мне не понравился рисунок украшений внутри: чрезмерно наляпано золотого цвета, да и сами украшения вычурны. Но зато окна и подоконники мраморные понравились своей простотой и старостью, которые вызывают какое-то трепетное уважение и почтение. Глядя на них, вспоминаешь, сколько веков и людей смотрело в них на этот роскошный парк, просторный и безлюдный, пропитавший весь дворец своим медовым запахом.

Был на репинской даче,[17] которая сама по себе не произвела никакого впечатления. Кругом столько мощной растительности, тут как-то странно видеть низкорослые елочки и худенькие березки, натыканные тесно вдоль узких аллеек, утопающих в мелком, пыльном песке.

Провел двадцать четыре дня в кавголовском доме отдыха. Вволю попользовался водой, солнцем, лесным воздухом. Покидал это место, как родной, давно обжитый дом, хотя очень хотелось в Ленинград. Объясн<яется> это, наверное, тем, что мне хочется сразу быть во многих местах. Я грешен в своеобразном берклеанстве: живя, например, в Ленинграде, мне как-то трудно поверить, что во всех других местах такая же жизнь, и меня тянет в эти места с забавным желанием проверить, так ли оно.

Часто любовался там на молоденькую белокурую девушку, которая приходила играть в волейбол. Меня тронуло в ней поразительное сходство с Асей во всем: черты лица, голос, фигура, манера говорить, мимика, интонация. Только волосы непохожи, но прическа та же. У другой, тоже отдаленно напоминавшей Асю выражением лица, мне нравились… ноги, удивительно нежного молочно-желтоватого цвета. Эта, кажется, не прочь была кое в чем пойти мне навстречу, но оба оказались недостаточно смелыми. С третьей разговаривал и шутил, явно нравилась, но кто-то сказал, что ее будто бы возил на лодке на уединенный островок один очень грубый толстогубый тип и там якобы «использовал» ее с полного ее согласия, и я не то что охладел, а впал в какую-то холодную и продолжительную задумчивость. Время шло, и она уехала.

Четвертую возил кататься на лодке, бродил в малиновых зарослях на другом берегу озера, но нравилась она мне меньше тех, да и подруга ее основательно мешала.

Женщины не дают мне покоя, но все как-то проходят стороной.

В эти осенние месяцы часто собирался съездить туда, посмотреть с горы сразу на два озера, мерцающих глубоко внизу, на тонкую вертикальную струйку дыма над лесом, где расположена столовая, на покинутый людьми холодный берег, где царило такое оживление и где столько мужчин и женщин в жарком июле ловили скрытными взглядами друг друга…

Многие уехали не солоно хлебавши, и я в том числе.

---

[17] В п. Репино (до 1948 г. Куоккале); в настоящее время — музей-усадьба И. Е. Репина «Пенаты».

26/X—50.

Работа моя подвигается очень медленно, и это начинает меня мучить. За успех я пока не боюсь, да и Гр<игорий> Абр<амович> говорит, что «у вас пойдет, обязательно пойдет, только надо плавниками шевелить побыстрее»; но через несколько дней с меня потребуют план, а оного нет. Душа не лежит к тому, чтобы составлять план, не представляя себе с полной ясностью материал, над которым будешь работать. Много начитанного; все это может опрокинуть любой заранее составленный с школьнической аккуратностью план. Я уже телесно пришиблен. Устаю страшно, много думая о пустяках, и все-таки прав Г<ригорий> А<брамович>, медленно делая. В институте некоторые лица относятся ко мне с боязливой осторожностью, вызываемой, очевидно, моей инвалидностью. Новая гардеробщица считает меня существом слабеньким, пришибленным и стесняется, когда я ей даю деньги одеваясь.[18] О других и говорить нечего.

Недавно обсуждалась у нас работа одной дамы о Сухово-Кобылине. Кто-то сказал, что трудно судить о его драмах сейчас, не возобновив их в памяти. Я их не помнил в подробностях, хотя честно и с большим удовольствием прочел в студенческие годы, но мне стало как-то неловко: стало казаться, что вот, сейчас, посмотрят на меня и подумают: «А, невежда, ведь не читал же, многого ты не читал. Так какого же черта ты здесь, не на своем месте?». Я смутился и, опасливо посматривая по сторонам, встретился с внимательно-ироническим взглядом некоего члена-корреспондента.[19]

Вчера выпал первый снег и не весь растаял. Скоро зима. В фабричном дыме, заволакивающем наши окраинные небеса,[20] чудится что-то струисто-зябкое. Брр!

Сегодня опять ничего не делал. Накануне до 12 ночи играл в шахматы, потом 3 часа конспектировал одну небольшую статью Писарева. Если б я мог заниматься так прилежно, как играю в шахматы. Уж не прохожу ли я мимо своего настоящего ремесла? Впрочем, любовь к шахматам объясняется просто: нужно в чем-то топить скуку. Игра все-таки азартная и умная. Настолько увлекаюсь, что забываю обо всем на свете. Наркотик своего рода.

---

[18] Эта привычка автора дневника осталась неизменной и в дальнейшем. Припоминаю комичные случаи, связанные с этой его привычкой. Нередко встречая отца в БАН и Публичке, где когда-то гардеробы были куда обширнее, не чета нынешним, неизменно сталкивался с одной и той же картиной: двое служительниц опрометью кидались к нему, нередко не считаясь с очередью, именно в расчете на щедрые «чаевые». В те далекие уже годы мы жили небогато, и я даже как-то сделал отцу замечание, сказав, что служительницы получают все же зарплату… «У них нищенская зарплата…» — с грустью ответствовал отец.

[19] Возможно, подразумевается М. П. Алексеев, относительно недавно (1946) удостоенный этого звания.

[20] Невская застава, проспект Села Смоленского, район нынешней станции метро «Елизаровская», в те годы считался дальней окраиной.

1/XI—50.

Уже три дня ничего не делаю, мучась бездельем. Читал постороннюю средних достоинств книгу и боялся, форменным образом боялся сесть за стол и писать план диссертации. Боюсь я этого плана, и боязнь с каждым днем увеличивается. Я — как завороженный очковой змеей — не могу сдвинуться с места. План должен быть готов к субботе для чтения на секторе. Гр<игорий> Абр<амович> удивляется, пожимает плечами, а я не могу преодолеть страха. Приготовить план нужно в теч<ение> ближайших суток, потому что перед чтением его должен просмотреть Гр<игорий> Абр<амович>.

1951—1952

14/I—51 г.

Вчера мне необходимо было съездить в библиотеку А<кадемии> н<аук> и в институт. На 13 число я смотрю как все люди с предрассудками, и поэтому ехал я туда с некоторым неудовольствием и боязнью. Мне казалось, что если должно случиться что-нибудь неприятное, то наибольшие возможности для этого представляет 13 число. Если это можно назвать предчувствием, нужно сказать: оно меня не обмануло. Умер Н. И. Мордовченко — научный сотрудник института, работник нашего сектора, профессор в Ун<иверсите>те. Умер от рака, в возрасте 44 лет. Я его часто видел, даже писал у него в свое время семинарскую работу и очень уважал как человека очень интеллигентного, умного и доброго. Он был + очень мягок, и это его сгубило. Весной ему предлагали сделать операцию, он не имел характера согласиться. А кроме того, он много работал — больше и добросовестнее других, очень уставал и махнул, наверное, рукой на лечение, не желая потерять отпускное время летом… Глупая и напрасная смерть.

Два с половиной года тому назад он защищал докторскую. Оппонентом у него был Г. А. Гуковский.[21] Теперь оба мертвы. Слишком быстро! Смерть — что может быть убедительнее ее. Он был утомленным человеком, часто не имеющим времени для простых человеческих радостей. Нора[22] — он ее руководитель — рассказывала, что дома он часто был несдержан и вспыльчив в обращении с женою.

---

[21] *Гуковский Григорий Александрович* (1902—1950) — доктор филологических наук, заведовал кафедрой истории русской литературы ЛГУ (1939—1944, 1947—1949); в ИРЛИ — в Отделе новой русской литературы; жертва борьбы с формализмом и космополитизмом; уволен из ИРЛИ в 1949 г., летом того же года арестован. Умер во время следствия в Лефортовской тюрьме.

[22] Имеется в виду учившаяся в аспирантуре вместе с А. И. Батюто Л. А. Гессен; несмотря на перипетии, она так и не закончила аспирантуру ИРЛИ. К счастью, ей довелось благополучно завершить кандидатскую диссертацию в ЛГПИ им. А. И. Герцена; см.: *Гессен Л. А.* Л. Н. Толстой в работе над романом «Декабристы» в 1877—1879 годах. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Л., 1955. 19 с.

Я его часто наблюдал на секторе. Лицо его менялось сразу и становилось уважительно-задумчивым, как только кто-нибудь высказывал неожиданно умную мысль.

Его часто смешил Гр<игорий> Абр<амович> своими шутками. Смеялся он раскатисто, громко, порывисто и от души, как все добрые, заваленные работою люди в редкие минуты освобождения от забот. Груз с плеч сваливается, и человек смеется, смеется всем телом, отдыхая и забывая обо всем другом. Смеясь, он обнаруживал прокуренные, не очень хорошие зубы и стеснялся этим. Слушая других, аппетитно курил толстые пахучие папиросы почти одну за другой. Мне почему-то кажется, что этот человек не успел пожить, жизнь пролетела для него незаметно. Для него она только начиналась. Жалко его очень. Люди плохие и ненужные умеют заботиться о своем здоровье. Он не умел.

На некрасовской сессии (вчера же) сидел рядом с одним нашим аспирантом, существом духовно грубоватым, недалеким и хитрым. Он передо мною произнес чуть ли не речь о Н<иколае> И<вановиче>. Казенные, холодные, гладенькие слова для приличия. Этот аспирант вообще ничего, кроме личной карьеры, не уважает, а Н<иколая> И<вановича> он еще и побаивался, потому что тот не мог сдержаться, когда этот аспирант читал свои доклады, и выражал свою справедливую критику в форме довольно колкой. Гр<игорий> Абр<амович>, друг Н<иколая> И<вановича>; на сессию он не пришел, и я его за это уважаю. Впрочем, не было многих, но, мне думается, по другим причинам. Я наблюдал тех, которые были. Они знали Н<иколая> И<вановича> в течение ряда лет, но лица их не выражали ничего особенного. Шутят, смеются, как обычно. В чем здесь дело? Сдержанность? Я думаю, нет. Обычное равнодушие. Но все-таки странно и немного страшно. Страшно потому, что человек перед лицом смерти совершенно бессилен. Человек — игрушка, предназначенная на редкое жужжание, пока хватает завода. Им нечего было сказать. Не они умерли — и ладно. Они умрут — тоже ладно. Что тут скажешь. Когда умирают тысячи, это не страшно. Невозможно знать всех людей, поэтому в неприятии смерти тысяч есть что-то отвлеченное, такое-то число арифметическое, и больше ничего. Но смерть одного человека, если его знал хотя немножко, действует сильно. Настроение у меня неважное. Я уже был отчасти подготовлен к мысли о смерти, читая воспоминания доктора Белоголового о последних днях Некрасова и Тургенева и о болезнях Анненкова и Салтыкова. Специальный докторский отчет, лишенный отвлеченностей, всякого рода рассуждений, казалось бы, должен был подействовать успокаивающе, но в начале книги я увидел фотографию могилы и памятника самому Белоголовому…[23]

Время идет очень быстро, работа — медленно.[24] Занимаюсь.

---

[23] Речь идет о кн.: *Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. 4-е изд. СПб., 1901.

[24] Имеется в виду работа над диссертацией.

17/I—51.

Позавчера вечером стоял в почетном карауле[25] у гроба Ник<олая> Ив<ановича>. Стояло по четыре человека: двое у изголовья, двое в ногах. Я стоял в «ногах», мне представлялась возможность смотреть на Ник<олая> Ив<ановича>, но я почему-то думал, что смотреть нехорошо, что это любопытство, в котором есть что-то обидное, и только два раза мельком взглянул, а остальное время смотрел куда-то вбок и в землю. Лицо его стало неузнаваемым. Кости, обтянутые желтой, слежавшейся в складки кожей, — все, что осталось от лица. Ощущение такое, что словно лицо его кругло обнимают тяжкие каменные узы, не позволяя на нем распространиться живому выражению. Но это выражение как будто силится высвободиться от сковывающего его члена…

В коридоре перед дверьми Актового зала сидело десятка полтора аспирантов и бывших студентов. Незнакомая девушка-распорядительница, снимая с моего рукава траурную повязку, вздохнула и сказала рядом стоявшей женщине с усталостью в голосе: с самого утра здесь… совсем выбилась из сил…

Вчера хоронили. Я никогда не был на гражданских панихидах. Опишу.

Когда я пришел, в Актовом зале уже полно было людей, стоявших «покоем». За открытым гробом, на возвышении, сидело человека четыре музыкантов, временами игравших печальные мелодии. Говорили речи, тепло, без казенщины. Называли Ник<олая> Ив<ановича> хорошим человеком, добросовестным ученым и отзывчивым товарищем и учителем, говорили о родине, науке, культуре, но все это по-настоящему, без ложного пафоса и исключительности. Бердников[26] плакал, и я стал думать о нем лучше, чем обыкновенно. Павел Наумыч[27] стоял в почетном карауле, вытянувшись, как солдат, но смотрел при этом на Ник<олая> Иваныча неотрывно. Было в этом разглядывании что-то не понравившееся мне. Проще и естественнее всех держался Григорий Абрамович. Ничего показного. У гроба все время стояли две женщины ничем не замечательные и мальчик — в профиль вылитый Ник<олай> Ив<анович> в миниатюре: форма головы, русые волосы с желтинкой и аккуратным пробором сбоку. Потом, когда уже шли за гробом по улицам, я заметил, что и походка у него точно такая, как у Ник<олая> Ив<ановича>.

После речей началось прощальное шествие мимо гроба. Потом профессора вынесли гроб, поставили на катафалк, запряженный лошадьми. Лошади, катафалк, служители — из тех, которые обычно возят ев-

---

[25] Дежурили также и ночью, охраняя гроб, находящийся в Актовом зале университета, от мышей. Благодарю за это маленькое дополнение М. Д. Кондратьева.

[26] *Бердников Георгий Петрович* — см. с. 454, примеч. 1.

[27] *Берков Павел Наумович* (1896—1969) — доктор филологических наук, чл.-корр. (1960) АН СССР по ОЛЯ, один из организаторов Группы (в настоящее время — Отдела) по изучению русской литературы XVIII в. ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН.

рейских мертвых. Гроб торопливо заколотил расторопный старичок в грязно-сером балахоне; стук молотка явственно слышался сквозь шум духовой музыки.

От университета шествие направилось к нашему институту, где Мейлах[28] произнес небольшую речь с такими словами в конце, сказанными очень просто и так, что ясно чувствовалось, что это говорит друг Ник<олая> Ив<ановича>: мы сделали все, чтобы семья Ник<олая> Ив<ановича> не забыла, что он работал в нашем институте.

Вообще, нужно сказать, что среди провожающих научных работников от института преобладали сотрудники нашего сектора. Бельчиков, говорят, в командировке, но почему не было Городецкого, не знаю. Его я не видел нигде. Была короткая остановка также около дома писателей. Какой-то весь бритый, с толстым затылком человек произнес речь.

Хоронили на Охтинском кладбище.[29] Я там был первый раз. Кладбище довольно живописно, завалено сугробами мокрого снега, из которого всюду торчат молодые, но уже вошедшие в силу густые деревья. Могилу Ник<олая> Ив<ановича> вырыли под тремя березами. Пока могильщики — тяжелые, красные, видимо, под небольшим хмельком парни снимали дощатый настил с ямы и опутывали гроб тросами, стояли тихо вокруг. Изредка тишину нарушали слабо доносившийся из города заводской гудок или ленивое карканье вороны. В воздухе царили безветрие и оттепель; не переставая шел снег. Где-то сбоку послышался шепот Алексеева:[30]

— Григ<орий> Абр<амович>, скажите несколько слов…

— Ладно… — и Григ<орий> Абр<амович> прошел к самому краю могилы.

Одна фраза из его речи запомнилась. «Пусть легка ему будет земля», — сказал Гр<игорий> Абр<амович>.

Затем наступила очередь могильщиков. Они опустили гроб в могилу и в одну минуту ловко закидали ее песком, соорудив сверху маленький холмик. Это произошло поразительно быстро. Григ<орий> Абр<амович> стоял тут же и с обидой и горестным недоумением смотрел на этот холмик, словно хотел сказать: «И это все? Этот нелепый сырой холмик и есть все, что осталось от человеческой жизни, со всеми ее трудами, радостями, заботами?». Могильщики стояли в стороне. При-

---

[28] *Мейлах Борис Соломонович* (1909—1987) — доктор филологических наук, специалист по русской литературе XIX — начала XX в., творчеству А. С. Пушкина, с 1946 г. — профессор кафедры истории русской литературы ЛГУ.

[29] Имеется в виду Большеохтинское кладбище.

[30] *Алексеев Михаил Павлович* (1896—1981) — чл.-корр. (1946), академик (1958) АН СССР, в 1945—1947, 1950—1953 гг. — декан филологического факультета ЛГУ, в 1950—1963 гг. — заместитель директора ИРЛИ по научной работе, специалист по английской литературе, русско-английским литературным связям, в области пушкиноведения, председатель редколлегии и главный редактор Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 28 томах.

вычный к такой картине народ, но и они ничем не нарушили ее траурной торжественности.

После возложения венков минут десять стояли молча, затем от задних рядов постепенно стали откалываться отдельные люди, потом и вся толпа, как подтаявшая снежная глыба, расползлась, растеклась по аллее… Я очень устал. Пальто насквозь пропиталось водой; все время шел снег.

У могилы остались те две женщины и мальчик. Я теперь мог его рассмотреть en face. Так он непохож на Ник<олая> Ив<ановича>.

9/II—51 г.

Только что вернулся из кино. Смотрел чудесный итальянский фильм — «Под стенами Малапаги». Превосходная игра актеров, художнически написанный сценарий. Автор умен и талантлив. Правда жизни, о которой у нас так много говорят, но о которой не всегда умеют говорить просто. Здесь же изящная простота сочетается с задушевной сдержанностью и мужеством его выражения. Видишь людей, говорящих каким-то с первого впечатления непонятным языком. Это потому, что не шаблонно. В наших сценариях и книгах часто видишь литературу, идею, которую автор во что бы то ни стало проводит. Следя за содержанием наших книг, угадываешь заранее развитие идеи, что же касается человека, то он обычно настолько трафаретен, банален, привычен, что не производит впечатления. Знаешь, что это человек не настоящий, а придуманный автором. На душе печаль. Хочется жить иначе, хотя бы как эти люди, даже в тяжелых и глупых условиях существования не растерявших самых красивых человеческих чувств. Что-то благородное, чистое, сдержанно-изящное. Прелесть! И как тут человек, а не политик на первом плане! Вполне может прожить человек без политики. Неиспорченному человеку она не нужна. Пусть бы ею занимались разные умники, не трогая при этом порядочных людей. У человека оставалось бы больше времени для того, чтобы быть человеком. Я говорю, наверное, наивные вещи. Пусть! Не хочу быть умным. Хочу быть счастливым, жить среди счастливых людей, а не болтать только об этом. После этой картины не хочется писать диссертации. Да простит мне Иван Сергеевич!

Превосходна сцена у моря. Два человека, мимо которых всю жизнь проходило счастье, неожиданно обретя его, так просто, по-человечески разговаривают, с каким-то непередаваемым ироническим оттенком, прикрывающим подлинную глубину и богатство чувства, о котором говорить прямо было бы и топорно и пошло. А жанровая сценка: курица с котенком! Это надо было сделать с незаметным искусством, и это сделали.

23/II—51.

Для меня наступают очень тяжелые дни. Я убеждаюсь в собственной бездарности на том «поприще», которое мною избрано. Написал с большими муками кусок для первой главы и подал Григорию Абр<амовичу>. Судя по результатам устного разговора на эту тему, я догадываюсь, что этот кусок, когда он прочтет его, зело ему не понравится. Мне, автору (!), не нравится уже, что же хорошего после этого может сказать человек искушенный?

Сегодня я ему звонил по телефону, думая, что он уже прочел и пригласит к себе поговорить. Пригласил на завтра, но ничего не сказал о докладе. То ли не прочел, то ли пожалел. Правда, сказал, что дочту, мол, до конца и тогда обменяемся впечатлениями, но по тону чувствовалось: или что-то недоговаривает человек или ждет прямого вопроса, чтобы уж потом, так сказать, в силу необходимости огорошить. Ничего хорошего от завтрашнего дня не жду. Жизнь проходит бессмысленно. Это не настоящая работа, но я все равно ничего не умею и нигде в другом месте не сумел бы. Тяжело. Неужели мне никакого оправдания нет? Неужели я совершенно никуда не годен? Зачем тогда жить? Самое большое горе — осознанная бездарность.

<...>

5/IX—52.

Я решил возобновить дневник и вести его регулярно. Причина — возрастающая скука и, выражаясь высоким слогом, утомление от жизни. Личная жизнь по-прежнему настолько сера и невыразительна, что страшно становится. И надежд никаких нет. Годы уходят, приближается старость — время исчезновения даже иллюзий.

Все, чем я сейчас занимаюсь, представляется мне бесполезным и никому не нужным делом. Диссертация — это казуистическое высасывание из пальца — окончательно мне опротивела. Я часто возмущаюсь — почему жизнь складывается так, что приходится делать то, во что не веришь, что не приносит никакого удовлетворения. Но потом замечаю, что большинство людей находится в таком же положении, что это «всемирно-исторический закон», наиболее приложимый к нашему веку и в особенности к нашей стране, и к возмущению прибавляется чувство безнадежности и бессильного страха. Ничего поделать нельзя, весь мир — казарма, и нужно примириться с этим, если не хочешь потерять самое жизнь.

Поговорим о моей специальности и моих «перспективах». К своей литературоведческой карьере я, в общем, никогда не относился серьезно. Для меня она была только средством приобретения независимости и материального благополучия. Это не исключало намерения работать добросовестно. Как это, может быть, ни странно, это не исключало и интереса к избранной работе. Но... здесь много но. Работать добросовестно и с интересом можно, но вместе с тем необходимо работать

и по указке, уметь подгонять и извращать факты. Это теперь называется пошлым словом «такт». Если не умеешь быть «тактичным», тебе посмеются в лицо, назовут человеком неумным и недальновидным или просто постараются избавиться от тебя как от личности беспокойной и даже опасной. Короче говоря, работа в сфере идеологии невозможна без халтурнического приспособленчества к выработанным на верхах новым модам. Ясно, что при таких условиях о самостоятельности не может быть и речи, а это сознание часто приводит к потере самоуважения. Чувствуешь, что тебя не уважают не только другие, но и сам ты себя перестаешь уважать. Теперь о материальном благополучии. Чтобы его достичь, нужно быть или очень способным человеком, или обладать хитростью в сочетании с умело прикрытым бесстыдством и большим трудолюбием, выносливостью в сером труде изо дня в день, из года в год, на всю жизнь. Всех этих качеств у меня нет.

Тургенев нередко говорил о том, что талантом называется особенная предрасположенность и любовь к какому-нибудь делу. Кое к чему и я предрасположен. Я бы, например, хотел поездить, посмотреть новые места и новых людей, хотел бы любить многих женщин, и это не потому, что я по натуре своей человек праздный и склонный к разврату. Мне просто страшно одиночества, мне страшно сознавать, что жизнь проходит, никогда не повторится, что придет такое время, когда начнешь терять способность видеть, слышать, чувствовать, обладать. Люди могли бы устроить из жизни сплошной праздник, жить в свое удовольствие, но ничего этого нет. Только работа, заботы о куске хлеба и «механическое» производство себе подобных. Это не жизнь. Диссертацию свою я кончил. Получилась очень большая. Месяца через полтора буду защищаться.[31] С января месяца я сижу без денег, потому что не работаю. После защиты также трудно будет найти работу. Оканчивающие аспирантуру в нашем институте не подлежат распределению — вот в чем все дело. После долгих поисков приложения своих сил мне придется удовлетвориться (спрос на нашего брата мал, потому что предложение, особенно в таких городах, как Ленинград и Москва, очень велико) какой-нибудь работишкой незаметной и, что обиднее всего, плохо оплачиваемой.[32]

---

[31] Привожу сохранившуюся в семейном архиве газетную вырезку: «Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР извещает, что 25 ноября <1952 г.> в 2 часа дня на открытом заседании ученого совета института (Вас. остров, Тучкова наб., 2) состоится публичная защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук А. И. Батюто на тему: „Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» и общественно-политическая борьба 60-х годов". Официальные оппоненты: доктор филологических наук В. Г. Базанов, доктор филологических наук Н. И. Пруцков. С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке института».

[32] На этом рукопись дневника заканчивается. Выскажу предположение, что для А. И. Батюто начался новый период жизни, и он прекратил дневниковые записи.

ПИСЬМА В. П. ТУРГЕНЕВОЙ к И. С. ТУРГЕНЕВУ (1838—1844)

Подготовка текста В. А. Лукиной,
комментарии С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной

Часть I

Представленные в настоящем сборнике 10 писем за 1838 год к И. С. Тургеневу его матери Варвары Петровны Тургеневой (урожд. Лутовиновой; 1787—1850) открывают публикацию большого блока сохранившихся писем (124), охватывающих период с 1838 по 1844 год.[1] Летом 1914 года их приобрела Императорская публичная библиотека (ныне Российская национальная библиотека) вместе с другими документами обширного семейного архива Тургеневых.[2] Имя того, кто предложил семейный архив писателя в Публичную библиотеку, осталось, очевидно, по желанию владельца, неизвестным, однако можно предположить, что они хранились в семье Я. П. Полонского, которому писатель в свое время поручил забрать находившиеся в имении бумаги до дальнейших распоряжений.

Письма поступили в Отдел рукописей в сильно поврежденном виде: многие из них истлели, оборваны по краям, текст частично утрачен, частично выцвел и не всегда поддается прочтению. Плохая сохранность рукописей, по всей видимости, послужила толчком к изготовлению копий, которые были выполнены двумя разными переписчиками и переданы вместе с архивом в том же 1914 году.[3] Значение этих

---

[1] Письма И. С. Тургенева к матери не сохранились. Скорее всего, они были уничтожены ею, как и письма других родственников.

[2] См.: Краткий отчет Рукописного отдела за 1914—1938 гг. / Под ред. Т. К. Ухмыловой, В. Г. Геймана. Л., 1940. С. 229. Помимо писем В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу, в Отделе рукописей *РНБ* содержатся ее письма к Николаю Сергеевичу, письма к И. С. Тургеневу старшего брата, дяди Н. Н. Тургенева, бабушки Е. П. Тургеневой и дяди А. Н. Тургенева, а также письма знакомых, входивших в круг общения молодого Тургенева в 1830-е — 1840-е гг. (Р. Е. Гринвальда, И. Юрьева, М. Д. Ховриной, А. П. Ефремова и др.) и другие материалы. В настоящее время все эти документы являются частью архива И. С. Тургенева (Ф. 795). См.: Рукописи И. С. Тургенева: Описание / Составлено Р. Б. Заборовой под ред. М. П. Алексеева. Л., 1953. Далее в ссылках — *Описание рукописей РНБ*, с указанием страниц.

[3] Копии писем присоединены к архиву И. С. Тургенева, см.: *ОР РНБ.* Ф. 795. № 98 (далее — *Копия 2*) и № 99 (далее — *Копия 1*). См.: *Описание рукописей РНБ.* С. 125—126.

копий трудно переоценить: во многих случаях они являются единственным источником для восстановления утраченных в дальнейшем, несмотря на проведенную реставрацию, фрагментов текста.[4] На протяжении более 90 лет именно к копиям в основном обращались десятки исследователей творчества и биографии Тургенева. Тем не менее сверка с автографами показала, что эти копии далеки от совершенства и к ним следует относиться с известной долей осторожности. Прежде всего, они неполны, в ряде случаев пропущены отдельные слова, существенные фрагменты текста или отсутствует само письмо. Кроме того, в них встречаются неверные прочтения и ошибки (особенно в иностранных словах) и т. д. Несомненно, уцелевшие копии делались по заказу кого-то из исследователей тургеневского творчества (скорее всего, Н. К. Пиксанова) начинающими текстологами (возможно, членами Тургеневского кружка Н. К. Пиксанова, в который входили слушательницы Петроградских Высших женских курсов, напр. И. М. Малышевой).

Насущная необходимость издания писем к Тургеневу его матери уже давно была отмечена тургеневедами, в особенности потому, что именно ранний период его становления мало зафиксирован в документальных материалах. Огромная заслуга в деле изучения и анализа писем В. П. Тургеневой принадлежит их первой исследовательнице, ученице Н. К. Пиксанова Инне Михайловне Малышевой, опубликовавшей в 1915 году значительные отрывки из этих писем в двух работах, которые не потеряли своего научного значения до сих пор.[5] Эти статьи положили начало переосмыслению сложившихся представлений о самой Варваре Петровне и о ее отношениях с сыновьями. «До сих пор, — писала И. М. Малышева, — исследователям приходилось опираться на немногочисленные воспоминания очевидцев, память которых раскрашивала действительность в самые трагические краски, в этих, большею частью неглубоких, воспоминаниях авторы недооценили женщину незаурядную, щедро одаренную, крупную по уму, наделенную нежнейшим материнским чувством, полную самоотвержения, хотя в то же время гордую, властную».[6] И хотя характеристику личности матери Тургенева, данную Малышевой, нельзя не признать слишком завышенной, в главном исследовательница была права — решать сложный вопрос об отношениях матери с сыном так, как его решали ранее, или вообще игнорировать значительную роль Варвары Петровны в становлении Тургенева было невозможно при наличии столь большого пласта сохранившихся документов.

Несколько более сдержанным было заключение М. К. Клемана, который обратился к письмам В. П. и С. Н. Тургеневых в статье «Русский язык и литературные интересы в семье Тургенева». Будущий автор многочисленных публикаций тургеневских материалов и книги «Иван Сергеевич Тургенев. Очерк жизни и творчест-

---

Следует отметить, что эти копии не равнозначны по качеству и количеству представленных в них писем. По ним хорошо видно, что уже на момент поступления в Публичную библиотеку письма не всегда полностью поддавались прочтению.

[4] Кроме того, письмо от 14 (26) марта 1839 г. вообще известно только в копии, оригинал его утрачен. Фотокопии этих копий были в свое время переданы в Орловский государственный литературный музей И. С. Тургенева и в Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» и хорошо известны музейным сотрудникам.

[5] См.: *Малышева И. М.* Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном) // Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография / Под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 24—48; *Ее же.* Мать И. С. Тургенева и его творчество: По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну // *Р Мысль.* 1915. № 6. С. 99—111; № 12. С. 110—120.

[6] *Малышева И. М.* Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном). С. 24—25.

В. П. Тургенева. Миниатюра неизв. художника

ва» (Л., 1936),[7] а также составитель первой и не утратившей научной ценности «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева» (М.; Л., 1934) в одной из ранних своих статей писал: «Биографическому исследованию жизни И. С. Тургенева предстоит коренная переработка всех ранее сложившихся мнений о детстве писателя. Привлечение новых материалов осветит его нам, вероятно, иначе, но уже и сейчас те скудные фактические данные, которыми мы располагаем, заставляют думать, что отец и мать влияли на развитие его литературных способностей гораздо больше, чем принято думать. У них были, во всяком случае, все средства для благотворного развития».[8]

Из писем Варвары Петровны перед читателем предстает образ женщины, безусловно, любящей своих детей, желающей «подстроиться» под их интеллектуальный уровень (в первую очередь Ивана Сергеевича), встать вровень с ними. Отсюда многочисленные подчеркивания своей начитанности, избыточное использование иностранных слов и выражений (далеко не всегда грамотное), утверждение собственного превосходства над средой поместного дворянства, занятого, по ее мнению, в основном сплетнями и игрой в карты и т. д. От внимательного читателя не укроется при этом явное желание Варвары Петровны представить себя в выгодном свете, идеализировать свое отношение к мужу и детям и т. д.

Так, желание обсуждать с сыном литературные новинки не мешало ей скептически относиться к его собственному творчеству. Все это не могло укрыться от зоркого взора самого Тургенева, который позднее вспоминал: «мать моя была женщиною, вполне вливавшеюся в форму XVIII-го и первых десятилетий XIX-го века. Пушкина она едва-едва признавала за замечательного писателя, но литературу русскую далее Пушкина положительно не признавала. Поэтому, хотя она умерла в 1850 году, т. е. когда я уже лет семь как деятельно участвовал в журналах, она не признавала во мне писателя, да и ни одной статьи моей, ни даже „Записок охотника" совершенно не читала».[9]

---

[7] Среди работ М. К. Клемана, посвященных истории семейных отношений писателя, можно назвать: Из юношеских лет Тургенева (Новые материалы) // Посев. Лит.-крит. и науч.-худож. альманах. Одесса, 1921. С. 87—89; Отец Тургенева в письмах к сыновьям // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 131—143 и др.

[8] *Клеман М. К.* Русский язык и литературные интересы в семье Тургенева // Литературная мысль. Альманах. Пг., 1923. Вып. 2. С. 229.

[9] Z*** <*Майков Л. Н.*> Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. // *РСт.* 1883. Т. 40. № 10 (Октябрь). С. 202.

С другой стороны, письма Варвары Петровны позволяют частично представить себе содержание недошедших до нас посланий самого Ивана Сергеевича к матери. Он явно не торопится с ответами, нередко пренебрегает ее просьбами и не стремится раскрыть перед нею свой духовный мир, что особенно раздражает его корреспондентку. Просьбы поделиться самым сокровенным становятся все настойчивей, а естественное желание приехать к сыну и побыть рядом с ним оборачивается почти угрозой. Со страниц писем В. П. Тургеневой возникает образ сложной, противоречивой, без сомнения, неординарной и глубоко несчастной женщины, которая не смогла осуществить ни одного из своих заветных желаний — создать настоящую семью, завоевать любовь и уважение мужа и детей, войти в светское общество.[10]

Попытки подготовить письма В. П. Тургеневой предпринимались неоднократно, в том числе и в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, однако по разным причинам реализация этого проекта откладывалась. Достаточно широко использованы письма Варвары Петровны в 1-м томе «Летописи жизни и творчества И. С. Тургенева», подготовленном Н. С. Никитиной,[11] к ним неоднократно обращались как биографы, так и исследователи творчества Тургенева. Ряд успешных разысканий на основе писем В. П. Тургеневой к сыну сделал, например, Н. М. Чернов.[12] Тем не менее вряд ли есть основания не согласиться с современным американским исследователем творчества Тургенева Дж. Райсом в том, что использование писем по существующим ныне публикациям возможно только с оговорками, поскольку до сих пор отсутствует четко выверенная хронология писем и обстоятельства, в них изложенные, изучены в тургеневедении недостаточно.[13]

---

[10] Об этом свидетельствуют, например, письма ее троюродной тетки В. И. Бакуниной (урожд. Голенищевой-Кутузовой) к мужу М. М. Бакунину. Зимой и весной 1837 г. Бакунины часто бывали на воскресных вечерах у Тургеневых в Петербурге. Так, 12 января 1837 г. В. И. Бакунина писала: «Обедали мы у Тургеневой, которая так же или еще более тошна, чем была, и корчит „знать": не смеет перед обедом свеч подать, а мы опоздали, и впотьмах нас встречала. Она не разочла, что, напротив, у „высшей знати" всегда до обеда подают свечи, потому что обедают в шестом часу или в шесть. У ней и с ней такая тоска, что мы в седьмом часу возвратились домой, чтобы вечер отдыхать и пораньше лечь спать» (см.: *Сидоров И. С.* «Несчастные вечера» (Тургеневы в Петербурге в начале 1837 года) // Тургеневский сборник. К 180-летию со дня рождения И. С. Тургенева. М., 1998. Вып. 1. С. 15).

[11] Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева (1818—1858) / Составитель Н. С. Никитина. СПб., 1995. Кроме того, письма Варвары Петровны привлекались в Полном собрании сочинений и писем И.С. Тургенева (в комментариях), а также при составлении указателя «Утраченных писем И. С. Тургенева» (см.: *Хмелевская Е. М.* Утраченные письма И. С. Тургенева (1838—1856) // *Т Сб.* Вып. 1. С. 345—367). Предпринятая в 2004 г. попытка Л. И. Скоковой опубликовать некоторые письма В. П. Тургеневой к сыну не может быть признана удовлетворительной, поскольку письма приводятся по копиям, с большим количеством пропусков и ошибок (См.: «В тебе полагала я всю мою славу...» / Публ., вступление и коммент. Л. И. Скоковой // Октябрь. 2004. № 8. С. 148—162).

[12] *Чернов Н. М.* Повесть И. С. Тургенева «Первая любовь» и ее реальные источники // Вопросы литературы. 1973. № 9. С. 225—241 и др. В этой связи интересна также статья Дж. Райса, посвященная творческой истории «Первой любви», см.: *Rice James L.* Turgenev's Mother and Other Problems of «First Love» // O RUS! Studia litteraria slavica in honorem Hugh McLean. Berkely, 1995. P. 249—260, хотя некоторые выводы, к которым приходит исследователь, не всегда представляются бесспорными.

[13] *Rice James L.* Varvara Petrovna Turgeneva in Unpublished Letters to Her Son Ivan (1838—1844) // Slavic Review. 1997. N 1 (56). P. 2.

Письма Варвары Петровны ценны прежде всего как источник биографических сведений о самом И. С. Тургеневе и о других членах его семьи. В частности, они помогают восстановить маршрут передвижения Тургенева за границей в 1838 году, слабо освещенный в литературе о писателе,[14] вводят в научный оборот большое количество новых имен из берлинского и орловско-мценского окружения писателя, уточняют даты знакомств с целым рядом известных деятелей 30-х—40-х годов, дают представление об увлечениях молодого Тургенева (театр, музыка, путешествия и т. д.), знакомят с некоторыми бытовыми подробностями его поведения, например, его неумением вести строгий счет деньгам, в чем его постоянно упрекают мать и брат и пр. Хотя в последнем случае нельзя не заметить явного желания Варвары Петровны не только «научить» сына вести счет деньгам, но и использовать его денежную зависимость в целях весьма далеких от воспитательных.

Необходимо также отметить, что в последнее десятилетие наметилась тенденция преувеличивать воздействие матери (скорее даже писем матери) на художественное творчество писателя.[15] В отличие от недавних оценок Варвары Петровны как помещицы-крепостницы, некоего подобия Салтычихи, исследователи несколько поспешно пытаются «реабилитировать» и даже в какой-то степени канонизировать ее образ. При этом явно не учитывается ряд обстоятельств. Прежде всего, несмотря на предоставленные родителями будущего писателя (а не одной только матерью) возможности получения обширных познаний в разных областях науки и искусства, нельзя упускать из поля зрения многие дополнительные факторы, например, наличие в усадьбе Тургеневых богатейшей фамильной библиотеки, собранной не одним поколением владельцев. О том, насколько важно было для юного Тургенева общение с книгой, свидетельствуют не только его собственные признания (в том числе и в художественных произведениях), но и, в частности, последние разыскания сотрудников Орловского государственного литературного музея И. С. Тургенева, которые проводятся под руководством заведующей музеем И. С. Тургенева Л. А. Балыковой, предпринявшей колоссальный труд по описанию мемориальной библиотеки Тургеневых-Лутовиновых.[16] Изучение состава библиотеки и помет, оставленных на книгах, открывает новые грани в постижении творческой лабора-

---

[14] См., напр.: *Летопись (1818—1858).*

[15] *Левина Е. М.* Драматургия И. С. Тургенева 1840—1850-х гг.: Биографические сюжеты и мотивы // Спасский вестник. 2008. Вып. 15. С. 165—176; *Ее же.* Проблема биографизма в творчестве И. С. Тургенева 1840—1850-х годов. Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук. СПб., 2008 и др. Здесь, например, утверждается: «Эпистолярное наследие В. П. Тургеневой оказало значительное влияние на раннее творчество Тургенева, что проявилось на различных его уровнях: языковом, образном, сюжетном, тематическом» (С. 6).

[16] См.: Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог / Сост. и автор вступ. статьи Л. А. Балыкова. Орел, 1994. Ч. I: Книги на рус. яз. 208 с.; *Balykova L.* Les livres français de la bibliothèque de Tourguéniev // *Cahiers.* N 5 (1988). P. 35—41 (где представлен обзор французской части библиотеки Тургенева); *Балыкова Л. А.* Книги Августа фон Коцебу в личной библиотеке И. С. Тургенева // Библиофил. М., 2000. Сб. 1. С. 212–221; *Ее же.* Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. 208 с., а также результаты изучения мемориальной библиотеки, регулярно публикующиеся в «Тургеневских ежегодниках» в Орле: *Жидкова С. Л.* «Древняя российская вивлиофика» в мемориальной библиотеке И. С. Тургенева // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2002. С. 72—75; *Ее же.* В. А. Озеров в восприятии И. С. Тургенева (По материалам мемориальной библиотеки писателя) // Тургеневский ежегодник 2004 года. Орел, 2006. С. 135—139; *Симеонова С. Д.* Корреспонденции Августа Видерта из Германии в газете «Санкт-Петербургские ведомости» // Тургеневский ежегодник 2001 года. С. 75—77 и др. См. также статью Л. А. Балыковой в наст. издании.

тории писателя, рано приобщившегося к миру книги и оставшегося до конца дней одним из ее страстных любителей и почитателей. Кроме того, следует учитывать, что общение Ивана Сергеевича с матерью не исчерпывалось перепиской, хотя и она в полной мере свидетельствует, насколько сложными, а порой и драматическими были эти отношения. В отличие от предыдущих лет в современном тургеневедении заметно отодвигается на периферию история отношений будущего писателя с другими членами семьи (прежде всего с отцом, дядей Н. Н. Тургеневым и старшим братом), с которыми Иван Сергеевич также поддерживал интенсивную переписку. Часть ее сохранилась и нуждается не только во введении в научный оборот, но и в серьезном осмыслении. Нередко, обращаясь к письмам матери, исследователи забывают о том, что к 1838 году (дата первых писем) Тургенев уже далеко не был юнцом, нуждавшимся в поучениях, но сложившейся личностью, за его плечами были Московский и Петербургский университеты, широкий круг знакомств, в том числе и литературных, небольшой, но все же значительный опыт собственного литературного творчества. Рано созревший и феноменально образованный Тургенев уже тогда поражал своих знакомых обширными познаниями и яркой индивидуальностью.

Указанный перекос в осмыслении подлинного места писем В. П. Тургеневой к сыну, правда, встречается лишь в некоторых работах и не относится к тем в последнее время все чаще появляющимся в печати исследованиям, авторы которых пытаются определить подлинный характер отношений матери и сына, а также выявить языковое своеобразие ее писем.[17]

В данной публикации письма В. П. Тургеневой печатаются в основном с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, однако с целью передачи «аромата» эпохи и индивидуального стиля воспроизводятся некоторые характерные особенности авторского написания, не затрудняющие понимание смысла. Так, сохраняется устаревшее написание «Ваничка», «Колинька», «Варинька» и др. («крылушки», «кокетствовать», «латынский», «маральный» и т. д.). В случаях неустойчивой орфографии, варьирующейся от письма к письму (напр., «цалую» и «целую»), выявленные колебания в написании сохраняются. Очевидные ошибки, способные ввести в заблуждение читателя и требующие дополнительных комментариев, которые встречаются в письмах Варвары Петровны в написании русских и иноязычных слов, исправляются без оговорок. Пунктуация также частично нормализована (в ряде случаев при отсутствии знаков препинания в сравнительно длинных фрагментах текста произведено логическое деление на предложения, введены запятые в деепричастных и причастных оборотах и т. д.), однако отдельные характерные особенности (употребление тире внутри фраз и между предложениями, постановка восклицательного знака после «но» и т. д.) сохранены.

Слова, подчеркнутые Варварой Петровной, воспроизводятся курсивом, названия книг, журналов и произведений, встречающиеся в письмах, даются в кавычках.

Письма публикуются по автографам, за исключением уже упомянутого письма от 14 (26) марта 1839 года, которое сохранилось только в копии. Утраченные фрагменты текста, восстанавливаемые по копиям, заключаются в квадратные скобки.[18] Полностью утраченные фрагменты обозначаются следующим образом: [...]. Со-

---

[17] *Балыкова Л. А.* К истории конфликта В. П. Тургеневой с сыном Иваном (По материалам переписки и мемориальной библиотеки писателя) // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 98—108; *Коробкова Н. В.* К вопросу о языке писем Варвары Петровны Тургеневой // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 173—178; *Ее же.* Оценочные высказывания как средство характеристики языковой личности Варвары Петровны Тургеневой (По материалам писем) // Спасский вестник. 2005. Вып. 13. С. 215—224.

[18] В подавляющем большинстве случаев восстановления произведены по *Копии 1* и поэтому специально не оговариваются. При расхождении прочтения в *Копии 1* и *Копии 2* варианты указываются в редакционном примечании под строкой.

мнительные и предположительные чтения отмечаются в тексте знаком вопроса. В угловых скобках раскрываются сокращения слов, недописанных Варварой Петровной, или слова, дополненные авторами публикации. Слова, не поддающиеся прочтению, обозначаются курсивом как *нрзб.* с указанием количества слов (если их больше одного). Перевод иноязычных слов и фраз дается под строкой в сносках, обозначенных латинскими буквами. Авторские сноски приводятся также под строкой со знаком *.

В целях экономии места в комментариях имя Варвары Петровны (как и другие имена) приводится сокращенно: «В. П.».

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Аргамакова — Аргамакова О. В. Семейство Тургеневых (Отрывок из воспоминаний) // *ИВ.* 1884. Т. 15. № 2 (Февр.). С. 324—336.

Б-ка Тургенева — мемориальная библиотека И. С. Тургенева, хранящаяся в *ОГЛМТ.*

Житова — Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева / Ред. текста, вступит. ст. и комментарии Т. Н. Волковой. Тула, 1961.

Каталог 1909 — Каталог выставки в память И. С. Тургенева в имп. Академии наук. Март, 1909. 2 изд., с исправлениями. СПб, 1909.

Каталог Б-ки Т — Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Каталог. Орел, 1994. Ч. 1: Книги на рус. яз.

Колонтаева — Колонтаева В. Н. Воспоминания о селе Спасском // *ИВ.* 1885. Т. 22. № 10 (Окт.). С. 41—65.

*Майков — Z*** <Майков Л. Н.>* Иван Сергеевич Тургенев на вечерней беседе в С.-Петербурге 4-го марта 1880 г. // *РСт.* 1883. Т. 40. № 10 (Окт.). С. 201—216.

Островская — Островская Н. А. Воспоминания о Тургеневе / С примеч. М. А. Островской // Тургеневский сборник / Под ред. Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. Отд. оттиск.

Переписка Станкевича — Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840 / Ред. и изд. А. Станкевича. М., 1914.

РМ (1) — Малышева И. М. Мать И. С. Тургенева и его творчество: По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну // *Р Мысль.* 1915. № 6. С. 99—111.

РМ (2) — Малышева И. М. Мать И. С. Тургенева и его творчество: По неизданным письмам В. П. Тургеневой к сыну // *Р Мысль.* 1915. № 12. С. 110—120.

Рында — Рында И. Ф. Черты из жизни И. С. Тургенева. СПб., 1903.

Т Сб 1915 — Малышева И. М. Письма матери (Из неизданной переписки В. П. Тургеневой с сыном) // Тургеневский сборник. Новооткрытые страницы Тургенева. Неизданная переписка. Воспоминания. Библиография / Под руководством Н. К. Пиксанова. Пг., 1915. С. 24—48.

Чернов — Чернов Н. М. Провинциальный Тургенев. М., 2003.

Щепкина — Щепкина С. Г. И. С. Тургенев в Спасском-Лутовинове / Публ. Н. Л. Бродского и А. С. Латышевой // Красный архив. 1940. Т. 3 (100). С. 195—228.

Mourier — Mourier J. Ivan Serguéiévitch Tourguéneff à Spasskoé / Préface de M. Stahowitch. St-Pétersbourg, 1899.

1

30 июля (11 августа) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. 30-го июля. С. Спасское.

Милый друг и сын, Ваничка.

Я не столько получила от тебя писем, сколько ты пишешь, что писал. — По сие число я получила 5 шт<ук>. 1-е — в Москве, тотчас после пожару[1] от $\frac{31}{19}$ мая. — Потом не получала месяц и была в отчаянии, до — второго июля. — Тогда получила письмо из Гамбурга от $\frac{26\text{ маия}}{7\text{ июня}}$.[2] Потом получила посылку, это был мне сюрприз столь приятный, какого я никогда еще не ощущала, *твой портрет*,*[,3] при оном маленькая записочка. — Потом получила от $\frac{26}{9}$ июня.[5] — Так ты перемешал числы, последние на лиловой бумажке два вдруг из Франкфурта и Кобленца.[6] — Вот и всё тут. — И ты видишь, что по письмам твоим некоторые пропали. — Но! я и теми довольна, что получила. Сама же тогда буду писать аккуратно через две недели, когда уже ты будешь где-нибудь на месте.

Теперь, мой милый друг, прежде чем я стану отвечать тебе на твои письмы, позволь мне тебе объяснить нечто...

Не пугайся, ежели ты вместо моей руки увидишь Лобанова[7] руку. Я, как ты знаешь, чаще лежу, чем сижу, а в эдаком положенье писать не очень ловко.[8] — И потому я пишу карандашом на бумаге или на грифельной доске, а он уже переписывает набело. — Правда, он никак не может писать *si serré*,[a] как я, привычка беречь бумагу, писав к отцу в чужие и из чужих краев[9] — чтобы уписать более на той же бумаге... имев столько, столько ему сказать. — Я бы тебе попеняла, что ты, на толстой бумаге писав, более плотишь весовых. Но!.. мужчины нетерпеливы, и на толстой бумаге легче писать. Итак, пиши на толстой, да на цветной, и особливо на разной, то [на] розовой, то на зеленой. — Я буду отвечать, что получила твое письмо [зе]леное, лиловое и пр<о>ч. — А сама буду делать к тебе пакеты из [ц]ветной бумаги. — Правда здесь, т. е. в Петербурге, трудно достать [такой бумаги], на какой я к тебе пишу. Это у меня еще иностран[ная]. — Здесь, когда тонкая, то промокает.

---

* Я никогда не воображала, чтоб портрет мило[го че]ловека мог мне доставить [такое удовольствие]. В Петербурге я не хотела, чтоб ты списывал [с себя] по разным причинам. [<Хорошему мас?>]теру надо заплатить дорого. — Напишут розовую [картинку]. Дурной напишет похо[же, но] уже намажет так, что гадко смотреть. — А этот [...] приятно... так мило, так схож, [что Дунаевская[4] вскричала. *Ах, как*] *сущес*[*твительно*]. 1000 раз благодарю тебя за него *прилага*[*тельно*] [...].

[a] так убористо (*франц.*).

Ты мне пишешь, милый друг, всякий раз: купи, maman, Рейхарта.[10] O!.. Que mon attachement vous est peu connu, mes enfants chéris.[b] — [Тебе бы *нрзб.*] писать: maman, ты, верно, уже имеешь Рейхарта?.. Ты знаешь, у нас их было два. Кажется, новый ты взял. — А старый, с которым мы вояжировали с отцом,[11] у меня. — Il m'est bien pénible, cher ami, de voir encore une fois les marques qu'il a fait...[c] То карандашом черточка, то ногтем. — То уголок [загнут] — все это как стрелы в сердце. — Я хотела тебе и о портрете тоже сказать. Например, у меня [есть] похожий портрет отца и непохожий.[12] На непохожий я, взглянув, скажу — ce n'est pas lui...[d] Но — на похожий я не могу вз[глянуть], вся кровь прильет к сердцу... Он в отсутствии и навсегда. Напротив, когда я взгляну на твой похожий портрет, то надежда, отрада войдет в мое сердце. Я его увижу, думаю я… et cela aproche les distances de lieux et de [temps<?>…].[e]

Ты <м?>не п[ишешь]: купи, maman, Рейхарта, а я давно уже [выписала описание Голландии], в котором надеялась видеть [города], в [которых т]ы побывал.[13] — *Urbain*[14] прислал мне старинную эдицию,[15] двадцать лет тому назад печатанную. И так странно читать мне, что король… что королева, супруга <?> Бонапарта...[16] которой давно кости сгнили est une très belle femme[f] и пр<о>ч. — Однако, мой друг, чтенье на что-нибудь да полезно. Я, право, думала, что я все видела, все читала, все знаю. — А теперь прочла, как новость для меня, что в Голландии, в городе Делфте[17] колок[ола] звонят в тон, что нужно бы было, оне говорят, делать всем <?>. И я так думаю.

Я очень рада была, что ты получил мое письмо. Слава [Богу, что] отчаянье твое насчет денег прошло, теперь путешествуй с Богом, пользуйся своим путешествием, замечай любопыт[ное], не ленись, записывай, instruisez-vous…[g] На это у меня [всегда <средств?>] достанет. Ne perdez pas votre temps en plaisires futiles, [ne dépensez pas] argent aux jeux et pour les futilités, pour le besoin vous [en aurez] toujours assez.[h]

В первом или во втором письме ты мне жаловался на ненужного тебе человека Порфирия,[18] на расходы на него, на толмачество твое,[19] в том же письме ты, душа [моя], жалуешься на чужие лицы, о скуке одиночества. Ты [только] еще в начале твоего путешествия. Год протянется и вся[<кого?>] и достанется,[20] и опять скука одиночества. Может быть взгр[уст]нется… и занеможется, и русский язык будет мил.

«Расходы знать мое, а не твое уж дело», — говорил старый [муж] молодой жене в...[21] — Это только моя любовь к тебе, [а] ежели, душа

---

[b] O!.. Дорогие мои дети, как мало знаете вы привязанность к вам вашей матери (*франц.*).

[c] Очень мучительно мне, дорогой друг, снова видеть пометы, им оставленные… (*франц.*).

[d] это не он… (*франц.*).

[e] и это сокращает расстояние и время <?>... (*франц.*).

[f] очень красивая женщина (*франц.*).

[g] просвещайся (*франц.*).

[h] Не трать свое время на пустые удовольствия, [не расходуй] деньги на игры и пустяки, на нужное у тебя всегда будет достаточно (*франц.*).

моя, угодно тебе… или ты разочтешь <?> [<что?>] ты можешь совершенно обойтись без него, то [в Гамбург] из Берлина ходит еженедельно пароход. [<До Гамбурга отправь?>] его одного, а в Гамбурге много русских. [<Так доберется?>] без нужды до Любека, а из Любека в Петербург. [Отсюда] и проберется в Спасское. Я говорю это в таком случае, [ежели] тебе не угодно будет его держать. [Тебе более знать свои] нужды... Скажу тебе откровенно, я сердита на Порфирия, [он] не так поступил, как ему следовало. [Зачем ему было] таскать с собою свой билет. Он не имел [доверья к <своим?>] господам. Билет его… на его имя, никто [<им воспользоваться?>] не может. — Он должен бы его отдать на сбережение конторе. — Нет! Хам, всё хам… плут и негодяй. И, право, je ne ferais pas un pas pour avoir [son argent.[i] Он] не объявил мне прежде. — А теперь поздно. — И ежели вместо конюха сделали его господа цирюльником, [так что] он возвысился выше хамского своего состояния, [то он] должен чувствовать их [милости, а не скрывать от та]ких господ, как мы, [позволенную выработать ему] эту казну. При нашем состоянии […] как мы.

Ты пишешь, что восхищался Рейном. — Путешествие было мечтою моей жизни, и когда в Шафгаузене[22] увидела я Рейн, я взбежала на гору и в бассейне пила чистую ледяную воду. Умывалась… Насилу отец оторвал меня, боясь, чтобы я не простудилась.

Где-то ты теперь, с кем ты, главное. Говорят, что тогда только la campagne est belle,[j] когда есть кому сказать qu'elle est belle.[k] — Я бы очень желала тебе компаниона. Что твой Куторга,[23] видно, раздумал ехать?

С каким нетерпеньем дожидаю я субботы. Прочие дни текут в монотонии. Все та же история, проливные дожди мешают деревенскому веселью, т. е. прогулке. — Я совершенно одна. *Существительная* Дунаевская варит варенье. Дороги притом так испортило, что невозможно носу никуда показать, даже во Мценск. Авдотья Ив<ановна>[24] тоже от этой причины не едет. Нельзя Березую[25] переехать.

Дядя[26] очень грустен. Он чинит плотину на фабрике,[27] а вода ее портит. Мы не убрали и третьей доли сена, погнило все на рядах. Рожь так перепутало, что боятся, будут ли ее жать. Вся почернела, и всё пух… Прогневали Бога.

Мое здоровье, как обыкновенно летом, изрядно. Я бы даже согласилась и век мой так дожить, *но! боюсь осени.** В Спасском холодно будет жить и скучно. Дядя нанимает дом для меня в Орле,[29] для чего и едет на сих днях. Брат пишет, что будет в конце августа.[30] Мы его нетерпеливо будем ожидать. При нем не так мне будет скучно, только бы он не соскучился. Ты знаешь его любимую поговорку: «Adieu, maman!».[l] Здесь

---

[i] я пальцем не пошевельну, чтобы получить [его деньги] (*франц.*).

[j] местность прекрасна (*франц.*).

[k] что она прекрасна (*франц.*).

* Но! жить я желаю, я так молода. — «Узница».[28]

[l] «Прощайте, маман!» (*франц.*).

поневоле будет сидеть дома. Не знаю, чем он займется осенью, он не охотник с ружьем.[31] [А кстати], о сем предмете. Ты так засмотрелся чужеземных видов, что мы не видим в тебе более охотника. А мы, напротив, охотимся более чем когда-либо. — Наняли двух егерей, одного из Кром,[32] другого — прошлогоднего, которого собираемся купить для тебя.[33] Дичи оне приносят много, да есть ее некому. — Отдали ему Алексашку[34] учиться. Он стреляет изрядно, но! как он глуп, то вряд ли будет [из него] прок какой... Наполь[35] твой очень похудел, [но, верно, будет] славная [собака], очень напоминает [отца, да только] не могу его [<лас?>]кать, слюняв очень.

Я все занимаюсь пчелами.[36] Стеклянные ульи на своем месте. А как нынче гречишный год, то меду оне нанесли очень много. — Я видела матку опять, несущую яйцы, и потом, когда она было вылетела погулять и захватил ее дождь, как она обсушивалась и как ее пчелы облизывали, обтирали, и как она важно протягивала лапки, кокетствовала, притворялась едва дышащею. — О!.. женщина во всяком создании одинакова, aimant à plaire et à se faire admirer.[m]

Что еще тебе сказать? При всей моей охоте, писать, право, нечего. — Варинька[37] еще не получала твоего крестика. Она будет его носить, нетерпеливо ожидает его. Она все так же умна, но! Елизавету Андр<еевну>[38] надо непременно от нее прочь. Она так груба, и Варинька перенимает ее манеры... «Ну! вот» и этот тон мужицкий... Варинька подвержена золотухе, и это приводит меня в отчаяние. То бросится на ухо, то в нос, то в глаза, и теперь ресницы красны, [весь] нос заляжет. — Я ее очень люблю. Она складывает [по]немногу, работает снурочек.[39] — Мавра[40] переводит и [посы]лает тебе свой перевод — *о делф<т>ских карильонах*.[41]

Теперь, хоть убей, ничего не прибавлю... Совсем нечего. Это письмо пошлю в Маянс.[42] — Право, неохота и писать, не знав, точно ли туда пишешь, дойдет ли письмо мое. — Не пропадет ли. Жаль и [денег], а более, что вновь надо писать то же.

Я хотела уже к тебе письмо печатать, но! мне пришло [в ум] к тебе написать жалобу на тебя же. Письмы твои [посланы?] к матери... Но! друг твой видит ясно, что ты не все [к ней] пищаешь, что самое интересное пропускаешь.

Ты не совсем был равнодушен к madame Tutcheff.[n, 43] По[верь] мне, душа твоя, что чувства твои мне интереснее чит[ать] твоих мыслей. Ты менее всего пишешь о себе, и я [готова] спросить тебя, что, в сих достопримечательных [горо]дах не видал ли ты моего Ивана... не встречал [ли] ты где *Jonathan*.[o] Словом parlez-moi plus de gens que des [lieux].[p]

---

[m] любящая нравиться и заставлять восхищаться собою (*франц.*).

[n] госпоже Тютчевой (*франц.*).

[o] Ивана (*нем.*).

[p] говори со мной больше о людях, а не о [достопримечательностях] (*франц.*).

Я бы могла тебе много сказать на счет свой. — Но! [это] почти выйдет все жалоба — plus que jamais je me quereille avec votre oncle.[q] Это стало хуже нежели когда-нибудь. Откладыванья и мешкотность его уже ни на что не похожи. Отовсюду получаю я письменные жалобы. — Недавно [он] чуть не лишился <?> англичанина,[44] доброго и золотого чел[овека], только оттого, что тот [ему] жаловался на [грубость] Тумана.[45] А Туман [известный дурак и грубиян]. Дядя собирался его *больно* наказать. — А за сборами *больно* не хотел поругать médiocrement.[r] — Англичанин, не поняв его манеру… чуть-чуть не от<о>шел.[46]

Вместо управителя взял он двух… Одного старого… т. е. престарелого. — Другого малороссийского быка.[47] — Но! отпустить боится, будучи недоволен, держит обоих. — Боится. — Ну! как управителя возьму — а он что же будет! — Все та же исторья. Хлеб все мешкает продать. — А как дороже будет. — Со старостью это несносно становится… Я думаю, мы тем кончим, что возненавидим друг друга. — *Он* меня за то, что я его ругаю. — *Я* его — зачем он все откладывает… Пока сделается поздно. — Дела наши идут таким мешкотным шагом. — O!.. mon Dieu… mon Dieu...[s] Можно умереть с голоду прежде, чем он соберется вам подать кусок хлеба.

Я хотела заставить писать к тебе конторщика![48] — Но! Нет!.. Это не то… Нет! К *тебе* я не могу этого сделать. Лучше совсем не писать.

Я уеду в чужие края. — Что тут будет?

Однако, cher ami![t] — не надо тебя слишком печалить нашими домашними дрязгами.

Да! да… И ты меня печалишь. — Жалуешься на одиночество [в] чужих краях, где поехал не для семейной жизни. — [И] брат тоже меня огорчает… Пишет: «Мне лучше под твоею протекциею, у тебя под крылушком»... А чуть денег нет… дай! — А сами отрываете от копанья руды на монету вам, жестокие.

Всякий несет свой крест! — А мой, хотя и тяжел, но! *золотой*.

Я было принялась читать «Гишпанию».[49] — Но!.. эта книга не по мне. — Я хотела себя приневолить — не читается. — *Chapitre*[u] тянется, тянется — и конца-то ему нет! Отчего это интересный роман в 4 тома мигом прочтешь. Однако прости, будь здоров, счастлив и весел. — Спи беспечно за моею головою. — Не пиши, а *болтай* чаще и больше с твоею матерью и другом, благословляющею тебя ежечасно.

В. Тургенева.

Губарев[50] *напакостил*. Этому человеку хлеб не сладок, ежели он его съест не украденный. — Он украл… Староста донес. Он отперся от

---

[q] больше, чем когда-либо я ссорюсь с вашим дядей (*франц.*).

[r] мало (*франц.*).

[s] Боже мой… Боже мой… (*франц.*).

[t] милый друг (*франц.*).

[u] Глава (*франц.*).

своей руки.[51] — *По-черкасовски.*[52] 14-го барон попался, его рука… «Знать не знаю», — говорит он. — Вот вам и только. — «Не моя рука», — и только. Сам мне это сказывал. О!.. какие есть скверные люди, — не щадят ни отца, ни матери. *Таков Губарев.*

Так как [дядя] не большой охотник писать, то он довольствуется писать *внутри пакета.*[53] Всякий раз [смотри, всегда будет напи]сано [дядей].

Ты пишешь, что отец говаривал, что выбрал бы себе герцогство Нассауское.[54] — Да! точно. — Мне очень жаль, что я не знала, что ты будешь — в Эмсе, в Франкфурте, где отец жил с Берсом.[55] Ты бы отыскал его квартеру. — Он также был в Висбадене. Отец имел привычку покупать виды, где бывал. — И у меня есть виды всех тех мест. Посылаю тебе вид Бибриха в удостоверенье. — Что не только думаю о тебе, но! вижу тебя мысленно на сих видах. — Вот плывешь ты на лодке. — Прекрасен вид Бибриха.

На гравюре рукой В. П. Тургеневой надпись:
«Купи Рейхарта. — Ты будешь следить за мною», — *пишешь ты.*

Я мыслию, взором и сердцем,
душою, мой милый, с тобою».[56]

<Рукою М. Т. Сливицкой>

Вышина колокольни Дельфтской в Новой церкви открывает самый прекраснейший вид, говорят, по всей Голландии, обширность ее чрезвычайная и самая прельстительная. Трезвоны этой церкви очень многочисленны, они состоят из 400 и из 500 колоколов и славятся приятностию их звуков. Сей род музыки принадлежит голландцам, а французы и италианцы никогда им не подражали. Англичане делали некоторые опыты во многих их церквах, но столь неприятным образом, что звоны их колоколов произвели бы судор<о>ги в звонарях голландских: а звонят посредством одного ключа, который сообщается с колоколами, как на органах, на фортепианах со струнами и трубами. Звонари должны учиться сим звонам, но он очень труден. После этого упражнения, которое стоит ему преизбыточного испарения, должен слечь в постель;

а с педалем, который сообщается с самым большим колоколом, он может играть бас из некоторых трудных арий и переменять. Между тем как он играет обеими руками на верхних ключах посредством широкого клавиша проэктически, довольно отдаленно, чтобы быть пораженным силою и скоростию, без всякой опасности смешивают с теми, которые им соседствуют. У звонарей на каждом мизинце в обеих руках об[тя]нуто кожею туго, чтоб упредить боль пальцу, которую ему движением буде[т] причинять. Некоторые клавиши должны иметь, по крайней мере, фунт [весу], чтоб утолить звук. Звонари могут играть отрывки о трех партиций, [играя] на них, а бас производят педалью. Сим изобретением музыки может п[оль]зоваться весь город, не останавливая своих занятий. Конечно, это [ввиду] для сбережения времени. Такое искусство изображает нацию, которая [выду]мала этого рода рассеянности для большого народонаселения, чтоб не [отвлечь] их от обыкновенных рачительных работ. Часто сей приятный звук, как органный, достигал в мои уши, но еще что-то не достает, которо[е бы] [...] остановило *выбрацию* по препятствию смешения звуков. Сие открытие [сде]лалось восхитительною музыкою, это только в одной земле, где наход[ятся] приятные звоны колоколов. Невозможно сносить поразительные звуки анг[лий]ских колоколов в праздники или в случайных обрядах. В церквах греко-российских колокола еще более нестерпимы. Напоследок я осведомился, что в Амстердаме звоны имеют три октавы со всеми [то]нами и полутонами. И две октавы для педалей, каждый ключ под[а]ет звук натуральный прожект близ фута, и так же диез и бемоль, которые выше несколькими дюймами. Армия англичан была в [при]ятном изумлении, когда они вошли в город, и услыша в звонах колоколов фаворитную арию: Боже, [царя] храни!

<Рукою Н. Н. Тургенева>[57]

Милый друг, Ваня, писать я к тебе не ленив,[58] но время не имею, к тому же мамаша обо всем пишет подробно, мое же дело, по приказу мамаши, вовремя доставлять к тебе деньги и разные припасы, что, кажется, аккуратно исполнил по письму твоему. Ты деньги получил и еще следовало бы выслать, да не знаю куда. Полагаю, всего вернее в Берлин, судя по времени, к 1-му сентябрю ты уже должен быть в Берлине, куда и сие письмо к тебе адресовано. Твои письмы мы аккуратно получаем, чего нам исполнить невозможно, пока ты не приедешь в Берлин. В течение августа месяца и деньги будут к тебе высланы — а ты старайся соблюдать благоразумную экономию, на все полезное не жалей денег, а прихотное отмени до поры до время.

Наполь твой чудная собака. Нанятый егерь не нахвалится.[59] С будущей почтой вышлю журнал,[60] сколько дичи было принесено по милости твоего *Наполеона*. К твоему возвращению надеюсь, что ты им будешь доволен, а ты не забывай своего истинного друга

Николая Тургенева.

<На конверте рукою В. П.>

A Monsieur Monsieur
Jean de Tourguéneff.
En Prusse, à Berlin,
poste restante.
Ивану Сергеевичу Тургеневу.
В Пруссию, в Берлин.

<Пометы конторщика>
весовых 60 gr
портов.: 2-ой 1
<На обороте конверта помета>
Мценск *<и штемпель>*
№ 2
24.8
С.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 1—4. Конверт, на внутренней стороне которого записано письмо Н. Н. Тургенева: Там же. № 89. Л. 1. К данному письму присоединяется по содержанию.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 29, 38, 42. *РМ (1)*. С. 105; *Т Сб*. Вып. 1. С. 346.

[1] Тургенев выехал из Петербурга в Германию на пароходе «Николай I» 15 (27) мая 1838 (по другим данным — 14 (26) мая; см.: Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева / Сост. Т. Г. Динесман, С. А. Долгополова и др. 1999. Кн. 1: 1803—1844. С. 185). В ночь с 18 (30) на 19 (31) мая, «в двенадцатом часу», на пароходе, находившемся в открытом море «пониже Гросс-Клютца, в одной миле от Травемюндского рейда» (*СПб Вед*. 1838. 29 мая. № 117. С. 121), случился пожар, в результате которого судно затонуло, а пассажирам, лишившимся всего багажа, с трудом удалось спастись (по официальным данным на корабле находились 132 пассажира и 33 человека экипажа). Катастрофа произвела на Тургенева сильнейшее впечатление; краткая запись о ней была впоследствии занесена им в «Мемориал», конспект важнейших событий его жизни, под 1838 г.: «В *мае* в 1-й раз за границу. Пожар „Николая". Елеонора Тютчева. Путешествие по Германии» (см.: *ПССиП(2). Соч*. Т. 11. С. 198). Позднее Тургенев собирался включить очерк об этом происшествии в состав «Литературных и житейских воспоминаний», однако осуществить задуманное не успел: рассказ «Un incendie en mer» («Пожар на море») был продиктован писателем в июне 1883 Полине Виардо по-французски, а русский перевод, подготовленный А. Н. Луканиной, лишь просмотрен незадолго до смерти (текст очерка см.: Там же. С. 293—299; перевод: С. 299—304). По воспоминаниям Тургенева, сообщение о пожаре застигло пассажиров врасплох: «Темно-красное зарево, как от горящего каменного угля, вспыхивало там и сям. Во мгновение ока все были на палубе. Два широких столба дыма пополам с огнем поднимались по обеим сторонам трубы и вдоль мачт; началась ужаснейшая суматоха, которая уже и не прекращалась. Беспорядок был невообразимый: чувствовалось, что отчаянное чувство самосохранения охватило все эти человеческие существа и в том числе меня первого. Я помню, что схватил за руку матроса и обещал ему десять тысяч рублей от имени матушки, если ему удастся спасти меня. Матрос, который, естественно, не мог принять моих слов за серьезное, высвободился от меня; да я и сам не настаивал, понимая, что в том, что я говорю, нет здравого смысла. Впрочем, в том, что я видел вокруг себя, его было не более. Совершенно справедливо, что ничто не равняется трагизму кораблекрушения или пожара в море, кроме их комизма» (Там же. С. 300. Подлинник по-франц.). Сведения о крушении «Николая I», записанные со слов самого Тургенева вскоре после пожара, содержатся также в дневнике Е. В. Сухово-Кобылиной (в зам. Петрово-Соловово), с которой Тургенев встречался в Гейдельберге в конце июня — начале июля ст. ст. 1838 (см.: *ЛН*. Т. 76. С. 337—341); об этом «ужасном и неслыханном происшествии» шла речь и во время встречи Тургенева с Н. В. Станкевичем и Я. М. Неверовым, состоявшейся незадолго до этого в Эмсе (см.: *Переписка Станкевича*. С. 64). См. также п. 5 и примеч. 5 к нему, а также п. от 14 (26) марта 1839. Это событие оставило заметный и неприятный след в жизни Тургенева (см. об этом: *ПССиП(2). Соч*. Т. 11. С. 520—522; коммент. Л. М. Долотовой).

[2] По всей видимости, первое из названных В. П. писем было написано Тургеневым из Любека (а не из Штеттина, как указано Е. М. Хмелевской в указателе утраченных писем Тургенева за 1838—1856; см.: *Т Сб.* Вып. 1. С. 345), куда, как следует из очерка «Пожар на море», он добрался после пожара утром 19 (31) мая. Среди спутников Тургенева были барон Д. Г. Розен, А. Г. Демидов, камердинер П. Т. Кудряшов (о нем. см. примеч. 18 к наст. письму), с которыми он в конце мая — начале июня отправился в путешествие по Германии, а также направлявшаяся к мужу в Турин Эл. Ф. Тютчева «с малолетними дочерьми: Анною, Дарьею и Катериною — и при них баварская подданная Цвенгауэр, швейцарка Катерина Жарден и российский подданный Густав Арнольд» (*СПб Вед.* 1838. 26 апр. № 90; о Тютчевой см. примеч. 43 к наст. письму). На «Николае I» находились также кн. П. А. Вяземский, гр. М. Ю. Виельгорский, кн. С. А. Шаховская (урожд. Мусина-Пушкина), гр. Э. К. Мусина-Пушкина (урожд. Шернваль), гр. Е. Ф. Комаровский, кн. Э. Н. Мещерский, В. П. Веревкин и др. Из Любека Тургенев, по всей видимости, в тот же день вместе со своими «товарищами по крушению» направился в Гамбург, где пострадавшие нашли двадцать тысяч рублей серебром, которые император Николай, как раз находившийся тогда проездом в Берлине, прислал для них со своим адъютантом (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 305). Из Гамбурга Тургенев отправил матери второе письмо.

[3] Очевидно, имеется в виду акварельный портрет, который в настоящее время приписывается кисти крепостного художника Кирилла Антоновича Горбунова (1822—1893) и хранится в *ГЛМ*. По воспоминаниям В. Н. Житовой, «из Берлина» Тургенев прислал матери свой «портрет, рисованный акварелью. Сходство было поразительное. И теперь помню свой крик детского восторга: „C'est Jean!" («Это Иван!» — *франц.*), когда мне показали портрет. Варвара Петровна не расставалась с ним. Он всегда стоял на ее письменном столе, и, когда она ездила по деревням или на зиму в Москву, она всегда собственноручно укладывала его в свою дорожную шкатулку» (*Житова.* С. 30). Из содержания письма В. П. следует, что портрет был написан до приезда Тургенева в Берлин, состоявшегося только в конце авг. 1838 (ср. дату, указанную в *Летописи (1818—1858).* С. 36: «около, не позднее 29 августа (10 сентября)»). По предположению Н. М. Чернова, портрет был прислан Тургеневым из Гамбурга (см.: *Чернов.* С. 207), однако прямых указаний

И. С. Тургенев.
Акварель неизв. художника.
1838 г. Гамбург

этому не сохранилось. В дек. 1850, после смерти В. П., портрет был подарен Тургеневым В. Н. Житовой; впервые воспроизведен после смерти Тургенева в *ВЕ* М. М. Стасюлевичем, сопроводившим его пояснительной заметкой, в которой, в частности, писал: «Редко юношеский облик в такой степени предсказывает черты старика, или, лучше сказать — редко в чертах старика в такой степени сохраняются черты его юности, как то случилось с Тургеневым и как о том можно судить благодаря уцелевшему его портрету из эпохи самой ранней молодости покойного» (*М. С. <Стасюлевич М. М.>* Юношеский портрет Тургенева // *ВЕ*. 1884. № 1 (Янв.). С. 7; гравированный портрет воспроизведен на фронтисписе журнала). Высокую оценку портрету дал П. В. Анненков, содействовавший его напечатанию в *ВЕ*: «Портрет, по-моему, очарователен — это 20-летний Тургенев в полном виде и носит в выражении глаз и рта обещание всего, что он сделал» (см.: М. М. Стасюлевич и его современники. СПб., 1912. Т. 3. С. 424). В 1930-е портрет был приобретен *ГЛМ* у внука В. Н. Житовой — Л. М. Змиёва как работа неизвестного художника. Тогда же были приобретены другие семейные реликвии, среди которых альбом-дневник В. П. (1839—1842) на франц. языке с записями «своих и чужих мыслей», несколько фотографий (в том числе Лобановых), а также серебряный ларец В. П. (см.: *Чернов Н. М.* По следам семейных реликвий И. С. Тургенева // Спасский вестник. 1997. Вып 4. С. 26). Позднее сотрудники *ГЛМ* обнаружили на обороте изображения почти стершуюся подпись (или надпись?): «К. Горбу<нов>», что позволило считать акварельный портрет молодого Тургенева одним из самых ранних произведений художника (см.: *Ерусалимчик М.* Юношеский портрет И. С. Тургенева // Художник. 1968. № 11. С. 44—45). Об этом портрете см. также: *Медынцева Г. Л.* «Из эпохи самой ранней молодости...» // В мире книг. 1983. № 10. С. 41; *Ее же.* Иконография Тургенева в Государственном Литературном музее // Тургеневские чтения. М., 2004. Вып. 1. С. 255—260. Однако эта атрибуция вызывает значительные сомнения.

[4] *Дунаевская Софья Александровна* (урожд. Скуратова; ок. 1800—?) — дальняя родственница Тургеневых, дочь Александра Ильича Скуратова, жена губернского секретаря Ивана Осиповича Дунаевского (ок. 1790—1831), внебрачного сына бабушки Тургенева — Екатерины Ивановны Лутовиновой (урожд. Лавровой, во втор. бр. Сомовой) и Сергея Алексеевича Сомова. После смерти мужа Д. часто бывала у Тургеневых в Спасском и в Москве; сопровождала В. П. во время ее заграничного путешествия в 1834—1835. Усадьба Дунаевских располагалась в 3-й части Орла на Дворянской улице, недалеко от орловской усадьбы В. П. По всей видимости, частому повторению эмоционального возгласа: «Ах, как существительно!» Софья Александровна обязана своим прозвищем «существительная», которое встречается в письмах В. П. О Дунаевских см.: *Алексина Р. М.* Дунаевские — единоутробные братья В. П. Тургеневой // Тургеневский ежегодник 2005—2006 годов / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрюхина. Орел, 2008. С. 46—58; *Чернов Н. М.* Четырнадцатое декабря у Тургеневых. Их тайные родственники — Дунаевские // Спасский вестник. 2006. Вып. 13. С. 199—205; *Чернов Н. М.* Скуратовы — предки Тургенева // Чернов Н. М. Дворянские гнезда вокруг Тургенева. Тула, 2003. С. 195—196. См. также примеч. 20 к п. 5.

[5] Очевидно, Тургенев дважды ошибся в указании даты письма. По предположению Н. С. Никитиной, это неизвестное письмо следует датировать 27 июня (9 июля) 1838 (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 36, 444).

[6] О маршруте Тургенева после отъезда из Гамбурга сохранилось очень мало сведений. Из «Мемориала» известно, что из Гамбурга он отправился в путешествие по Германии, которая после Венского конгресса 1815 состояла из 38 слабо связанных между собою государств. Письма В. П. существенно расширяют наше представление об этой поездке и позволяют заключить, что за время путешествия Тургенев посетил Рейнскую провинцию Пруссии (Кобленц), герцогство Нассау (побывал в Эмсе, где встречался с Н. В. Станкевичем и Я. М. Неверовым и где пробыл «не более суток», расставшись на какое-то время с бароном Розеном; см.: *ЛН*. Т. 73. Кн. 1. С. 351; Иван Сергеевич Тургенев в воспоминаниях Я. М. Неверова // *РСт*. 1883. Т. 40. № 11 (Нояб.). С. 417; возможно также в Бибрихе и Висбадене), Франкфурт-на-Майне, великое герцогство Гессенское (Майнц),

великое герцогство Баденское (Гейдельберг, где пробыл несколько дней и посетил Сухово-Кобылиных; см.: *ЛН.* Т. 76. С. 337—341), а затем направился в Страсбург и далее в Швейцарию. По результатам Венского конгресса *Франкфурт-на-Майне* был объявлен «вольным городом» (Freie Stadt Frankfurt), только после австро-прусской войны он потерял независимость и был присоединен к Пруссии. В мае 1840, возвращаясь из Италии, Тургенев вновь ненадолго посетил Франкфурт. Юношеские впечатления о городе впоследствии нашли отражение в повести «Вешние воды» (1871). Упомянутые в ней достопримечательности — гостиница «Белый лебедь», мраморная группа «Ариадна на пантере» И.-Г. Даннекера, дом Гёте, улица Цейле (die Zeile) — несомненно, в свое время привлекли внимание самого писателя (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 8. С. 257, 518, 522; примеч. Л. В. Крестовой). В 1840 Тургенев также вновь посетил Висбаден и Майнц. *Кобленц* (Koblenz) — главный город и крепость Рейнской провинции, перешедшей к Пруссии в 1815, — расположен при слиянии Рейна с Мозелем, соединен мостом с Эренбрейтштейном. См. также примеч. 13 и 54 к наст. письму.

[7] *Лобанов Федор Иванович* (1815—1879) — крепостной В. П., исполнявший обязанности ее дворецкого и секретаря. В детские годы братьев Тургеневых Ф. И. Лобанов и П. Т. Кудряшов учились вместе с ними, «не покидали их классной комнаты во время уроков и были более чем грамотные, — почти образованные люди». Ф. И. Лобанов «говорил и писал по-французски, в совершенстве знал русский язык и даже когда-то писал стихи» (*Житова.* С. 41). Как следует из воспоминаний В. Н. Житовой, Лобанов был ее первым «учителем русского языка», с его помощью она «выучилась читать и писать и четырем правилам арифметики» (Там же). Впоследствии он часто выполнял деловые поручения Тургенева, был на протяжении ряда лет его доверенным лицом. «Лобанов представлял из себя тип слуги хорошего дома»: «Это была весьма симпатичная личность, постоянно одетая щеголевато в синий безукоризненно-чистый фрак с бронзовыми блестящими пуговицами и белый галстух». «Утро Варвары Петровны начиналось тем, что она в своем рабочем кабинете выслушивала доклады Федора Ивановича и в то же время отдавала ему приказания на весь текущий день относительно приготовления экипажей, если предполагалось катанье, работ и всего прочего» (*Колонтаева.* С. 50). В. П. нередко диктовала Лобанову свои письма, в том числе к И. С. Тургеневу (см., напр., п. 5 и др.). Иногда Лобанов делал в этих письмах приписки от себя лично (см. п. 5). Лобанов был женат на любимой горничной В. П. — Авдотье Кирилловне (урожд. Тоболеевой; 1818 (?) — после 1884); его мать — Ольга Семеновна Лобанова — была дворовой при И. И. Лутовинове, исполняла обязанности ключницы в усадьбе Спасское-Лутовиново при В. П. О драматических событиях в жизни Лобановых см.: *Житова.* С. 40—49; *Колонтаева.* С. 52—53. После смерти В. П. все Лобановы по завещанию получили вольную. О Ф. И. Лобанове см.: *Понятовский А. И.* Тургенев и семья Лобановых // *Т Сб.* Вып. 1. С. 270—276; *Чернов.* С. 89—91.

[8] В начале 1838 или в конце 1837 «Варваре Петровне сделали весьма серьезную операцию», в связи с чем «весь 1838 год, по болезненному состоянию Варвары Петровны, мы жили совсем уединенно» (*Житова.* С. 27), однако, возможно, мемуаристка имеет в виду операцию полипа, которую В. П. сделали в Петербурге в 1835.

[9] Имеются в виду две длительные поездки за границу для лечения «каменной болезни», которые С. Н. Тургенев предпринял без семьи в 1829—1830, а также в 1830—1831. Во время последней поездки, 19 февр. (3 марта) 1831 в Париже хирургом Сивияном (?) ему была сделана мучительная операция «бокового сечения» для удаления камня, оказавшаяся неэффективной; в обеих поездках его сопровождали Андрей Е. Берс (см. примеч. 55 к наст. письму) и камердинер М. Ф. Лобанов, а также крепостные: в первом случае — С. Маглинов, во втором — И. Е. Ведилов (см.: *Громов В. А.* Секретное наблюдение за С. Н. Тургеневым и его письма к А. И. Тургеневу // *Т Сб.* Вып. 3. С. 211—214; *Чернов.* С. 194, 195). В свою очередь, в 1834—1835 В. П. без мужа предприняла заграничное путешествие с тем, чтобы поправить здоровье, посетив Австрию, Германию, Италию и Францию. В поездке ее сопровождали Е. И. Берс (см. п. 4, примеч. 21), барон П. И. Черкасов (см. примеч. 52 к наст. письму), а также С. А. Дунаевская. В письме к сыну Николаю

из Москвы от 23 февр. ст. ст. 1834 С. Н. Тургенев, сообщая об обстоятельствах, задерживавших его возвращение в Петербург, раскрыл и причину отъезда В. П. за границу в сопровождении барона Черкасова: «Преждевременная распутица причиною, что мамаша по сие время еще не выехала, да вряд ли уже будет зимняя дорога, а потому она вынуждена будет дожидаться первого колесного пути, что прежде 15-го апреля быть не может. Здоровие ее так расстроено, что я не смею подумать оставить ее здесь одною до отъезда за границу, а сверх того много дел встретилось, кои требуют моего пребывания здесь, а главное устроить занятия Ваничке, который будет жить у Краузе. <...> Барон Черкасов едет с мамашей, без чего она не могла бы предпринять вояжа, потому что ни мне, ни брату Николаю без большого расстройства нельзя бы было оставить всего семейства и имения» (*РО ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1286. Л. 9—9 об.). Однако отъезду В. П. за границу, помимо состояния здоровья, способствовали также и причины личного свойства: в это время родители Ивана Сергеевича были фактически в разъезде.

[10] Очевидно, имеется в виду франц. издание путеводителя *Генриха Августа Оттокара Рейхарта* (1751—1828) «Guide des voyageurs en Europe», впервые вышедшее в Веймаре в 1793 в 2 томах (на нем. языке путеводитель впервые был издан в Лейпциге в 1784) и впоследствии многократно переиздававшееся и дополнявшееся вплоть до 1861. Путеводитель Рейхарта пользовался особой популярностью в первой трети XIX в., до появления Бедекера, и включал в себя путеводители по Германии, Голландии, Бельгии, Франции, Италии, Швейцарии и др. странам и столичным городам (напр., по Берлину, Парижу и т. д.), которые издавались также и отдельно. Из данного письма следует, что в библиотеке Спасского было два различных издания этого путеводителя: первое, с которым Тургеневы путешествовали в 1822—1823 и на котором сохранились пометы С. Н. Тургенева (см. п. 10 и примеч. 22 к нему), и второе — приобретенное позднее (с которым путешествовал Иван Сергеевич). В *Б-ке Тургенева* сохранилось нем. издание 1857: *Reichard.* Die Rheinlände. Holland und Belgien. Paris, London und Schweizerreise. 17. Auflage, nach eigenen Anschauungen und den besten Quellen neu bearbeitet. Berlin, 1857.

[11] Выйдя в отставку в февр. 1821 по состоянию здоровья, С. Н. Тургенев в 1822—1823 вместе с семьей предпринял заграничную поездку для консультации с европейскими врачами. Довольно полное представление о маршруте следования Тургеневых дают записи В. П. в так называемой «голубой тетради», предназначавшиеся для занятий с сыном Николаем («Урок после молитвы» и «Колино путешествие вкратце»; опубликовано с ошибками и пропусками Е. Н. Левиной: Из записной книжки В. П. Тургеневой // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 90—97). Среди крупных городов, которые семья посетила за время путешествия: Кенигсберг, Берлин, Дрезден, Карлсбад, Аугсбург, Констанц, Шафгаузен, Цюрих, Тун, Берн, Базель, С.-Луи, Шомон, Париж, Страсбург, Карлсруэ, Штутгарт, Нюрнберг, Прага, Вена (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 14). Об этом путешествии см. также: *Чернов Н. М.* Тургеневы в чужих краях в 1822—1823 годах // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 80—89.

[12] В воспоминаниях В. Н. Колонтаевой сохранились сведения о двух портретах С. Н. Тургенева, находившихся в спасской усадьбе: «На противоположной стороне комнаты стоял диван, <...> по одну сторону которого находился аквариум, а по другую белая мраморная тумба с портретом ее мужа; на нем он был изображен в гусарском (sic! — *Ред.*) мундире, красивым молодым человеком, с лицом, цветущим молодостью и здоровьем. Над диваном висел другой портрет, большего размера, снятый во время болезни Сергея Николаевича, уже незадолго перед его кончиной; здесь он был изображен с исхудалым страдальческим лицом, со впалыми глазами и длинной бородой. Портрет этот всегда был завешен черной тафтой. Его окружала какая-то таинственность» (*Колонтаева*. С. 51—52). По всей видимости, первый из описанных мемуаристкой портретов, — на котором Сергей Николаевич изображен в форме Кавалергардского полка (работы неизвестного художника), — после смерти В. П. вместе с другими семейными портретами хранился у Н. С. Тургенева, а после его кончины вновь вернулся в Спасское. Об этом портрете Тургенев упомянул в письме к Марианне Виардо от 7 (19) мая 1880 из Спасского: «Что касается до перемен: по стенам развесили разные семейные портреты (на-

С. Н. Тургенев.
Портрет неизв. художника.
1812—1813 гг. <?>

следие моего брата) — малоинтересные. — Однако среди них портрет моего отца в возрасте 19-ти лет — в форме унтер-офицера кавалергардского полка. — Красивый молодой человек, кровь с молоком, немного полный, небольшой тонкий нос, немного детские голубые глаза под красиво изогнутыми бровями, пробивающиеся усики и пепельно-белокурые волосы, ниспадающие на лоб по моде того времени (1813). Георгиевский крест на груди... он был награжден (и тяжело ранен) в сражении за Москву» (*Lettres inéd.* P. 297—298. Подлинник по-франц.). По воспоминаниям В. В. Ладыженской (в зам. Сомовой), посетившей писателя в Спасском летом 1880, портрет отца стоял в гостиной, «на шкафчике, прислонившись к стене» (см.: Воспоминания В. В. Ладыженской о Тургеневе / Публ. А. И. Понятовского // *Т Сб.* Вып. 2. С. 313). По всей видимости, описание именно этого портрета приводится также в воспоминаниях Я. П. Полонского, гостившего у Тургенева в Спасском с семьей в 1881: «В кабинете Тургенева висел портрет отца его, тоже писанный с него в молодые годы. Он глядит еще юношей лет 26, хорош собой, и — странно — несмотря на удивительные темно-синие глаза, смелые и мужественные, так и кажется, что это не мужчина, а дама или даже камелия, наряженная в белый конногвардейский мундир и в галстухе, который без всякого узелка или бантика обматывает ее белую лебединую шею и так высок, что слегка подпирает ей подбородок. Взгляд какой-то русалочный — светлый и загадочный, чувственные губы и едва заметная усмешка» (*Полонский Я. П.* И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину // Полонский Я. П. Повести и рассказы (Прибавление к полному собранию сочинений): В 2 ч. СПб., 1895. Ч. 2. С. 493). После смерти И. С. Тургенева портрет поступил во владение О. В. Галаховой, предоставившей его на Выставку в память И. С. Тургенева 1909 года (см.: *Каталог 1909.* С. 91—92) и впоследствии передавшей в Музей Тургенева в Орле; ныне хранится с Государственном мемориальном и природном музее-заповеднике «Спасское-Лутовиново». Основываясь на деталях военного костюма, в котором изображен С. Н. Тургенев, Л. А. Митракова высказала гипотезу, что портрет следует датировать 1809—1811, а не 1812—1813, как считалось ранее; награды, по ее мнению, «были пририсованы позже» (см.: *Митракова Л. А.* О портретах С. Н. Тургенева // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 31), однако это предположение не вполне убедительно и требует большей аргументации. Впервые этот портрет был воспроизведен Ж. Мурье в 1899 (см.: *Mourier.* P. 15; фотография Вареника и Владимирова), впоследствии в «Сборнике биографий ка-

валергардов» (Сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1906. Т. 3. С. 239). Второй портрет упоминается также в воспоминаниях О. В. Аргамаковой (урожд. Чапкиной): он был написан в 1831 во время пребывания С. Н. Тургенева в Париже (художник неизвестен) и впоследствии привезен им в Спасское-Лутовиново. Описывая обстановку дома до пожара 1839, Аргамакова, в частности, замечает, что «из комнат замечателен был кабинет отца Ивана Сергеевича. Это было святилище после смерти Сергея Николаевича, в которое никогда никто не смел входить <...>. На стенах висели картины: одна из них была задернута белой занавеской: то был портрет Сергея Николаевича, рисованный в Париже. Сергей Николаевич был изображен в халате, с белым откладным воротником голландской рубахи. Лицо покрыто матовой бледностию; оно было очень выразительно и в глазах просвечивало страдание от многолетней, неизлечимой болезни» (*Аргамакова*. С. 325). По предположению Н. В. Илюточкиной, именно этот портрет В. П. считала «похожим» (см.: *Илюточкина Н. В.* Портрет мужчины из рода Тургеневых (К вопросу о «парижском» портрете С. Н. Тургенева) // Спасский вестник. 2004. Вып. 11. С. 313). О местонахождении портрета в настоящее время ничего не известно. О портретах С. Н. Тургенева см.: *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья // *РЛ*. 1967. № 2. С. 130; *Митракова Л. А.* О портретах С. Н. Тургенева. С. 30—34.

[13] Упоминание В. П. нескольких голландских городов заставляет предположить, что после Гамбурга Тургенев сначала отправился в Голландию, где пробыл непродолжительное время (в конце мая — первых числах июня 1838), а уже затем в Германию.

[14] *Urbain* (Урбен) — франц. книжная лавка в Москве на Кузнецком мосту, услугами которой пользовалась В. П. Кроме того, она часто заказывала книги у Готье (Gautier) и Риса (Riss). В *Б-ке Тургенева* сохранились каталоги всех трех книгопродавцев, среди них «Catalogue du cabinet de lecture de M. Charles Urbain et Cie, dans la Petrowka, maison Annenkoff, à Moscou» за 1824 (указано Л. А. Балыковой). Сопоставив содержание каталогов с сохранившимися в *Б-ке Тургенева* книгами, М. В. Португалов предположил, что «эти поставщики книг высылали Тургеневым по заказу оптом целый ряд книг, не разбирая их ценности и насущной принадлежности для чтения. Делались большие заказы на туалетные принадлежности и домашние мелочи, как о том свидетельствует *„опись гардеробу и белью"* В. П. Тургеневой 43 и 46 гг., — точно так же заказывались и получались книги. Просматривая эти *„реэстры иностранным книгам*, продающимся в книжной лавке Ивана Иванова Готье, на Петровке, близ Кузнецкого моста, в доме г-жи Анненковой" (за 1817—18 гг.), мы лишь около некоторых названий видим поставленную отметку, а между тем громадное количество изданий, помеченных в каталоге, имеется в Тургеневской библиотеке: различные beautés de l'histoire, voyages magasins des enfants et des adolescents, manuels pratiques de géographie, de l'histoire и т. п.» (*Португалов М. В.* Тургенев и его предки в качестве читателей (По материалам Тургеневского Музея и библиотеки) // Португалов М. В. Тургениана. Статьи, очерки и библиография. Орел, 1922. С. 19).

[15] *Эдиция* — издание (от франц. l'édition). О каком издании идет речь, установить не удалось. Книги о путешествиях, пользовавшиеся большой популярностью в среде русского поместного дворянства, составляют значительную часть *Б-ки Тургенева*: среди них многотомное издание А.-Ф. Прево (д'Экзиля) «История о странствиях вообще по всем краям земного круга» с автографами А. И. и И. И. Лутовиновых, собиравшиеся ими многочисленные описания больших и малых государств, столиц мира, географические атласы. Впоследствии большое количество подобных изданий было приобретено В. П., испытывавшей страстную тягу к путешествиям (см. об этом: *Балыкова Л. А.* Библиотека Ивана Сергеевича Тургенева. Истоки, читатели, портрет поколений // *Каталог Б-ки Т.* С. 13; *Balykova L.* Les livres français de la bibliothèque de Tourguéniev // *Cahiers*. N 5 (1981). P. 38).

[16] Объявленное Наполеоном *Королевство Голландия* просуществовало с 1806 по 1810, в течение которых им управляли младший брат Наполеона Луи Бонапарт — *Людовик I* (1778—1846) и его супруга *Гортензия де Богарне* (1783—1837), дочь Жозефины де Богарне от первого брака. Стремление Людовика I к независимости и нежелание губить благосостояние населения континентальной системой привели к отречению его от пре-

стола в 1810, после чего Голландия была присоединена к франц. империи. Таким образом, книга, которую держала в руках В. П., по всей видимости, была издана в период с 1806 по 1810.

[17] *Дельфт* (Delft) — город в нидерландской провинции Южная Голландия, между Роттердамом и Гаагой, на реке Шия, славившийся своими колоколами-карильонами. В начале XIX в. в городе насчитывалось 11 подобных колоколов (5 из них были проданы в 1808 ввиду тяжелого финансового кризиса), среди которых выделялся один из знаменитых карильонов работы Франсуа Хемони, расположенный на 109-метровой колокольне Новой церкви (Nieuwe Kerk); описание этой колокольни, переведенное с франц. языка из присланного книжной лавкой Urbain путеводителя М. Т. Сливицкой, было послано В. П. вместе с данным письмом.

[18] *Кудряшов Порфирий Тимофеевич* (1813—1880, похоронен в Спасском) — крепостной В. П., сопровождавший Тургенева в качестве камердинера во время его поездок за границу в 1838—1841; слушал лекции по медицине в Берлинском университете, еще до поездки в Берлин учился в фельдшерской школе (см.: *Житова*. С. 64), впоследствии сдал в Москве экзамен на звание зубного врача и исполнял обязанности домашнего врача в Спасском. «Тургеневу очень хотелось, чтобы я сдал экзамен на доктора, — вспоминал Кудряшов, — но благодаря моей лени дальше зубного врача не пошел, предпочел вернуться на свое пепелище. Варвара Петровна зачислила меня к себе в качестве домашнего врача и в этой должности при ней находился до самой ее смерти» (*Щепкина*. С. 222). О совместной жизни Тургенева и Порфирия в Германии см.: *Аргамакова*. С. 335; *Майков*. С. 205—206. «Типична была наружность нашего милого доктора: высокий, плотный, со следами оспы на лице, которые нисколько не мешали добродушному выражению его лица, замечательно маленькие при его почти колоссальном росте глаза, но очень умные, ласковые глаза. Вся фигура его дышала невозмутимым спокойствием. Варвара Петровна называла его flegme-toujours endormi (вечно сонный. — *франц.*), но при всем том чувствовала себя спокойной только тогда, когда он был при ней» (*Житова*. С. 64). К. «ежедневно поутру и даже несколько раз в день должен был осведомляться о здоровье Варвары Петровны, вести бюллетени о состоянии ее здоровия и отсылать в двух экземплярах: один — к доктору Иноземцеву, а другой к ее домашнему московскому врачу Берсу» (*Колонтаева*. С. 50). К. послужил прообразом домашнего лекаря Харитона в рассказе «Муму» (*Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее воспоминания // *Житова*. С. 7), а также фельдшера Павла Андреевича в рассказе «Контора» из «Записок охотника» (см.: *Тургенев И. С.* Записки охотника. М., 1991 (Сер. «Литературные памятники»). С. 620; примеч. Н. М. Чернова). Получив по завещанию вольную после смерти В. П., К. остался в Спасском, был знаком со многими литераторами из окружения Тургенева (Н. А. Некрасовым, А. А. Фетом, Е. Я. и Д. Я. Колбасиными и др.). Дружеские отношения, установившиеся между К. и Тургеневым в Германии, продолжались и в дальнейшем. По воспоминаниям Фета, «толстый и отяжелевший, он (Порфирий. — *Ред.*) иногда сопутствовал И<вану> С<ергеевичу> в ближайших охотах и в случае надобности мог составить желающему партию на биллиарде или в шахматы. Наивное вранье и попрошайство указывали в нем на бывшего дворового» (*Фет. МВ*. Ч. 1. С. 273). В 1854 К. женился на Елене Матфеевой, от которой у него родилось четверо детей, двоих из них крестил Тургенев — Софью в 1855 вместе с М. Н. Толстой и Ивана в 1858 с Е. С. Тургеневой (урожд. Белокопытовой). Трое детей К. умерли в раннем возрасте, в судьбе старшего сына Александра (1856—после 1880) писатель принимал в дальнейшем живое участие, способствовал его поступлению в Технологический университет, пытался примирить с отцом, считавшим сына «нигилистом» и намеревавшимся лишить его наследства. Семейная жизнь К. сложилась не самым благополучным образом, о чем свидетельствует письмо Тургенева к Д. Я. Колбасину от 24 июля (5 авг.) 1862: «На днях к нам явился знакомый вам Порфирий, отправившийся, как Вам, вероятно, известно, в Воронеж — искать… бог знает чего — и бросивший здесь верный и обеспеченный кусок хлеба. На этот поступок его подбило семейство его жены. Результатом этого безумства было то, что его совершенно ограбили, что он кидался во все стороны, пробовал быть фотографом, рыбным торговцем и т. д. и наконец,

похудевший до странности, разбитый, в одном сюртуке, появился в Спасском, где, разумеется, его приняли самым радушным образом» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 5. С. 97—98). Вскоре при содействии Тургенева К. получил место помощника акцизного надзирателя в Чернском у. Тульской губ., недалеко от Спасского. В письме к М. А. Языкову Тургенев рекомендовал его «как человека вполне надежного, честного, трезвого и образованного, которому можно поручить важные дела, с совершенной уверенностью в его полной добросовестности» (Там же. С. 95, 451). В 1868 Тургенев выделил, а затем подарил К. в Спасском участок земли в 15 десятин, находившийся к югу от Варнавицкого колодца. В последние годы жизни К. занимал место земского врача в южной окраине Мценского у., где прослужил 7 лет до весны 1877. Выразительный его портрет оставила в своих воспоминаниях С. Г. Щепкина, неоднократно встречавшаяся с ним в конце 1870-х и записавшая с его слов ряд интересных подробностей о семье самого Кудряшова, о Тургеневе, В. П. и других обитателях Спасского: «Кудряшов оказался веселым собеседником, видел и испытывал многое на своем веку. Он был огромного роста, его бесцветные глаза скрывались под нависшими бровями, в темных волосах на голове и длинной, густой бороде едва просвечивалась седина. В общем он смахивал на неряшливого крестьянина, только в штатском платье» (*Щепкина.* С. 221). После смерти Тургенева долгое время существовала версия о том, что К. был побочным сыном С. Н. Тургенева от крепостной женщины (см., напр. комментарий М. А. Языкова: Первое собрание писем И. С. Тургенева. 1840—1883 гг. СПб., 1884. С. 110), однако это предположение оказалось необоснованным (см.: *Чернов Н. М.* Летопись жизни. Поиски новых материалов для биографии И. С. Тургенева // Литературная Россия. 1970. 21 авг. № 34. С. 21). По всей видимости, Кудряшов был незаконнорожденным сыном дворовой (Прасковьи Григорьевны) из села Сычево Мценского у., которая принадлежала Е. И. Аргамаковой (урожд. Лутовиновой), тетке В. П. Крепостными Тургеневых К. и его мать стали только в 1823, после смерти Аргамаковой. В 1818 мать Порфирия вышла замуж за крестьянина Кирсана (Хрисанфа) Прокофьева; в браке у нее родилось трое сыновей — Поликарп, Павел и Николай (1827—?), последний упоминается в п. 9 и 10. О П. Т. Кудряшове см.: *Житова.* С. 63—66; *Щепкина.* С. 221—227; *Красин А. А.* Земский врач-самоучка // Орловский вестник. 1889. 26, 28 окт.; *Митракова Л. А.* Дворовый Тургеневых П. Т. Кудряшов // Спасский вестник. 1997. Вып. 4. С. 40—45; *Чернов.* С. 95—98.

[19] Позднее Тургенев признавался, что его недовольство было прежде всего вызвано тем, что П. Т. Кудряшов не знал немецкого языка и не мог самостоятельно изъясняться за границей: «В менторы или дядьки ко мне был приставлен один из наших дворовых, бывший у нас фельдшером. С ним я явился в Берлин и тут только убедился, какую обузу мне навязали в этом служителе, при совершенном его незнании немецкого языка» (*Майков.* С. 205). Кроме того, после утраты всего багажа и денег содержание Порфирия, как следует из последующих писем В. П., обходилось Тургеневу очень дорого. Именно это обстоятельство вынудило его, по всей видимости, во время пребывания в Швейцарии оставить Порфирия и отправиться путешествовать в одиночку: «В Швейцарии я его оставил в одном городке, а сам купил себе блузу, ранец, палку, взял карту и отправился пешком в горы, не наняв себе даже гида. Это, впрочем, привело к тому, что путешествие мое обошлось весьма и весьма недорого и было не в пример приятнее» (Там же. С. 206).

[20] Ср. у Даля: «Век протянется — на всякого достанется!» (Т. 3. С. 522).

[21] В. П. цитирует сказку (стихотворную новеллу) И. И. Дмитриева (1760—1837) «Модная жена» (1791; впервые опубликована в «Московском журнале» в 1792. Ч. 5. С. 15). Сюжет ее, по наблюдению Г. П. Макогоненко, «откровенно восходит к новиковским сатирическим рассказам „Живописца" о развратных дворянах: молодая жена обманывает своего старого мужа Пролаза и ловко устраивает в своем доме свидание с любовником» (см.: *Макогоненко Г. П.* «Рядовой на Пинде воин» (Поэзия Ивана Дмитриева) // *Дмитриев И. И.* Полное собрание стихотворений. Изд. 2-е / Сост., вступ. ст. и комм. Г. П. Макогоненко. Л., 1967 (Сер. «Библиотека поэта»). С. 21). Добившись чинов и богатства, Пролаз (героиня называет его «Ванечка») женится на умной и ловкой молодой девушке, которая вертит им как хочет. Боясь потерять молодую жену, он поддерживает ее

расположение «ценою дорогой» — богатыми подарками, которые жена искусно выпрашивает.

В письмах В. П. неоднократно цитирует «Модную жену» (см., напр., п. 3 и 13) и др. произведения Дмитриева, с творчеством которого была хорошо знакома. Кроме того, она была лично знакома с поэтом, о чем не без гордости сообщала в письме к М. М. Карповой (урожд. Ждановой); см.: *РГАЛИ*. Ф. 509. № 172. Известен также эпизод, рассказанный самим И. С. Тургеневым, о его встрече с поэтом: «Как теперь помню, шести-семилетним мальчуганом я был представлен одному весьма почтенному старцу. Мне сказали, что это сочинитель Иван Иванович *Дмитриев*, и я продекламировал пред ним одну из его басен. Но представьте себе ужас и матушки, и окружающих, когда я этому достопочтенному старцу прямо в глаза так и брякнул: „Твои басни хороши, а Ивана Андреевича *Крылова* гораздо лучше". Матушка так рассердилась, что высекла меня и этим закрепила во мне воспоминание о свидании и знакомстве, первом по времени, с русским писателем» (*Майков*. С. 202).

[22] *Шафгаузен* (Schaffhausen) — главный город в одноименном кантоне в Швейцарии, расположенный в долине Рейна. Здесь находился знаменитый Рейнский водопад, падавший с высоты 24 м и неизменно привлекавший многочисленных туристов. Красочное описание Рейнского водопада оставил Н. М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (см.: *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Повести / Вступ. ст. Н. Н. Акоповой; Предисл. Г. П. Макогоненко; Примеч. М. В. Иванова. М., 1982. С. 170—173), которые входили в число излюбленных книг В. П. (см. п. 2, примеч. 11). После выхода в свет книги Карамзина, как отмечает современный исследователь, посещение водопада «становится обязательным номером при планировании русскими туристами зарубежных поездок» (см.: *Шишкин М. П.* Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. М., 2006. С. 342). Во время заграничного путешествия, предпринятого Тургеневыми в 1822—1823, семья посетила Шафгаузен, об этом сохранилось упоминание в записной книжке В. П. за 1823 г.: «Первый швейцарский город приехали в Шафгаузен, где видели славный Рейнский водопад. — Как это было 14-е число сентября, день рожденья нашего друга Губарева, то мы пили старый рейнвейн за его здоровье и лили вино в Рейн» (*РО ИРЛИ*. № 13506. Л. 34 об.—33).

[23] Возможно, имеется в виду *Михаил Семенович Куторга* (1809—1886), читавший Тургеневу историю древних и средних веков в Петербургском университете в 1837, впоследствии профессор истории Петербургского и Московского университетов. В письме к В. П. Боткину от 22 нояб. 1839 В. Г. Белинский дал о нем следующий отзыв: «молодой профессор Куторга, товарищ Редкина, гегелианец и умный человек» (*Белинский*. Т. 11. С. 419).

[24] *Лагривая* (*Лагривова, Логривая, Логривова*) *Авдотья Ивановна* (урожд. Губарева; 1787(?)—после 1858) — близкая подруга В. П. Дочь кромского городничего И. А. Губарева, сестра В. И. Губарева (см. примеч. 50 к наст. письму), училась с В. П. в одном пансионе, многие годы входила в ее ближайшее окружение и была частой гостьей в доме Тургеневых в Орле и в Спасском, «числилась при Варваре Петровне в качестве компаньонки еще при жизни старика Лутовинова и сумела настолько сильно привязать ее к себе своею сметливостью и ловкостью, что Варвара Петровна подарила ей имение в 100 душ крестьян Болховского уезда, село Лутовиново, и выдала ее замуж за г. Лагривого» (*Колонтаева*. С. 49). Однако из копии купчей, хранящейся в *ИРЛИ*, следует, что 29 марта 1816 В. П. продала Лагривой имение в деревне Дичково Болховского у. за 14000 руб. государственными ассигнациями (*РО ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 87. Л. 321). Впоследствии Тургенев часто ездил охотиться в Дичково (или Лутовиновку), находившееся в 7 верстах от Болхова и в 1,5 верстах от большой Мценской дороги, останавливался там и оттуда выезжал в Льгов (на старое озеро). Вскоре после замужества В. П. подарила Лагривой свой портрет, сопроводив его следующей запиской: «1816 года 27 числа. Рассталась я с тобою, милая, но сердцем вечно твоя буду. В. Тургенева» (Из прошлого. Труды Тульской губернской ученой архивной комиссии. Тула, 1914. Кн. 1. С. 33. Отд. оттиск.). 22 марта 1821 Лагривая с братом В. И. Губаревым крестили младшего сына Тургеневых Сергея (*Ката-*

лог 1909. С. 83). Имя Лагривой, или «Заберезуйской», как прозвал ее Тургенев, намекая на расположение имения Авдотьи Ивановны за рекой Березуйкой, постоянно встречается в письмах В. П. к Тургеневу. По мнению Н. М. Чернова, Лагривая с мужем и В. И. Губаревым присматривала за младшим братом Тургенева Сергеем во время пребывания Тургеневых за границей в 1822—1823 (*Чернов.* С. 188). По всей видимости, именно А. И. Лагривую, а не умершую в 1822 Анну Ивановну Лутовинову (в зам. Сергееву) Тургенев упомянул в наброске автобиографии (1835): «...лет четырех чуть-чуть не умер; <...>. Женщина, имевшая обо мне тогда самые нежные попечения, была одна А. И. Л., которую я, несмотря на многие ее не очень хорошие свойства, люблю до сих пор» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 401, ср. коммент. на с. 557). О Лагривой см. также: *Чернов.* С. 53—55.

[25] Река *Березуйка* протекала в Болховском у., в 5 км от Болхова, за ней располагалось имение А. И. Лагривой — Дичково.

[26] *Дядя* писателя — *Тургенев Николай Николаевич* (1795—1881) — младший брат С. Н. Тургенева, с 1812 начал службу юнкером Кавалергардского полка, за храбрость, проявленную в Бородинском сражении, одновременно с братом награжден знаком отличия военного ордена, в 1813 произведен в поручики; в 1816 уволился от службы в чине штабс-ротмистра. После смерти С. Н. Тургенева (1834) свыше 10 лет заведовал имениями В. П., был «главным лицом в доме»: «...он управлял ее имениями и заведовал всеми делами, хотя полновластным хозяином не был, потому что все делалось по собственной инициативе Варвары Петровны, и более важные вопросы решались ею самой» (*Колонтаева.* С. 46). Деятельностью деверя в качестве управляющего В. П. была постоянно недовольна, неоднократно жалуясь на него в письмах к сыновьям. С 1841 по 1846 Н. Н. был уездным предводителем дворянства по Чернскому у. Тульской губ., а также посредником по размежеванию помещичьих земель. После женитьбы на Елизавете Семеновне Белокопытовой (компаньонке В. П.) между ним и В. П. произошел разрыв. Н. Н. вынужден был поселиться в своей деревне Юшково Карачевского у. Орловской губ., «и, несмотря на неоднократные попытки к примирению со стороны деверя, она осталась непреклонна» (*Житова.* С. 84). В годы детства и юности И. С. Тургенев очень любил своего дядю, о чем свидетельствуют его сохранившиеся письма за 1831. В свою очередь, «Иван Сергеевич был кумиром дяди. Никого не любил он так, как этого племянника» (Там же). Воспоминания мемуаристки рисуют портрет «доброго и прекрасного человека»: «Все, знавшие его, любили его. Мы все (воспитанницы В. П. — *Ред.*) звали его дядей, и был он дядя-баловник для всех нас. Что касается людей подвластных ему, как то: мелкие управляющие, конторщики, старосты и все слуги, все боготворили его, никто его не боялся и никому он не сделал зла. Напротив, он был укрывателем всех провинностей, и все, что могло возбудить гнев Варвары Петровны, тщательно им скрывалось» (Там же). После смерти В. П. Николай Николаевич с 1853 по 1867 управлял имениями, перешедшими по наследству к И. С. Тургеневу. Однако за время его деятельности хозяйство было настолько запущено, что писатель был вынужден пригласить другого управляющего. См.: *Заборова Р. Б.* Тургенев и его дядя Н. Н. Тургенев // *Т Сб.* Вып. 3. С. 221—234.

[27] *Бумажная фабрика*, находившаяся в родовом имении отца — селе Тургенево (Введенское тож) Чернского у. Тульской губ., в 18 верстах от Спасского, — была построена С. Н. Тургеневым после женитьбы на В. П. «Ее механизмы приводились в движение колесом, вращавшимся водой реки Снежедь. В конце села, где река суживалась, ее перегородили земляным валом, а в центре сделали деревянную плотину, которая на время половодья разбиралась. Запруда преграждала путь реке, образуя большое водохранилище, огибавшее полукольцом тургеневскую усадьбу. Почти к самому зданию фабрики от водохранилища крепостные прорыли канал. От него по деревянному желобу вода направлялась на огромное деревянное колесо со специальными ячейками. Под тяжестью падавшей воды колесо вращалось, приводя в движение металлический вал и затем — механизмы фабрики» (см.: *Новиков В. А.* И. С. Тургенев в Тульском крае. Документальные очерки. Тула, 1990. С. 12). Известно, что «Иван Сергеевич свои первые литературные произведения писал на бумаге фабрики села Тургенева» (*Колонтаева.* С. 42). После

смерти С. Н. Тургенева управление фабрикой было поручено В. П. его брату, Н. Н. Впоследствии Тургенево вместе с фабрикой перешло к И. С. и Н. С. Тургеневым и оставалось в нераздельном владении до 1850, когда Иван Сергеевич передал свою часть брату. После очередной ссоры с матерью летом 1850 И. С. (вместе с братом и его женой) поселился в родовом имении отца, где прожил с 23 июля (4 авг.) по 26 сент. (8 окт.) 1850. Как следует из его письма к П. Виардо, здесь ему «устроили комнатку в обширном помещении бумажной фабрики, в настоящее время бездействующей из-за процесса, который навлекло на нас дурное управление моей матери» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 351. Подлинник по-франц.). В Тургеневе писатель начал работу над новыми рассказами из «Записок охотника»: здесь были написаны «Певцы», велась работа над рассказом «Свидание», а также был задуман «Бежин луг». «Я много работаю, — сообщал он в следующем письме к П. Виардо, — и, кажется, довольно успешно; к сожалению, моя комната слишком уж мала, и поэтому в ней чересчур жарко <...>» (Там же. С. 352. Подлинник по-франц.). Бумажная фабрика в селе Тургенево изображена в рассказе «Бежин луг», упоминается также в «Певцах» и «Собственной господской конторе». Интересный эпизод из жизни рабочих фабрики описан Тургеневым в письме к С. Т. Аксакову от 16 (28) янв. 1853: «У меня на праздниках были маскарады: дворовые люди забавлялись; а фабричные с бумажной фабрики брата приехали за 15 верст — и представили какую-то, ими самими сочиненную, разбойничью драму. Уморительнее этого ничего не возможно было вообразить — роль главного атамана исполнял один фабричный — а представителем закона и порядка был один молодой мужик; тут был и хор вроде древнего, и женщина, поющая в тереме, и убийства, и всё, что хотите: — язык представлял смешение народных песен, фраз à la Marlinski (в духе Марлинского. — *франц.*) — и даже стихов из „Дмитрия Донского". Я когда-нибудь опишу это подробнее. Впрочем, эту драму сочинили, как я потом узнал, не фабричные; ее занес какой-то прохожий солдат» (Там же. С. 188). Бумажная фабрика просуществовала несколько десятилетий и была закрыта (не позднее 1861) Н. С. Тургеневым из-за нерентабельности. Здание фабрики частично сохранилось до наших дней, на нем установлена мемориальная доска в память И. С. Тургенева (воспроизведено: *Новиков В. А.* И. С. Тургенев в Тульском крае. Между с. 32 и 33; о фабрике см.: Там же. С. 12—13, 26—27).

[28] Как установлено Л. А. Балыковой, В. П. цитирует здесь в русском (неизвестном) переводе оду А. Шенье «La jeune captive» («Молодая узница»), к которой обращались многие русские поэты: В. А. Жуковский, Авр. С. Норов, И. И. Козлов, С. Николаевский, А. Н. Апухтин, Н. П. Кельш, В. С. Лихачев и др. В. П., очевидно, держала в руках первое издание стихотворений Шенье, вышедшее в 1819 в Париже: «Œuvres complètes d'André de Chénier», экземпляр которого был в *Б-ке Тургенева* (не сохранился). См.: *Балыкова Л. А.* Тургенев — читатель. По страницам мемориальной библиотеки. Орел, 2005. С. 56—58.

[29] Речь идет, по всей видимости, о доме в Орле, который принадлежал сослуживцу С. Н. Тургенева по Екатеринославскому кирасирскому полку Карлу Эдуарду (Карлу Федоровичу) фон Рутцену и находился в 3-й части Орла, где располагалась большая часть дворянских усадеб. Как следует из дальнейших писем (№ 2, 3, 6, 10), в 1838 дом Рутцена В. П. так и не наняла. Дом не сохранился. С сыном К. Ф. Рутцена — Николаем — Тургенев был также знаком; см. о них: *Чернов.* С. 132—139.

[30] Закончив Артиллерийское училище, старший брат писателя *Николай Сергеевич Тургенев* (1816—1879) с 1836 служил прапорщиком гвардейской конной артиллерии. Получив в конце авг. 1838 отпуск сроком на 56 дней, Н. С. Тургенев отправился в Спасское, куда прибыл, по-видимому, в начале сент.

[31] Примечательно, что сам Н. С. Тургенев в письме к брату, написанном вскоре после возвращения из отпуска в Петербург, упомянул и о своих охотничьих успехах: «Впрочем, в Спасском провел я время довольно весело. Ходил на охоту и убил ОДНОГО ДРОЗДА черного — даже вроде тех, что *из породы лучших, черных дроздов*!!! Чуете?» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 2).

[32] *Кромы* — уездный город в Орловской губ.; в Кромах жил В. И. Губарев (см. примеч. 50 к наст. письму), недалеко от города находилось также имение В. П. — Холодово. О каком охотнике идет речь, установить не удалось.

[33] По всей видимости, имеется в виду *Афанасий Тимофеевич Алифанов* (?—1872), что косвенно подтверждается письмом Н. С. Тургенева к брату от 25 окт. 1838, в котором он сообщал: «Ежедневно приносил к нам черемисинский егерь по 20-и штук дичи, и всё ведь был твой пулик-кулик, честь ему и слава!» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 2). По свидетельству чернского помещика Л. В. Кривцова, «этот Афонасий» принадлежал соседу Тургеневых Павлу Ивановичу Черемисинову, который «постоянно жил в своем имении Черемисинове». Он держал большую псовую охоту и, кроме того, был страстным любителем певчих и ловчих птиц. За птицами у него ходил крепостной человек — „соловьятник" — Афонасий, которого он неоднократно посылал в Курскую губернию за соловьями». Впоследствии А. был им «уступлен с семейством за 1000 рублей ассигнациями И. С. Тургеневу, по неотступной просьбе последнего» (*Белевич Н.* Из воспоминаний «деда» (Отрывки) // Охота. 1892. 15 июня. № 20. С. 4). И. Ф. Рында повторил эти сведения, добавив к ним несколько подробностей, полученных непосредственно от детей А. (см.: *Рында*. С. 40—44). Как следует из письма к И. П. Борисову от 19 (31) янв. 1866, Тургенев познакомился с А. в 1835: «Как теперь помню я мою *первую* охоту с ним (он между прочим удивил меня тем, что вытащил чуть ли не из сапога целого поросенка — до так его и съел — без хлеба, но с дегтем), это было в 1835-м году — то есть с лишком тридцать лет тому назад!!» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 7. С. 10). В дальнейшем А. неизменно сопровождал Тургенева на охоте и послужил прототипом Ермолая в «Записках охотника». По воспоминаниям Л. В. Кривцова, «у Афонасия был сын Иван, впоследствии разбившийся при падении с дерева, с которого он доставал молодых ястребов; оба они занимались только уходом за тургеневскими легавыми и охотой со своим барином. Нередко в этих охотах принимал участие в домашний врач Тургеневых — Порфирий Тимофеевич Кудряшов — тоже записной охотник» (*Белевич Н.* Из воспоминаний «деда» // Охота. 1892. 1 июля. № 21. С. 2). После смерти В. П. Афанасий и его семья получили вольную. «Афанасий представлял собою тип, — теперь уже, кажется, вымерший на Руси, — охотника с ног до головы, всею душой и помыслами преданного охоте» (*Рында*. С. 43), был знаком с Н. А. Некрасовым, А. А. Фетом, Л. Н. Толстым и другими литераторами, приезжавшими в Спасское и охотившимися с Тургеневым. По воспоминаниям Е. Я. Колбасина, «когда Тургенев приезжал в родное село Спасское, то наперед знал, что на другой день явится к нему утром Афанасий, известный под именем дворового егеря, ибо на обязанности его было, еще во времена владычества старой барыни, доставлять дичь на барский стол. Как теперь помню этого высокого, стройного мужика в каком-то коротеньком зипунишке до колен, подпоясанного веревочкой и монотонно докладывающего Тургеневу о выводках коростелей, дупелей и т. п. Тургенев слушал его внимательно, не перебивая его плавной речи, вынимал деньги из кошелька и говорил: „Теперь распоряжайся мною, Афанасий, как знаешь"» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. С. 92). По свидетельству Колбасина, именно Алифанову Тургенев обязан появлением рассказа «О соловьях»: «Прелестный рассказ „О соловьях" не есть сочинение Тургенева, а буквально записан со слов Афанасия, великого специалиста во всех родах охоты, начиная с медведя и кончая гольцом» (Там же).

[34] Возможно, с тем же *Алексашкой* Тургенев охотился позднее вместе с А. Т. Алифановым и Д. Я. Колбасиным, который, вспоминая свое пребывание в Спасском в 1852 и реакцию Тургенева на просьбу взять его с собой на охоту, писал: «Иван Сергеевич обрадовался неожиданному спутнику и велел егерям своим, старику Афанасию <...> и молодому Александру, снарядить меня по-охотничьи» (*Колбасин Д. Я.* На охоте с Тургеневым / Публ. В. А. Громова // Охотничьи просторы. М., 1966. Вып. 24. С. 196). По предположению Н. М. Чернова, В. П. имеет в виду сына Н. Я. Серебрякова — Александра (1825—?), который недолгое время находился в услужении у Тургенева (см.: *Чернов*. С. 94—95; 207).

[35] У Тургенева было две легавые собаки по кличке *Наполь* (Наполеон) — Наполь 1-й (по некоторым данным, «французской породы, кофейно-пегий»; см.: *Рында*. С. 48) и Наполь 2-й — оба отличались великолепными охотничьими качествами, часто упоминаются в семейной переписке, а также в «Мемориале». Наполь 1-й был куплен в 1836, о чем сохранилась запись в «Мемориале» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 197), с ним Тургенев, очевидно, удачно охотился летом того же года в Рыбацком, дачной местности на Неве под Петербургом, а также летом следующего года в Мценском у. и в более отдаленных угодьях. Как следует из «Мемориала», Наполь 2-й родился от Наполя 1-го в февр. 1837 (см.: Там же. С. 198), именно о нем идет речь в этом письме. О собаках Тургенева см.: *Рында*. С. 48; *Шапочка В. В.* Охотничьи тропы И. С. Тургенева. Орел, 1998. С. 42—43. См. также п. 2, 7, 9, 10 и др.

[36] Пчеловодство было любимым занятием В. П., наравне с разведением птиц (*Аргамакова*. С. 332) и цветоводством. Описывая убранство комнаты В. П. после пожара 1839, мемуаристка упоминает о стеклянной стене на солнечной стороне, к которой «был приделан стеклянный улей, покрытый занавесой из зеленой тафты. Одно время Варвара Петровна, сидя перед ним с лорнеткой в руке, следила за работой пчел» (*Колонтаева*. С. 51). По всей видимости, в авг. 1823 в Батурине Тургеневы познакомились с известным пчеловодом П. И. Прокоповичем (см.: *Чернов*. С. 189), о намерении посетить его позднее В. П. сообщала в одном из писем к сыну. Увлечение матери пчеловодством оставило след и в жизни Тургенева: о том, что писатель был «знаком с жизнью пчел» свидетельствует, в частности, письмо П. К. Маляревского к Н. С. Тургеневу, в котором он, сообщая о визите Ивана Сергеевича в Тургенево в июле 1876, упомянул и о посещении писателем пасеки (см.: *Новиков В. А.* И. С. Тургенев в Тульском крае. С. 22; *Зайцев В. А.* Семейство Маляревских // Спасский вестник. 2000. Вып. 6. С. 54).

[37] Имеется в виду воспитанница В. П. — *Варвара Николаевна Богданович-Лутовинова* (в зам. Житова; 1833—1900), которую *В. П.* ласково называла Биби (Bibi), внебрачная дочь Андрея Е. Берса. Еще при жизни В. П. укрепилась версия о том, что Б. была ее внебрачной дочерью от А. Е. Берса (о происхождении В. Н. Богданович-Лутовиновой и о ее судьбе см.: *Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее мемуары // *Житова*. С. 5—19), однако в настоящее время эта версия многими тургеневедами признана несостоятельной (см., напр.: *Богданов Б. В.* В. П. Лутовинова — мать писателя // Спасский вестник. 1993. Вып. 2. С. 20—22). Возможно, что фамилию и отчество Б. получила по имени друга своего отца Николая Богдановича Анке, в семье которого она поселилась после смерти В. П. Интересные подробности содержатся в письме В. П. к ее близкой подруге М. М. Карповой от 10 авг. 1844: «Я очень тебе благодарна, что ты занимаешься (sic! — *Ред.*) о благосостоянии Биби. — Об этом я хлопочу и, признаюсь, для того и дом продала, чтобы иметь наличные деньги, которые положила в ланбард на имя неизвестного. — А как ей передам тоже скажу тебе при свиданье. — На счет же ее бумаг, слава Богу, это тоже все кончено. Она чернская купчиха Богдановичева, и я уже плачу за нее акциз. — Бумаги ее у меня. — Фантазия Ивана была дать ей мою бывшую фамилью Лутовиновой, но! ты знаешь, что фамилья девочке не так нужна. — Пусть она будет для свету Лутовинова — а в гильдии купчиха Богдановичева, и все акты будут на имя Богдановичевой, что только позволяется купцам иметь. — А как в купечестве позволено иметь фамилью и прозвище, то она имеет по бумагам фамилью Богдановичевой — по прозвищу Лутовинова. Слава Богу, эти мои дела с помощью Божиею все покончены» (*РО ИРЛИ*. Р. I. Оп. 29. № 15. Л. 29 об.—30). См. также: *Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее мемуары. С. 12, где высказано другое предположение об отчестве и фамилии В. Н. Богданович.

[38] *Сорокина Елизавета Андреевна* — гувернантка воспитанниц В. П. По всей видимости, именно о ней упоминает Колонтаева: «Когда Варвара Петровна снова окончательно поселилась в своем имении, селе Спасском, при ней находились: ее племянница, девочка лет 12-ти или 13-ти (Сливицкая М. Т. — *Ред.*), воспитанница лет 5-ти или 6-ти (Богданович В. Н. — *Ред.*), а при них гувернантка и немец-учитель, по фамилии Дозе, которым скоро было отказано от места» (*Колонтаева*. С. 46). Сохранилась 1 записка

Е. А. Сорокиной к И. С. Тургеневу, содержащаяся в письме к нему дяди Н. Н. Тургенева от 21 янв. ст. ст. 1839 (см.: *ОР РНБ.* Ф. 795. № 89. Л. 6 об.).

[39] *Снурочек* (снурок) — устар. шнурочек (шнурок).

[40] *Сливицкая Мавра Тимофеевна* (в зам. Артюхова) — племянница В. П., заботу о воспитании которой она приняла на себя; в 1843 поместила ее в пансион г-жи Севенард в Москве, располагавшийся на Старой Басманной в доме Трейтера. Имя ее часто упоминается в письмах В. П. к И. С. Тургеневу и к М. М. Карповой (*РО ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. № 15).

[41] *Карильон* (carillon) — музыкальный инструмент, посредством часового механизма заставляющий ряд колоколов исполнять какую-либо мелодию, был широко распространен в голландских церквях.

[42] *Маянсом* (от франц. Mayence) В. П. называет один из старейших нем. городов, расположенный на левом берегу Рейна, против устья Майна, — Майнц, который находился в то время в великом герцогстве Гессенском.

[43] *Тютчева Элеонора Федоровна* (урожд. гр. Ботмер, в перв. бр. Петерсон; 1799—1838) — жена Ф. И. Тютчева, с которой Тургенев познакомился в мае 1838 во время путешествия на пароходе «Николай I» и которой, судя по письмам В. П., был увлечен. В очерке «Пожар на море» Т. писал: «В числе дам, спасшихся от крушения, была одна г-жа Т..., очень хорошенькая и милая, но связанная своими четырьмя дочками и их нянюшками; поэтому она оставалась покинутой на берегу, босая, с едва прикрытыми плечами. Я почел нужным разыграть любезного кавалера, что стоило мне моего сюртука, который я до тех пор сохранил, галстука и даже сапог; <...> так что я остался один, полураздетый, промокший до костей, в виду моря, где наш пароход медленно догорал» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 304—305). В дальнейшем Тургенев и Эл. Ф. Тютчева виделись в Любеке и Гамбурге. Из Гамбурга Эл. Ф. Тютчева отправилась в Мюнхен, где вынуждена была провести несколько недель, заболев после пережитого потрясения чем-то вроде нервной горячки, и куда к ней приехал муж. См.: *Жидкова С. Л.* И. С. Тургенев и семья Ф. И. Тютчева (К 200-летию со дня рождения поэта) // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 71—78. См. также п. 13.

[44] Речь идет об управляющем конным заводом, который был основан И. И. Лутовиновым и достался В. П. в наследство. См. также п. 11.

[45] *Туман* — по всей видимости, дворовый В. П. Возможно, послужил прототипом героя рассказа «Малиновая вода» из цикла «Записки охотника», возникшего из замысла двух рассказов — «Туман» и «Степушка».

[46] По всей видимости, здесь В. П. намекает на то, что управлявший конным заводом англичанин понял выражение «больно наказать» буквально: «телесно», а не «сильно», как имел в виду Н. Н. Тургенев.

[47] В последующих письмах В. П. называет имена нанятых управителей: Матусевич и Иван Матвеев, деятельностью которых она также осталась недовольна (см. п. от 17 (29) янв. и 7 (19) февр. 1839).

[48] Имеется в виду Ф. И. Лобанов.

[49] О каком издании идет речь, установить не удалось.

[50] *Губарев Воин Иванович* (1781—ок. 1868) — сын кромского городничего И. А. Губарева, брат А. И. Губаревой (в зам. Лагривой), через которую, по всей видимости, познакомился с В. П.; воспитанник Московского университетского благородного пансиона, где учился вместе с Д. Н. Блудовым, братьями Н. И. и А. И. Тургеневыми, Д. В. Дашковым и поэтом В. А. Жуковским, который упомянул его в конце «Послания к А. А. Плещееву» (14 окт. 1814). В 1818, ходатайствуя об устройстве Губарева на службу, Жуковский писал А. И. Тургеневу: «...вообще он благородный человек и стоит твоего дружеского покровительства» (см.: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 620). По всей видимости, именно Г. во время пребывания в 1814 у Жуковского в Долбино Белевского у. Тульской губ. привез поэта в Спасское-Лутовиново к В. П. (см.: *Чернов.* С. 179). Как свидетельствуют семейные документы, Г. долгие годы был своим человеком в доме Тургеневых. 22 марта 1821 вместе с сестрой А. И. Лагривой он крестил младшего сына Тургеневых Сергея (*Каталог 1909.* С. 87). Бывая в Спасском, принимал

участие в устраивавшихся там театральных затеях: так, зимой 1821—1822 играл роль «первого соседа» — ябедника Сутягина в постановке комедии А. А. Шаховского «Ссора, или два соседа». В этом представлении были задействованы также братья Сергей Н., Николай Н., Дмитрий Н. Тургеневы и А. И. Лагривая (исполняла роль жены станционного смотрителя Арефьевны); рукописный список комедии Шаховского из спасской библиотеки ныне хранится в *РГБ* (см.: *Чернов Н. М.* Спектакль в Спасском-Лутовинове по пьесе А. А. Шаховского // Спасский вестник. 2000. Вып. 7. С. 76—79). О Г. Тургеневы вспоминали и во время заграничного путешествия 1822—1823 (см. примеч. 22 к наст. письму). В *Б-ке Тургенева* сохранился также журнал «Приятное и полезное препровождение времени», в ч. 20 (1798) которого опубликован перевод Г. с франц. языка «Черты жизни» (С. 265). Общение с Г. продолжалось и в последующие годы. В 1835, после смерти мужа, В. П. в его сопровождении приехала к детям в Петербург (см.: *Чернов.* С. 203). Тогда же Г. представил юного Тургенева В. А. Жуковскому (о датировке этого посещения см.: *Летопись (1818—1858).* С. 28, 443), о чем писатель упомянул в «Литературных и житейских воспоминаниях». Здесь же дан красочный портрет Г., с которым Тургенев, по-видимому, встречался и в последующие годы: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 69—70. Из подготовительных материалов к роману «Дым» явствует, что Тургенев предполагал использовать некоторые черты внешнего облика Г. для портрета Потугина («...наружность: — между М. Языковым и Губаревым. — Головастый — крупное тело на коротких ногах»; см.: *Тургенев И. С.* <Подготовительные материалы к роману «Дым»> / Публ. и послесловие П. Уоддингтона // *РЛ.* 2000. № 3. С. 109). О Г. см. также: *Чернов.* С. 64—67.

[51] По всей видимости, В. И. Губарев какое-то время управлял кромским имением В. П. Холодово, однако его деятельностью в качестве управляющего она осталась крайне недовольной и в итоге отказалась от его услуг. Подробности этого конфликта содержатся в письме Н. С. Тургенева к брату: «Воин Иванович Губарев изволил плутовать, давать различные глупые и дерзкие приказания, напр.: „Староста, прикажи с мужиков собрать мне на издержки по целковому, да о том не говори господам. Быть по сему, подписано В. Губарев". А он потом отрекается от своей руки и 1000 мерзостей в этом роде. Всенатурально — что ему отказали.» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 2—2 об.).

[52] Имеется в виду барон *Петр Иванович Черкасов* (1796—1867) — старший брат осужденного декабриста А. И. Черкасова, участник Отечественной войны 1812, поручик, адъютант генерала Н. М. Бороздина, впоследствии отставной полковник, сопровождавший В. П. в ее заграничной поездке в 1834—1835. Был знаком с В. А. Жуковским, к нему обращено стихотворение «В альбом. Барону П. И. Черкасову» (1814). С семейством Черкасовых (их имение Володьково Белевского у. Тульской губ. располагалось недалеко) Тургеневых, по-видимому, связывали давние отношения. Здесь В. П. намекает на то, что барон был замешан в событиях 14 дек. 1825: П. И. Черкасов подозревался в принадлежности к тайным обществам, был арестован, но затем по высочайшему повелению (10 янв. 1826) освобожден с оправдательным аттестатом.

[53] Письмо Н. Н. Тургенева на внутренней стороне конверта см. ниже.

[54] *Герцогство Нассау* — самостоятельно существовало с 1806 по 1866, располагалось на территории современных земель ФРГ Гессен и Рейнланд-Пфальц, с 1816 столицей герцогства был *Висбаден* (Wiesbaden), известный бальнеологический курорт. Путешествуя по Германии в сопровождении барона Розена и П. Т. Кудряшова летом 1838, Тургенев посетил и герцогство Нассау: о его пребывании в Эмсе в письме к родным 18 (20) июня сообщил Н. В. Станкевич: «Проездом был здесь Тургенев, которого я узнал в Москве в университете и который кончил потом курс в Петербурге» (*Переписка Станкевича.* С. 64). В это же время Тургенев мог посетить и Висбаден, а далее проследовать в находившиеся неподалеку Франкфурт и Майнц. В том же письме Станкевич дает красочное описание Эмса и близлежащих городов, в которых, как следует из письма В. П., побывал и Тургенев: «Место, на котором стоит Эмс, слишком дико и уединенно, но он окружен интересными пунктами. В двух милях отсюда Рейн и на нем город Кобленц и крепость Эренбрейтштейн; в 12 милях Франкфурт, — Майнц еще ближе. Деревушки, лежащие в ущельях и на горах, очень интересны и дают повод к веселым путешествиям. <...>

В 8 милях отсюда лежит столица — Висбаден, очень хорошенький город, <...> в 1 миле — старый замок герцогов, лежащий в развалинах на острой вершине горы, куда мы уже имели удовольствие съездить на ослах; <...> Берега Рейна хороши особенно. В первый мой приезд в Кобленц я остановился на мосту, который развели, чтобы пропустить два парохода, пришедшие из Майнца». «В Майнце, — писал Станкевич 5 (17) сент., — я еще раз полюбовался на памятник Гуттенбергу — изобретателю книгопечатания, майнцскому уроженцу, на старинный собор и на чудесную окрестность. <...> после всех этих замков, уносящих в средние века, они напоминают тихую нашу жизнь в деревне, пробуждают стремление к своим, к семейству, которое во всех странствиях остается утешительною мыслию, сладкою отдаленною целью, без которой жизнь потеряет всю прелесть» (Там же. С. 62—63, 72).

[55] *Берс Андрей Евстафьевич* (1808—1868) — младший брат Александра Е. Берса и отец В. Н. Богданович-Лутовиновой (см. примеч. 37 к наст. письму); гофмедик, врач Московской дворцовой конторы, сверхштатный врач московских театров. Б. сопровождал С. Н. Тургенева в его поездках за границу в1829—1830 и 1830—1831 и «всегда вспоминал об этом путешествии, как о самом приятном, поэтическом времени» (см.: *Кузминская Т. А.* Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. 2-е изд. Калининград, 2003. С. 39). С Берсами семью Тургеневых связывали давние отношения. В 1842 Б. женился на Л. А. Ислениной (дочери А. М. Исленьева). Несмотря на некоторое охлаждение отношений между В. П. и Б., последовавшее за его женитьбой, он бывал в доме В. П. в Москве. Впоследствии И. С. Тургенев, бывая в Москве, также неизменно навещал семью Андрея Евстафьевича. В 1862 Л. Н. Толстой стал зятем А. Е. Берса, женившись на его средней дочери С. А. Берс. По воспоминаниям Толстого, Берс был «чрезвычайно прямой, честный и вспыльчивый человек» «и большой ловелас» (*Толстой*. Т. 47. С. 504—505).

[56] В. П. почти дословно цитирует строки из баллады В. А. Жуковского «Эолова арфа» (1814): «Лишь царским убором / Я буду с толпой; / А мыслию, взором, / И сердцем, и жизнью, о милый, с тобой».

[57] Письмо Н. Н. Тургенева записано на внутренней стороне конверта, сложенного из бумаги розового цвета.

[58] Источник цитаты установить не удалось.

[59] По всей видимости, имеется в виду А. Т. Алифанов. См. примеч. 33 к наст. письму.

[60] «Журнал», о котором идет речь, не сохранился. Ср. п. 2.

2

23 августа (4 сентября) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. 23-го августа
4 сент<ября>.
Спасское.

Mon cher Jean.[a]

Я писала к тебе в пятницу,[1] а нынче вторник, и мне бы почти нечего было тебе сказать, но! между тем временем, т. е. в субботу, я получила от тебя не письмо, а описанье страсбургской колокольни, которое наизусть знаю. Целый месяц жила я в Страсбурге,[2] потому что отец ездил в Швейцарию за гувернером вам...[3] Несколько раз лазила я на колокольню и была там, где ты был, гораздо выше платформ, имею и рисунок, и описанье.[4] — Всё это для меня не такая еще старина для меня (sic! —

[a] Дорогой мой Иван (*франц.*).

Ред.), чтобы истребилось из моей памяти и сделалось вновь интересно читать в твоих письмах. Я уже к тебе писала, что много в них могло бы меня интересовать, и чего ты совсем не пишешь. — Например, с большим нетерпеньем ожидала я читать многое, что точно могло бы доставить мне величайшее удовольствие, например, какое на *тебя* имело впечатление… Собственно, описывая страсбургскую колокольню, ты спускаешься в *Cathédrale*[b] и ни слова об органах,[5] которые меня в мою бытность приводили в неизъяснимый восторг, хотя я прежде слышала дрезденские.[6] Эта полнота гуд во время литургии. Мне казалось, что глас трубный воззвал мертвых и требует отчета. — Об органах ты ни слова. Ты в Швейцарии,[7] в самой *степной*, по-нашему в Ливеншине.[8] — Там, где швейцар, без примеси швейцарский народ, *мужиковина*. Ни слова ты мне о швейцарочках, о их на головах *бабочках*.[9] — Потом… Неужели не поразили тебя, плоскоземного жителя, горы… горы… да какие еще горы… Снеговые в Берне,[10] Юнгфрау[11]… и пр<о>ч… и пр<о>ч. — А мой Тун тоже останется от тебя *втуне*, мною любимый…[12] *Злодей*, ты точно посланный от правительства курьер, скачешь к бюту,[13] да где же твой бют-то!.. Как будто все это ты видишь потому, что проезжаешь, и тебе некогда слова сказать матери и другу. А климат, а зелень швейцарская, а сливки, а белая телятина, а сыр. Я не узнаю моего сына, ни его гастрономии.[14] Дядя боится, чтобы ты в Берне не погрешил *de l'inceste*.[c] — В Берне живучи, дядя очень ласков был к швейцарочкам, а теперь этому 16 лет.

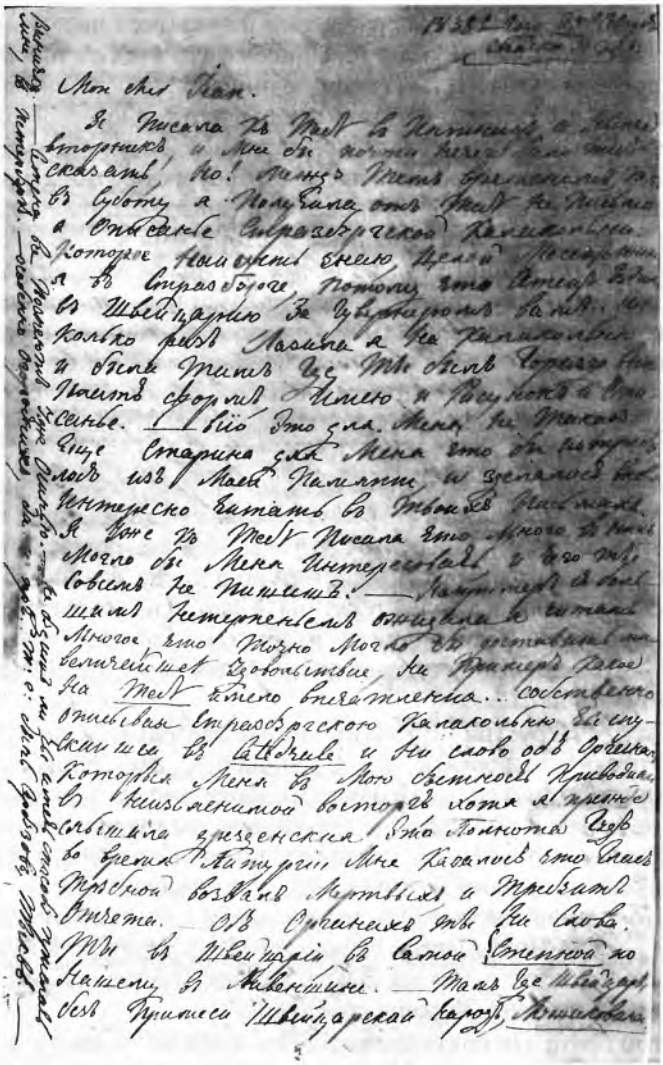
Рано же ты загрустил по России, по нас дело другое грустить, а по России грустить, любуясь на Швейцарию, это видно, что ты конопляничек[15] домосед. — Недавно из двора уже во… изняла — русская крестьянская поговорка.[16] — Слышал ли ты где выстрел, твоя любимая охота была охотиться… А мы-то, по милости твоего Наполя[17] в дичине можно бы зарыть не только нас, а и спасский дом. — Я к тебе писала, что дичины было и есть даже в самом Спасском дупели, диковинка для всех. — Твой Наполь сейчас лизал мою руку за подачку хлебную и ослюнил всю. — Он так похож на своего отца, как брат на своего. — Или ты на меня. Хорошо сравненье.[18]

Кстати, о брате. Он опять профессором в школе[19] и теперь в отпуску, на два месяца едет к нам. — Мы готовимся встречать дорогого гостя и угощать, семь лет не бывалого, как блудного сына угощали.[20] — Свиней откармливая и пр<о>ч… à propos,[d] посылаю тебе краткую выписочку убитой дичи.

Я, кажется, все к тебе писала, и о новоприобретенном знакомстве — *Чапкина* и его двух дочерей.[21] Я свои делишки почти устроила по желанью. И хоть бы и ехать из Спасского к тебе. — Да вот причина, от свекольного сахару или на свекольный сахар, слюнки текут. — Затеваю с

---

[b] собор (*франц.*).
[c] кровосмешением (*франц.*).
[d] кстати (*франц.*).

Письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 23 августа (4 сентября) 1838 г. Первая страница. *РНБ*

Чапкиным свекловицу сеять, а дядя мешкотен и возится с своею тряпицею, которая вовсе рассыпалась.[22] Все опять строит, что ему так, как и покойному отцу, совсем не противно, любят строиться.

Ради Бога, Иван, не скучай на чужбине, вообрази, что это твоя служба. — Не служат ли на Кавказе, не стоят ли полки армейские в глуши в Малороссии. Ты бы мог быть сын бедной дворянки, служить в армии и жить в курной избе около Киева… А ты осыпан милостями Божиими, и не чувствовать это, не благодарить Бога и родителей… грех. — А пуще

ты у меня руки отымаешь сими словами, а между тем все-таки просишь денег, а ведь чем же я их буду в силах нажить, ежели буду рыскать. — Pierre qui roule n'amasse poins de mousse.[e] — Вот, например, весь мох около тебя обтерся, и очень скоро. — Хотя ты уверяешь меня, что экономен, но! за исключеньем обмундировки, в месяц проживаешь более *1000*. Требуемые тобою две тысячи посылаю тотчас, через месяц, т. е. к нашему 1-му октябрю ты их получишь. Это мои тебе последние деньги жалованья. После сего требуй от своего управляющего, что Бог уродит. — А я тебя предупреждаю, что ты не жди богатой жатвы, во ржи пух. — Гречиха уродилась, а овес нипочем. И я не надеюсь, чтобы ты на старые долги прибавлял новых. — Помни, что у тебя *1000* душ. — И *150 000* долгу.[23] По тысячи рублей на месяц тебе никак не достанет.

Однако пора переменить матерью и уведомить тебя об нас. — Начиная с меня, я уже 6 недель, слава Богу, покойна, в 7 лет первый раз. — 6 недель не лежала ни дня в постели — т. е. — т. е. освобождена была от своей болезни, которая в Петербурге так меня мучила.[24] Не знаю, что будет вперед.

Дядя помолодел и волочится за Лизочкой[25] нарумяненной, которая его ревнует к Колонтаевой.[26] — А немка[27] — к Лизочке, и сохнет. — Il est le coq de notre village, mais le coq un peu vieux déjà.[f]

Обе немки то смирны… то капризны по-прежнему.[28] Мавра[29] все не растет. — Учится хорошо. — А Биби все мила, все умна, все весела. — Все без цепочки. Да напиши ты, мое сокровище, в Франкфурт или дай мне адрес того секретаря,[30] я бы написала к Языкову[31] и умела бы выхлопотать. В нетерпенье получить цепочку.

Я надеюсь осенью видеть в Спасском бабушку.[32] Брат приедет на короткое время, надо всем съехаться.[33]

Зиму располагаю жить в Орле, Руцына[34] дом нанимаем, куды дядя сейчас едет.

Вот и все, более уже писать нечего, хоть в жом меня,[35] да и негде. — Как приедешь в Берлин, много моих писем найдешь. — И тогда буду писать аккуратно еженедельно. — А пока цалую и благословляю тебя. — Мать и друг твой

В. Тургенева.

Ваничка. — Семена все поспеют уже осенью. — Не будешь ли ты иметь способу прислать мне, в Петербург. — Особенно огородных, да и пр<о>ч., т. е. дынь, арбузов, тыкв. — Да, пожалуйста, в письмах присылай семечек. — Травки и листочки твои берегутся.[36]

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 5—6.

Первая половина письма впервые опубликована: *РМ (1)*. С. 102—103; отрывки: *Т Сб 1915*. С. 41; *Т Сб*. Вып. 1. С. 346.

---

[e] Кто много странствует, добра не наживает; *букв.*: Катящийся камень никогда мхом не обрастает (*франц.*).

[f] Он у нас первый парень на деревне, правда, слегка потрепанный (*франц.*).

[1] Письмо не сохранилось.

[2] В *Страсбург* (Strasbourg) — в то время франц. город на реке Иль, расположенный недалеко от нем. границы (в Келе), — Тургеневы прибыли из Парижа весной 1823. Указанный в «голубой тетради» маршрут следования — через Мо (Meaux), Эперней (Epernay), Вердюн (как называет В. П. Verdun) и Мец (Metz) — подробно изложен в путеводителе Рейхарта, с обозначением всех основных достопримечательностей. Так, в Мо путешественникам рекомендуется прогуляться по берегам реки Марна, откуда открывается широкий вид, полюбоваться архитектурой кафедрального собора и главной площадью, а также попробовать замечательные сыры «под названием *сыры из Бри*, известные по всей Европе своей изысканностью». Эперней славится «превосходными винами Шампани»: «погреба и хранилища шампанских вин месье Моэ содержат многие сотни тысяч бутылок и представляют собой уникальное явление». В Меце все напоминает об осаде 1552, в числе достопримечательностей: «великолепные» здания казарм, артиллерийская школа, а также мед и «высоко ценимое» варенье из мирабели и белой земляники (*Reichard*. Guide des voyageurs en France. Weimar, 1818. P. 215—216). Вероятно, для лечения В. П. осталась в Страсбурге на целый месяц, в то время как Сергей Николаевич вместе с братом и сыновьями отправился в Швейцарию.

[3] Как предположила Т. П. Ден, в Швейцарии Сергей Николаевич рассчитывал найти гувернера, знакомого с методами Песталоцци. Сведений о том, удалось ли ему осуществить свое намерение, не сохранилось. Имена некоторых гувернеров писателя известны из перечня действующих лиц очерка «Учителя и гувернеры», предназначавшегося Тургеневым, по-видимому, для цикла «Отрывки из воспоминаний — своих и чужих» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 245). О педагогических взглядах отца Тургенева см.: *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 132—135.

[4] Знаменитый кафедральный *Страсбургский собор* (Münster) строился в X—XVI вв. и затем неоднократно достраивался, благодаря чему представляет собою все стадии средневекового зодчества, от раннего романского до позднего готического стиля. Путеводитель Рейхарта причисляет его к «замечательным сооружениям» и уделяет значительное место описанию башни (колокольни) высотой 142 м, созданной в эпоху расцвета готического стиля: «...сооружение здания собора (продольного нефа. — *Ред.*) было завершено только в 1275 году. Два года спустя началось возведение башни, осуществлявшееся первым архитектором Эрвином Штейнбахом. Строительство было закончено только в июне 1439 года. Это готическое здание приводит в восхищение всех ценителей. <...> Ажурная и зубчатая башня напоминает кружево. Статуи и значительное количество других украшений, как снаружи, так и внутри, были разрушены и похищены во время революционного вандализма. Со смотровой площадки (платформы, как ее часто называли в XIX в., от франц. *platforme*. — *Ред.*) открывается широкий вид. На камнях этой площадки можно прочесть имена многих любопытных, а также то, что один из хранителей колокольни вырезал на камне за небольшое вознаграждение. У этих хранителей можно купить небольшие оловянные медали с изображением колокольни» (*Reichard*. Guide des voyageurs en France. P. 126). Описанию собора в Страсбурге уделено значительное место и в «Письмах русского путешественника»: «Здешняя кафедральная церковь есть величественное готическое здание, и башня ее почитается за самую высочайшую пирамиду в Европе. Вошедши во внутренность сего огромного храма, в котором никогда ясного света не бывает, нельзя не почувствовать благоговения <...>. — По круглой лестнице <...> всходил я почти на самый верх башни, откуда без некоторого ужаса не мог смотреть вниз. Люди на улицах представлялись ползающими насекомыми, и целый город, казалось, можно было в минуту измерить аршином» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 146—147).

[5] В Страсбурге В. П. могла слышать знаменитые органы Страсбургского собора, самый крупный из которых — работы Андреаса Зильбермана (1678—1734) — украшал северную стену нефа (его корпус был оформлен причудливыми фигурами более раннего времени), а также слышать органную музыку в Eglise Saint-Guillaume, Eglise Sainte-Aurélie (оба органа работы того же мастера) и звук органа в церкви Сен-Тома работы Ио-

ганна-Андреаса Зильбермана (1712—1783), который признан одним из самых чистых и насыщенных в мире. В путеводителе Рейхарта главными достопримечательностями церкви названы мавзолей маршала Сакса (скульптор Ж.-Б. Пигаль) и надгробие И.-Д. Шепфлина, профессора Страсбургского университета и преподавателя Гёте (*Reichard.* Guide des voyageurs en France. P. 127).

[6] *Дрезден* (Dresden) — в то время столицу королевства Саксонского, которую часто называли Флоренцией на Эльбе, — семья Тургеневых посетила в 1822, в начале своего путешествия. Здесь В. П. могла слышать знаменитые органы работы Г. Зильбермана (1683—1753), установленные в различных церквях — Фрауэнкирхе (Frauenkirche), Хофкирхе (Hofkirche) и в Церкви св. Софии (Sophienkirche).

[7] Очевидно, именно об этом первом самостоятельном путешествии по Швейцарии Тургенев рассказывал Л. Н. Майкову в 1880: «В Швейцарии я <...> купил себе блузу, ранец, палку, взял карту и отправился пешком в горы, не наняв себе даже гида. <...> В Швейцарии обыкновенно все интересные места ограждены загородками и, чтобы пройти за них, надо всегда что-нибудь платить, а так как я представлял из себя простого пешехода, а не иностранного туриста, то меня всюду пропускали бесплатно» (*Майков.* С. 206).

[8] Вероятно, В. П. имеет в виду область Швейцарии, получившую название *Левентина* (нем. *Livinen*, итал. *Valle Leventina*), — горную долину на юге страны, которая протягивается от населенного пункта Айроло (у перевала Сен-Готард) до впадения реки Тичино (приток реки По) в озеро Лаго-Маджоре. Долина имеет 36 км длины и до 1 км ширины; она спускается четырьмя уступами, из которых два верхние имеют северный альпийский характер, а нижние покрыты виноградниками и каштанами и изобилуют водопадами. Здесь преимущественно было развито молочное хозяйство, хлебопашество, шелководство и виноградарство.

[9] Имеется в виду швейцарский национальный женский головной убор с веерообразными кружевными наколками, напоминающими крылья бабочки. Ср. у Карамзина: «Сколь прекрасна здесь натура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, из которых редкая не красавица. Все они свежи, как горные розы, — и почти всякая могла бы представлять нежную Флору» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 206).

[10] Путешествуя по Швейцарии в сент. 1822, Тургеневы вынуждены были задержаться в Берне, где, как следует из «голубой тетради», «долго жили оттого, что мамаша была очень больна» (*РО ИРЛИ.* № 13506. Л. 34). *Берн* (Bern), расположенный на высоте 536 м над уровнем моря, на полуострове, на левом берегу Аары, является главным городом одноименного швейцарского кантона. Из достопримечательностей, упомянутых в путеводителе Рейхарта, выделяется грандиозный собор в готическом стиле, с высокой (62 м) башней, а также примыкавшая к нему с южной стороны терраса, с которой открывался «один из самых красивых видов Швейцарии» на Альпы и близлежащие окрестности: «вид Альп и глетчеров в момент восхода или захода солнца, бесспорно, представляет одно из великолепнейших зрелищ в природе» (*Reichard.* Guide des voyageurs en Suisse. Weimar, 1816. P. 19, 20). В восточной части города расположен так называемый Bärengraben (медвежий ров), в котором с древних времен, по сохранившемуся обычаю, содержатся в особом, открытом для публики помещении несколько медведей. Здесь произошел случай, описанный Тургеневым в автобиографическом очерке: «При осмотре *известной Бернской ямы, где хранятся медведи*, четырехлетний мальчик едва не провалился туда и дорого поплатился бы за свою неосторожность, если бы отцу не удалось вытащить его оттуда, в ту же минуту, за ногу» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 201). Об этом происшествии Тургенев сообщал также в письме к М. Д. Хмырову: «...в Берне чуть не упал в яму к медведям; отец мой едва успел схватить меня» (Там же. *Письма.* Т. 9. С. 71). Примечательна также запись в «голубой тетради» В. П.: «Что вы видели в Берне? — Живых оленей, диких коз и четыре медведя — которые служат гербом города. — Почему Берн называется Берн. — Король поехал на охоту и дал слово дать этому городу названье того зверя, какого он поймает, и, поймав медведя, назвал его Берн» (*РО ИРЛИ.* № 13506.

Л. 44 —45 об.). Во время пребывания в Берне Тургеневы неоднократно виделись с Д. Н. Свербеевым, родственником В. П., который в то время служил там при русском посольстве (см.: *Свербеев Д. Н.* Записки (1799—1826): В 2 ч. М.: 1899. Ч. 2. С. 234).

[11] *Юнгфрау* (Jungfrau) — третья по высоте вершина Финстераарморнской группы в Бернских Альпах (4167 м), одна из самых красивых гор в Швейцарии. Упоминание Юнгфрау, возможно, навеяно романтическим описанием вершины в «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзина, которое было, несомненно, хорошо известно как В. П., так и И. С. Тургеневу: «Светлый месяц взошел над долиною. Я сижу на мягкой мураве и смотрю, как свет его блистает на вершине *Юнгферы*, одной из высочайших Альпийских гор, вечным льдом покрытой. Два снежные холма, девическим грудям подобные, составляют ее корону. Ничто смертное к ним не прикасалося; самые бури не могут до них возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызают их нежную округлость; вечное безмолвие царствует вокруг их — здесь конец земного творения!..» (*Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. С. 198). В *Б-ке Тургенева* сохранилось издание «Писем русского путешественника» Карамзина (Т. 2—5 в составе «Сочинений», вышедших в Москве в 1803). Об увлечении В. П. «Письмами русского путешественника» Карамзина см.: *Балыкова Л. А.* Тургенев — читатель. С. 35. См. также: *Каталог Б-ки Т.* С. 104—107. Пребывание Тургенева в Швейцарии в 1838 было весьма непродолжительным; в 1840 он вновь побывал в Швейцарии, на пути из Италии в Германию. Очевидно, впечатления, полученные писателем во время путешествия по Швейцарии, в том числе и от вида Юнгфрау, были довольно сильными. В этой связи не случайными представляются появление записи «Юнгфрау» в черновой рукописи рассказа «Уездный лекарь» (1847), а также обращение к ней в позднейших «стихотворениях в прозе» «Разговор» и «У-а... У-а!». По наблюдению М. П. Алексеева, эпиграф к «Разговору» («Ни на Юнгфрау, ни на Финстераарморне еще не бывало человеческой ноги»), помимо «Писем русского путешественника», мог иметь источником также драматическую поэму Байрона «Манфред» (1817), действие которой развертывается в Швейцарских Альпах, в частности именно на «горе Юнгфрау». Писателю было также хорошо известно стихотворение А. де Мюссе «К Юнгфрау» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 478).

[12] Игра слов, основанная на созвучии названия швейцарского города *Тун* (Thun), лежащего в 30 км (или 6 часах езды) от Берна, и русского наречия «втуне». Здесь В. П., очевидно, намекает на то, что Иван Сергеевич во время пребывания в Берне не заехал в город, запомнившийся ей своими живописными окрестностями. Тун расположен у северного подножия Бернских Альп, на западе центральной Швейцарии, к югу от Берна, на реке Аре (которая здесь вытекает из Тунского озера). Как следует из «голубой тетради» В. П., в Тун Тургеневы прибыли из Цюриха ($24^1/_2$ часа езды), а уже оттуда отправились в Берн. Из записей, которые В. П. использовала для занятий с сыном Николаем в 1823, видно, что в Туне ее внимание привлекли, в частности, «альпийские снежные горы» (*РО ИРЛИ.* № 13506. Л. 44).

[13] Игра слов, основанная на значении франц. слова *le but* — «цель».

[14] В путеводителе Рейхарта значительное место уделено описанию достоинств швейцарского молока («Это молоко настолько жирное, что даже снятое оно остается таким же жирным, как и молоко в других регионах до снятия сливок»), сыров (из которых предпочтение отдается сыру из Фрибура), мяса, вин и фруктов (*Reichard.* Guide des voyageurs en Suisse. P. 8—9).

[15] Ср. у Даля: *конопляник* — 1) огород или поле, засеваемое коноплями; обычно это лучшая и удобряемая земля, на задах, промеж двора и гумна; 2) волокита, который прячется в конопли (Т. 2. С. 152).

[16] Ср. у Даля: «Недавно из двора, а вошь изняла, *на чужбине*» (Т. 2. С. 510).

[17] См. п. 1, примеч. 35.

[18] Чертами лица Н. С. Тургенев, как любила подчеркивать В. П., походил на отца, а И. С. Тургенев — на нее. Сам И. С., отзываясь о своем отце, также замечал: «Отец мой был красавец; я могу это сказать потому, что я нисколько на него не похож — я похож лицом на мать» (*Островская.* С. 32). «Что касается наружности обоих братьев, то, судя по

портретам покойного мужа Варвары Петровны и по словам всех тех, кто его помнил, Николай Сергеевич походил на отца, а Иван Сергеевич на мать; не потому ли все и считали последнего ее любимцем» (*Колонтаева.* С. 55). Последнее обстоятельство было, по-видимому, источником глубоких переживаний для Н. С. Тургенева, о чем косвенно свидетельствует письмо к нему В. П.: «Мне говорили, будто ты меня ревнуешь к брату. — Правда это или нет? — Укуси себе палец один, другой и все. Который больнее верно не скажешь и поэтому верь, что все дети точно пальцы, например. — Ежели бы у меня спросили, который мне нужнее, я бы назвала. — А который милее, жальче. — Нет! — А из двух выбирать который. — Право, смешно и странно. — Я люблю Ваню, знаю, что и твой он фаворит! — Benjamin — de la famille (Самый младший — в семье. — *франц.*). — Столько же мой, как и твой. — Все его балуем. Он маленький. — Он материн портрет, а ты подобие любимого отца и мужа. Ты первенец» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 116. Л. 7 об.—8).

[19] Речь идет о *Пиротехнической артиллерийской школе* — специальной школе при Артиллерийском ведомстве в Петербурге, основанной в 1832 и подготавливавшей оберфейерверкеров, в которой преподавал Н. С. Тургенев. В письме к Ивану Сергеевичу (25 окт. 1838) он сообщал: «...слава Богу, я все дела уже поустроил, и я нынешнюю зиму опять состою при благословенной фейерверкерской школе. Будет ли мне за это что-либо вроде часишек по положению, я не знаю, а знаю только то, что я в Петербурге, это уже для меня предостаточная награда» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 1). Согласно положению об артиллерийских школах, все офицеры, назначенные в школы, освобождались от прочих обязанностей службы «для того, чтобы дать им возможность с полным вниманием заниматься обучением вверенных им людей» (см.: Проект положения о дивизионных артиллерийских школах. СПб., 1838. С. 9).

[20] Николай Сергеевич не был в Спасском с осени 1831, когда семья Тургеневых переехала на постоянное жительство в Москву, где братья усиленно готовились к поступлению в учебные заведения. В конце 1833 Н. С. был определен в Артиллерийское училище в Петербурге, с 1836 служил прапорщиком лейб-гвардии конной артиллерии. См. также его приписку в п. 3.

[21] Имеется в виду *Чапкин Василий Никитич* (1791—1857) — губернский секретарь, сосед В. П., владелец сельца Кудиново (в котором и находился сахароваренный завод) Чернского у. Тульской губ. и сельца Прудищи Мценского у. Орловской губ. У Чапкина было шестеро сыновей и две дочери — Олимпиада и Наталья, с которыми Тургенев был знаком и неоднократно встречался. *Олимпиада* (в зам. Аргамакова; 1817—1886) впоследствии была компаньонкой В. П. и оставила интересные воспоминания о семье Тургеневых (см.: *Аргамакова*). С В. П. она познакомилась в 1836: «Я жила с отцом в пяти верстах от Спасского; часто бывала у Варвары Петровны в старом доме, где всегда гостило много девиц. Избранными моими подругами были Елизавета Ивановна Дунаевская, по замужеству княгиня Кугушева (дочь С. А. и И. О. Дунаевских. — *Ред.*), затем девица Лаврова и девица Анна Яковлевна Шварц <...>» (*Аргамакова.* С. 327). О Чапкиных см.: *Новикова Е. Б.* Семейства Чапкиных в Чернском уезде (К вопросу об аренде Спасского) // Спасский вестник. 2001. Вып. 8. С. 125—134.

[22] Имеется в виду бумажная фабрика в Тургеневе (см. примеч. 27 к п. 1). Впоследствии, когда фабрика принесла Н. Н. Тургеневу небольшой доход, В. П. несколько изменила свое мнение (см. п. 4).

[23] В письмах к сыновьям В. П. неоднократно сообщала о намерении разделить все имение — сначала на 3, потом на 4 части, — однако выполнение своего обещания откладывала. См. также п. 4, примеч. 13.

[24] В одном из более поздних писем к Ал. Е. Берсу (от 12 дек. 1842) В. П. признавалась: «Я бы имела многое к вам писать. Но! рука моя еще слаба после — или лучше сказать по моей болезни. О которой писать излишне. — Нервические сильные припадки» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 115. Л. 1).

[25] Речь идет о Е. А. Сорокиной (см. также п. 9).

[26] *Колонтаева Варвара Николаевна* — соседка, впоследствии компаньонка В. П., оставила подробные воспоминания о своем 10-летнем пребывании в доме Тургеневых

(см.: *Колонтаева*), познакомилась с В. П. в имении А. И. Лагривой Дичково, где «обратила внимание <...> своим веселым характером, за который она впоследствии меня постоянно любила и жаловала. Она с любезностию пригласила меня приехать к ней в Спасское, несмотря на то, что у нее жили, кроме ее племянницы и воспитанницы, еще 2 или 3 молодые образованные девицы. В это время у моего отца сгорел дом, и мы лишились почти всего нашего состояния, а потому я с радостию воспользовалась приглашением Варвары Петровны и с этих пор почти безвыездно находилась в Спасском» (*Колонтаева*. С. 49).

[27] Возможно, имеется в виду *Анна Яковлевна Шварц* (?—1872) — будущая жена Н. С. Тургенева, состоявшая в это время «при особе Варвары Петровны в должности камеристки». В воспоминаниях Колонтаевой, относящихся к этому времени, она предстает «весьма некрасивой собой, высокого роста, худой, с темно-желтым цветом лица»: «...ее место было в уборной, где она постоянно занималась кройкой и шитьем белья и платьев и приготовляла для „госпожи" (говоря о своей персоне, Варвара Петровна иначе себя не называла) утренний, денной и ночной туалеты. За общим столом Анна Яковлевна не обедала, для нее накрывали отдельно тут же в зале маленький столик» (*Колонтаева*. С. 46, 48). См. о ней: *Мельник Е. Г.* А. Я. Шварц в семье Тургеневых // Тургеневский ежегодник 2002 года. Орел, 2003. С. 93—102.

[28] Речь идет об А. Я. Шварц и Е. А. Сорокиной.

[29] Имеется в виду М. Т. Сливицкая. См. п. 1, примеч. 40.

[30] Имеется в виду *Иван Иванович Маркелов* — старший секретарь русской миссии во Франкфурте-на-Майне, через которого Тургенев отправил в подарок цепочку и крестик для воспитанницы В. П. В дальнейшем В. П. неустанно интересовалась судьбой подарка для «Вариньки», который был получен только 16 (28) дек. 1838 (см. п. 13).

[31] *Языков Александр Семенович* — по всей видимости, знакомый В. П., проживавший в Петербурге (см. также п. 4).

[32] *Тургенева Елизавета Петровна* (урожд. Апухтина; 1760, 1764 (?) — после 1843) — бабушка Тургенева по отцовской линии, дочь Петра Петровича и Екатерины Алексеевны (урожд. Скуратовой) Апухтиных. Вышла замуж за Николая Алексеевича Тургенева, от которого у нее родились три дочери: Екатерина (в зам. Веневитинова), Феодосья (в зам. Теплова), Прасковья и пять сыновей: Алексей, Сергей (отец писателя), Николай, Петр и Дмитрий. О самой Е. П. Тургеневой сохранилось мало сведений. Долгое время считалось, что она «была мало образованна и „не читала ни книг, ни газет"». Веские основания для подобного вывода давали письма В. П. к И. С. Тургеневу (см.: *Ден Т. П.* С. Н. Тургенев и его сыновья. С. 130). Однако в работах последних лет эти свидетельства ставятся под сомнение (см.: *Илюточкина Н. В.* Е. П. Тургенева, урожденная Апухтина — бабка писателя // Спасский вестник. 2007. Вып. 14. С. 240). Овдовев в 1833, Е. П. впоследствии жила в семье старшего сына Алексея в поместье Большой Суходол Богородицкого у. Тульской губ. Как следует из писем В. П., отношения со свекровью после смерти мужа складывались непросто. В. И. Кривцова (урожд. Карпова), посетившая в Суходоле Е. П. Тургеневу в февр. 1835, застала там вернувшуюся из-за границы В. П., о которой в письме к сыну С. И. Кривцову отозвалась весьма нелестно: «У Тургеневой Елизаветы Петровны я была <...>. Она ужасно убита горестью по сыне, а неутешная вдова все такая же чудиха и нимало не огорчена; навезла пропасть нарядов из чужих краев и наряжается. Она при мне поехала в Петербург к детям и при прощаньи просила написать от нее к Павлу и к тебе, но назвавши тебя, вдруг говорит: ах, нет, к нему я сама буду писать. — Мне так на нее дуру стало досадно, что мне хотелось ее ударить. В 50 лет баба и с этакой гадкой рожей думает, что она очень интересна, и меня-то уверяет, что ты в нее влюблен, в этакую чучелу. Я истинно удивляюсь, как человек может быть в таком заблуждении» (*Гершензон. М.* Декабрист Кривцов и его братья. М., 1914. С. 261—262). Очевидно, сама Е. П., отличавшаяся глубокой набожностью, была схожего мнения о невестке, негативно относилась также и к ее воспитаннице В. Н. Богданович-Лутовиновой. Тем не менее, начиная с 1838, она часто гостила с семьей своего старшего сына А. Н. Тургенева в Спасском. Братья также неоднократно бывали у бабушки в Большом Суходоле. О Е. П. Турге-

невой см.: *Илюточкина Н. В.* Е. П. Тургенева, урожденная Апухтина — бабка писателя. С. 238—247.

[33] Н. С. Тургенев приехал в Спасское в начале сент. ст. ст. (см. п. 3), а 25 сент. (7 окт.) выехал в Большой Суходол за Е. П. Тургеневой (см. п. 4), с которой В. П. и ее сыновья не виделись в течение трех лет, прошедших со смерти С. Н. Тургенева. Сохранилось письмо Елизаветы Петровны к Н. С. Тургеневу 1838 г., в котором она выражает радость от предстоящей встречи («...в ожидании етава удовольствия дни, когда я тебя увижу, дай Господи»; см.: *ОР РНБ.* Ф. 795. № 117. Л. 1). В Спасское Н. С. и Е. П. Тургеневы приехали 30 сент. (12 окт.) (см. п. 4 и 5).

[34] См. п. 1, примеч. 29.

[35] *Жом* — пресс для выжимания; возможно, аллюзия на «Урок дочкам» И. А. Крылова: «Мой барин? Его теперь хоть в жом, так рубля из него не выдавишь».

[36] В письмах к сыну В. П. неоднократно просит прислать ей цветочные и огородные семена. О ее страстном увлечении садоводством (или «флероманией», как называла его сама В. П.) свидетельствуют сохранившиеся в *Б-ке Тургенева* всевозможные руководства по устройству усадебных садов и разведению цветов, среди которых «Le bon jardinier» (3 т.), «Le jardinier des fenêtres», «Manuel complet de l'architecte des jardins, ou l'art de les composer et de les décorer» Буатара (Paris, 1834), «Promenade au marché aux fleurs» и др. (см.: *Португалов М. В.* Тургенев и его предки в качестве читателей. С. 17). По наблюдению Л. А. Балыковой, В. П. также выписывала книги по естествознанию и изучала ботаническую латынь. Так, в *Б-ке Тургенева* сохранился труд знаменитого естествоиспытателя Ш. Бонне «Созерцание природы» (1793) и франц. издание «Histoire naturelle générale et particulière» Бюффона. Примечательно и то, что одним из самых ранних подарков, который братья Николай и Иван преподнесли матери на день ангела, стало франц. издание сочинения Лиже «Садовник-цветовод» (1787) (См.: *Балыкова Л. А.* Тургенев — читатель. С. 36).

3

25 сентября (7 октября) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. [25 сентября].
С. [Спасское].
7-[го по-вашему].

Милый друг и сын. Ваничка.

Вчера получа твое письмо из *Мюнхена*, от $\frac{27}{19\text{ - го}}$ августа.[1] — [Я нынче] расположилась отвечать и сама испугалась, увидевши, что более м[есяца] я к тебе не писала. — А какой резон? — Вот видишь ли, я [не] умею к детям писать коротенькие письмы. Мне надо, во-перв[ых], отвечать на письмы, а там пожурить, потом посоветов[ать], кой на что пожаловаться. — И, наконец, описать о нас. — [Я же] знаю за собой порок... dans mes paroles... comme dans l'écrit[ure] je suis diffuse...[a] Не умею сказать коротко и ясно. — От скупо[сти], чтобы не плотить много на почту денег, пишу мелко, а [это] мне трудно. Диктовать письмо к сыну — это невозможно. Писать начерно, велеть переписать

[a] в речи... как и на письме я очень многословна... (*франц.*).

Лобанову.[2] — Тоже нел[овко]. Есть такое, что я не хочу, чтобы Лобанов переписывал. — А мне кажется, что и тебе неловко читать будет слов[а]: Милый сын… *ты* — писанное не моею, а конторщиковою [рукою]. Почему не писала в Мюнхен — да ты писал розно, то пишите в Мюнхен, то в Дрезден. — И так я ждала [кон]ца твоему путешествию, чтобы ты уже был на месте. Теперь непременно буду к тебе писать, много ли, мало [ли], раз в неделю. — А ты знаешь, как я аккуратна и как держу мое слово.

Ты пишешь, что едешь в Дрезден.[3] — И в Дрездене т[ы] найдешь мое письмо.[4] — В Берлине дожидается тебя не [одно] письмо… а и деньги. — Ведь я не дядя. — Мой сын n'a jam[ais formé] un souhait sans être prévenu.[b] — Горе вам, дети мои, si vous en abuserez.[c] — Но! — Я этого от вас не ожидаю. По крайней мере, умышленно. — Может быть, от неуменья. От неосторожности. — Итак, прощаю вам *всё и вся*… Кроме скрытности. — Я пою песенку из «Швейцарского семейства». — «Откровенна будь со мною. — Я твой первый друг».[5]

С чего же мне начать отвечать тебе. — Из 12-ти твоих писем пропало одно. — Гамбургское, то, которое было при посылке к Биби. Мы ни письма, ни посылки не видали, что нас очень огорчает, особливо Бибиньку, qui se faisait une fête de porter la chaîne et surtout la croix.[d] — Я бы тебе советовала написать к Маркелову.[6] — Не могу думать, чтобы он не нашел случаю отослать ее в Петербург до сих пор. — А еще менее — воспользоваться такою безделицею. Сами же мы к тебе не могли писать аккуратно. — Мой перелетный сокол. — Нам тебя было не догнать. — Да о чем тебе та[к] о нас кручиниться. — Что тебя о нас может беспокоить. Ты знаешь, летом в Спасском тепло и сытно. — А брат[у] в Петербурге прошлогодняя песня.[7] — Во все лето те же повтор[енья]. Теперь настала осень, и нет сомненья, чтобы мы тебя письмами не бонбондировали. — Уведомим тебя, где мы будем и что расположим делать, где будет наше бытье-житье. — Теперь же, душа моя, сами мы не знаем и хорошенько не придумали еще. — Ты знаешь, мы, помещики, зависим от хлебной уборки. — Хлеб неурожайный, от дождей уборка была дурная. — А между тем хлеб дешев, возвысился было, да опять упал. — Овес. — Нипочем не надо, даром не берут. — $1^1/_2$ рубли четверть, неслыханно дешево. — Где же жить без денег, в одном Спасском. — Ну! — это ледяной дом.[8] — И потому наняла дом в Орле.[9] — За такую цену хоть бы в Петербурге, по причине выборов.[10] — Но! Разные тут есть выгоды: перевозка и запасу всякого доставка не убыточна. — Но! будь в Спасском тепло, я и туда не поеду. — Все лишние расходы. — А я не знаю еще, что у меня будет приходу. — А что надо на расход. — Оченно мне известно. — A propos de cela.[e]

---

[b] не [имел] никогда желания, которое не было бы предупреждено (*франц.*).

[c] если вы этим будете злоупотреблять (*франц.*).

[d] которая уже праздновала в предвкушении того, как будет носить цепочку и особенно крестик (*франц.*).

[e] Кстати, об этом (*франц.*).

А Вы, милостивый государь, кажется, не располагаете дать отчету. — И отвечаете мне: денег дай… А расходы знать — мое, а не твое уже дело.[11] — Коротко и *ясно* пишешь, что с 1-го октября тебе опять надо денег. — *Ясно*. — По-твоему, а по-моему не очень это ясно. — Ты погорел, это правда, но! у тебя было денег в остаче от пожару[12] — более 7 тысяч. Да я прислала в Франкфурт еще 2. — Итого 9-ть.

Ты лишился вещей, словом, ты остался голый, и ты, и Порфирий.[13] Тебе бы надо несколько обдумать, что в таком случае нужно человеку, который отправляется не на балы, а на пешеходные прогулки, лето. — Тебе бы надо подумать, что ты бы мог и кредитиву лишиться. — То тогда все, что бы у тебя было, это то, что могли тебе прислать *2000*, а с двумя тысячами не роскошничают. — И потому сделал себе рубашку, да и пермывашку, а Порфирию… и очень, и очень… а оправдание — пожар. — Я писала к тебе, что переменились обстоятельствы, ты погорел. — Перемени и намеренья, ступай в Берлин и там живи смирно и жди поры и время. — А хочешь погулять — не барься. — Найми тележку, да возьми посох, да и ступай. Нет! — Ты поступал по сих пор, как какой безумный. Как будто кто-нибудь дул тебе в ж…, чтобы ты летел, летел, не останавливаясь, не обдумав, где ты… что ты. — Что ты скакал, по казенной надобности что ли, сломя голову, на что мне нужны были твои описанье гор, городов и пр<о>ч. — Что я всё видела и читала лучше твоего описанья. Нужного ты мне не писал. — Вместо описанья гор, описанья всякой истраченной тобою копейки. «Я, maman, сделал то и то, и по сие число осталось у меня в кошельке столько-то», а потом и опять, остановясь, сочтясь, и опять за то же. «Maman, теперь у меня денег в остаче столько-то». — Нет, ты поступал, как безумный, с самого отъез[да. Начал] тем: «Займи, брат, *10* тысяч». — Ну! Положим, э[то было со стра]ху. — Но! — Мне кажется, чад у тебя из головы не [выходит]. Например, ты Порфирию сделал гардеробу на *10*[*00*. Да скажи], ради Бога, на что это. — За сколько же тысяч тв[ой гардероб] тебе стал? — Ты. — Господин его. — Тебе втрое — [*3000*], итого *4000*. Еще *1000* на промены и пр<о>ч. — *5000*. — Ну! — все-таки осталось *4000*. Прошло ровно 3 месяца, и ты опять просишь денег, хвастая тем, что тебе [до] 14-го сентября денег хватит еще на месяц. — Теперь [спра]шиваю, как же ты будешь с двумя тысячами жить [3 ме]сяца в Берлине, когда тебе дорогою с посохом надо б[ыло] на месяц с лишком по тысяче.

Итак, вот тебе настоящая разгадка, почему я не пи[сала] к тебе с лишком месяц. — Я сердита.

Я обманулась в тебе. Я точно глупо сделала, что позволила [тебе] так молоду ехать за границу. — Я виновата, что дала [тебе] Порфирия, из которого ты вместо слуги сделал компан[ьона]. Я виновата, что не послушала дяди и послала тебе ден[ег], когда у тебя было в кредитиве на целый год. — Я [ви]новата, что и еще послала. — Ты поехала (sic! — *Ред.*) не шататься по свету, а учиться, чему?.. учиться мотать!.. О! За эт[им] не нужно ехать было из России.

Мне иногда приходит в голову. — Прости Господи, что ты *проиграл в рулетку.* Да не простит тебе Господь, еж[ели] ты скрыл это от меня. — От меня, столь нежной матери для вас. — Итак. — Prenez, mais ne volez pa[s],[f] т. е. не крадте (sic! — *Ред.*) вашей доверенности ко мне. — Я тогда при моих 3000 душах буду нищая.

Я нездорова, остальное допишет, по приказу моему, Колька.

<Рукою Н. С. Тургенева>

Любезный брат и друг! Мамаша нездорова, а потому я оканчиваю письмо. Во-первых, начну письмо с того, что я в Спасском, в отпуску. Не могу тебе описать мою радость, когда я увидел деревню, в которой провел молодость, после 7-илетнего отсутствия. Сто раз осматривал я каждую безделку, которая напомина[ла] мне мое детство. Говорить нечего, что мамаша заз[вала] всех соседей-друзей, как то Авд<отью> Ив<ановну>,[14] Ал<ексея> Тимоф<еевича>[15] и пр. и пр. [Вот] скоро месяц, как я в Спасском, а кажется, будто я сейчас только приехал.

Теперь, любезный Jean,[g] скажу тебе еще, что ты очень виноват перед мамашей и что правдивейшего гнева на тебя ты не мог [на] себя навлечь. Во-первых, ты знаешь, как интересуют всех [нас] твои письма, особенно мамашу, которая нас без памяти [лю]бит. Ты всегда был неаккуратен в письмах, но эта неаккуратность еще была довольно извинительна, потому что было кому за тебя писать et puis souvent le défaut de matières.[h] А теперь из чужих краев ты много пишешь, но всё неинтересное для нас. Все мы читали, а мамаша была témoin oculaire[i] всех прелестей, которые ты описываешь с таким восхищением. Мы с тобою были всегда так дружны, что я уверен, Jean, что ты не будешь сердиться на меня, если я сделаю тебе некоторые замечания насчет твоего образа жизни. La source de tous les plaisirs est la santé et la fortune.[j] Ты сам был в деревне, видел и знаешь, как тяжко достается копейка, а со всем тем ты тратишь — и не оглядываешься. Прекрасная есть у нас на Руси пословица: по одежке протягивай ножки, а ты, кажется, Jean, позабыл ее совершенно. Извини меня, любезный друг, если мои прибаутки choqueront ton oreille littéraire,[k] но ты знаешь, que je suis un peu requin.[l] Положим даже, что ты истратил все деньги, почему же ты не уведомишь нас, как, куда и зачем. Да даже исключая этого, неужели ты не чувствуешь необходимость дать отчет самому себе — для порядка, без которого не может быть счастия. Если даже ты и позабыл записать, как и куда ты тратил, так, по крайней мере, ты можешь сделать смету, à peu près[m] куда. Напр<имер>, ты сшил себе платье, сочти, сколько денег

[f] Берите, но не крадите (*франц.*).
[g] Иван (*франц.*).
[h] и кроме того за неимением того, что сообщить (*франц.*).
[i] свидетелем воочию (*франц.*).
[j] Источник всех удовольствий — здоровье и богатство (*франц.*).
[k] оскорбят твое литературное ухо (*франц.*).
[l] что я немного скуповат (*франц.*).
[m] приблизительно (*франц.*).

употребил на экипировку. Ты проехал, положим, столько-то миль, ну сколько же денег проехал. Вот и всё. Ты даешь жалованье Порфирию, затем ты его одел, обул, что же ему надо — безделки на сапоги? Как он ест и пьет, как ты насчет этого распорядился. Всё это вещи важные, от которых по своей неопытности можешь пробыть долго без денег. Мы бы все очень желали vous faire une visite domicilaire,[n] это нам будет интереснее, нежели читать о том, как высока колокольня в Страсбурге, о которой мы знаем уже.

Опять, Jean, говорю тебе, мы с тобою жили дружно — а потому nous ne nous cachons rien.[o] Нас всего в семействе трое, а [по]тому надо надеяться на самих себя и строго обсуживать всякий проступок. Не скажу я тебе, кто же тебе скажет, кому [д]о нас дело. Придет время, ты остепенишься, да как взглянешь на прошлые шалости да мотовство бесполезное — так [бу]дешь жалеть. Если ты молодым студентом с посохом в руках тратишь так много, что же будет, если ты останешься там служить, надо будет, по крайней мере, вдвое. Вот, Jean, ce que j'avais sur le cœur.[p] Теперь я покоен, и [ты] верно загладишь un moment d'oubli[q] и напишешь нам [всё] и всякое. Мамаша от любви своей к нам всё при[дум]ает; она, видишь, думает, что ты проигрался и пр. и пр. А я знаю тебя и никак не могу поверить этому, т. е. чему этому: проиграться ты мог, положим, оно некоторым образом извинительно — по юности, но скрыть это и не в правилах твоих, да кому же скрывать — мамаше, это — смешно.

Вот, Jean, что я хотел тебе сказать. Повторяю тебе si j'ai pris le ton de mentor, c'est que j'ai plus de force de caractère que vous.[r] А так как мы с тобой не делимся, а берем что нужно, то я уделяю тебе частильку моего прозаизма, который может тебе пригодиться, а то ведь [ты], пожалуй, поэт, оседлаешь Пегаза, да и улетишь. Нет, брат, шалишь.

Засим, любезный брат и друг, целую тебя тысячи р[аз]. Я вполне уверен, что ты загладишь свою вину подр[об]ным описанием твоего бытья-житья. Maman посердит[ся], станет на папашино место и скажет тебе: Mousieur, soyez plus circonspect à l'avenir[s] и tout rentrera dans l'o[rdre].[t] Я молю Бога о твоем здоровии и остаюсь до гробовой доски истинно и искренно тебя любящий брат

Н. Тургенев.[16]

Недели через две я уеду в Петербург. — Мамаша отдала мне письмо к тебе отправить, а я по[льзуясь] остатком бумаги, пишу к тебе.

---

[n] нанести визит к вам всей семьей (*франц.*).

[o] мы ничего друг от друга не скрываем (*франц.*).

[p] что у меня было на сердце (*франц.*).

[q] эту оплошность (*франц.*).

[r] если я перехожу на менторский тон, то это только потому, что у меня характер более сильный, нежели у вас (*франц.*).

[s] Сударь, впредь будьте более осмотрительны (*франц.*).

[t] все войдет в свою колею (*франц.*).

<Приписка Н. С. Тургенева на отдельном листе>[17]

Пользуясь остальным временем, я еду к бабушке[18] с дядей. А дядя хозяйничает по-прежнему, живет в Тургеневе,[19] и мы его почти не видим.

<Рукою В. П. Тургеневой>

[Будущ]ую пятницу напишу я к тебе много, потому что буду писать целую неделю. [Брат] едет к бабушке и за бабушкой, не знаю, успешно ли это будет? — Я [опишу] его les *40* jours[u] пребыванья в Спасском подробно. — В предбудущую [пятницу. Ты буде]шь [знать о нас, как] будто бы с нами был.

<Рукою Н. Н. Тургенева>

Не думай, что я от лени к тебе не пишу. Минуты свободной не имею, — голова с плеч свалилась. Зима на дворе, — и я похож на стрекозу. Целое лето проплясал и спустя пору иду к муравью греться.[20] Итак, мысленно тебя обнимаю, прошу Создателя о твоем здоровье. Вечный твой истинный друг

Николай Тургенев.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 7—9.

Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 38; *Т Сб*. Вып. 1. С. 346; фрагмент письма Н. С. Тургенева: *ПССиП(1). Соч*. Т. 1. С. 604.

[1] В *Мюнхен* Тургенев прибыл не позднее 15 (27) авг. (см.: *Летопись (1818—1858)*. С. 36) вместе с бароном Д. Г. Розеном (см.: *Клеман М. К.* Из юношеских лет Тургенева (Новые материалы) // Посев. Одесса, 1921. С. 88—89; здесь же опубликовано письмо Розена к Тургеневу, в котором он с теплотой вспоминает о совместном путешествии, в том числе о жизни в Мюнхене). О своем первом посещении Мюнхена писатель вспоминал впоследствии в письме к О. Д. Хилковой от 19 (31) янв. 1861: «Я в этом городе был давно — так давно, что страшно вымолвить — в 1838-м году: я был тогда глуп до крайности (это я говорю очень серьезно), да если б у меня и остались тогда дельные впечатления, они теперь уже давно успели бы изгладиться» (*ПССиП(2). Письма*. Т. 4. С. 287). О пребывании Тургенева в Мюнхене см.: *Айнгорн Л. Э.* И. С. Тургенев в Мюнхене // Тургеневский ежегодник 2001 года. Орел, 2001. С. 25—32.

[2] Имеется в виду Ф. И. Лобанов. См. п. 1, примеч. 7.

[3] Как видно из письма В. П., из Мюнхена Тургенев направился в Дрезден, а уже затем в Берлин.

[4] Это письмо неизвестно.

[5] Имеется в виду лирическая опера (в 3-х действиях) известного австрийского композитора Й. Вейгеля (Вайгля) (1766—1846) «*Швейцарское семейство*» (1809; либретто И.-Ф. Кастелли), пользовавшаяся большой популярностью в первой трети XIX в. На петербургской сцене шла под названием «Швейцарское семейство, или Тоска по отчизне». В. П. цитирует строки из 11 явления, дуэт отца и дочери (Рихарда и Эмелины):

---

[u] *40* дней (*франц.*).

Рихард:

Сядь ко мне, мой друг любезный,
Сядь подле меня
И открой мне горесть слезну,
Что крушит тебя?

Эмелина:

Ах! с тобою, мой родитель!
Грусть моя прошла,
Ты мой ангел-утешитель,
Вновь я ожила.

Рихард:

Дочь моя! Я все открою,
Что томит мой дух,
Откровенна будь со мною,
Я твой верный друг.

Эмелина:

Ты мой верный друг.

Рихард:

Я твой верный друг.
<...>

Рихард:

Откровенна будь со мною,
Я твой первый друг.

Эмелина:

Ты мой первый друг.
(указано Е. В. Процем).

[6] См. п. 2, примеч. 30.

[7] Очевидно, В. П. намекает на то, что Николай Сергеевич преподает в Пиротехнической школе.

[8] *Ледяной дом* был построен в Петербурге в янв. 1740 по приказу императрицы Анны Иоанновны, которая устраивала «потешный праздник» по случаю свадьбы своего шута. Это событие нашло отражение в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом», вышедшем в 1835.

[9] См. п. 1, примеч. 29.

[10] По всей видимости, речь идет о выборах Орловского предводителя дворянства.

[11] См. п. 1, примеч. 21.

[12] Речь идет о пожаре на «Николае I», в результате которого Тургенев, как и многие пассажиры, лишился практически всего багажа. См. п. 1, примеч. 1.

[13] См. п. 1, примеч. 18.

[14] Речь идет об А. И. Лагривой. См. п. 1, примеч. 24.

[15] *Сергеев Алексей Тимофеевич* (1768 (?)—1853) — двоюродный брат В. П., сын ее тетки по отцовской линии и крестной матери — Анны Ивановны и поручика Тимофея Алексеевича Сергеевых; с 1788 служил в Преображенском полку под покровительством А. И. и П. И. Лутовиновых. И. С. и Н. С. Тургеневы, по всей видимости, неоднократно бывали в его поместье Большие Озёрки Новосильского у. Орловской губ., которое находилось в 60 верстах от Спасского. С. был женат на Клеопатре Владимировне Давыдовой, от которой имел двух дочерей — Прасковью (в зам. Мансурову) и Анну (в зам. Казакову). Дважды с 1806 по 1816 и с 1823 по 1834 избирался уездным предводителем дворян Ново-

сильского у. По предположению Н. М. Чернова, послужил прообразом «старика-дяди» Алексея Сергеевича Телегина в рассказе «Старые портреты» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 10. С. 394). Несомненно, общение с «дядей», почерпнутые от него сведения об эпохе Екатерины II, Павла I и Александра I впоследствии нашли отражение в творчестве Тургенева, о чем свидетельствует, в частности, упоминание о С. в письме к П. В. Анненкову от 24 нояб. (6 дек.) 1875. Портреты К. В. и А. Т. Сергеевых висели в Спасском и были впоследствии представлены на выставке 1909 г. А. Н. Хвостовым (см.: *Каталог 1909.* С. 88). О Сергееве см.: *Власов В. А.* П. И., А. И. и И. И. Лутовиновы, их племянник А. Т. Сергеев (По архивным документам) // Спасский вестник. 2007. Вып. 14. С. 226—229; *Чернов Н. М.* Дядя Сергеев — человек екатерининского времени // Чернов Н. М. Дворянские гнезда. С. 112—119, 332.

[16] Именно это письмо Н. С. Тургенева, по предположению Н. В. Измайлова и Е. М. Хмелевской, послужило толчком к написанию шуточного стихотворения: «Напрасно, добрый милый брат, / [Ты распекаешь брата Ваньку:] / Я тот же [толстый] кандидат / И как ни бьюсь напасть на лад, / А всё выходит наизнанку…». См.: *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 349 (текст стихотворения), 490 (варианты), 603—604 (коммент.). Текст стихотворения записан на обложке лекций по греческой литературе профессора А. Бёка и датируется концом 1838, не ранее нояб. (см.: Там же. С. 604; повторено: *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 541. Ср. также датировку, предложенную Н. С. Никитиной на основании публикуемого письма Н. С. Тургенева в *Летописи (1818—1858).* С. 40: «вторая половина октября» ст. ст.). Еще более откровенно Николай Сергеевич высказался в письме из Петербурга от 16 дек. 1838: «Давно, очень давно не писал я к тебе, а именно с тех — как я к тебе послал 585 талеров, которые, *я слышал*, а за верное не выдаю — пришлись очень кстати тебе — на[<шему? юн>]ейшему из юных юношей, у которых душа покойна име[<я?>] в кармане, в щекотулке, в ломбарде — только *нрзб.* или 12 коп. Славно, батюшка! Славно! Вот этого признаюсь от чистого сердца — этого я решительно-формально не постига[ю]. Что хочешь? Не постигаю! Нет! в самом деле, без шуток, скажи мне, Jean, как ты это приводишь деньги к совершенному концу, так что у тебя 12 к. остается денег. Где же? В Берлине. На кого ты надеешься — на Розена, на Бумпета <?> профессора или на Грановского? Небось — друзья! друзья! а надо деньги — стой, равняйсь! налево, кругом — да марш-марш наутек! — Я опять-таки говорю без шуток, что я просто 10-ь раз бы умер! — Пожалуйста, Jean, не приди ты опять в 12-копеечное состояние! — Помни — ты один! где — в Берлине — между чужими! <…> Я не потому это говорю, что я боюсь тюрьмы для тебя, я только в предостережение, любезный брат! Как же не иметь сотню-другую про *черный день*» и далее: «Насчет твоих занятий в Берлине скажу тебе, что я разве часом ошибусь — так я хорошо знаю, что ты делаешь в продолжение 24-х часов дня. Представь себе, что я так дальновиден, что скажу тебе, что ты делаешь *ночью*, а то [<и?>] днем!! Трала-ла и пр. можно петь — оно хорошо — очень хорошо — но только не forte, a pianopianissimo *чтобы почти не было слышно здесь*!» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 3—3 об.).

[17] Этот текст записан на отдельном листе бумаги, который был, по-видимому, отрезан от письма и ныне хранится среди писем Н. С. Тургенева к И. С. Тургеневу (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 5). Включен в публикуемое письмо на основании *Копии 1.*

[18] Н. С. Тургенев отправился к Е. П. Тургеневой в Большой Суходол. См. п. 2, примеч. 32.

[19] Село *Тургенево* — родовое имение отца И. С. Тургенева — находилось в Чернском у. Тульской губ. в 18 верстах от Спасского-Лутовинова. И. С. Тургенев бывал в с. Тургенево с самого раннего детства, неподалеку от него, на небольшой речке Снежедь расположен Бежин луг, а также деревня Колотовка, описанные в «Записках охотника». В с. Тургенево сохранились остатки парка и разрушенная церковь. Дом сгорел в 1919. См. об этом: *Богданов Б. В.* Предки Тургенева // *Т Сб.* Вып. 5. С. 347. См. также п. 1, примеч. 27.

[20] Н. Н. Тургенев отсылает к басне И. А. Крылова «Стрекоза и муравей» (1808).

4

23 сентября (5 октября) — 30 сентября (12 октября) 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. $\frac{\text{30-го сентября}}{\text{12 октября.}}$ С. Спасское.

Mon cher ami.[a]

Обещала писать к тебе всякую пятницу. — Но! Этого не могу сделать, а буду писать ежедневно понемногу, а иной день и много. — В конце недели вот и письмо готово. — Итак, ты будешь получать мой журнал, неинтересный правда, но! из деревни что можно писать интересного. — Прошедшую пятницу было $\frac{\text{23 - е}}{5}$ число. — Я весь день пролежала в постели. — Т. е. не то чтобы была больна… не то чтобы здорова.

$\frac{24}{6}$, суббота Я перемещалась на осенние квартеры, т. е. из кабинета в гостиную — прекрасный уголок из зелени, письменный стол к двери кабинета. — Посереди огромный порог, а там стол ломберный. — Гостиная моя не испортила бы в Петербурге.

$\frac{25}{7}$, воскрес<енье> Писать ли мне, рука не действует. — День памяти отца,[1] нервы расстроены, были кой-кто, не могла выйти. — Коля нынче уехал к бабушке,[2] намерены ее звать. Не знаю, поедет ли. Нет, Ваня, я не в силах писать, как хочешь. — Грустно.

$\frac{26}{8}$, [по]нед<ельник> Видела тебя во сне, будто ты приехал из чужих краев. — И худ, и смертно бледен. Я сказала: как ты бледен, Ваничка. — Ты отвечал. — А что? — Очень худ. Николай Н<иколаевич> уехал в Тургенево.[3]

$\frac{27}{9}$, [вт]орн<ик> Во Мценске в училище русский учитель, а у него жена, учит танцавать и берется на выучку… За *100* рублей. — Она дала Биби урок танцавать, а Мавре[4] — нафортепиано. — Ты знаешь Маврину способность к музыке. — А Биби мила, как живая куколка. — Вот эта — Malheureuse[b] — т. е. по фамильи Маляревская[5] — belle femme[c] ездит ко мне за 7 р. 50 коп. два урока, т. е. Маврины фортепиано 2 часа и Биби час выправляет ножки. — Все это дорого, 200 рублей в месяц. — Но! Теперь в деревне осенью мне скучно.[6]

А что в город не еду?

Я надеюсь, моя душа, что ты, читая это письмо, уже получил посланные мною *2000* и что ты не нуждаешься пока деньгами. Брат едет 10-го октября, и ему дам *2000*.

---

[a] Мой дорогой друг (*франц.*).
[b] Несчастная (*франц.*).
[c] милая дама (*франц.*).

Ради Бога… ради Бога, милые, не скучайте без меня. — Пусть я без вас скучаю… особенно без тебя, ma chère fille — *ma Janette*.[d] О!.. Точно, точно vous êtes ma favorite.[e] — Те… Ради Бога, [ч]тобы этого кто не услышал. — О! je suis bien bien malheureuse sans toi… Mon ange.[f] — Но! ведь ты счастлив, Ваничка. — Ведь так. — Ведь счастлив ты. — О, хоть бы минуту взглянула я [на тебя теперь]. В четыре месяца какая перемена, со дня нашей разлуки сколько новых мыслей поселилось в твоей голове, мой турист. — Хорошо, что я имею понятие обо всем, что ты видел, и что ты мне не можешь сказать: Maman, vous ne me comprendrez pas.[g] — Потому что описанье это не то, совсем не то. — Vous avez vu le monde.[h] — Т. е. часть шара земного. — Пока представишься dans le monde[i] то, что понимают в свете. — Это еще не светскость. — Это все еще материал, однако я рада, что ты не прямо в Берлин из Петербурга. — Т. е. из-под матушкина крылушка, из университета. — Ты прошелся, обмылся, крылушки расправил, направляй свой путь теперь с Богом на свое предназначенье. И только сам будь в исправности. — А то нуждаться не будешь, пока жива твоя старуха. — А житье плохое без Ванички, не живется.

Ваничка. — Когда тебе сгрустнется по России, то ты думай, как я: да ведь мои покойны, здоровы и пекут себе попутники-пирожки ко мне на дорогу. — *Дай срок*. — Все дни вперед[и], не нынче — завтра. — Еще денек... еще день…

Вечная песня бедных бурлаков на барке. — Тянут веревку [и] припевают. — Еще разик… еще раз… О!.. Ох!..[7]

О! Когда же моя тяжелая барка, как сказать по-море[пла]вательному — на якорь станет. — На место доплывет. Когда накроете вы меня своими оперившимися крылушка[ми]. А пока… все еще мои крылья вам кровля. — Тяжело др[…] Но! Полно. — Полно. — Оставим это.

Коля a réussi beaucoup ici, il a plu à tout le monde.[j] — О[н] стал почище, *поет*. — Да, да, т. е. стал петь. [И] голос показался, под фортепиано с Лавровой,[8] что жила [у] Хитровых.[9] — Басит.[10]

Les beaux jours sont si courts…[k, 11]

Когда ты получишь это письмо, тебе исполнится 20 лет, а брату 22.[12] — Чем же мне тебя подарить. — Сторгу[й себе] часы, приличные, верные, прочные. — И напиши цену, я [не] в счет пришлю денег. — Из своего опридчего.[13] — До *3*[*00*]. Остальное прибавишь из своих.[l]

---

[d] моя дорогая дочь — *моя Жанетта* (*франц.*).

[e] вы моя любимица (*франц.*).

[f] О! я очень, очень несчастна без тебя… Мой ангел (*франц.*).

[g] Мамаша, вы меня не поймете (*франц.*).

[h] Вы повидали свет (*франц.*).

[i] в свете (*франц.*).

[j] много здесь преуспел, он всем пришелся по нраву (*франц.*).

[k] Прекрасные дни так коротки… (*франц.*).

[l] *Это предложение вписано* (*Ред.*).

Лошадь братнина продалася довольно удачно за *2000*. [Помнишь], что я его обманывала. — Сорванец что ли. — Купленна[я…] и деньги получили. — Дядя торжествует. — И мы все [рады, слаба] она, говорят, ногами. — Так кажется.

28/10, середа. Писать журналу нечего. — Биби начинает понимать па. […] Она все так же мила и умна, даже и холодный брат твой ее [любит]. Нам очень жаль, что твой франкфуртский [гос-тин]ец все [еще не прислан]. Напиши, пожалуйста, к тамошнему [секретарю,[14] *plutôt tard que jamais*[m]]. За что же ему пропадать. — Не потерял ли он адрес. — Все-таки в дом Линева.[15] — Он может прислать и на имя Александра Семеновича Языкова для верности.[16] — Мне непременно доставится.

Да! — У нас есть в доме обновка, чего ты не знаешь. — (И кто бы попросил, то отдать не можешь).[17] Это — черная лестница сверху, из последней комнаты девичьей прорубили дверь, в боку — окно, и гораздо меньше стало ходу по коридору! — Зато можно пробраться к кому угодно на девичье крыльцо. — Ну! совсем дом для интриг. — Но! Это уже будут пользоваться девушки ваших жен. — Мои же все стары и безобразны.

Все, что хотела, исполнила насчет именья. — Cela m'a servi à voir que je suis beaucoup… beaucoup… moins riche, que je ne croyais.[n] — Вы имеете с братом по 12 тысяч асс<игнаций> в год. — А я. — 30 тысяч et voilà tout.[o] — Конечно, этим жить можно. — Вам. — Вместе и розно. — А мне! — Как я привыкла жить, очень трудно. — И потому я и живу, и буду жить в деревне. — Пока увижу, как пойдут мои делишки.

Да! — Я завела певчих — и музыку хочу завести. — И капель.[18] — Чтобы через три года отдать их опять по оброку. — А там выкупятся.[19] — Убытку не будет. — (Любовники выкупят). — Да здесь-то, в деревне, разве не имеют оне оных. — Не рожают. — Да, да только не выкупаются, а дворню заводят.

A propos!..[p] дворня. — Дядя. — При всей расстройке фабрики все-таки прокормил 150 человек дворни, обул, одел, жалованья дал, да и мне *5000* доходу дал мельничного. — Да тысячи на *4000* строенья вновь, бедный старик. — А сколько ему досталось за фабрику…

[Че]тверг, 29/11 Мне журналом совсем нечего к тебе писать. Что ты читаешь, Ваничка, подписан ли ты в библиотеке чтенья. Рекомендуй мне, что читать. Я теперь желанье имею все вояжи читать, для того чтобы быть приготовленной вояжировать с тобою. Мне кажется, что мне одной, без затей, какие прежде были, т. е. барон Ч…[20] да Берсша.[21] — А мне, одной мне, не нужно более моих доходов *30* тысяч. Особенно же мой наряд состоит из фиолетового капота. — La

---

[m] *лучше поздно, чем никогда* (*франц.*).

[n] Это мне послужило к тому, чтобы увидеть, что я намного… намного… менее богата, чем думала (*франц.*).

[o] вот и все (*франц.*).

[p] Кстати!.. (*франц.*).

couleur de veuve, que j'ai adoptée.[q] — Одна курносая разоряет.[22] — Я ею играю, наряжаю, как куклу — но! в чужих краях этого не будет, другие будут игрушки. — Пожалуйста, только не скучай, дожидая меня. — А то я голову потеряю и уеду прежде сроку. — А ты знаешь, что мне надо на 1839-й год решительно назначить по приходу расход. Как вам — так и себе.

[$\frac{30}{12}$, пятница.] Нынче Николинька возвратился, привез бабушку одну-одине[хоньку. Я] нашла ее похудевшею и постаревшею.[23] — Оне приехали к самому ужину. — Elle n'a pas pu caché son dépit en regardant Barbe.[r] — И всё тут. — Писать некогда, прости до будущей пятницы. Брат здоров, дядя тоже, цалуют тебя. — Вместе со мною. — Я благословляю тебя и прошу Бога о твоем здоровье. Не скучай и помни все.

Мать и друг В. Т.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 11—12.
Отрывок впервые опубликован: *Т Сб 1915*. С. 41.

[1] С. Н. Тургенев скончался в Петербурге 30 окт. (11 нояб.) 1834 на 41-м году жизни и был похоронен на Смоленском кладбище (могила не сохранилась). «Несчастный Сергей Николаевич Тургенев, — писал 3 (15) нояб. П. И. Кривцов своей матери В. И. Кривцовой, — кончил жизнь прошедший вторник после трехдневных ужасных мучений. Дети остались на руках у Николая Николаевича (Тургенева. — *Ред.*), который, к счастию, приехал с месяц тому назад. Варвара Петровна путешествует по Италии и не знает о своем несчастии» (*Гершензон М. О.* Декабрист Кривцов и его братья. С. 261). Очевидно, страдания С. Н. Тургенева усугублялись неправильным лечением. Впоследствии в письме к В. Я. Карташевской (от 16 (28) февр. 1868) И. С. Тургенев упомянул о некоем г-не Франчески, «усовершенствователе человеческой природы», «который, как из пистолета, застрелил моего бедного отца, засадив его в какую-то деревянную ванну с клапаном и поджаривая его снизу» (*ПССиП(2). Письма.* Т. 8. С. 130).

[2] Имеется в виду Е. П. Тургенева. См. п. 2, примеч. 32.

[3] Речь идет о дяде Н. Н. Тургеневе, который отправился в с. Тургенево, вероятно, по делам располагавшейся там бумажной фабрики. См. п. 1, примеч. 26 и 27.

[4] *Мавра* — М. Т. Сливицкая. См. п. 1, примеч. 40.

[5] Игра слов, основанная на созвучии фамилии «Маляревская» и франц. слова «malheureuse» (несчастная). По всей видимости, речь идет о жене учителя «российского языка» в Мценском уездном училище — Андрея Петровича Маляревского (Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1838. СПб., [1837]. Ч. 2. С. 695).

[6] Возможно, реминисценция из Пушкина, Ср., напр.: «В последних числах сентября / (Презренной прозой говоря) / В деревне скучно: грязь, ненастье» («Граф Нулин»), а также строки из «Евгения Онегина»: «В глуши, в деревне всё вам скучно» (Письмо Татьяны) и «...приближалась / Довольно скучная пора; / Стоял ноябрь уж у двора» (гл. 4, строфа XL).

[7] В. П. имеет в виду бурлацкую песню «Эй, ухнем».

[8] *Лаврова* — по всей видимости, дальняя родственница В. П., гостившая у нее в Спасском. Возможно, сестра Ивана Васильевича Лаврова (1803—1869), болховского помещика, жившего в с. Кривцово, в 20 верстах от Спасского-Лутовинова (о нем см.: *Громов В. А., Чернов Н. М.* Тургенев и Болховской помещик И. В. Лавров // *Т Сб*. Вып. 1. С. 281—284). По другому предположению, сестра Григория Евгеньевича Лаврова, за ко-

[q] вдовьего цвета, который я постоянно ношу (*франц.*).

[r] Она не могла скрыть своей досады, глядя на Вариньку (*франц.*).

торого в 1828 вышла замуж Софья Ивановна Кривцова, сестра Варвары Ивановны Хитрово (о ней см. примеч. 9 к наст. письму). Очевидно, о ней упоминает в своих воспоминаниях О. В. Аргамакова (см. п. 2, примеч. 21).

[9] Речь идет о семействе Варвары Ивановны (урожд. Кривцовой) и Николая Алексеевича *Хитрово*, фуражмейстера Дворцового ведомства, дальнего родственника и соседа по имению Тургеневых, в доме которого в Петербурге братья И. С. и Н. С. Тургеневы часто бывали. С. Н. Тургенев был крестным отцом младшего сына Хитрово — Василия, впоследствии известного археолога и основателя Русского Палестинского общества. По наблюдению Н. М. Чернова, впечатления Тургенева от посещений Хитрово отразились впоследствии в повести «Яков Пасынков» (1855) в описании семейства Злотницких (см.: *Чернов Н. М.* Из разысканий о Тургеневе. 9. Вдова Евреинова и ее дочь Лидия // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества / Отв. ред. Н. Н. Мостовская, Н. С. Никитина. Л., 1990. С. 161—162). Однако, как следует из письма Н. С. Тургенева от 16 дек. 1838 к брату, Хитрово стали мишенью меткого и исполненного иронии пера Ивана Сергеевича еще раньше: «У тебя, брат, иногда вырываются чудесные картины и описания. <…> Сюсюкающий Николенька est parfait (великолепен. — *франц.*). Толстож<- - -> Варвара и дурак бездушный объедала — мученик Темпильгоф — c'est un chef-d'œuvre (это шедевр. — *франц.*). Прав[о,] всё точно — тоже решительно. Нет! Впрочем, еще […] некоторыми изменениями. Этот милый родствен[<ый?>] дом сделался 1-е вдвое скучнее; — 2-е Ник<олай> Алекс<еевич> потерял свои грядущие доходы от овса и сена и вместо 40 000, как прежде получает только 10 или 12 000 — впрочем, cela ne l'empêche pas de faire le Diable (это ему не мешает бесноваться. — *франц.*), как и прежде, а В<арвара> Ив<ановна> в бюджете, можно сказать, с III-мя грациями никуда ни-ни!! 3-е Дом сделался кухнею — а ты знаешь — что такое кухня Н<иколая> Алекс<еевича> и семейс<тва>! — Я бываю у них раз в неделю <…>» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 4). Запись о посещении Хитрово в Петербурге в 1836 занесена также в «Мемориал» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 198). По наблюдению Д. М. Климовой, «сыновья и дочери Хитрово, ровесники Тургенева, составляли тогда его самый близкий дружеский круг» (см.: Там же. С. 447—448).

[10] Увлечение Н. С. Тургенева пением отразилось и в его письме к брату, в котором он иронично советует: «А поучись, брат, музыке — у вас певцы славные, главное в пылком, горячем мотиве поучись поставить и *паузу*! Почем у вас в Берлине берут за урок музыки. Смотри *не заплати слишком дорого*! — Очень я *понимаю*, как должно быть весело в Берлине тебе. — Что же делать, не всем же быть в Берлине. Зачем же тебе ругаться. Громко, сидя на чем угодно, как ты говоришь. Ругайся *про себя*, Jean!! Учись, учись музыке, такту и паузам, она тебя выучит и ругаться с гармонией. А то думает — хорошо трубить что ни попало в охотничий рог — только, пожалуйста, не становись для твоего *сола* на крыше, чтобы все слышали. Истинные таланты скрываются!» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 3 об.).

[11] Возможно, имеется в виду песня известного франц. композитора Марка Антуана Шарпантье (1643—1704) «Ah! Qu'ils sont courts les beaux jours» (1680), вошедшая в его сборник «Airs sérieux et à boire».

[12] День рождения Ивана Сергеевича — 28 окт. (9 нояб.) 1818, Николая Сергеевича — 4 (16) нояб. 1816.

[13] О своих планах разделить имение на 4 равные части В. П. неоднократно писала сыновьям. В письме к И. С. Тургеневу от 17 (29) янв. 1839 она сообщала: «Планы мои и намеренья, которые так часто слыхал, а [уж] мог и наизусть выучить, приведены были к исполненью <…>». Согласно желанию В. П., имение делилось на 4 части, из которых 1-я и 2-я части должны были пойти «на уплату казенных долгов» и на содержание хозяйства («на жалованье и содержание огромного количества дворовых скотов»), 3-я часть предназначалась самой В. П. («на содержание меня и дому»), а 4-я — сыновьям Николаю и Ивану. «Опридчим» она называла ту часть имения, доходы с которой шли собственно на ее содержание. Этот эпизод нашел отражение в «Собственной городской конторе», где помещица Глафира Ивановна диктует своему секретарю из дворовых «План госпожи» по переустройству имения, напоминающий письмо В. П.: «Всё имение разделить на че-

тыре части: / *Первую* назвать вдовьим участком или опридчим и определить ее на содержание госпожи и дома ее. / *Вторую* назвать — долговою частью и платить с нее проценты по долгам <...>. / *Третью* часть назвать участком детским и определить ее на содержание Дмитрия Петровича. / *Четвертую*, наконец, назвать частью агрономическою и экономическою и доходы с нее употреблять на разные хозяйственные усовершенствования» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 13—14). Л. Н. Назарова высказала предположение, что выражение «опридчий (участок)» является, по-видимому, местным (орловско-курским) произношением старорусского термина — опричнины, т. е. вдовьей части, выделенной по наследству (см.: Там же. С. 389). О происхождении и значении этого слова см. также: Лексикологические заметки к текстам Тургенева. 21. *Опридчий* // *Т Сб.* Вып. 5. С. 339—340 (автор — М. А<лексеев>).

[14] Речь идет об И. И. Маркелове. См. п. 2, примеч. 30.

[15] По всей видимости, имеется в виду *Линев Иван Логинович* (1777—1840 (?)) — полковник в отставке, с 1797 по 1801 служил в Кавалергардском полку, где оставил о себе память как «чрезвычайно красивый, но столь же глупый и необразованный, на хорошем по службе счету у начальства» (Сборник биографий кавалергардов (1762—1801). СПб., 1904. Т. 2. С. 402), в период Наполеоновских войн служил в Сумском гусарском полку, вышел в отставку в чине полковника в 1811 в связи с получением в наследство после смерти отца имения в Устюженском у. Новгородской губ. Л. владел домом на «2-й Итальянской улице Литейной части 17» (современный адрес: ул. Жуковского, дом 18), который семья Тургеневых снимала после смерти С. Н. Тургенева, предположительно с осени 1835 до весны 1838 (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 448—449; коммент. Д. М. Климовой, а также *Чернов.* С. 66, 205). О Л. см.: *Александрова Т. Г.* Загадочный портрет // Временник Пушкинской комиссии. Л., 1989. Вып. 23. С. 177—178. О пребывании в «Линевском доме» Тургенев оставил запись в «Мемориале» под 1836 г. (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 198). О жизни в доме Л. перед отъездом Тургенева в Берлинский университет и о посещениях В. А. Жуковского и Р. Е. Гринвальда упоминает также в своих воспоминаниях В. Н. Житова (*Житова.* С. 26—30).

[16] См. п. 2, примеч. 31.

[17] Возможно, аллюзия на «Сказку о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного...» (1831) В. А. Жуковского: «...сиповатый / Голос сказал из воды: „не трудися, царь, понапрасну; / Я тебя не пущу. Если же ты хочешь на волю, / Дай мне то, что есть у тебя и чего ты не знаешь"».

[18] Крепостной театр в Спасском (с оркестром, большой и разнообразной по составу труппой) перешел к В. П. по наследству от И. И. Лутовинова, при котором театр достиг наивысшего расцвета. После смерти дяди В. П. продолжала поддерживать Спасский театр, однако при ней он стал более камерным и домашним: «свой оркестр, свои певчие, свой театр с крепостными актрисами — все было в вековом Спасском для того, чтобы каждый добивался чести быть там гостем» (*Житова.* С. 25). Как полагает Е. В. Проц, интенсивная жизнь Спасского театра продолжалась до 1830-х, когда в силу ряда причин (прежде всего семейных неурядиц) она несколько затихла или, возможно, приостановилась вплоть до конца 30-х. См.: *Проц Е. В.* Театральные затеи в Спасском // И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества. С. 164—185.

[19] Схожую картину Тургенев нарисовал в «Собственной господской конторе», где барыня Глафира Ивановна отдает приказание: «Сказать матерям отпущенных по оброку актрис, чтобы они к ним написали и советовали бы им вскорости откупиться; а то-де вас вернут и здесь в работу определят. Мы-де вас предваряем от себя» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 12). По мнению Е. В. Проца, к 1832 относится эпизод из жизни Спасского театра, описанный впоследствии Д. Н. Маминым-Сибиряком в очерке «Город Екатеринбург», когда театральный антрепренер П. А. Соколов «ухитрился на каких-то особых условиях законтрактовать в имении Тургеневых (Спасское-Лутовиново) человек пять девочек, обученных в домашней театральной школе <...>. Приобретение Соколова вообще оказалось очень удачным, и ученицы крепостной театральной школы оказались прекрасными

актрисами, так что впоследствии пришлось заплатить за их выкуп на волю матери великого писателя <...> очень дорого <...>» (*Мамин-Сибиряк Д. Н.* Собр. соч.: В 12 т. Свердловск, 1951. Т. 12. С. 273). См. также: *Громов В. А.* Судьба одной артистки // Орловский комсомолец. 1962. 19 сент. № 186; *Проц Е. В.* Театральные затеи в Спасском. С. 177.

[20] Имеется в виду барон П. И. Черкасов. См. п. 1, примеч. 9 и 52.

[21] *Берс Елизавета Ивановна* (урожд. Вульферт; 1789—1855) — жена московского провизора Е. И. Берса, мать Андрея Е. и Александра Е. Берсов — сопровождала В. П. во время ее заграничной поездки в 1834—1835.

[22] Имеется в виду В. Н. Богданович-Лутовинова.

[23] Более подробно о приезде Е. П. Тургеневой В. П. сообщала в следующем письме к Ивану Сергеевичу (см. п. 5).

5

1 (13) — 7 (19) октября 1838 года. Спасское-Лутовиново

1838-го года. $\frac{\text{[7 - го]}}{19}$ [октября].[1]

В пятницу. [С. Спасское].

Милый друг и сын. Ваничка.

Вчера, написав к тебе письмо и отправив на почте,[2] я по[ехала] навстречу к дяде, который был в Тургеневе. Но! встре[тила его] на плотине с охотою, он ничего не затравил, и мы поех[али] с ним в Спасскую долину. Пустили гончих, которые зайца гоняли около моей коляски, а борзые лишь только бросятся [по] нему — он в лес, и борзых воротят назад. — Я была о[чень] этим довольна: что за удовольствие, чтобы в глазах моих [нес]частного беляка мучили. — Вернулись домой и, лишь только на[пи]лись чаю* — я слышу голос брата.[3] — Мы выскочили. — Ступайт[е], встречайте, я привез бабушку...[4] Как бабушку... Да... да... бабуш[ку], одну. — Я в первую минуту, три года не видав мать ваше[го] отца, которого страстно любила, очень ей обрадовалась. — Mais sa contrainte... sa froideur surtout pour Bibi[a] — очень мен[я] охолодило к ней. — Брат был пасмурен, как я его никогда еще не видала. — Ужинали скоро. — Долго после ужина болтали кой-что!.. О тебе, о твоем приключенье...[5] и разошлись. — Всю ночь я не могла заснуть, волненье, тоска...

Нынче Покров Божией Матери, день праздничный. — Бабушка и дяд[я] собрались к обедне. — И брат тоже, он вошел ко мне с фураж[кой]. Видя его сердитым, смутным как никогда, я его спросила: что [ты], кошка?.. Он бросил фуражку... и начал говорить, что говорили, какие вздоры, обиды... поношенья, на дядю... на меня, несчастную. Говорили, что хотят открыть ему глаза, что дядя разоряет наш[е] именье, а я слепа, потому что он мне потворствует. — Словом, все то, что ты слышал от них и с большими прибавления[ми], всю подноготную

---

* После всенощной. — Завтра Покров. — Праздник.

[a] Но ее сдержанность... ее холодность, особенно к Биби (*франц.*).

открыли, чего… иное брат почти не знал, а иное почти забыл… А я… О!.. Боже… Что такое я!.. Ежели бы тысячная часть была правда, я бы собою гнушалась… Говорят, что ежели рассказывают о слоне, то верно уже с муху было.[6] — Но! что обо мне оне рассказывали. — Того я и во сне не видала.

Теперь-то твоя маменька… Теперь она тиха… А то!.. Ну! Словом. — Почти вроде Марьи М<ихайловны>[7] и, кажется, хуже. — Так что страм и выразить. — Ты скажешь: как же брат допустил это! — Ему бы сказать: молчите, скоты, вы всё врете… Потому что в 22 года сын не может говорить. — Это не мое дело.[8]

Да! Иван! — Я тебе скажу откровенно, ежели бы я была такова, чтобы мой сын мог не только сказать, но!.. думать. — Не мое дело судить мать. — Я бы умерла от горя. — Нет! — Я отдаю себя на суд охотно. — Уверена... что многое скрыто то, что со временем откроется не к бесславью вашему. Все мои поступки чисты… святы… и сын может на них смотреть — не увидит пятна. Вы можете говорить обо мне, как Лутовиновы говаривали о своей матери, перекрестясь и говоря: святая женщина была наша матушка Мавра Ивановна.[9]

Родные ваши со стороны отца грызут и хотят, как волки, вырывать клочками мою честь, доброе мое имя. — Но! им не удастся. La vérité triomphera toujours…[b] с женщиною, не достойною такого уваженья — не обходились бы уважительно. — Как хочешь, а всё бы видно было: улыбка équivoque.[c] — А иной и прямо бы бухнул, как про Катерину Ив<ановну> Новосильцеву.[10]

Оне также сказали брату, кто отец Биби.[11] — Не знаю, что оне хотели из этого, какое заключенье вывесть. — Матери-то невозможно знать никому… Мать известна была отцу и мне. — А третье лицо слишком рассеянно-беспечно, чтобы думать об этом.[12] — Итак, Биби — моя собственность, несмотря ни на чьи толки. — Charmante… très charmante petite.[d] — Враги ее не могут не сознаться. — А она мое création.[e] — Я торжествую. Оставим эту глупую историю.

Я нынче в радости, получила от тебя письмо. — № 13-й — по-моему, 12-й. — С посылкою Биби письмо и посылка пропали.[13] — Из Берлина это первое. Ты, наконец, в Берлине, мой Иван.[14] Ты кончил благополучно свой вояж. — Ты не свалился с гор, с колоколен. — О! как я этого боялась. — Уф… Слава Богу. — Слава Богу. Итак, ты в Берлине. — Ответ напишу особо. — На последнем листе.[15] — А теперь всё буду продолжать журнал.

У нас обедал Шеншин Николай…[16] сын Катерины Ал<ександровны>[17] — во фраке, худ и бледен, точно жиденок. — Мелет и бредит об экономии. Мать теперь живет тут с ним. Отец[18] отдал ему именье во

---

[b] Правда всегда восторжествует (*франц.*).

[c] двусмысленная (*франц.*).

[d] Очаровательная… преочаровательная малышка (*франц.*).

[e] творение (*франц.*).

владенье мценское, сам уехал в степь. — Et voilà.[f] — Как говорят французы.

$\frac{2\text{-е}}{14}$ · Воскресенье Большая историья была. — Дядя выговаривал матушке. — Матушка прибежала к брату, который хладнокровно доказывал, что он решился обличить всё наружу и тем обнаружить их несправедливость... злобу… и прекратить их злоязычие или прекратить всякое с ними знакомство. — Как с врагами его матери и дяди, второго отца. Он так умно говорил, что мы все разинули рот… Votre frère a le don de la parole, comme votre père. — Il a été sublime.[g] — Чем кончилось, ты думаешь. Завтра посылают за всею остальной семьей и за сумасбродным Алексеем.[19] — Как ни в чем не бывали. Рады сладко покушать… На целую осень переезжают. — А я рада, что в грязное осеннее время буду я не одна, время не будет так казаться долго. — Вечером всегда вистик.

$\frac{3}{15}$ · Понедельник. Любимое дело делала — перетаскивала мебель. Спальню свою сделала в большом кабинете, только было <бы> тепло, а то, кажется, покойно. — Матушка заняла [мою спальню]. Лестница в девичьи сделала всем покой. — Вечером игра[ла в карты] с матушкою. Так натопили, что ужас. — Голова разб[олелась, даже] мне дурно. — Несколько тем несносно, что старуха любит б[олтать] поминутно — и не дает книгу почитать. Но! уладится… При[ехала] Софья Немаральная.[20] — И Авдотья Ив<ановна> Заберезуйская.[21] — Как [ты], душа моя, хорошо назвал. — Теперь иначе мы ее не называ[ем].

<Рукою Ф. И. Лобанова>

3-е. 4-е. 5-е. 6-е, в четверг. — Не пугайся, мой друг, ежели ты, вместо моей руки, увид[ишь] писанное Лобановым: он списывает это с грифельной доски, на которой мне [покойнее] писать лежа. Я не больна, но нынче слегла в постель, ты знаешь, что часто я ложу[сь], это уже моя болезнь, которая все еще не прошла, да и нет, кажется, резону, чтобы скор[о] миновалась. — Но, однако, я не жалуюсь, а благодарю Бога. — Это еще сносно, не то, ч[то] было в Петербурге, оставим это — я опишу тебе прошедшие дни.

3-е число прошло в толках, как послать экипаж за детьми и за Алексеем. Ах! Алексей с его болезнию, как неприятно мне, и боюсь… и для Биби… [Нака]занье Божие, что он все жив.[22] — Но что делать! признаюсь тебе, мне слишком н[адое]ли семейные несогласия, матушкины беспрестанные претензии на брата Н[ико]лая Николаевича, его мешкотность, откладыванья, — и точно, два года он собир[ался] съездить… то то, то сё, и резон. — Какая же бы мать этого не потребова[ла], за это не понегодовала? А вся вина падает на мне, у меня он управляет. — [<On?>] me déchire[h] — а я виновата в этом, как Христос перед жида-

---

[f] Вот так (*франц.*).

[g] У вашего брата дар слова, как у вашего отца. — Он был великолепен (*франц.*).

[h] Меня поносят (*франц.*).

ми — что делать! Решилась лучше их пригласить на осенние два месяца в Спасское, чем дяде та[скать]ся к ней, оставлять дела, дом, хозяйство, еще не устроенное, управителей в[<новь?>]. Итак, решено послать за детьми завтра.

4/16. Дождь проливной. Никак не ожидали гостей, но я знаю аккуратность Алексея Тимофеевича.[23] Он сказал, что будет, и будет, и точно приехал в 12 часов ровно. — Ты просишь, милый Иван, написать к тебе о неприятностях моих с дядей или от дяди, что это тебя огорчает, а теперь я тебя утешу своими приятностями. В год у нас в доме такие перемены, что ты бы узнать не мог, как внутренно, так и наружно tout s'est amélioré.[i] И прошлого года был у нас Сергеев… и поры большие. — Я заметила, что я только тогда хорошо ем, когда во мне желчь. — Я шутя говорю, что я скоро совсем аппетиту лишуся, совсем желчь не работает — tout a été convenable, très convenable[j] — стол, вины, услуга, комнаты; а кстати о комнатах, писала ли я к тебе, что я гостиную сделала парадным кабинетом, уголок с шармилью[24] — пате[25] — для работ стол и пр. затеи. — Все это хвалил tout admiré monsieur Serguéeff[k] — да, да, старушка поживает барынькой, если еще не барыней.

В большом кабинете поставили железную печь, и теперь это моя спальня и уборная вместе. Матушка же пока живет в моей спальне, но, думаю, перейдет, [когда дети] приедут, наверх. Мне бы это было покойней, словом, все было хо[рошо, лад]но-складно.

[$\frac{5}{17}$.] В среду я занемогла и почти весь день пролежала в постели. По вечерам [иг]раю с бабушкою в вист. Вот и все, что имела тебе сказать, моя душа. [Н]а особом листе получишь ты строгое письмо и, верно, скажешь: грозен [с]он, да милостив Бог.[26]

<Рукою В. П. Тургеневой>

Ежели бы я была здорова, то имела бы еще много что к тебе писать. — Но! Теперь кончу мое письмо, благословя тебя. — От души и сердца будь здоров, весел, счастлив. — А до женского полу ты ласков — это русская поговорка. Прости, твой друг и мать.

В. Т.[27]

<Рукою Н. С. Тургенева>

Любезный Jean.

Спешу воспользоваться оказией написать к тебе несколько строк. Мне осталось еще неделю прожить в Спасском, не более, а там в Питер на службу.[28] Все мы, слава Богу, здоровы и веселы, сколь возможно. У нас теперь гостит бабушка, за которой я сам ездил в Суходол. Мама-

---

[i] все стало лучше (*франц.*).

[j] всё было пристойно, очень пристойно (*франц.*).

[k] совершенно восхищенный господин Сергеев (*франц.*).

ша послала за всеми детьми Алексея Николаевича; комнаты им устроиваются наверху, и я очень рад этому, потому что maman будет не так скучно в Спасском, особенно после моего отъезда.

Да, Jean, maman приказала спросить у тебя, где же нашлась лодка на пароходе во время пожара. Этот пункт покрыт мраком неизвестности. Сделай одолжение и разреши наши загадки. Г. Веревкин успел вернуться и опять уехать в Петербург.[29] Прощай, Jean, будь здоров, весел, не забывай нас миссивами,[30] которых мы всегда ожидаем с нетерпением. Целую тебя 10 000 000... раз и остаюсь навсегда любящий тебя друг и брат

Н. Тургенев.

<Рукою Е. П. Тургеневой>

Вот и я тебя, любезный друг и милый внучек, несколько раз от души обнимаю и прошу Господа о твоем здоровье. Я теперь у мамаши твоей живу удовольственно. Угодно ей, чтоб и детей перевезли на некоторое время, чтоб пожить несколько вместе, в чем и мое удовольствие. Часто буду знать об тебе. Прости, Христос с тобой.

<Рукою В. П. Тургеневой на полях письма>

Вот болховские новости: Карпов посылал за женою,[31] она приехала, он бросился ее целовать, но! как увидел, что она стала стара и дурна, то прогнал ее.

[Вере]вкин приезжал из чужих краев и сказывал, что ты [во вре]мя пожару пароходу острамился — кричал в отчаянии: [dois-je mourir si] jeune[l] [...Не мудрено] не потеряться. — В таком случае.

[...] Биби цалует тебя.

<Рукою Ф. И. Лобанова на полях письма>

Письмы свои к мамаше извольте адресовать прямо на их имя в Мценск. — Сию минуту получены из Москвы письмы, а от вас к мамаше нет, они беспокоятся и сомневаются о вашем здоровье, то, чтобы не беспокоить их и не сомневаться, пишите ваши письмы прямо на имя маменьки в Спасское.

Ответ на письмо, писанное от 10-го сентября.

[<Ты?>] называешь себя enfant prodigue.[m] — Воистину так. — Куды [<ты и Порфи?>]шка дели столько денег. — Мы и ума не приложим. — Не знаю, [<как?>] ты будешь жить три месяца двумя тысячами, когда с лишком [...] тысяч проживал, путешествуя. Роскошно, очень роскошно, нечего [<гово?>]рить. — А ведь я уже более не пришлю, право, не пришлю ни [<коп?>]ейки. — Негде взять. — Ты мне по сие число сто-

[l] [неужели я должен умереть таким] молодым (*франц.*).
[m] блудным сыном (*франц.*).

ишь, более [<чем?>] сам тянешь. — Хотя и *тяжеловес*. — Ты можешь же мне [<на?>]конец прислать счет, что стоит тебе твой гардероб. Положим [...] ты н[<е записы?>]вал. Но! у тебя память так свежа еще, что всё [<мож?>]ешь ска[<зать?>] *à peu près*.[n] — Хотя vous avez fait le grand seigneur.[o] — [...<де?>]нег Г[<осударя?>] не взял.[32] — Но! Ты мог думать, что ты еще [<не?>] такой g[<rand?>] seigneur,[p] чтобы ты <мог> вояжировать, как какому лорду. — И пото[<му?>] мог бы ты деньги поберечь на берлинское [ж]итье, а гардероб-то на вояж сделать кой-какой. — Приехал [<бы?>] в Берлин — да и обмундировался. — А Порфирий — холоп погорев[шего] барина[33] — и еще бы легче мог быть одет летом. — Нанко[<вый?>][34] сюртучок. — И все тут. — Ты, однако, не такой ребенок, [ч]тобы этого не умел сам расчесть. — Хотя ты пропустил четыре месяца. — Скакав как полоумный, не останавливаясь и не давая [<еж?>]емесячно матери отчету! — Ты со мною поступаешь, как будто [<дел?>]о твое и ты не обязан давать отчет. — Но ты все еще не[<сов?>]ершеннолетний и должен давать бы отчет опекуну. — Итак, вот тебе ежемесячная форма. — В первых числах ноября должен ты мне прислать отчет — т. е. по полученье сего письма — до 1-го ноября израсходовано денег *столько-то*. — А было в наличности *столько-то*. — От сего числа денег у меня на ноябрь и декабрь осталось *столько-то*. — Понимаете.

Теперь ты должен знать свое положенье, тебе известно, что я именье разделила на три части. — Вам с братом и себе поровну. — Итак — до 1839-го года — я не могу копейки более послать того, что вы имеете теперь в кармане. — У меня нет, нет! — Ни гроша. — Делай как хочешь, живи как умеешь. — Но до 1-го генваря 1839-го году ты копейки не получишь. А когда настанет 1839-й год, то от Николашки-конторщика[35] получишь ты записку, что по твоему именью предположительно продастся хлеба на столько-то. — И разделят сие на три трети. — И получишь ты на генварь, февраль, март и апрель — на четыре месяца. — Что придется, смотря по доходу. Тем и живи, как умеешь, и уже более копейки тебе не пришлют до 1-го маия. — Сгоришь ли ты. — Украдут ли у тебя, твое уже это будет счастье или несчастье. Но! Знай, что уже быть по сему. — Просьбу твою не считаю важною и могу легко исполнить, [...] не привыкать не делить ни с кем своей горести и заключать ее [<в?>...] сердце. — То, что писала я к тебе насчет дяди, я не ожида[<ла и?>] не хотела никакого утешенья. — Но! Мне легче было, когда я ввер[<яла?>...] тайную горесть кому-нибудь. — В ту минуту я [... нее ...], чтобы ты никогда не испытала нужды высказать свою сердеч[<ную боль?>...] кому-нибудь. — Но! в противном случае я тебе мою важну[<ю услугу?>...] попрошу. — Не лишай ты меня этого сча-

[n] *приблизительно* (*франц.*).

[o] вы изображали из себя важного барина (*франц.*).

[p] в[<ажный?>] барин (*франц.*).

стья. — И ежели [<в си?>]лах буду пособить… то пожалею тебя. — И уверяю, что тебе [<будет?>] это отрадно. — Но! от меня ты ничего не услышишь. […] Насчет же моих на тебя жалоб, я не […<пеняю?>] тебе [<на?>…] их. — Всякий раз, когда ты будешь их […<заслужи?>]вать. [...] Я не довольна тобою. — Ты привык не счит[<ать?>] своих денег, [<не?>] записывать расходов. — С трудом отдава[<ть?>…] требуемые отчет[ы…]. Я виновата перед тобою, что с младенчества не приучила т[<ебя?>…] к сему строгостью… Розгой. — Потому что это только [<на вас?>] с братом всегда и действовало. — Слово — *je vous ordonne*[q] […<вы?>] его понимали. — Но! при слове *je vous prie*[r] вы отвечали […] смехом *хи-хи-хи* и ничего не делали.

Итак, *je vous ordonne*.[s] — Прислать мне твой расход […] вспомнишь ли ты его, выдумаешь. — Сочинишь. — Но! Еж[ели] ты не пришлешь за 1838-й год счету твоим деньгам, то можешь быть уверен, что в 1839-м году получишь [<одни?>] путевые деньги. — И я не намерена более делать вам по[<блажек?>].

Насчет Порфирия я тебе сказала уже, что его деньги [<будут?>] ему возвращены в целости по возвращенье. Потому что они не пропали, отысканы, и все сделано, что нужно, на этот счет. Только скажи Порфирию, чтобы он учился по-немецки столько, чтобы мог на первом пароходе ехать в Гамбург, а оттуда в Россию. — Во всяком случае, я не считаю более нужным тебе иметь своего человека в чужих краях. Приеду ли я к тебе весною — или не приеду, но! — на будущий год, верно, ты поедешь опять весною погулять, а не останешься в Берлине, то таскать с собою еще вояжера не на что и дорого. — А ежели я приеду, то со мною будет — два человека, то это будет слишком жирно. — Три хама. — Благодарствую.

Учись не ленись. — Приписка моя не от матери! — Но! Глас покойного твоего отца. — Я руководствуюсь по сих пор его мнением et en tout je m'en trouve très bien.[t] Резкое мое письмо будет тебе напоминать таким же порядком — *твой долг.*

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 13—14; 10.
Отрывок опубликован: *Т Сб*. Вып. 1. С. 346.

[1] Дата проставлена в день отправления письма, 7 (19) окт.

[2] Имеется в виду п. 4, отправленное в предшествующую пятницу, 30 сент. (12 окт.), в котором В. П. кратко извещала Ивана Сергеевича о приезде Е. П. Тургеневой в Спасское.

[3] Имеется в виду Н. С. Тургенев.

[4] Речь идет о Е. П. Тургеневой. См. п. 2, примеч. 32.

[5] Речь идет о пожаре «Николая I» и о получивших распространение вскоре после этого неблагоприятных для Тургенева слухах, которые касались его якобы недостойного по-

[q] *я вам приказываю* (*франц.*).
[r] *я вас прошу* (*франц.*).
[s] *я вам приказываю* (*франц.*).
[t] и в целом твердо стою на ногах (*франц.*).

ведения во время бедствия и вызвали неудовольствие В. П. Об этом инциденте см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 520—523 (коммент. Л. М. Долотовой).

[6] Ср. у Даля: «Из мухи (из комара) делают слона» (Т. 2. С. 362).

[7] Имеется в виду *Мария Михайловна Карпова* (урожд. Жданова, а не Шишкина, как указано Н. М. Черновым: *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда вокруг Тургенева. С. 338. Указано Л. В. Ивановой. Данные подтверждаются Делом о дворянстве рода Д. И. Карпова, хранящемся в *РГИА* — Ф. 1343. Оп. 23. Ед. хр. 1789. Указано И. А. Кузьминой), жена Дмитрия Ивановича Карпова (1785—?) (брата В. И. Кривцовой, с которой Е. П. Тургенева поддерживала тесные отношения), дальняя родственница и подруга В. П., пользовавшаяся дурной репутацией из-за своего свободного поведения. Как следует из послужного списка Д. И. Карпова за 1829 год, он начал свою службу актуариусом Государственной коллегии иностранных дел в 1803, затем был произведен в переводчики и впоследствии перемещен в Московский архив, откуда уволился в чине коллежского асессора в апр. 1808. В 1819 К. вновь определился на службу почетным смотрителем училищ Болховского у. и в 1825 был произведен в надворные советники (см.: *ГАОО.* Ф. 500. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 181 об.—182; за сообщение этих сведений приносим благодарность научн. сотруднику *ОГЛМТ* Л. В. Ивановой). У Карповых было пятеро детей: сыновья Николай (1818—1873), Аркадий (1824—1864), Сергей (1830—?) и дочери Елизавета (1821—?) и Наталья (1826—?). Поместье Карповых — сельцо Вязовое (Вязилки-Карпово) — находилось в Болховском у., в 70 верстах от Спасского-Лутовинова, кроме того, они владели домом в Болхове и землями в Орловском, Ливенском и Болховском у. По словам М. Гершензона, Д. И. Карпов «был несчастлив в супружестве, но, будучи вместе с тем ума самодовольно-ограниченного, долго не замечал своего несчастия; в Вязовом балы сменялись праздниками, гости-соседи заживались по неделям, было людно, шумно и весело; а дородная Марья Михайловна походя наставляла рога супругу, и имение таяло с необыкновенной быстротой» (*Гершензон М.* Декабрист Кривцов и его братья. С. 260). С 1834 М. М. и Д. И. Карповы были в разъезде, о грядущем разводе и о том, что Д. И. Карпов отнял у матери дочерей сообщала в письме к С. И. Кривцову его мать В. И. Кривцова (урожд. Карпова): «Мне, — пишет она, — его и жаль, и не жаль: сам причиной; взял девчонку от беспутной матери, дал волю летать одной где хочет, а когда бывали в Москве, самого его заря выгонит, а другая вгонит; всякой день на игре, а она одна да одна, — и зачала искать других мужьев; тем и кончилось» (Там же. С. 260—261). О Карповых см. также: *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда. С. 182—184; *Чернов.* С. 154—161.

[8] Судя по письмам Н. С. Тургенева к Ивану Сергеевичу, он глубоко переживал из-за возникшего семейного конфликта с родственниками со стороны отца и всячески поддерживал В. П. Причины конфликта несколько проясняет его письмо от 25 окт. 1838, написанное вскоре после возвращения из Спасского в Петербург: «Скажу тебе, что бабушка, Алекс<ей> Никол<аевич Тургенев> с 1000… детей — все у нас в Спасском. Утром мучают мамашу, в обед терзают ее, вечером докончат на сон грядущий разными глупостями, претензиями на какие-то деньги, которые будто дядя израсходовал в то время, как они жили у нас в Спасском. Комеражам (сплетням, от франц. *commérages.* — *Ред.*) не есть конца. Такова участь бедной мамаши всегда найти и жить с людьми qui prennent plaisir à la tourmenter (которым нравится ее мучить. — *франц.*). Я со всеми перессорился, как ты можешь себе представить, и уехал с горем в душе, что оставил бедную мамашу на съедение лютых врагов и коршунов» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 2).

[9] *Лутовинова Мавра Ивановна* (урожд. Лаврецкая; 1721—1784) — прабабка И. С. Тургенева, жена И. А. Лутовинова, мать троих сыновей — Ивана, Алексея и Петра (отца В. П.) и пятерых дочерей — Анны (в зам. Сергеевой), Ольги (в зам. Реновой), Аграфены (в зам. Шеншиной), Дарьи (в зам. Рыкачевой) и Елизаветы (в зам. Аргамаковой) Лутовиновых. См.: *Чернов Н. М.* Дворянские гнезда. С. 90—93.

[10] *Новосильцева Екатерина Ивановна* (урожд. гр. Апраксина) — жена Н. П. Новосильцева (1789—1856), товарища министра внутренних дел, с семейством которого Тургеневы поддерживали соседские отношения. О Новосильцевых см.: *Жидкова С. Л.* «Старые портреты» (К истории галереи фамильных портретов в Спасском-Лутовинове) //

Тургениана. Сб. статей и материалов / Сост. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрюхина. Отв. ред. В. В. Сафронова. Орел, 1991. С. 36—37.

[11] По всей видимости, имеется в виду Андрей Е. Берс. Доводы в пользу предположения об отцовстве А. Е. Берса см.: *Волкова Т. Н.* В. Н. Житова и ее мемуары. С. 13—15.

[12] По всей видимости, речь идет о матери В. Н. Богданович-Лутовиновой.

[13] См. п. 2, примеч. 30.

[14] Тургенев приехал в Берлин предположительно «около, не позднее 29 августа (10 сентября)» (см.: *Летопись (1818—1858).* С. 36). Дата приезда устанавливается на основании ответа В. П. на письмо Тургенева от 29 авг. (10 сент.), приложенного к публикуемому письму (см. ниже).

[15] Ответ В. П. на письмо Тургенева от 10 сент. н. ст. см. ниже.

[16] *Шеншин Николай Никитич* (1816—1879) — помещик Мценского у., сосед Тургеневых. Усадьба Шеншиных — Ближнее Волково — находилась в 3 верстах от Мценска, на небольшой речке Мокрой Мецне. Именно здесь в июне 1853 состоялась встреча Тургенева и А. А. Фета, положившая начало их многолетней дружбе. См. об этом: *Ашихмина Е.* Волково: здесь встречались Тургенев и Фет // Орловский вестник. 2007. 7 нояб. № 45 (793) С. 21; 21 нояб. № 47 (795). С. 21. К этому времени относятся воспоминания Фета о Ш.: «Владелец Волкова был худощавый, боявшийся чахотки, но чрезвычайно подвижный, сорокалетний брюнет. Воспитанник юнкерской школы, он, как и все его семейство, отлично говорил по-французски, знаком был со старой и новейшей французской литературой, а равно и с корифеями русской словесности. Но насколько мало в сущности занимала его литература, настолько в душе он был прирожденным музыкантом и по целым часам фантазировал на рояле, которым прекрасно владел» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 3). Впоследствии Ш. женился на Елизавете Дмитриевне Карповой (1821—?), дочери М. М. и Д. И. Карповых, которой в юношеские годы Тургенев был некоторое время увлечен.

[17] *Шеншина Екатерина Александровна* (урожд. Обрезкова) — родственница В. П., жена Никиты Н. Шеншина. Кроме сына Николая, у нее был также младший сын Александр (1814—1872), впоследствии муж сестры Фета — Любови Афанасьевны (1824—1879), а также две дочери.

[18] *Шеншин Никита Николаевич* (?—1845) — муж Е. А. Шеншиной, участник войны 1812, подполковник, оставил свою семью и, по свидетельству Фета, «любя свободу, устроился так, чтобы жить одному в большом доме смоленского (пензенского. — *Ред.*) имения, где проводил время, между прочим, расхаживая по пустым комнатам и напевая:

Гром победы раздавайся.

Отделивши двух сыновей, в том числе и волковского хозяина, старик Ш<еншин> выдавал своей жене и двум весьма зрелым дочерям девицам по триста рублей в год, и на эти деньги все трое проживали в Волкове, внося две трети своего дохода на общее хозяйство» (*Фет. МВ.* Ч. 1. С. 3). О нем В. П. неоднократно довольно резко отзывалась в письмах к И. С. Тургеневу. См.: *Чернов.* С. 209.

[19] Имеется в виду *Тургенев Алексей Николаевич* (1792— до 1840 (*ПССиП(2). Письма.* Т. 2. С. 610); 1849 (*Чернов.* С. 45)) — дядя Тургенева, старший брат С. Н. Тургенева, был женат на Е. М. Похвисневой (?—1834), от которой у него было трое детей — сыновья Михаил (послуживший прототипом главного героя рассказа Тургенева «Отчаянный» (1882) Миши Полтева) и Николай, а также дочь Елизавета (в зам. Хрущева), которых растила его мать Е. П. Тургенева. С 1810 по 1819 служил в экспедиции Государственных конных заводов, откуда был уволен «за болезненными припадками» (см.: *Сафонова О. Ю.* Семейство А. Н. Тургенева (По материалам Государственного архива Тульской области) // Спасский вестник. 2002. Вып. 9. С. 181—183). Судя по письмам В. П., Тургенев принимал участие в судьбе больного дяди, в 1841 даже просил мать взять на воспитание его детей.

[20] Имеется в виду С. А. Дунаевская. См. п. 1, примеч. 4. В п. от 1 (13) янв. 1841 В. П. упоминает о происхождении прозвища Д. «немаральная»: «Проклятая Дунаевская из

слова *маральный* сделала то, что не удержишься сказать [...] *собака марали никому не сделает*».

[21] Имеется в виду А. И. Лагривая. См. п. 1, примеч. 24.

[22] Имеется в виду А. Н. Тургенев, который страдал эпилептическими припадками (*Чернов.* С. 210).

[23] Имеется в виду А. Т. Сергеев. См. п. 3, примеч. 15.

[24] *Шармиль* (от франц. *la charmille*) — зд. уголок с зелеными растениями.

[25] *Пате* — мягкое сиденье без спинки и подлокотников.

[26] Ср. у Даля: «Страшен (грозен) сон, да милостив Бог» (Т. 4. С. 270).

[27] Вписано В. П. частью поверх приписки Н. С. Тургенева.

[28] Н. С. Тургенев выехал из Спасского 14 (26) окт. и направился сначала к дяде в Тургенево (см. п. 6), а уже оттуда — в Петербург, куда прибыл ок. 25 окт. (6 нояб.). Это предположение позволяет сделать его письмо к И. С. от 25 окт. ст. ст.: «Теперь, Jean, пишу тебе из Петербурга, куда я сейчас ввалился. По почерку моему видишь ты ясно, как у меня еще дрожит рука после 7-идневной несносной дороги в телеге. Этого ужаса ты еще не испытал, да и не дай Бог. Я так измучен дорогой, что, право, не соберу головы, которая у меня очень болит после 10000... ударов, которыми потчевала меня скверная телега <...>» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 1).

[29] *Веревкин Владимир Петрович* (1792—1850?) — близкий знакомый и сосед Тургеневых, его имение Чаплыгино располагалось в Болховском у. Орловской губ., полковник в отставке, служил в Департаменте министерства народного просвещения, впоследствии тайный советник, камергер. В 1838 вместе с Тургеневым оказался на пароходе «Николай I». О В. П. Веревкине см.: *Филюшкина О. В.* Комментарий к незавершенной повести И. С. Тургенева // Спасский вестник. 2005. Вып. 12. С. 241—242.

[30] От франц. *la missive* — письмо, послание.

[31] Речь идет о Д. И. и М. М. Карповых.

[32] По всей видимости, В. П. намекает на ту сумму денег (20 000 рублей серебром), которую потерпевшим выделил император Николай I и от которой мужчины отказались в пользу женщин. Об этом сам Тургенев упомянул впоследствии в очерке «Пожар на море» (см.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 299). См. п. 1, примеч. 1.

[33] См. п. 1, примеч. 1.

[34] *Нанковый* — из грубой плотной хлопчатобумажной ткани (обычно желтого цвета).

[35] Имеется в виду *Серебряков Николай Яковлевич* — крепостной В. П., управляющий домашней конторой Спасского (о нем см.: *Чернов.* С. 94—95).

6

8—14 (20—26) октября 1838 года. Спасское

1838 года. [8] октября.
С. Спасское.

$\frac{\text{8-го}}{20}$, суббота.

Mon cher Jean.[a]

Вчера кончила к тебе письмо поутру и отправила на почту.[1] [...] Но! взамен от тебя письма не получила, потому что т[ы пи]шешь на Москву к Кириле Сафронову.[2] — А тот должен, [получив] письмо, дожидаться почты отослать его. — Вот отчего и вы[ходит] разница неделею. —

[a] Дорогой мой Иван (*франц.*).

Отвечать мне тебе нечего… Но! я не на все о[тветила] на твое письмо от 10-го, и потому еще много матерьи. — Н[о!] мне и всегда много матерьи и охоты к тебе писать. — Будучи [лише]на счастья говорить с тобою лично.

Ты многих писем моих не получал. — И потому я не [знаю], читал ли ты, что я тебе рекомендовала читать «Une fe[mme] de quarante ans».[3] — Это ответ на твое письмо о Тютчевой.[4] Пожалуйста, непременно возьми и прочти в библиотеке чтенья, [ежели] не читал в Петербурге, а ежели читал, вновь прочти. — Я очень желаю тебе такой женщины. — Старушки… Молодому чел[овеку] эдакие женщины клад. — Дай Бог тебе с эдакою подружиться [на] несколько времени.

Теперь стану продолжать мой журнал.

Вчера вечером приехал Сергей Лагривыч,[5] без супруги,[6] она нездоро[ва], как он говорит. — А по-моему, она барится грязно. — И он бы мог себе избавить труда.

У нас продолжается переборка снизу наверх бабушки с сем[ей]ством.[7] — Я непременно хочу их так учредить, чтобы он[и] жили у меня, как будто в одном городе. — Или в одном селе. — Или даже в одном доме, да во флигеле. — Не зна[ю], как у нас пойдет, когда приедут дети,[8] мамзели, русс[кий] учитель. — Мои домашние… Софья, Немаральная.[9] — А теперь пока скучно. — Бабушка, хотя ничего не переменилась *au mor*[<*al*?>],[b] все так же жива, все так же готова в карточки играть. Но! c'est une femme comme elle a été toujours tout à fait sans ressource.[c] — С утра до вечера более ничего, как карты. — Нет! Моя старуха матушка была несравненно занимательне[й].[10] Она любила читать гносты,[11] могла судить о политике, о новых указах, о продаже, о романах даже русских. — Она любила читать, и это ей давало понятие о вещах, вне нашего или ее круга делающихся.[12] Матушка же Елизавета П<етровна> совсем не такова, вздыхает, ноет, охает, чай пьет, завтракает, обедает, опять ноет, чай пьет и в карточки… А без того нет у ней матерьи занимательной. — Это очень скучно для таковой женщины, как я. — Читающей, понимающей. — Ces femmes importunes.[d] — Но! я всё дожидаю, авось дети меня развлекут, мой план — мой пансион умственный,[13] дай то Бог, чтобы это так было. — Мне нечего делать другого, как tout le désert d'une existence de résignation à parcourir, — je me batis comme les chrysalides une tombes pour renaître brillante et glorieuse — je vais risquer de mourir pour vivre[e] — *из бояз*[*ни*]. Решилась назваться груздем — лезу в кузов. — Так и быть. Где же мне жить, пока я поеду к Ваничке, пока столько накоплю, чтобы назначить, где мое гнездо будет. — Я, кажется, писала к тебе, что я было наняла дом в Ор-

---

[b] в настроении (*франц.*).

[c] эта женщина такова, какой она была всегда, совершенно никчемная (*франц.*).

[d] Ох уж эти скучные женщины (*франц.*).

[e] смиренно преодолевать пустыню существования — подобно бабочке, я вью свой кокон, чтобы потом возродиться в славе и сиянии — чтобы выжить, я рискую умереть (*франц.*).

ле.[14] Но! и в Орле мне будет жить дорого. Я не могу жить иначе, как в своем собственном доме, мне надо во всяком доме свои угодья… ширмы, шкапчики, особнячки… и пр<о>ч. ... и пр<о>ч. Затем игрушечки и разные разности по-английски, чтобы всякая комната имела свой établissement,[f] свою приятность. Я не могу видеть в доме, где живу, ряд комнат, одна на другую похожую, такие же мебели, почти на том же месте! — Мне нестерпимо может приглядеться всякое единообразие. — Даже в царских чертогах, и всякая мебель во всякой комнате переместится с места на место несколько раз, пока устроюсь. — А там… de nouveau.[g] — Я узнаю свою маменьку — скажешь ты!.. И плечи мои от перестановки уставали не раз. — Это тоже и дядина охота, его в другом роде — *укладываться*. А как уже мне надоело в чужих домах перемещенье, то решительно никуда не перееду, пока свой дом <не?> наживу. Посмотрел бы ты, мой Ваня, как хорошо у меня в Спасском теперь… как цветет всякий уголок, как мне хорошо везде и покойно приспособлено… Совсем не так, мое сокровище, как при тебе. — Библиотека перегорожена новыми шкапами с дверьми, дверь прорублена, где было зеркало, и там довольно большая Колина комната. — Гостиная — прелесть, вся в цветах, с кабинетцем шармильным.[15] — А из большого кабинета моя спальня. — А там возле девичья, а возле комната Биби. А отцов кабинет тих, уединен. — Никто в него не войдет без ведома. — Это моя могила, тут я молюсь за отца и с ним беседую. — Мысленно. — Тут занимаюсь делами… Тут живу прошедшим… воспоминаниями. Только на Смоленском кладбище бываю я счастливее.[16] — Ох!.. я забыла твою просьбу… Ne pas blesser votre sensibilité.[h]

Нынче воскресенье ($\frac{9}{21}$). Был Беневоленский.[17] Больных много жабами.[18] Приехала Софья Немаральная из Орла. — Да танцовщица из Мценска.[19] Памяти у меня совсем нет! Писала ли я тебе, что во Мценске русского учителя жена учит танцавать Биби. — И ездит два раза в неделю. Что за Биби славная девочка, как у ней ножки выворочены, какие грассы…[20] как стройна, мила, все бы глядел на нее. Почти всю французскую кадриль выучила. Charmante... charmante.[i] Пили, ели, в карты играли по грошу и всё тут. Дядя уехал в Тургенево… Готовится брата встре<ти>ть, проводя отсюда в четверг. — Я поеду в пятницу. — И провожу его оттуда.

$\frac{13}{25}$. В четверг. L'homme propose, Dieu dispose. — Voilà le cas de le d[ire].[j] Все эти дни не могла я к тебе писать. — Я была больна, [огорч]ена… а чем? — что тебе это знать за несколько тысяч верст. — Прошло, слава Богу… Ну!.. и хорошо.

---

[f] устройство (*франц.*).
[g] все заново (*франц.*).
[h] Не задевать твоих чувств (*франц.*).
[i] Мила… мила (*франц.*).
[j] Человек предполагает, а бог располагает. — Вот случай сказать это (*франц.*).

Вчера!.. Что вчера, писать не хочется. — Бабушка напала на Колю. — Что он не опрятен. — Ты знаешь на это[т] счет дядю. Добрый… а любит сказать лишнее… Знаешь меня. — Я не люблю: первое — несправедливости. — Втор[<ое перед?>] — матерью за столом при чужих, и посторонних, и людей своих. — Знаешь брата, как закусит он губ[у]. А я уже тут пропала… О!.. я люблю Колю свер[х] всякого описанья. — Я его наравне… Нет!.. нет! я более тебя люблю… Видеть его угнетенным… Сохрани Создатель. Я умру. — Всё, все его и для него. — Он копи[я] отца. — Я его люблю вдвойне.

Я плакала горько. — Но!.. всё прошло. — Нынче поехали мы на дворню прощаться, везде нас встреча[ли] с хлебом-солью. — Потчевали чаем, жареными курами, яйцами и творогом с сливками. — Partout j'ai laissé quelque souvenir.[k] — Спрашивая невпопад: у вдовы — давно ли родила. — У женатого — не хочет ли жениться — и пр<о>ч. и пр<о>ч. ... Ты узнаешь свою maman по этим оригинальствам.

Не помню, писала ли я тебе, что мой приют, после того как ты в нем, *кажется*, напакостил — вымыт, вычищен, повесили образ — и он хорош, как… как… старуха в праздничном платье.[21] Флаг вывешен. — Солдат Фадеич с крестами взят из Тургенева.

Нынче там были крестины. Неотвязный Овсянников[22] упросил меня крестить у него дочь. Брат твой крестил на ферме с Елизаветою Андр<еевной>.[23] У меня горе. — Биби моя что-то заболела, бледная… вся зябнет. Боже ее упаси, я буду в отчаянии, ежели что случится. Это вся моя утеха. — И бабушка при всей animosité[l] отдает ей справедливость. — Она выучила всю французскую кадриль и очень мило танцует.

$\frac{14}{26}$. В пятницу. Вот и день почты. Письмо я от тебя получила от $\frac{20}{8}$ сентября. — На которое буду отвечать после. —

А теперь скажу: денег послано к тебе *2000* — 23-го августа, следственно, оне в твоих руках.[24] — Ты меня совсем обобрал. Брат нынче уехал в 6 часов, после обеда, с дядей в Тургенево. — Фабрика пошла в работу.[25]

А бабушкин табор приехал, только я никого не видала еще, я больна, лежу в постели. — Всё это кричит, шумит, бегает… Мамзель кричит... бабушка, Алексей, дети. — C'est à ne pas s'entendre.[m]

Спешу посылать на почту, дорога скверная. Цалую и благословляю тебя. — Твой друг и мать

В. Тургенева.

Знаешь ли, Ваня, как я обращаюсь с бабушкой? Со всевозможною учтивостью и вниманьем. — Хотя без той нежности, какую имела к ней при отце. — Это мне уже не скрыто, что она меня не любит… Напри-

---

[k] Повсюду я оставила по себе какую-то память (*франц.*).

[l] враждебности (*франц.*).

[m] Друг друга не расслышать (*франц.*).

мер. — Нет! возможности не любить Биби… Враг этой девочки наконец ей отдает справедливость. — Ну!.. Как же иначе, — говорит она дяде… — девочкой этой занимаются, как царицей. — Нет! я своих не буду учить танцавать, — говорит она… Где им до нее… Помилуй, какая зависть.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 15—16.
Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 26, 27—28, 29, 34.

[1] Речь идет о п. 5.

[2] *Тоболеев* (*Табаленков*) *Кирилл Софронович* (ок. 1790—1843) — дворовый И. И. Лутовинова, был куплен им в качестве скрипача для оркестра в 1807, родоначальник дворовой «династии» Тоболеевых в Спасском (отец любимой горничной В. П. Авдотьи Кирилловны, Дмитрия Кирилловича, находившегося в услужении у И. С. Тургенева, а после 1850 у В. П. Боткина и др.), впоследствии исполнял обязанности дворецкого в московском доме В. П. О нем см.: *Чернов*. С. 92.

[3] Письмо, о котором говорит В. П., не сохранилось. По всей видимости, имеется в виду новелла Шарля де Бернара (Bernard du Grail de la Villette; 1804—1850), франц. романиста и поэта реально-психологической школы , «La femme de quarante ans» («Сорокалетняя женщина»), параллель к роману Бальзака «La femme de trente ans» («Тридцатилетняя женщина»), вошедшая в сборник Ш. де Бернара «Le Nœud gordien» («Гордиев узел»), вышедший в Париже в 1838 (в 2 т.).

[4] Речь идет об Эл. Ф. Тютчевой. См. п. 1, примеч. 43.

[5] *Лагривый* (*Лагривов, Логривый, Логривов*) *Сергей Петрович* — губернский секретарь, болховской сосед Тургеневых, муж А. И. Лагривой (о ней см. п. 1, примеч. 24), «незаконный сын одного из Кологривовых; очень добродушный человек, слегка простоватый и находившийся „под башмаком" своей бойкой супруги Авдотьи Ивановны» (*Колонтаева*. С. 49). 14 янв. 1816 Л. был поручителем со стороны невесты на свадьбе В. П. и С. Н. Тургенева (*Чернов*. С. 180), часто бывал в Спасском, время от времени исполнял некоторые поручения В. П. Так, 18 авг. 1850 он засвидетельствовал во Мценском уездном суде запись о выделении Тургеневу дер. Любовши Новосильского у. (*Чернов*. С. 243). По словам мемуаристки, Тургенев в своей поэме «Помещик» (1845) «изобразил Лагривого, не переменив даже ему имени» (*Колонтаева*. С. 49).

[6] Речь идет об А. И. Лагривой. См. п. 1, примеч. 24.

[7] Речь идет о Е. П. Тургеневой. См. п. 2, примеч. 32.

[8] Имеются в виду дети старшего брата С. Н. Тургенева Алексея Николаевича. См. п. 5, примеч. 19.

[9] *Софья, Немаральная* — С. А. Дунаевская. См. п. 1, примеч. 4, а также п. 5, примеч. 20.

[10] *Сомова Екатерина Ивановна* (урожд. Лаврова, в перв. браке Лутовинова; 1768—1834), бабка Тургенева, мать В. П., родилась в с. Холодове от Ивана Петровича Лаврова («генерал-майора и кавалера») и Прасковьи Богдановны Бибиковой (*ГАОО*. Ф. 6. Д. 1254). В 1785 вышла замуж за капитан-поручика, мценского помещика П. И. Лутовинова (1743—1787), 2 нояб. ст. ст. 1787 овдовела, 30 дек. ст. ст. 1787 у нее родилась дочь. Через некоторое время Е. И. поселилась в Кромском у. с помещиком С. А. Сомовым и стала жить с ним вне брака. Дочь и сыновья, которые родились от этой связи, носили фамилию Дунаевских. В *ЦГАРФ* хранится донесение об одном из сыновей (Ф. О. Дунаевском), написанное в 1828: «Штабс-капитан Дунаевский есть один из трех сыновей, незаконно прижитых вдовою Катериною Лутовиновой (урожденная Лаврова) с кромским помещиком, корнетом Сергеем Алексеевым Сомовым, за которого она впоследствии и вышла замуж» (*Чернов Н. М.* И. С. Тургенев в Москве. М., 1999. С. 27). Впоследствии в одном из писем к В. Н. Богданович-Лутовиновой (от 15 дек. 1848) В. П. признавалась: «…у меня не было матери; мать была мне как мачеха. Она была замужем, другие дети,

другие связи. Я была одна в мире» (*Житова*. С. 24). Тем не менее, В. П. отношения с матерью поддерживала. Так, 14 нояб. 1816 в Орле Е. И. крестила старшего сына Тургеневых Николая (*Каталог 1909*. С. 83). По словам В. Н. Житовой, Е. И. «не отличалась мягкостью характера». Об этом свидетельствует ряд архивных документов, в частности, «объявление» вольноотпущенного дворового Артема Иванова, который жаловался, что, узнав об определении опекунов к имению покойного П. И. Лутовинова, «приехав незнаемо откуда <...> Катерина Ивановна Лутовинова, собрав всех дворовых людей и крестьян с женами их и детьми, и без малейшей вины пересекла из них большую часть кнутьями без милосердия, а меня и с сестрою моею согнала со двора <...> и оставя в оном селе незнаемо какого ею привезенного малороссиянина, на чтоб он всем управлял, а учрежденного от нижнего земского суда старосту беспощадно кнутьями наказав, да и дворового человека Антипа Иванова не только что беспощадно наказала, но и таковую же каждую неделю ему экзекуцию приказала делать и с голоду морить <...>» (*ГАОО*. Ф. 43. Д. 1155). Принято считать, что именно к Е. И. относится рассказ Тургенева, который приводит в своих воспоминаниях Л. Пич: «Старая, вспыльчивая барыня, пораженная параличом и почти неподвижно сидевшая в кресле, рассердившись однажды на казачка, который ей услуживал, за какой-то недосмотр, в порыве гнева схватила полено и ударила мальчика по голове так сильно, что он упал без чувств. Это зрелище произвело на нее неприятное впечатление; она нагнулась и приподняла его на свое широкое кресло, положила ему большую подушку на окровавленную голову, — я теперь еще помню то неподдельное выражение, которое Тургенев употребил при этом рассказе — *и, севши на него, задушила его*» (Иностранная критика о Тургеневе. Изд. 2-е. СПб, [1908]. С. 77). Е. И. умерла в Холодове. По воспоминаниям Житовой, в рассказе «Смерть» («Записки охотника») «описаны ее последние минуты: барыня, заплатившая сама священнику за свою отходную, была родная бабка Ивана Сергеевича» (*Житова*. С. 23).

[11] *Гносты* — очевидно, сочинения религиозно-философского содержания.

[12] О книжных пристрастиях Е. И. Сомовой говорят сохранившиеся в *Б-ке Тургенева* книги с ее владельческим автографом, среди которых: «Журнал или Записки войны, открытой французами в России 1812 года июня 12 дня, а прекращенной россиянами в Париже 1814 года марта 18 дня» И. И. Похвиснева (М., 1830), роман С. Ф. де Жанлис «Петрарк и Лаура» (М., 1822), романы Вальтера Скотта и др. (см.: *Каталог Б-ки Т.* С. 90, 150—152, 166—167).

[13] Слово «пансион» зд. употреблено в значении «вознаграждение, выплачиваемое правительством за выслугу лет или оказанные ему услуги» (см.: Настольный словарь для справок по всем отраслям знания: В 3 т. Составленный под ред. В. Р. Зотова и Ф. Толля / Издание Ф. Толля. СПб., 1864. Т. 3. С. 19).

[14] Речь идет о доме Рутцена. См. п. 1, примеч. 29.

[15] См. п. 5, примеч. 24.

[16] Имеется в виду могила С. Н. Тургенева, которая находилась на Смоленском кладбище в Петербурге.

[17] *Беневоленский Иван* — доктор медицины; происходя из духовного звания, учился на собственный счет на медицинском факультете Московского университета, курс которого окончил в 1827 лекарем, степень доктора медицины Б. получил в 1834 за диссертацию «De apoplexia». С 1836 Б. служил уездным врачом в Мценске Орловской губ., где умер 18 февр. 1839. По другим данным, служил с 1839 в Орле и умер там в 1844 (см.: *Половцев А. А.* Русский биографический словарь. Т. 2. С. 687).

[18] *Жабой* называли ангину, воспаление горла, глотки, зева у людей и животных (ср.: *Даль*. Т. 1. С. 523).

[19] Имеется в виду преподавательница танцев Маляревская. См. п. 4, примеч. 5.

[20] От франц. *danser avec grâce* (=elegance, facilité) — танцевать с легкостью, ловко.

[21] Возможно, речь идет о богадельне, которая находилась в версте от Спасского в с. Петровском. Выражение В. П. «напакостил», по всей видимости, связано с записью И. С. Тургенева в «Мемориале» под 1837 г.: «Поездка в деревню. В 1-й раз имею женщину, Апраксею в Петровском» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 11. С. 198), где речь идет о крепостной

В. П. Апраксии (Евпраксии) Ивановне Лобановой, с которой Тургенев был близок (см.: Там же. С. 449—450; коммент. Д. М. Климовой). Как следует из письма В. П. от 7 (19) февр. 1839, Иван Сергеевич в дальнейшем проявлял участие в судьбе А. и справлялся о ней у дяди Н. Н. Тургенева.

[22] По всей видимости, речь идет о *Павле Александровиче Овсяникове*, усадьба которого находилась в дер. Голоплеки Чернского у. Тульской обл., недалеко от Спасского. О. послужил прототипом однодворца Овсяникова в одноименном рассказе Тургенева из «Записок охотника» (1847). Впоследствии с его слов были записаны воспоминания о встречах с писателем (*Россиев П.* И. С. Тургенев на родине // *Моск. Вед.* 1908. 24 авг.). См.: *Новиков В. А.* И. С. Тургенев в Тульском крае. С. 95—101; *Иванова Л.* Родине поклонитесь. По следам героев И. С. Тургенева. М., 1993. С. 21—28; *Сучков С. В.* Путешествие к однодворцу Овсяникову // Литературная Россия. М., 1981. 3 апр. № 14. С. 17.

[23] Вероятно, имеется в виду Е. А. Сорокина.

[24] См. п. 2.

[25] См. п. 1, примеч. 27.

7

14 (26) октября — 21 октября (2 ноября) 1838 года.
Спасское-Лутовиново

1838-го года. От $\frac{\text{14-го}}{26}$ октября до $\frac{21}{\text{2-го}}$.

С. Спасское.

Пятница.

В пятницу вечером часа через два, проводя брата из Спасского в С. Петербург.[1] — Получила я от тебя письмо, мой голубчик кинушка.[2] — Моя Александровская колонна,[3] мой безотчетный аккуратник. — Денежки истратил, вот вам и сказ, а вы знайте да вновь присылайте… Папаша бы не послал тебе денег, не получив в прежних отчету. — Надеюсь, что в будущем году из своего приходцу будешь жалеть расходничать. — До Нового году деньги посланы, да и с лишечком. — Более не требуй, настанет Новый год — пришлю треть твоего доходу, и не знай меня, и не пиши ко мне об этом. Что Серебряков[4] может, то и даст доходу. — Кажется более 10 тысяч ассигн., более нельзя тебе тратить в год.

Покупай книги или что хочешь, но! более не требуй, не из чего. Ты нынешний год совсем меня разорил, и я очень раскаиваюсь, что отпустила тебя, нужно было разоряться.

Письмами твоими я совершенно недовольна, так глупо пишешь, например, познакомился с милым семейством *Фроловым*.[5] Что это за Фролов, каких лет, примет, что он делает в Берлине, т. е. он в службе или путешествии — всё это интересно знать, да и тебе описать людей, с которыми ты в дружбе, не бесполезно. — Привык бы описывать характеры, черты. Часто у меня спрашивают… Не тот ли это?.. Не знаю! Мой ответ. — А между тем мы, дворяне, все друг друга знаем. А мне бы как матери интересно бы было знать, что такое за Фролов… или такой-то.

Насчет твоего вояжу тоже скажу, что ты глупо таскался [и] порфироносца[6] таскал, оставил бы его в Любеке или где — [за] дешевую цену! — Гардеробу бы себе не делал и тоже не таскал бы с собою, не плотил <бы> за транспорт. — Сделал бы куртку да рубашки две и пошел по горам. — Приехал бы в Берлин, а Порфирия бы доставили воловые.[7] — А ты бы и себе и ему гардероб сделал. — Так нет!.. Мы свысока, grand seigneur,[a] но! — что делать. — По пословице l'expérience s'achette cher.[b] — На будущий год, надеюсь, будешь поумнее. — Хоть бы и хотела, да не из чего.

Ты пишешь, что Фролов едет в Дрезден, напиши к нему, чтобы он осведомился о моем письме, оно должно лежать на почте.[8] Ты быв в Дрездене и не спросил, а я писала туда по твоему назначенью. — И хотя все то же почти повторила в берлинском письме, не будучи уверена, что оно дойдет — но! все есть то, чего нету в берлинском. — Особенно, ежели есть способ оное получить.

Спрашиваешь, где я буду зиму? — Не знаю. — Да с чем, батюшка. То тот разинет рот… то другой. То тебе пошли. — То брату… С чем же мне ехать. — Я прекрасное дело выдумала отделить вас. — Сколько получите, так и живите. — Я к тебе писала. — Но! хотя ты не получил письма, сам бы мог подумать: сгорело у тебя имущество. — Стало меньше денег. — Надо было и тратить меньше. Взял бы из Гамбурга пароход, до Берлина доехал и жил бы скромно. — Все для тебя чужие края. — Все было бы что видеть. — И денег бы у тебя достало… и перестало... Ну!.. так т[ы], как от мачехи. — Дай нам. — А сама мерзни в Спасском, лишись всего удовольствия жизни, оттого что дети хотят тратить более, нежели позволяет состояние… Нечего делать, живу так, как вам угодно, до 1839-го году.

Пишешь, что нечего было послать с Рибопьером.[9] — Пото[му] что ты не хотел подумать — что не дорог твой по[дарок], дорога твоя любовь.[10] — Тебе никогда на балах не подав[али] конфект. — Потому что свое брюхо было ближе.

Что мне твой подарок дорогой. — Дорого вниманье. — Цветочные семена в первой семенной лавке. — Листочки [и] семечки все твои берегутся. — Но! тебе и то стало в т[ягость], и два письма я не получаю этого условленного гостинц[а]. Что такое за важность берлинское изделье, узорчик по [канве], ленточка, калечка. — Которую бы 1000 раз целовали […]. Но! — ты на это ни в отца, ни в мать, ни в бр[ата]. Отец не едал сладко, чтобы лишнюю ленточку и[ли чеп]чик прислать или привезти… Я живу в деревне, ску[чаю, это] только вы утешались. — Ну! брат… тот, и говорить [нечего], вез канареек на почтовых меня утешить.[11] — И точит или, по крайней мере, воображает, что точит для меня... — Mais vous!.. Vous…[c] Ты эгоист изо всех эгоистов. — Был бы сыт

---

[a] большой барин (*франц.*).
[b] опыт дорого стоит (*франц.*).
[c] Но вы!.. вы… (*франц.*).

ты!.. и только. — А ежели ты и отдашь, что у тебя ни попросят... то не от щедрости. — А ты [рад] сбыть деньги куды бы то ни было, чтобы тебе их не счита[ть], не записывать. — Есть у тебя — будешь роскошничать. — Нет — будешь нуждаться. — Я знаю твой ндрав более, нежели [ты] сам. — Испытай себя. — И ты увидишь, что я права. Ты не виноват. — Это у тебя врожденное. — Но! [и я] не могу быть довольна тобою с этой стороны. — [Ты] умеешь ценить внимательность. Но! не подумаешь, [как] она приятна матери. — Ты послал Биби цеп[очку], которую мы хотя и не получ[али.[12] Я послала тебе] на часы в рожденье *300* и от Биби прибавила *200* на цепочку. Я умею быть благодарною за малейшее вниманье. — А ты будешь со временем муж. — Отец. — О! Нет! — пророчу тебе, ты не будешь любим женою. Ты не умеешь любить — т. е. ты будешь горячо любить. — Не жену — т. е. не женщину. — А свое удовольствие...

Не затейся знакомство свести с актрисами в Берлине.[13] Помни, что именье твоего отца не дает на уплату в казну доходу.[14] — А я при первом твоем долге публикую, даю тебе мое честное слово. — Публикую в газетах, что именье у вас не отцово. — И что я за вас долгов плотить не буду. — Это не сделает тебе чести, конечно. — Но! по крайней мере — с меня за твои долги взыскивать не будут. — Человек, который проживает сверх того, что ему назначено, может ему все казаться мало, и потому и задолжать в надежде расплатиться. — И потом забыться до того — что как твой знакомый в Петербурге. Находил, что мать на его беду живет долго.[15] — А кто знает, может быть, он и не зол... и добр. — Но! завлекся. — И потом и не выпутается. — Берегись. — Ты без друзей, без советчиков добрых. Пущен корабль на море... отдан Богу на волю.[16] — Не зайди в пучину.

Отвечай мне на сие письмо. — Что мне очень нужно знать: на тебе ли мое благословенье.[17] — Я покойна духом, думая, что на тебе оно. Не снимай его, ежели оно цело. — И Господь пошлет тебе свою благодать. А ежели ты лишился его, то не таи от меня. — Я не люблю ничего скрытого, будь похож на брата. — Он терпеть не может ничего от меня таить.

Я уверена, что тебя это письмо огорчит. — Но! скажи мне ради Бога, почему ты себя не счел обязанным дать мне отчет в твоих расходов (sic! — *Ред.*), приехав на место. — А счел, что я обязана присылать тебе денег вновь, не зная, куды ты хотя не *именно*, но à peu près[d] израсходовал, и даже не подаешь надежды прислать оный. — Уверяя, что экономен. — Как будто я должна тем довольствоваться.

Еще напиши мне, часы твои не были на тебе, когда вы горели. — Также и перстень отцов?[18] — А!

Письмо мое покажется строго. — Да! — Потому что я [...] и что не хочу раскаиваться и думать, что [...<чтобы?>] ты не откусил мне ухо со временем.[19]

---

[d] приблизительно (*франц.*).

Бабушка с семьею[20] живет у меня, и учатся дети танцавать у той же танцовщицы.[21] — Т. е. начали нынче. — Биби танцует французскую кадриль с большими грассами.[22] — Она очень мила. — И хорошеет. А там! — Не знаю… совсем не знаю что будет.

У нас поветрие.[23] Горлы болят у людей. — Жабы.[24] — Скотина больна, мы без молока. — Лошади здоровы. — Мы переделали дом, и у нас лестница на женской половине, отчего дом покойнее.

И я тебе пришлю рисунок своей гостиной, разделя ее на чет[ыре] части. — Прежде тот угол, где я сижу, пишу к тебе и тебя распекаю. — А там и прочие.

Дядя остановил мою руку и говорит: ты, верно, огорчишь Ваню…

Ваня. — Да отчего же ты меня не слушаешься, отчего ты не можешь подарить мне ежедневно *10* минут. — 10 минут не много. Плотить за нежность такой матери, как я. — Ты пишешь ко мне 4 сторо[ны] кругом. — Но! оне не интересны. — Иван! — вспомни Бога. — Пер[<екрести?>] лоб. — 4 месяца бегал ты по свету, спасся чудесным образом [<от?>] пожару, ходил в опасных местах и прибыл благополучно в Бер[лин]. Иван, ты русский, ты християнин. — Был ли ты в церкви, молился ли Богу? — А ежели ты исполнил сей долг християни[<на?>], чего я не ожидаю, зная вас с братом — но! — еже[ли] был, почему тебе меня не утешить сим уведомленьем, […] как я в Петербурге с вами за это ссорилась. — Тебя [<Бог?>] [наг]радил умом, богатством, понятием. — Почти все же[лания] твои исполняются, все блага на тебя сыпятся… А ты […] ты не перекрестишь лба.

Потом столько можно сказать интересного, главное кто в [<Бер?>]лине русские фамильи. — Ты бы это узнал взглядо[<м?>] всякое воскресенье в церкви. — Бог знает, нечаянно бы на[<шел?>] знакомых. — Очень случается. — Ты бы заметил — те[<бя?>] новоприезжего увидели.

Я совершенно не знаю, что делается в Берлине, где мой сын. Приехав как, куда, с кем, как увиделся, где повстречался с [<Гра?>]новским.[25] — Как проводишь ты время, твое утро когда начи[нается], твой полдень. — Как обедают обыкновенно в Берлине, во в[<сяком?>] городе свой час, час царский, час вельмож, час барский. — [<Час?>] трактирный, там послеобеденное время, где Г…[26] кто с тобою, [<с кем?>] ты. — Час театру. — Какова опера. — О, много-много есть [<о чем?>] написать и разделить свое виденное, чувствованное. — Но! ты эгоист. — Напился, нагло пожуировал, а [<матери?>] […] написал письмо не думая до[…].

<Приписано В. П. на полях письма>

[<На?>]пиши мне, что ты [ч]итаешь теперь.

Я так много имею и считаю за до[<лжное тебе сказа?>]ть, что мои письм[а] […] кончатся обыкновенными […] всегда с тобою. Но […] да за некоторые безделицы. — Чертеж твоей комнаты. — Мне и те не нра-

вятся. Спальня… Кабинет… Гостиная… У мальчишки. — Кажется, лучше одна большая чистая комната для тебя со столом, у хозяев. — Нахлебником другая для человека.[27] — Верно, Грановский […] <како-го-?>нибудь семейства […] хлеба […] он беден. — Да, конечно […<встреч?>чая] каких гостей […] не более их огорчит. — Да! Я мать, я власть. — Это долг мой — вот и все тут.

Все мои живы, здоровы и тебе кланяются. […] Наполька жив.[28] — И хорош.

Завтра воскресенье. Поди к обедне и отслужи молебен.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 17—18.
Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 42; *РМ (1)*. С. 101.

[1] Н. С. Тургенев выехал из Спасского 14 (26) окт. См. п. 6, а также п. 5, примеч. 28.

[2] *Кинушка* — возможно, домашнее прозвище Тургенева.

[3] Имеется в виду *Александровская колонна* на Дворцовой площади в Петербурге, торжественное открытие которой состоялось 30 авг. 1834. И. С. Тургенев, находившийся в это время вместе с отцом и братом в столице, мог присутствовать на этом событии. Не случайно, открытию Александровской колонны посвящено одно из ранних известных юношеских стихотворений писателя — ода «Сей памятник огромный горделивый…» (при жизни Тургенева не публиковалось). По предположению Т. П. Ден, композиция стихотворения, лиризм исторических воспоминаний, а также некоторые другие детали этого стихотворения связаны с чтением очерка В. А. Жуковского «Воспоминания о торжестве 30-го августа», появившегося в «Северной пчеле» 8 сент. 1834 (№ 202). См. об этом: *ПССиП(1). Соч.* Т. 1. С. 594. Кроме того, оно носит следы знакомства Тургенева с другими произведениями, посвященными этому событию, в частности, со стихотворениями, опубликованными в *БдЧ* (1834. Т. 6. С. 5—10, 16). См. об этом: *ПССиП(2). Соч.* Т. 1. С. 531. Возможно, это шутливое прозвище, связанное с высоким ростом Тургенева, намекало и на указанное стихотворение.

[4] Имеется в виду Н. Я. Серебряков. См. п. 5, примеч. 35.

[5] Речь идет о *Николае Григорьевиче Фролове* (1812—1855) и его первой супруге *Елизавете Павловне Фроловой* (урожд. Галаховой; ок. 1802—1840), у которых в Берлине был салон, посещаемый многими известными литераторами и общественными деятелями. Фроловы были близкими друзьями Н. В. Станкевича и Т. Н. Грановского. Тургенев познакомился с Фроловыми осенью 1838 в Берлине (куда Фроловы приехали после свадьбы, состоявшейся в 1837 в Штутгарте (Швейцария), в конце того же года) и в дальнейшем часто бывал у них. Письмо В. П. позволяет уточнить месяц, когда состоялось знакомство: октябрь. Судя по письму, ввел Тургенева в салон Фроловых Т. Н. Грановский, который, наряду с Н. В. Станкевичем и Я. М. Неверовым, был его постоянным посетителем. Здесь Тургенев встречался с тогдашними нем. знаменитостями — К. Вердером, А. Гумбольдтом, Беттиной фон Арним, К.-А. Фарнгагеном фон Энзе и др. Душой салона была Е. П. Фролова, которая родилась в богатой аристократической семье и получила прекрасное образование. По словам Тургенева, «Стефания Баденская считала ее в числе своих приятельниц — Беттина часто ходила к ней, хотя в душе ее побаивалась. Г-жа Фролова обходилась с Беттиной un peu de haut en bas (немножко свысока. — *франц.*). Вердер бывал у ней часто — Гумбольдт посещал ее иногда. Я ходил туда молчать, разиня рот, и слушать» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 361). Сам Фролов, как отмечал Тургенев, «никогда не вмешивался в разговор — сидел в углу, разливал чай, значительно мычал, поводил глазами, подергивал усы — но не раскрывал рта» (Там же. С. 361). О Е. П. Фроловой Тургенев сохранил самые теплые воспоминания как о женщине «очень

замечательной»: «Уже немолодая, с здоровьем совершенно расстроенным (она скоро потом умерла), некрасивая — она невольно привлекала своим тонким женским умом и грацией. Она обладала искусством — mettre les gens à leur aise (вызывать у людей ощущение непринужденности. — *франц.*), сама говорила немного, но каждое слово ее не забывалось. В ней было много наблюдательности и понимания людей. Русского в ней было мало — она скорее походила на очень умную француженку — un peu de l'ancien régime (немножко старорежимную. — *франц.*)» (Там же). Особо привлекало Тургенева умение Ф. вести блестящую беседу: «Фролова умела, когда хотела, быть чрезвычайно блестящей в разговоре; помню, раз приехал к ней в Берлин один очень умный француз, граф или маркиз. Вдвоем они вели целый вечер такой диалог — хоть бы из какой-нибудь „пословицы" Альфреда де Мюссе. <...> В г-же Фроловой была наклонность к аристократии — но сколько в ней было доброты и простоты в то же время!» (Там же. С. 366). Немалое значение имело для Тургенева и то, что ее ценили Станкевич и Грановский. Сохранилось воспоминание Тургенева о Ф., записанное современницей: «Я знал только одну женщину очень дурную собой и увлекательную, — Фролову, друга Грановского. Она была и очень дурна и старше мужа, а муж был страстно в нее влюблен, да и многим она нравилась. Но она была женщина почти гениальная» (*Островская.* С. 31). Схожие воспоминания оставил о ней Я. М. Неверов: «Если можно сколько нибудь приблизительно, через сравнение, определить ее характер и значение, я назову ее русской Рахелью (Рахель Фарнгаген, хозяйка известного берлинского салона. — *Ред.*), потому что она, как и Рахель, не оставила никаких следов своего существования — в литературе, не была собственно ученой женщиной, ни даже женщиной, игравшею роль (ей противна была всякая выставка, всякое высказывание себя), но высокий ум, верный и глубокий взгляд на людей и весь мир соединяла с основательными познаниями, чарующею теплотою сердца и тою дивной женственностью, которая любит для любви, благотворит для блага, исправляет шутя, поучает без наставлений и свою внутреннюю гармонию разливает на все окружающее» (*Неверов Я. М.* Т. Н. Грановский // *РСт.* 1880. Т. 27. С. 752—753). Записи о некоторых вечерах у Фроловых сохранились в дневниках Фарнгагена фон Энзе. Так, 6 апр. 1838 в кружке обсуждалось художественное и общественное значение романа Гёте «Годы учения и странствований Вильгельма Мейстера», а 21 апр. того же года — вопросы духовного наследия, культуры и цивилизации (*Varnhagen von Ense K.-A.* Tagebüher. Leipzig, 1861. Bd I. S. 84, 89). Фролов, выйдя в отставку в чине поручика в 1834, намеревался посвятить себя научной деятельности: слушал лекции в Дерптском (в 1834/1835 вместе с И. П. Галаховым) и Берлинском университетах, а также в Сорбонне (с 1844), в Берлине занимался историей, философией, правом и естественными науками. Впоследствии сотрудничал в обновленном *Совр*, опубликовав в журнале ряд работ, среди которых «Исправительные тюрьмы в Швейцарии» (1847. № 9), а также перевод «Космоса» Гумбольдта (1847. № 10, 12; 1848. № 2, 7; 1849. № 9), вызвавший резко отрицательный отклик В. Г. Белинского (см.: *Белинский.* Т. 12. С. 419—420) и ироничную оценку Тургенева (см. *ПССиП(2). Письма.* Т. 1. С. 229—230; п. к Белинскому от 14 (26) нояб. 1847). Им была написана биография Станкевича (не опубликована) (см.: *ЛН.* Т. 56. С. 169). Сохранился отзыв о нем Т. Н. Грановского 1843 в письме к Н. А. Беер, в котором, защищая Ф. как потенциального автора биографии Н. В. Станкевича, он писал: «сомнения Ваши насчет Фролова очень понятны. Но как Вы могли думать, что я или Неверов предоставим святое дело рассказать о жизни Станкевича человеку, не способному понимать покойника и не любившему его так, как должно было любить. Вы не знаете Фролова. Станк<евич> и я, мы также узнали его очень поздно. — Жена его имела большое влияние на всех нас; она соединила нас в своем доме; на Фролова мы смотрели с уважением, но без особой симпатии к нему. В нем есть что-то очень благородное и в то же время мрачное, отнимающее желание сблизиться с ним» (цит. по: *Велижев М. Б.* «Моя метафизика» Н. В. Станкевича: К истории текста // *РЛ.* 2008. № 2. С. 103). С 1852 издавал журнал «Магазин землеведения и путешествий». Знакомство с Ф. нашло отражение в творчестве Тургенева. По признанию Е. М. Феоктистова, Фролова «всякий тотчас же узнавал» (*Феоктистов.* С. 31) в рассказе «Гамлет Щигровского уезда», где Василий Васильевич уничижительно упоминает, что

во время пребывания в Берлинском университете он «снюхивался с отставными поручиками, удрученными, подобно мне, жаждой знанья, весьма, впрочем, тугими на понимание и не одаренными даром слова» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 3. С. 263—264). См.: *ПССиП(2). Соч.* Т. 3. С. 502 (коммент. А. Л. Гришунина); Т. 5. С. 539 (коммент. Т. П. Ден). Некоторые черты Ф., по всей видимости, легли в основу и других персонажей Тургенева (в романах «Рудин», «Дым», повести «Пунин и Бабурин»). Об этом см.: *Жидкова С. Л.* И. С. Тургенев и Н. Г. Фролов (К вопросу о значении прототипии в творчестве писателя) // Тургеневский ежегодник 2005—2006 годов / Сост. и ред. Л. А. Балыкова, Л. В. Дмитрюхина. Орел, 2008. С. 101—108.

[6] Имеется в виду П. Т. Кудряшов. См. п. 1, примеч. 18.

[7] *Воловые* — телега, запряженная волами.

[8] Об этом письме (неизв.) В. П. упоминала также в п. 3.

[9] *Рибопьер Александр Иванович*, граф (1781—1865) — действительный статский советник, камергер, с 1831 по 1838 чрезвычайный посланник и полномочный министр при Прусском и Мекленбургском дворах, жил открытым домом в Берлине и обыкновенно устраивал большие празднества, когда в Берлин приезжал император Николай I или кто-либо из членов императорской семьи (см. о нем: *Половцев А. А.* Русский биографический словарь. Т. 19. С. 173—177). В. П., по всей видимости, общалась с сестрой А. И. Рибопьера — Е. И. Зыбиной. Об этом свидетельствует письмо Н. С. Тургенева к брату от 25 окт. 1838, в котором он сообщал: «Еще кстати о Берлине скажу тебе, что Кат<ерина> Иван<овна> Зыбина получила письмо от брата своего Рибопиера, в котором он пишет que Mr de Tourguéneff (что г-н Тургенев. — *франц.*) еще не изволил к нему являться, que c'est un jeune homme rangé, studieux, adonné à la science (что это серьезный, прилежный, преданный науке молодой человек. — *франц.*) и пр. и пр. Это мило, Jean, — вот что о тебе говорят!» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 1 об.).

[10] «Мне не дорог твой подарок, / Дорога твоя любовь» — строки из рус. народной песни «По улице мостовой». См. также п. 13.

[11] В. П. «очень любила птиц, но не кур и вообще не дворовую птицу — эти пернатые имели свой птичий двор и довольно далеко от дома, чтобы своим кудахтанием и гоготанием не беспокоить ее. Птиц — канареек, чижей, щеглов и попугаев-неразлучников держала она в доме в изящных клетках» (*Житова.* С. 39).

[12] См. п. 2, примеч. 30.

[13] Судя по письмам Н. С. Тургенева, оба брата были театралами. Так, из письма Н. С. от 25 окт. 1838 следует, что И. С. следил за постановками с участием известной балерины Марии Тальони (1804—1884), блиставшей на петербургской сцене на протяжении пяти сезонов (1837—1842): «Насчет Талиони скажу тебе, что она отличается по-прежнему в „Деве Дуная" и кроме этого балета еще нового не дают. — Смотря на нее, вспоминаю тебя» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 90. Л. 2 об.).

[14] Речь идет о с. Тургенево. См. п. 3, примеч. 19.

[15] О ком идет речь, установить не удалось.

[16] Ср. у Даля: «Пущен корабль на воду, сдан Богу на руки» (Т. 2. С. 161).

[17] См. примеч. 18 к наст. письму.

[18] Как следует из п. 13 и «благословение» (образок) В. П., и перстень отца удалось спасти во время кораблекрушения «Николая I» (см. п. 1, примеч. 1): «Ах! как я рада, что перстень отцов цел. Ах!.. слава Богу. — И мое благословение, и да будет над тобою благодать Господня».

[19] В. П. имеет в виду сюжет басни Эзопа «мальчик и его мать». В *Б-ке Тургенева* сохранилось издание: Басни Эзоповы. Переведенные с греческого Иваном Мартыновым. СПб., 1823, — в которое включена и эта басня (здесь же приведен и текст басни на др.-греч.). «Мальчик, укравши в школе у своего соученика книгу, принес матери. За это она его не только не наказала, но еще похвалила; мальчик, подросши, начал красть и важнейшие вещи. Однажды поймали его на самом воровстве и повели на смерть. И как шла за ним и мать его, рыдаючи, то он просил палачей позволить ему несколько слов сказать ей на ухо. Мать тотчас поднесла ухо ко рту сына; и он откусил его зубами. Мать и другие

стали его осуждать, что он не только вор, но даже и с матерью поступил злодейским образом. На это он сказал: мать виною моей гибели. Если бы она, когда я украл книгу, меня наказала: то бы я не дошел до того, чтоб ныне вели меня на смерть. Это выражение встречается еще раз в письме от 1 (13) марта 1839.

[20] Речь идет о Е. П. Тургеневой и детях ее старшего сына А. Н. Тургенева.

[21] См. п. 4, примеч. 5.

[22] См. п. 6, примеч. 20.

[23] *Поветрие* — «наносные, повальные болезни» (*Даль*. Т. 3. С. 151). О большом количестве заболевших ангиной В. П. сообщала и в п. 6.

[24] См. п. 6, примеч. 18.

[25] Вероятно, речь идет о Т. Н. Грановском (1813—1855), с которым Тургенев познакомился в Петербурге в 1835, когда они оба были студентами Петербургского университета, и впоследствии общался в Берлине и в Москве, где Г. с 1839 был профессором Московского университета. Общение с Г. оставило, по собственному признанию Тургенева, в нем «глубокое впечатление». После смерти Г., последовавшей 11 (23) сент. 1855, и похорон, состоявшихся 7 (19) окт. в Москве, Тургенев поместил в *Совр* проникновенную некрологическую статью «Два слова о Грановском» (1855. № 11. Отд. II. С. 83—86), в которой, вспоминая о времени своего студенчества, писал: «Чуждый педантизма, исполненный пленительного добродушия, он уже тогда внушил то невольное уважение к себе, которое столь многие потом испытали. От него веяло чем-то возвышенно-чистым; ему было дано (редкое и благодатное свойство) не убежденьями, не доводами, а собственной душевной красотой возбуждать прекрасное в душе другого; он был идеалист в лучшем смысле этого слова, — идеалист не в одиночку. Он имел точно право сказать: „Ничто человеческое мне не чуждо", и потому и его не чуждалось ничто человеческое» (*ПССиП(2). Соч.* Т. 5. С. 326).

[26] По всей видимости, речь идет о Т. Н. Грановском.

[27] О присланном Иваном Сергеевичем плане его квартиры в Берлине писал и Н. С. Тургенев в письме от 25 окт. ст. ст. 1838: «Видел я твой план квартеры и потому полагаю, что ты живешь скромненько. Оно и хорошо — пригодится для будущего, поверь, Jean — что это правда. Я тебе посоветую, ты — мне, так и будет ладно да складно» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. 1 об.).

[28] См. п. 1, примеч. 35.

8

4 (16) ноября 1838 года. Спасское-Лутовиново

Mon cher Jean.[a]

Пришла пятница, а писать нечего. — От тебя три недели писем нету.[1] — Поздравляю тебя со днем рожденья Коли.[2] — Получу ли я в день моего ангела от тебя письмо. — А семечки-то, мой друг, ты и забыл, по условью, мне присылать. — Экий ты. — Семена не мерзнут…

Нынче я позволила жениться трем женихам, которые мне принесли гусей. — 1-й Костюшка. — 2-ой Аб-Реторика. — 3-й — старик Андрюшка-портной.[3]

Авдотья Ив<ановна>[4] не только сама ко мне не ездит, но! не посылает поздравить ни с твоим, ни с Николиным рожденьем. — Как ты думаешь, сердита, что я ей визит не заплатила. — Больно досадно.

---

[a] Мой дорогой Иван (*франц.*).

Брат не захотел, чтобы я Губар<ева>[5] уведомляла о его приезде, et nous avons rompu tout à fait.[b] Что же ты, дружок, писал ли в Франкфурт о цепочке Бибиши.[6] Мне бы очень хотелось знать, отчего она пропадает.

Бабушка здесь со всем семейством.[7] — Я дала твоему фавориту[8] вексель в 1500. — И плачу проценты *150*. Кажется, с моей стороны я все сделала. — Меня уже винить оне не будут — или считать себя вправе.

Ох! Как дни длинны, скучно мне, признаюсь, без тебя и брата, без театру и музыки, без городской жизни. — Монотония ужасная. Бабушка стара и… очень упала рассудком. — Дунаевская.[9] — Все дураевская. — Дядя все фабрикант и все с тряпкой возится.[10] — Биби мала. — А я не очень больна, но! и не совсем здорова, а притом ох!.. скучаю… очень, очень, очень. Но! Только бы вы веселились, деньги к вам посланы, до Нового года не требуй, ни копейки более прислать не могу.

А Порфириевы деньги целы будут.[11] Прости, цалую и благословляю тебя. Твой друг и нежная мать.

В. Т.

1838-го года.
4-го ноября.
С. Спасское.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 19.
Публикуется впервые.

[1] Последнее письмо В. П. получила 14 (26) окт. (ответ на него см. в п. 7).

[2] В записной книжке В. П. (на с. 3), выставлявшейся на выставке 1909, была следующая запись: «1816 года 4-го ноября в 5 часов с четвертию пополудни родился сын Николай, ростом 12-ти вершков — в Орле, в доме Петра Михайловича Каменского — в субботу. Крестили 14-го числа ноября — батюшка Николай Алексеевич Тургенев и матушка Катерина Ивановна Сомова» (*Каталог 1909*. С. 83).

[3] Подлинные имена дворовых людей В. П. установить не удалось. Схожий эпизод описан Тургеневым в «Муму» (1852): «В тот же вечер они оба (Татьяна и Капитон. — *Ред.*) с гусями под мышкой отправились к барыне и через неделю женились» (*ПССиП(2). Соч*. Т. 4. С. 257).

[4] Речь идет об А. И. Лагривой. См. п. 1, примеч. 24.

[5] Имеется в виду В. И. Губарев. См. п. 1, примеч. 50 и 51.

[6] См. п. 2, примеч. 28.

[7] Речь идет о Е. П. Тургеневой и семье ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. п. 2, примеч. 32 и п. 5, примеч. 19.

[8] Имеется в виду дядя писателя Алексей Николаевич Тургенев, в судьбе которого Иван Сергеевич принимал живое участие. См. об этом в п. 10.

[9] Имеется в виду С. А. Дунаевская. См. п. 2, примеч. 4.

[10] Речь идет о бумажной фабрике в с. Тургенево. См. п. 1, примеч. 27.

---

[b] и мы окончательно прекратили отношения (*франц.*).

[11] По всей видимости, В. П. решила выполнить просьбу П. Т. Кудряшова и позаботиться об оставленных им деньгах, на которую первоначально ответила решительным отказом (см. п. 1 и п. 5).

9

11 (23) ноября 1838 года. Спасское-Лутовиново

Mon cher Jean.[a]

Только я потому к тебе пишу, что обещала не пропускать ни одной пятницы, чтобы не писать. — А ты знаешь, мое слово *свято*. — А то, право, нет ни силы, ни духу. — Силы нет! — Все моя болезнь мучит почасту, и теперь лежу, а лежа писать неловко. — Духу нет! оттого что от моего Ивана писем нет! три недели. — Да зачем тебя нелегкий носил на галеру?..[1] Зачем писать на Кирилу — вот тебе и крюк.[2] А я охай…

У нас все старое по-старому.

Во-первых — бабушка с семьей.[3]

Во-вторых — Софья Дунаевская.[4]

В-третьих, дядя в Тургеневе или на пороше,[5] потому что первый снег выпал.

В-четвертых, Елизавета Андр<еевна>[6] румянится более чем когда.

В-пятых, Биби все мила и все цепочки твоей не получила и оставила надежду ее носить когда-нибудь.[7]

В-шестых — я худею и старею до безобразия, без зуб, и слепа, и глуха.

В-седьмых — приучила голубей на балконе к мешку, и оне по-прежнему дерутся.[8]

В-осьмых — Наполь[9] бешен и толст, слюняв и похож, как две капли, на отца.

В-девятых —

В-девятых, ничего более нет и писать нечего. — По субботам блины и баня.

Порфириев брат здоров и учится.[10]

Хоть в жом,[11] ничего не выдумаю более. Твой друг и нежная мать.

В. Тургенева.

1838-го года.
11-го ноября.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 20.
Публикуется впервые.

[1] В. П. перефразирует ставшее пословицей выражение «Кой черт понес его на эту галеру?», получившее распространение благодаря комедии Мольера «Плутни Скапена»

[a] Мой дорогой Иван (*франц.*).

(1670; акт II, явл. XI). В свою очередь, Мольер заимствовал его из комедии Сирано де Бержерака «Одураченный педант» (1654). Сохранившиеся каталоги Спасской библиотеки свидетельствуют о том, что в ней находилось несколько изданий комедий Мольера на рус. и франц. языках. Так, сохранился 1-й том довольно редкого русского издания «Комедий из театра господина Мольера» в переводе Ивана Кротова (М., 1760) с владельческой надписью двоюродного деда писателя А. И. Лутовинова и др. См.: *Балыкова Л. А.* Тургенев — читатель. С. 66—67; *Каталог Б-ки Т.* С. 136—137.

[2] Имеется в виду К. С. Тоболеев (см. п. 6, примеч. 2). В. П. сетует на то, что Иван Сергеевич посылает письма на московский адрес, вместо того чтобы адресовать их в Мценск. В свою очередь, И. С. отправлял письма через К. С. Тоболеева, по всей видимости, по просьбе дяди Н. Н. Тургенева; см., напр., его письмо к племяннику от 14 нояб. ст. ст. 1838: «Письмы свои адресуй в Москву к Кириле Сафронову с передачей ко мне, а быть может, я и сам буду в Москве, отправляю англичанина с продажными лошадьми и сам располагаю по делам быть в Москве, но наверное когда сказать не могу» (*ОР РНБ.* Ф. 795. № 89. Л. 3 об.).

[3] Речь идет о Е. П. Тургеневой и семье ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. п. 2, примеч. 32 и п. 5, примеч. 19.

[4] См. п. 2, примеч. 4.

[5] Т. е. на охоте. Ср. у Даля: «Охотник (ловец) пороши, что праздника, ждет» (Т. 3. С. 321).

[6] Имеется в виду Е. А. Сорокина. См. п. 1, примеч. 38.

[7] См. п. 2, примеч. 30.

[8] Этот эпизод нашел отражение в воспоминаниях Житовой: «В доме и в образе жизни Варвары Петровны соблюдался строгий порядок, все распределялось по часам. Даже голуби, которых она кормила в Спасском и в Москве, и те знали свой час: в 12 часов дня раздавался колокольчик, и они слетались получить свою порцию овса» (*Житова.* С. 39).

[9] См. п. 1, примеч. 35.

[10] Имеется в виду младший брат П. Т. Кудряшова *Николай Хрисанфов Кудряшов* (ок. 1827—?). См. о нем: *Чернов.* С. 97.

[11] См. п. 2, примеч. 35.

10

13 (25) ноября 1838 года. Спасское-Лутовиново

1834-го[1] года. $\frac{13\text{-го}}{25}$ ноября. — На твое письмо от 8-го октября. — *Ответ.*

Три недели не получала я от тебя писем, mon cher Jean.[a,2] Слава Б[огу], что не получала оттого, что ты не писал! — Теперь я буду поко[йна]. Нет писем!.. Не писал, да и только!.. А я замучилась думой — Ва[ничка] и с дороги, путешествуя, писал аккуратно. — Теперь же что могло его [удер]жать? болезнь… да ох!.. да ах!.. а мне вздохи убивственны. — Ита[к], я велела написать Лобанову[3] к Порфирию,[4] да и теперь опять повторяю мой господский деспотический приказ. — Ты можешь и не писать. — Ты можешь пропускать просто почты. — Но! — Ты должен сказать Порфир[ию]: я нынешнюю почту не пишу к мамаше. — Тогда Порфирий берет бумагу и перо. — И пишет мне коротко и

[a] Мой дорогой Иван (*франц.*).

ясно. — Иван С<ергеевич>, де, здоро[в], — более мне не нужно, я буду покойна до трех почт. — Кажется, довольно снисходительно. — Но!.. Ту почту, когда вы оба пропустите, я непременно *Николашку* высеку.[5] — Жаль мне этого, а он прехороше[нь]кий и премиленький мальчик, и я им занимаюсь, он здоров и хорош[о] учится. — Что делать, бедный мальчик будет терпеть, брат… а не я буду его сечь. — Смотрите же, не доведите меня до такой несправедлив[ости]. Теперь я, кажется, на этот счет могу быть покойна. — А ты навер[но] будешь получать из Спасского уведомленья раз в неделю. — Не я, [то] Лобанов будет писать. — *Матушка не очень здорова*. Только и ра[зниц]ы.

Поздравляю тебя с таким количеством приобретенных знакомств.[6] Хотя все почти мне незнакомые имена, кроме Грановского.[7] — Я даже не знаю, точно ли Рибопьер[8] посланник... ты не означил. — И сверх того, ты пишешь ответ из Берлина, как будто из Москвы, так что я, получа через три месяца оборот, не помню, что такое я писала, что ты нашел несправедливым.[9] — Лучше написать, чем марать бумагу на иностранном друг другу языке. — Вот твои слова — «Что же касается до того, в чем ты в начале письма меня упрекаешь…» и пр<о>ч. …

В начале письма?.. Какого?.. Когда?.. Могу ли я помнить, что я писала в начале письма, посланного — в августе, полученного в сентябре тобою, а мною в ответ в ноябре. — Что тут я могу понять, ежели ты не повторишь, на что ты отвечаешь. — Ежели тебе это скучно — то и не пиши лучше. Я хочу получить твое письмо, которого жду нетерпеливо целую неделю… а дождавшись, не могу понять, что написано. — Пожалуйста, ты этого не делай. Рибопьер говорил тебе, что Тургеневы имеют много ума… Прости ему Бог за то, что он не всех знает. — Ума можно иметь много, но! лучше бы иметь *du bon sens*[b] — в чем решительно… и не исключая никого в вашей фамильи, и даже *разумников*, но рассудком бедненьки. — Не обидься, душа… Позволь старухе все писать и говорить, что вспадет на мысль, не обинуясь. — В моем языке нет желчи: сказала и забыла… А право, что пишу, то чувствую, но! вы с братом так молоды… Еще можете быть иначе, как другие.

Очень рада, что деньги подоспели кстати. — То-то и дело, что далеко, не рукой подашь… А пока хлеб продашь… а время течет, а денежки выходят. И потому — во всяком смысле не худо беречь белую монету на черный день. А то может случиться, что и 12 копеек, и кредиту увидишь ренонс.[10] Ты, верно, получил посланные нами тебе деньги, еще полстолько, сколько получил, по приезде в Берлин — т. е. *1000*. — Именинный гостинец.[11] — А Биби твоего гостинчика не получала.[12] Мне обидно, что Николаи оба, т. е. дядя и брат, ее поддражнивают, что ты ее надул. — Не знаю почему, [я] не так смело уверяю. — Этого быть не может, я знаю Ваню. — Кажется, как будто — увы — я с тобою раззнакомилась. — Дальность расстояния и долгота времени переменяют многое…

---

[b] *здравого смысла, рассудка* (*франц.*).

Я не знаю, что сделалось с Гесмером[13] — видно его нет в Берлине, и Озерова видно ты не видал.[14] — А Мансуров, видно еще ты его нигде не встре<ти>л.[15] — Пожалуйста, пиши ко мне обо всех правду, откровенно… Видал ли ты где «Швейцарскую хижину», не помню чьего сочиненья. Помнишь ли ты тот романс прелестный, когда старик поет дочери: «Откровенна будь со мною, я твой первый друг».[16]

Всякая вина от меня тебе *отпустится*. — Кроме неоткровенности. Но! Этого быть не может, не так ли, дети?..

Что касается до твоего латынского выраженья, ты слишком доверяешь моему знанью ботанической латыни. — И хотя я несколько слов и затвержу, и запомню, и могу сама сказать à propos.[c] — И не à propos. — Но! это е[ще] не значит, чтобы я была сильна в латыни. — Да и во всем не очень-то сильна. — Хотя стараюсь поддержать честь вашего имени и при случае не острамить вас, как *Томанисиньер* в Коки,[17] — верно ты помнишь. — Потому читаю много, зная латынскую пословицу или поговорку — *quo plura legimus, eo plura discimus*.[d] — Ага?.. Каково? — Не прогневайся, вот тебе латынь за латынь. — Однако чтобы ты не думал, что моя ботаническая латынь ни к чему не служит, — то я тебе опишу. Есть цветы, в которых пестики in infinitum — *до бесконечности* et… везде и — sic — дядя нашел в твоем латинском лексиконе,[18] итак et sic in infinitum[e] — *даже до бесконечности*. Каково?..

Посмейся с своими товарищами, пусть оне угадают, кто пишет тебе латынские поговорки… Не угадать вам, скажи!.. Почему ж? Старый учитель, *ученый муж*!.. Да как бы не так, старуха мамаша! Ха… ха… ха!.. И простая старуха, *не bel esprit*.[f] — Почти безграмотная. — По любви к сыну латынит. — В прошедшем письме[19] рекомендовала я тебе, душа моя, читать «Contes Fantastiques»[g] и наврала par qui?..[h] *de Jules Janin*.[i, 20] Сослепу не разобрала и Бог знает чьи написала. — Ах, Ваня, как хорошо «Soirée poétique»[j], не могу удержаться, чтобы не выписать тебе несколько стишков.[21] — О! я уверена, что тебе оне будут по сердцу. — А я что читаю. — Берлин, душа моя. — «Guide de Berlin, de Potsdam et des Environs… traduit de l'Allemand».[k, 22] — Еще купленный в самом Берлине. — Еще с его заметками ногтем… Читаю, смотрю на картинки, на план. — Вот и Линден Аллея,[23] вот и Шарлотенбург,[24] срисовала и посылаю к тебе! — Да возврати мне назад и назначь, в котором доме твой 24 номер, чуть не сказала, *милый*.

---

[c] кстати (*франц.*).

[d] *чем больше мы читаем, тем больше мы узнаем* (*лат.*).

[e] И так до бесконечности (*лат.*).

[f] *остряк какой* (*франц.*).

[g] «Фантастические истории» (*франц.*).

[h] чьи (*франц.*).

[i] *Жюля Жанена* (*франц.*).

[j] «Поэтическая вечеринка» (*франц.*).

[k] «Путеводитель по Берлину, Потсдаму и их окрестностям… переводено с немецкого» (*франц.*).

Недавно я нашла на столе у дяди письмецо — от одной дам[ы] — *Лукина*.[25] Между нами, любезная твоего Порфирия. — Посылаю вам собак, пишет она, покойного мужа свора, берегите их, оне дороги моему сердцу. — Да пришлите мне бумаги с м[илой] вашей фабрики.[26] — Дяде это можно написать, нет ничего ему милей его фабрики.

Ты спрашиваешь меня, где я *решительно проведу зиму*? — Не знаю, Ваничка, право, не знаю. — Ты хвалишь намеренье мое провести зиму в Орле. — Я отказала, хотя и наняла было дом.[27] Я рассудила. — В Орле хуже, чем в Москве, я буду первая по[ч]ти. — А у меня, как ты знаешь, ничего нет: ни экипажу, ни лошадей, ни ливреи, я еще ничем не завелась. — И потому я пока ничем не решила. — А сверх того, мое намеренье непоколебимо, прежде, нежели поеду куда, посмотреть, как по[й]дет мой раздел с вами, как поведут дела, сколько достанется вам в удел, сколько мне останется. — Думаю [в] конце зимы съездить на короткое время в Москву, людей посмотреть, себя показать. — В театре побывать, словом, проветриться. — Но! все это не верно. — И потому все пишу<т?> в Спасское, это уже всего вернее будет.

Ты знаешь, что у меня теперь живет бабушка с семейством.[28] Это несколько суматошно. — Но! что делать, я бы предпочла это неудовольствию быть почти одной в таком огромном доме, освещенном, как для гостей, и видеть на всех стенах свою тень. — Я бы это снесла, бабушкину суетливость, крик, оранье детей, пуасардный[29] тон и голос мамзели. — Все это ничего!.. Mais... mais…[l] даже сказать нельзя. Эти дети!.. О!.. Боже!.. Оне знают все, делают пакости и гадости ужасные. — Словом, ужас меня берет! — Варинька еще дитя, и она почти на коленях то у меня, то у дяди,[30] у Елизаветы А<ндреевны>.[31] Но!.. Мавра.[32] — Господи помилуй, мамзелина сестра желта, зелена, извелась совсем. — Господи, не дождусь я моих именин,[33] чтобы их избавиться. — Я отдала им, что оне причитали за мною, т. е. вексель в *1500*.[34] Меня уже это не разорит, а им, злоязычникам, авось рот свяжет. — Слава Богу, что Алексей Н<иколаевич>[35] уехал в свою деревню. — Дунаевская[36] все здесь жила. Но! оне не могут меня оставить в покое читать или писать, без меня не играют в карты. — Оне не могут понять, что такое заниматься… Весь век проболтались, проболтали да в карточки проиграли… вот так дожили до старости.

Брат пишет ко мне, что возвратился в Петербург благополучно.[37] Был принят начальниками, особенно Ганичевым,[38] прекрасно. — Поспел в срок и в восхищенье, держит экзамент, что-то Бог даст! — Брат обещал учиться петь. Бывши в Спасском, он все пел, Лаврова[39] играла, брат — des moments si charmants... que chacun en profite au plus vite…[m] Я обещала плотить за его ученье pourvu qu'il profite.[n]

---

[l] Но… но… (*франц.*).

[m] были такие прелестные мгновенья... каждому было на пользу... (*франц*).

[n] только бы это было ему на пользу (*франц.*).

Моя весна — т. е. не жизни моей весна. — А житье осеннее будет зависеть от тебя совершенно. — И я затеваю… и я замышляю сахар…[40] Но! Прежде надо выучиться свеклу сеять и выращать и продавать сахароварам… И как это пойдет?.. Посмотришь. Но!.. Но!.. Как Ваня, что он?.. Как он захочет, я совершенно в его воле. Не свяжу ли я тебя, не легче ли тебе летать по Италии, не имея на плечах старуху мать с ребенком и гуверн<анткой>.[41] Все это, говорю, зависит от тебя. Готова я лететь к тебе, когда прикажешь, готова остаться до осени в России, ежели тебе не буду нужна. — Но! осенью, т. е. в августе, никто и ничто меня не остановит, я еду в Берлин к тебе, зимую с тобою. Весною едем во Францию, я советуюсь с акушерами, с хирургами, а ты между тем едешь в Англию. Я беру для Биби гувернантку, и мы возвращаемся… или то, или се… или что Бог даст. Но!.. однако ты, мой друг, не подумай, что я не хочу ехать к тебе. Я готова, и мне бы хотелось до смерти!.. Но! обдумай хорошенько. — Я свяжу тебя, да и дорого нам будет вместе вояжировать. Лучше я тебе прибавлю на вояж… Но!.. как хочешь... как хочешь... как хочешь… Я от тебя завишу.

А что Порфирий? — Ты мне о нем ничего не пишешь. Силен ли он становится в немецком языке, а что медицина, как гомеопатия? — Ради Бога, пиши о нем иногда, все нам интересно знать. Да что же это, душа моя, разве ты не был в Шарлотенбурге!.. Что же ты мне ничего не описываешь о бюсте покойной королевы мраморном,[42] разве это недостойно. — Неужели ты не был в Павлином острове[43] и пр<о>ч… Окрестности Берлина — это диковина, ты такой турист. Цалую тебя и благословляю от всего моего сердца. Друг и мать

В. Тургенева.

P. S. Наполь[44] весел, здоров, меня любит. — Но! дядю без памяти, он час от часу хорошеет и милеет нашему сердцу — *à la madame Loukine*.[o]

А семена-то… семена-то цветочные забываешь сыпать в свои письма. Садовники называют семена *Верлинские*. — Пожалуйста, не забудь, я посылаю адрес, где их купить. [...] [de] toute sorte de fleurs, de légumes... Mathieu à la nouvelle Grünstrasse N 31. — Crudelius a la [rue du Command]ant N 15. —K[rüger place] du château N 65.[p] — Неужели-таки они все померли.

Печатается по подлиннику: *ОР РНБ*. Ф. 795. № 91. Л. 21—22.
Отрывки впервые опубликованы: *Т Сб 1915*. С. 30—31; *РМ (1)*. С. 104—105.

[1] Так в подлиннике.
[2] См. п. 8, примеч. 1.

---

[o] совсем как госпожа Лукина (*франц.*).

[p] [...] всех сортов цветов, овощей... Матье на новой Grünstrasse, № 31. — Круделиус на [ул. Command]ant, № 15. — К[рюгер на площади] Шато, № 65 (*франц.*).

[3] Имеется в виду Ф. И. Лобанов. См. п. 1, примеч. 7.

[4] Речь идет о П. Т. Кудряшове. См. п. 1, примеч. 18.

[5] *Николашка* — младший брат П. Т. Кудряшова. См. п. 9, примеч. 10.

[6] В Берлине Тургенев общался с русскими студентами — Я. М. Неверовым, Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским, Н. Г. Фроловым и др., а также, по всей видимости, посетил русского чрезвычайного посланника при Прусском и Мекленбургском дворах А. И. Рибопьера. См. п. 7. О пребывании Тургенева в Берлине в 1838—1842 см. также: *Горбачева В. Н.* Молодые годы Тургенева (По неизданным материалам) // Тургенев и его время. Казань, 1926. Вып. 2. (Отд. оттиск). С. 1—10; *Томан И. Б.* И. С. Тургенев и немецкая культура // Тургеневский сборник. М., 1998. Вып. 1. С. 32—42; *Богданов Б. В.* Учеба И. С. Тургенева в Берлинском университете // Тургеневский сборник. М., 2004. Вып. 2. С. 77—86.

[7] Имеется в виду Т. Н. Грановский. См. п. 7, примеч. 25.

[8] См. п. 7, примеч. 9.

[9] По всей видимости, речь идет о п. 2, в котором В. П. жаловалась на неудовлетворительное, по ее мнению, содержание писем сына.

[10] От франц. *la renonce* — зд. отказ, карточный термин, означающий отсутствие какой-либо масти на руках у игрока.

[11] Речь идет о 1000 рублей, которые 25 окт. ст. ст. Н. С. Тургенев по поручению В. П. выслал брату ко дню рождения из Петербурга в Берлин: «...посылаю тебе 1000 <рубл>ев денег не в зачет твоего жалования. — Я думаю, что эта палочка с 3-мя нулями лучше будет всех возможных exorde'ов (вступлений. — *франц.*)! Не правда ли?? 500 <рубл>ев из этих денег посылает тебе мамаша на часы, а 500 <рубл>ев посылает тебе дядя <...> Дай Бог тебе, Jean, здоровия, а то мы как-нибудь пособьемся деньгами и в нужде тебя не оставим. Мамаша на тебя сердилась, потом мирилась, потом опять сердилась — говорила, что много тратишь пекунии, а там заплакала да 500 <рубл>ев на *часы* и послала» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 1). В недошедшем письме, на которое отвечает В. П., И. С., по всей видимости, благодарил ее за дополнительно (помимо установленного содержания) присланные деньги и признался, что на тот момент у него оставалось 12 коп. В. П. сообщила об этом Н. С. Тургеневу, который в следующем письме к брату от 16 дек. ст. ст. укорял его в неразумной трате денег (см. п. 3, примеч. 16).

[12] См. п. 2, примеч. 30.

[13] Лицо неустановленное.

[14] По всей видимости, речь идет о старшем секретаре миссии в Берлине и при Дворе великого герцога Мекленбург-Шверинского надворном советнике *Иване Петровиче Озерове*.

[15] Вероятно, имеется в виду состоявший при миссии в Берлине генерал-майор, генерал-адъютант *Александр Павлович Мансуров* (1788—1880), возможно, дальний родственник со стороны матери Тургенева.

[16] См. п. 3, примеч. 5.

[17] Какое произведение имеется в виду, установить не удалось.

[18] Возможно, имеется в виду «Новый лексикон на французском, немецком, латинском и российском языках» С. А. Волчкова в 2 ч. (СПб., [1755]—1764) или «Новый лексикон, или словарь на французском, италианском, немецком, латинском и российском языках, содержащий в себе полное собрание всех употребительных слов с самым точнейшим оных на другие четыре языка переводом...» И. В. Соца в 2 ч. (М., 1784—1787). Оба эти издания сохранились в *Б-ке Тургенева* (см.: *Каталог Б-ки Т.* С. 64—65, 172—173). Указано Л. А. Балыковой.

[19] Очевидно, имеется в виду п. 7, конец которого утрачен.

[20] Речь идет о книге франц. писателя, критика и журналиста *Жюля Габриеля Жанена* (1804—1874) «Contes fantastiques et contes littéraires» (в 4 т.), вышедшей в Париже в 1832 (в *Б-ке Тургенева* не сохранилась).

[21] В. П. имеет в виду понравившуюся ей новеллу из т. 4 «Contes fantastiques et contes littéraires» — «La Soirée poétique», в которую включены стихотворения о любви. В осно-

ве ее незамысловатого сюжета — посещение группой молодых людей спектакля, автором которого является их товарищ. По окончании пьесы все испытывают разочарование, поскольку произведение, с которым они были уже знакомы, прозвучало в шумном зале совсем иначе, хотя и имело успех у публики. Шум толпы, выкрики и пр. утомили друзей, кроме того, пьеса была написана прозой, в то время как, по выражению одного из героев, «лишь стихи являются подлинным языком страсти, голосом как счастливой, так и несчастной любви». Обсуждение преимуществ пьес, написанных стихами, перешло в импровизацию, в которой по очереди принимают участие четверо из собравшихся, выражая собственные переживания и создавая на глазах у слушателей подлинную драму. Эта коллективная импровизация, созданная «не для толпы, а для избранных», и является настоящим сюжетом новеллы. Очевидно, В. П. выписала для сына несколько фрагментов поэтического текста, находя в нем параллели к собственным переживаниям, надеясь, что поэтические строки более достигнут своей цели, нежели ее постоянные жалобы и упреки. «Je t'aime! encor ce mot, tu ne peux t'en défendre, / Car ce n'est pas d'espoir que je te viens parler; / Mais je souffre: à tes pieds, ah! laisse-moi répendre / Des larmes pour me consoler» («Люблю! Люблю навек, куда тебе укрыться, / Защиты нет, люблю, как и надежды нет, / Страдаю, но позволь у ног твоих пролиться / Слезам моим, раз утешенья нет»). Возможно, для В. П. особую значимость имели следующие стихи: «Oui, ton âme est de feu, mais ton esprit de glace. / L'harmonieux aveu d'un amour inventé / Te touche; et tu te ris d'un amour sans grâce, / Et nu comme la vérité. // Et celui-là sera ton maître et ton idole, / Qui chantera le mieux son amour éclatant; / Et moi, qui donnerais ma vie à ta parole, / Tu me dira: Va-t'en. // Car moi je ne suis rien qu'un malheureuse qui t'aime, / Créé pour faire un nombre arrêté par le sort; / Ignoré dans ma vie, et qui ne sais pas même / Si quelqu'un apprendra ma mort» («Душа твоя пылка, но разум лед и ветер. / Признание в стихах кокетки записной / Так трогает тебя, но смех простушку встретит, / Нагую правду истины святой. // Тот станет идолом и править будет снова, / Кто лучше воспоет превратности любви, / А я, что отдала б и жизнь свою за слово, / Услышу от тебя: Уйди. // Ведь кто я? Я никто, страдалица, кто любит, / Былинкам несть числа, гонимыми судьбой, / Безвестной прожила, не зная, что там будет, / Заметит ли он смерть, ту, что придет за мной».

[22] По всей видимости, речь идет о франц. издании путеводителя Рейхарта по Берлину, Потсдаму и их окрестностям (см. п. 1, примеч. 10), купленном С. Н. Тургеневым (и с его пометами) в Берлине в 1822.

[23] *Линден Аллея* (die Lindenalle), ныне Unter den Linden (под липами. — *нем.*) — главная улица (шириной 54 м и длиной 1206 м) части Берлина, известной как Доротеенштадт, излюбленное место прогулок; берет начало от Бранденбургских ворот у Парижской площади и тянется до площади Оперы, получила название от двойной липовой аллеи, вдоль которой располагались дворцы и роскошные здания. На другом конце Линден Аллеи находились дворец, построенный Фридрихом Вильгельмом III в 1834—1836, Опера, Королевская библиотека и здание университета.

[24] *Шарлотенбург* (Schloß Charlottenburg) — дворец, который бранденбургский курфюрст Фридрих III (с 1701 король Пруссии Фридрих I) распорядился построить в качестве летней резиденции для своей супруги Софии Шарлотты (Sophie-Charlotte; 1668—1705). Первоначально дворец носил название Литценбург (нем. Lietzenburg), после смерти С.-Ш. в 1705 был переименован в Шарлотенбург. Дворец неоднократно перестраивался, является одним из наиболее изысканных примеров архитектуры барокко в Берлине. Рисунок В. П. не сохранился.

[25] *Лукина* — по всей видимости, жена чернского помещика, соседа Тургеневых и записного охотника, о котором упоминает в своих воспоминаниях Л. В. Кривцов: «Из охот, славившихся у нас в мое время, я назову охоты — Ермолова, Черемисинова, Трубицина, Сухотина, Офросимова, Михнева, Лукина, — а если бы не существовало у нас язвительной поговорки „всяк кулик свое болото хвалит", — то к этому перечню я примазал бы и свою фамилию» (*Белевич Н.* Из воспоминаний «деда» // Охота. 1892. 15 июня. № 20. С. 3). Вероятно, у этого же Лукина, державшего конный завод, С. Н. Тургенев купил не-

скольких лошадей в 1817, когда он был командирован от полка для закупки ремонта (см.: Сборник биографий кавалергардов. Т. 3. С. 239).

[26] Речь идет о бумажной фабрике в с. Тургенево. См. п. 1, примеч. 27.

[27] См. п. 1, примеч. 29.

[28] Имеются в виду Е. П. Тургенева и дети ее старшего сына А. Н. Тургенева. См. п. 5, примеч. 19.

[29] От франц. *poissard* — зд. базарный.

[30] *Дядя* — Н. Н. Тургенев.

[31] Речь идет о Е. А. Сорокиной. См. п. 1, примеч. 38.

[32] М. Т. Сливицкая. См. п. 1, примеч. 40.

[33] Е. П. Тургенева покинула Спасское вместе со всем семейством 13 (25) дек. См. п. 13.

[34] См. п. 8 и примеч. 8 к нему.

[35] А. Н. Тургенев возвратился в свое имение Большой Суходол Богородицкого у. Тульской губ.

[36] С. А. Дунаевская. См. п. 1, примеч. 4.

[37] Это письмо Н. С. Тургенева не сохранилось. См. п. 5, примеч. 28.

[38] *Ганичев Петр Яковлевич*, полковник, впоследствии генерал-майор, с июня 1832 по янв. 1844 командир л.-гв. конной артиллерии. В письме к брату от 16 дек. Н. С. Тургенев сообщал: «Кстати о службе скажу тебе, что г. Ганичев получил звезду Станислава» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 90. Л. 4 об.). Г. упоминается в письмах С. Н. Тургенева к сыну Николаю Сергеевичу. См.: *РО ИРЛИ*. Ф. 93. Оп. 3. № 1286, а также: *Клеман М. К.* Отец Тургенева в письмах к сыновьям // Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб., 1921. С. 141.

[39] См. п. 4, примеч. 8.

[40] См. п. 2, примеч. 21, а также п. 13.

[41] Как следует из дальнейших писем В. П., летние каникулы 1839 Тургенев намеревался провести, путешествуя по Италии (см. п. 11, 13 и 14). В свою очередь, В. П. планировала выехать вместе со своей воспитанницей В. Н. Богданович и несколькими сопровождающими за границу к сыну и там либо сопутствовать в его поездке по Италии, либо дождаться его возвращения в Берлине, однако пожар в Спасском в мае 1839 окончательно помешал осуществлению этих планов. Как видно из письма Н. Н. Тургенева к И. С. от 14 нояб. ст. ст. 1838, еще до пожара финансовое положение Тургеневых было далеко не благополучным, что делало поездку В. П. за границу неразумной в глазах Н. Н.: «Теперешнее присутствие мамаши в Спасском положительно можно сказать, что остановило совершенное разрушение нашего состояния. Твой отъезд за границу, братнина служба и разные от многих прошедших лет домашние упущения требовали во все места денежные большие расходы. Едва успевал добывать, а если б еще мамаша не жила бы в Спасском, тогда бы я не имел никаких возможностей. Теперь, слава Богу, я несколько отдохнул — одно еще меня ужасно беспокоит, что она собирается будущим летом к тебе в Берлин. Не знаю, какая будет польза, а быть может, большие неприятности, кроме денежных издержек, ущерб здоровья <...> на сие письмо я бы желал твоего ответа, но! только не вздумай писать к мамаше, ты можешь ее очень огорчить, написавши, чтоб она к тебе не ездила» (*ОР РНБ*. Ф. 795. № 89. Л. 2 об.—3).

[42] По всей видимости, имеется в виду мраморное скульптурное надгробие (работы К.-Д. Рауха) рано ушедшей из жизни прусской королевы, супруги Фридриха Вильгельма III (1770—1840) *Луизы* (Августы Вильгельмины Амалии), которое было уставлено в Мавзолее в парке Шарлотенбурга и считается шедевром немецкой скульптуры.

[43] *Павлиний остров* (нем. Pfaueninsel) расположен на р. Гавель (Havel), в предместье Берлина, служил резиденцией Фридриха Вильгельма III, среди достопримечательностей дворец и ландшафтный парк (архитектор П.-Й. Ленне) с обширной коллекцией редких растений и животных, популярное место отдыха.

[44] См. п. 1, примеч. 35.

Аксаков — Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 4 т. / Подготовка текста и примеч. С. Машинского. М., 1955—1956.

Анненков. Письма — Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005 (Лит. памятники).

БдЧ — журнал «Библиотека для чтения».

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.; Л., 1953—1959.

ВЕ — журнал «Вестник Европы».

ГАОО — Государственный архив Орловской области (Орел).

Гёте — Гёте И.-В. Собр. соч.: В 10 т. / Под общ. ред. Н. Вильмонта, Б. Сучкова, А. Аникста. М., 1975—1980.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. 2-е изд. СПб.; М., 1880—1882 (Репринт 1978 г.).

Достоевский — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972—1990.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Леонтьев — Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2000—2006 (Изд. продолжается).

ЛН — Литературное наследство. М., 1931—2008. Т. 1—103 (Изд. продолжается).

Летопись — Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева: В 5 кн. СПб., 1995. Кн. 1 (1818—1858) / Сост. Н. С. Никитина; СПб., 1997. Кн. 3 (1867—1870) / Сост. Н. Н. Мостовская; СПб., 1998. Кн. 4 (1871—1875) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская; СПб., 2005. Кн. 5 (1876—1883) / Авт.-сост. Н. Н. Мостовская (Изд. продолжается).

Москв. — журнал «Москвитянин».

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л./СПб., 1981—2000.

Н Вр — газета «Новое время».

ОЗ — журнал «Отечественные записки».

ОР РНБ — Отдел рукописей *РНБ*.

ПФА РАН — Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

ПССиП(1) — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л., 1961—1968.

ПССиП(2) — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1978—2003 (Изд. продолжается).

Пушкин — Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1949.

РА — журнал «Русский архив».

РВ — журнал «Русский вестник».

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Российская государственная библиотека (Санкт-Петербург).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург).

РЛ — журнал «Русская литература».

Р Мысль — журнал «Русская мысль».

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург).

РО ИРЛИ — Рукописный отдел *ИРЛИ*.

РСт — журнал «Русская старина».

Совр. — журнал «Современник».

СПб Вед. — газета «Санкт-Петербургские ведомости».

Т в восп. — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников: В 2 т. / Вступит. ст. С. М. Петрова, сост. и подготовка текста С. М. Петрова, В. Г. Фридлянд. М., 1983.

Т Сб — Тургеневский сборник: Материалы к Полн. собр. соч. и писем И. С. Тургенева. М.; Л., 1964, 1966. Вып. 1—2. Л., 1967, 1968, 1969. Вып. 3—5.

Толстой — Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное изд.): В 90 т. М.; Л., 1928—1958.

Тургенев. Переписка — Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. / Вступит. ст. Н. С. Никитиной, сост. и коммент. В. Н. Баскакова, Т. П. Голованової, Е. И. Кийко и др. М., 1986.

Фет. МВ — Фет А. Мои воспоминания. 1848—1889: В 2 ч. М., 1890.

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1939—1953.

BN — Bibliothèque Nationale (Paris).

Cahiers — Cahiers Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot, Maria Malibran. Paris, 1977—2003. N 1—27 (Изд. продолжается).

Lettres inéd. — Tourguénev I. Lettres inédites à Pauline Viardot et à sa famille / Publiées et annotées par H. Granjard et A. Zviguilsky. Lausanne, 1972.

Mazon — Mazon A. Manuscrits parisiens d'Ivan Tourguénev. Notices et extraits. Paris, 1930. (Сер. «Bibliothèque de l'Institut Français de Léningrad», t. 9).

Nouv. corr. inéd. — Tourguénev I. Nouvelle correspondance inédite / Textes recueillis, annotés et précédés d'une introduction par A. Zviguilsky. Paris, 1971. T. 1; Paris, 1972. T. 2.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. На фронтисписе — Л. Н. Назарова. Фотография 1957 г. Литературный музей *ИРЛИ*.

2. С. 24 — Титульный лист журнала «Утренний свет» за 1780 г. Мемориальная библиотека И. С. Тургенева (*ОГЛМТ*).

3. С. 25 — Титульный лист журнала «Городская и деревенская библиотека» за 1783 г. Мемориальная библиотека И. С. Тургенева (*ОГЛМТ*).

4. С. 206 — Письмо И. С. Тургенева к А. А. Фету от 5—7 декабря ст. ст. 1859 г. Вторая страница. Рукописный отдел *ИРЛИ*.

5. С. 271 — Письмо И. С. Тургенева к Э.-В. Паландеру от 8 (20) марта 1882 г. Воспроизводится по факсимиле, хранящемуся в *РГАЛИ*.

6. С. 272 — Титульный лист финского издания романа И. С. Тургенева «Накануне» в переводе К.-С. Ахониуса (Хельсинки, 1883). Воспроизводится по факсимиле, хранящемуся в *РГАЛИ*.

7. С. 273 — К.-С. Ахониус.

8. С. 276 — План генерального межевания земель, принадлежавших И. А. и М. И. Лутовиновым. 1778 г. *РГАДА*.

9. Там же — План генерального межевания земель церковно- и священнослужителей. 1778 г. *РГАДА*.

10. С. 277 — Совмещенные планы межевания земель Лутовиновых и земель церковно- и священнослужителей 1778 г. с границами современной усадьбы.

11. С. 278 — Фрагмент плана размежевания земель между братьями Лутовиновыми (земли, выделенные А. И. Лутовинову на Спасской горе). После 1785 г. *РГАДА*.

12. Там же — Язык колокола, найденный на месте предполагаемого расположения церкви Спаса Преображения. Фотография Ю. И. Зуева.

13. С. 281 — А. И. Стронин. Фотография Я. Мешковского. 1876 г. Варшава. Отдел рукописей *РНБ*.

14. С. 303 — Л. Леже. Гравюра. Литературный музей *ИРЛИ*.

15. С. 329 — С. Д. Карпов. Фрагмент рисунка из альбома, хранящегося в *ОГЛМТ*.

16. С. 330 — Рисунок бала из альбома, хранящегося в *ОГЛМТ*.

17. С. 331 — Рисунок битвы на шахматном поле из альбома, хранящегося в *ОГЛМТ*.

18. С. 391 — И. М. Гревс. Фотография Д. С. Здобнова. Санкт-Петербург. Литературный музей *ИРЛИ*.

19. С. 400 — Е. Е. Ламберт. Фотография 1880-х гг. Литературный музей *ИРЛИ*.

20. С. 454 — А. И. Батюто. 1948 г. Фотография из личного архива С. А. Батюто.

21. С. 502 — В. П. Тургенева. Миниатюра неизв. художника. Частный архив.

22. С. 512 — Вид г. Бибриха. Гравюра. Отдел рукописей *РНБ*.

23. С. 515 — И. С. Тургенев. Гравюра с акварельного портрета неизв. художника. 1838 г. Гамбург. Воспроизводится по: *ВЕ*. 1884. № 1.

24. С. 519 — С. Н. Тургенев. Портрет неизв. художника. 1812–1813 гг. <?> Музей-заповедник Спасское-Лутовиново.

25. С. 532 — Письмо В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу от 23 августа (4 сентября) 1838 г. Первая страница. Отдел рукописей *РНБ*.

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ЗАМЫСЛОВ И. С. ТУРГЕНЕВА

«Автобиография», *автобиогр. очерк* — 351
«Андрей Колосов» — 248, 259
«Ася» — 46, 62, 84, 180, 270, 273, 360, 419, 445

«Бежин луг» — См. «Записки охотника»
«Бирюк» — См. «Записки охотника»
«Бригадир» — 83, 133, 134, 333
«Бурмистр» — См. «Записки охотника»

«В. Н. Б.» («Когда в весенний день, о ангел мой послушный...») — 35
«Вечер в Сорренте» — 176, 180
«Вешние воды» («Spring Floods») — 211, 229
«Вильгельм Телль, драматическое представление в пяти действиях, соч. Шиллера. Перевод Ф. Миллера. Москва, 1843 г.», *рец.* — 50
«Вместо вступления» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Воспоминания о Белинском» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
<«Воспоминания о Н. А. Милютине»>, *неосуществл. замысел* — 336
<«Воспоминания о Шевченке»> — 238
«Встреча моя с Белинским» — 255

«Гамлет и Дон-Кихот» («Hamlet and Don Quixote»), *статья* — 54, 234
«Гамлет Щигровского уезда» — См. «Записки охотника»
«Где тонко, там и рвется» — 148
«Генерал-поручик Паткуль. Трагедия в пяти действиях, и в стихах. СПб. Сочинение Нестора Кукольника», *рец.*— 385
«Гоголь» — См. «Литературные и житейские воспоминания»

«Два поколения», роман — 54, 355
«Два помещика» — См. «Записки охотника»
«Два слова о Грановском. Письмо к редакторам „Современника"» — 575
«Дворянское гнездо» («Liza», «Une nichée de gentilshommes») — 35, 37, 76, 77 («diese Novelle», «этой повести»), 81 («le „Nid"», «Гнездо»), 121—123, 132, 134, 135, 137—141, 178, 180, 183, 221, 222, 227—232, 259, 354, 351, 378, 381, 392, 401, 407, 411, 419, 445 («большою повестью»)
«Деревня» («Люблю я вечером к деревне подъезжать...») — 100
«Дневник лишнего человека» — 132, 145—147
«Довольно» — 46, 283
«Дым» («La fumée», «Rauch», «Dunst», «Smoke, or Life at Baden», «Smoke») — 55, 64, 70, 71, 83, 85—91, 130, 222, 229, 238, 244, 364, 365, 370, 371, 376, 377, 392, 422, 529, 574

«Ермолай и мельничиха» — См. «Записки охотника»

«Жид» — 82, 363, 364

«Загадка» («Я быстрой молнией лечу...») — 21
<«Записка о крепостном праве»> — См. <«Etude sur la situation des serfs en Russie»>
<«Записка об издании журнала „Хозяйственный указатель"»> — 424
«Записки охотника» («Russian Life in the Interior», «Aus dem Tagebuch eines Jägers») —53, 62, 63, 68 («un livre excellent», «превосходной книги»), 70, 74, 76, 77, 78, 80, 93, 94, 95, 100—104, 106—108, 110, 143, 144, 147, 148, 158, 191, 210—212, 222—224, 237, 244, 248, 251, 259, 353, 359, 361, 364, 367, 368, 373, 375, 376, 381, 386, 413, 423, 446, 447, 502, 521, 526, 528, 567, 568
«Бежин луг» — 148, 149, 294, 525
«Бирюк» — 59, 75 («перевод»), 93, 94, 361
«Бурмистр» — 361
«Гамлет Щигровского уезда» — 133, 145—147, 573
«Два помещика» — 110, 133
«Ермолай и мельничиха» — 104, 105, 108—111, 361
«Касьян с Красивой Мечи» — 111
«Конец Чертопханова» — 333, 337
«Контора» — 367
«Лебедянь» — 361
«Льгов» — 109, 148
«Малиновая вода» — 80 («traduction», «перевод»), 100, 361, 528

«Мой сосед Радилов» — 106, 133
«Однодворец Овсяников» — 37, 106, 148, 359, 568
«Певцы» — 191, 361, 525
«Петр Петрович Каратаев» — 361
«Свидание» — 148, 525
«Смерть» — 361, 567
«Степушка», *неосуществл. замысел* — 528
«Стучит!» — 382
«Татьяна Борисовна и ее племянник» — 361
«Туман», *неосуществл. замысел* — 528
«Уездный лекарь» — 106, 536
«Хорь и Калиныч» — 95, 100, 101, 103—106, 110, 148, 361, 373
«Чертопханов и Недопюскин» — 100, 133, 148
«Записки ружейного охотника Оренбургской губернии. С. А—ва. Москва, 1852 (Письмо к одному из издателей «Современника»)», *рец.* — 29
«Затишье» — 30, 119, 140, 141

«Иван Сергеевич Тургенев», *автобиогр. очерк* — 262, 263, 351
«История лейтенанта Ергунова» — 61

«К А. С.» («Я вас знавал… тому давно…») — 35
«Казнь Тропмана» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Касьян с Красивой Мечи» — См. «Записки охотника»
«Клара Милич (После смерти)» («После смерти») — 38, 238, 240, 247
«Когда в весенний день, о ангел мой послушный…» — См. «В. Н. Б.»
«Когда я один… (Двойник)», *стих. в прозе* — 239
«Конец» — См. «Une fin»
«Конец Чертопханова» — См. «Записки охотника»
«Контора» — См. «Записки охотника»
«Крокет в Виндзоре» («Сидит королева в Виндзорском бору…») — 382

«Лебедянь» — См. «Записки охотника»
«Литературные и житейские воспоминания» — 33, 95, 251, 351, 368, 416, 423, 446, 529
«Вместо вступления» — 368
«Воспоминания о Белинском» — 238, 244, 252—255, 257, 259, 368, 381, 445
«Гоголь (*Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин*)» — 368
«Казнь Тропмана» — 17, 369, 384
«Литературный вечер у П. А. Плетнева» — 368
«Москва и Берлин», *неосуществл. замысел* — 368
«Наши послали!» — 29, 333, 368
«О соловьях» — 368, 369, 526
«Поездка в Альбано и Фраскати» — 368
«По поводу „Отцов и детей"» — 368
«Пэгаз» — 369
<«Семейство Аксаковых и славянофилы»>, *незаверш.* — 238, 368, 369
«Человек в серых очках» — 29, 84, 368, 369
«Льгов» — См. «Записки охотника»

«Мемориал», *автобиогр. записи* — 367, 373, 527, 552, 567
«Месяц в деревне» — 116—118, 174, 175, 178, 181, 382
«Мирович», *либретто на нем. яз.* — 238
«Мой сосед Радилов» — См. «Записки охотника»
«Москва и Берлин» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Муму» — 65, 223, 354, 367, 576

<Н. С. Тургеневу> («Напрасно, добрый милый брат…»), *незаверш.* — 546
<Набросок автобиографии> («Мне 17 лет…») — 524
«Накануне» («Elena», «On the Eve») — 46, 74, 123—126, 130, 180, 202, 222, 229, 248, 272—274, 360, 375, 419—421, 440, 446 («романа»)
«Напрасно, добрый милый брат…» — См. <Н. С. Тургеневу>
«Нахлебник» — 174, 178
«Наши послали!» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине» — 29
«Несчастная» — 62, 63 («meine neueste Novelle», «мою новую повесть»), 71, 33
«Новь» («Virgin Soil») — 30, 55, 57, 63, 85, 130, 132, 140, 223, 229, 238, 293—295, 324, 333, 377, 382, 395 («Вашего детища»)

«Образчик старинного крючкотворства. Из письма к издателю <„Русского архива">» — 354 («Просьбы Оленина»)

«О соловьях» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Однодворец Овсяников» — См. «Записки охотника»
«О современной русской литературе. Пушкин. — Лермонтов. — Гоголь» — См. «De la littérature russe contemporaine. Pouchkine. — Lermontoff. — Gogol»
«Отрывки из воспоминаний — своих и чужих» — 534
«Старые портреты» — 135, 136, 382, 546
«Учителя и гувернеры», *неосуществл. замысел* — 534
«Отцы и дети» («Fathers and Sons») — 32, 73 («перевод»), 74, 82, 83 («роман»), 126—130, 183—192, 222, 229, 238, 245, 248, 259, 273, 324, 350, 364, 374—378, 381, 421, 422, 489 («роман»), 499
«Отчаянный» — 8

«Параша», *поэма* — 152, 247
«Певцы» — См. «Записки охотника»
«Первая любовь» («Erste Liebe», «First Love») — 68, 69 («повесть»), 70, 119, 124, 223, 273, 422, 503
«Переписка» — 140, 405
«Песнь торжествующей любви» («Le chant de l'amour triomphant») — 85, 225, 382
«Петр Петрович Каратаев» — См. «Записки охотника»
«Петушков» — 82
«Письмо из Петербурга» <о смерти Гоголя> («некролог Гоголю») — 354
«Письмо к редактору <„Вестника Европы"> по поводу смерти гр. А. К. Толстого» — 380
«Племянница. Роман, соч. Евгении Тур. 4 части. Москва, 1851», *рец.* — 42
«Повести, сказки и рассказы Казака Луганского. Санкт-Петербург. В Гуттенберговой тип. 1846. Четыре части», *рец.* — 372, 373
«Поездка в Альбано и Фраскати» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Поездка в Полесье» («Ein Ausflug in die Waldregion», «Deux journées dans les Grand-Bois») — 66, 70
«Пожар на море» («Пожар», «Пожар „Николая I»») — См. «Un incendie en mer»
«Помещик», *поэма* — 52, 152, 352, 353, 359, 566
«По поводу „Отцов и детей"» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Последний колдун» — См. «Le dernier des sorciers»
«Постоялый двор» («L'auberge de grand chemin») — 71, 81
<«Предисловие и послесловие к очерку И. Я. Павловского „En cellule. Impressions d'un nihiliste"»>, *не сохр.* — 316
«Призраки» — 67, 71, 72, 75, 84, 287 («сказка»), 132, 283, 284, 422, 444
«Провинциалка» — 174, 180, 181
«Просьбы Оленина» — См. «Образчик старинного крючкотворства. Из письма к издателю <„Русского архива">»
«Пунин и Бабурин» («Púnin and Babúrin») — 41, 132, 223, 377, 574
«Путешествие по святым местам русским. С.-Петербург, в тип. III отд. собствен. е. и. в. канцелярии, 1836 года», *рец.* — 41, 47
«Пэгаз» — См. «Литературные и житейские воспоминания»

«Разговор», *поэма* — 249—251, 254, 259
«Разговор» — См. «Стихотворения в прозе»
«Рассказ отца Алексея» — 238
<«Речь на Высших женских педагогических курсах в ноябре 1876 г.»> — 299
<«Речь на обеде профессоров и литераторов 13/25 марта 1879 г.»> — 282, 290, 291
<«Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве»> — 256, 357
<«Роман о русских и французских революционерах»>, *неосуществл. замысел* — 223, 224
«Рудин» («Dimitri Roudine») — 119—121, 140, 141, 229, 244, 248, 324, 378, 574

<«Самист»>, *неосуществл. замысел романа* — 317, 324, 326, 327
«Свидание» — См. «Записки охотника»
«Сей памятник огромный горделивый...», *незаверш. стих.* — 572
<«Семейство Аксаковых и славянофилы»> — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Сидит королева в Виндзорском бору...» — См. «Крокет в Виндзоре»
«Смерть» — См. «Записки охотника»
«Смерть Ляпунова. Драма в пяти действиях в прозе. Соч. С. А. Гедеонова. Санкт-Петербург. 1846. В тип. имп. Академии наук», *рец.* — 385

«Собака» («Le Chien») — 84
«Собственная господская контора (Отрывок из неизданного романа)» — 132, 525, 551
«Современные заметки» — 352
«Сон» — 377
«Старые портреты» — См. «Отрывки из воспоминаний — своих и чужих»
«Старый помещик» («Вот и настал последний час...») — 100
«Степной король Лир» («A King Lear of the Steppe») — 26, 30, 179, 180, 229, 333, 380
«Степушка» — См. «Записки охотника»
«Стихотворения в прозе» — 85
«Разговор» — 536
«У-а... У-а!» — 536
«Стучит!» — См. «Записки охотника»

«Татьяна Борисовна и ее племянник» — См. «Записки охотника»
«Три встречи» — 140, 141, 158, 273, 353
«Три портрета» — 140, 152, 359
«Туман» — См. «Записки охотника»

«У-а... У-а!» — См. «Стихотворения в прозе»
«Уездный лекарь» — См. «Записки охотника»
«Учителя и гувернеры», *неосуществл. замысел* — См. «Отрывки из воспоминаний — своих и чужих»

«Фауст» («Faust: A Story in Nine Letters»), *повесть* — 60, 65, 66, 119, 132, 137, 139—141, 223, 234
«Фауст, трагедия, соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. В привилегированной типографии Фишера. Санкт-Петербург. В 8-ю д. л., 17 и 432 стр.», *объявление* — 51
«Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко. 1844. Санкт-Петербург», *рец.* — 50, 51
«Филиппо Стродзи», *поэма* — 384, 385

«Холостяк» — 148, 174, 178, 179
«Хорь и Калиныч» — См. «Записки охотника»

«Часы» — 377, 380, 381
«Человек в серых очках» — См. «Литературные и житейские воспоминания»
«Чертопханов и Недопюскин» — См. «Записки охотника»

«Я быстрой молнией лечу...» — См. «Загадка»
«Я вас знавал... тому давно...» — См. «К А. С.»
«Яков Пасынков» — 62, 65, 140, 551

«De la littérature russe contemporaine. Pouchkine. — Lermontoff. — Gogol» («О современной русской литературе. Пушкин. — Лермонтов. — Гоголь»), *статья* — 45, 78, 257, 258
<«Etude sur la situation des serfs en Russie»> (<«Записка о крепостном праве»>) — 39
«History of a town. Edited by M. E. Saltykoff (Istoriya odnogo goroda.) St.-Petersburg. 1870» («История одного города. Издал М. Е. Салтыков. С.-Петербург, 1870), *рец.* — 67
«Krilof and his Fables. By W. R. S. Ralston. Third edition, greatly enlarged» («Крылов и его басни. Пер. В. Р. Рольстона. 3-е издание, значительно расширенное»), *рец.* — 60
«Le dernier des sorciers» («Le dernier sorcier», «Последний колдун»), *либретто* — 56
«Nouvelles Moscovites» («Московитские новеллы»), *сб.* — 83
«Natalia Karpovna» («Наталиа Карповна»), *неосуществл. замысел* — 562 («незавершенной повести»)
«Nouvelles Scènes de la vie russe» («Новые сцены из русской жизни»), *сб.* — 69, 124
«Une fin» («Конец») — 80
«Un incendie en mer» («Пожар на море») — 237, 238, 369, 514, 528, 562
«Scènes de la vie russe» («Сцены из русской жизни»), *сб.* — 65, 78, 81

ИЗ БАЙРОНА

«Манфред» («Manfred»), *не сохр.* — 52
«Тьма» («Darkness») («Я видел сон… Не всё в нем было сном…») — 52

ИЗ ГЁТЕ

<«Песня Клерхен из трагедии Гёте „Эгмонт"»> («Clärchen's Lied», «Egmont») («Одной лишь любовью…») — 52
«Последняя сцена первой части „Фауста"» («Faust») — 52
«Римская элегия (*Гёте. XII*)» («Römische Elegien») («Слышишь? веселые клики с фламинской дороги несутся…») — 52

ИЗ ГОГОЛЯ

«Nouvelles russes» («Русские повести) — 78, 79
«Tarass Boulba» («Тарас Бульба») — 58
«Un Ménage d'autrefois» («Старосветские помещики»)
«Les Mémoires d'un Fou» («Записки сумасшедшего»)

ИЗ МАРКО ВОВЧКА (М. А. МАРКОВИЧ)

«Институтка» («Інститутка») — 55
«Украинские народные рассказы» («Народні оповідання») — 55

ИЗ ЛЕРМОНТОВА

«Le Novice» («Мцыри»), *при участии Л. Виардо и П. Мериме* — 81

ИЗ ЭДУАРДА МЁРИКЕ

«На заре» («In der Frühe») («Сон не коснулся глаз моих…»), *романс* — 56
«Разлука» (по мотивам «Heimweh») («О разлука, разлука!..»), *романс* — 56

ИЗ А. де МЮССЕ

<«Песня Фортунио из комедии Мюссе „Подсвечник"»> («Le Chandelier») («Не ждете ль вы, что назову я…») — 52

ИЗ ШАРЛЯ ПЕРРО

«Волшебные сказки» («Les contes de fées») — 49, 53
«Волшебница» — 53, 54
«Синяя борода» — 53, 54

ИЗ РИХАРДА ПОЛЯ

«Разгадка» («Räthsel») («Как приливала к сердцу…»), *романс* — 56

ИЗ ПУШКИНА

«Eugène Onéguine» («Евгений Онегин») — 84
«La fille du capitaine» («Капитанская дочка»), *при участии Л. Виардо* — 78
«Les poëmes dramatiques» («Драматические поэмы»), *при участии Л. Виардо* — 59, 78
«Boris Godounov» («Борис Годунов»)
«Le Baron avare» («Скупой рыцарь»)
«Mozart et Salieri» («Моцарт и Сальери»)
«La Roussalka» («Русалка»)
«L'Invité de pierre» («Каменный гость»)
«Poésies d'Alexandre Pouchkine traduites pour la première fois»
«L'Antchar (L'arbre de la mort)» («Анчар»)
«L'Opritchnik» («Какая ночь! Мороз трескучий…»)
«Au poète» («Поэту (Сонет)»
«Le Prophète» («Пророк»), *при участии Г. Флобера*

ИЗ СЕРВАНТЕСА

«Дон-Кихот», *не сохр.* — 54, 55
«Ринконет и Кортадильо» («Rinconete y Cortadillo»), *не сохр.* — 55

ИЗ УОЛТА УИТМЕНА

«Бейте, бейте, барабаны!..» («Beat! beat! drums!..», «Drum Taps») — 53

ИЗ ГЮСТАВА ФЛОБЕРА

«Иродиада» («Hérodias») — 57, 58
«Искушение святого Антония» («La tentation de St. Antoine») — 56

«Католическая легенда о Юлиане Милостивом» — См. «Легенда о св. Юлиане Милостивом»
«Легенда о св. Юлиане Милостивом» («La légende de St. Julien l'Hospitalier», «Католическая легенда о Юлиане Милостивом») — 56, 57

ИЗ ШЕКСПИРА

«Король Лир» («King Lear»), *не сохр.* — 52
«Отелло» («Othello»), *не сохр.* — 52

АНОНИМНЫЙ ИСПАНСКИЙ ПЛУТОВСКОЙ РОМАН

«Ласарильо с Тормеса» («Lazarillo de Tormes»), *не сохр.* — 55

Абаза В. А. — 337, 339
Абаза А. А. — 332, 337
Абаза А. В. — 337
Абаза Н. С. — 337
Абаринова (наст. фам. Рейхельт) А. И. — 382
Абу (About) Э. — 216
Авдеев М. В. — 64, 179, 368
Авраамий (Палицын А. И.) — 263, 264
Агин А. А. — 351—353
Адамович Г. В. — 11
Адлерберг Н. А., гр. — 448
Азадовский К. М. — 309
Айнгорн Л. Э. — 544
Акопова Н. Н. — 523
Аксаков И. С. — 14, 98, 103, 107, 155, 192, 242, 246, 353—358, 394
Аксаков К. С. — 107, 110, 242, 246, 247, 353, 354, 356, 358
Аксаков С. Т. — 29, 95—103, 106—108, 110, 258, 353—355, 358, 386, 424, 525
Аксакова В. С. — 247, 258, 353
Аксаковы, семья С. Т. и О. С. Аксаковых — 132, 133, 238, 247, 353, 355, 356, 368, 369, 403
Алданов М. А. — 10
Александр Никитич — См. Шеншин А. Н.
Александр I Павлович, российский имп. с 1801 г. — 30, 31, 42 («император»), 128 («Александровского»), 341, 441, 546
Александр II Николаевич (Alexandre II), российский имп. с 1855 г.— 103, 305, 329, 336, 337, 379, 386, 399
Александр III Александрович, российский имп. с 1881 г. — 309
Александров А. — 391
Александров В. А. — 308
Александрова Л. А. — 20
Александрова Т. Г. — 552
Алексашка (Александр), дворовый В. П. Тургеневой — 510, 526
Алексеев М. П. — 5, 8, 41, 48, 49, 57—59, 68, 70, 173, 179, 182, 211, 220, 226, 230, 231, 234, 244, 256, 259, 260, 279, 361, 364, 372, 385, 396, 492, 496, 500, 536, 552
Алексеева — 168
Алексей Михайлович, русский царь с 1645 г. — 29
Алексина Р. М. — 516
Алексис (Alexis) П. — 217
Али (Александр), основатель династии Пороховщиковых — 341
Алифанов А. Т. («Афанасий», «Афонасий») — 510, 513, 526, 530
Алифанов, сын А. Т. Алифанова — См. Афанасьев И. А.
Алмазов Б. Н. — 242
Альбрехт Е. К. — 366
Аммон Н. И. — 444
Андреев Л. Н. — 13, 320, 322
Андреева А. А. — 444
Андреев-Бурлак (наст. фам. Андреев) В. Н. — 179
Андреевский С. А. — 344
Анке Н. Б. — 527
Анна Иоанновна, российская императрица с 1730 г. — 545
Анненков П. В. — 8, 23, 24, 29, 53, 54, 63, 79, 80, 89, 186, 197, 198, 205, 212, 242, 245, 246, 251, 260, 261, 291, 317, 355, 357, 358, 369, 372, 376, 384, 390, 392, 418—421, 423, 424, 429, 445, 446, 452, 494, 516, 546
Анненкова А. И., домовладелица — 520
Антокольский М. М. — 7, 9, 382
Антонова Г. Н. — 182
Антонович М. А. — 287
Анциферов Н. П. — 308, 317, 387, 388
Апраксин В. В. — 386
Апухтин А. Н. — 329, 342, 525
Апухтин В. Н. — 329
Апухтин П. П. — 538
Апухтина (ур. Скуратова) Е. А. — 538
Аргамакова (ур. Лутовинова) Е. И. — 367, 506, 521, 522, 531
Аргамакова (ур. Чапкина) О. В. — 520, 537, 560
Арен (Arène) П. — 215, 216
Арним (Arnim; ур. Брентано) Б. фон — 572
Арнольд Г. — 515
Аронсон Н. Л. — 9
Арсентьев К. К. — 290
Арцыбашев М. П. — 321, 327
Асланова Г. Д. — 160, 165

Ауэрбах (Auerbach) Б. — 361
Афанасьев Г., крестьянин — 166
Афанасьев И. А., сын А. Т. Алифанова — 526
Афанасьевы, дети А. Т. Алифанова — 526
Афанасьевы, семья — 526
Ахматова (ур. Горенко) А. А. — 11, 13
Ахмечет Л. Е. — 364, 365
Ахо (Aho; наст. фам. Бруфельдт) Ю. — 270, 273
Ахониус (Ahonius) К.-С. — 270, 272—274
Ахониус (Ahonius; ур. Хаартман) Ю.-С. — 273
Ахониус (Ahonius) К.-Ю. — 273
Ачкасов А. В. — 194
Ашихмина Е. Н. — 348, 561

Багратион Н. А., кн. — 448
Базанов В. Г. — 499
Базилевский В. И. — 176, 180
Байрон (Byron) Дж.-Г. — 52, 285, 305, 378 («байроновского»), 536
Бакарев В. А. — 358, 359
Бакунин А. А. — 250
Бакунин М. А. — 52, 250, 251, 253, 303, 399
Бакунин М. М. — 503
Бакунина Т. А., сестра М. А. Бакунина — 249, 389
Бакунина (ур. Голенищева-Кутузова) В. И. — 503
Бакунина Т. А. — См. Осоргина Т. А.
Бакунины, А. И. и Э. Н. — 10
Бакунины, семья А. М. и В. А. Бакуниных — 132
Балыкова Л. А. — 17, 20, 22, 42, 263, 265, 367, 372, 384, 504, 505, 516, 520, 525, 536, 539, 561, 574, 578, 583
Бальзак (Balzac) О. де — 566
Бальмонт К. Д. — 12, 311
Баратынский Е. А. — 44
Барду (Bardoux) А. — 217
Басманов П. Ф. — 265, 266
Баттс (Butts; ур. Мичелл) С. — 229
Батюто А. И. — 131, 182, 185, 186, 189, 194, 201, 205, 206, 244, 247, 248, 314, 315, 452—454, 465, 466, 492, 493, 499
Батюто С. А. — 452
Батюто Т. А., мать А. И. Батюто — 485
Батюто И. Е., отец А. И. Батюто — 485
Батюто Н. И., сестра А. И. Батюто — 465, 466, 475, 480
Батюшков К. Н. — 31, 32, 44, 96
Бахрушин Ю. А. — 360
Бачинский Е. Е. — 336, 337
Беер (в зам. Ржевская) Н. А. — 573
Бееры (Беры, Беэры), семья — 132
Безбородов В. П. — 287
Безобразов В. П. — 172
Бёк (Бок; Böck) Ф.-А. — 546
Бекетов А. Н. — 287
Беклемишева (ур. Пороховщикова) В. А. — 348
Белевич Н. — 526, 584
Белинская (ур. Орлова) М. В. — 23 («вдова»)
Белинский В. Г. — 21, 23, 28, 31—34, 39, 41, 50, 95, 111, 143, 149, 151, 153, 157, 238, 241—250, 252—261, 283, 288, 289, 352, 368, 373, 375, 381, 445, 452, 462, 468, 523, 573
Белоголовый Н. А. — 494
Белокопытова Е. С. — См. Тургенева Е. С.
Белокопытова А. С. — 398 («сестра жены»)
Белый Андрей (наст. имя Бугаев Б. Н.) — 312, 313
Бельчиков Н. Ф. («директор») — 455, 465, 468, 469, 471, 496
Беляев П., мещанин — 166
Беляев Ю. Д. — 176
Беневоленский И. — 564, 567
Бенедикт (Benedict) Ю., сэр — 225
Бенедиктов В. Г. — 261
Бенитцкий А. П. — 31
Беннигсен О. В., гр. — 348
Берберова Н. Н. — 11
Берг Н. В. — 359, 360
Бергамаско К. И. — 262
Бергсон (Bergson) А. — 123
Бердников Г. П. — 454, 495
Бердяев Н. А. — 11
Бере (Behre) Б.-Э. — 61, 62, 69, 70, 72—74, 76, 89
Беринг (Baring) М. — 364
Берков П. Н. — 495
Бернар (Bernard du Grail de la Villette) Ш. де — 566
Бернарден де Сен-Пьер (Bernardin de Saint-Pierre) Ж.-А. — 26
Берс Ал-др Е. — 530, 537, 553

Берс Андр. Е. — 512, 517, 521, 527, 530, 553 («отцу»), 561
Берс Евст. И. — 553
Берс (ур. Вульферт) Ел. И. — 517, 549, 553
Берс С. А. — См. Толстая С. А.
Берсы, семья — 530
Бескина А. А. — 369
Бессмертных М. — 308
Бестужев-Марлинский А. А. — 261, 525
Бетховен (Beethoven) Л. ван — 381
Бир (Byr) Р. (наст. имя Байер К.-Р. фон) — 69
Битюгова И. А. — 351, 364, 452, 453, 484
Биша (Bichat) М.-Ф.-К. — 365
Благой Д. Д. — 112
Благосветлов Г. Е. — 287
Блан (Blanc) Л. — 251, 288
Бларамберг Е. И. (в зам. Апрелева; псевд. Е. Ардов) — 370
Блок А. А. — 13, 311, 327
Блок Г. П. — 160
Блохин С. А. — 348
Блохина К. — 347, 348
Блудов Д. Н., гр. — 528
Богарне (Beauharnais) Г. де — 508, 520
Богарне (Beauharnais) Ж. де — 520
Богатырев, знакомый А. А. Фета — 164
Богданов Б. В. — 18, 22, 358, 359, 527, 546, 583
Богданович И. Е. — 24, 28
Боголюбов А. П. — 7, 8, 316, 317, 363
Богословский Н. В. — 244
Боденштедт (Bodenstedt; ур. Остервальд) М. — 65
Боденштедт (Bodenstedt) Ф. — 55, 60, 61, 65, 66, 69, 71, 72, 75
Бокова В. М. — 252
Больтц (Boltz) А. — 361
Бонапарт (Bonaparte) Жером, младший брат Наполеона I Бонапарта — 371
Бонапарт (Bonaparte) Жером Наполеон — 371
Бонапарт (Bonaparte) Луи — См. Людовик I
Бонне (Bonnet) Ш. — 539
Бонч-Бруевич В. Д. — 379, 395
Борис (Годунов Б. Ф.), русский царь с 1598 г. — 265—268
Борисов И. П. — 54, 161, 162, 164, 169, 185, 202, 360, 366, 368, 381, 526
Борисов П. И. — 360
Борисова (ур. Шеншина) Н. А. — 360
Бородин А. П. — 396
Бороздин Н. М. — 529
Боткин В. П. — 54, 62, 74, 82, 144, 159, 162, 163, 173, 242, 245, 246, 248, 249, 253, 261, 335, 412, 433, 447, 450, 523, 566
Браун (Brown) Ф.-М. — 222
Браунинг (Browning) Р. — 219, 220, 232—234
Бренко (ур. Челищева, в зам. Левенсон) А. А. — 179
Бродский А. Д. — 316
Бродский Н. Л. — 242, 244, 247, 445, 506
Броневский В. Б. — 32
Броун (Browne) В.-Г. — 229
Бруни Ф. А. — 14
Брюллов К. П. — 351
Брюсов В. Я. — 311
Брюэр (Bruère) Г. — 370
Брянский А. М. — 178
Буатар (Boitard) П. — 539
Буданова Н. Ф. — 300, 333
Булгаков М. А. — 12
Булгаков П. А. — 449
Булгаков С. Н. — 320
Булгарин Ф. В. — 36, 37, 45, 154, 155
Буле И. Г. — 46
Бумпет <?> — 546
Бунин И. А. — 9, 11—13, 15, 19, 31
Бунина А. П. — 31
Буренин В. П. — 384
Бурсов Б. И. — 465, 471, 472
Буткевич (ур. Некрасова) А. А. — 100
Бутурлины, гр. — 441
Бухштаб Б. Я. — 160, 194, 196—198, 208
Бывалькевич А. — 301, 302
Бывалькевич Б. — 301, 302
Бывалькевич (ур. Бородаевская) В. И. — 292, 293, 300—302
Бывалькевич Г. — 302
Бывалькевич, семья — 301
Бюлоз (Buloz) Ф. — 82
Бюффон (Buffon) Ж.-Л.-Л. — 539
Бялый Г. А. — 131, 363, 453—455, 464, 465, 470—472, 481—483, 486, 487, 492—496, 498

Вагнер Н. П. — 287
Вагнер (Wagner) Р. — 15

Ваксель Л. Н. — 386
Валлес (Vallis) Ж. — 213
Вальтер Х. Ф. — 49
Вареник И., фотограф — 519
Варенцова Е. М. — 270
Варки (Varchi) Б. — 385
Варшавские, семья — 290
Варшавский Л. Р. — 352, 353
Василенко (в зам. Левитон) М. Л. — 8, 177, 178
Василий IV Иоаннович (Шуйский), русский царь с 1606 по 1610 гг. — 263, 264
Васильев А. А. — 345
Васильев И. В., протоиерей — 448
Васильева (ур. Лаврова, во втор. бр. Бокк) Е. Н. — 174, 175
Васильчиков В. И., кн. — 355
Васнецов В. М. — 8
Вахромеева О. Б. — 387, 388
Введенский И. И. — 71
Ведилов И. Е. — 517
Вейгель (Вайгль; Weigl) Й.-Ф. — 544
Вейнберг П. И. — 180
Векуа Е. В. — 332
Велижев М. Б. — 573
Вельяминов-Зернов В. Ф. — 38
Венгеров С. А. — 285, 309, 382
Венгерова З. А. — 308
Вера Илларионовна — 486
Вергилий (Virgile) Публий Марон — 370
Вердер (Werder) К. — 254, 255
Веревкин В. П. — 515, 557, 562
Веригина (ур. Булгари) С. Я. — 448
Вернадский В. И. — 388, 389
Вест (West) В.-Ф. — 229
Виардо (Viardot; в зам. Шамро) К. — 175
Виардо (Viardot) Л. — 51, 59, 62, 68—70, 77—81, 83—85, 239, 251, 258, 259, 370, 371, 422
Виардо (Viardot; в зам. Дювернуа) М. — 518
Виардо (Viardot; ур. Гарсиа) Мишель Фердинанда Полина — 8, 9, 15, 16, 29, 54—56, 66, 69, 74, 79, 80, 85, 155, 168, 173, 174, 176, 177193, 219, 225, 233, 236, 238, 259, 316, 329, 362, 367, 368, 370, 371, 382, 388, 390, 392, 396—398, 402, 403, 408, 411—413, 415, 418, 426, 450, 514, 525
Виардо, П. и Л. — 16, 74, 77, 182, 359, 370, 393, 394
Виардо, семья Л. и П. Виардо — 16, 69, 75, 77, 219, 238, 251, 370, 415
Видерт (Viedert) А. Ф. — 360—362, 504
Видерт (Viedert) В. — 362
Виельгорский М. Ю., гр. — 238, 515
Викулова В. П. — 260
Вильмессан (Villemessant) Ж. — 213, 214
Виноградов А. К. — 154
Винокуров М. З. — 345
Висковатый П. А. — 318
Вишняков Н. П. — 279
Владимиров, фотограф — 519
Власов В. А. — 278, 386, 546
Вогюэ (Vogüé) Э.-М. де — 258
Воейков А. Ф. — 36, 44
Волкова Т. Н. — 506, 521, 527, 561
Волконская (в перв. бр. Молчанова, во втор. Кочубей, в третьем Рахманова) Е. С. — 389
Волконский Г. П., кн. — 441
Волконский Д. П., кн. — 441
Волконский П. М., кн. — 441
Волкофф (Volkoff) В. — 344
Волошин М. А. — 15
Волчков С. А. — 583
Вольтер (Voltaire) Ф.-М.-А. — 34, 44, 127, 218
Вольф М. О. — 54
Воровский В. В. (псевд. Орловский) — 327
Воронич К. И. — 385
Воронцов А., крестьянин — 166
Воронцов-Вельяминов Н. Н. — 101
Воропанова М. И. — 365
Ворошилов К. Е. — 462
Востоков А. Х. — 31, 32
Врасская Н. С. — 387
Вревская (ур. Варпаховская) Ю. П., баронесса — 381, 382, 389, 395, 396, 403, 416
Вронченко М. П. — 50—52
Вулих З. Б. — 299
Вырубов В. В., муж О. Н. Галаховой — 347, 348
Вырубов В. В., сын. В. В. Вырубова и О. Н. Галаховой — 348
Вырубов Н. В. — 348
Вырубова И. В. — 348
Вырубовы, дети О. Н. Галаховой, внуки О. В. Галаховой — 340
Вяземский П. А., кн. — 32, 34, 36, 44, 96, 373, 394, 450, 451, 515

Г., лицо неустановленное — 422
Габель М. О. — 241, 242, 245, 385, 445
Гаевский В. П. — 24, 382
Гаевский П. И. — 37
Гайдебуров П. А. — 279, 287, 289, 318
Гайнцева Э. Г. — 158, 243
Галахов А. Д. — 244, 252, 253, 256, 257
Галахов И. П. — 573
Галахов Н. П. — 46, 340—343, 348—350, 362
Галахова (в перв. бр. Трубникова, во втор. Вырубова) О. Н. — 340, 341 («матушку»), 346—350
Галахова (в зам. Шенинг) М. П. — 349, 350
Галахова (ур. Шеншина) О. В. — 22, 340, 341, 343, 347 («бабушка»), 349, 350, 362, 379, 519
Галахова К. Н. — 340, 341, 346, 347, 349
Галаховы, О. В. и Н. П. — 22, 46, 340, 346, 362
Галаховы, семья — 22, 340, 341, 346, 348, 350, 379
Гальперин-Каминский (Halpérine-Kaminsky) И. Д. — 9
Гальской В. Л. — 345
Гальской К. В. — 345, 348
Гамбетта (Gambetta) Л. — 213, 214, 216, 369, 382
Ган Ю. — 442
Ганзены — 326
Ганичев П. Я. — 581, 585
Гано Ф. — 34
Гарди Т. — См. Харди Т.
Гарнетт (Garnett) Э. — 364
Гарсия (Garcia; ур. Сичес) Х. — 54
Гартман (Hartmann) М. — 60, 62, 63, 79, 85, 89, 366, 367
Гартман Л. Н. — 305
Гаршин В. М. — 375, 455
Гаспаров М. Л. — 193
Гафиз (Хафиз, Hafis, Hafiz) — 193—199, 201—204, 208
Гегель (Hegel) Г.-Ф.-В. — 248, 252, 253, 255
Гедеонов С. А. — 385
Гедеоновский Ф. И. — 278
Гейзе (Heyse) П. — 56, 362
Гейман В. Г. — 500
Гейне (Heine) Г. — 73
Гейро Л. С. — 95
Гельмгольц (Helmholtz) Г.-Л.-Ф. — 365
Генералова Н. П. — 17, 69, 182, 183, 193, 194, 196, 198, 238, 241, 250, 251, 256, 258, 260, 292, 303, 359, 369—371, 373, 453
Георгиевский А. И. — 142—144, 149—151, 153, 154, 156, 159
Георгиевский Г. П. — 390—392, 394, 396, 400, 402, 405, 441, 444, 445
Гердер (Herder) И.-Г. — 37, 45, 572
Герострат — 343
Герцен А. И. — 14, 156, 190, 242—244, 257, 284, 325, 356, 370, 372, 380, 381, 403, 416, 423, 424, 452, 493
Гершензон М. О. — 328, 538, 550, 560
Герье С. — 144
Гесмер, лицо неустановленное — 580
Гессен Л. А. («Нора») — 457, 469, 472, 493
Гёте (Goethe) И.-В. — 50—52, 80, 140, 143, 144, 154, 156, 158, 197, 253, 254, 305, 407, 443, 517, 535, 573
Гинцбург Г. О., барон — 7, 317
Гинцбург У. О. де, барон — 236, 237
Гинцбурги, дети Г. О. Гинцбурга — 317
Гиппиус З. А. — 311, 312
Гирс Д. К. — 285
Гиссинг (Gissing) Дж.-Р. — 226
Гитлиц Е. А. — 316, 363
Глаголев М. А. — 39
Гладкова Т. Л. — 10, 12
Гладстон (Gladstone) У.-Ю. — 226
Глазунов И. И. — 382
Глебов В. Д. — 153
Глинка М. И. — 15, 177
Глинка Ф. Н. — 36, 37, 40
Гнедич Н. И. — 31, 38
Гогенлое-Шиллингсфюрст (Hohenlohe-Schillingsfürst) Х.-К.-В., кн. — 236
Гоголь Н. В. (Gogol) — 14, 15, 54, 58—60, 66, 78, 79, 96, 101, 143, 149—157, 159, 240, 242, 245 («гоголевского»), 257—261, 283, 320, 325, 352—354, 361, 364, 368, 374, 375, 378, 453, 463, 466, 468, 475, 488
Годунов Б. Ф. — См. Борис Годунов
Голдсмит (Goldsmith) О. — 37
Голицын А. П., кн. — 65, 71, 83, 85—90, 380
Голицын В. В., кн. — 267
Голицын Н. В. — 394
Голованов И., мещанин — 166
Головин К. Ф. — 448

Головко Н. В. — 388
Головнин А. В. — 447
Голсуорси (Galsworthy) Дж. — 364, 365, 489
Голт (Холт; Holt) Г. — 63, 64, 229, 230
Гомер — 44, 143
Гонкур (Goncourt) Э. де — 209, 210, 212, 214, 217, 237
Гонкуры (Goncourt), братья Ж. и Э. — 209, 210, 212, 257, 371
Гончаров И. А. (Gontcharoff) — 60, 95, 151, 159, 309, 320, 361, 376, 378, 452
Гончарова (в перв. бр. Пушкина, во втор. бр. Ланская) Н. Н. — 16
Гораций Квинт Флакк (Quintus Horatius Flaccus) — 34, 44, 73, 126, 182, 184, 192 («горацианского»), 196, 202
Горбачева В. Н. — 252, 255, 583
Горбунов И. Ф. — 282, 283, 287, 289
Горбунов К. А. — 515, 516
Гордин А. М. — 300, 302
Горелов А. А. — 453
Городецкий Б. П. — 241, 244, 468, 470, 486, 496
Горохова Р. М. — 70, 83, 86, 87
Горчан — 172
Горький М. (наст. имя Пешков А. М.) — 15, 311, 312, 322, 327, 461, 468, 473, 475, 477, 479, 480, 487, 488
Госс (Gosse) Э. — 229
Готье (Gautier) Т. — 520
Готье (Gautier) И. И. — 371
Гофман М. Л. — 16
Градовский А. Д. — 287
Градовский Г. К. (псевд. Гамма) — 282, 287, 290
Гранжар (Granjard) А. — 10, 16, 61, 392—396, 448, 449
Грановский Т. Н. — 53, 253, 373, 546, 571, 572, 575, 579, 583
Гревс И. М. — 387, 388—396, 444—447, 449—451
Греков Н. П. — 183
Греч Н. И. — 34—36, 45
Грибовский П. М. — 339
Грибоедов А. С. — 33, 168, 283, 375
Григорович В. И. — 46
Григорович Д. В. — 29, 151, 178, 246, 282, 287, 288, 318, 320, 361, 382, 385
Григорьев А. А. — 142, 147—153, 155, 156, 158, 159, 242, 246
Грин (Greene) Г. — 460, 471
Грин (Green) Р. — 365
Гринвальд Р. Е. — 500, 552
Гришунин А. Л. — 574
Громов В. А. — 173, 175, 244, 247, 329, 353, 360, 389, 517, 526, 550, 553
Гроссман Л. П. — 423, 446, 447
Грот Я. К. — 287
Грудинина И. Е. — 8, 179
Губарев В. И. — 27, 511, 512, 523, 526, 528, 529, 576
Губарев И. А. — 523, 524, 528
Гуковский Г. А. — 493
Гумбольдт (Humboldt) А. — 572, 573
Гуно (Gounod) Ш.-Ф. — 226
Гуревич (в зам. Ромм) С. Е. — 8
Гуски (Guski) А. — 237
Гуттенберг (Gutenberg) И. — 530
Гутьяр Н. М. — 367, 397, 423, 424
Гуцков (Gutzkow) К. — 361
Гюго (Hugo) В. — 17, 18, 215, 218, 237, 375
Гюго (Hugo) Ш. — 383

Д. — См. Зильберг Ю. Г.
Давыдов В. Н. — 178, 179 («товарища»), 386
Давыдов Д. В. — 36
Делессер (Delessert; ур. гр. де Лаборд) — 82
Даль В. И. (псевд. Казак Луганский) — 96, 100, 248, 351, 373, 522, 536, 560, 562, 567, 574, 575, 578
Данилев Я. — 150
Данилевский Г. П. — 353
Данилевский Р. Ю. — 270
Данилин Я. — 327
Даннекер (Dannecker) И.-Г. фон — 517
Данте (Dante) Алигьере — 222, 231, 285, 372, 387
Дантю (Dentu) Э. — 69
Датский царевич — См. Шлезвиг-Гольштейн И.
Даумер (Daumer) Г.-Ф. — 193—201, 205, 206
Дашков Д. В. — 32, 528
Дашкова Е. Р., кн. — 24
Девиер, гр. — 441
Девис (Davis) Р. — 321
Делаво (Delaveau) А.-И. — 62, 68, 70, 74, 76, 82, 84, 94, 124
Делиль (Delille) Ж. — 370
Дельвиг Ал-др А. — 132

Дельвиг Ант. А. — 33, 44
Дельвиг А. И. — 289
Демидов А. Г. — 373, 515
Демидов А. Н., кн. (Сан-Донато) — 371
Ден фон, барон, муж О. Г. Трубниковой — 347—349
Ден К.-И. фон — 349
Ден (ур. Трубникова) О. Г. фон, баронесса — 341, 346—350
Ден Т. П. — 211, 387, 520, 534, 538, 572—574
Державин Г. Р. — 24, 28, 31, 38, 43, 112, 257
Державина О. А. — 263
Дерман А. Б. — 14, 15
Десницкий В. А. — 312, 464, 465
Джеймс (James) Г. — 221, 222
Джеррольд (Jerrold) С.-Д. — 223
Диккенс (Dickens) Ч. — 64, 225, 230, 364, 459, 489
Димитров Г. М. — 461
Динесман Т. Г. — 514
Дмитриев В. В. — 31
Дмитриев И. И. — 24, 28, 32, 40, 43, 44, 522, 523
Дмитриев М. А. — 34, 35, 102
Дмитриев-Оренбургский Н. Д. — 7, 236, 237
Дмитрюхина Л. В. — 22, 263, 516, 561, 574
Добиаш-Рождественская О. А. — 387
Добкин А. И. — 387
Добровольский Л. М. — 8, 179
Добролюбов А. М. — 309
Добролюбов Н. А. — 245, 283, 297, 363, 375, 462, 489
Добряков С. В. — 142, 145
Доде (Daudet) А. — 209—218, 237
Додсли (Dodsley) Р. — 365
Дозе, гувернер — 527
Долан, гр. — 441
Долгополова С. А. — 514
Долинин А. С. — 291
Долотова Л. М. — 17, 251, 514, 560
Доманский В. А. — 116, 119
Доре (Doré) Г. — 53
Достоевские, братья Ф. М. и М. М. — 422
Достоевский Ф. М. — 17, 151, 157, 287, 290, 291, 308, 317—320, 322—327, 357, 365, 382, 452, 453, 463, 466, 475, 489
Доттен-Орсини (Dottin-Orsini) М. — 239
Драгоманов М. П. — 388
Драйзер (Dreiser) Т. — 488
Драффен К. К. — 316
Дрепер (Draper) Дж.-У. — 365
Дриянский Е. Э. — 96
Дружинин А. В. — 29, 151, 193, 195—198, 200—202, 205, 242, 243, 246, 261, 361, 367, 385, 403
Дубин А. С. — 442
Дудышкин С. С. — 55, 95
Дуккон (Dukkon) А. — 248—250
Думнов В. В. — 368
Дунаевская (в зам. кн. Кугушева) Е. И. — 537
Дунаевская (ур. Скуратова) С. А. — 507, 509, 516, 517, 537, 555, 561—564, 566, 576, 577, 581, 585
Дунаевские, братья И. О., Ф. О., В. О. — 516
Дунаевские, семья — 516, 566
Дунаевский И. О. — 516, 537
Дунаевский Ф. О. — 566
Дурново В. — 343
Дэвисон (Davison) А. — 348, 349
Дэвисон (Davison) Г.-М. — 347, 349
Дэвисон (Davison; ур. Беклемишева) Н. А. — 347—350
Дюверже (Duvergé) П. — 240
Дюкан (Du Camp) М. — 383, 384
Дюма (отец) (Dumas-pure) А. — 18, 22, 230
Дюма (сын) (Dumas-fils) А. — 176
Дюран (Durand) А. (псевд. А. Гревиль) — 79, 84
Дюран (Durand) Э.-А. (псевд. Дюран-Гревиль) — 71, 79, 84, 85, 240
Дягилев С. П. — 15, 16

Евангулова О. С. — 119
Евгеньев-Максимов (наст. фам. Максимов) В. Е. — 467
Евсеев — 168
Егоров Б. Ф. — 147, 148, 153, 159, 246, 453
Егоров И., приказчик — 168
Екатерина II Алексеевна, российская имп. с 1762 г. — 15, 24, 25, 38, 42, 136, 138 («екатерининские»), 546
Елагин А. П. — 352
Елагин И. В. — 12

Елена Павловна, вел. кн. (ур. Фредерика Шарлота Мария Саксен-Кобур-Готская) — 399, 424
Елизаветина Г. Г. — 251
Елисеев Г. З. — 287
Елисеев С. Г. — 345
Елистратова А. А. — 365
Еремин Ю. Г. — 378, 382, 383
Ермолов Н. Г. — 584
Ерусалимчик М. — 516
Есенин С. А. — 13
Ефремов А. П. — 52, 500

Жанен (Janin) Ж.-Г. — 580, 583, 584
Жанлис (Genlis; ур. де Сент-Обен) С.-Ф. де, гр. — 567
Жантиева Д. Г. — 365
Жарден Е. — 515
Жекулин (Žekulin, Zekulin) Н. Г. — 6, 48, 56, 59, 64, 362
Жемчужников А. М. — 368, 380
Жидкова С. Л. — 20, 27, 43, 145, 263, 369, 374, 500, 504, 528, 560, 574
Жиркевич И. С. — 329
Жирмунский В. М. — 144
Жискар д'Эстен (Giscard d'Estaing) В. — 19
Житова (ур. Богданович-Лутовинова) В. Н. («Варинька», «Биби», «Бибинька», «Bibi», «Barbe») — 367, 506, 510, 515—517, 521, 522, 524, 527, 530, 533, 538, 540, 547, 549, 550, 552—555, 561, 564—567, 570, 571, 574, 576—579, 581, 582, 585
Жорж (George), м-ль (наст. имя М.-Ж. Веймер) — 450, 451
Жуковский В. А. — 13—15, 26, 27, 32, 33, 38, 43, 44, 54, 96, 99, 257, 442, 525, 528—530, 552, 572
Жуковский П. В. — 14
Жуковский Р. К. — 351

Забелло П. П. — 382
Заборов П. Р. — 57
Заборова Р. Б. — 500, 524
Зайцев Б. К. — 9—13
Зайцев В. А. — 527
Западов В. А. 112
Заславский Д. О. — 289
Захаров А. А. — 358
Захаров В. В. — 230
Захаров В. Н. — 318—320
Захарова Л. Г. — 449
Звигильская (Zviguilsky) Т. А. — 16, 18
Звигильский (Zviguilsky) А. Я. — 6, 8, 16—19, 55, 56, 79, 81, 210, 211, 236, 238, 258, 369, 371, 384
Звигильский (Zviguilsky) М. — 18
Зёльдхейи-Деак (Zöldhelyi-Deák) Ж. — 248
Зильберг Ю. Г. («Д.») — 457—459, 466 («жены»), 467, 480
Зильберман (Silbermann) А. — 534
Зильберман (Silbermann) Г. — 535
Зильберман (Silbermann) И.-А. — 534, 535
Зильберштейн И. С. — 15, 16, 310
Златопольская А. А. — 389
Змиёв Л. М. — 516
Золотницкий Н. Ф. — 127
Золя (Zola) Э. — 18, 209, 210, 212—214, 216—218, 237, 239
Зосима Соловецкий, св. — 41
Зотов В. Р. — 287, 567
Зубова (ур. Кокошкина) М. Н. — 333
Зуев Ю. И. — 275, 278
Зыбина (ур. Рибопьер) Е. И. — 573

Ибсен (Ibsen) Г. — 325, 326
Иван Иванович — См. Сахаров И. И.
Иванов Антип, дворовый — 567
Иванов Артем, дворовый — 567
Иванов А. А. — 355
Иванов В. И. — 11, 15, 312
Иванов Г. В. — 11
Иванов И. И. — 378
Иванов М. В. — 523
Иванов Я. — 166
Иванов-Разумник (наст. имя Иванов Р. В.) — 401, 442
Иванова Л. В. — 35, 328, 366, 560
Иванова Лариса Н. — 14
Иванова Людмила Н. — 568
Иванова Т. Г. — 393
Иваск Ю. П. — 145, 150, 156, 157
Измайлов А. Е. — 31, 32
Измайлов В. В. — 31, 33
Измайлов Н. В. — 78, 546
Ильинская М. В. — 176, 177
Илюточкина Н. В. — 520, 538, 539
Иноземцев Ф. И. — 521
Иогансен А. Ф. — 55, 56
Ионас (Jonas) Г. — 361, 362
Иордан Е. К. — 366

Иордан К. М. — 366
Ипатова С. А. — 308
Ирвинг (Irving) В. — 29
Ислявина (в зам. Берс) Л. А. — 530
Исленьев А. М. — 530

Кавелин К. Д. — 282, 287, 288, 333
Кавелина С. К. — 389
Каганович Б. С. — 388
Кадо (Cadot) М. — 59, 78, 79, 258
Кайсаров А. С. — 42
Калачев Н. В. — 164
Калачник (Калашник) Ф. — 263—267
Калонн (Calonne) А. де — 81
Кальдерон де ла Барка (Calderon de la Barca) П. — 54
Каменев (наст. фам. Розенфельд) Л. Б. — 395
Каменский П. М. — 26, 576
Кампан (Campan) Ж.-Л. де — 37
Кампе (Campe) И.-Г. — 26
Канкрин В. Е., гр. — 392 («брат»), 429 («брата»), 448
Канкрин Е. Ф., гр. — 399, 435 («отец»), 449 («министра»), 451 («отец»)
Канкрин Ф.-Л., отец Е. Ф. Канкрина — 399
Канкрина (ур. Муравьева) Е. З., гр. — 399, 435 («мать»), 451 («мать»)
Канкрина З. Е. — См. Кейзерлинг З. Е.
Канкрина (ур. баронесса Сталь фон Гольштейн) О. А. — 429 («вдову»), 449
Канкрины, гр., братья Вал. Е., Виктор Е., А.-Ф. и О. Е. — 399, 438
Канкрины, семья — 393, 399, 401, 434
Кантор В. К. — 26, 242
Капнист В. В. — 24, 26
Каракозов Д. В. — 317
Каразин Н. Н. — 287
Карамзин Н. М. — 28, 29, 31, 32, 40, 43, 113, 257, 264, 265, 523, 534—536
Каратеев В. В. — 132
Каратыгин В. А. — 46
Кареев Н. И. — 285
Каржа (Carjat) Э. — 366, 367
Карл (Charles) IX, франц. король с 1560 г. — 155
Карлейль (Carlyle) Дж.-Э. — 233
Карлейль (Carlyle) Т. — 220, 233
Карнеев М. В. — 180
Карпов А. Д. — 329, 560
Карпов Д. И. — 328, 557, 560, 562
Карпов Н. Д. — 329, 560
Карпов С. Д. — 328—331, 560
Карпова (в зам. Шеншина) Е. Д. — 560, 561
Карпова (ур. Жданова) М. М. — 328, 329, 523, 527, 528, 554, 557, 560, 562
Карпова Н. Д. — 560
Карповы, Д. И. и М. М. — 328, 560, 561
Карповы, братья А. Д. и Н. Д. — 330
Карповы, семья — 328, 330
Карсавин Л. П. — 387
Карташевская (ур. Макарова) В. Я. — 550
Карташевская М. Г. — 258
Кастелли (Castelli) И.-Ф. — 544
Катаев В. П. — 473
Катков М. Н. — 55, 88, 144, 151, 242, 243, 246, 291, 421
Кафанова О. Б. — 112
Каченовский М. Т. — 33, 43
Кашин Н. П. — 353
Кашкин В. Д. — 366
Кашперев В. Н. — 238
Кейзерлинг (Keyserling) А. А., гр. — 393, 401, 402, 404, 407, 411, 434, 438, 439
Кейзерлинг Е. — см. Таубе Е. фон
Кейзерлинг (Keyserling; ур. Канкрина) З. Е., гр. — 393, 399, 401
Кейзерлинги, семья — 402
Кельш Н. П. — 525
Кеннеди (Kennedy) Д.-Ф. — 349
Кетчер Н. Х. — 244, 245
Кизеветтер А. А. — 11
Кийко Е. И. — 70, 244, 373
Кинки, семья — 383
Киреевский И. В. — 246
Киселев А. — 34
Киселев Н. Д. — 379
Киселев Н. С. — 336, 337
Киселев П. Д. — 379
Киселев С. Д. — 337, 379
Киселева (ур. Ушакова) Е. Н. — 337, 379
Кислинский Н. В. — 179, 180 («автора»)
Кишинский Н. А. — 339, 372
Кларти (Claretie) Ж. — 216
Клауренс (Клаурен) Г. — 37
Клейст В. А. — 316
Клеман М. К. — 9, 179, 286, 501, 502, 544, 585

Климентьева А. С. — 49
Климова Д. М. — 351, 551, 552, 568
Клодт П. К. — 352
Ключевский В. О. — 401, 441, 442
Клюшников И. П. — 351, 376
Кнорринг Н. Н. — 10
Княжевич А. М. — 37
Княжевич В. М. — 37
Княжевич Д. М. — 31, 37
Княжевич Н. М. — 39
Княжнин Я. Б. — 24, 42
Кобринский А. А. — 309
Ковалевский М. М. — 15, 182
Коваленко Ю. — 19
Кодисек (Kodicek) Э. — 226
Козлов И. И. — 44, 525
Козодавлев О. П. — 24
Колбасин Д. Я. — 521, 526
Колбасин Е. Я. — 28, 521, 526
Коллинз (Collins) У.-У. — 220, 227, 230—232
Коллинз (Collins) Ч.-О. — 231
Кологривов П. — 566
Колонтаева В. Н. — 52, 506, 517, 518, 521, 523, 524, 527, 533, 537, 538, 566
Колосова А. М. — 40, 45, 46
Колосова Е. В. — 263
Кольер (Collier) Дж.-П. — 365
Кольцов А. В. — 361
Комаров В. В. — 289
Комарова В. Д. (псевд. Вл. Каренин) — 450
Комарова И. В. — 160
Комаровский Е. Ф., гр. — 515
Комманвиль (Commanville; ур. Амар, во втор. бр. Франклен-Гру) К. — 57
Комманвиль (Commanville) Э.-О. — 57
Кондратьев М. Д. — 453, 495
Кони А. Ф. — 175, 176, 180, 287, 289, 344, 379, 388
Коноплянцев А. М. — 145
Конрад (Conrad) Д. (наст. имя Юзеф Теодор Конрад Коженёвский) — 460
Константин Константинович («К. Р.»), вел. кн. — 8
Конфуций — 37
Кончин Е. В. — 340
Корман Б. О. — 102
Корнель (Corneille) П. — 18
Корнилов А. А. — 389, 399
Коробкова Н. В. — 505
Короленко В. Г. — 455
Коросов-Геринг Г. Г. — 287
Корф М. А. — 28
Корф С. А. — 345
Корш В. Ф. — 281, 285, 287, 289
Корш Ф. А. — 179, 180
Костомаров Н. И. — 264, 269, 282, 287
Котельников В. А. — 246
Коули (Coley) Б.-А. — 231, 232
Кохановская (наст. фам. Сохан-ская) Н. С.— 156
Коцебу (Kotzebue) А.-Ф.-Ф. фон — 504
Кошелев А. И. — 355
Кошелев В. А. — 95, 160, 184, 238, 358, 369
Краевский А. А. — 243
Крамской И. Н. — 8
Красин А. А. — 367, 522
Краснобородько Т. И. — 14
Краузе И. Ф. — 518
Крейценах (Creizenach) Т. — 65 («редактора»)
Крестова Л. В. — 358, 359, 517
Кривина Т. М. — 365
Кривопалов А. — 18
Кривцов Л. В. — 526, 584
Кривцов П. И. — 550
Кривцов С. И. — 328, 358, 550, 560
Кривцова (ур. Карпова) В. И. — 538, 550, 560
Кривцова (в зам. Лаврова) С. И. — 551
Кривцовы, братья Н. И. и П. И. — 328, 550, 560
Кропоткин П. А.— 12
Кротов И. — 578
Кроули (Crawley) Роланд (Кроуфорд (Crawford) Роберт) — 90, 222, 223
Круделиус, торговец — 582
Крузенштерн И. Ф. — 442
Крылов В. А. — 175, 176
Крылов В. Н. — 386
Крылов И. А. (Krilof) — 28, 31, 36, 44, 60, 221, 257, 352, 523, 539, 546
Крюгер, торговец — 582
Крюков Н. А. — 386
Крюковский А., помещик — 166
Ксения (Годунова К. Б.), русская царевна — 265—267, 269
Кудрявцев П. Н. — 158, 244, 364
Кудряшов А. П. — 521
Кудряшов И. П. — 521
Кудряшов Кирсан (Хрисанф) П. — 522
Кудряшов Н. К. («Николашка») — 522, 577—579, 583
Кудряшов Павел К. — 522

Кудряшов Поликарп К. — 522
Кудряшов Порфирий Т. — 367, 508, 509, 515, 517, 521, 522, 526, 529, 541, 543, 557—559, 569, 574, 576, 577—579, 581—583
Кудряшова Е. М. — 367, 521
Кудряшова П. Г., мать П. Т. Кудряшова — 522
Кудряшова С. П. — 521
Кудряшовы, семья — 367, 522
Кузмин А. — 165
Кузминская (ур. Берс) Т. А. — 530
Кузнецова И. Д. — 145
Кузьмина Е. И. — 176 («приемная дочь»), 383
Кузьмина И. А. — 560
Кузьмина Л. И. — 8, 237, 353, 453
Куинджи А. И. — 287
Кукольник Н. В. — 261, 385
Кулешов В. И. — 358
Куликов Н. И. — 385
Кулябка К. Ф. — 341
Куприн А. И. — 11
Куракины (Архив Куракиных) — 11
Куракины, кн., семья — 358
Курилов А. С. — 246
Курляндская Г. Б. — 131, 182
Курочкин В. С. — 376
Курочкины, братья В. С. и Н. С. — 375
Куторга М. С. — 509, 523
Кутузов М. И. — 33
Кюхельбекер В. К. — 34, 45

Лаврецкий А. (наст. имя Френкель И. М.) — 241, 244, 445
Лаврина Е. — 140
Лавров А. В. — 313
Лавров Г. Е. — 550
Лавров И. В. — 550
Лавров И. П. — 566
Лавров П. Л. — 316, 317, 363
Лавров С. Л. — 22, 27
Лаврова, компаньонка В. П. Тургеневой — 537, 548, 550, 581
Лаврова (ур. Бибикова) П. Б. — 566
Лавровы ливенские, семья С. Л. Лаврова — 22
Лагарп (Lahagpe) Ж.-Ф. — 31, 34
Лагривая (Лагривова, Логривая, Логривова; ур. Губарева) А. И. («Заберезуйская») — 509, 523, 524, 528, 529, 538, 542, 545, 555, 562, 563, 566, 575, 576
Лагривый (Лагривов, Логривый, Логривов) С. П. — 523, 524 («мужа»), 563, 566
Ладыженская (в зам. Сомова) В. В. — 519
Лажечников И. И. — 545
Ламберт (ур. Канкрина) Е. Е., гр. (Lambert) — 184, 189, 202, 372, 387—451
Ламберт И. К., гр. («муж») — 394, 400, 401, 406, 420, 434, 435, 438, 441, 442, 448 («отец»), 450, 451
Ламберт К. К., гр. — 400, 434
Ламберт К. О., гр. — 400
Ламберт Я. И., гр. («сын») — 392, 428, 432, 438, 439, 443, 448
Ламберт Я. О., гр. — 434 («дяди»)
Ламберты, семья — 393, 400—402, 406, 434, 442, 448
Лампи (Lampi) И.-Б. — 136
Лане (Lane) — 236
Лане (Lane) А. — 236
Лане (Lane) Ю. — 237
Ланкенау (Lankenau) Г. фон — 90
Ланский Л. Р. — 21, 28, 34, 257, 258
Лантцев Г. В. — 345
Ласунский О. Г. — 9
Латур, гр. — 441
Лаутер (Lauter) В. — 220
Латышева А. С. — 506
Лафонтен (Lafontaine) А.-Г.-Ю. — 37
Лацис (Lbcis) В. — 459, 461
Лебедев И. И. — 343, 423
Лебедев Ю. В. — 106
Лебедева Г. Е. — 387
Левин Ю. Д. — 50, 71, 220, 226, 231, 234, 361
Левина Е. Н. — 504, 518
Левов М. — 166
Леже (Léger) А. — 304
Леже (Léger) Л. — 303—307
Лейбович С. — 210
Лейтон (Leighton) Ф. — 225
Леман (Lehmann) Р. — 225
Лемерр (Lemerre) А. — 239
Ленин (наст. фам. Ульянов) В. И. — 312, 313, 483
Ленне (Lenne) П.-Й. — 585
Ленц — 331
Леонов Л. М. — 11
Леонтьев К. Н. — 142—159
Лепехин М. П. — 327

Лермонтов М. Ю. — 8, 14, 16, 17, 58, 61, 78, 81, 96, 151—153, 234, 257—259, 283, 286, 375, 378, 385, 443, 449, 468
Лернер Н. О. — 252
Леруа-Болье (Leroy-Beaulieu) А. — 337
Лесков Н. С. — 325, 348, 376
Лессинг (Lessing) Г.-Э. — 255
Лжедмитрий I (Отрепьев Г.; Самозванец) — 27, 262—269
Либих (Liebig) Ю. — 188
Лиже — 539
Линев И. Л. — 549, 552
Лисянский Ю. Ф. — 442
Лифарь С. М. — 15, 16
Лихачев В. С. — 525
Лихачев Д. С. — 14, 114
Лихнякович (ур. Сухотина) С. П. — 22
Лишин Г. А. (псевд. Г. Навлянский, Литан) — 287
Лобанов И., конторщик — 343
Лобанов М. Е. — 43
Лобанов М. Ф. — 517
Лобанов Ф. И. — 507, 511, 517, 528, 540, 544, 555, 557, 578, 579
Лобанова, жена И. Лобанова — 343
Лобанова Апраксия (Евпраксия) И. — 567, 568
Лобанова (ур. Тоболеева) А. К. — 517, 566
Лобанова О. С. — 517
Лобановы, семья дворовых В. П. Тургеневой — 516, 517
Лозинская Т. Б. — 387
Лозинский М. Л. — 345
Локс Р. Г. — 445
Ломоносов М. В. — 43, 44
Лонгинов М. Н. — 24, 46
Лонгинов Н. М. — 46
Лондон (London) Дж. — 460, 463, 468, 475, 488
Лопатин Г. А. — 9
Лопатинский И. А. — 10
Лопухин И. В. — 25
Лосский Н. О. — 11
Лотман Л. М. — 182, 360
Лубков А. В. — 389
Лувуа (Louvois) Ф.-М. де, маркиз — 39
Луиза (Августа Вильгемина Амалия), супруга Фридриха Вильгельма III — 385
Луканина (ур. Рогачева, во втор. бр. Паевская) А. Н. — 316, 396, 514
Лукин, чернский помещик — 581, 584
Лукина, знакомая В. П. Тургеневой, жена предыдущего — 581, 582, 584
Лукина В. А. — 193, 247, 387, 393, 500
Лутовинов А. И. — 24, 26, 27, 276, 278, 358, 359, 520, 545, 546, 560, 578
Лутовинов И. А. — 275, 276, 560
Лутовинов И. И. — 24, 26, 275, 276, 278, 517, 520, 523, 528, 546, 552, 560, 566
Лутовинов П. И. — 276, 278, 358, 359, 545, 546, 560, 566, 567
Лутовинова (в зам. Шеншина) Аграф. И. — 560
Лутовинова (в зам. Сергеева) Анна И. — 524, 545, 560
Лутовинова В. П. — См. Тургенева В. П.
Лутовинова (в зам. Рыкачева) Д. И. — 560
Лутовинова Ел. И. — См. Аргамакова Е. И.
Лутовинова (ур. Лаврова, во втор. бр. Сомова) Ек. И. («бабушка») — 516, 563, 566, 567, 576
Лутовинова (ур. Лаврецкая) М. И. — 275, 276, 554, 560
Лутовинова (в зам. Ренова) О. И. — 560
Лутовиновы, братья А. И., И. И. и П. И. — 27, 278
Лутовиновы, дети М. И. и И. А. Лутовиновых — 554
Лутовиновы, семья И. А. и М. И. Лутовиновых — 23, 25, 276, 358
Львов Г. В., кн. — 447
Львов Г. Е., кн. — 348
Львова (в зам. Матвеева) Ел. В., княжна — 381
Львова (ур. Абаза) П. В. — 337
Львовы, семья П. В. Львовой — 337
Льюис (Lewis) С. — 460
Людовик I (Бонапарт Луи), король Голландии с 1806 по 1810 гг. — 508, 520
Лютер (Luther) М. — 327

М—ов Ал. Н. — 161, 162
Маглинов С., крепостной Тургеневых — 517
Мадинг И. Р. — 8
Мазон (Mazon) А. — 351, 393—396, 402, 403, 442
Мазур А. Г. — 345
Майков А. Н. — 95, 202, 287, 291

Майков В. И. — 369
Майков В. Н. — 242, 246, 352, 353
Майков Л. Н. (псевд. Z***) — 375, 502, 506, 521, 522, 535
Майков Н. А. — 95
Макколл (MacColl) Н. — 227
Маковский В. Е. — 287
Макогоненко Г. П. — 522, 523
Максимов Д. Е. — 313
Максимович-Амбодик Н. М. — 139
Макферсон (Macpherson) Дж. — 26
Малибран (Malibran; ур. Гарсиа) М. — 17, 236
Малышева И. М. — 501, 506
Маляревская, жена А. П. Маляревского — 547, 550, 564, 567, 571
Маляревские, семья П. К. Маляревского — 527
Маляревский А. П. — 547, 550
Маляревский П. К. — 527
Мамин-Сибиряк (наст. фам. Мамин) Д. Н. — 552, 553
Манби (Munby) А.-Дж. — 225, 226
Мандельштам О. Э. — 11
Манен (Magnin) Ж.-Г. — 240
Манин (Manin) Д. — 370
Манн Н. — 144
Манн Ю. В. — 182, 244, 251
Мансуров А. П. — 580, 583
Мансурова (ур. Трубецкая) А. И. — 418
Мансурова (ур. Сергеева) П. А. — 362
Мануйлов В. А. — 292, 293, 300, 301
Манцони (Manzoni) А. — 305
Маргарита, лицо неустановленное — 331
Марешаль (Maréchal) — 84
Маричева Л. М. — 329, 348, 360, 362
Мария (Годунова М. Г.; ур. Скуратова-Бельская), русская царица — 265
Мария Александровна, вел. княжна, дочь Александра II и Марии Александровны — 337
Мария Александровна, российская имп., жена Александра II — 305, 306, 329 («Государыне»), 3336 («Императрицы»), 337, 356 («императрицы»)
Маркевич Б. М. — 380
Маркелов И. И. — 533, 538, 540, 549, 552
Марко Вовчок — См. Маркович М. А.
Маркович (Марко Вовчок; ур. Вилинская, во втор. бр. Лобач-Жученко) М. А. — 55, 67, 156, 184, 190, 389
Маркс А. Ф. — 289
Маркс (Marx) К.-Г. — 297
Марлинский — См. Бестужев-Марлинский А. А.
Мармонтель (Marmontel) Ж.-Ф. — 26, 34
Марс (Mars) В. де — 67, 68
Мартен (Martin) Б.-Л.-А. — 370
Мартен-Дюпон (Martin-Dupont) С. — 239, 240
Мартинович Н. Н. — 345
Мартынов А. Е. — 174, 178
Мартынов И. И. — 27, 28, 31, 574
Масальский К. П. — 54
Масанов И. Ф. — 28, 150
Маслов И. И. — 202, 357, 528
Матвеев И., управляющий В. П. Тургеневой — 528
Матвеев П. А. — 356, 358
Матвеева (ур. Лаврова) С. С. — 22
Матильда (Mathilde) Бонапарт, принцесса — 371
Матусевич, управляющий В. П. Тургеневой — 528
Матье, торговец — 582
Матэ В. В. — 8
Медичи (Medici) А., герцог Флорентийский — 385
Медичи (Medici) Л. — 385
Медичи (Медичисы; Medici), семья — 385
Медынцева Г. Л. — 516
Мейлах Б. С. — 241, 322, 496
Мельгунов Н. А. — 372
Мельник Е. Г. — 328, 538
Мельников И. А. — 287
Мельников Н., крестьянин — 166
Мену (Menou) Ж.-К. — 18
Менцель (Menzel) А.-Ф.-Э. фон — 253
Меньшиков А. Д., кн. — 288
Мережковский Д. С. — 12, 311, 322
Мерзляков А. Ф. — 26, 32, 34, 43
Мёрике (Moerike) Э.-Ф. — 56
Мериме (Mérimée) П. — 66, 67, 81—88, 154, 155, 237, 258, 305, 371
Мерк (Merck) И.-Г. — 143, 144, 154
Мерсье (Mercier) Л.-С. — 26
Мещерская, владелица школы — 340
Мещерский Э. Н., гр. — 515
Милгейт (Millgate) М. — 228, 230
Миллер (Мюллер; Müller) И., нем. биолог и физиолог — 365

Миллер (Мюллер; Müller) И., нем. историк и полит. деятель — 365
Миллер С. А. — См. Толстая С. А.
Миллер Ф. Б. — 50
Милман (Milman) Л. — 234
Милютин Д. А. — 336, 337, 448, 449
Милютин Н. А. (Milutine) — 332—337, 339
Милютин Ю. Н. — 332, 334, 336—339
Милютина (ур. Киселева) Е. Д. — 337
Милютина (в зам. Шаховская) Е. Д. — 336, 337
Милютина Е. Н. — 334, 336, 337, 339
Милютина (ур. Абаза, во втор. бр. Стиль) М. А. — 332—335, 337, 338, 415
Милютина М. Н. — 334, 336, 337, 339
Милютина П. Н. — 334, 336—339
Милютины, семья Н. А. и М. А.— 332—335, 337
Минаев — 168
Миндыбаева Л. В. — 131, 262, 366
Минский (наст. фам. Виленкин) Н. М. — 308—322, 325—327
Минц З. Г. — 313
Митракова Л. А. — 367, 368, 519, 520, 522
Михаил Федорович (Романов), русский царь с 1613 г. — 265
Михайлов А. Д. — 154
Михайлов В. М. — 73
Михайлов М. Л. — 361
Михайлова Н. И. — 238
Михайловский Н. К. — 284, 287, 455
Михеев П. П. — 348
Михнев, чернский помещик — 584
Михневич В. О. (псевд. Коломенский Кандид) — 289, 290, 382, 383
Мишле (Michelet) Ж. — 18
Мнишек (Mniszech) Е., отец Марины Мнишек — 269
Могилянский А. П. — 179
Модзалевский Б. Л. — 14, 15
Моисеенко О. — 215
Молева Н. М. — 22, 27
Молозева А. Т. — 181
Молчанов А. А. — 247
Молчанов А. Е. — 176
Мольер (Molière) Ж.-Б. — 45, 577, 578
Монго (Mongault) А. — 258
Монтихо Евгения (Eugénie Montijo; ур. гр. Теба), императрица Франции в 1853—1870 гг. — 87
Монье (Monnier) А. — 213, 214
Мопассан (Maupassant) Ги де — 79, 80, 237, 488
Мордовцев Д. Л. — 285
Мордовченко Д. Н., сын Н. И. Мордовченко — 495 («мальчик»), 497
Мордовченко Е. Д., жена Н. И. Мордовченко — 493, 495, 497
Мордовченко Н. И. — 256, 455, 468, 470, 481, 493—497
Мордовченко, семья — 496
Морли (Morley) Дж. (впосл. виконт) — 227, 234
Москвин М. М. — 181
Мостовская Н. Н. — 6, 244, 551
Моэ (Молт), винодел — 534
Мур (Moore) Дж. — 235
Муравьев А. З. — 399
Муравьев А. Н. — 41, 47
Муравьев М. Н. — 25, 26, 43, 46
Муравьева Е. З. — См. Канкрина Е. З.
Муравьев-Апостол М. И. — 399
Муравьев-Апостол С. И. — 399
Муравьевы, семья — 399
Мурзакевич Н. Н. — 441
Мурье (Mourier) Ж. — 506, 519
Мусина-Пушкина (ур. Шернваль) Э. К., гр. — 515
Мысляков В. А. — 244
Мэннерс (Manners) Р., 5-й гр. Ретленд — 346
Мюллер К. — 316
Мюссе (Musset) А. де — 52, 239, 385, 536, 573
Мятлев В. П. — 347, 348
Мятлев И. П. — 348
Мятлева Н. С. — 348
Мятлева (в зам. Галахова) С. П. — 348
Мятлевы, семья — 348

Набоков В. В. — 12
Навроцкий Н. А. — 287
Надсон С. Я. — 311
Назаров А. И. — 345
Назарова Л. Н. — 6, 7, 10, 13, 17, 132, 139, 158, 241, 243, 244, 246, 247, 258, 279, 292, 301, 303, 361, 362, 369, 381, 383, 385, 394, 395, 552
Назарьева К. В. — 318—320
Наполеон (Napoléon) III (Шарль-Луи Наполеон Бонапарт), франц. имп. с 1852 по 1870 гг. — 22, 33, 36, 38, 40, 42, 285, 309, 371, 400, 520

Наполеон (Napoléon) I Бонапарт, франц. имп. с 1804 по 1814 гг. — 371
Наумов — 107
Наш (Nash) Т. — 365
Неверов Я. М. — 351, 373, 514, 516, 572, 573, 583
Незеленов А. И. — 378
Некрасов Н. А. — 52, 96, 97, 100, 101, 111 («некрасовские»), 195, 242 («некрасовствует»), 245, 285, 289, 296, 297, 325, 359, 361, 363, 367, 375, 376, 378, 382, 384, 467, 494, 521, 526
Некрасов С. М. — 14
Нелединский-Мелецкий Ю. А. — 26
Неплюев С. А. — 25
Нестор, летописец — 36
Низар (Nisard) Д. — 370
Никитенко А. В. — 52, 384, 385
Никитина Н. С. — 6, 186, 244, 361, 503, 516, 546, 551
Николаев А. — 385
Николаевский С. — 525
Николай Александрович, вел. кн. и цесаревич, сын Александра II — 448
Николай Николаевич, вел. кн., сын Николая I — 236, 237
Николай I Павлович, российский имп. с 1825 г. — 103, 120, 157 («николаевского»), 245, 284, 341, 399, 425, 449, 515, 558 («государя»), 562, 574
Никольский П. А. — 31
Никонова (Лапицкая) Т. А. — 244
Нилус С. А. — 341
Новиков В. А. — 524, 525, 527, 568
Новиков Н. И. — 25—27, 29, 30 («новиковский»), 369
Новикова Е. Б. — 276, 537
Новосильцев И. П. — 165
Новосильцев Н. П. — 560
Новосильцева (ур. гр. Апраксина) Е. И. — 554, 560
Новосильцевы, семья — 560
Нора — См. Гессен Л. А.
Норов А. С. — 38, 525

О—ва, соседка А. А. Фета — 287
Оболенский Л. Е. — 287
Обрескова М. В. — 374
Овидий Публий Назон (Publius Ovidius Naso) — 44
Овсяников П. А. — 565, 568
Огарев Н. П. — 183, 380
Огарева Н. В. — 8
Огнянова Е. М. — 260
Одоевская (ур. Ланская) О. С., кн. — 372
Одоевцева И. В. — 11
Ожье (Augier) Г.-В.-Э. — 214
Озерецковский Н. Я. — 46
Озеров В. А. — 42, 43, 504
Озеров И. П. — 580, 584
Оксман Ю. Г. — 334
Олдингтон (Aldington) Р. — 471
Олдфилд (Oldfield) Дж.-Т. — 226
Оливье (Olivier) Л. — 306
Оливье (Ollivier) Э. — 214
Ольденбург С. Ф. — 388, 389
Ольденбург Ф. Ф. — 389
Оман (Haumant) Э. — 364
Онегин (Отто) А. Ф. — 13—15
Орехов Д. В. — 366
Орлов Н. А., кн. — 8
Орлова (ур. Трубецкая) Е. Н., кн. — 445
Орлова (ур. Куликова; во втор. бр. Савина) П. И. — 385
Орловский С. (наст. имя Шиль С. Н.) — 444
Освальд (Oswald) Л.-Х. — 349
Освальд (Oswald; ур. Прусакова) М. Н. — 349
Освальды Л.-Х. и М. Н. — 349
Осоргин (наст. фам. Ильин) М. А. — 9, 10, 12, 303
Осоргина (ур. Бакунина) Т. А. — 10—12, 303
Осповат А. Л. — 242
Ост (Иост, Йост) А. И. — 171
Остолопов Н. Ф. — 31
Островская М. А. — 339, 506
Островская (ур. Татаринова; в перв. бр. Грибовская) Н. А. — 68, 173, 339, 506, 536, 573
Островский А. Г. — 244, 369
Островский А. Н. (Ostrofski) — 60, 95, 150, 151, 159, 176, 177, 179, 202
Островский Н. А. — 461
Оттокар Н. П. — 387
Офросимов, чернский помещик — 584
Ошар (Auchard) К. — 19

Павел I Петрович, российский имп. с 1796 г. — 30, 358
Павлов И. В. — 366
Павлов Л. В. — 385

Павлов М. Г. — 351
Павлова Г. Н. — 20, 340, 379
Павлова И. Б. — 251
Павловский (Pavlovsky) И. Я. — 210, 212, 213, 316
Пагонкин, переводчик — 84
Паландер (Palander) И.-В. — 270, 271, 273, 274
Панаев А. А. — 288
Панаев В. А. — 281, 287—289
Панаев В. И. — 37, 39
Панаев И. А. — 288
Панаев И. И. — 52, 95, 100, 101, 288
Панчулидзев С. А. — 520
Паскаль (Pascal) Б. — 115
Паскаль (Pascal) П. — 10
Паткуль (ур. маркиза де Траверсе) М. А. — 446
Пеньковский О. В. — 349
Перевощиков В. М. — 33
Пери (Perry) Т.-С. — 229
Перикл — 261
Перре (Perret) П. — 216
Перро (Perrault) Ш. — 49, 53
Перченок Ф. Ф. — 389
Песталоцци (Pestalozzi) И.-Г. — 534
Петр I (Великий) Алексеевич, российский имп. с 1689 г. — 155, 261 («петровских»), 262, 263 («петровское»), 426
Петраш Е. Г. — 332
Петров Е. В. — 345
Петров О. А. — 382
Петров С. — 27
Петров С. М. — 385
Петровский М. А. — 445
Пецольд (Petzold) М. — 71
Пигаль (Pigalle) Ж.-Б. — 535
Пиксанов Н. К. — 9, 339, 446, 465, 481, 501, 506
Пиллар (Pillar) фон Пильхау А. К., баронесса — 336, 337
Пиль (Peele) Г. — 365
Пильд Л. — 321
Пильский П. М. — 311
Пильц Э. И. — 287
Пинто (Pinto) М. — 371, 372
Пирс (Peers) Р.-Н.-Р. — 227
Писарев А. А. — 31
Писарев Д. И. — 375, 376, 492
Писарев М. И. — 179, 180
Писемский А. Ф. (Pissemski) — 60, 149—151, 159, 179, 375, 376
Пич (Pietsch) Л. — 61, 69, 73—75, 77, 85, 435, 450, 567
Пичета В. И. — 10
Пишо (Pichot) А. — 156
Плетнев П. А. — 24, 44, 351, 366—368, 372
Плещеев А. А. — 528
Плещеев А. Н. — 309
Плещеев Н. М. — 265
Плошю (Plauchut) Э. — 59
Победоносцев П. В. — 351
Погодин М. П. — 45
Подлесских-Жиркевич Н. Г. — 329
Полевой П. Н. — 262, 265—269, 382
Поленов В. Д. — 8
Полетика В. А. — 285, 287, 289
Половцов А. А. — 448, 567, 574
Полонская Ж. А. — 383
Полонские, семья Ж. А. и Я. П. Полонских — 519
Полонский Л. А. — 287
Полонский Я. П. — 14, 55, 57, 162, 169, 361, 368, 380, 382, 500, 519
Полосина А. Н. — 19
Поль (Pohl) Р. — 56
Поляковы, семья — 290
Поме (Pomey) Л. — 56
Понятовский А. И. — 10, 517, 519
Попов И. В. — 32
Попов П. С. — 193
Пороховщиков А. А., дед А. Ш. Пороховщикова — 341, 342
Пороховщиков А. А., прадед А. Ш. Пороховщикова — 341
Пороховщиков А. Ш. — 341
Пороховщиков И. А. — 341
Пороховщиков П. С. (псевд. П. Сергеич) — 341—346, 348—350
Пороховщиков С. А. — 342
Пороховщикова (ур. Чайковская) Н. П. — 342
Пороховщиковы, род — 341, 346
Пороховщиковы, семья А. Ш. Пороховщикова — 342
Португалов М. В. — 21, 23, 520, 539
Порфирий — См. Кудряшов П. Т.
Поспелов Г. Н. — 131
Потехин А. А. — 287
Похвиснев И. И. — 567
Похитонов И. П. — 7, 8
Прево (Prévost d'Exiles; Прево д'Экзиль) А.-Ф. — 156, 520

Прийма Ф. Я. — 70, 95, 257
Принсеп (Prinsep) В.-К. — 225
Прокопович П. И. — 527
Прокофьев А. А. — 455
Протасова, помещица — 166
Проц Е. В. — 20, 40, 173, 386, 545, 552, 553
Прутков Козьма (псевд. гр. А. К. Толстого и братьев Алекс. М., Ал-дра М. и В. М. Жемчужниковых) — 379
Пруцков Н. И. — 499
Пузин Н. П. — 18, 19
Пустовойт П. Г. — 131
Путинцев А. М. — 21
Пушкин А. С. — 8, 11—16, 23, 33, 36, 39, 44, 45, 50, 54, 58, 59, 78, 80, 81, 84, 96—99, 101, 112, 114, 116, 143, 151—153, 156, 238, 256—259, 283, 301—307, 311, 314, 321, 344, 352, 357 («Пушкинский»), 358, 373, 375, 379, 381, 398, 401, 405, 441, 442, 463, 468, 469, 496, 550
Пушкин В. Л. — 31, 32, 44
Пушкин Г. Г. — 265
Пушкины А. А., Г. А., М. А., Н. А., дети А. С. и Н. Н. Пушкиных — 14
Пущин И. И. — 33
Пыпин А. Н. — 245, 382

Рабкина Н. А. — 145
Рагозин Е. И. — 53
Раден Э. Ф., баронесса — 372
Радецкий Ф. Ф. — 329
Радищев А. Н. — 15, 363
Раевский Н. Н. — 396
Разумовская Т. Ф. — 365
Раич С. Е. — 28
Райс (Rice) Дж.-Л. — 503
Раппих (Rappich) Х. — 60, 65, 74, 75
Расин (Racine) Ж.-Б. — 44
Раух (Rauch) К.-Д. — 585
Рашевский И. Ф. — 294 («директор»), 296
Рашель (Rachel; наст. имя Феликс Элиза Рашель) — 239
Рашет (ур. Антропова, во втор. бр. Антропова) Н. Н. — 53, 376
Редкин П. Г. — 523
Реймонт (Reumont) А. — 365
Рейтер К. — 307
Рейхарт (Reichard) Г.-А.-О. — 507, 512, 518, 534—536, 584
Ремизов А. М. — 9
Ренан (Renan) Ж.-Э. — 365, 371
Репин И. Е. — 8, 310, 491
Репинский Г. К. — 330
Рерих Н. К. — 15
Ржевский В. К. — 447
Рибопьер А. И., гр. — 569, 574, 579, 583
Ригер (Rieger) М. — 65 («мюнхенским издателем»)
Рис (Riss), московский книготорговец — 520
Ришелье (Richelieu) А.-Э. дю Плесси де, герцог — 441
Роберти Е. Ф. де — 285
Рогинский А. Б. — 389
Роденберг (Rodenberg) Ю. — 65, 70, 384
Родионов Р. Н. — 345
Розанов А. Я. — 279
Розанов В. В. — 321, 392
Розанов И. Н. — 445
Розанова С. А. — 197
Розен Г. В., барон — 373
Розен Д. Г., барон — 373, 515, 516, 529, 544, 546
Розенгейм М. П. — 195 («розенгеймствует»)
Роллина (Rollinat) Ф. — 59 («близкий друг»)
Роллина (Rollinat) Ш. — 58, 59, 75, 93
Рольстон (Ralston) В.-Ш. — 56, 59, 60, 63, 77, 85, 90, 91, 219—235, 365
Романов И. Н. — 265
Романов Ф. Н. (Филарет) — 265, 266
Романова (ур. Шестова) К. И. — 266
Романовы, братья Ф. Н., А. Н., М. Н., И. Н. и В. Н. — 265
Романовы, семья будущего царя — 265, 266
Россельс В. М. — 67
Россет К. О. — 183 («Россетов»), 373, 374
Россетти (Rossetti) Д.-Г. — 220, 222
Россиев П. А. — 568
Ростовцев М. И. — 345
Ростовцев Н. Я., гр. — 447
Ростопчина (ур. Сушкова) Е. П., гр. — 14, 359
Рошфор, гр. — 441
Рошфор (Rochefort) А. — 214
Рубинштейн А. Г. — 382
Рубинштейн Н. Г. — 8, 306
Рудзевич А. Я. — 441

Рудзевичи, сыновья А. Я. Рудзевича — 441
Румянцев Н. П., гр. — 442
Руссо (Rousseau) Ж.-Ж. — 31, 127, 286
Рутцен К. Ф. (Карл Эдуард) фон — 533, 567
Рутцен Н. К. — 525
Рылеев К. Ф. — 36, 525
Рында И. Ф. — 275, 360, 367, 368, 506, 526, 527
Рюрик — 45
Рябинин М. А. — 183
Рябов М. Ю. — 32

Савватий Соловецкий, св. — 41
Савина (ур. Подраменцова, в перв. бр. Славич, во втор. Всеволожская, в третьем Молчанова) М. Г. — 173—181, 287, 382, 386, 389, 403
Савич А. Н. — 287
Сад (Sade) Д.-А.-Ф. де, гр. (псевд. маркиз де Сад) — 320
Садовников Д. Н. — 383
Сазонов Н. Ф. — 287
Сакс (Sachs) М. — 535
Сакс (Saxe) М. де (Мориц Саксонский) — 215, 216
Сакс Н. Э. — 316
Салаев Ф. И. — 368
Салиас де Турнемир (ур. Сухово-Кобылина; псевд. Е. Тур) Е. В. — 42, 151, 243
Салтыков М. Г. (Кривой) — 267
Салтыков М. Е. (псевд. Н. Щедрин) — 17, 67, 287, 291, 325, 453, 459, 489, 494
Салтыков-Щедрин М. Е. — См. Салтыков М. Е.
Самарин Д. Ф. — 338
Самарин П. Ф. — 337—339
Самарин Ю. Ф. — 242, 338, 394, 396
Самарина (ур. Евреинова) А. П. — 338, 339
Самозванец — См. Лжедмитрий I
Самойлов В. В. — 287
Санд (Sand) Жорж (наст. имя Аврора Дюпен, в зам. Дюдеван) — 17, 58, 59, 114, 239, 383, 450
Сапожков С. В. — 308, 309, 315, 317—320, 322
Сарду (Sardou) В. — 214
Сарсе (Sarcey) Ф. — 213
Сарычев Н. — 343
Сафонова О. Ю. — 561
Сафонович В. И. — 328, 330 («губернатора»)
Сафронова В. В. — 561
Сахаров И. И. — 310
Сашонко В. — 10
Сватиков С. Г. — 10
Свербеев А. Д. — 391, 394, 402, 439
Свербеев Д. А. — 394
Свербеев Д. Н. — 374, 536
Свербеева (в зам. Голицына) М. Д. — 394
Свешников Ф. Л. — 28
Сеар (Céard) П. — 213
Севенард, владелица пансиона в Москве — 528
Сегон (Segond) П.-Ф. — 240
Седойкина К. А. — 366
Сенковский О. И. — 246, 255
Сен-При А. К. и Э. К. де, гр. — 441
Сент-Бев (Sainte-Beuve) Ш.-О. — 371
Серафим (Протопопов С. И.), архиепископ — 438
Сербинович К. С. — 47
Сервантес де Сааведра (Cervantes de Saavedra) М. де — 54, 55
Сергеев А. Т. — 278, 542, 545, 546, 556, 562
Сергеев Т. А. — 545
Сергеева (в зам. Казакова) А. А. — 545
Сергеева А. И. — См. Лутовинова А. И.
Сергеева (ур. Давыдова) К. В. — 545, 546
Сергеева (в зам. Мансурова) П. А. — 545
Сергеенко П. А. — 316, 317
Сергиевская Н. А. — 387
Серебряков А. Н. — 526
Серебряков Н. Я. — 526, 558, 562, 568, 572
Серегина — 168
Сережкина Л. Д. — 78
Сетов (наст. имя Сетгофер-Сетгоф И. Я.) — 177
Сетовы, семья Сетгофера-Сетгофа И. Я. — 177
Сивиян <?>, хирург — 517
Сидоров А. А. — 353
Сидоров И. С. — 503
Симанская (ур. Пороховщикова) О. А. — 348

Симанский С. В. (патриарх Алексий I) — 348
Симеонова С. Д. — 20, 504
Симон (Simon) Ж. — 384
Симонов Г. Н. — 19
Сирано де Бержерак (Cyrano de Bergerac) С. — 578
Скабицкие, род — 375
Скабический А. М. (псевд. А. Алкандров, Парлоловский мизантроп) — 375—378, 381
Скайлер (Schuyler) Ю. — 61, 229
Скатов Н. Н. — 246
Скобелев М. Д. — 329
Скокова Л. И. — 503
Скотт (Scott) В. — 29, 37, 38, 381, 567
Скржинская Е. Ч. — 388
Скриб (Scribe) Э. — 45
Скуратов А. И. — 516
Скуратов Малюта (Скуратов-Бельский Г. Л.) — 265
Скуратовы, предки Тургенева — 516
Слепцов В. А. — 381
Сливицкая (в зам. Артюхова) М. Т. («Мавра») — 510, 512, 521, 527, 528, 533, 538, 547, 550, 581, 585
Словянский Т. — 166
Слоним М. Л. — 319
Случевский К. К. — 183
Смирнов С. В. — 184
Смирнова (ур. Россет) А. О. — 373, 374
Соколов Б. М. — 270
Соколов П. А. — 552, 553
Соколов Ю. М. — 445
Соколова А. Т. (игуменья Антония) — 35
Солдатенков К. Т. — 199
Солженицын А. И. — 13, 17
Соллогуб В. А., гр. — 81, 149, 150
Соловьев Д. А. — 156
Соловьев Н. Л. — 176
Соловьев О. — 45
Соловьев С. М. — 103, 264, 265
Соловьев-Несмелов Н. А. — 318
Сологуб Ф. (наст. имя Тетерников Ф. К.) — 311
Соломатин М. М. — 367
Сомов О. М. — 39
Сомов С. А. — 378, 516, 566
Сомова Е. И. — См. Лутовинова Ек. И.
Сорокин Ю. С. — 246
Сорокина Е. А. — 510, 527, 528, 533, 537, 538, 565, 568, 577, 578, 581, 585
Сорокина М. Ю. — 389
София Шарлотта (Sophie-Charlotte) Ганноверская, супруга Фридриха I — 584
Софокл — 44
Соц И. В. — 583
Спасович В. Д. — 279, 280, 282, 285, 287—289, 291
Спенсер (Spencer) Г. — 285
Сперанский Н. И. — 181
Спиноза (Spinoza) Б. — 17
Срезневский И. И. — 24, 304
Срезневский К. С. — 389
Сталин (наст. фам. Джугашвили) И. В. — 461, 475
Сталь (Stal) мадам де (наст. имя баронесса де Сталь-Гольштейн А.-Л.-Ж.) — 45
Станкевич А. И. — 506
Станкевич Н. В. — 238, 253, 351, 506, 514, 516, 529, 530, 572, 573, 583
Стар (Штар; Stahr) А. — 365
Стасов В. В. — 9, 310
Стасюлевич М. М. — 33, 47, 56—58, 73, 80, 209, 217, 224, 225, 243, 291, 309, 311, 313, 315, 316, 318, 351, 380, 382, 423, 516
Стахович М. А. — 181, 506
Степанов А. Н. — 15
Степанов М. М. — 444
Степанова Г. В. — 176
Стефания Баденская (ур. Стефания-Луиза-Адриана де Богарне), вел. герцогиня — 572
Стечькин Н. Я. — 383
Столыпин А. А. (Монго) — 183 («Столыпиных»), 374
Стороженко Н. И. — 316
Страхов Н. Н. — 150, 246, 318, 378
Страховский Л. И. — 345
Стрепетова П. А. — 179
Стродзи (Строцци; Strozzi) Ф.-Дж. — 385
Строев П. М. — 40, 41
Стронин А. И. (псевд. Алеко; А. Иванов) — 279, 281, 284—287, 289, 290
Стур (Штур; Stúr) Л. — 365
Суворин А. С. (псевд. Незнакомец) — 262, 287
Суинберн (Swinburne) А.-Ч. — 80, 225, 226, 233
Сумароков А. П. — 369

Сумароков П. П. — 33
Суриков И. З. — 318
Суслов Г. А. — 363
Сухих И. Н. — 246
Сухово-Кобылин А. В. — 492
Сухово-Кобылина (в зам. Петрово-Соловово) Е. В. — 514
Сухово-Кобылины, семья — 517
Сухозанет Н. О. — 449
Сухомлинов М. И. — 287
Сухотин Н. П. — 584
Сухотина (ур. Мансурова) К. Д. — 362, 379
Сучков С. В. — 568

Таганцев Н. С. — 282, 287
Тальони (Talioni) М. — 574
Тамплие (Tamplier) — 79
Тархов А. Е. — 162, 165, 168
Таубе (Taube; ур. Кейзерлинг) Е. фон — 393, 401, 402, 411, 434 («дочери»), 438 («дочерью»)
Тацит Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) — 49, 387, 388
Теккерей (Thackeray) А.-И. (впосл. леди Ритчи) — 222
Теккерей (Thackeray) У.-М. — 220
Теккерей-Ритчи А.-И. — См. Теккерей А.-И.
Телепнева, помещица — 168
Тенишев В. Н. — 16
Теннисон (Tennyson) А. — 220, 223, 227
Теньков С. А. — 22
Тернер (Turner) Ч.-Э. — 222
Тертуллиан (Tertullianus) Квинт Септилий Флоренс — 327
Терье (Theuriet) А. — 216
Тетера (ур. Фролова) А. И. — 378, 379
Тетера А. Н. — 378 («внучкой»), 379
Тетера (ур. Киселева) А. С. — 379
Тетера Н. Г. — 379
Тетеры, семья — 379
Тимм В. Ф. — 351, 352
Тиньков С. А. — 362
Тихонравов Н. С. — 306
Тишина С. А. — 39
Ткачев П. Н. — 287
Тоболеев Д. К. — 566
Тоболеев (Табаленков) К. С. — 562, 566, 577, 578
Тоболеева А. К. — См. Лобанова А. К.
Тоболеевы, крепостные — 566
Толль Ф. Г. — 567
Толстая М. Н. (в зам. Толстая), гр. — 132, 366, 389, 521
Толстая (ур. Берс) С. А., гр. — 530
Толстая (ур. Бахметева, в перв. бр. Миллер) С. А., гр. — 379, 381
Толстой А. К., гр. — 14, 64, 96, 379, 380—382
Толстой А. Н., гр. — 11, 15, 300, 489
Толстой Д. А., гр. — 309
Толстой Л. Н., гр. (Tolstoï) — 9, 17—19, 58—61, 67, 71, 96, 111 («толстовских»), 156, 159, 164, 183—185, 197, 198, 204, 206, 212, 230, 308, 310, 311, 318, 320—327, 345, 360, 365, 367, 375, 378, 424, 452, 459, 472, 488, 493, 526, 530
Толстой Н. Н., гр. — 202, 360
Толстой С. Л., гр. — 165
Толстой С. М., гр. — 19
Толстые, семья Л. Н. и С. А. Толстых — 19, 133
Томан И. Б. — 30, 583
Томашевский Б. В. — 114, 442
Томсон (Томпсон, Thomson) Дж. — 43
Топоров А. В. — 174, 176, 369, 375, 381—383, 395
Топоров В. Н. — 113
Топорова (во втор. бр. Скабичевская) А. И. — 375
Тредиаковский В. К. — 50
Третьяков П. М. — 310
Тропман (Troppmann) Ж.-Б. — 383, 384
Трубецкая (ур. Гудович) А. А., кн. — 419, 445
Трубецкой Н. И., кн. — 445
Трубицын, чернский помещик — 584
Трубников А. Г., сын О. Н. Трубниковой — 347
Трубников А. Н. — 348
Трубников Г. (Юрий) А. — 347, 348, 350 («отцом»)
Трубникова О. Г. — См. Ден О. Г.
Трубникова О. Н. — См. Галахова О. Н.
Трубниковы, внуки О. В. Галаховой, дети О. Н. Галаховой — 340
Трутовский К. А. — 108
Туман, крепостной В. П. Тургеневой — 511, 528
Туманский В. Н. — 39, 44
Туманский Ф. О. — 30
Тур Е. — См. Салиас де Турнемир Е. В.

Тургенев Ал-др И. — 27, 43, 517, 528
Тургенев Андр. И. — 27, 32, 113
Тургенев А. Н. («дядя») — 394, 500, 538, 555, 557, 560—562, 565, 566, 575, 576, 578, 581, 585
Тургенев Д. Н. — 529, 538
Тургенев И. П. — 25
Тургенев М. А. — 561
Тургенев Ник. Алекс., дед И. С. Тургенева — 263 («дед»), 538
Тургенев Ник. Алекс., сын А. Н. и Е. М. Тургеневых — 561
Тургенев Н. И. — 32, 394, 528
Тургенев Н. Н. («дядя») — 36, 43, 398, 430, 500, 505, 509, 511—514, 518, 524, 525, 528—534, 537, 538, 540, 544, 546, 547, 549, 550, 553, 555, 556, 562, 564, 566, 568, 571, 576, 578, 579, 581—583, 585
Тургенев Н. С. («брат») — 23, 132, 339, 368, 384, 500, 505, 509, 510, 517—519, 524—527, 529, 531, 53, 536—539, 542, 544—551, 553—557, 559, 560, 562, 564, 565, 567—569, 571, 572, 574—576, 579—581, 583, 585
Тургенев Петр Никитич — 27, 262—267, 269
Тургенев Петр Николаевич — 265, 538
Тургенев С. Н. («отец») — 26, 32, 37, 39, 42, 132, 501—503, 505, 508, 509, 512, 517—520, 522, 524, 525, 529—532, 534, 535, 537—539, 547, 550—554, 559, 561, 564—570, 572, 574, 584, 585
Тургенев С. С. — 523, 524, 528
Тургенев Я. Ф. — 27, 262
Тургенева (ур. Лутовинова) В. П. («В. П.») — 26, 31, 40—42, 46, 328, 329, 362, 367, 374, 378, 379, 386, 500—585
Тургенева (ур. Похвиснева) Е. М. — 561
Тургенева (в зам. Веневитинова) Е. Н. — 538
Тургенева (в зам. Хрущева) Ел. Н. — 561
Тургенева (ур. Апухтина) Е. П. («бабушка») — 500, 533, 538, 539, 544, 546, 547, 550, 553, 555—557, 559, 560, 563, 565, 566, 571, 575—577, 581, 585
Тургенева (ур. Белокопытова) Е. С. — 398, 521, 524
Тургенева (в зам. Сомова) О. А. — 355, 389
Тургенева (в зам. Брюэр) П. — 54, 370, 408 («дочь»), 433 («дочери»)
Тургенева П. Н. — 538
Тургенева (в зам. Теплова) Феод. Н. — 538
Тургенева Фанни Н. — 374
Тургеневы, В. П. и С. Н. («родители») — 33, 374, 503, 504, 506, 516, 518, 522
Тургеневы, братья Н. С., И. С. и С. С. 39, 41, 42, 44
Тургеневы, дети А. Н. и Е. М. Тургеневых — 557, 560, 561, 563, 565, 566, 571, 575—578, 581, 585
Тургеневы, род — 263, 504, 520, 539, 546, 579
Тургеневы, семья В. П. и С. Н. Тургеневых — 34, 37, 40, 45, 374, 500, 504, 505, 523, 524, 526—530, 534—538, 551, 552, 560, 566, 584, 585
Тургеневы, семья Н. И. и К. Тургеневых — 374
Тучкова (в зам. Огарева) Н. А. — 383
Тынянов Ю. Н. — 12
Тьер (Thiers) Л.-А. — 370
Тэн (Taine) И. — 8, 365, 370
Тэффи (наст. имя Бучинская; ур. Лохвицкая) Н. А. — 12
Тютчев Ф. И. — 28, 193, 356, 357, 445, 514, 528
Тютчева (в зам. Аксакова) А. Ф. — 356, 515
Тютчева Д. Ф. — 515
Тютчева Е. Ф. — 515
Тютчева (ур. гр. Ботмер, в перв. бр. Петерсон) Эл. Ф. — 510, 514, 515, 528, 563, 566
Тютчевы, семья Эл. Ф. и Ф. И. Тютчевых — 528

Уваров С. С., гр. — 42
Уитмен (Whitman) У. — 53
Ульбах (Ulbach) Л. — 216
Уоддингтон (Waddington) П. — 6, 59, 64, 81, 83, 90, 183, 219—223, 231, 232, 235, 366, 529
Урбен (Urbain) Ш. — 508, 520
Успенская А. В. — 182, 196
Успенский Г. И. — 325, 455
Утин Е. И. — 309
Ухмылова Т. К. — 500

Фадеев А. А. — 489
Фаллада (Fallada) Г. (наст. имя Дитцен Р.) — 460
Фаресов А. И. — 318, 319
Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense) К.-А. — 361, 572, 573
Фарнгаген фон Энзе (Varnhagen von Ense; ур. Левин-Маркус) Р. — 573
Федор II Борисович (Годунов), русский царь с 13 (23) апреля по 1 (11) июня 1605 г. — 265
Федоров И. — 15
Федотов П. А. — 351
Федотов-Уайт Д. Н. — 345
Федотова (ур. Позднякова) Г. Н. — 176—178
Феоктистов Е. М. — 144, 151, 158, 243, 286, 333, 334, 573
Фет (Шеншин) А. А. (Fet) — 54, 73, 96, 133, 160—172, 182—208, 242, 261, 311, 339—341, 345, 360—362, 366, 367, 374, 425, 445, 447, 521, 526, 561
Фет (ур. Боткина) М. П. — 164, 186, 341, 362
Фигнер В. Н. — 15
Фидлер Ф. Ф. — 309, 311
Фикит (Fekete) Э. — 226
Филарет (Дроздов В. М.), митрополит — 42, 43
Филиппов Т. И. — 355
Философов Д. В. — 311, 312
Филюшкина О. В. — 562
Фирхов (Virchow) Р. — 365
Фифис (Fifils) А. — 209
Фишер В. М. — 445
Флейшер (Fleisher) М. — 223
Флобер (Flaubert) Г. — 18, 56—58, 78—80, 84, 209—212, 217, 225, 237, 370, 371, 382, 383
Флориан (Florian) Ж.-П.-К. — 26
Фовицкий А. Л. — 345
Фомичев С. А. — 14
Фонвизин Д. И. — 24, 43
Фор (Faure) Ф. — 306, 307
Франс (France) А. (наст. имя Тибо А.-Ф.) — 15, 212, 258
Францев В. А. — 304
Франчески П. Л. — 550
Фредерикс Л. А., барон — 316
Фридлянд В. Г. — 69
Фридрих (Friedrich) I, король Пруссии с 1701 г. — 584
Фридрих Вильгельм (Friedrich Wilhelm) III, король Пруссии с 1797 г. — 584, 585
Фриссон (Frisson) Л.-А.-А. — 75
Фролов Н. Г. — 351, 568, 569, 572—574, 583
Фролова (ур. Галахова) Е. П. — 572, 573
Фроловы, Н. Г. и Е. П. — 568, 572, 573
Фусс Н. И. — 31

Халанский А. И. — 95
Ханыков Н. В. — 338, 339
Харди (Гарди; Hardy) Т. — 227—231, 460
Хардман (Hardman) В. (впосл. сэр Вильям) — 226, 227, 235
Харламов А. А. — 7, 237, 382
Харрис (Harris) Фрэнк (наст. имя Харрис Дж.-Т.) — 226, 235
Хаттон (Hutton) Р.-Х. — 226, 235
Хвостов А. Н. — 546
Хвостов Д. И., гр. — 28, 31, 38
Хеллман (Hellman) Б. — 273, 321
Хемингуэй (Hemingway) Э.-М. — 471
Хемони Ф. — 521
Херасков М. М. — 24, 25, 32, 41—43, 369
Хилкова (в зам. кн. Нелидова) О. Д., княжна — 544
Хин (Гин; в перв. бр. Фельдштейн, во втор. Гольдовская) Р. М. — 316
Хитрово (ур. Кривцова) В. И. — 551
Хитрово В. Н. — 551
Хитрово Н. А. — 551
Хитрово, семья — 548, 551
Хмелевская Е. М. — 396, 449, 503, 515, 546
Хмелевская Н. А. — 449
Ховрина М. Д. — 500
Ходасевич В. Ф. — 11
Холл (Hall) В.-Г. (ранее Баллок) — 220, 223
Холлош А. — 248
Холодковский Н. А. — 416, 443, 445
Холт Г. — См. Голт Г.
Хомяков А. С. — 96, 100, 101, 103, 242, 355

Цвенгауэр — 515
Цветаева М. И. — 11
Цетлин М. О. — 12
Циглер фон Шафгаузен К. К. — 442

Цимбаев Н. И. — 358
Цитович П. П. — 297
Цырлин Л. В. — 369
Цявловская Т. Г. — 16

Чаадаев П. Я. — 374, 389
Чайковская (ур. Ассиер) А. А. — 342 («матери»)
Чайковская (в зам. Мерклинг) А. П. — 342
Чайковская (в зам. Генке) Л. П. — 342
Чайковские, семья — 342
Чайковский И. П. — 342
Чайковский М. И. — 342 («брату»)
Чайковский П. И. — 8, 16, 342, 382
Чайковский П. П. — 342
Чалмаев В. А. — 18
Чаннинг (Channing) В.-Э. — 332
Чанцев А. В. — 309, 327
Чапкин В. Н. — 531, 532, 537
Чапкина Н. В. — 531, 537
Чапкина О. В. — См. Аргамакова О. В.
Чапкины И. В., Н. В., П. В., В. В., А. В., П. В., сыновья В. Н. Чапкина — 537
Чапкины, семья — 537
Чебышев П. Л. — 287
Черемисинов П. И. — 526, 584
Черемисинова Л. И. — 160
Черкасов А. И., барон — 529
Черкасов П. И., барон — 512, 517, 518, 529, 549, 553
Черкасовы, семья — 529
Черкасская (ур. княжна Васильчикова) Е. А., кн. — 357
Черкасские, Е. А. и В. А., кн. — 372
Черкасский В. А., кн. — 355, 447
Черкашина Е. — 343
Чернецовы, братья Г. Г. и Н. Г. — 14
Чернов Н. М. — 41, 275, 328, 329, 366, 367, 503, 506, 515—518, 521, 522, 524—529, 546, 550—552, 560, 562, 566, 578
Чернышевский Н. Г. — 101, 153, 154, 242, 245, 246, 293, 297, 329, 363, 364, 376, 381, 462, 463, 465, 466, 468, 471, 472, 475, 476, 489
Черняев М. Г. — 396
Четвертинские, кн. — 441
Чехов А. П. — 11—14, 452, 454, 487
Чистова И. С. — 53
Чичагова С. Л. — 335
Чичерина (в зам. Фролова), мать А. И. Тетеры — 378
Чиш (Cziesch) Ф. — 89
Чмшкян К. С. — 241
Чорли (Chorley) Г.-Ф. — 225
Чубинский П. П. — 284
Чуковский К. И. — 327
Чулков Г. И. — 12

Шакута А. Д. — 244
Шаламов В. Т. — 11
Шапочка В. В. — 100, 527
Шарпантье (Charpentier) Ж. — 216
Шарпантье (Charpentier) М.-А. — 83, 551
Шарьер (Charrière) Э. — 62, 74, 76, 80, 94, 361
Шаталов С. Е. — 244
Шатобриан (Chateaubriand) Ф.-Р. де — 18, 45, 156
Шаховская (ур. Мусина-Пушкина) С. А., кн. — 515
Шаховской А. А. — 28, 31, 45, 529
Шаховской Д. И., кн. — 388, 389, 394, 395, 450, 451
Шварц (в зам. Тургенева) А. Я. — 525 («женой»), 533, 537, 538
Шевченко Т. Г. — 238
Шевырев С. П. — 144, 242
Шеин М. Ф. — 267
Шейнис Л. В. — 10
Шекспир (Shakespeare) У. — 52, 60, 158, 246, 345, 346, 365
Шелгунов Н. В. — 287, 365
Шеллинг (Schelling) Ф.-В.-Й. фон — 115 («шеллингианской»), 144, 252
Шенинг С. Н. — 350
Шеншин А. Н. — 161, 561
Шеншин Вас. А. — 362
Шеншин Вл. А. — 161, 162
Шеншин Никита Н. — 554, 555, 561
Шеншин Николай Н. — 554, 561
Шеншина (ур. Обрезкова) Е. А. — 554, 561
Шеншина (ур. Мансурова) Е. Д. — 362
Шеншина Л. А. — 561
Шеншина О. В. — См. Галахова О. В.
Шеншины, дети Е. А. и Никиты Н. — 561
Шеншины, семья — 360, 561
Шенье (Chénier) А. — 525
Шепфлин (Schöpflin) И.-Д. — 535

Шербюльез (Шербюлье; Cherbuliez) В. — 216
Шереметев С. Д., гр. — 448
Шестов (наст. имя Шварцман) Л. И. — 11
Шиллер (Schiller) Ф. — 44, 50, 186 («шиллеровскую»), 253, 390, 405, 442
Шишкин М. П. — 523
Шишков А. С. — 31, 43
Шлегель (Schlegel), братья Ф. и А.-В. — 45
Шлезвиг-Гольштейн (Slesvig-Holsten) И., принц — 265 («датский царевич»)
Шмелев Д. Н. — 113
Шмелев И. С. — 12
Шмидт (Schmidt) Ю. — 211
Шнейдерман И. И. — 173, 174
Шолохов М. А. — 489
Шопен (Chopin) Ф. — 122
Шопенгауэр (Schopenhauer) А. — 345
Шпажинский И. В. — 176
Штейнбах (Steinbach) Э. — 534
Шторм (Storm) Т. — 361
Штрайх С. Я. — 289
Шуберт (ур. Куликова, во втор. бр. Яновская) А. И. — 385, 386
Шуберт (Schubert) Ф.-П. — 56, 120
Шубинский С. Н. — 359
Шуйские — 264
Шуйский Василий — См. Василий IV Иоаннович
Шуман (Schumann) Р. — 8
Шумахер П. В. — 339
Шумский (наст. фам. Чесноков) С. В. — 173

Щапов А. П. — 365
Щеголев П. Е. — 344
Щедрин Н. — См. Салтыков М. Е.
Щепкин М. А. — 278
Щепкин М. С. — 174, 385
Щепкина (ур. Алферова) С. Г. — 367, 368, 506, 521, 522
Щербань Н. В. — 53, 55, 74, 77, 84, 231
Щербатов М. М., кн. — 263, 265
Щукин В. Г. — 113

Эвениус, сестры, владелицы пансиона в Москве — 362
Эдельсон Е. Н. — 242
Эзоп — 574
Элиот (Eliot) Джордж (наст. имя Эванс М.-Э.) — 220
Эллис (Ellis) Х. — 229
Эмин Ф. — 28
Эткинд Е. Г. — 50
Этцель (Hetzel) П.-Ж. — 53, 64, 67, 79, 83, 84, 88, 89, 370, 380

Южин (наст. фам. Сумбатов) А. И. — 181
Юрасов И. Ф. — 386
Юрасов П. Ф. — 386
Юрасова Е. Ф. — 386
Юрасовы — 386
Юре (Huret) Ж. — 212
Юрьев И. — 500
Юрьев С. А. — 304, 306
Юсупов Б. Н., кн. — 284

Языков А. С. — 533, 538, 549
Языков М. А. — 23, 522, 529
Языков Н. М. — 44
Якоби П. И. — 343
Ямпольский И. Г. — 381
Ясинский И. И. — 318—320
Яценков Г. М. — 38

Bakker B. H. — 209
Balykova L. — См. Балыкова Л. А.
Berman A. — 67
Blagden I. — 233
Blanc C. — 212
Bonnier C. — 79
Browning R. — См. Браунинг Р.
Brownings, семья — 232

Carlyle A. — 233
Charrière E. — См. Шарьер Э.
Clayton J.-D. — 78
Clifford E. — 230
Collins W. — См. Коллинз У.
Cox R. G. — 229

Delaveau H. — См. Делаво А.-И.
Dornacher K. — 90
Dumas A. — См. Дюма А.-отец

Edel L. — 222
Ellis S. M. — 235
Flaubert G. — См. Флобер Г.
Fredeman W. E. — 222
Friedberg M. — 50

Gettman A. R. — 364
Gilchrist O. — 365
Granjard H. — См. Гранжар А.

Hardy E. — 230
Hare G. E. — 213
Henderson Ph. — 233
Henniker F. — 230
Heyvaert S. — 67
Hudson D. — 225, 226
Hudson R. — 232, 234

James H. — См. Джеймс Г.

Kelley Ph. — 232, 234
Klenin E. — 193
Kopp R. — 210

Lambert J. H., граф-маркиз — 400
Léauté J. — 384
Levin Ju. D. — См. Левин Ю. Д.
Lubin G. — 59

Malibran M. — См. Малибран М.
Mars M-lle — 46
Mattew H. C. G. — 226
McAleer E. C. — 233
McLean H. — 503
Meynieux A. — 84
Millgate M. — См. Милгейт М.
Montreynaud F. — 81, 83, 218
Mourier J. — См. Мурье Ж.
Munby A. J. — См. Манби А.-Дж.
Mustajoki A. — 273

Napoléon I — См. Наполеон I Бонапарт
Nazarova L. N. — См. Назарова Л. Н.

Parménie A. — 79
Parturier M. — 82
Phelps G. — 364
Pinion F. B. — 230
Prowett S. — 365
Purdy R. L. — 228

Ralston W. — См. Рольстон В.
Reed I. — 365
Reimer G. — 401
Ricatte R. — 210
Rimscha H. von — 69
Rogers G. A. F. — 225
Rollinat Ch. — См. Роллина Ш.

Sand Georges — См. Санд Жорж
Schulze Chr. — 69
Seljak A. — 237
Sigaux G. — 80
Stahowitch M. — См. Стахович М. А.
Swinburne A.-Ch. — См. Суинберн

Taube H. von — См. Таубе Е. фон
Thiergen P. — 56
Thierry O. — 82
Trollope A. — 219
Turkevich L.-B. — 54

Urbain Ch. — См. Урбен Ш.

Viardot L. — См. Виардо Л.
Viardot Paul — 370
Viardot Paulina — См. Виардо Полина
Viedert A. — См. Видерт А. Ф.

Waddington P. — См. Уоддингтон П.
Walford E. — 225
Weber C. J. — 229
White R. J. — 230
Wordsworth W. — 226

X. Y. Z. (псевд.), лицо неустановленное — 307

Zviguilsky A. — См. Звигильский А. Я.
Žekulin N. G. — См. Жекулин Н. Г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

СТАТЬИ

Л. Н. Назарова. Очаги русской культуры в Париже 7

Л. А. Балыкова. Периодические издания Мемориальной библиотеки И. С. Тургенева (1754—1825) 20

Н. Жекулин (*Канада*). Тургенев — переводчик: Вопросы теории и практики 48

В. А. Кошелев. Эффект *охотника* в русской словесности середины XIX века 95

О. Б. Кафанова. Поэзия и философия сада в творчестве И. С. Тургенева 112

Л. В. Миндыбаева. Изображение усадебного дома в произведениях И. С. Тургенева 131

С. В. Добряков. Тургенев и Аполлон Григорьев в творческом самоопределении К. Н. Леонтьева 142

Л. И. Черемисинова. Из истории нереализованного замысла книги Фета «Записки судьи»: Фет и Тургенев 160

Е. В. Проц. Театральная осень Ивана Тургенева (Тургенев и М. Г. Савина в 1879 году) 173

А. В. Успенская. Тургенев и Фет: К творческой истории «Отцов и детей» ... 182

В. А. Лукина. Тургенев и Фет в работе над переводами из Гафиза (Несколько добавлений к академическому изданию И. С. Тургенева) 193

А. Фифис (*Франция*). Альфонс Доде — сотрудник петербургской газеты «Новое время» (*Пер. Н. П. Генераловой*) 209

П. Уоддингтон (*Новая Зеландия*). Скромный банкет в Клубе искусств, или Как Вильям Рольстон Шедден-Рольстон дал большой обед для 16-ти литераторов в Лондоне 22 октября 1881 года в честь Ивана Сергеевича Тургенева (*Пер. В. А. Лукиной*) 219

А. Звигильский (*Франция*). Неизвестный Тургенев (По материалам новых приобретений Музея Ивана Тургенева в Буживале) (*Пер. Н. П. Генераловой*) 236

Н. П. Генералова. Еще раз Белинский (О литературно-эстетических взглядах И. С. Тургенева) 241

СООБЩЕНИЯ

Л. В. Миндыбаева. Предок И. С. Тургенева — герой исторического романа П. Н. Полевого 262

Е. М. Варенцова. К.-С. Ахониус — переводчик И. С. Тургенева 270

Ю. И. Зуев. К истокам Спасской усадьбы 275

ПУБЛИКАЦИИ

А. И. Стронин. Из «Дневника». *Подготовка текста и послесловие Н. П. Вишнякова* 279

В. И. Бывалькевич. Иван Сергеевич Тургенев в 1876 году. *Публикация Л. Н. Назаровой и Н. П. Генераловой* 292

Х. Y. Z. Француз-славянофил у памятника Пушкина в Москве: Страничка из истории франко-русских культурных связей. *Публикация Н. П. Генераловой* 303

Н. М. Минский. <Иван Сергеевич Тургенев>. *Публикация С. А. Ипатовой* .. 308

С. Д. Карпов — орловский знакомый Тургенева (Неопубликованное письмо С. Д. Карпова к Тургеневу). *Публикация Е. Г. Мельник* 328

Три письма М. А. Милютиной к И. С. Тургеневу. *Публикация Е. В. Векуа* ... 332

Забытые... «незабвенные образы!» (Два письма из альбома Галаховых). *Публикация Г. Н. Павловой* 340

МАТЕРИАЛЫ К ТУРГЕНЕВСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

«Автобиография» (*Д. М. Климова*), Агин А. А. (*Л. И. Кузьмина, В. А. Громов*), Аксаков И. С. (*В. А. Кошелев*), Бакарев В. А. (*Н. П. Генералова*), Берг Н. В. (*В. А. Громов*), Борисова Н. А. (*Л. М. Маричева*), Видерт А. Ф. (*Л. Н. Назарова*), Галахова О. В. (*Л. М. Маричева*), Гитлиц Е. А. (*И. А. Битюгова*), Голсуорси Дж. (*Т. М. Кривина*), Грин Р. (*Л. В. Миндыбаева*), «Иордан» (*К. А. Седойкина*), Каржа Э. (*Л. А. Балыкова*), Кудряшов П. Т.; Кудряшова Е. М. (*Л. А. Митракова*), «Литературные и житейские воспоминания» (*Л. Н. Назарова*), Майков В. И. (*С. Л. Жидкова*), Мартен Б.-Л.-А.; Матильда, принцесса (*Н. П. Генералова*), Пинто М. (*Л. А. Балыкова*), рец. «Повести, сказки и рассказы Казака Луганского» (*Е. И. Кийко*); Розен Д. Г. (*Н. П. Генералова*), Россет К. О.; Свербеев Д. Н. (*С. Л. Жидкова*), Скабичевский А. М. (*Ю. Г. Еремин*), Тетера А. И.; Тетера Н. Г. (*Г. Н. Павлова*), Толстой А. К.; Топоров А. В. (*Л. Н. Назарова*), Тропман Ж.-Б. (*Л. А. Балыкова*), «Филиппо Стродзи» (*Л. Н. Назарова*), Шуберт А. И. (*Е. В. Проц*), Юрасов И. Ф. (*В. А. Власов*) 351

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТУРГЕНЕВЕДЕНИЯ

И. М. Гревс. Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (Чистая дружба). *Публикация В. А. Лукиной* 387

А. И. Батюто. Из «Дневника» 1949—1952. *Публикация С. А. Батюто* 452

Письма В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу (1838—1844). Часть I. *Публикация С. Л. Жидковой и В. А. Лукиной* 500

Условные сокращения 586

Список иллюстраций 588

Указатель произведений и замыслов И. С. Тургенева 589

Указатель имен 595

И. С. ТУРГЕНЕВ

Новые исследования и материалы. I

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук

Издательство «Альянс-Архео»

Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Редактор *В. Н. Илюшенко*
Корректор *Д. В. Васильева*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Подписано к печати 27.04.09.
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 39. Уч.-изд. л. 40.
Тираж 500 экз. Заказ 3040.

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс: в Москве (499) 165-31-87;
в Санкт-Петербурге (812) 517-77-31
E-mail: aarheo@mail.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Издательско-полиграфическое предприятие
„Искусство России"».
198099, Санкт-Петербург,
ул. Промышленная, д. 38, корп. 2

ISBN 5-98874-036-7

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «АЛЬЯНС-АРХЕО» ГОТОВИТСЯ К ВЫХОДУ:

И. С. Тургенев. Новые исследования и материалы. Выпуск II.

Очередной Тургеневский сборник включает материалы Международной юбилейной научной конференции «И. С. Тургенев и мировая литература», приуроченной к 190-летию со дня рождения писателя (сентябрь 2008 г., Санкт-Петербург).

В сборник вошли исследования отечественных и зарубежных ученых, посвященные малоизученным аспектам биографии и творчества И. С. Тургенева, в частности: реализации петербургского текста, изучению феномена «русского европеизма», а также западноевропейских связей писателя. Наряду с исследованиями компаративистского плана в сборник вошли статьи фундаментального характера, затрагивающие проблемы «Тургенев и античность», «Литературно-эстетические взгляды Тургенева», «Тургенев — переводчик» и др.

Сборник содержит большой раздел публикаций: впервые вводимые в оборот письма Тургенева и к Тургеневу, неизвестные воспоминания о писателе, статья писателя о К. Ю. Давыдове и др. материалы. Раздел «Из семейного архива» продолжает публикацию писем В. П. Тургеневой к сыну, а также предлагает вниманию читателей письма С. Н. Тургенева к сыновьям.

В сборник включены материалы к «Тургеневской энциклопедии», раздел «Из истории отечественного тургеневедения», в котором представлена история первого неосуществленного академического издания Сочинений Тургенева, переписка с зарубежными славистами главного редактора Полного собрания сочинений и писем Тургенева М. П. Алексеева, а также фрагменты «Дневника» известного тургеневеда А. И. Батюто.

Сборник снабжен несколькими указателями и богато иллюстрирован.

А. А. Фет. Т. 5. «Вечерние огни». Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники. 1864—1892.

Пятый том Собрания сочинений и писем А. А. Фета включает четыре изданных при жизни поэта выпуска стихотворений «Вечерние огни» и подготовленный пятый выпуск — вершину философской лирики поэта, а также раздел «Стихотворения и поэмы, не вошедшие в сборники». Сюда вошли также неопубликованные стихотворения, поэмы, переводы, подготовленные по рукописным источникам. Все произведения снабжены подробными текстологическими и реальными комментариями. Издание предназначено для широкого круга читателей, включая учителей русской словесности, студентов, аспирантов и школьников.